Г. Хальгартен

ИМПЕРИАЛИЗМ
ДО 1914 ГОДА

Георг Хальгартен

ИМПЕРИАЛИЗМ ДО 1914 ГОДА

George W. F. Hallgarten

IMPERIALISMUS VOR 1914

SOZIOLOGISCHE DARSTELLUNG DER DEUTSCHEN AUSSENPOLITIK BIS ZUM ERSTEN WELTKRIEG

C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung
München 1951

Георг Хальгартен

ИМПЕРИАЛИЗМ до 1914 года

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕРМАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Перевод с немецкого
А. Галкина, Е. Гнедина, О. Накропина,
М. Соколова и И. Шрайбера

Под редакцией
и с вступительной статьей
доктора исторических наук
А. С. ЕРУСАЛИМСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1961

Георг Хальгартен и его исследование внешней политики германского империализма

(Вступительная статья)

Вот уже более шестидесяти лет, точнее, с тех пор как Соединенные Штаты Америки в 1898 году развязали войну против Испании в целях закабаления Кубы, захвата Филиппин и создания благоприятных условий для проникновения в Китай, в истории капитализма сложились новые явления. Эта война и последовавшие за ней англо-бурская и русско-японская войны знаменовали собой вступление старого, домонополистического капитализма в высшую стадию — империализм, несущую с собою усиление реакции и агрессии, милитаризма и колониализма в различных формах их проявления. Породив в первой половине XX века, на протяжении жизни одного поколения, две войны мирового масштаба, империализм показал, что его существование таит в себе постоянную угрозу смерти, нависшую над человечеством. В развязывании обеих мировых войн решающую роль сыграл германский империализм, который, ничему не научившись и ничего не забыв, ныне стремится стать факельщиком мировой войны в третий раз. Вот почему — хотя мировая система социализма, сложившаяся после второй мировой войны, впервые в истории создала объективную возможность предотвращения новой мировой войны — проблема империализма, в частности германского, остается одной из наиболее актуальных проблем современности. Все, что помогает уяснению вопроса о движущих силах империалистской агрессии — не только в настоящем, но и в прошлом, — не может не привлечь к себе внимания. С этой точки зрения в современной западной литературе по истории империализма большое исследование Георга Хальгартена «Империализм до 1914 года» занимает особое место.

Мы хотим предупредить читателя: книга Хальгартена — не легкое чтение, однако каждый, кто одолеет ее до конца, надо полагать, почувствует себя обогащенным. Трудность освоения этой книги определяется не только тем, что она насыщена большим фактическим материалом, не только некоторой сложностью и громоздкостью фраз, порою даже изощренностью литературного изложения (это далеко не всегда поддавалось устранению и в переводе), но и тем, что автор пользуется в ней, с нашей точки зрения, непривычными, а во многих случаях неправильными понятиями и категориями, которые, порой затемняя смысл, вытекают, однако, из основных теоретических воззрений автора и его методологических позиций. К тому же содержание книги требует от читателя некоторой предварительной осведомленности в области политической и дипломатической истории Европы, в особенности истории Германии нового времени[1]. И все же мы рекомендуем исследование Хальгартена советскому читателю: оно будит мысль и расширяет наши знания относительно движущих сил германской империалистической экспансии — и не только германской.

---

[1] См. Е. В. Тарле, Европа в эпоху империализма, Соч., т. V, М., 1958; В. М. Хвостов, История дипломатии, т. II, М.—Л., 1945; Ф. А. Ротштейн, Международные отношения в конце XIX века, М.—Л., 1960; А. Дж. П. Тэйлор, Борьба за господство в Европе. Перевод с английского под редакцией М. Н. Машкина, М., 1958.

Книга Г. Хальгартена «Империализм до 1914 года» примечательна во многих отношениях. Прежде всего, как и ее автор, она имеет трудную судьбу. Начав работать над своим исследованием в середине двадцатых годов, Хальгартен, в то время молодой немецкий ученый американского происхождения, на первых порах имел другую, более узкую тему — «Партии и внешняя политика». В ходе напряженной работы он изучил огромную литературу вопроса и многотомные публикации дипломатических документов, издававшиеся тогда в Советском Союзе, Германии, Англии, Австрии и Франции. Поскольку германская публикация дипломатических документов «Die grosse Politik der Europäischen Kabinette» не включает в себя материалов, которые могли бы осветить экономическую подоплеку внешней политики германского империализма, автор погрузился в изучение неопубликованных документов германского ведомства иностранных дел. Здесь Хальгартену пришлось столкнуться с немалыми трудностями: стремясь скрыть корни, методы и цели германской империалистической экспансии, министерство иностранных дел веймарской Германии закрыло исследователям допуск к архивным материалам даже тридцатилетней давности, в частности к особенно интересовавшим Хальгартена материалам о германской политике в Турции. Получив возможность изучить лишь небольшую часть этих материалов, Хальгартен тем более интенсивно начал разрабатывать архив города Гамбурга. Разумеется, документы, хранящиеся в этом архиве, по своему характеру и кругу освещаемых вопросов далеко не тождественны материалам архива дипломатического ведомства, однако они представляют для исследователя особый интерес, ибо освещают роль буржуазии одного из крупнейших центров в развертывании экспансии германского капитала: гамбургские негоцианты и судовладельцы были, с одной стороны, непосредственно заинтересованы в росте германского торгового флота и в колониальной политике, а с другой — имели тесные связи с влиятельными кругами финансового капитала Англии и Соединенных Штатов Америки. Далее Хальгартен обратился к изучению неопубликованных документов военно-морского ведомства. Эти документы позволили ему ответить на важный вопрос: в какой степени магнаты германской тяжелой промышленности были связаны с правительственными кругами и оказывали влияние на планы строительства военно-морского флота как нового орудия «мировой политики» германского империализма. Наконец, в целях уяснения позиции политических партий господствующих классов — юнкерства и буржуазии — автор погрузился в изучение не только главных органов прессы различной партийной принадлежности, но и архива крупного издательского концерна «Ульштейн». Много нового и интересного Хальгартен почерпнул также в архиве газеты «Кёльнише цейтунг», близко стоявшей к правительственным кругам и к кругам рейнских промышленных магнатов, и в архиве «Франкфуртер цейтунг» — весьма влиятельного органа финансовой и торговой буржуазии, особенно хорошо осведомленного в вопросах экономической политики и экспансии.

В ходе исследования Хальгартен пришел к выводу, что научно разработать поставленную им тему «Партии и внешняя политика», то есть дать научный анализ подлинных мотивов борьбы политических партий по вопросам внешней политики, можно только при условии глубокого «социологического» проникновения в природу империализма вообще и германского — в данном случае.

Стремление решить эти проблемы и определило поиски новых материалов, выходящих за пределы дипломатической истории и относящихся в первую очередь к области экономических интересов господствующих классов и отдельных их групп. Так ранее намеченная тема сменилась новой, более широкой — «Империализм до 1914 года». Сама жизнь побуждала к размышлениям о характере и роли империализма, в частности германского, в период, предшествующий первой мировой войне. В те годы, когда Хальгартен социо-

логически разрабатывал эту историческую проблему, германский империализм и его неизбежный спутник — милитаризм, потерпевшие поражение в 1918 году, сделали большой скачок на путях к своему возрождению. С другой стороны, традиционные политические партии германской буржуазии и юнкерства, борьба которых по вопросам внешней политики являлась, по первоначальному замыслу Хальгартена, главным объектом исследования, вступили к этому времени в полосу глубокого кризиса. В 1933 году, когда наиболее реакционные и агрессивные круги германского империализма утвердили в стране свое безраздельное господство в форме гитлеровской диктатуры, эти партии были распущены или дали себя унифицировать. Таким образом, в тот момент, когда Хальгартен в итоге семилетней работы в основном завершил свое исследование о движущих силах экспансионистской внешней политики германского империализма, стремясь раскрыть их роль в возникновении первой мировой войны, выяснилось, что империалистическая Германия, выступая в новой политической форме «национал-социализма», сделала решающий рывок в сторону подготовки второй мировой войны.

В этих условиях труд Хальгартена не только не отвечал, но, наоборот, противоречил основным целям «Третьей империи». Осуществляя эти цели, руководители и идеологи немецкого фашистского империализма, несмотря на свои демагогические выпады против «плутократии», вели беспощадную борьбу против всех демократических сил немецкого народа. Преследованиям подвергались и те честные буржуазные ученые, которые, стремясь сохранить свои научные убеждения, не считали возможным включиться в ряды адептов Геббельса и Розенберга. Хальгартен был вынужден покинуть Германию и поселиться во Франции. Здесь левые, прогрессивные круги немецкой эмиграции помогли Хальгартену в 1935 году издать сокращенный, популярный вариант его труда под названием «Предвоенный империализм»[1].

В предисловии к этой книге Хальгартен отметил, что он был вынужден опубликовать сокращенный вариант своего труда потому, что издать его полностью оказалось невозможным по мотивам политического характера. Он считал, что нет необходимости заново перерабатывать материал книги, ибо со времени завершения работы над рукописью в мировой научной литературе, за исключением публикаций, изданных в Советском Союзе, не появилось новых материалов, которые могли углубить решение его основной задачи — исследовать «экономические и социальные условия, лежавшие в основе внешней политики предвоенного времени и приведшие к мировой войне». Опубликованные к тому времени новые материалы могли быть использованы только для характеристики «политической стратегии и тактики действовавших личностей». Хальгартен утверждал, что он вовсе не стремится игнорировать роль политических интересов определенных социальных сил и тех деятелей, которые эти интересы выражали или защищали. Функциональную роль политического деятеля он сравнивал с ролью адвоката, который только защищает интересы тех, кто ему поручает ведение своих дел. Вот почему Хальгартен призывал не поддаваться словам «адвокатов» — это может увлечь исследователя на путь самообмана,— а лучше и глубже рассмотреть деятельность и интересы их «клиентов, находящихся на скамье подсудимых». Здесь впервые у немецкого ученого-эмигранта прозвучали слова, открыто осуждающие империализм как подлинного виновника мировой войны.

Вышедшая во Франции книга Хальгартена вскоре привлекла к себе известное внимание, хотя и по разным мотивам, представителей не только французской исторической науки, но и американской. Французский историк

[1] Wolfgang Hallgarten, Vorkriegsimperialismus. Die soziologischen Grundlagen der Außenpolitik Europäischer Mächte bis 1914, Paris 1935.

П. Ренувен высоко оценил материалы, положенные в основу книги, и отметил новое освещение ряда конкретных вопросов истории международных отношений в период, предшествующий возникновению первой мировой войны. В специальных американских журналах появились рецензии, отметившие метод Хальгартена — социологический подход к изучению истории. Тем не менее основной вариант большого исследования Хальгартена оставался в рукописи. В атмосфере, когда среди правящих кругов Франции нарастало стремление к сговору с гитлеровской Германией, ни одно крупное издательство не проявило заинтересованности издать труд немецкого ученого, труд, задачей которого являлось стремление раскрыть социологические основы внешней политики империализма, в особенности германского. Затем, после мюнхенского сговора западных держав с гитлеровской Германией в 1938 году, этот труд, посвященный столь острой и актуальной теме, уже не мог быть издан ни в какой стране западной «демократии».

Дальнейший ход событий показал, что, вступив на путь развязывания новой мировой войны, германский империализм, как и в 1914 году, устремился не только на Восток, но и на Запад. В 1940 году германская армия вторглась во Францию, и автор неизданного труда о движущих силах экспансии германского империализма был вынужден уехать за океан — в Соединенные Штаты Америки. Это, однако, не внесло изменений в трудную судьбу его книги. Несмотря на все попытки Хальгартена издать свое исследование, ни фонд Карнеги, ни какое-либо другое учреждение или издательство даже в период войны против гитлеровской Германии не оказало ему поддержки, и единственное, чего добился автор,— это микрофильмирования рукописи некоторыми университетскими библиотеками США и обеспечения своих авторских прав.

Только спустя несколько лет после разгрома гитлеровской Германии у Хальгартена впервые открылась возможность издать свой труд, однако не в США. Находясь в Соединенных Штатах, Хальгартен оставался в той атмосфере идей, в которой он сложился как ученый и исследователь,— в атмосфере идей немецкой буржуазной историографии и социологии. В 1949 году Хальгартен получил приглашение прочесть курс лекций в Мюнхенском университете. Здесь, внеся в свое исследование некоторые дополнения на основании новых публикаций (преимущественно «Documents diplomatiques français»), он начал готовить его к изданию в двух томах под общим заглавием «Империализм до 1914 года». В первые послевоенные годы, когда в результате краха идеологии германского империализма начались поиски путей к «переоценке ценностей», появление книги Хальгартена в Западной Германии было еще возможно. Так, спустя почти двадцать лет после того как Хальгартен завершил в Мюнхене свое исследование, он смог его там издать,— и то лишь благодаря тому, что финансировал издание из собственных средств. Поистине, книги имеют свою судьбу...

Предпринимая издание русского перевода труда Хальгартена, мы сочли возможным исключить главу «Предварительные методологические замечания», а также очерки, касающиеся Англии и Франции доимпериалистического периода. Первый очерк представляет собой лишь «контур» основ внешней политики Англии со времен Стюартов и Кромвеля; второй — столь же краткий «контур» французской внешней политики со времен «короля-солнца» Людовика XIV. Сам автор считает, что эти главы являются «скорее вспомогательным средством, чем самоцелью». По той же причине в русское издание не вошла глава «Образование [немецкой — *А. Е.*] нации и внешняя политика». Эту главу автор расценивает лишь как «вводный набросок к основной части книги». Далее в русское издание не вошла последняя глава — «Люди, силы, идеи» (в ней всего 10 страниц), поскольку, как при-

знает и сам автор, она «представляет собой фрагментарный очерк»; при этом по своему характеру эта глава связана не столько с основным содержанием книги, сколько с главой «Предварительные методологические замечания». Главной, наиболее важной и самостоятельной частью труда «Империализм до 1914 года» является «Социологическое исследование германской внешней политики до первой мировой войны», и эта часть представлена в русском переводе полностью. Мы воспроизводим в русском переводе написанное Хальгартеном «Предисловие 1933 года» — оно вводит читателя в круг идей и задач, положенных автором в основу своего исследования[1]. В приложении к своему труду автор напечатал некоторые архивные документы. К сожалению, они носят разрозненный характер и освещают только детали отдельных вопросов. Поэтому их можно было не воспроизводить в русском переводе, тем более что некоторые из них использованы в советской исторической литературе. Мы сочли необходимым воспроизвести составленную автором библиографию вопроса, хотя она имеет далеко не исчерпывающий характер: как сообщает Хальгартен в своем предисловии, тщательно подготовленная им библиография погибла в результате обыска, которому гестапо подвергло личного секретаря автора. В частности, тогда погибла библиография советских работ. Чтобы восполнить этот пробел, мы прилагаем к русскому изданию книги Хальгартена библиографию основных непосредственно примыкающих к теме работ, вышедших в Советском Союзе в период 1917—1960 годов. Кроме того, к русскому переводу этой книги приложена библиография работ, вышедших за рубежом после издания труда Хальгартена, то есть в последние десять лет.

* * *

Книги, как и вещи, познаются в сравнении, и для того, чтобы правильно оценить значение труда Хальгартена, следует прежде всего уяснить себе, какое место этот труд занимает в немецкой историографии и социологии новейшего времени. Историческая литература, посвященная вопросам внешней политики Германии в период от образования империи до начала первой мировой войны, поистине необъятна: один только каталог работ о Бисмарке, имеющийся в Немецкой государственной библиотеке в Берлине, составляет четыре увесистых фолианта; каталог же работ о политике Германии последующего периода еще более обширен. Многие из этих работ освещают лишь отдельные вопросы или те или иные исторические эпизоды, иногда второстепенного значения. Но имеется немало работ и обобщающего характера, а также больших трудов, посвященных рассмотрению более широких вопросов или определенных этапов истории кайзеровской Германии. Даже в том случае, когда эти работы различны по теме и кругу использованных в них источников, они, как правило, находятся в общем русле развития немецкой буржуазной историографии. В целом эта историография глубоко реакционна как по своим идейным истокам, так и по содержанию и политическим целям.

Общая концепция немецкой буржуазной историографии не возникла самопроизвольно и не родилась, подобно Афродите, из пены морской. Не воз-

[1] В опущенном «Предисловии 1950 года» автор указывает, что принципиальное решение издать книгу в ее первоначальной редакции не позволило ему изменить формулировку отдельных мест. «Оставался лишь один выход: в дополнительных примечаниях 1950 года без всяких стеснений отметить все те места, в отношении которых либо изменились взгляды автора, либо были получены новые научные данные. Для большей ясности новые примечания помечены звездочкой (*). Разумеется, по своему характеру эти примечания ни в коей мере не претендуют на полноту. Они, по мысли автора, должны служить дополнительным комментарием к наиболее существенным местам текста и одновременно стимулировать обращение читателя в интересах лучшего понимания этого труда и излагаемого в нем фактического материала к источникам, появившимся после написания книги».

никла она и из того потока больших публикаций документов, который стал таким широким после первой мировой войны. Наоборот, сами эти публикации издавались в интересах подтверждения и оправдания исторической концепции, которая отвечала сложившимся интересам или идеологическим задачам господствующих классов Германии веймарских времен. После того как западные державы, продиктовав Германии Версальский договор, возложили на нее одностороннюю ответственность за возникновение первой мировой войны, немецкая буржуазная историография с большим единодушием ринулась на поиски новых фактов и документов, которые могли бы быть использованы в целях определенной политической интерпретации исторических событий, приведших к войне. Выдвинув на первый план «вопрос об ответственности за войну» («die Kriegsschuldfrage»)[1], немецкая буржуазная историография стремилась не столько раскрыть причины военной схватки мирового масштаба, сколько исторически оправдать внешнеполитический курс или дипломатические зигзаги германского империализма в ходе подготовки реванша и новой мировой войны.

Вместе с тем в немецкой реакционной историографии уже давно сформировалось течение, которое подвергало германскую политику резким нападкам, считая, что эта политика, в особенности «мировая политика», была недостаточно активной и агрессивной. Еще в 1918 году, когда германский империализм уже стоял на грани военного поражения, а верховное командование в лице генерала Людендорфа было вынуждено признать, что настал «черный день» германской армии, граф Ревентлов, автор известного труда по истории внешней политики Германии, утверждал, что война была порождена военной слабостью Германии, правительство которой уже начиная с конца XIX века не смогло обеспечить осуществления назревших и жизненно необходимых задач «мировой политики». «В этом неверном соотношении между средствами и целью,—писал Ревентлов,— заключается, по крайней мере частично, трагическая сторона различных неудач германской политики на протяжении последующего десятилетия»[2]. После военного поражения и капитуляции Германии, когда немецкая буржуазная историография в процессе осмысления прошедших и грядущих судеб Германии была вынуждена приступить к «переоценке ценностей», она явно направила свои усилия на то, чтобы реабилитировать германский империализм и милитаризм и тем самым идеологически подготовить его возрождение. Именно тогда в реакционной историографии и публицистике сформировалось течение, усматривавшее свою главную задачу в том, чтобы доказать, что если Германия была вынуждена подписать акт о капитуляции, то вовсе не в результате поражения ее армии, а в результате революционных событий в тылу, которые «всадили нож в спину» германской армии. Так была воссоздана легенда о непобедимости германской армии, легенда, которая впоследствии была широко использована Гитлером, а ныне снова возрождается в Западной Германии.

Став на путь апологии милитаризма, немецкая реакционная историография встала и на путь апологии империализма. Вскоре после поражения германского империализма Ф. Гартунг в своей книге «Немецкая история

---

[1] «Die Kriegsschuldfrage» — так назывался даже специальный журнал, издававшийся Вегерером и получавший субсидии от германского правительства. По материалам этого журнала можно проследить идеологию нараставшего в Германии реваншизма. В этом смысле журнал только выражал в концентрированном виде и в более откровенной форме общее политическое направление реакционной историографии по вопросам внешней политики и дипломатии Германии кайзеровских времен. Подробнее см. А. Е р у с а л и м с к и й, Вопрос об ответственности за войну («Историк-марксист», 1932, № 1—2); Ф. В. Н о т о в и ч, Фашистская историография о виновниках мировой войны. Сб. статей «Против фашистской фальсификации истории». Под ред. Ф. В. Нотовича, М.—Л., 1939, стр. 280—409.

[2] Graf E. z u R e v e n t l o w, Deutschlands auswärtige Politik 1888—1914, Berlin 1918, S. 100.

1871—1919 гг.»[1] утверждал, что империализм — это жизненная потребность «всех здоровых народов», а расширение их господства над другими народами является тем более благотворным фактом, что завоевания, осуществленные путем милитаризма, идут рука об руку с торгово-политическим и духовным завоеваниями.

Но если политику германского империализма немецкая реакционная историография рассматривала с точки зрения задач экономической и территориальной экспансии и приобретения «жизненного пространства», то рост германского милитаризма она оправдывала географическим положением Германии в Европе. Она утверждала, что «срединное» положение Германии, стиснутой другими державами с востока и запада, порождало необходимость постоянного роста германских вооружений, а вместе с тем неизбежно влекло за собой перспективу войны на два фронта — опасность, которую германская дипломатия не смогла предотвратить. Этот традиционный тезис был выдвинут еще в годы первой мировой войны[2], и Г. Онкен, один из корифеев немецкой историографии, с тех пор не раз пытался его обосновать.

В 1933 году, то есть в тот год, когда Хальгартен завершил свой труд «Империализм до 1914 года», Онкен опубликовал новую большую двухтомную работу[3], в которой подвел итоги развития буржуазной историографии послевоенного периода. Снова вернувшись, на более расширенной основе, к идее об определяющем значении «срединного» положения Германии как фактора, оправдывающего рост милитаризма в этой стране, Онкен особое внимание уделил вопросу о необходимости осуществления «мировой политики» и апологии строительства крупного военно-морского флота как орудия этой политики. Отражая общие идеи немецкой буржуазной историографии, Онкен стремился доказать, что эта политика определялась объективными, глубоко оправданными и исторически обоснованными, самодовлеющими интересами германского государства, имманентно выражающего общую национальную идею немецкого народа в целом. Отсюда остался всего лишь один шаг до фашистской теории «народной общности», которой идеологи гитлеровской диктатуры прикрывали установившееся безраздельное господство монополистов и милитаристов и оправдывали кровавые репрессии против передового, наиболее сознательного отряда немецкого рабочего класса и против всех демократических сил немецкого народа.

Фашизм окончательно ликвидировал самую возможность критического мышления и научного анализа крупных исторических проблем и событий, и в немецкой историографии почти безраздельно воцарилось националистическое бахвальство и апология «геополитики» захватов и войн[4]. Так немецкая реакционная историография, вставшая на путь апологии германского империализма и милитаризма и уже давно вступившая в полосу глубокого кризиса, в конце концов зашла в тупик. Одним из примеров тому может служить развернувшаяся дискуссия по проблеме военных союзов и внешнеполитической ориентации Германии в период, предшествовавший первой мировой войне.

Эта проблема была выдвинута стремлением подменить вопрос об ответственности германского империализма за *возникновение* мировой войны 1914—1918 годов вопросом о том, кто несет ответственность за его *поражение*

---

[1] См. F. Hartung, Deutsche Geschichte vom Frankfurter Frieden bis zum Vertrag von Versailles (1871—1919), Bonn—Leipzig 1920.

[2] См. H. Oncken, Das alte und das neue Mitteleuropa. Historisch-politische Betrachtungen über deutsche Bündnisspolitik im Zeitalter Bismarcks und im Zeitalter des Weltkrieges, Gotha 1917.

[3] См. H. Oncken, Das Deutsche Reich und die Vorgeschichte des Weltkrieges, B. I—II, Leipzig 1933.

[4] См. Е. В. Тарле, «Восточное пространство» и фашистская геополитика. Соч., т. XI, М., 1961, стр. 785—806.

в этой войне. В атмосфере, когда в немецкой историографии с новой силой утверждался культ милитаризма, поиски ответственности за его поражение были перенесены в область дипломатической истории: речь шла о том, почему кайзеровская дипломатия не смогла предотвратить создание военной коалиции Англии, Франции и России против Германии и поставила страну перед необходимостью вести войну на два фронта. Словом, в центре дискуссии стоял вопрос, не совершила ли германская дипломатия каких-либо важных и решающих ошибок, предотвращение которых в конце концов обеспечило бы Германии благоприятную международную обстановку для войны и достижения победы. Такой по сути дела глубоко субъективистский подход открывал весьма широкий простор утверждению откровенного волюнтаризма и простой перетасовке исторических фактов в интересах определенных тезисов чисто политического свойства.

Сначала критика была направлена против бисмарковского творения — союза с Австро-Венгрией. Был ли этот союз выгоден для Германии, поскольку он в конце концов оборвал традиционные связи последней с царской Россией и тем самым способствовал созданию франко-русского союза? И далее, не был ли союз с Австро-Венгрией — лоскутной, многонациональной, распадающейся габсбургской империей — жерновом на шее Германии, которая, проявив в критический момент якобы присущую ей «верность Нибелунгов», была вынуждена начать войну, приведшую к поражению империи не только Габсбургов, но и Гогенцоллернов? И, наконец, не должна ли была Германия ради обеспечения своих широких экспансионистских интересов в области «мировой политики» своевременно пересмотреть свою систему союзов, пойдя на сближение с Англией против России или на сближение с Россией против Англии? И вот в течение ряда лет многие представители немецкой буржуазной историографии стремились доказать, что начиная с конца XIX в. и даже со времен Бисмарка Германия имела возможность заключить военно-политический союз с Англией[1], — союз, существование которого в корне изменило бы всю международную ситуацию в Европе и во всем мире, и притом в благоприятную для Германии сторону. Ясно, что такая постановка вопроса означала не только полное игнорирование исторических фактов, но и — что тесно связано с этим — полное отрицание исторической закономерности развития объективно сложившихся в конце XIX — начале XX века глубоких и нараставших англо-германских империалистических антагонизмов. И если в то же время в немецкой историографии оформилось и другое течение, решительно выступившее *против* легенды «об упущенной дружбе с Англией»[2], то вовсе не потому, что к этому ее побуждало изучение объективно существовавших экономических, политических и колониальных противоречий между английским и германским империализмом. Оба течения в области историографии отражали борьбу вокруг вопроса о внешнеполитической ориентации германского империализма после его поражения в 1918 году — на путях к второй мировой войне. Полностью отрывая внешнюю политику от внутренней и тем самым как бы подтверждая свой старый, установившийся еще в XIX веке теоретический догмат о примате внешней политики над внутренней, реакционная историография ринулась в область дипломатии. Но теперь, в условиях общего кризиса буржуазной историо-

---

[1] См. H. Eckardstein, Lebenserinnerungen und politische Denkwürdigkeiten, B. I—III, Leipzig 1919—1921; J. Haller, Die Ära Bülow. Eine historische Studie, Gotha—Stuttgart—Berlin 1922; W. Becker, Fürst Bülow und England 1897—1909, Greifswald 1929; E. Brandenburg, Von Bismarck zum Weltkrieg, Berlin 1925; F. Meinecke, Geschichte des deutsch-englischen Bündnisproblems 1890—1901, München—Berlin 1927.

[2] См. G. Ritter, Die Legende von der verschmähten englischen Freundschaft 1898—1901, Freiburg 1929; H. Huene, Untersuchungen des deutsch-englischen Bündnisproblems 1898—1901, Breslau 1934; H. Zühlke, Die Rolle des Fernen Osten in den politischen Beziehungen der Mächte 1895—1905, Berlin 1929.

графии, этот догмат был доведен до абсурда. В самом деле, расценивая одни шаги германской дипломатии как роковые ошибки, а другие — как великую удачу и во всех случаях считая, что эти шаги направляли и даже определяли дальнейший ход исторических событий, официальная историография неизбежно стала рассматривать отдельные фигуры германского дипломатического Олимпа как демиургов мировой истории. Наиболее крайнее и в то же время наиболее типическое выражение это нашло в работе Е. Фишера «Великое „нет" Гольштейна»[1]. Автор этой книги, которая в свое время привлекла к себе широкое внимание, пытался доказать, что на рубеже XIX и XX веков для Германии трижды открывалась возможность заключить союз с Англией и трижды она не была реализована из-за решительного «нет», заявленного Гольштейном — «серым преосвященством» германской дипломатии тех времен. Отсюда следовал вывод, что если бы Гольштейн занял иную позицию, решительно поддержав идею союза с Англией, то мировая история, во всяком случае история Германии, пошла бы по другому пути.

Так, плывя в ладье субъективизма и идеализма, подчиняясь голым интересам борьбы течений вокруг вопроса о внешнеполитической ориентации германского империализма на путях к его возрождению и войне, немецкая реакционная историография достигла своих геркулесовых столбов. Ограничив свою деятельность только сферой политической истории, окончательно оторвав рассмотрение вопросов внешней политики Германии от вопросов ее внутренней политики, а по сути дела выдвинув на первый и определяющий план дипломатическую историю, она, как иронически заметил Хальгартен, строила свои исследования «по схеме: Каприви хотел — Эккардштейн думал — Бисмарк сказал — Гогенлоэ говорил — Гатцфельд сообщал». Эта «схема» исследования, независимо от манеры изложения, свидетельствовала, разумеется, о том, что официальная немецкая историография вступила в глубокий кризис еще до того, как была почти полностью поглощена антинаучными «концепциями» фашизма и низведена до роли служанки ведомств Геббельса и Розенберга.

Нужно воздать должное Хальгартену: еще будучи молодым ученым и пройдя школу виднейших представителей буржуазной историографии и социологии тех времен, он начал задумываться над причинами этого кризиса и стал искать выход из него. В этом отношении Хальгартен не одинок. Среди небольшой группы молодых ученых, стремившихся преодолеть этот кризис и ставших на путь поисков новых методологических позиций, наиболее видным был Эккарт Кер, монография которого «Строительство военно-морского флота и политика партий 1894—1901 гг.»[2] являлась первым в немецкой историографии, говоря словами самого автора, «опытом анализа внутриполитических, социальных и идеологических предпосылок германского империализма». Несмотря на хронологическую ограниченность темы, а может быть именно поэтому, Кер сумел дать скрупулезный анализ событий, относящихся к раннему этапу истории германского империализма, и сделать выводы, имеющие общее, методологическое значение.

Решительно отбросив старую теоретическую догму немецкой буржуазной историографии и социологии о примате внешней политики над внутренней[3], Кер на огромном и весьма разностороннем материале сумел убедительно показать обратное, а именно: что все сомнения «политических историков» относительно определяющей роли «социальных и экономических сил» в вопросах «государственной внешней политики» не имеют под собой никаких

[1] См. E. F i s c h e r, Holsteins Grosses Nein. Die deutsch-englischen Bündnisverhandlungen von 1898—1901, Berlin 1925.

[2] E c k a r t K e h r, Schlachtflottenbau und Parteipolitik 1894—1901, Berlin 1930.

[3] «В истории доминирует внешняя политика государств, а в политической теории ничего этого не замечают» (O t t o H i n z e, Staatenbildung und Verfassungsentwicklung, «Preussische Jahrbücher» 1902, Bd. 88, S. 2).

реальных оснований и что «германская внешняя политика около 1900 года определялась приматом внутренней политики, в особенности «политики сплочения» господствующих классов — юнкерства и буржуазии[1]. Тщательный анализ социальных и идеологических основ германского империализма привел его к выводу, «что правительство Германской империи на рубеже XIX и XX веков не проводило больше внешнюю политику в интересах немецкой нации, а только в интересах одного класса и что оно больше не являлось правительством национального государства, а только классового государства, которое пыталось спрятаться за установившимся формами национального государства». Нетрудно заметить, что, придя к этому общему выводу в отношении германского государства в период сформировавшегося империализма, Кер тем самым косвенно признает, что немецкое государство доимпериалистического периода (то есть, например, в период господства Бисмарка) не являлось классовым. С другой стороны, Кер не раскрыл экономических основ империализма и обнаружил, как далек он от подлинно научного понимания империализма[2]. В целом это означает, что, предприняв серьезную попытку порвать с методологией и традицией немецкой буржуазной историографии и сделав в этом значительный шаг вперед, Кер остановился на полпути. Во всяком случае, при всех своих крупных научных достижениях и, нужно признать, научной смелости он не мог перейти тот рубеж, который отделяет буржуазную идеологию и методологию от подлинной науки[3].

Такова же была и научная судьба Хальгартена, который, опубликовав труд «Империализм до 1914 года», посвятил его памяти своего друга Эккарта Кера. Как и Кер, Хальгартен пришел к выводу, что традиционное представление немецкой историографии о примате в истории Германии внешней политики над внутренней, о том, что первая определяет вторую, не выдерживает научной критики и не подтверждается ни фактическими материалами, ни живым процессом исторического развития. Это представление Хальгартен называет «теорией, оторванной от жизни». Он считает, что изучение только политической истории, как бы оно ни было важно само по себе, не раскрывает ее подлинных, глубоких движущих сил, рассмотрение которых тем более необходимо, что только они дают возможность уяснить механизм империалистической политики и тем самым вскрыть корни таких крупных явлений, как империалистические войны мирового масштаба. Хальгартен открыто заявил, что свое исследование «Империализм до 1914 года» он предпринял «в противовес господствующей историографии, которая по внутренним и внешним причинам во все большей степени ограничивает себя исследованием чисто политических связей». Критикуя таких столпов буржуазной историографии, как Э. Бранденбург и Ф. Мейнеке, за то, что они отказались «от изложения скрытых связей», Хальгартен замечает: «Политика не физическое движение безжизненных схем в безвоздушном пространстве». Это в еще большей степени относится к дипломатии, которую немецкая буржуазная историография, как мы уже отмечали, возвела на уровень самостоятельного фактора, в известной мере даже определяющего исторические судьбы Германии. При таком положении вещей, отмечает Хальгартен, «современная историография [имеется в виду немецкая буржуазная историография.—*А. Е.*], обнаруживая беспомощность перед окружающей ее непрерывно растущей массой печатных и письменных документов», изучает лишь «политическое мышление» государственных деятелей. Между тем, считает Хальгартен, «анализ международных событий как исследование дипломатических усилий... с применением в соответствии с обстоятельствами

[1] См. K e h r, op. cit., S. 448.
[2] См. рецензию В. М. Хвостова на книгу Кера («Историк-марксист», 1932, № 1—2).
[3] Кер умер в 1935 году, совсем молодым (в возрасте 31 года).

всех политических и стратегических средств... должен постоянно подкрепляться анализом социологических интересов, которые приходилось защищать отдельным государственным деятелям и от которых эти деятели зависели». В качестве примера Хальгартен приводит историю русско-германских отношений 70-х—80-х годов XIX века, то есть в начальный период перехода к империализму. Если, отмечает он, рассматривать только политическую историю этих отношений, изолировав ее от глубоких подспудных процессов, определявших или сопровождавших переход к империализму, в частности от таких фактов первостепенной важности, как мировой экономический кризис, его влияние на сельское хозяйство, на внешнюю торговлю и общее развитие международных отношений, то «возникнет и искаженная политическая картина: история кризисов тех лет [имеются в виду не только экономический, но и дипломатические кризисы.— *А. Е.*] потонет в личном единоборстве Бисмарка с Горчаковым и «славянофильской партией». Этот пример Хальгартен приводит для того, чтобы доказать, что изложение чисто политической истории является с научной точки зрения крайне ограниченным и потому «доказало свою непригодность». «Отсюда видно,— заключает он,— ... сколь неудовлетворительной должна быть научная продукция того периода, когда почти исключительное внимание... уделялось дипломатии и критике источников,— традиция, все еще господствующая и поныне».

В отличие от господствовавшей в Германии историографии Хальгартен, следовательно, свою задачу усматривал в изучении не самой политики, а «социального базиса политики». Вот почему, применительно к теме и историческим рамкам своего исследования, он пришел к выводу, что «по мере... усиления империалистических трений на всем земном шаре основная задача германской внешней политики... все усложнялась, а методы ее решения оказывались во все большей зависимости от позиции правящих лиц в рамках общего процесса империалистического развития».

Таким образом, книга Хальгартена — это не общая история германской внешней политики в период, предшествующий началу первой мировой войны, а конкретное исследование вопроса о том, какие социальные силы и во имя каких реальных интересов определяли внешнюю политику Германской империи. Но если Кер сосредоточил свое внимание на анализе внутриполитических, социальных и идеологических предпосылок германского империализма, то Хальгартен — на исследовании экономических предпосылок и их влияния на внешнюю политику и дипломатию. Впрочем, Хальгартен свой труд называет «социологическим исследованием»,— и не случайно.

Дело в том, что, стремясь найти выход из кризиса буржуазной историографии, Хальгартен пытался искать его не на пути марксизма-ленинизма — единственном пути, открывающем широкие возможности для глубокого, подлинно научного исследования сложных исторических явлений, а на пути буржуазной социологии, путем использования ее категорий и методов в исторической науке. Как правильно отметили Г. Беккер и А. Босков, «эпоха Веймарской республики была «золотым веком» социологии в Германии. Ее можно характеризовать как период, когда доминировало теоретическое мышление и тяготение к конструированию всеобъемлющих социологических систем»[1]. И действительно, если в области философии истории в тот период все еще доминировала идеалистическая концепция Риккерта, согласно которой историческая наука, выделяя путем отнесения к «культурным ценностям» единичное и неповторимое[2], не может быть основана на общих прин-

---

[1] Говард Беккер и Алвин Босков, Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. Перевод с английского. Под общей редакцией проф. Д. И. Чеснокова, М., 1961, стр. 750.

[2] См. Г. Риккерт, Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки, перев. с немецкого, СПБ, 1913.

ципах закономерности общественного развития, то немецкая буржуазная социология при помощи «образования аналогий» («сравнительно-исторический метод») занималась выработкой «общих правил» социального действия; она сводила их к одной или нескольким категориям, имеющим вневременной характер независимо от закономерностей, присущих определенной общественно-экономической формации. Макс Вебер, властитель дум немецкой буржуазной социологии тех времен, назвал эти категории «идеально-типическими понятиями», которые могут быть отнесены к различным историческим периодам вне зависимости от сменяющихся формаций. Так, конструируя «идеально-типические понятия» капитализма, а тем самым придавая определенной формации, имеющей конкретно-историческое содержание, общий и даже абстрактный характер, Макс Вебер стремился, например, доказать, будто социальные предпосылки современного капитализма уже существовали в древней Индии. С другой стороны, он предпринял серию крупных социологических исследований[1] с единственной целью — «доказать,— как справедливо отмечает Хальгартен, — что хотя общественная структура, свойственная современному капитализму, имелась в наличии в различные времена и при различных обстоятельствах, однако современный капитализм смог развернуться лишь там и тогда, когда у соответствующего социального базиса установились отношения избранного родства с аскетически-пуританским духом; в других же случаях подходящие социальные основы ввиду их связи с неподходящей экономической этикой так и не могли родить капитализма». Немецкая буржуазная социология попыталась марксистскую концепцию о «базисе» и «надстройке» вывернуть наизнанку, или, правильней сказать, поставить с ног на голову.

В этом вопросе взгляды Хальгартена расходятся со взглядами Макса Вебера и, как он сам считает нужным отметить, скорее приближаются к взглядам Маркса. Хальгартена не удовлетворяют размышления, которым предаются господствующая историография и социология, на тему о том, «в какой степени» духовное или материальное развитие является причиной социальных явлений. Он считает, что такая постановка вопроса приводит лишь к банальным заявлениям, вроде того, что «в истории действуют не только материальные, но и духовные мотивы», то есть, по сути дела, «заводит в логический тупик». Хальгартен стремится найти выход из этого тупика. Как известно, изучение истории не новое дело; с древних времен оно является составной частью общественного мировоззрения и входит в идеологический арсенал классовой борьбы. Но это дело в течение многих веков было лишено научной основы, и лишь К. Маркс «указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса»[2]. Хальгартена привлекает монистический и материалистический взгляд на историю, выработанный Марксом и марксистами. В особенности его привлекает учение о базисе и надстройке. В отличие от Макса Вебера, который в своих социологических исследованиях стремился доказать, что идеологическая, в частности религиозно-этическая, надстройка может определять характер и развитие базиса, Хальгартен пришел к выводу, что «идеи» в силах продвигаться лишь в той степени, в какой это допускает структура их социального базиса или же в случае соответствующего изменения самой структуры. Без переворота в «базисе» идея не будет иметь социальной почвы, способной возвратить ее в преобразованном виде, то есть не будет иметь возможности дальнейшего развития».

Таким образом, изучение истории Хальгартен считает необходимым начинать с изучения «базиса»—«производственных отношений, то есть экономических связей, возникающих между членами общества в зависимости

[1] См. Max Weber, Wirtschaft und Gesellschaft, Tübingen 1921; Его же, Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie, Bd. I—III, Tübingen 1922.

[2] В. И. Ленин, Карл Маркс, Соч., т. 21, стр. 41.

от характера их участия в общественном производственном процессе». Он решительно выступает против распространенного в немецкой социологии противопоставления «хозяйства» и «политики», которые рассматриваются ею как антиподы, или в том смысле, что «политика» определяет развитие «хозяйства». Напомним, что это противопоставление было некогда свойственно либеральной теории, возникшей в период, когда буржуазия в интересах самоутверждения и укрепления своих позиций была заинтересована в борьбе против феодального государства и его политики регламентации. Позднее это противопоставление использовалось буржуазией в реакционных целях: для борьбы против марксизма. Так, например, Р. Штаммлер, автор книги «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории»[1], выступая с неокантианских позиций против марксизма и материалистического понимания истории, пытался доказать независимость «права» и даже его примат над «хозяйством». Подобные взгляды были распространены и среди ревизионистских кругов германской социал-демократии. Хальгартен считает их абсурдными. Практически свою задачу он усматривает в том, чтобы исследовать интересы господствующих классов в области внешней политики. Но, как мы убедимся, он решает эту задачу непоследовательно и односторонне. Объяснение тому — в системе его методологических взглядов, которые представляют собой довольно сложную амальгаму положений различного происхождения.

Хальгартен, как мы видели, не игнорирует некоторых положений марксизма, например о классовом характере политики, об отношении базиса и надстройки, о связи внешней политики с внутренней, однако, применяя эти положения в практике своего исследования, он вместе с тем показал, что не может перейти тот широкий рубеж, который отделяет его от марксизма. С другой стороны, подвергая критике выводы социологических исследований Макса Вебера, он вовсе не отказывается от использования его категорий и многих сторон его метода. В частности, вместо марксистского учения об исторических закономерностях классовой борьбы Хальгартен оставил в своем методологическом арсенале категорию «социального правила», хотя, по-видимому, понимает отличие этой искусственно созданной категории от глубоко научного, реалистического марксистского понимания объективно существующей общей закономерности развития человеческого общества и закономерностей, присущих развитию каждой общественно-экономической формации в отдельности. Он считает далее возможным и необходимым применить методы немецкой буржуазной социологии к изучению «исторических индивидуумов», под которыми, следуя Риккерту, понимает «не только исторические личности, но и любые единые (в соответствии с категориями историографии) общественные группы». Эту необходимость амальгамирования в области теории различных и даже разнородных элементов Хальгартен пытается объяснить мотивами практического свойства. «Сегодня,— утверждает он, — социальный мир слишком сложен, чтобы обойтись без науки, противостоящей истории, науки, образующей правила», то есть в его понимании — социологии.

Итак, несмотря на критическое отношение к основным направлениям немецкой буржуазной философии истории, с одной стороны, и противопоставленной ей немецкой буржуазной социологии — с другой, Хальгартен считает необходимым их сблизить и эту амальгаму взглядов, сдобренную толикой марксистских положений, положить в методологическую основу своего исследования. Он сам подчеркивает, что его «социологическое исследование» в области истории, предпринятое «во имя сугубо конкретной цели, разумеется, ни в какой мере не представляет собой атаки» ни на философско-

[1] Р. Штаммлер, Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории, перевод с немецкого, т. I—II, СПБ, 1907.

исторические взгляды Риккерта, ни на социологические взгляды М. Вебера, поскольку идею о единичности и неповторимости исторического события и вообще исторического бытия он растворяет в общих «идеально-типических» понятиях и аналогиях, устанавливающих «правила социальных событий». Правда, в отличие от традиционных взглядов господствующей немецкой историографии и социологии Хальгартен считает, что «политику» нельзя рассматривать в отрыве от «хозяйства» и как его антипод. «Более того: политические действия,— пишет он,— функционально зависят от общественно-производственного процесса и его развития»; это, однако, не исключает того положения, что политическая власть, все ее средства и рычаги используются «для сохранения и укрепления позиций отдельных групп и лиц в рамках этого процесса». Речь, следовательно, идет о выяснении экономических корней и интересов, определяющих политику господствующих классов. Хальгартен формулирует свою задачу по-иному. Он пишет: «Тем самым встает сама по себе проблема правил, в соответствии с которыми протекает экономический процесс. Дискуссия по данному вопросу особенно важна при исследовании... периода империализма». Но что Хальгартен имеет в виду, говоря об империализме? Ответ на этот вопрос дает ключ к пониманию и сильных и слабых сторон его труда.

* * *

Понятие «империализм», как известно, впервые появилось в Англии в последней четверти XIX века, когда «империалисты»—«друзья империи» среди буржуазии и колониальных чиновников подняли движение протеста против либеральных кабинетов, обвиняя их в недооценке колониальной и имперской политики. В качестве первых идеологов империализма в 80-х годах выступили Сили[1] и Дилк[2], памфлеты которых, пропагандирующие необходимость экономического, политического и военного расширения Британской империи, привлекли широкое внимание, и не только в Англии, но и на европейском континенте.

Но в самом начале XX века, после испано-американской и англо-бурской войн, в экономической и политической литературе сформировалось направление, преследующее цель дать научную характеристику и вместе с тем критику империализма. Основоположником и наиболее крупным представителем этого направления был английский экономист Гобсон[3], который, как отметил В. И. Ленин, «дал очень хорошее и обстоятельное описание основных экономических и политических особенностей империализма», однако с позиций буржуазного социал-реформизма и пацифизма[4]. Крупным вкладом в экономическую литературу являлась работа Р. Гильфердинга «Финансовый капитал»[5]. В. И. Ленин расценивал эту работу как «в высшей степени ценный теоретический анализ «новейшей фазы в развитии капитализма», хотя он видел в этой работе и ряд серьезных недостатков, в частности «склонность к примирению марксизма с оппортунизмом»[6]. В дальнейшем к этому направлению в той или иной степени примыкали

[1] См. J. R. Seely, The Expansion of England, London 1895. (Сили, Расширение Англии, перевод с английского, СПБ., 1903.)

[2] Ch. Dilke, Probleme of Great Britian, London 1890.

[3] Дж. А. Гобсон, Империализм, перевод с английского, М., 1927.

[4] В. И. Ленин, Империализм, как высшая стадия капитализма, Соч., т. 22, стр. 183.

[5] Рудольф Гильфердинг, Финансовый капитал, перевод с немецкого, 1912.

[6] В. И. Ленин, Империализм, как высшая стадия капитализма, Соч., т. 22, стр. 183. В «Тетрадях по империализму» Ленин отмечает следующие «недостатки Гильфердинга». 1) теоретическая ошибка относительно денег, 2) игнорирует (почти) раздел мира, 3) игнорирует соотношение финансового капитала с паразитизмом и игнорирует соотношение империализма с оппортунизмом.

Х. Брейлфорд, Скотт Нирнг, Дж. Фримэн, Паркер Томас Мун[1]. В одних из этих работ для характеристики империализма на первый план выдвигались экономические интересы определенных капиталистических групп, связанные с ростом промышленности и банков, железнодорожного строительства и торгового экспорта; в других империализм рассматривался как международное экономическое соперничество и борьба за господство в колониях; в третьих первостепенное значение в оценке империализма придавалось роли, которую играет тяжелая индустрия, в особенности военная промышленность; наконец, некоторые работы исходят из того положения, что движущей силой империализма является «экономический национализм».

Каждая из этих работ и все они вместе, несмотря на критическое отношение к империализму, не были в состоянии научно раскрыть его подлинное существо. Несмотря на войны, порожденные империализмом, критическое острие работ этого направления все более притуплялось. Научное значение этих работ ограничивалось только тем, что в них был собран и систематизирован под определенным углом зрения конкретно-исторический материал, проливающий свет на ту или иную сторону экономики или политики империализма. Что касается ученых апологетов империализма, то они, разумеется, не только не могли, но и не стремились создать научную теорию империализма: они были заинтересованы лишь в том, чтобы скрыть его реакционную и агрессивную сущность, затушевать присущие ему глубокие противоречия, постоянно угрожающие человечеству новой мировой войной.

Подлинно научная теория империализма впервые в истории была создана В. И. Лениным. То была теория, вмещавшая в себя наиболее последовательную и обоснованную критику империализма с позиций революционного творческого марксизма. В результате глубокого проникновения в новые явления капиталистической действительности, научного осмысления сложнейших процессов, происходивших в мире с конца XIX века и приведших в 1914 году к мировой войне, в результате тщательного критического изучения огромного фактического материала, а также почти необъятной литературы вопроса[2] В. И. Ленин пришел к выводу, что империализм характеризуется совокупностью следующих основных и определяющих признаков: во-первых, концентрация производства и капитала, достигающая такого уровня развития, когда складываются монополии, играющие решающую роль в экономической жизни страны; во-вторых, сращивание банкового капитала с промышленным и создание на этой основе «финансового капитала», финансовой олигархии; в-третьих, усиление роли вывоза капитала, что является более типическим для империализма, чем вывоз товаров; в-четвертых, создание международных капиталистических монополий, делящих между собой мир; в-пятых, завершение территориального раздела мира между крупнейшими капиталистическими державами и развертывание между ними борьбы за его передел[3]. Особо выделяя паразитизм и загнивание капитализма как явления, свойственные империализму, Ленин показал, какое место занимает империализм в поступательном ходе исторического процесса, в смене общественно-экономических формаций; он показал, что империализм не является новой общественно-экономической формацией, а представляет собой лишь определенную стадию в развитии капитализма — высшую и последнюю стадию. Наконец, он показал, что на смену капитализму и империализму в силу объективных исторических закономерностей неизбежно придет социализм.

---

[1] Brailsford, The War of Steel and Gold, London 1914; Скотт Нирнг, Американская империя, перевод с английского, М.—Л., 1926; Скотт Нирнг и Джозеф Фримэн, Дипломатия доллара, Л., 1926; Паркер Томас Мун, Империализм и мировая политика, М., 1928.

[2] См. В. И. Ленин, Тетради по империализму, Соч., т. 39.

[3] См. В. И. Ленин, Империализм, как высшая стадия капитализма, Соч., т. 22, стр. 253.

Великое научное открытие Ленина в области теории и критики империализма так же трудно переоценить, как и влияние этого открытия на развитие социалистических и коммунистических идей во всех странах и на всех континентах. Говоря словами К. Маркса, эти идеи, овладев массами, стали материальной силой в борьбе против капитализма. Вот почему, не имея возможности замолчать ленинскую теорию империализма, апологеты капитализма стали изыскивать новые аргументы, которые они хотели бы противопоставить марксистско-ленинской концепции. Их старый тезис, что источником капиталистической прибыли является не эксплуатация рабочих, а постоянные технические усовершенствования в области производства, транспорта и сбыта, перед лицом объективно существующих фактов уже не выдерживал критики. Как признает и Хальгартен, даже немарксисты не могут больше отрицать наличие одного из свойств империализма — паразитизма. «Под паразитизмом,— пишет Хальгартен,— подразумевается тенденция современного монополистического капитализма к торможению технического прогресса и некоторой стагнации, обусловленная беззастенчивой скупкой новых изобретений, ставящих под угрозу прибыли монополий, и насильственным сбытом на порабощенных колониальных территориях товаров, устаревших как в техническом, так и в торговом отношении». Во всяком случае, сам Хальгартен явно не склонен отрицать наличие в современном монополистическом капитализме этой тенденции паразитизма. С другой стороны, отмечает он, буржуазная наука выдвигает против марксистско-ленинского учения об империализме новый тезис, связанный с ее оценкой роли кризисов: она утверждает, что кризисы не являются неизбежным порождением капитализма, что индустриализация прежде некапитализированных стран хотя и затрудняет или даже вовсе устраняет возможность для деятельности империализма, тем не менее может и не способствовать краху капиталистической системы. Учитывая, что экономическая и политическая практика империализма полностью его дискредитировала, буржуазная наука ныне уже не чувствует себя в силах открыто выступать под знаменем империализма. Времена Сили, Дилка и Киплинга прошли, и притом безвозвратно. Поэтому многие из представителей буржуазной науки даже утверждали, что империализм является не стадией в развитии капитализма, а неким наростом над капитализмом, и если этот нарост будет устранен, то останется «чистый» капитализм, в условиях которого капиталистическая система якобы может развиваться и без кризисов.

Пропасть между марксистско-ленинской теорией империализма и тезисами апологетов капитализма настолько велика и непреодолима, что было бы удивительно, если бы кто-либо взялся ее устранить. Тем не менее — странное дело!— Хальгартен совершает попытку и в этом направлении. Он заявляет, что глубокое различие между марксистской и немарксистскими теориями кризисов относится только к вопросу о будущем капитализма и империализма, то есть к сфере прогнозов. Что касается метода изучения прошлого, то тут, по его мнению, их выводы якобы близки, и «поэтому в нашем историко-ретроспективном исследовании мы можем пренебречь этим различием». Но на какой же теоретической основе Хальгартен считает возможным осуществить сближение двух антиподов в области теории империализма: марксизма и антимарксизма[1]? Мотивируя свою попытку, Хальгартен отвечает: «Как бы ни объясняли причины кризисов и периодичность их появления, во всяком случае совершенно ясно, что в период кризисов является особая тяга к некапитализированным территориям и что в это время такие территории являются объектом особо активной деятельности... Поэтому в период кризиса следует ожидать не только форсированного экспорта капитала, но и экспорта излишнего населения, которое, обосновавшись на новых зем-

[1] Хальгартен называет его «немарксизм».

лях и поселенческих колониях, будет создавать новые ценности и одновременно содействовать расширению сферы сбыта для промышленности метрополии, а также способствовать экспорту капитала».

Нет сомнения, что экономические кризисы способствуют колониальной экспансии капиталистических держав и усилению их соперничества. Что касается влияния экономических кризисов на рост эмиграции населения из метрополии в колонии, то этот бесспорный факт относится больше к эпохе домонополистического капитализма и вовсе не является характерным для эпохи империализма. С другой стороны, Хальгартен явно не понял, что колониальная экспансия отнюдь не устраняет глубоких внутренних противоречий империализма и что усиление этих противоречий в различных формах является имманентным свойством империализма. Вот почему, опустив при характеристике своих методологических взглядов вопрос о роли монополий, о роли финансового капитала как формы сращивания промышленного капитала с банковским, об обострении борьбы международных союзов капиталистов и внутри этих союзов, наконец о решающей роли экспорта капитала по сравнению с экспортом товаров, Хальгартен обнаружил, что, зная ленинскую теорию империализма, он не только не усвоил, но даже и не постиг ее. Восприняв только отдельные ее элементы, он не понял даже того, чем отличается ленинская теория империализма от теории Гильфердинга и Розы Люксембург[1]; все эти теории он в одинаковой степени называет марксистскими, с той только разницей, что теории последних расценивает как «менее догматические». Если при изложении марксистской теории общественного развития он положил в основу труд ревизиониста Кунова[2], то при изложении марксистской теории империализма — труд ревизиониста Ф. Штернберга[3]. Не удивительно поэтому, что Хальгартену показалось так легко амальгамировать различные теоретические взгляды по вопросу об империализме — марксистские, буржуазные и ревизионистские. Он объясняет это тем, что из всех рассмотренных им теорий, посвященных объяснению хода экономических процессов, якобы «могут быть сделаны аналогичные социологические выводы». Каковы же в таком случае исходные позиции историко-социологического исследования Хальгартена?

Если учесть все вышесказанное о теоретическом эклектизме Хальгартена, его ответ может показаться парадоксальным. Он формулирует его в следующих словах: «Комплекс и функции финансового капитала, финансового и промышленного экспорта капитала, картелизации и трестирования, покровительственных таможенных тарифов, стремление к максимальному расширению своего экономического района и к господству над зарубежной некапитализированной территорией, демпинг, то есть типичная для картелей политика продажи по бросовым ценам товаров, не находящих сбыта внутри страны,— все эти и им подобные явления столь явно стоят перед глазами экономистов, не придерживающихся марксистских взглядов, что было бы чудом, если бы последние, хотя и исходя из практики, не пришли к взглядам, подобным тем, которые Маркс и Энгельс сумели сформулировать еще до того, как началось такое развитие. Эти взгляды Маркс и Энгельс включили затем в диалектическую схему, что придало их мировоззрению гораздо большую весомость, но в то же время и большую честность по сравнению с немарксистскими эмпирическими взглядами». Таким образом, создается впечатление, что, находясь в теоретическом тупике, куда Хальгартен сам себя загнал благодаря свойственному ему эклектизму, он в практике

[1] Р. Люксембург, Накопление капитала, М., 1921.

[2] См. Heinrich Cunow, Die Marx'sche Geschichts—Gesellschafts- und Staatstheorie, Berlin 1921.

[3] См. Fritz Sternberg, Der Imperialismus, Berlin 1926. Критику взглядов Штернберга см. А. М. Деборин, Философия и политика, М., 1961, стр. 725—736.

своего конкретного исследования собирается найти выход из него при помощи марксистских взглядов, которые считает более глубокими, более научными и более честными, чем взгляды противников марксизма. Однако ленинскую теорию империализма Хальгартен явно не постиг.

Тем не менее Хальгартен обрушивается на тех буржуазных теоретиков, которые, «более или менее сознательно пренебрегая экономическими моментами, изображают государство как таковое в качестве основного носителя всего империалистического движения». Следуя идеям Леопольда Ранке, одного из патриархов немецкой реакционной историографии XIX века, который абсолютизировал роль государства вообще, а прусско-германского в особенности, некоторые буржуазные социологи стремились повернуть эту идею в целях апологии капитализма. Уже вскоре после выхода в свет труда В. И. Ленина, раскрывшего историческое место империализма как высшей и последней стадии капитализма, Шумпетер в своей работе «К вопросу о социологии империализма»[1] пытался доказать, что империализм по природе своей не только не связан с капитализмом, но, наоборот, является военно-феодальной помехой для мирного капиталистического развития. Впоследствии эту концепцию пытался обосновать Артур Зольц[2], который утверждал, что государство издавна, еще со времен феодализма, являясь носителем политики силы, облекается ныне в формы империализма и тем самым затрудняет развитие якобы миролюбивого капитализма. Итак, по мнению этих «теоретиков», империализм — это не последняя стадия в развитии капитализма, а рудимент феодализма, используемый государством в период современного капитализма. Их общий вывод таков: империализм как новая форма феодализма — это политика силы, осуществляемая государством, а капитализм — это политика мира, основанная на принципах международного права. После второй мировой войны эта апологетическая концепция получила широкое распространение и в Соединенных Штатах Америки.

Хальгартен решительно критикует сторонников этой концепции. «Большинство этих теоретиков,— пишет он,— не видит того, что государство, которое они рассматривают как мотор империализма, не висит в воздухе, что оно связано интересами сменяющих друг друга социальных слоев, которые в ходе исторического развития протискиваются к государственному аппарату и используют его в своих целях. То же самое можно сказать о роли международной внешней политики, которую такие исследователи рассматривают как горючее для империалистического мотора. Эта политика также не представляет собой сферы, оторванной от экономического развития: она является не чем иным, как результатом общественного развития в различных соперничающих друг с другом странах». Таким образом, критикуя тех, кто усматривает в государстве самодовлеющий и всеопределяющий фактор империализма и империалистической политики, Хальгартен видит свою задачу в том, чтобы обнаружить, какие социальные силы, преследуя определенные экономические интересы, господствуют в государстве и направляют его политику. Тем самым он подходит к проблеме классового характера государства, в частности Германской империи кайзеровских времен.

Однако Хальгартен идет еще дальше. Он считает, что «следующей ошибкой теоретиков указанного направления является односторонняя оценка капитализма данной эпохи, который они слепо провозглашают миролюбивым, не понимая, что мирные секторы тогдашней экономики были... почти полностью подмяты и что ведущую роль в это время играли воинственные и экспансионистские тенденции». Хальгартен стремится раскрыть эти воинственные и экспансионистские тенденции в истории внешней политики

---

[1] См. J. Schumpeter, Zur der Soziologie des Imperialismus, «Archiv für Sozialwissenschaft», Bd. 41, 1918—1919, S. 1—39, 215—310.

[2] Arthur Solz, Das Wesen des Imperialismus, Leipzig 1931.

германского империализма в период, предшествующий первой мировой войне, показать социально-экономические корни этих тенденций. Это, конечно, означает разрыв с традициями немецкой буржуазной историографии, но, поскольку Хальгартен, как мы видели, остается в плену буржуазной философии истории,— далеко не полный разрыв. Вскрывая экономические мотивы, лежавшие в основе внешнеполитических интересов господствующих классов кайзеровской Германии, Хальгартен, по сути дела, обходит вопрос о влиянии классовой борьбы на внешнюю политику, в частности вопрос о борьбе немецкого пролетариата, в лице которого господствующие классы Германии усматривали своего главного врага и противника. Исследование разногласий и трений между буржуазией и юнкерством и внутри отдельных фракций этих классов, как бы они ни были важны, может быть доведено до конца только на основе марксистско-ленинской теории империализма и классовой борьбы. С другой стороны, критика, которой Хальгартен подвергает некоторые положения буржуазной социологии, вовсе не означает разрыва с нею. Сам Хальгартен утверждает, что его метод не является марксистским, но не является и немарксистским. Он пытается характеризовать его как «феноменологический». На деле же его социологическое исследование показывает, что в поисках выхода из осознаваемого им кризиса немецкой буржуазной историографии он идет по пути экономического материализма, причем больше в практике исследования, чем в теории.

* * *

В ходе изложения Хальгартен отмечает, что он не стремится «ни выяснять отдельные политические проблемы, ни выискивать «новое» и «неизвестное». Если иметь в виду выявление ранее не известных крупных событий политической истории или новых нюансов в сфере дипломатических отношений, то его замечание является в большой степени оправданным. Касаясь вопросов этой сферы, Хальгартен о многом упоминает, но излагает далеко не все, и такое самоограничение вытекает из задачи, которую он перед собой поставил. «Я ни в коем случае не претендую на то,— пишет он,— чтобы каким-либо разделом своей книги заменить анализ отдельных дипломатических соображений...» Однако это вовсе не означает, что читатель, интересующийся политической и дипломатической историей, не найдет в книге ничего нового. Хальгартен освещает большой круг вопросов истории внешней политики Германии в период от образования империи до начала первой мировой войны, и освещает не изолированно, а в определенной связи с историей международных отношений в Европе. Он рисует события широко, на большом полотне, динамично и крупным планом, с соблюдением необходимых пропорций, и, как мы уже указывали, используя богатый и разносторонний документальный материал. В целом перед умственным взором читателя проходит большая картина сложных событий внутренней и внешней политики Германии, приведших к кровавой развязке в 1914 году. К тому же автор в целях иллюстрации некоторых наблюдений, выходящих за традиционные рамки политической истории, пустил в научный оборот и новые факты, которые привлекут к себе внимание. Это относится главным образом к событиям дипломатических конфликтов и международных кризисов, заполнивших политическую историю Европы в начале XX века. Голые факты сухи и бесцветны, в особенности если рассматривать те из них, которые лежат на поверхности событий. Только их связь с глубинными процессами исторической жизни придает им смысл и возбуждает научный интерес. Правда, характеристику некоторых событий в области истории внешней политики и дипломатии, а также некоторых международных ситуаций Хальгартен дает в самой общей форме, а порою, к сожалению, экспрессионистски. В ряде случаев он не выписывает предмет в его конкретности, а как бы несколь-

кими мазками кисти, грубо и расплывчато намечает его; он не ищет точности, а стремится больше к выразительности; иногда же, как бы смазывая кистью некоторые факты политической истории, он стремится показать их не так, как они выглядят в традиционной историографии, а их изнанку. Вот почему в работе Хальгартена наряду с интересными и глубокими научными наблюдениями, конкретными сопоставлениями и общими выводами имеется немало спорного, иногда необоснованного и даже, как нам представляется, неверного, проистекающего из общих теоретических и методологических позиций автора. Если бы мы поставили перед собой задачу внести к тексту книги Хальгартена соответствующие изменения и дополнения или дать изложение других существующих или возможных точек зрения по отдельным конкретно-историческим вопросам, то потребовалось бы составление большого и специального комментария. В этом, однако, нет нужды, ибо речь идет вовсе не о том, что Хальгартен извращает факты, вырывает их из контекста или замалчивает. Нет, речь идет о том, как он их интерпретирует. Хальгартен и не стремится к тому, чтобы, включив новые факты о событиях политической и дипломатической истории в систематику старых, установить, таким образом, их связи и сделать некоторые новые выводы. Его главная цель в другом: показать не внешние, а внутренние связи этих фактов и событий с экономическими интересами определенных социальных сил, представляющих собою современный империализм. Разумеется, отсутствие у Хальгартена марксистско-ленинского понимания империализма не могло не сказаться и при анализе конкретно-исторических вопросов и на общих выводах исследования. Однако следует признать — и это примечательно,— что во многих случаях сам материал и практика его исследования толкали автора к таким заключениям, которые не только противоречат основной концепции реакционной буржуазной историографии, но и не соответствуют его собственным исходным теоретическим положениям. Вот почему этот материал и многие наблюдения, сделанные Хальгартеном, могут быть использованы и историком-марксистом.

Уже в первом разделе (русского издания) книги, посвященном рассмотрению «социологических основ внешней политики Бисмарка», Хальгартен, по сути дела, признает, что созданное Бисмарком «национальное государство» — Германская империя — являлось классовым государством, в котором прусское дворянство играло руководящую роль, но на политику которого все большее влияние оказывали интересы крупной промышленной буржуазии и банков. Хальгартен подробно анализирует вопрос, в чем состояли конкретные экономические интересы обоих господствующих классов, показывает, как они менялись, сталкивались, переплетались и снова сталкивались под воздействием различных факторов — экономических и политических, начиная с распределения «миллиардной благодати»— французской контрибуции и грюндерской горячки и последующего глубокого экономического кризиса в первые годы империи и кончая кризисом внутренней и внешней политики Бисмарка в конце 80-х годов, завершившимся в 1890 году отставкой «железного канцлера». На большом конкретном материале он показывает далее, какую роль в формировании и направлении политики Германской империи играли не только прусское юнкерство, столпом которого был сам Бисмарк, но и феодалы и владельцы угольных шахт в Силезии, промышленные магнаты Рурской и Саарской областей типа Круппа и «короля» Штумма, крупные банкиры типа Блейхрёдера и Ганземана, часть аристократии, повернувшаяся лицом к капитализму и поставлявшая империи кадры дипломатов («партия послов»), и, наконец, прусская военщина, воплощением которой являлся генеральный штаб и его начальник Мольтке, а затем Вальдерзее. Но Хальгартен не ограничивается этим. Он вскрывает классовую структуру политических партий, юнкерских и буржуазных, показывает экономические, организационные и идеологические связи этих партий с теми

социальными силами (а также с отдельными фигурами), которые, играя большую роль, предпочитали оставаться в тени; вместе с тем он вскрывает механизм борьбы партий и борьбы внутри отдельных фракций рейхстага и прусского ландтага по конкретным вопросам экономической, внутренней и внешней политики. Так, он показывает экономическую основу и сложную социальную структуру католической партии Центра, анализирует влияние экономического кризиса 1873 года на позиции партий и вообще на внутриполитическую обстановку в Германии, которая определила поворот в области внешнеторговой политики. Он показывает, что борьба Бисмарка против католицизма — «культуркампф» — преследовала не только внутриполитические, но и внешнеполитические цели, показывает, какие социальные силы были заинтересованы в раздувании военных законопроектов и в росте милитаризма и каковы были социально-экономические основы кризиса и распада либерализма в Германии, перегруппировки сил среди аграриев и Центра, словом, как сложилась ситуация, «при которой постепенно разрушались основы мирной политики Бисмарка». Так от анализа экономических основ борьбы среди господствующих классов и их партий по вопросу внутренней политики Хальгартен постепенно переходит к анализу движущих сил внешней политики. При этом он особенно детально анализирует четыре вопроса: во-первых, о социально-экономических предпосылках «отчуждения» между кайзеровской Германией и царской Россией; во-вторых, о факторах, приведших к заключению австро-германского союза; в-третьих, о «социологических основах» колониальной политики Бисмарка; в-четвертых, о влиянии экономического кризиса на «потрясение основ» всей системы бисмарковской политики. И здесь, опуская некоторые второстепенные погрешности или спорные утверждения в труде Хальгартена, мы считаем нужным выделить некоторые вопросы принципиального характера, с решением которых не можем согласиться, тем более что эти вопросы в той или иной степени проходят и через дальнейшее содержание его труда.

Хальгартен, конечно, прав, когда пишет: «Основной характер любой внешней политики может быть сохранен лишь до тех пор, пока для нее существуют внутренние социологические предпосылки и пока эта политика не опровергнута соответствующим развитием в других странах». Отсюда задачу исторической науки Хальгартен усматривает в том — и с этим нельзя не согласиться,— «чтобы постоянно нащупывать эту социальную основу». Однако, приступая к характеристике политики Бисмарка, он явно испытывает некоторое влияние немецкой буржуазной историографии, которая потратила немало усилий, чтобы создать впечатление о мирном и миролюбивом характере этой политики[1]. Хальгартен признает, что «мирная политика, которую стал проводить... Бисмарк, не была миролюбивой политикой как таковой, что совершенно ясно из ее становления», то есть из развязанных Бисмарком войн, предшествовавших образованию Германской империи. Но его политику Хальгартен характеризует как «реалистический пацифизм», основанный «на глубоко антиимпериалистически-квиетических инстинктах сельского юнкера». Разумеется, это неверно: основой политики Бисмарка был милитаризм, а не пацифизм; квиетизм, то есть непротивленческая покорность «божественной воле», никак не была присуща «железному канцлеру». К тому же Бисмарк осуществлял свою политику в доимпериалистический период, когда «антиимпериалистические инстинкты» не могли и проявиться. Между тем прусское юнкерство, столь тесно связанное со всей системой германского милитаризма, являлось хорошей питательной почвой агрессивной политики. Сам Хальгартен обращает внимание на то, что бисмарковская политика — в интересах укрепления господства юнкерства — была направлена

[1] См. А. Ерусалимский, Проблемы внешней политики Бисмарка в послевоенной германской историографии («Историк-марксист». 1929, кн. XII).

к усилению этой системы. Он показывает, как велико было воздействие генерального штаба при определении ряда вопросов внешней политики. И если Хальгартен утверждает, что в этих случаях Бисмарк находился «в полном противоречии со своими традициями и привычками», то это можно расценить лишь как своего рода дань традиционному представлению о «железном канцлере», созданному буржуазной историографией после первой мировой войны. Реализм Бисмарка определялся не его мирными устремлениями, тем более не «антиимпериализмом» юнкерства, а прежде всего учетом реальных интересов господствующих классов и возможностью их осуществления в меняющейся международной обстановке 70-х—80-х годов XIX века. К тому же германская политика во времена Бисмарка не раз доводила международные отношения в Европе до военного накала и в немалой степени способствовала тому, что другие державы развязывали войны на Балканах и в колониях.

Анализируя далее расстановку сил в Германии, содействовавших и противодействовавших «реалистическому пацифизму» в 70-х годах, Хальгартен утверждает, что «не только немногочисленные социалисты, но и... финансовый капитал... воспринимали пацифизм позитивнее». И с этим утверждением трудно согласиться: во-первых, позицию социал-демократов того периода правильнее было бы характеризовать не как пацифистскую, а как антимилитаристскую, а во-вторых, в тот период процесс сращивания промышленного капитала с банковским был еще только в зачатке и, следовательно, финансовый капитал, в марксистско-ленинском его понимании, еще не существовал. По-видимому, Хальгартен имеет в виду интересы некоторых кругов немецкой финансовой буржуазии, связанных с международной биржей. К сожалению, это неправильное понимание природы финансового капитала имеет не только терминологическое значение. И в дальнейшем, анализируя внешнюю политику империализма, Хальгартен рисует дело так, будто эти круги («финансовый капитал»), заинтересованные в широких международных связях с финансовыми кругами других стран, прежде всего Англии, являлись сторонниками развития мирных отношений и противниками агрессивной политики империализма. Хальгартен приводит большой и интересный материал о нарастании империалистических интересов и империалистических настроений в Германии и о социально-экономических силах, которые побудили Бисмарка встать на путь колониальных захватов. Но и здесь он допускает смешение понятий, в результате чего искажается представление об истоках империализма: с одной стороны, он слишком выдвигает вперед роль «среднего сословия», а с другой — утверждает, будто уже в начале 80-х годов существовал «современный империализм, опирающийся на наличие техники». Все это приходится иметь в виду и при рассмотрении проблемы кризиса политики Бисмарка.

Попытка Хальгартена показать воздействие экономического кризиса на кризис политики Бисмарка, равно как и влияние аграрного кризиса на ход борьбы политических партий и исход выборов в рейхстаг в 1887 году, заслуживает внимания. Беда, однако, в том, что, склонный к экономическому материализму, Хальгартен порою слишком прямолинейно объясняет позиции партий движением цен на сельскохозяйственные продукты, хотя и связывает это с борьбой партий по вопросу о таможенных пошлинах,— вопросу, который имел немалое значение в экономических взаимоотношениях юнкерско-буржуазной Германии с царской Россией и Австро-Венгрией. Не меньшего внимания заслуживает анализ борьбы среди господствующих классов и политических партий, а на этой основе — различных группировок и клик,— борьбы, в результате которой последовало свержение Бисмарка с его поста. Однако здесь, как и раньше, Хальгартен игнорирует активную роль немецкого рабочего класса и его социал-демократической партии, которые были не только объектом внутренней политики и исключительных законов бисмарковского государства, но и субъектом собственной политики. Именно слав-

ная, беззаветная борьба немецкого рабочего класса наряду с другими факторами во многом предопределила крах бисмарковской системы. Увлеченный выяснением социологических основ германской внешней политики, в особенности анализом экономических интересов отдельных групп и партий господствующих классов, Хальгартен явно недооценивает массовое рабочее движение и политику социал-демократической партии как важнейший фактор классовой борьбы, в частности и по вопросам внешней политики. Значение этого фактора явно возросло в период «мировой политики» германского империализма.

* * *

Хальгартен подробно останавливается на важнейших социально-экономических предпосылках «мировой политики». И здесь, в результате анализа объективных фактов экономического развития Германии, он делает выводы, которые идут дальше, чем его исходные теоретические положения. Он показывает, как процесс концентрации производства сопровождается процессом концентрации банковского дела, а последнее обстоятельство «явилось существенной предпосылкой для широких финансовых операций во всех частях земного шара и служило интересам поддержки германской промышленности на мировом рынке». Он показывает, как складывающиеся монополии ринулись в схватку за источники сырья, за рынки сбыта товаров, а также — и это, разумеется, была новая черта — за сферы приложения капиталов. Стремясь, далее, обрисовать в конкретных терминах особые условия, определявшие специфику развития Германии в эпоху империализма, Хальгартен наряду с наличием в стране крупных природных богатств, необходимых для развития тяжелой промышленности, наличием резерва рабочей силы, постоянно пополняемого за счет сельского населения, наряду с милитаризмом и некоторыми другими исторически сложившимися важными условиями, выдвигает еще одно условие, которому он придает большое значение. Речь идет о воздействии партикуляризма как последствия раздробленности Германии. Эта раздробленность, считает Хальгартен, «уберегла от уничтожения средние классы во время всемирного поворота», а империализм был заинтересован в том, чтобы подкармливать разоряющееся среднее сословие. В целом, пишет Хальгартен, «политика концернов, монополий, брожение в среднем сословии, милитаризм и иногда антисемитизм в экономике и внутренней политике, приспособление еще имеющихся остатков либеральных идей к интересам «политики мощи» — вот что составляет основу новой Германии, что определяет мышление кайзера, давшего имя всей этой эпохе».

В такой обобщающей характеристике социально-экономических предпосылок мировой политики германского империализма бросаются в глаза два момента: во-первых, некоторая переоценка значения «среднего сословия» и, во-вторых, явная недооценка роли массового рабочего движения.

Разумеется, «средние классы» играли в Германии немалую роль, однако Хальгартен, по-видимому, склонен усмотреть в них самостоятельную силу, и притом не только в социально-политическом, но и в идеологическом отношении. Он считает, что Пангерманский союз зародился как организация, призванная мобилизовать «среднее сословие» против финансово-капиталистических кругов, и что идеология пангерманизма, «ее расовые, «народные», антирационалистические, антилиберальные, антидемократические и цезаристские доктрины... сумели утвердиться в промышленности и среднем сословии». Между тем Пангерманский союз был идеологическим штабом наиболее агрессивных кругов германского финансового капитала, германского империализма, стремившихся утвердить свое влияние в более широких кругах буржуазии — средней и даже мелкой. Германский империализм был заинтересован в том, чтобы направить эти круги против рабочего, демократического и социалистического движения. В этом смысле и следует понимать правильное замеча-

ние Хальгартена, что Пангерманский союз является родоначальником идеологии немецкого фашизма.

В исследовании Хальгартена, как мы отметили выше, не нашлось места для уяснения роли массового рабочего движения. Между тем господствующие классы и во внутренней и во внешней политике не могли не считаться с этим движением, направленным против реакционной «политики сплочения» юнкерства и крупной буржуазии, против милитаризма, агрессивных авантюр германского империализма и подготовки войны. Как раз в период экономического кризиса 1900—1903 годов, а затем под влиянием русской революции 1905 года и под воздействием экономического кризиса 1907 года и, наконец, в 1910 году, когда в Германии, как отметил В. И. Ленин, сложилась своеобразная предреволюционная ситуация[1], рабочее и социалистическое движение достигло высокого уровня развития,— и это нельзя не учитывать при конкретно-историческом анализе социально-экономических предпосылок «мировой политики». К сожалению, в своем исследовании Хальгартен недооценивает значение этого вопроса, а когда и упоминает о нем, то явно переоценивает влияние и удельный вес реформизма и ревизионизма в немецком рабочем движении того времени. Анализ двух тенденций, боровшихся в немецком рабочем движении — революционной, социалистической, и оппортунистической, реформистской,— во многом обогатил бы «социологическое исследование германской внешней политики». Борьба этих тенденций входила в общий комплекс тех экономических, классовых и политических противоречий, выхода из которых германский империализм и милитаризм искали на пути к войне.

В своем исследовании Хальгартен приводит большой, яркий и интересный материал, который показывает, как эти внутренние, социально-экономические противоречия германского империализма сказывались на внешней политике. Он показывает корни экономических, политических и колониальных антагонизмов, которые в конце XIX и в начале XX веков так явно нарастали во взаимоотношениях между двумя империалистическими державами— Германией и Англией. Далее он вскрывает и корни нараставших экономических противоречий между Германией и Россией, в большой степени определивших также политические взаимоотношения между этими двумя державами. Наконец, он показывает, как «политика сплочения», то есть союз между крупными промышленниками и юнкерами на основе усиления милитаризма, строительства крупного военно-морского флота, высокого таможенного тарифа и развертывания «мировой политики», остро выдвинула вопрос о внешнеполитической ориентации Германии. В целом Хальгартен стремится показать, какие внутренние силы определили внешнеполитический курс, который прокладывался «по принципу маятника» — между Россией и Англией.

При всем различии наших взглядов по общим методологическим вопросам и при различии некоторых выводов, вытекающих из конкретного анализа «политики сплочения» германского империализма как политики усиления реакции, экспансии и агрессии[2], мы должны признать, что многие наблюдения Хальгартена нам представляются правильными и плодотворными. Однако имеется один существенный вопрос, который свидетельствует о том, как ошибочная его трактовка в теории неизбежно повлекла за собою и неправильные выводы в конкретном исследовании. Речь идет о противопоставлении интересов финансового капитала не только интересам аграриев и «среднего сословия» (что теоретически и практически в известной степени оправдано), но и интересам милитаризма и тяжелой промышленности. В ряде случаев Хальгартен сам приводит факты, показывающие, как тесно переплелись промыш-

[1] См. В. И. Ленин, Два мира, Соч., т. 16, стр. 284.

[2] См. А. Ерусалимский, Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века, М., 1951.

ленные монополии с банковским капиталом и как возникший на этой основе финансовый капитал был заинтересован не только в строительстве военно-морского флота как орудия борьбы против главного империалистического соперника — Англии, но и в сухопутной армии, укрепляемой в целях войны против Франции и России. Тем не менее Хальгартен усматривает в немецком финансовом капитале только ту часть банковского капитала и экспортной торговли, которая была заинтересована в сотрудничестве с лондонским Сити. Вот почему Хальгартен в одном месте пишет даже следующее: «Опыт со всей очевидностью показывает, что мировой экспансии Германии препятствовали финансово-капиталистические интересы...» Между тем этот опыт свидетельствует о противоположном: финансовый капитал и его интересы являлись главной движущей силой германского юнкерско-буржуазного империализма.

Одностороннее и весьма ограничительное понимание финансового капитала в известной степени затруднило Хальгартену объяснение ряда конкретно-исторических вопросов. Так, например, анализируя политику германского империализма в Южной Африке в связи с англо-бурской войной, Хальгартен не связал перипетии этой политики со столкновением интересов двух групп немецкого финансового капитала — Немецкого банка и «Дисконто-гезельшафт», каждая из которых на разных этапах то сталкивалась с английским капиталом, то искала сотрудничества с ним[1].

В качестве примера того, к чему приводит ограниченное и, следовательно, неправильное понимание финансового капитала, можно сослаться на то, как Хальгартен расценивает проникновение германского капитала в Китай на рубеже XIX и XX веков. Правильно отмечая, что немецкие банки действовали на Дальнем Востоке в тесном сотрудничестве с крупнейшей английской компанией «Гонконг энд Шанхай бэнкинг корпорейшн», Хальгартен приходит, далее, к выводу, что «английские и германские интересы в Шаньдуне и в районе реки Янцзы были тесно связаны между собою». В этом он усматривает экономические корни англо-германского соглашения о Янцзы 1900 года; он считает, что это соглашение было подписано германским правительством «в интересах германской военной промышленности и еще более в интересах немецких судоходных компаний». Нам представляется, что Хальгартен не заметил, как под оболочкой сотрудничества германского и английского капитала в Китае быстро укреплялись и расширялись самостоятельные позиции и интересы германского финансового капитала в этой стране[2]. Соглашение о Янцзы было продиктовано с немецкой стороны не только интересами военной промышленности и судоходства, но и интересами более широких кругов финансового капитала, которые рассматривали свое проникновение в Китай как одну из составных частей своей «мировой политики». Англо-германское соглашение о Янцзы было одной из конкретных форм растущего антагонизма между финансовым капиталом Англии и Германии.

Хальгартен понимает *объективное* значение нараставших англо-германских противоречий, предопределивших, в частности, крах дипломатических переговоров о союзе между Англией и Германией. Если буржуазные исследователи, в том числе наиболее крупный из них — Гоффман, стремились доказать, что экономической основой этих противоречий была торговая конкуренция[3], то Хальгартен на большом материале показывает, что сущность этих противоречий была империалистической. «...Как раз этот вид конкуренции,— пишет он,— наименее характерен для сущности англо-германского антаго-

---

[1] А. Е р у с а л и м с к и й, Германский империализм и возникновение англо-бурской войны, Сборник статей в память акад. Е. Тарле, М., 1958.

[2] См. А. Е р у с а л и м с к и й, Проникновение германских монополий в Китай на рубеже XIX и XX веков («Вопросы истории», 1960, № 9).

[3] См. R o s s J. S. H o f f m a n n, Great Britain and the German Trade Rivalry 1875—1914, Philadelphia—London 1933.

низма. Англо-германское расхождение объясняется... скорее тенденцией монополизировать для экспорта капитала и потребностей собственной промышленности максимум рынков сбыта и источников сырья. В результате вся проблема попала в сферу насилия, «политики мощи» и флотской политики». С другой стороны, при объяснении конкретных событий международной политики (русско-германский торговый договор, политика Германии накануне и во время русско-японской войны, марокканские конфликты и другие события, связанные с колониальной политикой германского империализма) Хальгартен немало внимания уделяет вопросу о влиянии аграриев на внешнюю политику Германии, раскрывая при этом их экономические интересы. И хотя он не пользуется определением германского империализма того периода как юнкерско-буржуазного, тем не менее весь приведенный им материал лишь подтверждает, насколько теоретически точным и исторически правильным является определение, выработанное В. И. Лениным применительно к эпохе первой мировой войны и ее подготовки. Но это только подчеркивает непоследовательность Хальгартена, проистекающую из его общих теоретических взглядов.

Эта непоследовательность еще более досадно сказывается во второй и, нужно признать, наиболее интересной половине его книги. В этой части своего труда он исследует внутриполитические основы той перегруппировки сил на международной арене, которая привела, с одной стороны, к созданию Тройственного согласия (Англия, Франция и Россия),а с другой —к кризису «политики маятника» и растущей изоляции Германии в условиях усилившейся экспансии германского империализма (борьба за влияние в России, колониальная политика в Африке, германское «внедрение» в Голландию и Бельгию и т. д.). Особое внимание Хальгартен уделяет вопросу о проникновении германского империализма на Ближний Восток, в частности, в связи со строительством Багдадской железной дороги. Многие приводимые им материалы свежи и интересны. Но, будучи увлечен задачей показать роль Круппа и вообще военной промышленности, он не видит более широких аспектов германской политики на Ближнем Востоке[1]. Много важных и интересных наблюдений Хальгартен сделал и там, где он, показывая усилия германской дипломатии устранить опасность международно-политической изоляции Германии, анализирует социально-экономические условия, наличие которых объективно определило неизбежную неудачу этих усилий. Далее, выйдя за пределы анализа движущих сил германской империалистической экспансии и внешней политики, он обратился к анализу более широкой проблемы — социологических предпосылок первой мировой войны.

В этой связи Хальгартен уделил много места и внимания рассмотрению «социологических основ» внешней политики не только германского, но и английского, французского и русского империализма[2]. С большим мастерством и порою не без злой иронии и сарказма он раскрывает механизм влияния крупных монополий, финансовых клик, крупных промышленных магнатов и пушечных королей на политику правительств, разоблачает финансовые махинации, которые лежали в основе дипломатических комбинаций и политики колониальных захватов. Хальгартен рисует впечатляющую картину беспримерного биржевого ажиотажа и погони за легкой наживой, которым безудержно предавались воротилы капиталистического мира, их поли-

[1] См. Г. Л. Бондаревский, Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1888—1903), Ташкент, 1955.

[2] Социально-экономическую основу внешней политики царской России Хальгартен определяет как «феодальный милитаризм», что приближается, но далеко не совпадает с ленинской характеристикой русского империализма как военно-феодального. При написании своей работы Хальгартен опирался на труды М. Н. Покровского, хотя по некоторым конкретным вопросам полемизировал с ним. Анализ теоретических взглядов В. И. Ленина см. А. Л. Сидоров, В. И. Ленин о русском военно-феодальном империализме («История СССР», 1961, № 3).

тики, дипломаты, журналисты и просто крупные и мелкие хищники, например в Конго и Камеруне. Факты колониального грабежа могли бы казаться почерпнутыми из хроники уголовной жизни, если бы они не составляли существа колониальной политики империалистических держав, больших и малых. Эти факты являлись составной частью того механизма колониальной эксплуатации и колониального соперничества, который, превращаясь в дело государственной политики господствующих классов, не раз ставил мир, применяя термин нашего времени, «на грань войны».

Не менее интересно и важно многое из того, что Хальгартен пишет о зловещей роли крупных магнатов военной промышленности: Круппа — в Германии, «Шнейдер—Крезо» — во Франции, «Армстронг» — в Англии, Путилова — в России. Исследование глубоких связей, скрытых под покровом тайны, между пушечными королями различных стран обнажает сложную систему рычагов давления на правительства в целях разжигания военных конфликтов. В систему этих рычагов входили и инспирируемая пресса, и парламентские инсценировки, и тайные подкупы политических деятелей путем соответствующего распределения акций и дивидендов, и широкая коррупция высшей бюрократии, и включение в состав правительства прямых агентов военных концернов. Хальгартен показывает, что по мере роста империалистических противоречий шел процесс быстрого роста военной промышленности и вооружений, который в свою очередь превращался в могущественный фактор, стимулировавший империалистическое соперничество держав и толкавший их к войне. Это относилось к морским вооружениям (строительство дредноутов), которые разжигали соперничество в первую очередь между Германией и Англией, и в одинаковой степени к сухопутным вооружениям, которые разжигали соперничество между австро-германским военным блоком, с одной стороны, и франко-русским—с другой. Такое соперничество приносило огромные прибыли пушечным королям, которые, прикрываясь маской патриотизма и раздувая военную опасность, а заодно военные бюджеты государств, создали своего рода «Интернационал смерти». Как утверждает Хальгартен, именно магнаты военной промышленности толкали правительства европейских стран сделать последний «рывок к войне», и в конце концов они добились того, что этот «рывок» в кровавую пропасть был совершен... Выдвигая на первый план роль пушечных королей, Хальгартен тем самым явно отодвигает на задний план роль империалистических монополий и финансового капитала в целом. Но еще никогда часть не была равна целому. Если Хальгартен, по сути дела, пришел к обратному выводу, то в этом повинны его исходные теоретические позиции.

Хальгартен очень много места уделяет анализу роли военной промышленности в назревании империалистических конфликтов, сотрясавших мир в начале XX века, и самого крупного из них — первой мировой войны. Создается впечатление — и не только у читателя, но, по-видимому, у самого автора,— что именно военная промышленность являлась главной движущей силой империалистической экспансии и войны. Вот почему заключительный фрагмент «Идеи — люди — силы», включенный в немецкое издание, Хальгартен начинает с вопроса: «Можно ли утверждать, что... военная промышленность повинна в возникновении мировой войны?» И тут же отвечает: «С таким утверждением, по крайней мере в подобной формулировке, никогда не выступит даже самый строгий марксист, не говоря уже о серьезно мыслящем немарксисте». Хальгартен считает, что «проблема... военной промышленности предстает по меньшей мере лишь как часть общей большой проблематики» (он имеет в виду общую проблематику капитализма и империализма). В рамках этой проблематики он конструирует механизм взаимодействия капиталистического общества и военной промышленности в следующих выражениях: «...Капиталистическое общество... предоставляло денежные средства промышленности. Это же самое общество через государственный аппарат

пускало в ход налоговый пресс, с помощью которого оплачивались вооружения; наконец государству и обществу при раздаче заказов на поставки принадлежал выбор между отдельными претендентами — все это функции, имевшие жизненно важное значение для самого существования военной индустрии, и на них надо было оказывать постоянное воздействие с помощью печати. До войны крупные банки были главными акционерами германской промышленности вооружений... Кроме того, военная промышленность вела дела на международной основе... Дело не только в том, что военные концерны были заинтересованы в увеличении вооружений за границей, поскольку рост вооружений в иностранных государствах влиял на уровень вооружений в собственной стране. Кроме сказанного выше, необходимо отметить, что происходило слияние предприятий военной промышленности разных стран...» Отмечая, что Вильгельм II, имевший тесные связи с фирмой Крупна, «поощрял стремление германской военной промышленности получать иностранные заказы», Хальгартен в конце своей книги пришел к начальному общему выводу: «Для вильгельминизма чрезвычайно типичны эти тесные связи с [военной.— *А. Е.*] промышленностью и монополистическим капитализмом». Но эти связи типичны не только для вильгельминизма.

Еще накануне первой мировой войны В. И. Ленин обратил внимание на «хитрую капиталистическую «механику» вооружений». Он уже тогда отметил, что «судостроительные и пушечные, динамитные и ружейные фабрики и заводы представляют из себя *международные предприятия*, в которых капиталисты разных стран дружно надувают и обдирают, как липку, «публику» разных стран...»[1] Уже в 1908 году Ленин пришел к выводу, что «современный милитаризм есть результат капитализма. В обеих своих формах он — «жизненное проявление» капитализма: как военная сила, употребляемая капиталистическими государствами при их внешних столкновениях («Militarismus nach aussen», как выражаются немцы) и как оружие, служащее в руках господствующих классов для подавления всякого рода (экономических и политических) движений пролетариата («Militarismus nach innen»)»[2].

Хальгартен широко показывает милитаризм в первой форме его проявления и более чем скупо — во второй. Вот почему его социологическое исследование германской внешней политики не дает ответа, по крайней мере исчерпывающего ответа, на вопрос: какие социальные силы были или могли стать барьером на путях германского империализма и милитаризма к войне? Это связано с другим вопросом: каким образом германский империализм, который видел размах рабочего и социалистического движения, сумел при помощи правых лидеров социал-демократии временно отбросить это движение далеко назад? И на этот вопрос Хальгартен не дает ответа. Вместе с тем, анализируя расстановку сил в лагере господствующих классов, Хальгартен утверждает, что «мировой экспансии Германии препятствовали финансово-капиталистические интересы». Не раз выдвигая мысль о возможной сдерживающей силе «финансово-пацифистских кругов», он поясняет свою мысль в следующих словах: «Крупные финансисты были на «ты» с империалистическими правительствами не только из страха перед социализмом; их международные связи не одинаковы и в каждом случае должны рассматриваться особо. Они могут являться сильной поддержкой для пацифизма, особенно в периоды, когда промышленность различных стран объединяется в картели и при этом поддерживается финансистами. С другой стороны, они могут усиливать трения».

Не разделяя ленинской концепции империализма, Хальгартен считает, что только финансисты, имеющие широкие международные связи, представляют интересы финансового капитала; тем самым в какой-то степени он про-

[1] В. И. Ленин, Вооружения и капитализм, Соч., т. 19, стр. 83—84.

[2] В. И. Ленин, Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии, Соч., т. 15, стр. 169.

тивопоставляет их общим интересам агрессивного империализма. Разумеется, эти международные финансовые связи не были, да и не могли быть, серьезным препятствием на пути к империалистической войне. Наоборот, участие германского финансового капитала в международных союзах капиталистов являлось одной из форм его экспансии и стремления к переделу мира. Ведь и военная промышленность, как признает Хальгартен, имела широкие финансовые связи. В целом концепция Хальгартена сводится к тому, что «военная промышленность как по своему экономическому, так и социальному значению была... одной из составных частей — правда, ведущей,— в том комплексе интересов», который определяется им как империализм[1].

Таким образом, несмотря на противоречивость своей общей концепции, вытекающую из разнородности его философско-исторических и социологических взглядов, Хальгартен в ходе своего исследования пришел к выводу, что внешней политике германского империализма всегда были присущи свойства особой агрессивности и авантюризма и что эти свойства были порождены «уже давно существовавшей диспропорцией германской социальной и экономической системы», то есть глубокими внутренними противоречиями германского империализма. «По этой причине,— заключает Хальгартен свое исследование,— возникла необходимость в насильственных решениях, по этой причине Германия со всем своим населением, находившимся под властью военной касты, неудержимо устремлялась от одной катастрофы к другой».

Ясно, что подобного рода выводы не могли найти резонанса в Западной Германии, где крупные монополии и милитаризм полностью сохранили свое господство. Попытка Ф. Мейнеке, предпринятая после военного разгрома «Третьей империи», осмыслить «немецкую катастрофу»[2] как «величайшую загадку» являлась лишь свидетельством глубокой идейной растерянности немецкой буржуазной интеллигенции тех времен. Но уже вскоре реакционная историография в Западной Германии, консолидировав свои силы, открыто и целеустремленно включилась в дело реставрации идеологических основ германского империализма применительно к новым задачам[3]. Не удивительно, что в этих условиях она постаралась замолчать работу Хальгартена. Встав на путь апологии милитаризма и его исторических традиций, она в то же время вернулась к старым, изжившим себя схемам дипломатической истории[4] и тем самым в методологическом отношении вернулась в тот самый тупик, из которого Хальгартен пытался найти выход.

Этот выход нашла прогрессивная историческая наука в той части Германии, где устранено господство империалистических монополий и агрессивного милитаризма. Решительно порвав с идеологией и традициями немецкой буржуазной историографии, молодая, набирающая силы историческая наука в Германской Демократической Республике в последние годы обогатилась рядом серьезных трудов по отдельным вопросам истории германского импе-

---

[1] Интересно отметить, что эту же мысль Хальгартен положил в основу и нового исследования, в котором на основании неопубликованных документов стремился показать связи гитлеровского фашизма с милитаризмом и тяжелой промышленностью. См. G e o r g e W. F. H a l l g a r t e n, Hitler, Reichswehr und Industrie. Zur Geschichte der Jahre 1918—1933, Frankfurt a/M 1955.

[2] F r i e d r i c h M e i n e c k e, Die Deutsche Katastrophe, Wiesbaden 1949.

[3] См. А. Е р у с а л и м с к и й, О некоторых попытках реабилитации германского империализма в современной реакционной историографии. («Вопросы истории», 1953, № 8.) Е г о ж е, Идеология германского империализма—идеология войны. Сборник «Германский империализм и вторая мировая война», М., 1961; E. E n g e l b e r g, Uber das Problem des deutschen Militarismus, «Zeitschrift fur Geschichtswissenschaft», 1956, N 6; W e r n e r B e r t h o l d, «...Grosshungern und Gehorschen». Zur Entstehung und politischen Funktion der Geschichtsideologie des westdeutschen Imperialismus untersucht am Beispil von Gerhard Ritter und Friedrich Meinecke, Berlin 1960.

[4] См., например, F. H a s e l m a y r, Diplomatische Geschichte des Zweiten Reiches 1871—1918, Bd. I—IV, 1961.

риализма конца XIX — начала XX веков[1]. Ее исходные научные позиции— марксистско-ленинская методология. И в этом залог ее успеха.

Исходные теоретические позиции Хальгартена иные: он не сумел пойти на полный разрыв с методологическими идеями немецкой буржуазной философии истории и социологии. И поэтому, сделав крупный шаг вперед, он все же не мог найти выхода из кризиса, который они переживают.

Существует в буржуазной историографии представление, будто история учит только тому, что она ничему не учит. Хальгартен не разделяет этого взгляда. Он надеется, что, показав в своей работе «груз исторического наследия», которым обременен современный империализм, он как бы предостерегает капиталистическое общество относительно будущего. «Недостаточная решимость покончить с прошлым,—пишет Хальгартен,— смело пожертвовать все равно потерянными позициями, вероятно, дорого обойдутся капитализму в его борьбе за существование». И все же Хальгартен надеется, что правящие круги Запада извлекут уроки из истории, откажутся от колониализма и тем самым смогут «предотвратить катастрофу и загладить грехи, допущенные в этой области... в классический период империализма». Вот почему в «Предисловии 1950 года», предпосланном его исследованию, Хальгартен писал: «Труд адресован всем тем, в ком ужасы истекших десятилетий еще не погасили надежды на возможность проникнуть разумом в суть вулканических извержений исторического процесса и обуздать их. Он написан для тех, кто по убеждению или инстинктивно пришел к выводу, что к пониманию сущности этого периода нельзя приблизиться, применяя методы как гитлеровской, так и догитлеровской историографии, которая рассматривала технологию «политики силы» как движущий фактор исторического развития. Он посвящен всем тем, кто в обломках мира, разрушенного войной, ищет средства подчинить себе слепые силы якобы неотвратимого исторического процесса, тем, кто не желает стать беспомощной жертвой апокалиптических всадников, которые сегодня, как и в начале нынешнего века, грозят растоптать человечество своими подковами».

К сожалению Хальгартен не понимал, что решающей силой на пути к предотвращению новой мировой войны является Советский Союз и вся мировая система социализма, а это означает, что он не сумел сделать правильных выводов из своего собственного исследования. Для нас его крупное исследование ценно не только тем, что заключает в себе обширный и интересный фактический материал, но прежде всего тем, что, выйдя за рамки традиционной буржуазной историографии, оно в не малой степени помогает уяснить, как алчные интересы господствующих классов приводят в действие механизм империалистической экспансии, агрессии и войны.

А. ЕРУСАЛИМСКИЙ

---

[1] См. J. Kuczynski, Studien zur Geschichte des deutschen Imperialismus, Berlin 1952; A. Schreiner, Zur Geschichte der deutschen Aussenpolitik, Berlin 1954; А. Норден, Уроки Германской истории. К вопросу о политической роли финансового капитала и юнкерства, М., 1948; H. Stoecker, Deutschland und China im 19. Jahrhundert, Berlin 1958; его же, Kamerun unter deutscher Kolonialherrschaft, Bd. I, Berlin 1960; K. Büttner, Die Anfänge der deutschen Kolonialpolitik in Ostafrika, Berlin 1959; F. F. Müller, Deutschland—Zanzibar—Ostafrika, Geschichte einer Kolonialeroberung 1884—1890, Berlin 1959; Stenkewitz, Gegen Bajonetten und Dividende, Berlin 1960; Rathmann, Araben stehen auf, Berlin 1960.

Незабвенному Эккарту Керу посвящаю

Предисловие 1933 года

Эта книга — продукт войны. Картина внутренней борьбы вокруг внешнеполитического курса во время мировой войны, дуэль между Людендорфом и Шейдеманом пробудили у автора желание подвергнуть общему анализу отношение политических партий к внешней политике вне зависимости от места и времени. «Партии и внешняя политика» — таково было первоначально принятое автором название данного исследования.

Однако чем глубже я погружался в изучение проблемы, тем больше политические партии отступали на задний план. Этот процесс происходил как в моих воззрениях, так и в реальной действительности. Становилось все более ясно, что для моего исследования важны не столько политические партии как таковые, сколько стоящее за ними нечто, которое нельзя ни взвесить, ни измерить. Это нечто обволакивалось политикой, как ядро ореха скорлупой. Но по мере того как я уделял все больше внимания самому ядру, то есть империализму, снятая мною скорлупа теряла свою ценность и в глазах общественности.

Немногим более чем через месяц после того, как была закончена рукопись, постепенно выкристаллизовавшийся заголовок которой гласил «Довоенный империализм», к власти пришел человек, выбросивший эту скорлупу в мусорный ящик.

В принципе я не очень сожалел о сдвиге в моей теме. Тот, кто вырос во времена, когда подростки уже не увлекались или не столь увлекались «Кожаным чулком» и Карлом Майем, а проглатывали вслед за Свеном Гедином и Фритьофом Нансеном «Немецкую книгу для мальчиков», «Нейес универзум» или Густава Френсена, во времена, когда в школе задавали учить наизусть по географии Гейстбека, скажем, прохождение железной дороги из Ломе в Палиме и Атакпаме (Того), тот, вне всякого сомнения, на ты с довоенным империализмом, даже в том случае, если применяемый метод оценки довоенного империализма почерпнут из периода его похорон. Более того, есть определенная прелесть в анализе прикрывающегося романтическим плащом довоенного империализма при помощи антиромантично-рациональных методов. Ведь нельзя отрицать, что довоенный империализм, покрытый романтическим лаком, был мало самокритичен, что он не уделял должного внимания тому самому рационально-капиталистическому ядру, для анализа которого, как нельзя лучше, подходит духовный инструмент, возникший в эру, открывшуюся с 1918 года.

Конечно, сказанное следует понимать cum grano salis. В эру после 1918 года также не существовало единства взглядов на империализм. Именно картина пропасти, разделяющей методологию марксизма и немарксизма, ощущение весьма тревожного с научной точки зрения методологического противоречия между прошлым и настоящим вынудили меня глубоко задуматься над проблемами методологии. В конечном итоге это привело меня к методу (его можно было бы назвать феноменологическим), применение которого придает, как мне кажется, этой книге в некотором смысле вневременно́й и международный характер.

Единственное, что привнесло нынешнее время, — это более сильный упор на расовый элемент в историческом процессе. Я употребляю выражение «более сильный», ибо даже самые заядлые сторонники расовых теорий, претендующие на научность своих изысканий, не склонны или не в силах приписать этому элементу роль всеопределяющего фактора. Бесспорно, что общепринятый либерализм пренебрегал вопросами соотношения между отдельными социологическими явлениями (семья, нация, народ, класс, профессия) и понятием расы. Но, с другой стороны, нельзя переоценивать значение этого момента как исторической причины. Понятие расы ни в коей мере не совпадает с понятием нации. А такие явления, отличающиеся широтой охвата и глубиной влияния, как современный капитализм и его социальные последствия, затрагивают одновременно многие расы.

В данном случае имеет место попытка обрисовать социальные основы довоенной внешней политики современных государств, и в особенности основы германской внешней политики...

Манера изложения определяется исходными позициями. Чем яснее мне становилось, что первоначальный предмет моего исследования — отношение партий к внешней политике — представляет собой лишь частицу значительно более широкой проблемы, имеющей социологический характер, тем насущнее становилась задача социологической интерпретации внешней политики вообще. Возникла необходимость подвергнуть анализу социологические основы внешнеполитических событий соответствующего периода истории Германской империи. Однако подобная задача никак не могла быть решена одним человеком, какие бы усилия он ни прилагал для этого. Существует глубокое несоответствие между методами, применения которых требует современность, и техническими средствами, которые она предоставляет. Для решения задачи, которую я перед собой поставил, по сути дела, были бы необходимы целые институты.

Мне оказалось также совершенно не под силу привлечь «весь» имеющийся в наличии материал для социологической интерпретации германской внешней политики. В своем исследовании я ограничился изучением опубликованных дипломатических актов соответствующих государств, особенно Германии и Англии, протоколов заседаний рейхстага и некоторых важнейших газет различного направления, в первую очередь «Крейццейтунг», «Кёльнише цейтунг», «Франкфуртер цейтунг» и «Фоссише цейтунг». Частично были использованы газеты «Форвертс» и «Германиа». Кроме того, дополнительно был привлечен материал газетных архивов «Франкфуртер цейтунг», издательства «Ульштейн» и «Кёльнише цейтунг». Я глубоко признателен господам, руководящим этими архивами, особенно г-ну Герману Бёму — создателю образцового архива «Кёльнише цейтунг», в котором содержится бесценный материал по довоенному периоду.

Опубликованные дипломатические документы я имел возможность во многих случаях пополнить за счет неопубликованных материалов. Ценными источниками снабдили меня архив германского ведомства иностранных дел, морской архив и архив города Гамбурга. Этим инстанциям я также весьма благодарен.

Список использованной мною печатной литературы и подробный библиографический обзор были уничтожены в 1933 году в результате мер, принятых полицией «третьего рейха» по отношению к секретарю автора. Одновременно погибла часть документальных материалов, которые я намеревался поместить в виде приложения к настоящей книге. Эта библиография включала, в частности, названия новейших работ на русском языке, которые были в выдержках переведены автору. Либеральный дух Баварской государственной библиотеки дал мне возможность представить этот печатный материал в объеме, выходящем за пределы обычно доступного. В последние годы в поисках литературы и частично при ознакомлении с газетными материалами мне

помогали студенты. Особенно обязан я двум из них — студенту-юристу Герхарду Радюнцу и студенту-историку Иозефу Шваннеру.

С течением времени масштабы работы разрослись в гораздо большей степени, чем я мог предполагать или желать. Когда к рождеству 1932 года рукопись была закончена, опоздание по сравнению со сроками, установленными мною первоначально, составляло годы. Переработка начальных глав и проверка рукописи, в ходе которой в ряде случаев учитывалась вышедшая тем временем новая литература, потребовали еще добрых полгода.

Только любовь и понимание, проявленные моей матерью, сделали для меня возможной столь значительную экономически «непродуктивную» затрату времени.

Желая быть правильно понятым, я хотел бы в заключение еще раз особо подчеркнуть, что по своим методам, целям и назначению эта книга не может и не предназначена заменить ни собственно политическую историю — учение об отражении связи событий в психологии государственных деятелей и политиков, ни родственные ей биографические описания. Напротив, книга в определенном смысле берет уже в качестве предпосылки результаты подобных исследований, выяснение важнейших политических связей. Не отвергает она и того, что при определенных обстоятельствах научные интересы требуют проследить эти связи во всех их переплетениях с той точностью, какая только возможна с технической точки зрения. Таким образом, книга не отрицает за политико-историческим исследованием права на существование. Однако, с другой стороны, она подчеркивает, что такого рода исследования, по сути дела, имеют своим предметом лишь тактику исторических индивидуумов, а она, как и всякая тактика, имеет в своей основе заранее заданную цель. А все дело именно в целях исторических индивидуумов — в истинных исторических мотивах. Данный труд — это эмпирический вклад в теорию мотивации.

Повторю еще раз: эта книга нацелена на то, чтобы дополнить, а отнюдь не подменить биографические описания и собственно политическую историю. Она стремится не отрицать, а подчеркивать значимость последних и содержит — не могу в заключение не подчеркнуть этого — вероятно, гораздо больше благоговения перед «сущностью», скрывающейся за «видимостью», чем это может показаться на первый взгляд. Однако она не стремится познать «сущность», произвольно ломая рамки эмпирии. Профессия ученого и отрицание эмпирического метода, на мой взгляд, исключают друг друга. Тот, кто жаждет «зрелищ», сказал как-то Макс Вебер, пусть идет в кино.

Таким образом, констатацию иррациональных границ «я» эта книга сознательно предоставляет философам, а их психологическую трактовку — поэту:

Если хочешь уйти в бесконечность,
Иди в конечном во всех направлениях.

Мюнхен,
начало августа 1933 года

Автор

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ БИСМАРКА

Характер внешней политики Бисмарка

В истории нередко бывает, что политические идеалы оппозиционного движения подхватываются людьми из противоположного лагеря, которые пытаются, вступив в союз с современными силами, спасти, в той степени, в какой это еще возможно, в корне подорванные социальные позиции и разложить первоначальную оппозицию на ее составные общественные части. К этой категории относился сэр Роберт Пиль, а позднее, например, Густав Штреземан и некоторые другие. К ней же относился и первый канцлер Германской империи. Бисмарк взял на себя руководство Пруссией в тот момент, когда прусское дворянство, потеряв надежду на спасение, повернулось спиной к своим классовым врагам и обратилось в бегство от наступающего капитализма, пытаясь при этом делать вид, будто оно марширует в его авангарде. Этот консервативный мотив определял и последующую внешнюю политику Бисмарка: первый канцлер Германской империи уступал лишь настолько, насколько это было необходимо, и не проявлял никакого желания жертвовать прусскими гренадерами, которых он, правда, в субъективных интересах усиления Пруссии предоставил в распоряжение поднимающегося класса, еще и ради авантюр за океаном, и тем более ради игры в мировую политику, которая могла бы поколебать уже достигнутые позиции. «Ваша карта Африки,— заявил он однажды с присущим ему поразительным лаконизмом воодушевленному колониальными идеями посетителю,— очень хороша, но моя карта Африки находится в Европе. Здесь расположена Россия, а здесь [жест влево.— *Г. Х.*] — Франция; мы же находимся в центре. Вот моя карта Африки»[1]. Мирная политика, которую стал проводить теперь Бисмарк, не была миролюбивой политикой, как таковой, что совершенно ясно видно из процесса ее становления; тем не менее это был реалистический пацифизм, базировавшийся не только на рационально-политических соображениях, но и на глубоко антиимпериалистически-квиетических инстинктах сельского юнкера, вернувшегося со временем к своим исходным позициям, которые он покинул не из задора, а скорее по нужде.

Основная схема этой политики была предельно ясна. Следовало сохранять мир со всеми, с кем только можно было. Практически это означало, что в своей политике Германская империя опиралась на Россию — причем не столько из легитимистских соображений, хотя эти соображения часто по причинам тактического характера выдвигались на передний план, сколько потому, что между Германской империей и Россией не существовало крупных политических разногласий. Тем не менее считалось, что хорошие отношения

[1] O. Bismarck, Gesammelte Werke, 8. Bd., S. 646 (беседа с Ойгеном Вольфом).

с Россией не должны вести к ухудшению отношений с Австрией, которую, учитывая интересы безопасности немецкой южной и юго-восточной границы, пытались привлечь на свою сторону, оказывая поддержку ее политике в восточном вопросе, что, правда, достаточно часто приводило к омрачению желанных хороших отношений с Россией.

Во Франции, напротив, отношение к Германии определялось мотивами, которые привели к войне 1870 года. Поражение еще больше усилило эти мотивы, поскольку вместо обеспечения себе рейнского пояса безопасности Франция потеряла Эльзас-Лотарингию. Тем самым ее безопасности был нанесен ущерб, что позволило французским экспансионистам и особенно французской тяжелой промышленности в будущем с легкостью использовать в интересах своей политики остальные слои населения. Поэтому в политической схеме Бисмарка Франция по-прежнему рассматривалась как главный противник. Гораздо менее определенным в планах Бисмарка было его отношение к Англии.

К огорчению Бисмарка, Англия нередко пыталась втянуть немцев в свою всемирно-политическую борьбу с Россией; однако в качестве возможного противовеса русской политике на Востоке, а главным образом — политике Франции, Англия имела для Германской империи чересчур большое значение, чтобы немцы могли позволить себе совсем обескураживать ее. Постоянный рост промышленного производства в Англии и Германии одно время усилил интимность в их отношениях. В то же время развертывание колониальной активности приводило к углублению противоречий между ними. В результате с точки зрения дальнего прицела англо-германские отношения оставались неустойчивыми и не поддающимися учету.

Кардинальной проблемой для данного исследования является выяснение того, на какие социологические элементы опиралась германская мирная политика бисмарковской эры. Перестановка этих элементов неизбежно должна была привести к изменению и всей политики. Основной характер любой внешней политики может быть сохранен лишь до тех пор, пока для нее существуют внутренние социологические предпосылки и пока эта политика не опровергнута соответствующим развитием в других странах. Задача историографии состоит в том, чтобы постоянно нащупывать эту социальную основу. Однако социальный фундамент изменяется незаметно; при этом на него влияют факторы, ускользающие от контроля как историков, так и профессиональных политиков, которые зачастую — в случае катастрофы — начинают поиски ее причин там, где их никак нельзя найти.

Внутриполитические основы внешней политики Бисмарка после образования империи

Внутриполитические предпосылки бисмарковской политики юридически основывались на имперской конституции 1871 года, которая, будучи сравнена со своею матерью-конституцией Северогерманского Союза, отражает политическую борьбу, сделавшую возможным включение в империю Южной Германии. Южногерманские государства, возглавляемые Баварией, оказавшись в результате разгрома Франции в полной изоляции, так или иначе были вынуждены дать согласие на присоединение к Северной Германии. Однако они постарались продать свою шкуру по возможности дороже. Либералы-централисты, представители которых Фриденталь, Ласкер и Бамбергер принимали участие в разработке конституции, выражали возмущение по поводу уступок, сделанных особенно Баварии. Не меньшее возмущение высказывала и клика военных руководителей, которая считала, что военное

дело недостаточно централизовано. Однако Бисмарк знал, почему пошел на такие уступки: он стремился мобилизовать все вспомогательные силы, чтобы создать в новой империи противовес тем духам, которых он сам вызвал, — противовес демократическому парламенту. Конституция с самого начала парализовала парламентскую оппозицию, вне зависимости от того, какие классы ее образовывали. Свою борьбу во всех областях, и особенно в области внешней политики, рейхстаг должен был вести лишь в рамках утверждения расходов; партии были вынуждены косвенным путем постепенно добиваться полномочий, которыми в других странах политические партии уже давно обладали.

На первых порах собственно оппозицию составляли клерикалы, в то время как все либералы поддерживали правительство, вместе с которым они создали империю[1]. Клерикализм оправился от удара, нанесенного ему в 1866 году.

В новом германском рейхстаге появилась партия, которая, рассчитывая на поддержку со стороны консервативно-протестантских элементов из рядов низложенной княжеской верхушки, со стороны сил, разгромленных в 1866 году, и оппозиционных прусских феодалов, приняла нейтральное наименование — «Партия центра»[2]. Из рядов оппозиционных консерваторов, крайне враждебно относившихся к империи, в эту новую партию пришел старший советник юстиции Людвиг фон Герлах, что, разумеется, ни в коей мере не меняло клерикального характера этой организации, стремившейся предотвратить разгром католической церкви и связанных с нею социальных групп партиями и течениями, которые основали империю.

Исход конфликта вокруг военных законов в Пруссии означал, что либеральная Германия отвоевала себе место только в экономическом, но не в политическом отношении. Капитализм развился, либерализм же потерпел поражение — сначала политическое, а вскоре и экономическое. Для буржуа, желавшего кое-чего достичь в Германии, после победы Бисмарка над прусской палатой депутатов принадлежность к либеральной партии любого оттенка была скорее препятствием, чем рекомендацией. Либералов не допускали к важнейшим государственным постам. Патронаж они осуществлять не могли: патронаж в то время в Германии находился в руках феодальных университетских корпораций. Желающим сделать большую карьеру рекомендовалось приобрести дворянство. Оппозиция буржуазии в военных вопросах на базе старого ополчения стала теперь также невозможной. Напротив, поскольку офицерского корпуса оказалось недостаточно для приручения увеличившейся в новой империи массы пролетарско-радикально настроенных рекру-

[1] Рейхстаг 1871 г. состоял из 56 консерваторов, 31 свободного консерватора во главе с графом Бетузи-Хуком и фон Кардорфом, 56 клерикалов (в том числе многочисленных партикуляристов) и, наконец, 56 членов так называемой Либеральной имперской партии, ядро которой составляли старолибералы, в том числе игравшие заметную роль представители интересов банка «Дисконтогезельшафт» и его сферы влияния, а также саксонские партикуляристы и южногерманские правительственные политики, вроде Роггенбаха, Гогенлоэ, Фёлька и Барта (вскоре партия самораспустилась и большинство ее членов присоединилось к национал-либералам). У национал-либералов, насчитывавших официально 110 депутатов, выделялось старопрусское ядро из 28 человек (в том числе Ласкер, Гаммахер, Унру, граф Дона), окруженное представителями отдельных земель, особенно Тюрингии, Вюртемберга, Баварии, Новой Пруссии и Саксонии. В прогрессистской партии имелась группа из 20 старопрусских депутатов, большей частью из крупных городов. Кроме того, в рейхстаге насчитывалось 13 поляков, 3 демократа, 2 социал-демократа, 7 ганноверцев и 1 датчанин. Всего рейхстаг насчитывал тогда 382 депутата. С социологической точки зрения наиболее важна нюансировка между национал-либералами и прогрессистами. В Прогрессистской партии ясно выделялись средние чиновники и среднее сословие; национал-либералы же, вытесняемые в Рейнской области клерикалами, к которым позднее присоединились и социал-демократы, опирались главным образом на поддержку в новых прусских и в непрусских районах.

[2] О создании Партии центра см. Karl Bachem, Vorgeschichte, Geschichte und Politik der deutschen Zentrumspartei, bisher [1932] 9 Bde., Köln 1927 ff., 3. Bd., S. 121 ff.

тов, молодой буржуа, назначенный офицером резерва, становился опорой существующего порядка; попав в зависимость от господствующего прусского дворянства, он со своей стороны социально подпирал его позиции. Такой феодализации капитализма соответствовала, с другой стороны, капитализация феодалов. Те из дворян, кто мог, занялись при помощи мобильного капитала разработкой принадлежавших им полезных ископаемых; в свою очередь в интересах нобилизации этот капитал охотно иммобилизировался. Оба социальных типа совместно контролировали состав ведомства иностранных дел, спорт, бега, общество. Нобилизировавшиеся финансисты и промышленники, которые при Бисмарке были представлены чаще косвенно, через своих родственников и свойственников, чем непосредственно, по крайней мере с момента воцарения Вильгельма II постепенно превращаются в существенный фактор во внешнеполитической службе. Штумм, Ханиэль, фон Рат, Вальдхаузен, Хёш и многие другие становятся звучными дипломатическими фамилиями

Повернувшаяся лицом к капитализму часть аристократии, не «равнявшаяся на навоз», подобно восточноэльбскому юнкерству, то есть в первую очередь клика саксонских магнатов, имела, как уже указывалось выше, свою собственную организацию в лице свободных консерваторов, или, как они именовались в рейхстаге, Имперской партии. Это было слабо связанное в организационном отношении образование, которое, являясь партией подголосков Бисмарка, имело значение, далеко выходящее за рамки своей численности: оно поставляло империи большинство послов, в связи с чем получило кличку «партии послов». Эта партия господ фон Кардорфа и фон Цедлиц-Нейнкирха, герцогов фон Уэйста, Ратибора и Хатцфельд-Трахенберга, графов Хенкель-Доннерсмарка, фон Франкенберга, фон Бетузи-Хука и Ренарда была слишком промышленной или слишком заинтересованной, хотя бы из соображений дипломатической службы, в существовании империи, чтобы быть консервативной. В то же время она была слишком феодальной, чтобы иметь желание прослыть либеральной. Прямые налоги, введения которых требовала позднее в своей борьбе против крупного землевладения Национал-либеральная партия тяжелой промышленности, «партия послов» считала мерзостью. Она же решительно выступала— руководствуясь аграрно-феодальными и локально-силезскими соображениями (заинтересованностью в поставке Берлину зерна и угля) — против возникших позднее планов строительства центрально-германской системы каналов, которое должно было способствовать общей индустриализации Германии, и в первую очередь Вестфалии. Самым отчаянным крикуном в споре вокруг строительства каналов был, правда, не силезец, но также член Имперской партии и промышленный магнат барон фон Штумм-Хальберг, который в качестве суверенного владыки Саарской области защищал, подобно силезцам, провинциальные интересы. Этот человек, известный под кличкой «король» Штумм, правил на территории, обладавшей — в отличие от Рурской области с ее острой конкуренцией между промышленниками, с ее предпринимательскими союзами и классовой борьбой — постоянным рабочим населением, что способствовало примитивному патриархализму такого типа, какого в Рурской области удалось добиться только Альфреду Круппу, использовавшему свое положение монопольного поставщика вооружений. Однако общее развитие не благоприятствовало комбинированному аграрно-промышленному провинциализму Силезии и Саара: по мере развития монополизма и рейнских картелей, по мере развертывания современных, особенно католических, массовых партий Имперская партия стала таять, подобно снегу под лучами весеннего солнца. В конечном итоге она была съедена современным враждебным государству экономическим либерализмом картелей и трестов: система защитных пошлин, введенная главным образом благодаря агитации силезских феодальных магнатов, сразила тех, кто ее породил.

Миллиардная благодать; грюндерство и внешняя политика

Перелом был подготовлен перегретой конъюнктурой шестидесятых годов, для которой характерны такие понятия, как миллиардная благодать и грюндерство. Война 1870—1871 годов еще больше ускорила быстрый подъем экономики. Свободной торговле периода подъема соответствовал всеобщий квиетизм по отношению к внешнеполитическим делам; либерализм подымал на щит бисмарковскую миролюбивую политику. С другой стороны, мир способствовал укреплению тех самых слоев, которые впоследствии сорвали бисмарковскую внешнюю политику. К числу непосредственных результатов войны относился, как это часто бывает, расцвет военной промышленности. Это обстоятельство сделало военную промышленность чрезвычайно чувствительной к последовавшему затем всеобщему экономическому кризису, который вынудил, например, фирму Круппа в Эссене к завоеванию чужих рынков (в частности, фирма занялась подготовкой Турции к будущей войне). Непосредственно на войне нажились также бреславская фирма «Якоб Ландау» и, как мы еще подробно рассмотрим, Блейхрёдер. Что касается Штумма, то он получил главную прибыль от восстановления железных дорог после войны.

Кроме этой непосредственной военной прибыли, война принесла миллиардную французскую контрибуцию, стимулирующее воздействие которой способствовало приближению экономического краха и тем самым процессу промышленной концентрации. Будучи частично использованы для дотаций, французские миллиарды изменили и социальное положение руководящего государственного деятеля. Из мелкого сельского юнкера, которому было не так-то просто выбиться в люди и который предпочитал государственную службу сидению в своей померанской дыре, он стал крупным землевладельцем, занимающимся также промышленной деятельностью. Несмотря на свои шесть винокуренных заводов, он все еще интересовался больше сельским хозяйством и лесоводством — в отличие от главных сил Имперской партии, среди членов которой преобладал интерес к промышленной деятельности. Тем не менее социологические позиции Бисмарка и Имперской партии были столь близки, что тесная связь между ними, нашедшая свое выражение в насмешливой кличке, данной этой партии («партия подголосков Бисмарка»), основывалась не на односторонности, а на взаимности, на совпадении или сходстве интересов[1].

Капиталы Бисмарка были вложены у Блейхрёдера, через которого дом Ротшильдов имел возможность продолжать в Германии свою старую традиционную практику непосредственного и исключительного государственного финансирования чуть ли не дольше, чем в странах своей прямой деятельности, где ему теперь приходилось ограничиваться ролью одного из равных, хотя

---

[1] Бисмарк был также, по крайне мере косвенно, заинтересован в бумажном производстве в Варцине, где лес из его лесничеств перерабатывался в формуляры для почтово-телеграфного управления. См. R. M e y e r, Politische Gründer und die Korruption in Deutschland, Leipzig 1877, S. 165 f.

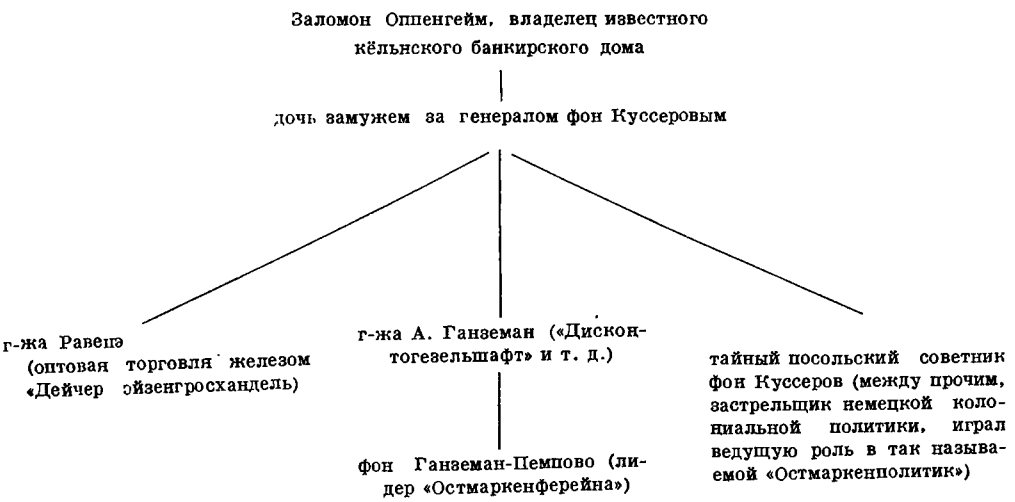
Речь здесь идет, разумеется, о принципиальной оценке социологического характера позиций Бисмарка. Толки о том, участвовал ли он (и в какой сумме) в грюндерских предприятиях «Прейссише центральбоденкредитанштальт», интересуют нас здесь так же мало, как и бурно обсуждавшееся утверждение о том, что он специально изменил законодательным путем прусское ленное право от 1867 г., чтобы обеспечить за своей женой право наследства. (R. M e y e r, op. cit., S. 150 f.). Все это—нападки, к которым обычно прибегают те, кто постоянно делает упор на формальное нарушение правового порядка, не видя при этом бревна в собственном глазу. Нас не интересует правовой порядок, не изменяющий социальных отношений, как таковых; речь здесь идет о самих этих социальных отношениях. Правильно, во всяком случае, то, что Бисмарк иногда, не раздумывая, использовал законодательное оружие в своих собственных интересах.

на первых порах и главного среди них*. Блейхрёдер провел операцию по финансированию войны 1866 года. С 1866 года он управлял «Вельфским фондом», созданным из имущества ганноверского королевского дома, а после 1871 года инвестировал французские миллиарды. В парламенте его непосредственно представлял фон Кардорф, совершавший с Блейхрёдером свои основные сделки. В свою очередь крупнейший соперник Блейхрёдера банк «Дисконтогезельшафт» действовал непосредственно через доверенного человека Бисмарка — тайного советника Лотара Бухера, который, подобно Микелю из «Дисконтогезельшафт», интерпретировал теперь коммунизм своей юности в смысле государственной поддержки производительных сил и играл немаловажную роль в экономической политике своей эпохи[1].

Другой важной фигурой в игре «Дисконтогезельшафт» в парламенте и правительстве, кроме президента Морского торгового общества Кампхаузена, сорвавшего своими кредитами дисконтную политику Имперского банка и создавшего тем самым возможность большого, миллиардного бума, был тайный посольский советник фон Куссеров, родич главы и владельца «Дисконтогезельшафт», ставший позднее застрельщиком колониальной политики[2]. В королевском кабинете министров «Дисконтогезельшафт» было представлено советником Верманом, замена которого тайным советником консерватором Германом Вагенером вызвала в конечном итоге знаменитые атаки со стороны лидера левого крыла национал-либералов в палате депутатов Эдуарда Ласкера, который, действуя в интересах «Дисконтогезельшафт», разоб-

[1] О тесных связях между Бухером и Ганземаном см. R. M e y e r, op. cit., S. 135. Мейер, образованный экономист школы Родбертуса, был долгое время сотрудником Германа Вагенера, а затем перешел в оппозицию. Он был превосходно информирован. По свидетельству Тидемана и других, его книга вызвала большой шум и вскоре была запрещена. Однако приводимые им данные, насколько это возможно проверить, полностью соответствуют истине. Сегодня следовало бы произвести переоценку и право радикальной оппозиции Бисмарку: более точной оценки заслуживает безусловно честный фон Дист-Дабер. В остальном так называемые декларанты (феодальные оппоненты капитализма, сотрясавшие воздух в знаменитых статьях «Эры» в «Рейхсглоке») в ряде случаев были просто неправильно информированы; Р. Мейер (op. cit., S. 157 f.) со знанием дела указывает на их ошибки.

[2] С социологической точки зрения небезынтересна следующая схема связей:

* Переписка Бисмарка с Блейхрёдером была просмотрена Фейтом Валентином в доме одного американского бизнесмена. Издание этих важных документов, задержавшееся в связи со смертью Валентина, должно быть осуществлено в Лондоне.

лачал великую коррупцию так называемой эпохи грюндерства, но только тогда, когда в ней случайно не был замешан национал-либерал[1].

Не менее важным для ведущих сил капитализма было и представительство в парламенте[2]. Почти все пресловутые грюндерские предприятия того времени имели там серьезную опору. Создавались дороги, основывались промышленные общества, гарантировались высокие комиссионные, тантьемы и другие преимущества, а когда после 1873 года наступил великий крах, акционеров бросили на произвол судьбы. Это общее явление выходило за рамки частного политического значения. Акционеры-парламентарии способствовали использованию государством в больших масштабах системы частного ограбления мелких акционеров. В результате эпоха грюндерства стала чуть ли не символом политики Германской империи. Правда, при Бисмарке она еще воздерживалась от внешнеполитических авантюр, однако позднее и во внешней политике ею был применен принцип, в соответствии с которым очень немногие получали возможность обогащаться, подвергая при этом риску имущество и жизнь всех остальных.

Внешняя политика того времени определялась не только внешнеполитическим консерватизмом Бисмарка, но и тем, что до поры до времени, за небольшими исключениями, у Германии было много внутриполитических забот. Но стоило этому определяющему обстоятельству измениться, как дрогнул и Бисмарк.

Культуркампф и внешняя политика

Пока же, в обстановке международного миролюбия, определявшегося высокой конъюнктурой, Бисмарк был еще в состоянии формировать внешнюю политику империи в соответствии со своими идеалами и установить

[1] Влияние промышленных и финансовых кругов непосредственно на королевский кабинет берет свое начало в более ранний период. Еще с Кобленца Вильгельм I поддерживал непосредственные связи с лидерами рейнских финансистов и промышленников, которые в 1866 году воспользовались случаем, чтобы оказать через королеву Августу определяющее воздействие на решение вопроса об армии (см. J. Hansen, Gustav v. Mevissen, Ein rheinisches Lebensbild 1815—1899, 2 Bde., Berlin 1906, 1. Bd., S. 447 f., а также 2. Bd., S. 584 ff.). Интересно отметить, что Мевиссен особенно ходатайствовал за связь политехников с армией и за увеличение числа мест для добровольцев с одногодичным сроком службы. Знаменитое письмо короля Бисмарку по вопросу о покровительственных пошлинах от 22 июля 1876 года было, видимо, написано также под влиянием рейнских промышленников.

[2] Факты участия членов палаты депутатов, палаты господ и рейхстага в промышленных обществах, в которых в более или менее сомнительных формах было заинтересовано государство, столь многочисленны, что это исключает возможность рассмотрения здесь данного вопроса более детально. «Шлезише фольксцейтунг» от 18 октября 1876 года опубликовала около восьмидесяти имен парламентариев, являвшихся одновременно членами административных советов и директорами. Одно из самых интересных предприятий того времени, «Прейссише центральбоденкредитгезельшафт», капитал которого был фактически покрыт всего лишь на 5 процентов (среди его концессионеров мы встречаем наряду с «Дисконтогезельшафт» также Блейхрёдера, Ошенгейма и Ротшильда), имело в своем наблюдательном совете, в частности, следующих бывших министров и депутатов: министра фон Бернута, фон Бетман-Гольвега, Браун-Висбадена, Микеля, фон Кардорфа, фон Зенгер-Грабово, фон Ведель-Мальхова, тайного финансового советника Шесле, фон Эккардштейна-Прётцеля, графа Арним-Бойтценбурга и др. В правлениях пресловутых дорог грюндера Штроусберга заседали в числе прочих граф Лендорф, герцоги фон Уэйст и Ратибор, граф Зольмс-Зонненвальде, граф Эберхард Штольберг и др. Важно отметить, что интересы румынского предприятия Штроусберга, проглоченного после краха последнего «Дисконтогезельшафт» и банком Блейхрёдера, побудили Бисмарка подталкивать Турцию на интервенцию в Румынии. Таким образом, в интересах финансистов предпринимались уже акции и за пределами имперских границ, хотя в принципе тогда еще не было такой необходимости. Впрочем, подробное рассмотрение всех этих деталей является задачей работы, посвященной изучению внутренней политики Германии. В данном исследовании мы касаемся их лишь тогда, когда они оказывают воздействие на внешнюю политику.

хорошие отношения одновременно с Россией и Австрией, выражением которых явился союз трех императоров[1]. Этот союз, который в консервативных кругах и при дворе, вероятно, обосновывали идеологией Священного союза, что в свою очередь усиливало его критику со стороны ультрамонтанов и левых[2], как и прежде, был направлен также против польских элементов, поскольку правивший германский либерализм находился в конфликте с крепнувшим, клерикально настроенным польским крестьянством. Ударяя по полякам, наносили тем самым удар и по папе римскому, с которым в то время велась борьба также во внутригерманской политике. В то же время неправильно было бы утверждать, что культуркампф велся из внешнеполитических соображений. Бисмарк придерживался антипольского курса и поддерживал союзные отношения с Россией и в другие периоды, когда отношения с папой римским у него складывались лучше[3]. Гораздо более решающей причиной культуркампфа было отношение правительства к либерализму эпохи грюндерства, и особенно к свободным консерваторам, из рядов которых вышли наиболее рьяные поборники культуркампфа. Знаменитый бисмарковский антиклерикальный министр культов Фальк был членом Свободно-консервативной партии. В сущности, культуркампф был направлен против идейных и социальных преград, которые католическая церковь, тактически связанная с германским партикуляризмом, ставила на пути централизирующего либерального капитализма и франкмасонской государственной бюрократии. Борьба велась против ограничения промысловой деятельности, против ремесленничества, против цеховщины, против католической мелкой буржуазии и прежде всего против католической науки, которую пытались вытеснить из университетов и сторонники которой должны были оставить также школы, связанные самым тесным образом с социальной системой капитализма в Германии, поскольку в католических районах империи издавна существовала социальная этика, ставившая целью уберечь народ от подарков новых данайцев эпохи пара и электричества.

Таким образом, внешняя политика Бисмарка в период культуркампфа определялась вовсе не случайной внутриполитической конъюнктурой этого времени, а рядом внутренних и внешних предпосылок, вышедших в своем действии за рамки данного периода. Однако однотипность проблем, возникших в то время во многих цивилизованных государствах, создала политико-тактические возможности, за которые, естественно, не мог не ухватиться мастер тактики, стоявший во главе Германской империи. В международной внутренней политике этого времени, в борьбе, которая велась в Германии, Австрии, Италии, а позднее и во Франции против католической церкви, в гротескно-искаженной форме нашло свое выражение то, что Леопольд фон Ранке называл единством германо-романских народов: социальная основа римской церкви, связанная посредством романтической идеи с гибнущим европейским феодализмом, сменялась теперь новой основой — интернационализмом капитала, который с почти трагической иронией вновь продемонстрировал общность европейских народов, с тем чтобы, разрушая ее сущность, вновь напомнить о прежнем единстве судеб*.

Итальянское национальное движение использовало войну 1870 года для того, чтобы занять Рим. На протяжении последнего времени оно втянулось в борьбу с Францией, что привело к сближению Германии и Италии

---

[1] О союзе трех императоров см. Die Große Politik der europäischen Kabinette von 1871 bis 1914, hrsg. v. Johannes Lepsius, Albrecht Mendelssohn-Bartholdy, Friedrich Thimme, Berlin 1922 ff., I. Bd., Кар. V (в дальнейшем источник цитируется как GP).

[2] Критику левых см. во «Франкфуртер цейтунг» от 10 и 11 сентября 1872 г.

[3] Преобладающую роль внешней политики в культуркампфе подчеркивает (обильно конструируя) особенно Адальберт Валь (Adalbert Wahl, Vom Bismarck der 70er Jahre, Tübingen 1920, S. 70 f.).

* Написано в 1932 г.

на основе совпадения внутри- и внешнеполитических симпатий*. Принцип невмешательства, установленный германскими либералами в первом адресе нового рейхстага, был направлен против попыток использовать германскую политику в интересах восстановления клерикалами власти папы[1]. На вновь приобретенной имперской территории культуркампф означал вытеснение специфически французского населения и особенно духовенства, защита которого должна была создать Партии центра репутацию особо враждебной партии по отношению к империи, хотя и крайне правые в рейхстаге оплакивали это разрушение остатков старого цветистого имперского величия[2]. Однако либеральное большинство рейхстага все еще предпочитало прусскую централизацию имперской территории сохранению системы, которая атаковала его во всей Германии[3]. Под этим же знаком велась и борьба против польской национальности[4] и против датчан в Северном Шлезвиге[5]. Находясь в оппозиции к имперскому централизму господствующего режима, Партия центра тем самым превратилась в защитника интересов этих чужеродных частей империи, защита которых, кстати, соответствовала духу романтической идеологии в национальной области. Такого рода партикуляристские жалобы находили отклик у прусского двора и в легитимистских кругах во всей Германии. Крайне легитимистская оппозиция против Бисмарка и его политики в отношении церкви явилась основой для деятельности германского посла в Париже графа Гарри Арнима, которого Бисмарк подозревал в том, что он претендует на пост имперского канцлера. Борьба Бисмарка против графа Арнима была обусловлена и внутриполитическими и внешнеполитическими соображениями; «красный» и либеральный Бисмарк семидесятых годов, внутриполитические позиции которого были тогда менее прочными по сравнению с периодом после экономического кризиса и великого поворота, использовал эту возможность для того, чтобы одновременно дать мат своему внутриполитическому сопернику и обезвредить политику правых партий. Эти партии, а также генеральный штаб по какому-то странному qui pro quo предпочитали республиканской Франции Францию крайне легитимистскую, соответствовавшую их внутриполитическим идеалам и открывавшую для них возможность постоянно обосновывать внешнеполитическими соображениями свою социальную незаменимость и необходимость укрепления армии.

Седан исключил для Франции возможность создания бонапартистского правительства, выборы же последующих лет почти полностью удалили бонапартизм с политической арены. В то же время радикальный республиканизм, заменивший во многом бонапартизм, еще недостаточно обосновался. Таким образом, остались лишь католическо-клерикальные партии, которые временно примирились с республикой, не будучи в состоянии достичь соглашения о кандидатуре предполагаемого монарха. Тем не менее Бисмарк считал разумным по возможности противостоять этим силам, заигрывая с республикански настроенной мелкой буржуазией. Этот реалистический пацифизм

[1] Детально по этому вопросу см. в работе P. A l b e r s, Reichstag und Außenpolitik 1871 bis 1879, Berlin 1927, S. 49 ff.

[2] Так, например, в рейхстаге 15 ноября 1876 г. жалобы эльзасцев на прусскую бюрократию сопровождались аплодисментами со стороны крайне правых.

[3] Такое обвинение было брошено П. Рейхенспергером в рейхстаге 22 июня 1872 г.

[4] Особенно в рейхстаге 1 апреля 1871 г.

[5] Дебаты относительно Северного Шлезвига происходили почти каждый год. Особенно характерно обсуждение в рейхстаге, состоявшееся 19 апреля 1877 г.

* См. по этому вопросу L a n g e r, European Alliances and Aligments, New York 1931, p. 37 ff (далее цитируется как L a n g e r, Alliances). Лангер показывает, как клерикальный режим во Франции 1873—1877 гг. временами накладывал на франко-германские противоречия и международные отношения необычный отпечаток. Франция выступала тогда в качестве католическо-консервативной, а Германия — в качестве либеральной силы. Таким образом, Франция обладала козырями, необходимыми для того, чтобы лишить Бисмарка симпатий монархической Европы, и наоборот.

Бисмарка был, однако, ограничен своей собственной внутриполитической обусловленностью: Бисмарк, если бы он даже и хотел, никогда не смог бы добиться сокращения прусско-германской армии и уменьшения офицерского корпуса.

Крайние левые, причем не только немногочисленные социалисты, но и либералы, главным образом из Южной Германии, интеллигенция, рантье, чиновники, а также финансовый капитал, стоявший за Эдуардом Ласкером, воспринимали пацифизм позитивнее; особенно резко они выступали против утверждения военного бюджета на длительный срок — процедуры, еще больше уменьшавшей их и без того незначительные шансы на приход к власти. Еще меньше, чем левое крыло либералов, которое все же выиграло от промысловой и торговой политики новой империи, поживилась до сих пор от Бисмарка Прогрессистская партия; поэтому, в отличие от Ласкера, эта партия искала внешнеполитического дополнения к своим внутриполитическим идеалам в обычном пацифизме. Еще в мае 1867 года в Берлин на банкет, устроенный в честь цивилизации и гуманности лидерами Прогрессистской партии Рудольфом Вирховом, Шульце-Деличем и Лёве-Кальбе, прибыл Гарнье-Паже. Еще решительнее, чем Прогрессистская партия, поступал Леопольд Зоннеман, регулярно появлявшийся у Женевского озера на конгрессах Лиги мира и свободы, деятельность которой в то время приветствовали Эдгар Кинэ, Жюль Мишле, Луи Блан и Виктор Гюго и которая не нашла поддержки только у Мадзини и Гамбетты[1]. Этому антимилитаризму интеллигенции, рантье и бюрократов из отдельных земель, антимилитаризму перерабатывающей промышленности, торгового капитала и некоторых банков вторил пацифизм партикуляристских слоев, социологически находившихся на противоположном полюсе. В газете «Байеришес фатерланд» в связи с дебатами по военным вопросам в апреле 1874 года широко известный тогда д-р Зигль, один из кокетничавших своей оригинальностью старобаварцев, осыпал бранью военную партию Пруссии и либералов и утверждал, что «либеральный нищенско-прусско-масонский Мюнхен евреев, язычников и протестантов желает любой ценой утверждения военного закона с предусмотренной им ежегодной численностью армии в 400 тысяч человек, и все это во имя большей славы Бисмарка и более надежной защиты еврейско-либеральных денежных касс за счет простого народа». Подобная грубость зачастую более поучительна, чем другие источники: католицизм в Баварии, опиравшийся в селе на средних землевладельцев и тесно связанный с находившимся в тяжелом положении городским средним сословием, бок о бок с католицизмом на Рейне и в Польше продолжал свою борьбу за существование, против современного капитализа, критикуя грюндерство и финансовые круги. В католицизме поднял голову с давних пор почти забытый антисемитизм, который в протестантстве пробудился лишь тогда, когда экономический кризис последующего периода разложил либерализм на его составные социальные части.

Военные законопроекты эпохи грюндерства. «Военная тревога»

Обвинение в милитаризме в принципе меньше всего могло адресоваться еврейству. В данном конкретном случае это обвинение было вызвано тем, что в ходе военных дебатов 1874 года руководимые Ласкером левые национал-либералы заключили компромисс с правительством, которое тогда еще

[1] «Frankfurter Zeitung» v. 29.9.1871 (сообщение из Лозанны). См. также «Frankfurter Zeitung» v. 1.10.1872.

склонялось к либералам. Этот компромисс 1874 года был третьим в своем роде. Еще в апреле 1867 года было принято предложение Беннигсена и герцога фон Уэйста, согласно которому утверждались на срок до 31 декабря 1871 года общие расходы, составлявшие 225 талеров на человека, исходя из численности армии мирного времени[1]. В 1871 году Национал-либеральная партия вновь отказалась на четыре года от своего права определять военный бюджет, что было сделано под влиянием войны. Теперь же, весной 1874 года, стало казаться, что назревает конфликт. Консерваторы требовали этерната, который бы увековечил их собственные господствующие позиции. Если бы в вопросе о численности армии правительству была предоставлена свобода рук, то это навсегда закрепило бы руководящее положение феодального офицерского корпуса в армии и освободило бы феодалов из обоих больших парламентов Берлина от необходимости идти на новые уступки капиталистическому законодательству. Тем самым были бы увековечены в качестве непреложного закона контроль над государственной администрацией и освобождение феодалов от налогов.

Рейхстаг, во влиянии которого феодалы совершенно не были заинтересованы, остался бы осужденным на вечное бессилие. Следует все же отметить, что эта консервативная политика, по сути дела, была направлена скорее на стабилизацию офицерского корпуса, чем на увеличение армии в будущем. Увеличение армии означало в кризисные времена изъятие рабочих рук из сельского хозяйства и, при известных условиях, ликвидацию феодальной монополии на офицерские должности, так как способность феодалов к самовоспроизводству отставала от военных потребностей нации.

Консервативная партия всегда делала кислую мину, когда такие приманки, как этернат, интересы престижа правительства или избирательно-тактические соображения, вынуждали ее к уступкам в вопросе увеличения армии. Tertium comparationis для всех этих битв, происходивших в ходе многочисленных военных дебатов периода основания империи, была не столько политика расширения армии, что должно было затем привести к империализму, сколько постоянные попытки лишить парламент его прерогатив и тем самым volens nolens «консервировать» престиж правительства. Весной 1874 года споры шли главным образом вокруг параграфа первого военного законопроекта, который предусматривал установление на длительное время эффективной численности армии. 20 марта во время второго обсуждения комиссия рейхстага 22 голосами против 6 отклонила этот параграф.

Прикованный тогда болезнью к постели Бисмарк пригрозил рейхстагу роспуском; в то же время он вовсе не был намерен оказывать услугу враждебным его либеральной политике консерваторам и военщине из генерального штаба, полностью освободив их от зависимости от парламента[2]. 9 и 10 апреля Беннигсен, который в качестве партийного лидера обычно брал на себя посредническую роль, заключил с Бисмарком компромисс, в соответствии с которым размеры армии устанавливались на семь лет. Свободные консерваторы, к большому недовольству правых, пошли навстречу пожеланиям Бисмарка; Роберту Люциусу, депутату от Свободно-консервативной партии, Бисмарк заявил, что этернат, которого он требует,— это вовсе не золото, но всего лишь мелкая блестящая монетка, ибо не избавляет его от необходимости обсуждения бюджета.

Заключение этого компромисса нанесло удар не только по финансово-капиталистическому крылу либералов, но и по крайне правым, к которым

[1] О мотивах, побудивших левых либералов и особенно прогрессистов пойти на этот компромисс, см. в книге H. Oncken, Rudolf von Bennigsen, 2 Bde., Stuttgart und Leipzig 1910, 2. Bd., S. 57 f.

[2] См. Lucius von Ballhausen, Bismarckerinnerungen, Stuttgart und Berlin 1920, S. 46; см. также H. Oncken, op. cit., 2. Bd., S. 258 ff.

примкнули императрица, военный кабинет и, в данном вопросе, также Партия центра, только и ожидавшая возможности покончить с либеральной эрой.

Эти внутренние противоречия переплелись также с примечательными европейскими событиями весны 1875 года, которые, с легкой руки автора статьи на соответствующую тему в газете свободных консерваторов «Ди пост», принято называть «военной тревогой». Генеральный штаб в Берлине был выведен из себя французским военным законом, который значительно увеличивал численность французской армии на случай войны[1]. Бисмарк в послании различным послам также особо указал на это военное мероприятие[2]. Подобное усиление мощи Франции, не представлявшее собой, разумеется, непосредственной военной угрозы, было воспринято в Германии тем более болезненно, что тогда она — в отличие от последующего периода — еще не имела союзных отношений с Австро-Венгрией, обеспечивавших ее тыл.

Неблагоприятные вести из Вены, где в то время аграрно-славянско-клерикальный режим под влиянием мирового экономического кризиса грозил опрокинуть и так уже ослабленные позиции прогерманских либеральных и промышленных классов и тесно связанных с ними венгерских магнатов, и особенно сведения о примирении Австрии с Италией (все это на фоне клерикальной пропаганды во всем мире) побудили Вильгельмштрассе развернуть в печати кампанию[3]*, которая вскоре была поднята на еще более высокую ступень в результате неофициальных выступлений, подобных статье «Военная тревога», помещенной в органе военного промышленника Штумма — газете Свободно-консервативной партии «Ди пост»[4].

Социологические основы германо-русского отчуждения

Весь этот кризис был усилен (и даже чуть ли не обусловлен) растущими трениями между Германией и Россией, которые немецкая публика со времени выхода в свет книги «Мысли и воспоминания» привыкла воспринимать как

[1] Принятием упомянутого закона во Франции достигалось обеспечение расходившихся на первых порах интересов военной безопасности и офицерского корпуса. В целях увеличения численности рот мирного времени французский генеральный штаб намеревался просто сократить количество рот без одновременного увеличения числа батальонов; подобная мера означала, что 1200 офицеров в чине капитана оказывались не у дел (см. GP, 157, Militärgutachten des Generalstabs vom 18.3.1875, und 159, Bericht des Attaché Bülow vom 11.4.1875). Во избежание этого в полку было оставлено на одну роту больше, чем первоначально предполагалось (16 вместо 15; прежде было 18). Кроме того, в каждом полку было создано вместо трех четыре батальона. В результате в случае войны в армии с самого начала должно было быть на 144 тысячи человек больше, чем предусматривалось прежде, и заодно были пристроены упомянутые 1200 офицеров в чине капитана.

[2] См. GP, 158, статс-секретарь фон Бюлов — Мюнстеру, 11 апреля 1875 г.

[3] «Военная тревога» излагается нами в основном по исследованию Цикурша (J. Ziekursch, Politische Geschichte des neuen deutschen Kaiserreichs, 3 Bde., Frankfurt 1925, 2. Bd., S. 38 ff.).

[4] Этим мы не утверждаем, что данная статья, написанная Константином Рёслером, была непосредственно оплачена военной промышленностью. С другой стороны, как известно из опыта, такие статьи всегда было легче поместить в органах военной промышленности, чем в иных газетах.

* О закулисных дипломатических обстоятельствах этого кризиса см. Langer, Alliances, p. 46 f. Кризис ознаменовал высшую точку борьбы Бисмарка против случайной и вскоре исчезнувшей конъюнктуры клерикально-консервативного сражения за Германию. Разрядке обстановки способствовал конфликт по вопросу о вооружении, который Лангер не рассматривает. См. также A. Wahl, Deutsche Geschichte von der Reichsgründung bis zum Ausbruch des Weltkriegs, 4 Bde., Stuttgart 1929 bis 1936, 1. Bd., S. 354 f.

своего рода дуэль между Бисмарком с его государственным искусством и либеральным на западный лад, тщеславным и брюзгливым русским государственным канцлером князем Горчаковым. Как и всякая чисто психологическая трактовка истории, этот взгляд отражает лишь симптомы, а не суть дела. В прежние времена Бисмарк и Горчаков поддерживали друг с другом вовсе не плохие отношения; то, что между ними возникли трения, объяснялось не столько их характерами, сколько изменившейся общей социологической и политической обстановкой, которая, как это обычно бывает, позволила проявиться отрицательным качествам обоих партнеров*.

Экономический кризис тех лет Россия переживала в обстановке социального разложения, начало которому было положено «освобождением крестьянства». Крестьяне жаловались, либеральная на западный лад интеллигенция и крупные торговцы роптали, немногие, но весьма влиятельные промышленники возмущались по поводу иностранного экспорта. При этом, как мы еще покажем ниже, тяга к таможенным барьерам, к субсидированию импорта и к расширению рынков шла рука об руку со стремлением оказать поддержку родственным по крови народам; франкофильская политика Горчакова не только соответствовала настроениям антигерманского столичного общества, но и отражала стремление заручиться французской поддержкой при проведении агрессивной политики на Балканах[1].

Нападки немецкой печати на Францию и особенно воинственность генерального штаба, побудившего Бисмарка в полном противоречии со своими традициями и привычками выступить против формирующейся внешнеполитической комбинации, имея в арсенале одни лишь угрозы, обеспечили русскому канцлеру легкий триумф; из Берлина, который Горчаков посетил в мае 1875 года в качестве лица, сопровождавшего царя, была направлена знаменитая русская нота; ее первоначальный текст будто бы содержал слова: «теперь мир обеспечен», что означало, будто только вмешательство царя вынудило Германию возвратиться на путь, покидать который в Германии никто не собирался, кроме генерального штаба. Противником новой войны был прежде всего король, оказывавший сильнейшее сопротивление и предыдущим трем войнам и приспособлению своего государства к внешнеполитическим идеалам либерализма; будучи проникнут феодально-пацифистским квиетизмом, он считал совершенно бессмысленным всякое продвижение за границы 1871 года[2]. И он и рейхсканцлер были весьма далеки от каких бы то ни было военных планов, приписывавшихся руководству Германской империи широкими, главным образом католическими, кругами, которых французские и бельгийские источники постоянно снабжали информацией относительно военных устремлений Бисмарка[3].

Когда меняются социально-экономические исходные данные, добрая воля даже самых властных людей оказывается бессильной; всеобщая экономи-

[1] См. Ziekursch, op. cit., 2. Bd., S. 44.

[2] В дни «военной тревоги» он выступил в этом смысле против «вновь распространившегося в последнее время немецкого хвастовства о том, что Германия в случае войны с Францией должна будет действовать первой», и отметил: «Чтобы счастливо вести войны, нападающий должен пользоваться симпатиями всех благородных людей и стран... Тот, кто необоснованно хватается за оружие, будет иметь против себя общественное мнение, он встретит не союзников, а... по всей вероятности, только противников» (GP, 181, статс-секретарь фон Бюлов — Вильгельму I, 16 мая 1875 г., пометки на полях).

[3] См. высказывание Рейхенспергера, приведенное в книге P. Albers, op. cit., S. 82.

* Эта оценка находит убедительное подтверждение в отчете французского посла в Берлине де Сан Вайе министру иностранных дел Франции Ваддингтону от 9 апреля 1879 года, приведенном под № 406 во втором томе первой серии французского официального издания документов относительно возникновения войны (Ministère des Affaires Etrangères: Documents diplomatiques français, 1871—1914) (в дальнейшем цитируется как DD.). Из этого документа ясно следует, что усиление личной неприязни между обоими государственными деятелями было обусловлено экономическими и политическими факторами.

ческая депрессия, сыгравшая свою роль уже во время «военной тревоги», продолжала оказывать свое воздействие и способствовала изменению как внутренней политики всех стран, так и внешнеполитической ситуации начала семидесятых годов, которая лежала в основе любимого детища Бисмарка — союза трех императоров.

За подъемом семидесятых годов, носившим международный характер, последовал начавшийся с венского банковского краха весны 1873 года всеобщий биржевой кризис, вызванный, как и всегда, оскудением денежного рынка, а затем и общий экономический крах. Уже в мае 1873 года владыка тяжелой промышленности Саарской области барон фон Штумм констатировал, выступая в рейхстаге, что за истекшие три месяца обстановка в Германии изменилась и в железоделательной промышленности царит такой застой, какого еще не было на протяжении последних двадцати или тридцати лет[1]. Под влиянием этого кризиса, который сопровождался начавшимся вскоре падением цен на зерно, вызванным улучшением морских перевозок и заморской конкуренцией, постепенно видоизменялись внутриполитические основы, на которых базировались внешнеполитические взгляды германской нации; изменилась также и вся внешнеполитическая конъюнктура. Таким образом, почти все существенные изменения во внутренней и внешней ситуации, происшедшие в последующий период, объясняются этой решающей экономической первоосновой.

Экономический кризис* изменил во многом и положение причерноморских государств. Он ослабил экономику России, еще больше разорил и так уже разоренных политикой «царя-освободителя» крестьян и толкнул их в объятия русского экспансионизма, наступавшего во все стороны за пределы границ России и проникавшего в те годы в Туркестан. Кроме того, кризис усилил старое стремление России к господству над проливами, через которые шел за границу постоянно возраставший поток русского зерна**. Но и нерусские государства бассейна Черного моря ощутили воздействие кризиса и вызванную им нервозность. Экономические трудности побудили Турцию усилить налоговый гнет по отношению к своим христианским подданным, особенно в Боснии и Герцеговине[2]. Это вынудило христианские балканские нации к самообороне и восстанию, что в свою очередь вызвало в России, издавна принимавшей деятельное участие в балканских делах, приступ военной истерии, еще более подогретой экономическим бедствием; эта истерия

---

[1] Цитируется по G. Goldstein, Die Entwicklung der deutschen Roheisenindustrie seit 1879, Halle 1908, S. 6.

[2] Согласно данным справочника Schulthe β, Europäischer Geschichtskalender 1875, S. 541, причиной восстания в Боснии и Герцеговине являлся налоговый гнет со стороны турецких чиновников и местных беков. Финансы Турции, и так уже расшатанные в результате западных спекуляций и восточной расточительности, пришли из-за кризиса в полное расстройство. Австрия подогревала движение в Боснии и Герцеговине, исходя из экономических и военных интересов, а также из интересов католической церкви***.

* См. по этому вопросу сегодня Hans Rosenberg, Political and Social Consequences of Great Depression 1873—1896 in Central Europe, «Economic History Review» 1943.

** Превосходные соображения по поводу возраставшего экспансионизма в России, который возглавлял русский посол в Турции Игнатьев, и возраставшего национализма в балканских государствах в шестидесятые-семидесятые годы содержит книга Langer, Alliances, p. 59 ff. В то же время следует учитывать, что этот горючий материал вспыхнул только в результате воздействия экономического кризиса и его последствий.

*** Материал относительно политической предыстории балканского кризиса см. в книге H. H. Sumner, Russia and the Balkans 1870—1880, Oxford 1937, p. 100 ff. Самнер раскрывает предысторию повстанческого движения, вырвавшегося наружу в 1875 году. Однако он не учитывает экономического фактора, который в конечном итоге привел к вспышкс. Показательнее в этом отношении интересная работа David Harris, A Diplomatic History of the Balkan Crisis 1875—1878, Stanford Calif., 1936. Харрис подробно рисует (на стр. 8) бесхозяйственность и финансовый развал в тогдашней Турции и их воздействие на повстанческие районы.

охватила и царя*. С 1875 года царская дипломатия взяла курс на развязывание балканской войны во имя освобождения — «райя». При этом она рассчитывала на поддержку Пруссии, которую считала прочно привязанной к России не только политическими, но и экономическими узами[1]; ведь экспорт ржи из России в Пруссию возрос с 1861 по 1875 год в пять раз; в то же время в Россию поступало из Пруссии две пятых всего русского импорта. Однако экспансия России на Балканах затрагивала районы, считавшиеся политически сферой влияния Австрии и бывшие австрийскими рынками сбыта: на Балканском полуострове и в Турции австрийские товары занимали наряду с английскими первое место.

Поскольку, непосредственно запросив Берлин, России пришлось убедиться в том, что немецкий канцлер и не думает в угоду ей набрасываться на Австрию, русские попытались договориться непосредственно с австрийцами; в 1877 году, согласившись пожертвовать Австрии Боснию и Герцеговину, Россия добилась австрийского согласия на оккупацию Болгарии. Один из современных историков с полным основанием подчеркивает, что перед лицом этой политической ситуации официальная русская военная идеология освобождения угнетенного славянства могла считаться образцом лживой военной пропаганды, рассчитанной на обман публики[2]. Но если Австрия на первых порах проявила сдержанность, то англичане, возглавляемые Дизраэли и тори, оказали русским самое ожесточенное сопротивление, предопределявшееся как традиционными экономическими и политическими интересами Англии на Балканах, так и потребностями английской военной промышленности, которая также страдала от кризиса и вскоре наводнила Турцию оружием и боеприпасами. Душа эссенского магната Альфреда Круппа в свою очередь изнемогала от внушенных страхом переживаний, ввиду того, что, совершив выгодную сделку с Турцией[3], он осуществлял теперь также поставки России.

Вся европейская общественность с напряжением следила за битвой на Дунае**, где Осман-паша, ведя бои за Плевну, преграждал русским дорогу на Балканы. Когда же, наконец, турки были повержены ниц и русские изготовились проглотить половину Балкан, Австрия и особенно Англия выступили столь решительно, что России, слишком ослабленной для того, чтобы вести европейскую войну, пришлось отказаться от половины своих завоеваний, и в первую очередь от запланированного увеличения территории своей подопечной — Болгарии. В это время Германия имела еще меньше, чем когда-либо, оснований обнажать меч в защиту России. Более того, вся внешняя политика Бисмарка была направлена на то, чтобы сыграть роль посредника между державами. При этом он добивался, чтобы ни одно государство не получило всего, чтобы ни одно не оказалось без ничего и чтобы повсеместно на периферии Европы сохранились очаги противоречий, которые отвлекали бы силы держав от центральных районов Европы и позволили бы «честному маклеру» 1878 года возвыситься до положения арбитра.

---

[1] См. М. Покровский, Русская история с древнейших времен, Соцэкгиз, 1934, т. IV, гл. XVII.

[2] См. там же.

[3] О сделке с Турцией см. W. Berdrow, Alfred Krupp, 2. Bd., S. 246. Кстати, политика Круппа, так же как и военная истерия, развязанная английской военной промышленностью, были экономически обусловлены потребностью обеспечить работу своих предприятий во время экономического кризиса. В то время в Германской империи в отличие от позднейших времен подобная политика не считалась вполне совместимой с моралью, так что, к величайшему страху Круппа, существовала угроза запрета кайзером поставок за границу, что, по мнению Круппа, было равнозначно его разорению. См. Berdrow, op. cit., 2. Bd., S. 273 ff., а также S. 309 f.

* Хорошее представление об этом процессе дает DD, 1-me serie, vol. II, № 113, Лё Фло — Деказу, 15 ноября 1876 г.

** Учитывая характер этой главы, мы ограничиваемся лишь изложением основных черт развития; подробности см., например, в книге Langer, Alliances, chap. 4, 5.

Внешнеполитическая позиция немецких партий во время Восточного кризиса

В то время как дипломатия тех лет все еще предпочитала действовать за кулисами, на сцене полным ходом уже шла борьба за определение внешнеполитического курса. В ходе этой борьбы в самых первых рядах сражались, разумеется, ультрамонтаны, возглавляемые южногерманским политическим лидером Иёргом. Выступая в рейхстаге, он с большой озабоченностью указывал на кризис, поразивший Австрию, и высказывал сожаление по поводу того, что такой губительный шаг, как аннексия Эльзас-Лотарингии, обусловившая постоянную враждебность Франции, мешает Германской империи прийти Австрии на помощь. Ненависть сделала Иёрга дальновидным: он яснее, чем Андраши, который был не прочь обеспечить безопасность Австрии путем заключения тайных соглашений с Россией, видел, что политика России в конечном счете должна привести ее к столкновению с возлюбленной кайзеровской империей[1]. Такого рода взгляды были отнюдь не столь уж неугодны Бисмарку, который видел в них поддержку для своей самостоятельной политики по отношению к России. Во время парламентского обеда, данного им у себя дома 1 декабря 1876 года, Бисмарк намекнул, что Германия не потерпит, чтобы Австрии была нанесена смертельная рана, и что неприкосновенность и целостность Австрии следует рассматривать как необходимость не только с точки зрения европейского равновесия, но и исходя из симпатий и традиций германской нации.

В этом вопросе рейхстаг проявлял на протяжении всего Восточного кризиса сравнительное единодушие, хотя внешнеполитические оценки несколько нюансировались в зависимости от партийной принадлежности. В ходе больших интерпелляционных дебатов, вызванных в феврале 1878 года национал-либералами (во время этих дебатов Бисмарк в своей знаменитой речи сравнил роль Германии по отношению к пришедшим в столкновение державам — России, Австрии и Англии — с ролью честного маклера), эта основная позиция рейхстага была изложена Беннигсеном. В полном соответствии с точкой зрения Бисмарка он указал, что Германия сама по себе уже насытилась. «Для нас,— заявил он,— мирная политика, опирающаяся на приобретенные нами позиции, является вполне достаточной... достаточной, даже исходя из большого честолюбия великой нации. Она решительно знаменует то, что противная сторона должна уж слишком сильно задеть наши интересы, чтобы столкнуть нас с этой линии».

Левое крыло национал-либералов, занимавшее из-за своих финансово-капиталистических и торгово-политических связей с Англией, а также по причине особой ненависти к России, характерной для еврейства, особенно русофобскую позицию, выступало по возможности еще решительнее, заявив устами Хенельса, что занятие русскими Константинополя явится причиной войны. Виндтхорст, выступавший от имени Центра, счел, что пробил его час в отношении как внешней, так и внутренней политики; он назвал прогрессом то, что даже либералы оказались вынужденными затронуть вопросы внешней политики, которые до тех пор считались noli me tangere для рейхстага.

Для Партии центра господство над Дарданеллами казалось господством над миром. Еще Наполеон, утверждал Виндтхорст, осознал это. Австрия, находясь на страже против России, олицетворяет германские интересы. Бисмарк, больше всего ненавидевший такого рода общие рассуждения, испортил обедню лидеру Партии центра. Культуркампф еще не был закончен, клерикализм еще не был хозяином положения, а что касается внешней

[1] Детальнее об этих дебатах см. в книге P. A l b e r s, op. cit., S. 112 ff.

политики, то он никогда в ней и не играл решающей роли — по крайней мере пока Бисмарк находился у власти. В ходе этих дебатов наметились и все будущие противоречия, которые в последующие десятилетия во все большей степени проникали из внутренней, партийной, во внешнюю политику, причем не только в Германии, но и в других странах; в резком противоречии с прежними консервативными идеалами и используя аргументацию, которая была бы невозможной при Леопольде фон Герлахе, лидер свободных консерваторов граф Бетузи-Хук уже поставил на обсуждение жалобы силезских магнатов на таможенную политику России. Еще более резкими по тону были высказывания Вильгельма Либкнехта, который, последовательно развивая великогерманские традиции социал-демократии, возлагал на канцлера вину за ослабление Австрии в 1866 году и за содействие славянскому потоку. При этом он довольно ловко использовал промах Бисмарка, который еще 5 декабря 1877 года заявил, что русские не планируют никаких завоеваний, и в результате оказался рядом с Дизраэли и Андраши в положении простофили, обманутого русскими. Либкнехт слишком глубоко увяз в антирусских традициях прежней социал-демократии, чтобы порвать с внешнеполитическими представлениями периода мартовской революции. Только в последующие годы оппозиционные течения в социал-демократической партии поняли, что старая схема уже непригодна, что освобождение Польши уже не имеет былого значения для политического развития европейского либерализма и что в конечном итоге такая политика способствует укреплению империализма, использующего традиционную ненависть демократического рабочего движения к России в целях, не имеющих ничего общего с консолидацией европейских наций.

Внешняя политика либкнехтовского социализма нашла себе совершенно неожиданного союзника в лице... прусской кронпринцессы, наблюдавшей с не меньшим напряжением, чем все англичане, за развитием событий у Дарданелл, перед которыми появился английский флот, в то время как русские приближались к проливам, двигаясь через Балканы[1]. «Как я тоскую, — писала в то время принцесса Виктория своей матери-королеве[2], — по оглушительному рыку британского льва, по грому английских корабельных пушек; если пострадает престиж Англии перед лицом Европы, как она будет выглядеть в глазах восточных народов?.. Горе миру, если Англия перестанет быть лидером и ведущей силой свободы и прогресса!..» Ее свекор, писала принцесса несколько дней спустя, кажется ей бóльшим руссофилом, чем это возможно описать, но, хотя большинство гвардейских офицеров придерживается тех же взглядов, в Германии и даже в Берлине имеется множество людей, испытывающих глубокую антипатию к русским и скорбящих по поводу успехов их фальшивой и лживой политики и их честолюбивых методов[3]. Английский флот в Константинополе и английская армия в Галлиполи — две вещи, означавшие европейскую войну и участие Германии в глубоко чуждой ей политике, — такова была, как приходится сейчас констатировать, цель будущей императрицы. Как это ни парадоксально, но политика, одержавшая верх при помощи групп, именовавших себя партией кронпринца и отколовшихся после внутриполитического поворота 1878—1879 годов от национал-либерализма, несмотря на свой официальный пацифизм, представляла собой постоянную попытку увести Германию с бисмарковского мирного курса и направить ее по пути, который вел если не

[1] Новые публикации доказывают, что Бисмарк постоянно опасался, как бы политика двора кронпринца не вынудила его покинуть мирную орбиту и не превратила в сателлита политического курса, которого придерживался кронпринц.

[2] Briefe der Kaiserin Friedrich, herausgegeben von Sir Frederick Ponsonby, deutsche Ausgabe, Berlin 1929, S. 167, Brief vom 19.12.1878.

[3] Ibid., S. 169, Brief vom 29.I.1879.

к войне, то, во всяком случае, к постоянному усилению трений с Россией. Забавное qui pro quo! В Германии насаждался торизм твердолобых, даже настоящий британский джингоизм, который в союзе с политическим радикализмом оптовой торговли, банков и интеллигенции подвергал критике режим канцлера за его слишком милитаристский характер и атаковал его политику, являвшуюся — если ее ретроспективно оценивать — вероятно, более надежным залогом мира, чем политика партий, субъективно убежденных в своей предпочтительной пацифистской миссии.

Отсутствие у Германии желания отказаться от мирной политики, стремление предотвратить грядущие войны вызывали к жизни всеобщее желание сохранить Австрию целой и невредимой. Так далеко, как этого хотели католики и социалисты, Бисмарк не собирался заходить по отношению к России. Однако роль «честного маклера» потребовала от него закулисной поддержки давления, которое оказывали на Россию ее противники, добиваясь отказа от завоеванной восточнобалканской гегемонии. Берлинский конгресс, собравшийся летом 1878 года для того, чтобы дать международно-правовое оформление происшедшему весной того же года изменению соотношения сил и частичному отступлению России перед Англией и Австрией[1], русские, несмотря на все попытки Бисмарка выторговать для них максимум возможного, покинули с чувством озлобления по отношению к бывшему другу, который отказался взяться за оружие во имя интересов России[2].

Экономический кризис и торгово-политический поворот

Описанные выше внешнеполитические изменения в определенной степени явились результатом всеобщего экономического кризиса семидесятых годов, давшего вскоре толчок развитию промышленного империализма. Однако этот кризис в корне преобразовал не только внешнеполитическую конъюнктуру, но и внутриполитическую обстановку в Германии, что создало такую ситуацию, при которой постепенно разрушались основы мирной политики Бисмарка.

Финансовый крах 1873 года грозил превратиться в неслыханную катастрофу для обоих правящих классов. Вряд ли был хотя бы один высокопоставленный аристократ или финансовый магнат, который не потерял бы на бирже крупных сумм. Волны подступали к самому королевскому дому[3]. Для спасения крупных магнатов, связавшихся со Штроусбергом, было

[1] См., например, Ziekursch, op. cit., 2. Bd., S. 80. В глазах немецкой общественности этот исход конгресса, разумеется, скорее укрепил, чем ослабил позиции Бисмарка. Во всяком случае, нельзя не видеть, что по мере того, как Бисмарк оказывался вынужденным отходить от политики поддержки России и противостоять в интересах европейского мира и безопасности границ от экспансии на Балканах, его политика пользовалась в Германии все большей популярностью. Союз с Австрией, естественно вытекавший из этой политики, воспринимался в Германии не как тактический шаг, а как кровное дело всех партий. При этом за воодушевлением по поводу родственных уз, связывающих германские народы, скрывались интересы, которые, как мы уже недавно видели, оказывали свое воздействие на возникновение данной ситуации.

[2] Дипломатические детали, которые в нашем социологическом исследовании отступили на второй план, см., например, у Цикурша (Ziekursch, op. cit., 2. Bd., S. 83 ff*.

[3] По сообщению, помещенному в торговом приложении к «Франкфуртер цейтунг» от 9 октября 1873 г., вдовствующая королева Элизабет имела несколько сот тысяч талеров в грюндерском предприятии Квисторпа; брат короля принц Карл вместе с Квисторпом принимал участие в сделках по купле-продаже земельных участков в районе Потсдама, чем и объясняется поддержка Квисторпа Прусским банком.

* См. также книгу Лангера, дающего хорошо обдуманную оценку Берлинского конгресса («Alliances», p. 161 ff.).

использовано «Дисконтогезельшафт»; пришлось отказаться и от привлечения Штроусберга к судебной ответственности. Ганземан и Блейхрёдер заработали на этом свое дворянство. Однако дело прежде всего заключалось в том, чтобы спасти сами крупные общества и особенно «Дисконтогезельшафт», севшее на мель со своими многочисленными железными дорогами, которые не окунали себя во время кризиса[1], в то время как Блейхрёдеру в свою очередь приходилось нести убытки от железных дорог Веймар — Гера и Познань — Крейцбург. Поэтому правительству была подана идея создания имперской системы железных дорог, а на пост главы вновь созданного управления железными дорогами был выдвинут агент «Дисконтогезельшафт»[2]. Последний сразу же повысил фрахтовые тарифы на 20 процентов[3], увеличив стоимость представленных к продаже железных дорог. Однако, к огорчению заинтересованных банков, этот шаг возложил на металлургическую промышленность[4] такие тяготы, что она немедленно, стремясь спасти себя от кризиса, начала широкую кампанию за введение покровительственных таможенных пошлин. Лидер свободных консерваторов фон Кардорф[5], тесно связанный с Блейхрёдером, и Лотар Бухер — близкий друг Адольфа Ганземана, фирма которого «Дортмундер унион» также очень остро нуждалась в покровительственных пошлинах, начали обрабатывать Бисмарка в духе политики, которая в конечном счете постепенно привела бы к неизбежному конфликту Германии с остальными великими державами и означала бы, что на весь народ взваливают тяготы в интересах магнатов металлургической промышленности. Кардорф изучил Кэри, написал брошюру «Против течения» и буквально осаждал Бисмарка[6]. «Дисконтогезельшафт» непрерывно пыталось обеспечить себе влияние, заполучив пост первого советника — докладчика государственного министерства[7]. Кардорф перенес агитацию на широкую арену и основал в феврале 1876 года в Берлине Центральный союз германских промышленников по содействию и обеспечению национального труда, в котором объединились недовольные промышленники из металлургической и хлопчатобумажной промышленности, фабриканты, производящие соду, сахар, кожу, шляпы, бумагу, а также представители отдельных отраслей текстильной промышленности[8]. От немецкого народа добивались, чтобы в период падения прибылей он компенсировал дельцов за то, что они не создавали резервов, растранжирив в форме грюндерской прибыли огромные суммы, притекавшие в страну в эпоху миллиардного благоденствия. Промышленники непрестанно нашептывали об этом Бисмарку, умело используя то обстоятельство, что он сам, как и в вопросе о железных дорогах[9], особенно

---

[1] Список этих дорог дает Р. Мейер (R. M e y e r, op. cit., S. 42 f.) См. также «Die Diskontogesellschaft», S. 87 ff.

[2] Шееле — участник всех грюндерских предприятий «Дисконтогезельшафт».

[3] R. M e y e r, op. cit., S. 135 f.

[4] См. специальную корреспонденцию «Франкфуртер цейтунг» из Рейнской области и Вестфалии от 18 февраля 1877 г. Согласно этой корреспонденции, промышленники метали громы и молнии по поводу действительно очень уязвимой финансовой политики Кампхаузена, которая благоприятствовала перепроизводству; тем самым по промышленности наносился удар за ударом: за повышением фрахтовых расходов последовала отмена пошлин на металлургические изделия.

[5] Он, например, участвовал вместе с Блейхрёдером в сомнительном грюндерском предприятии «Лаурахютте», в административный совет которого входили, кроме Блейхрёдера, граф Хатцфельд (впоследствии посол в Лондоне) и А. Равенэ, представлявшие в свою очередь «Дисконтогезельшафт».

[6] Относительно агитации Бухера, Штумма, Вагенера и Кардорфа см., например, в работе L u d w i g M ä n n e r, Deutschlands Wirtschaft und Liberalismus, Berlin 1928, S. 27 f. Книга Германа Мюнха (H e r m a n M ü n c h, A.v. Hansemann, München 1932), рассчитанная на «семейное потребление», естественно, почти не содержит данных о социологических связях.

[7] См. R. M e y e r, op. cit., S. 135.

[8] См. M ä n n e r, op. cit., S. 21.

[9] Verhandlungen des Reichstags vom 27.3.1878.

опасался за судьбу лесного хозяйства и деревообделочной промышленности[1] и выступал не только за пошлины на зерно, в которых были заинтересованы его братья по сословию, но и за пошлины на древесину. Хитрому Кардорфу удалось установить в вопросе о пошлинах на металлургические изделия непосредственный контакт с кругами, добивавшимися высоких пошлин на зерно и древесину[2]. В результате возник мощный, базирующийся на совпадении интересов союз тяжелой промышленности с крупным землевладением, который с самого начала оказывал решающее воздействие на внутреннюю и внешнюю политику. Бисмарк оказался перед тройной задачей: он должен был помочь потерпевшим крах грюндерам, установив пошлины на металлургические изделия, защитить жизненный уровень крупных землевладельцев, введя пошлины на зерно (и то и другое взваливало новые тяготы на широкие массы), и, наконец, принять меры к тому, чтобы защитить свое детище — Германскую империю от воздействия всеобщего экономического кризиса, поскольку уменьшение доходов отдельных земель расшатывало финансовые основы империи. При этом было необходимо найти средства, которые бы не наносили вреда основной цели; например, проводимая Бисмарком классовая политика не позволяла ему ликвидировать всеобщее бедствие, используя прямые налоги.

Желая справиться с двойной задачей (одновременно защитить политические и экономические классовые интересы крупных землевладельцев и укрепить положение имперских финансов), Бисмарк оказался перед необходимостью сломить господство Национал-либеральной партии, левое крыло которой сочло создавшуюся ситуацию подходящей для того, чтобы продиктовать империи свои условия[3]. После того как в 1877—1878 годах его неоднократные попытки привлечь на свою сторону если не всю партию, то по крайней мере ее правое крыло и сделать национал-либерала фон Беннигсена министром не дали результатов из-за отсутствия у Бисмарка готовности заплатить национал-либералам цену в форме конституционных гарантий, которую они требовали в качестве компенсации за согласие на введение неугодной им табачной монополии, в следующем году между Бисмарком и национал-либералами произошел прямой разрыв из-за таможенной политики, приведший затем к расколу национал-либералов.

Отмеченные выше общие социологические связи не позволяют, разумеется, прийти к выводу о том, что вся таможенная политика Бисмарка якобы определялась его дьявольским политическим замыслом расколоть своих политических противников. В данном случае, как и при всех значительных актах, при объяснении которых обычно прибегают к попытке интерпретировать широкое социальное движение в плане психологии действовавшего государственного политика, мы имеем дело с влиянием разнородных групп, имевших в данном вопросе общие интересы; при этом следует особо подчеркнуть, что собственные решения Бисмарка, в какой бы степени они субъективно-психологически ни определялись его боевым задором, были обусловлены социологической основой, в которой в данном специфическом случае переплелись два типа: крупный землевладелец с промышленными интересами и деятель, ответственный за функционирование государствен-

---

[1] Verhandlungen des Reichstags vom 27.5. 1879.

[2] См. Friedrich Thimme, Bismarck und Kardorff, «Deutsche Revue», Oktober, November und Dezember 1916, besonders S. 145 f.

[3] Я так интерпретирую эти известные события, опираясь на взгляды Онкена («Bennigsen») и особенно Д. Зандбергера (D. Sandberger, Die Ministerkandidatur Bennigsens, Berlin 1929) вопреки мнению Г. Гольдшмидта (H. Goldschmidt, Das Reich und Preußen im Kampf um die Führung, Berlin 1931, S. 43). Основная борьба велась все же в меньшей степени из-за вступления фон Штауфенберга и Форкенбека, чем из-за требования либералов отменить статью 107 прусской конституции, представлявшую собой основу диктатуры Бисмарка в годы конфликта и позволявшую в любое время вновь укрепить позиции дворянства в случае, если они окажутся подорванными в парламенте.

ного аппарата[1]. Позиции Ласкера и левых либералов в ходе этой борьбы постоянно слабели по мере того, как в их собственной партии с огромной силой возрастала заинтересованность в покровительственных пошлинах, диктуемая потребностями тяжелой промышленности, что вынуждало партию солидаризироваться с политикой правительства.

Особые нападки со стороны тяжелой промышленности вызвало последнее крупное экономическое мероприятие носителей либеральной политики, добившихся с 1 января 1877 года отмены таможенных тарифов на металлургические изделия. В Рурской области и на Рейне причиной спада считали экономическую политику правительства. В борьбе против его финансово-политического курса к тяжелой промышленности присоединились и кёльнские финансовые круги. Внезапно было осознано и то, сколь печальным актом явилось включение в империю в 1871 году капиталистически развитой территории. «Если бы Шеффилд или Бирмингем находились непосредственно на французской границе, будучи отделены от Франции лишь шлагбаумами, — заявлял лидер свободных консерваторов фон Кардорф в рейхстаге,— и если бы Франция аннексировала Шеффилд или Бирмингем, то она переживала бы сейчас такой же кризис, от какого страдает сегодня Германия»[2].

Промышленности оказывали поддержку ведущие финансовые круги, определявшие деятельность крупнейших предприятий. Группу представителей тяжелой промышленности в рейхстаге возглавлял депутат Вильгельм Лёве-Кальбе, порвавший в середине семидесятых годов по социально-экономическим причинам с Прогрессистской партией и заинтересованный ныне в качестве члена административного совета «Дисконтогезельшафт» в «Дортмундер унион»[3]. Одновременно Лёве представлял фирму «Бохумер гусштальфабрик», о которой Ойген Рихтер, выступая в рейхстаге, рассказывал, что она, подобно «Дортмундер унион» и фирме Круппа в Эссене, прибегает к дешевому экспорту, компенсируя себя за счет повышения цен на внутреннем рынке[4]. До введения покровительственных пошлин такая политика могла проводиться — при помощи дифференциальных таможенных тарифов — лишь в весьма ограниченных масштабах (в противном случае было бы невозможно объяснить нападки на нее со стороны Рихтера). Если бы в Германии, подобно другим странам, перешли к системе таможенной защиты, то возможности для проведения подобной политики возросли бы в неимоверной степени.

Покровительственные таможенные тарифы, сами по себе бывшие продуктом кризиса, стали политической основой промышленных картелей, которые в последующую экономическую эпоху определяли всю политику Германии и внешнеполитическое влияние которых будет постоянно являться объектом нашего исследования. Оценка этого исторического факта не зависит от отношения к спорному вопросу, являются ли картели, как учит марксизм, результатом неизбежного диалектического экономического развития, или же они, как считают немарксисты, представляют собой, скажем, следствие естественного технического процесса, который обусловливает необходимость концентрации предприятий, особенно в железорудной горной промышленности. Что бы ни думали по тем или иным частностям этого вопроса, бесспорно, во всяком случае, то, что образованию картелей решаю-

[1] В этом отношении я расхожусь во мнениях с Л. Меннером (во многих других случаях я вполне согласен с трактовкой, данной им в его превосходной как по форме, так и по содержанию работе) и особенно с Валем.

[2] Кардорф в рейхстаге, 23 апреля 1877 г.

[3] Ласкер в рейхстаге, 8 мая 1879 г.

«Дисконтогезельшафт», по его словам, внезапно воспылало горячей любовью к покровительственным пошлинам, поскольку в нем было депонировано на 15 миллионов акций «Дортмундер унион». Члены административного и наблюдательного советов «Дисконтогезельшафт», являясь депутатами парламента, выступили в защиту политики покровительственных пошлин.

[4] Рихтер в рейхстаге, 16 мая 1879 г.

щим образом способствовал период бедствия[1] с характерным для него стремлением к исключению свободной конкуренции и что эта тенденция усиливалась проблематикой финансирования, зависевшего в Германии более, чем где-либо в другом месте, от мобилизации национальных денежных средств крупными банками и акционерными обществами. Политика покровительственных пошлин и картелей (демпинг вовне, уравновешенный опирающимися на покровительственные пошлины высокими ценами на внутреннем рынке, монополистическая сырьевая политика и влияние на темпы вооружения) начала оказывать постоянное воздействие на внешнеполитический курс, в результате чего государственная власть во все большей степени попадала в зависимость от решений небольшой группы магнатов металлургической промышленности, впервые открыто политически выступивших во время кампании 1879—1880 годов.

Обсуждению вопроса о покровительственных пошлинах в рейхстаге предшествовала работа комиссии по расследованию под председательством хозяина тяжелой промышленности Саарской области «короля» Штумма, который подбадривал присутствовавших на заседании комиссии магнатов металлургической промышленности Маннесмана, Хёша, представителей фирмы «Рейншталь» и других словами: «Нечего стыдиться собственных интересов, их надо открыто обсуждать». При этом Штумм был вынужден признать, что он сам приблизил к себе в Штутгарте родственника руководителя парламентских агитаторов за таможенные тарифы Варнбюлера (оптового торговца изделиями металлургической промышленности), который утверждал, что имеет дружественные и чуть ли не родственные связи с большинством экспортеров[2].

Кроме Штумма и сталепромышленника Ренча, в рейхстаге за введение пошлин на изделия металлургической промышленности выступали в числе других владелец сталелитейного завода Бергер и Вильгельм Лёве. Эксперт Шееле, представ перед комиссией по расследованию, назвал себя крупным потребителем продукции металлургического завода «Лаурахютте»[3], с которым мы уже неоднократно сталкивались. Непосредственное отношение к этому заводу имел лидер свободных консерваторов фон Кардорф, а другой свободный консерватор — граф Фред Франкенберг — еще во время дебатов в рейхстаге в 1877 году требовал открытия таможенных границ России и Австрии. В данном случае граф Франкенберг выступал в двойном качестве: как промышленник в области металлургии и как аграрий. Борьба обеих групп против таможенной политики России, которая по мере углубления кризиса приступила, подобно Германии, к повышению покровительственных пошлин, отныне предопределяла характер германо-русских отношений, постоянно сводя на нет политические намерения Бисмарка, причем зачастую при его собственной прямой поддержке. То, что Бисмарк постоянно подчеркивал различие между внешней и экономической политикой, было отражением двусмысленной позиции, которой он был вынужден придерживаться: с одной стороны, никто в Германии (и меньше всего аграрии, с которыми теперь приходилось особенно считаться) не был заинтересован в войне с Россией, поскольку для подобной войны не имелось никакой конкретной политической причины; с другой стороны, однако, в Германии началась борьба против всего русского экспорта, причем борьба эта велась под парламентским руководством господина фон Кардорфа, который в качестве непосредственно заинтересованного лица решительно выступал против ввоза русского спирта[4].

[1] См., например, A. Zöllner, Die Entwicklung der deutschen Eisenindustrie und ihrer Kartelle, Diss., Leipzig 1907.
[2] Штумм в рейхстаге, 17 марта 1879 г.
[3] Штумм в рейхстаге, 17 марта 1879 г.
[4] Кардорф в рейхстаге, 3 апреля 1878 г.

Кризис и распад германского либерализма. Роль Микеля

Часто подчеркивалось, что эра покровительственных пошлин привела к господству и в Национал-либеральной партии совершенно новые группы. Крупная промышленность, маршировавшая до сих пор в общих фритредерских колоннах и почти не имевшая в период высокой конъюнктуры времени для политики, оказалась перед лицом все более насущной необходимости вмешательства в эту сферу. Рудольф фон Беннигсен в качестве сельского юнкера, хотя и с поместно-промышленными интересами, представлял собой национал-либерала старого типа. Ему противостояли среди национал-либералов новые прослойки, в которых на первых ролях выступали такие фигуры, как лидер рурских промышленников Фридрих Гаммахер или директор «Дессауэр газгезельшафт» Вильгельм Эхельхаузер. Наряду с ними все большее значение приобретал Иоганнес Микель, хотя он с 1877 года действовал в основном в прусской палате депутатов.

Микель, принимавший участие во всех, иногда весьма сомнительных, предприятиях «Дисконтогезельшафт» периода грюндерства и являвшийся членом наблюдательного совета «Дортмундер унион», одно время рассчитывал стать преемником Дельбрюка на посту президента имперской канцелярии. За кулисами фракции он действовал в пользу введения пошлин на изделия металлургической промышленности и одновременно задавал тон при всех попытках спасти попавшие в беду железнодорожные предприятия эпохи грюндерства путем их подчинения имперскому управлению или, когда это не удалось, путем их огосударствления; с этой целью он с величайшей ловкостью связал интересы остальной крупной промышленности, стремившейся к выравниванию железнодорожных тарифов, с интересами аграриев. Эта кооперация имела более чем преходящее значение. Еще раньше, будучи директором «Дисконтогезельшафт», которое пыталось открыть восточноэльбским феодалам доступ к капиталам Франции и Рейнской области, главным образом кёльнского банкирского дома Оппенгеймов, Микель лично содействовал установлению контакта между финансовой верхушкой, чей образ жизни он воспринял[1], еврейством и капиталистически ориентированным землевладением[2]. Поэтому не удивительно, что, став позднее прусским министром финансов, он больше, чем кто-либо до и после него, играл на руку аграриям.

К числу попыток искусственно обеспечить за счет общества крупным прусским землевладельцам их прежний феодальный уровень жизни даже в период падения цен на сельскохозяйственные продукты, спирт и сахар относится также политика в польском вопросе — по крайней мере в той форме, в какой она тогда проводилась. Возникшее позже движение «Остмаркбевегунг», одним из видных политических выразителей которого был Микель, возглавлялось четырьмя представителями «Дисконтогезельшафт»: Фердинандом фон Ганземан-Пемпово — сыном владельца банка, помещиком Кеннеманом-Кленка, который еще с шестидесятых годов был связан с «Дисконтогезельшафт»[3], многолетним главой имперской канцелярии фон Тидеманом, отец которого, будучи директором Аграрного банка, боролся во времена восстания в Шлезвиг-Гольштейне против инородного влияния, и, наконец, родственником Ганземана советником фон Куссеровым.

[1] См. «Die Diskontogesellschaft». S. 194 ff.

[2] Ныне (1932) эти связи ярко освещены в приводимых Меннером (op. cit., S. 324 ff.) документах; правда, автор, видимо незнакомый с полемической работой Р. Мейера, не использует в полном объеме приведенный им материал для социологического анализа руководящих кругов Пруссии.

[3] См. «Die Diskontogesellschaft», S. 199.

Главный представитель колониальной, морской и ассимиляторской политики Микель — несмотря на отсутствие у него в семидесятые годы особой склонности к пошлинам на аграрные продукты — выполнил историческую функцию: он обеспечил сохранение комбинации интересов, возникшей в 1879 году (сговор промышленников и аграриев о проведении политики покровительственных пошлин за счет потребителя), также в послебисмарковский период и в период империализма. Это факт очевидный, хотя и имеется склонность рассматривать Микеля — из-за его связей с сельским хозяйством — скорее как тормоз на пути развития промышленного империализма. Социологически и психологически его сложная и загадочная натура соткана из острейших противоречий. Некоторым достаточно тонким наблюдателям этот человек, умевший очаровывать столь многих, казался неприятным, чопорным чиновником[1]: ведь он занимался не столько активной партийной демагогией, сколько конкретной политикой, отражавшей интересы деловых кругов. Однако все считали его лисой, которой небезопасно перебегать дорогу. По мере превращения Микеля из директора банка в обербургомистра Франкфурта-на-Майне, а затем, в конечном счете, в прусского министра финансов, естественно, убывало его значение как партийного деятеля национал-либералов. С годами национал-либерализм все больше становился политической религией промышленности, хотя широкие массы, в том числе даже членов Национал-либеральной партии, нельзя считать прямыми выразителями интересов тяжелой промышленности. Развитие либерализма в Германии было весьма пестрым. «В Восточной и Западной Пруссии не только городское население, но даже крупные землевладельцы-дворяне придерживались демократических идеалов. В Шлезвиг-Гольштейне либерализм был проникнут духом местного чопорного своеобразия... Радикализация многих южногерманских либералов в результате Июльской революции во Франции получила дальнейшую шлифовку в южногерманских парламентах. Даже когда уже создавалась Национал-либеральная партия Северогерманского союза, под ее знамена становились люди, едва понимавшие друг друга. Среди депутатов старопрусских провинций, особенно Восточной Пруссии и Бранденбурга, даже после того как они признали Бисмарка, далеко еще не улеглось старое возбуждение, связанное с конституционным конфликтом. Во вновь приобретенных провинциях Шлезвиг-Гольштейне, Ганновере, Гессен-Нассау либеральные избиратели, в зависимости от того, верили они Бисмарку или ненавидели его, шли к национал-либералам, к прогрессистам, а то даже и к вельфам. С включением в империю южногерманских государств сторонники Бисмарка в партии Беннигсена усилились. Кроме того, не очень дружелюбное отношение к империи старопрусских консерваторов отталкивало от союза с ними дружественно настроенных к империи консерваторов других земель; в результате в ряде мест национал-либералы стали даже правительственной партией, крайне правыми. Чуть ли не до конца семидесятых годов знаменем национал-либерализма пользовались все — от консервативных старолибералов типа Зимсона, Веренпфеннига, профессоров Безелера, Трейчке и Вюртембергера, не решавшихся перейти в Либеральную имперскую, а затем в Свободно-консервативную партию, до адвокатов типа Ласкера, который из-за векового угнетения его еврейских соплеменников был не в силах обуздать свой порыв к власти, или бывшего эмигранта 1848 года Бамбергера, который, будучи, как и Ласкер, евреем, совершил эволюцию от демократического радикализма и интернационального духа своей профессии до поддержки Бисмарка и тем не менее сохранил, хотя и в смягченной форме, в своем мировоззрении и стремлениях верность идеалам 1848 года»[2].

[1] Такой точки зрения придерживается сейчас (1932) Фюрстенберг (H. F ü r s t e n b e r g, Die Lebensgeschichte eines deutschen Bankiers, Berlin 1930, S. 28 ff.).

[2] M ä n n e r, op. cit., S. 45 f.

Либеральная левая

Крайне левое крыло национал-либералов, возглавляемое этими двумя деятелями, все более решительно боролось против официальной политики покровительственных пошлин. В этой борьбе крупной промышленности и большим акционерным обществам противостояли оптовая торговля, особенно балтийско-ганзейских городов, и капитал частных банков. Следует учитывать, что в Германии из-за немногочисленности лиц, владеющих крупным личным капиталом, частное банковское дело никогда не было в состоянии приобрести такое значение, какое оно имело в западных странах. И если западные частные банки финансировали из метрополии заграницу, то германские частные банки часто служили финансированию метрополии из-за границы. Жалкое состояние германской раздробленности побудило немало способных финансистов покинуть страну. Не случайно в Америке встречается так много немецко-еврейских фамилий, и еще в начале восьмидесятых годов Людвиг Бамбергер хвастливо противопоставлял современно-капиталистической эксплуатации Африки экспорт людей и капитала в Северную Америку.

В рейхстаге леволиберальное крыло опиралось, кроме того, на поддержку городских и общинных чиновников, а также представителей свободных профессий и рантье. Большинство из них, как справедливо утверждалось[1], хорошо ощущало атмосферу в своих избирательных округах, причем многие к тому же были связаны прочными, хотя и едва осознанными, нитями с определяющими экономическими интересами своих избирателей (посты членов наблюдательных советов, синдикатов и т. д.). «Форкенбек, с ноября 1878 года обер-бургомистр Берлина, голосовал за свободную торговлю, руководствуясь не только своими убеждениями, приобретенными на конгрессах по политической экономии, но и интересами торгового центра и цитадели прогресса — Берлина»[2]. Генрих Риккерт, ставший позднее лидером этого крыла национал-либералов, отмежевавшегося от Центра, представлял интересы морских портовых городов и торговцев, заинтересованных в посреднической торговле. В более позднее время в рядах этого левого крыла национал-либералов, отколовшегося в 1880 году от остальной партии и создавшего собственное политическое движение, мы встречаем и представителей Немецкого банка, одним из основателей которого был порвавший с национал-либералами Людвиг Бамбергер. Этими представителями были сначала Георг фон Сименс, а затем ставший лидером этой носимой политическими бурями группы Карл Шрадер — член многих наблюдательных советов и один из главных представителей зарождавшегося империализма; жена Шрадера — англичанка по национальности — в семидесятых и восьмидесятых годах была близка к кронпринцу и его супруге, от которых ожидали, что они откроют путь к либеральной эре. Немецкий банк, финансировавший в конце восьмидесятых годов подъем электропромышленности и уделявший особое внимание заморским сделкам, слыл в официальных кругах Берлина «красным», противостоя таким предприятиям, как «Дисконтогезельшафт», которое, играя ведущую роль в ипотечных сделках, участвуя в отраслях промышленности, заинтересованных в покровительственных пошлинах, и находясь в зависимости от государственной машины и военной промышленности, придавало большое значение хорошим отношениям с верхами.

Однако, поскольку левое крыло национал-либералов, время от времени потрясаемое борьбой внутри партии, находилось в состоянии политического бессилия, роль руководителя оппозиции выпала на первых порах на долю Прогрессистской партии и ее руководителя Ойгена Рихтера.

---

[1] См. Männer, op. cit., S. 48.
[2] Ibid.

Прогрессистская партия объединяла под своими знаменами рантье и мелких городских чиновников, мелких крестьян и надомников-ремесленников, рабочих металлической промышленности и переплетчиков, дубильщиков и седельщиков, обувщиков и кожевенников. В партии существовало своего рода ведомственное разделение представительства их интересов. Так, сам Ойген Рихтер особенно заботился о мелких промышленниках района Хаген-Швельм, производивших напильники, наковальни и тиски и боровшихся за существование с пудлинговыми, железоделательными и прокатными заводами крупной промышленности[1]. Он вышел на битву против роковой угрозы превращения политических партий в группы представителей экономических интересов[2]. Его устами говорили не только мелкий рантье, мелкий чиновник и мелкий потребитель промышленных изделий, протестовавшие против вздорожания сырья и опиравшиеся в данном случае на поддержку аграриев. Его устами говорило чувствующее себя еще независимым бюргерство, готовое на борьбу против общественных уступок и таможенно-политической зависимости от аграриев, покоящейся на популярном принципе компенсации. И прежде всего его устами говорил независимый деятель периода мартовской революции, опиравшийся на технические средства высокоразвитой промышленности в борьбе против деловых операций государства, грозивших разметать и коррумпировать оппозицию во всех областях общественной жизни. Государственные деловые операции (обложение всех в пользу немногих) казались Ойгену Рихтеру нецелесообразными и ошибочными, правда, лишь с экономической точки зрения; он боролся против больших расходов на армию (а позднее на флот), на государственный аппарат, против покровительственных пошлин и монополий, исходя из их оценки как нерентабельных, плохих сделок. Он не хотел и не мог видеть, что такого рода сделки, будучи невыгодными для него и тех, чьи интересы он представлял, были вполне рентабельными для тех, кто зарезервировал за собой тепленькое местечко. Подсчитывая каждую марку, которую могло бы сэкономить правительство, он не хотел думать о том, что именно такая финансовая политика является предпосылкой величайших деловых операций последующего периода. В итоге к концу своей жизни он остался почти одиноким, побежденным, хотя и не сломленным. Его ненавидели социал-демократы, для которых он был всего лишь скопидомничающим буржуа. Его ненавидело и правительство, для которого он был буржуазным скопидомом. Собственная же его партия под давлением социальных факторов завершила эволюцию вправо.

Аграрии и Центр

В борьбе против вздорожания промышленной продукции радикальная буржуазия получила поддержку аграриев, стоявших за газетой «Крейццейтунг». В конце семидесятых годов далеко не все аграрии были согласны пойти на предложенную Бисмарком обменную операцию, в соответствии с которой поддержка пошлин на промышленные товары гарантировала им пошлины на зерно; иногда случалось даже так, что аграрии выступали против вздорожания хлеба. Поворот в интересах аграриев, обусловленный значительным ростом морских перевозок и кризисом цен на зерно, происходил постепенно. Еще в начале восьмидесятых годов немецкое зерно в состоянии было конкурировать на внешних рынках. Так, в 1880 году Германии удалось экспортировать 178 170 тонн пшеницы, 26 587 тонн ржи, 43 546 тонн овса

[1] Об этих интересах см. выступление Ойгена Рихтера в рейхстаге 21 апреля 1877 г.
[2] Ойген Рихтер, там же.

и 154 409 тонн ячменя. Затем, однако, экспорт начал резко сокращаться и в конце восьмидесятых годов почти полностью прекратился[1]. Вместо того чтобы экспортировать зерно за границу, немецкие торговцы зерном начали пытаться сбывать его на внутреннем рынке. Излишки северо-востока посылались на юг и запад, однако высокие железнодорожные тарифы поглощали львиную долю прибыли. Отсюда понятно почему группы, стоявшие за «Крейццейтунг», проявляли зачастую гораздо больший интерес к выравниванию дифференциальных тарифов[2] и к национализации железных дорог, чем к аграрно-промышленной сделке относительно покровительственных пошлин, которая пока что не могла обеспечить им достаточной компенсации за вздорожание промышленных изделий.

Фон Мальцан-Гюльц жаловался на то, что Восток, которому до Швеции и Англии ближе, чем до Аугсбурга и Цвейбрюккена, ставят в невыгодное положение[3]. Животноводы Южной Германии или Ольденбурга также не видели никакой пользы от пошлин на зерно. В то же время по мере сокращения экспорта зерна и падения цен на него симпатии к политике покровительственных пошлин на зерно возрастали.

Политика пошлин на зерно облегчила лидерам Партии центра постепенное сближение с государством и империей. Не желая делать уступок либералам, правительство не могло осуществлять свою таможенную и финансовую политику без поддержки Центра; в связи с этим в последующие годы началась ликвидация культуркампфа. Дебаты в рейхстаге, лицо которого после новых выборов, проходивших под знаком закона против социалистов и покушения на кайзера, стало совершенно иным, привели к соглашению между правительством и Центром. После долгой проволочки Бисмарк отклонил предложение национал-либералов, которые и теперь были готовы дать согласие на реформу имперских финансов на базе пошлин лишь в обмен на предоставление конституционных гарантий[4], однако из-за своей внутренней разобщенности не были больше способны к серьезным переговорам. Вместо этого он достиг соглашения с Центром на основе подготовленной баварским бароном фон Франкенштейном формулы, которая практически усиливала зависимость империи от отдельных земель. Как известно, имперские финансы основывались на взносах отдельных государств, входящих в состав империи,— на так называемых матрикулярных отчислениях. И Партия центра и консерваторы, будучи больше заинтересованы в судьбах отдельных земель, чем империи, опасались, что предоставление ей возможности использовать таможенные доходы без учета их вероятного роста сделает ее независимой от входящих в нее государств. Поэтому было предусмотрено, что, как только доходы от таможенных пошлин превысят первоначально необходимую сумму в 130 миллионов в год, излишки будут передаваться в распоряжение отдельных земель. Таким образом, в целом и теперь был сохранен получивший благословение Бисмарка принцип, согласно которому экономика империи базировалась исключительно на косвенных налогах, в то время как прямые налоги оставались в ведении отдельных государств, входящих в состав империи. Эта система, в основе которой лежали классовые интересы, сыграла в дальнейшем в высшей степени роковую роль. Глубокий социологический смысл ее состоял в том, чтобы предотвратить опасность, связанную с возможностью того, что в один прекрасный день избранный на демократи-

[1] Статистические данные приводятся по Schunck, Die Ausfuhr landwirtschaftlicher Erzeugnisse des Deutschen Reichs seit 1880, Diss. Tübingen 1912, S. 3.

[2] «Die Kreuzzeitung» v. 3.1. 1879 u. v. 15.5. 1879.

[3] Verhandlungen des Reichstags vom 6.5.1879. «Крейццейтунг» была тогда еще полностью фритредерской (см. «Die Kreuzzeitung» v. 25.8.1878; 3.11.1878; 12.11.1878; 22.11. 1878; 4.1. 1879 и т. д.). В рядах аграриев она боролась, в частности, против «Дейче ландвиртшафтсцейтунг», «Эмденер цейтунг», «Дейче ландесцейтунг» и «Нейе рейхсцейтунг».

[4] См. H. Oncken, op. cit., 2.Bd., S. 411 f.

ческой основе рейхстаг преобразует систему прямых налогов в духе, весьма неприятном для имущих классов. Изложенная выше налоговая система представляла собой — особенно в той части, в какой это относилось к прусскому государству, в котором имущие классы, опираясь на трехклассную избирательную систему, осуществляли ничем не ограниченное господство,— своего рода долгосрочную страховку от возможности подобного налогового посягательства. Однако, поскольку ввиду неуклонного количественного роста пролетариата в Германии оказалось невозможным постоянно опираться при проведении имперской финансовой политики исключительно на пошлины и косвенные налоги, это привело, особенно в начале XX века, к тяжелым финансовым кризисам, во время которых империи унизительным образом приходилось вымаливать у имущих классов средства на существование. С началом мировой войны отсутствие у империи возможности осуществлять действенное налогообложение имущих классов породило ту самую, связанную с именем Карла Гельфериха, чудовищную финансовую политику, которая привела к неслыханному обману всех, кто доверил свои средства государству.

Поворот во внутренней и внешней политике. Победа Людвига Виндтхорста

В тактическом отношении победителем в этой борьбе, завершившейся 12 июля 1879 года принятием так называемой франкенштейнской клаузулы 211 голосами против 122, был лидер Партии центра Людвиг Виндтхорст. В своем роде это был, вероятно, самый большой консерватор, которого когда-либо знала Германия. Он начал карьеру в качестве консервативного защитника католических прав от посягательств Ганноверского королевства и продолжил свой путь как защитник юридических и финансовых прав этого королевства перед лицом прусской аннексии. «Обида», нанесенная прусской революцией сверху легитимизму партикуляристов, оскорбила этот дух, идеям которого соответствовало вельфское историографическое направление, представленное историком Онно Клоппом. Консерваторы этого типа с удивлением наблюдали за тем, как прусское государство, руководимое вроде бы консерваторами, попирало одно традиционное право за другим. К капиталистическо-либеральным силам, воздействие которых являлось единственным объяснением этой непостижимой антитрадиционалистской политики, он относился как laudator temporis acti, демонстрируя в определенной степени духовную близость к человеку, формально возглавлявшему антитрадиционалистское и с точки зрения благотворительности черствое государство, завладевшее Германией.

Вильгельму I подобное развитие было тоже не по душе: его глубоко укоренившийся консерватизм противился в 1866 году войне с Австрией, в 1870 году — военному столкновению из-за испанской короны и прежде всего кайзерству в новой империи, которая, по сути дела, была ему совершенно чужда. Теперь, в 1879 году, его здравый консервативный смысл обратился против мнимого разрыва с горячо любимой Российской империей; под воздействием политического кризиса демонический министр изо всех сил толкал его к этому разрыву, но Вильгельм I, однако, не понял существо этого кризиса, который казался ему подозрительным. «Вся моя моральная сила сломлена,— писал он в октябре 1879 года.— Я не знаю, что со мной будет»[1]. У старого кайзера не было больше сил бороться против внутренних и внешних воздействий, давно уже в корне преобразовавших прусское государство периода освободительных войн и в конечном

[1] GP, 3. Bd., S. 100 f. A.

счете втянувших его в мировую политику. Консервативная политика лидера Партии центра была гораздо более энергичной и перспективной. Он был связан с современными ему консервативными силами, но не только с ними. Среди многообразных социальных факторов, на которые опиралась Партия центра, имелись и такие, которые были устремлены вперед и могли обеспечить ее существование даже в условиях изменившейся социальной обстановки.

В отличие от германского протестантизма, выросшего в условиях непосредственной связи с антисоциальным территориальным государством (вспомним, как неистовствовал Мартин Лютер в связи с крестьянскими восстаниями) и являвшегося поэтому идейной предпосылкой для развития индивидуалистического либерализма, католическая церковь в Германии сохранила не только свои универсалистские, но и свои благотворительно-социальные традиции. Тем самым она оказалась приспособленной к решению проблем, возникших перед ней, как и перед любым социальным явлением, в результате современного капиталистического развития. До 1866 года немецкий католицизм, опираясь преимущественно на крестьянство и городское среднее сословие, занимал в основном негативную, критикующую позицию. Однако, убедившись в необратимости современного капиталистического развития в Германии, он вскоре после основания Германской империи перешел — под руководством таких деятелей, как Франц Хитце,— к активной социальной политике. Нападки на отрицательные стороны капитализма, активная благотворительная деятельность, развернутая особенно Народным союзом католической Германии в Мюнхене-Гладбахе,— таковы причины того, что в период всеобщего распада и классовых расколов Партия центра, эта опора престола святого Петра, продолжала стоять непоколебимо, подобно гранитной скале. При этом в отличие от других партий, которые во все большей степени превращались в чисто классовые организации, ей удавалось объединять под общим знаменем таких разнородных и в то же время, как правило, значительных деятелей, как кардиналы Фишер и Копп, магнаты граф Балестрем, граф Прашма и герцог фон Аренберг, промышленники Тиссен и Клёкнер, крестьянский лидер Георг Хейм, профсоюзный деятель Штегервальд, социальные политики Франц Хитце и Карл Зонненшейн. Возможность исходить из единых социально-политических взглядов и побуждать представителей имущих классов в Партии центра на социально-политические уступки и жертвы в интересах укрепления консерватизма и сохранения церкви — все это, нашедшее свое воплощение в деятельности ядра Партии центра — Народного союза католической Германии в Мюнхене-Гладбахе,— объясняет, почему руководству этой партии в конечном итоге удалось добиться триумфа в борьбе за существование, которую оно вело против могучего соперника, возглавлявшего прусское государство.

Германо-австрийский союз и позиция партий

Летом 1879 года в Германии начался решающий внешнеполитический поворот, в оценке которого прусско-протестантское и католическое правовые восприятия расходятся кардинальным образом. Союз с Австрией, о котором Бисмарк, оказавшись перед лицом недовольства России результатами Берлинского конгресса, договорился с Андраши, означал для Вильгельма I с моральной точки зрения почти такую же «несправедливость», какой была в свое время для Виндтхорста аннексия Ганновера. Напротив, Партия центра видела в повороте отношений с Австрией компенсацию за предыдущее правонарушение.

Отрицательное отношение Вильгельма I к этому договору* как бы символизировало поражение старопрусского консерватизма и в определенном смысле самого Бисмарка. И хотя Бисмарк со времени примечательного обмена письмами с генералом Леопольдом фон Герлахом считал себя свободным от симпатий к тому или иному соседнему государству, все же в отношениях с Россией традиционные консервативно-легитимистские идеи оказывали, видимо, гораздо большее влияние, чем он хотел бы признать наедине сам с собой. Однако как бы там ни было, союз с Австрией явился симптомом серьезно изменившейся мировой ситуации, которая постепенно все более затрудняла решение проблемы внешнеполитического обеспечения безопасности Германии и вынуждала Бисмарка соответственно преобразовывать свою систему восточных пактов. Сам Бисмарк никогда не разделял детской веры многих своих поклонников в то, что один человек в состоянии длительное время господствовать над политическими движениями. Одним из его любимейших выражений было «fert unda nec regitur», что, разумеется, не исключало, что иногда волна заносила его туда, куда он вовсе не намеревался попадать.

В данном случае прусская Консервативная партия (желала она признать это или нет) потерпела крупное поражение, хотя под влиянием наступившего в последующие годы кризиса цен на зерно, а также возникших параллельно с этим военно-стратегических проблем она с поразительной быстротой начала забывать о той внешнеполитической ситуации, на которую в Пруссии делали ставку со времени освободительных войн. Еще в начале 1878 года «Крейццейтунг»[1] высказывала опасения, что требования России не найдут поддержки[2]. В марте и апреле 1878 года, когда Россия, выиграв войну, угрожала с помощью великой Болгарии ликвидировать Турцию и навлекла на себя тем самым гнев Англии и Австрии, газета, все еще высказываясь в поддержку России в ее босфорском конфликте с Англией, уже принимала, как это имело место и в период Крымской войны, сторону Австрии, когда дело касалось австро-русского конфликта[3]. Затем она стала оказывать полную поддержку бисмарковской политике «честного маклера», которая привела к потере русскими на Берлинском конгрессе в июле 1878 года значительной части своей добычи и вследствие этого к ожесточению в России, угрожавшему потрясти основы традиционной внешней политики. Правда, «Крейццейтунг» весьма оптимистически считала, что Германия может быть довольна результатами Берлинского договора, и эта мысль, бесспорно, отвечала взглядам подавляющего большинства нации, испытывавшего радость по поводу того, что удалось избежать мирового пожара.

Однако уже тогда раздавались критические голоса, предупреждавшие, что результаты работы конгресса таят в себе возможность новых конфликтов. «Франкфуртер цейтунг», например, не могла представить себе, как удастся разрешить квадратуру круга и по старой традиции обеспечить с помощью Австрии и Англии безопасность Турции и проливов после того, как эта самая Турция в результате войны и экспансионистской политики тори оказалась столь ослабленной созданием на части ее территории самостоятельных христианских государств. Но одного из важнейших последствий русско-турецкой войны в Германии не видели: общественность явно не придавала существенного значения тому, что именно немецкое предприятие (фирма Фридриха Круппа в Эссене) все больше забирало в свои руки дело

---

[1] В начале восьмидесятых годов «Крейццейтунг» придерживалась сравнительно проправительственного курса, что объяснялось не только особыми связями газеты, но и общей позицией Консервативной партии, которая после поражения либерализма одно время следовала в фарватере Бисмарка (см. «Die Kreuzzeitung», 8.2.1878).

[2] «Die Kreuzzeitung» v. 3.4.1878.

[3] «Die Kreuzzeitung» v. 19.7.1878.

* См. L a n g e r, Alliances, p. 184 ff.

перевооружения разгромленной турецкой армии[1]. Тогда никто даже не предполагал, какие тяжелые последствия будет иметь это военно-промышленное укрепление Германии в районе Босфора в сочетании с дальнейшей промышленной экспансией. В то же время в Германии даже среди консерваторов не было ни одного человека, который бы просто так выступил в защиту интересов России. Приспособление консерваторов к сугубо нетрадиционной внешней политике Бисмарка 1879 года, в которой они впоследствии, руководствуясь торгово-политическими соображениями, стали даже играть ведущую роль, на первых порах было обусловлено частично заведомой политической слабостью юнкерской партии, в известной мере довольной тем, что после ошибок и заблуждений либерального периода и эпохи декларантов ей вновь удалось снискать благосклонность Бисмарка. Начавшийся отход от России был частично обусловлен и изменением значения польской проблемы, некогда цементировавшей союзную политику трех империй. С момента отмены таможенных границ между Россией и Польшей бурно развивавшаяся польская промышленность начала сбывать свои товары в России. В результате польская буржуазия и заинтересованное в промышленных прибылях крупное польское дворянство в одной, наиболее значительной, трети бывшего польского государства начали терять вкус к новым восстаниям и постепенно легализоваться[2]. Однако для прусско-германской стороны польская проблема этим не ликвидировалась, напротив, она вновь стала — особенно в обстановке промышленного кризиса восьмидесятых годов — весьма актуальной. Но теперь она уже потеряла характер проблемы, разрешение которой возможно лишь международным путем,— тем более что и в Австро-Венгрии польский вопрос стал приобретать специфически локальный характер как часть общей австрийской проблемы национальностей. В конечном счете в результате этих изменений, а также по мере усиления на протяжении восьмидесятых годов борьбы, которую вели юнкеры против русского зерна, ослабели все традиционные узы, связывавшие Консервативную партию с Россией, а с другой стороны, русская политика в Восточном вопросе усиливала заинтересованность в союзе с Австрией. В то же время германо-австрийский союз с логической неизбежностью дополнялся хорошими отношениями с другим противником России — Британской империей, пока над этими отношениями не стал тяготеть призрак германской гегемонии. В то время консерваторы постоянно возлагали свои надежды на Англию[3]. Англофильство «Крейццейтунг», основы которого, правда, в последующие годы по мере сокращения экспорта зерна стали расшатываться и уже не выходили за рамки, обусловленные растущими военными и экономическими противоречиями с Россией, в то время превосходило даже проанглийские симпатии германского посла в Лондоне графа Мюнстера, который, «будучи англофилом по рождению, воспитанию и женитьбе»[4], придерживался мнения, что все народы древней культуры должны объединиться против русского варварства, — позиция, близкая идеям посланника Бунзена в период Крымской войны, но отнюдь не взглядам Бисмарка. Люди типа Мюнстера представляли собой тогда своего рода связующее звено между эрой Фридриха Вильгельма IV и эпохой аристократических сеньоров, которые в конце XIX и в начале XX века превратили германское посольство в Лондоне

[1] См. C. Helfferich, Georg von Siemens, 3. Bd., S. 21.

[2] См. G. Hallgarten, Studien über die deutsche Polenfreundschaft in der Periode der Märzrevolution, München 1928, S. 117 f.

[3] «Die Kreuzzeitung», 4.10.1879; 24.10.1879. Победа Гладстона на выборах 1880 г. нанесла решающий удар по надеждам консерваторов на заключение англо-германского союза. («Die Kreuzzeitung», 6.4. 1880). Тем не менее и при новом премьере консерваторы пытались по возможности способствовать становлению такого союза («Die Kreuzzeitung», 14.5.1880).

[4] См. Hans Rothfels, Bismarcks englische Bündnispolitik, Stuttgart 1924, S. 49.

в особый политический центр, поддерживавший идеологические, а зачастую и общественные связи с германской крупной торговлей и германскими банками и часто занимавший довольно независимую позицию по отношению к политике рейха. Попытки графа Мюнстера добиться — по поручению Бисмарка — заключения англо-германского союза потерпели крах, подобно более поздним и предпринятым главным образом по собственной инициативе шагам советника посольства фон Эккардштейна, а также многочисленным усилиям эпохи Бетман-Гольвега. В 1879 году Англия не дала союзнических заверений, которые могли бы удовлетворить Бисмарка[1]*.

Союз с Англией под эгидой Бисмарка приветствовали бы тогда, вероятно, все партии, в том числе, бесспорно, и социал-демократы. Расширение англо-германских торговых отношений само по себе вовсе не влекло за собой пробуждения каких-либо враждебных чувств; напротив, оно способствовало интенсификации отношений между обеими странами. Необходимо четко индивидуализировать понятие, которое впоследствии так охотно именовали «англо-германским экономическим соперничеством», и с самого начала при оценке этого вопроса необходимо отказаться от политических обобщений, сделанных в тактических целях школой Тирпица, полностью некомпетентной и не имевшей достаточной экономической выучки.

Вся германская общественность — и в первую очередь клерикалы — в целом приветствовала союз с Австрией, руководствуясь теми же мотивами безопасности Германии, какие побудили Бисмарка заключить этот союз. При этом католиками руководило также не в последнюю очередь стремление к сохранению ведущей католической державы, а решительные либералы видели в этом союзе, кроме средства обеспечения политической безопасности, также залог сохранения значительных германских капиталовложений в Австрии. О германской политике на Балканах речи тогда почти не велось. Поскольку политические и экономические преимущества союза с Австрией являлись к тому же в определенной степени продолжением старых великогерманских традиций, этот союз стал вскоре в Германии делом не только партийной тактики, но и кровным делом всех партий.

Внешняя политика Бисмарка и партии в начале колониальной эпохи

В практическом испытании этого союза на первых порах не было никакой необходимости, поскольку большинство великих держав под воздействием мирового экономического кризиса перешло к капитализации главным образом неевропейских территорий, в результате чего политическое давление в центре ослабло. Подобная тенденция проявлялась в то время во всем мире[2].

---

[1] См. Rothfels, op. cit., S. 50.

[2] См., например, в отношении США весьма дальновидные наблюдения «Франкфуртер цейтунг» от 17 февраля 1879 г. («Новый штат Федерации» — специальная корреспонденция из Сен-Луи от 26 января 1879 г.) «Финансовый кризис 1873 г., пагубные последствия которого почти повсеместно сказываются вплоть до настоящего времени и который приносил с собой повсюду низкие заработки и безработицу, в огромной степени способствовал быстрому заселению многих районов Дальнего Запада. Особенно это движение проявилось в истекшем году, когда целые потоки людей из восточ-

* Лангер («Alliances», p. 181 f.) в результате тщательного исследования пришел к выводу, что переговоры о союзе сорвались из-за наметившегося тогда нового германо-русского сближения. Изложение этих переговоров см. также в тонко взвешивающей факты и хорошо написанной книге Raymond J. Sontag, Germany and England 1848—1894, New York 1938.

Уже на Берлинском конгрессе Франция пыталась заручиться поддержкой Германии в отношении запланированного наступления против Туниса, а в дальнейшем посвятила себя проекту железнодорожного строительства в Сахаре. Французская экспансия в Тунисе толкнула Италию в лагерь Центральных держав. 20 мая 1882 года Двойственный союз был превращен в Тройственный, а в 1883 году к Центральным державам примкнула и Румыния. Только обусловленная экономическим развитием колониальная политика всех более или менее ведущих держав сделала вообще возможной германскую игру, рассчитанную на натравливание одних великих государств на другие.

Даже Франция, против которой был направлен Тройственный союз, была усмирена Бисмарком, поскольку нуждалась в германской поддержке своей политики в Марокко, Египте, Конго и Тонкине. Потребность в обеспечении тыла вынуждала и Англию, которая в ходе своей заморской экспансии в начале восьмидесятых годов столкнулась в Египте с Францией и постоянно конфликтовала с Россией, проявлять в отношении Германии предупредительность. С другой стороны, и Россия, стремясь обеспечить свою безопасность перед лицом английской экспансии в Азии, пыталась, несмотря на германо-австрийский союз, вновь сблизиться с обеими державами, что нашло свое политическое выражение в союзе трех императоров.

Политику этого периода считают вершиной бисмарковского государственного искусства[1]*. Однако нельзя забывать, что его псевдожонглирование пятью шарами базировалось на очень определенной, конкретной, экономически обусловленной ситуации, изменение которой сделало невозможным и дальнейшее проведение подобной политики. Было бы в корне неправильным и антиисторичным противопоставлять деятельность Бисмарка в эти годы его политике в последующий период, которую столь охотно пытаются объяснять, прибегая к модной ссылке на «непонятого Бисмарка». Никто не намерен отрицать неописуемой ловкости и превосходной виртуозности, с которой Бисмарк анализировал и решал внешнеполитические проблемы своего времени. Однако нельзя не видеть, что эти проблемы как-никак в конечном счете были разрешимы, поскольку на земном шаре имелось еще достаточно некапитализированных территорий, ждавших капитализации, а концентрация банков и трестов находилась еще в зародышевом состоянии. В последующие же десятилетия, а в особенности еще позже, когда «мир был уже поделен», бесцельно и анархично буйствовавшие экономические силы вызвали к жизни такие внешнеполитические проблемы, которые не был в состоянии решить и сам Бисмарк в последние годы своего правления.

С этой новой внешнеполитической ситуацией должна была справиться Германия, страдавшая от воздействия кризиса и внутри страны. Мелкая буржуазия, охотно наживавшаяся в период высокой конъюнктуры семидесятых годов, начала подрывать связи с распавшимся на части либерализмом. Консерваторы, учуявшие изменение политической обстановки, поставили своей основной политической задачей завоевать на свою сторону недовольных мелких ремесленников и мелких торговцев, а также во многих случаях, например в Гессене, и мелких крестьян, находившихся в зависимости от мелких еврейских ростовщиков. Разнородность этих, как правило, антисемитски настроенных социальных прослоек, представители которых до 1873 года верили в возможность своего превращения в крупных буржуа, а теперь оказались перед необходимостью бороться против угрозы своего падения до положения пролетариев, с самого начала предопределила раздроб-

---

ных штатов ринулись в штаты и на территории, расположенные к западу от Миссисипи,— в Небраску, Дакоту, Колорадо, Канзас и Техас». Результатом, подчеркивает «Франкфуртер цейтунг», была разгрузка больших городов и увеличение сбыта.

[1] Erich Marcks, Bismarck, 1915.

* О дипломатической игре в эти годы см. Langer, Alliances, chap. VI—VIII.

ленность антисемитского движения[1]. В то время как берлинское направление, возглавляемое придворным проповедником Штёккером, готово было ограничиться обращением евреев в христианство, народные агитаторы, особенно в сельских районах, шли еще дальше и боролись против евреев как расы. Вскоре это движение ускользнуло из рук Штёккера, который из уважения к тесно связанному с протестантской церковью государству все же не мог позволить себе призыва к открытому насилию. Партия центра, ведущий орган которой газета «Германиа» до сих пор охотно использовала антисемитизм в Пруссии в борьбе против господствовавшей в империи либеральной политики, также сделала поворот на 180 градусов, как только антисемитская агитация начала превращаться в оружие, выгодное правительству[2].

Все же на первых порах это движение не смогло укорениться в Германии. В начале восьмидесятых годов политическое развитие в стране вновь пошло несколько влево.

Выборы в рейхстаг 27 октября 1881 года показали, что новая политика покровительственных пошлин не удовлетворяет промышленные интересы весьма многих. Почти все отрасли промышленности по-прежнему высказывали недовольство; цены на чугун с 1878 по 1884 год возросли лишь умеренно, в то время как цены на пшеницу и особенно на рожь с 1878 по 1881 год подскочили весьма резко. Увеличение косвенных налогов, установление табачной монополии, предоставление субсидий торговле, судоходству и колониальным предприятиям — все это были меры, которые не могли оказать существенной помощи широким кругам, особенно торговцам, владельцам предприятий перерабатывающей промышленности и служащим. Налог на пиво и табачная монополия толкнули пивоваров, владельцев пивных и табачных магазинов в лагерь левых, результатом чего явилось избрание в рейхстаг 60 прогрессистов. Левое крыло национал-либералов, откололовшееся в 1880 году в качестве «независимых», стало сильнее, чем прежняя партия (50 против 45 депутатов). Партия центра в основном сохранила свои позиции. По счету заплатили национал-либералы и консерваторы. Бисмарк постарался использовать против них силы, вызвавшие кризис. Его надежды на разгром манчестерского либерализма связывались с антииндустриальной социальной политикой и с социальной политикой Партии центра. Первая половина восьмидесятых годов — время зарождения немецкого социального законодательства. Первыми шагами в его становлении были закон о страховании по болезни и закон о страховании при несчастных случаях от 28 мая 1885 года и 15 марта 1886 года.

Социологические основы колониальной политики Бисмарка

К числу случайных требований социальных слоев, сорванных кризисом с якоря, к числу средств спасения идущего ко дну среднего сословия относилось и пожелание, чтобы Германия по примеру великих держав занялась колониальной политикой[3*]. Следует, однако, учитывать, что самые ярые

---

[1] Об антисемитском движении вообще см. работу K u r t W a w r z i n e k, Die Entwicklung der deutschen Antisemitenparteien (1873—1890), Berlin 1927.

[2] См. B a c h e m, op. cit., 3. Bd., S. 417.

[3] См. W a w r z i n e k, op. cit., S. 39.

* К излагаемому ниже см., кроме того, M a r y T o w n s e n d, The Rise and Fall of Germany Colonial Empire, New York 1930, а также L a n g e r, Alliances, chap. IX. По вопросу о непосредственной дипломатической истории см. небольшую книгу A. J. P. T a y l o r, Germany's First Bid for Colonies, London 1938, а также более подроб-

агитаторы в пользу такой политики, даже если они часто происходили из этих охваченных волнением слоев, сразу же становились инструментом в руках магнатов тяжелой промышленности и крупных финансистов — единственных кругов, которые могли извлекать постоянную пользу из германской колониальной политики; как известно, колониальная политика не привела ни к созданию заморских поселений для избыточного германского населения, что было ее первоначальной целью, ни к появлению более или менее существенного рынка сбыта[1]. Когда рейнский инспектор-миссионер д-р Фридрих Фабри начал в 1879 году широкую кампанию в пользу колониальной политики, за его спиной уже стояли многие крупные промышленники[2], в том числе весьма нажившийся на скупке и перепродаже прав Хазенклевер[3]. Руководителем основанного Фабри Колониального союза был д-р Хюббе-Шлейден[4], создавший в 1882 году Новогвинейскую компанию и в результате вошедший в группу гамбургского судовладельца Вёрмана и «Дисконтогезельшафт». Хюббе-Шлейден был тесно связан со ставшим впоследствии вождем Пангерманского союза профессором статистики Лейпцигского университета Эрнстом Хассе, который возглавлял крайне колониалистское крыло Национал-либеральной партии. Таким образом, при обосновании германской колониальной политики интересы немецкого среднего сословия и интересы миссионерской деятельности были подогнаны под интересы крупной промышленности и финансовой верхушки, выступивших вскоре на передний план; среди многих колониальных проектов, выдвигавшихся потрясенными кризисом слоями, уже фигурировал и план захвата Санта Лючия Бай, откуда вел путь в бурский Трансвааль, который приобрел в последующие годы столь большое значение для германского империализма[5].

Пока истинные ганзейцы и большинство частных владельцев крупного капитала, как и широкие массы, проявляли сдержанность в отношении колониальной политики, ибо чувствовали, что речь идет не столько о расширении немецкой торговли, сколько о государственно-капиталистических сделках с Германской империей, испортившей в этот период благодаря политике насильственной унификации таможенных пошлин свои отношения с ганзейскими городами[6], колониальную агитацию взял в свои руки человек, как бы созданный для такой миссии. Им оказался весьма деятельный Микель, который в 1882 году, будучи обер-бургомистром Франкфурта-на-Майне, стал одним из ведущих основателей Германского колониального

ное изложение в книге William Osgood Aydelotte, Bismarck and British Colonial Policy, London 1937. Оба автора обвиняют (на мой взгляд, с полным основанием) Таунсенд в том, что она неоправданно относит начало появления у Бисмарка колониальных планов к слишком раннему периоду. Они указывают, что в действительности колониальная политика Бисмарка в большей степени была импровизацией, направленной на то, чтобы использовать в своих интересах современные ему силы. Правильно говорил о Бисмарке также Зонтаг («Germany and England, 1848—1894», p. 203): «Его колониальная политика действительно была случайным следствием его новой протекционистской системы». При всем сказанном нельзя не согласиться с Таунсенд в том, что Бисмарк с характерным для него универсализмом еще раньше время от времени обращался к такого рода идеям.

[1] Описание общих целей колониальной политики в книге Макса фон Хагена (Max von Hagen, Bismarcks Kolonialpolitik, Stuttgart 1923, S. 12 ff.) звучит прямо как издевательство над оправдываемой им самим действительной колониальной политикой. Валь (op. cit., 2.Bd., S. 65 f.) вообще является слепым сторонником колониализма.

[2] Hagen, op. cit., S. 26 (25).

[3] О покупке прав Хазенклевера «Дисконтогезельшафт», которое в свою очередь перепродало их, см. в книге Ludwig Sander, Die Geschichte der Deutschen Kolonialgesellschaft für Deutsch-Südwestafrika, Berlin 1912, 2. Bd., S. 51 ff.

[4] Hagen, op. cit., S. 29.

[5] Об этом проекте см. у Хагена (op. cit., S. 52).

[6] О сдержанности ганзейцев по отношению к колониальной политике см. у Хагена (op. cit., S. 37 ff.).

союза. Первым председателем новой организации, которая поначалу ставила перед собой скорее пропагандистские, чем практические цели, был князь Гогенлоэ-Лангенбург, проявивший в 1880 году в качестве вице-президента рейхстага особую заботу о проекте «Дисконтогезельшафт» в отношении Самоа.

На втором общем собрании союза, состоявшемся в феврале 1885 года[1] в Берлине, присутствовали наряду с Микелем и Беннигсеном национал-либерал фон Куни, имевший впоследствии крупные колониальные интересы, крупный промышленник фон Эйнерн — лидер национал-либералов в прусской палате депутатов, крупный промышленник Фридрих Гаммахер, граф Фред Франкенберг, экономист Адольф Вагнер, гамбургский судовладелец Вёрман и барон фон Эккардштейн-Прётцель. Почти все эти лица, кровно заинтересованные в колониальной политике, являлись доверенными «Дисконтогезельшафт», которое и следует рассматривать как ведущую силу нового движения.

Четкой системы, которой сейчас так интересуются, колониальная политика Бисмарка не имела вовсе, если не считать постоянного стремления Бисмарка по возможности избавить империю от возни с колониями; управление колониями он был не прочь предоставить по аналогии с английской системой Chartered Company заинтересованным группам. Такая политика пользовалась поддержкой либералов в рейхстаге. Оппозиция же, напротив, критиковала эти колониальные планы всякий раз, когда выдвигалось требование о выделении крупных государственных средств на предприятия, полезные лишь весьма немногим заинтересованным лицам. Тайный советник фон Куссеров, игравший важную роль при определении колониальной политики, был родственником главы «Дисконтогезельшафт» фон Ганземана и, следовательно, сам являл собою тип такого заинтересованного лица. Не кто иной, как Куссеров, и создал всю германскую колониальную политику[2], убедив сопротивлявшегося на первых порах Бисмарка в целесообразности колониально-политических проектов.

Колониальная эра началась с очень типичной для таких вещей сделки. Гамбургская морская торговая фирма «Годефрой» в эпоху грюндерства в широких масштабах занималась спекуляцией акциями[3] рейнско-вестфальской горной промышленности, растранжирила свой капитал и в результате оказалась не в состоянии удержать свои заморские владения. Глава этой фирмы был родственником тогдашнего статс-секретаря по иностранным делам министра фон Бюлова, отца будущего канцлера. Фон Бюлов обратился к своему подчиненному — советнику ведомства иностранных дел фон Куссерову, который в свою очередь связался со своим родственником в «Дисконтогезельшафт»[4]. Однако «Дисконтогезельшафт» было готово выделить средства для семейной сделки фон Бюлова только при условии получения имперских субсидий и гарантий. Таким образом, империи предлагалось раскошелиться с тем, чтобы помочь выбраться из лужи родственникам или свойственникам руководителя ведомства иностранных дел и спасти их от последствий неудачных спекуляций. И Бисмарк действительно внес через Куссерова в рейхстаг соответствующий законопроект, в защиту которого —

---

[1] Отчет о заседании см. во «Франкфуртер цейтунг» от 24 февраля 1885 г.

[2] О решающей роли Куссерова см., например, у Хагена (op. cit. S. 60 ff. u. 70). См. также некролог памяти Генриха фон Куссерова в «Кёльнише цейтунг» от 16 октября 1900 г.

[3] См. B. Hertz, Das Hamburger Seehandlungshaus J. C. Godeffroy und Sohn 1866 bis 1879, Hamburg 1922, S. 59.

[4] См. Hertz, op. cit., S. 60; Hagen, op. cit., S. 71 ff. Относительно в высшей степени сомнительного характера сделки см. также в работе J. Heyderhoff, P. Wentzcke, Deutscher Liberalismus im Zeitalter Bismarcks, Bonn 1925, S. 324 (Мозле — Трейчке, 17 декабря 1879 г.).

несмотря на всю ясность подоплеки дела — выступили в числе прочих несколько депутатов — национал-либералов[1].

Оппозицию против законопроекта возглавило в рейхстаге фритредерское крыло национал-либералов, считавшее эту политику государственного субсидирования мерзостной. Бамбергер, ясно видевший личную заинтересованность членов правительства в этом законопроекте, в своей борьбе против него опирался на поддержку Партии центра, оказанную из тактических соображений. Но еще большую поддержку оказала ему премьера второй части «Фауста», обусловившая отсутствие многих депутатов на заседании рейхстага[2].

Несмотря на отклонение законопроекта о Самоа, «Дисконтогезельшафт» обосновалось там, купив предприятие «Годефрой», преобразованное в акционерное общество («Дейче хандельс- унд плантаженгезельшафт дер зюдзееинзельн»)[3].

Из Самоа весной 1884 года оно перебралось на Новую Гвинею: 26 мая Ганземан вместе с Блейхрёдером, фон Эккардштейн-Прётцелем и закулисным хозяином Национал-либеральной партии промышленником и финансистом Фридрихом Гаммахером основали Новогвинейскую компанию (с этого момента упомянутая четверка получила кличку «заговорщики Южного моря»). Из-за опасения перед протестами английских доминионов это мероприятие хранилось на первых порах в большой тайне. Одновременно правительство потребовало в рейхстаге субсидий для почтовой пароходной линии в Австралию с ответвлением к Самоа и островам Тонга. Однако оно опять натолкнулось на сопротивление Бамбергера, который прекрасно понял, что в данном случае речь идет о возрождении в новой форме старых планов, предусматривавших субсидии для Самоа.

На этот раз, как указывал Бамбергер, в махинации был заинтересован также владелец официального органа правительства «Норддейче альгемейне цейтунг» фон Олендорф. Внезапная атака Бамбергера вызвала полное смятение в правительственных кругах: начальник соответствующего ведомства, создатель имперской почты Стефан отрицал наличие связи между законопроектом и колониальной политикой[4], в то время как шеф Стефана Бисмарк признал ее[5].

Но не только за законопроектом о субсидиях пароходным линиям, за принятие которого Бисмарк сражался подобно льву в марте 1885 года (хотя ему так и не удалось помешать рейхстагу отклонить[6] субсидирование обеих

---

[1] См. H a g e n, op. cit., S. 83, а также упомянутое в предыдущей сноске письмо Мозле. Перед лицом изложенной в тексте вполне очевидной сути дела нападки Хагена на Бамбергера (стр. 79 и сл.) остаются совершенно непонятными и, вероятно, обусловлены партийно-политическими причинами. Они тем более несправедливы, что сам Хаген на стр. 83 вынужден признать, что и без затребованных имперских субсидий можно было удержать эти территории в немецких руках. «Дисконтогезельшафт» не упустило этой блестящей сделки и без имперских субсидий, хотя и в дальнейшем, как мы еще покажем, постоянно использовало империю в своих собственных интересах. Любопытно отметить, что бóльшую часть имущества будущего канцлера фон Бюлова составляло наследство, полученное от фирмы «Годефрой» (см. R u d o l f M a r t i n, Deutsche Machthaber, Leipzig 1910).

[2] Обсуждение законопроекта в рейхстаге широко освещено в книге Хагена (op. cit., S. 76 ff.). Характерно напоминающее аргумент из современной полемики утверждение Хагена (стр. 89), будто отклонение законопроекта подорвало национальный престиж за рубежом.

[3] H a g e n, op. cit., S. 435 ff.

[4] На заседании бюджетной комиссии 30 августа 1884 г. (см. H a g e n, op. cit., S. 106).

[5] На заседании бюджетной комиссии 23 июня 1884 г. Аргументы, при помощи которых Макс фон Хаген (стр. 109 и сл.) пытается «защитить Бисмарка» от самого себя и отрицать связь между обеими проблемами, весьма слабы и основываются на одних предположениях.

[6] Verhandlungen des Reichstags, 23.3.1885.

пароходных линий Австралия — Самоа и африканской, представлявших особую важность для лиц, заинтересованных в колониальной политике), но и за другими колониальными проектами стояла та же самая небольшая группа заинтересованных лиц.

В немецкой Юго-Западной Африке с самого начала речь шла о территориальных приобретениях Ганземана, Блейхрёдера и Диеса[1] наряду с приобретениями торгового дома Людеритца, защита интересов которого в известной телеграмме консулу в Капштадте от 24 апреля 1884 года положила начало немецкой эре. Из-за нехватки денежных средств торговый дом Людеритца сразу же предложил свои приобретения через посредство ответственного чиновника Куссерова Ганземану. «С тайным советником фон Ганземаном («Дисконтогезельшафт»),— писал Людеритц,— меня познакомил г-н фон Куссеров. Я неоднократно посещал Ганземана. Он считает, что может приобрести мою землю за яйцо и бутерброд. Но это не выйдет»[2]. Поскольку Людеритц не дал себя провести, Ганземан поначалу отошел на второй план, уступив место консорциуму, в который вошли Гаммахер, граф Франкенберг, герцог фон Уэйст, граф Хенкель-Доннерсмарк, банкир Адальберт Дельбрюк, Блейхрёдер и другие. Через барона фон Эккардштейн-Прётцеля и других в консорциуме было представлено и «Дисконтогезельшафт», которое впоследствии отложило для себя самые вкусные куски этого юго-западноафриканского пирога; весь комплекс рудников в Отави находился под прямым контролем Ганземана.

Главным заинтересованным лицом при захвате Камеруна* был судовладелец Вёрман, действовавший вместе с гамбургской фирмой «Янтцен-Тормелен». Этот член фракции Национал-либеральной партии в рейхстаге также являлся непосредственным доверенным лицом могучего «Дисконтогезельшафт».

В Восточной Африке тоже не обошлось без такого рода связей. Чисто спекулятивное предприятие авантюриста Петерса, успех которого объясняется лишь заступничеством финансировавшего его крупного померанского землевладельца и кайзеровского камергера графа Феликса Бер-Банделина[3], оказалось вообще возможным только благодаря могучему влиянию Куссерова, несмотря на невероятные тактические ошибки патологически ненормального[4] «основателя Германской Восточной Африки». А вскоре в качестве лиц, финансирующих Общество Восточной Африки, выступили неизменные Блейхрёдер и Ганземан[5]. Один из главных поборников колониальной поли-

---

[1] Факт этих территориальных приобретений подтверждается данными, содержащимися в GP (750, записка Герберта Бисмарка от 23 августа 1884 г.).

[2] L. Sander, Die Geschichte der deutschen Kolonialgesellschaft für Deutschsüdwestafrika, Berlin 1912, S. 13.

[3] См. о нем в книге Hagen, op. cit., S. 513, 517.

[4] Ibid., S. 517.

[5] «Frankfurter Zeitung», 18.12.1888.

* По истории германской колонизации Камеруна см. важную работу Harry R. Rudin, Germans in the Cameroons 1884—1914, A Case Study in Modern Imperialism, New Haven 1938.

Это одна из немногочисленных работ, без всякой предвзятости подробно рассматривающая колониальный империализм. Основываясь на тщательном изучении и на собственных впечатлениях от поездок по Камеруну, автор описывает развитие этой колонии от самых примитивных форм эксплуатации к более просвещенному обращению с туземным населением в эру Дернбурга. Немецкой колониальной администрации он дает сравнительно благоприятную оценку. Следует, правда, подчеркнуть, что это в значительной степени было следствием постоянного вмешательства рейхстага, который добивался прекращения колониальных скандалов. Особый интерес представляет описание Рудиным Общества Южного Камеруна, интересы которого, как будет показано ниже, сыграли определенную роль во время обоих марокканских кризисов. Камерун до сегодняшнего дня остается эксплуатируемой колонией. Главную роль играет каучук и добыча туземцами слоновой кости. С экономической точки зрения решающее значение имели интересы дома Вёрмана.

тики в рейхстаге берлинский профессор фон Куни впоследствии возглавил мошеннический синдикат по заселению Юго-Западной Африки[1].

Разумеется, все сказанное выше нельзя понимать в том смысле, будто колониальное движение было движением одних только крупных капиталистов. Напротив, следует подчеркнуть, что по тем же причинам, которые вызвали к жизни колониальную политику в других государствах, часть немецкого среднего сословия оказалась подверженной колониальным идеям. В данном случае, как и во всяком крупном движении, мы имеем дело с совокупностью разнородных групп с различными интересами и целями. Это, однако, не исключает того, что, учитывая характер немецких колониальных приобретений, среднее сословие на протяжении всего периода кайзеровской империи так и не получило никакой выгоды от колониальной политики. Интересы этого сословия были лишь использованы для того, чтобы сделать возможными приобретения ради немногих крупных колониальных земельных спекулянтов, обладавших на протяжении длительного времени монополией, особенно в Юго-Западной Африке, и вкладывавших свои деньги в колониальное движение отнюдь не из чистого идеализма, как это часто утверждалось, а явно для того, чтобы подготовить почву для колониального бума. Впоследствии они сумели богато вознаградить себя за это, когда после великого поворота 1906 года наступила эра железнодорожного строительства, капитализации и алмазных находок. В 1910 году экспорт Германии в колонии составлял все еще лишь 84,75 миллиона марок при общем германском экспорте 7,5 миллиарда марок. Экспорт колоний в Германию в свою очередь равнялся одной стовосьмидесятой всего германского импорта. Зато Германии пришлось выплатить чистоганом свыше 30 миллионов марок в качестве субсидий колониям, в которых в период наивысшего расцвета проживало лишь около 20 тысяч немцев. Мы уже не говорим о более чем 400 миллионах марок, которые поглотила война в Юго-Западной Африке. К 1910 году истекли сроки выплаты долговых обязательств в связи с колониальной политикой на сумму 788 миллионов марок. Годовые проценты по этим обязательствам равнялись 60 миллионам, что вместе с бюджетными дотациями составляло 90 миллионов марок в год на колониальную политику,— и все это лишь ради того, чтобы обеспечить сбыт в немецких колониях в размере 50 миллионов марок в год. Немецкое среднее сословие, с огромным воодушевлением, искренне поддержавшее колониальную политику — в том числе даже такие люди, как Карл Петерс, который при всех своих недостатках был своего рода идеалистом и едва ли не трагической фигурой,— явно не представляло себе действительных последствий своих усилий. (Петерс, правда, весьма быстро избавился от иллюзий.) Возбуждение аграриев и антисемитски настроенной мелкой буржуазии из-за неподатливости либералов в колониальных вопросах было на руку Бисмарку; политическая агитация среди этих элементов представляла собой оружие, с помощью которого можно было вновь постепенно выбить почву из-под ног манчестерцев. После победы независимых либералов и фритредерского капитала во время дебатов о почтовых пароходных линиях в 1884 году, как и после всех отрицательных решений рейхстага по колониальным вопросам, эти социальные прослойки прибегали к самым бурным протестам. Под аккомпанемент лая этой своры Бисмарк со всей откровенностью, характеризующей настоящего политика, обнажил подлинное существо тех интересов, о которых в действительности шла речь при осуществлении колониальной политики. «Да, господа,— заявил он относительно колониального капитала в своей так называемой второй хедурской речи 13 марта 1885 года, защищая предоставление судоходной компании «Северогерманский Ллойд» субсидий для организации почтовых пароходных линий,—

[1] См. разоблачения Гизебрехта в «Нейе дейче рундшау» за ноябрь 1895 г. Насколько я знаю, Гизебрехт — сын известного историка.

эти богатые кущы, так сказать, тоже люди, и даже немцы. (*Оживление.*) Они имеют не меньшее право претендовать на то, чтобы мы обеспечили защиту их богатств соответственно масштабам их предприятий, чем богатые англичане, получающие поддержку от своего правительства. Если бы в Англии не было значительно большего числа миллионеров, чем у нас, то там не было бы и более богатого среднего сословия. Одно связано с другим. Пусть у нас будет их побольше. У нас сейчас довольно мало богатых домов, это правда, но я — в соответствии со своим искренним желанием — стремлюсь всеми возможными средствами к тому, чтобы у нас в стране стало побольше таких богатых домов».

Таков дух нового меркантилизма; правительство откровенно признает, что оно проводит политику, направленную на то, чтобы, заручившись векселем на будущее, заставить общество на протяжении ряда лет и даже десятилетий нести тяготы во имя интересов немногих частных предприятий и спекулянтов.

Напротив, официальные аргументы, при помощи которых пытались обосновать колониальную политику немецкие национал-либералы, производили впечатление неуклюжей попытки применить чужие рецепты к стране, для которой они пока что были совершенно непригодны. «...Во всех государствах Европы,— заявил в этой связи в рейхстаге 14 марта 1885 года Гаммахер, весьма заинтересованный в проведении колониальной политики,— свирепствует ныне одинаковый кризис перепроизводства, который может быть преодолен лишь в результате повышения покупательной способности населения европейских государств, а также путем открытия новых рынков сбыта для продуктов и фабрикатов европейских стран».

По крайней мере в одном отношении Гаммахер был прав: германские колонии были приобретены в тот момент, когда цены на железо, в которых он был особенно заинтересован, находились на очень низком уровне, на уровне, ниже которого они не падали до самой войны. В тот момент, когда Гаммахер произносил свою речь, цена тонны полосового железа благополучно упала до немногим более 100 марок с 270 марок в 1872—1873 годах. Не удивительно, что металлургическая промышленность искала новой сферы приложения сил. Оппозиция, причем не только фритредеры, но и Партия центра, хорошо понимала, что отныне делается шаг от национального государства к мировой державе[1]. Таким образом, вряд ли допустимо слишком отрывать европейскую политику Бисмарка от мировой политики Германии в более позднюю эпоху; то, что произошло в 1884—1885 годах, было полудобровольным шагом Бисмарка в открытый мир. Этот шаг привел Германию к острому столкновению с Англией (перед лицом тогдашнего превосходства мощи Англии борьба против нее Германии не могла вылиться во что-либо более острое, чем германский отказ оказать Англии политическую поддержку в Египте или Афганистане) и из-за махинаций Ганземана в Самоа явился причиной возникновения впоследствии опасных осложнений, в условиях которых приходилось действовать немецкой политике даже при Бюлове.

Колониальная политика и партии

В конце 1884 и начале 1885 года рейхстаг неоднократно имел возможность определить свою позицию по отношению к колониальной политике. Во время бюджетных дебатов в конце 1884 года был затронут вопрос о жалованье генерального консула в Капштадте, в защиту которого особенно выступал

[1] Ринтелен в рейхстаге, 13 марта 1885 г.

судовладелец Вёрман, и генерального консула в Корее, расходы на содержание которого составляли 30 тысяч марок, хотя никто не мог доказать, что Германия вообще имеет какие-нибудь интересы в Корее[1]. 9 января 1885 года в рейхстаге стоял вопрос об Африке, причем в прениях самым серьезным образом обсуждалось предложение о введении в Африке японского погребального ритуала, что обеспечило бы хорошие возможности заработка для германской промышленности, выпускающей цветную бумагу; эта мысль, как сообщают из достоверных источников, была как-то внушена за бутылкой шампанского одному не очень одаренному члену рейхстага его ехидным коллегой и была им воспринята всерьез[2]. Наконец 2 марта 1885 года обсуждался такой важный вопрос, как требование правительства предоставить ему 248 тысяч марок для нужд территорий, находящихся под протекторатом. Во время дебатов Бисмарк жаловался на английское правительство и на внутриполитическую оппозицию, которая препятствует его деятельности в Камеруне и Австралии, на Новой Гвинее и Фиджи. В конце этой большой речи он напомнил о старой национальной легенде, суть которой такова: как только у немцев начинают хорошо идти дела, всегда находится Локи, который выискивает своего Хедура — тупого, глупого человека, и ловко побуждает его либо убить весну, либо задержать ее приход. От имени новой партии свободомыслящих, в которую вошли отколовшееся левое крыло Национал-либеральной партии и прежняя Прогрессистская партия, канцлеру отвечал южногерманский политический лидер Штауфенберг. Он констатировал, что печать изображает большинство рейхстага чуть ли не как банду безродных злоумышленников, но тем не менее, как и Виндтхорст, на этот раз высказался за утверждение законопроекта. Требуемая сумма была весьма незначительной, а приобретенные территории достаточно большими; пока что они были не очень нужны, но кто знает, а вдруг они еще и пригодятся. Руководители Центра указывали, что большинство рейхстага готово оказать всяческую поддержку здоровой, неавантюристической колониальной политике. При этом Партия центра особо имела в виду возможность католической миссионерской деятельности; свободомыслящим же пришлось поддержать пока что не нарушавшийся принцип, в соответствии с которым расходы на колонии покрывали в основном колониальные общества. 2 марта депутат Штауфенберг специально сослался на заявление имперского канцлера от 26 июня предыдущего года, в котором Бисмарк восхвалял английскую систему Chartered Company.

Таким образом, оппонировала по колониальному вопросу лишь одна Социал-демократическая партия. Выступая от ее имени, Вильгельм Либкнехт высказал весьма примечательную мысль, что большинство рейхстага попросту экспортирует социальную проблему. Тем самым был дан лозунг целой эпохе. Независимо от того, является ли социальная стадия империализма неизбежным средством преодоления постоянного кризиса капитализма, как говорят марксисты, или же эта стадия — всего лишь выгодный метод, служащий данной цели, как считают немарксисты, Либкнехт совершенно правильно охарактеризовал воздействие империализма на общество. То, что социал-демократия выступала против такой политики, было вполне понятно: она боролась против государства, правительства, милитаризма, армии, буржуазного насилия, она сопротивлялась тому, чтобы общество несло тяготы в интересах немногих. Наконец, ей был невыгоден экспорт социальной проблемы: ведь чем острее стоял социальный вопрос, тем большей была для нее возможность прийти к власти.

---

[1] См. речи Вёрмана и Бамбергера в рейхстаге 16 декабря 1884 г. Для Апиа г-на Ганземана потребовали сразу трех вице-консулов.

[2] Эта история приводится очень часто. В данном случае источником для меня послужили дебаты в рейхстаге 9 января 1885 г., в частности речь Виндтхорста.

Постепенное возникновение империалистических слоев общества

«Когда мы приступили к проведению колониальной политики,— говорил позднее сын Бисмарка Герберт,— кронпринц еще не был болен, и нам приходилось считаться с возможностью его длительного правления, во время которого доминировало бы английское влияние, бесспорно втянувшее бы нас в войну во имя интересов Англии. Чтобы предотвратить это, необходимо было начать проведение колониальной политики, которая была бы популярной и могла бы в любой момент привести к конфликту с Англией»[1]. Бесспорно, что при определенных обстоятельствах колониальная политика Бисмарка могла преследовать и эту цель. Однако точка зрения Герберта Бисмарка отождествляет эту цель с политикой, которая была гораздо шире. Кроме того, она также бессильна объяснить социологическую в своем существе потребность Германии в колониях, как и любая другая «политическая» интерпретация общественных процессов. В то же время высказывание Герберта Бисмарка помогает уяснить те дополнительные возможности для колониальной политики, которые определялись тем, что по мере того, как дряхлел Вильгельм I, в прусском королевском доме возрастала «английская опасность» и для Бисмарка становилось все более желательным создание специального «стоп-крана» в противовес англофильскому курсу двора. Во всяком случае бесспорно, что колониальные приобретения сами по себе не означали отклонения от старого политического курса; напротив, как подчеркивает один нейтральный историк, Бисмарк использовал «необычайно благоприятную тогда для Германии конъюнктуру не для завоеваний; наоборот, он требовал лишь вознаграждения за свою дружественную предупредительность». Иначе говоря, он добросовестно шантажировал англичан до тех пор, пока не получал желаемого; тем не менее в целом колониальные приобретения Бисмарка не вступали в противоречие с его общей системой поддержания добрых отношений с Англией. В конечном итоге он обеспечил Германии колонии за счет компенсаций в области мировой политики, главным образом в египетской политике, где он a limine отверг идею франко-германского союза, направленного против Англии[2].

В то же время, как уже указывалось, основные общественные факторы — вспомогательные войска, при помощи которых была инсценирована колониальная политика,— по своей сути оставались независимыми от международной конъюнктуры последних лет правления Бисмарка; возникли новые социальные силы, заинтересованные в обострении случайных столкновений с Англией, хотя на первых порах антианглийские настроения нашли распространение не столько в ведущих финансовых кругах, которые первоначально главным образом и наживались на германских колониях, но в то же время были тесно связаны с Англией, сколько в рядах разочарованного среднего сословия, подразумевавшего под собирательным понятием «Англия» не только зарубежного противника, но, вероятно, в еще большей степени и германскую финансовую верхушку. Среднее сословие с горечью наблюдало за тем, как финансовая верхушка потчевала английским капиталом крупные колониальные земельные общества в Юго-Западной Африке, стоявшие

[1] Цитируется по Ziekursch, 2. Bd., S. 158.

[2] Очень остро подчеркивает это Николас Япиксе (Nicolaas Japikse, Europa und Bismarcks Friedenspolitik, deutsche Ausgabe, Stuttgart 1907). Согласен с ним и Гельмут Рогге (Helmut Rogge, Bismarcks Kolonialpolitik als außenpolitisches Problem, «Historische Vierteljahresschrift», Bd. XXI (1922/23), S. 430. Из-за ограниченности объема этой книги я, разумеется, не имею возможности вдаваться в детали внешней политики. Поэтому здесь, как и при характеристике внешнеполитической позиции партий, мне приходится ограничиваться весьма приблизительным наброском общего контура.

на пути поселенческой политики в интересах среднего сословия. Такого рода англофобство, которое впоследствии подогревалось свободными консерваторами и консерваторами в их борьбе против политики Каприви, получило особое распространение после падения Бисмарка; в колониях поселенцев в Юго-Западной Африке оно, как уже указывалось, было направлено непосредственно против земельных обществ, в Восточной Африке несколько позднее — в большей степени против черного населения, которое крупный капитал, руководствуясь соображениями увеличения сбыта, начал использовать в своей борьбе против интересов белых. До этого же антианглийская агитация части немецкой печати отражала лишь борьбу за земли в Африке; позднее этот мотив угасал по мере того, как все прочнее определялись постоянные границы в Африке. Антианглийская тенденция, доминировавшая на страницах немецких газет еще до наступления эры собственно колониальной политики в восьмидесятых годах, являлась отголоском столкновений в Египте; по всей вероятности, как однажды намекнул Бисмарк, она отражала финансовые заботы отдельных связанных с этой печатью банкиров, а также воздействие французского и в большей степени русского фондов по подкупу прессы[1]. В общем и целом германские крупные торговцы и финансисты, как уже говорилось, были настроены в пользу сотрудничества с Англией: «Франкфуртер цейтунг» в самом резком тоне критиковала заголовки о «грабительской политике Англии», которыми пестрела антианглийски настроенная правая пресса, когда Англия в августе 1881 года бомбардировала Александрию[2]. Вождя египетской антикапиталистической революции Араби-пашу «Франкфуртер цейтунг» изображала как главу исламистского фанатизма, а хедива Тевфика, который под давлением западного капитала истощал страну,— как представителя западной цивилизации[3]. Разумеется, очень трудно установить, в какой мере позиция левой печати в египетском вопросе отражала существующие особые интересы и в какой — всеобщее желание избежать войны и стремление противодействовать господству феодализма и разбойничьего капитализма внутри страны и за рубежом путем сближения с Англией; во всяком случае, в целом можно утверждать, что левый либерализм всегда, когда имел особые интересы, стремился приспособить к ним свою общую политику и постоянно выступал за мирное компромиссное решение всех спорных вопросов, возможное при данном конфликте интересов. Руководствуясь этим, левые либералы, несмотря на свою проанглийскую позицию, приветствовали в октябре 1884 года установление сотрудничества с французским империализмом в бассейне реки Конго, поскольку этот шаг означал облегчение для европейской политики Германии и тем самым являлся залогом дальнейшего мирного развития*. Либерализм франкфуртско-вюртембергского типа оставался в определенном смысле пацифистским: старые

[1] См. GP, 727, Бисмарк — кронпринцу, 7 сентября 1882 г. Следует еще детально разобраться в очень любопытной кооперации немецкого капитала с французско-орлеанистским. По данным Курта Кёрлина (K. Koerlin, Zur Vorgeschichte des russisch-französischen Bündnisses 1879 bis 1890, Halle 1926, S. 47), герцог Деказ финансировал «Креди фонсье», директор которого Субейрен через журналиста Эмиля де Жирардена определял континентально-антианглийскую политику французских газет «Франс» и «Эстафет». К сожалению, в данном случае, как и обычно, отсутствует документальный материал, который мог бы лечь в основу оценки экономических связей. Следовало бы также установить, в какой степени внешняя политика Кайо, ставшего впоследствии французским премьер-министром и министром иностранных дел, особенно во время марокканского кризиса 1911 г., была на первых порах попыткой (хотя и неудачной) продолжить эту континентальную политику против Англии. Отец Кайо был, насколько мне известно, орлеанистом, а сам Кайо имел большие интересы в Александрийском банке.

[2] «Frankfurter Zeitung» v. 24.8.1882.

[3] «Frankfurter Zeitung» v. 7.2.1882.

* Относительно истории франко-германского колониального союза см. в книге Langer, Alliances, p. 297 ff. См. также P. B. Mitchell, The Bismarckian Policy of Conciliation with France 1875—1885, Philadelphia 1935.

партикуляристские интересы вюртембергских демократов, переплетаясь с особыми пожеланиями биржевого центра — Франкфурта, являлись той основой, на которой развертывалась агитация за всемирное разоружение; в рейхстаге эти идеи проповедовал национал-либерал — одиночка фон Бюлер из Эрингена. Вероятно, несколько менее принципиально-пацифистские, но тем более англофильские круги торгового и финансового капитала, отколовшиеся в 1880 году от Национал-либеральной партии и объединившиеся в 1884 году с Прогрессистской партией Ойгена Рихтера в рамках Партии свободомыслящих, основали в восьмидесятых годах еженедельник «Ди национ», на страницах которого начал немедленно ломать копья в защиту Англии молодой адвокат Гуго Прейс.

Социологические основы обострения противоречий между Германией и Россией

Против этой специфической проанглийской позиции выступали не только круги, заинтересованные в колониальной политике в Южной и Центральной Африке, а также в Египте, и не только все правые партии, которым новый английский кабинет Гладстона из-за его колониальной политики и внутриполитической позиции казался чем-то ужасным. Неприкрытые атаки против Гладстона имели и совсем иное основание. «У нас возрастает беспокойство по поводу того,— писал граф Вальдерзее, ближайший военный сотрудник Мольтке, ставший впоследствии его преемником на посту начальника генерального штаба,— что новый английский кабинет может быть руссофильским. Все наши враги торжествуют. Я считаю, что так уж плохо дела не обстоят; даже либеральный кабинет не в состоянии полностью урегулировать многочисленные противоречия с Россией»[1]. Таким образом, германская военщина нуждалась в торийской, империалистической Англии, чтобы иметь возможность выступать против России — старого друга, с которым правые с 1878 года все больше портили отношения. Вопрос в то время стоял так: удастся ли военным кругам, конкурировавшим с гражданским имперским канцлером, с течением времени добиться полного разрыва с Россией. Ответ на этот вопрос, разумеется, зависел от внутриполитического развития, которое контролировалось не одними военными кругами, однако именно в те годы оно оказалось неожиданно благоприятным для осуществления такого рода внешнеполитических планов.

С начала восьмидесятых годов все внутриполитические, а тем самым и внешнеполитические процессы в Германии, да и во всех странах Европы, проходили под знаком углублявшегося экономического кризиса, низшая точка которого приходилась на 1886 год[2]. Этот кризис сбыта и его обостряющее воздействие на общую внешнюю политику придали непрестанно повторявшимся атакам Вальдерзее, обусловленным как стратегическими соображениями, так и его стремлением выдвинуться, дополнительную ударную силу[3]. В самом начале восьмидесятых годов Вальдерзее добился успеха: пользовав-

---

[1] См. Alfred Graf Waldersee, Denkwürdigkeiten, Stuttgart 1922, 1. Bd., S. 203, Eintragung vom 13.4.1880.

[2] Тонна полосового железа, стоившая в 1872—1873 гг. 270, в 1875 г. — 175, в 1877 г. — 128, в 1882 г. — 145 марок, упала в 1886 г. до крайне низкого уровня (95 марок). За тот же период цены на пшеницу упали с 205 марок за тонну до 151 марки. Наиболее резкому падению подверглись цены на сахар. С 31 марки за центнер в 1882 г. они уменьшились до 21 марки в 1886 г., а затем, после небольшого роста в 1888 г., продолжали падать, дойдя до 8,04 марки в 1902 г.

[3] См. Waldersee, op. cit., 1. Bd., S. 203, Eintragung vom 2.2.1883.

шиеся любовью парламента военный министр фон Камеке и командующий флотом фон Штош были устранены. В сотрудничестве с начальником кайзеровского военного кабинета фон Альбедилем Вальдерзее удалось привести к власти генерала Бронзарта фон Шеллендорфа, находившегося в полной зависимости от стоявших за его спиной феодалов[1]. В ходе этой борьбы Вальдерзее уже установил контакт с отдельными деятелями ведомства иностранных дел, в частности с графом Гатцфельдом, впоследствии германским послом в Лондоне, и с доверенным лицом, а впоследствии врагом Бисмарка бароном фон Гольштейном. Последний, вопреки мнению, державшемуся очень долго, с самого начала чувствовал симпатии к англосаксонскому миру; теперь же он завязал с будущим начальником генерального штаба тайные связи, которые, по всей вероятности, продолжал сохранять и более чем двадцать лет спустя с преемником Вальдерзее графом Шлиффеном.

Тем самым, однако, создавались предпосылки раскола в верхушке империи, а значит, и возможности поворота во внешней политике. Стратегическим потребностям войны на два фронта соответствовали стремления к военному укреплению германо-австрийского союза и план закрепления в Турции, которой уже оказывалась помощь в восстановлении ее военной мощи после войны с Россией. Военщина уже внимательно присматривалась к политике ведомства иностранных дел. Вальдерзее был в восторге, когда Бисмарк в конце 1883 года по собственной инициативе, казалось, ухватился за план восстановления Польши, логически связанный с политикой войны на два фронта. Конечно, для Бисмарка это была не более чем случайная политическая мысль, для Вальдерзее же она означала дополнение к его общей военно-политической программе, выполнению которой препятствовал «слишком осторожный» Бисмарк, не желавший давать повода для недоверия ни России, ни Франции[2].

Тем не менее Бисмарк дал согласие на посылку в Турцию немецкой военной миссии, начавшей укреплять запоры на двери, через которую зерно Южной России шло в Средиземное море. Бисмарк рассматривал посылку немецких офицеров на Босфор скорее как случайное средство нажима на строптивого соседа, чем постоянное мероприятие или самоцель[3]. Однако этот шаг мог стать очень опасным для сохранения всеобщего мира: как только пребывание миссии в Турции повлекло за собой заказы на военные поставки (а это было неизбежно: военные миссии, собственно говоря, для того обычно и посылаются), между обеими странами — капиталистическим государством-поставщиком и государством — получателем оружия — возникли социальные связи, которые было не так-то просто разорвать или заменить другими, как можно было заменить одну группу офицеров другой. Вызванное этим напряжение должно было возрастать по мере того, как военной промышленности в дальнейшем удавалось оказывать непосредственное влияние на внешнюю политику; этому процессу, который в некотором смысле был просто необходим для существования военной промышленности, в свою очередь способствовал институт военных миссий. Ниже мы еще увидим, к каким важным последствиям привела политика, отражавшая интересы промышленности.

В своем стремлении объявить шах русским Вальдерзее в контакте с ведомством иностранных дел начал через печать атаку против русского железнодорожного строительства, которая, как он указывает в своем дневнике, преследовала цель показать русским, что им смогут создать серьезные финансовые трудности[4]. Статья, появившаяся 14 декабря 1882 года

---

[1] См. v. Bülow, Denkwürdigkeiten, Berlin 1930/31, 4. Bd., S. 607.

[2] См. Waldersee, op. cit., 1. Bd., S. 230, Eintragungen vom 18.10.1883 und 27.10.1883.

[3] Об этой стороне проблемы см. работу H. Holborn, Deutschland und die Türkei 1878 bis 1890. In «Einzelschriften zur Politik und Geschichte», 13. Bd., 1926.

[4] См. Waldersee, op. cit., 1. Bd., S. 224, Eintragung vom 1.2.1883.

в «Кёльнише цейтунг» и вызвавшая необычайную панику на биржах, помогла Вальдерзее перекинуть мостик ко второму важнейшему звену социального комплекса, образовавшегося тогда против России,— к прусскому дворянству. Правда, само же дворянство являлось основным резервуаром для пополнения офицерского корпуса; однако теоретически в данном анализе его следует рассматривать особо, по крайней мере в той степени, в какой социальная позиция дворянства определялась его положением как класса крупных землевладельцев. В тогдашней агитации против России обе его функции слились воедино. Борьба против русских ценностей как тогда, так и впоследствии отвечала не только пожеланиям военных обеспечить безопасность перед лицом стратегического сосредоточения войск на границах, но и потребности аграриев, оказывавших сопротивление кризису.

Таким образом, под давлением кризиса с 1881 года даже консервативные круги начали переходить на сторону остальных политических партий, проявлявших мало симпатий к русским. Экономическим положением определялась и внешняя политика в целом. В то время русский феодальный милитаризм, тесно связанный с русской промышленностью и ее представителем в публицистике Катковым, начал наступление на Афганистан. В 1884 году русские взяли Мерв, казалось, уже возникла угроза Герату*. В конце апреля английский кабинет затребовал военные кредиты на сумму в 11 миллионов фунтов стерлингов: Англия и Россия оказались на грани войны. Традиционная внешняя политика Бисмарка все еще одерживала в это время успехи. В сентябре 1884 года императоры трех восточных держав собрались в замке Скерневице. Указывая Бисмарку на трех монархов, беседовавших в углу зала друг с другом, царица заявила, что такую картину она хотела бы видеть постоянно. Таково было и желание Бисмарка. Однако кризис оказался сильнее послеобеденной беседы: уже в следующем году державы вновь относились друг к другу крайне враждебно, и связь между тремя империями в те годы зачастую имела лишь теоретическое значение.

*Железнодорожное строительство и болгарский кризис***

Как и в семидесятые годы, Россия опять развертывала экспансию на Балканах, однако на этот раз в форме современного империализма, опирающегося на развитие техники. В связи со строительством восточной железнодорожной сети возникли величайшие затруднения. Железнодорожная линия Вена — Константинополь, затем продолженная и ставшая Багдадской железной дорогой, оказалась современным кольцом Нибелунгов; ее история — это сгусток хитрости и насилия, грабежа и обмана, и завершилась она сумерками богов над Европой. Увертюрой к этой драме послужили спекуляции барона фон Гирша, который в 1871 году по рекомендации австрийского правительства получил от Турции концессию на строительство и эксплуатацию магистральной железной дороги от Савы до Константинополя с ответвлением в Салоники. В Австрии рассчитывали с помощью новой дороги возвратить себе рынки Балканского полуострова. Но барон Гирш был международным спекулянтом худшего сорта; деньги на строительство железной дороги, полученные при помощи пресловутой турецкой лотереи, он направил главным образом в собственные карманы и ограничился построй-

* Langer, Alliances, p. 309 f.

** По проблеме железнодорожного строительства на Балканах см. и в этом случае превосходное описание Лангера («Alliances», p. 325 ff. и карта).

кой отдельных спокойных участков, идущих от эгейского побережья. В результате Вене пришлось долгие годы оставаться без связи со Стамбулом и уступить другим странам привлекательную восточную сделку*. Сдержанность, проявленная Австрией, может быть объяснена только тем огромным финансовым влиянием, которым пользовался в Вене барон Гирш, прозванный Гиршем Турецким. Вполне понятно также, что эта политика барона, имевшего ряд прекрасных дворцов в Париже и других городах, соответствовала не только интересам западного биржевого мира, но и промышленным и политическим пожеланиям западных держав; барон Гирш стал одним из интимных друзей Эдуарда VII[1]. Обсуждение транспортной политики на Берлинском конгрессе также проходило все еще под полным влиянием барона, который вместе со своим парижским другом Бонту[2] и его «Юньон женераль» стремился поживиться на Балканах. Однако еще до того, как «комитет четырех», которому, согласно положениям Берлинского конгресса, поручалось обсудить транспортные вопросы, закончил свою работу, предприятие Бонту лопнуло в результате краха 1882 года, ввергшего Францию в затяжной кризис[3].

Тем самым частные спекуляции, которые скорее помешали, чем помогли прокладке железнодорожного пути от Вены до Константинополя, потерпели решающее поражение. Под руководством французского общества «Контуар насьональ д'Эсконт», банка «Берлинер хандельсгезельшафт», фирм Мендельсона и Варшауэра, а также дома Эрлангера (Франкфурт-на-Майне) был образован консорциум, который вместе с венским банком «Винер лендербанк» стал финансировать вновь возникшее Сербское государство[4]. Это привело к тому, что были ликвидированы разрывы в железнодорожной линии между Веной и Константинополем, главным образом на участке Белград — Белова[5].

Присоединение Турции к Западу, разумеется, пришлось России весьма некстати; ведь тем самым — с точки зрения русских — нависала, с другой стороны, угроза балканскому, и особенно болгарскому, рынку сбыта, на котором они намеревались господствовать. Этот удар был для России тем более чувствителен, что русская промышленность, базировавшаяся на применении детского труда и продолжительном рабочем времени, особенно страдала от мирового кризиса. Ненависть крупных московских промышленников направлялась тогда главным образом против промышленности русской Польши, которая использовала в своих интересах территориальную близость к Германии[6].

В силу этого и в России начала подыматься волна национализма, подкреплявшаяся падением цен на зерно и вытекавшим отсюда падением standard of life населения, которое образовывало естественный рынок сбыта для русской промышленности. Поэтому не удивительно, что в последующие годы именно с русской стороны очень часто предпринимались попытки нащупать возможность политического сотрудничества с Францией.

---

[1] О бароне Гирше см. статью «Jusqu'au de là de Mitrowitza» в «Крейццейтунг» от 2 февраля 1908 г. См. также P a u l D e h n, Deutschland und Orientbahn, München 1883. Относительно проанглийских интересов барона см. особенно стр. 11.

[2] Как странно: Бонту и Гирш! Виднейший антисемит, гордость французского монархизма, и ярко выраженный семит, финансировавший еврейские поселения, оба действуют единодушно, рука об руку.

[3] О выполнении положений Берлинского конгресса см. передовую статью «Франкфуртер цейтунг» от 8 апреля 1888 г.

[4] См. H. F ü r s t e n b e r g, op. cit., S. 159.

[5] «Frankfurter Zeitung» v. 26.10.1883 (статья «Белград и Белова»).

[6] О конкуренции обеих территориальных промышленных групп см. в «Кёльнише цейтунг» от 24 апреля 1886 г.

* Эта оценка барона Гирша и его предприятий находит подтверждение в DD (например, 1-me serie, vol. 7, Монтебелло — Шпуллеру, 25 июля 1889 г., с длинным ретроспективным изложением).

Однако установить такое сотрудничество было вовсе не просто. Напротив, дела в этом отношении обстояли именно так, как это превосходно описывала осенью 1889 года русская газета «Новое время»:

«Главная препона франко-русскому соглашению,— писала она, —не в республиканской и притом неустойчивой форме правления Франции, а в том, что тождественны лишь отрицательные, но не положительные цели обеих держав. Россия не позволит коснуться Франции, которая необходима для европейского равновесия. С другой стороны, Россия не вступит в борьбу с Германией, дабы только вернуть Франции Эльзас-Лотарингию. Точно так же французы приветствуют Русского Государя как охранителя европейского мира, но в то же время пуще всего боятся послужить орудием тому, что принято называть русскими честолюбивыми видами на Востоке»[1].

Аналогичным образом обстояли дела еще в 1885—1886 годах. Французы вовсе не желали вмешиваться в восточные дела ради болгарской политики России[2]. В союз с Россией они вступили гораздо позже, когда Россия из финансовых соображений была вынуждена согласиться на союз с Республикой, даже без того, чтобы Франция обещала поддержать планы России на Востоке. Франция же со своей стороны тем легче отказалась от договорного фиксирования своих реваншистских планов, что союз с Россией влек за собой чрезвычайно выгодную сделку, связанную с русскими займами. Пока что, однако, Франция была не в состоянии так просто приманить Россию с помощью денег; более того, кризис, наступивший после краха Бонту, делал тогда невозможным любое финансирование России[3]. Франция сама нуждалась в своих деньгах — к величайшей досаде лидера русских промышленников панслависта Каткова, которому с болью в сердце приходилось мириться с полной зависимостью русской продукции от берлинского рынка.

В своем наступлении на Балканы Россия, несмотря на весь военный ажиотаж в тогдашней Франции, обусловленный, правда, больше внутриполитическими причинами, оказалась на первых порах без поддержки. То, что авантюра все же имела место, было делом рук действовавшей за кулисами мощной группы. Один из крупнейших банкиров России Гинзбург решил совместно с крупнейшим железнодорожным предпринимателем своего времени евреем Поляковым основать в Болгарии банковское предприятие. Не успел еще новый князь Александр Баттенберг, посланный Россией в Болгарию править, как аист из басни правил лягушками, прибыть в Варну по пути в Софию, как к нему явились представители обеих фирм и потребовали монополии на управление всеми государственными средствами, на финансирование торговли, ремесла и земледелия, на ипотечные операции, на чеканку монеты и тому подобное, а также на строительство и эксплуатацию железных дорог и мостов. Русский посланник Давыдов, враждебно относившийся к этому консорциуму, был немедленно низвергнут военным министром Болгарии— русским генералом. Глубоко оскорбленный князь Александр пожаловался самому царю на банду, которая вырывала у него из рук его собственную страну. Но в результате он попал из огня да в полымя: Россия послала ему генерала Соболева — участника гинзбурговских предприятий, а затем генерала Каульбарса — протеже начальника генерального штаба Обручева, являвшегося главой капиталистической своры[4]. Не удивительно, что

[1] «Новое время», 24 сентября 1889 г.

[2] K. Körlin, Zur Vorgeschichte des russisch-französischen Bündnisses 1879 bis 1890, Halle 1926, S. 122. См. также J. Grüning, Die russische öffentliche Meinung und ihre Stellung zu den Großmächten 1874—1894, Charlottenburg 1927, S. 124.

[3] См. Körlin, op. cit., S. 98.

[4] Эти данные приводятся в статье журнала «Ди национ» (5. Jg. № 20), озаглавленной «Русские грюндеры» (автор Теодор фон Бунден), а также в книге «Les causes occultes de la question bulgare», Paris 1887*. У Обручева, которого Бисмарк и Бюлов постоянно и,

* Эта (анонимная) работа оценивается как важный источник также и Лангером («Alliances», p. 337).

в Москве и Петербурге Александра Баттенберга всячески чернили как врага славянизма и православной церкви.

Но настоящий спектакль начался лишь после прибытия русских генералов. Не гнушаясь никакими источниками информации, русские военные в Болгарии, как только им что-либо не нравилось, сразу же инсценировали левую политику в парламенте, финансируя ее за счет средств, которые Болгария предоставляла русским для покрытия оккупационных расходов. В конечном счете вся эта борьба велась за Румелию, то есть за ту самую населенную болгарами и расположенную по ту сторону Балканских гор провинцию, которая осталась в составе Турецкой империи. Через нее должна была пройти как раз та большая железнодорожная линия, которой предстояло соединить Вену через Белград, Софию и Филиппополь (Пловдив) с Константинополем и строительство которой теперь, после долгой путаницы, связанной с прокладкой путей на промежуточных участках, близилось к завершению.

Австрия оказывала на Болгарию нажим, добиваясь ее согласия на прокладку по болгарской территории железнодорожной линии между Будапештом и Константинополем. Одновременно население всей Болгарии и Румелии бурно требовало воссоединения; будучи сытым русской эксплуатацией, оно выражало стремление к сближению с Австрией[1]. В свою очередь в Москве Катков, в публицистическом и личном плане связанный с русской промышленностью своим участием в железнодорожном строительстве, грозил болгарам гневом России[2]. Однако события перечеркнули все эти политические расчеты.

В сентябре 1885 года Болгария объединилась с Румелией*, причем русским не удалось при этом ни свергнуть Александра, ни поставить под свой контроль всю спорную территорию с находившейся на ней жизненно важной восточной железной дорогой. Это развитие событий привело русских в неописуемое бешенство, но и Вена также не была в восторге. Война, которую начали теперь сербы против внезапно увеличившегося соседнего болгарского государства, должна была возвратить венскому банку «Винер лендербанк», финансировавшему одновременно австрийскую восточную политику и сербское государство, ускользнувший из его рук контроль над румелийским участком железной дороги[3]. Поскольку военное преимущество оказалось на стороне болгар, Австрия вынудила их прекратить эту короткую войну; однако тем самым она навлекла на себя гнев России, которая опасалась, что австрийский капитализм выйдет победителем в борьбе за рынки сбыта и транспортную сеть на Балканах.

Одновременно постоянно росло напряжение в отношениях между Россией и Англией, ибо Англия пыталась отстранить Россию не только в Афганистане, но и на Балканах и в интересах своей торговой политики начала оказывать все растущую поддержку Баттенбергу, отказавшемуся в силу необходимости от роли русского сатрапа; было бы очень интересно показать, в сколь большой степени за лицемерными разговорами Гладстона об «отвратительном турке» скрывались конкретные интересы Англии на Балканах.

вероятно, справедливо считали главным сторонником русско-французского союза, жена была француженкой. (Если не считать этого факта, который Бюлов в свойственной ему болтливой манере интерпретирует, не скрывая удовольствия, я не смог установить, чтобы кто-либо занимался деловыми связями Обручева, которые объясняют всю его политику.)

[1] См. E. C. Conte Corti, Alexander von Battenberg, sein Kampf mit dem Zaren und Bismarck, Wien 1930, S. 135 u. 142 ff.

[2] См. Corti, op. cit., S. 134 ff.

[3] О поддержке Австрией сербской политики см. упомянутую работу Корти (стр. 218 и след). Об ограблении Сербии см. у Цикурша (op. cit., 2. Bd., S. 134).

* Подробности см. у Лангера («Alliances», p. 340 f.).

Потрясение основ внешней политики Бисмарка под воздействием экономического кризиса

Тем самым, однако, неизбежно изменялись и основы, на которых базировалась мирная политика Бисмарка. Европейская ситуация приобретала подозрительно сходные черты с ситуацией периода Крымской войны. И на этот раз Бисмарк стремился оказать России возможно большую поддержку: всеобщий мир был для него важнее, чем Болгария. Он не испытывал никакого желания втягивать Германию в конфликт с Россией в угоду военщине, графу Вальдерзее или же в интересах проведения пропольского внутриполитического курса. Однако уже создавалось впечатление, что он не является больше хозяином положения. По мере прогрессирующего упадка сил у старого кайзера и приближения срока вступления на трон кронпринца с его супругой-англичанкой Бисмарк все явственнее оказывался перед быстро растущей угрозой нового курса. Правление кронпринцессы Виктории и ее мужа в случае, если бы оно было продолжительным, означало бы отклонение от прежней внутренней политики и разрушение внутриполитической системы в Пруссии, находившейся до тех пор в руках всемогущего министра фон Путткамера и опиравшейся лишь на консервативное чиновничество. Эта опасность была тем большей, что болгарский князь Александр, пользуясь благоволением королевы Виктории, тайно обручился с дочерью кронпринцессы, в результате чего возникло неразрывное переплетение опасностей внутриполитических с опасностями внешнеполитическими. Ко всему этому углублявшийся экономический кризис привел под знамена партии англофилов (то есть прогрессистов) партии австрофилов-католиков и Центра, а также партии социалистов новые вспомогательные силы, которые с внутриполитической точки зрения вовсе не относились к сторонникам партии принцессы; прусское дворянство под влиянием кризиса начало проявлять готовность выступить против России и требовало проведения вспомогательных экономических мероприятий, которые окончательно вырыли бы ров между Германией и Россией.

Военщина считала, что ее час пробил: Вальдерзее развернул кампанию по травле Русской империи; прусская гвардия совершенно откровенно высказывала симпатию своему товарищу — Баттенбергу[1]. Александр, кроме того, был по материнской линии поляком, и после того, как в сентябре 1886 года он был свергнут, поляки устраивали ему овации*. Не удивительно, что бисмарковская пресса сумела использовать то обстоятельство, что как раз тогда прусские аграрии, страдая под ударами кризиса, потребовали от государства поддержки в борьбе против поляков в Западной Пруссии, стремясь вбить «польский» клин в ряды сторонников Баттенберга[2]. Борьба вокруг Баттенберга, с социологической точки зрения весьма похожая на аугустенбургскую кампанию 1864 года, тоже объединяла разнородные социологические элементы: в этом движении легитимизм правых сочетался с австрофильскими взглядами Партии центра, идеологией либерализма и антирусскими выпадами социалистов, в рядах которых Вильгельм Либкнехт продолжал пропагандировать внешнеполитические идеи Карла Маркса. В этой обстановке Бисмарк попал в полнейшую изоляцию, которая особенно проявилась после свержения Баттенберга в сентябре 1886 года, когда правая пресса метала громы и молнии по поводу нарушения принципа легитимизма, в то время как, например, «Германиа» объявляла русского генерала

[1] «Frankfurter Zeitung» v. 2.9.1886.

[2] «Frankfurter Zeitung» v. 2.9.1886, с выдержками из «Kölnische Zeitung» u. «Norddeutsche Zeitung».

* Детали см. у Лангера («Alliances», p. 358 f.).

Каульбарса бесценным человеком — бесценным для всех друзей самостоятельности Болгарии[1].

Для левой прессы Англия, бывшая в период 1848 года врагом, уже давно стала другом; ее внутриполитические традиции она противопоставляла монархической, антипарламентской Германии. Этому внутриполитическому подходу способствовала теперь также и внешнеполитическая ситуация, которая, как казалось, требовала установления добрых отношений с Англией; мы уже не говорим о прямых экономических интересах, способствовавших укреплению англофильства среди финансовой верхушки и крупных торговцев и упрочению австро-германского союза. При этом союз с Австрией был для немецких левых не только естественным продолжением хороших отношений между Лондоном и Берлином; он цементировался также огромными капиталовложениями германского монополистического банковского капитала в дунайской монархии, связями между Немецким банком и венским банком «Винер банкферейн», железнодорожными гешефтами «Дисконтогезельшафт» в Венгрии, не говоря уже о капиталовложениях в Румынии, укреплявших со времени эры Штроусберга румынские подпорки, которые обеспечивали равновесие всего здания бисмарковской мирной политики. При существовавшей тогда ситуации внешняя и внутренняя политика вновь слились для левых в единое целое: политическая конъюнктура позволяла им теперь переносить свои политические идеалы на Балканы и способствовать возникновению балканских национальных государств, которые, как они считали, смогут выполнить некую «миссию» как по отношению к туркам, так и по отношению к русским[2].

Весь этот благосклонный к князю Баттенбергу политический конгломерат интересов, несмотря на свою разнородность, представлял собой серьезную угрозу традиционной бисмарковской внешней политике. Самым опасным в положении Бисмарка было то, что, борясь против возможности либерального кайзеровского правления, он тем самым во все большей степени играл на руку тяжелой промышленности и юнкерам, не считаясь с исходившей от них угрозой его мирной внешней политике. Дело было не только в том, что любовный роман между «Вики» и «Сандро», со свержением Баттенберга временно потерявший свою политическую актуальность, мог быть в любой момент возобновлен и использован антирусскими силами; кто был в состоянии гарантировать Бисмарку, что реакционные вспомогательные силы, которые он осенью 1886 года в большей степени, чем когда-либо, сплотил под своим знаменем, в один прекрасный день не окажутся дезертирами с его внешнеполитического фронта, как только исчезнет угроза правления кронпринца?

К несчастью для Бисмарка, эта опасность очень усилилась под влиянием мирового экономического кризиса. Кризис усилил националистическую агитацию внутриполитических союзников, с которыми связал тогда свою судьбу Бисмарк. Как промышленники, так и аграрии горько жаловались на иностранную конкуренцию. В кругах германской черной металлургии считали, по свидетельству «Кёльнише цейтунг», что виновато в этом промышленное развитие в Соединенных Штатах, которое вынуждает английскую, а также бельгийскую черную металлургию увеличивать экспорт в те районы, где их изделия конкурируют с германскими. Газета рекомендовала тогда расширять внутренний рынок при помощи государственных заказов и тому подобных мероприятий, осуществляемых за счет потребителя. Особенно чувствительно сказывалось экономическое положение на перерабатывающей промышленности, на прокатных и рельсопрокатных предприятиях. Силезская

[1] См. обзор прессы во «Франкфуртер цейтунг» от 16 июня 1886 г. и корреспонденцию из Берлина от 5 октября 1886 г., согласно которой на стороне Баттенберга стояла также «Рейхсботе».

[2] «Frankfurter Zeitung» v. 15.9.1886.

черная металлургия, вытесненная из России в результате таможенных мероприятий русских, требовала торгово-политической защиты[1]. Зашевелились и заинтересованные группы в рейхстаге; в Свободном экономическом объединении, как называла себя группа парламентариев, отстаивавших покровительственные пошлины, в пользу установления таможенных тарифов на изделия черной металлургии и уголь выступил граф Баллестрем. Его выступление показало, что растущего влияния начинает добиваться также капиталистическое крыло Партии центра[2]. Еще сильнее, насколько это было возможно, жаловались аграрии. С их продукцией конкурировало не только зерно из Австро-Венгрии, но и — в результате улучшения морских перевозок — зерно, поступавшее из Ост-Индии и Америки. Основным конкурентом оставалась, однако, Россия.

Бисмарк, и так уже обеспокоенный кризисом, обусловленным падением общественных доходов, и как руководитель государства и как аграрий охотно прислушивался к подобного рода жалобам; его собратья по сословию могли на него полностью положиться в этом отношении[3].

Прусско-германская политика в польском вопросе

Начавшееся с конца семидесятых годов общее обострение противоречий и особенно трения между Германией и крупнейшим экспортером пшеницы и ржи Россией, разумеется, еще не означали войны. Тем не менее приходится констатировать, что в это время исчезли те позитивные, покоившиеся на определенных интересах связи прежнего периода, когда устойчивость аграрных цен цементировала прусско-русский союз. Однако, как уже упоминалось, наряду с этим в результате перегруппировки сил в Польше постепенно стал исчезать и другой фактор, скреплявший на протяжении более полустолетия отношения между тремя державами — участниками ее раздела. В Польше

---

[1] Отчет торговой палаты Оппельна от 22 августа 1887 г.

[2] «Frankfurter Zeitung» v. 18.6.1885.

[3] То обстоятельство, что ему принадлежали крупные лесничества, обусловливало его очень большую заинтересованность в положении бумажной промышленности и в введении пошлин на древесину. Люциус как-то вручил Бисмарку прошение об отставке из-за того, что Бисмарк как крупный землевладелец Лауэнбурга выступил против него в вопросе о налогообложении земельных владений в Гольштейне. В качестве владельца четырех крупных винокуренных заводов лично заинтересованный в содействии спиртоводочной промышленности (см. Lucius, Von Ballhausen, Bismarckerinnerungen, S. 331), Бисмарк своим выступлением в пользу плана установления водочной монополии оказывал поддержку именно крупным винокуренным предприятиям. И когда в 1887 году был запланирован водочный налог, Бисмарк быстро подсчитал в уме, какой ущерб и какие выгоды принесут ему его крупные винокуренные заводы в этих условиях, и соответственно соразмерил с возможными плюсами и минусами свои ставки (см. Lucius, op. cit., S. 382, Eintragung vom 10.4.1887). В то же время он неизменно выступал против мелких винокурен, не являвшихся предметом его заинтересованности.

Интересы других социальных групп, если они не затрагивали его собственного экономического положения, занимали его только с политической точки зрения. В 1889 году он заявил, что ему безразлично, будет ли население, связанное с черной металлургией, иметь более дешевую свинину или нет. В то же время он грозил Англии серьезным недовольством аграриев, если она не откроет своих границ для гольштейнского скота,— вопрос, в котором он был заинтересован лично (см. Lucius, op. cit., S. 502, Eintragung vom 13.8.1889). Однако мне хотелось бы со всей определенностью подчеркнуть, что, приводя все эти данные, я хочу только определить социальную позицию Бисмарка, которому подобное поведение казалось вполне законным и откровенная ясность которого даже в этих вопросах ставит его в этическом отношении на много голов выше большинства его ученых почитателей, делающих из него бога, вовсе не считаясь с тем, что, несмотря на политическую гениальность Бисмарка, его внутриполитические и внешнеполитические стремления определялись, как и у всех других, его социологической позицией.

место прежних революционных попыток постепенно занимала программа приспособления к политике соответствующих держав, присоединивших польскую территорию. Данная программа сулила Польше экономические выгоды; например, таким путем польской промышленности удалось завоевать русский рынок сбыта. Связанное с этим ослабление прежнего стремления к созданию единой Польши не исключало, однако, того, что в других районах, особенно в прусской Польше, продолжалась борьба с поляками, также обусловленная экономическими преобразованиями и кризисом. Немецкое среднее сословие и мелкая буржуазия пытались в середине восьмидесятых годов защитить себя от польско-еврейской конкуренции, прибегая к выселению поляков. Создание фонда для покупки польских имений помогало немецким землевладельцам поддержать свой падающий standard of life. Прусскому землевладельцу достаточно было объявить себя нуждающимся и неспособным удержать в своих руках поместье, чтобы государство немедленно приобрело его[1]. За этим движением частично стояла финансовая верхушка, которая, занимаясь ипотечными сделками, была заинтересована в высоких ценах на поместья.

Кроме того, для нее был выгоден расцвет германской промышленности и благосостояние немецкого среднего сословия, выступающего в качестве покупателя промышленной продукции. Микель, объединявший и воплощавший в себе на протяжении своей переменчивой карьеры чиновничество, парламентаризм, финансовую верхушку и аграрные интересы, возглавил антипольскую группировку в прусском ландтаге, что, разумеется, не исключало случайных столкновений между входившими в эту группу социальными силами. Так, г-н фон Ганземан-Пемпово, сын главы «Дисконтогезельшафт», позднее ввязался в ожесточенную полемику с аграриями, которые не хотели отказаться от использования дешевой польской рабочей силы.

С государственно-правовой точки зрения Бисмарк обладал в польском вопросе тем преимуществом, что с восьмидесятых годов он мог опираться на вновь полностью консервативный ландтаг, в котором, кроме того, консерваторы в польском вопросе шли рука об руку с национал-либералами. Рейхстаг, в котором до картельных выборов 1887 года большинство составляли демократические партии и Центр, был настроен более дружественно к полякам, чем вызывал раздражение у консерваторов, среди которых лишь немногие представители крайне правого крыла продолжали романтическую политику ортодоксального легитимизма, политику Леопольда фон Герлаха, считавшего злодеянием вмешательство во все то, что он рассматривал как легитимные консервативные интересы; в прусском ландтаге против политики в польском вопросе восстали сын Герлаха и депутат Мейер-Арнсвальде[2].

Пошлины на зерно и валютная агитация

Как уже говорилось, политика в польском вопросе была лишь одним из многих паллиативов, имевшихся в разгар кризиса в распоряжении аграриев и прусского государства. Все землевладельцы бурно требовали новых покровительственных пошлин. Кризис затрагивал уже не только производителей зерна. В 1882—1886 годах началось, например, резкое падение цен на сахар. Английское правительство, действуя в интересах производителей сахара в Вест-Индии, уже начало настаивать на ликвидации льгот, которые

[1] См. меткое описание у Людвига Бернхарда (Ludwig Bernhard, Das polnische Gemeinwesen im preußischen Staat, Berlin 1907).

[2] Отчет во «Франкфуртер цейтунг» от 22 февраля 1885 г.

крупнейшие континентальные государства — производители сахара — Франция и Германия — предоставляли своим сахарозаводчикам в форме налоговых скидок. Сахар-сырец из Вест-Индии начал борьбу против свекловичного сахара, производство которого немецкие аграрии особенно в Саксонии и Брауншвейге пытались использовать для того, чтобы компенсировать себе уменьшение рентабельности остальных отраслей сельскохозяйственного производства[1]. В рейхстаге интересы производителей сахара были изложены в 1885 году крупным промышленником графом фон Хакке[2].

В результате крупные аграрии, занимающиеся производством свеклы и картофеля — сырья для сахарной и спирто-водочной промышленности,— начали получать все большую поддержку в виде компенсации им (под всевозможными предлогами) ущерба, наносимого формально всеобщими налогами. Производителям же зерна помогали аграрными пошлинами: в феврале 1885 года через рейхстаг прошла таможенная новелла, поддержанная не только консерваторами, но и крайне поправевшими под давлением кризиса национал-либералами, а также Партией центра, которая была обязана своими успехами на выборах в Южной Германии и прирейнских землях решительному пристрастию к покровительственным пошлинам[3]. В результате пошлины на пшеницу увеличились до трех, а пошлины на рожь — до двух марок (правда, по сравнению с тем, что имело место после войны, эти пошлины могли считаться весьма незначительными). В то же время хорошие урожаи последующих лет привели к усилению ввоза ржи и пшеницы, особенно из России, что вызвало к жизни петиции консерваторов, требовавшие увеличения пошлин. В сентябре 1885 года на пшеницу и рожь была установлена пошлина в 5 марок. Зашла уже речь и о пошлинах на древесину, которые были бы направлены главным образом против России, но также и против Австрии.

Все эти экономические мероприятия, уже начавшие отягощать внешнюю политику в интересах отдельных групп, не имели бы большого значения, если бы аграриям не удалось компенсировать в отношении Германии то стимулирующее влияние, которое оказало на производство некоторых важнейших районов аграрного экспорта, пользующихся серебряной валютой, например Ост-Индии, происходившее тогда общее обесценение серебра. По этой причине крупные аграрнии, возглавляемые графом Мирбахом-Зорквитеном, пытались добиться перехода Германии на серебряный стандарт: это позволило бы им распространить на Германию социальные производственные преимущества, которыми пользовались в районах с обесцененной валютой, и выплатить ипотечные долги, лежащие на их поместьях, обесцененными деньгами.

К этой валютной агитации, не имевшей в Германии никакого успеха, поскольку мобильный капитал, глубоко заинтересованный в сохранении золотого стандарта, и опасавшаяся потери внутреннего рынка промышленность оказали ей ожесточенное сопротивление[4], добавилось также стремление осуществить еще одно мероприятие, за которое выступали и многие противники валютной агитации и которое поэтому обладало шансами на успех. Это мероприятие, бесспорно, имело роковые внешнеполитические последствия и было в этом отношении гораздо эффективнее, чем введение покровительственных пошлин. Мы имеем в виду общую борьбу против русских ценностей.

---

[1] Корреспонденция из Лондона во «Франкфуртер цейтунг» от 4 сентября 1886 г.
[2] «Kölnische Zeitung» v. 1.5.1887.
[3] См. Oswald Schneider, Bismarcks Finanz- und Wirtschaftspolitik, München, 1912, S. 248 ff.
[4] См. полемику в «Кёльнише цейтунг» от 18 июля 1885 г. против пропаганды в пользу введения серебряного стандарта.

Начало борьбы Бисмарка против русских ценностей

Мотивы этой атаки против русских ценностей совершенно ясны. «Те же самые люди,— говорил позднее один писатель-экономист[1],— которые добиваются того, чтобы отечественные продукты шли для отечественного потребления, вполне последовательно требуют, чтобы германский капитал потреблялся только в Германии, ибо низкая процентная ставка должна округлить для сельского хозяйства прибыль от высоких цен на зерно». О высоких ценах на зерно тогда, разумеется, не могло быть и речи; в то же время экспорт капитала в Россию, бесспорно, приводил к увеличению процентной ставки для отечественных производителей, причем не только аграриев. По иронии судьбы это был своего рода штраф, обусловленный тем, что Россия не только конкурировала с Германией в аграрной области, но и по мере углубления кризиса все больше закрывала также свой внутренний рынок для германской промышленности. Правда, в начале восьмидесятых годов увеличение ставки было незначительным. Депрессия такого рода, какая имела место в 1882—1886 годах, обычно сопровождалась избытком капитала; ищущий приложения капитал переполнял рынок, ибо никто не основывал новых предприятий[2]. Однако в первой половине 1886 года депрессия уже перевалила за свой максимум, и в целом 1886 год характерен для биржи ажиотажем, предшествующим любому экономическому подъему.

До этих пор биржа в обстановке депрессии постоянно принимала русские ценности, не обращая внимания на атаки французской группы Ротшильда, которая связывала свою игру на понижение, обусловленную, вероятно, французской депрессией 1882—1885 годов, с защитой своих позиций в нефтяном районе Баку (маневр, который она постоянно маскировала просемитскими соображениями)[3]. В результате склонности германских капиталистов к русским ценностям в 1884 году четыре пятых всех русских займов все еще находились в руках немцев[4]. Россия прекрасно понимала значение в этом смысле Берлина и содержала там свое пресс-бюро, которое снабжало материалами примерно двадцать пять газет[5]. Биржевые представители России в Берлине (в первую очередь дома Мендельсона и Роберта Варшауэра) составляли особую группу, которая пользовалась благожелательностью остальных финансовых кругов лишь в той степени, в какой она участвовала в их сделках[6].

Однако по мере углубления кризиса мировых цен на зерно Россия начала предпринимать попытки, направленные на то, чтобы снизить высокие проценты на публичные займы путем конверсии ценных бумаг. Подготавливались гигантские финансовые маневры, которые, между прочим, должны были наполнить карманы международных банкиров и русских властителей (обычная для России коррупция и комиссионные). Германский посол в Петербурге,

---

[1] Г. Бернхард в «Фоссише цейтунг» 10 марта 1913 г.

[2] «Frankfurter Zeitung» v. 21.12.1886, Handelsblatt.

[3] Согласно материалам для прессы, содержащимся в Архиве ведомства иностранных дел.

[4] Швейнитц — Бисмарку, 23 ноября 1884 г. (Архив ведомства иностранных дел).

[5] «Berliner Tageblatt» v. 4.12.1883.

[6] В декабре 1883 г. Бисмарк обратил внимание Блейхрёдера на то, что русские деньги используются против Германии. 10 апреля 1884 г. Герберт Бисмарк сообщил из Петербурга о заключении между Россией и Блейхрёдером соглашения о предоставлении пятнадцатимиллионного займа на строительство нестратегических железных дорог. В рождество 1886 г. немецкое представительство в Петербурге уже сообщало о методических попытках Каткова с помощью правительства свалить русский серебряный рубль, что, как подтверждают все новые источники, вероятно, представляло собой попытку своего рода Seisachtheia, в данном случае попытку избавиться от долгов в международном масштабе («Norddeutsche Allgemeine Zeitung», 21.4.1887). По сообщению Мюнстера, в Париже Россия пыталась возложить вину за подрыв рубля на Германию (Мюнстер — Бисмарку, 6 апреля 1887 г., Архив ведомства иностранных дел).

однако, опасался, что эта конверсия будет способствовать усилению активности русских и тем самым русского национализма[1]. Свержение русского министра финансов и его замена тесно связанным с Катковым Вышнеградским, казалось, предвещали наступление в министерстве финансов России эры национализма. В ответ на это Бисмарк 30 декабря 1886 года, находясь во Фридрихсруэ, приказал ведомству иностранных дел попытаться по возможности ослабить влияние русских ценных бумаг. Проведенные в связи с этим внутриполитические и внешнеполитические мероприятия благодаря стечению обстоятельств способствовали также преодолению кризиса, под влиянием которого постоянно сокращались доходы, поступавшие в кассу империи и отдельных земель. Уже в 1883 году начали катастрофически сокращаться общественные доходы от налога на сахар[2]. 1885 год принес империи дефицит в 174 миллиона марок, в результате чего возникли трения между империей и землями, также страдавшими от кризиса. Эти неполадки должны были быть устранены так, чтобы не был нанесен ущерб имперским имущим классам, также боровшимся против кризиса. Поэтому в рейхстаг, где с 1884 года существовало оппозиционное большинство, состоявшее из прогрессистов и Центра, в марте 1886 года был внесен проект закона о водочной монополии, которая должна была пойти на пользу главным образом крупным землевладельцам и владельцам больших винокуренных заводов и обеспечить финансирование империи за счет остальных классов. Не удивительно, что после весьма беглого обсуждения законопроект был провален во втором чтении 181 голосом против трех[3].

Однако важнее, чем судьба этого законопроекта, с самого начала обреченного на провал, было то, что рейхстаг отклонил и законопроект о водочном налоге, который, как и все остальные законопроекты о водочном налоге, вносившиеся позже, имел целью путем налоговых исключений предоставить определенной категории крупных винокуренных заводов подарки за счет общества. Вся ненависть Бисмарка отныне была направлена против Центра, из-за сопротивления которого не удалось протащить и этот законопроект[4].

Аграрный кризис как основа септенатских выборов

Как показал ход обсуждения в рейхстаге в 1886 году, план спасения финансов от воздействия кризиса без нанесения ущерба крупным аграриям мог быть осуществлен лишь в том случае, если бы удалось образовать блок имущих, заручившись поддержкой основных интересов консерваторов со стороны имущих слоев Национал-либеральной партии и, по возможности, отколов соответствующие элементы от Партии центра. Уже при открытии очередной сессии рейхстага в начале 1887 года Бисмарк в тронной речи дал знать о своем намерении предоставить народу возможность самому вынести суждение о законопроектах, проваленных на предыдущей сессии[5]. Роспуск рейхстага в соответствии с этой программой, провозглашение которой предшествовало знаменитым септенатским выборам и которая при явно надуманном характере этого гигантского маневра была, по сути дела, его действительной причиной, прочно приковал не очень верную консервативную партию к правительству, и, как это ни гротескно, непосредственно заинтересовал

---

[1] Швейнитц — Бисмарку 4 апреля 1886 г. (Архив ведомства иностранных дел).
[2] См. Wilhelm Gerloff, Finanz- und Handelspolitik des Deutschen Reiches, Jena 1913, S. 233.
[3] Gerloff, op. cit., S. 193 ff.; Schneider, op. cit., S. 261 ff.
[4] Schneider, op. cit., S. 262.
[5] Тронная речь при открытии рейхстага 4 января 1887 г.

ее в максимальном увеличении военных расходов, которые делали реформу налогов на водку и сахар особенно необходимой. При таком положении дел к консерваторам примкнули, естественно, и национал-либералы, которые со времени гейдельбергской реформы 1884 года под руководством Микеля все больше превращались в политических защитников крупных владений и сторонников их освобождения от налогового обложения и не имели ничего против того, чтобы спирто-водочной промышленности было оказано содействие при помощи ожидавшихся новых законопроектов. Борьба, которую вели во время знаменитых выборов 1887 года обе консервативные партии и национал-либералы, была направлена главным образом против мелкой буржуазии, фритредерского либерализма и социалистов; против Партии центра она была направлена в той степени, в какой эта партия, учитывая социальную разнородность своих членов, не выражала готовности приноровиться к правительственной программе.

В то время правительство делало все, чтобы привлечь на свою сторону капиталистическое и феодальное крыло католической партии. Уже в начале 1886 года фульдский епископ Копп был назначен членом палаты господ. С этого момента Копп, совершивший карьеру от телеграфного служащего до кардинала, стал олицетворением политики, направленной на то, чтобы связать римский престол непосредственно с правящими классами Пруссии и Германии: без Коппа немыслимы были бы последние годы правления Бисмарка и деятельность его преемников на посту немецкого имперского канцлера. Бисмарк предложил курии самую настоящую сделку. Через посланника в Ватикане фон Шлёцера он обещал отменить все до единого церковные законы периода культуркампфа, если Ватикан в качестве компенсации оставит Партию центра на произвол судьбы в военном вопросе, который вновь начал становиться объектом борьбы: речь шла о новом продлении на семь лет (септенат) в свое время (в 1880 году) уже продленного на семь лет военного закона и об одновременном увеличении численности армии[1]. Через работавшего в статс-секретариате курии монсеньера Галимберти Бисмарку 23 января 1887 года удалось добиться папской ноты, в которой Партии центра рекомендовалось согласиться с септенатом при условии ревизии церковных законов.

Самого Галимберти, который по сегодняшний день подвергается резкой критике со стороны историков Партии центра, на этот политический шаг побудил, по всей вероятности, «Вельфский фонд»[2]. Такова уж ирония истории: ведь «Вельфский фонд» являлся крайним символом политики, сделавшей необходимым образование в Германии католической, ультрамонтанной оппозиции. Во всяком случае, делу был дан ход. 3 января 1887 года мюнхенский нунций направил соответствующее сообщение в Берлин — лидерам Партии центра барону фон Франкенштейну и Виндтхорсту. Эта политика папы была равнозначна удару ножом в спину большой партии, защищавшей интересы клерикализма в немецком рейхстаге. Социально оппозиционные слои в Партии центра, с которыми приходилось считаться лидерам этой партии, никогда бы не приняли полной капитуляции перед правительством. Виндтхорст не сдался. Он заявил, что Партия центра в случае, если правительство пойдет ей навстречу, готова утвердить весь требуемый бюджетный

[1] B a c h e m, op. cit., S. 165. Тронная речь 4 января 1887 г.

[2] См. L u c i u s, op. cit., S. 364, Eintragung vom 9.1.1887. «Бисмарк дал понять, что при этих больших успехах в Риме не обошлось без «Вельфского фонда»; при этом он с деланным беспокойством отметил, что данное сообщение должно рассматриваться как весьма секретное». Действительно, сам Галимберти попросил, чтобы к секундиционному празднику папы были сделаны подарки, которые должны были быть приобретены за счет «Вельфского фонда» (L u c i u s, op. cit., S. 380, Eintragung vom 28.3.1887). Моя (автора) просьба к ведомству иностранных дел предоставить мне возможность ознакомиться с документами о септенате была отклонена, видимо, по этой же причине, поскольку мне позволили ознакомиться с соответствующими военными документами, относящимися к более позднему времени.

штат, но только на три года. Дебаты по этому вопросу в бюджетной комиссии, происходившие в январе 1887 года, являли собой с тактической точки зрения весьма пикантное зрелище. Правительство пустило в ход самую тяжелую артиллерию. «Если требования правительства будут отклонены,— заявил фельдмаршал фон Мольтке в одной из своих стереотипных, заранее тщательно подготовленных в письменном виде напыщенных речей,— то я считаю войну неизбежной». Труднее, чем этому сухому старческому мнению, было противостоять мощным ударам, которыми Бисмарк, весьма широко используя свой дипломатический багаж и огромные тактические способности, потрясал шедший ко дну рейхстаг. С величайшей уверенностью он выискивал слабые места в клерикальной и свободомыслящей оппозиции, которая подлежала уничтожению. Он исключительно эффективно противопоставлял воинственную кампанию, развернутую с сентября 1886 года в связи с болгарским вопросом, и нынешние попытки затормозить парламентскими средствами безудержное развертывание армии. Тогда-то им и была произнесена знаменитая фраза: «Весь Восточный вопрос не является для нас военным вопросом. Мы никому не позволим взять нас из-за этого вопроса на поводок, с тем чтобы поссорить нас с Россией».

Эта тактика была направлена на то, чтобы изобразить в карикатурном виде перед всей страной внешнеполитическую линию парламентской оппозиции, используя ту противоречивую ситуацию в Восточном вопросе, в которой она находилась еще и в последующий период. Стремление по возможности ограничить мощь армии и урезать прусский феодализм находилось в противоречии с идеей проведения более энергичной восточной политики. В то же время Центр, придерживаясь австрофильской позиции, в известной мере являлся априори сторонником такой политики; свободомыслящие и социал-демократы тоже одобряли такую политику, исходя из стремления обеспечить безопасность юго-восточной границы Германии путем постоянного отвлечения Австрии на Восток и создать противовес России. Хорошие отношения между Германией и Россией казались левым продолжением реакционной политики Священного союза, направленной против Польши и левых партий; поэтому они реагировали на них, как бык на красный цвет. В противовес этой тенденции, подкрепляемой также желанием некоторых клерикальных магнатов по обе стороны Инна, а также свободомыслящих и либералов обеспечить политическую защиту постоянно растущего экспорта капитала в Центральную Европу, Бисмарк убедительно и неопровержимо доказывал, что, защищая интересы прусской армии и консерватизма и, более того, подчеркивая солидарность восточных монархий, он стремился обеспечить осуществление мирной политики, плоды которой могли принести оппозиции значительно больше пользы, чем гроши, сэкономленные на бюджете.

Хорошие отношения с Россией Бисмарк противопоставлял в своих речах ненадежным отношениям с Францией; антифранцузский склад бисмарковского пацифизма всегда позволял ему использовать отношения с Францией в качестве предвыборного пугала. Заветной целью Бисмарка были новые выборы в рейхстаг: парламент был распущен сразу же после того, как во втором чтении отклонил закон о септенате. В разгар начавшейся затем предвыборной борьбы (вероятно, самой ожесточенной в истории Германии до 1914 года) разорвалась бомба, которая должна была уничтожить Партию центра. 4 февраля были опубликованы ноты Ватикана, в которых святейший престол рекомендовал Партии центра санкционировать ту самую бисмарковскую политику в области военного бюджета, которую эта партия столь ожесточенно атаковала[1]. На первых порах Виндтхорст был подавлен до предела, а затем, пытаясь делать хорошую мину при плохой игре, начал подчеркивать то место папского послания, где были упомянуты весьма высокие заслуги

[1] См. B a c h e m, op. cit., 4. Bd., S. 180.

Партии центра в борьбе за права церкви. Вероятно, опытные тактики из курии сами подсказали ему эту возможность[1]. В результате, несмотря на огромную победу на выборах так называемого картеля (объединения национал-либералов, консерваторов и свободных консерваторов), Бисмарку так и не удалось осуществить дальнюю цель своей политики — разрушить Партию центра: ведь только достижение такой цели делало неприступным возникший парламентский блок имущих. На фоне этой политики спор о септенате полностью отошел на второй план. В настоящее время имеются неопровержимые доказательства того, что сама по себе проблема септената не играла почти никакой роли при роспуске рейхстага. Бисмарк больше всего опасался, что старый рейхстаг 1887 года проголосует за септенат и лишит его тем самым предвыборного лозунга[2]. Мучимый постоянным страхом перед тем, что законопроект все-таки пройдет[3], он в ходе обсуждения склонялся даже к тому, чтобы распустить рейхстаг еще до решающего голосования, и задумывался над тем, не увековечить ли существование широкого блока имущих путем государственного переворота.

Важнее, чем конъюнктурный политический успех, было для него создание надежной и постоянной политической опоры, которую можно было бы использовать в борьбе против приближающейся опасности смены правительства и против интриг своих проанглийских противников в прусском королевском доме[4].

Преувеличение опасности войны как фактор внутренней политики Бисмарка. Буланжистский кризис и септенатские выборы

О том, насколько затруднительным было положение Бисмарка уже в 1887 году, видно из того, что в борьбе за свои позиции он был вынужден обратиться к средствам, которыми обычно пренебрегал. Победа на выборах 1887 года была одержана лишь потому, что в ходе предвыборной борьбы им была широко использована внешнеполитическая аргументация, а избирателям указывали на внешнеполитические опасности там, где их определенно не было*,— сомнительный прецедент на тот случай, когда политика уже не будет определяться одной выдающейся личностью, а попадет в ведение высших военных и военно-морских ведомств, охваченных беззастенчивым стремлением проявить себя во что бы то ни стало. 4 января этого тяжелого года Бисмарк подверг издевательскому осмеянию германского посла в Париже ганноверского графа Мюнстера, намеревавшегося заявить о своем глубоком убеждении в сугубой незначительности бушевавшей во Франции буланжистской бури даже в такой необычной форме, как новогоднее поздравление старому кайзеру[5].

[1] Бахем (стр. 91) ясно указывает, что курия —вероятно, умышленно— из двух составленных монсеньером Галимберти и названных по имени статс-секретаря Якобини нот опубликовала сначала вторую, чтобы способствовать спасению позиций Партии центра в предвыборной борьбе.

[2] См. L u c i u s, op. cit., S. 365, Eintragung vom 14.1.1887.

[3] Ibid.

[4] Относительно идеи государственного переворота см. L u c i u s, op. cit., Eintragung vom 14.1.1887. См. также B a c h e m, op. cit., 4. Bd., S. 156.

[5] См. GP, 1240, Мюнстер — Вильгельму I, 30 июля 1886 г., а также GP, 1241, Бисмарк — Мюнстеру, 4 января 1887 г.

* Весьма характерен для оценки этих попыток Бисмарка, которые он предпринимал еще задолго до начала непосредственной предвыборной борьбы, адресованный де Фресине отчет французского посла в Берлине Курселя от 26 марта 1886 г. (DD, 1-me serie vol 6, № 217).

В действительности Франция, как уже указывалось, в период выдвижения генерала Буланже вовсе не проявляла готовности к поддержке русского военного зондажа. Даже позднее две непосредственные попытки Буланже развязать войну встретили во Франции отрицательное отношение. Таким образом, все это движение имело на первых порах в основном внутриполитический характер, что понимали уже многие современники*. Немецкие наблюдатели, бывшие поздней осенью 1886 года свидетелями роста реваншистской кампании во Франции, объясняли ее торговым и экономическим кризисом, который за четыре года до этого пришел на смену периоду высокого уровня производства и вызвал недовольство, направлявшееся главным образом против Германии[1]. Оказавшись перед невозможностью в условиях кризиса семидесятых годов с пользой инвестировать в Европе свои имевшиеся всегда в изобилии капиталы, которые постоянно пополнялись за счет сбережений, Франция обратилась к потребовавшим больших затрат колониальным захватам, которые после биржевого краха Бонту и последовавшего за ним промышленного кризиса повсеместно подвергались критике. Приход к власти в 1885 году гамбеттиста де Фресине явился следствием всеобщего недовольства большими расходами. Одновременно недовольство французов вызывал параграф 11 Франкфуртского мирного договора, обеспечивавший Германии положение наиболее благоприятствуемой страны, что в условиях кризиса все сильнее сказывалось на положении отстающей французской промышленности[2]. При этих обстоятельствах французская промышленность могла избежать потерь, используя главным образом государственные заказы. Тирады генерала Буланже создавали конкретную основу для больших заказов крупнейшим военным предприятиям Франции. Эта социальная компрометация внешней политики, ставшая затем типичной для Европы, в данном случае дополнялась личной коррупцией, характеризующей всю систему.

Генерал Буланже нашел свою Панаму еще до своего кузена Клемансо, агитация которого объясняла успех генерала. Проведенное позднее судебное расследование показало, что хвастливый генерал втихомолку похитил из государственной кассы сотни тысяч франков, которые пошли на удовлетворение личных потребностей его родственников и любовниц[3]. Буланжизм способствовал подъему и военной промышленности своего германского противника, причем не только косвенно, воздействуя на предвыборную пропаганду немецких правых, но и вполне непосредственно: французскому генералу и военному министру было вручено письмо от фирмы «Людвиг Лёве». В нем указанная фирма, получившая впоследствии, когда ее возглавлял проворовавшийся генеральный директор фон Гонтард, мировую известность как «Берлин-Карлсруэр индустриверке», предлагала свои услуги и жаловалась на то, что генерал заказывает в Америке оружие, которое могло бы быть произведено в более усовершенствованном виде в Германии[4]. В условиях кризиса военная промышленность, как и любая другая, должна была заботиться о сбыте: бельгийские фирмы под руководством Кокериля уже пытались конкурировать с Круппом на его отечественном рынке[5]. Половина мира бодро

---

[1] См. интересную серию статей во «Франкфуртер цейтунг» начиная с 9 октября 1886 г.
[2] «Frankfurter Zeitung» v. 9.10.1886.
[3] Материалы процесса Буланже см. по «Кёльнише цейтунг» от 13 августа 1889 г.
[4] «Germania» v. 17.12.1892. Письмо фирмы «Лёве» от 20 ноября 1886 г. генералу Буланже.
[5] «Frankfurter Zeitung» v. 18.7.1887.

* Лангер («Alliances», p. 372 ff.) считает, что реваншистское движение Деруледа и Буланже обладало значительной ударной силой, и подкрепляет свою точку зрения богатым материалом. Однако его тезис не исключает того, что это движение имело главным образом внутриполитический характер и было обусловлено кризисом, определявшим также процессы, происходившие в Германии.

кружилась на этой известной карусели. Военная промышленность, стремясь преодолеть кризис, всячески рекламировала себя, создавая своего рода интернационал по навязыванию своей продукции. Новые изобретения в области наступательного и оборонительного оружия вынуждали народы обеспечивать свою безопасность от противника путем непрестанного расходования средств, путем приобретения постоянно обновляющихся моделей, более мощных пушек, более прочной брони, более совершенных оптических приборов.

Но глава упомянутой фирмы «Людвиг Лёве» заседал в качестве партийного лидера в прусском ландтаге и как таковой был рекомендован России, с тем чтобы одновременно заключить сделки с русским государством, любовное отношение которого к германскому соседу вошло в то время в поговорку[1]. Поистине чудовищное сочетание! Руководитель военных заводов обладает в парламенте непосредственной возможностью оказывать воздействие на военную политику собственной страны и использует достигнутые результаты для того, чтобы агитировать в других странах за приобретение своих изделий. Разумеется, такая операция могла быть осуществлена лишь в обстановке сильной международной напряженности, разрядка которой влекла за собой и крах операции.

Военные промышленники Германии и Франции образовывали важное звено в той цепи интересов, которая сыграла важную роль во время септенатских выборов в Германии в 1887 году. Военщина ликовала. «Чтобы вести избирательную борьбу,— писал в январе в своем дневнике Вальдерзее[2],— особенно необходимо использовать политическое положение. К счастью, французы играют нам на руку. Они неизменно опасаются (боятся) нападать на нас и делают ставку на оборону и контрмеры в связи с увеличением нашей армии; а это нетрудно немного раздуть»*. В Германии была развернута разнузданная кампания в международно-политической плоскости. Правительство постоянно пыталось ограничить ее рамками франко-германских отношений, что было далеко не простым делом, поскольку внутренние силы, заинтересованные в напряженности (например, Вальдерзее), вступили в конфликт с Россией, получив при этом поддержку высокопоставленных католиков, которые считали, что бисмарковская «теория благоприятствования России» потерпела крах, и желали, чтобы Петербург был подвергнут ледяному душу[3].

Начало положила официозная пресса, опиравшаяся на «Вельфский фонд», а вместе с нею и печать военной промышленности.

31 января 1887 года в свободно-консервативной газете «Пост», органе магната металлургической промышленности Штумма, появилась пресловутая статья «На острие ножа», в которой, как и в статье 1875 года, во всем великолепии был нарисован призрак европейской войны, что немедленно повлекло за собой сильную панику на бирже[4].

---

[1] См. F ü r s t e n b e r g, op. cit., S. 151. Рекомендательное письмо Фюрстенберга для Лёве к русскому банкиру Заку.

[2] W a l d e r s e e, op. cit., 1. Bd., S. 310, Eintragung vom 22.2.1887.

[3] См. L u c i u s, op. cit., S. 366, Eintragung vom 14. 1. 1887; S. 367, Eintragung vom 4.2.1887.

[4] См. W a l d e r s e e, Briefwechsel, Berlin 1928, 1. Bd., General von Loe an Waldersee, 3.12.1886.

* Французский посол Эрбетт вполне корректно сообщал 29 января в Париж: «Полемика в немецких газетах объясняется выборными соображениями; после окончания выборов мы войдем в новый период спокойствия» (DD, 1-me serie, vol. 6, № 415). Между прочим, французские документы очень ясно свидетельствуют о размерах опасности войны, обусловленной кризисным внутриполитическим развитием в Германии и во Франции. 20 февраля Германия возобновила направленные против Франции договоры о Тройственном союзе. Подробности см. в книге L a n g e r, Alliances, p. 393 f.

Стремление Бисмарка застраховаться от последствий своей собственной политики травли. Германо-русский секретный договор

В это время Бисмарк пустил слух о трехсотмиллионном займе Пруссии, что до предела усилило возбуждение. «Однако несчастный исход выборов,— говорилось в листовке, выпущенной Национал-либеральной партией,— навлечет на нас войну со всеми ее ужасами, в лучшем случае — со всеми обусловленными ею потерями». Вся эта буря разметала прежнее большинство рейхстага. Больше всего на выборах выиграли национал-либералы, увеличившие число мандатов с 51 до 95. В то же время представительство свободомыслящих сократилось с 64 до 32 депутатов. Позиции Партии центра остались непоколебленными, однако в рейхстаг она вернулась уже как составная часть парламентского меньшинства, имевшего 163 мандата против 217 мандатов, которыми располагало картельное большинство. Успех на выборах вынудил правительство подумать о выполнении своих предвыборных обещаний. «Картельный» рейхстаг проголосовал за долгожданный водочный законопроект и вместе с ним за «подарки», что позднее, во время выборов 20 февраля 1890 года, предшествовавших свержению Бисмарка, послужило, по мнению многих провалившихся кандидатов, основной причиной их поражения. Одновременно была возобновлена кампания против русских ценностей, находившаяся в полном противоречии с переговорами этого же 1887 года, в ходе которых Бисмарк из-за невозможности после событий болгарского кризиса возобновить в неизменном виде старый союз императоров трех восточных держав пытался обеспечить по крайней мере заключение сепаратного договора с Россией. Этот договор, по которому Германия и Россия взаимно гарантировали друг другу нейтралитет в случае нападения третьей стороны, получил техническое наименование «Договора перестраховки», отражавшее его оценку с немецкой точки зрения[1]*.

Успех антирусских течений в Германии. Экономическая борьба и запрет закладов

Эти попытки сохранить прежние отношения с Россией были сведены на нет в большей степени, чем мог предполагать сам Бисмарк, экономической политикой, отражавшей в конечном счете интересы тех же самых крупных землевладельцев, наличие которых являлось неотъемлемой предпосылкой его внешней политики. Бисмарк сам способствовал подрыву устоев своего внешнеполитического курса, проводя внутреннюю и экономическую политику, нашедшую свое выражение в гигантской борьбе 1887 года против русских ценностей. В этой борьбе канцлер вновь выступал в двойном качестве — как руководитель германской государственной машины и как крупный землевладелец. С одной стороны, немецкие капиталисты, оказавшись перед угрозой запланированного русскими обесценения валюты, ожидали защиты от своего государства, с другой — борьба против русских ценностей отвечала также настойчивым требованиям коллег Бисмарка по сословию — консерваторов. Немецкие аграрии с озлоблением наблюдали за тем, как ликвид-

[1] См. GP., Кар. XXXIY.

* Подробную оценку этому договору и совершенно секретному дополнительному протоколу, предоставлявшему русским «карт бланш» в Константинополе и предусматривавшему отказ Германии от поддержки Баттенберга, дает Лангер («Alliances», p. 413 ff.). См. также W a h l, op. cit., 2. Bd., S. 375 f.

ные денежные средства, избытка которых никогда не ощущалось в империи, оказывая неблагоприятное воздействие на учетную ставку[1], утекали за границу, с тем чтобы содействовать производителям зерна в России строить железные дороги к границам Германии и наводнять ее русским зерном[2].

Направленная против курса рубля политика избавления от долгов, проводившаяся Катковым, идеологическое изобретение которого — панславизм являлся всего лишь отражением прямых интересов его самого и некоторых близких к нему московских крупных промышленников*, означала для немецких аграриев содействие их русским конкурентам путем инфляционистских методов. В марте 1887 года «Крейццейтунг», выступая по поводу неограниченного ввоза в Германию ржи и масличных семян, подняла вопрос и о русской валюте. «Кёльнише цейтунг» в свою очередь сообщала о сильном движении среди консервативных аграриев в пользу повышения тарифных пошлин[3]. Наряду с аграриями и немецкая промышленность, так же как большинство публики, за исключением держателей русских ценных бумаг, была заинтересована в том, чтобы не допускать повышения германской учетной ставки ради такой страны, как Россия, министр финансов которой как раз в то время выяснял в Париже, не окажут ли там поддержки при проведении конверсии русских ценных бумаг в ущерб германским капиталистам[4]. В июле 1887 года граф Швейнитц сообщил из Петербурга о проходивших там переговорах относительно смягчения законов о евреях, что могло свидетельствовать об улучшении отношения России к Ротшильдам. В августе того же года принц Рейс сообщал из Вены, что Россия, по-видимому, пытается создать в Англии настроение в пользу приобретения русских ценностей. При той общей политико-экономической ситуации, в условиях которой сложился целый комплекс интересов, направленных против русских ценностей, непонятно, как в официозных кругах Берлина могли даже радоваться тому, что русские ценные бумаги, возможно, отхлынут во Францию[5]. Возможно, часть этого конгломерата составляли влиятельные немцы, владевшие в России поместьями или предприятиями; со времени издания в России указа от 14 марта 1887 года, который имел целью смягчение аграрного кризиса за счет ущемления интересов немцев, последние опасались за судьбу своих владений. Берлинская биржевая пресса[6], пытаясь по тактическим соображениям свести различные составные части конгломерата к единому знаменателю, подчеркивала, что борьба против русских ценностей — это легкомысленная игра с широко разветвленными интересами в пользу лиц, злоупотребляющих положением, которое они занимают, и влиянием, которым они пользуются[7]. Действительно, 13 июня 1887 года граф Гвидо Хенкель-Доннерсмарк — промышленный магнат крупного масштаба, определявший международную политику в гораздо большей степени, чем это известно, и сыгравший позднее решающую роль в марокканском кризисе,— обратился к князю Бисмарку с жалобой

---

[1] См. теоретические рассуждения в «Крейццейтунг» от 12 августа и 18 марта 1887 г.

[2] «Kreuzzeitung» v. 2.8.1887.

[3] «Kölnische Zeitung» v. 19.3.1887.

[4] Об этом известном зондаже см., кроме материалов GP, также письмо Мюнстера Бисмарку от 8 апреля 1887 г. (Архив ведомства иностранных дел).

[5] Официозная статья в «Крейццейтунг» от 22 сентября 1887 г.

[6] «Berliner Börsenkurier» v. 9.7.1887.

[7] Заинтересованы в этой игре были предприятия, которые принадлежали семье фон Крамста и могли оказывать сопротивление атакам русских лишь при помощи международного капитала Ротшильдов и Ганземана, а также наследники свободного консерватора и грюндера графа Ренарда, граф Хенкель-Доннерсмарк и, наконец, будущий имперский канцлер князь Гогенлоэ, владевший через свою супругу (урожденную Витгенштейн) одним из крупнейших поместий России. Как известно, впоследствии этот факт вызывал нападки Максимилиана Хардена, утверждавшего, что политика Гогенлоэ определялась его интересами в России.

* Следует специально подчеркнуть, что это относится лишь к катковскому варианту панславистских идей; как общее явление панславизм старше и шире.

на Блейхрёдера и Ротшильдов и потребовал, чтобы правительство приняло меры, направленные против русских ценных бумаг. На полях этого документа Бисмарк начертал резолюцию, в которой давал свое согласие на такого рода меры. Под влиянием постоянной кампании против русских ценных бумаг Россия начала терять свои позиции на немецком рынке капиталов[1]. Уже в начале августа 1887 года русский посол Шувалов в беседе с графом Берхемом спросил последнего, не будет ли Германия иметь каких-либо возражений против русского займа в Париже[2]. В этой связи Бисмарк сделал интересное замечание: «Напротив, мы пожелаем успеха французам»[3].

К величайшему неудовольствию газеты «Берлинер бёрзенкурир», которой приходилось наблюдать, как русские ценные бумаги утекают в Париж, Бисмарк резко отклонил пожелание Шувалова, чтобы были предприняты какие-нибудь меры против кампании в прессе[4]. В борьбе не в последнюю очередь против Имперского банка Бисмарк привел эту политику к завершению. 11 октября 1887 года, то есть в тот самый момент, когда к экономическим противоречиям добавилась повторная политическая напряженность из-за болгарского вопроса, Герберт Бисмарк предложил своему отцу запретить заклад русских ценных бумаг на берлинском и других немецких рынках. 9 ноября, перед самым приездом в Берлин царя, в Имперский банк действительно поступило такого рода распоряжение. Эффект был полным. Спустя несколько лет в ведомстве иностранных дел констатировали: «За исключением небольшой суммы, русские ценности утекли из Германии»[5] [6*].

Другие факторы напряженности на Востоке. Новый болгарский кризис

Несомненное обострение русско-германских отношений в результате этой политики пришлось Бисмарку не по вкусу. Экономическое развитие Германии вышло из-под политического контроля государственного деятеля. Да и экономическая борьба Каткова против Германии, давшая первый толчок всей кампании, была вызвана обстоятельствами, контроль над которыми превосходил человеческие возможности. Как и в другом случае, Бисмарк собственной персоной стал инструментом экономической политики, способствовавшей в конечном итоге уничтожению здания, им же самим воздвигнутого. В начале 1887 года он, применяя сильнодействующие средства, в борьбе против американцев вынудил Турцию дать заказ на поставку 500 тысяч ружей и 50 тысяч карабинов фирмам «Маузер» и «Людвиг Лёве»[7]. Один исследователь особенно подчеркивает необычайную настойчивость, проявленную

---

[1] «Nationalzeitung» v. 29.7.1887.

[2] Запись Берхема от 1 августа 1887 г. (Архив ведомства иностранных дел).

[3] Поместка на полях записи Берхема.

[4] «Berliner Börsenkurier» v. 23.8.1887 (Архив ведомства иностранных дел).

[5] Запись Рашдау от 24 октября 1894 г. (Архив ведомства иностранных дел).

[6] О значении запрета закладов для дальнейшего развития мировой политики см., кроме книги Покровского, также Rudolf Ibbecken, Das außenpolitische Problem, Staat und Wirtschaft in der deutschen Reichspolitik 1886—1914, Schleswig 1928, S. 90 ff. Иббекен, правда, видит внешнеполитическое и финансово-экономическое влияние, однако не осознает внутриполитической обусловленности этой кампании. Как и для почти всех представителей школы Онкена, к которой он принадлежит, для Иббекена остается недоступным понимание социологической обусловленности политических и даже политико-экономических событий.

[7] См. Holborn, op. cit., S. 88 ff.

* Обо всем этом см. также Ludwig Raschdau, Unter Bismarck und Caprivi, Erinnerungen eines deutschen Diplomaten aus den Jahren 1885—1894, Berlin 1939, S. 64 f.

немецким правительством в борьбе за эту сделку. Конечно, между данным единичным актом правительства и запретом закладов вряд ли можно установить или даже предполагать какую-либо связь. Сам по себе этот шаг также не представлял собой внешнеполитической угрозы. И тем не менее в этом районе была создана возможность возникновения страшной опасности: с того дня, как немецкая военная промышленность заняла на проливах позиции, которые позволяли ей, выступая в тактическом сотрудничестве с прусскими аграриями, закрыть Босфор для русской пшеницы, военный взрыв мог произойти в любой момент. Тем временем турецкая сделка Германии накликала вторую опасность. Турция, находившаяся в трудном финансовом положении, обратилась к директору банка «Вюртембергише ферейнсбанк» Каулла, действовавшему тогда по поручению заводов «Маузер» в Константинополе, за помощью против английского и французского капитала. Каулла обратился за этим же в Немецкий банк в Берлине. Немецкий банк ухватился за данное предложение не столько из склонности к турецким займам[1], сколько из интереса к выдвинутому султаном[2] проекту строительства железной дороги, связывающей Константинополь с Багдадом. Этот империалистический вариант основной идеи делал реальной возможность концентрации войск всей Турции у Босфора и одновременно империалистического вторжения в русскую сферу влияния в Персии. Германское правительство на первых порах покровительствовало лишь босфорской сделке с оружием. Однако можно было предвидеть, что предприятие таких гигантских размеров, как багдадская дорога, в осуществлении которого теперь была предоставлена свобода действий[3], в дальнейшем будет непосредственно воздействовать на германскую политику, тем более что мощному финансовому институту, стоявшему за этим проектом, удалось обеспечить непосредственное представительство своих интересов в правительстве. При огромной власти, которую приобрел к тому времени монополистический капитализм, все это происходило само собой, даже если бы рельсы для железной дороги не были заказаны у фирмы Крупна в Эссене, которая на протяжении десятилетий тесно сотрудничала с прусской короной и была, кроме того, заинтересована в сделках на Босфоре из-за своих военных поставок Турции.

Уже первые попытки проникнуть в район Босфора свидетельствовали о возможности проведения — особенно генеральным штабом — антирусской политики. Вероятность проведения такой политики еще больше усилилась осенью 1887 года, когда болгары избрали своим царем Фердинанда фон Кобург-Кохари[4], в результате чего русские вновь оказались перед угрозой потери своих внешнеполитических завоеваний в Болгарии. Международная напряженность усилилась в такой степени, что Бисмарк был вынужден приложить все силы, чтобы создать противовес России: 12—16 декабря 1887 года Англия, Австрия и Италия обменялись секретными нотами, в которых брали на себя обязательство обеспечить сохранение существовавших на тот момент отношений собственности на Востоке и независимости Турции*.

Этот период был одновременно и вершиной бисмарковского пацифистского макиавеллизма. Бисмарк очень хотел сохранить мир, однако в силу невозможности разоружения, обусловленной внутриполитическими и внешнеполитическими причинами, он мог достичь этой цели, лишь натравливая друг

---

[1] См. H o l b o r n, op. cit., S. 88 ff.

[2] Ibid., S. 84.

[3] Очень характерный для политики Бисмарка его ответ на просьбу Немецкого банка о поддержке см. в книгах H o l b o r n, op. cit., S. 91; H e l f f e r i c h, Siemens, S. 35 ff. См. также E d w a r d M. E a r l e, Turkey, the Great Powers and the Bagdad Railway, New York, 1923.

[4] Z i e k u r s c h, op. cit., 2. Bd., S. 204.

* Это было второе из двух так называемых средиземноморских соглашений того года. О первом см. L a n g e r, Alliances, p. 397 f.

против друга империалистов, принадлежавших к различным группировкам; как русские, так и англичане могли рассчитывать на то, что система союзов, связывавшая их с Германией, поможет им овладеть проливами.

Повышенное давление изнутри. Предстоящая смена монарха

Тем временем крепли внутриполитические силы, которые впоследствии нарушили это искусственное равновесие. Одновременно с заключением упомянутых союзов германский генеральный штаб совместно с генеральным штабом Австро-Венгрии разрабатывал военное соглашение. Это соглашение должно было способствовать осуществлению самого горячего желания Вальдерзее, который играл роль идеологического и социологического связующего звена между различными факторами, враждебными бисмарковской внешней политике. Желание же Вальдерзее заключалось в том, чтобы немедленно развязать военное столкновение с Россией. На вопрос австрийского посла, не начнут ли русские зимней военной кампании против Центральных держав, германский генерал-квартирмейстер ответил: «Нет, я боюсь, что они этого не сделают»[1].

Политическая сила Вальдерзее покоилась на его служебных связях с военными атташе при посольствах. В своей враждебности к русским эти круги могли рассчитывать на симпатии в католическом лагере: самым влиятельным военным руководителем, непосредственно связанным с Вальдерзее по вопросам текущей политики, был правый католик фельдмаршал фон Лоэ. Все эти военные круги, стремившиеся использовать в качестве оружия против Франции главным образом союз с Италией, прекрасно понимали, что затруднения, испытываемые Бисмарком, открывают перед ними благоприятные возможности. «Прошло время,— писал барон Лоэ в декабре 1886 года графу Вальдерзее,— когда канцлер расставлял фигуры на европейской шахматной доске и направлял всю игру»[2]. Нынешняя обстановка, указывал он, требует, чтобы Петербург был подвергнут холодному душу. Генерал писал далее, что аннексия Эльзас-Лотарингии и восточная политика Австрии поставили Германию в трудное положение, из которого ей необходимо выбраться. Эта оценка, собственно говоря, не столь уж сильно отличалась от той критики, с которой в свое время еще Бебель[3] выступал по поводу аннексии Эльзас-Лотарингии. Назревал совершенно явный раскол между силами, которые извлекли пользу из картельных выборов 1887 года и поддержка и сотрудничество которых были необходимы канцлеру для того, чтобы противостоять надвигающейся опасности, связанной со сменой монарха и курса. Уже тогда можно было предвидеть, что разнородность пока что еще объединенных элементов немедленно выявится, если ожидаемое новое правление окажется из-за болезни кронпринца, впервые проявившейся незадолго до картельных выборов 1887 года в форме хрипоты, лишь краткой интермедией.

Тем временем Бисмарку предстояло решить весьма интересную с тактической точки зрения задачу: использовать постоянно возраставшую неприязнь своих сторонников к России и их едва прикрытый воинственный пыл для того, чтобы добиться принятия в начале 1888 года военного законопроекта и избежать при этом казавшегося неизбежным тесного сближения с Англией,

---

[1] См. Waldersee, op. cit., 1. Bd., S. 339, 347, 349, 386 (Eintragungen vom 4., 12. und 23.12. 1887 sowie vom 1.1. und 8.4. 1888).
[2] См. Waldersee, op. cit., 1. Bd., S. 56.
[3] Ibid., 1. Bd., S. 75.

которое именно в это время, перед сменой монарха, было нежелательным как по внутриполитическим, так и по внешнеполитическим причинам.

Военный закон 1888 года, исходя из внешнеполитического положения и учитывая рост населения, вновь включал в состав полевой армии ополчение (ландвер), отодвинутое на задний план в период прусского конфликта. Тем самым была создана на случай войны современная форма миллионного войска. В то же время, однако, на будущее была вновь выдвинута постоянная проблема: можно ли допустить, чтобы руководство этими огромными массами находилось в руках одного лишь прусского дворянства и строго отобранного с государственно-авторитарной, классовой точки зрения корпуса резервных офицеров[1]. Обоснование законопроекта соответствовало той двойной задаче, которую предстояло решить Бисмарку. Поэтому квинтэссенцию его большой речи составляло стремление провести водораздел между общественным мнением и царским правительством России. Подчеркивая свои симпатии к мирной политике царя и льстя ему, Бисмарк сумел в то же время запугать немецкий парламент ссылками на панславистское движение, побудить его проголосовать за этот широкий законопроект и весьма ловко с тактической точки зрения объединить свое мотивированное главным образом внутриполитическими причинами желание сохранить мир с военными приготовлениями, в частности и против Франции.

При этом, вновь издеваясь над Болгарией и называя ее мелкой страной между Дунаем и Балканами, из-за которой не стоит ввергать Европу, от Москвы до Пиренеев, от Балтийского моря до Палермо, в войну, последствий которой никто не в силах предвидеть, он опять выступил со своих старых тактических позиций как лидер антианглийской или, точнее говоря, не столько антианглийской, сколько реалистической и прежде всего антилиберальной партии, в том качестве, в каком его так глубоко ненавидела императрица Виктория[2].

*Социологический и внешнеполитический характер режима девяноста девяти дней**

Смерть старого кайзера 9 марта того же года поставила Бисмарка перед необходимостью вступить в борьбу (во внутренней политике чуть ли не в большей степени, чем во внешней) с весьма энергичной супругой человека, конец которого был вопросом чуть ли не недель. Драма девяноста девяти дней, с самого начала предопределенная свыше, способствовала тому, что социальные и внешнеполитические противоречия, накапливавшиеся десятилетиями, нашли свое выражение в безудержной страстности, проявленной обеими сторонами. Впрочем, с точки зрения всеобщей истории это был всего

[1] См. Ziekursch, op. cit., 1. Bd., S. 398 ff.

[2] См. «Briefe der Kaiserin Friedrich», Кар. 13, S. 377. «Партия Бисмарка упорно придерживается следующего принципа: «Мы хотим показать Англии, что не нуждаемся в ней; мы должны разрушить связи между английским королевским домом и Германией». Фрицу не нужны ни Бисмарк, ни его дипломатическая банда, чтобы сохранить хорошие отношения с другими державами; он пользуется дружбой владык и симпатиями народов. Это всегда было горькой пилюлей для Бисмарка, боявшегося конкурента, который мог бы нанести ущерб его престижу. А ведь ему пришлось бы выполнять распоряжения Фрица, если бы Фриц был здоров и обладал способностью навязать свою волю и настоять на ее выполнении». (Письмо императрицы от 11 ноября 1888 г.)

* См. по этому вопросу теперь также работу Andreas Dorpalen, Emperor Friederick III and the German Liberal Movement («American Historical Review», October 1948, p. 1 ff.).

Справедливую оценку интермеццо девяноста девяти дней дает также Зонтаг (Sontag, Germany and England 1848—1894, p. 255 ff.).

лишь эпизод, означавший, правда, также окончательное поражение тех, кто мог рассчитывать на новый курс как во внутренней, так и во внешней политике.

К числу наиболее рьяных приверженцев больного кайзера принадлежала в то время группа решительных фритредеров, которые вместе с такими людьми, как Рёпель, Риккерт, Александр Майер и другие, стояли некогда у колыбели Национал-либеральной партии, а затем, в эпоху покровительственных пошлин, под руководством Бамбергера откололись от нее, избрав более левый курс.

Впоследствии, после многих лет пребывания в одной партии с прогрессистами, возглавляемыми Ойгеном Рихтером, эта группа вновь эволюционировала вправо и, отколовшись под знаменем империализма и военных выборов 1893 года, конституировалась как Союз свободомыслящих. (Забегая еще дальше вперед, укажем, что в последние годы правления Бюлова эта группа вновь сблизилась с примирившимися за это время с империализмом левыми либералами и в марте 1910 года объединилась с ними в рамках Прогрессистской народной партии.) Весьма бурную историю этой в персональном отношении стабильной группы можно объяснить только при помощи социологического анализа. Ее основу в значительной степени составляли крупные торговцы ганзейских и балтийских городов, а также Берлина; кроме того, начиная с восьмидесятых годов постоянно возрастало влияние на нее банковских интересов, особенно интересов Немецкого банка. Поскольку же экономические функции торгового и финансового капитала находились преимущественно в руках евреев, это обусловило особое отношение данной группы к еврейскому вопросу. Вскоре после раскола Национал-либеральной партии в 1881 году Эдуард Ласкер пытался привлечь для помощи этому движению еврейский капитал и опирался при этом на поддержку Блейхрёдера и Людвига Лёве[1]. Влиятельный парламентарий этого направления Риккерт, представлявший торговую метрополию Данциг как в журналистике, так и в парламенте, был одновременно председателем Союза по борьбе с антисемитизмом. Кружок Теодора Барта, прекрасно редактировавшего журнал «Ди национ», который начал выходить с середины восьмидесятых годов, также объединял в равной степени представителей торгового и биржевого капитала и еврейскую интеллигенцию из крупных городов. Здесь Юлиусом Элиасом, Шлентером и Брамом был открыт для немцев Ибсен. Но глава этого кружка, вытесненный Бисмарком синдик Торговой палаты Бремена Теодор Барт, брал курс все левее, пока в итоге не выступил в начале XX века в качестве одного из первых либералов с рекомендацией заключить союз с социал-демократией против аграриев. Сам Теодор Барт находился в тесной связи с главой Немецкого банка Георгом Сименсом, который одно время был депутатом рейхстага и входил в группу свободомыслящих. Немецкий банк поддерживал журнал «Ди национ», помещая в нем свои объявления. Уже после смерти Сименса банк дал этой группе ее первого председателя Карла Шрадера, супруга которого — англичанка по национальности — была близка к кронпринцессе Виктории. К числу фаворитов кронпринцессы относились также, кроме — г-жи фон Шлейнитц столь ненавистной Бисмарку супруги министра двора веймариански настроенной старой императрицы Аугусты, целый ряд известных своими либеральными взглядами лиц, в том числе великий физик Гельмгольц, бывший баденский министр фон Роггенбах, в котором Бисмарк не без оснований подозревал кандидата Фридриха III на канцлерский пост, г-жа фон Штокмар, супруга многолетнего советника кронпринца и дочь носившей ту же фамилию доверенной дамы принца-консорта Альберта Английского, и, наконец, лидер упомянутой выше группы свободомыслящих

[1] См. Э. Ласкер — Бервальду, 12 сентября 1881 г. Приводится в книге Heyderhoff-Wentzcke, op. cit.

депутат рейхстага Людвиг Бамбергер, парламентский секундант Бисмарка в период создания империи, основатель Немецкого банка и Имперского банка и борец за закон о золотом паритете валюты. Внешне Бамбергер держался очень сдержанно, однако, как стало сейчас* известно, сумел, используя тайные связи при дворе, обеспечить себе на протяжении всего периода девяноста девяти дней такое влияние, которому, вероятно, долго не мог бы противостоять и сам Бисмарк. Хилая, астматическая фигура этого сомнительного политического наблюдателя играла на протяжении девяноста девяти дней роль «доброго соседа». В этом качестве Бамбергер тайно подавал через г-жу фон Штокмар советы императрице Виктории, которая вела борьбу против Бисмарка,— советы, побуждавшие ее внешне документировать, по крайней мере путем некоторых действий, стремления, осужденные неотвратимой судьбой на нереальность в практической жизни[1]. Борьба Атридов в династии Гогенцоллернов символически отражала противоречия в мировом масштабе: господство императрицы, чувствовавшей себя англичанкой, должно было повлечь за собой ликвидацию консервативного режима в Пруссии, и в первую очередь свержение министра фон Путткамера, а также переход Германии на сторону Англии.

Единство внутренней и внешней политики, при котором проблематика отношений обеих сфер растворяется в некоем unio mystica, нашло в лице императрицы Виктории, дочери английской королевы Виктории, свое совершенное выражение. Опасность, грозившая в связи с этим общей политике Бисмарка и особенно его внешней политике, была тем большей, что противники его дружественного русским курса находились не только в лагере левых и центра, но и среди слоя, игравшего в социальном отношении решающую роль. Не только левые, но и высший генералитет считал смертельное заболевание кайзера большим несчастьем[2], конечно, не из-за огорчения по поводу краха либеральных надежд, а из-за исчезновения возможности проводить энергичную антирусскую политику. Переплетение внутриполитических и внешнеполитических мотивов, большое значение всех этих вопросов — таковы причины той ожесточенной борьбы вокруг больного кайзера, подобную которой вряд ли знает история.

Победа английского врача д-ра Морелла Маккензи, который вопреки настояниям немецких врачей длительное время отказывался публично признать факт ракового заболевания у кайзера, была триумфом англичанина над представлявшим противоположную партию врачом — прибалтийским немцем фон Бергманом, которого императрица презрительно называла русским. Отказ диагностировать болезнь как раковую исключал также возможность немедленного отречения больного монарха: ведь ходили слухи, будто им в мае 1887 года была достигнута договоренность со старым кайзером, согласно которой в случае бесспорного диагностирования болезни как рака Фридрих обязуется уступить трон своему сыну Вильгельму. Но до тех пор, пока кайзер не отрекся, все еще существовала опасность внутреннего и внешнего изменения системы. В этой ситуации Бисмарк, вновь проявив все свое искусство интриги и фальсификации и обрушив всю свою ненависть, весь поток до абсурда взвинченной клеветнической кампании в прессе на правительство тяжело больного человека, стремился главным образом исключить возможность внутриполитического переворота, который, по мнению канцлера, привел бы к отказу от его внешней политики. Не приходилось сомневаться,

---

[1] См. дневник Л. Бамбергера о правлении кайзера Фридриха III, опубликованный д-ром Эрнстом Федером в связи со столетием со дня рождения кайзера в октябре 1931 г. во «Франкфуртер цейтунг» и изданный отдельно в 1932 г. под заглавием «Bismarcks großes Spiel».

[2] См. об этом отчеты Л. Лоэ, адресованные Вальдерзее (W a l d e r s e e, op. cit., 1. Bd., S. 119 ff. und S. 151 ff.).

* Написано в 1932 г.

что императрица Виктория, если бы она осталась у власти, стремилась бы к упрочению германо-английских отношений и к ослаблению связей между Германией и Россией (кстати, союз с Англией мог бы считаться даже идеальным вариантом по сравнению с той полной изоляцией, в которой Германия оказалась позднее). Бисмарк, который в своей борьбе за власть не останавливался ни перед какими средствами (например, он снабжал деньгами такую в моральном отношении весьма двусмысленную личность, как «национальный» герцог Эрнст фон Кобург, некогда претендовавший на руководство Германией, с тем чтобы побудить последнего раскрыть прессе секреты кайзеровского дома[1]), вероятно, сам лично понимал, что осторожный лидер противной, либеральной, партии вовсе не желает подрывать в интересах англичан оправдавший себя мирный курс германской внешней политики. Императрице Виктории, которая после смерти свекра вновь вытащила на поверхность старый план женитьбы отрекшегося от престола болгарского князя Александра Баттенберга на своей дочери, Бамбергер велел передать, что, тщательно поразмыслив, он пришел к выводу о весьма неблагоприятной обстановке для осуществления такого плана: во внешнеполитической области возникли острые трения в отношениях с Францией, что требует особой сдержанности по адресу России[2]. Трезвый и реальный политик был более дальнозорким, чем возбужденная маньячка на троне, в качестве которой в данном случае выступала императрица, несмотря на свои выдающиеся умственные способности. Точка зрения Бамбергера неоднократно находила свое выражение и в передовых статьях либеральной прессы, для которой сохранение мира было в конечном итоге гораздо важнее, чем повторная постановка болгарского вопроса. Консервативная печать, постоянно изображавшая всевозможные внешнеполитические опасности, с которыми была связана угроза либерального курса во внешней политике Германии, имела основание заняться собственной грязью. Гораздо более вероятной, чем агрессивный союз с Англией против России под руководством либералов, была возможность, что Бисмарк на худой конец при благожелательной поддержке кронпринца в целях сохранения своих внутриполитических позиций развяжет новую войну с Францией[3]. План проведения агрессивной политики на Востоке не являлся составной частью идейного багажа ни Бисмарка, ни либералов, которые, несмотря на всю свою ненависть к царю, были слишком пацифичны для этого; скорее он отвечал стремлениям военных и аграрных правых кругов, желавших развязать войну с Россией, и притом чем скорее, тем лучше[4]. Подобные тенденции в рядах сторонников Бисмарка делали для него прямо-таки необходимым создание сильного либерального противовеса. Бисмарк внезапно оказался перед реальной опасностью того, что после смерти Фридриха III правое крыло мощного парламентского блока партий, который он сам создал еще до того, как стал известен факт неизлечимой болезни наследника престола, для борьбы против призрака либеральной эры, попытается направить его внешнюю политику в колею, ни в коей мере его не устраивавшую. Такого рода противоречия в рядах противников покойного кайзера представляли для позиции канцлера тем большую опасность, что теперь ему приходилось опираться на молодого монарха, которого в отличие от его предшественников не связывали с основателем империи ни традиции дома, ни чувство почтения.

---

[1] E. F e d e r, Bismarcks großes Spiel (Die Aufzeichnungen L. Bambergers), Berlin 1932, S. 349 (Kaiserin Friedrich an Bamberger 29.4.1888).

[2] F e d e r, op. cit., S. 388 f.

[3] См. L u c i u s, op. cit., S. 452, Eintragung vom 18.5.1883.

[4] Речь идет,— писала 30 апреля 1888 г. «Крейццейтунг»,— не об отдельных разногласиях, которые можно урегулировать, а о глубоких расовых и культурных противоречиях, которые неудержимо толкают к открытому конфликту.

Личность и окружение Вильгельма II

Редко испытываешь больший соблазн привлечь психологические факторы к объяснению исторического процесса, чем при анализе немецкой политики с начала правления Вильгельма II. Тем не менее изображение психологии этого кайзера и его разногласий с Бисмарком вовсе не идентично истории как таковой. Нрав молодого, темпераментного человека, даже столь своеобразный, как в данном случае, не может объяснить ни политических проблем его эпохи и отношения к нему окружающего мира, ни педагогического элемента, обусловившего его воспитание: борьбы великого мажордома Гогенцоллернов и объединившихся в то время с ним консерваторов против либеральной опасности.

Воспитание Вильгельма II, слабости и ошибки этого воспитания являются непосредственным продуктом борьбы различных групп и их руководителей за власть.

Бисмарк и вся выступавшая против императрицы Виктории клика заботливо взрастили в Вильгельме, воспринявшем от своей матери-англичанки гораздо больше черт, чем это ему, вероятно, хотелось, приверженность к феодальному абсолютизму. Мать-англичанка и ее воздействие обусловили, так сказать, физическую сторону этой личности; ее содержание, ее душа формировались главным образом под влиянием пруссачества. Английский элемент был получен Вильгельмом от женщины и характеризовался женским началом: возбудимостью, преодолению которой вряд ли способствовала ранняя женитьба, и повышенной восприимчивостью к необычным впечатлениям. Эти свойства, будучи в определенной степени обусловлены физической конституцией, разумеется, доминировали над всем, хотя иногда многочисленные новые впечатления личного и политического порядка брали верх над врожденными чертами.

В результате воспитание не наложило на его натуру формально прусского отпечатка, а способствовало появлению ряда свойств, отвечавших естественным потребностям этой натуры, в частности, чувства индивидуализма, усилившегося еще больше в результате закалки физически неполноценного тела. Так образовалась личность человека, стремившегося быть пруссаком, не будучи им, восприимчивого и способного, с явно выраженным комплексом неполноценности.

Естественное противоречие, которое должно было возникнуть между государем такого склада и его канцлером, само по себе, вероятно, не привело бы к разрыву, если бы политические интересы не благоприятствовали на протяжении длительного времени такому конфликту. Уже до септенатских выборов Бисмарку, опиравшемуся на умеренных консерваторов во главе с фон Гельдорфом, лишь с трудом удавалось использовать в интересах своей политики более крайние группы, предводительствуемые фон Хаммерштейном, этим образцом твердолобого и коварного феодального фрондёра, не говоря уже о том, чтобы обуздать скандалившее среднее сословие, возглавляемое придворным проповедником Штёккером. Принца Вильгельма и его супругу эти группы считали «своими». 28 ноября 1887 года с благожелательного соизволения принца и принцессы в доме графа Вальдерзее состоялось совещание правящей верхушки, на котором был обсужден вопрос относительно поддержки берлинской городской миссии, возглавляемой Штёккером. На этом совещании принц Вильгельм сам выступил в духе Штёккера, в связи с чем его немедленно начала атаковать пресса свободомыслящих. «Дело бы, вероятно, замяли, однако внезапно ситуация изменилась. Вдруг послышался свист, напоминавший свист приближающегося в горах фена». 11 и 14 декабря в борьбу вмешалась «Норддейче альгемейне цейтунг». В поход против Штёккера выступила вся официозная пресса центристских партий. «Эффект был таков,

словно Тор метнул свой молот»[1]. Бисмарк понял опасность. Стремясь попасть в Вальдерзее, который в то время был ему необходим для борьбы против либеральной угрозы, он направил удар против Штёккера. Развернулась настоящая политическая битва за психику принца Вильгельма, которому некоторое время спустя была приписана фраза: «Канцлер, вероятно, забывает, что я вскоре стану его господином»[2]. Больному кайзеру не удалось положить конец действиям Штёккера. Императрица Виктория считала Штёккера и Вальдерзее своими главными врагами, однако, разумеется, была не в состоянии противостоять ни им, ни неотвратимой судьбе. Со смертью кайзера Фридриха игра императрицы была, казалось, проиграна, перечеркнута, разрушена собственным сыном, который к моменту своего вступления на престол слыл инструментом в руках ее политических противников. Однако самый приход Вильгельма к власти принес крайне правым горькое разочарование. Под руководством Бисмарка Вильгельм II совершил поворот в направлении общей политики сугубо капиталистического избирательного картеля 1887 года, представленного такими именами, как Микель, граф Дуглас, барон фон Цедлиц-Нейнкирх и Блейхрёдер, в результате чего крайне правые вновь оказались в оппозиции. Эта внутриполитическая оппозиция проявлялась также и в области внешней политики[3]. «Крейццейтунг» Хаммерштейна решительнее, чем прежде, примкнула к компании лиц, рассчитывавших путем изменения внешнеполитического курса обеспечить свои экономические интересы, либо же, подобно Вальдерзее, открыть путь для личной карьеры[4].

Подрыв позиций Бисмарка врагами России — военными и аграриями

Внешнеполитическое влияние, которое оказывал на будущего кайзера Вальдерзее, Бисмарк мог заметить еще в апреле 1888 года, когда принц Вильгельм сделал на двух документах ведомства иностранных дел пометки, характеризовавшие его как сторонника превентивной войны против России. В том, кто был инспиратором этой политической точки зрения, сомневаться не приходилось[5].

Смена монарха привела к некоторой разрядке напряженности, что, однако, не было равнозначно миру. Правда, «Крейццейтунг», поддержка которой со стороны Вальдерзее, назначенного в августе 1889 года начальником генерального штаба, временно несколько ослабла, не удалось спасти от полного поражения своего фаворита — придворного проповедника Штёккера, ставшего жертвой натиска аграрно-мелкобуржуазного антисемитизма гессенского толка на религиозно окрашенный социальный консерватизм городского среднего сословия[6]. Тем сильнее было ее стремление побудить «благородного героя» из генерального штаба к новым подвигам в борьбе против канцлера.

[1] См. Walter Frank, Hofprediger Stöcker und die christlich-soziale Bewegung, Berlin 1928, S. 215.

[2] Walter Frank, op. cit., S 223.

[3] Ibid., S. 233.

[4] Относительно этого поворота см. также H. Hefter, Die Kreuzzeitungspartei und die Kartellpolitik Bismarcks, 1927, S. 151.

Правда, я не могу согласиться с его утверждением, будто «Крейццейтунг» оказала поддержку воинственным планам Вальдерзее только из тактических соображений. Напротив, вся политика этой газеты в последующие годы в значительной степени определялась стремлением путем финансовых угроз поставить на колени опасного восточного конкурента. Конечно, подобную политику газета не решалась проводить открыто, пока она имела основания оказывать поддержку Бисмарку.

[5] Факты сопоставлены в работе Hefter, op. cit., S. 154.

[6] Относительно поражения Штёккера см. в книге Hefter, op. cit., S. 154.

Впрочем, Вальдерзее вряд ли нуждался в ободрении. Он уже стремился создать нечто вроде параллельно действующего военного правительства и пытался подчинить непосредственно кайзеру зависевших от имперского канцлера военных атташе[1]. Так началось комбинированное наступление против Бисмарка. Оппозиция Вальдерзее руссофильской внешней политике была поддержана атаками «Крейццейтунг» против конкурента на зерновом рынке, который всеми правдами и неправдами стремился сбыть в Германии свои особо богатые урожаи 1888 и 1889 годов[2].

Аргументы военных и аграриев, которые обычно было не так-то просто привести к общему знаменателю, на этот раз полностью совпали. На стрельбищах и во время парадов Вальдерзее и его доверенный военный министр Верди дю Вернуа настраивали кайзера против конверсии русских займов на берлинском финансовом рынке. Бисмарк, еще два года назад предававший анафеме русские ценные бумаги, почуял опасность, с которой было связано для Германии продолжение прежней политики, и выступил в защиту русских интересов. Это было ему тем легче сделать, что, как зло отмечали его противники, на этот раз в отличие от прежних времен в игре был замешан финансовый советник Бисмарка «бледный Шейлок» Блейхрёдер[3]. Однако ему пришлось встретиться с тем, что метла, которая помогла ему вымести эру Фридриха III, не пожелала возвратиться в свой угол, что, несмотря на шум подчиненной ему прессы[4] и на все свое искусство заклинателя, ему не удалось избавиться от духов, вызванных им самим. Борьба вокруг русских ценных бумаг, сопровождавшаяся генеральскими интригами и шумом в печати и обострившаяся в результате резкой стычки Герберта Бисмарка с кайзером[5], закончилась полным поражением канцлера.

4 июля 1889 года Бисмарк из Фридрихсруэ дал указание ведомству иностранных дел возобновить в печати кампанию против русских ценностей[6]. Осуществление этого мероприятия* лично контролировал совершавший поездку по северным странам на судне «Гогенцоллерн» кайзер, который находился под постоянным влиянием военных и их тайного пособника советника фон Гольштейна из ведомства иностранных дел. Вероятно, по настоянию Гольштейна[7] кайзер распорядился ежедневно сообщать ему на «Гогенцоллерн» по телеграфу о курсе рубля[8]. Биржевая печать констатировала, что за этой новой кампанией против русских ценных бумаг, по сути дела, стоят те же самые лица, которые чувствовали себя ущемленными указом от 1887 года[9]. В том же направлении, что и жалобы на Россию потерпевших

[1] См. Hefter, op. cit., S. 169.

[2] См. Körlin, op. cit., S. 210 ff., а также «Die Kreuzzeitung» v. 17.11 und 16.12.1888.

[3] Ныне (1932) весь этот важный эпизод коротко, но основательно описан в связи с другими событиями генерал-майором Эрнстом Бетке (E. Bethcke, Politische Generäle, Berlin 1930, S. 153 ff.). Рассмотренные мною документы в некотором отношении дополняют работы Бетке и Хефтера.

[4] См. статью в «Норддейче альгемейне цейтунг» от 19 июня 1889 г., а также Hefter, op. cit., S. 170 ff.

[5] См. Hefter, op. cit., S. 170 ff.

[6] Бисмарк — ведомству иностранных дел, 14 июля 1889 г.

[7] См. Waldersee, Briefwechsel, S. 301 u. 314 ff.

[8] 6 июля 1889 г. Берхем сообщил по телеграфу Кидерлену, сопровождавшему Вильгельма II, о том, что курс русских ценных бумаг снизился с 96 до 89,25 пункта и что котировка рубля упала с 208,25 до 206,75. На это Кидерлен под диктовку его величества ответил следующей телеграммой: «Его Величество просит Ваше высокоблагородие выразить Его светлости высочайшую благодарность, поскольку Его Величество убежден, что это мероприятие окажет самое благоприятное воздействие на общую европейскую мирную политику. Его Величество одновременно просит сообщить Его светлости, что погода стоит прекрасная, состояние здоровья превосходно и что путешествие на лоне неожиданно великолепной природы протекает весьма благоприятно» (Архив ведомства иностранных дел).

[9] «Berliner Börsenkurier», 9.7.1887.

* По данным DD (1-me serie, vol. 7, № 406, Эрбетт — Шпуллеру, 14 июня 1889 г.), новая кампания против русских ценных бумаг была вызвана или сопровождалась выпадами берлинского банкира фон Краузе против Блейхрёдера и «русской группы».

ущерб немцев, действовали интересы прибалтийских немцев, многие из которых работали в редакциях немецких газет[1].

Бисмарк попытался ослабить воздействие этой кампании, поднятой в печати, и смягчить впечатление, которое произвело его поражение в вопросе о русских ценных бумагах. 7 июля в «Норддейче альгемейне цейтунг» появилась передовая статья, автор которой явно намекал на подрывную деятельность военных против Бисмарка и, отталкиваясь от известного выражения Клаузевица, распространялся относительно того, что война — это продолжение политики иными средствами. Кайзер, все еще совершавший поездку по северным странам, немедленно распорядился объявить правительственной газете выговор[2]. С этого момента, несмотря на всю маскировку, как внутри страны, так и за рубежом всем стало ясно, что Вальдерзее — сторонник войны на два фронта — является кандидатом на пост канцлера[3]. Великий герцог Баденский полагал, что с этого момента следовало считаться с возможностью того, что рано или поздно канцлеру придется уйти[4].

Изменение позиции канцлера по вопросу о русских ценностях (антирусская оппозиция обвиняла его за это в непоследовательности) соответствовало изменившейся международной обстановке. В 1887 году политика Бисмарка была обусловлена крайним обострением экономического и балканского кризисов. Однако с того времени ввиду улучшения экономической обстановки и исчезновения «английской опасности» в прусском королевском доме отношения между Германией и Россией улучшились. Хорошие урожаи начиная с 1888 года и состояние русских финансов побуждали Россию вновь сблизиться со своим крупнейшим покупателем и одновременно возобновить связи с немецкими банками. 29 июля 1889 года директор восточнопрусской Южной железной дороги сообщил о своей беседе с русским министром финансов, который горько жаловался на финансовую политику Германии. Вильгельм II, натравливаемый военной партией и группой «Крейццейтунг», скептически отнесся к отчету директора и, касаясь требования русского министра о прекращении борьбы против конверсии русских бумаг в Берлине, сделал на полях этого документа пометку: «Этого еще не хватало»[5]*.

Результатом продолжения Берлином подобной политики было постоянное размещение русских займов во Франции и коренное улучшение русско-французских отношений. Еще в ноябре 1888 года, во время кампании Берлина против русских ценных бумаг, в Париже с большим успехом был размещен миллиардный русский заем. Сразу же за этим Париж начал первые поставки вооружения России. Во французской столице появились русские комиссии по испытанию артиллерийских орудий. Немного спустя Франция дала свое согласие на поставку русским полумиллиона ружей, обусловив ее предоставлением заверений, что эти ружья не будут использованы против французов. В день увольнения Бисмарка в отставку де Фресине, под эгидой которого были совершены эти сделки, стал премьер-министром Франции.

Фанфары, возвестившие наступление на внешнюю политику Бисмарка летом 1889 года, явились сигналом к великой битве, которая в конечном итоге должна была завершиться его свержением. Партии уже почуяли, откуда подул ветер. Ойген Рихтер подыграл правой оппозиции. 22 ноября он сделал в рейхстаге запрос по поводу мнимых интриг со стороны военных. Смысл такой

---

[1] Так, например, внешнеполитическим редактором «Крейццейтунг» был прибалтиец фон Унгерн-Штернберг, которого позднее сменил на этом посту прибалтиец Т. Шиман. Прибалтийцем был также известный защитник Каприви генеральный консул Юлиус фон Эккардт.

[2] См. H e f t e r, op. cit., S. 171.

[3] См. L u c i u s, op. cit., S. 504, Eintragung vom 8.9.1889.

[4] См. H e f t e r, op. cit., S. 173.

[5] Архив ведомства иностранных дел.

* См. также R a s c h d a u, op. cit., S. 77.

постановки вопроса состоял в том, чтобы взять военные власти под защиту от ненавистного канцлера[1]. Военный министр фон Верди дю Вернуа ответил ему под бурные аплодисменты со стороны левых, а «Крейццейтунг» заявила, что постановка такого вопроса является заслугой Рихтера[2].

Тактика консерваторов и Вальдерзее в их большой борьбе полностью соответствовала указаниям придворного проповедника Штёккера, содержавшимся в его письме, которое лишь позже стало известно общественности. Необходимо, подчеркивал он, «поджечь костры вокруг картеля» 1887 года и лишить таким образом Бисмарка его внутриполитической базы; надо попытаться посеять раздоры между ним и кайзером и свергнуть канцлера руками кайзера. Обострению политического кризиса способствовала начавшаяся подготовка к выборам в рейхстаг, проходившая полностью под знаком наступивших с 1887 года затруднений с зерном, результатом которых явилось вздорожание хлеба. Тем самым к нажиму, который оказывался на Бисмарка справа, присоединился нажим со стороны непрерывно растущей по своему значению левой оппозиции. Трещины в здании, возведенном Бисмарком, скрыть уже нельзя было. Канцлеру казалось, что, для того чтобы иметь возможность одновременно оказывать сопротивление все более непокорным партиям, с одной стороны, и кайзеру — с другой, ему необходимо встать на путь более или менее откровенной диктатуры. Он рассчитывал, что, возвратившись к неконституционным методам начального периода своего правления, он сумеет одним взмахом решить социальные вопросы, подрывавшие его позицию, и намертво связать с правительством как кайзера, так и партии картеля. Со своей стороны кайзер, старательно подстрекаемый интриганами, пытался противиться тенденции к установлению такой диктатуры, добиваясь мирного решения социальных вопросов [3]. Ввиду предстоявших выборов в рейхстаг диктаторскому решению проблемы противились и партии. Особенно добивались смягчения закона о социалистах национал-либералы под руководством Микеля. Канцлер, который был заинтересован в том, чтобы и в дальнейшем иметь в своем распоряжении проявивший себя столь услужливым избирательный картель 1887 года, вероятно, был готов пойти навстречу партиям картеля. Однако он не желал проявлять в этом отношении инициативы, ибо хотел взвалить на партии вину за смягчение закона о социалистах и тем самым держать открытым путь к установлению диктатуры,— возможность, с которой он, по всей вероятности, считался уже в тот ранний период[4]*. Эта политика Бисмарка была перечеркнута крайне правыми. В силу ясно очерченной позиции правительства решение консерваторов голосовать за смягченный закон о социалистах лишь в том случае, если правительство согласится на такое смягчение, означало открытый разрыв. Тем самым крайне правые возлагали на канцлера всю ответственность за политику, ведущую

---

[1] Рихтер в рейхстаге, 22 ноября 1889 г.

[2] Hefter, op. sit., S. 174.

[3] Относительно плана установления диктатуры см. Egmont Zechlin, Staatsstreichpläne Bismarcks und Wilhelms II., 1894, Stuttgart und Berlin 1929. По мнению Цехлина (стр. 37), с 24 января 1890 г. подобного рода планы занимали Бисмарка по меньшей мере в такой же степени, как и стремление предпринять последние попытки мирного решения проблемы, а самое позднее с 12 марта 1890 г. эти планы завладели им полностью.

[4] Этим, по мнению Цехлина (стр. 9 и след.), объясняется противоречие между заявлениями, сделанными Бисмарком левому консерватору и сторонника картеля партийному лидеру фон Хельдорфу-Бедра (25 ноября 1889 г. и 14 января 1890 г. Бисмарк заявлял Хельдорфу-Бедра, что не может обещать уступок со стороны правительства в вопросе о законе о социалистах), и многократно доказанным фактом, что Бисмарк, по-видимому, желал, чтобы партии картеля достигли согласия относительно закона о социалистах.

* По данным DD (1-me serie, vol. 7., № 552, 554; Эрбетт — Шпуллеру, 10 и 11 февраля 1890 г.), Бисмарк тогда тайно натравливал французов против требования о восьмичасовом рабочем дне и запрещении воскресной работы, с тем чтобы парализовать кайзеровскую политику на запланированной международной конференции по социальным вопросам.

к государственному перевороту; эта политика явилась бы полной противоположностью социально-реформаторских планов кайзера, уже ставших достоянием общественного мнения. Канцлер оказался перед необходимостью либо приспособиться к этому социально-пацифистскому курсу, либо откровенно раскрыть свои планы государственного переворота.

Ввиду провала закона о социалистах партии картеля выступали в ходе предвыборной борьбы разрозненно.

Выборы 20 февраля 1890 года ознаменовались огромным успехом социалистов и свободомыслящих. А это означало, что у канцлера остался только один выход, мысль о котором владела им уже около месяца: через пять дней после выборов он пытался побудить кайзера поссориться с большинством рейхстага и народа, выдвинув еще более суровый закон о социалистах и предложив энергичный военный законопроект[1]. Когда же кайзер, не в последнюю очередь под влиянием консерваторов, не решился на проведение более решительной антисоциалистической политики, канцлер разыграл 4 марта свой последний козырь: предложил использовать военный законопроект для того, чтобы взорвать рейхстаг[2]. В стране, говорил он кайзеру 15 марта, должна быть создана такая неразбериха, такой хаос, чтобы никто не мог понять, чего добивается кайзер своей политикой[3].

Ведя борьбу против навязываемой ему его управляющим опеки, кайзер находился под постоянным воздействием политической оппозиции, которая после смерти Фридриха III все более энергично выходила на битву с канцлером. Уже в январе клика либеральных политиков, которых смерть Фридриха III лишила государственной кормушки, достигла взаимопонимания с Вальдерзее. Враждебно относящийся к Бисмарку бывший начальник адмиралтейства фон Штош, доверенное лицо крупной промышленности, с нетерпением ждал назначения канцлером Вальдерзее. Лиса Микель также почуял, куда дует ветер, и примкнул к данной группе. В этой борьбе на стороне Вальдерзее была вся военщина, особенно карьеристы бюргерского происхождения, которые впоследствии своим еще более широким участием в империалистической агитации против России оправдали недоверие к ним Бисмарка. Майор Кайм, которого Бисмарк подверг наказанию, и Либерт, ставший позднее губернатором Германской Восточной Африки, старались проявить себя по возможности еще большими врагами Бисмарка, чем издавна враждовавшие с ним феодалы Бронзарт фон Шеллендорф и начальник военного кабинета фон Альбедиль.

После выборов в рейхстаг Вальдерзее счел, что он уже у цели. Он не мог предполагать, что в лице командующего X армейским корпусом фон Каприви, который, будучи начальником адмиралтейства, удерживал флот в узких рамках и слыл сторонником союза с Англией и идеи войны на два фронта, он имеет конкурента на пост имперского канцлера,— конкурента, уже рекомендованного самим Бисмарком и превосходившего Вальдерзее характером и способностью к трезвому мышлению. Предчувствуя верную победу, начальник генерального штаба отбросил всякую осторожность: 15 марта, после длительного периода некоторой сдержанности, он решил, что наступило время нанести последний удар своему падающему противнику. «И вот,— пишет он в своих мемуарах,— я впервые откровенно изложил кайзеру свое мнение о князе; на этот раз я был беспощаден». В этот день Вальдерзее и Вильгельм II расстались как бы накануне дворцовой охоты[4]. «С охотничьим приветом»,— этими словами кайзер закончил беседу, в ходе которой был решен вопрос о свержении первого канцлера. Победа Вальдерзее была одновременно и победой тайного врага

---

[1] См. Zechlin, op. cit., S. 230 ff.
[2] Ibid., S. 70.
[3] Ibid., S. 78. ff.
[4] См. Hefter, op. cit., S. 216.

Бисмарка в ведомстве иностранных дел, змеи, вскормленной им на своей груди. Руководитель политического отдела Фриц фон Гольштейн, уже давно поддерживавший связь с Вальдерзее, в конце концов добыл ему также и материал, который был использован для того, чтобы натравить кайзера на канцлера[1]. В результате отпадения всех друзей и открытого сопротивления кайзера политике диктатуры попытка Бисмарка в последний момент опереться на Партию центра не дала результата. Откровенный отказ консерваторов, даже их левого крыла, показал падающему гиганту, что у него не осталось больше друзей. 14 марта Хельдорф информировал кайзера, что консерваторы выступают против последней внутриполитической программы Бисмарка. В это же время партийный лидер граф Лимбург-Штирум заявил, что с Бисмарком больше невозможно вести переговоры[2]. Таким образом, Бисмарк в конечном итоге обязан своим падением возобновившейся оппозиции собственных братьев по сословию и классу. Он стал жертвой старой Пруссии, ради которой, хотя и вопреки ее воле, он основал империю: этого-то она никогда не простила ему полностью.

Поскольку Германия не была парламентским государством, смена правительства не означала, что власть прямо перейдет в руки прежней политической оппозиции. Тем не менее нельзя отрицать, что призванные к власти люди имели опосредствованную связь с партиями, выступавшими против Бисмарка в рейхстаге: и тех и других объединяло отрицательное отношение к прежней системе, нарушавшей их интересы. Данное обстоятельство на время нейтрализовало разнородность этих интересов.

Внутренняя политика Бисмарка во время этого последнего эпизода, в случае если бы он смог ее продолжить, обеспечила бы его традиционной внешней политике гораздо более сильную поддержку, чем та, которой она пользовалась до сих пор, когда канцлеру приходилось считаться с различными составными частями картеля. Во всяком случае намеченное им беспощадное подавление масс, выступающих с социальными требованиями, всегда считалось в Пруссии залогом хороших отношений с Россией и союза, направленного против Польши, которую оппонент Бисмарка Вальдерзее, руководствуясь соображениями своей военной политики, хотел бы видеть восстановленной.

Непосредственно перед свержением Бисмарка противники, сражавшиеся за руководство империей, обменялись оружием. Бисмарк, сам по себе не являвшийся милитаристом, пытался использовать большой военный законопроект, который военный министр Верди дю Вернуа держал в резерве, для того чтобы разбить своих внутренних врагов, в то время как кайзер, руководствуясь советами Вальдерзее и великого герцога Баденского, стремился избежать выдвижения этого законопроекта, который в конечном итоге все же в большей степени отвечал идеям генерального штаба, чем духу внешней политики Бисмарка. Стала даже обсуждаться мысль о сокращении срока военной службы до двух лет.

Как выяснилось позднее, это был весьма двусмысленный план, связывавший мнимый отход от прежних позиций, завоеванных военщиной, с идеей увеличения численности армии. Тем самым пробивал себе дорогу демократический империализм, вышедший далеко за рамки внешней политики Бисмарка.

При всем этом возможности, обусловленные данной ситуацией, носили чисто тактический характер и как таковые не оказывали на первых порах никакого внешнеполитического влияния. Борьба находившегося в руках Вальдерзее молодого кайзера против Бисмарка, во время заключительного эпизода которой определенную роль сыграло возмущение кайзера тем, что

---

[1] См. Waldersee, Denkwürdigkeiten, 2. Bd., S. 85, Eintragung vom 2.1.1890.
[2] Hefter, op. cit., S. 231.

Бисмарк якобы утаивал информацию относительно русской опасности, на первых порах, бесспорно, означала победу в империи врагов России. Наряду с «Крейццейтунг», воображавшей, что она достигла цели, и генералом Вальдерзее, узнавшим вскоре с глубокой печалью, что кайзер «слишком ценит его», чтобы назначать на пост имперского канцлера, в качестве истинного победителя выступал человек, которому обычно приписывают решающий поворот в германской внешней политике,— закулисная фигура Фриц фон Гольштейн[1].

---

[1] Поэтому совершенно ошибочна оценка Моммзена, утверждавшего, что для партий внешнеполитические мотивы не играли при свержении Бисмарка никакой роли. Напротив, как достаточно убедительно доказывается в этой главе, немецкие партии вовсе не были больше согласны с умеренной политикой Бисмарка, в отличие от того, что имело место еще в 1878 г. Во всяком случае, «Крейццейтунг» самым резким образом выступала против бисмарковской внешней политики. В своей в целом весьма интересной книге Валь (A. W a h l, Deutsche Geschichte von der Reichsgründung bis zum Ansbruch des Weltkriegs, Stuttgart 1929 ff., 2. Bd., S. 554 f.), на мой взгляд, также недооценивает внешнеполитические мотивы свержения канцлера.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПО ПРИНЦИПУ «МАЯТНИКА»*

Социально-экономические предпосылки мировой политики

Обычно начало периода германского империализма в собственном смысле этого слова датируют временем свержения Бисмарка. Для этого, бесспорно, есть определенные основания. Бисмарк на протяжении всей своей жизни никогда не был в прямом смысле империалистом, он никогда не стремился

---

* Общая дипломатическая история этого времени рассматривается Германом Онкеном (Hermann Oncken, Das Deutsche Reich und die Vorgeschichte des Weltkrieges, 2 Bde., Leipzig 1933). Книга умная и очень хорошо написана, однако автор ограничивается чисто политической сферой, а позиция его зачастую является партийно-националистической. С точки зрения рассматриваемых здесь процессов она дает мало.

Интересно и хорошо написана, как и его предыдущая работа о Бисмарке, книга Эриха Эйка (Erich Eyck, Das persönliche Regiment Wilhelms II., Politische Geschichte des Deutschen Kaiserreichs von 1890 bis 1914, Zürich 1948). Будучи швейцарцем, Эйк значительно превосходит по своей объективности таких исследователей, как Онкен. Достаточно сравнить, например, превосходное изображение им решающих событий 5 июля 1914 г. с соответствующим абзацем у Онкена, который замалчивает самое главное. Тем не менее в целом исследование Эйка недостаточно глубоко; его источниковедческая база слишком узка, а экономическую сторону он видит лишь тогда, когда она становится объектом политических переговоров.

Подробную картину развязывания войны и ее предыстории рисует нам трехтомная работа Луиджи Альбертини (Luigi Albertini, Le Origini della Guerra Mondiale, Mailand 1943). Однако автор этой книги чересчур концентрирует свое внимание на истории последних тридцати дней; вся же предыстория от Венского конгресса до 1914 г. изложена в одном томе. Работа направлена на доказательство одного не очень оригинального тезиса, который сводится к тому, что государственные деятели 1914 г. были посредственностями, не знавшими своего ремесла. Автор не знаком с материалом относительно социологических предпосылок, например, бурской проблемы, марокканского конфликта или миссии Лимана фон Сандерса. Все эти конфликты изображены у него недостаточно внятно. Тем не менее его работа имеет и много положительных сторон. К их числу относится подчеркивание итальянского вопроса в рамках тогдашней мировой политики, вопроса, который в настоящей работе не рассматривается за недостатком места.

Кратко, ясно, просто и по-деловому написана книга Пьера Ренувена (Pierre Renouvin, La Crise Européene et la Grande Guerre, Paris 1934). Изложение ведется с 1904 г. Автор придерживается умеренных позиций в отношении известного французского тезиса о виновниках войны.

Классической английской работой относительно дипломатической предыстории мировой войны со времени Бисмарка является книга Джорджа П. Гуча (George P. Gooch, Before the War, Studies in Diplomacy, 2. vols., London 1938).

Вполне приемлема для изучения экономической и социальной истории книга социолога У. Ф. Брука (W. F. Bruck, Social and Economic History from William II to Hitler, Oxford 1938), содержащая интересные данные, особенно о социальной структуре Пруссии и управлении ее экономикой.

По вопросам, касающимся данной главы, см. в первую очередь книгу Уильяма Л. Лангера (William L. Langer, The Diplomacy of Imperialism, 2. vols., New York 1935. Ниже она цитируется как «Diplomacy»). Эта работа представляет собой непосредственное продолжение исследования того же автора «Alliances and Alignments».

к тому, чтобы дополнить содействие покровительственным пошлинам и образованию картелей внутри страны применением средств внешнеполитического давления в пользу промышленной экспансии. В своей колониальной политике он использовал благоприятную обстановку, однако никогда не создавал новой конъюнктуры.

Подобно тому, как в период основания империи уже некоторое время активно действовали экономические силы будущего (хотя из-за тогдашней ситуации в Германии и своеобразия личных качеств Фридриха Вильгельма IV они еще не были в состоянии оказывать политическое влияние), в период политики Бисмарка, враждебной всяким авантюрам, уже созревали экономические предпосылки империализма, которые, усиливая всеобщую внешнеполитическую опасность возникновения конфликтов на Западе и на Востоке и особенно содействуя росту затруднений в русско-германских отношениях, способствовали подрыву позиций Бисмарка. С начала восьмидесятых годов процесс промышленной концентрации и картелизации, вызванный кризисом семидесятых годов, полностью преобразовал Германию, создав новые проблемы как во внутренней, так и во внешней политике. Первые признаки этого появились еще в начале семидесятых годов. Правда, возникновение первого германского горнопромышленного треста «Дортмундер унион» не было результатом планомерной политики концентрации, проводимой крупными банками: создание этого треста диктовалось необходимостью навязать глупой немецкой публике по возможно более дорогой цене нажитые спекулятивным путем земельные и промышленные владения пресловутого грюндера д-ра Штроусберга и неудачные грюндерские предприятия Ганземана[1]. Родственное этому тресту акционерное общество «Гельзенкирхенер бергверкс-АГ» также было не столько продуктом тщательного расчета, сколько итогом промышленной спекуляции,— истинным дитятей своего отца Фридриха Грилло. Во всяком случае, и дух грюндерства и сами грюндеры тех лет предваряли будущее развитие. То, что им не удалось из-за их спекуляций на повышении, стало действительностью под давлением нужды. После 1880 года во всей промышленной области уже существовали в зародышевом состоянии современные промышленные объединения. Те, кто пережил период краха, боролись изо всех сил за свое расширение, стремясь подавить малых. «Гельзенкирхенер бергверкс-АГ» закладывало основы для будущего угольного синдиката; «Феникс бергбау», где на первых порах превалировала вторичная обработка, превратился в предприятие смешанного типа. Крупп в 1886 году приобрел сталелитейный завод «Аннен», в 1889 году — рудник «Минетте» (Лангенберг) в Лотарингии, в 1893 году — завод «Грузон» под Магдебургом. Август Тиссен, владелец двух прокатных заводов в Мюльгейме на Руре, уже с 1871 года покупает паи горного общества «Дейчер кайзер», приобретает в начале восьмидесятых годов горную разработку «Рейнланд», обосновывается в 1887 году в Хамборне и начинает в 1890 году строительство металлургического завода в Брюкхаузене на Рейне[2]. Образованию этих гигантских промышленных концернов, которому особенно благоприятствовали потребности промышленной экономики и которое вскоре привело к повсеместному возникновению синдикатов и картелей,' соответствовал теперь процесс концентрации и в некоторых перерабатывающих отраслях промышленности. Это особенно сказывалось на электропромышленности, перешедшей к использованию турбин или паросиловых установок, где потребность в свободном капитале возникала в таких масштабах, в каких им не располагало ни одно частное

[1] См. по этому вопросу новую (1932) работу Германа Мюнха (Hermann Münch, op. cit., S. 180 ff.). Правда, из-за того, что книга носит мемуарный характер, в ней недостаточно четко выступает истинная суть этих предприятий.

[2] Данные частично почерпнуты у А. Троса (A. Troß, Der Aufbau der Eisenkonzerne Deutschlands, Berlin 1923, S. 34, 58), а также у Хюбнера (E. Hübner, Die deutsche Eisenindustrie, Leipzig 1913, S. 130 ff.).

лицо — и тем более в Германии с ее слабым рынком капиталов. Поэтому электропромышленность больше, чем все другие отрасли, нуждалась в сотрудничестве с банками, что, учитывая заинтересованность банков в устранении риска и конкуренции между своими подопечными, в свою очередь влекло за собой форсированное трестирование. Крупному концерну «Сименс унд Гальске», связанному с Немецким банком, во главе которого стоял двоюродный брат Вернера Сименса Георг фон Сименс, противостояла компания АЭГ Эмиля Ратенау, связанная с банком «Берлинер хандельсгезельшафт» Карла Фюрстенберга[1].

Обычно так это и бывает: процесс концентрации производства сопровождается процессом концентрации финансового капитала, концентрации банковского дела. Только крупные банки с большой сетью филиалов или, во всяком случае, с большим количеством консорциальных отделов при провинциальных банковских институтах были в состоянии удовлетворить огромные финансовые требования, предъявляемые развивающейся германской промышленностью к стране, которой, как правило, не хватало традиционного старого богатства и капитала доиндустриального периода. Концентрация германских капиталов в руках немногих крупных банков явилась существенной предпосылкой для широких финансовых операций во всех частях земного шара и служила интересам поддержки германской промышленности на мировом рынке. Процесс концентрации резко усилился под влиянием кризиса семидесятых годов, когда многие только что возникшие банки терпели крах, не выдерживая борьбы со своими более активными конкурентами[2]. К 1911 году капитал Немецкого банка возрос до 200 миллионов марок и достиг размеров капитала Дрезденского банка и банка «Дисконтогезельшафт»; капитал Дармштадтского банка составлял к тому времени 160, банка «Шааффхаузенше банкферейн» — 145, банка «Берлинер хандельсгезельшафт» —110 миллионов марок и т. д. Фактически же капитал этих банков был значительно больше. Так, благодаря поглощению таких банков, как «Бергиш-меркише банк», «Шлезише банкферейн», Ганноверского банка, «Магдебургер ипотек- унд вексельбанк», «Эссенер кредитанштальт» и т. д., капитал, фактически контролируемый Немецким банком, в 1911 году составлял около одного миллиарда марок[3].

Концентрация банковского дела в свою очередь стимулировала дальнейшую концентрацию производства. Будучи, вообще говоря, порождением промышленного развития, концентрация капиталов в крупных банках по мере ее собственного роста предопределяла расширенную концентрацию производства[4]. Контроль банков над промышленностью обеспечивался открытием текущих счетов предприятий, эмиссией ценных бумаг, непосредственным участием банков в производстве, направлением своих представи-

---

[1] Здесь названы, конечно, только важнейшие банковские связи обоих концернов в действительности каждый из них был связан еще с целым рядом банков.

[2] См. Jacob Rießer, Die deutschen Großbanken und ihre Konzentration etc., Jena 1910, S. 479, а также Georges Diouritch, L'Expansion des Banques Allemandes à l'Etranger, Paris 1908, p. 31.

[3] Henri Hauser, Les Mèthodes Allemandes d'Expansion Economique, Paris 1915, p. 70 f.

[4] См. O. Jeidels, Das Verhaltnis der Großbanken zur Industrie, Leipzig 1905, S. 252. Особенно характерно для сознательного содействия росту концентрации производства со стороны крупных банков следующее заявление Ганземана, сделанное им от имени Кирдорфа и Грилло 23 апреля 1881 г. на общем собрании членов акционерного общества «Гельзенкирхенер бергверкс-АГ»: «Мы полагаем... что в общих интересах всей угольной промышленности устранить существующую ныне большую раздробленность предприятий путем создания крупных промышленных объединений с единым производством и управлением. Тем самым, во-первых, удалось бы максимально компенсировать риск, которому подвергаются отдельные общества под воздействием ряда стихийных событий. Во-вторых, дальнейшая реализация этой идеи способствовала бы стабилизации угольного дела, ибо нынешние огромные колебания, в сущности, вызваны раздробленностью торговых диспозиций и отсутствием соответствующего производственного планирования».

телей в наблюдательные советы. Банки вовлекали видных промышленников в орбиту своих собственных интересов. Так, Густав Гартман, Ленц, Тиссен, Шпетер, Гийомэ, Сименс, Ратенау вошли в наблюдательные советы крупных банков. Со своей стороны, банки через наблюдательные советы получили контроль над целыми промышленными комплексами и таким путем оказывались связанными с другими банками. Скажем, зная, членами каких наблюдательных советов были Адольф фон Ганземан и в особенности Артур фон Гвиннер, легко увидеть тесную связь банка «Дисконтогезельшафт» с акционерными обществами «Бохумер бергверкс-АГ» и «Гельзенкирхенер бергверкс-АГ», с Земельным банком в Берлине, с фирмой «Дортмундер унион», с компанией Чанчуньской железной дороги и Чанчуньских горных копей, с Немецко-Азиатским банком, с банком «Прейссише центральбоденкредитбанк», с Северогерманским банком или связь Немецкого банка со следующими предприятиями: с Анатолийской железнодорожной компанией, с Немецким заморским банком, с акционерным обществом «Электрише лихт- унд крафтанлаген АГ, Берлин», с акционерным обществом «Нейе Бельвю АГ фюр грундштюкфервальтунг», с акционерным обществом «Сосьете де шмэн де фер Оттоман Салоник — Монастир», с акционерным обществом «Сосьете дю Пор де Хайдар-паша, Константинополь», с обществом с ограниченной ответственностью «Сименс бразерс, лимитед, Лондон», с обществом «Дейче тройхандгезельшафт, Берлин», с банком «Банк фюр электрише унтернемунген, Цюрих». Приведенный здесь перечень участия банков в промышленности далеко не исчерпан. К тому же, как уже указывалось, помимо контроля банков, осуществляемого путем членства банковских представителей в наблюдательных советах, а также путем приобретения банками промышленных акций, существовала и возможность прямого контроля. Кроме продемонстрированных, можно привести еще некоторые примеры. Так, Немецкий банк прямо или косвенно контролировал фирмы «Сименс унд Гальске», «Северогерманский Ллойд», «Дейче юберзейше электрицитетсгезельшафт», «Гезельшафт фюр электрифицирунг дер хох- унд унтергрундбанен», «Обершлезише коксверке». В свою очередь банк «Дисконтогезельшафт» контролировал фирмы «Гельзенкирхен», «Дортмундер унион», «Кали Ашерслебен», пароходную компанию ГАПАГ, «Бохумер ферейн», военный концерн Людвига Лёве и т. д. Дрезденский банк контролировал металлургический завод «Лаурахютте», банк «Берлинер хандельсгезельшафт», акционерное общество «Харпенер бергбау АГ», акционерное общество «Гиберниа». Наконец, банк «Шаафхаузенше банкферейн» контролировал горные акционерные общества «Аумец Фриде» и «Сан Авольд».

Так как согласно германским законам число мест в наблюдательных советах, которые вправе занимать одно лицо, не было лимитировано, ведущие крупные концерны фактически оказались в руках незначительной группы людей, которые олицетворяли собой, таким образом, и промышленные и банковские монополии. Так, во всех наблюдательных советах фирм, относившихся к сфере влияния Нобеля, помимо гамбургского представителя банка «Дисконтогезельшафт» Макса Шинкеля, бывшего, кстати, важнейшей фигурой довоенного германского империализма, можно встретить кёльнского банкира Луи Хагена, установившего рекорд по занятию постов в наблюдательных советах в предвоенной Германии, всемогущего генерального директора Кирдорфа из акционерного общества «Гельзенкирхенер бергверкс-АГ», генерального директора Мюзера из Харпена и двух адмиралов в отставке, занимавших видные посты в имперском военно-морском ведомстве. Обеспечение необходимого воздействия на государство, являвшееся важнейшим заказчиком и покупателем промышленной продукции, было в то время одной из главных социологических задач крупной промышленности.

Стимулируемый банками общий процесс концентрации производства и возникновение гигантских современных предприятий обусловливали,

с одной стороны, постоянно растущую потребность в промышленном сырье, а с другой — тенденцию картелей (известную под названием демпинга) компенсировать себя за ограниченный спрос на внутреннем рынке, где цены на реализуемые товары поддерживались на более высоком уровне за счет пошлин, с помощью экспорта товаров по бросовым ценам. К этому самым активным образом побуждали и даже, можно сказать, вынуждали промышленность стоявшие за ней крупные банки. Природа немецких банков как банков-универсалов с логической неизбежностью предопределила и возникновение немецких зарубежных банков. В задачу последних входило оказание самого активного содействия германской оптовой торговле и германским промышленным картелям в их экспансии за пределами страны и, в частности, на заморских территориях. Кроме того, зарубежные банки взяли на себя страховку экспортного и импортного финансирования и компенсацию валютных колебаний при международных сделках[1]. Прообразом таких банков явился основанный в 1886 году немецкий заморский банк, бывший дочерним предприятием Немецкого банка и предназначавшийся для связей с Южной Америкой, в частности с Аргентиной. Вскоре Немецкий заморский банк обрел себе соперника в лице созданного банком «Дисконтогезельшафт» Бразильского банка для Германии, монополизировавшего финансирование германского импорта кофе. Подобного рода банки сумели через Южную Америку распространить сферу своего влияния даже на страны Старого света и принять участие в финансировании традиционной торговли Испании с ее бывшими колониями[2].

К важнейшим событиям такого рода относится также открытие в 1884 году в Милане банка «Банка коммерчиале Италиана», возникшего при содействии Немецкого банка, банка «Дисконтогезельшафт», Дрезденского банка, банка «Берлинер хандельсгезельшафт» и банка «Шаффхаузенше банкферейн» и служившего интересам германской промышленности. Особых успехов в этом отношении добилась электропромышленность, опиравшаяся на «Цюрихер электробанк» в Италии: фирма «Сименс — Шуккерт» открыла свои филиалы в Генуе, Неаполе, Флоренции и Палермо, фирма «Сименс унд Гальске» — в Тоскане, Умбрии и т. д.

Осуществлявшаяся любой ценой, при необходимости даже путем экспорта товаров по бросовым ценам, промышленная экспансия экономически находилась в тесной связи с растущим потреблением сырья: оплата сырья могла производиться лишь при форсированном сбыте товаров[3]. Для государства, которое было основным промышленным заказчиком и чиновники которого занимали двоякое положение — носителей публичных прав и, независимо от этого, лиц, персонально экономически заинтересованных в тесном контакте с промышленностью, необходимость вместе с крупными банками неуклонно содействовать развитию германского экспорта предопределялась уже одними валютными соображениями[4].

Эта задача, сочетаемая с проблемой, как уберечь от катастрофы население в связи с ежегодным приростом примерно в 800 тысяч человек, была,

---

[1] См. R i e ß e r, op. cit., S. 317 ff.

[2] Интересные подробности на этот счет см. в цитированном сочинении ГенриХаузера (стр. 87). Данная книга, хотя она и выпущена во время войны, представляет большой научный интерес и разительно отличается в этом отношении от других работ того времени.

[3] При этом мы оставляем открытым вопрос о том, действительно ли, как утверждает Зомбарт, процентная доля экспорта довоенной Германии в ее общей продукции, или так называемая экспортная квота, неуклонно падала (факт, который можно объяснить непрерывной индустриализацией областей, не имевших решающего значения для собственной империалистической экспансии). Характер ответа на данный вопрос нисколько не меняет ни факта неизмеримого абсолютного роста экспорта, ни проблемы экспорта и импорта в целом.

[4] Ведущую роль крупных банков при решении этой проблемы подчеркивает Риссер (op. cit., S. 390), полемизируя с Ейделем.

однако, разрешима лишь до тех пор, пока германская продукция сохраняла, по сути дела, монопольное положение на внутреннем рынке, ограждавшее его от наводнения иностранными товарами, и пока она обеспечивала непрерывный рост экспорта, в особенности в Швейцарию, Испанию, Северную Италию, Россию и Южную Америку. Какие бы суждения ни высказывались относительно влияния увеличения населения на процесс производства в Германии, а также относительно самой причины роста народонаселения (марксисты, например, связывали это с наличием некапитализированной территории, экономическое развитие которой предоставляло временную возможность несколько улучшить питание рабочих; немарксисты же, напротив, полагали, что причины роста народонаселения коренятся в улучшившихся гигиенических условиях и росте благосостояния[1]), эти тенденции могли, во всяком случае, действовать только до тех пор, пока они не встречали препятствия в лице эффективной иностранной конкуренции, которая была в состоянии монополизировать некапитализированные территории для себя и снизить цены внутри страны.

С точки зрения истории экономического развития Германии, а следовательно, и истории германского империализма возникает, таким образом, важная проблема, заключающаяся в выяснении особых возможностей, определявших специфику развития Германии. Не говоря уже о наличии богатых природных запасов угля, самых крупных в мире залежей калийной соли, рудных богатств Лотарингии и, наконец, необходимого резерва рабочей силы, постоянно пополняемой за счет сельского населения, Германская империя в этом отношении располагала еще одним фактором, которого другие народы были лишены. Мы имеем в виду культурное и социологическое воздействие ее многообразных партикуляристских традиций. Независимо от оценки этих традиций с точки зрения этики, морали и культуры, они, во всяком случае, способствовали усилению позиций Германии в мировой империалистической конкурентной борьбе. Ее территориальная и государственная раздробленность обусловила, с одной стороны, развитие многогранного общего и университетского образования, что при общем прогрессе науки и техники и в результате действия указанных выше специфических факторов оказывало стимулирующее, плодотворное влияние на экономический прогресс и вместе с тем на развитие империализма. С другой стороны, раздробленность Германии спасла, уберегла от уничтожения средние классы во времена всемирного поворота; она помогла превратить предвоенную Германию в подлинное государство науки и техники, бывшее предметом всеобщей зависти. Даже та сторона германской действительности, которую обычно считают отрицательной, имела частично и весьма положительное значение. Мы имеем в виду эмиграцию немцев за океан, которая, как известно, самым тесным образом связана с раздробленностью Германии, порождавшей социально-экономические трудности, а в рассматриваемый период, естественно, являлась также еще одним из последствий мирового аграрного кризиса. Именно эта эмиграция создала важнейшие предпосылки для германской промышленной экспансии. Возрождение у германских эмигрантов чувства национального самосознания было одной из важнейших задач германского империализма, решенной им, правда, лишь частично. В то же время меняется характер германской зарубежной эмиграции. Наряду с собственно эмигрантами прежнего типа появляется коммивояжер — торговый агент, сохраняющий все связи с Германией; империализм таким путем снова подкармливает разоряющееся среднее сословие.

Тем самым полностью изменяются идейные предпосылки мировой политики. Среднее сословие, в прошлом средоточие и источник иррационального

[1] Примерно такой же точки зрения придерживается Зомбарт (S o m b a r t, Der moderne Kapitalismus, 3. Bd., S. 357 ff.).

романтического образа мыслей, после векового гнета под влиянием рационально-либерального мира вновь обретает свое место. Капитализм сам перестраивается и приемлет иррациональные расовые мотивы. Расово-романтическое начало в искусстве, преломленное в капиталистическом духе, превращается в мещанскую безвкусицу, используемую в целях пропаганды мировой политики. Так наступает вильгельмовская эпоха. Политика концернов, монополии, брожение в среднем сословии, милитаризм и иногда антисемитизм в экономике и внутренней политике, приспособление еще имеющихся остатков либеральных идей к интересам политики силы — вот что составляет основу новой Германии, что определяет мышление кайзера, давшего имя всей этой эпохе. Харниш и Хабибарт, Заальбург и сага об Эгире, верность Нибелунгов и сталь Крупна — таков язык этого периода.

Все это находится в противоречии друг с другом. Финансовый капитал со своим неутомимым стремлением к экспансии в период своего наивысшего расцвета непосредственно перед мировой войной не мог серьезно и думать о том, чтобы когда-либо нарушить связи с Лондоном, этой мировой расчетной палатой. Учитывая содействие, оказываемое Британской империей экспорту германского финансового капитала, последний продолжал придерживаться английской ориентации также и в период, когда интересы промышленной и аграрной политики, флота и среднего сословия уже давно вызывали один конфликт за другим.

Поэтому, когда пал Бисмарк, было ясно только то, что пути Германии ведут в открытый мир; по поводу же конкретного политического курса существовали самые различные мнения. Очень многое, если не все, зависело при этом от изменений, которые произошли в составе правительства империи.

Гольштейн, Маршалл, Каприви и дальнейшее усиление русофобства в Германии

Подобно морской волне, выбросившей на песчаный берег водоросли и ракушки и затем снова бесследно отступившей, антибисмарковская волна занесла в правительство нескольких новых лиц, предоставив их там своей судьбе. В результате руководство иностранными делами перешло в руки наиболее высокопоставленного «специалиста». Его жестокая ненависть к семье Бисмарка считалась причиной того, что характерная для тех лет враждебность по отношению к России распространилась и на внешнюю политику, хотя после падения первого канцлера антибисмарковская оппозиция распалась на свои социологические элементы так же быстро, как двадцать семь лет спустя распалась разнородная по составу фронда, свергнувшая канцлера Бетман-Гольвега.

«Человека с глазами гиены» уже после смерти постигла примечательная судьба: одна часть историографов, а вкупе с ней и вся пресса торгового и финансового капитала и, наконец, социал-демократия ожесточенно атаковали его за его «великое нет» Англии[1], сказанное им на рубеже веков; другая часть считала его козлом отпущения за большой поворот того времени — разрыв с Россией. Историографическая судьба этой личности в известной мере отражает два периода самой немецкой историографии.

Критика виновника расторжения «Договора перестраховки» хотя и стала со временем общепринятой, на первых порах исходила преимущественно из консервативных кругов, в частности консервативных историков.

[1] Впервые такое мнение было высказано во многом устаревшей в наше время (1932) книге: Eugen Fischer, Holsteins großes Nein, Berlin 1925. Под влиянием документов, опубликованных в Англии, это мнение затем несколько изменилось.

Упреки же за принятый на рубеже веков антианглийский курс германского правительства впоследствии исходили главным образом от группы историков, которые, примирившись с Веймарской республикой, находили нужным выделять в вильгельмовской эпохе то, что в ней порицал также поддерживавший республику торговый и финансовый капитал,—разрыв с Англией. В полном соответствии с тем, что в Германии веймарского периода место старых сил заняли в основном ранее отстраненные от власти, но достаточно антиреволюционные торговые и финансовые круги, историческая наука этого периода пыталась пересмотреть — часто с добрыми намерениями — проблемы новейшей истории, не подвергая изменению методику исследования в целом. Более того, упомянутые историки по-прежнему отказывались от анализа социологических отношений и от выработки такого подхода, который обеспечивал бы рассмотрение общественных проблем в их совокупности, и стремились объяснить действительность, исходя лишь из психологии и чувств отдельных руководящих деятелей. В частности, этим методом, сулившим и без того немало трудностей, стремились разрешить весьма парадоксальную проблему, а именно: почему в Германской империи руководящую роль играло лицо, занимавшее весьма второстепенный пост? Чтобы объяснить влияние Гольштейна на его начальников, этим историкам пришлось превратить рейхсканцлера князя фон Каприви и статс-секретаря фон Маршалла, рейхсканцлера князя фон Гогенлоэ и статс-секретаря фон Бюлова, рейхсканцлера фон Бюлова и статс-секретаря фон Рихтхофена вместе с их заместителями в своего рода марионеток и кукол, танцующих на проволоках, протянутых из дальнего кабинета ведомства иностранных дел. В подтверждение этой идеи существовала даже возможность ссылаться на многочисленные отчеты, в которых рассказывалось о таинственном, демоническом характере Гольштейна. «Серое преосвященство», жуткий человек с пятнами на радужной оболочке глаз, действительно обладал особой, своего рода магической силой. Зависть и подозрительность его патологической натуры преграждали доступ в тайники ведомства иностранных дел не только для простых смертных, но даже и для его начальников. Таким образом, для широкой массы Гольштейн, этот благодарный объект для психиатра, был чуть ли не выходцем с того света, какой-то полуоккультной личностью.

Рядом с кайзером у кормила власти стоял «человек в шапке-невидимке и направлял корабль в обратную сторону»[1]. Если не хватало магии, на помощь призывался метод муссирования частностей. Один историк даже открыл, что Гольштейн завладел любовными письмами умершего в 1870 году пианиста Карла Таузига к итальянке — супруге Бернгарда фон Бюлова, чем якобы и объяснялась его чудодейственная власть над рейхсканцлером[2]. Если ответственность за весь политический поворот, приведший к такой катастрофе, как мировая война, несет лишь один-единственный человек, то историческая оценка может быть легко связана с политическим приговором. Почти все вышедшие до сих пор исторические работы являются обвинительным актом в отношении человека, во время пребывания на посту которого Германия оказалась внешнеполитически изолированной. Мировая история становится, таким образом, международным судьей таинственного демона с Вильгельмштрассе. «Бородатый» (как его называет реклама одного издательства, спекулирующая на неоромантическом оккультизме отживающих слоев общества) предстал перед судом осуждающей его истории, в то время как chorus mysticus дипломатов, генералов, князей, банкиров и военных магнатов нашел приют в Элизиуме.

[1] Цитата из работы Рихарда Франкенберга, посвященной отказу от продления срока действия «Договора перестраховки» (R. Frankenberg, Die Nichterneuerung des Rückversicherungsvertrags, Berlin 1927).

[2] См. Johannes Haller in «Front wider Bülow», herausg. von Thimme, München 1931, S. 45.

Гольштейн, как гласит теперь* всеобщий приговор, отказался от продления «Договора перестраховки» с Россией от 1887 года, что привело к разрыву отношений с великой Российской империей. Нельзя отрицать, что само по себе это верно. За отказ от продления «Договора перестраховки» Гольштейн действительно несет главную политическую ответственность. Даже во время заседания 23 марта 1890 года, на котором был решен вопрос о невозобновлении договора (результаты заседания на следующий день нашли свое отражение в меморандуме заместителя статс-секретаря фон Берхема), Гольштейн так исказил смысл этого документа, что любой непредвзятый исследователь политики эпохи Бисмарка вряд ли будет в состоянии счесть его поведение bona fide[1]**. Все это, как уже говорилось, правда, но еще не вся правда.

Ибо независимо от того, что нам недостаточно знакома история жизни деятелей, участвовавших в расторжении договора, чтобы иметь возможность оценить их мотивы с такой же определенностью, с какой мы оцениваем основные государственные шаги Бисмарка (после написания настоящей работы неясность в этом вопросе несколько рассеялась)***, все же следовало бы задаться вопросом, каковы прямые последствия расторжения договора и не было ли в наличии факторов, которые смогли бы расстроить германо-русские отношения и без этого акта.

Систематические нападки — сперва из пангерманского, а затем консервативного лагеря—на деятелей нового курса (в условиях, когда с течением времени враждебность к русским, характерная в те дни для консервативно-аграрных кругов, опять стала исподволь забываться) не могут ввести в заблуждение относительно серьезных причин, приведших впоследствии к столкновению с Россией: экспансия германской военщины и военной промышленности в сторону Босфора, финансовая экспансия Немецкого банка, продвижение Австрии в новый период индустриализации при Эрентале на Балканы (все в сочетании с непрекращавшейся кампанией против экспорта русского зерна) постоянно вели к столкновению с Россией. Это было столь же неизбежно, как стремление России оградить Дарданеллы и экспорт зерна от посягательств австрийской и германской военщины, заинтересованность русской промышленности в балканском рынке и в Дарданеллах в свою очередь должны были так или иначе содействовать распаду этого жалкого союза, опиравшегося в многомиллионной Российской империи всего лишь на четверых или пятерых человек.

Растущая индустриализация Германии, постоянно создававшая нехватку на рынке капиталов, со своей стороны определенно вела к тому, чтобы толкнуть русских с их возраставшими именно в то время финансовыми потребностями (причины этого обстоятельства нуждаются еще в специальном рассмотрении) в объятия французов. Предоставляя России финансовую помощь, Франция не только оказывала поддержку своей тяжелой и военной промышленности, но в обмен на это была в состоянии потребовать от России заключения союза.

Если можно с некоторой определенностью утверждать, что отчуждение между Германией и Россией произошло бы в конце концов независимо от расторжения «Договора перестраховки», то следует также сказать, что невозобновление старого союза, в той мере, в какой оно имело бесспорные исторические последствия (пробудив чувство неуверенности у царя

---

[1] Обобщенная критика этого меморандума, данная с бисмарковских позиций, содержится в книге Otto Becker, Das französisch-russische Bündnis, Berlin 1925, S. 45 ff.

* Написано в 1932 г.

** Об отказе от продления этого договора см. Langer, Alliances, p. 499 f., а также Raschdau, op. cit., S. 115 ff.

*** Написано в 1932 г.

и у русского министра иностранных дел[1]), со своей стороны, так же обусловлено социологически, как и любой внешнеполитический акт. Таким путем можно объяснить не только политику самого Гольштейна, но и то обстоятельство, что его линия одобрялась и проводилась в жизнь его начальниками как в период его пребывания на посту, так и после этого,— факт, который историография, пользующаяся чисто психологическими аргументами, в состоянии истолковать лишь с помощью притянутой за уши теории «марионетки».

В этой борьбе вокруг внешнеполитической линии Гольштейн выступает как карьерист, обязанный своим положением политическому повороту, осуществленному не без его содействия. Именно вследствие этого он был заинтересован в увековечении такой политической конъюнктуры. Социологически «серое преосвященство» принадлежит к той категории известных всем временам политиков-хищников, которые независимо от достоинств защищаемой ими политики стремятся использовать в своих интересах внутри- и внешнеполитический перелом. Аналогичная беззастенчивость, кстати, поставила во главе правительства и Питта Старшего.

Нельзя забывать что Гольштейн представлял собой нечто большее, чем просто единичный тип. Теперь в большей степени, чем раньше, можно утверждать, что хозяин ведомства иностранных дел с самого начала чувствовал себя тесно связанным с англосаксонским капиталистическим миром. Сообразно этой исходной позиции он уже во время баттенбергского кризиса встал в оппозицию к династии Бисмарка, которая ему в то время милостиво предоставила «свободу дурачиться»[2]. Сам он считал упрек в англофобии совершенно несправедливым. Даже в конце своей жизни у него не было большего желания, чем снять с себя подобное подозрение[3]. О политической карьере Гольштейна мы, впрочем, осведомлены недостаточно. Вместе со своими коллегами Маршаллом фон Биберштейном и Каприви он разделяет незавидную судьбу, оставаясь заслоненным тенью титана. По сравнению с Бисмарком его положение с публицистической точки зрения невыгодно в известном смысле и тем, что пока еще полностью отсутствуют документальные материалы о его политической карьере[4]. Сильные симпатии к англосаксонскому миру в этот период обыкновенно не столько означали абстрактную приверженность к западному миру[5], сколько отражали наличие капиталисти-

[1] О глубокой тревоге, особенно русского министра иностранных дел Гирса, в связи с поворотом германской политики можно судить, в частности, по книге Швейнитца (S c h w e i n i t z, op. cit., 2. Bd., S. 407), а сейчас (1932) особенно по дневникам графа Ламздорфа, выдержки из которых на немецком языке воспроизведены в «Berliner Monatshefte», 9. Bd., (1931), S. 158.

[2] См. B ü l o w, op. cit., 4. Bd., S. 607.

[3] См. Британские официальные документы о происхождении мировой войны (1898—1904), изданные по поручению британского министерства иностранных дел Гучем и Гарольдом Темперли. В дальнейшем цитируются как BD по немецкому изданию, осуществленному Г. Лютцем в Берлине начиная с 1928 г. (Здесь: 6. Bd., Nr. 101, Aufzeichnung Valentine Chirols vom 19.10.1908.)

[4] Оставшиеся после Гольштейна заметки хранит (1932) один широко известный берлинский банкир. Дневники Маршалла уже много лет обрабатывает неизвестный в научных кругах Шульман. Все же ввиду совсем недавнего опубликования переписки Вальдерзее (1928), мемуаров Бюлова (1930—1931), 3-го тома воспоминаний Гогенлоэ (1931) и особенно выхода публикации Гельмута Рогге (H e l m u t h R o g g e, F. von Holsteins Lebensbekenntnis, Berlin 1932) в последнее время на личность Гольштейна пролит некоторый дополнительный свет. Названная здесь последней очень ценная публикация, которая попала ко мне лишь после окончания настоящей работы и поэтому могла быть использована только в некоторых, весьма немногочисленных местах, как мне кажется, полностью подтверждает мое представление о Гольштейне.

[5] Вопреки Бюлову (op. cit., 4. Bd., S. 607) приходится усомниться в наличии у Гольштейна оснований для особой благосклонности к США, если учесть, что он был принужден спешно оставить там свой дипломатический пост по настоянию председателя сенатской комиссии по иностранным делам Самнера из-за слишком близких отношений с женой последнего («Frankfurter Zeitung», 3.1.1875).

ческих связей*. Ныне (1932 год) о Гольштейне определенно известно, что он был теснейшим образом связан с биржей, ориентированной обычно проанглийски[1], и с германским рынком капиталов. Ставший позднее руководителем торгово-политического отдела ведомства иностранных дел фон Мюльберг, тоже связанный с берлинским финансовым миром, был креатурой Гольштейна. Вообще при Каприви торговая политика сразу же выдвинулась на передний план; о том, в какой степени Гольштейн был — прямо или косвенно — заинтересован в стремлении развивающегося промышленного государства закрепить капиталистическую экспансию с внешнеполитической стороны, сказать пока что трудно.

Пристрастие к проанглийскому, а отсюда к проавстрийскому и во всяком случае к антирусскому курсу Гольштейн разделял со своим союзником по низвержению Бисмарка графом Вальдерзее; последний через свою супругу-американку, бывшую замужем в первом браке за представителем августенбургской династии, одновременно был связан и с англосаксонским миром и с германским кайзеровским домом. Эти связи, возможно, проливают свет на созванное Вальдерзее пресловутое собрание, центральную роль на котором играл Штёккер[2]. Вальдерзее, который вплоть до падения Бисмарка оказывал решающее влияние на внешнеполитические взгляды Вильгельма II[3], должен одновременно рассматриваться как социологическое связующее звено между важными внутриполитическими факторами, сказывавшимися на германской внешней политике. Сразу же после разгрома Германии расторжение «Договора перестраховки» пытались непосредственно связать со строительством Багдадской дороги, осуществлявшимся Немецким банком начиная с 1888 года. Это, конечно, передержка. Некоторая связь, впрочем, имеется с другой важной областью германской экономической экспансии. Империалистическая экспансионистская политика генерального штаба одновременно содействовала интенсивному вывозу германского оружия, таившему в себе непосредственную угрозу для России. Военная миссия генерала фон дер Гольца в Турции, пользовавшаяся активной поддержкой генерального штаба, в конце восьмидесятых годов навязала туркам пушки фирмы Круппа[4]. Фон дер Гольц пытался убедить высшие военные круги Турции в том,

[1] См. известную публикацию «Берлинер тагеблат», изложенную в брошюре Эрнста Федера (Ernst Feder, Holsteins Börsenbriefe, Politik und Börsenspekulation unter dem Kaiserreich, Berlin 1925).

[2] Очень интересно замечание Вальдерзее (см. «Denkwürdigkeiten», 2. Bd., S. 33, Eintragung von 23.1.1888) о посещении одного из заседаний рейхстага, на котором по поводу колониальной политики выступал Бамбергер. «Здесь Бамбергер вел атаки, конечно, ехидно и резко, иногда без достаточных к тому оснований. В целом, к сожалению, я придерживаюсь той же позиции... Наше стремление достичь договоренности с Англией встречает прочную поддержку; я был бы весьма рад, если бы это осуществилось».

[3] См. W a l d e r s e e, op. cit., 2. Bd., S. 49, Eintragung vom 22.4.1889. Из записи явствует, что Вальдерзее во время продолжительной прогулки с Вильгельмом II подстрекал последнего против России. См. также «Aufzeichnungen und Erinnerungen aus dem Leben des Botschafters Josef Maria von Radowitz», herausgegeben von Holborn, Berlin 1925, 2. Bd., где на стр. 296 говорится: «Наши военные деятели во главе с кайзером придерживаются теперь мнения о безусловной необходимости борьбы с Россией и требуют, чтобы наша политика исходила из этого в большей мере, чем до сих пор».

[4] См. C o l m a r v. d. G o l t z, Denkwürdigkeiten, Berlin 1929, S. 124 und 140. «Благодаря непрерывным настояниям в 1885 г. удалось разместить заказы у Крупна в Эссене на некоторое количество тяжелых и сверхтяжелых орудий для Дарданелл». Речь при этом шла не менее чем о тысяче полевых орудий, главным образом крупного

* Опираясь на беседу, которую автор имел на VIII Международном конгрессе историков в 1938 г. в Цюрихе с ныне покойным германским дипломатом бароном фон дер Ланкеном, хорошо знавшим Гольштейна, он видит теперь в личности Гольштейна преимущественно орудие прусского генерального штаба (сперва Вальдерзее, а позднее Шлиффена), что объясняет также позицию Гольштейна в отношении Англии. Будучи неврастеником, Гольштейн имел склонность отдавать себя в руки тех, перед силой которых преклонялся. Являясь прусским дворянином и сторонником сухопутной армии, он питал неприязнь к буржуазному движению за строительство флота. Его биржевые махинации были случайными для его англофильского нутра. См. также R a s c h d a u, op. cit., S. 121.

что ее военная безопасность является одной из важнейших предпосылок проведения ею независимой политики. Соответственно этому поездка германского кайзера в конце 1889 года в Турцию преследовала и одну небольшую дополнительную цель. Дело в том, что в то время зарождалось обыкновение (позднее глубоко укоренившееся) одаривать чужеземных властителей, независимо от их желания, образцами продукции немецкого военного производства. Кайзер привез султану немецкое ружье, при вручении которого не обошлось без весьма характерной интриги[1]. Несмотря на кажущуюся безобидность этого события, здесь уже проявляются скрытые опасности. После того как с Бисмарком пал крепчайший оплот мирной политики, немецким военным фабрикантам было нетрудно использовать в основном добросердечного и очень впечатлительного германского кайзера для оказания давления на внешнюю политику государства в духе их интересов. В дальнейшем мы увидим, как самое высокопоставленное лицо Германии использовалось прямо-таки в качестве коммивояжера поочередно в интересах сахарной, спирто-водочной, ружейной и артиллерийской промышленности Германии.

Наряду со всеми этими социологическими силами, содействовавшими напряженности в отношениях с Россией, существовал еще один фактор, явно повлиявший на поворот 1890 года. Новый статс-секретарь по иностранным делам барон Маршалл фон Биберштейн, уже с некоторых пор бывший резервной кандидатурой великого герцога Баденского, боровшегося против Бисмарка, в прошлом прокурор в Мангейме и в 1878—1881 годах депутат рейхстага, благодаря своему происхождению, а также будучи лидером баденских консерваторов, уже с давних пор находился в тесной связи с католичеством; в то время католичество боролось плечом к плечу с баденскими консерваторами против национал-либерализма[2], и феодальное крыло католицизма считало барона Маршалла своим человеком. Это его прошлое и объясняет, почему Гольштейну удалось склонить нового статс-секретаря против договора с русскими[3]. Большой отчет о заседании 23 марта, которое за спиной еще находившегося на своем посту статс-секретаря Герберта Бисмарка решило вопрос об отказе от продления «Договора перестраховки»[4], хотя и был инспирирован Гольштейном, но, во всяком случае, был составлен заместителем статс-секретаря графом Берхемом. Последний же еще более непосредственно, чем Маршалл, представлял клерикализм, а именно католичество баварского типа. Переменам в ведомстве иностранных дел соответствовали перемены в имперской канцелярии. Названные дипломаты, к которым на решающих заседаниях примкнул посольский советник Рашдау, получили нового рейхсканцлера — командира X корпуса графа фон Каприви, которого кайзер назначил вместо чрезмерно выдвинувшегося на первый план графа Вальдерзее. Впрочем, Каприви, подобно Вальдерзее, олицетворял антирусские традиции прусского и германского офицерского корпуса восьмидесятых годов и предвидел войну на два фронта[5]. Только частично можно согласиться с распространенной версией, будто лишь воинское послушание заставило Каприви принять этот

калибра, не считая известных заказов фирмам Маузера и Лёве, которых добился Гольц в жестокой конкурентной борьбе с французской и английской военной промышленностью. Кроме того, фирма Шихау в Эльбинге получила заказ на постройку миноносцев для Дарданелл.

[1] Германскому посольству неожиданно сообщили, что его величество султан якобы не может принять ружье из рук германского кайзера, боясь, что во время аудиенции оно выстрелит,— весьма типичный маневр конкурентов, о которых впоследствии часто упоминал Маршалл в своих донесениях из Турции. (H o l b o r n, op. cit., S. 304 ff.)

[2] См. B a c h e m, op. cit., S. 125.

[3] См. F r i e d r i c h R o s e n, Aus einem diplomatischen Wanderleben, Berlin 1931.

[4] См. F r e n k e n b e r g, op. cit., 5. Bd.

[5] Эта основная позиция Каприви была правильно освещена еще Альфредом фон Тирпицем (A l f r e d v. T i r p i t z, Erinnerungen, Leipzig 1919, S. 23 ff.).

пост. Во всяком случае, генерал явился с твердой внешнеполитической программой[1].

«В морской политике,— говорил генерал,— я спрашивал себя, не как велик, а как мал должен быть флот; сначала следовало нанести удар, и только после окончания большой войны, нависшей над головами немцев, мы сможем строить столько судов, сколько хочет Германия и особенно кайзер, который принимает близко к сердцу развитие флота».

Эта собственная программа, которая делала генерала, подобно всем военным, весьма склонным к внешней политике по образцу Гольштейна, обусловливала, естественно, и сотрудничество с Англией против Франции и России. Каприви, как и Вальдерзее, казалось само собой разумеющимся, что в случае войны Германии на два фронта английский флот должен взять на себя охрану заморского импорта и морского побережья Германии[2]. Эти военные соображения определяли также и внешнюю политику людей, группировавшихся вокруг газеты «Крейццейтунг». Сторонники последней исходили из того, что свержение Бисмарка является выполнением и их внешнеполитической программы[3] и что в интересах сохранения мира в Европе крайне желателен союз между Англией и Германией. «На английскую политику «свободных рук» полагаться нельзя,— писала газета,— всеобщий друг очень легко мог бы стать всеобщим врагом». Таким образом, в полном соответствии с внешней политикой Каприви в качестве дополнения к новому курсу здесь выдвигается требование о союзе с Англией. Правда, летом 1890 года обмен Гельголанда на Занзибар несколько подорвал политику союза с Англией, поскольку в лагерь правых начали постепенно просачиваться недовольные колониалисты. Но пока что консерваторами руководило в первую очередь стремление обеспечить неприкосновенность Тройственного союза. Англия была нужна не только в качестве соратника в борьбе против Франции и России. До поры до времени в Германии готовы были терпеть английскую конкуренцию, приводившую к снижению цен на продукцию немецкой промышленности, и отказаться от реванша, который можно было взять в те урожайные годы (1890—1891), обрушив аграрные тяготы на Англию или Британскую империю.

С внешнеполитической точки зрения в рамках политики Тройственного союза отношение к Англии было менее проблематичным, чем отношение к Италии, вступившей в упорную экономическую борьбу с Францией. Италия была вынуждена обходиться без Франции — потребителя вина, шелка и оливкового масла, и искала друзей, которые могли бы оказать ей помощь. Однако германские аграрии не обнаруживали стремления идти на таможенные уступки Италии.

Внутриполитические основы курса Каприви

Максимальное предотвращение подобного рода трений и сохранение единства Тройственного союза составляло одну из важнейших, хотя, может быть, и труднейших задач германской внешней политики. Эта задача особенно соот-

[1] «В качестве шефа военно-морского ведомства,— заметил он в беседе с ганзейским посланником Крюгером уже 25 марта,— мне понадобилось многое прочесть и проанализировать, пока я пришел к более или менее правильному пониманию дел; то, что предстоит теперь, близко моему пониманию и весьма интересует меня».

[2] См. прекрасную книгу Эккарта Кера (E c k a r t K e h r, Schlachtflottenbau und Parteipolitik 1894—1901, Berlin 1930). Эта книга вышла в свет в момент написания соответствующей главы моей работы. Выраженные в ней взгляды во многом совпадают с моими, и она положена в основу освещения мною политики в области флота 1894—1900 гг. При сверке рукописи я получил потрясшее меня известие о внезапной кончине гениального автора этой книги в возрасте всего тридцати одного года*.

[3] Согласно «Крейццейтунг» от 4 августа 1890 г.

* Написано в 1933 г.

ветствовала стремлениям католической части населения, всегда испытывавшей чувство удовлетворения особой взаимной близостью общей политики Германии и Австрии. При проведении такой политики в те годы в качестве козыря использовалась политическая организация католиков — германский Центр. Партия Виндтхорста выдвинулась на развалинах правления Бисмарка[1]. Она намеревалась стать лояльной. Виндтхорст вплоть до своей смерти, последовавшей на втором году эры Каприви, оставался подлинным хозяином положения. Перед самой смертью он прилагал особые старания, чтобы склонить фракцию Центра к одобрению законопроекта о строительстве бронированного сторожевого судна. Волнения, связанные с этой деятельностью, видимо, и погубили его. Национал-либеральная партия была настроена по отношению к внешней политике эры Каприви более скептически, чем Партия центра. Сторонники покровительственных пошлин, особенно Юга и Запада, стремились противодействовать английскому экспорту; к этому явно присоединялось недовольство застоем и ограниченностью германской колониальной политики. Однако необходимо остерегаться переоценки наметившихся к этому времени антианглийских настроений и слепого следования утверждениям прибалтийских публицистов эпохи Каприви, проявлявших склонность к разного рода преувеличениям при оценке настроений того периода и пытавшихся в своей ненависти к русским воздействовать на немецкую общественность, которая казалась им настроенной недостаточно проанглийски[2]. В различные времена у разных слоев населения враждебность к Англии проявлялась по-разному. У прусских консерваторов после 1848 года и в эпоху Бисмарка это чувство выражалось тем сильнее, чем больше они в каждом отдельном случае зависели от политического сотрудничества с царем. Однако симпатия аграриев к царю, вызывавшаяся внутриполитическими причинами, по крайней мере до восьмидесятых годов нисколько не исключала их стремления к хорошим торговым отношениям с Англией. Германская промышленность, напротив, по мере перехода от свободной торговли к покровительственным пошлинам стала выражать недовольство английским импортом, которое, впрочем, ни в коей мере не принимало характера открытой вражды и тем более не означало желания войны. В рядах Национал-либеральной партии по мере ее приспособления к консервативному режиму кое-кто начал смотреть на парламентскую Англию свысока, а во времена кайзера Фридриха к этому примешался еще и страх перед утверждением фритредерства — заклятого противника национал-либеральной торговой политики. Заключение Каприви договора о Гельголанде привело затем к увеличению рядов национал-либералов за счет группы лиц, разочаровавшихся в колониальной политике. Но и после этого нельзя было говорить о принципиальной вражде к Англии со стороны национал-либералов. В наиболее сильной оппозиции новому курсу были давние сторонники высоких покровительственных пошлин —

[1] О внешнеполитической позиции Партии центра в то время см. B a c h e m, op. cit., 5. Bd., S. 128. Бахем берет под защиту эту партию от обвинения ее в недостаточно активной борьбе против внешней политики Каприви и Маршалла. В противовес Бахему, однако, следует подчеркнуть, что Партия центра терпела эту внешнюю политику и не боролась против нее не только потому, что, как он говорит, фракция, не обладая обывательским высокомерием, просто не в состоянии была справиться с задачей борьбы против нее, но и потому, что, несмотря на расхождения в частностях, эра Каприви соответствовала ее внутриполитическим и внешнеполитическим идеалам.

[2] См. J u l i u s v o n E c k a r d t, Berlin, Wien, Rom., Leipzig 1892, S. 76 ff. «Для общественного мнения Германии последних десятилетий весьма характерна неприязнь к Англии. Со времен кризиса шестидесятых годов у нас считается принятым брать реванш за имевшее место в прошлом превозношение родины традиционной политической мудрости, исходя, видимо, из идеи, будто нынешняя англофобия способна компенсировать легкомыслие предшествующей англомании. До последнего времени неприязнь к Англии была для немца вернейшим признаком патриотического образа мыслей и политической зрелости».

либеральные круги Южной Германии. Свободомыслящие же, наоборот, встретили его с восторгом[1]. Очень скоро после начала нового курса Теодор Барт выступил в «Ди национ» с похвалой в адрес сочинения генерального консула фон Эккардта «Берлин, Вена, Рим», в котором давалось толкование внешнеполитической программы нового курса. В упомянутой работе Эккардт явно отмежевывается от союза с Россией, подчеркивая,что только старая Пруссия, борясь за самые основы своего существования и нуждаясь в соответствующей опоре, могла считать Россию своим естественным союзником; что касается Германской империи, то ей пристало руководствоваться другими, более весомыми соображениями[2]. Программное сочинение Эккардта было, собственно, лишь выражением того политического поворота, который объяснялся в конечном счете экономическими причинами. Германия стала быстро превращаться из страны аграрной в страну индустриальную. Уже в то время в прусском министерстве внутренних дел было подсчитано, что страна нуждается в сбыте товаров на сумму 3256 миллионов марок[3]. Профессор Брентано, выступая в совете культуры Саксонии в декабре 1890 года, охарактеризовал Германию уже как индустриальную державу. Куда же должен был в условиях растущей изоляции русского рынка направляться германский экспорт? Уже злополучный с торгово-политической точки зрения 1892 год грозил исчерпать контингенты по большинству заключенных Германией торговых договоров. Поэтому в период Каприви Германия стала изыскивать пути предотвращения катастрофы ее экспорта; учитывая существовавшие на начальном этапе высокие цены на зерно, эта катастрофа оказалась бы для Германии вдвойне роковой. Весной 1890 года в соответствующих инстанциях начались консультации о необходимых мерах, и вплоть до настоящего времени остается открытым или, во всяком случае — вследствие недостатка материала,— спорным вопрос о том, насколько деятели, обосновывавшие отказ от продления «Договора перестраховки» тем, что он настроит общественное мнение Австрии против Германии, руководствовались необходимостью создания новой системы торговых договоров[4]. С февраля 1890 года в качестве прусского министра торговли уже фигурировал бывший обер-президент Рейнской провинции фон Берлепш, которого Бисмарк назначил, идя на уступку социально-политическим пожеланиям кайзера. Будучи зятем магната металлургической промышленности фон Винклера, фон Берлепш имел особую возможность повлиять на снижение австрийских пошлин на железо.

Торговые договоры Каприви и политические партии

Для Австро-Венгрии торговый договор с Германией имел жизненно важное значение. Германские товары составляли 56,1 процента всего австрийского импорта, а австрийские товары, вывозившиеся в Германию,— даже 60,2 процента всего австрийского экспорта. В этих условиях уже в июле по взаимной инициативе начались прямые переговоры, проходившие под личным контролем Каприви и Маршалла. В ходе переговоров вскоре выявилось желание сторон не просто заключить договор, а осуществить выдвинутую идею торгово-политической кооперации. С германской стороны она была обусловлена опасением, что после заключения обычного договора третьи

[1] См. высказывание Т. Барта на страницах «Ди национ» (Jg. 91/92, S. 455).

[2] См. Eckardt, op. cit., S. 89.

[3] См. Ernst Suter, Die handelspolitische Kooperation Deutschlands und Österreich-Ungarns, Marburg 1931.

[4] О торгово-политической ситуации 1890 г. см. у Эккардта (Eckardt, op. cit., S. 106).

государства не пойдут больше на таможенно-политические уступки, а ограничатся применением принципа наибольшего благоприятствования. Австрия же нуждалась в торгово-политическом сотрудничестве с Германией, чтобы, опираясь на весомость объединенной таможенной политики Центральных держав по отношению к сербам, несколько компенсировать венгерским землевладельцам — ожесточенным конкурентам Сербии — приносимые ими жертвы в интересах австрийской части империи, стремящейся к экспорту на Балканы[1]. Аналогичным образом кооперировались Германия и Австрия также при ведении торговых переговоров со Швейцарией, Италией и Румынией. В 1891 году на утверждение германского рейхстага был представлен целый комплекс торговых договоров. Особые трудности при этом создавала позиция, занятая Италией. Последняя, энергично конкурируя с Францией, грозила отколоться от Центральных государств, если бы те оказались не в состоянии обеспечить ее финансирование,— задача, которая на этот раз была разрешена благодаря вмешательству Блейхрёдера[2].

Для германской промышленности, работавшей на экспорт, затруднения итальянцев не были некстати: она сумела использовать потребности полуострова в сбыте, и вопреки сопротивлению аграриев добиться заключения торгового договора, который помог еще прочнее привязать итальянцев к Тройственному союзу[3]. За расширением германской промышленности следовал обычно — несмотря на принципиальное превосходство французского рынка капиталов — и экспорт финансового капитала. Так, в 1894 году, во время кризиса, германская финансовая группа предоставила итальянцам кредит на сумму 25 миллионов марок[4]. Тем временем уже были приняты важные решения. В начале декабря 1891 года на утверждение рейхстага была представлена целая серия торговых договоров. Едва ли можно было выбрать для этого менее благоприятное время: сельскохозяйственное и промышленное производство переживало кризис — тот самый кризис, который, подобно ангелу смерти, явился вслед за экономическим подъемом 1889 года. В этих условиях Каприви пришлось выступить против ширившейся кампании германских аграриев: вопреки им он решился охарактеризовать торговый договор с Австрией как народный договор. В ходе диалектически искусной полемики он упрекал газету «Крейццейтунг» в том, что она мобилизует против заключаемых Германией торговых договоров оппозиционно настроенных чехов, словаков, румынов и хорватов. С гордостью ссылался он на большие преимущества своей системы. Указывая на процессы, происходившие на заморских территориях, он заявлял, что, возможно, однажды наступит момент, когда народы осознают, что им не мешало бы заняться делом, более важным, чем взаимное кровопускание. Подобный торгово-политический пацифизм, даже и ограниченный масштабами Центральной Европы, лил воду на мельницу аграриев. С резкими нападками на договоры выступил лидер правых граф Канитц. На следующий день Мантейфель с ожесточением говорил о двухстах четырех личностях, которые в свое время сгруппировались вокруг фон Варнбюлера, а теперь стояли за новыми договорами. Таким образом, германские аграрии выступали против торговых договоров, подобно промышленникам Австрии, которые при заключении договора с Германией — более сильным промышленным государством — оказывались, естественно, в менее благоприятном положении. Фритредеры и Партия свободомыслящих, конечно, выражали восторг по поводу договоров. С их точки зрения договоры хотя и не были идеальными, все же являлись прогрессом по сравнению с прежним положением. В Партии центра мнения разделились. Оратор этой партии

[1] Интересные подробности см. у Зутера (Suter, op. cit.).
[2] См. S u t e r, op. cit., S. 53. Документы от 8 апреля 1890 г.
[3] Можно напомнить о том страхе, который выражала в связи с этим газета «Крейццейтунг» от 18 марта 1891 г.
[4] «Die Kreuzzeitung», 25.6.1891.

фон Шальша во время дебатов выступал как типичный выразитель феодально-аграрных интересов, которые, как известно, представляла не только Консервативная партия. Промышленность, особенно химическая, демонстрировала свое удовлетворение договорами. Эту позицию Бебель в своей речи не без основания квалифицировал как попытку промышленности, картелированной под знаменем покровительственных пошлин, проложить себе путь в новые некапитализированные районы в тот момент, когда неимоверно возросли цены на продовольствие[1].

В условиях, когда Германия стала преимущественно индустриальной державой и значение экспорта выросло, торговые договоры были приняты весьма значительным большинством. Относительно менее популярным оказался торговый договор с Румынией от 1894 года, который перед лицом растущего зернового кризиса и незначительных уступок со стороны румын удалось принять большинством лишь в двадцать пять голосов и то только под сильным нажимом заинтересованных промышленных кругов[2]. С общеполитической и экономической стороны, пожалуй, более важными, чем вся эта система торговых договоров, были отношения, которые должны были сложиться с Россией и вместе с тем с Францией.

Возобновление экономической борьбы с Россией

Русская внешняя политика того времени определялась длительным кризисом цен на зерно[3]. Чтобы иметь возможность в условиях падения цен выдержать тяжелое налоговое бремя, а также сохранить свое имущество, русские крестьяне были вынуждены все большее количество зерна предоставлять для экспорта. Для поддержания валюты и увеличения государственных доходов русские власти, постепенно повышая пошлины, препятствовали ввозу товаров и одновременно стимулировали развитие промышленности, в чем были лично заинтересованы руководящие деятели государства. Благодаря промышленному развитию, особенно в Екатеринославской губернии, увеличился стимул для притока иностранного капитала. В условиях финансово-политической изоляции промышленной Германии этот капитал во все большей мере предоставлялся Францией. Само собой разумеется, в тех условиях руководящие деятели русского государства, заключая соответствующие финансовые соглашения, преследовали свои личные выгоды. Немилость, которой сопровождался уход министра финансов Вышнеградского, ранее ценившегося царем, невозможно не связать с весьма вероятной версией, что Вышнеградский порядком обогатился благодаря французским займам[4].

Следствием всего этого явилось обострение международной аграрной борьбы, а также уменьшение перспектив на предоставление Германии компенсации со стороны России в виде снижения промышленных пошлин в обмен на возможные уступки со стороны Германии в отношении русского зерна. Для русских оставалось проблемой, как увеличить экспорт зерна, не снижая промышленных пошлин и не уменьшая тем самым шансов на инвестицию иностранных капиталов. Русский медведь просил: «Вымой мой мех, но при этом не замочи меня». В Германии и после падения Бисмарка не проявляли

---

[1] Речь Бебеля в рейхстаге 18 декабря 1891 г. (кризис тогда только начинался).

[2] В опровержение Зутера, считавшего, что торговый договор с Румынией был заключен в основном по политическим соображениям, см. речь Штумма в рейхстаге 8 января 1894 г.

[3] См. Valentin Wittschewsky, Rußlands Handels- Zoll- und Industriepolitik, Berlin 1905.

[4] Об отставке Вышнеградского см. GP, 1925, Бюлов — Каприви, 28 декабря 1892 г.

желания ни с того ни с сего отказаться от торговой политики по отношению к России, проводившейся им в течение последних лет правления. Политика в отношении русских ценностей, которую Бисмарк в последний период своего правления предполагал смягчить, сначала была даже значительно обострена, что соответствовало воинственному духу нового канцлера и его теории войны на два фронта. Вскоре после падения Бисмарка банкир Блейхрёдер, прощупывая новых деятелей, получил характерное для нового курса указание привлечь английский банк «От бэнк» к предпринятой уже в начале апреля попытке финансирования Италии; в отношении же финансирования России последовал категорический запрет[1]. В течение этого года Россия, добиваясь эмиссии новых займов, наталкивалась на трудности[2]. Германским финансистам пришлось уступить выгодную сделку с русскими займами своим французским партнерам, которые заработали на этом только до октября 1890 года 80 миллионов рублей[3]. Жажда наживы и зависть не покидали высшие финансовые круги. В ноябре 1890 года Блейхрёдер предпринял попытку побудить имперское правительство к благосклонной позиции в отношении России. Он заявил, что русские простым перемещением своих европейских вкладов в состоянии коренным образом изменить международную финансовую ситуацию[4]. По его утверждению, только в Берлине русское правительство имело ценностей не менее чем на 180—200 миллионов марок, к которым, как утверждалось, следовало добавить еще французские активы в размере 4,5 миллиона и английские — в размере 6,5 миллиона фунтов стерлингов. Впрочем, банкир действовал не только в своих собственных финансовых интересах, но наряду с этим и по наущению русского посла, обеспокоенного германо-австрийскими тарифными переговорами.

Падение курсов на бирже и экономические затруднения России. Попытки русско-французского сближения

Международное положение царизма в ту пору было не блестящим. Переговоры о предоставлении нового займа на сумму 400 миллионов, которые вела Россия в Париже[5], в самый последний момент сорвались. Причиной этого неожиданного поворота явился крах знаменитого банкирского дома «Беринг бразерс», давшего Англии столь многих выдающихся дипломатов. Банкирский дом потерпел неудачу на спекуляциях с аргентинскими ценностями. Вместе с тем, как это часто бывает, падение курса акций положило начало продолжительному промышленному спаду[6]. В этих условиях Россия удвоила свою активность в Берлине. В декабре в ведомство иностранных дел явился банкир Фюрстенберг. Целью его прихода была агитация в пользу русских ценностей. Однако там ему язвительно заявили, что не предполагали, что германские финансисты способны сорвать своими финансовыми махинациями предсто-

---

[1] Запись Берхема от 29 апреля 1890 г. (Архив ведомства иностранных дел); донесение консула фон Ламецана из Петербурга от 19 августа 1890 г. (Архив ведомства иностранных дел).

[2] Донесение консула Ламецана из Петербурга от 19 августа 1890 г.

[3] «Киевлянин», 20 октября 1890 г.

[4] Запись Маршаллом беседы с Блейхрёдером 10 ноября 1890 г. (Архив ведомства иностранных дел).

[5] Сообщение Блейхрёдера Маршаллу от 17 февраля 1890 г. (Архив ведомства иностранных дел).

[6] Донесение консула фон Ламецана от 16 ноября 1890 г. (Архив ведомства иностранных дел).

ящую эмиссионную деятельность Германской империи[1]*. В это время директор Дармштадтского банка сообщил, что французский рынок перенасыщен, в связи с чем Вышнеградский вновь обратился к Германии. Правда, тайный коммерческий советник Мендельсон, важнейший поверенный России на берлинском рынке, в беседе с Маршаллом пытался отрицать это; вероятно, он руководствовался желанием помешать ведомству иностранных дел использовать в своих интересах потребность России в помощи, от чего пострадал бы и этот ведущий банк по управлению русскими ценностями в Берлине[2].

В ведомстве иностранных дел продолжали столь зорко следить за германскими финансовыми кругами, особенно за так называемым русским консорциумом[3], что русский министр финансов оказался вынужденным вступить в переговоры с Францией. На первых порах, в частности, министр вступил в переговоры с группой Ротшильда, которая в результате осторожной финансовой политики оказалась весьма ликвидной даже в этот период международных отношений.

В апреле 1891 года предстояла эмиссия в Париже нового русского займа в размере 600 миллионов, касательство к которому имели — едва ли к удовольствию Вильгельмштрассе[4] — также германский «русский консорциум», Мендельсон и банк «Дисконтогезельшафт».

В результате этих и им подобных операций (именно в период кризиса и катастрофы весьма многих спекулятивных и промышленных предприятий) могущество и уверенность в себе банкирского дома Ротшильда возросли необычайно. Параллельно переговорам с русскими банкирский дом наметил экспансию в Италию; обращаясь к Риму с финансовыми предложениями, он пытался выяснить, на каких условиях Италия согласилась бы участвовать в германо-французской войне[5]. Италия тогда отнеслась отрицательно к этому предложению. Видимо, это объяснялось тем, что она вела экономические переговоры с Центральными державами. Подобно Италии, русские также отвергли французскую попытку принудить их к политическому союзу ценой финансовой поддержки[6]. Учет этого обстоятельства имеет большое значение для правильного суждения о последствиях, которые имел отказ от продления «Договора перестраховки». Царь, на которого исключительно и был рассчитан этот договор, не считаясь с катастрофой своей внешней политики, как мы видели, и в этот позднейший период не обнаружил никакого желания к сближению с Францией. Узнав о том, что французы за свои деньги требуют политической компенсации, он назвал их даже канальями и воскликнул: «J'entends être le maître chez moi et ne point me faire prescrire — par qui ce soit — la politique que je fais».

Против Франции и, в частности, против переговоров с Ротшильдами, которые как по альтруистическим, так и по деловым соображениям требовали улучшения положения евреев в России, вместе с царем выступали и придвор-

---

[1] Записи Рашдау от 20 декабря 1890 г. (Архив ведомства иностранных дел).

[2] Запись Маршалла от 30 декабря 1890 г. (Архив ведомства иностранных дел).

[3] Маршалл в письме Ламецану от 2 января 1891 г. осведомляется о том, не участвуют ли германские финансисты в новых торговых операциях с русскими (Архив ведомства иностранных дел).

[4] «Berliner Börsenkurier», 4.4. 1891.

[5] GP, 1393/1418; далее O. Becker, Das französisch-russische Bündnis, Berlin 1925, S. 102 ff.

[6] O. Becker, op. cit., S. 102.

* Эта позиция соответствовала заведомо антирусской общей политике новых деятелей, пришедших к власти в 1890 г. Отклоняя все попытки добиться нового сближения, предпринимавшиеся русским министром иностранных дел фон Гирсом, который был благожелательно настроен к немцам, новые деятели окончательно порвали узы с Россией. Подробности относительно этой позиции, абсолютно непонятной с политико-утилитарной точки зрения и объяснимой только социологическими мотивами, см. в книге Langer, Dilpomacy, vol. I, p. 8 f.

ные круги*. Во всяком случае, тот час же вслед за отказом царя в Париже началась интенсивная игра на понижение русских ценных бумаг, чему весьма благоприятствовала общая ситуация на денежном рынке[1]. Падение русских ценностей и отсутствие доступа к европейскому кошельку были, однако, тогда для русских тем неприятнее, что лето 1891 года принесло беспримерную катастрофу их зерновому хозяйству. Определенно ожидавшийся летом 1891 года неурожай позволял предвидеть огромное народное бедствие, катастрофу для сельского населения, государства, финансов и промышленности. В этих условиях русские стремились извлечь во Франции пользу из морального эффекта, вызванного там сверх меры восторженным приемом французской эскадры в Кронштадте**. Из жажды заполучить французские деньги при дворе в Петербурге терпели даже «Марсельезу». Финансовые и экономические трудности России[2] привели к тому, что 21 августа 1891 года русские выдвинули проект договора между Францией и Россией. Проект предусматривал взаимные консультации о совместных мерах, которые должны быть предприняты сторонами в случае нарушения мира, а также в случае, если одна из сторон подвергнется нападению[3].

Немецкие аграрии и военщина толкают русских в объятия Франции

Формальный договор подобного рода на первых порах тем не менее не был заключен. 27 августа того же года французское правительство объявило лишь о своем согласии с принципами, положенными в основу русского проекта[4]. Так для России снова открылся французский рынок капиталов, а для французской военной промышленности — русские заказы***. Однако цель французских устремлений не была достигнута, по крайней мере до тех пор, пока между обеими странами не состоялось заключение формальной военной конвенции[5]. Последнее, впрочем, могло не иметь места только в том случае, если бы Россия сумела избавиться в будущем от финансового нажима Франции.

Почти тотчас же после достижения этой первой, несколько неопределенной договоренности между Францией и Россией в Берлине уже осознали опас-

---

[1] См. O. B e c k e r, op. cit., S. 103.

[2] Настоятельность экономических потребностей, побудивших Россию к этому шагу, признает и О. Беккер, этот выдающийся поборник теории, объяснявшей ухудшение германо-русских отношений отказом от продления «Договора перестраховки». См. O. Becker, op. cit., S. 107.

[3] См. O. B e c k e r, op. cit., S. 111.

[4] Сразу же по окончании переговоров находившийся тогда у власти Фресине добился у русских заказа для французской военной промышленности.

[5] O. B e c k e r, op. cit., S. 112.

* Аналогичное суждение об этом и вообще о развитии политической ситуации вплоть до заключений франко-русского союза содержится в работе: L a n g e r, Diplomacy, vol. I, p. 22 ff. Лангер основывается здесь отчасти на выводах своей прежней работы «The Franco-Russian Alliance», в которой он использовал австрийские документы. К использованным автором настоящей работы архивным германским документам Лангер доступа не имел, и социологическо-экономическая сторона дела отошла у него на задний план.

** Валь — при всем различии в общем подходе, существующем между нами, — в своей весьма интересной интерпретации этих фактов объясняет русско-французское сближение возраставшим ожесточением русских против их бывших немецких «господ», главным образом в государственном аппарате (W a h l, op. cit., 3. Bd., S. 187). Книга прибалтийского барона де Ноля («L'Alliance franco-russe», Paris 1936), в которой, видимо, имеется материал о закулисных событиях в России, была мне недоступна.

*** По мнению Лангера (L a n g e r, Diplomacy, vol. I, p. 23), французские военные промышленники, вероятно, подкупили русского посла фон Моренгейма, чтобы договориться с Россией и заключить соответствующие контракты.

ность. 4 сентября 1891 года банкчр Мендельсон обратился к барону фон Маршаллу с новой очень настоятельной просьбой об изменении германской финансовой политики в отношении России и о терпимом отношении к участию немцев в предстоящих новых крупных русских займах. Вслед за этим статс-секретарь по иностранным делам направил канцлеру Каприви (который в тот момент сопровождал германского кайзера в его поездке в Австрию и Южную Германию[1]) официальное донесение, где выразил мнение, что участие немецких банкиров в русских займах не противоречило бы интересам германской внешней политики, так как, во-первых, использование займа для военных целей невероятно и, во-вторых, необходимо тщательно избежать того, чтобы, дав категорическое распоряжение немецким банкирам, тем самым еще больше толкнуть русских в объятия французов.

К этим представлениям, а также к настояниям Каприви отчасти прислушался германский кайзер. Он заявил, что удовлетворен тем, что вместо официальных шагов против русских ценностей дело ограничилось полемикой в прессе против русских финансов. Чтобы избежать какой бы то ни было видимости официального нажима, Каприви отговорил кайзера от использования официальной прессы при проведении соответствующей линии[2]. Сверх того Маршалл стремился даже избежать все-таки предписанного давления через прессу[3], с чем в конце концов согласился и Каприви[4]. Между тем Мендельсон частным образом пытался отговорить русских от принятия займа, ссылаясь на низкую котировку русских займов в Германии.

В этот момент консервативная пресса почуяла запах жареного и разбушевалась[5]. Вильгельм II то ли в результате недостаточной осведомленности, то ли вследствие свойственных ему заскоков неожиданно высказался резко против займа. Когда Бюлов в одном из донесений сообщил ему, что предполагается по крайней мере номинальное участие германских фирм в предоставлении займа, кайзер на полях донесения заметил: «К счастью, нет». И в другом месте: «Немцев хотят оставить в дураках». Консервативная пресса уже пыталась обвинить имперское правительство в том, что оно планирует отмену запрещения на выдачу ссуд[6]. Что же случилось?

За спиной ведомства иностранных дел снова активизировались великие интриганы 1890 года. На политическую арену бросил свою тень Вальдерзее, из-за кулис высунулась рука министра финансов Микеля, и банкирам был нанесен чувствительный удар[7]. Тайные советчики Вильгельма II снова использовали нервическое добронравие кайзера, желавшего видеть вокруг себя только дружеские лица. В конце сентября в адрес ведомства иностранных дел поступила резкая телеграмма. В телеграмме сообщалось о том, что кайзер с удивлением узнал из газет об участии немецких банкиров в русских займах и что он располагает сведениями о предварительном согласии на это ведомства иностранных дел, данном на соответствующий запрос. Если это верно, говорилось в телеграмме, то надлежало испросить соизволения у его величества, который, как известно, вместе с Бисмарком изгнал из Германии русские ценные бумаги и категорически возражает против их нового широкого притока. В случае войны, говорилось в телеграмме, Россия просто объявит государственное банкротство и разорит германских владельцев русских ценных бумаг.

---

[1] Маршалл — Каприви, 4 сентября 1891 г. (Архив ведомства иностранных дел).
[2] Каприви — Маршаллу, 6 сентября 1891 г. (Архив ведомства иностранных дел).
[3] Маршалл — Каприви, 7 сентября 1891 г. (Архив ведомства иностранных дел).
[4] Каприви — Маршаллу, 8 сентября 1891 г. (Архив ведомства иностранных дел).
[5] «Kreuzzeitung», 14.9. 1891.
[6] «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», 26.9.1891.
[7] В сообщении правительственного референдария Габриэля о беседе с главным редактором «Норддейче альгемейне цейтунг» указывается, что Микель интриговал за спиной Маршалла и тайно донес кайзеру о шагах Мендельсона. С ним объединился Вальдерзее, а также Блейхрёдер, который был озлоблен тем, что в это время он не пользовался благосклонностью русских.

Это была хорошо знакомая мелодия, постоянно звучавшая в устах консерваторов после кризиса цен на зерно 1886 года. Немедленно вслед за этим ведомство иностранных дел отреклось от своего прежнего курса. Вся пресса открыла бурную кампанию против русских ценностей. Бледный от страха, в кабинет Маршалла явился тайный коммерческий советник Мендельсон. Но было уже поздно: правительство пожертвовало им, как и Россией[1]. Довольный кайзер констатировал, что пятисотмиллионный заем в Париже отнюдь не был успешным[2]. В обстановке общего падения курса акций на бирже русским пришлось тяжело даже в Париже. Для улучшения взаимоотношений русский министр иностранных дел из Висбадена был приглашен в Париж. Буря в печати, однако, на этом не улеглась. В конце 1891 года все парижские газеты были полны нападок на Российскую империю. Ненадежная ситуация на парижском денежном рынке была использована Ротшильдами для мастерского трюка. В то время как либеральная пресса всего мира, видимо хорошо информируемая из известного источника в Париже, шумела по поводу гонений на евреев в России, Ротшильды в полной тайне вели с русскими переговоры об условиях франко-русского торгового договора, настаивая, чтобы Россия вынудила французов снизить пошлину на нефть. Между всеми этими событиями, которые непосвященным наблюдателям кажутся несвязанными и непонятными, имеется, однако, поразительная связь: парижские Ротшильды имели интересы в бакинском нефтяном районе. Их борьба с антисемитизмом была направлена против попыток русских отстранить еврейских директоров дома Ротшильдов от ведения дел с бакинской нефтью, — попыток, отвечающих интересам конкурирующего с ними Нобеля. В свою очередь их линия на заключение торгового договора преследовала также цель увеличить вывоз принадлежащей им русской нефти. Известный банкирский дом одним выстрелом весьма ловко убивал нескольких зайцев. Используя в корыстных целях филантропию, он брал при этом на поводок иностранное государство, с тем чтобы при заключении торгового договора вынудить у собственного отечества уступки в интересах своего производства за пределами страны[3].

Чтобы добиться заключения этого ротшильдовского торгового договора, царя просили лично прибыть в Париж[4]. В июне 1893 года в связи с новыми русскими займами и германо-русской таможенной войной (о которой будет сказано ниже) состоялось заключение франко-русского торгового договора, по которому Россия добилась снижения наполовину пошлины на нефть[5]. Затем последовали новые тайные переговоры России с Францией, а в конце года, после визита русских кораблей в Тулон, царь ратифицировал русско-французскую военную конвенцию[6]*. Общая линия русско-французских отношений в период между «помолвкой» 1891 года и «свадьбой» 1893 года, когда была ратифицирована военная конвенция, отчетливо обнажает растущую обусловленность этих отношений финансово-экономическими факторами. Подобная схема отношений сама по себе не является непременно присущей любому политическому союзу, но для русско-французского союза она весьма характерна. Здоровое в финансовом, промышленном и экономическом отношении государство-рантье приобрело себе таким способом друга, который

---

[1] Донесение Ламецана от 28 сентября 1891 г. (Архив ведомства иностранных дел).
[2] Заметка на полях донесения Мюнстера от 25 октября 1891 г. (Архив ведомства иностранных дел).
[3] Мюнстер — Каприви, 11 января и 25 мая 1892 г. (Архив ведомства иностранных дел).
[4] Донесение Ламецана от 14 мая 1892 г. (Архив ведомства иностранных дел).
[5] См. Schultheß, Europäischer Geschichtskalender, 1893, S. 227.
[6] См. O. Becker, op. cit., S. 127 ff.
* О Тулоне и военной конвенции см. Langer, Diplomacy, vol. I, p. 47 f. Одним из факторов, способствовавших развитию этих событий, послужили англо-французские трения в Сиаме.

прежде всего мог служить ему выгодным орудием в военном отношении. Сверх того, благодаря открывшейся возможности помещать свободный капитал и экспортировать товары, особенно изделия военной промышленности, в лице дружественной России был найден и хороший рынок сбыта. Тесному сближению России и Франции решающим образом способствовало различие между экономической структурой Германии — растущего промышленного государства — и развитием обоих ее соседей. В общем и целом русско-германские отношения улучшились только тогда, когда с помощью финансового капитала своих французских друзей Россия развернула экспансию на Востоке. Прежней же степени близости — и то только временно — они достигли лишь тогда, когда Россия, весьма запутавшись в восточноазиатских делах, испытывала потребность не только в политическом, но и в экономическом содействии Германии, то есть во время русско-японской войны.

Экономический кризис и торговая политика Каприви

Оформленные в политический союз франко-русские отношения оказались непосредственным результатом финансово-экономического кризиса начала девяностых годов, который и вызвал финансовые трудности России и толкнул ее в объятия могущественного в финансовом отношении европейского государства. Этот кризис, как и все кризисы, породил весьма разнородные, если брать их изолированно, явления в мире. Он накалил, в частности, отношения между Италией и Францией, привел к усилению колониальной борьбы между Германией и Англией в Южной Африке, к серьезной военной напряженности и, наконец, к ожесточенной экономической борьбе между Германией и Россией.

В России с конца 1890 года начали с недоверием смотреть на германо-австрийские торговые переговоры, которые, как жаловались русские землевладельцы, отравляли русско-германские отношения[1]. На соответствующие заявления русских германский посол фон Швейнитц обыкновенно возражал тем, что напоминал им о не раз упущенной возможности добиться таможенных уступок, существовавшей у них во времена Бисмарка. Посол напомнил о том, что в 1884 году Бисмарк обещал русским значительные льготы за поставку нефти, намереваясь этим нанести удар США, с посланником которых Сарджентом у него вышел конфликт в связи с чествованием памяти Ласкера[2]. Более важным, чем вывоз нефти, для России был, однако, вывоз зерна; зерновая проблема являлась краеугольным камнем всей внешнеторговой проблемы. В этом основном вопросе Германия должна была бы исходить из того, что нецелесообразно отказывать России в пошлине на зерно в размере 3,5 марки за тонну, как это было установлено в отношении Австрии, ибо южные провинции России в любой момент могли ввезти в Германию свое зерно через зарубежные страны, уплачивая именно эту пошлину.

При таком положении дел таможенные меры против России были в состоянии помешать дальнейшему падению цен на зерно, обусловленному развитием в то время транспортных средств и установлением связей с Америкой и Ост-Индией, еще в меньшей мере, чем таможенные придирки по отношению

---

[1] Я пользуюсь в данном случае донесением фон Швейнитца от 20 февраля 1891 г. и сообщениями «Франкфуртер цейтунг» от 20 и 22 февраля 1894 г.

[2] Конфликт этот был вполне в духе Бисмарка. Будучи аграрием, Бисмарк, узнав о репрессиях в ответ на запрещение ввоза спирта в Германию, рассердился и выразил гнев тем, что отказался принять адрес, которым американская палата представителей хотела почтить память умершего Ласкера.

к третьим странам[1]. Проблема торговых отношений с Россией мало отличалась от проблемы торговых отношений с Австрией. В Германии в заключении торгового договора была заинтересована преимущественно промышленность, в России — сельское хозяйство. Это соответствовало, с одной стороны, характеру Германии как государства с развитой промышленностью вообще и военной промышленностью в частности, а с другой — преимущественно аграрному характеру ее партнера. Напротив, протекционистски настроенные московские промышленники в уступках западной промышленности видели угрозу, а германские аграрии стремились воспрепятствовать импорту зерна из России. В этих условиях во время переговоров и возникла, как это часто случается, своеобразная общность интересов между германской промышленностью и русскими аграриями, а также между русской промышленностью и германскими аграриями.

Правительство Каприви, исходя из политических и военно-политических соображений, а также учитывая, что высшее чиновничество прямо или косвенно (капиталовложения, родственные узы и непосредственная выгода от службы в государственном аппарате) было заинтересовано в подъеме германской промышленности, встало на сторону последней. Сотрудничество правительства и промышленности по этим вопросам началось заблаговременно. Уже в ноябре 1892 года Центральный союз германских промышленников, действуя в контакте с прусским министром внутренних дел, направил властям секретный меморандум[2]. Однако в этот момент цена на пшеницу упала с 225 марок за тонну в 1891 году примерно до 150 марок, цена на рожь — с 211 примерно до 140. Не удивительно, что вскоре активности промышленности стала противостоять контрагитация германского сельского хозяйства. Города, говорилось в заявлении аграриев, настроены враждебно по отношению к нынешнему общественному порядку; напротив, сельское хозяйство является его опорой; ввиду заключения торговых договоров и присоединения к немецкой экономической системе столь многих аграрных государств

---

[1] Каприви уяснил себе это с самого начала; на полях одной довольно дружелюбной по отношению к аграриям памятной записки министра торговли от 19 апреля 1891 г. он замечает: «Я исхожу из того, что в вопросе о зерне было бы неправильно подходить к России иначе, чем к другим странам. Но мы должны попытаться принудить Россию к уступкам взамен предоставления ей льготной пошлины на зерно в размере, в котором мы представляем ее Австрии».

Конкретно переговоры протекали следующим образом.

Зима 1890/91 г. Шувалов зондирует почву у прусского министра торговли фон Берлепша и статс-секретаря фон Маршалла.

14 и 24 апреля 1891 г. Беседы Шувалова с Маршаллом. Русский посол требует обещанного отказа от дифференциальных пошлин и намекает на возможность изменения русских пошлин на шесть-семь видов товаров. Это не устраивает Германию, которая в качестве компенсации за отмену дифференциальных пошлин требует значительного уменьшения таможенных тарифов.

16 мая 1891 г. Швейнитц получает соответствующие инструкции.

18 ноября 1891 г. Россия выдвигает далеко идущие требования, не соглашаясь при этом на какие-либо уступки.

4 марта 1892 г. Германия не видит в русском меморандуме приемлемой основы для переговоров.

26 июля 1892 г. Шувалов в новой памятной записке просит сообщить германские условия.

10 августа 1892 г. Германия требует от России предоставления ей режима наибольшего благоприятствования и обещает представить позднее перечень конкретных пожеланий.

16 августа 1892 г. Россия обещает предоставление режима наибольшего благоприятствования.

6 сентября 1892 г. Германия заявляет о готовности изучить русские предложения, а до того предлагает России не изменять пошлин.

27 декабря 1892 г. Россия объявляет о своем согласии и о том, что будет ожидать германских предложений до 1 апреля 1893 г. Тем временем германские аграрии продолжают агитацию и в конечном итоге летом 1893 г. навязывают Каприви таможенную войну.

[2] Бёттихер — Каприви, 22 сентября 1892 г. (Архив ведомства иностранных дел).

сельское хозяйство уже понесло тяжелые потери и находилось бы под угрозой полной гибели в случае включения в эту политику также России.

Германские аграрии, подобно русским помещикам, совершенно не помышляли отказываться от своего прежнего standard of life. Более того, они зачастую считали необходимым вследствие повышения общей степени роскоши поднять свой уровень жизни еще выше. Но, с другой стороны, им приходилось быть свидетелями того, как в результате кризиса цен на зерно их поместья приносили все меньше дохода. Для устранения этой дилеммы они, как обычно, искали защиты у государства и у всего народа. Их борьба против России и ее валютной политики, а также их агитация хотя и нервировали имперскую бюрократию и промышленников, но могли быть все же использованы как превосходное тактическое средство давления в связи с русскими требованиями. Ведь владельцы германской тяжелой промышленности подозревали, что уступки России будут мнимыми[1]. В январе 1893 года, как раз в то самое время, когда правительство вызвало в Берлин экспертов по вопросам промышленности (тогда это было чем-то новым), берлинский рупор аграриев «Дейче ландвиртшафтспрессе» поместил знаменитую статью силезского арендатора Рупрехта Ранзерна[2], призывавшего аграриев к объединению. Эта статья послужила толчком к образованию в феврале 1893 года Союза сельских хозяев. В лице Союза сельских хозяев возникла профессиональная организация, которая в старой Консервативной партии занимала такое же доминирующее положение, какое профсоюзы рабочих — в Социал-демократической партии. Возникновение этой организации привело к длительному подчинению консервативно настроенного городского среднего сословия диктату крупных помещиков. Развернувшаяся контрагитация торговцев и промышленников, потребителей, рабочих и бюрократии против аграриев, как и особенно настойчивые требования прибалтийских торговых городов заключить торговый договор с Россией придали излагаемым событиям характер острой борьбы. Борьба эта возникла также не без влияния всеобщего европейского экономического кризиса.

Военный законопроект Каприви 1890 года и рейхстаг

Осенью 1892 года были преданы гласности широкие военные планы германского правительства Каприви. Будучи военным, Каприви с самого начала своей деятельности руководствовался желанием увеличить армию, приспособив ее к ведению возможной войны на два фронта. Именно этими военно-политическими соображениями и было обусловлено его назначение на пост имперского канцлера. В 1890 году вследствие ситуации, сложившейся к моменту его вступления в должность, Каприви отказался от своих первоначальных широких требований перед рейхстагом. Кайзер, довольный тем, что избавился от князя Бисмарка, едва ли чувствовал в тот момент особую склонность навязать самому себе нового диктатора. Между тем при существовавшем положении дел в случае внесения военного законопроекта, которым предусматривалось огромное увеличение численности армии (он был подготовлен военным министром Верди дю Вернуа еще в момент падения Бисмарка), это неизбежно должно было случиться. Во всяком случае, в целях предотвращения парламентских боев монарх еще во время канцлерского кризиса согласился с необходимостью сократить предусмотренное увеличение численности

[1] Заявление Торговой палаты Дортмунда от 16 декабря 1892 г.
[2] «Deutsche Landwirtschaftspresse», Januar 1893.

солдат и унтер-офицеров с 40 тысяч до 18 тысяч[1]. Каприви, который и после падения Бисмарка рассчитывал опираться на партии септената, сохранил эту программу[2].

Законопроект Каприви 1890 года предусматривал увеличение армии всего лишь на 18 574 человека и 70 батарей. 14 мая 1890 года вновь избранный рейхстаг приступил к обсуждению законопроекта в первом чтении. Как всегда, оппозицию представлял Ойген Рихтер. Старый фельдмаршал Мольтке защищал этот законопроект. Рихтер ссылался на то, что внешнеполитические условия не столь существенно изменились, чтобы вызывать необходимость увеличения армии. Вильгельм Либкнехт в качестве представителя Социал-демократической партии, усилившей свою фракцию, также высказался против гонки вооружений, хотя и очень бурно ратовал за защиту отечества. В истории Германии, указывал он, лишь однажды, в 1806 году, нашелся непатриотический класс, а именно немецкое дворянство[3]. Особенно усердно Либкнехт атаковал русский царизм, который, по его словам, нуждался в холодном душе. Держать его под угрозой, утверждал Либкнехт, можно лишь с помощью германо-французского союза. Если Либкнехт был движим желанием использовать подобные аргументы в целях отклонения военных ассигнований, требуемых законопроектом, то в тот момент они, пожалуй, не могли считаться удачными. Социал-демократия стояла перед дилеммой: либо поддержать старые внешнеполитические требования 1848 года, выразителем которых постоянно выступал Бебель, либо одобрить мирную политику в том виде, в каком проводил ее Бисмарк и восхвалял в своей речи член Партии свободомыслящих кильский профессор Хенель. Последний, защищая систему Бисмарка, обратил внимание Либкнехта на то, что Франция вместо сближения с Германией вступает в союз с Россией[4].

Как всегда, за мирную внешнюю политику, столь дорогую всем свободомыслящим, выступила небольшая группа — Немецкая народная партия. Эта партия опиралась главным образом на Вюртемберг, хотя и пользовалась популярностью среди торговцев, интеллигенции и еврейских кругов Франкфурта-на-Майне. Главным печатным органом ее была газета «Франкфуртер цейтунг». Лидеры партии Пайер и Хаусман, как всегда, резко выступили против усиления вооружения. Защищали его на этот раз Рудольф фон Беннигсен и друг Бисмарка Кардорф[5]. В сложившейся тогда внешнеполитической ситуации крайне правые находились с крайне левыми в большем контакте, чем это многим казалось. Из ненависти к русским Бебель постоянно ссылался на брошюру-памфлет «Videant Consules», анонимным автором которой был политически не слишком устойчивый прибалтийский профессор Теодор Шиман и которая, подобно левым, была направлена против России, упрекала имперское правительство в слабости и содержала экстракт аргументов, которые обычно подавались во внешнеполитических статьях газеты «Крейццейтунг» периода свержения Бисмарка[6]. Вражда социал-демократов к России в основном выражалась в том, что они допускали постоянную возможность нападения России и стремились со всей решительностью ему противостоять[7].

[1] «Der Weltkrieg 1914—1918, bearbeitet im Reichsarchiv: Kriegsrüstung und Kriegswirtschaft», 2 Bde., Berlin 1930, 1. Bd., S. 28 ff. Здесь содержится также любопытное подтверждение воспроизведенной мною версии Цехлина о событиях, связанных с падением Бисмарка.

[2] «Kriegsrüstung», 1. Bd., S. 29. Изложение хода заседания кабинета от 26 апреля 1893 г.

[3] Выступление в рейхстаге 16 мая 1890 г.

[4] Выступление в рейхстаге 16 мая 1890 г.

[5] Выступления в рейхстаге 26 апреля 1890 г.

[6] Бебель в рейхстаге, 24—26 июня 1890 г.

[7] Эта точка зрения является той основой, на которой объединяются внешне противоречивые высказывания Бебеля; в беседе с Эккардштейном Бебель восхищался мирной политикой Бисмарка и в то же время заявлял: «Если когда-нибудь придется воевать с Россией, мы, социалисты, как один, будем в строю».

В отличие от них правые, когда заходила речь о войне с Россией, часто высказывали положительное отношение к военному законопроекту[1]. Противиться таким выводам социал-демократию побуждали, с одной стороны, ее отрицательное отношение к бремени для рабочих, связанному с принятием законопроекта, а с другой — политическая ненависть к капиталистическим и феодальным силам, которые командовали армией и были в состоянии использовать в своих внешнеполитических интересах все остальные слои населения. Бебель выступил в дебатах против трехлетнего срока военной службы, против жестокого обращения с солдатами, против блестящих мундиров и против финансовых затрат, которые предусматривал новый военный законопроект (80 миллионов регулярно и 40 — единовременно). При сложившихся условиях судьба законопроекта зависела от Партии центра, которая заняла в рейхстаге 1890 года господствующее положение. Однако эту партию оттолкнул своим неосторожным заявлением военный министр. Видимо, под влиянием обсуждения в кабинете 28 апреля он, вызвав панику в комиссии рейхстага, преждевременно выдал широким кругам будущие планы введения всеобщей воинской повинности в духе Шарнхорста[2]. Виндтхорст, решивший, что пробил его час, ловко славировал. Рейхстаг принял программу правительства, оставив за собой, однако, свободу действий на будущее: в принятых резолюциях он высказался против последовательного проведения всеобщей воинской повинности, за ежегодное утверждение военных ассигнований и за сокращение срока службы.

Военный законопроект Каприви 1893 года и его политическое и социологическое значение

Последний международный торговый кризис, который, как уже указывалось, вскоре положил конец подъему конца восьмидесятых годов, повлиял — как прямо, так и косвенно — на характер и других военных проблем в Германии. Кризис толкнул промышленность России в объятия французов и, способствуя заключению союза между ними, увеличил опасность внешнеполитического порядка. В то же время он усилил стремление германской промышленности к увеличению производства за счет расширения выпуска военной продукции. Этот фактор имел тем большее значение, что благодаря кайзеру промышленники превратились в господствующую силу[3]. В этих условиях имперскому правительству приходилось решать двоякую задачу: отвечать на нарастание опасности увеличением армии и одновременно удовлетворять требования населения относительно облегчения его положения. Этой двоякой задаче соответствовало стремление рейхсканцлера сделать приемлемым увеличение армии посредством введения двухлетнего срока воинской службы, хотя фактические расходы чрезвычайно увеличились бы из-за этого мероприятия. Кайзера, который все еще полностью находился в руках феодальной придворной верхушки и в конце августа 1891 года противодействовал этому стремлению, Каприви в обстоятельной докладной записке от 27 августа

[1] Выступление барона фон Фризена в рейхстаге 28 сентября 1890 г.

[2] B a c h e m, op. cit., 5. Bd., S. 141 ff.

[3] Они сыграли свою роль уже в отстранении фон Верди дю Вернуа с поста военного министра. Как говорится в донесении Клюгмана от 29 июня 1890 г. (Гамбургский государственный архив), отстранение было связано с визитом кайзера к Круппу, который якобы был озлоблен на Верди за принятое им решение о военных орудиях, неблагоприятное для фирмы Круппа (W a l d e r s e e, Briefwechsel, S. 382 ff.). Главными же причинами его отстранения были афера в комиссии рейхстага и связи с Вальдерзее. Одновременно известного крупповского директора, социал-реакционера Енке хотели сделать прусским министром финансов, однако он отказался от этого поста, так как получал у Круппа во много раз больше, чем оклад прусского министра финансов.

пытался убедить в том, что введение двухлетнего срока воинской службы — неизбежное предварительное условие требующегося укрепления германских вооруженных сил. В целях поддержки такой позиции эти проекты были опубликованы в «Кёльнише цейтунг», которая впоследствии стала считать статьи этого времени основой всех дискуссий по военным вопросам[1]. Проектами, выработанными в военном министерстве, предусматривалось осуществление поголовной всеобщей воинской повинности со сроком службы два года, тогда как по существовавшей до тех пор практике лишь часть призывников забиралась в солдаты, да и то большинство из них увольнялось из армии уже через два года, так что фактически в Германии не было ни всеобщей воинской повинности, ни срока службы более двухлетнего. Формальное введение двухлетнего срока службы означало, таким образом, просто-напросто легализацию фактически существовавшего положения. Что же касается связанного с этим увеличения армии на 100 тысяч человек и соответствующих материальных затрат, то они означали значительное усиление военных тягот, а вводившееся освобождение военнообязанных от третьего года службы было весьма неполноценной компенсацией. Так как теперь — в противоположность планам Верди — увеличение личного состава вооруженных сил должно было быть достигнуто за счет призыва соответственного числа лиц, ранее освобождавшихся от службы, то возникла необходимость специальными мероприятиями обеспечить военную подготовку этой части армии. С этой целью в полках были созданы четвертые батальоны, что вызвало в свою очередь дополнительную потребность в унтер-офицерах и увеличение общих тягот.

Общественности содержание военного законопроекта стало известно из речи, с которой кайзер 18 августа 1892 года обратился на Темпельгофском плацу к старшим офицерам. В ней кайзер подчеркнул, что он может согласиться с двухлетним сроком воинской службы лишь при условии, что одновременно будут приняты все требуемые военными компенсации, так как он предпочитает немногочисленную, хорошо дисциплинированную армию большой толпе[2]. Речь вызвала в Германии бурю. Пресса взволнованно обсуждала ее смысл. Из-за экономического кризиса даже консерваторов не так-то просто было склонить к одобрению подобного законопроекта; они тотчас же воспользовались слухом, будто бы и прусский министр финансов Микель, учитывая большие размеры расходов, связанных с реализацией законопроекта, также выступает против Каприви[3]. Перед Консервативной партией возник сложный вопрос: если, с одной стороны, кризисная ситуация, сложившаяся к тому времени в сфере как внешней, так и внутренней политики, вынуждала укреплять институты государственной власти (как это и предлагало правительство), то, с другой стороны, именно принятие военного законопроекта обременило бы сельское хозяйство, и притом не только в экономическом, но, как будет показано ниже, и в социальном отношении. В итоге в начале дискуссии вся пресса, включая почти все правые газеты, приняла военный законопроект в штыки[4].

Само собой разумеется, что и свободомыслящие, несмотря на то, что они давно требовали введения двухлетнего срока службы, и слышать не хотели об одновременном сильном увеличении тягот. Общее настроение метко выразила

---

[1] См. «Kölnische Zeitung» от 23 августа 1892 г., откуда явствует, что эта газета в сентябре 1891 г. открыла дискуссию двумя статьями: «Народная борьба» и «Международное положение и наша вооруженная мощь». Статьи солидаризировались с планами Верди и указывали на ухудшившуюся ситуацию. В вызванной этими статьями дискуссии газета резко выступала против военного законопроекта, действуя в этом вопросе совместно со свободомыслящими.

[2] Schultheß 1893, S. 131 ff.

[3] «Kreuzzeitung», 23.8.1892.

[4] «Hamburger Korrespondenz» u. «Frankfurter Zeitung», 23.8.1892; «Vossische Zeitung», 30.8. 1892.

одна из газет словами: «Можно и золото покупать слишком дорого»[1]. Консерваторы, центристы и свободомыслящие соревновались друг с другом в излияниях, осуждавших увеличение расходов на военные нужды[2]. При этом свободомыслящие тактически умело использовали против правительственного законопроекта аргумент из арсенала консерваторов, ссылавшихся на недостаток рабочей силы в деревне[3]. Кроме того, консерваторы, даже умеренное крыло которых под руководством Хельдорфа настаивало сначала на отказе от правительственного законопроекта, болезненно воспринимали не только воздействие депрессии на сельское хозяйство, но и то обстоятельство, что увеличение армии должно было вызвать разбавление офицерского корпуса, так как потребность в офицерах была бы намного больше естественного прироста дворянства. Если же на руководящие военные посты в армию пришли бы офицеры буржуазного происхождения, то это означало бы конец дворянской монополии на офицерские должности и установившейся со времени правления Путткамера монополии дворянства на занятие высших государственных должностей в Пруссии. «Крейццейтунг» с печалью смотрела на угрозу увеличения унтер-офицерского корпуса — опасность, которой она стремилась противопоставить интересы не пользовавшегося у нее большой популярностью корпуса офицеров резерва, а также буржуазии[4]. Для консерваторов не могло быть ничего более неприятного, чем то, что один из главных вождей военной партии военный писатель генерал фон Богуславски категорически заявил в вызвавшей много споров брошюре[5], что общественные слои, из которых до сих пор комплектовался офицерский корпус, уже не могут поставлять офицеров, а посему следовало привлекать способных людей из других классов, подвергая кандидатов в офицеры испытаниям наподобие выпускных экзаменов в средней школе. «Крейццейтунг», глубоко уязвленная таким предложением, откровенно заявила, что вовсе нет необходимости предъявлять к знаниям офицеров повышенные требования[6]. Здесь проявилось, таким образом, противоречие между двумя различными военными группами. В одной из них были представлены империалистические службисты вроде будущих боевых генералов Кейма, Менгеса, Литцмана и Людендорфа. Такие офицеры происходили или непосредственно из буржуазной среды, или из дворянских семейств непрусского происхождения и с поблекшей аграрной традицией. Другая группа состояла из настоящих аграриев, у которых на первом плане были интересы сельского хозяйства и устройства сыновей в армию, а тем самым — требование кастовой замкнутости офицерского корпуса, так что в конце концов они предпочитали проглотить горькую пилюлю военного законопроекта, нежели согласиться с радикальными реформами, вроде предложенных генералом фон Богуславски.

Аграрии на основании опыта утверждали, что деревенский рекрут, попавший в город, слишком охотно остается в нем. Так как, кроме того, прежний трехлетний срок воинской службы и «надежная», набранная преимущественно в сельскохозяйственных районах отборная армия считались со времени конфликта основной опорой существующего государственного и общественного строя, то все сельские хозяева сошлись на требовании сохранить трехлетний срок службы и стали ревностно агитировать за него, воодушевляемые бурными речами из Фридрихсруэ, откуда бывший рейхсканцлер, движимый глубокой неприязнью к правительству, активно поддерживал эти требования своих товарищей по сословию. Прусские консерваторы предпочли бы введе-

[1] «Freisinnige Zeitung», 30.8.1892.
[2] «Freisinnige Zeitung», 8.9.1892; «Vossische Zeitung» u. «Kölnische Zeitung», 10.9. 1892; «Der Reichsbote», 18.9.1892.
[3] «Freisinnige Zeitung», 2.8.1892.
[4] «Kreuzzeitung», 6 u. 7.10.1892.
[5] «Die Parteien und die Heeresreform», Berlin 1892.
[6] «Kreuzzeitung», 18.11.1892.

нию двухлетнего срока воинской службы некоторое увеличение армии на основе трехлетнего срока службы, что наряду с другими преимуществами означало создание более сильного антидемократического инструмента власти[1]. В конце концов, когда все это не помогло, были сделаны попытки сохранить трехлетний срок службы по крайней мере для специфически феодального и антиреволюционного рода войск — кавалерии[2], и притом не без того, чтобы при случае предъявить к оплате счет в связи с возросшими — вследствие увеличения расходов на оборону государства — тяготами, которые легли на деревню[3]. В конечном счете после этого частичного отступления для консерваторов весь вопрос заключался в том, как покрыть издержки, связанные с реализацией военного законопроекта. В целом же оппозиция была настолько сильной, что во всем рейхстаге только представители тяжелой промышленности охотно и открыто выступали за принятие законопроекта[4]. Рурский промышленник Мёллер, который впоследствии в качестве прусского министра эры Бюлова играл особенно комичную роль, пока афера с «Гиберниа» не сломала ему шею, вел агитацию в Руре, жалуясь на нехватку пушек, орудийной прислуги и запряжек[5].

Организация военной пропаганды в прессе. Растущая оппозиция военному законопроекту

Однако вопреки общему сопротивлению Каприви счел необходимым, чтобы частная пропаганда была поддержана правительственной. В начале октября он назначил в отдел печати имперской канцелярии майора Кейма из Дармштадта, на которого вместе с начальником отдела Отто Гамманом возлагалась обязанность вести через прессу пропаганду в пользу военного законопроекта[6]*. Кейм, который, по мнению Бисмарка, был протеже Валь-

[1] Статья «Против двухлетнего срока службы» в «Крейццейтунг» от 18 ноября 1892 г.

[2] По поводу этой политики аграриев см. отчеты о событиях, разыгравшихся в военной комиссии рейхстага 16 февраля 1893 г., где речь О. Рихтера в защиту сокращенного срока службы и для кавалерии натолкнулась на решительное сопротивление графа фон Шуленбурга, графа Клейста и особенно фон Хаммерштейна, который последовательнее, чем его товарищи по партии, продолжал отстаивать всеобщий трехлетний срок воинской службы. При этом феодальная точка зрения была поддержана одним из представителей правого крыла распадавшейся Партии свободомыслящих, кавалерийским офицером резерва. Социал-демократы внесли предложение компенсировать кавалеристов за более длительный срок службы.

[3] См. приводимые в «Форвертс» от 7 октября 1892 г. рассуждения консервативного парламентария, утверждавшего, что войска, в которых сохранялся трехлетний срок службы, а именно кавалерия и артиллерия, пополнялись исключительно за счет населения, занимавшегося сельским хозяйством, в связи с чем для сельского хозяйства требовались экономические льготы.

[4] Рихтер заявил однажды, что барон фон Штумм, владелец металлургических заводов «Хальбергер хютте», в данном случае остался почти в полном одиночестве, будучи поддержан лишь несколькими соратниками. Промышленность, писал орган Штумма «Ди пост», с точки зрения народного хозяйства предпочитает двухлетний срок службы всем другим планам. Совершенно сознательно барон фон Штумм указывал на возможность преодолеть экономический кризис государственными заказами и увеличением вооружений (заявление в рейхстаге от 13 декабря 1892 г.). 4 мая 1893 г. Штумм грозил в рейхстаге депрессией в сельском хозяйстве, торговле и промышленности в случае, если военный законопроект не пройдет. Однако рейхстаг не дал увлечь себя такими аргументами и в конце февраля 1892 г. отклонил постройку крейсерского корвета «К», несмотря на заявление Каприви о том, что, предприняв строительство этого корабля, можно ликвидировать безработицу и экономические трудности в Штеттине.

[5] «Kölnische Zeitung», 30.9. 1892.

[6] См. Generalleutnant Keim, Erlebtes und Erstrebtes, Hannover 1925, S. 49 ff.

* О пропаганде Гаммана см. теперь Oron James Hale, Publicity and Diplomacy 1890—1914 (New York and London, 1940) с подробными биографическими данными.

дерзее, выдвинулся еще до падения Бисмарка благодаря своим военно-шовинистическим взглядам, в наказание за которые и был перемещен по службе[1]. Этот ландскнехт искал добычу в капиталистической среде. Он хитро распознал возможности, открывавшиеся для него и ему подобных благодаря привлечению крупной промышленности. Романтические краски и настроения времен Фридриха Вильгельма IV, коренившиеся у знатных феодальных генералов на естественной почве, у Кейма не были результатом внутренней необходимости, а представляли собой, так сказать, внешнюю раскраску совершенно современного капиталистического мероприятия, в которое Кейм превратил военный законопроект. Рейхсканцлера, который не знал, где взять деньги для ведения пропаганды, Кейм вскоре освободил от всяких забот: он первый ввел в обыкновение предоставление правительству на цели пропаганды частных средств, особенно средств крупной промышленности[2].

Задача этой пропаганды имела тем большее значение, что не только все социалистические и либеральные элементы, мелкие чиновники, среднее сословие, мелкие предприниматели, но и все аграрные слои в Восточной, а также — особенно — в Западной и Южной Германии приняли военный законопроект в штыки. Слухи о серьезных разногласиях между прусским правительством, возглавлявшимся графом Эйленбургом, а также министром финансов Микелем, и имперским правительством давали пищу оппозиции; многим уже виделось, как на волне агитации выплывает правительство с Вальдерзее в качестве канцлера и Гербертом Бисмарком в качестве статс-секретаря[3]. В Саксонии, к отчаянию прусского посланника Дёнгофа, кампанию против военного законопроекта вела газета «Дрезднер нахрихтен». Эта газета, принадлежавшая столь известному впоследствии д-ру Лиману, имела шестьдесят тысяч подписчиков, и с нею мериться силой было не по плечу ни саксонскому, ни имперскому правительству[4]. В Баварии, где предстояли новые выборы, правительство принца-регента Леопольда было в совершенном отчаянии; здесь даже либеральные директора банков, только лавируя, осмеливались выступать за военный законопроект, одновременно осуждая в резкой форме имперское правительство за его планы покрытия расходов[5]. Наиболее резко, однако, на военный законопроект нападало повсюду и особенно в Баварии аграрное крыло Партии центра; клерикальная «Мюнхнер фремденблат» ожесточенно боролась с «Мюнхнер нейесте нахрихтен». Вожди баварского Центра присоединились к хору большинства, и только феодальная группа во главе с графами Прейзингом и Шёнборном и бароном Франкенштейном осмеливалась выступать за проект военного закона[6]. Особенно сильной была оппозиция в Бадене[7], где клерикалы и среднее сословие жаловались, что увеличение армии, если судить о нем по методу его осуществления, шло на пользу преимущественно Северной Германии и ее промышленности, тогда как от кризиса страдала вся Германия в целом. Над империей нависли тучи серьезного внутриполитического напряжения, усиленного громовыми раскатами из Саксонского Леса — бранными словами «варцинца», как Вильгельм II в сердцах назвал свергнутого канцлера[8].

---

[1] Generalleutnant Keim, Erlebtes und Erstrebtes, Hannover, 1925, S 49 ff.

[2] См. K e i m, op. cit., S. 49, где говорится: «Патриотически настроенные лица внесли крупный вклад в одну из фирм, которая сослужила весьма полезную службу при распространении пропагандистских изданий после роспуска рейхстага».

[3] «Münchner Neueste Nachrichten», 18.10.1892.

[4] Дёнгоф — Каприви 21 декабря 1892 г. (Архив ведомства иностранных дел).

[5] Речь директора Шаусса 26 октября 1892 г. (по донесению Эйленбурга).

[6] Эйленбург — Каприви 21 ноября 1892 г. (Архив ведомства иностранных дел).

[7] Эйзендехер — Каприви 7 ноября 1892 г. (Архив ведомства иностранных дел).

[8] На донесение Дёнгофа от 10 ноября 1892 г. о том, что общественное мнение глубоко обеспокоено публикациями Ганса Блюма о военном законопроекте, Вильгельм ответил замечанием на полях: «Это-то и есть намерение варцинца». Относительно возможных контрмероприятий кайзер заметил: «Tu l'as voulu, Varzinois!»

Учитывая противоречивую позицию прусских консерваторов, которые в конце концов ни по своей традиции, ни по своему социальному положению не могли позволить себе провалить проект военного закона, можно было предвидеть, что оппозиция этому закону расколется, если удастся сделать необходимые уступки остэльбцам. Борьбой за эти уступки объясняется также критика, которую прусское государственное министерство под руководством премьер-министра графа Эйленбурга и министра финансов Микеля, становившееся все более самостоятельным после ухода Бисмарка, направляло против военного законопроекта. Ловко выдвинувшийся Микель — бывший либеральный банковский и государственный деятель, работавший над прусской финансовой реформой в целях улучшения положения прусских аграриев,— стремился переложить расходы по военному законопроекту на другие немецкие земли и для покрытия этих расходов предложил ввести пошлину на табак, которая должна была давать доход в результате запрещения табаководства в стране[1],— идеальное решение в духе аграрных мандантов министра. Так как, однако, статс-секретарь имперского казначейства фон Штенгель, коренной баварец, а также представители табаководства Южной Германии противодействовали этому проекту, то аграрии и Микель в качестве эрзаца предложенного Микелем постоянного источника доходов пытались по крайней мере для этого случая найти налоговое решение, которое позволило бы облегчить положение наиболее мощного слоя в Пруссии[2]. Пока вопрос о покрытии расходов по военному законопроекту висел в воздухе, перед прусскими аграриями выдвинули в качестве временного частичного возмещения микелевские проекты налоговой реформы, внесенные в ноябре 1892 года и предусматривавшие отказ прусского государства в пользу общин от поземельного налога, налога на строения и промыслового налога,— манипуляция, которая в результате принятого постановления о том, что в будущем за счет этих налогов должны оплачиваться расходы на школы, на бедных и на дорожное строительство, пошла на пользу крупным землевладельцам, для которых подобные налоги играли лишь незначительную роль[3]. С момента внесения проекта агитация консерваторов в прессе против военного закона заметно смягчилась.

В остальных районах империи, где сельскохозяйственной части населения нельзя было сделать таких уступок, продолжалось сильнейшее оппозиционное движение. Поэтому возник вопрос, нельзя ли Центр, задававший тон при любой внутрипарламентской конъюнктуре, склонить в пользу военного законопроекта. Снова, как и перед септенатскими выборами, папский престол стремился умерить Партию центра. Один из лидеров партии, железный магнат граф Баллестрем к пасхе 1893 года передал Центру известие из Рима, что папа по общим церковно-политическим причинам желает, чтобы было достигнуто соглашение. Новый кардинал статс-секретарь Рамполла обратился к Центру с просьбой не подвергать риску его позицию в новой предвыборной борьбе[4]. Снова, как и в 1887 году, кардинал архиепископ Бреславльский Копп вместе с силезской аристократической группой действовал в пользу военного законопроекта[5], в то время как папский нунций в Вене монсеньер

[1] См. W. Gerloff, Finanz- und Handelspolitik des Deutschen Reichs, Jena 1913, S. 307.

[2] О противоречиях между Каприви и Эйленбургом из-за военного законопроекта см. в газетах «Гамбургер корреспондент» от 31 августа 1892 г., «Берлинер тагеблат» от 2 октября 1892 г. и «Рейниш-Вестфелише цейтунг» от 5 октября 1892 г. Органом прусского министра финансов считалась тогда «Национальцейтунг», которая вслед за «Берлинер нейесте нахрихтен» от 4 октября 1892 г. горько жаловалась на слишком сильное игнорирование прусского правительства канцлером. Свободомыслящие надеялись в этой борьбе на помощь Микеля. «Фрейзинниге цейтунг» от 4 октября 1892 г. и «Фоссише цейтунг» от 11 октября 1892 г. сообщали, что между имперским и прусским правительствами был достигнут компромисс.

[3] См. Ziekursch, op. cit., 2. Bd., S. 46.

[4] См. Bachem, op. cit., 5. Bd., S. 126.

[5] См. Keim, op. cit., S. 55; Bachem, op. cit., 5 Bd., S. 221.

Галимберти, помогавший провести септенат, объявил неизбежными уступки в школьном вопросе, которые, однако, после провала школьного закона Цедлица трудно было осуществить[1]. Но, как и в 1887 году, руководство Центра не было в состоянии добиться чего-либо от крайне возбужденных кризисом масс избирателей — аграриев и особенно баварских партикуляристов. Капиталистическое и феодально-капиталистическое крыло Партии центра не было еще достаточно сильным, а аграрный элемент был слишком мощным, чтобы можно было во время кризиса склонить Центр к принятию военного закона такой значимости. Поэтому и обсуждение вопроса в военной комиссии рейхстага, начавшееся в 1893 году, с самого начала протекало в неблагоприятной атмосфере. Каприви нисколько не помогало и то, что он, явно стараясь оказать давление на психику Центра, процитировал слова генерала Скобелева, что путь на Балканы проходит теперь не только через Вену, но и через Бранденбургские ворота[2]. В тот момент, при сильно напряженных русско-германских отношениях, эти слова были истолкованы за границей совершенно неправильно, создавалось опасение, что именно турецкие генералы немецкого происхождения, которых надо было бы по-бисмарковски прибрать к рукам, горячо выступали в немецкой прессе за проект закона[3], тогда как над имперским правительством разразилась внешнеполитическая гроза, пришедшая из Фридрихсруэ.

Позднее на одном из заседаний комиссии испуганный Каприви воспользовался предлогом, чтобы поправить свои ложно истолкованные высказывания. По его словам, он только указал на панславистскую аргументацию и не имел намерения впутывать Германию в восточный клубок осложнений, но эта интерпретация все же не исключала того, что военный законопроект мог явиться шагом по пути политики, враждебной России, особенно если учесть, что в конце концов он покупался ценой личных и торгово-политических уступок немецким аграриям — заклятым врагам русских. Давление всеобщего экономического кризиса на массы избирателей было тогда настолько сильным, что и национал-либералам в военной комиссии не так-то просто было выступать за законопроект, и они в интересах своих южногерманских избирателей потребовали в качестве противовеса слишком большим льготам для Северной Германии (а может быть, и под влиянием борьбы Бисмарка против Каприви[4]) некоторой урезки расходов. Только представители тяжелой промышленности — снова во главе с Гаммахером — все время оставались верны проекту военного закона; в этой борьбе они даже получили поддержку от Микеля, который после принятия его наиболее существенных предложений перешел на сторону защитников законопроекта[5].

Что касается свободомыслящих, то их склонной к соглашениям политике был наиболее близок тот слой, который в свое время под предводительством Бамбергера в качестве «сецессионистов» влился в «дружину» Ойгена Рихтера. Банковский и биржевой капитал был крайне заинтересован в том, чтобы Каприви оставался у власти. Подобная политика не в последнюю очередь объяснялась оппозицией все усиливавшейся во время кризиса антисемитской

---

[1] Рейсс — Каприви 28 ноября 1892 г. (Архив ведомства иностранных дел).

[2] Каприви в военной комиссии, 11 января 1893 г. Как видно из «Гамбургер нахрихтен» от 12 января 1893 г. выступление Каприви вызвало гнев бисмарковской прессы.

[3] Согласно письму Дёнгофа Каприви от 14 января 1893 г., Гольц писал о «Германии на распутье».

[4] Кейм (op. cit., S. 65) утверждает, что за усилиями Беннигсена смягчить проект закона стоял Бисмарк, — версия, которая, однако, не подтверждается напечатанными в книге Онкена («Bennigsen», 2. Bd.,) письмами, как, впрочем, и не опровергается ими.

[5] Так я объясняю приводимое Кеймом (op. cit., S. 65) сообщение, по которому Микель выступил в конце концов вместе с Гаммахером за неисковерканный проект закона, что, однако, резко противоречит политике, которую он проводил ранней осенью 1892 г.

агитации[1], масштабы которой еще больше расширились бы в случае прихода к власти Вальдерзее или Эйленбурга. В этих условиях обычная для свободомыслящих критика количественных показателей постоянного увеличения военного бюджета ограничивалась почти исключительно крылом, охватывавшим мелких промышленников, низших чиновников и мелких крестьян,— крылом, которое видело в Ойгене Рихтере своего вождя и тогда не боялось еще социал-демократии так сильно, чтобы единство левого либерализма ставить выше собственных политических тенденций. Группы, стоявшие за Рихтером, были скорее возмущены большими военными расходами, нежели настроены пацифистски из принципиально-этических побуждений. Укоренившаяся в Вюртемберге Немецкая народная партия еще больше, чем ярко выраженные северо- и среднегерманские последователи Рихтера, была готова воспринять идеи, которые, несмотря на поношение со стороны правой прессы, представляла Берта фон Зуттнер[2]. Не слишком преувеличивают даже, когда отклонившуюся вправо в военных вопросах группу свободомыслящих прежней сецессии в силу международного характера ее еврейских и оптово-торговых элементов, а также интеллигенции считают более способной к восприятию пацифистстких идей, чем скорее мелкобуржуазно-озлобленные группы Рихтера; во всяком случае, бросается в глаза, что весьма многочисленные свободомыслящие элементы этого направления участвовали в международных парламентских конгрессах мира, один из которых состоялся в Риме в 1891 году[3]. Даже левое крыло национал-либералов послало представителей на эту встречу, а сам характер конгресса был настолько либеральным, что пресса Ватикана обвиняла его в масонстве. Американский капитализм также начал уже тогда выступать за пацификацию всего мира, что при полном сохранении доктрины Монро и splendid (continental) isolation было небесприбыльно. На Конгрессе мира в Лондоне присутствовал американский железнодорожный магнат Эндрю Карнеги.

В отличие от более позднего времени в описываемый период социал-демократы уделяли таким пацифистским идеям еще мало внимания. Марксистский анализ капиталистического общества был несовместим с тем, чтобы помогать несшемуся к катастрофе капитализму избавляться от трудностей посредством международного предотвращения войн; слияние капиталистического общества с обломками старого феодального строя сделало совершенной утопией торгово-политический пацифизм, как его мыслили Кобден и Брайт. Возникающее на этой базе империалистическое развитие было бы задушено в зародыше борьбой рабочих против господствующих классов. Вильгельм Либкнехт высказал однажды интересную мысль: «Лучшая внешняя политика — это отсутствие всякой внешней политики»[4]. При этом в лагере марксистов понимали, что именно битвы капиталистов между собой создавали до некоторой степени неизбежную стадию общего процесса экономического развития, воздействию которого на рабочий класс социал-демократия противодействовала. Хотя, с одной стороны, война и терпимое отношение к империализму все приближали господствовавшую систему к катастрофе, с другой стороны, нельзя было скрыть желания защитить интересы современности и уберечь ее от ужасов войны. Довоенная история социал-демократии —

---

[1] Об этом мотиве см. у Франка (W. F r a n k, Hofprediger Stöcker und die christliche soziale Bewegung, Berlin 1928, S. 296). По Франку, в предвыборной борьбе делали различие между евреями-националистами, руководителем которых считали профессора Лацаруса, и интернационалистами — последователями Ойгена Рихтера («Kölnische Zeitung», 18.5.1893).

[2] См. Фельетон во «Франкфуртер цейтунг» от 7 июля 1892 г. и стенограмму заседания рейхстага от 5 мая 1893 г.

[3] На эту мирную конференцию среди других поехали Риккерт, Барт, Бремель и даже четыре представителя левого крыла национал-либералов.

[4] Либкнехт в рейхстаге, 24 января 1882 г.

это, собственно, борьба указанных двух точек зрения, которые своеобразно отвечали социальным различиям внутри слоя, представителями которого были социал-демократы.

Наиболее правым среди социалистов был Георг фон Фольмар, лидер баварской социал-демократии, который, используя аграрный кризис и ненависть к пруссакам, обеспечившую, кстати, депутатский мандат и старому врагу пруссаков д-ру Зиглю, успешно вербовал себе сторонников в верхнебаварской деревне; благодаря его агитации озлобление против военного законопроекта достигло такой степени, что помешало Центру — важнейшей силе на селе — пойти даже на минимальные уступки в этом вопросе[1]. Впрочем, именно ввиду такой позиции Фольмар считал необходимым подчеркивать среди наименее пролетарского слоя социал-демократии (так как Мюнхен со своими более высокими ставками заработной платы был своего рода Капуа для рабочих), что в случае войны с Россией он, как и все другие, отправится в поход. В этом своем намерении он не так уж сильно отличался от Бебеля, с которым дискутировал по вопросам внешней политики еще на Эрфуртском съезде. Тогдашнее отношение социал-демократии к войне весьма остроумно изобразил крупный аграрий барон фон Мантейфель, который так шаржировал аргументацию Бебеля: собственно, наш противник — вовсе не Франция, а Россия, а так как наш противник — Россия, то мы должны отклонить проект военного закона[2]. Действительно, социал-демократия всегда стремилась доказать, будто напряженные отношения с республиканской Францией — главный результат реакционной политики правительства, которое в прошлом чаще всего сближалось с Россией. По мнению социал-демократов, этот союз с Россией был в высшей степени подозрительным, так как представлялось, что он является пережитком Священного союза и как союз самодержцев предназначен для разгрома немецких рабочих и для покорения Польши. Однако само собой разумелось, что социал-демократы не поддержали бы правительство и в том случае, если бы оно пошло им навстречу и выступило против России. Нельзя было поддерживать прусское государство, которым правили юнкеры — услужливые союзники предпринимателей,— принятием военного закона, тяготы которого по воле стоявших у власти аграриев должно было нести рабочее население.

Двухлетней воинской повинности социал-демократия противопоставляла народное ополчение, наподобие швейцарской милицейской системы (причем подготовка населения должна была осуществляться посредством обязательных занятий гимнастикой), при одновременном сокращении кадровой армии. В остальном, однако, схема внешней политики Каприви отвечала в известной мере социал-демократическим взглядам[3]. Фольмар восхвалял Тройственный союз как залог мира[4]. Вместе с враждой против России постепенно стала восприниматься как нечто данное также вражда к Франции, и все надежды стали возлагаться на Англию, в результате чего сотрудничество с Францией сделалось, с одной стороны, идеей правых социалистов колониально-империалистической ориентации, а с другой — идеей тех слоев, которые оппонировали политике центрального руководства партии, считавшейся слишком милитаристской. Оба этих течения продолжали придерживаться старого, франкофильского направления[5].

---

[1] Эйленбург — Каприви, 21 апреля 1893 г. (Архив ведомства иностранных дел).

[2] Мантейфель в рейхстаге, 25 июня 1890 г.

[3] Бебель в рейхстаге, 16 декабря 1887 г.

[4] На Эрфуртском съезде 1891 г. нападавшего на Россию Фольмара превзошел Вильгельм Либкнехт, который из-за своей ненависти к России был в разладе со значительной частью своей партии. Это обстоятельство он признал сам в своей речи, произнесенной в рейхстаге 5 февраля 1889 г.

[5] См. «Vorwärts», 1 u. 7.3.1893.

Провал военного законопроекта в рейхстаге. Новые выборы

При общей оппозиции военному законопроекту решение вопроса о нем в военной комиссии рейхстага в январе и феврале 1893 года продвигалось с большим трудом. Центр резко столкнулся в комиссии с промышленным магнатом Штуммом: пфальцский представитель Центра баварский лидер д-р Шедлер сказал ему прямо в лицо, что бремя в полторы марки на душу населения, необходимое, по расчетам Штумма, для реализации мероприятий по новому военному закону, будут нести на себе отнюдь не те классы, представители которых платят по 50—75 тысяч марок налога с доходов на капитал[1]. Так как решить вопрос голосованием в комиссии было трудно и к тому же налицо были серьезные внутренние разногласия, за которыми консервативная сторона следила не без удовлетворения (ведь от новых выборов, которые должны были проходить под знаком аграрного кризиса и создания 18 февраля Союза сельских хозяев, ожидали много хорошего), весной велись длительные переговоры с курией и с правым крылом Партии центра, руководитель которого барон фон Хюне, бывший офицер генерального штаба из корпуса Каприви, был надежной опорой рейхсканцлера. Являясь ведущей фигурой в рейхстаге, Хюне в качестве председателя комиссии прусской палаты депутатов разрабатывал важную для аграриев реформу коммунального налога и вместе с группой силезских аристократов все сильнее отделялся от партийного большинства, которое было задето за живое внесенной тогда же программой строительства военно-морского флота[2]. В этих условиях лидер Партии центра Эрнст Либер, преемник Виндтхорста, вместе с основной массой центристов постепенно скатывался к позиции, исключавшей возврат назад; Центр отклонил переданные графом Баллестремом призывы папского престола к соглашению, в связи с чем группа Хюне выступила с самостоятельным компромиссным проектом закона, по которому вместо предусмотренных законопроектом 486 983 человек предлагалось утвердить численность армии «только» в 477 229 человек. Центр был вне себя от этого удара в спину. Граф Баллестрем сложил с себя обязанности председателя фракции и, к большому неудовольствию католического дворянства, уступил место графу Гомпешу. Когда 3 мая началось второе чтение законопроекта, его судьба была уже решена: в решающем голосовании 6 мая предложение Хюне, к которому присоединилось и правительство, было отклонено 210 голосами левых и Центра против 162 голосов правых, к которым прибавились несколько голосов из Германской партии свободомыслящих под руководством Риккерта и крупнофеодальное крыло Партии центра. Результатом был немедленный раскол партий Центра и Свободомыслящих. Старое сецессионистское крыло национал-либералов, которое девять лет назад слилось с партией Ойгена Рихтера, теперь отделилось снова и образовало Союз свободомыслящих, поддерживавший и одобрявший правительственный курс развития в направлении сверхимпериализма. В результате этого раскола стал неизбежным роспуск рейхстага. Последнее слово в пользу роспуска сказали в конце концов аграрии, которые не могли дождаться новых выборов[3] и помогли оппозиции отклонить предложение об их отсрочке.

Расчет аграриев был правильным: имперское правительство вынуждено было теперь, в ходе предвыборной борьбы, сделать им существенные уступки в вопросе распределения налоговых тягот. Выступая 27 июля на первом заседании нового рейхстага, Каприви заявил, что для покрытия дефицита

---

[1] Седьмое заседание военной комиссии (цит. по «Форвертс» от 17 января 1893 г.).
[2] См. Bachem, op. cit., 5. Bd., S. 287.
[3] См. Schultheß, Geschichtskalender für 1893, S. 51 ff.

не только должны быть увеличены доходы от биржевых налогов и привлечены состоятельные слои, но что также — это было главным — сельское хозяйство следовало освободить от новых налогов. Это был первый решающий успех аграриев.

Состав нового рейхстага созыва 1893 года сам по себе едва ли мог удовлетворить имперское правительство; старые партии картеля 1887 года, которые поддерживали военную политику рейха, не имели большинства. Все же число депутатов от Свободомыслящих обоих оттенков сильно сократилось: вместо шестидесяти четырех теперь осталось только двадцать два члена Свободомыслящей народной партии Рихтера и тринадцать членов Союза свободомыслящих. Это поражение оппозиции еще не означало, впрочем, победы канцлера. Впереди были различные трудности. Выход, о котором наконец вспомнили, был столь же неожиданным, сколь и характерным для этого правительства, прибегавшего к механически-капиталистическим расчетам и безразличного по отношению к сохранению народности (Volkstum); антирусская направленность военной реформы дала правительству возможность привлечь поляков на сторону правительственного большинства. Из девятнадцати поляков шестнадцать голосовали за проект военного закона и ни один — против; военный закон был проведен с помощью славян. Военный закон и торговый договор с Россией, обусловленные, как показано выше, необходимостью укрепления позиций Германии в политических бурях экономического кризиса, были связаны также между собой постольку, поскольку во время предстоявшего обсуждения военных вопросов имперскому правительству нельзя было восстанавливать против себя политическую партию, от которой зависел исход борьбы по военным вопросам, ударом по ее экономическим требованиям.

Таможенная война с Россией как результат сохранения аграриями ключевых позиций. Закрепление франко-русского союза

В течение всей первой половины 1893 года, как и в конце предыдущего, переговоры о торговом договоре не велись. С февраля 1893 года начались усиленные атаки только что созданного Союза сельских хозяев на таможенное соглашение с Россией; одновременно аграрии атаковали конференцию специалистов, которую прусское правительство созывало для обсуждения торговых договоров[1]. Сельские хозяева категорически заявили, что они будут голосовать против торгового договора, несмотря на угрозу таможенной войны с Россией[2]. Даже высокие правительственные чиновники, например обер-президент Восточной Пруссии граф Штольберг-Вернигероде, упорно возражали против торгового договора. В прусском правительстве считали, что Россия может обойти дифференцированные пошлины путем ввоза окольными путями[3]. С другой стороны, немецкая оппозиция торговому договору нашла себе союзника в лице русских промышленников, которые были весьма обеспокоены тем, как бы им не оказаться в накладе. Русский министр финансов, теперь уже Сергей Витте, который из-за важности своего ведомства

[1] Отчет о работе этой конференции (Архив ведомства иностранных дел).

[2] Заметки камергера фон Тидеман-Кранца от 26 января 1893 г. (Архив ведомства иностранных дел).

[3] Заседание правительства от 12 февраля 1893 г. Этот аргумент, естественно, выдвигался в первую очередь представителями промышленности, например министром торговли фон Берлепшем. Министр сельского хозяйства фон Гейден тоже согласился с такой точкой зрения.

был почти что вице-царем, стоял перед дилеммой, противоположной той, перед которой стояло прусское правительство: он хотел покровительствовать русской промышленности, а обязан был защищать русское сельское хозяйство[1]. Помехи заключению договора с течением времени скорее увеличились, нежели уменьшились; постоянные выпады немецких аграриев в ландтаге и рейхстаге в феврале 1893 года укрепили прусское правительство в его мнении[2] и — при совершенно естественной враждебной позиции немецких торговцев, добивавшихся заключения договора любой ценой[3],— были поддержаны крупными промышленниками, которые хотели тактически использовать позицию немецких аграриев, чтобы выжать из России больше уступок. Бросалось в глаза, что эти круги стремились помешать немецкому торговому съезду (Handelstag) принять предложение, внесенное одним из радикальных сторонников свободной торговли и направленное против создания Союза сельских хозяев.

Русские промышленники, как и немецкие сельские хозяева, враждебно относившиеся к договору, стремились обеспечить себе финансовую помощь со стороны Франции; русско-французский торговый договор от 17 июня 1893 года благодаря введению умеренной пошлины открыл русской нефти путь во Францию, что, как уже говорилось, означало уступку утвердившемуся в нефтяной промышленности ротшильдовскому капиталу. Виды на французскую помощь придали русским смелости начать таможенную войну с Германией посредством намеченного с 1 августа 1893 года общего повышения таможенных пошлин. На эту политику рейх, к великому удовольствию немецких аграриев, ответил в свою очередь небывалым повышением пошлин[4].

С заключением русско-французского договора пал наконец один из барьеров, которые так долго мешали Ротшильдам оказывать России финансовую помощь. В свою очередь Россия, испытывавшая трудности из-за дальнейшего снижения цен на зерно и застоя с его вывозом, в поддержании курса своей валюты более чем когда-либо зависела от французской помощи. Поэтому русско-германская таможенная война наряду с агитацией против русских ценных бумаг повлекла за собой в качестве непосредственного следствия, кроме франко-русского торгового договора, также заключение или, точнее говоря, окончательную ратификацию царем давно и с нетерпением ожидавшейся Францией военной конвенции, которую французы навязали России, используя крайнюю нужду последней в деньгах[5]. В результате

[1] «Kölnische Zeitung», 14.2.1893.

[2] Послание прусского министра сельского хозяйства фон Гейдена от 14 февраля 1893 г. ведомству иностранных дел, явно стимулированное парламентскими атаками тех дней, преследовало цель ввиду русского заявления о том, что пошлины на чугун не могут быть снижены до 1 января 1898 г., воспрепятствовать распространению на Россию установленных в торговых договорах, заключенных Каприви с другими странами, таможенных тарифов на рожь, овес и, если удастся, лес. Гейден желал также договориться с Россией об упразднении сахарных премий. Очевидно, министр хотел подготовить парламентское обсуждение вопроса в прусской палате господ 16 февраля 1893 г.

[3] См. общие сведения в «Фоссише цейтунг» и «Берлинер бёрзенкурир» от 16 февраля 1893 г., затем «Берлинер тагеблат» от 10 марта 1893 г. (о точке зрения Мюнхенской торговой палаты), а также заявление Восточно-Фризской торговой палаты и, наконец, торговых палат Штутгарта и Киля от 23 марта 1893 г.

[4] 24 июля 1893 г. Каприви испрашивает у Вильгельма II позволения повысить пошлины, на что тот, очевидно находясь под влиянием аграриев, отвечает полным согласием.

[5] Georges Michon, L'Alliance France-Russe, Paris, 1927, p. 47 ff. В этой очень интересной книге делается правильный упрек по адресу выпущенных в свет французских сборников документов о Двойственном союзе, что финансовая сторона дела оставлена совершенно без внимания,— упрек, которого заслуживают не только прежние публикации, вызванные спорами о долгах, но и более подробные публикации европейских документов*.

* Написано в 1932 г. В вышедших позднее томах французской публикации этим вопросам уделено больше внимания.

связи между Францией и Россией становились все более тесными. Великий союзник на Востоке, гарантировавший Францию в военном отношении, приобретал все большую популярность. В октябре 1893 года республика бурно, с небывалым восторгом приветствовала офицеров прибывшей в Тулон царской эскадры во время их следования в Париж. Едва ли, однако, меньше радовались таможенной войне немецкие аграрии, таможенная политика которых в конечном итоге вызвала эти не слишком желательные для них же самих последствия.

Причины прекращения таможенной войны. Русско-германский торговый договор и отмена запрета закладов

Торговцы и промышленники, ломая руки, заклинали графа Каприви, чтобы он в соответствии со своей традиционной политикой покончил с таможенной войной[1]; правительство Каприви было вынуждено занести на свой счет безусловное поражение в таможенной войне из-за весьма нежелательной медлительности в решении военного вопроса и представившейся в результате этого аграриям возможности оказывать давление. Перед лицом такой ситуации даже аграрии не могли закрывать глаза на то, что и таможенная война не была в состоянии защитить их на продолжительное время от угрозы падения цен на зерно, поскольку Россия в спешном порядке предлагала всем желающим излишки пшеницы, вследствие чего кризис, несмотря на дифференцированные пошлины, продолжал обостряться[2]. Однако это снижение цен на зерно побудило и русских к уступчивости: южнорусское сельское хозяйство не могло выдержать конфликта в течение продолжительного времени[3]. Вот почему в октябре 1893 года переговоры о торговом договоре возобновились и, наконец, в начале 1894 года успешно закончились. В отношении аграриев, чья сила все время возрастала, правительство Каприви пыталось помочь себе отменой так называемого «доказательства идентичности»—мероприятием, которое должно было побудить сельскохозяйственных

[1] О том, что таможенная война была навязана графу Каприви аграриями, сообщает ганзейский посланник Крюгер (донесение Крюгера от 20 июля 1893 г.). 17 августа 1893 г. ганзейцы выступили в бундесрате, так как германская торговля больше не могла выдержать таможенной войны с Россией (донесение преемника Крюгера Клюгмана от 17 августа 1893 г.). Особенно оппонировали торговые деятели из всех ганзейских городов и городов Восточной Германии, что явствует из таких документов, как заявления купечества Кенигсберга от 7 августа 1893 г., купечества Данцига от 31 августа 1893 г., купечества Штольберга от 15 сентября 1893 г., купечества Эльбинга от 29 августа 1893 г., Торговой палаты Билефельда от 25 августа 1893 г., магистрата Бромберга от 31 августа 1893 г. и т. д., многочисленные заявления от берлинских заинтересованных лиц и оптовиков (все перечисленные документы — в Архиве ведомства иностранных дел). Отношение промышленников к торговому договору доказывается, между прочим, заявлениями Объединения камвольно-прядильных фабрик («Ферейнигте каммгарншпиннерейен») Коссмансдорфа от 29 августа 1893 г., заявлениями Оффенбахского производства кожевенных изделий («Оффенбахер ледерваренфабрикацион»), восточной группы Союза немецких предпринимателей железоделательной и сталелитейной промышленности («Ферейн дейчер эйзен- унд штальиндустриэллер»), а также заявлениями судостроительной промышленности. Тяжелая промышленность Германии, напротив, была сдержаннее: крупповский генеральный директор Енке заявил, что изменение германской таможенной политики без изменения русской тарифной политики представляло бы весьма сомнительную ценность (заявление Енке на конференции заинтересованных лиц в Берлине под председательством министра фон Бёттихера 27 сентября 1893 г.).

[2] Немецкие торговцы зерном могли ссылаться на тот факт, что даже на грани 1891 и 1892 гг., когда в России был голод, цены на зерно на мировом рынке, несмотря на закрытие русских границ, продолжали падать (свидетельство гамбургского торговца зерном Понфика от 4 октября 1893 г.).

[3] Донесения консула Раффауфа из Киева (Архив ведомства иностранных дел).

экспортеров, особенно восточно-прусских, увеличить вывоз, в то время как отмена так называемых «ступенчатых тарифов», которые до тех пор благоприятствовали потоку зерна с Востока на Запад и в Южную Германию, была выгодна производителям зерна на Юге и на Западе, которые были обижены не только торговым договором, но и — прежде всего — отменой «доказательства идентичности».

«Доказательство идентичности», как видно из самого названия, означало удостоверение, что ввезенное количество зерна идентично вывезенному, и в этом случае внесенная таможенная пошлина возвращалась обратно. Несмотря на отмену требования количественного тождества ввезенного и вывезенного зерна, экспортер зерна мог получить возмещение пошлины за зерно, произведенное внутри страны. Такое постановление практически означало выплату экспортных премий за вывоз немецкого или, с точки зрения стран, ввозивших зерно, премий за ввоз иностранного (немецкого) зерна, и именно в силу этой своей природы должно было восстановить против себя представителей хлебопашества и мельничной промышленности Южной и Западной Германии. Ведь до сих пор южногерманское производство зерна, которое из-за низкого содержания в нем клейковины было конкурентоспособным только в смеси с русским зерном, старалось повсюду одержать верх над сельским хозяйством Восточной Германии. Благодаря новой таможенной политике и облегчению ввоза русского зерна это положение должно было теперь измениться. Компенсация, предоставленная рейхом жаловавшимся южным немцам в виде отмены «ступенчатых тарифов», которые до сих пор по сравнению с остальными районами рейха благоприятствовали сельскому хозяйству Северо-Восточной Германии, показалась сельским хозяевам Южной и Западной Германии совершенно недостаточной. Широкие круги, особенно баварский ландтаг, начали крупнейшую кампанию против пруссаков[1]. В конце концов, в результате уступок рейха северогерманскому сельскому хозяйству, как ни странно, создалась угроза как раз той внешнеполитической цели, которую именно Каприви лично связывал со своей таможенной политикой. Отмена «доказательства идентичности» способствовала экспорту зерна в Англию и содействовала, таким образом, регулярной распродаже немецкой сельскохозяйственной продукции за границей[2], а это прямо противоречило военным усилиям, направлявшимся на то, чтобы сделать Германию экономически независимой от заграницы[3].

Обсуждение всего этого комплекса вопросов в рейхстаге, которое должно было дать рейхсканцлеру возможность назначить и для русских установленную по договорам с другими странами пошлину в 3,5 марки на тонну пшеницы, выявило огромное сплоченное большинство против незначительного аграрного меньшинства. Даже многие аграрии уже тогда поняли, что после

---

[1] Доклад К. фон Пфистера от 29 января 1894 г., представляющий собою комментарий к пересланному в адрес ведомства иностранных дел собранию докладных записок.

[2] См. Ziekursch, op. cit., 2. Bd., S. 61 ff. Замечание Цикурша относится, впрочем, к некоторым определениям закона о таможенных тарифах 1902—1906 гг., которые еще более усилили указанную в тексте и присущую уже политике 1894 г. тенденцию к форсированию экспорта зерна.

[3] Это ярко иллюстрируется одновременным увеличением импорта пшеницы в Германию из других стран. Так, в период 1890—1893 годов Германия импортировала следующее количество пшеницы (в центнерах):

	Из США	*Из Аргентины*
1890	519 884	— *
1891	1 435 391	428 529
1892	6 302 130	917 850
1893	3 149 228	1 435 778

* Данные за 1890 г. не приводятся.

того, как в 1891 году договорная политика Каприви фактически уничтожила пятимарковый таможенный тариф, дискриминация по отношению России ничего им не давала[1]. Поэтому, с тех пор как после долгой борьбы торговый договор с Россией был заключен, они прибегли к помощи трех «великих средств»: биметаллизма, биржевой реформы и «предложения Канитца», которое имело целью монополизацию государством всей торговли зерном с заграницей и впоследствии надолго сделалось залежалым товаром парламентского обихода. Русские тотчас же выразили готовность привлечь германскую промышленность к крупному железнодорожному строительству в направлении Белого моря и Тифлиса[2], к чему добавились также заказы для железнодорожного строительства на Востоке, с которыми не сумела справиться французская фирма «Шнейдер-Крезо» со своими тогда устаревшими машинами и техническим оборудованием. В известной мере эквивалентом этому была отмена немецкого запрета на принятие в залог русских ценных бумаг, которая, как сначала казалось, имела скорее теоретическое значение, поскольку, как говорилось в представленном кайзеру обосновании, все русские ценности утекли во Францию[3]. Однако позднее, особенно во время русско-японской войны, эта отмена приобрела существенное значение. Понятно, что французская металлургия восприняла заключение договора между Россией и Германией как серьезный урон[4]. В целом же уменьшение напряженности в русско-германских отношениях скорее вызвало улучшение в отношениях между Германией и Францией. Германия, Россия и Франция начали сотрудничать в Восточной Азии, что, разумеется, не могло не отразиться на отношениях между Германией и Англией, которая со времени Бисмарка обычно считалась сторонницей Тройственного союза, хотя с течением времени эта бисмарковская традиция несколько поблекла.

*Осложнение англо-германских отношений, вызванное деятельностью Карла Петерса и немецких колониальных политиков**

Политика Бисмарка по отношению к Англии нашла своего первого и действительно решительного противника в конквистадорской натуре Карла Петерса. «Грюндер» Восточной Африки, стремившийся выйти за пределы еще не установленных точно границ этой территории, столкнулся с хорошо про-

[1] Отчеты о заседаниях рейхстага от 1, 10 и 16 марта 1894 г.

[2] Витте — Вертеру согласно докладу Вертера Каприви от 1 марта 1894 г. (Архив ведомства иностранных дел).

[3] См. GP, 1143, Каприви — Вильгельму II, 24 октября 1894 г.

[4] См. GP, 1536, Мюнстер — Каприви, 29 января 1894 г.

* Об англо-германских отношениях см. в связи с этим и следующими разделами также главу IX («A new course and an old policy») книги Р. Зонтага, которая заканчивается 1894 г. О периоде до 1902 г. см. в работе P a u l i n e A n d e r s o n, The Background of Anti-English Feeling in Germany, 1890—1902, Washington 1939. Г-жа Андерсон, чья книга, так же как и настоящий труд, посвящена Эккарту Керу, принадлежит к группе историков — к сожалению, пока еще не слишком многочисленной, — которые сознательно используют социологические категории в принятом здесь смысле. Среди весьма многочисленных, искусно подобранных и разумно использованных материалов, которые были изучены ею, фигурируют, между прочим, произведения Ледерера, Макса Вебера, А. Вагтса, Кера, а также стенографические отчеты рейхстага и газетный материал. В своей трактовке бурской проблемы она широко использовала соответствующие разделы настоящего труда, которые были опубликованы в 1936 г. в журнале «Ревю историк».

Для анализа конфликтов между немецкой и английской прессой с 1890 г. см. также соответствующие разделы превосходной книги Хэйла.

О возникавшем экономическом конфликте между Германией и Англией см. прежде всего работу R o ß S. J. H o f f m a n n, Great Britain and the German Trade Rivalry, Philadelphia 1933. Книга эта исключительно интересна, хотя главный ее тезис бьет мимо

думанной мировой политикой канцлера, который старался натравить Англию на Россию и особенно на Францию и пытался избежать разрыва с Англией. Приобретение колоний последовало в тот момент, когда возникшая из-за этого напряженность сделала возможным временное сотрудничество с Францией; колониальные дельцы не могли, однако, рассчитывать на то, что их интересы будут соблюдаться и тогда, когда кризис позднейших, восьмидесятых, годов приведет и Францию и Россию к болезненно напряженным отношениям с Германией и снова сделает необходимым сотрудничество последней с Англией.

В то время как происходил этот общий политический поворот, Петерс опять отправился в Африку, чтобы с небольшим отрядом своих приверженцев, в том числе с бароном Гравенройтом, в дополнение к своим прежним приобретениям захватить все, что только удастся[1]. Между тем Бисмарк в середине декабря 1885 года по всем колониальным вопросам договорился в рамках специального колониального соглашения с лордом Солсбери, который как знатный тори старался заручиться немецкой дружбой против русской экспансии[2]. Этому задуманному в плане мировой политики соглашению с Англией отвечало официальное назначение в Германскую Восточноафриканскую компанию Петерса д-ра Пауля Кайзера, который позднее подвергался сильным нападкам с пангерманской стороны, как еврей и англофил. Назначение Кайзера возвестило наступление периода, когда Англия должна была являться не только, как при Бисмарке, периодически желанным союзником, но и внешнеполитическим дополнением системы, которая как социологически, так и по своим внешнеполитическим устремлениям была противоположна правлению Бисмарка.

При этих обстоятельствах Петерсу было почти невозможно выполнить взятую им на себя задачу и вести переговоры с арабским султаном острова Занзибар о передаче права взимать таможенные сборы на восточноафриканском побережье, отгораживавшем немецкие приобретения от морских путей, чего капиталисты из Германской Восточноафриканской компании ждали от своего эмиссара. Без поддержки своего правительства в виде соответствующего воздействия на Англию было трудно выжать уступки из подстрекаемого английскими дельцами султана, и это побудило Петерса прибегнуть к отчаянной попытке решить стоявшую перед ним задачу восточными методами[3]. Договор о береговых таможенных сборах, которого добился Петерс, представлял собой такой грубый обман султана, что господа из Германской Восточноафриканской компании из опасения, как бы Петерс не пожертвовал слишком легкомысленно финансовыми интересами общества в пользу своих экспансионистских планов, а также, видимо, из подобострастия перед пожеланиями Вильгельмштрассе и ее представителя д-ра Кайзера[4], воспользовались случаем, чтобы дезавуировать ставшего неугодным «африканца»[5].

цели. Автор дает хорошую картину отсталой организации английской торговли и английских банков. Он убедительно показывает, что Англия потеряла тогда континент как рынок сбыта, и в соответствии с тезисом своей книги доказывает, что foreign investment (заграничные вложения) и мореплавание сделались краеугольными камнями английской экономики. Очень хорошо также изложены у него проблемы торговли внутри Британской империи. Однако делать вывод, что Англии надо было уничтожить своих конкурентов военной силой, недопустимо по причинам, подробно изложенным мною в настоящей работе.

[1] См. Karl Peters, Wie Deutsch-Ostafrika entstand, Vogtländers Quellenbücherei, 37. Bd., S. 86 ff.

[2] Об англо-германской колониальной антанте см. Schultheß 1885, S. 155 ff.; GP, 4. Bd., Кар. XXIII.

[3] Об этих соображениях см. Bruno Kurtze, Die Deutsch-Ostafrikanische Gesellschaft, Jena 1913, S. 69.

[4] Peters, op. cit., S. 90 ff. Без учета воздействия сверху поведение Германской Восточноафриканской компании в отношении Петерса при важности уступок, которых он добился, было бы действительно мало понятно.

[5] Фон Гаген (op. cit., S. 550) на основании изложенного самим Петерсом договора доказывает явное намерение обмануть султана, что в конце концов привело к неурядицам, связанным с восстанием Бушири.

Преемником основателя Германской Восточной Африки явился один из западноафриканских купцов[1], с назначением которого на смену петерсовским методам пришла грубая сила. Попытка этого нового полномочного лица заменить пассивную обструкцию султанскому прибрежному таможенному управлению путем маневрирования в рамках заключенных Петерсом договоров собственным таможенным контролем[2], и притом в сочетании с явным намерением лишить прибрежных жителей большей части их земельных владений[3], привела к восстанию на побережье. К удовольствию Германской Восточноафриканской компании это дало желанный повод взвалить на рейх неудобные обязательства и тяготы по администрации и управлению, а за свои заслуги получить вознаграждение за счет имперской казны[4].

Так незаметно и внезапно возникла тесная связь между империей и своего рода неудачливой Chartered Company — предприятием, которому, несмотря на финансовую протекцию кайзеровского камергера графа Бер-Банделина, столь сильно не хватало капиталов, что рейху, чтобы спасти графа Вера от потери состояния, пришлось принять решительные меры и помочь большой суммой денег через Прусское общество морской торговли и в результате увязнуть в этом деле в большей мере, чем предполагалось вначале. Поскольку Германская Восточноафриканская компания в интересах установления берегового таможенного контроля допустила, как уже говорилось, падение своего руководителя Петерса, стремившегося к дальнейшему расширению колониальных владений, Бисмарк получил весьма благоприятную возможность тотчас же использовать международные преимущества такой «политики отречения», чтобы с помощью англо-германской блокады побережья и сотрудничества с Англией укрепить тыл карательной экспедиции под командованием известного «африканца» Германа Висмана, которая должна была путем умиротворения побережья политически обеспечить сделку о береговом таможенном контроле.

Эта форма начинавшегося англо-германского сотрудничества имела принципиальное значение. Борьба против Франции и России в плане мировой политики, побудившая Бисмарка в начале 1889 года сделать Англии лорда Солсбери исключительно далеко идущее предложение о союзе, ставшее известным только позднее[5] *, сопровождалась образованием группы заинтересованных в африканских делах лиц, которая, в противоположность традиционной колониальной политике середины восьмидесятых годов, внешнеполити-

---

[1] Консул Эрнст Возен.

[2] Даже Куртце, который в остальных случаях целиком и полностью стоит на стороне Германской Восточноафриканской компании, высказывает мнение, что организованное Возеном береговое таможенное управление было более, чем простым контролем (K u r t z e, op. cit., S. 122).

[3] Распоряжением от 16 августа 1888 г., текст которого приведен в книге Куртце, все земельные собственники должны были представить достаточные доказательства своих прав на владение землей, что в африканских условиях было, разумеется, совершенно невозможно, — обстоятельство, на котором, как это видно из приведенного Куртце на стр. 124 отчета, явно спекулировали, так что даже Куртце находит распоряжение Возена «неуместным», а попытки опровержений со стороны компании исключительно слабыми.

[4] Уже осенью 1888 г. заинтересованные лица обратились к правительству с просьбой о принятии колонии в его ведение. В октябре 1888 г. Возен изложил этот план в памятной записке, а 8 декабря 1888 г. известный национал-либеральный депутат Эхельхойзер в присутствии бывшего руководителя партии фон Беннигсена выдвинул перед статс-секретарем Гербертом Бисмарком ту же альтернативу, так что его позднейшие заявления о «патриотическом отречении», которым компания просто хотела избавиться от грязных перьев таможенного договора с султаном (заявление в рейхстаге 5 февраля 1891 г.), были обычным приукрашиванием. Валь (op. cit., 2 Bd., S. 493) принимает за чистую монету версию Германской Восточноафриканской компании, будто ее образ действий против арабов служил единственно защите туземцев и борьбе с работорговлей.

[5] GP, 943, Бисмарк — Гатцфельду, 11 января 1889 г.

* О плане союза см. в книге: S o n t a g, op. cit., p. 261 f.

чески держала курс на возможность сотрудничества с Англией. Это было вполне в духе крупных финансистов, которые в последующие годы, с одной стороны, во все возраставших размерах спекулировали в колониальных районах, а с другой — оттесняли группу Петерса в оппозицию. Образование этого англо-германского колониального альянса еще в бисмарковский период социологически подготовило эру Каприви — пример тихого, подземного развития политических форм жизни, которое, как это известно со времен Гиббона и Токвиля, предшествует многим как будто скачкообразным изменениям истории. Петерс — несчастная жертва этой политики,— патологическим навязчивым идеям которого сцепление враждебных для него обстоятельств давало все новую пищу[1], во время похода Висмана отправился на северо-запад освоенных им областей, чтобы там, на Верхнем Ниле, в Уганде, присоединиться к Эмин-паше, этому удивительному немецкому еврею, которого в действительности звали Эдуардом Шницером и который после различных авантюр управлял в качестве турецкого губернатора самой южной османской провинцией — Угандой. Эта провинция, отделившаяся в те годы от своего основного египетского базиса в результате восстания махдистов, сулила стать добычей всякого, кто протянет к ней руку; после того как в свое время Стэнли, совершая знаменитый поход через Африку, пытался почти силой навязать себя Эмин-паше в качестве союзника, Петерс направил усилия на то, чтобы приковать пашу и его государство к Германии[2]. Внешнеполитически, однако, такая захватническая, экспансионистская политика в Африке могла быть осуществлена германским правительством только в том случае, если бы оно, в явном противоречии с требованиями общего международного положения, решило идти напролом вместе с русскими против Англии. Здесь зародилось зерно того направления, которое было более бисмарковским, чем сам Бисмарк, и которое, несмотря на видоизменение всех международных политических и экономических отношений, преследовало цель возродить давнишнюю и излюбленную идею Бисмарка о прочном сотрудничестве с Россией[3]. Вся политическая обстановка сразу изменилась. В колониальной политике не только Бисмарк, но и либералы оказались перед дилеммой. Поскольку с конца 1885 года колониальная политика более не исключала хороших отношений с Англией, оппозиция свободомыслящих в рейхстаге была поставлена в затруднительное положение, так как лишилась возможности обосновывать свое сопротивление колониальной политике обычным аргументом, будто эта политика наносит ущерб внешнеполитическому курсу Германии. В январе 1889 года Бамбергеру пришлось услышать от Бисмарка,

---

[1] Различные сочинения Карла Петерса дают более чем достаточно материала для его «патографии». Симптомами его ненормальности были мания преследования и чрезмерная переоценка своей личности. См., например, серьезное воспроизведение сплетни, будто Бисмарк хотел убить его с помощью англичан («Lebenserinnerungen», Hamburg 1918, S. 86 ff.). Его поведение в связи со ставшим позднее известным как «дело Петерса» комплексом фактов доказывает не столько правильность предъявленных ему обвинений, будто бы он из сексуальных побуждений убил слугу и служанку (что я, в соответствии с определением Кёльнского суда присяжных в процессе Петерса против губернатора Беннигсена в 1908 г., считаю недоказанным), сколько тяжелый патологический характер человека, который, быть может под влиянием алкоголя, хвастался поступками, которых вовсе не совершал в том виде, как их сам описывал.

[2] См. Peters, Lebenserinnerungen, S. 84 ff.

[3] Вполне последователен Петерс, когда он говорит в своих «Lebenserinnerungen», S. 89: «Одно было ясно уже в конце прошлого века, а именно, что Германская империя могла успешно проводить колониальную и морскую политику, лишь примкнув к дружественной России на Востоке. Мы не могли одновременно расширять свою сферу на Западе и вести энергичную политику в районе Нижнего Дуная, так как подобная двойственная политика неизбежно должна была привести нас к разногласиям с обеими великими державами одновременно. Политика Союза трех императоров или же в крайнем случае даже только Двойственного союза с Россией явилась бы естественным тыловым прикрытием германской колониальной политики».

что своей постоянной критикой Германской Юго-Западной Африки как якобы песчаной пустыни он дискредитирует англо-германские переговоры, которые в случае положительного исхода как раз в эти дни острых, хотя, впрочем, и не известных рейхстагу переговоров о союзе могли бы действительно привести к урегулированию остальных колониальных вопросов[1]. Между тем свободомыслящие с ростом оппозиции против картельного рейхстага наращивали свои силы. Ойген Рихтер в 1889 году самым беспощадным образом раскритиковал колониальную политику и высмеял Штёккера, который положительным отношением к колониям поддерживал капиталистов Восточной Африки, несмотря на свои христианско-социальные убеждения. Борясь против прославления майора Висмана Гербертом Бисмарком, Рихтер в конце 1889 года категорически заявил, что лучше использовать деньги на повышение окладов чиновникам, чем позволить власть имущим господам из Восточноафриканской компании сильной рукой взимать пошлины в Восточной Африке, нравственные основы которых такие же, как и у «пошлин», которые взимались в средние века, когда рыцари делали вылазки из своих замков и грабили проезжих купцов[2].

Продолжение англо-германского колониального согласия при Каприви. Гельголандский договор

Вскоре после падения Бисмарка рейхстаг из заявления статс-секретаря Маршалла узнал, что и новое правительство в принципе не собирается менять проводившийся до сих пор курс в Восточной Африке, а, наоборот, с благодарностью приветствует возможность осуществлять здесь колониальную политику, которая не выходит за рамки его англофильской программы[3]. Правительство было поддержано в этом Рудольфом фон Беннигсеном, сын которого занимался колониальной политикой и в отношении Петерса соблюдал интересы Восточноафриканской компании. Возражая иронически и остро на слова Бамбергера, что в колониальной политике надо быть филистерски-педантичным, лидер национал-либералов сослался на колониальную эру великого времени конквистадоров и на основание Соединенных Штатов Америки[4]. Затем он добавил, что в большинстве подобных вопросов, как и в восточноафриканской проблеме, речь идет о преследовании реальных экономических интересов. Для внешнего мира эти интересы прикрывались тогда казавшимся альтруистичным мотивом борьбы против работорговли, которая являлась главным родом занятий враждовавших с Висманом арабов и облегчала распространение гуманного образа мыслей, с успехом использовавшегося в качестве приманки для Партии центра[5].

Из комбинации интересов Германской Восточноафриканской компании с необходимостью для Каприви обеспечить прикрытие против России и Франции и вырос знаменитый Гельголандский договор, по которому Германия, не считая стратегических уступок плану сплошных британских владений от мыса Доброй Надежды до Каира, отказалась в пользу английских судовла-

---

[1] Бамбергер и Бисмарк в рейхстаге, 15 января 1889 г.

[2] Рихтер в рейхстаге, 28 ноября 1889 г. Эта речь, разумеется, была произнесена уже под знаком предвыборной борьбы.

[3] См. несколько высокопарное заявление Маршалла в рейхстаге в пользу Висмана и восточноафриканской политики (12 мая 1890 г.).

[4] Беннигсен в рейхстаге, 13 мая 1890 г.

[5] О прикрытии идеями гуманизма политики в Африке см. речь Виндтхорста в рейхстаге 18 ноября 1890 г. Движение против рабства возглавлялось тогда кардиналом де Лавижери, и уже в 1888 г. в Мюнхене состоялись переговоры о борьбе с рабством.

дельцев и капиталистов от фактически никогда не находившегося в ее владении Занзибара и получила за это — правда, уплатив султану компенсацию — бурно оспаривавшуюся береговую полосу с ее таможенными доходами и, наконец, право господства над Гельголандом, в результате чего только что построенный Кильский канал получил полное стратегическое прикрытие*.

С точки зрения политических идеалов тогдашнего германского правительства заключение договора явилось крупным политическим успехом; он удовлетворил близкие к правительству группы колониальных дельцов, а внешнеполитически явился необходимым дополнительным фактором ухудшения отношений с Россией.

С другой стороны, было понятно, что часть колониальных политиков была разочарована и решительно возражала против договора. Для Карла Петерса и его людей договор означал отказ от мечты об Африканской империи, для определенных дельцов в султанате Виту и для гамбургских фирм в Занзибаре — и материальный убыток, а для всех них вместе — усиление впечатления, что правительство пожертвовало ими ради интересов финансовой верхушки, которая стояла за Германской Восточноафриканской компанией.

Хотя правые партии по внешнеполитическим мотивам и не возражали против договора Каприви, они были встревожены голосами из их же лагеря, глубоко сожалевшими об англофильском курсе внешней и колониальной политики[1]. Правда, старый «африканец» майор Висман, которого, как было известно, сообщение о договоре потрясло наисильнейшим образом, был в силу своего служебного положения обречен на молчание, но зато тем громче выступили с возражениями Карл Петерс, барон фон Гравенройт, граф Пфейль и их инспираторы с парламентскими мандатами — представители Имперской партии, депутаты рейхстага д-р Арендт и граф Арним-Мускау. Заметным было сопротивление и на правом крыле Национал-либеральной партии. Руководитель же последней Гаммахер, являясь одним из тех, кто стоял за Германской колониальной компанией для Юго-Западной Африки, в последующее время менее решительно вел борьбу против Англии, чем группы Имперской партии и «восточноафриканцев»[2]: интересы компании вскоре переплелись с английским капиталом.

Правительство со своей стороны получило публицистическую поддержку из лагеря Германской Восточноафриканской компании[3]. Англо-германский договор 1890 года был для общественности первым признаком того, что курс внешней политики изменился, и критика его означала первую попытку общественного мнения выразить свое отношение к изменению внешнеполитического курса. Отношение прессы к договору, следовательно, является в известной мере симптоматичным для внешней политики партий, и поэтому большой шум, которым мелкие группки заинтересованных лиц пытались исказить действительную картину настроений общественного мнения, не должен вводить в заблуждение[4].

---

[1] К этому и последующему см. работу Manfred Sell, Das deutsch-englische Abkommen von 1890, Diss., Bonn 1925.

[2] Об англофобских настроениях «восточноафриканцев» см. несколько замечаний в книге Eduard von Liebert, Aus einem bewegten Leben, München 1925, S. 125.

[3] См. Ernst Vohsen, Zum deutsch-englischen Vertrag, Berlin 1890, а также опубликованную в «Норддейче альгемейне цейтунг» от 26 июня 1890 г. статью генерального консула Герхарда Рольфса, защищавшего по официальному поручению Германскую Восточноафриканскую компанию, которая во всех отношениях была заинтересована в заключении договора как необходимой предпосылки для крупной компенсационной сделки, которую она собиралась заключить с рейхом.

[4] Многие газеты, например «Кёльнише цейтунг», проявляли при этом полную беспомощность, предоставляя свои страницы одновременно правительству или правительственным партиям и колониальным дельцам.

* Некоторые замечания и литературу о договоре см. в книге Langer, Diplomacy, vol. 1, p. 7.

Гельголандский договор и немецкая общественность. Рождение Пангерманского союза

В целом можно сказать, что левые либералы одобряли договор, хотя он предоставлял им слишком много, а правые партии — хотя он давал им слишком мало колониально-политических приобретений[1]. Удовлетворен был лишь Центр, который благодаря преследованию работорговли и миссионерской политике правительства, а также из общенолитических соображений чувствовал себя близким рейху. Виндтхорст считался тогда в правительственных кругах подлинным руководителем колониальной политики[2].

Общая политическая ситуация нашла свое отражение в дебатах в рейхстаге. Ойген Рихтер в качестве руководителя левого крыла Партии свободомыслящих, которое и социологически сильно отличалось от правого крыла, продолжал издеваться над Германской Восточноафриканской компанией, которая, по его словам, только и делала, что устраивала пиры и обеды в Берлине да строила роскошный дом в Танге. Восточноафриканская политика казалась Рихтеру несовместимой с хорошим отношением к Англии[3] — предубеждение, которое в тогдашних условиях могло быть оспариваемо, поскольку в данном случае речь шла не о конквистадорской политике а-ля Петерс и не о маневре стоявшего за Восточноафриканской компанией отнюдь не англофобски настроенного финансового капитала, которому после подписания Гельголандского договора все-таки удалось осуществить свои политические цели и в ноябре того же года в обход[4] рейхстага заключить с правительством подлинно «львиное» соглашение о передаче последнему прав на колониальные владения[5].

В этих условиях не так легко было выражать особые симпатии к Гельголандскому договору. Наряду с левыми либералами почти ничего не выиграли от договора и социал-демократы[6]. Острее, чем все эти группы и даже чем подавляющее большинство высшей аристократии, которая лишь несколько позже, в период таможенной войны, перешла в наступление на Каприви, атаковал договор свободно-консервативный колониальный политик граф Арним-Мускау[7]. Левое крыло национал-либералов, опиравшееся обычно на города и на берлинскую финансовую верхушку, было наиболее удовлетворено достигнутым урегулированием[8], тогда как Южная Германия, где национал-либерализм нередко базировался на элементах, которые в Пруссии были бы избираемы как консерваторы и которые только из антипатии к католицизму стояли в лагере либералов, все усиливала свою враждебную критику. Особенно нынешняя «Мюнхнер альгемейне цейтунг» — старый орган немецких сторонников покровительственных пошлин — не видела оснований к тому, чтобы в угоду конкурентам — английским предпринимателям компрометировать

---

[1] О поведении правой прессы см. S e l l, op. cit., S. 72 ff.

[2] Доклад Крюгера от 29 июня 1890 г. (Гамбургский архив).

[3] Ойген Рихтер в рейхстаге, 5 февраля 1891 г.

[4] Это подчеркивает Густав Носке (G u s t a v N o s k e, Kolonialpolitik und Sozialdemokratie, Stuttgart 1914, S. 63).

[5] Соглашение, полностью воспроизведенное в книге Куртце (op. cit., S. 193 ff.), предусматривало выплату компании девяноста полугодовых взносов по 300 тысяч марок, так что даже этому осторожному критику пришлось высказать мнение, что соглашение не только с излишком возместило затраченные компанией капиталы и проценты на них, но и сверх того обеспечило предпринимательскую прибыль. Впрочем, относительно того, насколько обосновано утверждение Куртце об упомянутой прибыли, можно иметь различные мнения, поскольку ущерб, нанесенный бесконечными ошибками в управлении компанией, мог быть возмещен только доброй немецкой кровью.

[6] См. S e l l, op. cit., S. 95 ff.

[7] Речь в рейхстаге, 6 февраля 1891 г.

[8] См., например, позицию берлинской биржевой прессы, а также «Национальцейтунг» от 18 июня 1890 г.

позицию Германии по отношению к России и Франции и отбрасывать в сторону германские колониальные притязания.

Опыт со всей очевидностью показывает, что мировой экспансии Германии препятствовали финансово-капиталистические интересы и сотрудничество с внешними противниками расширения сферы влияния Германии; генералу фон Каприви, поборнику чисто континентальной политики мощи и военной силы, пришлось опираться на оптовиков и крупных финансистов, то есть людей, заинтересованных в дружбе Германии с Англией, а также двусмысленная или, точнее говоря, почти недвусмысленная позиция ведомства иностранных дел в этих вопросах — все это дало толчок событию, вначале почти не замеченному подавляющим большинством современников, но тем не менее вызвавшему к жизни мощное движение: основанию Пангерманского союза, родоначальника «народного» (völkische) движения, а тем самым и национал-социалистской партии*. Это была попытка мобилизовать все сколько-нибудь возможные вспомогательные силы, которые могли быть выставлены для борьбы против рационализма международно-правовых и экономических преград германской экспансии. Возможность германской экспансии по всему миру, социологический паллиатив германского среднего сословия, боровшегося с капиталистическими силами и силами рационализма, должна была быть спасена посредством генерального наступления против рационалистических, пацифистских и антимилитаристских составных частей современного мира, но главным образом против еврейства, рассеянного по всему миру и занимавшего прямо-таки ведущее положение в области финансового капитала. Это еврейство усматривалось повсюду и появлялось перед промышленностью в виде банка, перед мелким коммерсантом — в виде универсального магазина, перед крестьянином — в виде торговца или перекупщика, перед правительством — в виде прессы, перед армией — в виде рейхстага, перед дворянством — в виде социалиста, перед социалистами — в виде финансового капитала, перед пациентом — в виде врача, перед музыкантом — в виде критика, перед прокурором — в виде адвоката и в зависимости от ситуации и конъюнктуры рассматривалось как более или менее угнетающий элемент. Расовые, «народные», антирационалистические, антилиберальные, антидемократические и цезаристские доктрины пангерманизма сумели утвердиться в промышленности и среднем сословии. Первым председателем Пангерманского союза, который был основан во Франкфурте-на-Майне 28 сентября 1890 года коллективной акцией нескольких немцев из Цюриха, д-ра Альфреда Гугенберга из Ганновера и профессора Лейпцигского университета Вислиценуса, был избран Карл Петерс. К членам союза принадлежали, иногда лишь номинально, консервативные парламентарии обоих направлений, например фон Кардорф, граф Арним-Мускау, граф Мирбах-Зорквиттен, колониальные спекулянты вроде д-ра Шредер-Поггелова, руководящие лица Ротвейлерских пороховых заводов («Ротвейлер пульверфабрикен»), фирмы «Ханиель», Бурбахского металлургического завода («Бурбахер хютте»), будущий директор угольного синдиката Кирдорф и, главное, верхний слой среднего сословия, заинтересованный в экспансии, например специалисты строительного дела, географы, этнографы и т. д. Из крупных ежедневных газет особенно «Рейниш-Вестфелише цейтунг» — рупор все расширявшихся горных концернов — с самого начала поддерживала движение через своего главного редактора д-ра Рейсмана-Гроне. Пред-

---

* Об организации союза см. еще и теперь внушающую доверие, но написанную без вдохновения и не совсем полную книгу Mildred S. Wertheimer, The Pangerman League («Columbia University Studies», New York 1924). Не во всех отношениях удовлетворяет книга Lothar Werner, Der Alldeutsche Verband 1890—1918, «Historische Studien», Heft 278, Berlin 1935. Лучшее описание деятельности союза дает Паулина Андерсон в уже цитировавшемся труде.

назначавшийся первоначально главным образом для пробуждения национальных чувств немцев, проживающих за границей — за океаном и на отошедших территориях бывшей средневековой империи,— союз во главе с лейпцигским профессором статистики Эрнстом Хассе во время кризиса девяностых годов был занят также разработкой все более широкой внутриполитической программы, в чем ему сослужили службу книга «Основы XIX века» Хаустона Стюарта Чемберлена и расовая теория немецких эпигонов Гобино. Некоторое время, особенно до вступления Хассе в должность в 1894 году, пангерманцы представляли собой лишь небольшую, плохо организованную группу, однако судьба пангерманизма по своей природе зависела, разумеется, не столько от улучшения самой организации, сколько от того, будет ли общая политическая ситуация благоприятной для распространения пангерманских идей. Развитию же таких идей способствовало то, что не только в Германии, но и по другую сторону Ла-Манша нашлись люди, старавшиеся, чтобы англо-германские трения не прекращались и после заключения Гельголандского договора.

Английское правительство во время переговоров также испытывало давление своих колониальных дельцов; в конце концов договор был обязан своей ратификацией не колониальному капиталу как таковому, а скорее стремлению видных тори склонить Германию на свою сторону против России — политика, которую даже английские либералы, составлявшие тогда парламентскую оппозицию, не слишком критиковали, учитывая улучшение отношений с Германией[1]. Дальнейшее развитие англо-германских отношений как в Африке, так и в Европе определялось деятельностью человека, которому среди empire builders XIX века подобает занимать первое место. Этим человеком был Сесил Родс.

*Экспансия Сесила Родса в Южной Африке**

Сесил Родс, этот некоронованный властитель Южной Африки, преодолел безразличие своего правительства к планам создания английской колониальной империи от мыса Доброй Надежды до Каира тем, что на сквозной дороге, призванной соединить намеченные приобретения в Ньясаленде с Севером, он заложил несколько фортов и назвал их именами членов королевской фамилии, погрязшей в своих личных интересах. Он полагался на то, что и Civis Britannici бросятся вслед за знаменем, если швырнуть его в неприятельский лагерь[2]. Этот эпизод символизирует силу, с которой пришлось иметь дело Германии. Против восходившего, но уже с самого начала стесненного германского империализма в лице Сесила Родса выступил человек беспощадный, как

---

[1] См. к этому Adolf Hasenclever, Zur Geschichte des Helgolandvertrags («Archiv für Politik und Geschichte», November 1925).

[2] См. Basil Williams, Cecil Rhodes, London 1921, p. 167. Речь идет о фортах Файв и Аберкорн на трассе следования Стивенсона (Stevenson Road)

* К следующим разделам, которые были опубликованы в 1936 г. во французском переводе в «Revue Historique», см. Langer, Diplomacy, vol. I, p. 213 ff., и цитируемую там новую литературу, в том числе особенно Reginald Lowell, The Struggle for South Africa 1875—1899, New York 1934, а также (посредственную) работу Raymond Bixler, Anglo-German Imperialism in South Africa 1880—1900, Columbus (Ohio) 1932. Несколько замечаний имеется в книгах Eugene Staley, War and the Private Investor, A Study of International Politics and International, Private Investment, New York 1935, p. 196 ff., и Parker Th. Moon, Imperialism and World Politics, New York 1936, chap. IX. К вопросу о развитии общественного мнения Германии относительно Англии см. E. Carol, French Public Opinion and Freign Affairs 1870—1914, New York 1931, p. 362 ff.

когда-то конквистадоры, и твердый, как алмазы голубой земли, из которой он добывал свои сокровища и в которую умел вгрызаться так искусно, что порода соседа, содержавшая богатства, всегда обваливалась в его шахту. В грандиозной финансовой битве глава синдиката де Беерс перехватил у хитрого Барнато крупный алмазный рудник в Кимберли[1]. Пригласив Барнато после одержанной победы в аристократический клуб Кимберли, куда торговец золотом не имел права входа, он изворотливо и ловко проник в сердца капландцев; он сделался депутатом парламента Капской республики, а вскоре и ее премьер-министром и господствовал над парламентом благодаря своему богатству и доходам от золотых россыпей Южной Африки, которые он быстро сосредоточил в своих руках во время золотой лихорадки в Трансваале в конце восьмидесятых годов. Это второе крупное владение, на Витватерсранд, составило финансовую основу дальнейшей экспансии, которая, будучи задумана как экспансия экономическая, одновременно служила политическому контролю над исходной базой экономического наступления. Завоеватель проложил коридор между Дамаралендом и Намаквалендом на западе, где, к несчастью для Родса, неожиданно утвердились немцы (чему он не мог помешать), и бурскими республиками на востоке. Его сверкающая в прозрачном капском воздухе бронзовая статуя со словами на постаменте: «Gentlemen, there is your Hinterland» — как бы указывает на север, на территорию вокруг бурских государств, заполучить которую в качестве коридора для выхода к Индийскому океану было заветной мечтой Родса.

В борьбе за осуществление этой цели он не гнушался никакими средствами: с туземным вождем Лобенгулой, королем народа матабеле, который встретил его с благородством Монтесумы, он поступил, как Фернандо Кортес. Риск, сопряженный с этим гигантским земельным грабежом, Родс переложил на жадные лондонские переулки; курс акций Chartered Company, во главе которой стояла умножавшая свои состояния английская аристократия и даже сам принц Уэльский[2], он повысил с одного до восьми фунтов[3]. Заявки на рудники в Родезии, этом наспех созданном «государстве», финансировались Родсом из собственного Mining Trust, протяженность железных дорог достигла вскоре 2300 миль.

Этот небывалый размах предпринимательской деятельности, которую сосредоточил в своих руках Родс, столь возвышавшийся над своим временем (как, кстати, выделялось и его имение «Хроте схюр», которое, примыкая в своей «новой деловитости» к колониальному стилю Южной Африки, бросало дерзкий вызов вычурности эпохи), предполагал в качестве предпосылки контроль не только над производственным аппаратом золотых рудников в Трансваале, но и над фрахтами, уплачивавшимися за ввозившееся машинное оборудование для угольных шахт и рудников, и над таможенными сборами, которыми оно облагалось.

Необходимый контроль над предприятиями горной промышленности в конце концов обусловливал контроль над ключевой отраслью, от которой зависело все горное дело,— производством динамита. Однако при таких обстоятельствах судьба Родса очень сильно зависела от экономической политики бурских государств[4].

---

[1] См. W i l l i a m s, op. cit., p. 102.

[2] Об основании Chartered Company см. W i l l i a m s, op. cit., p. 135 ff.

[3] Данные о курсе акций взяты из книги K. P e t e r s, Afrikanische Köpfe, Berlin 1915, S. 115.

[4] Буры — это крестьяне голландского происхождения, которые в 1835—1837 гг. в знак протеста против покровительственной по отношению к туземцам политики капского правительства переселились в Трансвааль и прилежащие области. С 1886 г. занятая ими местность благодаря открытию в ней золота стала приобретать все возрастающее и несоразмерное значение.

Экономическая и финансовая политика буров. Столкновение с Родсом

Трансвааль, крупнейшее государство буров, уже с начала восьмидесятых годов пытался проводить независимую от Капской колонии экономическую политику и использовать свои связи с Нидерландами для установления прямого пароходного сообщения с Европой и для основания колониального банка — попытка, которая, впрочем, не удалась[1].

Поездка президента Крюгера в Европу в 1884 году послужила, между прочим, получению займа для финансирования постройки железной дороги из столицы Трансвааля Претории к восточному берегу Африки с конечным пунктом в Лоуренсу-Маркиш на берегу залива Делагоа—то был излюбленный проект буров, который мыслился как важное средство улучшения связи с Европой, однако его осуществление затруднялось тем, что территория, по которой должен был проходить конечный отрезок пути длиною около девяноста километров, а также сам порт Лоуренсу-Маркиш были владениями Португалии[2]. Постройка Делагоанской железной дороги зависела, таким образом, от строительства конечного (португальского) участка дороги, от тарифной политики на этом участке и, наконец, от отношений собственности в португальском портовом городе. Так как ко всем этим трудностям прибавилось еще и то, что 14 декабря 1883 года сооружение португальского отрезка дороги было поручено иностранцу — американцу Макмердо, правительство Трансвааля посчитало необходимым поставить согласие на строительство всей дороги в зависимость от надлежащего урегулирования вопроса об ее португальском участке[3]. Финансирование бурского отрезка обеспечивал нидерландский консорциум, который, однако, до открытия золотых россыпей не встретил в стране достаточного интереса, так что для размещения двух займов — на два и пять миллионов гульденов — ему пришлось обратиться к «Берлинскому торговому обществу» («Берлинер хандельсгезельшафт»), берлинскому банку «Роберт Варшауэр унд К°», а также к одной французской фирме[4]. Если на бурской территории финансирование и строительство дороги хотя и очень медленно, но верно подходило к концу, то на португальской дело шло менее гладко; в конце концов португальское правительство взяло ведение всех работ на себя, так как американский концессионер, которому оно сначала поручило строительство, действовал слишком медленно. Но так как эта, видимо, подставленная Англией[5] фигура, или, вернее, сделавшаяся правопреемником Англии англо-американская компания, обратилась с жалобой к английскому и американскому правительствам, то над Португалией

---

[1] См. P h. E. B o t h a, De Staatkundige Ontwikkeling van Suidafrikaanse Republiek onder Krüger en Leyds, Transvaal 1844/1899, Amsterdam 1926, p. 134. В диссертации уроженца Южной Африки и ученика Онкена Вюда (J. A. W ü d, Die Rolle der Burenrepubliken in der auswärtigen und Kolonialpolitik des Deutschen Reichs von 1883/1900) по трансваальскому вопросу использован неопубликованный немецкий материал, относящийся только к эпохе Бисмарка. Поэтому диссертация не содержит большого количества неизвестных данных о собственно критическом периоде девяностых годов и особенно о секретном германо-бурском ансамбле, не говоря уже о том, что бурская точка зрения мешает автору глубоко исследовать взаимосвязи и что важные в этом отношении экономические вопросы, как обычно, отодвинуты слишком далеко на задний план. Правильны и интересны содержащиеся в работе сведения о бурской политике Бисмарка; хотя Бисмарк иногда охотно использовал в качестве пугала против англичан германскую экспансию в Юго-Восточной Африке, как и другие колониальные интересы, он всегда отбрасывал их, как только они сталкивались с его мировой политикой.

[2] Проект Делагоанской железной дороги появился уже в начале семидесятых годов. В 1872 г. президент Бюргерс пытался получить средства на ее строительство в Англии. Проект провалился вследствие занятия бурских государств Теофилусом Шепстоном.

[3] B o t h a, op. cit., p. 154.

[4] Ibid., p. 153.

[5] См. BD, приложение, памятная записка Тилли от 5 января 1905 г.

нависла опасность приговора созванного в Берне третейского суда, который не сегодня-завтра мог поставить португальское государство с его расстроенными финансами в чрезвычайно трудное положение.

Эта опасность была тем серьезнее, что заинтересованные влиятельные круги Англии, стоявшие за Сесилом Родсом, стремились к тому, чтобы, закрыв Лоуренсу-Маркиш или захватив португальский отрезок дороги, блокировать весь проект бурской железной дороги. Окончание постройки всей дороги как кратчайшего пути от океана до бурской столицы Претории и золотых россыпей Витватерсранда в районе Иоганнесбурга должно было не только направить все движение грузов на восток по этому участку, но и обесценить железную дорогу Кейптаун—Вааль, конечный отрезок которой, проходивший по золотоносному району, буры могли по своему усмотрению обложить высокими тарифами в интересах Делагоанской дороги. Но если бы Родс владел берегом в Лоуренсу-Маркиш, то он смог бы не только перейти от обороны к наступлению и сам диктовать бурам свои условия, но и добиться также изменения тарифной политики буров, отрицательно сказывавшейся на работе его золотодобывающих предприятий, продукция которых и без того удорожалась динамитной монополией тех же буров.

Противники Родса в этой борьбе — буры и особенно их лидеры—с исторической точки зрения не могут безоговорочно считаться бедным, подвергнувшимся нападению народом, как их изображали во время англо-бурской войны. Распределение столь значительных доходов, какие были обусловлены бурской таможенной и экономической политикой по отношению к золотодобывающей промышленности[1], даже при малых масштабах предпринимательства обогащало по крайней мере небольшие группы; кроме того, было установлено, что руководящая верхушка бурской стороны во главе с бравым дядюшкой Крюгером* и статс-секретарем д-ром Лейдсом не всегда делала необходимое различие между личными и общественными средствами[2].

Следовательно, можно с полным основанием говорить о столкновении сильных империалистических интересов с обеих сторон. Борьба Родса против буров уже по одному тому была на руку Капской колонии, что руководящие политические деятели капского парламента, особенно сторонники империалистической политики, участвовали в его предприятиях, пожалуй, еще более откровенно, чем политические деятели метрополии. Если отвлечься от этого, то перевозка грузов через Делагоа грозила Капской колонии потерей всех таможенных сборов от золотопромышленного района, не говоря уже о том, что ее железные дороги потеряли бы всякое значение. В этом вопросе о пошлинах и тарифах Родс, уверенный в поддержке Капской колонии, со всей энергией боролся против буров, но протащить свои предложения ему так и не удалось[3]. Капскому диктатору оказалось не под силу не только воспрепятствовать успешной постройке Делагоанской дороги, но и принять меры против реализации прокладки второй железной дороги — от Дурбана до Наталя,— призванной сыграть в отношении золотопромышленного района Иоганнесбурга такую же роль, как и Делагоанская дорога.

[1] О доходах республики от Делагоанской железной дороги см. в работе B o t h a, op. cit., p. 164.

[2] Правительство по предложению предельно коррумпированного д-ра Лейдса в 1897 г. решило постепенно скупать акции Делагоанской железной дороги, не превращая это в политическое событие (B o t h a, op. cit., p. 163); это позволило широко спекулировать акциями, как, кстати, и позднее, во время англо-бурской войны, когда было сплавлено большое количество акций этой дороги, принадлежавших Крюгеру, причем никто не знал, была ли это государственная или частная собственность Крюгера. Как известно, англичане позже упрекали Крюгера в том, что его знаменитые поездки в Европу имели целью присвоить бурскую государственную казну.

[3] О таможенных конференциях см. в работе B o t h a, op. cit., p. 177; о тарифных переговорах — ibid., p. 181.

* Невысокое мнение автора о Крюгере, особенно как о политике, разделяется и таким консервативным историком, как Валь (W a h l, op. cit., 3. Bd., S. 234 ff.).

Начало германского вмешательства в бурский вопрос

Однако у буров было тем меньше причин добровольно пожертвовать своей сильной экономической позицией и содействовать тарифной и таможенной политике Капской колонии, что Германия стала прикрывать их с тыла. Представителем Германии в Претории был консул фон Герфф — капиталист с широкой натурой, который уже в 1891 году, вскоре после падения Бисмарка, носился с планом использования кризиса, возникшего в результате чрезмерной спекуляции вслед за первыми находками золота в Африке, чтобы основать германскую торговую компанию для Южной Африки и достичь широко задуманных целей. По замыслу Герффа, новая компания в тесном контакте с Германским Восточноафриканским пароходством Вёрмана должна была, действуя из бухты Делагоа и Дурбана, захватить всю торговлю в Южной Африке и далее, следуя по новому торговому пути через Бечуаналенд и Матабелеленд, протянуть руку Германской Восточноафриканской компании и даже, если удастся, установить связь с германской колонией (Schutzgebiet) в Юго-Западной Африке[1]. Планы германского консула отнюдь не были построены на песке: уже в конце 1890 года он сообщал о проекте создания большого нидерландского торгового общества для Южной Африки, в которое с немецкой стороны должны были войти «Берлинское торговое общество» и банкирский дом «Роберт Варшауэр унд К°»[2]. Однако он считал, что освободить немецкую торговлю от голландской опеки не менее важно, чем и от английского капитала.

В Берлине под влиянием эры Каприви эти планы были встречены скептически, так как их осуществление вызвало бы немедленное столкновение с Сесилом Родсом. Когда Герфф запроектировал для намечавшегося им торгового общества капитал в 100 миллионов марок, ведомство иностранных дел указало ему, что даже в секретной консульской корреспонденции невозможно сообщить об этом ганзейским городам без риска вызвать скандал[3]. Немецкие интересы не ограничивались участием в предприятиях, которые осуществляли ввоз товаров на золотые рудники, скорее наоборот, эти экономические шаги объясняются стремлением поставить на службу германской промышленности и германскому капиталу и сами весьма крупные немецкие владения в золотых рудниках, первоначально намного превосходившие английские[4]. Крупные золотопромышленные компании содержали в Берлине многочисленные бюро, весь Берлин спекулировал золотыми акциями, так что, безусловно, можно считать, что и видные лица из правительства и ведомства иностранных дел, в том числе разоблаченный как типичный биржевой спекулянт Гольштейн, извлекали выгоду из этих событий.

Германская промышленность, однако, рассчитывала на фрахты и поставки; консул в Кейптауне доносил, что Германское Восточноафриканское пароходство уже договорилось с управлением германских железных дорог и дирекцией Нидерландско-Южноафриканской железнодорожной компании о сквозных тарифах от главных железнодорожных станций Германии до Лоуренсу-

---

[1] Донесение консула Герффа от 29 сентября 1890 г. (Архив ведомства иностранных дел).

[2] Донесение Герффа от 16 ноября 1890 г. (Архив ведомства иностранных дел).

[3] Мюльберг — Герффу, 2 февраля 1891 г. (Архив ведомства иностранных дел).

[4] По итоговому отчету Герффа за 1894 г., вложения Германии в золотодобывающую промышленность Витватерсранда продолжали увеличиваться. По его мнению, можно утверждать, что большинство горнопромышленных компаний было основано немцами. Это видно из того, что не только большинство золотопромышленных компаний состояли из немцев, но и большинство крупных финансовых фирм в Иоганнесбурге были немецкого происхождения. Впрочем, германскому капиталу неоднократно приходилось использовать лондонский рынок, так как германские законы о клейме (Stempelgesetze) и биржевые правила мешали свободной торговле золотыми акциями (Goldshares).

Маркиш[1]. Возникавшие здесь возможности были тем значительнее, что немецкая железоделательная и сталелитейная промышленность, теснимая образованным в 1893 году также под влиянием кризиса угольным синдикатом, пыталась возместить потери от падения мировых цен увеличением вывоза[2]. Особо важной статьей экспорта был вывоз стрелкового оружия, пушек и боеприпасов, обычно связанный с военной экспансией. Агент буров немецкий капитан Шиль, которого генеральный консул в Трансваале (кстати, один из ведущих деятелей «Берлинского торгового общества») рекомендовал в октябре 1893 года ведомству иностранных дел и которому предстояло заниматься реализацией заказов на оружие для буров, встретил в Берлине любезный прием[3]. Зародившийся в связи с этим интерес германской военной промышленности к Трансваалю усилился в результате побед, одержанных в это время «английской» и «немецкой» динамитной промышленностью в борьбе против монопольного положения французской динамитной промышленности в Трансваале, очень толковым представителем которой был немецкий агент, двоюродный брат связанного с Родсом могущественного финансиста Бейта[4]. Впрочем, национальность в таких делах — обычно крупнейших делах капиталистического века — вещь далеко не первостепенная. «Английская» динамитная группа весь последующий период работала преимущественно против «английских» интересов[5]; это объясняется, безусловно, тем, что как за ней, так и за немецкой группой стоял Нобелевский трест, который — что вполне естественно при тесной связи между германской военной промышленностью и динамитным капиталом — сначала поддерживался Германией, а с 1894 года благодаря систематическому подкупу руководящих кругов в Претории сумел добиться монополии на поставки для Трансвааля.

Усиление гласного и тайного влияния Германии. Первая депеша кайзера Крюгеру

В конечном счете все эти интересы побудили германское правительство — вопреки его первоначальному намерению[6] и даже, можно сказать, вопреки его собственному убеждению — к энергичной политике в Южной Африке. При этом оказалось, что особенно срочной задачей было помешать Сесилу Родсу приобрести португальский отрезок железной дороги или портовые сооружения Лоуренсу-Маркиша. К сожалению для немцев, эту проблему

[1] По сообщению южноафриканской газеты от 12 января 1895 г., германские пароходные линии намеревались выплачивать Трансваальской железной дороге полную стоимость, а своим клиентам предложить особые условия фрахта, что делает совершенно ясным социологический смысл субсидий Восточноафриканскому пароходству.

[2] См. в «Кёльнише цейтунг» от 19 ноября 1895 г. интересную статью «Немецкое судостроение и немецкие прокатные заводы», согласно которой начиная с 1894—1895 гг. было ввезено из-за границы в два с лишним раза больше чугуна и железа, чем раньше, против чего, между прочим, следовало, по словам газеты, использовать новую тарифную политику, которая дала бы возможность Рурской области снабжать немецкие пароходства. Поставки для Южной Африки были особенно кстати вагоностроительному заводу Дейтцера в Кёльне и Бохумскому объединению сталелитейной промышленности, которые утверждали позднее, что эти заказы помогли им преодолеть кризис.

[3] Заключение военного ведомства по рекомендательному письму г-на Винтерфельда «Берлинскому торговому обществу» от 13 октября 1893 г. (Архив ведомства иностранных дел). В книге A. Schiel, 23 Jahre Sturm und Sonnenschein in Südafrika упоминается очень кратко об этой миссии (стр. 284).

[4] Williams, op. cit., p. 171.

[5] Что, впрочем, также следует понимать только cum grano salis.

[6] Ср. отказ от настоятельно и неоднократно рекомендованного Австрией соглашения с Англией; отказ был, бесспорно, обусловлен этими решающими южноафриканскими вопросами.

нельзя было решить чисто экономическими средствами: соуправители величайшего в мире валютного рынка, парижские Ротшильды, не вняли просьбам трансваальского правительства о деньгах, так как уже финансировали Сесила Родса[1] и помогли ему выиграть большую битву с Барнато[2]. Опасность финансового и политического поражения бурских государств в борьбе с превосходящими силами противника в этих условиях с часу на час возрастала по мере продвижения строительства дороги. Чтобы остановить грозное развитие событий политическими средствами, Герфф потребовал, чтобы германское правительство послало на торжественное открытие дороги военный корабль[3]. Но прежде чем дело зашло так далеко, Германия решилась на важный политический шаг. 10 июля 1894 года германскому посланнику в Лиссабоне было поручено заявить энергичный протест против возможной продажи иностранным компаниям португальских прав на Делагоанскую железную дорогу или на порт Лоуренсу-Маркиш. Реализация такой возможности, как подчеркивалось в обоснование протеста в ноте, которую должен был вручить посланник, означала бы для Германии не только отстранение ее от свободных торговых связей с Трансваалем, которым имперское правительство уже принесло жертвы в виде субсидий пароходным линиям, но и привело бы, по логике вещей, также к прекращению использования Преторианской железной дороги, а вместе с тем и к потере вложенных немецких денег. Перед лицом атак Родса германское правительство посчитало целесообразным посвятить в эти вопросы Трансвааль. 15 сентября 1894 года Герфф поставил в известность статс-секретаря и президента республики о предпринятом Германией в Португалии шаге и узнал в ответ, что Трансвааль со своей стороны также предпринял финансовый демарш в Лиссабоне, чтобы парировать английские финансовые предложения[4]. В такой обстановке Родс натолкнулся на сопротивление, когда в октябре он энергичным наступлением вторично попытался посредством соглашения с бурами подсунуть капским железным дорогам половину трансваальских перевозок.

В Германии за этой борьбой следили с напряженным вниманием. Делагоанская дорога привлекла особое внимание кайзера, который неоднократно заявлял, что Германия не потерпит утверждения Англии в Делагоа и что поэтому нужно договориться с Трансваалем и послать военные корабли в Делагоа, чтобы припугнуть Англию. Одновременно германское правительство вело переговоры с посланником буров, которому была обещана всяческая поддержка его правительства, а также финансовый нажим на Португалию при условии, что Трансвааль возьмет на себя необходимые гарантии[5].

---

[1] См. B o t h a, op. cit., p. 235 ff.

[2] См. W i l l i a m s, op. cit., p. 100 u. 235.

[3] Донесение Герффа Каприви от 11 июня 1894 г. (Архив ведомства иностранных дел). Торжественное открытие дороги пришлось отложить почти на год из-за медленных темпов ее строительства.

[4] Подробности см. в донесении Герффа от 15 сентября 1894 г. (Архив ведомства иностранных дел). Крюгер, резюмируя через несколько дней после этого свое впечатление, сказал, что до сих пор он думал, что Германия склоняет голову перед Англией, но теперь он видит, что Германия поднимает голову, и он снова начинает любить Германию.

[5] См. BD, I, приложение, памятная записка Тилли от 5 января 1905 г., и там же, № 342, памятная записка Кроу от 1 января 1907 г., а также письмо Маршалла Герффу от 3 декабря 1894 г.

В свете упомянутых здесь и частично уже известных англичанам документов, которые автор обнаружил в Архиве ведомства иностранных дел, нельзя понять, как Фридрих Тимме в своей статье о депеше Крюгеру («Europäische Gespräche», Jg. 1924, S. 201 ff.) приходит к такого рода утверждениям: «Следует признать полностью несостоятельными все высказывавшиеся английской стороной уже в 1895 г. и позже, вплоть до настоящего времени, подозрения, будто германское правительство при обострении отношений между Трансваалем и Англией умышленно стремилось укрепить бурское правительство в его вере, что оно может рассчитывать на поддержку Германии. На сей счет как раз нет никаких фактов. Немецкие государственные деятели конфиденциально, с полной лояльностью и определенностью сообщили английскому правительству принятую

Германские государственные деятели остерегались выдать английскому послу эти ловкие секретные шаги и посмеивались над беспокойством, которое выражалось повсюду в Англии после дерзкого тоста президента Крюгера в день рождения кайзера[1]. В действительности же они зорко следили за завязкой событий, усердно стараясь воспрепятствовать политике Родса и пресечь его неоднократные попытки образования антигерманской и антифранцузской бурской партии. Символом этой политики они избрали открытие Делагоанской железной дороги, которое старались превратить в открытую манифестацию бурско-германской дружбы[2]. Это событие, подготовленное официозной немецкой прессой, превратилось в шумный праздник; сам Крюгер проследовал на первом поезде до берега, посетил один из германских кораблей, стоявших в бухте, и обменялся с германским кайзером характерными телеграммами[3]. Несколько дней буры кутили на бесшабашно растрачи-

---

с самого начала точку зрения по трансваальскому вопросу, сводившуюся к тому, чтобы в соответствии с основополагающим договором от 1884 г. ни в коем случае не дать расшатать независимость южноафриканской республики и не признавать изменения статус-кво как наносящего тяжелый ущерб немецким коммерческим интересам. Но открытого опубликования этой немецкой точки зрения, которое послужило бы бурскому правительству моральной поддержкой, не последовало, так же как и секретного уведомления этого правительства немецкими агентами. Только 30 декабря, в день, когда Джемсон вторгся на территорию Трансвааля (но не раньше), точка зрения Германии была сообщена в Преторию». Вюд (op. cit., S. 75 ff.) в полемике с «Таймс» от 9 декабря 1924 г. повторяет это утверждение Тимме*. Я отношу этот явный промах за счет обычной недостаточной социологической опытности, что позволяет прослеживать экономические связи в научных работах лишь постольку, поскольку они проявляются непосредственно в деятельности видных дипломатов и потому не могут остаться незамеченными. Если к тому же документ не обнаруживается под чисто политической рубрикой и на надлежащем месте, захлопывают справочник и вводят в заблуждение urbem et orbem и не в последнюю очередь самих себя достойными сожаления заявлениями. Чтобы убедиться в недостаточной социологической опытности Тимме, ср. также, например, изложенное выше (на стр. 53) истинное положение вещей, связанное с переменой отношения Кардорфа к покровительственным пошлинам, с освещением этого вопроса у Тимме в «Kardorff, Briefe an Bismarck» («Deutsche Revue», November 1916), где говорится: «Обстоятельное чтение Кэри и, пожалуй, в еще большей мере внимательное и трезвое наблюдение над все расширявшимся экономическим кризисом вызвали полный переворот в его взглядах. Восприняв новые истины, он немедленно и с несравненной решимостью начал содействовать их распространению в обществе».

С другой стороны, поистине необъятное количество материалов мешает мне исследовать соответствующим образом отдельные политические соображения для каждого данного момента. Поэтому я не осмеливаюсь конкурировать с политическими историографами, которые свои исследования строят по схеме: Каприви хотел — Эккардштейн думал— Бисмарк сказал — Гогенлоэ говорил — Гатцфельдт сообщал.

Этот метод, как ни переоценивается нередко его значение, я признаю, поскольку он существует; в результате самоограничения, обусловленного временем и местом, я хотел бы и здесь предотвратить возможные упреки в его игнорировании, так как мои взгляды отличаются от господствующих, как мне кажется, только тем, что более четко подчеркивают зависимость всякой политической и внешнеполитической оценки от тех или иных социологических позиций.

[1] GP, 2811, запись Маршалла от 1 февраля 1895 г.

[2] «Норддейче альгемейне цейтунг» писала 25 июня 1895 г.:

«Это произведет в Африке хорошее впечатление и укрепит как Трансвааль, так и Оранжевую Республику в убеждении, что в своей борьбе за сохранение самостоятельности они могут всегда рассчитывать на поддержку Германии, да и для португальцев появление двух немецких военных кораблей будет кое-что значить».

[3] На историю этой «первой» депеши Крюгеру может пролить свет ряд документов из Архива ведомства иностранных дел, в частности, и датированная 10 июля 1895 г. телеграмма германского консула в Претории фон Герффа ведомству иностранных дел, текст которой гласил: «Во вторник утром 16 июля президент Крюгер посетит германский военный корабль «Кондор» и будет особенно признателен за салют. Так как «Кондор» без указания свыше салютовать не может, прошу испросить полномочия на салют у глав-

* Впрочем, Лангер («Diplomacy» vol. I, p. 229) также высказывается в этом духе. Однако он в меньшей степени, чем Вюд, мог догадываться об истинном положении вещей. Его изложение и здесь серьезно отличается в лучшую сторону от остальной литературы и во многом совпадает с картиной, приведенной выше на основе неопубликованных документов.

ваемые общественные деньги[1]; а в немецком клубе в Претории местные немцы чествовали соратника Карла Петерса и нынешнего консула в Лоуренсу-Маркиш, пангерманца графа Иоахима фон Пфейля и консула фон Герффа как представителей бисмарковской школы: в своих застольных речах, совершенно в духе Петерса, они упоминали о необходимости европейской континентальной политики вообще и деятельности вёрмановского Восточноафриканского пароходства в частности — к большому неудовольствию англичан, в качестве представителя которых верховный комиссар Англии в Капской колонии произносил весьма удручающие речи[2].

После завершения Делагоанской железной дороги Родс увидел, что его противники достигли цели, и это было для него тем горше, что проект германской концессии в гавани Делагоа при авторитетном немецком участии становился все более реальным[3]. В этих обстоятельствах он принял все меры, чтобы достичь соглашения с Преторией по тарифному вопросу, ставшему исключительно актуальным. Но переговоры по этому вопросу закончились 4 ноября безрезультатно[4].

Усиление англо-германских трений в мировой политике

По мере обострения напряженности в англо-германских отношениях и усиления империалистических трений на всем земном шаре основная задача германской внешней политики — дипломатическо-политическое, стратегическое и морское обеспечение рейха — все усложнялась, а методы ее решения оказывались во все большей зависимости от позиции правящих лиц в рамках общего процесса империалистического развития.

ного командования. Приветственная телеграмма Его Величества президенту после снисходительного тона вчерашней речи верховного комиссара [сэра Геркулеса Робинсона] произведет здесь отличное впечатление и в качестве мирной демонстрации против Англии укрепит наше положение в Южной Африке. Герфф».

Телеграмма Герффа была доставлена находившемуся в поездке по Северной Скандинавии кайзеру в следующем виде: «Заместитель статс-секретаря фон Ротенган посланнику фон Кидерлену. Наш консул в Претории телеграфировал вчера следующее (следует приведенная выше телеграмма). В отношении полномочий на салют адмиралтейство распорядилось о просимом. Если Его Величество, о чем я ходатайствовал бы, утвердит следующее предложение, то мог бы быть принят во внимание следующий текст телеграммы президенту: «В дни, когда Вы празднуете установление прямого железнодорожного сообщения между столицей Вашей страны и морем, мне доставляет особое удовлетворение направить Вам мой привет на борт моего корабля «Кондор», Я желаю Вам и Южноафриканской Республике, которой принадлежат мои симпатии, счастья в связи с удачным завершением строительства железной дороги и надеюсь, что новая железнодорожная линия будет иметь большое будущее и окажется и для Вашей страны здоровым путем к дальнейшему развертыванию торговли и что одновременно она послужит началом установления тесных транспортных связей с Германией». Ротенган...»

Кайзер телеграммой от 17 июля 1895 г. выразил согласие с этой редакцией депеши, которая была передана 15 июля на «Кондор» для президента Крюгера. Депеша произвела большое впечатление. Телеграмма Герффа от 17 июля приписывает ее воздействию срыв идеи английского верховного комиссара об объединении Южной Африки под английским руководством. Крюгер весьма сердечно поблагодарил кайзера 16 июля, особо упомянув об участии германской промышленности в строительстве железной дороги.

[1] Праздник обошелся в 60 тысяч марок, и преимущественную выгоду из этого извлекли некоторые господа голландцы (B o t h a, op. cit., S. 332).

[2] Донесение Герффа от 20 июля 1895 г. (Архив ведомства иностранных дел).

[3] Донесение Пфейля от 22 августа 1895 г. о переговорах с агентом, который представлял фирму «Сименс унд Гальске», Немецкий банк, «Берлинское торговое общество» и Франкфуртский банк Якоба С. Г. Штерна; речь идет о концессии некоего г-на Эйффе из Гамбурга, которая в позднейших переговорах о компенсации играла большую роль.

[4] См. B o t h a, op. cit., p. 184.

При таком положении вещей тем более недостаточно анализировать «политическое мышление» государственных деятелей; между тем современная историография, обнаруживая беспомощность перед окружающей ее непрерывно растущей массой печатных и письменных документов, этим только и ограничивается.

Анализ международных событий как исследование дипломатических усилий, направляемых на противодействие давлению других государств на свое государство с применением в соответствии с обстоятельствами всех стратегических и политических средств, при изучении этого времени более чем обычно должен постоянно подкрепляться анализом социологических интересов, которые приходилось защищать отдельным государственным деятелям и от которых эти деятели зависели[1] *. Необходимость считаться с такими интересами, характерная для любой политики, особенно политики империалистических держав, вызвала странные конвульсии, которыми германская внешняя политика, к удивлению современников и потомков, задела за живое сперва японцев протестом против Симоносекского мира, а затем и англичан в Южной Африке, Конго, Самоа и Босфорском вопросе.

В случае с Симоносеки, как будет показано ниже, движущей силой были интересы германской военной промышленности, которая использовала в своих целях устремившийся на Восток империализм России и Франции. При этом германская политика, особенно в начале 1895 года, встретилась с серьезным недовольством Англии, и усилившиеся трения между обеими державами на территории Южной Африки нарушили их дружественные отношения на Дальнем Востоке. В ответ на это Германия летом 1895 года весьма резко отклонила проект кабинета Солсбери, который, стремясь обрести свободу действий против России в Восточной Азии, предложил Германии ни больше, ни меньше, как раздел Турции, несколько утратившей свою ценность для Англии после сооружения Суэцкого канала. При этом, как и вообще в вопросах такого рода, следует считать повинными в политике Германии не столько отрицательные качества характера Гольштейна, сколько реальные германские интересы, которые не совпадали с тогдашними устремлениями Англии ни в Африке и на Востоке, ни здесь, в Константинополе. Плану раздела Турции противоречили, помимо традиционной позиции на Босфоре германской военщины, крупных банков и военной промышленности, также веские поли-

[1] От такого анализа социологических интересов в значительной мере отказываются, например, как Эрих Бранденбург в своей известной книге «Von Bismarck zum Weltkrieg» (переизданной в Лейпциге в 1939 г.), так и Фридрих Мейнеке в своей особенно важной для изучения периода до 1901 г. работе «Geschichte des deutsch-englischen Bündnisproblems 1890 bis 1901» (München 1927). Для книги Бранденбурга, являющейся своего рода первым восхождением «на гору документов», характерен отказ от изложения скрытых связей, которые во многих случаях представляются известными автору. Отсутствие освещения этой проблемы у Мейнеке тем более достойно сожаления, что здесь дело идет о разработке частичной проблемы, которая не может быть решена без точнейшего социологического исследования. Политика — не физическое движение безжизненных схем в безвоздушном пространстве, и анализ непрерывных социологических изменений совершенно необходим. Эти изменения только и дают повод к совершенно обоснованным и в своей реальности бесспорным, а поэтому и не оспариваемым мною политическим соображениям дипломатии и идущей по ее следам политической историографии о «давлении».

* К сожалению, полное осуществление этой программы исследования было затруднено для автора изданными вскоре после смерти Штреземана реакционными правилами пользования Архивом ведомства иностранных дел, согласно которым материалы за последние тридцать лет не выдаются. Такая политика использования материалов, которая предопределила последовавшие события, находилась в резком противоречии с официальной версией, по которой из политики до 1914 г. будто бы не делалось тайны. Огромный и очень интересный материал не мог быть напечатан в GP и, таким образом, не увидел света. Особенно это относится к босфорским и турецким документам, чрезвычайно важным для освещения предыстории первой мировой войны. Автору не было разрешено использовать их, и он был вынужден при исследовании соответствующих проблем ограничиться изучением материалов в Имперском морском архиве и в газетном архиве «Кёльнише цейтунг».

тические основания: захват русскими морских проливов затронул бы дружественную Польше политику Австрии, проводимую графом Голуховским, а другое решение задело бы русских, отчего вновь сами собой всплыли бы все проблемы эпохи Берлинского конгресса. Нетактичное обращение кайзера с Солсбери (впрочем, столь малодостоверное, что некоторые склонны говорить о бестактном обращении самого Солсбери с кайзером) было и здесь только accidens в социологическо-политической materia. Историки, критикующие Вильгельма и Гольштейна, обычно упускают из виду это обстоятельство[1].

Только постоянно применяя социологическо-политический анализ, можно во всех случаях правильно оценить деятельность германских государственных деятелей той эпохи, и только благодаря такому анализу будущая историография, быть может, окажется в состоянии проверить строгий приговор, вынесенный им историографией современной. Ведь со времени падения Бисмарка проблемы, подлежавшие решению, и субъективные мнения политических деятелей об их задачах совершенно изменились.

К интересам, официального признания которых добились своим социальным престижем влиятельные, хотя и ничтожно малочисленные группы и которые невероятно осложняли деятельность ведущих дипломатов[2], в 1895 году относилась защита германских предприятий в Восточной Африке и в Самоа[3]. В обоих случаях ведущим было «Дисконтогезельшафт», являвшееся участником Германской Восточноафриканской компании и стоявшее за Самоанским обществом торговли и плантаций, создание которого обострило напряженность с Англией в вопросах мировой политики. Германские интересы в Восточной Африке начали тогда разрывать рамки англо-германского колониального соглашения; они сорвали попытку Сесила Родса посредством приобретения полосы территории международным государством Конго содействовать в обход заключенных договоров осуществлению проекта дороги Кейптаун — Каир[4] *. Все это усилило значение борьбы за Трансвааль, первая решающая битва за который последовала еще до конца года.

Свержение канцлера-англофила Каприви. Рейхсканцлерство князя Гогенлоэ

Опасность того, что при случае дело может дойти до столкновения с Англией, была тем сильнее, что тем временем канцлер Каприви, заинтересованный в том, чтобы быть технически готовым к возможной континентальной войне на два фронта, и поэтому ценивший хорошие отношения с Англией, пал

[1] Приводимую Мейнеке (op. cit., S. 39 ff.) версию, будто бы англо-германское соглашение не было достигнуто в конечном счете из-за ошибок и трений личного порядка, сам Мейнеке в другом месте (S. 47 ff.) обесценивает замечанием, что все эти случайные ошибки как раз соответствовали внутренним затруднениям.

[2] Следует подчеркнуть, что германские документы, относящиеся к колониальным проблемам того времени, еще и поныне находятся под замком, в силу чего приходится ограничиваться только намеками. Как мне известно, один исследователь, изучающий Соединенные Штаты и Европу, получил специальное разрешение на использование самоанских документов, которые тоже принадлежат колониальному ведомству, так что в интересах разделения труда я только попутно затрагиваю комплекс этих вопросов**.

[3] См. GP, 2039, Гатцфельд — Каприви, 1 июня 1894 г. (с обзором эволюции всей проблемы).

[4] Об этом см. прежде всего GP, 2042, запись Маршалла от 8 июня 1894 г.; далее: 2043, Маршалл — Гатцфельду, 9 июня 1894 г.; 2044, Гатцфельд — Каприви, 11 июня 1894 г.; 2047, Вильгельм II — Каприви, 11 июня 1894 г.; 2049, запись Маршалла от 13 июня 1894 г.

* Об этом проекте см. [Mrs.] Lois A. C. Raphael, The Cape-to-Caire Dream, a Study in British Imperialism, New York 1936.

** См. теперь, Alfred Vagts, Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, 2 Bde., London und New York 1935, глава «Самоа».

жертвой своих внутриполитических противников. Поворот и в этом случае объясняется кризисом; та же тяжелая промышленность, чьи возросшие потребности сбыта содействовали усилению напряженности на колониальных рынках и не в последнюю очередь в Южной Африке, устами саарбрюккенского угольного короля и свободно-консервативного депутата барона фон Штумма-Хальберга потребовала, чтобы разобщенные экономической политикой имущие классы объединились перед лицом социальной опасности и чтобы правительство приняло энергичные меры против рабочих масс[1]. В ведомстве иностранных дел с трепетом ожидали принятия закона о карах за попытки государственного переворота, который мог вернуть к власти Бисмарков — пусть хоть на короткий срок, на «сто дней» перед социальным Ватерлоо[2]. Правда, Вильгельмштрассе удалось контринтригами еще раз предотвратить социально-реакционную диктатуру; но ведомство иностранных дел уже не было таким сильным, чтобы удержать Каприви вопреки его противникам-аграриям и интригам семейства Эйленбурга. Там были рады уже тому, что на пост рейхсканцлера был призван не кто-нибудь из наводящих страх лиц из Саксонского Леса, а франконский магнат князь Гогенлоэ-Шиллингсфюрст — «не консерватор и не либерал, не христианин и не атеист», считавшийся компромиссной фигурой между борющимися направлениями[3] и вскоре же после своего вступления в должность получивший за свою колониальную политику удовлетворительную оценку от пангерманского вождя профессора Эрнста Хассе. Антианглийские интересы, сложившиеся в эру Гогенлоэ, еще более усилились благодаря первым реальным планам увеличения германского флота.

*Кайзер и зарождение морской политики. Социологические основы интереса к флоту**

Склонность молодого кайзера к флоту сама по себе уже давно не была секретом. Она обнаружилась в первом же указе, изданном в самом начале его правления[4]. Следовательно, можно было с уверенностью ожидать изменения курса.

В новом рейхе в эру Штоша (1873—1884) флот получил четырнадцать крупных броненосцев[5], но зато в эру Каприви больше не увеличивался. Эра Каприви, под которой во флоте подразумевают время с 1884 по 1888 год, когда Каприви управлял военно-морским ведомством, привела к полному застою в строительстве флота вследствие того, что предпочтение оказывалось военным, ориентировавшимся на континентальную войну на два фронта и на флан-

[1] Zechlin, op. cit., S. 101.
[2] Ibid., S. 132 ff.
[3] Ibid., S. 149 ff.
[4] Еще будучи принцем прусским, Вильгельм II часто вращался в военно-морских кругах, был постоянным гостем в морском казино. 28 июля 1880 г. кронпринц Фридрих отправился с ним в Свинемюнде, чтобы принять участие в празднике военно-морского флота; в феврале 1885 г. принц освятил корвет «Александрине»; 3 июля 1887 г. он при закладке шлюза на Кильском канале был зачислен почетным солдатом батальона морской пехоты и 22 сентября 1887 г. при спуске на воду броненосного корвета «Принц Вильгельм» произнес тост за «наш дорогой, любимый флот».
[5] Уже в эту эру проявилась характерная для позднейшего времени связь адмиралитета с крупной промышленностью. Штош был не только одним из крупнейших заказчиков, но и личным другом Альфреда Круппа (см. Berdrow, op. cit., 2. Bd., S. 227, 277, 284). При уходе в отставку Штош получил за свои заслуги адрес от немецкой стальной и кораблестроительной промышленности («Кёльнише цейтунг», 6 августа 1883 г.).

* К проблеме в целом, кроме подробно цитируемой здесь работы Кера, см. Hans Hallmann, Der Weg zum deutschen Schlachtflottenbau, Stuttgart 1933. (Хальманн в отличие от Кера подчеркивает основную политическую идею строительства флота; автор настоящей работы придерживается середины между ними.)

говое прикрытие от Англии [1], [2]. Борьба в рейхстаге того времени выявила наличие в парламентском представительстве флотских интересов определенного поворота. Левые либералы, прежде первые в Германии друзья флота, который был необходим во время объединительной войны рейха с Данией, чтобы приобрести морской порт Киль, удовлетворились достигнутым. При своей заинтересованности в торговом обмене с Англией и антипатии к колониям они считали возможным тем легче отказаться от планов дорогостоящего строительства военно-морского флота, что сильный флот скорее подвергал бы торговлю этого рода опасности, чем содействовал бы ей. В начале девяностых годов никто, даже в правых кругах, не думал еще о большой морской войне, тем более о войне с Англией[3]. Тем не менее планы усиления флота сделались заметными еще до падения Бисмарка и довели до сильных жалоб в парламенте[4] левых либералов, которые, несмотря на свою прогрессивную идеологию, из-за упрямой оппозиции отстали от духа времени, характеризовавшегося стремительным движением к империализму[5].

Чтобы сломить такое сопротивление, одного кайзеровского увлечения флотом, как оно ни было важно, было совершенно недостаточно; неуравновешенная и дилетантская натура монарха достигала цели вопреки таким трудно поддающимся управлению силам, как рейхстаг или упорство различных ведомств, чаще всего только в том случае, если у него появлялись союзники, достаточно сильные, чтобы преодолеть это сопротивление да и его собственные причуды, что обычно зависело от того, были ли брошены на чашу весов в пользу определенной политики решающие социальные интересы.

Такой случай представился с началом проведения мировой политики[6]. Имеется определенная связь между расширением экспансии, усилением влияния промышленного магната Штумма и ростом авторитета человека, который в военно-морском ведомстве один только и понимал, какой флот надо строить и как социально обосновать его,— капитана 1-го ранга Альфреда фон Тирпица[7]. Принципом новой морской политики стало предположение, что линейный флот важнее, чем крейсерский, что теперь дело заключается не в том,

[1] См. E. K e h r, Schlachtflottenbau und Parteipolitik 1894—1901, Berlin 1930, S. 25 ff.

[2] Антипатия Бисмарка к кораблестроителям и морякам основывается на недоверии феодальной аристократии к инженерно-технической деятельности, которая грозила перерасти ее с развитием индустриализации и нарушить традиционную внешнюю политику. В силу этой причинной связи между планами строительства флота и интересами техники и промышленности, которая угрожала отнять у аграриев средства к существованию, при комплектовании морского офицерского корпуса с самого начала приходилось ориентироваться на буржуазные слои. Большинство дворян ни по своей подготовке, ни по своим сословным взглядам не было пригодно для профессии морского офицера, много занимающегося техническими вопросами, и тем более для профессии корабельного инженера. Об отношении Бисмарка к Штошу см. E. B e t h c k e, Politische Generäle, Kreise und Krisen um Bismarck, Berlin 1930, S. 91 ff., где, впрочем, принципиальное в этом вопросе обойдено.

[3] Планы Тирпица также сначала были направлены, в соответствии с точкой зрения армии, на обеспечение побережья от русско-французской блокады, хотя он все же энергичнее, чем прежнее руководство, нацеливал при решении подобных вопросов на открытое морское сражение (см. A. v. T i r p i t z, Erinnerungen, Leipzig 1919, S. 58).

[4] См. дебаты в рейхстаге 10 января 1890 г., в ходе которых Риккерт, Рихтер и Виндтхорст говорили о морских намерениях Германии, связывавшихся, особенно центристским лидером, с отставкой Каприви с поста статс-секретаря морского ведомства. Особенно активно выступал за новую морскую политику судовладелец Вёрман; это дало повод Рихтеру иронически заметить, что от строительства крейсеров, которое стояло на первом месте во всех тогдашних планах увеличения флота, зависела также гарантия существования камерунских фирм Вёрмана и Янцена Тормелена.

[5] Относительно этой манеры не шедших на уступки либералов, которые не хотели сделать выводов из своих собственных идей и тем помогли консерваторам рядиться в тогу «подлинной прогрессивности», см. меткие замечания у Кера (K e h r, op. cit., S. 13 ff., 17 ff.)

[6] Правильно освещено у Кера (op. cit., S. 35).

[7] При изложении морской политики до 1901 г. я во всех случаях, где не привожу просмотренных мною источников, использую превосходную книгу Кера, которая вышла во время подготовки настоящей работы и во многом совпадает с моими взглядами.

чтобы в случае необходимости охранять колонии или наказывать туземцев силами посланных на край света крейсеров, а в том, чтобы эскадрой линейных кораблей в открытом морском сражении ударить по противникам, которыми считались прежде всего Россия и Франция. Эти принципы, изложенные Тирпицем в докладной записке, датированной 16 июня 1894 года[1], почти не имели сторонников ни в рейхстаге, ни в общественных кругах, пока хорошие отношения с Англией обеспечивали Германию с фланга. Такие идеи могли получить признание в рейхстаге, если бы считалось, что при возникновении войны Англия если и не займет враждебную позицию, то, во всяком случае, будет соблюдать столь мало благожелательный нейтралитет, что защита Германии с моря Англией станет совершенно невероятной и линейный флот окажется совершенно незаменимым, по крайней мере против Франции и России. Обоснование плана строительства флота и удовлетворение интересов стоявших за ним военной промышленности, кайзера и морского офицерского корпуса зависели, следовательно, непосредственно от того, ухудшатся ли англо-германские отношения.

Это условие появилось к исходу 1895 года. В конце ноября, когда переговоры между Родсом и Трансваалем по поводу южноафриканской железной дороги окончились безрезультатно, главное командование военно-морского флота представило кайзеру на утверждение план увеличения флота[2], который оно задумало торжественно объявить 18 января на предстоявшем праздновании двадцатипятилетия Германской империи.

Ведомство иностранных дел и мировая политика

Как же ведомство иностранных дел, этот ведущий фактор внешней политики Германии, рассматривало все проблемы, особенно вопрос об отношениях с Англией? В каком смысле, с каких социологических позиций оно действовало? Чего добивалось?

Отношение Вильгельмштрассе к Британской империи характеризовалось двумя аспектами — политическим и деловым. С одной стороны, в авторитете Великобритании нуждались тем сильнее, чем более напряженными становились отношения с Россией и Францией, а с другой — приходилось, не говоря уже о непосредственных экономических связях на всем земном шаре и особенно в Африке, сводить всяческие счеты.

В политическом отношении Германия, не возобновив «Перестраховочного договора» и заключив Гельголандский договор, сделала, безусловно, шаг к сближению с Англией; однако пойти дальше и, скажем, поддержать английскую вылазку на Дарданеллы Германия была так же мало склонна теперь, как и при Бисмарке. Из-за постоянных трений между Англией и Россией на азиатском фронте Англия на рубеже столетий стала настолько нуждаться в помощи, что искусственное ограничение начатой Германией мировой политики посредством заключения по всей форме союза Германии с Англией сделалось по крайней мере излишним, а учитывая возможность спровоцированной ссоры с Россией, даже рискованным. Это была точка соприкосновения того, что выше названо нами деловыми интересами, с интересами безопасности Германии. Долгие годы отказ от формального союза с Англией оправдывался то теми, то другими соображениями. Однако когда позднее обе эти группы интересов оказались в конфликте друг с другом,

[1] См. K e h r, op. cit., S. 45.

[2] См. K e h r, op. cit., S. 53; к его критике книги Г. Хальмана «Депеша Крюгеру и вопрос о флоте» (H. H a l m a n n, Krügerdepesche und Flottenfrage, Stuttgart 1927) я могу присоединиться.

когда начавшееся проведение мировой политики вызвало опасность, что Англия свернет в лагерь противной стороны, и когда продолжение старой политической линии стало создавать угрозу безопасности Германии, тогда мировая политика, как проявление мощи весьма значительных социологических сил приобрела, наконец, решающее значение. Внешняя политика Германии, конечно, была пацифистской, или, лучше сказать, реально-пацифистской. Но она была такой лишь там, постольку и так долго, где, поскольку и пока ее направление не скрещивалось с существовавшими интересами, с которыми ей приходилось считаться. Социологические причины, представление о трудности сделать союз с Англией приемлемым для рейхстага и для заинтересованных в колониальной и мировой политике кругов общества содействовали в 1893—1894 годах отклонению австрийских попыток придать англо-германскому флирту 1890 года, после события в Тулоне, форму брака[1]. Совершенно таким же образом в предыдущем году указанные соображения помогли германским политическим деятелям отклонить необычные попытки лорда Солсбери достигнуть соглашения*, и они тем больше выдвигались на первый план, чем сильнее выступали на передний план внеевропейские проблемы, в которых были замешаны интересы картелей и монополистического капитала.

Нельзя сказать, что флотская политика — последний и важнейший козырь предвоенного германского империализма— одобрялась ведомством иностранных дел. Из опасения, что флотская политика приведет к государственному перевороту и возвращению Бисмарков, этот ответственный имперский орган до поры до времени отклонял морскую программу. Несколько иначе, однако, обстояло дело с общими интересами, которые были поставлены на карту в Трансваале, Восточной Африке, Того, в Южных морях и т. д. Германская империя со всеми своими учреждениями — детище капиталистического века — оказалась вынужденной содействовать развитию монополизма и картельного капитализма, а также увеличению своего экспорта: было просто немыслимо в угоду внешнеполитической схеме немецких дипломатов отказать нуждавшимся в мировой политике машиностроительным заводам и динамитным концернам или пароходной компании Вёрмана. Даже если бы дипломатия Вильгельмштрассе, теснейшим образом связанная с капиталистическими концернами** своими взглядами, общественными связями[2], браками[3], банковскими вкладами[4], хотела уже тогда затормозить это развитие таким же способом, как и позже, когда она выступала на стороне оптовиков, крупных финансистов и судовладельцев против имперского

[1] См. превосходную монографию Wolfgang Herrmann, Dreibund, Zweibund, England 1890—1895, Stuttgart 1929. В рамках своего социологического изложения я не могу вдаваться в политические подробности.

[2] В качестве примера можно взять, пожалуй, салон фрау Леббин — приятельницы матери Гольштейна. Здесь, кроме высших офицеров вроде графа Каприви, вращались такие финансисты, как Швабах, фон Краузе, Равенэ и др.

[3] Отношения между дипломатией и промышленностью прямо-таки планомерно поощрялись сверху. Можно указать хотя бы на связи Круппа и Болена. Будущий многолетний руководитель торгово-политического отдела ведомства иностранных дел Кёрнер был тестем заводчика фон Борзига; достаточно известно личное влияние семейств Штумма, Ханиеля, Рата, Люциуса и др.

[4] Среди обычных вспомогательных наук истории — палеографии, хронологии, нумизматики — к сожалению, не хватает одной очень важной — контографии. То, что мы знаем о связях этого рода и что содержат биржевые письма Гольштейна, — это случайный результат и кустарничество. Для современников этого периода такие связи были само собой разумеющимися, социологи же рассуждают так: само собой разумеющееся — здесь что-то есть!

* Это упускает из виду Валь (op. cit., 3. Bd., S. 208 ff.), который в отклонении этой возможности с известным основанием усматривает ошибку германской политики.

** Все же нельзя не признать, что ведомство иностранных дел и посты в нем тогда еще полностью находились в руках аристократов и что как для прусской, так и для немецкой аристократии хорошие отношения с Англией были само собой разумеющимися. Только при Гитлере и Риббентропе в этой социальной системе была пробита брешь.

морского ведомства и тяжелой промышленности,— то те же самые заинтересованные лица, которые в дальнейшем помогли завершить эту внутриполитическую борьбу своим влиянием на кайзера, уже теперь давали советы монарху, не говоря уже о согласии рейхстага, где давно приобрел влияние экспортный капитал.

Неизбежное развитие германского империализма, пренебрегавшего государственными границами, захватило, следовательно, и ведомство иностранных дел, вынуждая Германию переоценивать со все новых точек зрения полученную по наследству схему внешнеполитического обеспечения Германии и даже отвергать ее.

Для истории влияния, которое империалистическое развитие оказывало на германскую внешнюю политику и привело к окончательной катастрофе, знакомство с отношениями между партнерами Тройственного союза, несмотря на их большую политическую важность, имеет — если говорить о периоде до 1908 года, — собственно, только второстепенное значение. Но все же и в этой области проявились весьма опасные симптомы, особенно что касается роли Австро-Венгрии. Ползучая экономическая депрессия тех лет, особенно в области сельского хозяйства, вела к усилению трений между контролировавшейся австро-германскими элементами, невыгодно размещенной промышленностью монархии и всеми сельскохозяйственными районами как в Венгрии, так и в других местах. К тому же национальные противоречия, которыми двуединая монархия была больна издавна, обострились до невыносимости. Казалось, что полный распад монархии — вопрос нескольких лет. Внутриполитическая ситуация вынуждала монархию к величайшей осторожности во внешнеполитических вопросах и увеличивала ее потребность в международной защите. Императорско-королевская дипломатия, руководил ли ею осторожно-сдержанный граф Кальноки или антирусски настроенный граф Голуховский, предпринимала все новые попытки втянуть Англию в Тройственный союз, чтобы укрепить фронт против России, в которой славяне — подданные двуединой монархии — видели своего потенциального ангела-хранителя. Такой курс Вены противоречил тогдашней политике Берлина, однако перед лицом стратегических требований войны на два фронта, а также обусловленных кризисом столкновений партнера по Тройственному союзу Италии с ее соседом Францией он не мог быть оставлен без всякого внимания. В стремлении разрешить «квадратуру круга», примирить мировую политику с политикой Тройственного союза, на Вильгельмштрассе того времени подчас выкидывали отчаянные антраша. В конце 1895 года, когда мощные социологические интересы привели к напряжению и разрыву с Англией, Гольштейн счел, что нельзя решить задачу иначе, как крутым поворотом руля и присоединением к франко-русскому Двойственному союзу, что должно было гарантировать безопасность союзников и вынудить Англию к уступчивости в мировой политике, то есть привести ее в лоно Тройственного союза[1].

Мало что может характеризовать Гольштейна лучше, чем эта затаенная задняя мысль: человек, которого основные социологические силы его времени относили все дальше от его же отправных пунктов, продолжал верить в возможность соглашения с Англией — правда, при этом предполагалась такая Англия, которая позволила бы Германии действовать по своему усмотрению вообще и при проведении флотской политики в частности и которая оказала бы тайному советнику с Вильгельмштрассе, столь же беспомощному перед лицом этих анархических сил, как и господа с Даунинг-стрит, посильную помощь в его борьбе с внутриполитическими противниками[2].

---

[1] См. GP, 2640, запись Гольштейна от 28 декабря 1895 г.

[2] Здесь сказалась недостаточность столь любимой Ф. Мейнеке бесцветной теоретической трактовки внешней политики. Глубокомысленно трактуемая Мейнеке (S. 60 ff.

Набег Джемсона и депеша Крюгеру

В тот день, когда тайный советник фон Гольштейн под влиянием политических требований, предъявленных ему империализмом как в области внутренней, так и внешней политики, набрасывал политическую программу континентального союза[1], в Южной Африке друг Родса д-р Джемсон во главе отборного отряда добровольцев перешел границу Трансвааля. Знало ли английское правительство, покровительствуемое бирмингемским богом металлургии Джозефом Чемберленом, об этой экспедиции или нет[2], но на континенте не без основания посчитали лицемерием, когда позирующий перед любопытными щеголь с моноклем в глазу и орхидеей в петлице публично отмежевался от операции, в проведении которой была в высшей степени заинтересована вся Англия, каждый, кто владел gold shares, и прежде всего знаменитые директора базировавшейся на золоте Chartered Company, отчего Джемсона после его возвращения в Лондон принимали как наместника Сесила Родса на земле.

Известия, полученные из Претории, вызвали в Берлине глубокое возмущение*. Еще в канун нового, 1896 года кайзер одобрил посылку в Преторию десантного отряда с кораблей[3], стоявших в порту Лоуренсу-Маркиш. Колониальные войска в Германской Восточной Африке также были приведены в состояние боевой готовности. Германскому послу в Лондоне была прислана для вручения нота, в которой германское правительство формально протестовало против набега Джемсона. Однако вручение этой ноты оказалось излишним, так как тем временем, к большому облегчению руководителей германской внешней политики, было получено известие, что после короткой схватки Джемсон сложил оружие. Вопреки представившейся возможности немедленно разрядить напряженную обстановку, кайзер 3 января 1896 года во время бурного и драматического заседания во дворце рейхсканцлера потребовал объявления германского протектората над Трансваалем; то был план, от которого его с трудом удалось отговорить посредством уступки «цивилистов» из ведомства иностранных дел, которые, посоветовавшись с руководителем колониального отдела д-ром Паулем Кайзером, одинаково ненавистным как англичанам, так и пангерманцам, предло-

---

в качестве ошибочной идея вернуть Англию с помощью угроз и принуждения являлась продуктом не свободно витавшей в пространстве фантазии, а весьма конкретных социологических сил, которые вынудили Гольштейна временно поставить с ног на голову всю его политику.

[1] См. GP, 2640, запись Гольштейна от 28 декабря 1896 г.

[2] Об этих известных спорах см. теперь (1932), например, изложение B o t h a (op. cit., p. 410 ff.), который на основе представленных позднее комиссии английского парламента Синих книг и особенно содержащихся в них телеграмм корреспондентки «Таймс» Флоры Шоу устанавливает осведомленность Чемберлена. Вопреки известным всему миру уликам, Вильямс (op. cit., p. 282 ff.), продолжающий и сейчас полностью придерживаться англо-империалистической версии этого грязного дела, в конце концов прибегает к утверждению, что нельзя привести математически точных доказательств**.

[3] Известие о рейде Джемсона было получено в Берлине 31 декабря в 11 часов 30 минут дня. См. T h i m m e in «Europäische Gespräche», Jg. 1924, S. 210. Относительно просьбы живших в Претории немцев о защите см. GP, 2492, от 31 декабря 1895 г. Об одобрении кайзером посылки десантного отряда см. T h i m m e, op. cit., S. 210. Одновременно ведомство иностранных дел забрало 400—600 человек из войск Висмана в Восточной Африке (GP, 1. Bd., S. 20, Anmerkung). Десантная группа должна была совершить марш через Лоуренсу-Маркиш в Преторию, и на проход войск испрашивалось разрешение правительства Португалии, которое ответило отказом.

* О настроении в Германии после депеши Крюгеру см. P. A n d e r s o n, op. cit., chap. IV, а также H a l e, op. cit., chap. V.

** Выше этого уровня исследования не продвинулись и теперь (1950), несмотря на появление работы G a r v i n, The Life of Joseph Chamberlain. См. H e n r y R. W i n c k l e r, J. Chamberlain and the Jameson Raid, «American Historical Review», July 1949, p. 481 ff.

жили, чтобы «отвлечь» кайзера, послать поздравительную депешу президенту Крюгеру.

Однако при обсуждении вопроса о возможности оказания бурам военной поддержки «цивилисты» очутились в меньшинстве перед кайзером и прибывшими с ним морскими офицерами. Поэтому вопреки их голосам было решено направить к бурам военного человека для рекогносцировки[1].

Все же моряки потерпели в те дни поражение, так как канцлер Гогенлоэ — с оглядкой на Англию и на рейхстаг — не только принял меры к тому, чтобы намеченная демонстрация в Делагоа не состоялась[2], но и решительно отказал кайзеру в займе нескольких сот миллионов марок для покрытия расходов по увеличению флота. Таким образом, план кайзера сделать положение в Трансваале центральным вопросом намеченной флотской политики провалился[3].

В таких условиях кайзеру не осталось ничего другого, как успокоить бурю негодования в Англии; уже 8 января, то есть пять дней спустя после отправки знаменитой телеграммы, он разыграл перед королевой-бабушкой в Англии роль бравого внука, добрые намерения которого гнусно оклеветали[4].

Оппозиция имперского правительства и рейхстага кайзеровской флотской программе. Опасность государственного переворота

Но одного формального отказа от новой флотской программы было мало, и Гогенлоэ, желая одержать верх над кайзеровскими планами, оказался вынужденным принять от лидеров рейхстага в торжественной обстановке отказ, который и был охотно вручен ему 14 января[5]. Даже Беннигсен, наиболее благожелательно относившийся к флотским требованиям, заявил, что самым удобным выходом будет многомесячная проволочка с рассмотрением законопроекта о флоте в комиссии. Один из лидеров Партии центра д-р Фритцен категорически уверял, что Партия центра, если она одобрит кредиты, будет сметена разъяренным населением, обремененным налогами, — пер-

[1] В этом смысле следует теперь (1932) картину событий тех дней, в основном выясненную исследованиями Тимме (опирающимися на дневники Зендена и Маршалла), дополнить с помощью соответствующего места из мемуаров Гогенлоэ [Chlodwig Fürst zu] Hohenlohe-Schillingsfürst, Denkwürdigkeiten, 3. Bd., Stuttgart 1931, S. 151, Aufzeichnung vom 3.1, 1896).

Воспроизведенные у Тимме сообщения о сопротивлении адмирала Кнорра, который из-за своей глухоты не мог следить за ходом переговоров, основываются на сообщении вдовы Кнорра, но при наличии записок Гогенлоэ кажутся не вполне правдоподобными. Вероятно, дело ограничилось протестом против отправки депеши, поскольку ведь и маринисты могли не симпатизировать последней из-за угрозы серьезного провоцирования ею Англии, тогда как, напротив, действия десантного отряда или колониальных войск (что, кажется, поддерживал и сам Гогенлоэ) вполне отвечали интересам пропаганды в пользу подлежавшей принятию морской программы, так как ad oculos демонстрировали перед немецким народом необходимость создания крейсерского флота для поддержки сухопутных войск в дальних краях. В этих условиях я считаю полный отказ от всех военных планов одним из поражений, которые потерпел в те дни морской флот. Гольман, который должен был защищать в рейхстаге планы расширения флота, бесспорно, был нерешительным морским офицером.

[2] Hohenlohe, op. cit., 3. Bd., S. 152 f. (письмо Вильгельму II от 7 января 1896 г.).

[3] Для характеризуемой ниже позиции партий в вопросе о строительстве флота весьма показательно, что кайзер боялся не оппозиции левых, а сопротивления правых и считал, что флотский законопроект может увязнуть в болоте предложений Каница, Штёккера, Хаммерштейна и др. (Ibid.).

[4] Hohenlohe, op. cit., 3. Bd., S. 154 ff. (Вильгельм II — королеве Виктории).

[5] Ibid., S. 156 ff. (Письмо Вильгельму II от 14 января 1896 г.).

спектива, которую лидер консерваторов фон Леветцов еще усилил подробным описанием обусловленного кризисом состояния сельского хозяйства, которое делало аграриев чрезвычайно нерасположенными к англо-германской дуэли. Лидер аграриев так ярко расписывал бедствия сельских хозяев, что Гогенлоэ мог рискнуть с предельной решительностью противиться кайзеру в вопросе строительства флота.

В этих обстоятельствах радость кайзера по случаю двадцатипятилетнего юбилея Германской империи была основательно отравлена[1,2]. Всюду наталкивался он на препятствия. Князь Гогенлоэ не хотел из-за флота ссориться с Англией и рейхстагом; статс-секретарь морского ведомства адмирал Гольман, распознав невозможность при царившем в рейхстаге настроении защищать флотские требования, тем теснее примыкал к кайзеру, чем очевидней становилось, что попытка ярого «мариниста» начальника морского кабинета фон Зенден-Бибрана обратиться за поддержкой правительства к князю Бисмарку явно не удалась[3]. Однако страх перед тем, что с целью удовлетворения флотских требований кайзер совершит государственный переворот, а также страх перед возвращением Бисмарка не давал покоя имперской бюрократии — тем более, что факт миссии Зендена едва ли мог остаться скрытым; тайный советник фон Гольштейн, которому великий призрак из Саксонского Леса уже чудился восседающим в своем кресле в имперской канцелярии, видимо, считался уже с возможной сменой канцлера и, чтобы избавиться от кошмарных видений, в качестве последнего козыря держал наготове кандидатуру своего шефа барона фон Маршалла[4].

В таком настроении имперское руководство отпраздновало юбилей, на котором кайзер, рассерженный столькими неудачами, отвел душу, заявив, что следует помочь ему присоединить к родному рейху обширную заморскую Германскую империю. Это было в тот же день, когда в руководстве рейхстага шли ожесточенные споры по поводу намерения кайзера наказать рейхстаг за его равнодушие, отозвав оба корабля из Делагоа. Гольштейн и Маршалл, которые должны были отстаивать перед Англией и рейхстагом антианглийские интересы, были вне себя. Впрочем, Маршалл попытался мимоходом использовать благоприятный момент и, как уже говорилось, через Гольштейна рекомендовал себя в качестве «сильного человека», который мог бы ограничить опасность из Фридрихсруэ. Конечно же, это был расчет, построенный на песке; неуравновешенный характер кайзера не поддавался попыткам воздействовать на него и в начале марта побудил его к таким эскападам по отношению к английскому послу, что Гольштейн и Маршалл в отчаянии ломали руки по поводу этого немотивированного англофильства кайзера и не прочь были поставить последнего под своего рода опеку ведомства иностранных дел[5].

Из-за этой анархии в правительстве, которая для детального политического и социологического изучения политики Германии в вильгельмовскую эпоху потребовала бы работы целых институтов (причем, вероятно, практический результат не соответствовал бы затраченному труду), во вся-

[1] Соответствующее описание всех этих событий см. в работе K e h r, op. cit., S. 53 ff., где проницательно угадано многое, что теперь (1932) может быть доказано по первоисточникам с помощью воспоминаний Гогенлоэ и Бюлова.

[2] Я комбинирую, по-моему, правильное толкование дневниковых записей Зендена в книге Тимме (T h i m m e, Krügerdepesche, S. 221), с данными мемуаров Гогенлоэ (H o h e n l o h e, op. cit., 3. Bd., S. 158 ff.). См. также H o h e n l o h e, op. cit., 3. Bd., S. 162, Eintragung vom 25.1.1896.

[3] См. описание у Тимме.

[4] Бешенство Гольштейна, вызванное приказом кайзера отозвать два военных корабля из Делагоа, Гогенлоэ легко объясняет стремлением Гольштейна дать рейху нового канцлера (H o h e n l o h e, op. cit., 3. Bd., S. 159 ff., Eintragungen vom 16, 17 u. 18.1.1896).

[5] H o h e n l o h e, op. cit., 3. Bd., S. 192 ff. (Гольштейн — Гогенлоэ, 8 марта 1896 г. в 5 часов утра, следовательно, после бессонной ночи!).

ком случае, увеличился стимул для структурно имевшейся тенденции к осуществлению неуправляемой экспансионистской политики по всем направлениям.

Рейхстаг, который с дрожью воспринимал эту анархию в правящих органах через флюиды общественного мнения, тем усерднее старался отмежеваться от кайзеровских планов, что во время дебатов по колониальному и морскому вопросам в марте он еще находился под впечатлением сильного экономического кризиса, тяготевшего с начала девяностых годов над европейской экономикой. Вся Германия с ликованием приветствовала политику, олицетворявшуюся депешей Крюгеру, но отвергала даже самую мысль о возможности конфликта с Англией. Общественность была удовлетворена тем, что германские интересы в Трансваале не пострадали в результате кризиса.

Напряженные аграрные отношения с Британской империей и Соединенными Штатами Америки

В разных социальных слоях по-разному истолковывали политику рейха и депешу. В то время как пангерманцы от всего сердца аплодировали политике рейха в отношении буров и заявляли о своей готовности идти за нее в огонь и воду[1], свободомыслящие, также очень довольные депешей, были против какого бы то ни было «пересаливания», которое могло привести к вооруженному столкновению с Англией [2], способному, как это считал кайзер со своим причудливым образом мыслей, начаться в Восточной Африке. Никто не хотел, чтобы была развязана всеобщая война; отношение к заграница было скорее симптомом того же кризиса, который сделал сельских хозяев особенно нерасположенными к любым заморским авантюрам и связанным с ними тяготам, а тем самым и ко всякой морской политике.

Характер жалоб аграриев, их ненависть к заокеанским конкурентам были тем не менее таковы, что постепенно среди немецких сельских хозяев возникли настроения, подготовившие будущую конъюнктуру для строительства флота и проведения мировой политики; но в течение времени, пока действовали текущие торговые договоры, еще не существовало политико-экономической программы возмещения, с помощью которой можно было бы компенсировать аграриям их эвентуальное согласие с требованиями капиталистическо-империалистической мировой политики. В те годы все больше углублялись противоречия с Соединенными Штатами Америки, сильно обострившиеся из-за особой экономической структуры последних. Обладая почти неисчерпаемыми запасами сырья, США развивали черную металлургию и сталелитейную промышленность, которая вскоре оставила позади производство в старых континентальных государствах. Поэтому в борьбе против импорта из США германское сельское хозяйство приобрело мощного союзника в лице германской промышленности, горько сетовавшей на американскую замкнутость и американскую конкуренцию —два явления, вовлекшие в борьбу против Соединенных Штатов еще и германскую заокеанскую торговлю*. Эта напряженность была затем усилена ожидавшимся закрытием североамериканского рынка для немецкого свекловичного

[1] См. в «Альдейче блеттер» (№ 3 за 1896 г., стр. 9—10) о демонстрации Пангерманского союза в январе 1896 г.

[2] «Frankfurter Zeitung», 9. I. 1896.

* Эти вопросы были в свое время лишь бегло затронуты автором в связи с тем, что ожидалось появление большого труда Вагтса. Изучение этого труда, вышедшего в 1935 г., обязательно для понимания проблем, о которых идет речь.

сахара, а также растущей германской конкуренцией на южноамериканском рынке, где она вызвала против себя дух доктрины Монро.

Заокеанская конкуренция стимулировала усилия аграриев, направленные на использование своего господства в прусском государстве для облегчения своего положения за счет всего общества; это им неизбежно удавалось с помощью избранного по трехклассной системе прусского парламента, тогда как их попытки привлечь на свою сторону избранный на демократической основе рейхстаг и впрячь его в борьбу за три «больших средства» — зерновую монополию, валютную и биржевую реформы — не имели большого успеха вследствие численного меньшинства остэльбских аграриев в рейхстаге.

Под влиянием кризиса в эти годы все больше усиливались и трения с Англией. Растущий германский вывоз, результатом которого, с одной стороны, была сильная интенсификация англо-германских торговых отношений и тем самым развитие англо-германской дружбы, сопровождался, с другой стороны, усилением борьбы за некапитализированные территории; германская промышленность, оказавшаяся под давлением со стороны возникшего в 1893 году угольного синдиката, пыталась возместить падение цен форсированием экспорта. В официальном английском расследовании фактов вытеснения английской продукции из британских колоний Германия фигурирует на итоговой таблице сорок пять раз, тогда как следующие за ней Соединенные Штаты и Бельгия — лишь по тринадцать. Авторы обследования считают причиной вытеснения британской продукции дешевые цены на немецкие товары, что, как уже говорилось, объяснялось германской картельной политикой[1].

Хотя этим интересам и противостояли тогда в Англии еще сильные прогерманские интересы — главным образом торговые, финансовые и связанные с экспортом в Европу, —тем не менее уже образовывались отправные пункты антигерманской политики, хотя до поры до времени как экономическая, так и политическая враждебность по отношению к другим государствам перевешивала еще антипатию Англии к Германии. Антигерманская агитация ограничивалась тогда большей частью случайными выступлениями прессы Родса, к которой принадлежали, например, находившаяся в руках Вернера, Бейта и К° «Стандард» и другие газеты; их голоса были антигерманскими лишь постольку, поскольку Германия не хотела отказаться от своей африканской политики, изменение которой только и требовалось сначала в антигерманских излияниях того времени*.

Уже здесь, при анализе зарождавшегося англо-германского противоречия, выявляется необходимость как можно чаще применять— в зависимости от обстоятельств — индивидуальный подход, тогда как Тирпиц, от которого как деятельного политика трудно было ожидать этого, всегда охотно стриг всех англичан под одну гребенку и из несомненно очень специфического

---

[1] Сообщение о Синей книге во «Франкфуртер цейтунг» от 23 сентября 1897 г.

* В пользу этого мнения О. Дж. Хэйл в своей уже упоминавшейся нами очень тщательно написанной и интересной работе («Publicity and Diplomacy», p. 133 ff.), полемизируя с Россом Дж. С. Гофманом, привел новые доказательства. Хэйл указывает, что известная статья в «Сатердей ревью» от 11 сентября 1897 г.—«Germania est delenda!» («Германия должна быть разрушена!») — почти не привлекла внимания и что меньше всего жалоб на германскую экономическую конкуренцию можно было найти в тех газетах, которые представляли промышленные и торговые интересы Англии, например в выходящей в Ливерпуле «Дейли пост», в эдинбургской «Скотсмен», «Манчестер гардиан» и «Бирмингем пост». Те лондонские газеты, владельцами которых были крупные капиталисты, первыми переменили тон в отношении Германии. Хэйл причисляет к этой группе «Дейли телеграф», «Дейли ньюс» и даже «Стандард». Подлинной базой подстрекательства в печати против Германии служили органы прессы, ориентировавшиеся главным образом на читателей из верхних слоев общества и на верхушку государственного аппарата и имевшие преимущественно литературно-политический характер, например «Таймс», «Морнинг пост», «Нейшнл ревью», «Спектейтор» и «Сатердей ревью».

конфликта в Южной Африке, впоследствии совершенно прекратившегося, сделал прямой вывод о наличии торгового соперничества, которое с этих пор стало служить Тирпицу для обоснования требований об увеличении флота[1,2].

Сахар отравляет международные отношения

К этим африканским вопросам, которые пока еще не были обострены флотской проблемой, прибавились в то время сильные международные противоречия в вопросе о сахаре, который имел для Германии особое значение, так как значительное число весьма видных свободно-консервативных, консервативных и правых национал-либеральных парламентариев и представителей высшей бюрократии, а также целый ряд других крупных аграриев были заинтересованы в том, чтобы с помощью весьма прибыльного производства сахарной свеклы компенсировать скудность доходов от зернового хозяйства. Благодаря кризису на зерновом рынке производство сахарной свеклы в Германии выросло с 12 миллионов центнеров в 1891/92 году до 18,3 миллиона в 1894/95 году. Вследствие этого наступило падение цен: стоимость одного центнера упала за период с 1891 по 1895 год с 24,54 до 17,05 марки. Цены на сахар все время поддерживались искусственными мероприятиями, например возвратом акциза, который отягощал экономику в целом и был настолько значительным, что, например, из 78,4 миллиона марок сахарного акциза, поступившего в 1898 году, не менее 68 миллионов были возвращены сахарозаводчикам в форме вывозных премий[3]. Каприви попытался уменьшить эту дотацию вывоза, но при этом встретил сопротивление как свекловодов, так и сахарозаводчиков, которые, несмотря на внутренние противоречия в их среде, в последующие годы, особенно в критическом 1896 году, были довольны крупными вывозными премиями и в своей политике пользовались поддержкой министра Микеля[4]. Микель стоял за всеми поощрительными премиями, компенсациями, планами государственного переворота и другими сомнительными мероприятиями, которые шли на пользу крупным землевладельцам, и энергично вступался за их интересы. Разумеется, такая экспортная политика только обостряла кризис на мировом рынке и, кроме того, вызывала сильную вражду со стороны Англии, которая из-за своей свободной торговли не могла аналогичным образом оградить тростниковый сахар из Вест-Индии от конкуренции со свекловичным сахаром с континента. Поэтому Англия настаивала на снижении и упразднении премий, которые успешно обеспечивали интересы сахарозаводчиков во всех континентальных странах. Но, как уже говорилось, почти во всех странах, в том числе и в Германии, среди сахарных дельцов имелись крупные политики. Вернувшийся к парламентской деятельности лидер национал-либералов Рудольф фон Беннигсен владел сахарным заводом, причем сахарная политика Беннигсена задевала подчас Ойгена Рихтера[5]; восходивший лидер национал-либералов

[1] T i r p i t z, op. cit., S. 59.

[2] К числу выступлений того времени, сильно переоценивавшихся в их общем значении, принадлежит также часто упоминавшаяся позднее статья в «Сатердей ревью» от 11 сентября 1897 г., которой предшествовали меньшие статьи, опубликованные в той же газете в течение 1895 г. В одной из последних, в частности, говорилось: «Мы, англичане, всегда воевали с нашими соперниками по торговле; теперешний торговый конкурент не Франция, а Германия. В случае войны с Германией Англия может только выиграть и ничего не потеряет». (Цитирую по еженедельнику «Германиа» от 29 августа 1895 г., который придал этой статье так мало значения, что только заметил: «Это была бы, конечно, весьма странная политика»).

[3] «Frankfurter Zeitung», 23.5.1890.

[4] Архив ведомства иностранных дел. Документы, касающиеся сахарного акциза.

[5] «Freisinnige Zeitung», 23.2.1896.

Герман Пааше, позднее сделавшийся вице-президентом рейхстага, всей своей карьерой дельца, политика и ученого обязан сахару[1]. Один из представителей консерваторов, барон фон Рихтгофен-Дамсдорф, заседал в картеле сахарной промышленности; руководителем же этого картеля был национал-либеральный депутат Бюк, который в качестве многолетнего председателя Имперского союза германской промышленности руководил кампанией против Англии. Сахарный закон, которого заинтересованные лица во главе с Пааше добились 15 мая 1898 года и который тотчас же вызвал аналогичные действия во Франции и в Австрии[2], определял уже ход больших мартовских дебатов о колониях, флоте и внешней политике, девизом которых, кстати, было: «Никакой мировой политики!». Этот парадокс объясняется обрисованной выше экономической обстановкой. Стесненные кризисом и обозленные на британский империализм аграрии одобряли политику, олицетворявшуюся депешей Крюгеру, — позиция, которая хорошо выглядела, ничего не стоила и к тому же разделялась Центром и даже свободомыслящими[3]. Радикальнее выступал против не поддающихся учету влияний Бебель; в телеграмме Крюгеру он считал положительным лишь одно: упоминание в том, что на помощь не были призваны иностранные державы, а в остальном выступал совершенно в духе своей старой традиции — против[4] англофобского и русофильского курса правительства, в чем он нашел одобрение и понимание даже у Немецкой народной партии Вюртемберга. В империалистическом смысле депешу Крюгеру интерпретировали не только национал-либералы, но и небольшая группа свободных консерваторов, представитель которых биметаллист д-р Аренд увлекался идеей восьмидесятимиллионной Германской империи. Принадлежащим к этой империи гражданам Аренд хотел обеспечить право разъезжать по свету под девизом «Civis romanus sum» — опять злоупотребление духом Бисмарка, благодаря чему наследие основателя империи могло быть передоверено ничтожнейшему немецкому крикуну, лишь бы он подстрекал против правительства и имел за собой достаточно сторонников.

«Дело Петерса»

Настроенность аграриев против раздоров в мировой политике и недоверие левых к антианглийским маневрам объясняют ту бурю, которая поднялась, когда в марте 1896 года социал-демократы устами Августа Бебеля поставили на обсуждение в рейхстаге так называемое «дело Петерса»[5]. Атаки лидера социал-демократов, чья честность, казалось, исключала возможность того, что приведенные им факты и выдвинутые против Петерса обвинения, как оказалось впоследствии, частично были необоснованными и, по-видимому, опирались на подсунутую фальшивку[6], захватили весь рейхстаг. Совершенно явное отмежевание консерваторов от дела основателя Германской Восточной Африки могло считаться симптомом отношения аграриев к мировой политике, поборник которой свободный консерватор граф Арним-Мускау напрасно пытался заступиться за Петерса. Свободно-

[1] См. книгу Hans Leuß, Herr Paasche.

[2] Ив Гюйо, важная фигура в разжигании страстей вокруг дела Дрейфуса, был одним из инициаторов этих действий. Кроме того, он вместе с Чемберленом участвовал в делах «Ройял Нигер компани» («Freisinnige Zeitung», 11.7. 1899).

[3] Либер и Рихтер в рейхстаге, 13 декабря 1896 г.

[4] Бебель там же.

[5] Заседание рейхстага 13 марта 1896 г.

[6] Согласно «Дейче нахрихтен» от 6 июля 1907 г., эта фальшивка была делом рук исследователя Африки Гизебрехта и стоявших за ним пионеров колониальной политики братьев Денхардт.

консервативный оратор пытался уверить, что приводившееся в качестве доказательства письмо английского епископа Таккера о зверствах Петерса — фальшивка, однако ему не удалось убедить в этом даже сторонников колониальной политики — национал-либералов. Решающим было то, что союзные правительства и их представитель д-р Пауль Кайзер просто допустили падение Петерса[1]. Д-р Кайзер, бывший учитель Герберта Бисмарка, несмотря на свое еврейское происхождение, сумел подняться до высших правящих кругов; его происхождение позволило пангерманской группе, стоявшей за Петерсом и с ненавистью воспринявшей назначение Кайзера на должность президента Имперского суда, продемонстрировать на практике свою расовую теорию, на что левые обычно отвечали намеками на не совсем безупречного в том же отношении д-ра Отто Арендта. Судьба д-ра Кайзера была, таким образом, своеобразной: группа Петерса считала его пособником английского капитала в германских колониях, а англичане в то же время считали его своим главным противником[2]. Это кажущееся противоречие, видимо, объясняется тем, что Кайзер, с одной стороны, привлечением английского капитала помог видным лицам из Германской колониальной компании для Юго-Западной Африки спасти их оставшиеся неиспользованными гигантские территориальные концессии, а с другой — в интересах тех же капиталистических кругов — выступал против англичан в Восточной Африке в Того, а частично и в трансваальском вопросе[3]*. Во всяком случае, ненавистный человек, раздававший необъятные концессии в Германской Юго-Западной Африке, не случайно вошел в историю и как автор депеши Крюгеру.

Группа заинтересованных лиц, стоявших за Петерсом, графом Арнимом-Мускау, Арендтом и фон Кардорфом, не была, однако, склонна отпустить грехи ненавистному руководителю колониального отдела в качестве платы за этот хотя и не известный общественности подвиг, поскольку атака Бебеля на Петерса заставила даже правительство открыто порвать со своим бывшим комиссаром. Вынужденные обороняться, Петерс и его люди как раньше, так и теперь не переставали осуждать политику, которая привела к тому, что наиболее ценные части Юго-Западной Африки, особенно юг колонии, были уступлены английскому так называемому «Karaskhoma-Syndikat», что, по мнению Петерса, резко противоречило избранной в качестве предлога цели улучшить пути сообщения в колонии.

Представитель промышленности в национал-либеральной фракции Фридрих Гаммахер, сам заседавший в Германской колониальной компании

[1] Заседание рейхстага 13 марта 1896 г.

[2] См. привлекавшуюся уже памятную записку Тилли (BD, I, Anhang), в которой все англо-германские противоречия того времени объясняются действиями одного-единственного человека — д-ра Кайзера. Колониальный вопрос в девяностых годах в отличие от колониального вопроса начала XX века, всплывшего благодаря восстанию гереро, еще и теперь (1932) остается покрытым мраком неизвестности и не может быть рассекречен из-за официального отказа предоставить для использования материалы по колониальному вопросу, относящиеся к периоду после 1890 г. Поэтому мне приходится быть очень кратким и предоставить освещение этих темных взаимосвязей позднейшему времени. При всем том и теперь уже можно утверждать, что спорные колониально-политические вопросы в Юго-Восточной и Восточной Африке были наиболее важной, но не единственной причиной трений между Британской империей и выходившей на международную арену Германской империей. В Западной Африке и в Южном море также постоянно имели место трения.

[3] Германские интересы в трансваальском вопросе были с самого начала раздвоены. Германский финансовый капитал участвовал в южноафриканских золотых рудниках большей частью окольным путем, через Лондон, но, с другой стороны, имея свои интересы в стесненных кризисом немецких промышленных концернах, он, естественно, желал, чтобы германская промышленность участвовала в поставках. В этих рамках особое положение с самого начала занимали динамитный и военно-промышленный капитал и немецкие политические деятели, представлявшие среднее сословие.

* Рашдау в своих воспоминаниях рисует весьма непривлекательный образ д-ра Кайзера, которого он считает патологически честолюбивым.

для Юго-Западной Африки, выступил против этого покушения на возможности извлечения прибыли для своей компании и поддержал привлечение английского капитала в Южную Африку. Это была политика, которая поразительно отличалась от все сильнее проявлявшейся антианглийской позиции правых национал-либералов и свободных консерваторов[1]. Итогом такой политики финансового капитала было то, что в девяностых годах почти вся Юго-Западная Африка попала под английский контроль[2].

Флотские дебаты 1896 года. Начало поворота во взглядах либералов

Сильная изоляция антианглийских элементов в рейхстаге еще отчетливее проявилась в ходе непосредственно последовавших дебатов о военно-морском флоте, которые Эрнст Либер, лидер Партии центра, в качестве докладчика комиссии рейхстага открыл нападением на Пангерманский союз; в его речи приводились доказательства того, что союз получил одобрение высоких инстанций военно-морского флота. Это был прямой удар по руководству флотом, как таковому; было известно, что оно намеревалось уже в следующем году потребовать замены трех броненосных крейсеров, ремонт которых предусматривался текущим бюджетом. Рейхстаг расценил это как попытку осуществить знаменитые «безграничные флотские планы»[3]. Включившийся в дебаты статс-секретарь ведомства иностранных дел фон Маршалл, который теперь, после провала своих первоначальных англофильских замыслов, начал превращаться в явного сторонника политики «свободных рук» и величайшего циника среди европейских дипломатов, пытался избрать среднее между этой флотской программой и воздержанием в мировой политике, которого требовали левые; он выступил, с одной стороны, против авантюристической политики, которая дробила силы, а с другой — против той точки зрения, что можно ограничить определенными рамками современную мировую политику[4]. Такое открытое признание было неосторожным: оно дало Бебелю повод для беспощадных нападок на эру экспансии и дружбы с русскими, которая началась речью кайзера от 18 января и даже, собственно говоря, еще симоносекским вмешательством.

В лагере либералов под влиянием кризиса уже происходил перелом; под водительством Риккерта, который сделал себя и издававшийся им веду-

[1] Арним и Гаммахер в рейхстаге, 16 марта 1896 г.

[2] Важнейшей из крупных земельных компаний было Акционерное общество территорий Юго-Западной Африки («Саус-Уэст Африка теритриз, лимитед»), ведущее участие в котором принимало «Дисконтогезельшафт» и президентом которого был синдик нобелевского треста гамбургский адвокат д-р Юлиус Шарлах. Вообще представляется, что английская группа, интересовавшаяся Юго-Западной Африкой, частично или полностью была идентична нобелевскому тресту. См., например, сообщения «Франкфуртер цейтунг» от 24 февраля 1891 г. о синдикате Колониальной компании для Юго-Западной Африки, к которому, кроме судовладельца Вёрмана, ближайшего сотрудника «Дисконтогезельшафт» и нобелевского треста, принадлежали следующие лица: Карл Вихман, агент Компании пороховых заводов («Шпренгштофф компани»), А. Филипп, председатель наблюдательного совета Динамитного акционерного общества, находившегося под опекой треста «Нобель и К°»; адвокат Шарлах и нотариус Хейдеман, генеральный директор Кёльнско-Ротвейлерских пороховых заводов. Шарлах вместе с некоторыми другими принадлежит к самым темным фигурам германской колониальной политики, его документально доказанная энергичная деятельность в пользу Нобеля не помешала ему впоследствии стакнуться с противником Нобеля Сесилом Родсом, которому он перепродал важные германские колониальные интересы. Вообще многие нити от нобелевского треста тянутся к противоположной группе — группе Сесила Родса и Джозефа Чемберлена.

[3] Либер в рейхстаге, 18 марта 1896 г.

[4] Маршалл, там же.

щий данцигский орган печати защитником интересов владельцев судоверфей своего избирательного округа Данциг, Союз свободомыслящих явно готовился присоединиться к начавшейся империалистической политике, впрочем, не без того, чтобы сначала вступить в сильный конфликт с левым крылом свободомыслящих, лидер которых Ойген Рихтер самым резким образом выступал против самостоятельной политики морского кабинета, невозможной при Штоше и Каприви. В промышленных кругах уже взвешивали, сколь выгодные перспективы могут открыться для промышленности благодаря флотской политике и империализму; депутат рейхстага Фёрстер открыто выступил за мировую политику, которая во время господствовавшего тогда кризиса могла бы стимулировать работу металлургических заводов[1] и защитить германский экспорт в Центральную и Южную Америку. Правда, как показали дебаты, нельзя было говорить всерьез об осуществлении столь далеко идущих планов до тех пор, пока крупным аграриям, Центру и другим партиям, пронизанным крестьянскими элементами, не были предложены достаточные компенсации за проистекающие отсюда тяготы. Но это было бы возможно сделать лишь тогда, когда срок действия текущих торговых договоров подходил бы к концу[2]. Следовательно, осуществление флотской политики сильно зависело от таких отраслей экономики, которым надо было прийти на помощь искусственными средствами и которые в отличие от крупных промышленников не были в состоянии преодолеть кризис путем освоения некапитализированных территорий, — способ, к которому промышленность прибегала во все больших размерах.

Одним из рынков сбыта, значение которого выросло в силу изложенных выше причин, был район Восточной Азии. В этом районе, освоение которого прямо-таки напрашивалось ввиду все усиливавшейся индустриализации Европы, появился совершенно нежданный конкурент. Одна из тех стран, которые по схеме экономического развития мира должны были склониться в покорной позе поставщиков сырья перед индустриальными благодеяниями Европы как мирового экспортного центра, оказалась достаточно дерзкой, чтобы подражать европейскому развитию: в строй индустриальных государств вступила Япония.

Наступление японского империализма на Китай

Различие в развитии Китая и Японии уже не раз освещалось в литературе*. «Англия Востока» со своими открытыми берегами была более беззащитной перед капиталистическим вторжением, чем недоступная китайская территория с ее сказочно неопределенной границей во внутренней Азии. Капитализм Соединенных Штатов Америки пушечной пальбой постучался в японский дом. Вот почему перед островным государством возникла неотложная проблема: как сохранить обычный standard of life высшей знати, особенно рыцарей с малыми доходами — самураев, и одновременно прокормить быстро увеличивавшееся население, если машина задавит конкуренцией все туземное производство. В этом бедственном положении древние рыцарские добродетели японцев позволили воспитать население в духе воинственной экспансии. На мировую арену вышел самый настоящий империализм западного образца, опиравшийся на три имевшиеся в наличии силы: деньги высшего дворянства, воинственный дух феодалов и огромный избыток населе-

[1] Выступление в рейхстаге, 18 марта 1896 г.

[2] Такова основная мысль прекрасной книги Кера.

* См. об этом L a n g e r, Diplomacy, vol. I, p. 167 ff., а также P. M o o n, Imperialism and World Politics, New York 1936, chap. XIV.

ния, которое поставляло для возникавших фабрик дешевую рабочую силу, а для войск, с помощью которых Япония захватывала на континенте недоставшую ей сырьевую базу, — необходимые контингенты солдат.

Капитализации Японии, возникновению крупных концернов вроде «Мицуи» и «Мицубиси», которые от роли простых посредников при ввозе английского капитала и оружия скоро перешли к собственному производству[1], в еще большей степени стремлению самураев к захватам и экспансии[2] отвечала пробудившаяся жажда заполучить территорию и полезные ископаемые Кореи[3] — естественного географического плацдарма для вторжения на континент и прежде всего в Китай. Здесь японская экспансия столкнулась с фактором абсолютно иной структуры.

В отличие от все более централизовавшегося японского государства совершенно децентрализованный Китай оказался тем более вынужденным обособляться от европейско-американского капитализма, что у него не было феодального слоя, который взял бы в свои руки оборону страны, являвшуюся неразрешимой задачей еще и в силу проистекавшей из длительного мирного периода слабости государственных финансов и полной недостаточности центральных государственных органов. Мандарины хозяйничали в своих провинциях как неограниченные властители, и каждый был доступен иностранному искушению; любое применение силы и даже проникновение современной техники вызвало бы гибель запретной страны. О собственном промышленном развитии в Китае еще не могло быть и речи. Индустриализация основывалась на импорте из-за границы, особенно на ввозе оборудования для арсенальных заводов и оружия; этот ввоз находился главным образом в руках эссенской фирмы Круппа. То обстоятельство, что Китай, авторитетный представитель которого во внешнеполитических делах вице-король (столичной провинции. — *Ред.*) Ли Хун-чжан правильно оценивал слабость страны, все же противодействовал японцам, когда они в 1894 году вторглись в Корею, следует приписать исключительно продолжительным усилиям европейской военной промышленности[4]. Последствия были пагубными для Срединной империи. Уже в сентябре китайцы были изгнаны из Кореи, а в октябре японцы перешли реку Ялуцзян и начали наступление на Пекин, в то время как другая японская армия заняла Порт-Артур. Затем последовало длительное перемирие, по окончании которого японцы в феврале завладели Вэйхайвэем, а 4 марта — важной гаванью Ючжуан, имевшей исключительное значение для связи между необходимой русским Маньчжурией и китайским рынком сбыта, а также для запроектированной Китайской Восточной железной дороги.

Европейские державы не остались безучастными к этим событиям. Во время войны главным образом Англия, боявшаяся японской конкуренции

[1] Популярное, но небезынтересное изложение вопроса см. в работе Э. Рейнхарда (Ernst Reinhard, Die imperialistische Politik im Fernen Osten, Bern 1926, S. 52 ff.)

[2] Этот фактор справедливо выдвигается на передний план в работе A. Vagts, Der Chinesisch-Japanische Krieg 1894/95, «Europäische Gespräche», Jg. 1931, S. 234 ff. u. 285 ff. Здесь приведены также важные данные о роли военной промышленности как Европы, так и Японии.

[3] О Корее как сырьевой базе железа, угля, меди см. в упомянутой работе Reinhard, op. cit., S. 54.

[4] См. «Кёльнише цейтунг» от 8 августа 1898 г., где говорится, что некоторые добрые друзья Ли Хун-чжана, «которые годами снабжали его винтовками и пушками, особенно побуждали его к объявлению войны и привели колебавшегося вице-короля к этому роковому решению». «Добрыми друзьями», которые упоминаются в этом интересном сообщении хорошо осведомленной и нередко официозной газеты, могли быть только агенты фирмы Мандля, получившей от Ли монополию на поставки оружия и снаряжения его войскам и представлявшей в Китае фирму Круппа. О подстрекательской роли советника Ли китайского генерала немецкого происхождения фон Ганнекена см. в книге Auguste Gérard, Ma Mission en Chine, Paris 1918, p. 10, а также в упоминавшейся работе Вагтса (Europäische Gespräche, 1931, S. 289 ff.).

на азиатском рынке, пыталась призвать к интервенции против Японии три державы, весьма заинтересованные в Китае, — Францию, Германию и Россию, но это ей не удалось из-за сопротивления германского правительства, для которого было важно дать немецкой военной промышленности возможность до конца использовать хорошую сделку[1].

Условия мирного договора, который Япония навязала китайцам в марте 1895 года в Симоносеки, поставили под угрозу выгодные сделки германской военной промышленности в Китае, этот договор предоставлял японцам не только торгово-политические преимущества, но, ввиду передачи им крепости Порт-Артур, отдавал в их руки Китай и в военном отношении.

Более глубокие причины участия Германии в протесте против Симоносеки

Как уже указывалось, военные отрасли промышленности играли главную роль в экспортных связях Германии с Китаем. Крупп издавна был связан с Ли Хун-чжаном, который еще в восьмидесятых годах заключил в Эссене крупные сделки[2]. Видимо, при посредничестве этого безнадежно коррумпированного вельможи[3] в 1886 году в Китае было издано правительственное распоряжение, по которому при заказах и закупках военных кораблей, стрелкового оружия и артиллерийских орудий следовало ориентироваться на Германию в большей степени, чем на другие государства[4]. Это китайское заверение оказалось теперь обесцененным торгово-политическими условиями Симоносекского мирного договора. Японскую промышленность уже видели в роли триумфатора на месте потерпевшей крах в Восточной Азии фирмы Крупна[5]. В Эссене от ведомства иностранных дел ожидали не только

---

[1] Главная дипломатическая проблема при освещении интервенционистских намерений, о которых идет речь, — это вопрос, отчего Германия сначала относилась к ним отрицательно, тогда как после заключения Симоносекского мира сложилась противоположная ситуация: Англия заняла отрицательную позицию, а Германия выступлением своего посланника в Токио даже подчеркнула русско-французскую интервенционистскую политику. Английскую политику П. Джозеф (P. H. J o s e p h , Foreign Diplomacy in China 1894—1900, London 1928, p. 79, 87, 117) вопреки О. Франке (O. F r a n k e, Die Großmächte in Ostasien, Braunschweig 1923), который критикует ее как неясную и слабую, совершенно справедливо объясняет тем, что вначале надо было предотвратить торгово-политическое закабаление Китая Японией, а потом уже пришлось считаться с необыкновенно выгодной торгово-политической обстановкой после заключения мира, прежде всего с изменившейся ситуацией, которая после занятия Нючжуана привела Японию к конфликту с русскими. См. письмо Гогенлоэ Вильгельму II (GP, 2227, Hohenlohe an Wilhelm II, 19.3. 1895), согласно которому в отказе Германии от интервенционистских предложений Англии наряду с нежеланием таскать из огня восточноазиатские каштаны для Англии имело значение то соображение, что германская торговля не только не пострадала во время войны, но даже наоборот — выиграла, поскольку немецкие фабриканты, купцы и владельцы грузовых судов неплохо заработали на поставках и перевозках военных материалов, тогда как, участвуя в военной интервенции, Германия содействовала бы только сделкам Англии и России.

[2] См. B e r d r o w, op. cit., 2. Bd., S. 351, 377 ff.

[3] Ср. характеристику Ли Хун-чжана у Пишона в «Кёльнише цейтунг» от 12 ноября 1901 г., а также в «Таймс» от 20 июня 1900 г. с интересным донесением из Пекина от 27 ноября 1891 г., хранящимся в Архиве ведомства иностранных дел.

[4] Копия заявления китайского правительства от 23 января 1886 г. (Архив ведомства иностранных дел).

[5] См. доказательную статью Гессе-Вартегга в гольштейнской «Бёрзенхалле» от 3 мая 1895 г., согласно которой Япония угрожала германской промышленности на китайском рынке, так как эта страна вместо того, чтобы стать потребителем ее продукции, сделалась ее конкурентом. Особенно опасно, как явствует из статьи, было японское производство пушек; кроме того, вывоз японских товаров на материк грозил нанести ущерб «Северогерманскому Ллойду».

поддержки, необходимой для того, чтобы противостоять Японии, но и усиленного давления на Китай[1]. Деловые расчеты требовали престижа, а укрепление престижа — опять-таки положительной основы власти; в силу этого уже тогда в морских кругах настойчиво требовали создания опорного пункта в Восточной Азии, который в результате долгих раздумий о подходящем районе был придвинут — безусловно не только с учетом наличия на Шаньдунском полуострове полезных ископаемых, но и с целью создания преграды для японской экспансии — к месту возможного японского вторжения. Пока же германский империализм не обладал таким опорным пунктом на Востоке, он мог противодействовать японскому наступлению только дипломатическим давлением, которое служило одновременно как интересам германской промышленности[2], так и заполучению подобных опорных пунктов.

Этими соображениями объясняется то, что Германия в ответ на предложение франко-русского Двойственного союза, обеспокоенного японским наступлением на Нючжуан, сразу согласилась на совместное выступление против японского проникновения. Германский статс-секретарь фон Маршалл рассматривал подготовлявшийся на Востоке переворот в международных отношениях как самое крупное и самое богатое последствиями торгово-политическое событие того времени и выразил опасение, что по условиям Симоносекского мирного договора Китай попадет в такую зависимость от Японии, что, кроме японского рынка, уже потерянного германской промышленностью, для немецкого экспорта окажется полностью закрытым и Китай[3]. В результате германский посланник в Токио участвовал в демарше, предпринятом обеими великими державами против мирного договора, и помог

---

[1] 19 марта Фридрих Альфред Крупп направил на Вильгельмштрассе письмо, в котором, ссылаясь на переговоры со статс-секретарем фон Мюльбергом, своим компаньоном по утренним верховым прогулкам в Тиргартене, ходатайствовал о том, чтобы по возможности было оказано содействие его представительству в Китае, жаловавшемуся на германского посланника Шенка цу Швейнсберга. 11 апреля посланник действительно получил отношение, в котором ему ясно давалось понять, что ведомство не одобряет его равнодушия к интересам германской промышленности. Из ответного письма от 7 мая, в котором Мюльберг сообщает главе фирмы Круппа, как ведомство иностранных дел реагировало на пожелание Круппа, явствует, что представительство Круппа в Китае — «Мандль и К°»— ожидало давления германского правительства на Китай в целях прекращения китайского процесса о государственной измене даотая (инспектора провинции) Чжан Чжи-дуна, который, как мне представляется, финансировался Круппом (Жерар на стр. 99 указывает, что Крупп предоставлял большие кредиты горным предприятиями Ханьяна близ Ханькоу, где, насколько мне известно, находились также большие арсеналы) и вместе с племянником Ли Хун-чжана не только продавал китайцам в военное время старое оружие, выдавая его за новое, но и поставлял оружие противникам Китая. Германский посланник Шенк распознал источник этих недобросовестных махинаций и на упомянутое выше указание ответил ведомству иностранных дел: «Я был бы весьма обязан немецким предпринимателям за практические советы, каким путем миссия могла бы проявить еще больше понимания и больше содействия их целям в Китае. Я надеюсь, что фирма Круппа не потерпела ущерба из-за известных сообщений о повреждениях на орудийных замках в битве при Ялу». По версии Шенка, представитель Круппа Мандль, требуя германского вмешательства в китайский процесс о государственной измене, хотел заполучить у Ли Хун-чжана орден. Военные промышленники, впрочем, и в последующее время не переставали жаловаться на Шенка, который, судя по мемуарам Жерара, в самом деле действовал весьма неумело, так что в том же году был заменен посланником фон Гейкингом, просвещенным супругом известной составительницы «Писем, которые он не получал».

[2] Согласно письму весьма способного начальника крупповского отдела сбыта Менсгаузена Мюльбергу от 21 декабря 1895 г., фирма Круппа заявила китайскому посланнику в Берлине, что германской промышленности должна быть предоставлена компенсация за Симоносеки. Мюльберг обрисовал посланнику, который, по словам Менсгаузена, был готов выслушать предложения, следующие компенсационные возможности: заказы на постройку железных дорог и военных кораблей, на железную дорогу Ханькоу — Пекин, а также — при случае — заказ для судостроительной фирмы «Вулкан». Кроме того, Германия поставила вопрос о предоставлении угольной станции. (Запись Мюльберга от 27 декабря 1895 г.)

[3] Донесение ганзейского посланника Крюгера от 28 апреля 1895 г. (Гамбургский государственный архив).

русским и французам отбить захваченный японцами Порт-Артур, возвратить его Китаю, а тем самым и под влияние фирмы Круппа, которая с выгодой использовала такое развитие событий и вскоре получила от Китая заказ на перевооружение крепости[1]. Закулисная подоплека событий тогда не была известна; зато одно обстоятельство (правда, второстепенного характера)— бестактное превышение полученных полномочий и высокомерный тон, к которому прибегал германский посланник, выполняя это поручение, — тем крепче запечатлено в исторических анналах, что союзникам Германии в симоносекском вопросе — России и Франции — оно дало желанный повод развязать во всем мире кампанию травли против их же партнера. Ссылка на образ действий Германии помогла обоим ее партнерам прикрыть вероломство, с которым они в том же году при первой возможности сумели отстранить Германию от участия в крупном займе для Китая, ловко подготовленном энергичным и высокообразованным французским посланником Жераром,— займе, укрепившем на последующие годы русско-французское влияние в Китае и свернувшем шею тамошнему германскому посланнику[2]. Успех французов и русских в этом деле соответствовал стабильному финансовому положению парижских деловых кругов; тесное сотрудничество богатых вкладами крупных парижских банков и финансового агента России Ротштейна обеспечило русскому министру финансов Витте, массивная фигура которого олицетворяла русскую политику в Восточной Азии, быструю и решающую победу. Напрасно германский посланник барон Шенк и известный английский генеральный таможенный инспектор сэр Роберт Гарт проявляли все свои способности в цзунлиямыне (Управление по иностранным делам в Китае.—*Ред.*), — они не смогли помешать тому, что обе союзные державы извлекли в Китае все выгоды, которые обычно были связаны с займами, и все сильнее сжимали тиски, душившие Китай с севера и юга — со стороны русской сферы влияния в Маньчжурии и с французской опорной базы в Южном Китае. Таким образом, обе державы приближались к большой преграде — долине реки Янцзы, что, во-первых, означало вторжение в сферу интересов крупных английских фирм, которые были заинтересованы в торговле вверх по Янцзы и в свободном пути по суше в Индию, и, во-вторых, создавало угрозу германской военной промышленности; именно здесь, в сердце Китая, в месте пересечения Янцзы с идущей с севера на юг дорогой Пекин — Кантон, был центр ее интересов, отсюда германские промышленники надеялись, соорудив железную дорогу, добраться и до Пекина[3].

В замешательстве ждали английские и германские империалисты решения своей судьбы. В южной сфере влияния Франция добивалась одной концессии за другой, в северной сфере Россия заявляла притязания на то, чтобы провести конечный, тихоокеанский отрезок Транссибирской железной дороги через Маньчжурию и избежать окольного пути по северной дуге к конечному пункту магистрали — Владивостоку[4].

В мае 1896 года Витте посредством обычного подкупа ведущего внешне-политического деятеля Китая, коррумпированного[5] вице-короля

---

[1] Донесение Гейкинга от 31 января 1897 г. (Архив ведомства иностранных дел).

[2] По словам самого Жерара.

[3] О проекте железной дороги Ханькоу — Пекин см. P. J o s e p h, Foreign Diplomacy in China 1894—1900, London 1928, p. 176 ff.

[4] См. H. Z ü h l k e, Die Rolle des Fernen Ostens in den politischen Beziehungen der Mächte 1895—1905, Berlin 1929, S. 66 f.

[5] О продажности Ли Хун-чжана, к которой, однако, надо подходить с иной меркой, чем в современных государствах с их финансируемой государством бюрократией, см. записки заместителя руководителя русского министерства иностранных дел барона Вольфа, который в своих неопубликованных воспоминаниях говорит: «В 1896 г. во время торжеств по случаю коронации в Москве был заключен договор с Ли — великим китайцем, который вернулся в Пекин с подписанным договором и двумя миллионами рублей в кармане. Совесть имеет на Востоке свою цену» (J o s e p h, op. cit., p. 161). Попытка Джозефа доказать обратное несостоятельна.

Ли Хун-чжана добился не только получения концессии на железную дорогу, но и заключения секретного договора, долго остававшегося тайным и сделавшегося полностью известным общественности только после мировой войны[1].

*Побежденный Китай в сетях французских финансистов и русских**

После Симоносекского договора Китай оказался в оковах, освободиться от которых не было никакой возможности. Как обычно, рычагом империалистической политики здесь служило соглашение (Kontraktion) о государственном долге, в данном случае долге по покрытию расходов на возмещение Японии убытков от войны. Чтобы подвести основу под займы, на которые нацелились европейские финансисты, Ли Хун-чжан во время поездки в Европу в 1896 году хотел испросить согласия держав на повышение китайских морских пошлин, которые находились под европейским контролем со времени предыдущего долгового обязательства Китая и на повышение которых европейские государства, учитывая интересы экспорта своей промышленности, соглашались лишь при условии, что Китай откажется от внутренних пошлин. Но такое мероприятие лишило бы китайскую администрацию финансовой базы, и потому китайскому вице-королю не оставалось ничего другого, как сотрудничать с французским финансовым капиталом и обеспечивать финансирование Китая с помощью системы концессий.

При таких обстоятельствах Ли Хун-чжан, когда он в 1896 году прибыл из Москвы в Германию, уже не был вольным человеком. Он не мог ждать многого от страны, которая в интересах развития экспорта своей промышленности грозила лишить китайскую администрацию ее доходов. Да и в финансовом отношении Германия была менее могущественной, чем ее соперник Франция. Вследствие индустриализации Германии немецким банкам приходилось удовлетворять слишком большие требования, чтобы они могли отважиться действовать в Восточной Азии на свой страх и риск и помериться силами с финансовым капиталом Западной Европы,— тем более что Германия не обладала тогда еще на Востоке политической силой. Поэтому пока что германский финансовый мир осмеливался продвигаться в Китае лишь постольку, поскольку сотрудничество с ведущей на китайском рынке Гонконг-Шанхайской банковской корпорацией («Гонконг энд Шанхай бэнкинг корпорейшн») давало гарантию, что Англия примет на себя часть риска немецких капиталистов. Другими словами, Китай был тогда классическим полем деятельности почти сложившегося англо-германского финансового альянса[2]. Основание в последние дни 1889 года Немецко-Азиатского банка с участием тринадцати крупнейших немецких банков имело целью лишь защитить по возможности немецкие банки от монополизации китайского рынка их английскими собратьями[3], причем это почти не повлияло на стремление германского финансового капитала сотрудничать с Англией[4].

В этих условиях, однако, германские банковские круги не могли полностью выполнять свои функции в мировой политике[5] и добиться для Гер-

[1] Договор воспроизведен в «Europäische Gespräche», Jg. 1931, S. 108 ff.

[2] Об англо-германских финансовых связях на Дальнем Востоке см. «Die Discontogesellschaft», S. 84 ff., а также теперь (1932) M ü n c h, op. cit., S. 215 ff., 290 ff.

[3] См. «Die Diskontogesellschaft», S. 84 ff.

[4] См. также интересную серию статей в «Кёльнише цейтунг» от 7, 8 и 9 июня 1900 г.

* К этому разделу см. L a n g e r, Diplomacy, vol. I., chap. 12, «The Far Eastern Situation 1895—1917».

[5] О разочаровании немецких предпринимателей в крупных немецких финансистах сообщается в интересном частном письме, направленном руководителю торгово-политичес-

мании чего-либо во всеобщем соревновании после Симоносекского мира, когда русские и англичане сумели подцепить угольно-рудный бассейн провинции Шаньси, англичане, кроме того,— концессии в долине Янцзы, французы — крупные концессии на юге, и даже американцы и итальянцы добились существенных уступок[1]. Вследствие этого германский империализм все надежды возлагал на связи с Ли Хун-чжаном, московские переговоры которого оставались неизвестными и которого, не в последнюю очередь из-за его старых связей с германскими военными промышленниками, во время его поездки по Европе принимали в Германии с распростертыми объятиями.

*Разочарование немцев в Ли Хун-чжане. План осуществления аннексий**

Ведомство иностранных дел считало наиболее важным и первоочередным получение угольной станции, чтобы германский военный и торговый флот сделался независимым от Англии, а также концессии на постройку участка железной дороги Шанхай — Нанкин, что открыло бы немецким концернам дверь для экспорта своей продукции в Восточную Азию[2]. Главным заинтересованным лицам в Берлине было уже ясно, какое место выбрать для военно-морской базы, чтобы она отвечала своему назначению военно-политического фактора силы, необходимого для реализации германских концессионных требований в Китае. Адмирал Тирпиц, который в начале 1896 года был назначен командующим Восточноазиатской крейсерской эскадрой, договорился со стоявшими за Брандтом заинтересованными лицами, то есть, по-видимому, с группой будущего Шаньдунского синдиката[3], о гавани Циндао

кого отдела ведомства иностранных дел фон Мюльбергу бывшим германским посланником в Китае Максом фон Брандтом. Последний вернулся тогда в Китай в качестве представителя немецких деловых кругов и неофициально поддерживал контакт с ведомством иностранных дел, но, как торжествуя сообщает Жерар, из-за болезни и политического сопротивления вынужден был вскоре возвратиться несолоно хлебавши. Брандт жаловался на весьма неловкие действия европейских финансистов и особенно Гонконг-Шанхайского банка, а также «Дисконтогезельшафт» в вопросе о последнем займе Китаю. Участие в нем невероятно бестактно действовавших англичан, по словам автора письма, чрезвычайно повредило немцам. Чтобы добиться выпускного курса в 89,5 процента, консорциум привел в движение всю дипломатию, а потом согласился на 94 процента. По другому сообщению Брандта от 8 мая 1896 г.), новый английский посланник сэр Клод Макдональд просил генерал-губернатора Ванга воздержаться от сделки с Круппом на перевооружение Порт-Артура до получения обещанного предложения Армстронга. В этой связи Брандт утверждает, что вследствие бюрократической неповоротливости «Дисконтогезельшафт» не использовало подготовленного им, Брандтом, для него и тем самым для германской промышленности шанса у даотая Шэна. Поэтому вину за будущие, очень неприятные для германской промышленности симпатии к французам этого китайца, всемогущего в железнодорожных вопросах, следует возложить на немецких финансистов, медлительность которых, впрочем, объясняется интересами, проанализированными в тексте книги.

[1] См. доказательную статью в «Кёльнише цейтунг» за 8 августа 1898 г. под названием «Экономический раздел Китая».

* См. L a n g e r, Diplomacy, vol. I, chap. XIV, «The Far Eastern Crisis, Kiaochaw and Port Arthur».

[2] Памятная записка торгово-политического отдела от 17 июня 1896 г., безусловно предназначавшаяся для переговоров статс-секретаря Маршалла с Ли Хун-чжаном 19 июня. См. также GP, 3663.

[3] Тирпиц, как явствует из его мемуаров («Erinnerungen», S. 61), стремясь склонить рейхстаг к новой морской политике, еще до своего отъезда в Восточную Азию вопреки другим заинтересованным лицам решил вопрос в пользу Циндао и занятия Цзяочжоу (см. GP, 3669, S. 36, Anmerkung). Речь идет явно о кругах тех же заинтересованных лиц, которых в Восточной Азии представлял Брандт, также избравший Цзяочжоу (GP, 3650, записка Ротенгана от 9 сентября 1895 г.). При тесной связи Брандта с инспектором морской таможни Детрингом, который вместе со своим тестем немецким генералом Ганнекеном давал

на Шаньдунском побережье, которая отличалась не только удобным расположением, но и наличием больших месторождений угля в хинтерланде[1*]. Кроме того, германский протекторат над Шаньдуном давал возможность привлечь католических депутатов рейхстага на сторону германской политики в Китае.

Католический епископ в Южном Шаньдуне Иоганн Баптист Анцер был готов перейти под покровительство германского кайзера, что означало бы разрыв со старой традицией, по которой католики и их миссионерство в Китае считались делом французского государства[2].

В противоположность группам промышленных дельцов, которые знали, чего хотели, и через Тирпица решающим образом влияли на выбор места для базы, ведомство иностранных дел из дипломатических соображений долгое время оставляло этот вопрос открытым; Маршалл потребовал от Ли Хун-чжана только угольную станцию вообще и в ответ получил такое же общее обещание, причем это обещание давно желанной компенсации за Симоносеки имело не больше ценности, чем красивые жесты Ли Хун-чжана в сторону владельцев военных предприятий, которые таскали уставшего и упиравшегося китайца с приема на фабрику, с фабрики — на парад, но так и не смогли оправдать своих затрат[3]. Напрасно представитель Круппа в Китае китайский немец Мандль во время этой поездки выполнял обязанности переводчика; не раз у немцев вытягивались лица при виде удалявшегося и не сделавшего заказов экзотического властителя, на которого были напрасно потрачены время, деньги, усилия и достоинство. Французский посланник в Китае, понимавший, что значит достоинство, потешался над тем, что немцам, отвешивавшим китайцу глубокие поклоны, ничего не досталось, тогда как Франция вместе с пронырливым бельгийским королем пожинала плоды этой поездки Ли Хун-чжана по Европе, хотя и встречала его со степенной сдержанностью.

Вскоре после возвращения Ли Хун-чжана осенью того же года домой в Германии поняли, что оказались в дураках. Помпезный прием именитого китайца не помог ни экспортным интересам, ни экспансионистской политике. Планам Ли Хун-чжана, который согласился на сооружение давно желанной для Германии военно-морской базы, чтобы выторговать разрешение немцев на повышение китайских морских пошлин, не суждено было осуществиться вследствие сопротивления европейской и особенно германской промышленности ухудшению условий их экспорта. Такие предложения были тем менее приемлемы для Германии, что очередные концессии на постройку крупных железных дорог, являвшиеся единственно возможным объектом компенсации, были уже сданы русским и французам.

В этих условиях фирма Круппа получила из уст китайского посланника в Германии, одновременно аккредитованного и в России, но охотно прислу-

---

советы Ли Хун-чжану и, вероятно, отождествлял себя с интересами Круппа в поставках оружия, я предполагаю прямую связь между Круппом и выбором Цзяочжоу, наличие которой, конечно, станет очевидным лишь при изучении документов, но может утверждаться и на основе других (кроме приводимых здесь мною) косвенных данных.

[1] Причины предпочтительной заинтересованности в Цзяочжоу, вместо которого предлагались другие, менее выгодные для промышленности пункты, вроде Амоя, залива Самса, Чусана и др., пока не могут быть выяснены, так как материалы ведомства иностранных дел по восточноазиатским вопросам, не опубликованные в больших изданиях, остаются недоступными для использования.

[2] См. описание Жераром его посещения папы, а также GP, 3662, записка Клемента от 18 марта 1896 г.

[3] Занимательное донесение Клюгмана, хранящееся в Гамбургском государственном архиве.

[*] Герхарт Гроте (Gerhart Grote, Untersuchungen zur deutschen Kolonialpolitik um die Jahrhundertwende, «Historische Studien», № 363, Berlin 1940, S. 3) говорит, что барон фон Рихтгофен давно рекомендовал это место. См. также Arthur J. Irmer, Die Erwerbung von Kiautschau 1894/98, Köln 1930.

шивавшегося к немецкой стороне (имеется в виду Сюй Цзин-чэн.— *Ред.*), несомненно весьма оригинальный для посланника совет: применить насилие по отношению к его собственной стране[1], — метод, тем более приемлемый, что именно в этот момент, в конце ноября 1896 года, в Берлин поступило известие, что назначенный Ли Хун-чжаном на пост директора железных дорог вместо старого крупповского друга Чжан Чжи-дуна известный в возмущенной Англии главным образом своей продажностью даотай Шэн передал строительство важной железной дороги Пекин — Ханькоу не немецкому, а бельгийскому синдикату[2].

Это позволило русско-французскому империализму, использовавшему бельгийцев в качестве подставных лиц, извлечь выгоду из соглашения с Ли[3].

На германского кайзера, которого немецкие дельцы и Тирпиц избрали особым покровителем восточноазиатской политики, эти сообщения оказали желаемое взрывное действие. «Вести переговоры, — писал он противившемуся ведомству иностранных дел[4],— после того как китайский посланник сам советует нам применить насилие, и Гейкинг тоже, — это было бы поистине смешно! Нет! Теперь нужно сконцентрировать корабли и захватить Амой или Цзяочжоу, поднять флаг, а уж потом вести переговоры». Сторонники нового морского курса, которым была обязана своим рождением эта политика наступления в Китае, названная Гольштейном «горячей похлебкой» («böse Suppe»), одержали верх и с помощью весьма своевременно поступившего донесения адмирала Тирпица об уже заранее определенных германскими концернами результатах его «обследования на месте» сумели окончательно настроить кайзера в пользу Цзяочжоу, что могло вызвать сильные трения с Россией[5]. Только ради дипломатической подготовки момент занятия был временно отложен, причем нетерпение кайзера, видимо, было умерено представлением, будто местность должна быть осмотрена специалистами-гидротехниками[6].

---

[1] Весьма необычный даже для восточных отношений факт, когда китайский посланник рекомендовал применить насилие против своего собственного отечества, причем «боясь патриотических крикунов», он сам опасался представлять это дело в Китае (GP, 3662, записка Клемента от 18 марта 1896 г. и особенно 3666, Радолин — Гогенлоэ, 19 ноября 1896 г.),— может быть объяснен только воздействием советника китайского посольства, немца по происхождению, Крейера, который давал советы посланнику и который, по моему мнению, много лет был связан с Круппом, пушки которого он сбывал, когда был миссионером. См. «Франкфуртер цейтунг» 24 ноября 1871 г. (статья «Крупп в Китае»).

[2] См. в «Кёльнише цейтунг» от 30 июня 1897 г. статью «Железнодорожный вопрос в Китае».

[3] Отказ в этой важной железнодорожной концессии уже тогда назывался в качестве причины германского наступления в Китае (см. высказывание «Морнинг пост», цитированное в «Кёльнише цейтунг» (20 ноября 1887 г.), а теперь (1932) благодаря опубликованию в книге Гогенлоэ (H o h e n l o h e, op. cit., 3. Bd. S. 279) телеграммы Гейкинга от 23 ноября 1896 г. действительно окончательно признан причиной германских шагов в Китае. Гейкинг в этой телеграмме сообщал также, что китайцы не идут ни на какие уступки в еще не решенном вопросе о немецких инструкторах-офицерах.

Это была явная победа французов над германской военной промышленностью, в интересах которой после посещения Ли Хун-чжаном фирмы Круппа с ним была достигнута договоренность о посылке этой миссии. Полковник Либерт, который должен был возглавить указанную миссию, вместо этого отправился в качестве генерал-губернатора в Восточную Африку.

[4] H o h e n l o h e, op. cit., 3. Bd., S. 282 ff. Замечание на полях памятной записки от 25 ноября 1896 г.

[5] Победа морских кругов в вопросе о выборе места для морской базы явствует из приведенных в «Große Politik» (GP, 14, 1. Bd., S. 47, Anmerkung) доказательств в связи с высказываниями Тирпица («Erinnerungen», S. 65).

[6] Посылку гидротехника Франциуса в Восточную Азию я считаю, на основании изложенных у Гогенлоэ документов, таким же маневром ведомства иностранных дел, направленным на то, чтобы «отвлечь» кайзера, как и депешу Крюгеру.

Новое сближение с Англией. Перелом в Азии и Южной Африке

Программа активной восточноазиатской политики, осуществления которой требовали, тесно сплотившись, промышленность, флот и не менее активно — немецкие судоходные компании, сделала необходимым постепенное улучшение отношений с Англией по сравнению с предыдущими годами. Германского флота не было еще даже на бумаге, так что морское ведомство и промышленность были весьма заинтересованы в том, чтобы при проведении политики в Азии не оказаться в конфликте с самой мощной морской державой. Это было бы тем более рискованно, что антианглийский курс так или иначе разоблачил бы германскую политику в Азии в глазах русских, которые — особенно в Восточной Азии — считались противниками Германии.

В той степени, в какой в Берлине готовились к экспансии в Азии, следовало, по логике вещей, опять сблизиться с англичанами, с которыми Германия конфликтовала со времени депеши Крюгеру и вообще в ходе борьбы за колониальные территории внутри и вне Британской империи и столкновения с которыми особенно усилились после расторжения англо-германского торгового договора. Однако уже и тогда можно было заметить моменты разрядки напряженности в той области, в которой раньше имели место сильнейшие столкновения. После того, как еще в 1896 — 1897 годах натянутые отношения между Грецией и Турцией, а затем и греко-турецкая война из-за Крита, которую Англия пыталась использовать для филантропически приукрашенного наступления на Турцию, еще раз заставили засиять во всем величии русско-германский континентальный союз[1], самое позднее в конце 1897 года[2] обозначились отчетливые признаки перелома в бурском вопросе.

*Негодование кайзера по поводу недостаточных заказов буров у Круппа**

Уже вскоре после депеши Крюгеру кайзер разочаровался в бурах, так как они предоставили германской промышленности не все заказы на вооружение. «Мы — мировые фабриканты пушек», — объявил им, меча громы и молнии, его величество[3]. Не следует иронизировать над подобными заявлениями; обе составные части общности интересов кайзеровского правительства и военной промышленности имели глубокие социологические корни.

Для фирмы Круппа, которая с самого начала была связана тесными узами с гогенцоллерновской империей, протекция кайзера означала гарантию получения заказов внутри страны и давление на заграницу, без чего фирма не могла бы существовать и сохранять на случай войны достаточный произ-

[1] Я не могу здесь останавливаться на подробностях балкано-турецкой проблемы девяностых годов, которая все же имела второстепенное значение для истории германского империализма и для социальных мотивов предвоенной германской политики в отношении России. Такая работа была бы осуществима технически, если бы просто «стенографировать» все, что относится к чистой политике.

[2] Известное донесение графа Гатцфельда, которым начинается новое сближение с Англией (GP, 3404), было написано уже 22 апреля 1897 г.

[3] Сообщения Бота (B o t h a, op. cit., S. 65 ff), согласно которым недовольство кайзера бурами объясняется размещением ими заказов на вооружение во Франции, то есть у Шнейдера, подтверждаются документальными данными о сильном франко-германском соперничестве в поставках оружия.

* К этому и другим тематически примыкающим сюда разделам см. книгу B e r n h a r d M e n n e, Krupp, Deutschlands Kanonenkönige, Zürich 1937, в которой, между прочим, использованы опубликованные ранее фрагменты данной работы.

водственный аппарат, а также давление вниз, ограждение от общих социалистических требований рабочих. Создание флота позволило Круппу развить те отрасли производства, которые до того были отданы на откуп англичанам[1]. Для флота же фирма Крупна и военная промышленность были не только технической основой его существования — они в значительной степени создавали самую возможность одержать успех в парламенте. Пропаганда в пользу флота в последние годы XIX столетия была для фирмы Круппа равносильна борьбе за расширение своих предприятий.

Наконец, монарх, стоявший над всеми, видел в военной промышленности и в такой крупной монополистической фирме, как крупповская, опору абсолютизма, которая, будучи зависима от него, была вполне надежной и в социальном отношении и помогала ему обеспечивать дальнейшее существование военного, морского и чиновного государственного аппарата, видные деятели которого как по социальным, так и по экономическим мотивам часто переходили из одной сферы деятельности в другую. Тогдашний[2], а также и прежний начальник имперской канцелярии[3] с чисто социологической точки зрения были так же втянуты в непосредственные крупповские интересы, как и будущий рейхсканцлер фон Бюлов[4] и его министр финансов фон Рейнбабен[5]. Посты в армии, решающие в вопросах вооружения, также нередко замещались по прямой или косвенной указке Круппа[6].

В этих условиях известные тесные отношения между Круппом и домом Гогенцоллернов едва ли можно свести к одному знаменателю финансового партнерства, как это иногда пытались делать падкие на сенсации газеты. Факт такого участия доказуем, начиная с шестидесятых годов, а для времени Вильгельма II даже установлен судом, хотя через некоторые тайные каналы — вспомним хотя бы придворного банкира Людвига Дельбрюка, почти единственного члена наблюдательного совета акционерного общества «Фридрих Крупп», не принадлежавшего к семейству Круппа.— в ту и другую сторону могли протекать более крупные средства, чем признавалось официально[7]. Если рассматривать данный вопрос в более широком плане и с социологической точки зрения, то дело здесь было не столько в финансовом участии, сколько в том, что мы назвали общностью интересов, в переплетении коренных социальных интересов — явление, которое по своей сущности часто давало и дает стимул к деловому и финансовому слиянию. Протекция же, от которой зависела военная промышленность, со своей стороны являлась основой того неовизантийского духа, который был столь характерен для времени Вильгельма II.

Если монополия фирмы Круппа в случае с бурами и была нарушена французской промышленностью, то для германской военной промышленности все же оставался достаточный кусок пирога. Правда, при испытаниях, проводившихся под руководством франкофильского бурского гугенота

---

[1] Переход Круппа к постройке броненосцев и использованию собственных верфей падает на девяностые годы; до этого материалы для немецких кораблей получали из Англии. Таким образом, в этой области Германия играет роль, так сказать, «до сих пор не капитализированной территории», которая поднимается против индустриальной страны опекуна (industrielles Mutterland). Подробнее см. у Кера.

[2] Одна из двух дочерей Фридриха Альфреда Круппа вышла замуж за фон Вильмовского, сына начальника имперской канцелярии.

[3] Брат бывшего начальника имперской канцелярии фон Роттенбург еще встретится нам в качестве представителя фирмы Круппа.

[4] Младший брат Бюлова был служащим у Круппа.

[5] Более точные данные об отношениях между Рейнбабеном и Круппом см. в болтливой по тону, но содержащей ценные фактические данные книге R. Martin, Deutsche Machthaber (глава «Рейнбабен»).

[6] Брат генерала Вандля, который в 1913 г. выступал в рейхстаге за проект закона о значительном увеличении армии, служил директором у Круппа.

[7] Уполномоченный кайзера по судебному процессу обозначал его участие цифрой только в 50 тысяч марок (Архив фирмы «Ульштейн»).

генерала Жубера, как бывает обычно, победило то орудие, победы которого хотели, — в данном[1] случае 75-миллиметровое орудие фирмы «Шнейдер-Крезо». Ведомство иностранных дел взяло под защиту крупповских представителей от кайзеровского недовольства, которое, по-видимому, инспирировалось из Эссена: оно продолжало хвалить их деятельность и даже переслало консульское донесение в отель «Бристоль» тайному советнику Круппу. В конце концов германским представителям удалось раздобыть заказов для германской военной промышленности более чем на 550 тысяч фунтов стерлингов, так что финансируемое ганземановским «Дисконтогезельшафт» предприятие Людвига Лёве получило заказ на 159 тысяч фунтов, сам Крупп — на 400 тысяч, а «Шнейдер-Крезо» только на 105, не считая того, что Трансвааль предоставил группе немецких финансистов 250 тысяч фунтов стерлингов на постройку укреплений в Южной Африке. Германский консул в Претории старался в меру своих сил оказывать содействие прогермански настроенным членам исполнительного совета и получать и дальше заказы на поставки из Германии. Это имело тем большее значение, что иногда в поставке артиллерийских батарей в Трансвааль участвовала столь высокая персона, что ее имя предпочитали не упоминать в обычных донесениях и только потом извещали шифром, что в данном случае речь идет о прусском министре почт Подбельском[1], который впоследствии играл сомнительную роль в колониальных скандалах. В целом все эти сделки развивались так успешно, что все увеличивавшееся равнодушие кайзера к бурам объясняется не столько начальными трудностями в этом вопросе, сколько, не считая рациональных соображений и положения в Восточной Азии, его постоянно прорывавшейся, почти нервозно-болезненной симпатией к англичанам, которая как в других случаях, так и в этом давала ведомству иностранных дел возможность постепенно изменить тон в обращении с англичанами.

Финансовый крах в Южной Африке. Воздействие финансовой верхушки на изменение политики по отношению к бурам

Имевшиеся в ведомстве иностранных дел даже в периоды самых сильных трений с Англией скрытые англофильские тенденции, обусловленные социологически сильным личным и деловым влиянием финансового и торгового капитала, а также аристократическими симпатиями к Англии, усилились в 1897 году благодаря развитию, которое уводило преобладавшие в Трансваале германские интересы от буров. Золотая лихорадка, стимулировавшая до тех пор трения в Трансваале, внезапно прекратилась. Горнодобывающая промышленность потерпела крах. Государство Трансвааль по требованию владельцев копей назначило следственную комиссию, которая должна была изучить нужды рудников и о работе которой германский консул регулярно информировал ведомство иностранных дел.

Как бывает всегда в таких случаях, вместо того чтобы искать причину подобной экономической депрессии в естественных экономических законах, а в данном конкретном случае — в непомерном повышении курса ценных бумаг горнопромышленных компаний в результате спекуляции, под покровом которого реальный капитал горнодобывающей промышленности стал растрачиваться на учредителей и директоров, козлом отпущения сделали государство, которое якобы слишком обременило золотодобывающую про-

[1] Донесение Герффа от 28 марта и 3 мая 1897 г. До 3 мая Германия поставила в Трансвааль военных материалов на 550 тысяч фунтов стерлингов. Франция же — на 78 750.

мышленность налогами и монополиями. Как во всех вопросах такого рода, так и здесь ни та, ни другая сторона не была абсолютно правой; теоретическая дискуссия была обусловлена положением сторон, то есть решением вопроса о том, кто оказался мощнее, и побежденной стороне пришлось оплачивать убытки от кризиса.

Германский консул, который в 1894 году отвоевал для немецких дельцов из нобелевского треста господствующую позицию в Трансваале, упорно отстаивал динамитную монополию этого треста и другие монополии, предоставленные бурским правительством. В этой связи он рассорился с германскими держателями ценных бумаг золотодобывающей промышленности во главе с одним из директоров Немецкого банка, являвшимся управляющим германской фирмой «Адольф Гёрц», в отношении которой динамитный трест вел оборонительную политику[1] (Фирма была названа по имени одного из родственников Георга фон Сименса). Бóльшая часть крупных немецких банков повернулась против буров, одержала верх над нобелевским трестом и одновременно выступила против высоких фрахтов на Делагоанской железной дороге, которые еще больше увеличивали производственные расходы горной промышленности, так что германский консорциум для Трансваальских ценностей, который финансировал дорогу, оказался в конфликте между своими интересами как владельца горнопромышленных ценностей и как финансиста дороги[2]. Дуэль между банковским капиталом и пороховым картелем, отраженная в заявлениях и донесениях Немецкого банка и консула Герффа ведомству иностранных дел, была жестокой и острой; консул упрекал финансовую верхушку в коварстве и утверждал, что Немецкий банк действует против германских интересов, которые при тогдашнем положении вещей соответствовали требованиям динамитного картеля и бурского правительства.

В этой борьбе Немецкий банк имел за собой, кроме большинства прочих банков Германии и всех владельцев акций золотопромышленных компаний, еще и преобладавшие в Южной Африке интересы германской промышленности, экспорт которой, состоявший в поставке машин для золотых копей, остановился и начал сокращаться[3]. К концу 1897 года «Кёльнише цейтунг» и «Норддейче альгемейне цейтунг» начали выступать против буров, так что германский консул вместе с неистовствовавшими динамитными дельцами оказался в полной изоляции и сообщил ведомству иностранных дел, что ему приходится столь же энергично защищать свою точку зрения от крупных германских банков, как и от Сесила Родса[4]. Естественно, что в таких условиях ведущие банкирские дома финансовой верхушки во главе с Немецким банком остались глухи к просьбам Трансвааля о деньгах[5]. Гольштейн сумел потом тактически использовать это как заслугу германского правительства перед Англией.

«Кёльнише цейтунг» рисовала своим читателям бедственное положение в Южной Африке, не жалея красок. Предприятия, писала она, влачат жалкое существование и только в исключительных случаях могут прокормить своих людей; рудники закрываются, рабочие переселяются, немцы теряют свое достояние, а правительство ухватилось за свои монополии и ничего не предпринимает против этих бед. Официозная германская биржевая пресса стала проявлять заботу о несчастных уитлендерах, тяжело угнетенных агентах бедного Сесила Родса и других владельцах рудников, тогда как

[1] Штейнталь — ведомству иностранных дел 11 июля 1897 г. (Архив ведомства иностранных дел).

[2] Еще и теперь симптоматичны равнодушные и нерешительные высказывания Фюрстенберга по трансваальскому вопросу (F ü r s t e n b e r g, op. cit., S. 198, 386).

[3] «Кёльнише цейтунг» и «Национальцейтунг» от 20 ноября 1897 г., «Кёльнише цейтунг» от 15 апреля и 25 мая 1898 г. и т. д.

[4] Герфф—ведомству иностранных дел, 29 ноября 1897 г. (Архив ведомства иностранных дел).

[5] Его же донесение от 8 июля 1898 г. (Архив ведомства иностранных дел).

пангерманцы пытались опровергнуть россказни о терпящей бедствие золотодобывающей промышленности, доказывая, что номинальный капитал всех компаний по добыче золота в Трансваале составлял в декабре 1897 года 1 000 964 тысячи марок, из которых учредители получили не менее 761 117 940, то есть около двух пятых капитала, которые надо было теперь выжать в виде дивидендов[1].

Все более враждебное отношение к бурам, даже, можно сказать, дружественное отношение к Англии финансовой верхушки и ведомства иностранных дел, ведущая фигура которого — Гольштейн в своих биржевых спекуляциях был на стороне горнодобывающей промышленности[2], еще не было в такой степени, как позднее, возмещено флотской политикой Германии. Германские флотские политики в период возникновения немецкого флота благоразумно остерегались войны с Англией и стремились избежать столкновения с ней в заморских странах[3].

Осложнения в сближении с Англией из-за промышленной экспансии

Зато именно в это время обострилось соперничество между германской и английской промышленностью из-за некапитализированных территорий, усилилась напряженность, которая хотя и парализовалась расширением непосредственных взаимных торговых интересов Англии и Германии, но все же подводила тяжелую промышленность обеих сторон к возможности начать поход государственных машин этих двух стран друг против друга ради овладения этими некапитализированными территориями. В 1896 году торгово-политический атташе Англии в берлинском посольстве Гэстрелл подсчитал, что уже десять лет, как металлургическое производство Англии оттеснено на второе место после Соединенных Штатов Америки. Он подсчитал далее, что при таких темпах Германия также грозит вскоре опередить Англию, что в Китае, Малой Азии, Турции, Южной Америке, Индии, Египте и даже в английских колониях английская торговля не развивается в той же степени, как германская, бельгийская и т. д., что общая стоимость вывоза Англии в ее колонии в 1895 году уменьшилась на один миллион фунтов стерлингов по сравнению с 1875 годом, а германская торговля, наоборот, в некоторых районах увеличилась более чем на сто процентов и что в пятнадцати странах Южной Америки и Азии Германия в течение пяти лет (1890—1895) ежегодно извлекала прибылей больше, чем Англия, на 11 миллионов фунтов стерлингов[4].

Разумеется, было бы неправильно представлять себе дело так, будто отдельные английские торговцы или фабриканты со статистическими данными в руках изучали промышленное развитие по обе стороны Ла-Манша и в результате определяли свою политическую позицию. Английские жалобы на британскую «отсталость» и неповоротливость в коммерческой области часто бывали вызваны не столько ненавистью к конкурентам как таковым, сколько негодованием по поводу беззащитности гигантской империи с ее

[1] См. заявление Пангерманского союза рейхсканцлеру от 14 ноября 1898 г. (по «Альдейче блеттер», 1898 г.).

[2] Известный нам в этом отношении материал хотя и относится к несколько более позднему времени, не делает, однако, неправдоподобными аналогичные события уже в те дни.

[3] Об этом см., например, B ü l o w, Denkwürdigkeiten, 1. Bd., S. 116 ff., а также H o h e n l o h e, op. cit., 3. Bd., S. 464, Eintragung vom 24.10. 1898.

[4] Цитируется по доказательной статье «Германия и Англия» в «Кёльнише цейтунг» от 10 сентября 1896 г.

свободной торговлей перед демпинговой политикой германских трестов. Все же такие чувства должны были расти из-за опасности в один прекрасный день оказаться отрезанными германским флотом от заморских рынков сбыта, становившихся в этих условиях все более необходимыми для экспорта английского финансового капитала. Правда, этого флота не было еще даже на бумаге, но он все-таки уже определял политику руководящих берлинских кругов по отношению к океанской Венеции.

Этот неомеркантилизм, который после кризиса семидесятых годов овладел государственными машинами некоторых стран с целью борьбы за некапитализированные территории, уже тогда без всякого отличия сравнивался немецкими экономистами с его предшественником в XVIII столетии. «Если наши нынешние заморские владения в недалеком будущем окажутся недостаточными, — писал марбургский профессор Карл Ратген, — а остальной мир уже распределен, то нам не следует забывать, что однажды, примерно в 1600 году, мир уже был разделен между испанцами и португальцами, пока Нидерланды, Франция и главным образом Англия не сделались морскими державами и не переделили заново заморские колониальные страны. Что произошло давно, может произойти и теперь»[1].

Такая полемика была направлена непосредственно против попыток Джозефа Чемберлена объединить всю Британскую империю в единое государство на федеративной основе и окружить ее таможенным барьером — попыток, которые, правда, неизбежно должны были провалиться из-за невозможности активного трестирования в Англии и из-за интересов английской экспортной промышленности. Но именно благодаря этому провалу последовавшая за ним либеральная эра начала XX века еще сильнее стала ориентироваться на флот как на важнейшее средство единения империи.

Хотя (как и вообще в истории) именно провал этой опасной с точки зрения Германии идеи Чемберлена вызвал к жизни подлинно опасные моменты, уже самый страх перед чемберленизмом в последние годы уходившего столетия был достаточным, чтобы создать напряженные взаимоотношения*. До открытой борьбы дело дошло в 1897 году, когда чемберленизм впервые вышел за рамки чистой агитации и когда введение запретительного тарифа Дингли в Соединенных Штатах побудило доминион Канаду в интересах ее чувствительно нарушенного зернового и сельскохозяйственного экспорта установить для товаров страны-метрополии льготы, в ответ на что метрополия пообещала снизить тарифы для Канады[2].

Расторжение англо-германского торгового договора

Необходимость выдержать американское таможенное ограждение и американскую конкуренцию привела британские доминионы к борьбе против составленных в духе свободной торговли англо-германского и англо-бельгийского торговых договоров шестидесятых годов, — договоров, которые исключали возможность каких-либо особых таможенно-политических соглашений между Англией и ее доминионами. Чтобы не быть связанной в торговых

[1] См. Karl Rathgen, Die Kündigung des englischen Handelsvertrags und ihre Gefahr für die Zukunft, Leipzig 1897. Здесь цитируется по «Кёльнише цейтунг» от 28 ноября 1897 г.

[2] «Deutsche Tageszeitung», 10.4.1898; «Kölnische Zeitung», 18.6.1903; «Morning Post», 9.3.1903.

* Защите чемберленизма посвящено очень интересное исследование Вальтраута Шубарта, которое фигурировало в погибшей библиографии настоящей работы. Подробности об этом сочинении больше установить не удалось.

отношениях с империей, Англия Джозефа Чемберлена 30 июля 1898 года действительно расторгла торговый договор с Германией*.

В Германии аграрии с радостью ухватились за представившуюся в результате этого формальную возможность нанести удар по канадской импортной политике, не вступая на первых порах в противоречие с экспортными интересами германской промышленности. Социалисты, большей частью поддерживавшие в таких вопросах промышленность, также выступали против канадской политики льготных пошлин, так как любое особое преимущество для британской промышленности наносило ущерб германскому промышленному экспорту; при этом они не учитывали, что подлинным камнем преткновения было предоставление Канадой льгот для британского сахара[1].

Но так как канадские товары шли в Германию через Англию и практически не отличались от прочих английских товаров, то разгоревшаяся таможенная война Германии с Канадой, к досаде немецких аграриев, была неудачной и содействовала лишь тому, что Канада стала еще сильнее подпадать под торгово-политическое господство Соединенных Штатов Америки.

Вильгельм II воспринял расторжение англо-германского торгового договора как личное оскорбление; ему казалось, что возраставшее обострение в торговых отношениях с Англией должно было «оправдать даже в глазах глущов» строительство флота[2]. Политика Чемберлена, которого в Германии считали в первую очередь ответственным за английские мероприятия[3], натолкнулась в рядах немецких аграриев на особое сопротивление группы лиц, связанных с производством сахара. Их положение тем более осложнилось с 1896 года, что премиальная система побуждала к перепроизводству сахара; с другой стороны, их расчеты на сокращение производства сахара на Кубе в результате таможенной революции провалились из-за враждебной позиции американского Сахарного треста, который предпочел покрыть свои потребности закупками не у европейских конкурентов, а на Яве и в Бразилии. Правительство Гогенлоэ оказалось бессильным перед рейхстагом, который по настоянию бывших в большой чести сахарных дельцов провалил проект сахарного закона 1896 года посредством увеличения свободного от акциза контингента сахара; тем самым еще больше усилился международный шовинизм, который во Франции при состоявшем из заинтересованных лиц кабинете Рибо — Мелина должен был для удовлетворения требований французской сахарной промышленности поплатиться неслыханными вознаграждениями[4].

Уже в своей таможенной войне с Канадой Германия натолкнулась на торгово-политическое препятствие в виде американского сверхпротекционистского тарифа от 24 июля 1897 года. Этот так называемый тариф Дингли независимо от другого ущерба, который он повлек за собой, особенно для промышленности, дифференцированным обложением европейского премиального сахара, вредил экспорту сахара из Европы вообще и особенно из Германии, которая в 1896 году при общей стоимости ее вывоза в 94 240 893 доллара экспортировала в Соединенные Штаты Америки

---

[1] Консульское донесение из Монреаля от 19 декабря 1898 г. (Архив ведомства иностранных дел).

[2] GP, 3414, Вильгельм II — Гогенлоэ, 1 августа 1897 г.

[3] См. интересные свидетельства того времени в «Шлезише цейтунг» от 7 июня 1903 г.

[4] Управляющим Германским сахарным трестом, как уже упоминалось, был бывший национал-либеральный депутат и руководитель Центрального союза германских промышленников Бюкк; в наблюдательный совет входил консервативный депутат рейхстага барон фон Рихтгофен-Дамсдорф; председателем наблюдательного совета синдиката сахара-сырца был опять-таки депутат рейхстага фон Арним-Гютербох, членами наблюдательного совета этого синдиката были депутаты рейхстага граф Кармер (консерватор) и Пинген (центрист). (Согласно «Фрейзинниге цейтунг» от 1 июня 1899 г.)

* О начавшейся в результате этого травле см. P. Anderson, op. cit., chap. 5 («Termination of the Anglo-German Trade Treaty»).

на 12 528 757 долларов[1]. Немецкие свекловоды и сахарозаводчики в бессильном страхе наблюдали, как тариф Дингли, а затем и угроза американского проникновения на Кубу выбивали из их рук американский рынок.

Так лица, заинтересованные в производстве сахара, стали в первые ряды фронта промышленников и аграриев, которые прожужжали все уши союзным германским правительствам своими жалобами то по поводу вывоза, то по поводу республиканского протекционизма Америки и таким образом они содействовали пропаганде в пользу мировой политики, которую развернули германские морские круги, стремившиеся использовать американские домогательства на Кубе для германского выступления на Тихом океане.

В этом комплексе антиамериканских интересов важнейшим фактором были концерны германской железоделательной и сталелитейной промышленности, конкурентная борьба которых против Моргана и Карнеги поощрялась даже немецкими аграриями[2], стремившимися оградить Германию от заокеанской конкуренции Соединенных Штатов[3]. Промышленность и сельское хозяйство, действуя рука об руку, организовали в 1898 году генеральный штурм тарифа Дингли; воздух наполнился шумом яростного боя против американского Стального треста, рокфеллеровского треста «Стандард ойл» и гавемейеровского Сахарного треста. С гневом и изумлением взирал старый мир на этих неудержимо разраставшихся современных гигантских чудовищ; никто не мог полагать всерьез, что можно принудить Рокфеллера к капитуляции посредством создания неравных условий для его нефти[4] или остановить Гавемейера, когда он занялся Кубой и с помощью кубинского сахара вытеснил как иностранных[5], так и отечественных[6] сахарозаводчиков с американского рынка[7]. Начавшееся таким образом ухудшение отношений с Англией, а также с Соединенными Штатами было тем опаснее, что отношения между Германией и Россией хотя и разрядились вследствие русской политики в Восточной Азии, но все же улучшились ненадолго. Окончательной стабилизации этих отношений мешали немецкие аграрии, которые, с тех пор как образовался Союз сельских хозяев, во все большей степени диктовали курс германской политики. Почти все существенные помехи в тогдашних отношениях между Германией и Россией следует отнести за счет экономической политики, целью которой была вовсе не, как это часто утверждают, аграрная автаркия все сильнее погрязавшего в трениях германского государства, а соблюдение интересов крупных остэльбских помещиков, преобладавших в прусской администрации. Эти интересы нередко вступали в острый конфликт с самой идеей автаркии. Немецкие аграрии были сторонниками покровительственных пошлин, когда речь шла об их земельной ренте, но они были крайними манчестерцами, когда ставился вопрос о защите труда национальных сельскохозяйственных рабочих от поляков и галицийцев[8].

---

[1] «Kölnische Zeitung», 29.11.1897.

[2] См., например, «Корреспондентен дес Бундес дер ландвирте» во многих местах, например 21 июля (статья «О среднеевропейской торговой политике»).

[3] Граф Каниц в рейхстаге выдвинул на первый план тактический момент защиты промышленности (выступление в рейхстаге 11 сентября 1899 г.).

[4] «Kölnische Zeitung», 2.3.1897.

[5] См. отчет об общем собрании Союза германской сахарной промышленности в Бреслау 30 мая 1899 г.

[6] Различные сообщения, в том числе корреспонденция из Вашингтона в «Кёльнише цейтунг» от 14 июля 1899 г.

[7] Здесь мне хочется подчеркнуть еще раз, что я лишь бегло касаюсь обстановки в Америке, так как имеется основополагающая работа А. Вагтса.

[8] Это и последующее даю в соответствии с четкими формулировками Кера (op. cit., S. 67 ff.). «Борьба аграриев за покровительственные тарифы велась не из-за стремления укрепить германскую нацию на случай войны, а из-за желания за счет вооруженных сил взвинтить цены на дворянские поместья выше границы рентабельности и преодолеть таким образом опасную социальную конкуренцию богатевшей городской буржуазии. Германская политика зерновых пошлин имела целью не столько обеспечить пропитание немцев в слу-

Благодаря покровительственным тарифам и использованию дешевых сезонных рабочих — поляков германское землевладение на Востоке, хотя искусственно и с трудом, но держалось на поверхности. Однако в результате подобной практики исчезло сельское население, этот резервуар военной силы, который, как утверждали аграрии, они хотели укрепить своей тарифной агитацией[1].

Угроза подрыва германской внешней политики посредством союза крупного землевладения с тяжелой промышленностью

Здесь обнаруживаются глубочайшие причины будущей катастрофы Германии. Разнообразное территориальное и классовое расслоение населения Германии давало возможность проводить такую внешнюю политику, при которой левая рука не знала, что делала правая. Преследуя политику своих интересов, когда забота о выдвинутой из тактических предвыборных соображений задаче обеспечения военно-политической позиции Германии проявлялась лишь теоретически, аграрии таможенной войной и тарифными каверзами испортили хорошие отношения Германии с Россией, которые были неизбежной предпосылкой той германской мировой политики, какая требовалась промышленности.

Уже в конце 1896 года ведомство иностранных дел имело резкое столкновение с прусским министерством сельского хозяйства по поводу ветеринарно-полицейских таможенных придирок[2]. Агитация Союза сельских хозяев за всякое запрещение ввоза мяса достигла кульминации в 1897 году, то есть именно в том году, когда усилилась напряженность в отношениях между Германией и Англией. По настоянию оберрегирунгсрата Гейдебранда и будущего известного лидера Консервативной партии Лазы верхнесилезская граница осенью была закрыта для ввоза свиней из русской Польши. В рейхстаге пангерманцы одобрили эти действия имперского правительства[3]. В следующем году Витте пожаловался на новые препятствия, которые прусское правительство по настоянию прусских аграриев чинило русскому экспорту гусей и свиней и которые в связи с другими торгово-политическими трениями в конце концов могли привести к опасному осложнению в политических отношениях между обеими державами[4]. И хотя имперское пра-

---

чае войны, сколько воспрепятствовать расширению животноводства; ведь животноводство было производственно-технической причиной появления оседлых сельскохозяйственных рабочих и образования жизнеспособных мелкособственнических хозяйств».

[1] См. K e h r, op. cit., S. 268.

[2] Протокол совещания трех участвовавших ведомств от 3 октября 1896 г. Свиней из Польши ввозили было для пропитания промышленного населения Верхней Силезии, а теперь решили снова прекратить ввоз с помощью ветеринарно-полицейских придирок. Ветеринарным врачам приходилось проводить торгово-политический курс лечения чрезмерными дозами. Напрасно ведомство иностранных дел указывало сельскому хозяйству и ветеринарной полиции, что их действия не отвечают духу международных договоров. С циничной любезностью русский министр финансов Витте разъяснил немецким представителям возможности русских репрессий против германской промышленности, для которой торговый договор был выгоден (Радолин — Гогенлоэ, 26 октября 1896 г.). Именно владельцы железоделательных и сталелитейных предприятий в Верхней Силезии опасались в конце концов расхождения с Россией (заявление от 20 ноября 1896 г.). Прусские же министры сельского хозяйства, как правило, не слишком заботились о промышленности и были счастливы, если в рейхстаге граф Каниц ставил им хорошую отметку («Рейхсанцейгер», 2 февраля 1897 г.).

[3] На заседании рейхстага 22 февраля 1897 года профессор Хассе признал, что ведомство иностранных дел старается смягчить жесткие условия действующих торговых договоров.

[4] См. GP, 3521, Радолин — Гогенлоэ, 13 июля 1898 г.

вительство из внешнеполитических соображений и в интересах германской промышленности еще раз приняло — к удовлетворению русских — решительные меры и получило одобрение кайзера, считавшего, что мировая политика оказалась было под угрозой[1], все же напряженность как таковая не была полностью ликвидирована. Уже тогда за кулисами стоял наготове человек, который, не считаясь с традиционной внешней политикой Германии и ее опасным срединным положением в окружении великих европейских держав, хотел возвести в систему трения последнего десятилетия; именно в те месяцы, когда напряжение в отношениях с Англией из-за Канады да и с Россией из-за торговой политики достигло известного апогея, прусский министр финансов Микель в своей речи в Золингене[2] провозгласил политику, которая должна была обеспечить кусок хлеба оттесненному на задний план со времени Каприви крупному землевладению посредством укрепления его связи с промышленностью и использования тенденций картелей к обеспечению высоких покровительственных пошлин.

Иоганнес Микель как поборник политики «сплочения», то есть союза между крупными промышленниками и юнкерами

Оборотливый прусский министр финансов — одна из наиболее характерных фигур в германской истории, — имевший обыкновение одновременно и защищать важнейшие законы своего времени и возражать против них (например, против школьного закона 1893 года и законопроекта о канале), знал, что делал, когда выступил с упомянутой выше речью. В феврале того же года руководитель Центрального союза германских промышленников — этой организации сильнейшим образом концентрированной и картелизованной крупной промышленности — произнес проповедь о необходимости поддержать нуждающееся сельское хозяйство, с которым возможно соглашение на базе обоюдного повышения таможенных тарифов[3]*. После речи стал виден и козел отпущения, против которого направлялась вся эта политика. В то время как наносили удар по священнику Науману, еще более радикальному, чем Штёккер, и по социал-консервативным мотивам отделившемуся от крупных аграриев**, и в то время как по подобному же поводу принялись за профессора Адольфа Вагнера, имелось в виду, что расплачиваться за эту германскую политику будут немецкие рабочие[4] вместе с прочими немецкими потребителями. Недостаточный учет потребностей германской внешней политики составлял подлинную сущность такой экономической политики. Костыли, которыми решили помочь хромавшим промышленности и сельскому хозяйству, были приобретены за счет немецкого населения в целом, куплены ценою ухудшения германских отношений с заграницей; однако вся политика «сплочения» имела не единственную, но параллельную цель: облегчить положение групп, наиболее близких министру финансов в политическом и социальном отношении, то есть крупных

---

[1] См. GP, 3523, Радолин — Гогенлоэ, 5 августа 1898 г. с характерной пометкой на полях, сделанной рукою кайзера.

[2] «Kölnische Zeitung», 17.7.1897.

[3] Ibid.

[4] См. резкие нападки на Адольфа Вагнера в «Кёльнише цейтунг» от 4 февраля 1897 г.

* Подробные замечания о политике Центрального союза германских промышленников см. в книге P. Anderson, op. cit., p. 210 f.

** См. биографию Наумана, написанную будущим президентом ФРГ Теодором Хейсом (Штутгарт, 1937).

помещиков и коммерции советников, и, возложив тяготы на широкие массы, добыть средства для удовлетворения заветного желания высшей персоны империи — кайзера, который еще в 1898 году заявил преисполненному гордости прусскому министру финансов: «Вы — тот человек, который мне нужен»; политикой «сплочения» министра Микеля намеревались склонить рейхстаг к утверждению отвергавшейся до сих пор флотской программы[1].

Опасность кайзеровского государственного переворота в пользу политики «сплочения» и строительства флота

Германский империализм так тесно связан со строительством кайзеровского флота (Kaiserliche Marine), что, быть может, последний с бóльшим правом, чем мировая политика других стран, носит свое название, филологически напоминающее понятие «империя» («Kaisertum»). Мы знаем теперь, что еще в 1896 году кайзер хотел — в случае необходимости путем государственного переворота — заставить сопротивлявшийся тогда рейхстаг согласиться со строительством флота[2]. Но так как государственный переворот угрожал возвращением к власти династии (Бисмарков.—*Ред.*) из Фридрихсруэ, опиравшейся на враждебных промышленности аграриев, он, как и раньше, наталкивался на ожесточенное сопротивление ведомства иностранных дел. У князя Гогенлоэ, на которого Максимилиан Гарден беспощадно нападал в своем еженедельнике «Цукунфт» за его интересы, связанные с гигантскими помещичьими владениями в русской Польше, не было повода оказывать экономические и политические услуги ни столь антирусски настроенным аграриям, ни Бисмаркам, если бы они вернулись к власти. Атмосфера на Вильгельмштрассе и позиция промышленников, пока еще настроенных против аграриев*, противоречила таким действиям, не говоря уже о Гольштейне, который боялся Бисмарков, как черт ладана.

Страх перед государственным переворотом не давал покоя Гольштейну. С подозрением смотрел он на «настроенную по-бисмарковски военную челядь императора», которую великолепное светское остроумие графа Монтса рисовало за работой, направленной против ведомства иностранных дел, вместе с Бисмарком, аграриями, придворными и влиятельной бюрократией[3].

Этими назойливыми социальными силами внешняя политика рейха была затруднена до невозможности. «Рулевой в шапке-невидимке» пытался провести государственный корабль между планами государственного переворота армейских и флотских кругов и подводными камнями внешней политики. При этом планы армии и флота полностью не совпадали. В противоположность флоту, который относился к англичанам если не с открытой враждебностью, то все же с недоверием, армейцы, как и раньше, при Каприви и Вальдерзее, стремились облегчить решение своих континентальных задач контактами с Англией. Когда в начале 1896 года стало известно о крупном поражении итальянцев в Абиссинии, угрожавшем ослабить в военном отношении члена

---

[1] Соответствующее указание см. у Кера (op. cit., S. 262 ff.).

[2] Планы государственного переворота в связи с вопросом о строительстве флота освещены выше. См. также H o h e n l o h e, op. cit., 3. Bd., S. 240 ff., Eintragung vom 2.7.1896. Согласно этой записи, кайзер летом, после неудачи в рейхстаге, был готов на этот раз отказаться от государственного переворота, который, однако, вскоре был вновь вытащен из арсенала государственной политики, как это явствует из свидетельства Гогенлоэ (op. cit., 3. Bd., S. 248) относительно последующих событий.

[3] См. B ü l o w, op. cit., 1. Bd., 36 ff.

* До окончания действия торговых договоров и до вотирования флота промышленность все еще не была заинтересована в предоставлении уступок сельскому хозяйству.

Тройственного союза Италию, армейцы[1], которые настаивали на ее укреплении и, следовательно, на улучшении отношений с Англией, оказались в конфликте с «цивилистами» из ведомства иностранных дел, которые намеревались использовать для целей внешней политики шок, вызванный депешей Крюгеру, и лишь постепенно и условно меняли свой тон по отношению к Англии[2].

Нападки из лагеря антицивилистов, планы государственного переворота, вынашивавшиеся военными и морскими кругами, вообще не сходили с повестки дня в этот кризисный в политическом и экономическом отношении год. Казалось, что намеченная реформа военного судопроизводства, закрытый характер которого был одной из тайн феодальной империи, весной 1896 года взорвет все государство[3], так как юнкеры и военные, угрожавшие государству насилием, рассчитывали даже на содействие императрицы. Гольштейн рвал и метал по поводу засилья военных и считал, что так продолжаться дальше не может[4]. В середине лета 1896 года феодальные круги, которые никак не хотели отказаться от тайного военного судопроизводства как чрезвычайно сильного средства подчинения других классов, добились при дворе большого успеха: к великой досаде Гогенлоэ, который приписывал это не поддающимся учету феодальным влияниям, особенно влиянию друга кайзера Филиппа Эйленбурга[5], пал военный министр Бронзарт фон Шеллендорф, солидаризировавшийся с рейхстагом в интересах бюджетной политики; у статс-секретаря фон Маршалла, который со времени торговых договоров Каприви навлек на себя, помимо ненависти Бисмарков, еще и ненависть аграриев, душа ушла в пятки[6]; ведомство иностранных дел едва ли было способно защитить ультракапиталистическую внешнюю политику от натиска феодалов и аграриев. Однако в конце года произошло еще одно неожиданное событие: 24 октября 1896 года Бисмарк раскрыл в «Гамбургер нахрихтен» факт невозобновления «Перестраховочного договора» и вызвал этим неописуемую бурю, в ответ на что поколебленное ведомство иностранных дел помышляло ultima ratio о контрразоблачении, которое открыло бы германскому народу, что в 1890 году Бисмарки умышленно обманывали кайзера, чтобы оставаться у власти[7]. Вильгельмштрассе была потрясена до основания; феодальная фронда ловко сумела очернить в глазах кайзера статс-секретаря, баденца по происхождению, из-за его связей с Центром, возведя на него подозрение в иезуитских поступках[8].

---

[1] См. Hohenlohe, op. cit., 1. Bd., S. 191 ff.

[2] Обстановка, следовательно, со дня депеши Крюгеру совершенно изменилась. Теперь кайзер, человек настроения, каким он был всегда, под давлением армейских кругов, ориентировавшихся на континентальную войну, выступил в пользу хороших отношений с Англией, тогда как ведомство иностранных дел тормозило дело, так что стало очевидным, что ухудшение отношений между Германией и Англией следует объяснять не капризом кайзера в дни отправки депеши Крюгеру, а проанализированными выше социологическими и политическими интересами, защита которых, впрочем, не исключала случаев противодействия кайзеровской экзальтации. В этой связи см. также высказывание Гогенлоэ (op. cit., 3. Bd., S. 391 ff.) от 8 марта 1896 г., по которому «дурные отношения явились результатом нашей колониальной политики и расцвета промышленности, создавших конкуренцию на мировом рынке» и «англичан обозлила наша многолетняя деятельность в Южной Африке, увенчанная телеграммой кайзера», за что, однако, нельзя возложить ответственность на кайзера, так как виновато ведомство иностранных дел. Аналогичные мысли князь в тот же день развил в письме Гольштейну.

[3] См. Hohenlohe, op. cit., 3. Bd., S. 220 (Александр Гогенлоэ — Филиппу Эйленбургу, 11 июня 1895 г.).

[4] См. также запись Гогенлоэ от 13 июня 1896 г. (Hohenlohe, op. cit., 3. Bd., S. 235).

[5] См. переписку Гогенлоэ (Hohenlohe, op. cit., 3. Bd., S. 253 ff.).

[6] См. Hohenlohe, op. cit., 3. Bd., S. 254 ff. (Эйленбург — Гогенлоэ, 24 августа 1896 г.).

[7] См. Hohenlohe, op. cit., Bd. III, S. 276 (Хуттен-Чапски—Гогенлоэ, 12 ноября 1896 г.). См. также GP, 1396, Герберт Бисмарк—Вильгельму II.20 марта 1890 г.

[8] См. Hohenlohe, op. cit., 3. Bd., S. 275, Eintragung vom 25. 12. 1896.

Провал флотской агитации во время дебатов в рейхстаге в 1897 году. Усиление опасности государственного переворота

Генеральное наступление Бисмарка и аграриев сделало неизбежным изменение курса и персональные перемены в ведомстве иностранных дел. К тому же весной 1897 года сторонники расширения флота потерпели в рейхстаге поражение, что сделало необходимым примирение с аграриями, поскольку имелось стремление добиться принятия флотской программы парламентским путем и устранить опасность государственного переворота. В новом периоде заседаний рейхстага кайзер опять начал выдвигать на первый план свою флотскую программу. Он потребовал, чтобы численно флот был равен по крайней мере половине французских и русских кораблей, вместе взятых, иначе, мол, Германии грозит гибель. Для этого ему нужен заем, с которым надо поторопиться до конца года[1]. Старый канцлер записал разочарованно: «Итак, до конца года будет назначен преемник, который станет энергично добиваться проведения этой программы через рейхстаг». Канцлер не верил в возможность реализации большой кайзеровской программы «безграничных флотских планов»[2], но в то же время не хотел из-за флота ставить под вопрос существование кабинета; отчасти, чтобы избежать худшего, отчасти из-за желания удержать на постах своих родственников он покорно склонялся перед грядущим. В марте 1897 года в рейхстаге началось обсуждение морского бюджета. Тем самым непосредственно приблизилась проба сил, которая должна была показать, что потребуется: согнуть или сломать — ведь перевес был еще на стороне рейхстага. Напрасно кайзер в Кастаниенвельдхен выступал перед тесным кружком депутатов рейхстага, иначе говоря, обрабатывал депутатов в гостеприимно открытых залах услужливого министра финансов Микеля[3]. Рейхстаг тем меньше был готов пойти на новые уступки имперскому морскому ведомству, которое сделало заявку на постройку до 1901 года пяти броненосцев и десяти крейсеров[4], что Эрнст Либер, лидер задававшей тон в рейхстаге Партии центра, особенно гордился тем, что в предшествовавшие годы ему удалось склонить имперское морское ведомство к снижению всех требований до одного-единственного броненосца.

Будучи твердо убежден, что его намеренно провели, Либер сам называл себя «скомпрометированным европейцем»[5], и лишь слабым утешением было то, что даже рейхсканцлер ничего не знал о новых флотских требованиях, что со стороны являло картину неописуемой неразберихи[6]. В этой связи вновь всплыли не лишенные основания слухи об угрозе государственного переворота, и не случайно, что в рейхстаг они проникли именно через представителей тяжелой промышленности, вроде Гаммахера и Штумма. Кайзер, который в эти дни, к отчаянию ведомства иностранных дел и рейхсканцлера, домогался того, чтобы с помощью высочайшей комиссии взять в свои руки решение морских вопросов, заявил князю Гогенлоэ, что если даже рейхстаг и не утвердит флотскую программу, он все равно будет продолжать строить флот, а потом предъявит счет рейхстагу. Общественное мнение его-де не интересует. Он знает, что его не любят и ругают, но это его не остановит. Напрасно канцлер указывал на конституцию рейха, по которой кайзер имел

[1] См. H o h e n l o h e, op. cit., 3. Bd., S. 295 ff., Eintragung vom 3. 2. 1897.
[2] См. H o h e n l o h e, op. cit., S. 297 ff. (Гогенлоэ—Эйленбургу, 4 февраля 1897 г.).
[3] См. K e h r, op. cit., S. 65.
[4] Ibid., S. 66.
[5] Ibid., S. 67.
[6] См. цитируемое у Кера на стр. 70 ироническое описание (в «Фоссише цейтунг» от 10 марта 1897 г.) создавшегося положения.

меньше прав, чем король в Пруссии. Демократические южногерманские государства, заявил кайзер, его не смущают. У него есть восемнадцать армейских корпусов, и он сумеет быстро справиться с этими южными немцами[1]. Адмирал Гольман, пытаясь спастись от перестрелки между рейхстагом, правительством и кайзером, подал прошение об отставке, но прошение не было ни удовлетворено, ни отклонено. Приходилось до крайности пришпоривать коня, чтобы пронести законопроект через барьеры второго чтения. «Ваша светлость появится на ипподроме, — писал кайзер Гогенлоэ, — не на хромом коне, а как рыцарь — участник турнира не на жизнь, а на смерть, который, как солдат, решился на героическую борьбу за своего кайзера и свое отечество, даже если дело будет идти о том, быть или не быть»[2].

Все же рейхстаг сбросил блестящего рыцаря в пыль. Сражение, развернувшееся весной 1897 года, окончилось тяжелым фиаско для правительства. Такой исход приблизил опасность того, что аграрная фронда вместе с морскими кругами, используя заветное желание его высочества, в один прекрасный день все же совершит государственный переворот. Барон фон Штумм, который в те годы всегда оказывался на месте, когда речь шла о том, чтобы отстранить рейхстаг или навязать рабочим благодеяния его социальной политики, в эти дни расхаживал, сияя, и по крайней мере притворялся, будто он всерьез принимает все эмоциональные излияния главы империи о государственном перевороте[3].

Именно план государственного переворота мобилизовал весной против правительственных требований Центр, который всегда должен был учитывать конкуренцию баварских членов Крестьянского союза; немецкий католицизм возлагал надежды на поддержку германских князей против централистской диктатуры[4].

При таком положении вещей, когда все вокруг было пропитано духом государственного переворота, политическим деятелям из ведомства иностранных дел не оставалось ничего другого, как по возможности избежать надвигавшейся опасности и, ловко маневрируя, предотвратить полную катастрофу. Эйленбург уже доложил канцлеру, что двор так сильно настроен против Маршалла и Гольштейна, что будет большим счастьем, если удастся спасти от надвигавшейся бури хотя бы только канцлера[5].

Адмирал Тирпиц, вернувшийся из Восточной Азии, чтобы принять наследие Гольмана и стать во главе имперского флота, нашел кайзера в конце марта 1897 года готовым к борьбе с рейхстагом за отмену всеобщего избирательного права и за навязывание ему флотской программы[6]; снова появился призрак нелепой войны с Англией в Африке, о которой кайзер думал и в дни депеши Крюгеру[7]. Что в такой обстановке внешнеполитический курс и режим Гольштейна удержатся, было тем сомнительнее, что в мае 1897 года состоялся второй из серии процессов, которыми ведомство иностранных дел стремилось себя защитить от наблюдения и слежки со стороны других имперских органов. Однако этими процессами добились лишь обратного. В консервативных кругах это «бегство в общественность» (под таким названием данный эпизод и теперь еще живет в немецком языке) объявили скандалом[8] и начали усердно искать кандидата в канцлеры для предстоявшего государ-

---

[1] H o h e n l o h e, op. cit., 3. Bd., S. 311 ff., Aufzeichnung vom 7.3.1897.
[2] Ibid., S. 319 ff. (Вильгельм II — Гогенлоэ, 16 марта 1897 г.).
[3] Ibid., S. 322 ff. (Гогенлоэ — Эйленбургу, 25 марта 1897 г.).
[4] Ibid., S. 323 ff., Eintragung über die Besprechung mit Lieber am 27.3.1897.
[5] Ibid., S. 326 ff. (Эйленбург — Гогенлоэ, 23 марта 1897 г.)
[6] Ibid., S. 326 ff., Eintragung vom 30.3. 1897.
[7] Ibid. S. 327 ff. (Гольштейн — Гогенлоэ, без даты).
[8] См. также W a l d e r s e e, Denkwürdigkeiten, 2. Bd., S. 398, Eintragung vom 9.6.1897.

ственного переворота[1]. Было очевидно, что Маршалл больше не удержится[2]. Гольштейну пришлось приспособиться к новому курсу, и Гогенлоэ вскоре увидел и его среди ищущих нового канцлера.

Победа приверженцев политики «сплочения» и сторонников увеличения флота. Назначение Бернгарда фон Бюлова статс-секретарем ведомства иностранных дел

Однако в 1897 году дело было не только в личности: хотели изменить систему. Именно в это время министр финансов Микель подготавливал свою политику «сплочения», предназначавшуюся для того, чтобы, используя покровительственные пошлины и давление на потребителей, привлечь аграриев и промышленников к финансированию строительства флота. Если бы эта попытка оказалась успешной и, кроме того, если бы с помощью папы и высшего клира, к которым обычно обращались в таких случаях, удалось переубедить Центр, то, вероятно, можно было бы парировать удар. Дело было, следовательно, в том, чтобы найти громоотвод, то есть канцлера, который мог бы проводить такую политику не только в отношении рейхстага, но и во внешнеполитической сфере. Новый глава военно-морского ведомства, который столь же мало, как и ведомство иностранных дел, был заинтересован в том, чтобы в угоду антикапиталистически настроенным и тогда еще совершенно враждебным идее строительства флота аграриям спровоцировать государственный переворот, тоже занимался поисками канцлера. В мае 1897 года он появился в Риме, чтобы среди развалин Палатина обменяться мнениями с германским послом Бернгардом фон Бюловым относительно руководства рейхом[3]. Бюлов, уже давно созревший для роли министра, был сторонником флота. Он обладал двумя качествами, которые делали его подходящей фигурой для руководства новой политикой «сплочения»: он соединял в себе принадлежность к одной из старейших прусских дворянских фамилий с родственными и финансовыми связями к ганзейским городам, ведущими свое начало от его отца, бисмарковского статс-секретаря, будучи сыном которого он и сделал карьеру в ведомстве иностранных дел. Равнодушный, обтекаемый и елейный, любезный, льстивый и услужливый, грубый лишь в тех случаях, когда удар наносился наверняка и с огромным перевесом сил, он сделался олицетворением политики, при которой Германия, кланяясь английскому льву и делая реверанс русскому медведю, лавировала между подводными камнями империалистической эпохи, чтобы в конце концов, лишившись всякой поддержки извне, дойти до катастрофы.

Назначение Бюлова означало, следовательно, победу тех сил, с которыми ведомство иностранных дел вело до этого ожесточенную борьбу. Это ведомство само по себе было крупнокапиталистическим выступом здания прусского феодального государства. Торгово-политический отдел ведомства усердно старался поддерживать хорошие отношения с Англией, и в этом не было ничего удивительного. При той значительной роли, которую в общих рамках

---

[1] Как явствует из мемуаров Гогенлоэ (op. cit., 3. Bd., S. 343, Eintragung vom 23.5. 1897), князю Виду, консервативному депутату фон Мантейфелю и барону фон Штумму было поручено прощупать отношение консервативной партии к кайзеровскому государственному перевороту.

[2] См. H o h e n l o h e, op. cit., 3. Bd., S. 352, Eintragung vom 11.5. 1897.

[3] См. B ü l o w, op. cit., 4. Bd., S. 684 ff. До 1900 г. Бюлов формально оставался лишь статс-секретарем ведомства иностранных дел.

капитализма в Германии играли немецкий экспорт в Англию и англофильские интересы германского торгового и финансового капитала, даже в эпоху усилившейся напряженности в англо-германских отношениях ни один мыслящий торгово-политический деятель — следовательно, ни тесно связанный с финансовой верхушкой референт по торгово-политическим вопросам и будущий статс-секретарь фон Мюльберг[1], ни его, пожалуй, несколько менее англофильски настроенный преемник фон Кёрнер — не мог игнорировать заботу о дружественных отношениях между обеими странами в области экономики[2]. Мюльберг был доверенным лицом Гольштейна, который со своей стороны всегда стремился отвести упреки в англофобии. Опытные наблюдатели подчеркивали тесную связь Гольштейна с англосаксонским и капиталистическим миром. Правда, социологически ведомство иностранных дел находилось все еще преимущественно в руках аристократов. Но в нем сидели не типичные остэльбские дворяне, которые руками и ногами отбивались от заграницы, были полны страха быть задушенными в своих мелких поместьях зерном из Индии, России или заокеанского континента и требовали высоких покровительственных тарифов против иностранной конкуренции; здесь сидели главным образом отпрыски крупных магнатов, которые соприкасались с заграницей и ее духовным миром благодаря родственным связям, а также внутренним и заграничным капиталовложениям и свысока смотрели на область восточнее Эльбы. Как бы то ни было, всех их, юнкеров и магнатов, объединяло то, что курс, который они взяли, был континентальным: Франция и Россия — это были противники; Англию можно было проклинать, политически же в ней весьма нуждались.

Все же поддержание хороших англо-германских отношений[3], ставшее традицией в германском посольстве в Лондоне при ганноверском графе Мюнстере и остававшееся ею при силезском аристократе Пауле Гатцфельде и даже позднее, вплоть до времени графа Вольфа Меттерниха и князя Лихновского, все более затруднялось колониальными и морскими трениями. Для их политического преодоления и была предпринята смена руководства ведомства иностранных дел. Сам Гольштейн, которого считали ответственным за крутой поворот в отношениях с Англией, покорился и приспособился к новому курсу. Сторонник политики Тройственного согласия и континентальный политик старого толка, вынужденный поэтому ориентироваться на хорошие отношения с Англией, хотя и не такой большой англоман, чтобы позволить в любое время двинуть Германию в английских интересах против Двойственного союза[4], этот тайный советник теперь, когда курс все отчетливее направлялся против Англии[5], не был намерен уступить свою

[1] Связь между Мюльбергом и крупными финансистами подчеркивает Клюгман в своем донесении от 31 октября 1897 г. (Гамбургский государственный архив).

[2] Преемника Мюльберга фон Кёрнера сначала считали другом саксонских аграриев, так что в промышленных кругах были приятно удивлены его позицией во время торговых переговоров. Торговая политика начала XX столетия означала ослабление хороших англо-германских отношений, хотя в торгово-политическом отделе ведомства иностранных дел стремление к поддержанию хороших отношений с Англией, несмотря на всю политику «сплочения», отнюдь не уменьшилось.

[3] Об общей англофильской линии в ведомстве иностранных дел см. B ü l o w, op. cit., 1. Bd., S. 326 ff.

[4] Крайние англофилы, вроде Эккардштейна и Монтса, сильно подозревали, что чопорность Гольштейна по отношению к Англии лорда Солсбери, да и вся гольштейновская политика может быть объяснена принципиальной враждебностью старопруссаков к плутократическим демократам (A n t o n G r a f M o n t s, Erinnerungen, Berlin 1932, S. 192), что в своей основе противоречит оценке Бюлова и других осведомленных лиц и, очевидно, заходит слишком далеко. Однако частью личная, а частью служебная связь Гольштейна с паразитическим берлинским финансовым капитализмом и его внешнеполитическими интересами, совпадавшими со стратегической и политической заинтересованностью Тройственного союза в дружбе с Англией, в принципе не полностью исключает подобные чувства немецкого монархиста.

[5] Насколько преждевременно германский курс был направлен против Англии, показывает теперь (1932) книга Монтса (op. cit., S. 194).

должность, к которой он был так привязан, какому-либо убежденному русофилу. Он был не сильным человеком, которого некоторые хотели в нем видеть, а умным, почти боязливым, расчетливым приспособленцем, который впадал в истерику при одном упоминании имени Бисмарка, мудрым калькулятором, ластившимся к правившим силам, радовавшимся тому, что переворот, который угрожал из Саксонского Леса ему и его внешней политике, не состоялся; он был не в состоянии воспрепятствовать политике «сплочения» и скорее радовался, что в этом рейсе в неизведанные области его оставили на укрытом месте у руля.

Бюлов и ухудшение отношений между Германией и Англией

Новому руководящему государственному деятелю было сразу ясно, что труднейшим препятствием при проведении этого нового курса будет Англия. Хорошие отношения с Англией невозможно было долго совмещать с морской программой адмирала Тирпица, которую кайзер затронул в беседах на борту яхты «Гогенцоллерн» сразу же после вступления Бюлова в должность. Уже тогда, в 1897 году, на вопрос кайзера, получит ли он свои корабли, Бюлов с сомнением указал, что едва ли можно строить корабли, не рискуя разойтись с Англией[1].

Чтобы Германия не была избавлена от этого риска, позаботилось кайзеровское окружение, особенно представитель Тирпица при кайзере, начальник морского кабинета фон Зенден-Бибран, старый холостяк, для которого на свете ничего, кроме флота, не существовало[2]. Кайзер, унаследовавший от своей матери эксцентричные навязчивые идеи по поводу всевозможных мыслимых и немыслимых вещей, не останавливался в этом отношении ни перед чем; заполнение даже его средиземноморской поездки многочасовыми разговорами о флоте со скучающим Бюловым, который напрасно заявлял кайзеру, «qu'il prêchait un converti» («что он проповедует обращенному»)[3], символизирует собой бесчувственность эпохи капитализма по отношению к многообразию зрелой европейской культуры — аналогично сухому флотскому фанатизму Тирпица в руинах Рима. Жалкая псевдоромантика «Гимна Эгиру» не могла прикрыть скудной безыдейности этого неоромантического империализма. Европейский итог поворота 1897 года можно выразить словами Бюлова, сказанными в свое время Тирпицу и кайзеру: «Если мы свяжем себя с Англией договором, то тем самым в большей или меньшей степени откажемся от осуществления нашей морской программы, так как она едва ли совместима с доверием в англо-германских отношениях»[4]. Таким образом, уже тогда было ясно, что начинающееся строительство флота надолго затруднит или сделает невозможными хорошие отношения между обоими экспортирующими европейскими государствами; впрочем, само собой разумелось также, что следует привести в движение все рычаги, чтобы в период, пока флот будет медленно расти, поддерживать хорошие англо-германские отношения[5].

---

[1] Записи бесед Бюлова с кайзером о флоте, сделанные самим Бюловым в Земмеринге, приводятся в книге B ü l o w, op. cit., 1. Bd., S. 56 ff.

[2] О Зендене см. B ü l o w, op. cit., 1. Bd., S. 68.

[3] См. B ü l o w, op. cit., 1. Bd., S. 104.

[4] Сообщение о беседах между Вильгельмом II, Тирпицем и Бюловым см. ibid., S. 116.

[5] Ясное понимание этой идеи внешней политики является неоспоримой заслугой книги E u g e n F i s c h e r, Holsteins großes Nein. Эта заслуга отнюдь не умаляется и той оценкой общего поворота, которую дает главный свидетель Фишера Эккардштейн.

Склонение рейхстага к принятию первого флотского закона. Усиление политики «сплочения»

Поворот, происшедший летом 1897 года, создал социологические и внутриполитические предпосылки проведения новой политики, которая была направлена на то, чтобы склонить рейхстаг к принятию закона о строительстве флота с помощью подачек, а не — как это имело место раньше — угрозы применения силы. Центр как решающая партия рейхстага, руководствуясь интересами входивших в него аграрных и промышленных элементов, не мог долгое время полностью отклонять политику «сплочения» имущих классов. Поэтому новая политика позволяла оказывать сильное давление на Центр. Как и во времена септената и военного законопроекта 1893 года, важнейшим союзником правительства был кардинал Копп. Уже весной 1897 года Копп письменно рекомендовал лидеру Центра Либеру предоставить лично кайзеру в форме займа 40 миллионов на осуществление его планов[1]. Пришедший в ужас Либер указал кардиналу, что реализация столь дерзкого требования с точки зрения конституционно-правовой невозможна. Он указал также на агитацию кайзера против «безродной братии» («vaterlandslose Gesellen») в рейхстаге, стоявшей поперек дороги этому предложению. Однако Копп не оставил своих домогательств; он попытался вырвать из рук Либера руководство Партией центра; весьма необычно, что кардинал, который был известен как опора консервативных сил, стал в этих целях заигрывать с радикальным крылом Центра, что, пожалуй, сильнее чем когда-либо толкало тщеславного лидера центристов, считавшегося настоящим карьеристом, в объятия правого крыла его партии[2]. При этих предпосылках организованная Тирпицем весьма необычная для Германии по своим методам агитация прессы в пользу флотской программы имела серьезные перспективы на успех. Поворот обозначился даже среди левых либералов. Правда, левое крыло свободомыслящих, как и прежде, неприязненно относилось к флоту[3], зато правое крыло, Союз свободомыслящих со своим ядром из ганзейских и капиталистических избирателей, сумело совместить либеральную внутреннюю политику со строительством флота[4], хотя и высказалось, сохраняя верность своим традициям, против намеченного септената. Развитию великодержавной политики, являвшейся тенденцией времени с его стремлением к концентрации, чрезвычайно способствовала ясная определенность флотской программы. Тирпиц требовал, пока еще скромно, две эскадры по восемь линейных кораблей, которые строились бы поочередно в установленное число лет. Этой программой, которая отвечала интересам равномерной загруженности верфей, было, наконец, раз и навсегда покончено с прошлой неразберихой, сменившейся ясностью и ритмичностью. Не удивительно, что не только национал-либералы и Имперская партия, авторитетных представителей которых Тирпиц склонил в пользу новой флотской программы еще до своего отъезда в Восточную Азию, но и консерваторы, пусть с досадой, смирились с развитием событий, стимулируемых правительством, которому консерваторы доверяли больше, чем предыдущему правительству эры Маршалла.

---

[1] См. Hohenlohe, op. cit., 3. Bd., S. 332 ff., Eintragung vom 29.4.1897.

[2] Ibid., S. 397 ff., Eintragung vom 28.10.1897. Данный источник помогает устранить пробел, на который жалуется Кер на стр. 128 (примечание 43), в наших знаниях о позиции Центра в данном случае.

[3] В полемическом замечании Ойгена Рихтера о том, что в качестве штрафа за сокращение строительства нескольких новых кораблей следовало бы лишить рейхстаг его бюджетных прав (Kehr, op. cit., S. 84), нельзя в соответствии с новооткрытыми источниками видеть «склонности к мании преследования». Боязнь государственного переворота была не столь уж необоснованной.

[4] См. Kehr, op. cit., S. 86.

Публицистическая подготовка нового морского законопроекта представляла на этот раз совершенно иную картину по сравнению с тем, что было прежде. Уже в июне 1897 года, за несколько месяцев до внесения законопроекта, Тирпиц организовал в имперском военно-морском ведомстве отдел информации[1], задача которого состояла в обработке интеллигенции, ученых, школ, прессы — словом, всего общественного мнения, а также рейхстага. Кроме того, имперское военно-морское ведомство было поддержано Германским колониальным обществом во главе с родственником банкира фон Ганземана господином фон Куссеровым, который проложил «Дисконтогезельшафт» путь в Самоа и теперь добивался того, чтобы созданием германского флота обеспечить этим дальним владениям необходимую морскую защиту[2]. В целом, однако, колониальные вопросы во флотской агитации не были главными: ведь для обороны колоний требовался заокеанский крейсерский флот, тогда как политика Тирпица в противоположность прежнему курсу была направлена в первую очередь на ускорение строительства линейных кораблей — политика, которая с течением времени неминуемо должна была привести к столкновению с морской державой Англией. Наряду с Колониальным обществом, распространившим в 1899 — 1900 годах около четверти миллиона брошюр и семи миллионов листовок, в эти годы вел агитацию и Германский флотский союз, основанный, правда, уже после принятия первого флотского законопроекта.

Социологический характер движения в пользу флота

Флотская политика была буржуазно-промышленным движением. Она правильно и удачно объяснена меткой формулировкой, что увеличение флота — это необходимая функция постоянно растущих германских морских интересов. Германия хотела исключить для себя такую перспективу, когда ее политическая и экономическая экспансия на европейском континенте или в других частях света могла бы быть остановлена вето великих морских держав; подобное наступление на германские международные позиции должно было стать с этого времени рискованным[3]. Поскольку создание такого фактора силы, как флот, начало гарантировать снабжение Германии зерном в случае войны с Англией и, следовательно, постепенно подрывало господствовавшую доктрину о необходимости сельскохозяйственной автаркии, оно не могло найти одобрения у аграриев, оставшихся весьма влиятельным классом. Некоторым казалось, что флот только отягощает бюджет в ущерб аграрной экономической политике, а также в ущерб сухопутным войскам, что он даже известным образом лишает сухопутные войска права на существование; не без некоторой ревности феодальный офицерский корпус армии наблюдал за ростом начавшего соперничать с ним морского офицерского корпуса[4].

[1] См. K e h r, op. cit., S. 94.

[2] О политике Куссерова в отношении Самоа в 1898 г. см. в книге K e h r, op. cit., S. 98.

[3] Следовательно, этот основной тезис Тирпица, как я думаю, отнюдь не был лишь пропагандистским лозунгом. Встав на точку зрения признания экономической и исторической необходимости строительства флота, я, как мне кажется, существенно расхожусь во мнении с Кером*.

[4] Все это только свод мыслей, которые разбросаны у Кера и которые в рамках его значительно более подробной систематики изложены много точнее.

* В силу этого предлагаемая работа является примирительной между книгой Кера и вышедшей в 1933 г. книгой Ганса Гальмана, у которого, однако, экономические моменты представлены слабо и работа которого по своему значению ниже труда Кера. Безоговорочно солидаризуется с флотской политикой Валь (op. cit., 3. Bd., S. 494 ff.).

В этих условиях движение в пользу флота, как уже указывалось, носило преимущественно буржуазный характер, и потому не удивительно, что Тирпиц во главе своей агитации иногда ставил еврейские элементы. Первым руководителем пропаганды у него был Эрнст фон Галле, который первоначально носил фамилию Леви. Выходец из богатой гамбургской семьи, Галле проявлял исключительные способности как по службе, так и в качестве издателя полуофициального ежегодника имперского военно-морского ведомства «Наутикус». Позднее он работал в качестве представителя Тирпица в имперском министерстве финансов и при этом столь тесно сотрудничал с Тирпицем, что его падение в конце эры Бюлова было единодушно истолковано как тяжелое поражение его начальника и наставника. Первым же руководителем Флотского союза был Виктор Швейнбург, возглавлявший различные крупповские органы печати в Берлине («Берлинер нейесте нахрихтен» и др.). Позднее, уже во время мировой войны, в качестве третьего, хотя и незваного лица, в союз с «наставником» вступил издатель «Зюддейче монатсхефте» Пауль Николаус Коссман.

Кроме нескольких экономистов, к сотрудникам «Наутикуса» принадлежали также практические деятели в области империалистической экономики, представители ГАПАГ, Немецкого банка, Немецкого восточного банка и другие лица[1]. Тирпиц хорошо знал, на какие слои опереться; 13 января 1898 года он с помощью подготовительного комитета из двадцати шести видных деятелей хозяйства собрал в берлинской гостинице «Кайзерхоф» одно из самых широких совещаний предпринимателей, которые когда-либо видела Германия; лидер заинтересованных в морских вопросах парламентариев гамбургский судовладелец Вёрман выступил на нем с рефератом о флотской политике[2]. Такой преимущественно промышленно-капиталистический характер строительства германского флота означал удар по социальным силам, которые благодаря Бисмарку могли оставаться во главе прусской администрации и армии. Однако, как это ни странно, эти социальные силы и власть прусской короны благодаря экономической политике в эру строительства флота не только не погибли, но даже еще и укрепились.

На почве этого социологического положения у флотских кругов выросла потребность еще крепче сплотиться вокруг кайзера как своего покровителя в столкновениях со старой Пруссией. Так возникло парадоксальное положение, когда именно общественным деятелям капитализма, борющегося за обладание миром и устремившегося вперед, то есть того «либерализма», который в отличие от отсталого мелкобуржуазного либерализма кругов, стоявших за Ойгеном Рихтером, называл себя национальным, пришлось принять особенно покорную позу. *Византийство эпохи Вильгельма II имело совершенно определенную социологическую функцию. Неограниченная власть германского кайзера — необходимый коррелят германской политики мощи и флотской политики.* Немецкие промышленники, поскольку они хотели осуществить цели своей мировой политики, были вынуждены, правда нехотя, закрывать глаза на слабости кайзера*; чтобы утвердиться, им приходилось использовать наихудшие качества этого дилетанта на троне, который при всей своей непоследовательности мог маниакально увлечься каким-либо предметом и, несмотря ни на какие внешнеполитические опасности, крепко держаться за него. Господство германского промышленного и экспортного капитала было обусловлено переходившими всякие границы самовластием и тщеславием человека, который едва ли был настолько ненормальным, как это хотелось бы представить критическим наблюдателям из его окружения,

[1] См. K e h r. op. cit., S. 105.
[2] Ibid., S. 115 ff.
* Это не исключало иногда острой критики газет промышленных кругов по адресу кайзера, которая раздавалась тогда, когда он казался этим кругам слишком вялым. Однако критика такого рода только ухудшала ситуацию и усиливала тягу кайзера к наигрышу.

вроде Вальдерзее или Гогенлоэ; его неврастения усиливалась тем больше, что она была необходима известным общественным группам для поддержания их собственной жизнеспособности. Никогда потоки кайзеровских речей не изливались так неудержимо, никогда патологические качества Вильгельма II не проявлялись так неприкрыто и в то же время никогда ими не восхищались так сильно, как именно в эру начавшейся мировой политики. На кульминационный пункт этого времени приходится, между прочим, изречение о «бронированном кулаке», с которым брат Гейнрих был отправлен в Восточную Азию, — изречение, на которое тот ответил словами о евангелии его величества, которое ему предстоит возвестить миру. На конец этого же периода приходится речь, которая из всех высказываний кайзера пропагандистски наиболее повредила Германии, — речь о гуннах как об идеале для военных операций в интересах мировой политики. Все же тому общему тезису, что флот создал кайзер, не следует безоговорочно противопоставлять напрашивающийся парадокс, будто бы скорее агитация за флот создала кайзера. Хотя спорные исторические вопросы нередко основываются на таких парадоксах, но, как правило, они не оправдываются историей в целом. В данном случае скорее можно говорить о «комплексе интересов», то есть о сочетании, при котором интересы промышленности, адмиралов, заокеанской торговли, а также судовладения стали развиваться параллельно, в одном направлении, и перечисленные силы сообща пытались добиться своих политических целей.

При такой хорошей агитационной и публицистической подготовке — даже папа заинтересовался флотом[1] — успех был тем вернее, что в случае роспуска рейхстага из-за отклонения флотского законопроекта аграрии ожидали сильного полевения масс избирателей, тогда как, наоборот, левое крыло национал-либералов и левые со своей стороны опасались утечки голосов вправо, в лагерь национал-либералов. Руководство Партии центра, от которой зависело решение, пыталось соединить приятное, имевшееся в политике сплочения Бюка — Микеля — Штумма для аграрного крыла католиков и для примыкавших к центру промышленников, с полезным, то есть с парламентской связанностью правительства в вопросе о флотском законе и с политикой облегчения налогового бремени для масс избирателей. Но все же крайняя империалистическая политика еще не была достаточно сильной в Партии центра, чтобы суметь безоговорочно утвердиться вопреки сопротивлению аграриев. Имперскому руководству партии оппонировали, по традиции, баварцы; при окончательном голосовании Центр распался. В марте 1898 года первый законопроект о германском флоте получил одобрение в рейхстаге значительным большинством голосов.

Приобретение Германией Цзяочжоу; его последствия для мировой политики и реакция в рейхстаге

Новый закон о строительстве флота еще не был принят, когда кайзер, к неудовольствию ведомства иностранных дел, приказал нанести давно подготовленный удар в Восточной Азии. Агитация за принятие закона велась уже под впечатлением занятия немцами Цзяочжоу*.

[1] Бюлов даже ездил в Рим, чтобы обработать Ватикан. См. его сообщение от 16 ноября 1897 г. у Гогенлоэ (H o h e n l o h e, op. cit., 3. Bd., S. 404 ff.).

* Формальным поводом для давно запланированной оккупации послужило убийство двух католических миссионеров бандой китайских разбойников 1 ноября 1897 г. — событие неполитического характера, которое, как справедливо подчеркивает Лангер («Diplomacy», vol. II, p. 451), было весьма кстати для германского правительства.

Захват этого района показал, что германская политика «свободных рук» при случае может приносить плоды. Относительно рассерженных этим германским шагом русских начала действовать в качестве имманентного противовеса британская мировая держава, несмотря на то что со времени отправки депеши Крюгеру отношения между Германией и Англией не слишком улучшились. С другой же стороны, восточноазиатский эпизод со всей очевидностью показал, что немцы, несмотря на ненадежность англо-германских отношений, не имели верного друга и в лице России. Ведомство иностранных дел, которое при статс-секретаре Бюлове уже капитулировало в вопросе о флоте, было весьма обескуражено возникшими трениями с Россией[1]. Русские же, хотя и чувствовали себя со времени секретной конвенции и заключения займовой сделки в 1895 году хозяевами в Восточной Азии, нуждались для политического обеспечения своей экспансии в улучшении отношений с соседним государством на своей западной границе. Таким образом, Германия могла рассчитывать на мирный исход конфликта по поводу Цзяочжоу, даже если бы царь с самого начала не сделал кайзеру успокоительных заверений; однако за этим последовал протест русских против занятия Цзяочжоу, объяснявшийся лишь внутренней борьбой клик в России[2]. Русский министр финансов Витте, отец Транссибирской железной дороги и вдохновитель экспансии русского финансового капитала в восточноазиатском районе, стратегически повисавшей в воздухе до окончания гигантской железнодорожной стройки, с досадой следил за германской политикой в Цзяочжоу, которая вызвала немедленное противодействие русских морских кругов и занятие Порт-Артура, что в свою очередь могло повлечь за собой преждевременную интервенцию японцев в Корею.

Позднее Витте своей финансовой политикой и своей финансовой агентурой в Лондоне положил начало англо-русскому сотрудничеству, и очень вероятно, что он же стоял за весьма странным предложением о соглашении по всем азиатским вопросам, которое в те годы тористское правительство Солсбери сделало России[3]*. Тори Солсбери, подобно тому, как семьюдесятью годами раньше его предшественник по должности и партии Джордж Каннинг, добивался прямого соглашения с Россией, чтобы остановить русскую экспансию на Востоке и ограничить сферу русского влияния Северным Китаем. В этой политике заключалось одновременно и острие, явно направленное против Германии, которая по планам индийской администрации, возглавлявшейся тори лордом Керзоном, должна была убраться из долины Нижнего Евфрата[4] и которую собирались также выключить из сферы английских интересов в долине Янцзы и особенно центра вооружений Ханькоу. Империалистическое развитие превратило в действительность то, над чем когда-то Кобден и Брайт иронизировали в карикатуре на адмирала, который с мечом в руке силой принуждает к заключению торгового договора; один из высших флотских командиров, адмирал лорд Чарлз Бересфорд по пору-

[1] Утверждение Бюлова (1. Bd., op. cit., S. 186 ff.), что Гольштейн всячески старался сдерживать его в восточноазиатском вопросе, а князя Гогенлоэ подстрекал к активному выступлению в Восточной Азии, опровергается сообщением Гольштейна (H o h e n l o h e, op. cit., 3. Bd., S. 411).

[2] Об этих известных событиях см. хотя бы Z ü h l k e, op. cit., S. 73 ff. и J o s e p h, op. cit., p. 189 ff.

[3] См. BD, III, № 5—26. Первый из этих документов, представляющий запрос в адрес Витте, по-видимому, содержит намек на предшествовавшие устные переговоры, которые британские государственные деятели обычно не записывали, так что хотя британские документы содержат часто больше экономических разъяснений, чем германские документы, но для полноты политической картины их следовало бы дополнять обстоятельным опросом всех руководящих государственных деятелей, что теперь едва ли уже возможно.

[4] Индийское правительство владело акциями Евфрато-Тигрской пароходной компании, которая впоследствии играла большую роль в борьбе против Германии.

* См. также интерпретацию предложения в книге L a n g e r, Diplomacy, vol. II, p. 467 f.

чению английской торговой палаты объезжал в те годы долину Янцзы, «чтобы поднять английскую торговлю на Востоке»[1]. Сферы английского влияния в долине Янцзы, мрачно доносил адмирал, до сих пор нет вообще, в сфере же русских интересов английской торговли не бывает. Эту торговлю следует развивать всеми силами. Но Китай слишком слаб; все его военные сооружения, крепости, арсеналы, корабли никуда не годятся. Срединной империи нужна армия по крайней мере в 200 тысяч человек, разумеется, с английскими инструкторами.

Смысл такого образа действий не вызывает сомнений. В Учане и Нанкине адмирал заявил тесно связанному с Круппом вице-королю Чжан Чжидуну, что находящиеся там немецкие инструкторы неспособны и что он даст ему английских офицеров. Что кроется обычно за такими улучшениями, общеизвестно; Виккерс и Армстронг могли оказаться здесь в полном смысле слова на линии огня. В связи с такими военными реформами в интересах военной промышленности необходимо было для обеспечения английских интересов, и особенно для вывоза продукции английской хлопчатобумажной промышленности, навести в Китае порядок и для этого реформировать его чиновный, а также финансовый аппарат. Английская экспансия в Восточной Азии была направлена больше против России, чем против Германии. Глубокие разногласия в интересах обеих сторон привели к провалу англо-русского сближения в начале 1898 года; вместо того чтобы побудить русских очистить Порт-Артур, английский империализм оказался вынужденным занять опорный пункт Вэйхайвэй на берегу Желтого моря.

В итоге тотчас же стал животрепещущим вопрос о том, удастся ли привязать Германию, которая, несмотря на все обоюдные недоразумения, участвовала в переговорах об англо-китайском займе, также и политически к английским интересам. Ни одна из знаменитых попыток тех лет достигнуть англо-германского соглашения не может быть понята без осознания трудностей, возникших перед обеими державами в Восточной Азии. Тот факт, что при этом не только Англия нуждалась в Германии, но и Германия в Англии, что, следовательно, германская политика в Восточной Азии неизбежно должна была вести к улучшению отношений между Германией и Англией. Этот факт способствовал тому, что политике правительства были обеспечены симпатии и тех кругов, которые осуждали империализм как таковой; Ойген Рихтер с благодарностью приветствовал в рейхстаге отход Германии от так называемого восточноазиатского Тройственного союза[2], и даже Союз свободомыслящих — партия банковского капитала, оптовиков и приморских городов — увидел здесь желанную возможность воспрепятствовать антианглийскому толкованию поддерживавшейся ею германской флотской политики[3]. Ко всему этому идея расширения германского рынка сбыта, которой охотно обосновывали восточноазиатскую политику, не была, как это нередко случалось в колониальной политике, лишь пустой идеологической отговоркой. Бюлов мог ссылаться на то, что германский экспорт в Восточную Азию за десять лет утроился[4]. При таких обстоятельствах освоение Срединной империи в глубине души приветствовали даже социал-демократы. Их орган «Форвертс» высказывался весьма положительно, и в атаке Бебеля против империалистического вторжения при желании можно было усмотреть признание того, что и социал-демократия не остается глухой к логике империалистического развития[5]. Партия же центра с самого начала склонялась на сторону событий в Шаньдуне, поскольку тамошний епископ Анцер отдался

[1] «Кёльнише цейтунг» от 4 марта 1898 г., сообщение из Шанхая от 21 февраля 1898 г.
[2] Ойген Рихтер в рейхстаге, 8 февраля 1898 г.
[3] Барт — там же.
[4] Бюлов — там же
[5] Бебель — там же.

под германскую защиту. Центр не мог выступать против территориального приобретения, которое мотивировалось расплатой за двух убитых миссионеров.

Перед лицом политики «сплочения», позволившей переложить на других новые тяготы, даже консерваторы, представленные в дебатах графом Каницем, не слишком возражали против приобретения опорных пунктов на Востоке. С другой стороны, однако, оставалось не ясным, будут ли они поддерживать правительство и тогда, когда оно сделает выводы из политической ситуации и пойдет навстречу англичанам, настаивавшим на политическом сотрудничестве.

Социологическая обусловленность попыток заключения англо-германского союза в 1898 году

Проблема внутриполитических связей как для внешней политики вообще, так и в этом решающем случае чрезвычайно важна для анализа многократно повторявшихся в те годы англо-германских переговоров о союзе. Вопреки «причинно-рациональному» толкованию, которое было применено и для этого международного эпизода, как будто от доброй воли руководящих германских государственных деятелей зависело решить теоретически, заключить или нет союз с Англией[1], и как будто, говоря словами Фридриха Великого, «неясность рассуждения (Raisonnement), ошибочная оценка конъюнктуры» помешали им поступить правильно, следует и в этом случае утверждать, что для науки не существует «ошибочной» или «правильной» политики, которая могла бы быть улучшена, как в XVIII веке, просвещением и обучением или подвергнуться критике. Речь может идти самое большее о том, с какой степенью точности вошла в самосознание государственных деятелей или групп их жизненная «точка зрения», то есть их «социологическое место», и насколько последовательно они защищали ее. Таким образом, как и обычно, речь здесь идет о социологической проблеме; возникает задача обрисовать социологические поводы различных проектов союза, и прежде всего проекта 1898 года.

Видимо, не без побуждения со стороны Австрии, где при поляке Голуховском с неудовольствием следили за растущим англо-германским отчуждением, так как оно ослабляло защиту Австрии от России, британский министр колоний Джозеф Чемберлен весьма неожиданно начал заигрывать с Германией, стремясь добиться ее расположения к английской политике. Восточноазиатские вопросы, только что обострившиеся в результате аннексии русскими Порт-Артура, оставались сначала на заднем плане, так как Чемберлен полагал, что немцев легче всего можно привлечь предложением о совместной антифранцузской политике, которая в эти дни, если говорить об Англии, была поистине спровоцирована французским наступлением на английские владения по Нигеру в Западной Африке. В резком противоречии с некоторыми довольно оптимистическими высказываниями французского министра иностранных дел в палате депутатов Чемберлен уверял германских дипломатов, что он не удовлетворен развитием событий в Западной Африке и твердо решил *больше не уступать*[2]. Эта важная беседа с германским послом

[1] Это более или менее прикрытая теоретическая основа всех нападок, которые, будучи сами по себе обусловлены социологически, были направлены с «демократической» стороны против политики Гольштейна или Бюлова, в той степени, в какой имелось стремление возложить на них ответственность за политический курс Германии. При этом я имею в виду главным образом работы Мейнеке, тогда как у Беккера и еще более у Фишера проглядывает социологический момент, хотя они и не анализируют его подробно.

[2] GP, Гатцфельд — ведомству иностранных дел, 29 марта 1898 г.

открыла официальные переговоры 1898 года, по поводу которых было изведено так много чернил, поскольку не могли найти объяснения, почему германский посол и особенно германское правительство приняли смелое предложение Чемберлена с явным недоверием*.

Однако эту трудность весьма просто преодолеть, если учесть, что исходным пунктом в указанных переговорах был Нигер, а к Восточной Азии перешли уже в их дальнейшем ходе, причем Чемберлен особенно рьяно защищал интересы английской хлопчатобумажной промышленности[1]**. В плане этого маневра, в ходе которого, к удивлению немецких дипломатов, часть английского кабинета отмежевалась от Чемберлена, обращает на себя внимание тот факт, что в Англии не было более заинтересованного лица в содействии Германии именно в западноафриканском вопросе, чем сам г-н Чемберлен, один из ведущих деятелей «Ройял Нигер компани», которые прокричали все уши английской публике о своих французских притеснителях[2]***. Следовательно, почтенный господин из Бирмингема с помощью политики наполнял свои собственные карманы. Его лицо вытягивалось тем больше, чем меньше Германия соглашалась с его проектами относительно Нигерии. Этот весьма специфичный покрой предлагавшейся политики союза объясняет также поразительную холодность коллеги Чемберлена по кабинету Артура Бальфура[3], замещавшего в кабинете своего заболевшего дядю лорда Солсбери, который относился к Чемберлену еще сдержаннее, чем племянник. Без социологического анализа невозможно изложить историю ни одного из английских кабинетов, среди которых именно члены правительств тори особо выделяются изобилием занимавшихся ими постов директоров и членов наблюдательных советов. Как образ действий Чемберлена по методам и по зависимости от эгоистических интересов едва ли является единич-

---

[1] См. H. Eckardstein, Lebenserinnerungen und politische Denkwürdigkeiten, 3 Bde., Leipzig 1919, I. Bd., S. 292.

[2] «Фрейзинниге цейтунг» от 11 июля 1899 г.: «Ройял Нигер компани» только что выкуплена английским правительством за 865 тысяч фунтов стерлингов. Опубликование выдержек из списков акционеров компании обнаруживает поразительный факт, что подавляющее большинство всех паев находится в руках министра колоний и его друзей. Акционерный капитал общества состоит номинально из 110 тысяч паев стоимостью по десять фунтов каждый, но из этих 110 тысяч только 3514 действительно оплачены по десять фунтов, и они представляют собой ту ничтожную долю, то есть 3 процента, которая была приобретена собственно публикой. Остальные 97 процентов всех акций либо вообще не были оплачены, либо же оплачены по цене лишь до двух фунтов за акцию. Из них сам Чемберлен имеет 1500 штук, его брат Артур — 2000 и его доверенные лица лорд Абердэр — 2250 и сэр Говарт — 1925, тогда как на имя (сэра Таубмена) Голди записано еще 8 тысяч акций. 15 тысяч паев находится в Ливерпуле в руках друзей Чемберлена и еще 5 тысяч — в Лондоне, то есть всего не менее 37 тысяч паев. Примечательно, что крупная партия этих акций находится в руках французов, а именно небольшого, но влиятельного в колониальных вопросах круга, рупором которого является Ив Гюйо, тот самый Ив Гюйо, который как раз в описываемые дни столь поразительным образом пришел на помощь Чемберлену своим письмом. В результате упомянутые паи, которые не стоили ничего или два фунта, теперь приобретены правительством по восемь фунтов, что составляет чистую прибыль в 400 тысяч марок только на паи, находящиеся в руках Чемберлена и его брата».

[3] См., например, GP, 3786, Гатцфельд — ведомству иностранных дел, 5 апреля 1898 г., а также GP, 3788, Гатцфельд — Гогенлоэ, 7 апреля 1898 г.

* Лангер («Diplomacy», vol. II, p. 492 ff.) также подчеркивает эти пробелы в документации.

** Что переговоры — сначала в форме секретных бесед между Чемберленом и Эккардштейном — отправлялись от западноафриканских вопросов, показывает также Гарвин (J. L. Garvin, Life of J. Chamberlain, vol. 1—3, London 1932—1934, vol. 3, p. 245 ff. and 254). Правда, он не подозревает об истинных мотивах деятельности своего героя, который, как это частенько бывает, сумел и здесь соединить общие политические интересы империи — особенно в отношении России — со своими личными интересами. При обсуждении в кабинете вопроса о союзе с Германией Чемберлен выдвинул на первый план как раз обострившийся китайский вопрос.

*** Некоторые данные о «Ройял Нигер компани» см. в книге Стэли (E. Staley, War and the Private Investor, New York 1935, p. 310 ff.).

ным в Англии и как беспочвенное восхищение германской историографии бирмингемским гением располагает к веселому настроению[1], так и политика лорда Солсбери не может быть понята без показа могущества рода Сесила Барлея. Этот род, непотизм которого служил объектом частых насмешек, был достаточно сильным, чтобы после отставки Солсбери обеспечить пост премьера его гораздо менее значительному племяннику Артуру Бальфуру, представлявшему в качестве главы фирмы «Артур Бальфур, лимитед» интересы металлургической промышленности.

Но так как в вопросе об английском предложении союза личными интересами руководствовался не только Чемберлен, но и другие видные лица из тористского кабинета, вроде герцога Девонширского, который, надо думать, не из одной только любезности откликался на требования стоявших близко к нему предпринимателей хлопчатобумажной промышленности — едва ли существовала важная отрасль английской промышленности, которую он, как один из богатейших людей Англии, не контролировал бы[2],— то германское правительство отнеслось к английскому предложению если и не в духе непосредственно действовавших деловых интересов, то все же в соответствии с их социологической структурой.

Совершенно справедливо, что неосторожной связью с Англией Германия могла поставить под угрозу обеспечение своего тыла от русских. Но такие теоретические опасения, которыми оппонировали английскому предложению, выдвигались лишь тогда, когда в таких возражениях были заинтересованы. В конце концов тот же Гольштейн, который содействовал ухудшению отношений с Россией, теперь принимал участие в отклонении политики Чемберлена. Схема обеспечения безопасности разрабатывается в политике лишь в той степени, в какой она не противоречит интересам тех, кто нуждается в этом обеспечении.

Перенятая от Бисмарка схема обеспечения Германии посредством хороших и по возможности договорных отношений с Россией в это время совпадала — если не учитывать бисмарковской тонкости контрсоюзов с Англией, Италией и Австрией — с интересами морских и колониальных кругов, которые возражали против соглашения с Англией. Перед лицом мировой и морской политики Германии и политики России в Восточной Азии снова стало казаться возможным возобновление бисмарковской внешней политики, несмотря на напряженные интермедии в начале девяностых годов. Во всяком случае, германская морская и колониальная политика считала такой поворот необходимым коррелятом. Однако подобный политический курс был сорван тем, что против него выступали, не считая обычных пробританских интересов торгового и финансового капитала и внешнеполитических домогательств члена Тройственного союза Австрии, также вновь возникавшие империалистические интересы. Эти интересы одновременно настраивали Германию на Ближнем Востоке в антирусском смысле и помогали эре Бюлова перенимать традиции начального периода эры Каприви. При Бисмарке Германии повезло; она выдержала и эру Каприви. Но Бисмарк плюс Каприви — это был Бюлов, и это было больше, чем могла вынести Германия. Это был

---

[1] Образцы немецких оценок: «Чемберлен, энергичный, смелый, предусмотрительный поборник английского империализма, увлекающийся человек, честолюбие которого проявляется полностью лишь теперь, в шестьдесят лет, был настоящей движущей силой» (Fr. Meinecke, Geschichte des deutsch-englischen Bündnisproblems 1890—1901, München 1927, S. 90). «Кажется, однако, что этот министр, которого Гатцфельд назвал наивным, не был глупым человеком. Он охватывал взглядом весь мир. Нельзя отрицать, что эта политика дальнего прицела, к которой надо было склонить Германию, производит великолепное и по своей простоте покоряющее впечатление» (E. Fischer, op. cit., S. 129, 133). «Джозеф Чемберлен был наиболее богатым идеями и дальновидным государственным деятелем Англии со времени Биконсфилда» (E. Brandenburg, Von Bismarck zum Weltkrieg, Leipzig 1924, S. 90).

[2] См. Eckardstein, op. cit., 1. Bd., S. 292.

и бог и дьявол вместе. Одновременно про- и антианглийская политика, одновременно про- и антирусская политика. Этот решительный поворот к внешней политике против всех, эта политика «маятника» была обусловлена внутренней политикой, была обусловлена не только существовавшими рядом друг с другом, но и одними и теми же социологическими силами. Та же фирма Круппа, например, которая поддерживала флотскую политику кайзера, по крайней мере облегчавшую, если не прямо предписывавшую германской дипломатии отклонение различных возможностей англо-германского союза, своим утверждением на Босфоре и связью с политикой Багдадской железной дороги помогала надувать то государство, союз с которым был необходимой предпосылкой морской политики,— Российскую империю.

Флотская и мировая политика 1898 года. Возвращение династии Бисмарков?

У Бюлова было тем меньше причин менять свое сдержанное отношение к Англии как раз во время первого английского предложения 1898 года, что в силу такого же экономического развития, какое выдвигало вперед Россию и побуждало англичан к сближению с Германией, Соединенные Штаты выигрывали территориально в борьбе против Испании на Тихом океане, где германские морские круги рассчитывали на колониальные приобретения. Таким образом, первая английская попытка контакта (с Германией.— *Ред.*) с целью заключить союз приходится на период политики «бури и натиска» новых военно-морских сил. Авторитетные политические деятели в Берлине соревновались друг с другом в том, чтобы угодить колониальным и морским кругам и особенно руководителю имперского военно-морского ведомства[1].

Испано-американская война, с точки зрения Тирпица, началась слишком рано, так как у Германии еще не было флота. Он полагал, что в результате войны Испания потеряет Кубу, которая перейдет в руки Соединен-

[1] См. Eckardstein, op. cit., 1. Bd., S. 306. То, что английское предложение должно было разбиться о социологическую структуру тогдашнего германского правительства как комплекса морских, флотских, промышленных и аграрных интересов, можно было утверждать на основе социологического опыта, даже если бы у Бюлова не было открытого признания этой связи (Bülow, op. cit., 1. Bd., S. 116 и в других местах). Такое положение вещей впервые a priori раскрыто, хотя и с полемической злостью демократа, Э. Фишером в его книге «Holsteins Großes Nein» и доказано тщательным анализом скудных документальных данных. Картину расстановки действовавших социологических сил дал Кер. Хотя книга Кера теперь во многом дополнена воспоминаниями Бюлова и Гогенлоэ, но сюда больше, чем к другим местам моей работы, подходят слова: «Тем, чем мы являемся, мы обязаны другим». Впрочем, Фишер слишком обобщает свою атаку по поводу отклоненного английского предложения о союзе, не замечая при этом, что как раз Гольштейн, которого он берет на мушку, пожалуй, вовсе не принадлежит к сфере антианглийского международного торгового и финансового капитализма, к которой политически близок сам Фишер. В действительности Гольштейн лишь в силу необходимости приноравливался к флотской политике, так что в свою очередь подвергшемуся нападению князю Бюлову по этой причине было легко атаковать Фишера (Bülow, op. cit., 1. Bd., S. 326), хотя он, очевидно, даже не читал его книгу, как и многое другое, цитируемое им в своих мемуарах. Фишер мог хвастаться тем, что в указанном месте Бюлов в качестве мотива своей политики дословно приводит положение, которое содержится в книге Фишера.

Весьма скептически оценивал возможность союза с Англией в те годы Герхард Риттер (Gerhard Ritter, Die Legende von der verschmähten englischen Freundschaft 1898—1901, Freiburg 1929). В противоположность этому следует сказать, что возможности англо-германского союза того времени не могут измеряться только фактическим отношением англичан к Германии, все более становившейся морской державой. По крайней мере столь же важно учитывать, как Англия отнеслась бы к союзу с Германией, если бы последняя была бы к этому внутренне готова. Это соображение не учитывается некоторыми правыми немецкими авторами.

ных Штатов. Тем самым для Германии наступит подходящий момент для покупки острова Кюрасао или острова Сент-Томас. Утверждение Германии в этих зонах Англия будет только приветствовать. «Если же мы,— продолжал Тирпиц, —упустим возможность использовать сложившуюся обстановку, то после завершения строительства Центральноамериканского канала потеряем, кроме североамериканского рынка, еще и Южную Америку»[1].

Эти тихоокеанские устремления морских кругов имели тем больший вес, что за флотом стоял значительный картель интересов крупных промышленников, и в данном случае особенно сахарозаводчиков, в результате чего весной 1898 года положение обострилось до крайности. Но одновременно с этим сама собой возникла возможность нового выступления династии Бисмарков; для Герберта Бисмарка ситуация была благоприятной как никогда. В кулуарах рейхстага болтали о союзе с Англией против России, об уступке Самоа, о концессиях в Занзибаре в пользу Германии. Герберт Бисмарк, широко известный своим дружественным отношением к русским, делал вид, что не верит всему этому[2]. Однако его облеченное в форму письма предупреждение едва ли не было правильно понято в ведомстве иностранных дел. Было известно, что он претендовал на пост рейхсканцлера, что он пытался при дворе очернить статс-секретаря Бюлова из-за его враждебности к Англии[3]. Эта попытка, тактически весьма умелая, все же была обречена на провал, так как сильной стороной Бернгарда Бюлова было умение справляться с внутриполитическими трудностями, отстаивать горячо любимый им пост, пусть даже ценой принесения в жертву важных интересов. В совершенстве владея искусством парировать удары, статс-секретарь бесстрашно смотрел, как Саксонский Лес двинулся на замок Дунсинан. Этих чертей можно было изгнать с помощью Вельзевула. В тот же день, когда было получено письмо от претендента на пост канцлера, Бюлов выступил в рейхстаге с речью об отношениях между Англией и Россией, которые прорубили в Вэйхайвэе и Порт-Артуре окна, выходившие на Печилийский залив. Германия, по его словам, ничего не имеет против, если обе державы будут из этих своих окон только любоваться игрой волн в заливе. Никто не может предугадать, не возникнут ли здесь когда-либо трения между Англией и Россией. Германское правительство искренне надеется, что этого не случится. Германия нисколько не чувствует себя стесненной русской сферой влияния в Северном Китае, которую она как таковую всегда признавала. Несколько дней спустя Герберту Бисмарку не осталось ничего другого, как заявить, что «всякое политиканство лишено почвы»[4]. Атака на внешнюю политику была отбита.

Впрочем, Чемберлен еще не считал игру проигранной. 13 мая 1898 года он произнес в Бирмингеме известную речь в пользу англо-американо-германского альянса, которая не понравилась в Германии из-за ее благожелательного тона по отношению к враждебной Германии Америке и из-за ее антибурской направленности. Еще больше, пожалуй, она не понравилась Франции, где ее восприняли не только как попытку создать антифранцузскую группировку, но еще более как удар в вопросе о Нигерии, который вопреки официальному эвфемизму вовсе не был урегулирован [5]*. Разумеется, таким маневром нельзя было изменить германскую позицию, и английскому правительству пришлось в вопросе о Нигерии пойти навстречу французам[6]. Не удивительно поэтому, что Чемберлен стал вдруг более сдержанным

[1] Bülow, op. cit., 1. Bd., S. 181 ff., Клемент о беседе с Тирпицем, 16 марта 1898 г.
[2] Ibid., S. 216 ff., Герберт Бисмарк — Бюлову, 29 апреля 1898 г.
[3] См. Eckardstein, op. cit., 2. Bd., S. 116.
[4] См. Bülow, op. cit., 1. Bd., S. 217.
[5] BD, I, № 179, Монзон — Солсбери, 19 мая 1898 г.
[6] GP 14. Bd., S 217, 234 (Anmerkungen).

* Garvin, op. cit., vol. 3, p. 282 f. Значение вопроса о Нигерии, в котором Чемберлен был лично заинтересован, и для этого демарша также игнорируется Гарвином.

по отношению к немцам[1]. Итак, великий альянс с Англией был отклонен. Игру выиграли сторонники флотской политики, которые на этот раз старались приукрасить свои интересы старой бисмарковской схемой обеспечения безопасности. Кайзер стал говорить так, как будто он прослушал курс лекций Бисмарка по международным отношениям[2]. Вопреки этому и несмотря на одновременное столкновение на Тихом океане германского империализма с англо-американскими интересами и даже на острую опасность войны в результате эпизода с Манилой[3], и дальше существовали германские интересы, которые создавали возможность если и не настоящего союза, то по крайней мере соглашения с Англией.

*Неожиданное изменение взглядов по бурскому вопросу и его социологические причины**

В 1897 году провалились попытки Трансвааля посредством финансовых предложений в Лиссабоне отвести угрожавшую опасность того, что возможное неблагоприятное решение Бернского третейского суда по вопросу о Делагоанской железной дороге заставит португальцев заложить их колониальные владения Сесилу Родсу и связанной с ним международной финансовой верхушке: последняя, будучи заинтересована в золотодобывающей промышленности, горячо стремилась к контролю над Делагоа. После провала с Трансваалем[4] Сесил Родс был намерен финишировать в Лиссабоне, сделав финансовые предложения Португалии[5]. Международная и особенно германская финансовая верхушка, видимо, одновременно с поворотом в политике по отношению к бурам изучила возможность санирования находившихся в ее владении и тогда очень низко котировавшихся португальских ценностей посредством финансовой помощи Португалии; для этого требовалось, однако, урегулировать делагоанский вопрос. Здесь можно было одним выстрелом убить двух зайцев, поскольку и оздоровление португальских финансов и урегулирование делагоанского вопроса отвечали интересам международного финансового капитала[6]. Во главе немецких групп, дейст-

---

[1] GP 14. Bd., S. 230 (Anmerkung). О разочаровании Чемберлена сообщается в GP, 3801, Гатцфельд — Гогенлоэ, 3 июня 1898 г.

[2] См. телеграмму кайзера Бюлову (GP, 3790, кайзер — Бюлову, 10 апреля 1898 г.) с поистине бисмарковской фразой: «Нигерия и Печилийский залив заботят нас меньше, чем Эльзас-Лотарингия», на что Бюлов, поставивший прилежному ученику за всю его работу очень хорошую оценку, заметил на полях: «Правильно».

[3] Как это уже оговаривалось, ввиду ожидаемой книги Альфреда Вагтса здесь сознательно не дается изложение этого вопроса, о котором предварительно сообщается в книге Herrmann Leußer, Ein Jahrzent deutsch-amerikanischer Politik 1897—1907, München 1928**.

[4] См. Botha, op. cit., S. 241.

[5] Ibid., S. 243 ff.

[6] Что германское вмешательство в делагоанский вопрос было обусловлено сначала не политическими соображениями, а финансовыми интересами, в настоящеее время (1932) видно из мемуаров Бюлова (op. cit., 1. Bd., S. 274). К сожалению, соответствующие документы относительно финансовых переговоров с Португалией, несомненно имеющиеся в ведомстве иностранных дел, наряду со многими экономическими деталями, которые могли бы послужить иллюстрацией к политике, не представлены в официальной публикации документов. Что документально доказанным германским шагам предшествовали длительные финансовые переговоры, вытекает из документа GP, 3808, Гатцфельд — ведомству иностранных дел, 15 июня 1898 г., по которому Солсбери подозревает, что Гатцфельд склонен

* О дипломатической стороне поворота см. Langer, Diplomacy, vol. 2, p. 520 ff., а также Fritz Schwarze, Das deutsch-englische Abkommen über die portugiesischen Kolonien vom 30.8.98, Göttingen 1931.

** Написано в 1932 г. Эпизод с Манилой, равно как и вся тогдашняя международная политика на Тихом океане, исчерпывающе освещен в вышедшем в 1935 г. труде Вагтса.

вовавших в этом направлении, стоял Дармштадтский банк, компаньоном которого, как уверяли, был германский кайзер[1].

Именно наличие этих совершенно конкретных интересов в достаточной степени объясняет неожиданную готовность немцев пожертвовать всей прежней политикой в отношении буров и самими бурами. Результатом быстро и без осложнений проходивших переговоров по этому вопросу было заключение англо-германского соглашения, которое предоставляло Германии и Англии монопольное право на размещение займа в Португалии и, в случае осуществления такой сделки, признавало в качестве залога за Германией, кроме португальского Тимора, южную часть португальской Анголы, а в Мозамбике—район севернее Замбези, за англичанами же — часть территории с Делагоа. В секретном протоколе, кроме того, указано, что названные районы предоставляются партнерам в качестве исключительных сфер влияния. Благодаря этому специальному определению[2] Германия в отведенных ей районах, равно как и Англия в районе бухты Делагоа, могла добиться уступок и укрепить свое влияние, что, однако, имело бы значение лишь в том случае, если бы португальское правительство, во многом зависевшее от Англии, пошло на эти уступки добровольно. Но так как ждать таких добровольных уступок не приходилось, Германия прилагала все усилия к тому, чтобы, так сказать, навязать заем, а в этом случае ей по условиям англо-германского договора досталось бы больше, чем можно было получить, если бы португальцы пошли на соглашение добровольно.

Британское правительство со злорадством следило за напрасными усилиями германских дипломатов в интересах немецких финансовых кругов и германской колонизации протолкнуть португальский заем в Лондоне и Лиссабоне. «Я ждал этого,— цинично заметил английский премьер ad marginem доклада о германских шагах в вопросе о займе[3]. — Немцы не хотят ждать событий, которые предоставили бы им их долю в португальском районе, они хотели бы ускорить ход судьбы. Я не думаю, чтобы можно было намекнуть им на это, пока мы не знаем финансовых условий, которые Германия готова предоставить; они будут вроде шейлоковских»[4].

Итак, результат этого локального урегулирования в целях активной германской колонизации был для антианглийских германских интересов совершенно ничтожным. Победили не германский империализм и не находившиеся в союзе с ним буры, а международные финансовые верхи, капитал крупных банков. Такое впечатление еще больше усиливалось тем, что «Дискон-

---

предоставить Португалии германский заем,— подозрение, которое может основываться только на конкретных, но не известных нам данных; см. GP, 3817, Гатцфельд — ведомству иностранных дел, 21 июня 1898 г. «Как известно, у нас было бы желание прийти Португалии на помощь...» Весьма характерно, что финансовое давление на Португалию имело место только до англо-германского делагоанского соглашения, тогда как после него, когда международные финансисты перестали быть заинтересованными в этом давлении, Англии удалось найти средства, чтобы скрытыми путями ликвидировать финансовые трудности Португалии, причем для этого, по-видимому, были привлечены частные кредиторы (Португальская табачная компания?).

[1] См. поразительное замечание Берти в BD, I, № 81, памятная записка от 10 сентября 1898 г. Согласно этому документу, Англия не проявляла интереса к тому, чтобы предоставить капитал для удовлетворения притязаний иностранных держателей облигаций, в чем сильно был заинтересован банк, акции которого имел кайзер.

[2] См. текст в BD (I, № 83, раздел 2, приложение 2).

[3] См. BD, 1, № 94, Бальфур — Лэсселсу, 1 сентября 1899 г., заметка на полях Солсбери.

[4] Нельзя отделаться от впечатления, что по отношению к Германии Англия в этом вопросе уподобилась человеку, который приглашает к себе другого, говоря: «Приходи ко мне обедать, если сможешь», а сам, когда тот действительно пришел и остановился перед запертой входной дверью, кричит ему из окна: «Я тебя звал обедать, если ты сможешь, но ведь ты не можешь!»

тогезельшафт», видимо в согласии с английским финансовым капиталом, утвердилось в сфере английских интересов в бухте Тигреш-бей[1].

Для более глубокой оценки значения Делагоанского договора, который вопреки договоренности не остался скрытым от общественности, достаточно одного только наблюдения за биржей, приветствовавшей известие о заключении договора огромным бумом курсов акций золотопромышленных компаний[2]. Сначала ошеломленные, затем озадаченные и наконец ожесточившиеся пангерманцы и прочие друзья буров в Германии осознали, что политический курс Берлина внезапно изменился. Уже много лет они с недоверием следили за английскими попытками заполучить в свои руки Делагоа как ключ к Трансваалю[3]. Теперь дело было сделано, и пособником в нем оказалась Германия. На мюнхенском съезде Пангерманского союза издатель газеты крупных промышленников «Рейниш-Вестфелише цейтунг» беспрепятственно громил берлинский курс. Детище было названо своим именем: англо-германское соглашение действительно являлось настоящим вероломством по отношению к бурам. Борясь против англофильского курса высших кругов, пангерманцы превратились в демократов*. Профессор Хассе высмеивал секретничанье ведомства иностранных дел; флотский агитатор и писатель Альбрехт Вирт изобличал новый, явно инспирированный курс «Кёльнише цейтунг», изо всех сил поносившей буров. Общее настроение, нашедшее в Мюнхене благоприятную почву, характеризовалось направленностью против золотопромышленных компаний, против усиления английского влияния в Мозамбике и против английского Лоуренсу-Маркиша. Мюнхенскому съезду резонировал верхнегерманский национал-либерализм. Романтическая идея, смысл которой сводился к тому, что германская нация (Volkstum), как бы она ни процветала и где бы ни находилась, подлежит охране и уходу, присмотру и заботам, более не находила себе достаточного места в феодальном лагере у настроенных на современно-предпринимательский лад последователей аграриев и была воспринята в национал-либеральном лагере и в массах немецкого среднего сословия, в котором начало пробуждаться самосознание. Ценные качества нации (Volkstum) привлекали некоторых историографов; на Пангерманском съезде можно было увидеть историка Эдуарда Гейка, да и Вальтер Гётц был одним из друзей буров[4]. Внутри страны пангерманцам помогали «Дейче цейтунг», антисемитская «Штаатсбюргерцей-

---

[1] Согласно сообщению «Кёльнише цейтунг» от 10 сентября 1898 г., контролировавшаяся «Дисконтогезельшафт» «Саус Уэст Эфрика компани» за несколько недель до этого заключила соглашение с «Саус Эфрика компани», имевшей богатые владения в Португальской Западной Африке. О тяге к Тигреш-бей см. также «Кёльнише цейтунг» от 6 июня 1900 г. Участок дороги к бухте Тигреш-бей, который должен был связать медные месторождения в Отави с морем, подвергся критике как не отвечающий германским интересам (undeutsch) в Германском совете по делам колоний и еще больше в Германском колониальном обществе. В конце концов он должен был уступить место будущей Отавской железной дороге, после того как в результате исхода англо-бурской войны провалилась вынашивавшаяся «Дисконтогезельшафт» в течение некоторого времени идея освоить Трансвааль с северо-запада проведением железной дороги и тесно связать его с германскими интересами (об этом см. «Кёльнише цейтунг» от 21 июля 1901 г., а также характерное для этих отношений письмо представителя пароходства Вёрмана в книге H o h e n l o h e, op. cit., 3. Bd., S. 496. «Дисконтогезельшафт» оказалось в сотрудничестве с Родсом, чем и объясняется его проникновение в бухту Тигреш-бей, возможное только при английском содействии, а также позднейшие старания Родса по поводу Самоа.

[2] См. «Кёльнише цейтунг» от 15 октября 1898 г., сообщение из Иоганнесбурга. См. также последующее сообщение «Кёльнише цейтунг» в номере от 3 ноября 1898 г. Судя по этому сообщению, положение в Иоганнесбурге полностью изменилось. Поворот приписывался изменению политики Германии.

[3] См. сообщение д-ра Рейзман-Гроне на съезде Пангерманского союза, состоявшемся 8—10 июля 1897 г.

[4] О съезде Пангерманского союза см. в «Альдейче блеттер» за 1898 г., стр. 189 и след.

* Об агитации друзей буров в Германии и ее чрезвычайно широкой социологической базе см. P. A n d e r s o n, op. cit., chap. 5, 6, а также H a l e, op. cit., chap. 9.

тунг», «Лейпцигер нейесте нахрихтен», колониальный журнал «Дер экспорт» и «Рейхсботе»; антисемитское среднее сословие, верхнегерманские национал-либералы и нижнегерманские промышленники постепенно образовали широкий фронт, который ради буров противопоставил себя англофильскому курсу имперского правительства. Делагоанское соглашение, как представлялось, не могло принести пользы никому, кроме немецких и иностранных акционеров золотых рудников; заем португальскому правительству, который хотели использовать в качестве рычага пангерманской колониальной политики, позднее, во время англо-бурской войны, стал делом рук Франции[1]. В период до мировой войны редко бывало, чтобы международные финансовые интересы так сильно сталкивались с интересами прочих групп немецкого населения, как при заключении этого соглашения. В прессе нападали друг на друга интернационалисты и капиталисты, пангерманцы и крупные финансисты. Именно критика Делагоанского соглашения и история начавшейся вскоре англо-бурской войны побуждали пангерманцев ко все более резкому акцентированию их антисемитских идей, поскольку международные финансовые сделки, вызвавшие к жизни Делагоанское соглашение, были преимущественно делом рук евреев. Поэтому перед англо-бурской войной и во время ее критический антисемитизм был направлен против торговцев золотом в Южной Африке.

Финансовый капитал и внешняя политика в Восточной Азии

Не только в бурском, но и во всех прочих вопросах интересы финансовой верхушки были враждебны или даже антагонистичны интересам как сельского хозяйства, так и среднего сословия, как промышленности, так и армии. В противоположность всем этим факторам финансовая верхушка по многим причинам нуждалась в международном сотрудничестве. Германия была заинтересована в заграничных ценностях. Германский капитализм умел использовать иностранный империализм, чтобы участвовать в чужестранных эмиссиях, сбывать внутри страны заграничные ценные бумаги с высоким процентом и обеспечивать себе комиссионные. Торговый капитал нуждался в хороших международных связях не меньше, чем биржа, которая торговала ценными бумагами судоходных предприятий и экспортной промышленности.

Интересы промышленности к заграница были также весьма разнообразны. Картели, которые, с одной стороны, наживались на вооружении армии и флота за счет общества в целом и потому не могли обходиться без национальной агитации, с другой стороны, для своего бросового экспорта нуждались в заграничных рынках сбыта и в мирном развитии. Милитаристская агитация вызывает конфликт лишь в том случае, если интересы скрещиваются таким образом, что господство одной страны оказывается несовместимым с господством другой. Производство вооружения было той отраслью промышленности, которая создавала материал для большинства конфликтов, поскольку снабжение страны оружием, как правило, исключало одновременные поставки конкурирующей стороны. Поэтому военная

[1] «Кёльнише цейтунг» в номере от 31 мая 1900 г. сообщала из Опорто, что португальский министр финансов благодаря французскому (во всяком случае — ротшильдовскому) капиталу оказался в состоянии учесть давно ожидавшийся приговор третейского суда и выплатить присужденные к взысканию с Португалии 15 314 тысч франков. Португальская табачная компания способствовала получению Португалией займа в 23,5 миллиона.

промышленность и финансы постоянно сталкивались между собой. И на восточноазиатском рынке, где «Дисконтогезельшафт» пыталось использовать эру Делагоанского соглашения, различные германские интересы вскоре вступили в конфликт друг с другом. «Дисконтогезельшафт» намеревалось осуществить проект, который до тех пор ему не удавался. Его план взять под свой контроль строительство железнодорожных линий, ведущих из долины Янцзы в Пекин, весной 1898 года осложнил англо-германские переговоры о союзе. Германская сторона, пытаясь увернуться от англичан, тактически использовала провал тогдашних переговоров между Гонконг-Шанхайской корпорацией и находившимся под руководством «Дисконтогезельшафт» Немецко-Азиатским банком[1]. В августе же 1898 года директор «Дисконтогезельшафт» фон Ганземан договорился с англичанами по вопросу о железнодорожном строительстве. При этом, однако, он преследовал лишь эмиссионные интересы руководимого им банковского синдиката, тогда как по остальным нерешенным вопросам соглашался на любую уступку, которую требовали англичане, и, главное, признал бассейн реки Янцзы, провинции южнее Янцзы и провинцию Шаньси сферой английских интересов. Такой метод ведения дела, ориентировавшийся лишь на финансовый капитал, настолько откровенно оставлял на произвол судьбы интересы германской военной промышленности и судоходства в долине Янцзы[2], что германское ведомство иностранных дел так никогда и не решилось признать обязательным для германского правительства разделение сфер влияния между «Дисконтогезельшафт» и англичанами[3]. Имперскому правительству было тем труднее сопротивляться английским планам, что как раз в конце августа англичане сумели опутать кайзера публичными излияниями английского посланника о намерениях английского кабинета заключить союз с Германией, и понадобилась вся придворная льстивая виртуозность Бюлова, чтобы Германия не соскользнула на старый внешнеполитический путь[4]. Ведомство иностранных дел сделало попытку срыва английских усилий толкнуть Германию против России посредством охотно предоставленного ей участия в финансовых сделках с Китаем[5]. Оно нашло поддержку в том,

[1] См. GP, 3776, Гатцфельд—Гогенлоэ, 12 мая 1898 г., а также примечание издателей. Но особенно см. GP, 3771, Бюлов — Гатцфельду, 30 апреля 1898 г. Согласно этому документу, английские уступки в вопросе, о котором идет речь, оказали бы большое влияние на направление германской политики. Все же этот вопрос может считаться лишь случайным в существе интересов, выступавших в Германии против союза с Англией.

[2] См. GP, 14. Bd., S. 181, Anmerkung. Кроме того, см. J o s e p h, op. cit., p. 362 ff., а также Z ü h l k e, op. cit., S. 145 ff. Я не могу входить здесь в детали этого вопроса о железнодорожном строительстве. О них, равно как и о всех подробностях англо-германских переговоров о союзе, см. специальную литературу, особенно книгу W i l l i B e c k e r, Fürst Bülow und England, Greifswald 1929. Я стараюсь лишь кратко обрисовать в тексте книги социологические корни деятельности германских государственных мужей, которые стремились лестью удерживать кайзера в нужной колее и отвлекать его от английских предложений о союзе.

[3] Для уже не раз охарактеризованных интересов военной промышленности и всей проблемы германского влияния в районе Янцзы особенно интересна статья в «Кёльнише цейтунг» от 4 ноября 1898 года, в которой с горечью констатируется, «что германской промышленности нечего делать в Китае». Статья направлена против французской военной промышленности, которая, опираясь на арсенал Фучжоу, конкурирует с германской промышленностью и судостроением, тогда как германская промышленность медленно, но верно вытесняется из Китая. «Раньше,—говорится в статье,—поставка крепостных орудий для Китая была полностью в руках немцев; с тех пор как Порт-Артур сделался русским, а Вэйхайвэй — английским, нечего, разумеется, и думать, что счастливцы, извлекающие выгоду, обратятся со своими заказами на пушки и боеприпасы к Круппу или к другим немецким фабрикантам. После увольнения немецких инструкторов генерал-губернаторами Нанкина и Учана это относится и к бассейну Янцзы».

[4] Детальную характеристику этих событий см. в книге W. B e c k e r, op. cit., S. 85 ff.

[5] Уже в марте 1896 г. Немецко-Азиатский банк поделил с Гонконг-Шанхайской корпорацией 5-процентный заем Китаю на сумму 16 миллионов фунтов — событие, за которым в 1898 г. последовал новый 4,5-процентный заем Китаю такого же размера.

что как у тяжелой промышленности, так и особенно у «Дисконтогезельшафт», извлекавшего выгоду от этой новой политики займов, были одновременно и такие интересы, которые могли вести к трениям с Англией.

Еще от колониальной эры Бисмарка оставалось наследие Самоа, которое в ходе новой мировой политики приходилось защищать, не считая того, что «Дисконтогезельшафт» через фирму Людвига Лёве, разросшуюся в «Дейче ваффен- унд муниционсфабрикен», активно участвовало в морской и заокеанской политике. И «Дисконтогезельшафт», следовательно, принадлежало к мощному кругу тех, в ком проанглийские интересы уживались с антианглийскими. И оно, как и фирма Круппа, помогало закладывать основы германской внешней политики «маятника».

Такой подход к антианглийской политике был тем более сомнительным, что конкурировавшее с «Дисконтогезельшафт» предприятие, «красный» «Немецкий банк» господ Людвига Бамбергера, Георга фон Сименса и Артура фон Гвиннера, все больше уводило Германию в направлении, которое обусловливало хорошие отношения с Великобританией. Самоуверенный Ганземан, исполненный сознания оказываемой ему высочайшей протекции, смотрел презрительно и свысока на этих господ из «Немецкого банка». В том же 1898 году всеобщее внимание снова — и на этот раз сильнее, чем когда-либо прежде,— привлекла политика Багдадской железной дороги.

Социальная и экономическая подоплека германской политики по отношению к Турции до 1900 года

Германское проникновение в Турцию, несомненно, принадлежало к числу тех факторов, которые сближали Англию и Германию. После того, как торговые связи с Индией стали осуществляться через Суэцкий канал, Англия уже не придавала такого большого значения Константинополю, как раньше, и в досаде на депешу кайзера Крюгеру воздержалась в 1896 году от дальнейшего участия в бисмарковском средиземноморском альянсе. Английский империализм в силу своей заинтересованности в Восточной Азии приветствовал трения, возникшие между европейскими державами и Россией из-за Константинополя, ибо эти трения ослабляли русское сопротивление в Восточной Азии[1].

Ни в деле с армянской резней, которое чрезвычайно мешало сотрудничеству с турками и дало правой германской печати желанный повод для нападок на нехристианский характер экспортной политики крупнокапиталистических кругов[2], ни в греческом вопросе Германия не выступила против турок: ведь победа турок в войне с греками 1897 года была также и победой германского оружия.

Все же, как ни важна была роль военного снаряжения и железнодорожного оборудования в составе германского экспорта, список немецких товаров для вывоза не исчерпывался ими; в частности, Турция была привлекательным рынком сбыта также для химической и керамической промышленности. Имевшее место до 1900 года повышение цен было характерно и для этих отраслей. В 1901 году размер германского экспорта в Турцию исчислялся суммой в 230 миллионов марок, тогда как находившиеся

---

[1] Об основных тенденциях английской политики см. GP, 4988, Меттерних — Бюлову, 24 июня 1900 г.

[2] В пользу армян в Германии агитировал главным образом ныне покойный д-р Иоганнес Лепсиус, один из издателей германских документов, пропаганду которого поддерживала подчеркнуто протестантская газета «Рейхсботе».

в германской собственности турецкие ценности составляли сумму около 9,5 миллиона[1].

Несмотря на такой рост промышленного и финансового экспорта, значение германской торговли с Турцией было по сравнению с германской торговлей в целом не так уже велико; главным стимулом германской политики в отношении Турции и здесь следует считать мощные коллективные интересы германской военной промышленности. Германия имела в Турции монополию на поставки вооружения[2]. Эта монополия часто подвергалась атакам, но до сих пор все же выходила победительницей. Однако из-за нее она оказалась в весьма двусмысленном положении по отношению ко второй великой державе, имевшей интересы в Турции, а именно к Франции. Если, с одной стороны, обе державы — Германия и Франция — работали рука об руку, чтобы сохранить Турцию достаточно крепкой в качестве главного рынка для вывоза финансового и промышленного капитала, то, с другой стороны, монополия германской военной промышленности в Турции являлась поводом для непрерывных жалоб[3]. Долгое время представитель фирмы «Шнейдер-Крезо», небезызвестный «полковник» Бергер пытался отвоевать для Франции и для своей фирмы монополию Германии, главным образом Крупна, на поставки вооружения[4].

Двусмысленность этих франко-германских отношений нельзя проиллюстрировать лучше, чем тем фактом, что этот представитель Шнейдера контролировал также «Детт люблик Оттоман» (Управление оттоманского государственного долга), то есть техническую организацию европейских кредиторов, которой со времени разграбления Турции посредством пресловутого Мухарремского декрета от 20 декабря 1881 года были отданы в залог все турецкие доходы[5]; поэтому все европейские железнодорожные концессии, а тем самым и Общество Багдадской железной дороги, нуждались в этой организации для осуществления своих проектов[6]. В интересах вывоза французского финансового капитала, а также железнодорожного строительства в Сирии г-н Бергер, в остальном, как уже говорилось, выступавший как конкурент немцев, весьма дружески сотрудничал с ними в этой организации[7]. То, что французская военная промышленность не имела большого значения на Золотом Роге, не в последнюю очередь объясняется политическими причинами. Французам как союзникам заклятых врагов турок приходилось нелегко. Следовательно, было в порядке вещей, что соревнование выиграла не Франция, а Германия — избавитель от России: монопольное положение германской военной промышленности было создано Кольмаром фон дер Гольцем.

---

[1] См. «Кёльнише цейтунг» от 4 марта 1901 г. С 1889 г. владельцы германской Левантийской линии в Гамбурге установили прямое пароходное сообщение с Турцией. Триест как экспортная гавань уступил свое место Гамбургу. Пароходное сообщение и здесь побило железную дорогу, однако лишь после того, как ее сооружение чуть не вызвало войну (из-за болгарского вопроса).

[2] См. GP, 3341, Маршалл — Гогенлоэ, 6 августа 1898 г. (с высказыванием султана).

[3] См., например, «Кёльнише цейтунг» от 24 июня 1892 г. с сильными нападками на французские позиции в Турции и французскую военную промышленность, которая благодаря поставкам германской военной промышленности на Босфор получила возможность познакомиться с такими вещами, которые германское правительство и промышленность не открыли бы кому попало и тем более французам.

[4] См. GP, 3341, Маршалл—Гогенлоэ, 6 марта 1898 г. См. также GP, 3340, Маршалл—Гогенлоэ, 24 мая 1898 г. Из указанных документов явствует, что русские все время интриговали против турецких военных заказов. Как раз в это время султан заказал в Германии 20 миллионов патронов и 250 тысяч винтовок.

[5] Donald Christy Blaisdell, European Financial Control in the Ottoman Empire, New York 1920, p. 90 ff.

[6] Blaisdell, op. cit., p. 127. Поэтому с 1898 г. в «Детт люблик» имелся особый железнодорожный отдел (Blaisdell, op. cit., p. 129).

[7] Blaisdell, op. cit., p. 134 ff. Санация французского железнодорожного строительства в Сирии принудила французов к сотрудничеству и в багдадском вопросе (K. Helfferich, Georg von Siemens, Berlin 1923, 3. Bd., S. 94).

Гольц немало сделал здесь, в низах,— немало, но все же недостаточно. Турецкая армия обязана ему законом о призыве, а также превосходными картографическими работами; под его руководством турецкий генеральный штаб из своего рода инженерной академии превратился в организацию, пригодную для военных целей[1]. Армия, следовательно, претерпела существенные преобразования, но ее сердце, ее дух оставались тем не менее дряхлыми и слабыми.

Немецкие офицеры в Турции и после ухода великого германского паши продолжали его традиции и, насколько было возможно, укрепляли Турцию. Но вопрос о турецкой военной мощи зависел от возможности своевременно подбросить в Константинополь резервы из областей, прилегающих к Евфрату и Тигру; таким образом, Багдадская железная дорога имела значение не только для германских финансистов, а также для военной и тяжелой промышленности, поставлявшей рельсы[2], но и для немецких офицеров, которые со времени пребывания Вальдерзее на посту начальника генерального штаба заботились об укреплении Турции в стратегическом отношении. Как прежде, так и теперь интересы военных кругов мешали политике ведомства иностранных дел, которое с 1897 года стремилось установлением хороших отношений с Россией прикрыть от Англии все более оформлявшуюся германскую мировую политику. Ведомство иностранных дел пришло прямо-таки в ужас от доклада кайзеровского флигель-адъютанта капитана Моргена, который предложил укрепить Дарданеллы и линию Чаталджа и для этого хотел навязать султану «дельного немецкого офицера тяжелой артиллерии в качестве реорганизатора укреплений»[3]. Но тогда как в вопросах внешней политики и торговли оружием военщина оставалась еще на заднем плане, тем более что не устраненная пока опасность из Фридрихсруэ не позволяла Вильгельмштрассе такого отклонения, здесь стремились пойти навстречу требованиям этого привыкшего командовать слоя по крайней мере постольку, поскольку с еще большим старанием соблюдали интересы германского экспортного капитала, которые поддерживал также капитан Морген, сумевший сделать их привлекательными и для кайзера[4]. Бывший статс-секретарь фон Маршалл, еще со времени своей службы состоявший в хороших отношениях с финансовой верхушкой и выпросивший себе у Бюлова пост посла в Константинополе, сумел вместе с Немецким банком использовать пристрастие кайзера к романтическим экскурсиям; кайзер появился на Востоке с фантастической османской перевязью на гвардейской кирасе; приподнятые речи перед нелепыми фигурами панисламистов прикрывали гешефты финансовых кругов и тяжелой промышленности[5]. Германская общественность аплодировала. Никакой Бисмарк не защищал ее от внешнеполитических последствий ее же поступков. Георг фон Сименс, который хотя и принадлежал к свободомыслящим депутатам, не смог отказаться от ордена Короны III степени и стал числиться одним из друзей кайзера[6]. Багдадской железной дороге была обеспечена теперь высочайшая

[1] См. статью о фон дер Гольце в «Кёльнише цейтунг» от 15 ноября 1895 г.

[2] Рельсы для Багдадской железной дороги поставлялись Круппом (V e r n e y e t D a m b m a n n, Les Puissances étrangères dans le Levant et la Palestine, p. 224).

[3] См. GP, 3542, Шлёцер — Гогенлоэ, 14 августа 1898 г.

[4] См. об этом GP, 3342, 4898 с примечанием, а также 3342, Рихтгофен — Бюлову, 9 августа 1898 г., и особенно 3977, Бюлов — Вильгельму II, 30 сентября 1898 г.

[5] См. GP, 3347, Бюлов — генеральному консулу фон Миллеру, 15 февраля 1898 г., а также цитируемое там в качестве примечания письмо Мирбаху от 26 марта 1899 г. В связи с поездкой кайзера на Восток был основан Немецко-Палестинский банк, руководство которым осуществлял банкирский дом фон дер Хейдта. Полученная в результате поездки кайзера концессия на строительство порта досталась Немецкому банку, а вся поездка, кроме всего прочего, принесла пользу Багдадской железной дороге. Сообщение Бюлова о поездке в Палестину (B ü l o v, op. cit., 1. Bd., S. 240 ff.), как всегда, напичкано анекдотами и пустое по содержанию.

[6] H e l f f e r i c h, Siemens, 3. Bd., S. 89 bzw. S. 105 ff.

протекция*. Однако каждый новый километр, который прокладывался на юго-восток, вызывал новые осложнения в постепенно изменяющейся внешней политике, был новым клином во внешнеполитическую схему обеспечения безопасности, обусловленную флотской политикой империи. Этот клин вбивался в угоду промышленным группам, стоявшим не так уж далеко от активных деятелей флотской политики и частично идентичным с ними. Но одно не вязалось с другим. «Немецкому банку», по своей программе еще более заинтересованному в международных и заморских связях, чем «Дисконтогезельшафт», вскоре при попытках финансирования в Англии Багдадской железной дороги пришлось узнать, какой помехой была для него внутренняя политика собственного отечества[1].

*Сущность и причины растущей неприязни в отношениях между Германией и Англией. Самоанский вопрос***

Сама по себе германская политика в Турции относится к группе интересов, заключавших в себе хорошие отношения с Англией; она, следовательно, стоит в одном ряду с англо-германским финансовым альянсом в Восточной Азии, а также с Делагоанским соглашением, которое «Дисконтогезельшафт» старалось использовать, обрабатывая Сесила Родса в духе своей самоанской политики. Приглашение Родса в Берлин было не чем иным, как логическим следствием германской делагоанской политики. Со времени бурных дней начала 1896 года, когда д-р Джемсон, к ужасу Родса, «опрокинул тележку с яблоками», Родс как политик был уже мертв. Его хищное лицо расплылось от шампанского и сода-виски; тем, кто принимал его в Берлине, он показался опустившимся крестьянином-колонистом или в лучшем случае слишком неряшливым эксцентричным англичанином, и ему не могли простить, что вопреки этикету он явился к кайзеру в простой визитке[2]. Директор колониального департамента фон Бухка, которого лидер пангерманцев профессор Хассе давно упрекал в сотрудничестве с «Дисконтогезельшафт» и в конце концов свалил его с помощью группы Арнима, Петерса и вызванного сюда губернатора Восточной Африки фон Либерта, договорился с Родсом, что в порядке подготовки запланированной железной дороги от Кейптауна до Каира англичанам будет разрешено протянуть через Германскую Восточную Африку телеграфную линию. Но этим дело и кончилось. На первый план выступили новые факторы, с которыми нельзя было не считаться. Со времени болтливых заявлений о Делагоанском

---

[1] Карл Гельферих, впоследствии наряду с Артуром фон Гвиннером виднейший представитель багдадской политики, едко полемизировал с пангерманским направлением, которое портило ему гешефт (H e l f f e r i c h, Die deutsche Türkenpolitik, Berlin 1921, S. 14).

[2] О посещении Родсом Берлина см. B ü l o w, op. cit., 1. Bd., S. 283 ff. О политических результатах см. GP, 14. Bd., S. 281, Anmerkung, а также H e r m a n n F r e i h e r r von E c k a r d s t e i n, Lebenserinnerungen und politische Denkwürdigkeiten, Leipzig 1919, 3. Bde., 1. Bd., S. 313 ff. u. 2. Bd., S. 386 ff

* По истории Багдадской железной дороги на этой ранней стадии см., в частности, L a n g e r, Diplomacy, chap. XIX (vol. 2, p. 629 ff.). Эта глава содержит большой материал и об общей политике Германии в отношении Турции. Новая полезная монография о дипломатической стороне постройки дороги — J o h n B a p t i s t W o l f, The Diplomatic History of the Bagdad Railroad, Diss. University of Minnesota 1933. Хорошим очерком всего вопроса, особенно же французской закулисной деятельности, является работа L o u i s R a g e y, La Question du Chemin de Fer de Bagdad, Paris 1935.

** Эта глава в свое время была также изложена лишь кратко из-за того, что ожидался выход работы Вагтса, которая, кстати, содержит исчерпывающее изложение самоанского вопроса.

соглашении, которыми Англия умышленно сорвала германские планы относительно займов, тот факт, что буры оставлены на произвол судьбы, уже не был тайной для германской общественности. Антибританская волна обрушилась на правительство. Все, кто исповедовал взгляды аграриев, консерваторов, антисемитов, промышленников, национал-либералов, среднего сословия, прусской военщины, сторонников протекционистских тарифов, противников свободной торговли, были за буров. Императрица в письме Бюлову спрашивала, как ей обращаться с Родсом,— несколько холодно или любезно. По своей охоте, заявила она, она выбрала бы первое[1]. Сесилу Родсу легко было проявлять щедрость за счет других народов, чтобы успокоить Германию[2].

Море бушевало и требовало жертв. Но «Дисконтогезе́льшафт» сумело ловко использовать антианглийские настроения тех дней, чтобы, если понадобится, силой добиться того, что Англия не собиралась предоставить добровольно. Генрих фон Куссеров, родич Ганземана и основатель Германского Самоа, объединял свою агитацию за расширение флота с пропагандой за Диско, остров на Тихом океане[3]. Эту внешнюю политику проводила все та же немногочисленная группа влиятельных лиц[4]. Вообще «Дисконтогезельшафт» было тогда в Берлине козырем. В марте 1899 года его отпрыск, Ново-Гвинейская компания, конгломерат богатейших людей, каких только можно было найти в Германии, как «нуждающаяся» добилась субсидии в 4 миллиона марок[5]. Куссеров был заодно с Тирпицем, который уже давно продвигал самоанский вопрос[6]. В Самоа на договорных началах был учрежден кондоминиум Англии, Германии и Соединенных Штатов; начавшаяся с августа 1898 года борьба за власть вела к неурядице и в результате к расколу среди великих держав. У Бюлова были свои заботы: он испытывал враждебное отношение английского и особенно американского империализма, который, борясь против империализма кайзеровского рейха, в манере своего времени рядился в тогу демократии и стремился добиться эффекта такими выражениями, как «piratical and landgrabbing propensities of Germany», а с другой стороны, он испытывал и давление германской общественности, которая требовала, чтобы острова Самоа стали немецкими. Серьезная внутриполитическая опасность, которой постоянно угрожала ему тогда, особенно в 1899 году, коалиция аграриев, яростно выступавшей за расширение флота промышленности, правой прессы и «Дисконтогезельшафт», появившиеся слухи о кандидатуре в канцлеры Герберта Бисмарка или даже Тирпица[7] — все это заставило статс-секретаря ведомства иностранных дел со свой стороны прибегнуть к опаснейшему

---

[1] См. B ü l o w, op. cit., 1. Bd., S. 290 ff.

[2] Особенно энергично он выступал тогда за германскую экспансию в районе Евфрата и Тигра и собирался даже похлопотать за самоанские интересы господина Ганземана (GP, 4068, Гатцфельд — Гогенлоэ, 14 апреля 1899 г.).

[3] См. некролог по случаю смерти Генриха фон Куссерова в «Кёльнише цейтунг» от 16 октября 1900 г.

[4] См. «Diskontogesellschaft», S. 226 ff. Общество торговли и плантаций на островах Южных морей, собственно, единственно заинтересованное в аннексии, было весьма тесно связано обычным способом, т. е. через третью компанию, с «Дисконтогезельшафт» (M ü n c h, op. cit., S. 224 ff.)

[5] К Ново-Гвинейской компании принадлежали в числе прочих представители «Дисконтогезельшафт» барон фон Эккардштейн, Прётцель, Фридрих Гаммахер, фон Ганземан, князь Хатцфельд-Трахенберг, граф Хенкель-Доннерсмарк, герцог фон Уэйст, металлоторговец Равенэ, Вернер фон Сименс, граф Штольберг-Вернигероде, Адольф Вёрман.

[6] См. E c k a r d s t e i n, op. cit., 2. Bd., S. 39 ff. В социологическом отношении работа Эккардштейна крайне необходима для понимания документов. Для ознакомления с деталями я опять вынужден отсылать к изложению документов в работе Беккера (op. cit., S. 101 ff.). Приведенное Эккардштейном заявление Тирпица на высочайшее имя, по-видимому, идентично напечатанному в пятом томе GP документу Тирпица.

[7] См. E c k a r d s t e i n, op. cit., 2. Bd., S. 41 ff.

оружию. В апреле 1899 года он стал открыто угрожать Англии разрывом отношений. В этот момент в рейхстаге перешли в наступление пангерманцы. К ужасу левого крыла либералов, национал-либеральный фронт выставил в качестве своего оратора самого энергичного человека, какого только можно было найти. 15 апреля пангерманец д-р Леер произнес такую резкую антианглийскую речь, подобная которой редко произносилась в рейхстаге[1]. Подлинной причиной общего возбуждения были не столько острова Самоа как таковые — ведь они интересовали лишь весьма небольшой круг лиц,— сколько начавшаяся борьба из-за таможенных тарифов, а также политика «сплочения» министра финансов Микеля. Когда Соединенные Штаты, а также — перед лицом обострения бурского вопроса — и англичане фактически уступили давлению Бюлова и согласились с предложением Германии создать комиссию по урегулированию самоанского вопроса[2], официозная публицистика выдала подлинные мотивы, которыми руководствовались аграрии. «Совершенно точно известно,— говорилось, например, в «Кёльнише цейтунг»[3],— откуда появились эти болезненные явления. Аграрии (или по крайней мере их крайнее крыло) надеялись, что самоанский вопрос получит такое развитие, что из-за него дело дойдет до экономической войны с Соединенными Штатами Америки».

При таком положении вещей напряжение все усиливалось; в мае, когда бурский вопрос близился к окончательному разрешению, Вильгельм II по совету Бюлова решился направить английской королеве Виктории такое резкое письмо[4], что она вынуждена была ответить ему: в таком тоне еще никогда ни один суверен не писал другому, тем более своей бабушке[5]. Настроение в ведомстве иностранных дел упало, что называется, до нуля. Нервы германского посла в Лондоне не выдержали. Казалось, никто не мог противопоставить что-либо эффективное постоянному давлению флотских и колониальных кругов на кайзера. Относящиеся к тому периоду документы ведомства иностранных дел доказывают не столько правильность или ошибочность логических построений Гольштейна как таковых, сколько невозможность решить неразрешимые задачи как посредством логических конструкций, так и без них. Ведомство иностранных дел хотело бы обменять Самоа на концессии в других районах. Однако документ, разработанный в этом духе советником посольства фон Эккардштейном совместно с Чемберленом, натолкнулся на ожесточенное сопротивление адмирала Тирпица. Тирпиц направил на высочайшее имя заявление, которое Гольштейн называл в высшей степени пустомельным документом, пропитанным кровавыми слезами и рассчитанным на психику кайзера[6]. Время для вмешательства Тирпица было выбрано удачно. Начавшаяся англо-бурская война позволила Бюлову уступить морским кругам и спасти остров Диско.

Решение самоанского вопроса затянулось так сильно не в последнюю очередь из-за того, что «Дисконтогезельшафт» хотело использовать положение дел в Южной Африке для строительства железной дороги, которая открыла бы бурам, потерявшим Делагоа, путь к Атлантическому океану, а тем самым и позволила бы «Дисконтогезельшафт» освоить район Отави

---

[1] Леер в рейхстаге, 15 апреля 1899 г.
[2] См. L e u ß e r, op. cit., S. 36.
[3] «Kölniche Zeitung» v. 15.4.1899.
[4] См. GP, 4074, Вильгельм II — королеве Виктории, 22 мая 1899 г.
[5] См. GP, 4076, королева Виктория — Вильгельму II, 12 июня 1899 г.
[6] См. E c k a r d s t e i n, op. cit., 2. Bd., S. 39. Относительно возражений против эккардштейновского изложения вопроса вообще следует еще раз заметить, что дело здесь не в оценке политических подробностей и «правильной» или «неправильной» политической деятельности, а в разъяснении общественных противоречий. С этой точки зрения публикация Эккардштейна является очень ценной.

с его рудниками[1]. Политика «Дисконтогезельшафт» была, следовательно, весьма двусмысленной: в зависимости от интересов она носила то англофобский, то англофильский характер.

В то время как аграрное крыло всего этого фронта антианглийских интересов не могло удовлетвориться даже успехом Бюлова в самоанском вопросе и преувеличенным негодованием по поводу уступчивости Германии во второстепенных вопросах открыто давало понять, что для него здесь дело шло о значительно большем, нежели только о самоанских и колониальных интересах[2], другое крыло этого комплекса интересов считало себя уже у цели. Самоа сделали свое дело: новый германский закон о флоте был принят.

Военная промышленность и закон о строительстве флота

Чтобы продвинуть закон о строительстве флота и осуществить постройку новых кораблей, стали использовать кажущееся проявление робости Германии перед силой и авторитетом Англии в качестве повода для возбуждения общественного мнения. Следовательно, вопрос о Самоа являлся лишь предлогом в национальных рамках. Одной из наиболее существенных подлинных причин агитации была заинтересованность промышленности, особенно Крупна и Штумма, в поставках стали для военного кораблестроения[3].

В отличие от предшествовавшего развития, когда перегруженная заказами тяжелая промышленность предоставляла вести флотскую пропаганду пароходным компаниям и другим кругам, теперь она начала действовать и в этой области якобы в интересах стабилизации конъюнктуры; основанный первоначально фабрикантом рыбьего жира Имперский морской союз попал под непосредственный контроль Крупна и вскоре под новым названием Германского флотского союза приобрел широкое политическое значение[4]. Орудием Круппа был здесь моравский еврей Виктор Швейнбург, чьи газетные корреспонденции вдохновлялись как Центральным союзом германских промышленников, так и Круппом. Крупп передал Швейнбургу руководство своей газетой «Берлинер нейесте нахрихтен», которой аккомпанировал орган флотских кругов — газета «Пост» барона фон Штумма.

Завербовать профессоров берлинского университета в основанный промышленниками новый Флотский союз не удалось (в университетских кругах колебались связывать науку с гешефтом), зато Швейнбург благодаря своим тесным связям с группой свободных консерваторов, с председателем Немецкого общества морской торговли Октавио фон Цедлицем и прусским министром финансов Микелем более или менее уверенно рассчитывал привлечь на свою сторону аграриев. Выбор такого пути со всей очевид-

[1] См. GP, 4104, Бюлов — Гатцфельду, 8 октября 1899 г. Речь идет здесь об уже упоминавшемся выше проникновении в формально португальский Тигреш-бей. История этой попытки «Дисконтогезельшафт» из-за недоступности колониальных документов, относящихся к данному периоду, все еще недостаточно ясна. Мне кажется, что «Дисконтогезельшафт» в связи с Делагоанским соглашением сначала рассчитывало на сотрудничество с Сесилом Родсом, но затем ввиду приближавшейся англо-бурской войны ухватилось за идею будто бы национальной эксплуатации этого участка железной дороги, хотя в конце концов после решающего поворота в англо-бурской войне и вынуждено было отказаться от своего проекта, тем не менее обеспечив себе участие в запланированной Родсом дороге Кейптаун—Каир.

[2] О разочаровании антисемитски настроенных пангерманских и аграрных газет см. в «Кёльнише цейтунг» от 16 ноября 1899 г.

[3] См. K e h r, op. cit., S. 174 ff.

[4] К этому и последующему см. K e h r, op. cit., S. 168 ff.

ностью предполагал необходимость заставить руководство империи согласиться с политикой «сплочения», которой уже давно добивался министр финансов Микель и основная идея которой состояла в том, чтобы создать комбинированную систему промышленных и аграрных пошлин и сделать ее финансовым базисом флотской политики, дабы подобным образом одновременно ублаготворить и кайзера, и промышленников, и помещиков — разумеется, за счет потребителя. Несмотря на привлекательные для всех участников стороны такого маневра, успех его нельзя было предугадать с абсолютной точностью. Крупные помещики, в ходе экономического развития превратившиеся в предпринимателей, сумели, будучи хорошими калькуляторами, холодной сдержанностью и даже отрицательным отношением добиться максимальных уступок. Общее сопротивление новому флотскому закону достигало такой степени, что статс-секретарь имперского военно-морского ведомства счел необходимым привлечь для своих целей частные верфи и предприятия и для этого посетил их лично. Это было, впрочем, весьма обоюдоострое средство, которое способствовало тому, что еще до принятия второго закона о строительстве флота образовался картель фабрикантов никелевой стали, чтобы диктовать военно-морским силам свои условия[1].

Промышленность стремилась получить возмещение за то, что аграрии, у которых страх перед ввозом зерна из-за границы всегда брал верх над всеми прочими соображениями, летом 1899 года отклонили важный законопроект о сооружении канала, который должен был открыть путь промышленности Рура к потребительскому центру — столице империи[2]. Отказ от повторного внесения законопроекта о канале стал теперь одним из важнейших условий согласия сельских хозяев на принятие закона о строительстве флота. В начале октября 1899 года Микель, эта лисоподобная помесь карьеризма, снобизма, аграрнокредитных интересов и требований зерновых пошлин, сделал более хитрую, чем когда-либо, попытку отговорить кайзера от постройки канала, предложив ему денежные средства на расширение флота. Это был план столь же омерзительно разумный, как и крайне глупый, так как подлинно заинтересованные во флоте лица, носители флотской политики, оказывались при этом обойденными. Тирпиц, вероятно, остерегался принятия таких предложений[3], кайзер же по своей привычке слушал только тех, кто ему поддакивал; его привязанность к флоту росла вместе с ростом симпатий к Микелю. В годовщину Лейпцигской битвы народов, когда кайзер после освящения в Гамбурге линейного корабля произнес в сенате знаменитые слова: «Мы крайне нуждаемся в сильном флоте», Рейнеке Лис уже воображал себя в кресле мертвого льва. В правительстве же в связи с этим царило замешательство: как это часто случалось, оно было захвачено врасплох как кайзеровской речью, так и флотской программой и тем менее могло протестовать против такой программы, что разразившаяся англо-бурская война создала для проведения нового закона о строительстве флота неповторимую внешнеполитическую ситуацию. К ужасу Гогенлоэ, Тирпиц, чтобы примирить Центр с флотом, предложил отменить закон против иезуитов. Старый канцлер,

---

[1] Бебель, выступая в рейхстаге 12 декабря 1899 г., упоминал, что благодаря германскому железопромышленному картелю фабриканты никелевых плит зарабатывают на каждом килограмме одну марку восемьдесят пфеннигов. На том же заседании Тирпиц признал, что он лично объезжал предприятия и в секретном порядке обращал внимание их владельцев на необходимость подготовки к усилению флота. По его словам, он даже набросал организационную программу. Но двумя днями позже Ойген Рихтер вскрыл корни пропаганды в пользу морских вооружений и указал также, что средства, необходимые для покрытия дополнительных издержек, должны быть собраны за счет сельского хозяйства посредством компенсационных пошлин на зерно.

[2] О проекте канала и флотском вопросе см. K e h r, op. cit., S. 172 ff.

[3] См. H o h e n l o h e, op. cit., 3. Bd., S. 531 ff. Гогенлоэ — принцу Александру, 6 октября 1899 г.

казалось, был вынужден выбросить за борт последний из принципов, с которыми он пришел в правительство[1]. Упираться было невозможно; Микель, как когда-то Герберт Бисмарк, подверг опасности канцлера, который в этих вопросах задел кайзера[2] за живое. Слабая попытка имперского правительства использовать старые южногерманские антипатии по отношению к прусскому министру финансов, симпатизировавшему аграриям, и с помощью великого герцога Баденского отвязаться от Микеля[3] провалилась; нельзя было всерьез рассчитывать на то, что в данный момент удастся устранить человека, который был тем незаменимее для примирения аграриев с флотским законопроектом, что лидер Центра Франц Либер чувствовал себя, пожалуй, еще более «скомпрометированным» новыми флотскими требованиями правительства, чем два года назад[4]. Но так же мало, как Гогенлоэ, боявшийся тени Микеля, мог противиться кайзеру и Тирпиц; впрочем, начальник морского кабинета фон Зенден в этом вопросе подталкивал монарха быстрее, чем этого желал сам глава имперского военно-морского ведомства. Лица из непосредственного окружения кайзера старались превзойти самих себя, стремясь выполнить его волю. Даже чиновники военно-морского ведомства не могли скрыть чувства изумления, слушая, например, генерал-адъютанта фон Плессена, фантазировавшего о сухопутной войне с Англией[5].

Сумасбродной натуре Вильгельма II была совершенно не по плечу двойная задача: предотвратить войну с Англией, в чем были особенно заинтересованы морские круги, и, с другой стороны, сделать возможным строительство флота с помощью антианглийской агитации. Оскорбительнейшие выпады против Англии[6] и бьющее через край дружелюбие менялись у него, как погода в апреле.

Разумеется, давно подготовленная агитация в пользу флота была направлена против Англии, и англо-бурская война была превосходной почвой для этого. Однако сначала лишь газеты тяжелой промышленности заявили о своем согласии с новым увеличением флота. Консерваторы казались захваченными врасплох, «Рейхсботе» сражалась в духе Микеля за компенсацию в виде отказа от сооружения канала[7]. «Дейче тагесцейтунг» требовала проведения аграрной политики. При этом аграрии оказались перед настоящей дилеммой. «Они ненавидели,— говорил один проницательный наблюдатель[8], — капиталистическо-индустриальную Англию, ибо боялись ее как прообраза будущего германского развития», и, следовало бы добавить, пытались застопорить импорт зерна из-за океана. И в то же время к флоту, предназначавшемуся именно для борьбы против этой Англии, отнесились крайне сдержанно. При таких обстоятельствах вопрос о втором флотском законопроекте был просто делом торга. Надо было только предоставить аграриям компенсации за гешефт промышленности. Озлобление правых было по-прежнему на руку преимущественно отрицательно настроенным левым и социал-демократам. Одни старались насолить другим, разоблачая деловую практику договаривавшихся сторон. Со злорадством набро-

[1] См. Hohenlohe, op. cit., 3. Bd., S. 533 ff., Бюлов—Гогенлоэ, 25 октября 1899 г.

[2] Ibid., S. 535, Гогенлоэ — Бюлову, 27 октября 1899 г.; S. 537, запись от 5 ноября 1899 г.

[3] Ibid., S. 539 ff., великий герцог Баденский — Гогенлоэ, 10 ноября 1899 г.

[4] Ibid., S. 545, запись от 15 ноября 1899 г. Либер, автор отзыва о самом себе как о «скомпрометированном европейце», воскликнул трагически: «Я не заслужил этого!» Идиллически-патриархальный тип политика.

[5] См. Eckardstein, op. cit., 2. Bd., S. 44 ff. (изложение разговора с Плессеном и адмиралом Бендеманом).

[6] См. Hohenlohe, op. cit., 3. Bd., S. 548 ff. Гогенлоэ —.принцу Александру, 6 декабря 1899 г. Это было непосредственно вслед за посещением им Англии. Одновременно кайзер напустился в этом же духе на регентшу Голландии.

[7] См. Kehr, op. cit., S. 179.

[8] Ibid., S. 180.

силась антисемитская пресса на разоблачения «Мюнхнер пост» об основах флотской агитации[1]. Генеральный секретарь Флотского союза Швейнбург, который пользовался покровительством тяжелой промышленности и связанного с ней председателя союза принца Вида, из тактических соображений вышел в отставку. Фирма изменилась, но владельцы остались те же[2].

Этот небольшой инцидент, характерный как для всей атмосферы вообще, так и для каждого из подобных происшествий в отдельности, не мог воспрепятствовать великому ходу событий[3]. Чтобы добиться принятия флотского закона, любое средство не было чересчур сильным. В конце марта 1900 года Бюлов прямо заявил в комиссии: два года назад он еще мог говорить депутатам, что не существует опасности войны с Англией, теперь он не может сказать этого[4]. Крупные землевладельцы, которым антианглийское направление политики само по себе больше не было несимпатичным, выдвигали на первый план не столько проблему строительства флота как таковую, сколько вопросы тягот и компенсаций. Едва ли существовал объект для компенсации, который при этом не подвергался обсуждению; когда по вопросу о ввозе мяса из Америки не удалось преодолеть оппозицию крупных пароходных линий, которые как чумы боялись германо-американской торговой войны, с тем большей энергией было развернуто наступление в вопросе о зерновых тарифах[5]. В итоге дело энергично стало продвигаться вперед;

---

[1] См. в книге K e h r, op. cit., S. 184 ff.

[2] Подробное изложение см. Ibid., S. 185 ff.

[3] Здесь я имею в виду скандалы, охарактеризованные Кером на стр. 184 с социологической точки зрения. Кроме изложенного у Кера случая с Адольфом Вёрманом, судовладельцем, крайне заинтересованным в строительстве флота, речь идет главным образом еще об афере Дидериха Хана. Хан в качестве директора Союза сельских хозяев высказался в беседе с одним из депутатов от Партии центра «против отвратительного флота», создание которого «не следует санкционировать». Центр тактически использовал этот случай. Депутат Смула, которому якобы было сделано такое заявление, позднее частично отказался от своей версии. По-видимому, главным виновником был не Хан, а издатель аграрной «Корреспонденц» Эдмунд Клаппер. «Кёльнише цейтунг» констатировала это в номере от 4 ноября 1902 г. в связи с высказываниями резко антиаграрно настроенного крестьянского лидера д-ра Гейма («Кёльнише цейтунг», от 25 октября 1902 г.), который в качестве баварского крестьянского лидера твердо держался первоначальной версии Центра.

[4] Важное указание на сей счет, почерпнутое из дневников г-жи фон Гейкинг, см. у Кера (op. cit., S. 201).

[5] Связь между вопросами осмотра мяса и зерновых тарифов как компенсации за постройку флота в настоящее время можно благодаря мемуарам Гогенлоэ проследить глубже, чем это мог сделать Кер. По Гогенлоэ (op. cit., 3. Bd., S. 565), Риккерт, в партии которого правительство весьма нуждалось, 3 марта 1900 г. вмешался в вопрос об осмотре мяса, который приводил в возбуждение ганзейские города, торговые круги и крупные пароходства. Статс-секретарь граф Позадовский, один из поборников политики «сплочения», проявил 6 марта 1900 г. оптимизм в духе аграриев, тогда как «Северогерманский Ллойд» и ГАПАГ в страхе обратились к канцлеру (H o h e n l o h e, op. cit., 3. Bd., S. 556, запись от 3 марта 1900 г.). Гогенлоэ воспринял порывы аграриев не слишком трагически (H o h e n l o h e, op. cit., 3. Bd. запись от 7 марта 1900 г.), так как, по его мнению, Центр не мог отважиться на роспуск рейхстага из-за проблемы осмотра мяса. Но из всего этого весьма быстро развился кризис, так как Союз свободомыслящих в случае принятия правительством предложения комиссии рейхстага об осмотре мяса угрожал голосовать против флота (H o h e n l o h e, op. cit., 3. Bd., S. 567, запись от 9 марта 1900 г.). С другой стороны, Хан как руководитель Союза сельских хозяев выступил 9 марта против предложений комиссии, ибо они шли недостаточно далеко. Это привело кайзера в чрезвычайное возбуждение (H o h e n l o h e, op. cit., 3. Bd., S. 568, Бюлов — Гогенлоэ, 15 марта 1900 г.), так как из Бремена и Южной Германии подстрекали против закона. Министерство, обсуждавшее 15 марта вопрос об осмотре мяса, считало, что закон о строительстве флота находится в опасности, так как Центр, консерваторы и национал-либералы из страха перед Союзом сельских хозяев выступили против компромисса. Однако, после того как эти партии самым бесцеремонным образом выжали из упиравшегося статс-секретаря фон Тильмана заявление, что союзные германские правительства будто бы готовы настойчиво оберегать интересы немецкого сельского хозяйства и оказывать защиту его продукции, в том числе при заключении новых торговых договоров, Центр и консерваторы 23 мая согласились на компромисс в вопросе об осмотре мяса, по которому ввоз колбас, консервированного мяса и консервов был запрещен, а вызывавший споры

за незначительную уступку в политике ввоза мяса было выторговано категоричное заявление статс-секретаря в пользу зерновых пошлин. Именно строительство флота — по сути дела уступка в пользу экспортной промышленности — привело, как это на первый взгляд ни парадоксально, к отказу от торговой политики Каприви. Теперь Союз сельских хозяев бросился очертя голову вперед, да и в Центре решающим фактором для проведения флотского законопроекта было не столько привлечение лидера Центра Либера посредством предложения ему поста в государственном аппарате, сколько пробуждение аграрных интересов[1]. Таможенный тариф 1902 года — непосредственный результат этого выхода Германии на арену мировой политики. Весьма значительное правительственное большинство в вопросе строительства флота укрепило правительство в его политике относительно Англии, а эта политика в свою очередь проводилась с целью сохранить указанное большинство[2].

Визит кайзера в Англию и немецкая общественность

В ноябре 1899 года состоялся наконец долго обсуждавшийся визит кайзера в Англию. Статс-секретарь фон Бюлов сопровождал кайзера в качестве ментора, чтобы придать ему твердость и вооружить его против давнишних приманок англичан, стремившихся прикрыть тыл своей восточноазиатской и южноафриканской экспансионистской политики союзом с Германией.

Эта задача была действительно нелегкой. Правда, еще в октябре 1899 года, когда напряженные отношения между британцами и бурами привели к войне, кайзер высказал голландской королеве столь резкое мнение об Англии, что королева-мать, несмотря на всю симпатию к бурам, спросила статс-секретаря, не является ли такая позиция неосторожной[3]. Однако тот, кто знал Вильгельма II, мог предположить, что в Англии он будет высказываться как раз в противоположном смысле. Великобритания мобилизовала все силы, чтобы пленить внука королевы. Двор, правительство и пресса сердечно встретили немецкую императорскую чету. Но сразу же после большого банкета в Виндзоре, который официозная Англия посвятила идее англо-германского политического сотрудничества, выяснилось, что кайзер хорошо усвоил урок, преподанный Бюловым. Точно так же, как и статс-секретарь, он воздерживался от каких-либо обещаний относительно заключения союза[4]. Бюлову, так же как и кайзеру, пришлось выдерживать натиск

ввоз солонины был лишь затруднен (сообщение «Франкфуртер цейтунг» от 27 апреля 1900 г.). Издержки на флот были номинально покрыты за счет удвоения биржевого налога и налога от клеймения, штемпелевания фрахтовых свидетельств и пассажирских билетов на морских линиях, обложения налогом шипучих вин, ликеров, сигар, сахарина, а в действительности за счет займов. Центр сумел блестящим тактическим приемом соединить полезное с приятным и зарезервировал высокие пошлины для обеспечения вдов и сирот, чтобы явить своим левым элементам облик христианского милосердия и одновременно предотвратить усиление самостоятельности государства.

[1] В эти решающие дни Либер был болен. О желании соблазнить его посредством предложения государственного поста (по инициативе Микеля?) см., например, в «Кёльнише цейтунг» от 5 апреля 1902 г.

[2] В этот империалистический период состав рейхстага почти не изменился по сравнению с составом 1893 г. В 1898 г. в рейхстаг были выбраны 56 социалистов (против 48), 13 членов Союза свободомыслящих и 30 членов Свободомыслящей народной партии (против 37 членов обеих партий в 1893 г.), 99 (97) членов Партии центра и 87 (100) консерваторов. Число национал-либералов осталось почти без изменения. В целом левые несколько укрепили свои позиции.

[3] См. B ü l o w, op. cit., 1. Bd., S. 301.

[4] См. GP 4398 запись Бюлова от 24 ноября 1899 г.

пожеланий о союзе со стороны британских министров и двора[1]*. С присущей ему изворотливостью он успешно выполнил стоявшую перед ним задачу сохранить мирные отношения с Англией, не привязывая Германию и Англию друг к другу. Так или иначе, большинство в рейхстаге и тем более огромное большинство немецкого народа сожалело об этой поездке и не одобряло ее[2]. В связи с началом открытой войны между Англией и бурами она стала прямо-таки нетактичной. Императрица до самого последнего момента пыталась помешать поездке. Придворные дамы ее величества говорили об английском корыстолюбии. Антикапиталистический вариант, с помощью которого кайзер впоследствии пытался придать смысл мировой войне, господствовал тогда при дворе и в обществе. Бюлов понимал свои внутриполитические задачи. Предстояло отстаивать флот перед рейхстагом. «Если же Германия свяжет себя договором с Англией,— снова и снова убеждал он себя,— то это будет являться в большей или меньшей степени отказом от германских флотских планов»[3]. Неужели Германия должна отнять у своих промышленников, кроме блестящего и прибыльного дела строительства флота, еще и возможность померяться силами с самым мощным промышленным государством мира за области, не развитые в капиталистическом отношении? Бюлов не хотел компрометировать себя в рейхстаге и при дворе. Никакие прогерманские настроения английского двора и английской прессы не могли скрыть того, что в конце концов речь шла о содействии сохранению капиталистической основы того блеска и роскоши, которыми Виндзор окружил немцев. Конечно, Германия на первых порах также не была склонна заполучить себе врага в лице этого иностранного империализма, и посещение кайзером Виндзора скорее имело целью устранить на возможно более долгий срок угрозу разрыва англо-германских отношений. Эта позиция отвечала не только интересам финансовых верхов, но и, как уже указывалось, стремлениям флотских кругов, которым союз с Англией был, правда, не нужен, но еще длительное время не нужна была и война. Кроме того, она соответствовала также интересам германской военной промышленности, так как, хотя последняя из-за поставок и приветствовала длительную борьбу между Англией и бурами, вмешательство стран континентальной Европы явилось бы помехой для прибыльных поставок, которые связывали ее не только с бурами, но и с самой Англией[4].

---

[1] О визите кайзера и его политических последствиях см., например, в книге Беккера (op. cit., S. 134 ff.) и, кроме того, теперь, конечно, описание Бюлова в его «Denkwürdigkeiten», 1. Bd., S. 303 ff.

[2] См. B ü l o w, op. cit., 1. Bd., S. 103.

[3] См. B ü l o w, op. cit., 1. Bd., S. 116. Этот мотив, который Ойген Фишер считает лейтмотивом всей германской политики вообще, учитывался Бюловым, пожалуй, даже если отвлечься от объективной социологической позиции, также и субъективно гораздо меньше, чем он пытается уверить теперь (1932). Несомненно, союз с Англией повлек бы за собой огромные трудности для Германии, учитывая, что Тройственный союз переплетался с интересами широко разветвленной Британской империи и что были возможны русско-английские столкновения в Азии. Однако, с другой стороны, сомнения в отношении англо-германского союза ощущались главным образом в тех кругах, где подобные соображения, пожалуй, вряд ли имели место.

[4] Согласно сообщению «Форвертс» от 6 марта 1900 г., Крупп поставлял броневые плиты в Англию, что подтверждается данными военно-морских журналов. На крупповские поставки гранат в Англию жалуется также барон фон Дюран в палате господ. Кроме крупповских, Англия получала поставки и от Эрхардта, например в конце 1900 г. 900 вагонов боеприпасов для стрелкового оружия, а также 54 тысячи артиллерийских снарядов и 18 скорострельных орудий, что встретило одобрение «Кёльнише цейтунг» (см. номер от 7 декабря 1900 г.). С другой стороны, однако, и буры продолжали делать заказы Круппу, по крайней мере вплоть до начала войны. В июне 1899 г. эта южноафриканская республика заказала в Эссене 25 скорострельных и некоторое количество крупнокалиберных орудий («Germania», 24.6.1899). Немецкая винтовка Маузера была объявлена Народным советом буров национальным оружием («Germania», 25.6.1899). Уже 14 августа 1899 г. Португа-

* Об этом см. G. G a r v i n, Life of J. Chamberlain, London 1932—1934, vol. 3, p. 501 f.

Социологическая подоплека англо-бурской войны

Такие поставки на обе стороны имели место не только в так называемых нейтральных странах, но даже в самой Англии. Усилия Чемберлена, стремившегося занять пост премьер-министра, в направлении создания германо-англо-американского союза и в 1898 году и теперь объяснялись как политической потребностью Англии в равновесии сил, имевшей решающее значение, так и его личными интересами. Семейство Чемберленов являлось одним из крупнейших акционеров динамитной фабрики в Киное, которая пыталась обеспечить себе большие прибыли, сломив монополию нобелевского треста по снабжению Трансвааля динамитом, и которая, кроме того, странным образом получила от английского правительства заказы на динамит по ценам более высоким, чем этого смогли добиться другие фирмы. Наряду с этим семейство Чемберленов активно участвовало в торговле оружием. Фабрика в Киное, а также Бирмингемские оружейные заводы поставляли боеприпасы одновременно Англии и бурам[1].

Кстати, нобелевский трест также работал на обе стороны. Если он,

---

лия задержала в бухте Делагоа пароход «Рейхстаг» с 15 тысячами винтовок. Тогда эта поставка являлась формально легальной, что побудило Англию к активной борьбе за закрытие гавани Делагоа для военных материалов (согласно BD, vol. I, № 323, Лэсселс—Солсбери, 28 февраля 1900 года, кайзер лично содействовал получению Круппом английских заказов, правда, лишь на период после англо-бурской войны). Вряд ли нужно доказывать, что военные промышленники, если только хотели, всегда находили средства и пути, чтобы умело обходить препятствия во время войны. Интересные детали об этом см. в «Кёльнише цейтунг» от 29 сентября 1899 г.

[1] Об этой странной деятельности Чемберлена очень много писалось еще в период англо-бурской войны. Во время процесса об оскорблении, который вел брат министра колоний Артур Чемберлен против «Морнинг лидер» — органа сторонника буров У. Т. Стида, хотя и было достигнуто формальное осуждение обвиняемого, однако одновременно был вскрыт ряд фактов, серьезно компрометировавших самого министра. Выяснилось, что Кинохская компания, даже еще не начавшая производить динамит, продала его правительству по более высоким ценам, чем другие поставщики взрывчатых веществ. Вначале обществу приходилось покупать динамит у Нобеля. Эта сделка с правительством была столь прибыльной, что позже Артур Чемберлен требовал от Нобеля 100 тысяч фунтов стерлингов за продажу своей «фабрики». Далее в ходе процесса, несмотря на заявление министра колоний в палате общин, что он ни прямо, ни косвенно не участвует в компаниях Бирмингемского треста по производству оружия (куда наряду с несколькими другими предприятиями входило Кинохское), за исключением немногих акций той или иной компании, которым он не придавал значения, оказалось, что из 7286 акций этого треста не менее 6800 принадлежали супруге и дочери, сыну, братьям и другим родственникам министра. Его сын Остин Чемберлен, впоследствии министр иностранных дел, после назначения его гражданским лордом адмиралтейства купил 600 акций этого треста, после чего акции повысились в цене. Все эти данные взяты из официозного сообщения весьма англофильской «Кёльнише цейтунг» от 27 марта 1901 г. о процессе Артура Чемберлена против «Старнерс компани». А Бирмингемские оружейные заводы, также входившие в этот трест, поставляли ружья бурам, одержав верх над немецкими конкурентами («Крейццейтунг» от 10 ноября 1899 г.). Английское правительство воспользовалось, наконец, поводом для закрытия портов Капской колонии как английского доминиона из-за контрабандной поставки оружия бурам (см. официозное заявление английского министра финансов в «Кёльнише цейтунг» от 13 октября 1901 г.). Дружественное отношение Капской колонии к бурам частично объясняется этими деловыми связями. Продажа британского оружия бурам вряд ли доставляла удовольствие принцу Уэльскому, будущему королю Эдуарду VII, который, наряду с финансовой верхушкой, был весьма заинтересован в победном исходе англо-бурской войны (см. GP, 6249, Вильгельм II — Бюлову, 12 октября 1905 г., с рассказом Баллина о беседе с Альфредом Бейтом). Бейт был крупнейшим спекулянтом и биржевым маклером Сити, одним из инициаторов англо-бурской войны и африканской аферы с рудниками. Он осуществлял все спекуляции его величества, являвшегося почти участником его сделок, и должен был все время доставать горы золота, так как тот тратил все больше и больше. Можно сказать: He runs the King*.

* Гарвин в изложении эпизода с Кинохской фабрикой («Chamberlain», vol. 3, p. 613 f.) подчеркивает bona fides своего героя, который задолго до англо-бурской войны приобрел акции этой фабрики, а позже отказался от них. Однако он не может отрицать, что эта фабрика являлась собственностью семейства Чемберленов и была очень заинтересована в успехе чемберленовской динамитной политики в Южной Африке.

с одной стороны, поставлял динамит для чемберленовских спекуляций, то, с другой стороны, можно сказать, что буры были у него в кармане в буквальном смысле слова. Члены Народного совета буров были куплены им. Так же как английская пресса и даже, как говорили, «Кёльнише цейтунг» и некоторые парижские финансовые газеты были подкуплены фирмой «Вернер Бейт и К°», так и нобелевский трест распределял деньги среди прессы буров[1].

Итак, нобелевские взрывчатые вещества подорвали как немецкую общественность, так и буров, из которых пресловутый д-р Лейдс и генерал Бота были полностью в руках нобелевского треста[2]. Дядюшка Крюгер также принимал в этом участие. Несколько брюзгливое благочестие этого популярного, но немного неопрятного и пропитанного запахом плесени колосса с низким, грубым голосом, шерстяным зонтом, потертым цилиндром и семьюдесятью пятью внуками прикрывало собой владение весьма значительным числом акций Делагоанской железной дороги из государственной казны, которые президент распорядился выделить лично для себя после своего бегства в Европу[3]. Предполагалось, что личные побочные доходы президента в 1899 году достигали десяти тысяч фунтов в год[4].

Золото и динамит оказались источниками коррупции. В то время как лондонская биржа праздновала начавшуюся войну благочестивыми песнопениями, а народ Трансвааля, так же как и немецкий корпус помощи бурам, с пением «Feste Burg»* выступил против англичан, на полях сражений под грохочущее «non olet» взрывался динамит одного и того же поставщика.

Все же британское военное командование было заинтересовано в том, чтобы английское оружие, поставленное бурам, не было слишком эффективным. От того, что гибли английские солдаты, могли погибнуть английские золотые копи, а этого допустить было нельзя. Итак, несмотря на сделки английской военной промышленности, надо было принять меры, чтобы война была решена в пользу Англии. Можно было по меньшей мере ликвидировать обременительную иностранную конкуренцию в торговле оружием и закрыть порт Лоуренсу-Маркиш для иностранного импорта оружия. Здесь, однако, англичане запутались в колючей проволоке договоров, гарантировавших Трансваалю закупку оружия в Португалии. Но английские государственные деятели нашли выход из положения. Из архивов на свет были вытащены старые документы 1624 и 1661 годов, в которых «достославные английские короли» и португальские принцессы обещали взаимно сочетаться браком и с этой целью поддерживать друг друга, из чего с непоколебимой логикой был сделан вывод, что провоз динамита через Лоуренсу-Маркиш в Трансвааль совершенно несовместим с упомянутыми договорами о браках[5].

---

[1] Представитель нобелевского треста получил в 1897 г. от своей компании 9100 фунтов стерлингов, в начале 1898 г.— 10 тысяч, а в августе 1898 г. — 20 тысяч фунтов стерлингов, чтобы настроить общественное мнение в пользу динамитной компании. Тем временем в Берлине представитель нобелевского треста адвокат И. Шарлах как одержимый атаковал ведомство иностранных дел. Он угрожал тайному советнику фон Мюльбергу, руководившему проанглийским курсом торгово-политического отдела, жалобой в высочайшую инстанцию (согласно документам Архива ведомства иностранных дел).

[2] Об этом см. итоги работы английского комитета по расследованию бурской монополии (здесь приведено по «Кёльнише цейтунг» от 29 октября 1900 г.).

[3] «Kölnische Zeitung», 28.11.1902.

[4] «Kölnische Zeitung», 9.10.1899.

[5] Очень трудно писать не в сатирическом тоне об англо-португальском секретном соглашении (BD, I, № 118, 14.10.1899). Я не могу солидаризоваться с мнением германских государственных деятелей, что это соглашение, по которому Англия и Португалия взаимно обещали охранять свои колонии и, следовательно, препятствовать провозу военных материалов, несовместимо с англо-германским соглашением о португальских колониях. Ведь охрана колоний Португалии не исключала согласия Англии на передачу их.

* Видимо, начальные слова лютеровского «Feste Burg ist unser Gott...». — *Прим. ред.*

Англо-бурская война и немецкая общественность. Новый отказ от предложения Чемберлена

Тем временем в Германии уклонялись от признания этих выводов. Военная промышленность чувствовала, что здесь она лишается части прибылей. Но, кроме того, начавшаяся война ставила под угрозу немецкую Делагоанскую железную дорогу, причем одновременно значение интересов по сбыту товаров в колониях все возрастало в связи с начавшимся на рубеже столетий кризисом сбыта[1]. Неужели в Германии могли пассивно наблюдать, как буры, которых Чемберлен после достижения англо-германской договоренности о Делагоа при поддержке всех английских дельцов, заинтересованных в золотых копях, шаг за шагом толкал к войне*, одерживали теперь победу за победой и как англичане в знаменитых сражениях последних месяцев истекавшего столетия терпели поражение за поражением на юго-западе и юго-востоке Трансвааля? Неужели Германии не следовало по меньшей мере попытаться, в случае необходимости пусть даже силой, нарушить соглашение о Делагоа, этот английский барьер против ввоза немецкого оружия? Целый узел интересов противостоял англичанам. К вновь вспыхнувшей дружбе с бурами прибавилась германская флотская агитация. Эта социологическая взаимосвязь объясняла тот политический феномен, что в конце ноября 1899 года немцы отвергли предложение иностранного министра, который по всей форме, открыто предлагал их государству союз с сильной соседней державой. Чемберлен, избравший в политической ситуации данного момента идею тевтонской расы и выступивший на следующий день после отъезда германского кайзера с речью в Лестере, в которой он ратовал за союз между Германией, Англией и Соединенными Штатами, встретил в Германии лишь иронию и насмешки**. Союз, при котором пошатнувшаяся держава стремилась пригвоздить к статус-кво восходившее государство, вызывал подозрение. Бюлов знал, что этот ненавистный представитель британского империализма сделал свою политическую карьеру, используя все партии и мировоззрения. Ему было известно, что ирландская фракция в палате общин называла его не иначе, как Иудой[2]. Ловкий дипломат воспользовался прекрасной возможностью сделаться популярным среди общественности, приняв позу Бисмарка. В резкой речи, в которой он отдал должное флотской агитации, он примерно так обошелся с ведущим английским деятелем, как если бы джентльмен, только что обедавший с другим в клубе, неожиданно дал тому пощечину, так как их кучера подрались на улице. Разумеется, англо-германские переговоры о союзе сразу же прервались. Будущий канцлер получил возможность еще раз неудачно повто-

---

другой державе, если бы Португалия заложила такую колонию. Впрочем, главное — отнюдь не в юридических уловках договора, а в соответствующих реальных фактах. Этот договор, ошибочно названный Виндзорским, явно не имел иной цели, кроме как помешать ввозу военных материалов через Делагоа, что не противоречило официозной германской политике. То, что будущий король Эдуард был особенно активным проводником этого соглашения, не удивительно, учитывая его заинтересованность в золотых копях. Однако германское правительство не имело повода особенно сердиться на него по этой причине.

[1] Для этой взаимосвязи очень характерно заявление «Бохумер ферейн фюр бергбау- унд гусштальфабрикацион» от 22 октября 1900 г., что в 1892 — 1895 гг., столь неблагоприятных для металлургической промышленности, предприятие удалось более или менее поддержать главным образом крупными поставками для Делагоанской дороги и что в скором времени как раз, по-видимому, создастся такое же положение, как и тогда.

[2] Правда, в своих «Denkwürdigkeiten» Бюлов ничего не говорит о сомнительных гешефтах Чемберлена, которые должны были быть ему известны. Подобные вопросы считались частным делом и почти никогда официально не упоминаются в дипломатии.

* О дипломатической предыстории англо-бурской войны см. L a n g e r, Diplomacy, vol. 2, chap. XVIII.

** Об этом эпизоде см. G a r v i n, op. cit., vol. 3, p. 506 ff. О полемике в прессе см. H a l e, op. cit., p. 211 ff.

рить действия основателя Германской империи. Когда английское адмиралтейство на рубеже столетий распорядилось задержать несколько пароходов компании Вёрмана, чтобы установить, продолжают ли они и во время войны доставлять оружие в Делагоа, имперское правительство воспользовалось этим инцидентом для того, чтобы побудить рейхстаг к принятию второго закона о флоте. Так же как Бисмарк с Мольтке и Рооном в 1870 году редактировали эмсскую депешу, так теперь Бюлов, Тирпиц и кайзер распили бутылку шампанского в честь английского военно-морского флота, который помог немцам в создании их флота[1]. В рейхстаге была инспирирована интерпелляция, которая произвела и вне его рассчитанное действие. Речь Бюлова по этому поводу была столь убедительной, что рейхстаг даже отказался от дебатов[2].

Среди немецкой общественности эта политика правительства получила отклик и поддержку. Промышленность приветствовала возможность пропаганды в пользу флота, некоторые предприятия надеялись даже на повышение сбыта в случае победы буров. Идеи пангерманцев распространялись; казалось, весь континент был единодушен в своей настроенности против английского империализма*. Немецкий народ и особенно немецкое среднее сословие видели в борьбе буров против английского финансового капитала свое собственное дело; при содействии Пангерманского союза был организован немецкий корпус помощи бурам. Правительство вело себя столь корректно и сдержанно, что для участия в борьбе в Южной Африке собралась лишь весьма смешанная и относительно небольшая группа. Ее руководитель, старый ландскнехт буров полковник Шиль[3], считавший этот поход одним из благородных видов спорта, уже в самом начале попал в плен в бою при Эландслаагте, где, кстати, погиб один из графов Цеппелин; напротив, немецкий майор Альбрехт отличился и как командующий артиллерией буров способствовал победе в известном бою при Колензо на юго-востоке бурского государства, где зимой 1899/1900 года буры отбивали постоянные попытки генерала Буллера деблокировать осажденный бурами Ледисмит в Натале. Менее умелыми, чем в данном случае в обороне, буры показали себя в наступлении; бурский генерал Кронье, продвигавшийся на юго-запад и начавший осаду центра добычи алмазов Кимберли вместе с его повелителем Сесилом Родсом, не двигался с места, к великому огорчению Пангерманского союза, возглавившего агитацию в пользу буров в Германии. Идеал среднего сословия немецкого народа, борьба против понятия «Англия» внутри и вне страны, объединил буров и немцев. Слово «немецкий» приобрело в этой агитации несколько ограниченный смысл. Правда, «Рейнищ-Вестфелише цейтунг», взявшая агитацию в свои руки, боролась за интересы тяжелой промышленности, однако сборы средств, проводившиеся ею в пользу буров, большей частью охватывали лишь среднее сословие. Врачи, мелкие служащие, офицеры, ремесленники в небольших деревнях, самостоятельные мелкие торговцы и кустари собирали суммы, достигшие в 1901 году немногим более полумиллиона марок, в то время как берлинская финансовая верхушка, которая под официозным воздействием пыталась сгладить впечатление от этого сбора путем проведения собственного сбора пожертвований в пользу нуждающихся индийцев, разумеется, в несколько дней собрала во много раз большую сумму.

---

[1] См. Ziekursch, op. cit., 3. Bd., S. 127 ff.

[2] Изложение интерпелляции см. в Schultheß, Jg. 1900, S. 12 ff.

[3] О полковнике Шиле см., например, книгу австрийского военного авантюриста графа Штернберга (Sternberg, Meine Erlebnisse im Burenkrieg, Berlin 1901) или книгу Wolfgang Schiele, Mit den Deutschen im Burenkrieg, 1901. Серьезнее книга Dr. Thielemann, Tagebuchblätter eines deutschen Arztes, München 1908.

* См. и в этой связи уже упоминавшиеся главы о бурах в работах П. Андерсон и Хэйла.

Ни разу до войны Пангерманский союз, никогда не являвшийся значительным в численном отношении, не имел лучших условий для своей деятельности. Семь платных ораторов имели в 1901 году возможность выступить на ста шестидесяти восьми собраниях[1]. Особым средоточием германского дружелюбия по отношению к бурам стала Верхняя Германия с центром в Мюнхене. В нем действовало центральное бюро по оказанию помощи бурам (Burenzentrale), в Тегернзее пытались даже собрать «национальное достояние» для буров. Таковы были симптомы широко распространенного настроения. Верхнегерманский либерализм выступил против биржевых и торговых интересов имперской метрополии Берлина, так же как и против международного духовенства. В то время как во Франции, где действовали деньги де Беерсов, лишь бульварная пресса смаковала двусмысленные карикатуры на английских посетителей Парижа, в Германии даже представители серьезной публицистики с большим удовольствием подхватили темы подобного рода и происхождения. Имя английской королевы не сходило со страниц немецких газет. Королева якобы весьма любила выпить; не то чтобы она пила публично, но будто бы у нее была бутылка для водки в виде пустого внутри Common Prayer Book. «Симплициссимус» также занялся ею как представительницей иной международной силы и изображал ее фрейлейн кухаркой священника, а Людвиг Тома изливал свой баварский юмор с озлобленностью либерального бюргера. Принц же Уэльский, разумеется, питался кровью жителей Южной Африки. Его изображали танцующим на головах буров. Зачаточное состояние международного законодательства о печати позволяло такое вмешательство во внешнюю политику[2].

Мюнхен оказался подходящим для роли сборного пункта либеральной оппозиции специфически национального характера[3]. Антисемитская окраска пангерманских идей приносила пользу как пропаганде среди среднего сословия вообще, так и — особенно — повсюду, где имелись проявления местного антисемитизма, например в Гессене. Местная группа Пангерманского союза в Дармштадте еще в 1902 году одно за другим организовывала собрания в мелких городках и деревнях Оденвальда[4]. Новую пищу этой антисемитской агитации постоянно давала очевидная международная заинтересованность биржи как в высокой котировке акций золотых копей и золотых бумаг, так и вообще в золотом стандарте как таковом. Всюду, где агитация аграриев в пользу серебра нащупала почву под ногами, где имелась склонность сбросить с себя текущие тяготы с помощью инфляционистского средства — серебряной валюты, то есть особенно в ремесленных и крестьянских средних слоях, начало распространяться движение, имевшее возможность утверждать, что оно вырвало один из важнейших в мире центров добычи золота из-под непосредственных манипуляций биржевых дельцов[5]. Правда, отсюда еще не вытекала особая любовь к флоту.

[1] Отчет Пангерманского союза за 1901 г.

[2] Я не хочу приводить здесь карикатуры того времени или тексты стихов. Теперь (1932) этот весьма наивный и очень пошлый вид политики покрыт пылью. Нужно вытащить лишь один из томов «Симплициссимуса» или «Кладдердатча» того времени, чтобы понять, что я имею в виду*.

[3] При этом социологически подготавливался тот круг лиц, который выдвинулся позже, во время мировой войны, и уже тогда делал вид, что он «на ты» с друзьями буров в Англии, а позже с антиимпериализмом Э. Д. Мореля или Рамсея Макдональда. Из этого окружения потом развилась оппозиция Мюнхена в период инфляционистского деклассирования германских владельцев ренты, в то время как именно социологический характер Верхней Баварии и ее столицы, имеющей много сходства с общественной структурой Франции, оказался очень стойким во время всеобщего экономического кризиса 1930—1931 гг.

[4] «Alldeutsche Blätter», 29.3.1902.

[5] Имена международных еврейских биржевых дельцов Бейта, Барнато, Неймана, Гёрца, Дункельсбюлера, Мозеса и т. д. (я называю их, базируясь на речи в палате общин друга буров Ллойд Джорджа, который издевался над Чемберленом) являлись эффективной рекламой для германской агитации в пользу буров.

* Подробности см. опять-таки в работе Хэйла.

Дружественное отношение к бурам в аграрных кругах было немногим больше, чем платоническая симпатия к родственному народу, пытавшемуся отделаться от международной биржи тем же способом, что и аграрии в своей борьбе против этого «дерева яда» и тарифного законодательства Каприви. Представители биржи и торговли вынуждены были отступить перед проводившейся капиталистическими концернами политикой «сплочения» и перед промышленными, аграрными силами и силами среднего сословия, победоносно наступавшими под знаком этой политики. Каждое слово, сказанное в Германии против буров, относилось противной стороной за счет влияния золотых бумаг, из которых Англия будто бы владела шестьюстами миллионами, Германия, однако, восемьюстами, а Франция даже одним миллиардом четырьмястами миллионами[1]. Уверения кайзера в дружбе к Англии, так же как и сбор средств в пользу нуждающихся индийцев, угодный высочайшей инстанции, не оказали влияния на заграницу. Пусть элементы из вельфов в дипломатии и интернационально породнившаяся высшая аристократия сожалели об общем настроении против Англии и покачивали головами по поводу упадка международной аристократической культуры по сравнению с господством масс и остэльбской грубостью. Они так же мало могли сделать аристократическую Англию симпатичной для большинства немецких аристократов, как демократические левые — оживить воспоминания о либеральной Англии. Демократические газеты, решавшиеся выступить в защиту Англии, считались в общественных кругах биржевыми листками. Даже весьма англофильская «Франкфуртер цейтунг» вынуждена была часто и резко выступать в пользу буров. Со времени Бисмарка значительная часть немецкого среднего сословия окончательно отошла от буржуазии, чью революцию оно осуществляло в 1848 году. Новые, чрезвычайно неиндивидуальные, коллективизирующие, антидемократические, империалистические силы появились и отошли вместе с ним.

С озабоченностью смотрели эти силы на то, как имперское правительство шло тем же путем, что и финансовые верхи. Как это обычно бывает в политике, из одинакового направления движения был сделан вывод о совпадении целей. Однако политика имперского правительства соответствовала не только интересам биржи. Хотя после всего, что нам теперь известно, ясно, что биржевой бюллетень имел большее значение, чем можно было предполагать, однако, в конце концов, наряду с биржей даже наиболее решительные друзья буров не имели достаточного основания желать конфликта, который уничтожил бы возникающий германский флот, промышленный экспорт, а также экспорт продукции восточногерманского землевладения в Англию, разрушил торговый флот и лишил бы Германию ее колоний. Все же группы видных заинтересованных лиц считали положение Англии столь опасным, что полагали возможным урвать для себя еще кое-что. Летом 1899 года военная промышленность добилась провоза оружия через Португальскую Восточную Африку в Трансвааль. Лишь начавшаяся война официально положила конец этим перевозкам оружия[2].

Имперское руководство, англо-бурская война и великие державы

Однако ведомство иностранных дел в общем не дало сбить себя с избранного пути. Сам Гольштейн владел большим количеством акций золотых копей. Руководитель ведомства, как и все владельцы копей, надеялся

[1] «Kölnische Zeitung», 13.7.1899.
[2] См. GP, 4392, Таттенбах — Гогенлоэ, 9 октября 1899 г., примечание.

на начинавшуюся войну[1]. Он считал неправильным продавать теперь акции копей. «Если продашь,— писал он своему другу финансисту,— и против ожидания придет мирное решение, то попадешь впросак»[2]. Итак, не Гольштейн и не ведомство иностранных дел придали делу конфискации пароходов известный драматический оборот; в обострении англо-германских отношений 1900 года был виноват главным образом флот и стоявшие за ним круги, которым нужно было возбужденное настроение для беспрепятственного проведения второго флотского закона[3].

Прежде всего германский кайзер в основном не позволил этой агитации, истоки которой были ему хорошо известны, увести себя с англофильского курса, которого он придерживался со времени своего визита в Англию осенью 1899 года и в проведении которого его непрерывно поддерживали из Англии. Итак, Вильгельм II в англо-бурской войне принял сторону англичан и посылал своему английскому дяде обрывки мыслей по военному делу, афоризмы о войне в Трансваале, которые должны были помочь «томми» победить дядюшку Крюгера[4]. Однако из-за такой позиции прусская корона изолировала себя от народа, а также от консерваторов, которые в этот период были перетянуты на империалистическую сторону с помощью приманки в виде защитных тарифов[5].

Когда в апреле принц Уэльский во время одной железнодорожной поездки на короткое время оказался на немецкой территории, германский кайзер выехал ему навстречу с большой свитой, что резко осудила вся пресса, представлявшая политику «сплочения».

Все же кайзер и правительство застраховались таким путем от опасности оказаться вовлеченными в результате усилий русской или французской внешней политики в антианглийский лагерь[6], а это привело бы к тому, что Германия при своей растущей экспортной торговле оказалась бы наиболее пострадавшей стороной[7]. Сам по себе такой поворот был тем более возможным, что популярность России и Франции как естественных союзников немецких друзей — буров решительным образом увеличилась в Германии. Немецкие журналы империалистического направления обсуждали в то время всевозможные проекты, похожие на планы пан-Европы нашего

---

[1] Письмо Гольштейна своему банкиру (Мейеру Кону, не названному прямо в книге F e d e r, Holsteins Börsenbriefe, S. 20) от 11 сентября 1899 г.

[2] См. также биржевое письмо от 19 сентября 1899 г. (F e d e r, op. cit., S. 21): «Если в последний момент все же обойдется без войны, то мы сядем на мель и никогда не увидим снова потерянную сумму, которая уже теперь достигает 22 тысяч марок; если же дойдет до войны и мы останемся в деле, мы ничем не рискуем. Потому что именно владельцы копей с самого начала толкали к войне. Именно они уверены, что война пойдет им на пользу и уничтожит динамитную монополию и другие монополии бурского правительства. Итак, я советую выждать и, как только полностью прибудет английская армия, немного прикупить». Далее см. письмо от 17 декабря 1899 г.: «Самое худшее—это если будет заключен мир». Перед лицом этих классических свидетельств о позиции Гольштейна во время англо-бурской войны мы вынуждены отнести высказывание Эккардштейна о Гольштейне как виновнике англо-германского отчуждения за счет личного раздражения Эккардштейна в связи с его увольнением и позицией Гольштейна, который в решающие моменты действовал, как видно из текста, осторожно, а иногда и резко гораздо в большей степени под давлением руководящих флотских кругов и окружения кайзера, а также по личным причинам, чем из отрицательного отношения к Англии.

[3] См. E c k a r d s t e i n, op. cit., 2. Bd., S. 150 ff. GP, 4446, Гатцфельд—ведомству иностранных дел, 16 января 1900 г.

[4] См. GP, 4507, Вильгельм II — Эдуарду Уэльскому, 4 февраля 1900 г.

[5] Причина поворота консерваторов правильно распознана уже Эккардштейном (op. cit., 2. Bd., S. 169 ff.).

[6] Различные континентально-политические соблазны для Германии показаны на основе немецких документов, например в книге W ü d, op. cit., S. 141 ff.

[7] О подобных попытках см., например, GP, 4272, Бюлов — Радолину, 3 марта 1900 г., далее E c k a r d s t e i n, op. cit., 2. Bd., S. 169 ff. GP, 4480, Эдуард Уэльский — Вильгельму II, 7 марта 1900 г.

времени*. Не следует, однако, думать, что подобных планов не было в период наибольшего расцвета империализма. Более или менее пацифистское объединение государств отнюдь не нуждается в немедленном установлении всеобщего мира, а может означать смягчение противоречий во имя создания новых политических наступательных фронтов. Еще торговая политика Каприви, проводившаяся в интересах экспорта европейской промышленности, носила панъевропейский характер. Однако флотской политике Германии сопутствовало параллельно заигрывание с Францией. В девяностых годах не только возрастала заинтересованность Франции в русском империализме, везде сталкивавшемся с Англией, но французский империализм и сам непосредственно сталкивался с Англией. Когда в 1899 году Герберт Китченер вынудил французов очистить долину Нила у Фашоды, лишь соображения относительно «дыры в Вогезах» и не в последнюю очередь относительно близившейся всемирной выставки в Париже, а также визита англичан на Ривьеру помешали началу англо-французской войны. Французские моряки с воодушевлением приветствовали строительство германского флота. Шнейдер-Крезо действовал сообща с немецкими друзьями буров в Трансваале и в интересах германской мировой политики, поддерживая в Азии Россию в ее борьбе против Англии. Крайние правые во Франции ненавидели англичан. В 1899 году один из наиболее активных французских националистов и интеллектуальных виновников войны 1870 года, Поль Гранье, облагородивший себя, по французскому обычаю, как Гранье де Кассаньяк путем прибавления к имени названия места своего рождения, осмелился даже предложить Германии пойти на компромисс[1]. Мировая война показала вскоре, что подобным попыткам примирения, которые делались и со стороны Германии, не придавалось особого значения. Когда германский кайзер с врожденным, пусть даже несколько театрально преувеличенным, рыцарством делал дружественный жест в сторону Франции, когда он, например, посылал соболезнующие или поздравительные телеграммы, поручал возложить венок на могилу президента, посещал французский учебный корабль или принимал французских офицеров, всякий раз бóльшая часть французской прессы поднимала яростный вой. Влиятельные круги во Франции прилагали все старания к тому, чтобы Эльзас-Лотарингия не забывалась. Могло иметь место сближение с Германией, если курс русских бумаг падал или если возникали трения с Англией, когда вульгарные карикатуры против Великобритании, как, например, знаменитый памфлет «V'lá les English», раскупались нарасхват. Однако исключения подтверждают правило. Негодование против русских лишь доказывало, что они иногда отклонялись от своей настоящей цели, которой по мнению Парижа, должны были служить. Как и прежде, Россия являлась главным экспортным рынком французской военной промышленности, союзником французской армии, копилкой французских вкладчиков. Итак, очень и очень влиятельные круги заботились о том, чтобы «дыра в Вогезах» не оказалась забитой, чтобы никакой Трансвааль и никакая Фашода не закрыли собой этот постоянный реквизит мирового театра.

Для германского правительства, которое относилось к французским и русским заманиваниям, говоря дипломатическим языком, эвазивно, ход событий в Трансваале пришелся весьма кстати. Весной 1900 года лорд Робертс начал свой концентрический победоносный поход в сердце Трансвааля, во время которого оба британских опорных пункта, находившиеся под угрозой — алмазные копи Кимберли на юго-западе и Ледисмит в Натале,— были наконец деблокированы. В июне пала Претория. Однако одно-

[1] См. ответ Кассаньяку в «Кёльнише цейтунг» от 28 января 1899 г.

* Написано в 1932 г.; часть материала по этому вопросу собрана в диссертации Hilde Prowaseck, Der Gedanke einer Kontinentalliga gegen England unter Wilhelm II., Leipzig 1928.

временно произошло другое событие, которое улучшило англо-германские отношения. В то время как английский империализм утверждался в Трансваале, сказались последствия его деятельности в Восточной Азии. В тот самый момент, когда пала Претория, китайцы поднялись против Европы.

«Боксерское восстание» в Китае и германская внешняя политика

Империализм европейских стран был поставлен тем самым перед необходимостью принять новые решения. Германия еще в 1899 году начала использовать свои военные успехи в Китае в интересах своей промышленности. Провинция Шаньдун, попавшая тогда непосредственно в сферу германских интересов, имела особенно богатые залежи угля; консорциум по восточноазиатским делам начал строить железные дороги, чтобы сделать возможной добычу каменного угля. Англичане также были заинтересованы не только в сбыте своих хлопчатобумажных тканей среди огромных людских масс долины реки Янцзы с ее десятками миллионов населения. В 1899 году английская компания Янцзы (Jangtse Cooperation) приобрела угольные концессии в Шаньхайгуане[1], и уже с середины девяностых годов Англия пыталась контролировать дороги, ведущие из Пекина через Шаньхайгуань на Ючжуан и Мукден, то есть в сердце Маньчжурии[2]. Однако эта железная дорога вела в центр сферы, которая была нужна шагавшему на восток виттевскому финансовому империализму для связи России с Пекином.

Китайское восстание 1900 года поставило на повестку дня все империалистические проблемы, прежде чем была закончена великая русская железная дорога через Сибирь к Тихому океану. Китайское восстание должно рассматриваться как прямое последствие деятельности европейского, и особенно английского империализма*. Осведомленные наблюдатели относили его за счет англофильских реформ китайского императора Гуан Сюя. В Китае противились реформаторским стараниям императора. Горные рудники, газеты, современное вооружение войск, лишение мандаринов и чиновников доходов от отправления духовных должностей с принудительной отчетностью означали не только вторжение в социологическую сферу традиционализма и переход к капиталистической подотчетности, но одновременно также разорение традиционного ремесла, среди которого, кроме прочего, существовало общество «И-хэ-цюань» («Кулак во имя справедливости и согласия»), неправильно названное европейцами «боксерским» объединение наемных полицейских для охраны частных и общественных перевозок, которые остались без хлеба в результате строительства в Китае железных дорог[3]. Великое общество неимущих, почетного президента которого принца Дуаня европейцы боялись как главу китайского восстания, усиливалось за счет таких разорившихся слоев. Характерно, что антиимпериалистическое движение в Китае было особенно сильным в тех районах, куда наиболее интенсивно проникал промышленный капитал со строительством

---

[1] «Kölnische Zeitung», 27.9. 1899.

[2] Более подробные данные см. в книге Z ü h l k e, op. cit., S. 146 ff.

[3] См. высказывание сотрудника китайского посольства в Берлине Ли Те-шуна в «Вохе» Шерля (по «Кёльнише цейтунг» от 21 июня 1900 г.). Из всех попыток объяснить название «боксеры» это объяснение кажется мне наиболее приемлемым. Нельзя смешивать первоначальное происхождение этого названия с эмблемами и символами гильдии неимущих (Bettler), в которой позже растворились «боксеры».

* К дипломатической истории с подробным перечислением источников см. L a n g e r, Diplomacy, vol. 2, chap. XXI.

железных дорог. Руководителями «боксеров» англичане считали префекта юго-западного Шаньдуна и отстраненного немцами губернатора этой провинции. Эти непосредственные жертвы вторжения капитализма оказывали поддержку политике принца Дуаня и особенно императрицы-регентши, которую европейские державы считали реакционеркой, так как она в течение двух лет противилась реформам в духе европейского капитализма. Китайское восстание и убийство германского посланника в июне 1900 года как будто бы подтверждали фантастически-романтические идеи кайзера о желтой опасности. На Вильгельмштрассе, не говоря уже о кайзере, тоже заволновались. Из-за большой удаленности от места действия невозможно было получить ясное представление о ситуации; в Берлине могли считать положение более тяжелым, чем оно было в действительности. Лишь этим объясняется тот факт, что ведомство иностранных дел вопреки традиции поддержало кайзера, который, дрожа от гнева, с крайним возмущением обрушил на «желтую опасность» целый поток слов и 27 июня сымпровизировал самую пагубную из своих многочисленных речей, принесших Германии с пропагандистской точки зрения так много вреда[1].

В то время как кайзер, при терпимом отношении ведомства иностранных дел, организовывал экспедицию против Китая и пытался навязать великим державам графа Вальдерзее в качестве главнокомандующего, в Германии еще верили в необходимость предпринять осенью большой поход против Пекина. Однако Вальдерзее был еще у кайзера в Касселе, когда взятие Пекина, как писали дипломаты, «cut a temporary gloom over our otherwise happy circle»[2]. К сожалению, престиж великой державы не позволял отказаться от миссии Вальдерзее, что, разумеется, было бы самым естественным шагом в изменившейся обстановке. Уже поставленная пластинка с вальсом «Прощание Гектора» должна была быть доиграна до конца, хотя было ясно, что герой не погибнет; однако снять ее теперь, на середине, было тем менее возможно, что акция мировой политики, как всегда в таких случаях, была связана с аннексионистскими целями. Вальдерзее получил задание расширить район Цзяочжоу за счет угольного месторождения Чифу; то была идея якобы кайзера, которая, однако, выглядит слишком мотивированной, чтобы, как обычно в подобных случаях, не напрашивался вывод о стоящих за ней заинтересованных кругах, то есть в данном случае о Шаньдунском синдикате[3]. В этих условиях германская внешняя политика имела перед собой странную задачу: затягивать дела в Китае до прибытия немецкого главнокомандующего. По этой причине на первый план сначала были выдвинуты несущественные вопросы, например наказание виновных. При этом Германия столкнулась с устремлениями русских, до этого являвшихся хозяевами положения в Китае и отнюдь не радовавшихся увеличению численности конкурирующих европейских вооруженных сил[4]. Такая политика сама собой сближала Германию с англичанами, которым при случае германские войска могли пригодиться против России. Казалось, в данном случае впервые со времени неприятных инцидентов в начале англо-бурской войны создалась возможность вновь сотрудничать с англичанами в мировой политике. По многим причинам Россия пока еще была более серьезным противником для англичан, чем Германия. Наступила последняя фаза проблемы англо-германского союза.

Речь шла в первую очередь о защите интересов в долине реки Янцзы, где как уже указывалось, английская промышленность имела важный рынок сбыта, в то время как Германия была представлена главным обра-

[1] Историю появления этой «гуннской» речи см. теперь (1932) у Бюлова (op. cit., 1. Bd., S. 359 ff.).

[2] B ü l o w, op. cit., 1. Bd., S. 386.

[3] См. W a l d e r s e e, Denkwürdigkeiten, 3. Bd., S. 57 ff.

[4] См. GP, 4615, Вильгельм II — ведомству иностранных дел, 21 августа 1900 г.

зом интересами судоходства. Со времени заключения соглашения между английскими и немецкими финансовыми верхами в сентябре 1898 года английские и германские интересы в Шаньдуне и в районе реки Янцзы были тесно связаны между собой. При этом правительству Германии в интересах германской военной промышленности и еще более в интересах немецких судоходных компаний приходилось следить за тем, чтобы путь по долине Янцзы, который финансовые верхи просто отдали по этому соглашению, оставался и далее открытым, в то время как англичане, с другой стороны, получили бы известный выигрыш уже в том случае, если бы Германия каким-либо образом связала себя с Англией для защиты обоюдных интересов против России. В этих условиях во второй половине 1900 года между Англией и Германией начались переговоры. При этом Германии мешала необходимость выиграть время для миссии Вальдерзее, а пока с помощью Англии оставить важнейшие вопросы нерешенными. Этим объясняется чрезвычайная уступчивость германской политики того времени в вопросах, о которых идет речь.

Хотя Англия не одержала стопроцентную победу и не смогла склонить Германию выступить за то, чтобы все речные и морские порты и побережье Китая в равной мере были открытыми, но она все же добилась того, что политика Германии была направлена на сохранение территориальной целостности Китая. Из-за миссии Вальдерзее и желания сохранить свою сферу интересов Германия попала в столь трудную ситуацию, что в данном случае она, без сомнения, взяла на себя обязательства, которые позже не могла выполнять. Заявление Бюлова в марте 1901 года об исключении из этого соглашения Маньчжурии вызвало в Англии большое недовольство[1].

Стремление России утвердиться в Маньчжурии было предопределено строительством Транссибирской железной дороги и стало очевидным в январе 1901 года. Опасность войны между английским, а также японским империализмом, с одной стороны, и Россией — с другой, за влияние в Северном Китае становилась тем более угрожающей, что в связи с экономическим кризисом на рубеже столетий внеевропейские рынки сбыта приобрели особое значение. Казалось, Германия попала в затруднительное положение — срединное между Англией и Россией. Если бы в Берлине дословно понимали англо-германское соглашение, то это означало бы, возможно, русско-германскую войну. Германский империализм начал отступать, маневрируя между русской угрозой и английской политикой и умело сохраняя свои собственные интересы. Бюлов избегал прямо отрицать правомочность русско-китайского соглашения о Маньчжурии; однако он заявил, что Китай до тех пор не имеет права заключать договоры, пока не выполнит мирные условия великих держав, и особенно требование о возмещении убытков[2]. Итак, германская политика избегала как откровенного антирусского курса, так и наступательного союза с Англией. Если бы эта политика удалась, то Германия проскочила бы между Сциллой и Харибдой и одновременно достигла бы своих целей, единственно возможных после запоздалого проникновения в Китай: возмещения убытков и почетного отступления. Открытие долины реки Янцзы, необходимое в интересах расцветавшего судоходства, так или иначе было достигнуто договором, заключенным осенью.

В борьбе за достижение этих целей Германия постольку опиралась на английский империализм, поскольку она оказывала сопротивление России, по меньшей мере до тех пор, пока германские условия в Китае не были выполнены; однако большего английской стороне от Германии

---

[1] См. BD, II, приложение, памятная записка Тилли от 5 января 1905 г. (раздел «Китай»).

[2] См. GP, 4812, Бюлов — Гатцфельду, 11 февраля 1901 г.

добиться не удалось. На запрос англичан, сделанный по инициативе Японии, возьмет ли на себя Германия в случае войны Англии и Японии против России, выступление против своего соседа Франции, Бюлов обещал лишь доброжелательный нейтралитет Германии [1].

Германская политика по отношению к Китаю и рейхстаг. Продолжение вражды с Англией

Эти события происходили большей частью за кулисами. Со времени заключения соглашения осенью 1900 года Германия столь твердо считалась сторонницей Англии, что Бюлов в марте 1901 года вынужден был успокоить взволнованный рейхстаг, боявшийся того, что Германия будет привязана к Англии, категорически разъяснив содержание соглашения в том смысле, что Германия не станет мешать русскому продвижению в Маньчжурии[2].

Во все время проведения германской политики в Китае мнения рейхстага вообще не спрашивали. Еще в ноябре социал-демократы обвинили правительство в нарушении конституции. Европа и Соединенные Штаты, заявил Бебель, являются виновниками неразберихи. Захват Цзяочжоу привел к «боксерскому восстанию». «Боксеры» являются союзом типа немецкого Тугендбунда, являвшегося вдохновителем немецких освободительных войн. С газетными сообщениями в руках лидер социал-демократов пытался показать, каким образом германская военщина выполняла в Китае указание кайзера не давать пощады[3]. К этим нападкам социал-демократов присоединились не только Вельфы, но и Союз сельских хозяев, который хоть и защищал немецких военных, однако резко критиковал речи кайзера. «По-моему, было бы лучше,— заявил лидер этого союза фон Вангенгейм,— если бы слова «не давать пощады» не были произнесены»[4]. Лидер союза счел своим долгом открыто заявить о существовании кругов и учреждений, сознательно снабжающих его величество неправильной информацией. Он подчеркнул также, что всякая политика мировой державы в принятом теперь смысле полностью противоречит желаниям большинства немецкого народа. Нежелание консерваторов следовать за промышленностью на мировые рынки до того, как сельское хозяйство получит компенсацию в виде тарифов на зерно, играло на руку крайним левым. Кроме нового лидера национал-либералов Эрнста Бассермана из Маннгейма, которому уже удалось увлечь за собой империалистическое крыло социал-демократов[5], политикой, проводимой в Китае, был доволен лишь Центр, который защищал германскую политику в Китае особенно против либералов; последние, как и социал-демократы, приписывали католическому пископу Анцеру значительную часть вины в том, что началось восстание[6]. Однако, несмотря на лояльное отношение к действиям правительства в Китае, Центр, и особенно его среднесословно-аграрное крыло во главе с баварцами, был отнюдь не

---

[1] См. GP, 4829, Гатцфельд — ведомству иностранных дел, 8 марта 1901 г.
[2] Бюлов в рейхстаге, 15 марта 1901 г.
[3] Бебель в рейхстаге, 19 ноября 1900 г.
[4] Барон фон Вангенгейм — там же, 20 ноября 1900 г.
[5] Бассерман в рейхстаге, 20 ноября 1900 г., со ссылками на работу Эдуарда Бернштейна «Социализм и колониальный вопрос», а также высказывания Макса Шиппеля в сентябрьском номере «Прейсише монатсхефте» за 1900 г.
[6] Бебель в речи, произнесенной в рейхстаге 19 ноября 1900 г., ссылается на высказывания бывшего германского посланника в Китае фон Брандта в «Ди национ». Об этом см. также «Франкфуртер цейтунг» от 17 июля 1900 г. Брандт осуждал всю политику в Китае 1900 г., проложившую дорогу сотрудничеству между Германией и Англией, против которого он так боролся раньше в интересах немецкой промышленности. По своим симпатиям и интересам Брандт стоял большей частью на стороне русских.

согласен с тем, что Германия вела свою политику в Китае на стороне Англии. В марте 1901 года лидер баварцев Шедлер резко критиковал курс, предпосылкой которого являлось соглашение с той самой Англией, которая в это время подавляла буров[1].

Итак, на внешнюю политику этого времени наложила отпечаток та ожесточенная борьба интересов, которая позже закончилась установлением таможенного тарифа 1902 года и которая сделала немецкую дружбу с бурами особенно горькой из-за переплетения ее с материальными интересами. В конце 1900 года дядюшка Крюгер, изгнанный из Англии, прибыл в Германию; война, исход которой в принципе был уже предрешен, была в это время все же еще далеко не окончена; отдельные отряды генералов Девета и Деларея еще наносили англичанам значительный урон. В этих условиях германский кайзер отказался принять президента Трансвааля. Этот шаг правительства, понятный с международно-правовой и политической точек зрения, был воспринят общественностью как измена, поскольку это был акт государства, пославшего в свое время знаменитую депешу президенту. Гнев и негодование по поводу этой позиции германского правительства были самым умелым образом использованы левой и правой оппозициями в рейхстаге. Антисемитски настроенный депутат фон Либерман[2] в декабре 1900 года констатировал всеобщее единодушие в этом вопросе. «Берлинер тагеблат», заявил лидер пангерманцев, пишет почти то же, что думает он сам; больше того, он может подписаться даже под тем, что говорит социал-демократия, что сказал Бебель на последнем заседании рейхстага об отказе от приема Крюгера. В Мюнхене президента Крюгера чествовали семь тысяч свободомыслящих. Бюлов резко ответил пангерманцам, что рубашка нам ближе к телу, чем сюртук, и что он является германским министром иностранных дел, а не министром Трансвааля или по делам Трансвааля[3]. Новоиспеченный канцлер (Гогенлоэ вышел в отставку под впечатлением китайской экспедиции) сумел тактически безукоризненно ловко поставить пангерманцев на одну доску с друзьями поляков и болгарской шумихой прошлого столетия. При этом он стремился — вполне сознательно — использовать бисмарковскую традицию реальной политики. «Мы не можем,— ответил он своим противникам,— при ссорах между другими народами спрашивать, кто прав, а кто неправ. Политический деятель не судья. Я должен защищать лишь интересы и права моей собственной страны. Я не могу проводить внешнюю политику с точки зрения чистой философии морали. Этого не делал и князь Бисмарк — и с точки зрения «доморощенной политики» («Bierbankpolitik») тоже»[4]. Сущность этих мыслей, без сомнения, правильна. Народы, государства, классы, партии связывают себя соответственно интересам, а не симпатиям. В ходе истории цари идут вместе с республиками, «либеральная» Англия симпатизирует магараджам и деспотам Востока. Общие симпатии могут внешне приукрасить союз интересов, однако они не нужны для его заключения. Во всяком случае, дружественное отношение к бурам, так же как и к грекам, полякам или болгарам, отвечало не только слепым симпатиям, но и весьма реальным политическим интересам. Однако политические интересы также слепы. Большинство друзей буров, которые могли достичь своей цели лишь в результате создания континентального союза и столкновения Англии с Россией, равнодушно относилось к опасностям, которым подверглась бы Германия в случае войны с Англией. Но кто же всерьез думал о внешней политике? Приближающаяся таможенная борьба, ограждение Германии от иностранной конкуренции уже заранее

[1] Шедлер в рейхстаге, 5 марта 1901 г.

[2] Либерман фон Зонненберг, там же, 11 декабря 1900 г.; Хассе, там же, 12 декабря 1900 г.

[3] Бюлов в рейхстаге, 12 декабря 1900 г.

[4] Бюлов, там же.

бросали свою тень, по крайней мере поскольку агитация исходила от правых партий.

То, что кайзер, от которого можно было ожидать всяких неожиданностей, в начале 1901 года воспользовался смертью королевы Виктории для того, чтобы вновь доставить себе удовольствие длительного пребывания в Англии и поддержать симпатии англичан, было резко осуждено в Германии. В рейхстаге баварский капеллан Шедлер яростно протестовал против награждения фельдмаршала Робертса как победителя буров орденом Черного Орла. Крайние в рейхстаге критиковали сближение с Англией в связи с восточноазиатской политикой как результат высочайших семейных связей[1]. Во время нападок на правительство и его мировую политику левые и правые снова протянули друг другу руки. Социал-демократия выслала вперед Ледебура как представителя крайнего направления, которое из своих резких республиканских симпатий стремилось к союзу с Францией и не питало еще, как Бебель, симпатий к Англии. Ледебур боролся против всяких связей германской политики с Британской империей и Сесилом Родсом и выступал почти как пангерманец против использования пуль «дум-дум», против насилия англичан над женщинами и детьми и против поддержки, оказываемой англичанам германским империализмом[2]. Пангерманцы в резких выражениях разбирали расстановку интересов, руководивших германской политикой. Либерман фон Зонненберг нападал на германскую политику вооружений и приводил неопровержимые доказательства того, что Крупп и Эрхардт поставляли англичанам пушки и военные материалы. Лидер саксонского Союза сельских хозяев Эртель также заявил, что немецкие поставки оружия Англии делают германский нейтралитет односторонним[3]. Статс-секретарь Рихтгофен ответил ему, что ведомство иностранных дел убеждено в том, что частная торговля оружием с Англией не является наказуемым делом.

Почти ни один правый политический деятель или консерватор, бравший слово в этих дебатах, не упускал возможности высказать сожаление, сопоставляя слишком интимные англо-германские отношения со слишком натянутыми отношениями с Россией. Однако это была просто своего рода тактика. В действительности правые желали хороших отношений с Россией лишь в той мере, в какой это было совместимо с их собственными торгово-политическими целями. Когда крупный кожевенный фабрикант барон фон Гейль из Вормса (кстати, и землевладелец крупного масштаба) выступил против торговой политики России, постоянно повышавшей статьи, не связанные тарифом по торговому договору 1894 года[4], лидер Союза сельских хозяев граф Каниц активнейшим образом защищал эту неуступчивую русскую позицию,— тактика, которую в тот же день предвосхитил его коллега по Консервативной партии граф Клинковстрём. Крупные землевладельцы знали, что неуступчивость русской торговой политики облегчала проведение германской политики аграрных тарифов. У Германии не было причин делать русским уступки в области сельского хозяйства, раз немецкая промышленность находилась в отношении России в невыгодном положении. Однако затруднения с вывозом русского зерна, и особенно ржи, означали, усиление той напряженности, которая определяла русско-германские отношения до торговой политики Каприви. Следовательно, поворот лидеров Союза сельских хозяев в рейхстаге к русофильству был лишь тактическим ходом, направленным на то, чтобы скрыть торгово-политические стремления Союза сельских хозяев по отношению к России, а также к британским доминионам.

---

[1] Выступления Шедлера в рейхстаге 5 марта 1901 г. В ответ Бюлов произнес знаменитые слова: «Великие князья не имеют родственников в политике» (Бюлов в рейхстаге, 5 марта 1901 г.).

[2] Ледебур в рейхстаге, 5 марта 1901 г.

[3] Эртель, там же.

[4] Барон фон Гернсгейм там же.

Как бы то ни было, в те дни в рейхстаге все старались превзойти друг друга в выражении недружелюбия по отношению к Англии. Социал-демократы умело использовали враждебное отношение аграриев к правительству. 15 марта Бебель заявил, что Германия таскает в Китае для Англии каштаны из огня и облегчает положение англичан в Капской колонии. Немецкие деньги и немецкие солдаты используются в Китае ради английских интересов. Правда, социал-демократический лидер тотчас же ограничил эти нападки, так как он договорился со Свободомыслящими и с Ойгеном Рихтером не омрачать хороших отношений Германии с Англией. Все же впечатление о всеобщей враждебности парламентариев по отношению к Англии было столь значительным, что Бюлов, наконец, оказался вынужденным сделать заявление о том, что Германия по существу и преимущественно представляет в Китае экономические и культурные интересы и только между прочим, в частности в Северном Китае, преследует известные политические цели, которые отлично могли бы уживаться с имеющимися там русскими интересами, так что о резком или даже непримиримом противоречии между Германией и Россией в Китае можно говорить столь же мало, как и относительно других мест. Сотрудничество с англичанами не может-де явиться причиной недоверия русских; соглашение о реке Янцзы не направлено против них[1]. Однако четыре дня спустя в рейхстаге поднялся на трибуну «великий претендент», перед которым задрожало все ведомство иностранных дел: 19 марта с большой речью о печальной ситуации в Китае выступил Герберт Бисмарк. По его словам, Восточная Азия не является для Германии жизненно важным вопросом. «Место под солнцем,— угрожающе сказал он канцлеру,— конечно, желательно; однако есть такие местности и могут быть такие температуры, когда получается слишком сильный загар, и радуешься, если можешь следовать своим интересам в тени»[2]. Бюлов знал, что друзья правых уже давно метили в это уязвимое место, однако он сознавал, что проводил свою политику по отношению к России так, что к нему еще нельзя было предъявить претензий. Всегда начеку, как обычно, когда ставился вопрос о том, быть или не быть, он осмелился бросить вызов льву и холодно констатировал совпадение взглядов Герберта Бисмарка и Ойгена Рихтера. Все же ситуация была достаточно неприятной. Герберт Бисмарк не только был против ухудшения русско-германских отношений; он уже выдвинул программу, которую Бюлов шаржировал словами: «Redde legiones et milliones»[3]. От правительства требовали, чтобы оно вернуло из Китая все войска и, сверх того, деньги. Рейхстаг, совета которого при расходовании денег спрашивали так же мало, как и имперского канцлера, осуществлявшего исполнительную власть, парламент, таивший в себе необузданные таможенные требования, мог стать опасным для правительства.

Социологический характер последних попыток заключения англо-германского союза. Причины их провала

В ведомстве иностранных дел царило чрезвычайное возбуждение[4]. Антианглийская фронда вынуждала каждого, кто хотел сохранить хорошие отношения с Англией, действовать с величайшей осторожностью. Таковы

[1] Бюлов в рейхстаге, 15 марта 1901 г.
[2] Герберт Бисмарк, там же, 19 марта 1901 г.
[3] Бюлов в рейхстаге, 19 марта 1901 г.
[4] См. Eckardstein, op. cit., 2. Bd., S. 314, Гольштейн — Эккардштейну 9 марта 1901 года: «... Только что ко мне пришел барон фон Рихтгофен и продемонстрировал гневные нападки всей фрондерской прессы на графа фон Бюлова, которого, несмотря на осторожную форму его последней речи, обвиняют— пусть и в других выражениях — в слишком большой уступчивости англофильским настроениям кайзера. И с этой точки

были социологические предпосылки, под знаком которых проходили вызвавшие много толков последние переговоры о союзе с Англией, которые по данным теперешних (1932) исследований кажутся менее значительными, чем предполагалось вначале, и которые можно, без сомнения, расценивать как символ и симптом, но ни в коем случае не как причину англо-германского отчуждения. Инициатором этих переговоров была одна из английских финансово-капиталистических групп, которая была заинтересована как в английской политике по отношению к бурам, так и — по крайней мере частично — в англо-германском соглашении. Лорд Альфред Ротшильд, одна из важнейших фигур в этой игре, имел — как почти все английские финансовые магнаты — крупные интересы не только в Азии, но и в Германии[1]. С ним был тесно связан бывший маркиз Гартингтон, а к описываемому времени герцог Девонширский — самый богатый человек Англии, женатый на немецкой баронессе фон Альтен, ведущая фигура в хлопчатобумажной промышленности и очень заинтересованное лицо в экспорте в район реки Янцзы[2]. Третьим в этом союзе был Джо Чемберлен, который и в этой фазе продолжал добиваться расположения немцев, якобы в интересах всеобщего тевтонизма. Из этих трех видных лиц Чемберлен был меньше всех непосредственно запутан в германских интересах. Его прогерманские планы были, пожалуй, немногим больше, чем тактическим ходом; во всяком случае, Чемберлен был первым, кто позже дипломатически подготовил присоединение Англии к Двойственному союзу. Уже непосредственно перед визитом кайзера в Англию в 1901 году эта группа оказывала давление на советника германского посольства фон Эккардштейна, который в качестве зятя одного из крупных английских промышленников и будто бы из личной заинтересованности в «stock-exchange» совершенно запутался в англо-германском финансовом и торговом пацифизме [3]. Бюлов, ненавидевший Эккардштейна, как никого другого, из-за его несогласия с политикой канцлера, упрекал его в том, что в своих политических маневрах он руководствовался соображениями биржевых спекулянтов. Итак, хорошие англо-германские отношения основываются в критический период на сотрудничестве владельцев копей в разных странах и их сторонников, а также лиц, заинтересованных в укреплении британского империализма в Азии, которому угрожала Россия, с германским финансовым и торговым капиталом как основной опорой германского правительства, борющегося против сторонников буров. Таким положением вещей легко объясняется феномен, на который тогда постоянно указывали внимательные наблюдатели, а именно, что в сущности Германия занимала более резкую позицию по отношению к Англии, чем Англия по отношению к Германии. В Англии от общего фронта отделились лишь паци-

---

зрения весьма желательно, чтобы в ближайшее время Англия проявила уступчивость в вопросе возмещения военных расходов и повышения морских тарифов. Действуйте энергично в этом направлении».

[1] Наличие интересов в Азии явствует из письма Эккардштейна (op. cit., 2. Bd., S. 326) Гольштейну от 30 марта 1901 г., где речь идет о Гонконг-Шанхайском банке, Ротшильдах и других руководящих финансовых дельцах, имевших интересы в Китае.

[2] См. Eckardstein, op. cit., 2. Bd., S. 202, Эккардштейн — Гольштейну.

[3] См. Bülow, op. cit., 1. Bd., S. 343 ff. u. 2. Bd., S. 18. (неконфискованное издание). Ценность «Воспоминаний» Эккардштейна как источника становится весьма спорной из-за этой шаткой позиции автора. Несомненно, что Эккардштейн в интересах своей собственной политики вводил в заблуждение ведомство иностранных дел, а известные приукрашивания в сборнике документов, изданном им еще до многотомной публикации документов, доказывают сильное стремление представить себя еще более дальнозорким, чем, без сомнения, он был. Несмотря на эту оговорку, особенно важную для пишущего хронику подробностей переговоров о союзе, «Воспоминания» Эккардштейна обладают значительной ценностью как источник, если их расценивать более как социологический симптом, то есть как источник, а не как историческое изложение, каковым они ни в коем случае не являются и на что не претендуют. Уже множества приведенных документов о стремлениях международных финансистов достаточно, чтобы сообщить этим мемуарам значительную ценность.

фистски настроенные и либеральные друзья России. Еще в конце девяностых годов Грей и Асквит выступали в палате общин за соглашение с Россией, которое они позже и претворили в жизнь. Германская социологическая структура, всеобщее стремление к захватам определяли иное внешнеполитическое настроение. Германское правительство было в абсолютном меньшинстве. Несколько лет спустя положение изменилось почти диаметрально, и по всей Англии настроение стало антигерманским.

Теперь (1932) мы знаем, что и общественная структура ведомства иностранных дел сама по себе была, выражаясь языком медицины, вполне «готова воспринять» англо-германскую договоренность, даже англо-германский союз[1]. Рихтгофен, Гольштейн и в известном смысле также Бюлов подчеркивали и подчеркивают свои симпатии к Англии. Однако ведомство иностранных дел должно было действовать с величайшей осторожностью, поскольку во главе оппозиции стоял закоренелый враг, готовый каждую минуту сменить Бюлова в правительстве. Следуя наполовину бессознательному влечению, Бисмарк в своей книге «Мысли и воспоминания» и во всех высказываниях последних лет своей жизни затушевал и сделал неразличимыми русско-германские столкновения последних лет его канцлерства в пользу прорусской традиции прусской истории. «Гамбургер нахрихтен» публицистически подчеркнули эту основную установку. Герберт Бисмарк ждал теперь лишь лозунга, чтобы выступить в качестве защитника русско-германской традиции. Ведомство иностранных дел все же решилось сделать попытку заключить англо-германский союз. Гольштейн был склонен начать борьбу с Гербертом Бисмарком, сторонников которого он считал не очень сплоченными. Имперский канцлер стоял при этом на его стороне. Однако ведомство иностранных дел полагало, что оно может решиться на эту борьбу лишь в том случае, если кайзеру и рейхстагу будет предложено нечто ощутимое. В итоге Германия стала придерживаться тактики, следуя которой она отсылала англичан в Вену. Путем переговоров с австрийским премьер-министром графом Голуховским должно было быть положено начало присоединения Англии к Тройственному союзу. Я отнюдь не нахожу, что с помощью этой тактики хотели затруднить переговоры. Антирусски настроенный поляк Голуховский был весьма заинтересован в создании подобного союза. Такой союз, в котором Англия защищала бы не только Германию, но и весь Тройственный союз, то есть также Австрию и Италию, полностью обезоружил бы внутриполитических противников союза — как депутатов рейхстага, так и придворных. Немецких военных привлекло бы обеспечение германского фланга в случае войны на два фронта. Однако весь союз потерял бы ценность, если бы в его схему не была включена защита Австрии Англией. Вряд ли Германия была бы вовлечена в непосредственный конфликт с Россией; казалось более вероятным, что конфликт, если он вообще возникнет, будет не между Россией и Германией, а в первую очередь между Россией и Австрией, причем в этом случае Германия при известных условиях обязана была прийти на помощь Австрии. Если бы в этом случае тыл не был прикрыт англичанами, то вряд ли можно было надеяться привлечь на сторону союза военное руководство. Теперь мы знаем, что Гольштейн состоял в давней и личной связи с начальником генерального штаба фон Шлиффеном. Эта связь с армией дополняла в известном смысле его личную и социологическую позицию по отношению к Англии, его антипатию к флоту и к слишком резкому подчеркиванию германских морских интересов. Однако если бы во время переговоров, которые теперь должны были начаться,

[1] К важнейшим источникам по проблеме англо-германского союза относится, несомненно, кроме цитированной телеграммы Гольштейна Эккардштейну, его же телеграмма тому же адресату от 20 марта 1901 г. (Eckardstein, op. cit., 2. Bd., S. 281 ff.), в которой явственно проступает вызов Герберту Бисмарку и которая вскрывает движущую силу всей политики Гольштейна.

не удалось добиться заключения сильного англо-германского оборонительного союза, то в результате оказались бы потерянными симпатии морских кругов, а симпатии армии и ее руководства не были бы завоеваны[1].

В действительности нечего было и думать о привлечении Англии к столь далеко идущему союзу. Ведомство иностранных дел было полностью введено в заблуждение; на Вильгельмштрассе вряд ли могли предполагать, что их представитель, советник посольства барон Эккардштейн по своей инициативе, вопреки данным ему инструкциям, поставил вопрос о проекте союза[2]. Английское правительство отнюдь не выказывало желания идти так далеко навстречу Германии, как это считало необходимым германское ведомство иностранных дел. Напрасно советник германского посольства, действовавший большей частью один вместо заболевшего посла графа Гатцфельда, старался поддерживать у германского ведомства иностранных дел иллюзию относительно имеющихся в Англии возможностей для заключения союза: с английской стороны отсутствовало желание подойти к основному германскому требованию.

Однако за ведомством иностранных дел, которое уже в этих переговорах было столь стеснено, что оказалось вынужденным настаивать на требовании вовлечения Австрии (без чего вряд ли можно было достичь большего, чем частичный союз с Англией), стояли силы, толкавшие его еще дальше назад, чем оно намеревалось отойти. Германская политика в Китае, определявшаяся стремлением к sortie honorable, пыталась вынудить у китайцев подобающее возмещение военных расходов; однако для немецкого офицерского корпуса, стремившегося домой, эти переговоры длились слишком долго; граф Вальдерзее побуждал кайзера к тому, чтобы оказать давление на англичан, которые, стремясь иметь в Китае наготове против России немецкие войска, блокировали китайско-германские переговоры о возмещении[3]. Лишь с трудом ведомству иностранных дел удалось добиться того, чтобы эти военные соображения не слишком демонстративно влияли на неоконченные переговоры о союзе[4]. Однако полностью скрыть анархию

---

[1] Все это было написано до того, как появились (в 1932 г.) новейшие публикации о Гольштейне, в частности публикация Рогге. Благодаря им мое принципиальное мнение о Гольштейне можно считать подтвердившимся.

[2] Теперь (1932) нельзя уже более отрицать этот факт. Та часть литературы, которая появилась до опубликования «British Documents», должна считаться устаревшей. Особенно это относится к соответствующему разделу работы Э. Фишера, а также к работам Бранденбурга и Мейнеке. Однако споры в связи с появлением «British Documents» не только не утихли, но, наоборот, разгорелись с новой силой. По этому вопросу см., например, книгу W. Becker, op. cit., далее Gerhard Ritter, Die Legende von der verschmähten englischen Freundschaft 1898—1901, Freiburg 1929; G. Roloff, Die Bündnisverhandlungen zwischen Deutschland und England 1898—1901 («Berliner Monatshefte», 1929, S. 1167 ff.); Grete Meczenszeffy, Die deutsch-englischen Bündnisverhandlungen 1898—1901 («Vierteljahrschrift für Politik und Geschichte», 1929, S. 175 ff.), а также J. Haller, England und Deutschland um die Jahrhundertwende, Leipzig 1929. Не имея возможности подробно заняться литературой из-за нехватки места*, я в тексте излагаю свою точку зрения, которая частично совпадает с точкой зрения Ролоффа. Все же хочу подчеркнуть, что, по моему мнению, вовсе не так важно, правильно ли пишет Эккардштейн или неправильно, но что речь, в сущности, идет об обоюдных интересах. Если бы эти интересы совпадали, то рано или поздно дело все же дошло бы до союза.

[3] См. Waldersee, Denkwürdigkeiten, 3. Bd., S. 113 (телеграмма кайзеру от 23 марта 1901 г. Там же ответ имперского канцлера от 26 марта 1901 г.); далее Eckardstein, op. cit., 2. Bd., S. 289 (Гольштейн — Эккардштейну 25 марта 1901 г.).

[4] Утверждения Ролоффа (op. cit., S. 1187), что ведомство иностранных дел дало оптимистическим донесениям Эккардштейна склонить себя именно в этот момент к решению второстепенных вопросов, идут слишком далеко, поскольку, как это видно из только что цитированной телеграммы Гольштейна, здесь действовали совсем иные, а именно милитаристские, силы, с которыми тщетно боролось ведомство иностранных дел.

* По этому вопросу см. далее J. Dreyer, Deutschland und England in ihrer Presse, Berlin 1934, а также Heinrich Freiherr v. Huene-Hoyningen, Untersuchungen zur Geschichte des deutsch-englischen Bündnisproblems 1898—1901, Breslau 1934. Наконец, см. Langer, Diplomacy, vol. 2, chap. XXIII.

в руководящих инстанциях удалось ему тем меньше, что, как это часто бывало, мелкие, но могущественные частные интересы завладели личностью кайзера. Вильгельм II вновь дал поймать себя на удочку. На передний план выдвинулись спекуляции, связанные с возмещением военных расходов. Одна берлинская фирма, которую подозревали в поставке пушек бурам, обратилась к германскому правительству в связи с тем, что принадлежащая ей электростанция близ Иоганнесбурга была недостаточно защищена англичанами от артиллерийского огня буров [1].

Немцы, имевшие интересы в Трансваале, пытались привлечь германское правительство к вопросу о действительном или мнимом ущербе, понесенном ими во время англо-бурской войны, и получить от Англии возмещение. С большим трудом ведомству иностранных дел удалось отговорить кайзера от намерения дать специальному эмиссару, который должен был отправиться в Лондон, чтобы представлять там эти интересы, инструкции, способные лишь затруднить англо-германские переговоры. Впрочем, эта миссия потерпела основательную неудачу, хотя сама по себе и не окончила англо-германских переговоров о союзе[2]. Через короткий промежуток времени переговоры о союзе сами собой зашли в тупик в результате столкновения интересов обеих сторон. В конце мая британский премьер-министр лорд Солсбери окончательно отклонил предложение привязать Англию к Тройственному союзу [3]. Он нашел, что требуемое от Англии не соответствует ответной уступке со стороны Германии[4]. Англия и Германия совместно преодолели узкие проливы мировой политики и некоторое время продолжали плыть рядом. Маленькое вестовое судно, нагруженное заинтересованными лицами и стремительно шнырявшее между ними, не могло побудить их к дальнейшему совместному плаванию. Теперь, опять достигнув открытого моря, они снова разошлись. Во всяком случае, провал переговоров был лишь симптомом, а не причиной ухудшения взаимоотношений. Правда, Чемберлен

[1] См. Eckardstein, op. cit., 2. Bd., S. 274 ff. В этом случае я считаю оправданным резкое суждение Эккардштейна, которое, как указывалось, я обычно не разделяю по важнейшим пунктам. «British Documents» содержат значительный материал по истории германских претензий на возмещение убытков, нанесенных во время англо-бурской войны. Речь идет в том числе о возмещении перемещенным поселенцам и акционерам Делагоанской железной дороги, перешедшей в собственность британского государства. Характерно, что крупные акционеры сбыли свои акции с рук, так что в данном случае остались лишь совсем мелкие люди, так сказать, одураченные в результате англо-бурской войны. Переговоры о возмещении продолжались долго и, так же как и неудача переговоров Эккардштейна, должны, разумеется, быть расценены как симптом, а не как причина ухудшения англо-германских отношений. Впрочем, история подобных претензий по возмещению убытков в социологическом смысле во все времена являет собою зрелище, заслуживающее того, чтобы его когда-нибудь воспроизвести.

[2] См. Eckardstein, op. cit., 2. Bd., S. 326 (Эккардштейн — Гольштейну, 30 марта 1901 г.). Иное содержание сообщения Эккардштейна правильно понято теперь как попытка необъективным освещением событий скрыть от Вильгельмштрассе неоднократное нарушение инструкций.

[3] См. BD, II, № 86 (памятная записка Солсбери от 29 мая 1901 г.).

[4] Эккардштейн напрасно пытался скрыть от германского ведомства иностранных дел невозможность союза Англии со всем Тройственным союзом. Английский министр иностранных дел лорд Ленсдаун оставил советнику посольства мало надежды. Позиция Солсбери соответствовала предположениям Ленсдауна. В целом политика Солсбери полностью оправдала недоверие, которое Гольштейн всегда к ней питал. Разумеется, решающим фактором в деле провала переговоров — которые англичане, кстати, не принимали всерьез — явились сами по себе конкретные интересы — стоявшие за Солсбери английские, с одной стороны, и германские — с другой, в то время как вранье по мелочам Эккардштейна, например неправильное сообщение о поводе к переговорам (GP, 4994, Эккардштейн — ведомству иностранных дел, 19 марта 1901 г.; BD, II, № 77, Ленсдаун— Лэсселсу, 18 марта 1901 г., а также Eckardstein, op. cit., 2. Bd., S. 334 ff., сообщение о беседе с Ленсдауном 9 апреля: «у Ленсдауна исчезает недоверие»), трюк с привлечением японской внешней политики (GP, 5037/38, Эккардштейн — ведомству иностранных дел, 16—17 апреля 1901 г.) и, наконец, обещание письменного сообщения (BD, II, № 84 от 24.5.1901, а также GP, 5008, Эккардштейн — Гольштейну, 18 мая 1901 г.) интересны и важны лишь как дипломатический метод и не более.

и герцог Девонширский в начале переговоров иногда угрожали сближением Англии с Францией и Россией. Однако кто может упрекнуть ведомство иностранных дел, если оно видело в этом не более как старый торгашеский трюк, направленный на то, чтобы использовать конкурентов друг против друга. Ведомство иностранных дел еще не имело повода считать, что Англия внезапно изменит свою позицию между двумя великими военными группировками на континенте — Антантой и Тройственным союзом,—позицию, которую она занимала в течение десятилетий. Руководители ведомства иностранных дел не отличались от своих политических противников недостатком предвидения. Напротив, мнение Гольштейна, что все останется по-старому и что кит и медведь никогда не смогут вступить в брак, в той же мере отвечало интересам ведомства иностранных дел, как противоположное мнение Эккардштейна — социологическим интересам, с которыми он был связан. История показала, что прав был Эккардштейн, а не его противники в ведомстве иностранных дел. Однако нельзя забывать, что Гольштейн мог бы проводить политику в контакте с Англией лишь в том случае, если бы в противоположность сопротивлявшимся руководителям флота к ней были привлечены по крайней мере руководящие военные органы, чему, однако, помешала английская политика.

Задача исторической науки — изучить эти интересы и выявить социологические причины антагонизмов в мировой политике. Для позиции, занимавшейся ведомством иностранных дел, большую роль играл тот факт, что нельзя было решиться оттолкнуть промышленников и флот. Кроме того, Бюлов прилагал все усилия к тому, чтобы привлечь на свою сторону аграриев, в лице политического представителя которых Микеля он имел наряду с Гербертом Бисмарком еще одного конкурента на пост канцлера. Именно в дни, когда велись переговоры с Англией, он добился решающего успеха в борьбе за укрепление своего положения, в которой он не знал себе равных: в начале мая Микель ушел со своего поста. Микель вместе с аграриями выступал против строительства Среднегерманского канала, однако затем, в свойственной ему сверххитрой манере, внезапно изменил позицию, увидав, что по вопросу о канале кайзер вместе с промышленностью выступает против него. В конце апреля 1901 года стало ясно, что прусский ландтаг и на этот раз не удастся склонить к постройке канала. Бюлов воспользовался этим для мастерского удара: он распорядился закрыть ландтаг — мера, хотя и неожиданная, однако удовлетворившая как противников канала, для которых проект канала был снят на некоторое время с повестки дня, так и его сторонников, которые надеялись в один прекрасный день вернуться к проекту со свежими силами. Однако жертвой этой политики явился прусский министр финансов, который своей хитростью сам вырыл себе могилу и которому Бюлов с чувством большого удовлетворения 3 мая через начальника секретариата кайзера послал шелковый шнурок[1]. В этот момент, который, как это видно, точно совпадает с кульминационной стадией переговоров об англо-германском союзе, главное заключалось в том, чтобы после падения вождя привлечь на свою сторону силы, которые он до этого вел за собой. Все левые с гневом смотрели на новый состав кабинета. По их представлениям включение в новый кабинет прежнего министра почт фон Подбельского означало уступку сельскому хозяйству, металлопромышленник же Мёллер-Бракведе в качестве прусского министра торговли олицетворял уступку промышленности. Прусским министром финансов стал барон Рейнбабен, доверенное лицо Крупна. Как бы аграрии ни ворчали по поводу свержения Микеля, а Союз сельских хозяев ни предчувствовал с недовольством

[1] В своих воспоминаниях князь Бюлов благоразумно не стал вдаваться в подробности этой интересной интермедии. Однако тогдашняя пресса полна ею. Хорошо осведомленная «Франкфуртер цейтунг» подробно описывает борьбу между Бюловым и Микелем («Frankfurter Zeitung» от. 5.5.1901).

границ, до которых самое большее могло осмелиться дойти правительство в своей политике аграрных тарифов, резкого поправения нельзя было отрицать. В Германии было создано правительство концентрации капитала, крупного землевладения, политики «сплочения», следовательно, покровительственных пошлин. Само собой разумелось, что такой кабинет должен был расширять свою базу вправо, насколько было возможно. Но тем менее Германия могла сблизиться с Англией. Правительство опиралось частично на заинтересованные в строительстве флота группы в государственном аппарате и парламенте. Однако правые аграрии, которых было желательно завоевать на свою сторону, были еще более враждебны по отношению к Англии, чем промышленники. Крупные землевладельцы хорошо сознавали основательную слабость огромного фритредерского государства. Взаимные торгово-политические уступки Англия могла делать лишь за счет своих доминионов. В качестве эквивалента за наибольшее благоприятствование, предоставленное Англии в интересах германской перерабатывающей промышленности, постоянно выдвигалось требование сделать открытыми британские колонии и доминионы. В течение многих лет немецкие аграрии подготавливали таможенную войну с Британской империей, которая должна была парализовать ввоз из-за океана[1]. Однако не менее безоружной, чем против повышения германских пошлин на зерно, Англия была и против тенденций Германии к установлению покровительственных пошлин и картелированию. В те годы под эгидой Чемберлена Британская империя безуспешно пыталась оградить себя и доминионы кольцом покровительственных пошлин. В Англии отсутствовали предпосылки как для покровительственных пошлин, так и для картелирования, на которое опиралось движение за покровительственные пошлины на континенте. Промышленность Англии, как и прежде, оставалась большей частью экспортной промышленностью. На экспорт товаров с островов обменивали сырье. Вмешательство в этот механизм создавало угрозу снабжению продовольствием. Таможенный барьер вокруг империи оказался недостаточным эквивалентом, чтобы компенсировать связанное с ним осложнение английского экспорта развитием экспорта внутри империи. В еще меньшей степени речь могла идти о таможенном кольце только вокруг Британских островов. Однако там, где не было покровительственных пошлин, лишь с трудом могли возникать картели, польза от которых снижается, если производимые ими товары сбываются вне таможенных границ. Но даже независимо от этого Англия с ее большой протяженностью берегов не была приспособлена для создания картелей. Как правило, картели ограничиваются обычно естественной областью сбыта, на границе которой они вынуждены держать цены на более низком уровне, чтобы помешать проникновению конкурентов. Значение этой меры тем больше, чем ниже пошлины, которыми окружены страна и соответствующая промышленность. Однако подобная политика цен была невозможна в Англии с ее чрезвычайно растянутыми морскими границами, тем более что главные области сбыта находятся именно на этих границах[2]; таким образом, естественная область сбыта внутри страны, где другие страны не могли конкурировать из-за высоких транспортных расходов, имела небольшое значение.

Наоборот, в Германии ради сохранения расшатывавшихся позиций аграриев пытались затормозить пережитый Англией процесс социального развития и превращение в чисто промышленное государство. Комбинированная индустриально-аграрная политика покровительственных пошлин эры Бюлова, оцениваемая с точки зрения аграрных пошлин, означала — неудавшуюся, правда — попытку повысить производство зерна в стране

[1] Г. Рёзике, Герман Пааше и Дидерих Хан в рейхстаге, 16 июня 1899 г.

[2] См. полемику Гольштейна («Zeitschrift für Sozialwissenschaft», 4. Bd., Heft 1, S. 426 ff.) с Лифманом, который отнес недостаточные тенденции к картелированию в Англии за счет духа английского предпринимательства.

к невыгоде других стран и по возможности сохранить автаркию Германии, исходя также из военных соображений. В результате того, что Германия по сравнению с Англией имела относительно благоприятную географическую и социологическую структуру внутреннего рынка, она могла позволить себе проводить такую торговую политику, которая дала тяжелой промышленности возможность системой пошлин на промышленные товары возместить демпинг на мировом рынке и повышение цен на зерно.

Однако развитие картелирования и агитацию за связанные с ним покровительственные пошлины в большой степени подталкивал и определял начинавшийся тогда общий кризис. Второй флотский закон был принят в Германии еще в условиях высокой конъюнктуры. Агитация в пользу этого второго закона в значительной мере носила характер болезненной попытки стабилизовать конъюнктуру. Биржевые курсы еще раз временно поднялись. Однако потом равновесие нельзя было более восстановить. За биржевым кризисом последовал экономический крах.

Экономический кризис и покровительственный тариф

Под знаком этого развития проходили переговоры о новом германском таможенном тарифе. В июне 1901 года представители союзных германских правительств собрались в Берлине для обсуждения новой таможенной политики. Бюрократы, тесно связанные с промышленностью, рассматривали покровительственный тариф (Schutzzollwerk), который в гораздо меньшей степени, чем этого желало сельское хозяйство, шел навстречу его требованиям, так как надо было принять во внимание интересы промышленного экспорта[1].

С новым покровительственным тарифом было, естественно, связано политическое господство Партии центра, которая, представляя собой микрокосм германских экономических условий[2], была необходима правительству для урегулирования аграрных и промышленных противоречий. Новый лидер Центра Петер Шпан поддерживал правительство, в чем ему со стороны консерваторов помогали лидеры Консервативной партии граф Каниц и граф Шверин-Лёвиц. Конкурировавшие с консерваторами лидеры Союза сельских хозяев (частично буржуазного происхождения) собирали тем временем неудовлетворенную часть сельских хозяев для атак против парламентской политики консерваторов[3]. После опубликования тарифа в середине лета 1901 года вся германская внутренняя политика стала вращаться вокруг борьбы за пошлины. В начале октября Центральный союз германских про-

[1] Имена участников конференции см. у Бюлова (B ü l o w, op. cit., 1. Bd., S. 531). Для знатока этого периода Рейнбабен, Кёрнер, Мёллер и Тильман — это откровенные представители промышленных кругов. Баварский министр финансов Ридль представлял интересы мюнхенских пивоварен. А г-н фон Подбельский одновременно представлял сельское хозяйство и промышленность. Его роль в гешефтах, связанных с поставками для армии, хорошо известна.

[2] См. B ü l o w, op. cit., 1. Bd., S. 531.

[3] История борьбы Союза сельских хозяев против Консервативной партии еще не написана. Именно крупное дворянское землевладение во главе с графами Каницем и Шверином являлось крупным потребителем сельскохозяйственных орудий, и поэтому его можно было склонить к уступкам, которые были менее выгодны большинству сельских хозяев, и прежде всего средним землевладельцам. Агитация Союза сельских хозяев частично носила явно плебейский, неаристократичный характер. Все же противоречие между Консервативной партией и Союзом сельских хозяев не идентично противоречию между крестьянством и аристократией. Среди шумевших сельских хозяев было много дворян, для широких масс Союз сельских хозяев являлся настоящим воплощением юнкерства. Следовательно, решающей является здесь структура представляемых обеими сторонами аграрных интересов, которые, однако, нужно изучить более подробно, чем это может быть сделано здесь.

мышленников в принципе высказался против требований аграриев. В рядах промышленников различные группы боролись между собой; экспортная промышленность противилась повышению цен на сырье, к радости биржи и оптовиков, союзником которых в борьбе против правительственных пошлин была парламентская группа Союза свободомыслящих. Это была ожесточенная борьба интересов, изобиловавшая тактическими ходами и уловками. «Крейццейтунг» угрожала промышленности возобновлением социальной политики восьмидесятых годов, которая легла бы бременем на плечи предпринимателей. Рабочий вопрос, как обычно, был для аграриев прекрасным средством для наступления на предпринимателей, однако они не были склонны снизить цены на хлеб для городских рабочих. По этим же причинам социал-реформистские элементы во главе со Штёккером, и особенно штёккеровское левое крыло, откололись от правых в парламенте. В октябре того же года пастор Фридрих Науман, пытавшийся перед лицом воспоминаний о событиях 1890 года поставить господствующий вильгельминизм на службу социальной демократии, чтобы предложить кайзеру в виде возмещения услуги демократии, начал издавать журнал «Ди хильфе». Кайзер, внутренне слишком несерьезный и неуравновешенный для подобной роли, кажется, был тогда уже занят другим делом. В конце октября, как раз в то время, когда Национал-либеральная партия устраивала множество собраний в интересах промышленности[1], ходили слухи, что кайзера удалось привлечь на сторону требований тарифа. В рядах аграриев было известно, что кайзер тогда очень сблизился с представителями крупных пароходных обществ, которые во время тогдашнего кризиса готовили главный удар в мировой политике. В ту осень Альберт Баллин пользовался большой благосклонностью кайзера. Однако пароходные общества означали экспорт и импорт и борьбу прежде всего против аграрных пошлин, затрудняющих импорт иностранного зерна [2]. Уже сама по себе агитация в пользу покровительственных пошлин означала обострение отношений с заграницей. Однако, чтобы добиться покровительственных пошлин, было бы полезно наглядно продемонстрировать немецкой общественности необходимость национальной автаркии, производства нужного Германии зерна в самой стране. Как раз в те дни для этого представился весьма желанный повод. Джозеф Чемберлен вновь произнес одну из своих необдуманных речей и сравнил поведение немцев в 1870 году с действиями англичан в англо-бурской войне и с происшествиями во время польской, кавказской и других войн. При других обстоятельствах на эту речь не обратили бы внимания; однако агитация в пользу покровительственных пошлин навела на мысль раздуть этот инцидент. Германская пресса не заставила повторять себе подобные вещи дважды; синоды, солдатские союзы, студенты и доморощенные политики из мелкого бюргерства принимиал резолюции, осуждавшие виновников англо-бурской войны; сам Бюлов, которому до сих пор удавалось помешать ухудшению англо-германских отношений, потребовал извинения от английского кабинета[3]. «Здесь к месту, — сказал канцлер, — слова Фридриха Великого: «Предоставьте мужчине свободу действий и не волнуйтесь: он будет грызть гранит». Германский рейхстаг был того же мнения. Даже левые не стали защищать Чемберлена. Ойген Рихтер констатировал, что весь рейхстаг единодушен в своем отношении к высказываниям английской стороны[4].

[1] Schultheß, Jg. 1901, S. 51.

[2] О влиянии «Северогерманского Ллойда» и ГАПАГ на тариф см. K i e s e w e t t e r, Der Bund der Landwirte, S. 77, а также H u l d e r m a n n, Albert Ballin, London 1932, S. 61 ff. По данным Хюльдермана (S. 78), Баллин в критический период (13—16 октября 1901 г.) был у кайзера в Хубертусштокке.

[3] См. B ü l o w, op. cit., 1. Bd., S. 552 ff., а также GP, 5073, Меттерних — Бюлову, 19 ноября 1901 г.; 5074, Бюлов — Меттерниху, 26 ноября 1901 г.; 5075, Меттерних — ведомству иностранных дел, 26 ноября 1901 г., и т. д.

[4] Ойген Рихтер в рейхстаге, 8 января 1902 г.

Лишь немногие газеты взяли Англию под защиту, а фон Либерман как оратор крайних правых высказался столь неумеренно, что Бюлов, наконец, использовал свое выступление против Либермана, чтобы несколько ослабить резкость его речи[1].

В этот момент проект таможенного тарифа в первом чтении уже прошел через рейхстаг[2]. Главные заинтересованные лица потеряли голову. Как всегда, борьбу в рейхстаге возглавляли сами причастные к этому лица. В декабре Бебель смог указать на то, что значительная часть рейхстага заинтересована в повышении пошлин на зерно и скот, так как состоит из землевладельцев. «Я чрезвычайно сожалею,— сказал социал-демократический лидер,— что мы не имеем такого положения в распорядке ведения заседаний, которое предписывало бы, чтобы каждый депутат, лично заинтересованный в каком-либо вопросе, при голосовании должен был выйти. Я убежден, что тогда мы имели бы большинство» (*Большое оживление в зале.*) Подарок, сделанный аграриям с помощью покровительственных пошлин, социал-демократия оценила в 1,3 миллиарда марок[3]. Заинтересованность княжеских родов в повышении пошлин на зерно дала социал-демократии прекрасный материал для агитации[4]. Борьба в рейхстаге стала тем ожесточеннее, что промышленники объявили принятие проекта закона, поставленного под угрозу аграриями, совершенно необходимым для преодоления мирового экономического кризиса[5].

Социал-демократы и свободомыслящие наперебой заявляли, что в вопросе о покровительственных пошлинах речь идет лишь о сделке между промышленностью и сельским хозяйством за счет третьих лиц. Конечно, потребители и рабочие были меньше заинтересованы в пошлинах, чем правящие классы Германии. Особенно наглядно это было видно по распределению земельных владений в Пруссии. Бебель подсчитал, что в 1895 году в Пруссии на 1045 неотчуждаемых наследственных владений (Fideikommisse) приходилась 2221 тысяча гектаров земли и что 23 правящих семейства владели из них не менее 204 тысячами гектаров.

Все же, к радости оппозиции, заинтересованные лица еще пребывали в глубоком раздоре между собой. Герберт Бисмарк в рейхстаге и лидер консерваторов фон Гейдебранд безуспешно высказывали свое огорчение по поводу положения сельского хозяйства; кайзер, по мнению аграриев, находился в руках промышленников. В ганзейских городах говорили, что монарха удалось склонить в пользу повышения сельскохозяйственных пошлин лишь благодаря мысли, что с этим связана основа существования офицерского корпуса, что он не должен оставлять в беде сыновей тех отцов, которые проливали кровь на полях сражений в Пруссии[6].

При такой позиции правящих кругов нечего было и думать о привлечении крайнего аграрного крыла. Следовательно, промышленность тем более должна была стараться привлечь Центр к решению вопроса. Все козыри были в руках католической партии. Ее тактика в вопросе о покровительственных пошлинах была мастерской, с парламентской точки зрения прямо-

[1] См. Bülow, op. cit., 1. Bd., S. 554 (речь в рейхстаге 10 января 1902 г.).

[2] Дебаты в рейхстаге 2—12 декабря 1901 г.

[3] Бебель в рейхстаге, 5 декабря 1901 г.

[4] Как явствует из речи Пауля Зингера в рейхстаге от 12 декабря 1901 г., 15 человек из правящих семейств, в особенности из Саксонии и Тюрингии, получали по таможенному законопроекту 2 328 621 марку прибыли в год, 38 человек из высшего дворянства — от 2116 тысяч до 3176 тысяч марок. Германский кайзер, по подсчетам социал-демократов, получал от покровительственных пошлин прибыль в размере 476 280 марок ежегодной ренты. С введением тарифа эта сумма должна была увеличиться до 680 700 марок.

[5] О влиянии покровительственных пошлин на смягчение кризиса говорили почти все ораторы промышленников (см., например, речь Мюнх-Фербера в рейхстаге 12 декабря 1901 г.). Аграрии также прекрасно знали эту потребность промышленности (Эртель в рейхстаге, 8 января 1902 г.).

[6] Сообщение Клюгмана от 27 января 1902 г. (Гамбургский государственный архив).

таки гениальной. Нельзя забывать, что Центру приходилось удовлетворять самые различные интересы: крупных и мелких землевладельцев, а также промышленности, мелкого бюргерства и рабочих. Этим различным интересам соответствовало предложение повысить пошлины на зерно и на промышленные товары, однако доходы от повышения передавать не рейху, а специально созданной организации помощи вдовам и сиротам. Это предложение, названное по имени депутата Тримборна, убивало сразу трех зайцев. Во-первых, оно удовлетворяло аграриев Центра, во-вторых, соответствовало христианской любви к ближнему и, следовательно, привлекало некоторых рабочих, не говоря уже о работодателях, и, в-третьих, позволяло по-прежнему держать империю в финансово-политическом отношении в руках Центра, то есть стабилизировало капелланократию. Имперская бюрократия неистовствовала. Однако что можно было сделать в то время против Центра? Оставались обычные закулисные переговоры[1]. За принятие предложения Тримборна правительством и за чаевые для баварских крестьян, производящих ячмень, на который, к огорчению баварской бюрократии, повысили пошлины[2], Центр отказался от повышения тарифных ставок на зерно сверх позиций, предложенных правительством[3]. Результат означал победу тяжелой промышленности, которая с самого начала выступала за правительственный проект. Большинство консерваторов уже в последнюю минуту удалось склонить к компромиссу снижением пошлин на сельскохозяйственные орудия. Собранное таким образом большинство подавило обструкции свободомыслящих и социал-демократов; в результате нарушения порядка ведения заседаний в ночь с 13 на 14 декабря появился новый таможенный тариф. Однако борьба за пошлины не закончилась без того, чтобы не спровоцировать еще раз внешнеполитическую интермедию. Это произошло следующим образом: 16 октября 1902 года Бюлов сделал заявление о том, что правительство не пойдет на уступки аграрному большинству рейхстага в вопросе о проекте тарифа на зерно. Казалось, тем самым тариф провалился. Аграрии уже стали верить в сохранение прежних торговых договоров. В это время у ворот Германии появились, ища помощи, три бурских генерала — Бота, Девет и Деларей, которые до самого конца вели борьбу с Англией партизанскими методами. В такой момент наивысшего напряжения их приезд произвел такое же впечатление, как и речь английского министра колоний ровно год назад. Но в отличие от прошлого года английская пресса также пришла в возбуждение, в котором, однако, звучало больше, чем одно лишь чувство вновь обретенной внешнеполитической безопасности и свободы действий. Вокруг вопроса, примет ли кайзер бурских генералов или нет, разгорелась ожесточенная борьба; вопрос о приеме бурских генералов стал символом англо-германских отношений[4]. Вильгельм II, стоявший во время всей англо-бурской войны, вопреки своим преувеличенным заверениям в обратном, почти полностью на стороне англичан, не имел никакого желания принимать посланцев народа, который раньше мог рассчитывать на его помощь, но с 1898 года оказался покинутым германским правительством. Когда кайзер услышал, как расценивают визит бурских генералов в Англии, он сразу же отказался их принять[5]. Тем в большей степени занялась бурами германская общественность. Герберт Бисмарк показал ведомству иностранных дел, что он все еще существует, и демонстративно сфотографировался на групповом снимке среди бурских генералов, которых

[1] Сообщение Клюгмана от 30 января 1902 г. (Гамбургский государственный архив), а также B a c h e m, op. cit., 4. Bd., S. 158 ff.

[2] Очень стоило бы когда-нибудь изучить связь между иозефинским бюрократизмом в Баварии и местной баварской пивоваренной промышленностью.

[3] Согласно им, ставка на пшеницу достигла 5,5 марки, а на рожь — 5 марок.

[4] См. GP, 5095, 5103.

[5] Пометка Вильгельма II на сообщении Эккардштейна Бюлову от 4 октября 1902 г. (GP, 5101).

он водил по рейхстагу[1]. Семитские антисемиты втиснулись в ряды сторонников буров. О журналисте Лимане и депутате от Имперской партии д-ре Отто Арендте, которых тоже можно было видеть на этой фотографии, говорили в этой связи разное.

Однако официозная Германия отклонила прием буров. На банкете в филармонии присутствовали только крайние правые консерваторы, например граф Мирбах-Зорквиттен, антисемит аграрий Либерман фон Зонненберг и представители германского среднего сословия. Группы и органы содействия бурам, возникшие в Германии во время англо-бурской войны, пытались оправдать свое дальнейшее существование. С 1904 года вместо англо-бурской войны необходимый материал давало им восстание гереро. Германская колониальная агитация передвинулась из Трансвааля в Германскую Юго-Западную Африку.

Жалобы аграриев, сыгравшие столь значительную роль в бурском вопросе, отнюдь не прекратились окончательно с принятием таможенного тарифа. Таможенный тариф оставил открытой сахарную проблему. Жалобы по поводу непринятия бурских генералов были после окончания борьбы за пошлины законсервированы и появились вновь в начале 1903 года, во время дебатов по вопросу о сахаре. В марте 1902 года Англия, угрожая, что на внутреннем рынке она будет оказывать предпочтение сахару из своих колоний, добилась от европейских держав, вплоть до России, отказа от тех экспортных премий, с помощью которых страны континента поддерживали вывоз сахара в Великобританию. Гнев сахарозаводчиков, направленный против германского правительства, которое законом о сахарине лишь частично подсластило для аграриев эту свою политику, проводившуюся как в интересах потребителей, так и по внешнеполитическим соображениям, привел в дальнейшем к постоянным нападкам на политику германского канцлера. При этом, как обычно, вперед выступил Герман Пааше, главное лицо в рейхстаге, заинтересованное в сахарных вопросах; этот будущий вице-президент рейхстага одновременно сумел открыть для аграриев-свекловодов еженедельник «Цукунфт», издававшийся его близким родственником Максимилианом Гарденом[2]. В начале 1903 года во время дебатов в рейхстаге, носивших характер эпилога к вопросу о таможенном тарифе, все эти внутри- и внешнеполитические проблемы еще раз переплелись. С бурским вопросом рейхстаг покончил под знаком сахара.

Победа сторонников Дрейфуса во Франции и временное ослабление русско-французского альянса

Кризис 1900—1901 годов не только односторонне обострил отношения Германии с другими странами, но и поставил почти все государства в затруднительное положение, что нашло свое выражение в усилении международных трений. В России промышленный кризис начался уже несколько ранее. Повышение курсов акций в девяностых годах вообще следовало отнести лишь за счет Сибирской железной дороги, на строительство которой уходило около половины продукции русской металлургической промышленности девяностых годов[3]. Однако к концу столетия строительство железной

[1] См. Eckardstein, op. cit., 2. Bd., S. 405 ff. (Гамман — Эккардштейну, 17 октября 1901 г.).

[2] См. ожесточенные нападки на имперскую сахарную политику со стороны Э. Клаппера в «Цукунфт» от 22 марта 1902 г.

[3] Это и последующее излагаю по Покровскому (М. Н. Покровский, Русская история в самом сжатом очерке, М., 1933, стр. 257—258).

дороги приблизилось к завершению. Производство рельсов, главным образом металлургической промышленностью юга России, сократилось с 70 процентов общей продукции этого района в 1895 году до 44,5 процента в 1899 году. Однако с 1901 года падает не только производство рельсов, но и все производство чугуна. Количество рабочих, занятых в южнорусской металлургической промышленности, с 1899 по 1901 год уменьшилось на значительную для России того времени цифру, а именно на 6 тысяч человек. Экономический кризис в России ощущался еще более резко, чем во всем мире, так как русское крестьянское население, главный потребитель продукции русской промышленности, в течение десятилетий находилось в тяжелом положении и так как Россия, как страна, экспортирующая зерно, была не в состоянии, подобно другим странам, оградить свое национальное зерновое производство от последствий кризиса с помощью покровительственных пошлин. Однако ненадежный русский торговый баланс вынуждал правительство устанавливать на промышленные товары пошлины, носившие характер запретных, в целях развития еще очень отсталой русской промышленности и привлечения европейского, и особенно французского, финансового капитала; последний вряд ли думал о том, что высокие проценты, получаемые им от России, являлись не чем иным, как выражением задавленности русского крестьянина налогами и высокого уровня цен на товары. Нужда крестьянина дает хлеб фабрике, гласила русская поговорка. Начинавшийся экономический и финансовый кризис в России имел огромное внешнеполитическое значение. Уже в 1899 году отсутствие финансовой возможности идти в ногу с вооружением Австрии привело к появлению знаменитого царского манифеста, который созвал народы мира, к их великому удивлению, на мирную конференцию в Гаагу[1]. Эта первая мирная конференция при господствовавших в Европе социальных условиях была, конечно, ударом по воздуху. В комиссии по разоружению сидели офицеры, что было, как заметил один дипломат, примерно то же самое, что собрать сапожников для обсуждения вопроса об устранении из обихода сапог. Отсутствовала третья сила, которая вынудила бы европейские империалистические державы к единению. Тогда у Европы не было еще деспота в духе Макиавелли, который заставил бы ее объединиться[2]. Влияние этой конференции на общественность было равно нулю. Лишь немногие, разумеется, совершенно скептически настроенные журналисты сидели на трибунах[3]. Работа конференции важна для истории международного права. Однако социологически конференция не создала новых связей длительного характера.

Итак, финансовые трудности в России не были устранены с помощью этого средства. Ничто не могло помешать великому краху, потрясшему в сентябре 1899 года петербургскую биржу[4]. Его влияние на внешнюю политику было гораздо более значительно, чем думали тогда. Падение биржевых курсов и растущие русские финансовые трудности явились ударом по русофильской партии во Франции, которая тогда, во время дела Дрейфуса, боролась за свое существование против одерживавших успехи левых. Нельзя забывать, что эта крупная афера вертелась не столько вокруг совершенно незначительной личности капитана Дрейфуса, сколько вокруг

---

[1] См. граф С. Ю. Витте, Воспоминания, т. 2., М., 1960, стр. 159—162.

[2] Я намеренно не останавливаюсь подробно на первой Гаагской мирной конференции, так как роль Германии на конференции изложена в литературе, например в документах немецкой комиссии по расследованию вины Германии в войне, гораздо более детально, чем это возможно в рамках настоящей работы.

[3] О социологии пацифизма см. гл. 5 настоящей книги. О результатах конференции см. Alfred Fried, Handbuch der Friedensbewegung, 2. Aufl., Berlin 1911, S. 201 ff.

[4] См. A. v. Hedenström, Geschichte Rußlands 1878 bis 1918, Stuttgart 1922, S. 66.

вопроса о коррупции в государстве и особенно в генеральном штабе, во главе которого стоял генерал де Буадеффр, олицетворявший собой франко-русский альянс.

Распространено мнение, что дело Дрейфуса закончилось победой правды и права. По этому мнению справедливость сделалась постоянным достоянием европейской демократии. Матадоры совести встают один за другим: Шейрер-Кестнер, Рейнак, Матьё Дрейфус, Клемансо, защитник Лабори и, наконец, как главный борец, Эмиль Золя. Все больше и больше узнает правду общественное мнение Франции, побеждает дух просвещения, который более ста лет назад смог превратить дела Кала и Сирвена в достояние общественности. Одна за другой рушатся опоры реакции. Даже в отношении Пуанкаре забывают, что позже он станет виновником мировой войны. А Делькассе, министр иностранных дел в кабинете Вальдек-Руссо, сам едет в Петербург, чтобы настроить русских в духе пересмотра дела.

Спустя двадцать или тридцать лет интерес ко всему этому вновь пробуждается, так как опубликованные документы германского общественного комитета показали, что германский военный атташе фон Шварцкоппен действительно был связан с настоящим виновником, майором французского генерального штаба Эстергази, из-за которого невиновный Дрейфус был сослан на Чертов остров.

Все идет хорошо. Освещенное бенгальскими огнями право поднимается из развалин гнилого государственного здания. Демократия, дело народа победили. Эмиль Золя, лично участвовавший в кампании, выиграл ее. Все же мы думаем, что не умалим заслуги этих бесстрашных людей, которые были вынуждены защищаться от большинства, сильного и глупого в своем эгоистическом безумии, если укажем, что победа сторонников Дрейфуса представляется нам стоящей в непосредственной связи с русскими финансовыми трудностями и непопулярностью, которая начала окружать царизм. Мировая история не знает happy ends, и то, чему верят, не кажется глупым, пока существует заинтересованность в этой вере. Гораздо более глупые вещи, чем сказка о невиновности тогдашнего французского генерального штаба, воспринимались как правильные. Правда лишь потому смогла выйти во Франции наружу, что одновременно происходил значительный социальный сдвиг. С падением курса русских ценных бумаг и ростом непопулярности России левые во Франции добились успеха сначала под знаком Вальдек-Руссо, чтобы пробыть у власти как раз до тех пор, пока вновь не появится заинтересованность в великодушном финансировании русского союзника.

Специфической задачей министра иностранных дел Делькассе было проскочить через этот промежуточный период. Он был сторонником пересмотра процесса и убедил русских, что их делу будет нанесен наименьший ущерб, если на это будет дано согласие. Именно благодаря этому он стал средоточием русской политики во Франции. Он был человеком, который гарантировал финансовые и военно-промышленные связи с Россией даже в период больших трудностей[1].

Непопулярность России во Франции усилилась после окончания «дела», так как Россия все время пыталась помешать необходимым изме-

[1] Книга Вайля (B r u n o W e i l, Der Prozeß des Hauptmanns Dreyfus, Berlin 1930) интерпретирует новый документальный материал в духе Золя. Отказ германского правительства пойти дальше своих официозных заявлений о том, что Германия не имеет ничего общего с Дрейфусом, и разрешить германскому военному атташе высказаться — будь то в Германии или во Франции,— очевидно, объясняется боязнью навлечь подозрение на полную скрытность Германии в вопросах, касающихся шпионажа. С точки зрения этики того времени германскому правительству нельзя сделать никакого упрека, так как официальное заявление германского военного атташе о факте совершенного шпионажа было бы безусловно использовано для агитации против Германии. См. особенно GP, 3630, Бюлов — временному поверенному в Париже, 29 августа 1899 г.

нениям в личном составе генерального штаба[1]. Антирусские голоса усилились. Золя, Анатоль Франс, Жюль Клареси, Октав Мирбо, Метерлинк действовали в пользу русских революционеров, осмелившихся выступить в России в результате провала виттевской политики покровительственных пошлин. Казалось, на Востоке назревала революция, которая рано или поздно произошла бы и без русско-японской войны. Царю дали плохой совет, когда он, очевидно, под давлением русских военных, возмущавшихся делом Дрейфуса, грубо обошелся с Францией, не посетив Всемирную выставку в Париже[2]. Германский посол в Париже князь Мюнстер сказал с хладнокровием, характерным для этого старца и в его отношениях с ведомством иностранных дел, что Россия напоминает ему теперь немецкого студента, который внезапно увидел, что источник, откуда он получал деньги, иссяк[3]. Об интенсивности франко-русских отношений можно было почти всегда судить по биржевому бюллетеню. Точно так же, как и во время кризиса начала девяностых годов, в Париже никто и знать ничего не хотел о России. Лишь во время маневров и в официальных случаях звучало «Vive la Russie!» Если же в парижских магазинах игрушек спрашивали оловянных русских солдатиков, то в ответ слышалось: «Cela ne se vend plus»[4].

---

[1] См. René Pinon, La France et l'Allemagne 1870—1913, Paris 1913, p. 93.

[2] См. GP, 5589, Мюнстер — Гогенлоэ, 5 мая 1900 г.

[3] См. GP, 5890, Мюнстер — Гогенлоэ, 10 октября 1900 г.

[4] См. GP, 5890. Отношения и в последующие годы оставались прохладными. GP, 5899, Пюклер — Бюлову, 27 октября 1901 г. При царском дворе ужасались падению религии и дисциплины во Франции.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВОРОТА

Финансовая прелюдия к будущей англо-русской Антанте

Финансовые затруднения России на рубеже столетий стали существенным отправным пунктом всеобщего поворота во внешней политике. Еще в начале 1899 года русский министр финансов Витте в памятной записке распространялся о преимуществах сближения с Англией. Он мотивировал это тем, что Франция перестала быть благоприятной почвой для удовлетворения потребности России в деньгах, в то время как Англия в этом отношении кажется еще весьма пригодной, а Германия не может быть принята во внимание из-за требуемых ею высоких процентов[1]*. Сказанное здесь о Германии было верным лишь относительно, так как русско-германский торговый договор 1894 года привел к новому наступлению германской промышленности; а связанная с этим отмена запрещения заклада ценностей привела в свою очередь к чрезвычайно активной деятельности старого русского консорциума на берлинском рынке; однако все же верно, что подобное финансирование тотчас же приостанавливалось, как только сбыт в России переставал себя оправдывать, так что Россия вынуждена была с мужеством отчаяния искать новые источники денег, где бы они ни появлялись. Вполне понятно, что удовлетворению этих русских финансовых нужд на рубеже столетий препятствовали сильные трения между Англией и Россией в Восточной Азии. Лондонские Ротшильды охотно выставили за дверь финансового агента Витте Ротштейна, при посредничестве которого в то время французы обычно финансировали русский империализм на Востоке[2]. Однако даже после такой неудачи Витте отнюдь не отказался окончательно от своей надежды на финансирование со стороны Англии[3]. В конце 1900 года в «Таймс» можно было заметить попытки прощупать возможность англо-русского

[1] Эту памятную записку я цитирую по «Крейццейтунг» от 2 мая 1899 г. Европейской науке следовало бы еще подробнее изучить влияние русской финансовой политики на мировую войну, чем это сделано до настоящего времени. Мне не известно, работали ли в России над детальным изучением этого вопроса**.

[2] См. Eckardstein, op. cit., 2. Bd., S. 181 ff.

[3] См. Eckardstein, op. cit., 2. Bd., S. 182. Приведенные у Эккардштейна финансовые и экономические детали чрезвычайно интересны и наилучшим образом дополняют уже известные факты. Ведь по известным причинам Эккардштейн был посвящен в эти отношения, как никто другой.

* Политика Витте полностью была направлена на удовлетворение потребности России в деньгах. Во время русско-японской войны, когда для русских были закрыты английский и частично даже французский кошельки, он сделался борцом за континентальный блок с включением Германии, где ему давали бы займы. В конце 1905 г., когда деньги с Запада снова потекли, он возвратился на прежний путь. По своим чувствам Витте был скорее германофилом.

** По этому вопросу см. последние главы Langer, Diplomacy, vol. 2, в которых оцениваются и цитируются русские исследования, в том числе прекрасная работа Б. А. Романова «Россия в Маньчжурии (1892—1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма» (Л., 1928).

соглашения, которые, конечно, осуществлялись за счет фондов Витте. Международной дипломатии было известно, что русскому зондированию возможности получения займов во Франции был дан отпор[1]. Положение России было тем более тяжелым, что при размещении русских займов в Германии — то есть единственном выходе, который ей еще оставался, — она должна была ожидать предъявления торгово-политических требований как со стороны германских промышленников, так и со стороны германских аграриев; удовлетворение же требований последних должно было еще более обострить кризис русской промышленности и экспорта зерна[2]. Однако, с другой стороны, русское народное хозяйство и особенно промышленность тем менее могли теперь отказаться от основанной на займах экономики, что ее кажущийся расцвет в предыдущем десятилетии основывался почти исключительно на предоставлении государственных субсидий, которые государство брало из займов, что, заметим кстати, в значительной степени объясняет рабскую преданность по отношению к царизму. Час от часу возрастало давление на русского министра финансов, чтобы он вновь открыл биржевому богу вышедший из строя вентиль для притока денег из-за границы. В этих условиях в России по отношению к единственному источнику, на который можно было рассчитывать, а именно к Англии, возник своего рода пацифизм, обусловленный финансовыми соображениями, то была законченная противоположность политике торгового капитала, который, будучи заинтересован в свободном вывозе зерна, так же, как и Витте, не был склонен к какой-либо военной авантюре. Бок о бок с военным министром Куропаткиным, который был готов к обеспечению распространения русских интересов на запад и юг, но не на восток, Витте, как будет показано ниже, вскоре также выступил против русской экспансионистской политики, которая, правда, позже под давлением заинтересованных придворных кругов все же привела к взрыву русско-японской войны. Следовательно, русско-английскому сближению предшествовали совершенно конкретные причины. Финансово-экономическое давление определяло деятельность той клики журналистов, в большинстве случаев русского происхождения, которая сразу же в начале столетия обосновалась в определенных английских газетах, в частности в «Таймс» и особенно в еженедельниках. Эти подозрительные лица, которых можно было регистрировать в алфавитном порядке, были хорошо известны Вильгельмштрассе, несмотря на их псевдонимы; например, об имени Калхас, появлявшемся время от времени, Гольштейн заметил, что в нем нет ничего греческого, кроме религии. Старейшиной этих агентов в известной степени был г-н Веселицкий, чья ненависть к немцам вела свое начало от времен, когда Бисмарк предоставил австрийцам возможность оккупировать Боснию. Будучи послан в Берлин московскими промышленниками в качестве газетного корреспондента в период ухудшения русско-германских отношений, Веселицкий стал тереться среди сторонников германской империалистической политики в Турции. чтобы затем, наконец, переехать в Лондон корреспондентом «Нового времени»[3].

Кроме того, в лондонской прессе и обществе вскоре начали действовать непосредственные подручные Витте, например Артур Раффалович из Одессы[4],

---

[1] См. письмо хорошо информированного в финансовых вопросах Гольштейна Эккардштейну от 29 декабря 1900 г. (Eckardstein, op. cit., 2. Bd., S. 226 ff.).

[2] Об этих обстоятельствах см. очень интересное письмо одного из представителей берлинских финансовых верхов о беседе с Витте (Eckardstein, op. cit., 2. Bd., S. 302 ff., запись от 20 февраля 1901 г.).

[3] О Веселицком см. биографический набросок Раймонда ля Конта в «Ле монд слав» за январь 1931 г. Падение германского посла в Константинополе Радовица можно отнести за счет интриг Веселицкого.

[4] Насколько мне известно, Раффаловичей было два— Артур и Герман. По техническим причинам мне не удалось проверить, не принадлежат ли указанные статьи последнему.

который представлял Россию уже на Гаагской конференции и в будущем должен был сыграть зловещую роль финансового инспиратора французской прессы и финансовой политики. Здесь же действовал и будущий министр торговли Тимашев, который в 1893—1894 годах руководил переговорами в Берлине о заключении торгового договора и вплоть до мировой войны олицетворял англо-русский финансовый пацифизм, в то время как внешняя организация англо-русского соглашения находилась в руках русского финансового агента Татищева, являвшегося официальным представителем Витте на лондонском рынке. Установившиеся здесь отношения пережили русско-японскую войну и позже, когда в Англии к власти пришли либералы, помогли сцементировать складывавшийся англо-русский альянс. Уже в 1902 году Татищев по указанию Витте возил по Лондону делегацию русских сельских хозяев, желавших в связи с повышением германских пошлин ориентироваться, можно ли сбывать в Англии русскую пшеницу. Тем не менее после опубликования русско-японского договора запланированную в связи с этим британскую промышленную выставку в Петербурге пришлось отставить. Этот договор и символизируемые им натянутые отношения пришлись чрезвычайно некстати виттевской группе в Лондоне. Она пыталась совместно со своими английскими друзьями, например ирландцем сэром Роулендом Бленнергассетом и издателем «Нейшнел ревью» Лео Макси[1] направить внимание России на Персидский залив[2], где германский империализм все сильнее проявлял себя как нежелательный tertius gaudens. Как известно, к таким идеям Англия не оставалась надолго глухой. С конца 1901 года можно наблюдать усиление антигерманской компании, особенно в газетах той части прессы, которая в связи с именем Нордклифа приобрела печальную известность в лагере Центральных держав. Из этого быстрого поворота Англии, которая еще в начале года вела переговоры с Германией о заключении союза, делали вывод, что англо-германское противоречие является аргументом против учения об экономической обусловленности англо-германских трений[3]. Совершенно ошибочный вывод! В действительности до конца столетия не Германия, а Российская империя была самым опасным противником развертывания английских экономических сил[4]. У Германии еще не было флота, она не могла еще потрясти английский вывоз за океан и в доминионы, английскую торговлю и английское судоходство —

---

[1] Уже тогда и позже не только германские англофобы, но и англофилы указывали на то, что среди враждебных Германии журналистов особую роль играет еврейский элемент, главным образом эмигрировавшие немецкие евреи, слегка изменившие свои фамилии. Это социологическое явление объясняется финансовым характером складывавшейся Антанты, а также тем известным фактом, что элементы, желавшие извлечь прибыль из этих отношений (а при финансовом характере упомянутого дела это были зачастую евреи), должны были выдавать себя за ярых патриотов в связи с националистской природой сделки. Подобным образом, например, связанный с Германией родственными узами сэр Эйр Кроу, ведущий ум Форин офис, пытался зарекомендовать себя нарочито подчеркнутым национализмом.

[2] Указанное обстоятельство является также причиной того, что сообщения обо всей этой деятельности находятся преимущественно в немецких документах о Персии (GP, Кар. CXIV, C, и особенно GP, 5343, 5345, 5346, Меттерних — Бюлову, 1 и 14 ноября и 3 декабря 1901 г.).

[3] Например, Фридрих Ленц, а после него — в более осторожной форме — Халлер (H a l l e r, England und Deutschland um die Jahrhundertwende, S. 7). Однако приведенная полемика против этого тезиса не означает согласия с учением об английской экономической зависимости. Она лишь критикует неправильную оценку движущих экономических сил, действующих за кулисами «политики мощи».

[4] Интересы индийского вывоза текстиля в долину Тигра и Евфрата, интересы пароходной компании «Пенинзьюлер энд ориентл лайн», которая боялась конкуренции ГАПАГ в Персидском заливе, а также немецкой политики удешевления тарифов на решающей Багдадской железной дороге, при повороте британской политики шли рука об руку с интересами финансирования испытывавшей спад русской экономики. Однако в дальнейшем эти факторы представляли все же лишь часть великого изменения интересов, побочное ответвление той субстанции, которая должна быть более подробно проанализирована в тексте.

основу английского благосостояния. И лишь в результате кризиса в конце столетия для Англии стало ощутимым давление германской картельной политики. Напротив, Россия в эти годы неудержимо продвигалась на восток. Ее продвижение означало сильнейшую угрозу азиатским рынкам сбыта и особенно китайскому рынку сбыта английской промышленности. Однако в начале столетия все это изменилось. С начала 1902 года Англия считала себя защищенной от России союзом с Японией. Этот же год ознаменовался окончанием англо-бурской войны, принесшей известное облегчение. Одновременно экономический кризис увеличил развитие некоторых из тех факторов, которые как раз вызвали к жизни англо-германский антагонизм.

Растущее трестирование германской экономики как фактор обострения англо-германского антагонизма

В Германии в результате экономического кризиса ширилась агитация в пользу покровительственных пошлин, росло всеобщее картелирование. В свою очередь возможность картелирования усиливала тенденцию к концентрации. Борьба за долю участия в картеле, которая практически являлась решающим фактором существования отдельных предприятий, сделала концентрацию, как результат картелирования, даже повелительной необходимостью[1]; существование Рейнско-Вестфальского угольного синдиката, а позднее и Германского союза сталелитейных заводов ускорило, даже вызвало естественный процесс объединения и образования смешанных предприятий. Именно картелирование и концентрация отличали германский процесс развития от хода событий в Англии, сделали Германию более могущественной в промышленном отношении, а вместе с тем и более империалистически-агрессивной, чем было островное государство. Без процесса концентрации с его благоприятным влиянием на издержки производства — вспомним использование колошниковых газов доменных печей и возможности экономии путем использования постоянной температуры нагрева доменной печи — Германия, даже если не считать большого удаления ее промышленных центров от океанов, не была бы в состоянии успешно конкурировать с Англией и ее производством чугуна и выдержать высокие транспортные расходы, которые в Рейнланд-Вестфалии доходили до 30 процентов издержек производства. С другой стороны, тенденция к концентрации породила также — как существенно необходимую предпосылку форсированного развития промышленности — необходимость и государственно-политическую основу того стремления к экспансии, той постоянно возраставшей алчности в отношении насильственно-политического контроля над рынками сбыта и сырьем, которая стала одной из наиболее существенных причин англо-германского столкновения. Ядром всего этого процесса стало развитие немецкой сталелитейной промышленности. Изобретение англичанином Томасом метода извлечения из железной руды содержащегося в ней фосфора освободило континент от превосходства бедных фосфором английских руд. С этого момента началось стремительное развитие. Еще в восьмидесятых годах, как уже было указано, одновременно со строительством современной германской сталелитейной промышленности началось всеобщее картелирование. После того как в 1893 году для защиты от экономического кризиса был создан прототип картелей — Рейнско-Вестфальский угольный синдикат, этот процесс нельзя было более остановить. Объединения заводов по производству рельсов, шпал, предприятий, выпускавших металлические фермы

[1] В. Ютци (W. J u t z i, Die deutsche Montanindustrie auf dem Wege zum Trust, Jena 1906, S. 11 ff.) объясняет эти взаимосвязи очень наглядными таблицами.

заготовки тонкого и грубого листового проката и проволоку, образуют внешнюю оболочку, под которой росли концерн за концерном. Сколь интенсивным был этот процесс именно в годы, которые непосредственно следовали за созданием угольного синдиката и в течение которых Германия сделала «шаг в мир», показывает следующий пример[1].

Осенью 1904 года «Гельзенкирхнер бергверксгезельшафт», «Шалькер грубен- унд хюттенферейн» и «Ахенер хюттенакциенферейн» слились в концерн (Interessengemeinschaft). Если уровни акционерных капиталов, займов и накоплений этих трех обществ по состоянию на конец 1893 года, то есть сразу после заключения первого договора о создании угольного синдиката, сравнить с уровнями 1903 года или на 30 июля 1904 года, то получится следующая картина (тыс. марок):

Промышленные объединения	Акционерный капитал		Займы		Накопление	
	1893 г.	1903 г.	1893 г.	1903 г.	1893 г.	1903 г.
«Гельзенкирхенер бергверкс-гезельшафт»	36 000	69 000	11 957	13 765	7 200	17 671
«Шалькер грубен- унд хюттенферейн»	3 600	10 200	2 232	10 336	343	4 031
«Ахенер хюттенакциенферейн»	4 500	11 500	1 374	3 001	1 939	4 102
Итого	44 100	90 700	15 563	36 102	9 482	26 804

Тем самым в относительно короткий срок, немногим более чем за десять лет, капиталы, вложенные в эти три общества, возросли с 69,1 миллиона до 153,6 миллиона марок. Кроме того, с течением времени в этих трех обществах растворились горно-промышленные фирмы «Министр Штейн», «Фюрст Гарденберг», «Эрин», «Германиа», «Цоллерн», «Монополь», «Вестгаузен», общество «Бонифациус», общества «Гамбург» и «Франциска», «Принц Шёнайх», акционерное общество «Вулкан» в Дуйсбурге, горное акционерное общество «Плутон», Люксембургское доменное акционерное общество «Оден ле Тиш», рудники в Лотарингии и угольные месторождения в Вестфалии. Тем самым после создания концерна (Interessengemeinschaft) на месте девятнадцати первоначально самостоятельных предприятий возник один трест, общий капитал которого, поскольку акционерный капитал Гельзенкирхенского общества возрос тем временем до 119 миллионов марок, достиг 181,9 миллиона марок, включая займы и накопления. Вряд ли можно отчетливее и нагляднее, чем на этом примере, продемонстрировать процесс поглощения и трестирования в горнозаводской промышленности. Этот стремительный процесс, этот рост империализма достигает своей вершины во время кризиса 1900 года, то есть в момент, когда английская черная металлургия нуждалась в защите более, чем когда-либо.

Не пустыми словами были заявления депутатов от свободомыслящих в германском рейхстаге о том, что бросовый экспорт германских картелей страшит британскую черную металлургию, беззащитную по отношению к заграница из-за английской свободы торговли[2]. В данном случае говорят цифры. Вот, например, показатели взаимного экспорта черных металлов.

[1] Согласно J u t z i, op. cit., S. 33 ff.

[2] Готхайн в рейхстаге, 13 апреля 1904 г., о причинах англо-германских противоречий.

Вывоз германских черных металлов в Англию (тыс. марок):

Годы	*Стоимость экспортированного металла*
1899	4 298
1900	7 886
1901	27 783
1902	49 361

Вывоз английских черных металлов в Германию (тыс. марок):

Годы	*Стоимость экспортированного металла*
1899	35 837
1900	54 904
1901	15 740
1902	7 220

Аналогичным образом обстояло дело с изделиями из железа. Экспорт Германии в Англию возрос за период с 1899 по 1902 год с 27 268 тысяч марок до 45 912 тысяч, в то время как вывоз из Англии, еще в 1899 году составлявший 13 855 тысяч марок и даже в следующем году остававшийся на прежнем уровне в 13 325 тысяч, упал в 1901 году до 963 тысяч марок, чтобы затем в 1902 году несколько возрасти до 7945 тысяч[1]. Германская промышленность пыталась прикрыть этот демпинг на мировом рынке, идеалистическим облачением, однако большого успеха она этим не достигла[2]. При оценке политических последствий этого демпинга нельзя забывать, что новый глава британского правительства Артур Джеймс Бальфур под градом гневных обвинений со стороны либеральной прессы в семейственности, царящей в роду Сесилей, занял в правительстве место своего дяди, лорда Солсбери; Бальфур стоял во главе весьма значительных железоделательных и сталелитейных заводов[3], в то время как из других членов правительства, по самым скромным подсчетам, не менее одиннадцати человек являлись или основателями, или директорами семнадцати акционерных обществ[4].

Правда, немецкий демпинг снизил английские цены на сырье и тем самым пошел на пользу английским верфям, так что находившиеся в тяжелом положении германские верфи сильно жаловались на германские картели, создававшие преимущества для заграницы. Тем не менее у английских верфей и пароходных компаний не было особых причин для симпатий к Гер-

---

[1] Все указанные статистические данные приводятся по «Франкфуртер цейтунг» от 11 марта 1904 г.

[2] «Дейче фольксвиртшафтлихе корреспонденц» от 11 февраля 1902 г.: «Германская черная металлургия выбрасывает избытки за границу. По сообщению одного из наиболее значительных владельцев железоделательных предприятий, мы экспортируем наши товары, а также наши деньги. Некоторые металлургические заводы экспортируют 60—80 процентов всей продукции. И в этом заключается большая доля идеализма, к которому часто не проявляют склонности и понимания в других странах. Во всяком случае, эта черта делает честь немецким предпринимателям, и немецкие рабочие должны уметь ценить это, если они видят, что в период экономических затруднений работодатели заступаются за них своими средствами».

Согласно данным «Рейхсанцейгер» от 16 апреля 1902 года, вывоз продукции железоделательной промышленности возрос с 365 592 тонн в 1900 г. до 1 828 070 — в 1901 г.

[3] Бальфур, по словам его личного друга («Германиа», 17 февраля 1927 г.), с юности был теснейшим образом связан со сталелитейной промышленностью Шеффилда. Близкие к нему предприятия, и прежде всего акционерное общество «Артур Бальфур хай спид стил эллойз, лимитед (Мидер)», проделали значительную эволюцию под его техническим и коммерческим руководством.

[4] Согласно «Крейццейтунг» от 16 мая 1900 г. Приведенные данные представляются мне очень заниженными. Однако у меня нет возможности уделить здесь больше внимания подробному рассмотрению постов, занимавшихся английскими министрами в наблюдательных советах.

мании, так как английское фрахтовое судоходство, являвшееся носителем английского экспорта и импорта, а также международным транспортом между Европой и заокеанскими странами, увидело для себя угрозу в развитии, перед лицом которого великая империя свободной торговли также была более беззащитна, чем государства, охраняемые пошлинами. Немецкое торговое судоходство, которое именно в последние годы истекавшего столетия переживало под знаком всеобщего процветания невероятно бурный подъем, пыталось теперь превратить нужду в добродетель и весьма своеобразным маневром одновременно преодолеть кризис и одолеть английское судоходство.

Процветание последних лет сказалось не только на Европе, но и на Америке и поставило Стальной трест семейства Морганов во главе мирового производства. Поскольку Морган контролировал одновременно и бóльшую часть американской железнодорожной сети, он располагал возможностью с помощью соответствующей тарифной политики предоставлять перевозки американских товаров, экспортируемых в Европу, тем пароходным компаниям, которым он хотел отдать предпочтение. После того как ему удалось подчинить себе самое значительное английское пароходное общество «Уайт стар лайн»[1], что обеспечило огромный престиж образовывавшемуся тресту, германские пароходства из страха быть раздавленными также выступили с предложением о переговорах. Глава ГАПАГ Альберт Баллин охотно воспользовался представившейся возможностью для того, чтобы сократить взвинченные в период высокой конъюнктуры цифры тоннажа своей компании путем продажи некоторого количества пароходов Моргану и в значительной мере устранить — при сохранении ГАПАГ своей прежней самостоятельности — американо-германскую конкуренцию в целях совместной борьбы против еще не присоединившихся к тресту английских пароходных компаний, особенно «Кунард-лайн» и «Холланд-линье». В результате этого началось улучшение американо-германских отношений, которое стимулировалось и энергично поддерживалось самим кайзером, а затем последовал визит брата кайзера в Соединенные Штаты.

Принц Генрих прибыл в Нью-Йорк в то самое время, когда Баллин закончил там переговоры о пароходном тресте. Создание нового треста вызвало раздражение не столько английского судоходства, которое охотно дало бы купить у себя суда, стоявшие без употребления во время тогдашнего экономического кризиса[2], сколько английской общественности, увидевшей, как контроль над тоннажем переходит в чужие руки; это было умело использовано английскими судоходными компаниями в интересах собственного спасения от затруднений кризисного характера с помощью национальных субсидий за общественный счет[3]. Однако из-за этой неудачи трест потерял смысл, так как инвестированные крупные суммы и невероятно разводненный[4] капитал могли бы принести прибыль лишь в том случае, если бы конкуренцию удалось в значительной мере устранить. С этого момента политика английского судоходства изменилась; английское судоходство, поддержанное субсидиями правительства, начало борьбу за тоннаж[5].

---

[1] О возникновении морганóвского треста см. H u l d e r m a n n, op. cit., S. 61 ff. См. также E. M u r k e n, Die großen transatlantischen Linien-Reederei-Verbände usw., Jena 1922, S. 169 ff.

[2] См. H u l d e r m a n n, op. cit., S. 84.

[3] Ibid., S. 87—88.

[4] См. M u r k e n, op. cit., S. 235 f.

[5] Доход брутто от английского торгового судоходства оценивался в 1911 г. в 90 миллионов фунтов стерлингов в год. Профессор Эшли считал английскую торговлю backbone активизации британского баланса. См. W a l t r a u t S c h u b a r t, Die wirtschaftliche Selbstgenügsamkeit Joe Chamberlains. Кстати, названная работа — очень интересная, примечательная попытка защитить «чемберленизм».

Англо-германская борьба за тоннаж

Борьбу за тоннаж некоторые исследователи характеризуют как одну из важнейших, если вообще не главную, причину англо-германского взаимного отчуждения. Если учесть пассивность английского торгового баланса и важное значение, которое имели доходы от мировых фрахтовых перевозок для финансирования английского ввоза продовольствия, то эта иностранная конкуренция в тоннаже, разумеется, внушала опасения[1]. Тем не менее роль английского судоходства вплоть до начала мировой войны была столь доминирующей в мировых перевозках, риск в случае возникновения войны именно для пароходных компаний столь чудовищен и, наконец, нереальность полного уничтожения торгового флота противника в случае войны столь велика, что конкуренцию в области судоходства так же мало можно считать непосредственной причиной войны, как конкуренцию в металлургической промышленности и в других областях промышленной деятельности, например в такой важной области, как текстильная промышленность. Вместо того чтобы толкать обе страны к взаимному уничтожению, англо-германское соревнование привело скорее, как правильно отмечали[2],

---

[1] Использовав национальное раздражение в целях получения субсидий, британские пароходства, несомненно, внесли свою долю в дело обострения англо-германских противоречий. Впрочем, мне кажется, что М. Н. Покровский в своих различных статьях слишком далеко заходит, высказывая мнение, что причины остроты и непримиримости соперничества Германии и Англии нужно искать главным образом в области распределения мирового тоннажа и мировых перевозок (см. М. Н. Покровский, Империалистская война, М., Соцэкгиз, 1934, стр. 37, 130, 404). Главная причина трений между обеими странами лежит, как указывалось в тексте, не в этой области — мнение, подтверждаемое лучшим знатоком англо-германского антагонизма в области судоходства Эрихом Муркеном (op. cit., S. 296 f.), который, в частности, пишет: «Если рассматривать мировое судоходство и мировое судостроение как *целое*, то... для британской ревности *не было* серьезного основания. Правда, германское судоходство по уровню стояло на втором месте и было в значительной мере равноценно британскому родственнику по мощности, качеству... однако по общему тоннажу, несмотря на блестящее развитие, оно было еще настолько позади, что британское господство в глазах трезвых судей никак не могло казаться под угрозой».

В подобных исследованиях как раз не всегда нужно оперировать вводящим в заблуждение процентуальным ростом тоннажа стран, как это делает, например, Покровский (см. статьи «Как возникла мировая война» и «Внешняя политика России в XX веке» в упомянутом сборнике «Империалистская война»). Стране с малым количеством судов, разумеется, очень легко удвоить, утроить или удесятерить свой тоннаж, в то время как аналогичные усилия для страны, имеющей много судов, означали бы серьезное напряжение. Так, хотя количество пароходов в Германии с 1871 по 1914 г. возросло в тринадцать раз, а их тоннаж — в двадцать восемь раз, рост тоннажа Великобритании тем не менее составлял, например, в период с 1903 по 1914 год все еще 5,3 миллиона тонн по сравнению с 2,1 миллиона брутто-регистровых тонн в Германии. Рост британского тоннажа все еще превосходил немецкий в два с половиной раза. Рост немецкой доли тоннажа в мировом тоннаже значительно замедлился в это время (с 10,1 до 11 процентов). Общему тоннажу Великобритании (без колоний) размером в 18,2 миллиона брутто-регистровых тонн в 1914 г. Германия могла противопоставить 4,7 миллиона брутто-регистровых тонн.

Итак, глубочайшей причиной англо-германского антагонизма был, как мне кажется, скорее страх англичан перед германским колониальным и континентальным империализмом, строившим себе флот как важнейшее орудие мощи для своего прикрытия, имея который он мог бы диктовать океанской Венеции условия ее существования на континенте и за океаном.

[2] См. Ziekursch, op. cit., 3. Bd., S. 150. Цикурш приводит в этой связи сравнительные данные об экспорте Англии и Германии в 1902 г. Вывоз этих стран характеризовался следующими показателями (млн. марок):

	Англия	*Германия*
В Европу	1920	3766
В Соединенные Штаты	476	450
В английские колонии	2180	216
В неевропейские части света, не считая английских колоний	1082	400

Эти цифры, действительно имеющие известное значение для вопроса о *непосредственной* конкуренции экспортных отраслей промышленности обеих сторон, сами по себе еще

к своего рода разделу мира на сферы экспорта, причем Германии достался преимущественно вывоз в соседние с ней европейские страны, англичанам, напротив, преимущественно экспорт в другие части империи и за океан.

Подлинная сущность англо-германского антагонизма

Объяснение англо-германских противоречий понятием «конкуренция» представляется не совсем правомочным, поскольку термин «конкуренция» обычно связывается с представлением о борьбе между двумя или большим количеством представителей одной и той же отрасли производства вплоть до капитуляции противника. Однако как раз этот вид конкуренции наименее характерен для сущности англо-германского антагонизма. Англо-германское расхождение объясняется не столько стремлением повергнуть противника и разрушить его производство — вспомним хотя бы подтвержденную документами пацифистскую позицию представителей ведущих отраслей английской промышленности, связанных с производством и обработкой стали, перед началом мировой войны — сколько, скорее, тенденцией монополизировать для экспорта капитала и потребностей собственной промышленности максимум рынков сбыта и источников сырья. В результате вся проблема попала в сферу насилия, «политики мощи» и флотской политики. В этой связи было бы весьма поучительно уяснить, что после войны, когда Германия прекратила свое существование как сухопутная и морская держава, она смогла поднять экспорт выше довоенного уровня, не возбуждая торгового соперничества Англии. Итак, англо-германское отчуждение перед войной объясняется лишь тем, что в тот период к германскому экономическому подъему присоединился рост стоявшего за ним несокрушимого военного могущества Германии, и в итоге англичане могли предполагать, что немцы после разгрома Франции обоснуются, например, в Булони и оттуда с помощью созданного ими нового флота смогут угрожать английскому судоходству и связям с доминионами, чтобы диктовать Британской империи свои условия. Этим, разумеется, не утверждается, что какой-либо ответственный германский государственный деятель имел такое намерение. Однако расширение мощи само по себе бесплотно, аморфно. Каждое государство должно рассчитывать на то, что орудия мощи другого государства могут попасть в руки кругов, враждебно к нему настроенных, и каждое государство будет подготавливаться на этот случай.

Так негодование против германского судоходства и сталелитейной промышленности соединялось с боязливой мыслью о том, что в связи с этими симптомами германского экономического подъема росла также мощь армии и флота Германии, которая в один прекрасный день могла быть направлена против Англии и блокировать ее в торгово-политическом отношении. Без этой связи германского промышленного подъема с увеличением мощи армейско-флотской машины вообще нельзя понять существа англо-германского антагонизма.

Наряду с выдвигающимися теперь на первый план интересами судоходства и промышленности еще продолжала существовать и враждебность немецких аграриев по отношению к английскому импорту из-за океана. После принятия покровительственных пошлин антианглийские настроения немецких консерваторов отнюдь не ослабели. Вскоре после образования морганов ского треста, на который, кстати говоря, немецкие аграрии смотрели

ничего не говорят о тенденции развития народного хозяйства Англии и Германии и поэтому не противоречат излагаемой мною в тексте точке зрения об отношениях между обеими странами.

с подозрением[1], произошел таможенный конфликт с Канадой[2]. Путем установления специальной тарифной надбавки Канада защитила себя от последствий германской таможенной политики, которая предполагала исключение этого североамериканского экспортера пшеницы из общего принципа наибольшего благоприятствования, предоставленного Британской империи.

На рубеже 1901—1902 годов уже появились политические симптомы всеобщего поворота. Германия и Англия ссорились из-за вывода войск из Шанхая. В начале года Баллин лично побывал в Восточной Азии и объединил различные германские интересы в районе реки Янцзы под флагом ГАПАГ[3]. В этих условиях Германия не хотела освобождать Шанхай до получения от китайского правительства подтверждения, что и оно согласно на безусловное признание во имя германских интересов в районе Янцзы принципа «открытых дверей», как это было сделано в англо-германском соглашении осенью 1900 года. Уже в данном случае Германия натолкнулась на англо-французскую договоренность[4] да и в вопросе о Сиаме, где германский империализм в те годы тоже начал проявлять себя, чувствовалось закулисное англо-французское сотрудничество[5]. Здесь речь идет главным образом о проникновении немецких пароходных компаний, которое определяло и возникший одновременно кувейтский вопрос. В Кувейте Англия действовала так же, как в предшествующие годы в Делагоа. Она обосновалась в гавани, которая должна была явиться начальной станцией спроектированной Германией железной дороги. С государственно-правовой точки зрения шейх Кувейта подчинялся верховной власти султана, что не помешало англичанам резервировать для своих интересов этот важнейший пункт Персидского залива. Говоря об этом сейчас, нужно объективно признать, что английский империализм защищал здесь по своему обыкновению если и не закрепленные документами (как и в случае с Делагоа) права, то все же старую торгово-политическую традицию. Как бы то ни было, немецкая общественность пришла к выводу, что Германию снова обошли; германское судоходство, в данном случае ГАПАГ, увидело, что и на этот раз исчезла возможность после окончания строительства немецкой железной дороги занять место британских судоходных компаний.

*Венесуэльская афера**

В конце 1901 года Германия и Англия еще раз выступили сообща. Совместные немецкие и английские жалобы на Венесуэлу привели в 1902 году

[1] Дидерих Хан появился на решающем общем собрании акционеров ГАПАГ в 1902 г., чтобы спросить, не пострадают ли интересы немецких аграриев из-за создания треста, на что Баллин ответил, что трест создан не для повышения американского экспорта, а, наоборот, для увеличения американского импортного транспорта, которое до сих пор отставало по объему от перевозок по дорогам, идущим на Восток (H u l d e r m a n n, op. cit., S. 86 ff.).

[2] Граф Ревентлов 12 декабря 1903 г. жаловался в рейхстаге на то, что проект торгового договора с Англией внесен так поздно. По его словам, история временного торгового соглашения с Англией (Handelsprovisorium) являлась историей бедствий национальной экономической политики; сельское хозяйство с большой охотой вообще отказалось бы от торговых договоров и все время пыталось ускорить введение в действие нового таможенного тарифа. Лишь в 1910 г. с Канадой была достигнута договоренность, правда, ценою значительного сокращения германского экспорта в Канаду. Одновременно Канада отменила тарифную надбавку 1903 г. на германскую продукцию (J o s e f B e r g f r i e d E ß l e n, Die Politik des auswärtigen Handels, Stuttgart 1925, S. 253 ff.).

[3] См. H u l d e r m a n n, op. cit., S. 134 ff.

[4] См. GP, 4958, заметка Рихтгофена от 1 октября 1902 г.

[5] Ibid., Кар. CVIII.

* По этому вопросу, кроме основного изложения у Вагтса (V a g t s, Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, 2 Bde., New York 1935), см. замечания в книге S t a l e y, op. cit., p. 130 f., а также работу H e r b e r t F e i s, Europe the world's Banker, New Haven 1930, p. 362 f.

к совместной акции против неплательщика. Что касается Германии, то речь шла при этом об обеих самых мощных в Германии экономических группах. Фирма Круппа построила в Венесуэле железную дорогу, а «Дисконтогезельшафт» предоставило государству необходимые займы. Венесуэла не могла или не хотела платить; эта позиция была поддержана немецкими аграриями, которые, рассердившись на мировую политику, гневно выступали в рейхстаге против требований «Дисконтогезельшафт»[1]. Поскольку южноамериканское государство не могло выплатить проценты за постройку крупповской железной дороги, будто бы достигавшие в конечном итоге 70%, «Дисконтогезельшафт» навязало Венесуэле заем в 50 миллионов франков, из которых получило 26 миллионов в виде процентной гарантии и 10 миллионов в виде эмиссионной прибыли, в то время как венесуэльцам досталось не более 14 миллионов. Несмотря на то, что заем был размещен не полностью, «Дисконтогезельшафт» фактически получило всю сумму, так как выплата Венесуэле была обусловлена полным размещением займа[2].

Социологические предпосылки будущего «Тройственного согласия»

Как в Германии, так, впрочем, и в Англии пробуждающемуся национализму мало нравилось англо-германское сотрудничество в этом вопросе. То, как протекали все эти отдельные политические события, было как раз симптомом общего ухудшения англо-германских отношений, усиленного экономическим кризисом. Этот кризис сначала удержал Францию от возобновления финансового сближения с Россией. Россия была занята своими делами, все больше увязая на Дальнем Востоке в противоречиях с Японией. В этих условиях во Франции день ото дня усиливалась склонность договориться с Англией. Торгово-пацифистские и финансово-пацифистские круги, стоявшие в тени во время расцвета дружбы с Россией и огромного экспорта финансового и промышленного капитала середины девяностых годов, расширялись. Русофильские военные круги были ослаблены делом Дрейфуса, республиканские правительства обновили состав генерального штаба. Во время Всемирной выставки 1900 года в Париже отношения с Россией настолько ухудшились, что прибытие множества англичан можно было использовать для пропаганды англо-французского сближения, что соответствовало целям сторонников Витте в Лондоне. Президент британской торговой палаты в Париже во время Всемирной выставки сэр Томас Барклэй совместно с французским бароном д'Этурнель де Констаном возглавил кампанию в пользу англо-французского соглашения[3]*.

Д'Этурнель явно претендовал на пост французского министра иностранных дел, по-видимому, не только по собственному желанию, но и под давлением кругов, стремившихся укрепить пошатнувшийся франко-русский союз путем привлечения к нему Англии. В этом привлечении Англии заключается

[1] Эртель в рейхстаге, 20 марта 1903 г. Германские интересы в Венесуэле возникли относительно давно; согласно «Кёльнише цейтунг» от 4 июля 1891 года, железная дорога строилась уже в начале девяностых годов.

[2] Подробно о венесуэльском вопросе см. GP, Кар. CXII**.

[3] См. BD, II, № 319, Монсон — Ленсдауну, 20 января 1902 г.

* Престарелый сэр Томас Барклэй в беседе с автором в Версале в 1933 г. подчеркнул, что при заключении англо-французского соглашения речь шла об использовании первоначально пацифистского по характеру движения за сближение обеих стран. Барклэй заявил, что Эдуард VII испортил его, Барклэя, дело. Как истинный пацифист Барклэй планировал «Тройственное согласие», включающее Германию.

** В свое время при написании настоящей работы я и здесь отказался от изложения подробностей в предвидении выхода в свет упомянутой книги Вагтса.

внешнеполитическое значение радикальных правительств начала XX века. Следовательно, вначале речь шла о сближении под знаком пацифизма. Однако идею пацифизма так же мало можно отделить от ее социологических основ, как и любую другую идеологию. Нередко пацифизм представляет собой стремление оптовиков к международному товарообмену, и в этом случае он объединяется с фритредерской позицией, как в случае с Кобденом и Брайтом. В этом смысле, например, двести крупных торговцев приветствовали первую Гаагскую конференцию. От этого нужно отличать понятие пацифизма финансовой верхушки, который не обязательно идентичен стремлению к установлению всеобщего мира, напротив, при известных условиях, особенно в случае одностороннего примирения двух стран за счет третьей, он может привести и приводил к военным конфликтам. Следовательно, крупные финансисты были на «ты» с империалистическими правительствами не только из страха перед социализмом; их международные связи не одинаковы и в каждом случае должны рассматриваться особо. Они могут являться сильной поддержкой для пацифизма, особенно в периоды, когда промышленность различных стран объединяется в картели и при этом поддерживается финансистами. С другой стороны, однако, они могут усиливать трения. Эта двойственность финансового пацифизма проявлялась и при основании англо-французской Антанты. Попытки сближения между Францией и Англией с французской стороны в социологическом отношении были поддержаны стремлением парижских финансовых верхов освободить французский рынок от русских ценных бумаг. Следовательно, речь идет о мероприятиях французов, параллельных попыткам графа Витте использовать лондонский рынок для размещения русских ценных бумаг. В 1903 году во Франции русских ценных бумаг имелось примерно на 10 миллиардов франков. В Париже было точно известно, что Россия в течение следующих лет будет вынуждена брать дальнейшие крупные займы. Французская сторона хотела, чтобы английский рынок принял участие в риске и чтобы путем привлечения старого империалистического противника русских в известной мере была уменьшена опасность для самих русских. Итак, французская haute finance оказывала на Делькассе давление в смысле сближения с Англией[1]. Хотя эти усилия финансовых верхов далеко не исчерпывают смысла англо-французского сближения, однако они являются все же важной частью возникавшей теперь совокупности политических интересов, политического кольца Антанты.

Как известно, заключение Антанты сначала между Англией и Францией и последующее привлечение к ней России ставились и ставятся еще и сегодня преимущественно в заслугу Эдуарду VII*. Действительно, личное участие

[1] Эти чрезвычайно примечательные и недостаточно использованные историками факты упоминаются в сообщении Эккардштейна от 10 мая 1903 г. (GP, 5369), которое показало (хотя его формулировки в действительности, пожалуй, звучали не так резко, как в приводимой им самим копии — в его «Воспоминаниях»), что Эккардштейн все же превосходил дипломатов с Вильгельмштрассе в предвидении, даже если это предвидение было не столько его личной заслугой, сколько результатом той среды, в которой он вращался. Руководящие германские дипломаты при различных дворах на запрос ведомства иностранных дел относительно их мнения о предположениях Эккардштейна ответили более или менее в соответствии с обстановкой и в сущности были правы, выразив (как, например, германский временный поверенный в делах в Лондоне граф Бернсторф) мнение, что предположение международной еврейской финансовой верхушки, будто Англия может быть подходящим рынком для русских ценных бумаг, пока еще не соответствует действительности (См. GP, 5371, Бернсторф — Бюлову, 17 мая 1903 г.).

* Позднее в результате опубликования французских документов стало ясно, как велико было участие Делькассе и французской внешней политики в образовании «Сердечного согласия», которое Делькассе, кстати, с самого начала планировал как «Тройственное согласие», включающее Россию. Делькассе сознательно использовал пацифистскую и англофильскую волну во Франции, интересы финансовых кругов и стремление мелких рантье к миру, которые представляли радикальные правительства тех лет, для осуществления этой своей давнишней идеи, чтобы в мировой политике дать отпор Германии и укре-

этого короля очень велико. Как его знаменитый визит в мае 1903 года подготовил тесные связи между Англией и Францией, так позднéе свидание в Ревеле скрепило союз Англии с ее врагом, царем. Продолжительные поездки короля по Средиземному морю, его визиты в Португалию и Испанию, в Италию, даже его поездки в Мариенбад и Карлсбад весьма способствовали изоляции Германии в мировой политике. Эти личные моменты в политике первого десятилетия нового века столь сильны, что в значительной степени напрашивается мысль отнести все за счет личного поединка старого опытного светского человека с его молодым бестактным племянником Вильгельмом II. От таких построений в конце концов спасти может лишь применение в соответствии с его значением принципа адекватной причинности[1]. Взаимная обозленность обоих государей была не столько результатом их личного произвола, сколько в значительной степени отголоском той неприятной борьбы, во время которой Бисмарк и Вальдерзее, руководствуясь интересами своего государства, настроили юного сына наследника престола против его матери-англичанки, что совсем не нравилось его дяде. Вместе с тем эта обозленность обоих государей в конечном счете проявилась в действии также потому, что интересы, представлявшиеся ими, взаимно скрестились. Возможно, они разошлись бы на долгое время и без взаимного озлобления, так как в известном смысле можно сказать: quidquid delirant Achivi plectantur reges. Историю Эдуарда VII нельзя писать без анализа интересов финансовой верхушки, в которых он был запутан. То, что определяло действия короля, было смесью ультракапитализма, кобургства и либерализма, это было датчанство и ненависть к Пруссии, то есть элементы, являвшиеся также сущностью того дипломата, который должен был завершить дело Эдуарда; Эйра Кроу, «английского Гольштейна», «злого духа Форин офиса» невозможно представить себе, не учитывая его немецкого происхождения. Однако при этом Эдуард, сколь сильным ни было его влияние, остается все же лишь частью, хотя и важнейшей, того политического комплекса, в котором среди прочего фигурировали также британская сталелитейная промышленность и британский флот, благодаря которым вся комбинация, поскольку она касалась Англии, получила антигерманскую направленность. Все объединившиеся силы, в конце концов как и любые силы вообще, были аморфными, бесплотными, и от господствующих в данном случае интересов полностью зависело, какое направление будет дано политике. Как Луи Филипп Орлеанский был королем государственных банкиров, а Леопольд Бельгийский — королем монополистического колониального капитализма, так и Эдуард VII являлся королем развитого финансового капитала; к этой роли он был подготовлен шестидесятилетней жизнью бездельника, сделавшей его голос сиплым, тело расплывшимся, глаза пустыми, дыхание отрывистым, цинизм резким,— жизнью, опустошившей его кошелек и отдавшей его самого, с его возбудимостью, склонностью к играм и скачкам, во власть англо-французской финансовой верхушки, а его мысли и желания направившей на то, чтобы соответствующей внешней политикой обеспечить вечное существование данному типу общества. Здесь чувствуешь необходимость напомнить о той речи, которую германский кайзер произнес однажды

пить позицию Франции. Переговоры между Англией и Францией начались в июле 1902 г. и продолжались, усиленно стимулируемые визитом Эдуарда VII в Париж и французским государственным визитом в Лондон, до апреля 1904 г. Колониальные интересы партнеров по переговорам стали при этом лишь шахматными фигурами в игре за власть. Однако, с другой стороны (это нужно подчеркнуть в противоположность оценке истории с «чисто политической» точки зрения), «шахматисты» постоянно были вынуждены учитывать указанные интересы, которые хотя и были взаимозаменимы, однако требовали серьезнейшего учета. Из-за несоблюдения интересов Германии в Марокко это соглашение приобрело — как экономически, так и политически — провокационно антигерманский характер.

[1] О принципе адекватной причинности см. Max Weber, Aufsätze zur Wissenschaftslehre, Tübingen 1922, S. 266 ff.

в Эссене во время мировой войны и в которой он говорил о борьбе германской промышленности против английской алчности; да, здесь прямо-таки испытываешь соблазн использовать модное выражение о борьбе «созидательного» капитала против капитала «присваивающего», если бы это выражение не вызывало всеобщего недоумения и если бы Англия, несмотря на все проявлявшиеся ею признаки перехода к паразитарному империализму, вплоть до начала мировой войны не стояла во главе промышленных государств мира, а Германия, наоборот, не имела бы, пусть даже являясь процветающим промышленным государством, ряда банков. Характеризовать эти банки в противоположность английской экономической сущности определением «созидательный» — означало бы превзойти даже наивысшую меру того, что теперь (1932) может позволить себе какой-нибудь наемный писака по части подобных идеологических фокусов. Но независимо от того, в какой степени подходит или не подходит к тогдашней Англии ее характеристика как государства паразитарно-империалистического, английская внешняя политика при Эдуарде VII, во всяком случае, вполне соответствовала настроениям и интересам финансового капитала[1].

Англо-французское соглашение 1904 года о Марокко. Роль финансовых верхов

Антигерманская тенденция уже постольку лежала в основе соглашения о Марокко, формально положившего начало всей комбинации, поскольку отказ Англии от Марокко в пользу Франции в большей степени, чем раньше, ставил Гибралтар под контроль до сих пор важнейшего соперника Англии в мировой политике и тем самым надолго приковывал английскую политику к Франции. Если бы ухудшение англо-германских отношений и связанная с этим большая склонность британских государственных деятелей к уступкам в пользу Франции не были необходимой предпосылкой всего соглашения, то его можно было бы заключить еще несколько лет назад. Инициативы со стороны Франции было проявлено достаточно, и она обеспечила действительно один из выгоднейших гешефтов, которые когда-либо осуществляла международная финансовая верхушка[2].

В качестве одной из главных опор новой политики, пожалуй, может быть назван банкирский дом Беринга, представитель которого лорд Кромер (сэр Эвелин Беринг) контролировал всю египетскую политику как наместник английского империализма, а теперь под возгласы «браво» Эдуарда VII, личным состоянием которого частично управлял глава банкирского дома сэр Ривелстоук, выступил за обмен Египта на Марокко*. За потерю Марокко, которое, таким образом, было номинально передано французскому финан-

[1] Эти взаимосвязи подчеркиваются в известной книге Сиднея Ли об Эдуарде VII. Не могу, однако,не подчеркнуть, что сама по себе работа Ли противная и неприятная.

[2] Документы о марокканской акции (BD, II, p. 409 ff., chap. 14, 15) в значительной мере изображают лишь действия, происходившие на поверхности; соглашения и сделки по частным вопросам (Ньюфаундленд, Новые Гебриды, Сиам, Марокко, Египет) являются отдельными, хотя в вопросе о Египте и Марокко и особенно важными составными частями общей системы взаимоотношений. Среди составных частей этой системы не должны сбрасываться со счетов также интересы английского судостроения, угольной и сталелитейной промышленности, равно как и интересы обороны империи.

* Теперь см. также в DD (3-me serie, vol. 3, № 183) о гигантских финансовых проектах, с помощью которых лорд Кромер пытался сделаться хозяином Египта. Этот важный документ доказывает также заинтересованность Ротшильдов в создании Антанты. Кромер вынашивал план выкупить долги Египта у старых кредиторов и, опираясь на хедива, начать эру современно-национального промышленного империализма, которую связывают с его именем.

совому империализму, уже последовало вознаграждение в виде совместной подписки на номинально французские марокканские займы. Преимущественный интерес к образующемуся в это время французскому Комитету по делам Марокко проявляет тот самый банкирский дом Ротшильда, который пытался в эти годы при посредничестве своей английской ветви создать в Англии настроение в пользу русских ценных бумаг и который может быть охарактеризован как главный носитель идеи англо-русского союза. Одновременно с французским финансовым капиталом (дальнейших представителей которого я характеризую позже) в Марокко проникает фирма «Шнейдер-Крезо». Очень скоро после знаменитого визита Эдуарда в Париж* и формального возобновления переговоров в Лондоне, торжественно открытых Джозефом Чемберленом еще полтора года назад, главным представителем французских интересов в Марокко становится «господин Этьенн»[1].

Политические переговоры об образовании этой новой общности интересов еще не были закончены, когда начавшаяся русско-японская война вынудила Францию, чувствовавшую себя изолированной, к ускоренному заключению соглашения. Конфликт на Востоке тем более неожиданно принял форму военного столкновения, что лишь немногие посвященные были достаточно сведущи, чтобы понять, что из авантюры русского двора на реке Ялуцзян должен был возникнуть пожар.

Более глубокие причины русско-японской войны

В известной мере нормальному капитализму Витте, пытавшемуся завоевать рынки на Востоке, мешал неразвитый феодальный купеческий империализм дома Романовых[2]. Чудовищное разрастание царского двора вызвало

---

[1] См. BD, II, № 356. Ленсдаун — Монсону, 2 июля 1903 г. Здесь видно, что историю нашего столетия писать труднее, чем историю более раннего времени. В данном случае, например, в документах выступает просто «господин Этьенн», который, правда, характеризуется как французский министр внутренних дел или военный министр. В наше демократическое время обращение «господин» применяется, начиная с известного возраста, ко всем индивидуумам мужского пола — к преступникам так же, как и к джентльменам и ко всем тем, кто занимает промежуточное положение между этими двумя категориями. Господствующие силы в наше время настолько обезличились, что титулы и имена в общем ровно ничего более не говорят. Если бы совершенно случайно из третьих источников не было известно, что «господин Этьенн» был главным финансовым дельцом, заинтересованным в марокканском вопросе, то его действия можно было бы счесть столь же скучными, как и действия других демократических ничтожеств. Отсутствует связь человека с его бытием. С анализом политики Елизаветы, Фридриха II, Екатерины II, Ришелье, барона фон Штейна, Шарнгорста связывают конкретные представления об их социальном развитии. Однако с овеществлением человеческого существования в век капитализма исчезает непосредственная связь с движущими силами материальной жизни, из чего возникает гротескное следствие: в исторических исследованиях тем больше говорится лишь о дипломатических отношениях, чем сильнее проявляется склонность признать для данного периода неограниченное господство экономических сил. Власть обезличивается, и личности создаются. Представителей экзотических стран внезапно принимают всерьез. В этот период спокойно наблюдали, как восточная коррупция приобретала форму западноевропейской благопристойности. Назовем некоторых выступающих здесь молодых: Аманулла-хан, короли Фейсал, Фуад, «король Албании» Ахмед Зогу как младший представитель категории лиц, к более ранним представителям которой относятся Абдул-Гамид, хедив Исмаил и Ли Хунчжан. В рассматриваемом нами марокканском вопросе внезапно начинается борьба за таких джентльменов, как Райсули («Рожи»), за европейских надзирателей вроде достопочтенного каида Маклина и самого великолепного из всех этих типов — Эль Менеби. Опираясь на христианство и международное право, европейские государства самозабвенно бросаются на шею этим экзотическим типам, как будто речь идет о вечном блаженстве.

[2] Последующее изложено по Покровскому (М. Н. Покровский, Русская история в самом сжатом очерке, М., Партиздат, 1933, стр. 292 и сл.).

* Подробности см. в DD, № 237 (циркуляр Делькассе от 11 мая 1903 г.).

потребность в увеличении доходов и количества доходных должностей. Цари не только явно вступили в непосредственные сношения с военной промышленностью своих английских противников[1], но оказались также вынужденными участвовать в предприятиях на реке Ялуцзян и в продвижении в Корею, которая была необходима японцам как рынок сбыта и источник сырья и предоставлена им в политическом отношении[2*].

Итак, начинавшаяся война, весьма удобная для резко антиреволюционной политики министра внутренних дел Плеве, не имела ничего общего с интересами населения и русского производства в целом. Для русского министра финансов Витте война пришлась очень некстати, так как она не только создавала угрозу франко-русским планам в Восточной Азии, но и ухудшала для России перспективы пополнения государственной казны с помощью иностранных займов, как это делалось в течение последних десятилетий. Можно было предвидеть, что французы станут предоставлять новые суммы неохотно, поскольку союзник «дезертировал в Восточную Азию», и что условия этих займов будут тяжелыми. Однако сопротивление Витте и отрицательное отношение русского военного министра, готового к войне с Германией, но не к восточноазиатской авантюре, были преодолены заинтересованными лицами при царском дворе. Япония, увидевшая для себя угрозу в действиях русских в Корее, после бесплодных переговоров напала в ночь на 9 февраля 1904 года на русскую эскадру у Порт-Артура.

Вильгельм II, немецкая общественность и русско-японская война

Вильгельм II не только поддерживал русских в назревавшей войне[3], но и стремился втравить царя в войну, несмотря на то что канцлер Бюлов не советовал делать этого[4]. В начале войны кайзера особенно занимал вопрос о нейтралитете Дании. Морские круги ободряли его в старании уберечь немецкую военную гавань Киль от английского нападения путем нейтрализации Балтийского моря и пролива Эресунн. В своей непоследовательности он, на случай сопротивления со стороны Дании, то и дело угрожал применением силы против Копенгагена, разумеется, всякий раз отказываясь от таких планов в серьезных случаях[5]. Разговоры среди непосредственного окружения кайзера и в этот раз выдали происхождение кайзеровских

---

[1] На стр. 292 Покровский фиксирует будто бы серьезные слухи о том, что цари принадлежали к крупнейшим акционерам английской фирмы «Виккерс», которая производила военные корабли, пушки и броневые плиты. Может быть, они использовали здесь знаменитого сэра Базиля Захарова?

[2] Известно, что весь двор был замешан в корейских делах авантюриста Безобразова, который дослужился до поста высокого чиновника и совместно с внебрачным сыном Александра III адмиралом Алексеевым и морским офицером Абазой набивал одновременно свой карман, карман дома Романовых и карман министра иностранных дел.

[3] См. GP, 5937, Арко — ведомству иностранных дел (пометка на полях Вильгельма II).

[4] См. известное письмо Вильгельма II русскому царю от 3 января 1904 г. в книге Walter Goetz, Briefe Wilhelms II an den Zaren, 1894—1914, Berlin 1920, S. 333 ff. Теперь (1932) по этому вопросу см. особенно Bülow, op. cit., 2. Bd., S. 62 ff. и S. 630 ff. В письме от 3 января 1904 г. кайзер поддерживал русские планы в отношении Кореи, что фактически было равнозначно поощрению к войне.

[5] См. Bülow, op. cit., 2. Bd., S. 66 f. и S. 79 f.

* Об этом см. Langer, Diplomacy, vol. 2, p. 690, где описывается история концессии на реке Ялуцзян, которая восходит к девяностым годам. См. далее F. v. Steinemann, Rußlands Politik im Fernen Osten und der Staatssekretär Besobrasow, Leipzig 1931.

фантазий. Генерал-адъютант фон Плессен, по свидельству всех — величайший хвастун из кайзеровского окружения, кроме захвата Дании требовал еще и аннексии Голландии.

Труднее, чем пресекать подобные случайные выходки кайзера, было для канцлера удерживать своего государя от открытых шагов или заявлений, противоречивших нейтралитету. Психологический комплекс Священного союза и дружбы династий Романовых и Гогенцоллернов, пусть даже часто отодвигаемый на второй план другими интересами, весьма прочно укоренился еще в те времена, когда Вальдерзее и Бисмарк натравливали будущего кайзера на его родителей, и потому становился действенным всякий раз, как только влиятельные круги, особенно кайзеровского окружения, снова выступали в пользу русских. На забавляющихся школьников-государей, которые, посмеиваясь[1], именовали друг друга адмиралами мировых морей и, воодушевленные тем, что их солдаты могут стрелять по-настоящему, во время пушечной канонады на Востоке играли друг другу сигналы на игрушечных трубах[2], можно было бы смотреть сквозь пальцы, если бы не приходилось обращать внимание на еще большие безумства, чтобы распознать сущность социальных сил, заинтересованных в существовании такого положения. Как это часто бывает, ребячество в данном случае — лишь симптом, как бы флюгер, указывающий на более важное. Итак, исторически важный вопрос должен гласить: почему именно тогда вновь вспыхнула порой угасавшая дружба к русским? Это явление ни в коем случае нельзя объяснить лишь естественной нормализацией русско-германских отношений в результате ослабления России на восточной границе Германии, которое повлекла за собой русско-японская война, пусть даже не столько прямо[3], сколько косвенно[4]. Тому, кто желал бы укрепить восточную границу Германии в военном отношении, следовало бы скорее приветствовать поражение русских в Восточной Азии. Однако теперь, в противоположность периоду падения Бисмарка, в Германии усилились пророссийские интересы. Большинство друзей России сначала состояло из лиц, заинтересованных в строительстве германского флота[5], которые как естественные союзники русских против Британской империи остро нуждались в хороших отношениях с Россией, хотя от заключения собственно союза с Россией их отпугивало опасение, что это толкнет англичан к преждевременному выступлению. Понятие «сторонники флота» охватывает не только корпус морских офицеров, но и участвовавшую в строительстве флота судостроительную, железоделательную и сталелитейную промышленность. Были и другие доводы в пользу союза с Россией.

Немецкие финансовые круги и русско-японская война

В круг друзей России в Германии входили также участвовавшие в эмиссии русских бумаг немецкие банки, шансы которых на получение прибыли тем более увеличились в связи с войной, что в период войны и начавшегося теперь активного экспорта капитала в Россию их операциям меньше, чем когда-либо, мешали жалобы промышленности на сужение немецкого кре-

[1] См. B ü l o w, op. cit., 2. Bd., S. 581.

[2] См. G o e t z, op. cit., различные места книги.

[3] См. GP, 6632, граф Шлиффен — Бюлову, 20 апреля 1904 г. Шлиффен подчеркивает относительно малое сокращение русских войск на западной границе.

[4] Для русских война означала главным образом ослабление их финансового положения и особенно обременение железнодорожного транспорта.

[5] По этой причине Тирпиц часто высказывался за формальный союз с Россией.

дитного рынка из-за экспорта финансового капитала. Со времени экономического кризиса на рубеже столетий и возраставшей во Франции сдержанности по отношению к русским ценным бумагам Россия все больше и больше сближалась с немецким рынком капитала, причем играло роль то обстоятельство, что Германия именно в связи с этим кризисом успешнее, чем когда-либо, конкурировала с французским рынком капитала. Низкому уровню немецких цен на железо и сталь[1] соответствовал тогда необычайно низкий учетный процент и тем самым чрезвычайная текучесть на денежном рынке[2]. Все это привело к усиленной деятельности русского консорциума, образовавшегося из банка Мендельсона, «Берлинского торгового общества», «Дисконтогезельшафт» и банка Блейхрёдера[3]*. Идейный руководитель ведущего банка[4] Артур Фишель[5] при его интимных связях с Витте больше значил для германской внешней политики, чем иной тайный советник ведомства иностранных дел.

Хорошие отношения, поддерживавшиеся непосредственно с царем, были тем более важны для германской финансовой верхушки, что русский царизм—крупнейший землевладелец и торговый капиталист Российской империи — стал теперь одновременно и крупнейшим промышленником, не только нуждавшимся в иностранных средствах для своих собственных предприятий, но и являвшимся во всех предприятиях, в которых принимал участие, лучшей гарантией для иностранного капитала. При отсутствии богатых буржуазных слоев капитал привлекался с помощью банков, которые в результате недостаточного докапиталистического накопления в самой России не перекачивали, как это было в других странах, национальный капитал в отечественную промышленность, а являлись лишь промежуточной станцией для западноевропейского финансового капитала. До войны 75 процентов русских банков контролировались заграницей. В этом иностранном контроле над русским банковским делом немецкие финансовые круги занимали на рубеже столетий господствующую позицию[6], с которой, как это

[1] За тонну полосового железа платили (в марках):

1900	185	1903	108
1901	110	1904	109
1902	107	1905	109

[2] См. Karl Helfferich, Das Geld im Russisch-Japanischen Kriege, Berlin 1906, Tabelle, S. 214.

Размер учетного процента в Берлине достигал (по годам):

1895	2,01	1902	2,19
1900	4,41	1903	3,01
1901	3,06	1904	3,14

Однако в январе 1905 г. учетный процент, равнявшийся 2,58, был еще ниже, чем в Париже, где он достигал 2,84. Во всяком случае, берлинский рынок был чрезвычайно конкурентоспособным в сравнении с Парижем.

[3] О составе русского консорциума см. Fürstenberg, op. cit., S. 248 ff.

[4] Владелец банка Мендельсона считался тогда самым богатым человеком в Берлине. См. R. Martin, Jahrbuch der Millionäre im Königreich Preußen (раздел «Мендельсон»).

[5] См. Fürstenberg, op. cit., S. 256 ff. Как мне сообщили, в архиве банкирского дома Мендельсона нет существенного политического материала о том периоде (написано в 1932 г.).

[6] Сибирский торговый банк до 1900 г. находился под контролем «Немецкого банка» и «Винер банкферейн». Правда, в 1903 г. 40 процентов акционерного капитала уже принадлежало французской группе. К германской группе банков принадлежали, далее,

* Теперь см. также в DD (2-me serie, vol. 5, № 254, Биур — Делькассе, 4 июля 1904 г.) о предложении Мендельсоном займов; державшийся в тайне визит Мендельсона в Россию привел к поездке Витте к Бюлову на остров Нордерней. Документ № 515 (Биур — Делькассе, 31 октября 1904 г.) содержит подробности о предоставлении русским в Берлине займа в размере 500 миллионов марок.

будет показано ниже, они были лишь позднее вытеснены французами. Около 1900 года германский капитал принимал значительное участие в финансировании Донецкого бассейна[1]. Большую роль Германия играла в тот период и в русском производстве локомотивов и вагонов.

Немецкие промышленники и аграрии во время русско-японской войны

Наряду с германскими финансовыми кругами в экспорте в Россию были заинтересованы немецкие промышленники. В те годы, характеризовавшиеся разгаром кризиса на рубеже столетий, они находились в особенно трудном положении. 1903 год ознаменовался двумя событиями, имевшими решающее значение для последующего периода: возобновлением основанного в 1893 году угольного синдиката и — в качестве ответного удара сталелитейной промышленности — основанием Союза сталелитейных заводов. В начале 1904 года последствия этого сказались в стране и за границей. В апреле немецкий угольный синдикат остановил работу в шахтах. Против этого процесса германское государство было бессильным. Попытка прусского министра торговли Мёллера, опираясь на аграрных потребителей промышленной продукции и в союзе с «Дрезденским банком» г-на Гутмана, завладеть шахтой «Гиберния», чтобы затормозить наступление эры господства тяжелой промышленности в Германии, жалко провалилась; в лице г-на Карла Фюрстенберга из «Берлинского торгового общества» против Мёллера выступил чрезвычайно умелый противник и защитник частного капитала, которому в борьбе за власть помогали не только вся тяжелая промышленность под руководством испытанного в боях Эмиля Кирдорфа, но и публицистический талант Максимилиана Гардена[2]. Эти внутренние процессы повысили ценность русского рынка для германской промышленности. Однако в отношении России интересы финансовых и промышленных кругов до этого времени были отнюдь не идентичными. Германская промышленность в целом не была заинтересована в том, чтобы экспорт финансового капитала, ухудшавший для нее рынок капитала, создавал конкурентов по ту сторону границы, особенно в Донецком бассейне, и предоставлял царизму средства для строящихся еще, чего доброго, с помощью французской промышленной

Санкт-Петербургский международный коммерческий банк, Русский внешнеторговый банк, Санкт-Петербургский учетный и ссудный банк, Коммерческий банк в Риге, Коммерческий банк в Варшаве и Торговый банк в Лодзи. Из них Санкт-Петербургский международный коммерческий банк с семидесятых годов XIX века находился в тесной связи с немецким «Дисконтогезельшафт». В 1905—1914 гг. при активном участии «Дисконтогезельшафт», «Банка торговли и промышленности», банков С. Блейхрёдера и Мендельсона там были выпущены новые акции на сумму 25 миллионов рублей. Русский внешнеторговый банк поддерживал теснейшие связи с «Немецким банком» и «Винер банкферейн», которые располагали 50 процентами акционерного капитала. Санкт-Петербургский учетный и ссудный банк контролировался «Дисконтогезельшафт» и банком Мендельсона. Под контролем «Дисконтогезельшафт» находился и Коммерческий банк в Риге. Коммерческий банк в Варшаве поддерживал тесную связь со «Среднегерманским кредитным банком», «Дисконтогезельшафт» и «Национальным банком в Германии». Торговый банк в Лодзи контролировался «Среднегерманским кредитным банком». (Данные приводятся по исследованию, произведенному для автора бывшим русским сталелитейным промышленником д-ром Михаилом Бухштабом.)

[1] См. F ü r s t e n b e r g, op. cit., S. 344 (об образовании русского акционерного горнопромышленного общества).

[2] По вопросу о борьбе за «Гиберниа» см., кроме «Крейццейтунг» от 29 сентября 1904 г. и 10 января 1905 г., «Дейче тагесцейтунг» от 14 сентября 1904 г. и 28 января 1905 г., а также обобщающие статьи Гардена в «Цукунфт» от 23 июля, 6 и 13 августа 1904 г. Теперь (1932) см. F ü r s t e n b e r g, op. cit., S. 400 ff. с выражением удовлетворения по поводу одержанной победы.

продукции стратегических железных дорог против Германии, по которым, кроме того, к негодованию аграриев, в Германию ввозилось русское зерно.

Все же некоторым отраслям германской промышленности уже удалось преодолеть таможенные границы России и, опираясь на производственную базу русской Польши, соперничать с русской промышленностью в ее собственной стране; это вызвало волну направленного против Германии национализма, который вряд ли можно назвать чисто русским, учитывая известный всему миру иностранный контроль над русской промышленностью. Все же антагонизм между немецкими финансовыми и промышленными кругами[1] смог быть ослаблен лишь тогда, когда русско-японская война одновременно увеличила потребности России в финансировании и создала также повышенные возможности для германского промышленного экспорта.

Русско-германский торговый договор. Военные поставки

С началом войны у России сразу же возникла повышенная потребность в финансировании, для удовлетворения которой русские должны были обратиться к берлинскому рынку капиталов: французы не желали предоставлять деньги для авантюр в Восточной Азии, и к тому же русские стремились помешать одностороннему злоупотреблению бедственным положением России со стороны французских финансистов. Теперь, поскольку берлинский денежный рынок[2] приобрел исключительно важное значение, германское правительство надеялось решить большую проблему, созданную германским таможенным тарифом. Путем удовлетворения русской потребности в финансах стало возможным сохранить прежние льготные условия для германского промышленного экспорта. Теперь, во время русско-японской войны, когда Россия была не в состоянии прибегнуть к обычным мерам таможенной войны как ответа на повышение германских пошлин на зерно, и особенно на пшеницу, значение германского промышленного экспорта возросло. Это преимущественное положение Германии, которое промышленная «русская» или, что фактически то же самое, иностранная конкуренция в России восприняла как тяжелый удар, на длительное время приобрело большое значение в мировой политике; как будет показано ниже, вся русская политика в отношении Дарданелл в последние годы перед мировой войной частично объяснялась стремлением во время ожидавшихся новых переговоров о заключении торгового договора с Германией избежать такого стесненного положения, какое сложилось во время русско-японской войны.

Для заключения русско-германского торгового договора 1904 года оба государя были лично посланы в бой[3]. Переговоры приостановились перед

[1] Очень характерной для этого антагонизма является пометка Бюлова на документе GP, 5404, Альвенслебен—Бюлову, 15 марта 1902 г., где он жалуется на беззастенчивость немецких финансистов, которые самостоятельно заключают с Россией соглашения о займах, не добиваясь уступок в пользу немцев. Фраза Бюлова, что нужно позаботиться о том, чтобы евреи думали не только о своем кошельке, но и о государственном, выглядит весьма пикантно рядом с похвалами в адрес банка Мендельсона в мемуарах того же Бюлова (B ü l o w, Denkwürdigkeiten, 2. Bd., S. 44), даже если формально речь идет не об одних и тех же лицах.

[2] На важность берлинского финансового рынка проливают свет мемуары графа Витте (С. Ю. В и т т е, Воспоминания, т. 2, М., 1960, стр. 299 и сл.).

[3] См. GP, 6035, Вильгельм II — Николаю II, 6 июня 1904 г. Вильгельм II пригласил лично русского министра финансов на остров Нордерней, где тот вел с князем Бюловым переговоры о договоре. Согласие Витте принять приглашение было предварительно установлено через банкирский дом Мендельсона (B ü l o w, op. cit., 2. Bd., S. 41 ff.).

русско-японской войной. Германские аграрные пошлины были тем куском, который русские не желали проглотить[1].

Однако теперь, во время войны, сопротивление было невозможно. Совещание, созванное у царя, решило выторговать в обмен на таможенно-политические уступки столь необходимые германские займы. Германский кайзер, психологически все еще находившийся под влиянием последнего периода правления Бисмарка и аграриев, пытался противиться. Однако немецкие деньги являлись необходимым предварительным условием для всего соглашения. Итак, торговый договор и соглашение о займе были заключены[2].

В Германии промышленные[3] и сельскохозяйственные[4] круги тепло приветствовали развитие событий в этом направлении. Еще прежде, чем новый тариф вступил в силу, начался промышленный экспорт в Россию, стимулированный германскими займами и необходимостью поставок военных материалов. Военные поставки в Россию играли значительную роль в экономи-

[1] Документы, касающиеся переговоров о заключении торгового договора, еще не опубликованы и вообще недоступны. Однако публикаций Бюлова, Витте, Диллона, а также материала, представленного рейхстагу (см. также Schultheß, Europäischer Geschichtskalender, 1905, S. 24 ff.), более или менее достаточно, чтобы составить определенное мнение*. Переговоры о торговом договоре начались в августе 1903 г. Немцы фон Кёрнер, фон Гаррант, Вермут, Лузенки и Капп вели в Петербурге переговоры с Тимашевым, Голубевым и Ланцовым (см. «Русский вестник» от 16 августа 1903 г.). Первые заседания вскрыли резкие противоречия (князь Мещерский в «Гражданине» — по «Крейццейтунг» от 3 сентября 1903 г.). Тогда 18 ноября 1903 г. русские делегаты, в том числе также виттевский финансовый агентРаффалович, начали вести переговоры с немцами в отеле «Кайзергоф» в Берлине. Во всяком случае, торгово-политический поворот был вызван лишь русско-японской войной, которая для Витте была нежелательна и по торгово-политическим причинам. Русские протестовали не только против германских пошлин на скот, но главным образом против пошлины на рожь, которая, будучи — несмотря на негодование аграриев — оставлена для русских на уровне 6 марок, была все же слишком высокой для них, ибо после того, как отмена доказательства идентичности, фактически являвшаяся как бы экспортной премией, создала уничтожающую конкуренцию на единственном существенном внегерманском рынке ржи — в Скандинавии, они могли сбывать свою рожь преимущественно в Германии (см. «Берлинер тагеблат» от 16 сентября 1903 г.).

[2] Теперь (1932) см. также Bülow, op. cit., 2. Bd., S. 41 ff.

[3] И. Винер в «Кенигсбергер Гартунгше цейтунг» от 31 января 1905 г. приводит русско-германский торговый договор в качестве примера того, «к каким уступкам в экономической области может вынудить затруднительная политическая ситуация». Кроме отмены прежнего дифференцированного обложения германского сухопутного и морского импорта, Германия выторговала выгодные условия для машин, значительные уступки для шерстяной пряжи и химических продуктов (о русских премиях на сахар см. выше; с этого времени он облагается дифференцированно). В целом германская промышленность по сравнению с прежним уровнем не пострадала, в то время как Германия провела свои минимальные тарифы 1902 г. И «Крейццейтунг» также ликовала. Она подчеркивала, что в результате переговоров русские тарифы от 13—26 февраля 1903 г., выдержанные в духе таможенной войны, понижены в интересах германской экспортной промышленности. В вопросе относительно паспортных виз для евреев было достигнуто продление срока действия.

Торгово-политическое значение договора характеризуют следующие цифры:

Годы	Германский импорт из России (млн. марок)	Германский экспорт в Россию (млн. марок)
1881—1886	358	177
1887—1891	477	206
1895—1900	682	365
1907	1108	438

[4] По данным д-ра Отто Арендта в «Дер таг» от 8 августа 1904 г., с этого времени из жизни партий на некоторый период исчезают крупные интересы к вопросам свободы торговли или защитных тарифов. Освобождается путь для крупных национальных вопросов. Начинается молодое демократическое национальное движение, которое, с точки зрения консерваторов, нужно приветствовать. Арендт — несмотря на свое еврейское происхождение, лидер свободных консерваторов и противник прежних торговых договоров — как политический деятель хвалит здесь социологические последствия образования синдикатов и картелей в Руре.

* Теперь см. также DD, 2-me serie, vol. 5. № 291, Биур — Делькассе, 30 июля 1904 г.

ческом развитии Германии того времени[1]. Львиная доля военных поставок в Россию приходилась на Францию и Германию[2], причем Германия добилась преимущества[3]*. Разумеется, европейская промышленность по-прежнему осуществляла поставки обеим сторонам. Хорошо известная фабрика Артура Чемберлена по производству патронов и взрывчатых веществ в Кинохе посылала своих агентов к врагу Англии так же беззастенчиво, как и во время англо-бурской войны к бурам[4]. Пожалуй, все же основная часть британских и американских поставок вооружения шла в Японию; Лондон и Нью-Йорк предоставляли японцам одновременно и деньги и оружие[5]. Американский империализм, как и Германия, заинтересованный в том, чтобы держать дверь в Китай открытой, в финансовом и политическом отношении до тех пор стоял на стороне японцев, пока приходилось опасаться закрытия Китая в результате франко-русских экспансионистских устремлений в Восточной Азии; позже он шел рука об руку с Германией, даже тогда, когда встал вопрос о том, чтобы предотвратить опасность закрытия Китая и с помощью «жесткой» политики в отношении японского победителя, и с помощью поддержки пошатнувшегося русского колосса[6].

---

[1] Связанные с военными поставками международно-правовые вопросы и споры занимают значительное место в публицистике этого времени.

[2] См. официозные излияния «Кёльнише цейтунг» от 26 октября 1904 г. с полемикой против немецких газет, которые, на основании сообщений английской прессы, выступили против германской антинейтралистской политики. Как утверждалось с официозной стороны, «нападки немецкой прессы имели своей целью отвлечь внимание от того факта, что Япония ведет войну при широком содействии английской промышленности. И Россия, конечно, получает значительную часть своих военных материалов от английской стороны, однако тот факт, что все же *львиная доля этих поставок для России падает на Францию и Германию, дает дешевую пищу для нападок*». (Курсив мой.— *Г. Х.*) Вся эта полемика велась в связи с политикой угольных поставок.

[3] Ср. «Нейе фрейе прессе» от 16 марта 1905 г. с цитатами из статьи Карла Гельфериха от 1 января 1905 г. Согласно Гельфериху, потребности русской армии удовлетворялись преимущественно из Германии. Вот несколько примеров самих поставок. Согласно данным «Лейпцигер фольксцейтунг» от 3 августа 1904 г., Фельтен и Гильом изготовили для России кабель для мин, который рабочие иронически называли «нейтральным кабелем».

Верфь «Германиа» поставляла в Россию во время войны миноносцы, что даже при весьма великодушной интерпретации не вполне отвечало международному праву, так что официально это опровергалось. См. «Кёльнише цейтунг» от 11 мая 1905 г. с официозным сообщением из Любека, которое в значительной мере подтверждало соответствующие утверждения социалистических газет, однако констатировало, что использование материалов в целях строительства военных судов «не может быть усмотрено с уверенностью». По этому вопросу «Форвертс» в январе 1905 г., опираясь на данные «Шлезвиг-Гольштейнише фольксцейтунг», замечала, что на металлических частях, лежавших с 1 по 5 мая на набережной, были белые надписи: «Пол для пороховых погребов» и «Торпедные камеры». Служащие верфи «Германиа» никогда не скрывали, что речь идет о миноносцах. «Шлезвиг-Гольштейнише цейтунг» публиковала даже фотографии чертежей. Однако из осторожности суда были названы прогулочными яхтами.

[4] По сообщениям «Национальцейтунг» за октябрь 1904 г.

[5] Согласно книге Helfferich, Das Geld usw., S. 163, Япония в Нью-Йорке и Лондоне брала четыре займа общей стоимостью в 800,6 миллиона иен, из которых, однако, фактически получила лишь 693,9 миллиона, в то время как остаток исчез в карманах международных финансистов в виде комиссионных. Ежегодно выплачивавшиеся Японией проценты достигали 39,25 миллиона иен. Часть денег Япония оставила в Англии для оплаты своих военных заказов. См. «Дейче фольксвиртшафтлихе корреспонденц» от 14 мая 1904 г., а также «Кёльнише цейтунг» от 25 ноября того же года о сделках японских фирм «Таката», «Окура» и «Мицуи»относительно военных поставок. Как известно, теперь (1932) «Мицуи»—одна из крупнейших в мире фирм, производящих оружие.

[6] О политике Теодора Рузвельта в этот период и германо-американских отношениях можно получить столь добротную информацию из книги Альфреда Вагтса о Германии и США, что я намеренно не освещаю этот комплекс проблем, не забывая, однако, его значения. Лицемерные нью-йоркские финансовые круги отлично знали, как замаскировать

* По этому вопросу см. DD, 2-me serie, vol. 5, № 350, Бомпар — Делькассе, 24 сентября 1904 г. Бомпар, по пропагандистским причинам заинтересованный в том, чтобы не представлять роль Франции слишком незначительной, утверждает здесь, что функции Германии как поставщика России несколько преувеличиваются. Однако уже через несколько месяцев Франция настолько осталась позади по заказам на поставки, что Бомпар горько жалуется на это Коковцову (DD, 2-me serie, vol. 5, 9.12.1904).

Германская политика по отношению к России и рейхстаг

Сохранявшиеся в интересах германской политики в Китае хорошие отношения с США, дружественными в начале войны по отношению к Японии, отнюдь не помешали германской политике, как указывалось, неуклонно придерживаться в течение всей войны прорусского курса. Эта позиция постоянно находила свое выражение, с одной стороны, в имевших место в ходе войны переговорах о внешнеполитическом союзе, о которых будет сказано ниже, в заключении торгового договора и в терпимом отношении к русским займам, а с другой стороны, и в германской внутренней политике того времени. Уже в конце 1903 года Бебель пытался доказать в рейхстаге факт влияния царизма в Восточной Пруссии[1], и еще до начала войны социал-демократ Гуго Гаазе сделал в рейхстаге сообщение о деятельности особого русского полицейского департамента в Берлине, который следил за всеми русскими, в том числе и за германскими подданными, и даже подкупал почтовых служащих, чтобы контролировать переписку интересующих его людей. Правительство, заявил Гаазе, слабо: оно раболепствует перед Россией, выдает русских их правительству, начинает процессы по обвинению в создании тайных союзов против тех германских подданных, которые якобы получали или перевозили русскую литературу, и передает России материалы, найденные при домашних обысках[2]. Статс-секретарь ведомства иностранных дел без обиняков признал факты, вскрытые социал-демократами. Правительство же не сочло уместным изменить это положение, так как, по его мнению, в интересах империи было, чтобы за деятельностью иностранных анархистов следили органы их отечества[3].

В апреле Бебель выступил против высылки героев революции, причем имперский канцлер, который, когда он того хотел, мог быть и антисемитом, выступил с ответом ему в Берлинском университете с саркастической характеристикой подзащитных Бебеля[4].

Связь между внутренней и внешней политикой имперского канцлера стала ясной: в марте 1905 года Эдуард Бернштейн указал на то, что шаги правительства, направленные на защиту России, преследуют цель охраны интересов немецких кредиторов России[5]. Рядом с этими главными мотивами стремление правительства оказать совместное давление на Польшу в духе традиции Священного союза не играло более прежней роли. Повстанческое движение в русской Польше в связи с русской революцией 1905 года не могло скрыть того, что польская проблема претерпела изменение в социологическом смысле. Сотрудничество России и Германии в их отношении к Польше было скорее случайной исторической реминисценцией, чем фактической

политическую позицию Америки; у меня имеется письмо главы банкирского дома «Кун, Леб энд компани», предоставлявшего Японии военные займы, одному его другу-финансисту, которого он просит отказать русским в деньгах, чтобы защитить интересы евреев. Защиту еврейских интересов как идеологию, используемую иногда для маскировки в деловых интересах стремления истощить Россию, следовало бы специально рассмотреть в отдельном исследовании. Парижские Ротшильды также умели использовать эту тему. Кстати, англофильской позиции германских свободомыслящих, о которой будет сказано ниже, соответствует, между прочим, участие Немецкого банка в японских займах при содействии нью-йоркского банкирского дома Спейера, с которым его связывал родственными узами Артур фон Гвиннер.

[1] Бебель в рейхстаге, 10 декабря 1903 г.

[2] Гаазе в рейхстаге, 19 января 1904 г.

[3] Статс-секретарь фон Рихтгофен в рейхстаге, 19 января 1904 г. Сюда же следует отнести и известный Кёнигсбергский процесс, в котором Гуго Гаазе был главным защитником и сумел направить всеобщую критику на прусскую юстицию, начавшую против подданных Германской империи юридически необоснованный процесс.

[4] См. речь Бюлова о деле Мандельштама и Зильберфарба в рейхстаге 14 апреля 1904 г.

[5] Эдуард Бернштейн в рейхстаге, 17 марта 1905 г.

основой для новой русско-прусско-германской дружбы[1]. С изменением русско-германских отношений старая проблема русских займов на немецком рынке также вновь подверглась дискуссии. Заем, которым имперский канцлер оплатил русско-германский торговый договор, развязал такие же дебаты, какие происходили в Германии в конце восьмидесятых и в начале девяностых годов. Один из подчиненных руководителя германской торговой политики графа Позадовского сделал для себя спортом компрометацию русских займов, а позже и целых промышленных и капиталистических слоев, которые граф взял под свою защиту[2], что — совсем в духе традиции девяностых годов — вызвало овации антирусски настроенных аграриев[3]. В качестве защитника правительства в этой борьбе выступил молодой легационсрат Карл Гельферих, который через своего отца был тесно связан с Немецким банком и характерным для эпохи Вильгельма образом объединял в своей карьере внешнюю политику и практическую финансовую политику. Защита им русских ценных бумаг полностью отвечала интересам банков, особо заинтересованных в русских делах,— главным образом Немецкого банка, который Гельферих позже ловко и беззастенчиво представлял в качестве директора.

В ходе критики множества услуг, оказанных имперским руководством одновременно капиталистам и русскому правительству, в рейхстаге подробно обсуждали также обращение с русскими эмигрантами, которых при проезде через Германию в Америку государственные органы принуждали к покупке билетов в бюро ГАПАГ или «Северогерманского Ллойда»[4]. Такая преду-

---

[1] Польский вопрос — совершенно в духе традиции 1848 г.— использовался социал-демократами в целях агитации (см. выступление Бебеля в рейхстаге 16 марта 1905 г.). Ведь выдача русских эмигрантов вообще напоминает период Меттерниха. Лидер баварских социалистов Фольмар, руководивший мелкокрестьянским правым крылом социал-демократии и в результате выступавший внутри социал-демократии как активнейший защитник политики обороны отечества, в интересной речи описывал в этой связи историю русско-германских отношений и осуждал внешнюю политику Германской империи с точки зрения социалистических идей 1848 г., допуская тем самым смешение проблем, которым позже, в начале войны, воспользовался также Бетман-Гольвег (см. выступление Фольмара в рейхстаге 19 марта 1905 г.).

[2] Личность этого регирунгсрата Руд. Мартина была подвергнута столь резким критическим нападкам еще Бюловым в его «Воспоминаниях», что соответствующий том приходилось иногда изымать из книготорговли. Мартин наряду с бароном фон Эккардштейном, графом Опперсдорфом и некоторыми другими был членом так называемого Союза верных кайзеру, который стремился к свержению Бюлова. В результате опубликования брошюры о русских ценных бумагах Мартин разошелся со своим начальником Позадовским и вынужден был оставить государственную службу, после чего стал зарабатывать себе на хлеб компрометацией правящих классов. Следовательно, Руд. Мартин является Руд. Мейером XX столетия, хотя и гораздо менее надежным по методам своей работы, особенно в том, что касается большей частью совсем фантастических цифр в его «Jahrbücher der Millionäre». Все же его работы содержат много материалов, интересных для социолога.

[3] Интересный обзор деятельности Руд. Мартина и Гельфериха летом 1904 г. имеется в «Рейхсботе» от 24 марта 1905 г. Работа Гельфериха о финансах России и Японии сравнивается здесь с деятельностью Фридриха Гентца, который состоял, как известно, на службе у банкирского дома Ротшильда. Резкой критике подвергнута финансовая политика Бюлова по отношению к России. Понятно, что брошюра Руд. Мартина устраивала и «Крейццейтунг». Нападки Мартина на русские финансы приветствует, далее, профессор Бирмер-Гиссен, который использует заседание среднерейнского Союза фабрикантов от 13 января 1906 г. для нападок на экспорт финансового капитала, удорожавший промышленную продукцию. Тот факт, что Фридрих Науман также следует этой политике («Хильфе» от 3 сентября 1905 г.), объясняется аналогичными мотивами и великогерманско-демократической ненавистью к России. Разумеется, официозная пресса травила Мартина. Кстати, «Пост» от 31 августа 1905 г., пожалуй, правильно отмечает, что Мартин мог рассчитывать на безраздельное одобрение лишь в кругах таких банков, которые не участвовали в последнем русском займе и которые, негодуя по этому поводу, приветствовали бы любой ущерб, нанесенный русскому кредиту. По вопросу о деятельности Гельфериха см. также его статью в октябрьском номере «Маринерундшау» за 1905 г.

[4] Гуго Гаазе, выступая 17 марта 1905 г. в рейхстаге, приводил поразительные подробности на этот счет.

предительность по отношению к развивавшимся пароходным компаниям являлась симптомом очень сильного влияния, которое ГАПАГ оказывала на германскую политику.

Имперское правительство на службе ГАПАГ

Деятельность ГАПАГ во время русско-японской войны была обусловлена ходом войны. Вскоре после начала войны японцам удалось путем блокирования русских эскадр в Восточной Азии отрезать Порт-Артур с моря и одновременно окружить его с суши. Попытки же мощных русских армий снять блокаду с крепости провалились — не в последнюю очередь из-за господствовавшей коррупции. В этих условиях для русских стал насущным вопрос, можно ли снять блокаду с Порт-Артура со стороны моря путем нового наступления флота. Если своевременное снятие блокады оказалось бы невозможным, то все еще оставался шанс, уничтожив японский флот, отрезать японские армии, сражавшиеся на континенте, от их страны и тем самым обеспечить армиям, посланным из России в Восточную Азию, конечную победу. Но для такой операции — поскольку суда, запертые в Черном море, не принимались в расчет — русские располагали лишь флотом в Балтийском море, который в связи с нейтрализацией Суэцкого канала можно было перевести в Восточную Азию только вокруг Африки.

Однако весь этот маневр русского флота зависел от снабжения углем. Снабжение углем русского балтийского флота стало крупнейшей проблемой военных поставок, выдвинутой русско-японской войной.

Из-за враждебности Англии и отсутствия собственного значительного торгового флота для русских речь могла идти лишь о сотрудничестве с германскими судоходными компаниями. Летом 1904 года русские заключили соответствующее соглашение с ГАПАГ Альберта Баллина.

Как бы при этом ни выглядел вопрос снабжения русского флота углем с юридической точки зрения, не было, особенно тогда, ни одного вопроса международного права, который не являлся бы или не мог бы стать спорным. Так или иначе с немецкой стороны в данном случае пошли на риск сильного ущемления английских интересов. Английская политика в Восточной Азии основывалась на союзе с Японией, которая своим давлением на Россию должна была обеспечить китайский рынок для английского ввоза. Если бы дело дошло до катастрофы с японским флотом, то вся английская политика в Восточной Азии рухнула бы в тот момент, когда Англия в связи с обостряющимися англо-германскими противоречиями стала зависеть от японского союзника еще сильнее, чем раньше.

Однако Альберт Баллин и его ГАПАГ как один из ведущих немецких концернов отнеслись ко всему этому вопросу, как к частному коммерческому делу, действительно имевшему решающее значение для реконструкции ГАПАГ, которая во время высокой конъюнктуры, предшествовавшей 1900 году, слишком сильно разрослась. Суда Баллина взяли на буксир Германскую империю и ее политику. Чтобы избежать формальных англо-японских жалоб, суда Баллина были предоставлены русскому правительству не непосредственно, а через посредническую фирму[1]. Все же это было тяжелым испытанием сдержанности англичан, поскольку им пришлось беспрепятственно пропустить через Ла-Манш, под жерлами английских морских орудий, весь русский балтийский флот, сопровождаемый эскадрой торговых

[1] См. GP, 6082, памятная записка Баллина, пересланная 22 сентября 1904 г. ведомству иностранных дел.

судов ГАПАГ, и притом для того, чтобы он, возможно, вдребезги разбил британские интересы в Восточной Азии.

Английская пресса кипела от негодования. Агенты, которые, возможно, в интересах Англии и Японии должны были вызвать инцидент, нервировали русских моряков слухами о нападении. Когда в ночь с 21 на 22 октября 1904 года русский флот поравнялся с Доггер-Банкой, он принял зеленые и красные сигнальные огни английских рыболовных судов за японские миноносцы и открыл беспорядочный огонь. Были убитые, потоплено несколько рыбацких судов. В Англии перестали делать различие между русским флотом и судами г-на Баллина. За одну ночь Англия и Германия стали на грань войны.

Германская политика пошла на значительный риск не только, как это приукрашивают официальные сообщения, в угоду русским[1], но и, прежде всего, в деловых интересах г-на Баллина[2]. Считалось, что можно было взять на себя риск опасности, угрожавшей со стороны Англии. В случае если бы в связи с угольной сделкой возникла война с Англией, германская политика намеревалась возместить свои убытки за счет Франции как союзника Англии[3]. Однако из-за инцидента у Доггер-Банки напряженность отношений между Англией и Германией стала столь острой, что Германии необходимо было немедленно искать союзника. Непосредственно из угольной сделки г-на Баллина вырос план русско-германского союза[4].

В ходе переговоров об этом союзе германские политики вынуждены были убедиться, что Россия не желала оплачивать блестящую сделку ГАПАГ, кроме денег, еще и отказом от своего союза с Францией[5]. Во время этого кризиса германская политика отделалась не так легко[6], как ГАПАГ[7]. В конце

---

[1] Такое толкование дается в GP (6084, Бюлов — Ромбергу, 4 октября 1904 г.).

[2] Как видно из мемуаров Бюлова (op. cit., 2. Bd., S. 132), это теперь больше не оспаривается. В случае срыва сделки Баллина, которую кайзер, разумеется, рассматривал как «крестовый поход» в Восточную Азию, кайзер угрожал отречением от престола.

[3] См. GP, 6084, Бюлов — Ромбергу, 4 октября 1904 г. Мне кажется, что здесь впервые, поскольку речь идет о документальном изложении, прямо дана гольштейновская теория заложника, послужившая позже поводом для знаменитых статей в «Кёльнише цейтунг». Следовательно, она во всяком случае старше, чем первый марокканский кризис. Кстати, указанный документ (как и другие) оперирует тем фактом, что часть флотилии Баллина состояла из английских судов и что для этой сделки по договору использовался кардиффский уголь. Приведенная аргументация игнорировала то обстоятельство, что здесь речь шла не о правовых вопросах, а о вопросах силы и тактики. То, что промышленность не упускает частные сделки, даже если это противоречит интересам собственной страны, представляет собой явление, характерное не только для Германии.

[4] 27 октября кайзер в письме царю утверждал (GP, 6118), что угольный вопрос делает необходимым русско-германский союз. 29 октября царь ответил согласием на предложение о союзе (GP, 6119). 30 октября царю был предложен союз с учетом поставки угля (GP, 6120/21). 23 ноября царь заявил (GP, 6126, приложение), что он должен сначала уведомить об этом предложении Францию; кайзер воспринял это с гневным возгласом: «Его величество ослабел и испугался».

[5] См. GP, 6145, Николай II — Вильгельму II, 12/25 декабря 1904 г. и 6146, Вильгельм II — Бюлову, 28 декабря 1904 г.

[6] Германия, попавшая в затруднительное положение из-за угроз со стороны английского флота (GP, 6153, записка Гольштейна от 5 сентября 1904 г.), была бы уже рада, если бы вместо желаемого общего союза, как это предложил кайзер в письме к царю (см. предыдущее примечание), добилась хотя бы гарантии со стороны России от непосредственного вовлечения в войну из-за угольного конфликта (GP, 6130, Вильгельм II — Николаю II, 7 декабря 1904 г.). Это стало тем более насущным требованием, что именно теперь стал известен английский план перегруппировки флота, так что в тот же день (10 декабря 1904 г.) Николаю II было послано второе письмо Вильгельма II (GP, 6132). 11 декабря 1904 г. царь ответил кайзеру согласием (GP, 6133). По этому вопросу см. GP, 6134, Альвенслебен — ведомству иностранных дел, 11 декабря 1904 г.; GP, 6135, от 12 декабря 1904 г., с характерными высказываниями о неясности международно-правовой позиции, а также GP, 6136, Альвенслебен — Ламздорфу, 12 декабря 1904 г.

[7] О прибыли от угольной сделки см. H u l d e r m a n n, op. cit., S. 149.

«Что означала эта операция ГАПАГ с деловой точки зрения, лучше всего показывают некоторые цифры. В 1904—1905 гг. компания купила или построила ~~не менее 21 парохода~~

концов Баллин добился компромисса с русскими, по которому его суда могли остаться в Сайгоне и не должны были двигаться непосредственно к театру военных действий. Однако благодаря этому маневру вся политика оказалась опасно изолированной.

В то время как частные пароходные компании подсчитывали свои прибыли и с помощью сделки с Россией, осуществленной несмотря на сопротивление англичан, в финансовом отношении готовились к будущим крупным боям с английскими судоходными обществами[1], ведомство иностранных дел внезапно с ужасом увидело перед собой опасность войны с Англией, в связи с чем оно вызвало своих дипломатических представителей в Лондоне для получения информации о настроениях в Англии[2]. 21 декабря 1904 года на совещании у имперского канцлера германский посол в Англии заявил, что у руководящих кругов Англии нет четко сформулированного намерения напасть на Германию. Однако какая-либо случайность, вроде, например, инцидента у Доггер-Банки, могла привести к этому[3]. С этого момента уже стало ясным, что враждебность Англии оказывала давление на флотскую политику Германии.

Возобновление агитации в пользу флота

Претворение в жизнь флотских законов 1897—1900 годов зашло настолько далеко, что флотская политика Германии наряду с ее сухопутными силами и международной борьбой за фрахт стала теперь объектом международных опасений. 18 ноября в английском специальном военном журнале «Арми энд нэви газетт» появилась знаменитая статья, поставившая перед Англией задачу внезапно напасть на германский флот, пока он еще слаб.

Германский военно-морской атташе в Лондоне переслал ведомству иностранных дел статьи из английской «Вэнити фэр», для которых были характерны аналогичные тенденции и опубликование которых означало, что в борьбу вступило английское адмиралтейство, которое в прошлом постоянно использовало англо-французские трения, чтобы реализовать свои требования[4].

общей стоимостью 22,5 миллиона марок и в 1905 г. заказала еще 19 пароходов стоимостью 52 миллиона... 24 миллиона марок из стоимости этих новоприобретений она смогла покрыть за счет продажи своих судов (которая шла рука об руку со вступлением в строй фрахтовых судов.— *Г. Х.*). Далее, значительная сумма шла из прибылей компании. Лишь 1913 г. снова принес подобный прирост плавучего состава. В 1904 г. ГАПАГ выдавала 9 процентов дивидендов против 6 — 4,5 процента в предшествующие годы. До сентября 1905 г. ее акции повысились на 40 процентов» (см. «Цукунфт» от 9 сентября 1905 г., статья Ладона «Повышение курса»).

[1] Хюльдерман (op. cit., S. 149 ff.) рассказывает в этой связи о полном преобразовании Североамериканской линии (благодаря новым пароходам «Америка», «Кайзерин Аугусте», «Виктория» и др., приобретенным на доходы, полученные от услуг русским) и, кроме того, дословно говорит: «Доходы от этих сделок с русскими способствовали также тому, что для компании были менее чувствительными убытки от острой конкурентной борьбы с компанией Кунарда».

[2] Отзывы трех дипломатических представителей с характерными различиями в штатском и военном понимании имеются в GP (6140, записка Меттерниха от 18 декабря 1904 г.; 6154, сообщение военного атташе в Лондоне графа фон дер Шуленбурга от 13 декабря 1904 г.; 6155, записка Эйленбурга от 15 декабря 1904 г.).

[3] См. Alfred v. Tirpitz, Der Aufbau der deutschen Weltmacht, Berlin 1924, S. 13 ff.

[4] См. Lord Fisher, Memories, и особенно F. Uplegger, Die Englische Flottenpolitik von 1904 bis 1909, Stuttgart 1930, S. 24 ff*.

* По этому вопросу см. далее E. L. Woodward, Great Britain and the German Navy, Oxford 1935 (указанная книга дает мало нового по сравнению с работой Уплеггера).

Ответом на развитие германского флота явилась переориентировка английского флота на борьбу в Северном море (известный шахматный ход 10 декабря 1904 года). Произошло то, чего не смогли вызвать ни дружественное отношение Германии к бурам, ни борьба за цены на железо и за грузовой тоннаж, которая велась с конца прошлого столетия. Англия ответила на германскую флотскую политику.

Вмешательство адмиралтейства и призыв к обеспечению безопасности Британской империи внесли новую ноту в англо-германские отношения и придали особое значение гулльскому инциденту, который по сравнению с «аферой бундесрата» 1900 года сам по себе значил не больше, чем многие другие трения по военно-промышленным вопросам. Однако это начинающееся давление со стороны Англии обострило проблему, которая уже длительное время обсуждалась в кругах поборников строительства флота. В то же время в 1904 году началась ожесточенная борьба за темпы развития германского флота.

Германский предвоенный империализм безостановочно стремился к вершине. Чем вероятнее становилась перспектива того, что когда-нибудь дело дойдет до всеобщего империалистического столкновения, тем более усиливалась и для Германии необходимость оградить свою постоянно растущую экспортную промышленность — как одну из основ финансирования ее импорта — от последствий такого столкновения и в духе Тирпица превратить возможное покушение на позиции Германии как мировой торговой державы в рискованное дело. Не случайно, что именно политический руководитель одной из важнейших отраслей германской экспортной промышленности молодой юрисконсульт Густав Штреземан также стал во главе германской агитации в пользу флота. Для саксонской текстильной промышленности, которую он представлял, вопрос при этом сводился не только к обеспечению сбыта: вряд ли имелась еще какая-нибудь экономическая сила, которая была бы так заинтересована в монополизации источников сырья за океаном, как именно эта отрасль промышленности, беспомощная перед американскими хлопковыми спекуляциями. В этой политической оценке вопроса о флоте, продиктованной конкретными интересами, перерабатывающая промышленность имела на своей стороне угледобывающую и железоделательную промышленность и особенно верфи. Все упомянутые силы поддерживали Флотский союз, который не случайно переживал пору расцвета в этот период образования синдикатов и участившихся империалистических столкновений и именно теперь, в решающие 1904—1905 годы, стал в социологически очень интересную оппозицию к имперскому военно-морскому ведомству.

Прелюдией к новой борьбе за увеличение флота послужили события, происшедшие вскоре же после принятия новеллы 1900 года. В начале 1902 года в «Форвертс» попал приказ имперского военно-морского ведомства, из которого явствовало намерение зимой 1904/05 года вновь потребовать строительства шести крейсеров дальнего плавания, отклоненного во время принятия закона о строительстве второй двойной эскадры линейных кораблей[1].

Известие об этих планах явилось бомбой, разорвавшейся в рядах консерваторов во время борьбы за таможенный тариф и вызвавшей прежние жалобы на «безграничные флотские планы»[2]. Тирпиц не мог отрицать подлинности приказа, выкраденного из имперского военно-морского

---

[1] Разоблачительный материал опубликован в «Форвертс» 6 января 1902 г.

[2] Согласно «Фрейзинниге цейтунг» от 31 января 1902 г., «Шлезише цейтунг» прямо нападала на планы Тирпица. Ойген Рихтер во «Фрейзинниге цейтунг» от 2 февраля 1902 г. вновь констатировал, что объявленные цифры флотской программы были намеренно занижены.

ведомства[1]. Только Флотский союз и правое империалистическое крыло свободомыслящих выступили в его защиту[2].

Характерно, что империалистическая пресса в Англии выступала тогда еще в защиту строительства германского флота, и, вероятно, не столько в надежде на поддержку со стороны Германии против Франции, сколько для обоснования новых британских флотских требований[3].

В Германии, несмотря на критику в рейхстаге, о которой только что шла речь, было достаточно людей, которые желали пойти еще дальше программы имперского военно-морского ведомства. Флотский союз, в руководстве которого принц Зальм-Горстмар сменил князя Вида[4], при поддержке генерала Кейма, известного в качестве умелого агитатора, со времен проекта военного закона Каприви уже тогда, в 1902 году, насчитывал 626 200 членов и своим Дрезденским съездом в 1904 году достиг апогея своей деятельности. В дополнение к обеим двойным эскадрам двух первых флотских законов с их тридцатью семью линейными кораблями[5] теперь было выдвинуто требование новой двойной эскадры со ссылкой на необходимость обеспечения германской внешней торговли с ее 11 миллиардами и особенно заморской торговли с ее 4 миллиардами. О финансовом покрытии расходов особой заботы не проявлялось[6].

Как и на рубеже столетий, консерваторы и католики и теперь сразу же стали в резкую оппозицию. Депутат Центра Мюллер-Фульда назвал Кейма новым Буланже и объявил затребованные суммы слишком завышенными[7]. «Рейхстаг,— писала официозная пресса Союза сельских хозяев,— вряд ли допустит, чтобы повторилось падение правительства, подобно тому, как это произошло между первым и вторым законами о флоте. Империю толкают на путь опасного конфликта»[8].

Однако за Флотским союзом стояли мощные силы. В то время как фабриканты броневых плит вместе с имперским военно-морским ведомством дер-

---

[1] Обсуждение в бюджетной комиссии (по «Фрейзинниге цейтунг» от 30 января 1902 г.).

[2] См. выступления графа Ориолы и Барта в рейхстаге 7 февраля 1902 г.

[3] «Таймс» в номере от 3 февраля 1902 г. писала, что во всех этих вопросах Англия накопила опыт и не взваливает на германское правительство ответственность за то, что сама в аналогичных условиях сделала и должна впредь делать. Англии, продолжала «Таймс», нужно прилагать все новые усилия, чтобы быть в состоянии успешно обороняться. К аналогичному выводу пришла и «Морнинг пост». Она также призывала к усилению британских военно-морских сил, подробно ссылаясь на работы известного адмирала Ливониуса в «Дейче ревю».

[4] Вице-президентом в то время был бывший статс-секретарь имперского военно-морского ведомства адмирал Гольман, являвшийся одновременно директором чрезвычайно заинтересованной в строительстве флота компании АЭГ и имевший влияние благодаря своим хорошим отношениям с кайзером; второй вице-президент, барон фон Вюрцбург, представлял баварское крыло Флотского союза, которое позже, принимая во внимание свое католическое население, вступило в резкое противоречие с протестантским руководством союза и которое понимало флотскую агитацию скорее по-баварски, чем по-прусски, как Кейм. В Баварии морем интересовался особенно принц Людвиг. Современные интересы имперского военно-морского ведомства и промышленности получили в здешних речах более задушевную интерпретацию, например в речи Карла Теодора фон Гейгеля об истории морских интересов от Фемистокла до Ганзы (торжественная речь на собрании Флотского союза 30 марта 1903 г.).

[5] Сюда включены флагманский корабль и резерв.

[6] См. «Миттайлунген дес дейчен флоттенферейнс» от 21 апреля 1904 г.

[7] Мюллер-Фульда 20 апреля 1904 г. заявил в рейхстаге, что программа Кейма требует 794 миллиона марок. Однако Кейм ожесточенно отрицал это (General Keim, op. cit., S. 104 ff.). «Кёльнише фольксцейтунг», цитированная после соответствующей полемики в «Дрезднер цейтунг» от 30 апреля 1904 г., после соответствующих расчетов нашла даже, что программа Кейма обойдется, включая строительство кораблей для замены, в 1,5 миллиарда марок. Сам Кейм, который, правда, забыл о строительстве кораблей для замены, ориентировался на безусловно слишком низкую сумму в 208 миллионов марок.

[8] Несколько недатированных статей «Дейче тагесцейтунг» в архиве «Кёльнише цейтунг».

жались пока что, пожалуй, на заднем плане[1], за Флотским союзом, как уже указывалось, стояли наряду со значительной частью рейнско-вестфальской крупной промышленности[2] также перерабатывающие отрасли промышленности Саксонии. Отсюда тянулись нити к пангерманизму: юрисконсульт саксонских предпринимателей д-р Штреземан иногда присоединялся к Пангерманскому союзу. Наряду со Штреземаном за германский флот от лица Пангерманского союза агитировали бывший губернатор Германской Восточной Африки небезызвестный генерал-майор Либерт и его товарищ, гессенский генерал Менгес.

Постепенное изменение идеи «риска». Флотский энтузиазм национал-либералов

В ходе этой пропаганды в пользу флота постепенно, почти бессознательно, произошло удаление от исходной точки; желание обеспечить себе любой ценой чужие рынки, чтобы путем увеличения экспорта оплачивать постоянно растущую потребность Германии в сырье, пронизывает всю агитацию. Правда, лишь очень немногие желали прямо провоцировать войну с Англией; даже люди, подобные Густаву Штреземану, настойчиво выступали за хорошие отношения с англосаксами как главными потребителями продукции германского производства, которое он представлял. Однако идея «риска», которая вначале соответствовала лишь желанию, чтобы риск отпугнул третью державу от нападения на Германию на море, все же получила новое значение в той мере, в какой расширились заморские и колониальные экспортные и импортные интересы. Флот предназначался для отражения нападения не только на германскую метрополию, но и на заморские территории, входившие в сферу интересов империи. Однако, поскольку эти интересы в тот период очень сильно расширялись даже в тех областях, где они были еще слабы в количественном отношении, делались попытки утвердить германские позиции в интересах будущего промышленного развития, а это вело к тому, что перспектива столкновений, во время которых флот мог бы выручить Германию, еще более возрастала. Из континентально-европейской идеи о риске незаметно возникла идея риска в мировой политике, усилившая фактор опасности. И этот риск неизмеримо возрастал из-за все увеличивавшейся возможности континентального взрыва с его обратным воздействием на Англию.

Но если это было так, если риск непрерывно возрастал, то должна была повышаться премия за риск и увеличиваться страхование от риска. По этим причинам вся экспортная промышленность твердо настаивала на увеличении флота независимо от того, получала ли она прибыли непосредственно от расширения флота, как, например, тяжелая промышленность Рейнланда-Вестфалии, или нет. При этом нельзя переоценивать непосредственно материальный момент, как бы чрезвычайно важна ни была, без сомнения, его роль в вопросе строительства флота. Как раз та отрасль промышленности, которая сильнее всего толкала к мировой политике и увеличению флота

[1] По методу своей агитации генерал Кейм ни в коем случае не может считаться лишь агентом фирмы Круппа, хотя и доказано, что Крупп был с ним связан и предоставлял ему значительные суммы; метод агитации Кейма зиждется скорее на комбинации интересов, на переднем плане которой стоят перерабатывающие отрасли промышленности и верфи.

[2] Характерным является ряд заявлений торговых палат рейнско-вестфальской промышленной области, например заявление Дортмундской торговой палаты от 22 июня 1904 г. Бебель в рейхстаге 25 февраля 1905 г. также указывает на различные заявления торговых палат, в частности Дортмунда, Бохума, Дюссельдорфа, Эссена, Оснабрюка, Рурорта, как на доказательство агитации тяжелой промышленности.

в интересах своего экспорта — саксонская текстильная промышленность,— экономически была менее всего непосредственно заинтересована во флоте. Только этим объясняется факт распространения настоящего немецкого шовинизма главным образом в рядах так называемых младолибералов. Движение младолибералов имеет мало общего с понятием возрастной границы[1]. Речь идет здесь скорее о либеральных элементах из католических районов Баварии и Рейнской области, которые были особенно антиклерикально настроены как группа меньшинства и, таким образом, старались воспрепятствовать обычным компромиссам с Центром, прежде всего в прусской палате депутатов[2]. Это течение, неприятное для тяжелой промышленности по социально-политическим причинам, имело союзников в лице перерабатывающей промышленности и известных финансовых групп[3], стоявших за экспортом, которые, как и перерабатывающая промышленность, выступали против политики синдикатов и картелей Рейнской области и Вестфалии, где младолиберализм, как это ни странно, не развивался. Божеством младолибералов являлся, кроме лидера национал-либералов Эрнста Бассермана, этой помеси либерализма, вышедшего из церкви св. Павла, с международным финансовым капиталом[4], именно д-р Густав Штреземан, руководитель борьбы за флот.

Планы имперского военно-морского ведомства. Разочарование энтузиастов флота

В имперском военно-морском ведомстве, от которого теперь полностью зависел этот вопрос, до 1904 года то и дело обсуждались планы увеличения флота, например, с помощью простой эскадры, двойной эскадры или путем предпочтения постройки судов в порядке замены[5]. Однако эти проекты были еще незрелыми. Ведь вся флотская политика рассматривалась имперским

---

[1] Характерно, что тяжелая промышленность пыталась установить возрастную границу для принадлежности к союзам младолибералов, что, однако, не удалось из-за немцев Южной Германии («Emscher Zeitung» v. 18.10.1904).

[2] Во главе младолиберализма стояли молодые учителя, которые особенно рьяно нападали на официальную политику Национал-либеральной партии на съезде представителей младолибералов в Лейпциге в сентябре 1904 года. Характерно, что это крыло требовало тайного избирательного права в Пруссии; на его социально-политические нападки горько жаловалась тяжелая промышленность. См. также типичную статью в «Гамбургер нахрихтен» от 25 апреля 1905 г., направленную против бассермановского партийного руководства.

[3] «National Zeitung» v. 7.9.1904. Городской национал-либерализм этого направления является постоянным спутником младолибералов.

[4] Через свою жену Бассерман был связан с германо-американским банкирским домом Ладенбурга; являясь председателем наблюдательного совета «Зюддейче дисконтогезельшафт», он был впутан в мощные промышленные интересы. Его крупнейшие интересы в калийной промышленности (Бассерман был председателем наблюдательного совета в «Вестеregельне») толкали его к парламентскому обсуждению вопроса о калии.

[5] Соответствующие данные у Тирпица (Tirpitz, Aufbau usw., S. 16) иллюстрируются очень богатым материалом из документов имперского морского ведомства. В соответствии с различными требованиями было выработано специальное секретное обоснование для бюджетной комиссии — доказательство того, что и здесь «внутренняя политика» не определялась «внешней политикой», как этого требует оторванная от жизни теория. Из этого документа, которым в бюджетной комиссии рейхстага пытались мотивировать требование двойной эскадры, но который затем был снова взят назад, видно, что внешнеполитические идеи крупнейшего масштаба и в самых важных случаях непосредственно проистекают из внутриполитических устремлений (в нашем случае — из ведомственных соображений) и варьируются с ними*.

* Написано в 1932 г. Копия соответствующего документа из Морского архива, начинающегося лапидарной фразой: «Требование третьей двойной эскадры должно было быть выдвинуто, так как лишь оно представляет гарантию того, что мы будем избавлены от войны с Англией»,— к сожалению, за это время была утеряна.

военно-морским ведомством иначе, чем руководящими группами Флотского союза[1]. До тех пор, пока прежний план строительства флота не был выполнен, новый флотский закон не означал улучшения с точки зрения «политики мощи» и флотской политики, так как нельзя было построить все корабли сразу в течение нескольких месяцев; преждевременно внесенный закон об увеличении флота вызвал бы лишь внутриполитическое и внешнеполитическое противодействие даже тогда, когда имелось не больше, а, может быть, меньше кораблей, чем военно-морскому ведомству предоставлялось по старому флотскому закону 1900 года. Однако при некотором промедлении с внесением нового флотского закона перед лицом ожидавшегося противодействия преимущественно внешнеполитического характера можно было бы использовать по крайней мере уже предусмотренный флот в качестве орудия мощи[2]. При этом интересы имперского военно-морского ведомства отвечали не столько интересам промышленности вообще, сколько интересам производства броневых плит и других материалов, которое должно было перестроиться в соответствии с регулярной судостроительной программой и не в интересах которого было бы возводить новые предприятия, где уже через несколько лет эксплуатации пришлось бы сократить производство; с другой стороны, это производство старалось сохранить прежний темп строительства на уровне трех крупных кораблей в год и после осуществления строительной программы 1900 года. В этих условиях Тирпиц в 1904 и в первые последующие годы ограничился просто повторным внесением отклоненных в 1900 году требований о строительстве шести крейсеров дальнего плавания, которые были заложены как крупные линейные корабли[3].

Эта политика имперского военно-морского ведомства была тем менее в состоянии указать агитации в пользу флота ее границы, что Тирпицу, видимо, лишь в начале февраля 1905 года стало окончательно ясно, какие требования следует предъявить, К тому же до опубликования их прошло еще полгода, так что долгое время имелась надежда, что можно рассчитывать на правительство или по крайней мере произвести на него впечатление с помощью агитации. Депутат Герман Пааше, который, представляя интересы как флота, так и верфей, был настолько бесстыдным дельцом-патриотом, что на него обратил внимание даже ко многому привыкший князь Бюлов[4]. В начале 1905 года Пааше использовал свою осведомленность о военной опасности последних месяцев для того, чтобы в речи в Крейцнахе разгласить тайну перед своими избирателями[5]— явный маневр в пользу флотской агитации. Не только

[1] Предложенное Флотским союзом увеличение флота могло сказаться на абсолютной силе флота лишь после того, как предусмотренные прежними флотскими законами корабли действительно были бы спущены на воду.

[2] См. Tirpitz, Aufbau, S. 10 f., S. 17.

[3] Ibid., S. 16 ff.

[4] Сообщение Бюлова (op. cit., 1. Bd., S. 102) о том, будто Пааше до революции был единственным парламентарием, считавшимся спекулянтом, правда, нужно понимать cum grano salis, то есть не буквально, а с оговоркой; по свидетельству депутата Эрцбергера в одном из его известных процессов было замешано минимум шестьдесят— восемьдесят депутатов, которые занимались такими же делами, как и сам Эрцбергер. Но это высказывание Эрцбергера, очевидно, не было известно Бюлову.

[5] Пааше свою речь в Крейцнахе 4 января 1905 г. позже исправил, очевидно, по высочайшему повелению, в речи в Кведлинбурге 10 января 1905 г., попросту отрицая приписывавшиеся ему слова, что война с Англией была близка и ее удалось избежать лишь благодаря ловкости германской дипломатии. Однако Пааше действительно говорил то, от чего теперь отказывался, и это было тотчас же удостоверено его слушателями («Öffentlicher Anzeiger für Kreuznach» v. 14.1.1905), так что соответствующая сноска в GP (19. Bd., S. 376), в которой заверения Пааше принимаются за чистую монету, не соответствуют фактам. Занимательно и интересно столкновение Пааше с его товарищами по партии, которые обижались на него за то, что он выступил против слишком явного привлечения капитала для покрытия расходов по строительству флота, и упрекали его в сверхкорыстном поведении как владельца дворянского поместья и фабрик; эти упреки он пытался парировать возражением, будто бы он бедный, нуждающийся аграрий («Öffentlicher Anzeiger für Kreuznach» v. 21.1.1905).

левые, но и консервативная пресса, все еще не доверявшая безудержной мировой политике, напала на корчившегося национал-либерала[1].

Как в свое время высказывания Чемберлена о 1870 годе, так и теперь довольно незаметная речь гражданского лорда адмиралтейства Артура Ли, явившаяся лишь более или менее откровенной интерпретацией переориентировки английского флота, оказала влияние на германскую дискуссию о флоте[2]. Тирпиц, несмотря на сильную травлю со стороны кайзеровского окружения[3], которое повторяло все, что говорил его повелитель, не дал отвлечь себя от однажды принятого направления флотской политики. Через несколько дней, 10 февраля 1905 года, после беседы с рейхсканцлером он окончательно остановился на требовании шести крейсеров, а на следующий день даже привлек на свою сторону и кайзера, который по своему обыкновению вспыхивал лишь на короткое время. В этой связи антиправительственная агитация политически и экономически заинтересованных лиц стала более неистовой, чем когда-либо. Еще через восемь дней после того, как правительство приняло решение, генерал Кейм заявил о своем твердом убеждении в том, что ожидаемый законопроект Тирпица будет соответствовать программе Флотского союза и предусматривать большее число линейных кораблей[4]. Речь Августа Бебеля, которой в конце февраля открылось второе обсуждение военно-морского бюджета, также была полностью направлена против чрезвычайного флотского законопроекта[5]. Однако в действительности правительство было весьма довольно тем, что здесь представилась возможность сочетать приятное во внешнеполитическом смысле — улучшение отношений с Англией — с полезным для самой судостроительной промышленности — сохранением постоянного темпа строительства,— очень редкий случай в германской внешней политике до мировой войны. Итак, Тирпиц охладил пыл Флотского союза, который, к его сожалению, выдвинул определенную программу усиления германского флота. Однако национал-либералы слишком зависели от большей части тяжелой и экспортной промышленности, чтобы оспаривать их программу. От имени национал-либеральной фракции граф Ориола, представитель правого крыла Национал-либеральной партии, взял Флотский союз под защиту от направленных на него многочисленных нападок, особенно со стороны депутата Гребера. Программа Флотского союза, недоработанная в части покрытия расходов, была удобной мишенью для всяких нападок. Все еще очень мелкобуржуазный и аграрный Центр требовал участия промышленности в распределении налогового бремени. Левые утверждали, что правые толкают к войне с Англией. Это была агитация. Национал-либеральные сторонники флота и их союзники из рядов свободных консерваторов, какие-нибудь Кардорф и Арендт[6], желали, разумеется, так же мало непосредственно войны с Англией, как и правительство; однако все же

[1] См. «Дейче тагесцейтунг» от 25 января 1905 г. (архив «Кёльнише цейтунг») с данными из консервативной «Корреспонденц» о том, что Пааше, выдавая государственные тайны, будто бы хотел лишь импонировать «доморощенным политикам» и что с точки зрения интересов наших отношений с заграницей эта речь заслуживает сожаления. «Дейче тагесцейтунг» нападает также на нервозную травлю Пааше Англии. В то же время пресса полагала возможным сообщить, что германский генеральный штаб убежден в неизбежности войны с Англией («Baseler Zeitung» v. 10.1.1905). Однако, по-моему, это было ложное сообщение, инспирированное заинтересованной стороной.

[2] Подробно об уклончивых формулировках речи Ли см. в работе U p l e g g e r, op. cit., S. 26 ff. Мне не удалось установить, действительно ли Артур Ли, позже лорд Фарчэм (кстати, насколько мне известно, также делец крупного масштаба, заинтересованный в военной промышленности и женатый на богатой американке), является автором антигерманской статьи в «Арми энд нэви газетт», как утверждает «Нейе милитерише корреспонденц» в номере от 8 февраля 1905 г.

[3] См. T i r p i t z, Aufbau usw., S. 14 ff.

[4] Кейм в рейхстаге, 19 февраля 1905 г.

[5] См. особенно речь Бебеля в рейхстаге 25 февраля 1905 г.

[6] Выступления в рейхстаге 25 февраля 1905 г. Необходимость хороших отношений с Англией — вопреки мнению Флотского союза — особенно подчеркивал Кардорф.

встает вопрос, не должен ли был германский флот как выражение капитализма, продвигавшегося там, где это удавалось, с помощью силы, то есть как империалистическое явление, сам собой привести к размолвке между Германией и Англией.

Продолжение внешней политики «маятника». Эволюция в вопросе о Багдадской железной дороге

Однако если отношения с Англией становились натянутыми, то тем более было необходимо снова установить выгодные, а главное — прочные отношения с Россией. При всем том на внешнеполитические потребности целого общественные силы обычно обращают внимание самое большее в отвлеченной теории. Действительность не знает случая, когда бы империалистические цели игнорировались ради «блага целого». В соответствии с этим, например, Германия продолжала проводить багдадскую политику и теперь, хотя, как уже указывалось, новые англо-германские отношения требовали ослабления трений с Россией в плане мировой политики. Империализм, особенно в столь анархической форме, в какой он проявлялся в тогдашней германской внешней политике, не руководствуется логикой. Как раз в то время, когда руководители германской внешней политики снова пытались сблизиться с Россией, в других областях возникли трения, которые оттолкнули и русского союзника Францию и самое Россию, как только они вышли из затруднительного положения.

Свой прежний курс в вопросе о Багдадской железной дороге, который по положению вещей был неприятен русским в любом случае, Германия могла проводить без риска до тех пор, пока с точки зрения мировой политики ее тыл был прикрыт Англией. В 1904—1905 годах немцы полностью лишились этого прикрытия с тыла, однако, демонстрируя непоследовательность, продолжали придерживаться политики Багдадской железной дороги. Международная ситуация весьма благоприятствовала реализации намерения заполучить часть капитала в Англии. Для Георга фон Сименса и его круга подобная политика была своего рода естественной необходимостью. Идеология свободомыслящих и хорошие отношения с Англией, как уже неоднократно указывалось, отлично сочетались друг с другом не только «мировоззренчески», но и социологически. В начале 1901 года Сименс появился в Лондоне, чтобы договориться о финансировании строительства железной дороги. Это было как раз в те дни, когда Чемберлен и герцог Девонширский обратились к Германии с последним предложением заключить союз [1].

С ухудшением англо-германских отношений, которое было предопределено как провалом этих переговоров, так и в еще большей степени общей экономической и политической обстановкой на рубеже столетий, в английской прессе стали преобладать силы, не одобрявшие идеи соглашения в вопросе о Багдадской железной дороге. Ко всем противоречиям железоделательной и сталелитейной промышленности, судоходных компаний и флотских кругов и к соображениям безопасности нации здесь присоединились специальные местные интересы, представители которых подняли шум в прессе. Для английских пароходных компаний и верфей германская политика в вопросе Багдадской железной дороги была в известной степени особым случаем в их общих затруднениях. В апреле 1903 года, когда вопрос об участии Великобритании в Багдадской железной дороге сделался неотложным и английское правительство уже присоединило банкирский дом Беринга

[1] См. GP, 5227, Эккардштейн — Бюлову, 9 января 1901 г., приложение.

к группе, включавшей сэра Эрнеста Касселя и банк Моргана и уже согласившейся участвовать в финансировании строительства Багдадской железной дороги, в прессе против Германии выступило не только семейство владельцев пароходной компании Линча[1], специально заинтересованное в торговле по Евфрату, но и все другие пароходные компании[2].

К этим антигерманским настроениям, которые тем больше стимулировались предусмотренным участием банка Беринга наряду с Морганом[3], что как раз тогда Морган бесцеремонно обошелся с Англией, создав крупный американо-германский пароходный трест, прибавилась умелая агитация русских в английской прессе. Для России строительство Багдадской железной дороги означало как военное усиление Турции, хранившей у себя ключи от Черного моря, так и возможную конкуренцию в Персии, а также обременение турецких финансов и международных рынков капитала в пользу целей, которые никак не отвечали интересам русских[4].

В этих условиях русским и их повелителю Витте удалось помешать английскому участию в Багдадской железной дороге[5] *. Аналогичным образом

[1] См. «Таймс» от 18 апреля 1903 г. Семейство Линча в известной степени держало всю долину Евфрата и Тигра в наследственной аренде и еще с тридцатых годов прошлого века владело судоходными линиями, по которым шла индийская торговля текстилем с Багдадом. Однако в описываемое время большинство акций этих компаний принадлежало индийскому правительству, глава которого лорд Керзон всегда считал германскую политику на Ближнем Востоке подозрительной. В травле германской политики Багдадской железной дороги выделялось прежде всего агентство Рейтер, основатель которого контролировал английские интересы в Персии, которые могли быть затронуты строительством предусмотренного с самого начала ответвления железной дороги в Персию (см. враждебные Германии сообщения агентства Рейтер от 23 апреля 1903 г.).

[2] См., например, высказывания известного судовладельца сэра Филиппа Кюри в «Дейли телеграф» от 29 апреля 1903 г.

[3] Представителем Моргана в этом деле был Клинтон Даукинс, друг и коллега лорда Милнера с того времени, когда последний был младшим статс-секретарем в египетском министерстве финансов под начальством лорда Кромера, что, пожалуй, объясняет привлечение банкирского дома Беринга и вообще всю комбинацию.

[4] Внешнеполитическим противникам Багдадской железной дороги вторили при этом немецкие крупные землевладельцы, которые не одобряли связанного с багдадским предприятием экспорта капитала и запланированного в связи с этим создания большой конкурирующей аграрной области в Киликии. Правда, оппозиция планам Багдадской железной дороги исходила лишь от Союза сельских хозяев, то есть от крайних консерваторов (см., например, выступление графа Каница в рейхстаге 18 января 1902 г. или статью в «Дейче тагесцейтунг» от 7 мая 1903 г.), в то время как, например, князь Лихновский, которого Эрл (E. E a r l e, Turkey, the Great Powers and the Bagdad Railway, New York 1923, p. 140) берет как пример этого типа, выделяется именно своим *противоположным отношением* к этой позиции. Его оппозиция планам Багдадской железной дороги объясняется скорее критикой современно-капиталистических силезских магнатов и англофилов, направленной против всяких авантюр, которые должны были создать трения между Англией и Германией. Рядом с оппозицией аграриев по вопросу о Багдадской железной дороге стоит критика пангерманцев, которые, разумеется, выступали не против предприятия как такового, а лишь против его международного характера. (Об этом см., например, статью П. Замасса в «Альдейче блеттер» от 20 апреля 1903 г., стр. 6 и 13, который считал, что пангерманская политика колонизации грозила окончиться неудачей.) Для директоров Немецкого банка пангерманская политика была чрезвычайно неприятной, так как осложняла их железнодорожное предприятие международными и программными вопросами. Подоплека пангерманской восточной агитации частично имеет очень конкретный характер. В наблюдательном совете Немецко-Палестинского банка (основанного в 1899 г.), кроме известного финансиста Макса Шёллера, заседали также известный депутат рейхстага от пангерманцев Кахенсли, князь фон Гогенлоэ-Эринген, юстицрат Порш и владелец дворянского поместья фон Шрёдер-Поггелов.

[5] См. BD, II, № 224, О'Коннор — Ленсдауну, 15 декабря 1903 г., пометка Ленсдауна, а также изложение Клинтона Даукинса, приведенное впервые в книге H e l f f e r i c h, Siemens, 3. Bd., S. 139. О политике Багдадской железной дороги социологически вряд ли можно сказать лучше, чем это смог сделать удивительно рано Эрл в своей уже называвшейся здесь книге. Тоже упоминавшейся книге Иббекена не хватает, как уже говорилось, точной методологической основы, которая одна лишь может дать возможность трактовать исследованную им проблему отношений «государства» к «экономике» во внешней

* К истории этого поворота см. теперь также J. B. W o l f, The Diplomatic History of the Bagdad Railroad, University of Minnesota 1933, p. 40 f.

России удалось склонить и французское правительство к отказу от официального участия Франции в багдадском предприятии[1]. В целом у крупных групп по эмиссии русских ценных бумаг не было никакого резона обременять французский рынок в пользу германских предприятий. Должник такого значения, как Россия, разумеется, в любое время — и притом не только с помощью фонда прессы — располагал возможностями давления, которому должна была подчиняться страна-кредитор.

Все же значительные французские финансовые группы не желали просто подчиниться этой политике правительства, за которую был ответствен министр иностранных дел Делькассе. Для Оттоманского банка участие в таком предприятии, как Багдадская железная дорога, было просто жизненной необходимостью[2] *. Французские интересы в Турции в той мере занимали особое положение, в какой преследуемой ими цели усиления турецкого государственного аппарата добивались также и немцы, считавшиеся врагами Франции. Понятно, что Россия смотрела на это с кислой миной; однако она не могла помешать тому, чтобы в этих условиях немцы и французы неоднократно сотрудничали друг с другом в Турции. Например, в 1903 году крупные конверсии турецких займов были проведены французами и немцами совместно[3].

Однако франко-германский союз капиталов в Турции натолкнулся на препятствие особого рода.

Военно-промышленная прелюдия к марокканскому конфликту

Фирма «Шнейдер-Крезо», это уважаемое французское предприятие, которое обычно попеременно поставляло своей родине оружие, пушки, колониальные войны, депутатов и президентов палат парламента, не была полностью удовлетворена во время русско-японской войны. Русская тактика обращения во избежание финансовой катастрофы к германскому рынку капитала, а еще больше техническое превосходство германских концернов привело к оживленной деятельности германской военной промышленности,— факт, неприятный для ее французских конкурентов, горько жаловавшихся

политике. Школа Онкена должна была бы знать если не Маркса, то по крайней мере Макса Вебера, прежде чем браться за такие проблемы. Насколько Багдадская железная дорога стала проблемой всей внешней политики, показывают теперь (1932) британские документы. В связи с нехваткой места я вынужден здесь раз навсегда в части, касающейся анализа, сослаться на Эрла. Впрочем, он, как мне кажется, несколько переоценивает значение тогда еще находившихся в эмбриональном состоянии империалистических германских сил на Востоке по сравнению с первостепенным значением позиции германской военной промышленности на Босфоре и самого багдадского предприятия. В связи с мировой войной эти силы так и не получили своего полного развития.

[1] См. GP, 5263, 5264, 5266, Вангенгейм — ведомству иностранных дел, 25 и 28 апреля 1903 г., а также 19 мая 1903 г.

[2] См. GP, 5216, Маршалл — Бюлову, 14 июня 1903 г.

[3] См. BD, V, № 147, меморандум Блока относительно франко-германского экономического проникновения в Турцию.

* Как явствует из DD, 2-me serie, vol. 3, № 76, Делькассе — Бомпару, 11 февраля 1903 г., дело дошло до серьезных столкновений между Делькассе и Оттоманским банком. Все же впачале он также стоял за французское участие, чтобы лучше контролировать немцев. См. также DD, 2-me serie, vol. 3, № 169, Поль Камбон — Делькассе, 9 апреля 1903 г. и примечание издателей. Согласно другим французским документам (например, DD, 2-me serie, vol. 3, № 347), Делькассе пытался создать немцам трудности с помощью оппозиции в вопросе о турецкой налоговой реформе. Эта позиция натолкнулась (№ 361) на сильное сопротивление тогдашнего французского министра финансов Рувье, лично заинтересованного в данном вопросе.

своему правительству[1]. Желание вознаградить себя за эту потерю и обеспечить на будущее заказами свои заводы, расширенные во время военной конъюнктуры, привело к выступлению на Балканах.

То, что на рубеже 1903—1904 годов едва не разыгралась болгаро-турецкая война, было не в ущерб французам[2]. В деле связанных с этим вооружений фирма «Шнейдер-Крезо» выбила фирму Круппа с ее прочных позиций по поставкам оружия болгарам[3] *. Как обычно, наступление французского финансового капитала поддержало сделку крупнейшего промышленного концерна[4]. Более выгодным, чем победа в такой маленькой стране, как Болгария, было бы завоевание всего турецкого рынка, снабжение которого оружием всех видов пока еще твердо находилось в руках немцев[5].

Однако укрепление позиций на турецком рынке сбыта было, с другой стороны, для Круппа важным не только из-за уже предвидевшегося конца русско-японской войны, но также потому, что Турция представляла собой свалочное место для орудий тех типов, которые по техническим причинам едва ли можно было сбыть внутри страны. Именно к началу 1905 года многолетняя борьба между Эрхардтом и Круппом достигла своего зенита[6]. В рейхстаге беспощадно осудили Эссен, особенно из-за сделки с турками.

Германские парламентарии, споривше из-за преимущественного положения одной из двух германских фирм в Турции, без сомнения, не имели

[1] Согласно «Кёльнише цейтунг», французскому послу в Петербурге Бомпару пришлось защищаться от нападок газеты «Матэн» из-за слишком незначительных русских заказов для французской военной промышленности («Kölnische Zeitung» v. 14.12. 1904»). По заявлению «Матэн», представительство германской металлообрабатывающей промышленности в России превосходило французское («Матэн» г-на Бюно-Варилья, одного из инициаторов франко-итальянского союза, являлась в то время, как известно, органом министра иностранных дел Делькассе).

[2] По этому вопросу см. GP, Кар. CXXX B.

[3] См. «Zeit» v. 10.2.1904.

[4] По сообщению «Тан» от 22 августа 1904 г., болгарский министр финансов вел переговоры о займе в 100 миллионов франков, чтобы иметь возможность заказать 54 батареи скорострельных орудий и 152 гаубицы. По утверждению «Кёльнише цейтунг» от 3 сентября 1904 г., необходимый капитал должен был дать «Банк де Пари э де Пэи-Ба», с которым Дрезденский банк остро конкурировал в этой сделке. 15 ноября 1904 г. «Кёльнише цейтунг» сообщила о заключении займа, а «Булгарише хандельсцейтунг» 23 ноября 1904 г. уже заявила, что через два года от Франции последует новый миллионный заем. 30 ноября 1904 г. Народное собрание на закрытом заседании обсуждало французский кредит, политические последствия которого стали заметны для Болгарии в результате пажима Делькассе на Порту в македонском вопросе («Kölnische Zeitung» v. 6.12.1904). 18 ноября 1904 г. ряд болгарских офицеров был снят со своих должностей за взяточничество.

[5] Монополия на поставку оружия в Турцию нам известна. В начале 1900 г. Турция потребовала, кроме уже заказанных 450 тысяч винтовок Маузера, дополнительной поставки 220 тысяч штук. К этому прибавился еще заказ на 96 скорострельных орудий, которые должен был поставить Крупп («Kölnische Zeitung» v. 15.2.1900). В 1902 г. Турция закупила на 55 тысяч турецких фунтов крупповские скорострельные орудия. Главнокомандующий Хуршид Бей был полностью в руках немцев («Kölnische Zeitung» v. 27.8.1902). «Ди умшау» в номере от 3 октября 1903 г. сообщала, что турецкие вооруженные силы были полностью оснащены немецкими пушками, в том числе 16 тысячами орудий полевой артиллерии, и что полным ходом осуществляется переход на скорострельные орудия. Сообщение о том, что армия, численность которой на конец 1902 г. была объявлена в 1170 тысяч солдат и 21 тысячу офицеров, полностью вооружена маузеровскими винтовками, подтверждается также в «Кёльнише цейтунг» от 13 января 1903 г., согласно которой Германские заводы оружия и боеприпасов (генеральный директор г-н Пауль фон Гонтард, известный теперь, в 1932 году, своими клеветническими процессами) поставили 200 тысяч винтовок.

[6] Здесь имеется в виду известная борьба за орудие с откатным стволом. Одной из важнейших проблем орудийной техники было обеспечение надежности наводки с помощью соответствующего лафетирования, что одно лишь могло обеспечить скорострельность. Фирма Круппа пыталась решить эту проблему путем пружинящего сошника и благодаря своему сильному влиянию провела эту модель в 1896 г. через соответствующие армейские инстанции, хотя тогда уже существовало орудие с откатным стволом, действительно решавшим проблему. В итоге германская армия в течение шести лет была слабее

* Подтверждается DD, 2-me serie, vol. 5, № 44; vol. 6, № 35. Согласно названным документам, Крупп получил новые заказы в размере примерно одной трети стоимости заказов Крезо. Эти заказы финансировались французским займом в 28 миллионов франков.

понятия о том, что победа фирмы Круппа на Босфоре над Эрхардтом одновременно вызвала сильную внешнеполитическую напряженность в отношениях с Францией, то есть явление, в известной степени противоречившее тем идеям континентального союза, которые Германия вынашивала с осени предыдущего года перед лицом усиливавшихся трений с Англией в мировой политике. Было положено начало неожиданному, со стороны малозаметному развитию, которое вскоре привело германскую политику к тому, что Германия оказалась сидящей между двух стульев. Несомненно, что одним из сильнейших среди действовавших в данном случае факторов напряженности была борьба в Константинополе.

Французский посол в Константинополе Констан, один из инициаторов франко-германского союза капиталов в Турции, отнюдь не пользовавшийся дурной славой националиста[1], типичный представитель интернационально настроенного французского финансового капитала[2], увидел, что из Франции его нацеливают на то, чтобы заставить эти капиталистические силы действовать в пользу фирмы Крезо. В награду за новую поставку капитала Делькассе требовал от своего посла в Турции, чтобы он добился права на сооружение причалов в Константинополе, концессии на постройку железной дороги в Сирии, финансовой гарантии для нескольких других железных дорог и особенно предоставления Шнейдеру-Крезо одной трети будущих турецких заказов на поставки оружия[3]**.

французской, применявшей новейшие модели, а именно втрое слабее по эффективности артиллерии (см. статью полковника Гедке в «Берлинер тагеблатт» от 19 февраля 1902 г.). В конце концов из-за сопротивления военных кругов Крупп не смог более игнорировать производство орудий с откатными стволами, однако при этом ввязался в чрезвычайно странный патентный спор с фирмой Эрхардта. Изобретатель орудия с откатным стволом инженер Гауснер, будучи служащим фирмы Круппа, предложил патент, однако не встретил сочувствия, после чего перешел к Эрхардту; этот факт Крупп перед лицом выдвинутого Эрхардтом обвинения в нарушении патентного права решил использовать для встречной жалобы о недействительности патента, причем выдвинул аргумент, что Гауснер сделал изобретение, находясь на службе у Круппа, почему патент по божескому и человеческому праву принадлежит фирме Круппа («National Zeitung» v. 19.7.1903). Понятно, что эта жалоба о недействительности патента доставила Круппу немало неприятностей, так что армейское руководство, которое не могло дождаться счастливого окончания спора, а с другой стороны, не могло отказаться от крупповских орудийных стволов не только из-за привилегированного положения этой фирмы, но и, несомненно, из-за большого опыта завода тигельной стали в отливке орудий, после длительного спора (создание в 1902 г. артиллерийско-испытательной комиссии; брошюры генерал-лейтенанта фон Альтена в защиту орудий с откатными стволами; борьба прессы против простой замены лафетов у орудий образца 1896 г.) решило принять на вооружение новое полевое орудие «Шпандау», к которому Крупп поставлял лишь стволы (сообщение военного министра в бюджетной комиссии 19 февраля 1904 г.). Полемика генерал-майора Дана против Эрцбергера в «Теглихе рундшау» от 19 марта 1900 г. не затрагивает существа вопроса. 25 марта 1905 г. демократ Эйкхоф зачитал в рейхстаге жалобу Эрхардта («Рейнише металлварен-фабрик») от 22 февраля 1905 г. на посла в Константинополе, бывшего статс-секретаря Маршалла фон Бибершгейна, который, по мнению Эрхардта, вопреки принятым моральным нормам, выступил в пользу частных дел Круппа. Во время очень драматичной сцены юрисконсульт Союза железоделательной и сталелитейной промышленности Северо-Западной Германии выступил против обвинений демократов (см. выступления Эйкхофа и Боймера в рейхстаге 17 и 25 марта 1905 г.).

[1] Анри Рошфор напал на него в «Энтрансижан» из-за принятия им мер против генерала Буланже и назвал его своего рода преступником. Лично мне знакомый бывший представитель Немецкого банка в Константинополе уверял меня, что измерял германофильство этого господина звонкой монетой.

[2] Он будто бы был вместе с директором «Вюртембергише ферейнсбанк» Кауллой замешан в столь же загадочной, как и грязной афере Лорандо—Тубини*.

[3] См. «Temps» v. 20.2.1905.

* Относящиеся к этой афере многочисленные материалы из числа опубликованных в первом томе 2-й серии французских документов показывают, что Констан действительно был сильно замешан в этом деле. Здесь речь шла о том, чтобы заставить Турцию пойти на удовлетворение французских претензий.

** Документы, помещенные в первых томах 2-й серии французской публикации документов, показывают, что Франция в течение нескольких лет пыталась склонить Порту

Французская пресса уже начала кампанию против дальнейших займов Турции, если «Шнейдер-Крезо» не получит заказов[1]. Турция попала в затруднительное положение, переговоры с фирмой Круппа о поставках новых скорострельных орудий приостановились[2]. Французский посланник не отступал: Франция открыто угрожала блокированием котировки турецких займов в Париже и закрытием Оттоманского банка[3*].

Отношения между Германией и Францией теперь, в марте 1905 года, обострились до предела[4]. Интересы Германии на Востоке были поставлены на карту. В противоположность идеям предыдущей осени, когда в связи с союзом с Россией помышляли также о пакте с Францией, теперь развился резкий антагонизм к западному соседу, на длительный срок поколебавший идею союза с Россией. Однако именно в этот момент возник новый тяжелый кризис. Не без связи с ходом событий в Турции обострился и марокканский вопрос.

Возникновение марокканского вопроса

Отношения Германии с Марокко точно так же, как и строительство Багдадской железной дороги, в известном смысле можно рассматривать как функцию англо-германских отношений. Подобно тому как до отхода Германии от Англии в начале столетия можно было рассчитывать на участие английского капитала в Багдадской железной дороге, так и сейчас при наличии соглашения с Англией немцам легко удалось бы добиться господства над Марокко. В Марокко Англии было что предложить, так как там «господствовало английское влияние». Это неприятное и бесцветное выражение, к помощи которого в литературе прибегают главным образом для того, чтобы

к уступчивости по целому ряду экономических и церковных вопросов, однако большей частью тщетно. Согласно сноске 1 на стр. 49 6-го тома, французские требования самое позднее с мая 1904 г. содержали пожелания относительно получения военных заказов. Немецкий банк в январе 1905 г. предложил туркам стомиллионный заем для финансирования военных заказов в Германии. Казалось, это решало борьбу в пользу Круппа (DD, 2-me serie, vol. 6, № 77, Констан — Делькассе, 7 февраля 1905 г.). Однако затем Париж перешел к энергичным контрмерам.

[2] См. интересную статью позднее очень антимилитаристски настроенного г-на Альсида Эбрэ в «Жюрналь де деба» от 13 февраля 1905 г. Одновременно левые также обратили на это внимание. См. статью Франсуа де Прессансэ в «Эропеен» от 25 февраля 1905 г. Как известно, г-н Прессансэ позже помог свергнуть Делькассе.

[2] См. «Neue Freie Presse» v. 25.2.1905. «Сообщение о том, что переговоры фирмы Круппа относительно поставки скорострельных орудий уже начались, не соответствует действительности. Точно так же не соответствуют действительности данные об орудиях. Установленная верховной военной инспекционной палатой потребность, о которой до издания султанского указа о предоставлении заказа Круппу на поставку были проведены переговоры также с Крезо, Армстронгом, Виккерсом и Эрхардтом, составляет 120 батарей полевых орудий, 23 батареи горных орудий, 6 конных батарей скорострельных орудий, 6 батарей осадных орудий калибра 105 миллиметров и 6 батарей гаубиц калибра 50 миллиметров. Все батареи, считая по 6 орудий с 500 снарядами к каждому, стоят 3,5 миллиона турецких фунтов».

[3] См. «Frankfurter Zeitung» v. 26.3.1905.

[4] Лишь в этой связи становится полностью ясным высказывание Бюлова (GP, 6683, примечание, Бюлов — Флотову, 24 октября 1905 г.): «Делькассе нужно было свергнуть как комплекс, а не только из-за Турции».

* Изложение хода борьбы между Шнейдером-Крезо и Круппом в Турции может служить простейшим примером того, насколько историю — включая так называемую тайную историю — можно писать на основе сообщений прессы. Документы, опубликованные через много лет после написания этой работы (они содержатся в DD, 2-me serie, vol. 6), полностью подтвердили данную здесь трактовку. Одним из наиболее показательных среди этих многочисленных официальных источников является документ № 416 (Поль Камбон — Делькассе, 8 мая 1905 г.), где подчеркивается, что поражение Круппа на Босфоре объясняет позицию кайзера в марокканском вопросе.

обойти подробности империалистического вторжения в чужие страны, здесь, как и зачастую в других случаях, мешает пониманию действительности.

Вряд ли можно было говорить о настоящем правительстве в Марокко. Правление означало в этой стране лишь попытку кое-как собрать подати. Подвластными можно было бы считать лишь те территории, куда именно с этой целью направлялись войска. Однако имевшиеся вооруженные силы были во много раз слабее, чем требовалось для государственно-политического контроля над большой территорией, так что значительные районы оставались непокоренными, то есть мятежными,— два понятия, которые в местных условиях были синонимами[1]. Поставки оружия как правительству, так и мятежным частям страны являлись важным источником дохода для определенных европейских портовых городов[2].

Во главе «правительства» Марокко в первые годы столетия стоял одутловатый раскормленный юнец, развлекавшийся книжками с картинками и механическими игрушками и с ревом цеплявшийся за английского посланника, когда тот находил его где-нибудь около сарая, между ящиками и клетками с хищными зверями[3]. «Английское влияние» в этих условиях означало главным образом господство личностей, которые служили увеселению султана. Тут был белобородый, тучный и веселый шотландец в белом тюрбане, отличный игрок на волынке, который так, между прочим, был чем-то вроде офицера — военного инструктора и играл значительную роль в европейской политике под именем каида Маклина. Вокруг него группировались английские конюхи, садовники, электрики, кровельщики, кинооператоры и мастер, чинивший велосипед султана,— все люди, которые с помощью картинок из «Блэк энд уайт» или «Иллюстрейтед Лондон ньюс» побуждали султана заказывать в Европе швейные машины, катеры, зажигалки и шикарные автомобили[4]. К этим более или менее официальным марокканским сановникам принадлежал, кстати, настоящий инженер — господин Роттенбург, носивший весьма известное в Германии имя — он был братом известного начальника имперской канцелярии при Бисмарке— и работавший по совместительству агентом эссенской фирмы Круппа.

Чтобы содействовать делу всех этих джентльменов (Германия и Англия были в этом еще единодушны), в 1901 году одного из этих почтенных людей, как раз стоявших у власти,— молодого марокканского военного министра Эль Менеби — привезли в Европу, где он прекрасно сумел — даже внешне — приспособиться к европейскому обществу и получил от английского империализма, уже давно привыкшего к таким вещам, высокий орден, которым он затем щеголял в Берлине[5].

Ведомство иностранных дел встретило Менеби с распростертыми объятиями и изложило ему, кроме просьбы о предоставлении прав на строительство телеграфа и железных дорог, главным образом интересы фирмы Круппа[6]*.

---

[1] См. Friedrich Rosen, Aus einem diplomatischen Wanderleben, Berlin 1931, S. 114.

[2] См. Harold Nicolson, Die Verschwörung der Diplomaten. Aus Sir Arthur Nicolsons Leben 1849—1928, Frankfurt 1930.

[3] Ibid., S. 165.

[4] Изложено по Никольсону (S. 165).

[5] О визите Менеби в Лондон см. у Никольсона (op. cit., S. 161 ff.), который, однако, несмотря на свое иронически-симпатизирующее изложение марокканского дела, совершает здесь ошибку, характеризуя Менеби как «молодого интеллигентного патриция», что опровергается данными Розена (S. 289), согласно которым этот бывший «простой всадник», мать которого еще и теперь известна в Фесе как бедная жена пекаря, захватил не только наследство своего предшественника, но и всю государственную казну, так что государство не имело более ничего, а Менеби обладал несколькими миллионами.

[6] См. GP, 5179 (заметки о беседах статс-секретаря фон Рихтгофена с Эль Менеби). Эль Менеби «... обещал далее принять инженера Роттенбурга и выслушать его желания, а также удовлетворить его обоснованные жалобы». К сожалению, в GP вопреки обычной практике, имя Роттенбурга как раз не комментируется, так что неосведомленный читатель

Даже кайзер, любивший такие экзотические личности, принял Менеби, представил ему своих бравых сыновей и в течение нескольких часов изливал свои чувства. «У меня есть,— сказал он,— много друзей в Турции, теперь у меня будет друг и в Марокко»[1]**.

Итак, добрый друг Германии, нагруженный благими намерениями, уехал обратно в Марокко и... как в воду канул. Жадный на заказы капитализм европейских стран еще раз напрасно потратил деньги и достоинство, чтобы по-европейски развлечь экзотическую личность, что обычно давало конкурентам удобный случай тем временем добиться нужного на месте. Германские представители с разочарованием донесли, что султан, за которым стояла Франция, отстранил Эль Менеби[2].

Хотя поражение Менеби в тех условиях было также ударом по английской политике, после его падения в Марокко, вопреки ожиданиям, царило спокойствие[3] — подозрительный симптом, позволявший сделать вывод о том, что Франция и Англия вели переговоры о Марокко[4]***. Во время этих переговоров, о которых, вероятно, просачивалось больше сведений, чем мы знаем теперь (1932), заинтересованные лица испугались и зашевелились. К концу 1902 года в Берлине конституировалась Германская компания для Марокко[5].

может узнать о нем лишь из указателя имен в 25-м томе. Без этого ориентирующего комментария ряд документов по марокканскому вопросу совершенно непонятен. Было бы лучше, если бы исследователи вместо зачастую весьма бесплодной полемики по вопросу о виновниках войны несколько подробнее остановились на постоянно встречающихся иностранных фирмах, которые, как правило, скромно характеризуются как торговые предприятия или торговые дома. Например, при упоминании торгового дома Гёрца в документах по бурскому вопросу так же мало допустимо игнорировать тот факт, что речь здесь идет просто о представительстве Немецкого банка, как и отказаться от всякого объяснения значения фирмы «Гесснер унд Иоахимзон», часто встречающейся в документах по Марокко. По экономическим вопросам, значение которых тогда и позже так же мало отрицалось немарксистами, как и их противниками, нужно было, безусловно, опубликовать значительно больше материала, чем это было сделано при издании GP, редакция которой именно по разделу о марокканском вопросе подвергалась сильной критике и со стороны компетентных дипломатов (R o s e n, op. cit., S. 221 ff.). Ненамеренное, как я думаю, замалчивание в GP всего спора Крупп — Крезо объясняется недостатком экономического и номологического опыта. К сожалению, автору было отказано в предоставлении соответствующих документов ведомства иностранных дел, так как в соответствии с новым порядком материал последних тридцати лет не выдается для использования (написано в 1932 г.).

[1] См. сообщение «Кёльнише цейтунг» от 21 октября 1904 г. (корреспонденция из Танжера) о беседе с Менеби. Еще в течение многих лет Менеби был очарован разговором с Вильгельмом II. Кайзер, говорил он, numero wuahed, номер один, то есть великолепен, великолепен.

[2] См. GP, 17. Bd., S. 332 ff. (сноска), далее GP, 5183 (записка Мюльберга от 8 августа 1901 г.).

[3] См. GP, 5187, Рихтгофен — Менцингену, 3 февраля 1902 г.

[4] См. GP, 5186, Меттерних — ведомству иностранных дел, 30 января 1902 г. См. также высказывание Менцингена в GP (5188, Менцинген — ведомству иностранных дел, 18 сентября 1902 г.).

[5] В основании Германской компании для Марокко среди прочих принял участие граф Иоахим Пфейль, старый соратник Карла Петерса и будущий консул в Лоуренсу-Маркиш, одновременно член геологической экспедиции в район Суса; это доказывает,

* По сообщению французского посланника в Танжере Патренотра французскому министру иностранных дел Спюллеру от 29 мая 1889 г. (DD, 1-me serie, vol. 7, № 389), Крупп с 1884 г. пытался склонить германское имперское руководство к захватам в Марокко.

** Согласно французским документам (DD, 2-me serie, № 341), Эль Менеби оставил в Германии представителя, которого Роттенбург привез в Эссен к Круппу.

*** Согласно французской публикации документов (DD, 2-me serie, vol. 2, № 49, Поль Камбон — Делькассе, 22 января 1902 г.), Франция и теперь еще была обеспокоена происками Англии. Как явствует из чрезвычайно интересных инструкций Делькассе Сан-Рене Тайландье от 10 февраля 1902 г. (DD, 2-me serie, vol. 2, № 74), фирма «Шнейдер-Крезо» заявила тогда о своих интересах в Марокко. К удовлетворению Делькассе, Шнейдер укрылся за местной фирмой Готша, Делькассе же поддерживал старания Шнейдера получить от султана заказы.

В ведомстве иностранных дел в первые годы к марокканскому вопросу относились спокойно и сдержанно; германское имперское руководство осталось равнодушным даже к англо-французскому соглашению о Марокко от 8 апреля 1904 года. Рейхстаг же, наоборот, забеспокоился: как левые, так и правые — каждый по-своему — обрушились с резкой критикой на официозный оптимизм.

Первые дебаты по марокканскому вопросу в рейхстаге

Август Бебель, обеспокоенный растущей внешнеполитической изоляцией Германии, считал все более явный отход Италии от Тройственного союза — непосредственное следствие напряженных отношений с Англией — еще более гибельным, чем соглашение о Марокко[1]. Антиимпериалистическое руководство социал-демократии, отрицательно относившееся к вооружениям и потому вынужденное искать сближения с Францией, не обращало внимания на то, что в отходе Италии, так же как и в проникновении в Марокко, важную роль сыграл французский капитал. Следовательно, указание на отход Италии в устах Бебеля было лишь косвенным критическим аргументом, направленным главным образом против ухудшения отношений с Англией. Бебель хотел хороших англо-германских отношений, что, однако, по его мнению, не исключало хороших англо-французских отношений[2]; это мнение вскоре стал также отстаивать пропагандист и борец за франко-германское сближение сэр Томас Барклэй, спустя короткое время пытавшийся дополнить англо-французское примирение умиротворением в англо-германских отношениях. Конечно, критика по этим вопросам справа зиждилась на противоположном мнении. Консервативный оратор фон Гейдебранд заявил о соглашении, что хотя оно и не касается Германии и нет никакого повода к вмешательству, но, с другой стороны, возникает чувство, что в мире происходит немало событий, в отношении которых Германия остается более или менее посторонним наблюдателем[3]. Пангерманцы со страстью и иронией бичевали англо-французское соглашение о Марокко и германскую политику, которая не сумела воспрепятствовать его заключению. Их политика вовсе не была непоследовательной. Раз уж Германия начала задевать

что в кругах германской тяжелой промышленности полезными ископаемыми Западного Марокко интересовались еще до компании «Братья Маннесман», проникшей в Марокко осенью 1906 г. Другими участниками заседания наряду с профессором Яннашем и представителем имперского военно-морского ведомства Эрнстом фон Галле являлись представители Ольденбургско-Португальской пароходной компании, особенно заинтересованной в каботажном судоходстве, а также фирмы Вёрмана, нуждавшейся в опорном пункте для своих колониальных линий, финансист Эрлангер, свободный консерватор граф Арним-Мускау, майор Вильмовский, представлявший, по-видимому, интересы фирмы Круппа, с которой он породнился, консул Валлиш от Немецкого банка.

[1] Бебель в рейхстаге, 9 мая 1904 г.

[2] Выступая 14 апреля 1904 г. в рейхстаге, он назвал англо-французское соглашение типичным примером того, как две великие культурные нации могут договориться по чрезвычайно важным вопросам без того, чтобы при этом греметь саблями, не говоря уже о том, чтобы хвататься за винтовки. Такое мнение очень характерно для этой несколько непоследовательной внешней политики, которая, с одной стороны, стремилась обеспечить состояние всеобщего мира, а с другой — не только была вынуждена считаться с империалистическими явлениями, но и действительно считалась с ними. (Бебель, например, говорил в той же речи, что социал-демократы не потерпят уступки даже клочка земли иностранной державе; с этой точки зрения англо-французское соглашение вызывало опасение как символ антигерманской перегруппировки интересов.)

[3] Фон Гейдебранд в рейхстаге, 13 апреля 1904 г.

Англию мировой политикой и строительством флота, то было ошибкой попросту терпеть внешнеполитические последствия этой германской позиции, вместо того чтобы продолжать вооружаться. Политика, которая все время характеризовалась колебаниями между крайностями и оказывалась на буксире то у одной, то у другой стороны, должна была оказаться изолированной во всех направлениях.

Пангерманец граф Людвиг Ревентлов с бесспорным со своей точки зрения правом заявил, что не дело германской политики препятствовать возникновению трений между Англией и Францией и приветствовать англо-французские договоры. Если бы в этом заключалась задача германского имперского руководства, то можно было бы, говорил он с издевкой, попросту передать международные вопросы г-же фон Зуттнер. Аналогичными аргументами оперировал и Максимилиан Гарден, выступая в «Цукунфт» с критикой германской политики.

Пангерманцы распространили в массах свое изложение марокканского вопроса в форме нескольких агитационных брошюр[1], что при ничтожных собственно германских интересах в Марокко не привлекло достаточного внимания и не возбудило особых страстей. Но так как Марокканское соглашение, против которого они выступали, превратило марокканский вопрос в общее дело англичан и французов, то даже малейший повод был бы достаточен для того, чтобы здесь разгорелся большой пожар; теперь любой подступ Германии к Марокко задевал Англию, и в результате вместе с пангерманской оппозицией на арене снова появлялись все те силы, которые выступали против Англии в период англо-бурской войны и зарождавшейся германской мировой политики.

*Природа германских интересов в Марокко. Франко-испанская конвенция**

Под нажимом агитации, с которой, видимо, уже тогда шла рука об руку заинтересованность немецкой тяжелой промышленности в обеспечении себе доступа к марокканской руде[2], германское правительство, учитывая возможные осложнения в Марокко, заранее тешилось возможностью приобретений в районе Суса[3]; при этом оно отнюдь не чувствовало потребности использовать или создать такую расстановку сил в мировой политике, которая была необходима для достижения этих и подобных целей.

---

[1] И. Пфейль (Graf Joachim Pfeil, Warum brauchen wir Marokko) требует предоставления Западного Марокко для расселения излишка германского населения, для обеспечения Германии зерном в случае войны и для создания военно-морской базы. Работа майнцского адвоката Гласса (Heinrich Glaß, Marokko verloren? Ein Mahnruf in letzter Stunde, München 1904) появилась как раз в те дни, когда Бюлов в известных речах в рейхстаге делал хорошую мину при плохой марокканской игре, подчеркивая необходимость создания опорного пункта для флота и т. д.

[2] Согласно «Рейниш-Вестфелише цейтунг» от 8 мая 1904 г., «дальновидные лица» из числа крупных промышленников уже в те дни занимались марокканским вопросом, но все их представления, сделанные в соответствующие инстанции, оставались пока безуспешными. Подробно об их экономических интересах в Марокко удастся узнать лишь в том случае, если ведомство иностранных дел решится опубликовать и документы, касающиеся экономических вопросов (написано в 1932 г.)

[3] См. GP, 5200, Рихтгофен— Радовицу, 24 сентября 1903 г., а также 5203, Радовиц — ведомству иностранных дел, 29 сентября 1903 г. Эти два документа доказывают, что упомянутые в последнем примечании пожелания «дальновидных лиц» не так уж оставлялись без внимания соответствующими инстанциями, как полагали сами эти лица.

* К этому разделу см. весьма интересную работу Francis T. Williamson, Germany and Morocco before 1905, Baltimore 1937.

Кроме только что приведенных соображений, которые в период первого марокканского кризиса большей частью оставались на заднем плане[1], и несмотря на совершенно незначительную торговлю Германии с Марокко[2*], в пользу активных действий в Марокко выступали и некоторые другие, иначе сложившиеся интересы, незначительные в количественном отношении, но обычно пользовавшиеся сильнейшей поддержкой германских официальных органов. Так как при общеизвестной бедности и нетребовательности широких народных масс Марокко нельзя было и думать о сбыте товаров в широких слоях его населения, то, как это часто бывало в торговле с Востоком, в торговле с Марокко первое место занимали поставки для правительства, и главным образом — заказы на поставку оружия султану[3]. Разумеется, оружие поставлялось не только султанскому правительству, в котором, как уже говорилось, Германия была хорошо представлена г-ном Роттенбургом.

Гамбургские фирмы, главные участники торговли оружием, выгружали его повсюду на побережье, независимо от того, в чьих руках оно находилось. Бравому капитану Карову, который от имени султана контролировал многосоткилометровое побережье с помощью одного-единственного устаревшего корабля, принадлежавшего марокканскому правительству, пришлось бы семь раз подумать, прежде чем направить свои привязанные веревками к поручням пушки на «гамбургского паренька» («lütten Hamburger Jung»), который выгружал оружие там, где это номинально было запрещено.

Германия всегда придавала большое значение морским, в частности так называемым каботажным, путям сообщения. О том, что в поставках для Марокко, кроме доставлявших грузы пароходств, была особенно заинтересована фирма Круппа, я уже говорил. Залежи руды в Сусе надолго связали интересы этой фирмы с интересами других предприятий германской тяжелой промышленности.

В результате англо-французского соглашения это весьма идиллическое положение стало постепенно меняться. В середине лета 1904 года на банкете в «Гранд-отеле» в Париже был образован французский Комитет по делам Марокко, ведущую роль в котором играли главным образом связанные с Алжи-

---

[1] Пангерманцы так хорошо чувствовали это, что вначале колебались, следует ли им вообще поддерживать политику в Марокко.

[2] Германская торговля с Марокко характеризуется следующими максимальными цифрами (по «Кёльнише цейтунг» от 9 апреля 1904 г.):

Годы	Германский вывоз в Марокко (тыс. марок)	Германский ввоз из Марокко (тыс. марок)
1894	1093	1926
1895	1073	1973
1900	1318	5341
1902	1555	3655
1903	4048	4618

[3] В частично дословном изложении по GP, 6523, Бюлов — Радолину, 21 июля 1904 г.

* Любопытную картину германских интересов в Марокко дает Сан-Рене Тайландье в донесении Делькассе от 27 января 1903 г. (DD, 2-me serie, vol. 3, № 44). Согласно указанному донесению, общее количество немцев в Марокко равнялось 135; торговля все время росла, но значительными были лишь обороты фирмы Гесснера, которая, как видно из документа № 40, продавала оружие и при содействии немецкого военного инструктора поставляла султану пулеметы «Максим».

ром дельцы и финансисты[1]. Как и повсюду, здесь тоже помог испытанный рецепт; приманка в виде двойного займа султану была столь быстро проглочена готовым к жертвам окружением его шерифского величества, что уже через несколько лет от нее ничего не осталось и французский капитализм мог приступить к защите своей потерянной собственности[2]*.

Как обычно, проценты на потерянные деньги приходилось покрывать за счет пошлин, в данном случае— главным образом портовых пошлин,— мероприятие, которое должно было в той степени нанести ущерб перевозкам грузов третьими странами (если они не прекратили их немедленно), в какой заинтересованным лицам удалось бы заставить таможенное управление султана действовать эффективно. Разумеется, иностранцы, ввозившие оружие, наблюдали за этими манипуляциями с кислыми минами. Казалось, что все Марокко будет опоясано прочной таможенной стеной и только на юго-восток, в Алжир, будет оставлена открытой дыра, через которую Шнейдер-Крезо мог прокладывать свои рельсы, чтобы строить рудники, захватить монополию на поставку оружия и вообще делать в стране все, что могло радовать сердца и карманы членов Комитета по делам Марокко. Не случайно господин Шнейдер из Крезо сидел в парламенте неподалеку от скамьи, на которой можно было увидеть г-на Этьенна, наследного депутата от Орана[3].

Осенью 1904 года французский Комитет по делам Марокко сумел нанести главный удар: он добился тайного соглашения с Испанией, которое фактически отдало на откуп французам важнейшую часть Марокко и прекратило постороннюю деятельность во всем шерифском государстве. Эта невероятная конвенция** с полным правом приводится в качестве примера того ущерба, который влекла за собой система тайной дипломатии перед войной. Если, с одной стороны, благодаря этой системе чувствовалась известная склонность к переоценке значения относительно безобидных договоров, так как никто не знал, не существует ли еще особых секретных статей договора, то, с другой стороны, была опасность попасть впросак и в некоторых случаях бороться за принципы и права, уже давно нарушенные или же отмененные тайным договором. В то время как, например, Германия переоцени-

---

[1] См. «Альдейче блеттер» от 6 августа 1904 г. На банкете, на котором председательствовал некий принц Аренберг, присутствовали: губернатор Жоннар и более чем сомнительный маркиз де Сегонзак, Поль Ревуаль, затем известный финансист Поль Леруа-Больё, президент «Юнион колониаль» Шарль Ру, президент «Комптуар насьональ д'эскомт» Мерсэ и, наконец, директор министерства колоний Бинже. Банкирский дом братьев Ротшильд пожертвовал 20 тысяч франков, «Компань де л'Уест Алжерьен», принадлежавшая самому генерал-губернатору (!!),— по 10 тысяч франков. Такую же сумму выделили «Креди Лионнэ» и «Банк де Пари э де Пэи-Ба***.

[2] В 1903 г. Марокко был предоставлен первый заем в сумме 21 миллион франков, за которым в 1904 г. в качестве прямого результата англо-французского соглашения последовал второй заем в 62 миллиона франков, который исчез так же бесследно, как и его предшественник («Alldeutsche Blätter» v. 24.10. 1904; «Kölnische Zeitung» v. 3.5.1904).

[3] См. также GP, 6505, Радолин — Бюлову, 27 июля 1905 г. о высказывании испанского посла: «Как голодные волки, подстерегали многочисленные французские спекулянты и финансисты возможность захватить все предприятия и концессии и при этом были поддержаны Колониальной партией. Самым назойливым был Крезо».

* По французским документам (2-me serie, vol. 2, № 461), султана должны были финансировать через фирму Готша. Эта фирма, как видно из сноски к документу № 397 из той же серии, была представительством фирмы «Шнейдер-Крезо». В порядке конкуренции султан по настоянию французской дипломатии вел переговоры с французской финансовой верхушкой.

** См. DD, 2-me serie, vol. 5, № 358. Многочисленные документы о переговорах Франции с Испанией по мароккапскому вопросу, содержащиеся в этом издании, показывают, что Делькассе прилагал все усилия к тому, чтобы конвенция была сохранена в тайне. Это было особенно необходимо в отношении султана Марокко, которому Франция не могла ни сообщить о договоре, ни отрицать его существование.

*** В примечании на стр. 294 5-го тома 2-й серии DD в качестве даты этого банкета называется 15 июня и приводится в выдержках речь Этьенна.

вала англо-французское соглашение от 8 апреля 1904 года, так как не была уверена в том, что наряду с ним нет секретного соглашения по вопросу о Рейнской области, другая сторона на протяжении многих лет спорила со всем миром о принципе «открытых дверей», уже сданном в архив тайной дипломатией[1].

За франко-испанской конвенцией от осени 1904 года последовало активное вторжение французского капитала в Марокко. В конце февраля 1905 года, почти в тот же день, когда отношения между Францией и Турцией обострились из-за железнодорожных концессий и заказов на вооружение, французский посланник в Марокко начал настаивать на проведении реформ в интересах французского капитала[2]*.

Жалоба Круппа на происки Франции. Высадка Вильгельма II в Танжере

Но немцы в Танжере и Фесе не могли допустить полного закрытия для них шерифского государства**. Под впечатлением шерифских намерений провести реформы представитель Круппа отправился в Берлин[3]. Тамошних чиновников он нашел уже расстроенными в связи с угрозами Крезо в Турции.

Французский финансовый капитал и пушечная промышленность отважились выступить в момент, наихудший с точки зрения внешней политики. Именно в те дни, когда представитель Круппа Роттенбург обсуждал марокканский вопрос с военными и гражданскими чиновниками в Берлине, поражение русских под Мукденом в Восточной Азии решило вопрос о возвращении России Порт-Артура, павшего в начале февраля. После того как в январе было расстреляно шествие петербургского пролетариата, направившегося во главе со священником — провокатором Гапоном к царю с петицией о помощи, земля под ногами царизма заколебалась. Могла ли Германия позволить, чтобы именно в ту минуту, когда опасный союзник Франции был повержен на землю, она была вытеснена с важных империалистических позиций? Не лучше ли было воспользоваться удобным случаем, чтобы сильными ударами своевременно покончить со связями Марианны с Джоном Булем, а также с навязчивым кошмаром противоестественного разврата между «китом» и «медведем»? Инженер Роттенбург от имени немцев, живущих в Марокко, сделал далеко идущее предложение установить над этой страной германский протекторат.

Ведомство иностранных дел ухватилось за это и решило если и не объявлять германский протекторат, то все же сделать недвусмысленный жест. Немецкую колонию в Марокко побудили принять в Танжере

---

[1] Справедливо резкую оценку этого соглашения, ставшего известным после 1911 г. и разъясненного теперь благодаря BD (III), дает Розен (op. cit., S. 120 ff.).

[2] См. GP, 20. Bd., S. 225, Anmerkung.

[3] «Neue Militärische Korrespondenz» v. 25.3.1905 (статья «О немецких пионерах духа»).

* Для понимания французских действий см. пространные инструкции Делькассе французскому посланнику (DD, 2-me serie, vol. 5, № 479, 15.12.1904). Марокканский султан, как это явствует из донесений французского посланника (DD, 2-me serie, vol. 5, 6), оказывал французам максимально возможное сопротивление. В этом его поощряли представители рейха в Марокко, причем вначале Вильгельмштрассе воздерживалась от вмешательства.

** Согласно документу № 465 5-го тома 2-й серии DD (Принэ — Делькассе, 3 декабря 1904 г.), немцы в Марокко были поддержаны оживленной колониальной агитацией берлинской прессы.

кайзера, который во второй половине марта предпринял поездку по Средиземному морю[1].

Кайзер пустился в эту авантюру неохотно и колеблясь. Будучи русофилом, монархистом и отнюдь не врагом французов, он инстинктивно должен был чувствовать, что форсированное использование тогдашней ситуации в мировой политике и удар по Тройственному союзу не вязались с его флотской политикой. Если он и хотел появиться в Танжере, то только как простой турист[2]. Но ведомство иностранных дел, Гольштейн и Бюлов не только категорически заявляли в печати о предстоящем посещении Танжера[3]*,

[1] Причины высадки кайзера в Танжере, как известно, до сих пор (1932) остаются загадкой для всех ее участников. [Кроме сноски в GP (20. Bd., S. 263), см. изложение вопроса у Розена (op. cit., S. 126), а также другую литературу]. Мне кажется, что новый свет на все события проливает статья, указанная в предыдущем номерном примечании. Сначала эта статья под названием «О немецких пионерах духа» распространяется о личностях консула Васселя и дипломатического поверенного в делах, будущего статс-секретаря д-ра Рихарда фон Кюльмана. Далее в ней говорится: «Другой немецкий соотечественник, которому наша родина обязана столь выгодной в настоящее время для наших интересов ситуацией в Марокко,— г-н В. Роттенбург, брат бывшего начальника имперской канцелярии и нынешнего куратора Боннского университета. Г-н Р. жил в этой стране почти двадцать лет и благодаря своему двойственному положению как главного инструктора при султане и как представителя «Фридрих Крупп АГ» медленно, но целеустремленно прокладывал дорогу германскому влиянию. Главным его делом было строительство берегового форта в Рабате, вооружение которого состояло из двух 260-миллиметровых орудий фирмы Круппа. Г-н Р., который в настоящее время находится в Германии, но вскоре возвратится в свое второе отечество, вероятно, является тем, кто, как сообщает «Лейпцигер нейесте нахрихтен», указал в официальной инстанции, какими огромными интересами обладаем мы в Марокко, и особенно на то, что все немецкое (Deutschtum) пользуется там такой всеобщей симпатией, что едва ли возникнут какие-либо возражения даже против германского протектората. Предпочтение, которое марокканцы отдают отношениям с немцами, характеризуется и тем, что полевые орудия султана были примерно двадцать лет назад получены из Германии, а недавно заказы на горные и скорострельные орудия были даны германским фирмам...» Бельгия, подчеркивалось далее в статье, в этом отношении потерпела неудачу и «Шнейдер-Крезо» в 1905 г. тоже.

Что мы в самом деле подошли здесь к важному источнику объяснения всего марокканского конфликта, видно также из «Альдейче блеттер» от 8 апреля 1905 г., где профессор Замасса в связи с политикой в Марокко сообщает: «... впрочем, здесь [в Берлине.— *Г. Х.*] даже воробьи чирикают о том, что достигнутым за последнее время развитием торговли с Марокко мы обязаны вмешательству кайзера, которого один немец, не состоящий на государственной службе, долгие годы живущий в Марокко и являющийся знатоком тамошней обстановки, видимо, лучше информировал о положении и наших перспективах в шерифском государстве, чем это удавалось до сих пор рейхсканцлеру и донесениям нашего посланника в Танжере, которому предстоит перемещение...»**.

[2] См. GP, Вильгельм II — Бюлову, 21 марта 1905 г.

[3] См. по этому вопросу теперь (1932) O. J. Hale, Germany and the Diplomatic Revolution, a Story in Diplomacy and the Press 1904—1906, Philadelphia 1931, p. 103 f. Книга Хэйла, которая сделалась мне доступной уже после завершения этой работы, и особенно труд Eugene N. Anderson, The first Moroccan Crisis 1904—1906 (New York 1928) сообщают об этом подробнее, чем я могу сделать это здесь. Меня, однако, интересуют в этом случае, как и вообще, только социологические связи; я не стремлюсь здесь ни выяснять отдельные политические проблемы, ни выискивать «новое» и «неизвестное» (написано в 1932 г.).

* Об общественном мнении см. также E. Caroll, French Publik Opinion and Foreign Affairs 1870—1914, New York 1931, p. 485 ff.

** Из DD (особенно 2-me serie,vol. 6, № 133, 134) выясняется большая роль Кюльмана, а также корреспондента «Кёльнише цейтунг» Хорнунга в организации сопротивления французам и особенно в подготовке к высадке в Танжере. Можно полагать, что поездка Роттенбурга в Берлин состоялась и по договоренности с этими лицами. Высказанное Кюльманом в воспоминаниях (Kühlmann, Erinnerungen, Heidelberg 1948) предположение, что идея высадки кайзера восходит к инспирированной им же самим телеграмме Хорнунга, адресованной в «Кёльнише цейтунг», но не опубликованной, а переданной ведомству иностранных дел, едва ли полностью соответствует действительности, так как во время ее отправления Роттенбург уже вел в Берлине переговоры о вмешательстве Германии. Впрочем, возможно, что депеша Хорнунга повлияла на характер этого вмешательства. Роль Хорнунга подчеркивает и Теодор Вольф (Theodor Wolff, Das Vorspiel, S. 181). Приведенное уже в DD доказательство того, что Вильгельм II желал отставки Делькассе в связи с его атакой на позиции Крупна на Босфоре, дает возможность предположить, что Вильгельм II лично встретился с Роттенбургом.

но и находились в эти дни под впечатлением сильнейшим образом влиявших на них событий и сообщений. Промышленная пресса беспрерывно бранилась по поводу германских поражений в Малой Азии (Orient) и недостаточной поддержки со стороны ведомства иностранных дел[1]. Еще до того, как пароход «Гамбург» с кайзером на борту отчалил, направляясь в Средиземное море, французский посол на Босфоре вернулся из Парижа и стал угрожать Турции, что в случае, если она недостаточно пойдет навстречу в вопросе о заказах фирме «Крезо» и прочим французским концессионным требованиям, будет закрыт Оттоманский банк и наложен запрет на турецкие ценные бумаги.

28 марта депеши из Константинополя принесли весть, что посол добился своих требований и Высокая Порта гарантирует Франции, как та и добивалась, треть всех заказов на артиллерийские орудия. Таким образом, по-видимому, оправдались давнишние опасения официозных немецких сообщений о концентрическом наступлении французской военной промышленности и английской фирмы «Армстронг» на германские позиции в Болгарии и Турции[2]*

В этих обстоятельствах Бюлов и Гольштейн усилили свое давление на колебавшегося кайзера. В сообщении Бюлова, переданном уже отплывшему кайзеру в Лиссабон, блеск предстоящего приема был разрисован такими привлекательными красками, что ведущему специалисту по Востоку в ведомстве иностранных дел они напоминали описания пародийно-сатирических романов[3],

Дипломатическая подготовка заставляла следовать программе. 31 марта корабль кайзера при сильном бризе и зыби появился перед залитым солнцем марокканским городом. Вильгельм II, которому и так было не по себе, из-за большого волнения на море не без труда добрался до берега, где был встречен представителем султана и другими вельможами, а также немецкой колонией[4] во главе с г-ном Роттенбургом, примчавшимся во весь опор из Берлина и руководившим приветственной церемонией[5]. Благодаря этому Роттенбург слышал обе произнесенные кайзером речи, в которых за немецким народом признавалось право прямого, без посредников, ведения переговоров с шерифом марокканского государства как сувереном сильной страны[6]. Несмотря на несколько по-восточному бурную обстановку, кайзер очень корректно сыграл до конца свою роль в предусмотренной праздничной программе. Но здесь произошло то же, что и в случае с депешей Крюгеру; даже хорошо продуманные государственные акты этого периода благодаря особенностям психологии кайзера принимали обыкновенно такой оригинальный

---

[1] «Рейниш-Вестфелише цейтунг» в номере от 19 января 1905 г., например, выступила с резкими нападками на Бюлова (который уже раньше, в связи с вопросом о португальских колониях, дал обмануть себя Англии), обвиняя его в недостаточной поддержке проекта Багдадской железной дороги.

[2] Об этих опасениях см., например, в «Политише корреспонденц» от 4 января 1905 г. Ведомство иностранных дел было, следовательно, начеку.

[3] См. Rosen, op. cit., S. 133.

[4] См. «Кёльнише цейтунг» от 1 апреля 1905 г., сообщение из Танжера от 31 марта 1905 г.

[5] Описание прибытия в Танжер (Rosen, op. cit., S. 132 f., а также Bülow, op. cit., 2. Bd., S. 110 ff.) следует теперь (1932 г.) пополнить и уточнить данными, приводимыми бароном фон Шёном (Freiherr von Schoen, in: Front wider Bülow, München 1931, S. 74 ff.).

[6] В качестве текста речей, кроме очень подробного текста агентства Рейтер от 4 апреля 1905 г., следует использовать теперь и BD, III, № 71, Уайт — Ленсдауну, 1 и 2 апреля 1905 г.

* См., теперь также DD, 2-me serie, vol. 6, № 175, Делькассе — Констапу, 23 марта 1905 г.; № 180, Констан — Делькассе 24 марта 1905 г., и др. Из этих документов явствует, что Франция была готова в крайнем случае уступить в вопросе об орудиях, видимо, чтобы смягчить напряжение. Но было уже поздно.

характер, что публика заблуждалась относительно истинного положения вещей и результаты тщательной подготовки принимала за обычную вильгельмовскую импровизацию,— ошибка, которую подлинные режиссеры чаще всего тем меньше спешили исправить, чем чаще такие акции кончались неудачно*.

Ответственность за это беззастенчивое и вследствие своей смехотворности опасное для крупного государства использование германского авторитета (в чем, кстати, больше, чем до сих пор было известно, хотя и не исключительно, была виновата также германская военная промышленность[1]), безусловно, правильно возлагали на политику ведомства иностранных дел, и особенно на политику тайного советника фон Гольштейна[2]. Шли даже еще дальше и приписывали Гольштейну голое намерение разорвать кольцо вокруг германской внешней политики, в случае необходимости посредством войны, и одержать верх над франко-русским Двойственным союзом еще до того, как будут преодолены последствия русско-японской войны и отношения между обеими державами достаточно укрепятся[3].

Фактически по крайней мере армия была тогда не прочь решить вопрос войной. Начальник генерального штаба фон Шлиффен с конца 1904 года перед лицом поражения России считал обстановку для войны с Францией более подходящей, чем когда бы то ни было[4]. Однако ведомство иностранных дел стало считаться с возможностью использования этой расстановки сил для достижения более широких целей, нежели только для успехов в Марокко и Малой Азии, успехов, которые с нетерпением ожидались германской промышленностью, особенно военной. Оно стало считаться с этой возможностью только тогда, когда выяснилось, что мир может быть сохранен лишь ценой частичного отказа от важнейших поставленных целей, и особенно когда неуступчивая, угрожающая позиция Англии выявила всю величину и значение грядущей опасности. С этого момента, который, по моему мнению, совпадает с третьей фазой еще требующих более точной периодизации марокканских событий, Гольштейн, кажется, в самом деле отошел от своих соратников, и особенно от Вильгельма II, и стал домогаться если не прямо войны, то

---

[1] В соответствии со всей моей концепцией следует считать, что военная промышленность как по своему экономическому, так и социальному значению была самое большее одной из составных частей — правда, ведущей — того комплекса интересов, который настаивал тогда на использовании международной ситуации в противовес французскому империализму.

[2] Впрочем, совсем недавно (1932) Бюлов (op. cit., 2. Bd., S. 112) пытался великодушно снять с Гольштейна и взять на себя вину за высадку кайзера в Танжере; это вовсе не следует считать объективным фактом, так как в его «Denkwürdigkeiten» господствует тенденция приуменьшить влияние Гольштейна и таким образом опровергнуть связанные с этим поклепы. После того как Гольштейн подчинился курсу Бюлова и флотской политике, их интересы в значительной мере совпадали, так что не имело бы смысла доискиваться до различий в стремлениях того и другого.

[3] Соответствующее положение у Эккардштейна (Denkwürdigkeiten», 2. Bd.), а также известная версия Отто Гаммана (Otto Hammann, Der Neue Kurs, Berlin 1918, S. 104 ff.; Zur Vorgeschichte des Weltkrieges, Berlin 1922, S. 210 f.) теперь (1932) подтверждаются сообщением, содержащимся в книге Freiherr von der Lancken, Meine 30 Deinstjahre 1888 bis 1918 (Berlin 1931, S. 56 f.). Я [автор] признаюсь, что лишь весьма робко следовал этим положениям, так как мне казалось, что в германском ведомстве иностранных дел с его обрисованными в тексте специальными интересами не имелось соответствующих причин для готовности начать войну. Все же документальные и другие достоверные признаки изменения политики появились в таком количестве, что это позволяет сделать вывод об изменении позиции, причины которого определить совсем нетрудно.

[4] См. Von der Lancken, op. cit., S. 60.

* О высадке в Танжере см. теперь также Kühlmann, Erinnerungen, S. 228. Судя по его рассказу, Кюльман, хотя и принадлежал скорее к проанглийскому кругу Немецкого банка, в свои ранние годы был типичным представителем сторонников резкого тона и никогда не расставался с тайной мыслью о необходимости содействовать колониальным обменным сделкам, излюбленным в этих кругах.

по крайней мере связанного с риском войны укрепления престижа Германии[1]*. Сначала, однако, все ведомство иностранных дел оптимистически оценивало положение и рассчитывало достичь ближайших целей — обеспечения успехов в Марокко и Малой Азии — одним только бряцанием оружия и «непроницаемой дипломатией» (Markieren der Sphinx). Как и прежде, к объектам, о которых шла речь, принадлежали германские интересы в Турции. Малоазиатский и марокканский вопросы были связаны друг с другом: именно развитие событий в Константинополе обнаружило своеволие Делькассе; сообщения из Турции показывали, что «Шнейдер-Крезо» может нарушить монополию Круппа[2].

Интересы французской военной промышленности в Малой Азии и Марокко, поддержанные влиянием Комитета по делам Марокко, подкрепляли французского министра иностранных дел; однако они уперлись в требования Германии, которая в связи с посещением кайзером Танжера предложила для обсуждения марокканского вопроса созвать конференцию и тешила себя надеждой, что, опираясь на благоприятную международную ситуацию, удастся добиться «открытых дверей» в Марокко. В этих обстоятельствах и вследствие тесного сотрудничества между Делькассе и Комитетом по делам Марокко обстановка накалилась до крайности. Руководители германской политики откровенно нацеливались на то, чтобы французский министр иностранных дел, готовый идти на риск войны, был удален со своего поста. Однако с самого начала было весьма сомнительно, окажется ли новый министр иностранных дел, который в соответствии с желаниями французского народа стал бы избегать воинственных методов, достаточно крепким, чтобы, несмотря на сопротивление лиц, имевших интересы в Марокко, сделать Германии уступки, без которых нельзя было решить марокканский вопрос.

---

[1] Я думаю, что это уточняющее разграничение лучше всего позволит привести в соответствие с документальными материалами безусловно важные данные фон дер Ланкена, которым, однако, не хватает точного хронологического порядка, поскольку изложение носит характер ретроспективного обзора.

[2] По одному из сообщений, имеющихся в датированных 4 апреля 1905 г. архивных материалах «Кёльнише цейтунг», Турция заказала у Круппа 62 батареи полевых орудий, 23 горных батареи, 3 батареи 105-*мм* и 3 батареи 50-*мм* гаубиц. Сравнение этих цифр с почерпнутыми из «Нейе фрейе прессе» данными по всем турецким заказам показывает, что Крупп действительно лишился третьей части заказов. Такой вывод подтверждается и другими материалами. По «Кёльнише цейтунг» от 8 апреля 1905 г., Констан добился в Турции благоприятного для своих целей правительственного указа. 11 апреля 1905 г. «Кёльнише цейтунг» сообщила, что Турция хотя и заказала учебную техническую литературу в Германии, но с заказами для Круппа еще не все благополучно. 14 апреля дивизионный генерал Махмуд Шефкет (Шевкет), вице-президент экспериментального отдела Главных артиллерийских мастерских, был назначен *вали* (наместником) в Ускюб («Кёльнише цейтунг» от 18 апреля). Махмуд был одним из виднейших доверенных лиц германской военной промышленности. Он много лет работал у Маузера в Оберндорфе-на-Неккаре, впоследствии в качестве генералиссимуса играл важную роль во младотурецком движении. Его смещение лучше, чем все прочие сообщения, иллюстрировало успех французов. Круппу пришлось, таким образом, удовлетвориться урезанными поставками. По сообщению «Политише корреспонденц» от 22 апреля 1905 г., соответствующие орудия были установлены на Босфоре и угрожали проходу через пролив русского черноморского флота. Что все эти взаимосвязи действительно в значительной степени объясняют германскую политику в Марокко, видно не только из сообщения близкого к германскому посольству в Константинополе журналиста Вейца во «Франкфуртер цейтунг» от 17 июня 1905 года, но и, в частности, из корреспонденции Максимилиана Гардена из Альхесираса, помещенной в «Цукунфт» от 3 февраля 1906 г. (S. 178). Судя по этой корреспонденции, французы утверждали, будто бы Германия не раздражена по поводу мелочей, содержавшихся в Белой книге (о Марокко). «... Быть может, мы не сидели бы здесь,— передает Гарден слова французов,— если бы Ленсдаун и Делькассе согласились признать Малую Азию сферой интересов Германии. Безрассудно, что мы позволяли Крезо конкурировать на Босфоре с Круппом... О таких высказываниях,— говорит Гарден,— мне уже трижды сообщали по секрету».

* Эта точка зрения подкрепляется многочисленными новыми документами, освещающими военную опасность осени того года, начало которой было положено речью кайзера «Меч наточен, порох сухой...» (см., например, DD, 2-me serie, vol. 8, № 254, донесение французского атташе в Мадриде от 19 декабря 1905 г.).

Природа французских интересов в Марокко. Англо-французское сопротивление

Социальную силу французского Комитета по делам Марокко невозможно переоценить. Во главе заинтересованных в Марокко лиц стоял, как и прежде, французский министр внутренних дел Этьенн — фигура, много лет определявшая в большей степени, чем это думают, французскую внешнюю политику[1].

В 1903 году в качестве вице-президента палаты и депутата от Орана он принимал в Алжире президента республики Лубе и обратил его внимание на марокканские интересы, наличие которых подтвердила миссия султана Марокко[2]. Лубе, француз-южанин из Монтелимара-на-Роне, при котором Третья республика пережила дело Дрейфуса, был — возможно, сам того не желая и не ведая — опутан и направляем этими империалистическими интересами. Та же парламентская фракция Демократического союза, к которой принадлежал Эжен Этьенн и которая числила в своих рядах близкого к Лубе земляка-южанина Делькассе, во время первого марокканского кризиса приставила к нему в качестве соглядатая колониального политика Томсона, который, как до и после этого Делькассе, в качестве морского министра сблизился с военной промышленностью, подкреплял внешнюю политику Делькассе подстрекательскими речами в пользу флота и может считаться главным инициатором поездки в Италию, предпринятой главой французского государства во время марокканского кризиса для укрепления внешнеполитических позиций Делькассе. Италия, питаемая французским финансовым капиталом, уже начала завязывать прочные отношения с соседней на северо-западе державой, с которой она протанцевала столь высмеянный Бюловым специальный тур[3].

Осуществлявший все это Эжен Этьенн, в оценке политики которого можно ошибиться, если судить о ней по его случайным попыткам достичь взаимопонимания с Германией, направленным лишь к тому, чтобы удалить Германию из Марокко за счет интересов третьей стороны[4], для проведения марокканской политики собрал вокруг себя в качестве пособников целую группу видных дельцов, которые, как и он, все были акционерами Марокканской компании[5]*. В их числе, кроме сенатора от Алжира Жеранта, следует назвать прежде всего владельца газеты «Ле пти дофинуа» сенатора Бараньона,

---

[1] Эжен Этьенн, президент колониальной комиссии палаты, бывший генеральный инспектор государственных банков, депутат от Орана с 1881 г. В 1887 г. выдвинут Морисом Рувье на пост младшего атташе-секретаря по делам колоний и оставался на этом посту с 1889 по 1900 г. при Тираре и Фрейсине, в 1905 г.— министр внутренних дел при Рувье, в 1906 г.— военный министр, позднее — вице-президент палаты, в 1911 г.— председатель военной комиссии.

[2] См. «Kölnische Zeitung» v. 17.4.1903.

[3] По техническим причинам я вынужден отказаться от более подробного рассмотрения проблематики германо-итальянских отношений. Важную роль играли здесь последствия германских таможенных тарифов 1902 г.

[4] В этой политике парой Этьенну был г-н Тардье, один из искуснейших политических дельцов всех времен.

[5] О финансовом участии Этьенна и других названных в тексте господ. а также о персональном составе Марокканской компании см. «Пестер ллойд» от 14 марта 1906 г.

* Марокканская компания, судя по DD (2-me serie, vol. 5, № 81, Сан-Рене Тайландье — Делькассе, 2 мая 1904 г.), была бывшей фирмой Готша, находившейся, что доказывается другими материалами того же собрания документов, в руках Шнейдера-Крезо. По-видимому, новые члены были привлечены в целях расширения финансовой базы общества. Из DD (2-me serie, vol. 5, № 131, Сан-Рене Тайландье—Делькассе, 15 мая 1904 г.) явствует далее, что Марокканская компания и парижская финансовая верхушка сначала оспаривали друг у друга благосклонность султана. См. также в этом томе документы № 136, 169, 171 и особенно интересное донесение Тайландье № 201 от 8 июня 1904 г. Французское правительство побудило обе конкурировавшие стороны к соглашению.

племянник которого Поль Ревуаль в качестве главного представителя Франции выступал против немцев в марокканском вопросе. Секретарем Ревуаля был господин Эйнар, отца которого можно считать главным финансистом Марокканской компании и чей родственник Жоннар в качестве тогдашнего генерал-губернатора Алжира выделялся в марокканской политике. Наконец, с этим кругом был связан — и притом не только личными, но и финансовыми нитями[1] — г-н Андре Тардье, один из искуснейших политических дельцов всех времен, который, окончив первым учеником Эколь нормаль, с успехом прошел через министерство иностранных дел, стал писать передовые статьи и, насколько я знаю, сделался владельцем «Тан», чтобы в конце концов так хитроумно связывать воедино политику и деловые интересы, что даже у избалованного гурмана, который, действуя в духе Теккерея или Мопассана, стал бы разделывать на куски империалистическую политику нашего времени, от удовольствия потекли бы слюнки[2]. При этом не следовало и не следует забывать, что наряду с Комитетом по делам Марокко важнейшей движущей силой считалась фирма «Шнейдер-Крезо»*, руководитель которой сидел в парламенте неподалеку от скамьи господ Этьенна и его компании[3] и которая была чрезвычайно заинтересована в постройке алжирско-марокканских железных дорог, в поставках оружия, в эксплуатации рудных богатств шерифской земли, а также в строительстве там укреплений и молов.

Перед лицом сил такого значения премьер-министр Рувье едва ли был в состоянии претворить в жизнь более мирные тенденции, отвечавшие хорошо продуманным интересам группы финансистов, руководимой им как директором банка. Когда к концу апреля Делькассе стал угрожать отставкой, в качестве его преемника стал упоминаться не кто иной, как Этьенн. Впрочем, так далеко дело не зашло. Вмешались более мощные силы. Выступила Англия. Английский империализм был крайне заинтересован в том, чтобы франко-германская комбинация не закрыла для него континент; во время апрельского кризиса, когда Делькассе предложил свою отставку, из Лондона последовали подбадривания военного характера[4], позволившие Делькассе остаться на своем посту.

По откликам «Таймс» на посещение Танжера кайзером общественность заметила[5], что Англия начала действовать. Желтая пресса в Англии бурлила. В последний день апреля, вскоре после подбадривания Делькассе, Эдуард VII появился в Париже, чтобы лично поддержать французов. Однако ведомство иностранных дел в Берлине в своем трудно объяснимом оптимизме не хотело и думать об опасности[6]. Все же эту ошибку в расчетах герман-

[1] См. Rosen, op. cit., S. 176.

[2] Тардье постольку похож на Этьенна, поскольку он, подобно последнему, был — особенно в позднейший период марокканского кризиса — заинтересован в том, чтобы отвлечь Германию от Марокко в другие районы, с той только разницей, что он лично был заинтересован не только в удалении Германии из Марокко, но и в ее направлении в определенную область интересов, тогда как об Этьенне я не могу утверждать определенно, что и ему удалось убить сразу двух зайцев.

[3] Данные об этом см. у Рейнхарда (Reinhard, Imperialistische Politik im Fernen Osten, S. 121 f.).

[4] Об английском вмешательстве, о проблематике которого я не могу здесь распространяться, см. BD, III, № 91, 92, 93, набросок Берти от 21 апреля 1905 г. и письмо Берти — Ленсдауну от 25 апреля 1905 г.

[5] 27 апреля, то есть непосредственно вслед за английским подбадриванием и одновременно как внешнее подтверждение того, что Делькассе снова крепко сидит в седле, в этом печатном органе появилась провокационная статья, вызвавшая панику на бирже (см. Schultheß, 1905, S. 214).

[6] См. об этом особенно GP, 6601, запись Гольштейна от 4 апреля 1905 г.: «Введенный в бой газетой «Тан» англо-испано-итало-французский аккорд — туманное дело... английское правительство не пошевелится». Антигерманский вотум на конференции держав, подчеркивалось далее в цитируемом документе, невероятен.

* Как явствует из публикации французских документов (DD, 2-me serie, vol. 2, № 74), Шнейдер закрепился в Марокко примерно за шесть месяцев до начала англо-французских переговоров о Марокко.

ской внешней политики и особенно господина фон Гольштейна нельзя отнести к числу совершенно необъяснимых. Как известно[1], Гольштейн никогда не был сторонником создания флота. Он был воспитан на представлении, что противоречия между Россией и Англией неискоренимы, и даже после падения Бисмарка, когда во время его (Гольштейна) выросшего влияния на ведение дел отношения с Россией окончательно испортились, он по-прежнему питал надежду, что в случае войны можно будет рассчитывать если не на поддержку, то, во всяком случае, на благожелательный нейтралитет Англии. В этой традиции Гольштейн, так сказать, закостенел и потому не мог понять, что его капитуляция в 1897 году перед лицом кайзеровского требования строительства флота, перед флотской политикой и ее представителем князем Бюловым нарушила прежнюю расстановку сил. Международное положение изменилось, а Гольштейн остался прежним. И ему и генеральному штабу приходилось, как и раньше, рассчитывать на благожелательный нейтралитет Англии.

Объективно план, который доверенное лицо Гольштейна граф Шлиффен подготовил на случай войны[2], был подходящим как раз для того, чтобы в результате предусмотренного этим планом нарушения нейтралитета Бельгии вызвать именно то, чего надо было избежать: англо-германскую войну. Однако и Шлиффен, проводивший в военных вопросах своего рода политику страуса, и Гольштейн в своей окостенелости тем не менее цепко держались за старую внешнеполитическую схему. И в то время как в большом марокканском наступлении 1905—1906 годов гольштейн-шлиффеновское крыло одержало полную победу в дипломатической «битве на Марне» против Делькассе, фланговое прикрытие от Англии отказало.

Все же ведомство иностранных дел продолжало упорно придерживаться своей политики. Чтобы продвинуть дело вперед, оно послало к султану специальную миссию, которой было поручено уговорить его созвать конференцию держав по марокканским делам[3]. Французская внешняя политика, лишившаяся в результате неблагоприятного исхода русско-японской войны и русской революции действенной поддержки на континенте, заколебалась перед лицом германского наступления. Надо было так вести марокканскую политику, чтобы в случае, если Россия как союзник отпадет, это автоматически повлекло бы за собой помощь со стороны Англии. Этой тактикой и объясняется то, что французские премьер-министр и министр иностранных дел в конце апреля и начале мая наперебой предлагали немцам гавань в Марокко — как раз после того, как они узнали из Англии, что, поскольку это означало бы появление германского флота близ Гибралтара, Англия будет рассматривать приобретение немцами такой гавани как casus foederis. Это значит, что французские предложения едва ли имели другую цель, чем поссорить Германию как с султаном Марокко, так и с Англией[4]. Благодаря этой интермедии переговоры растянулись еще на несколько недель[5], пока сообще-

---

[1] Я должен заметить, что это положение написано до появления книги Рогге, и нет никакого основания менять его.

[2] Чисто военная оценка последствий вступления в Бельгию, как это ни странно, была настолько традиционной, что глава германского генерального штаба непосредственно перед войной, несмотря на запланированный проход войск через Бельгию, не верил в возможность войны с Англией (E c k a r d s t e i n, op. cit., 3. Bd., S. 185 f.).

[3] 9 апреля Бюлов решил направить бывшего посланника в Марокко графа Таттенбаха в качестве специального представителя в Фес, и тот в мае прибыл к султану и посоветовал ему предложить созыв конференции держав.

[4] В оценке этих более чем достопримечательных связей я присоединяюсь к Розену (R o s e n, op. cit., S. 136 ff.). С учетом тогдашнего положения дел следует согласиться с Розеном (S. 141), что резкая оценка точки зрения Эккардштейна (op. cit., 3. Bd., S. 107 ff.), данная д-ром Тимме в GP (20. Bd., S. 368, Anmerkung), весьма субъективна.

[5] Что эта притворная предупредительность Делькассе действительно вызвала продление кризиса и тем самым военной паники в Европе, следует из GP, 6658, Радолин—Бюлову, 8 мая 1905 года.

ния прибывшего в середине мая в Фес графа Таттенбаха не вскрыли недостаточную серьезность предложения Делькассе; это подтверждалось и тем, что Комитет по делам Марокко в тайне проводил прежний внешнеполитический курс[1]. С другой стороны, прибытие графа Таттенбаха в Фес побудило английское правительство снова подбодрить Францию[2], так что усилившиеся благодаря сообщениям Таттенбаха германские попытки свергнуть ненавистного французского министра иностранных дел[3] по времени совпали с английским контрнаступлением.

Совет министров Франции, в котором происходила разрядка этих внешнеполитических столкновений наступавших сторон, состоял из различных социальных групп, боровшихся во Франции за власть. Кроме части «марокканской» группы, которая боялась лишиться достигнутого из-за нацеленной на войну политики Делькассе[4*], на стороне премьер-министра Рувье, ведущего финансиста, сильно заинтересованного в противодействии политике Делькассе в Малой Азии, в сотрудничестве с Германией и даже, кажется, в допущении на парижскую биржу частично им самим контролируемых багдадских ценных бумаг[5], в этом случае был французский капитал мелких вкладчиков; на его стороне было также трудящееся население, не заинтересованное в войне, которая могла разгореться из-за одного только Марокко и при ненадежном положении тогдашней России неминуемо привела бы к катастрофе. В этих условиях Делькассе оказался совершенно изолированным. Этот небольшого роста уроженец Южной Франции, возглавлявший министерство иностранных дел и с того дня, когда он, подобно бальзаковскому Растиньяку, был введен — видимо, женской рукой — в конторы и кулуары международной финансовой метрополии, не один год верно служивший военной промышлен-

---

[1] См. GP, 6656 и 6673, Бюлов—Радолину, 22 мая и 1 июня 1905 г.

[2] В английской публикации документов (BD, III, № 95, Ленсдаун—Берти, с двумя приложениями) содержатся единственные документальные данные о действительно сделанном предложении, которое Делькассе выдвинул на известном драматическом заседании совета министров. Согласно попавшему позднее в прессу изложению выступления Делькассе, Англия будто бы была готова высадить в Шлезвиг-Гольштейне 100 тысяч человек**.

[3] См. GP, 6669, Бюлов—Радолину, 30 мая 1905 г., а также 6674, запись Микеля от 30 мая 1905 г. Спорным является сейчас (1932) вопрос о значении одновременного посещения Парижа князем Хенкель-Доннерсмарком. Судя по подробным сообщениям французской прессы, князь также домогался смещения Делькассе, что, возможно, объясняется его обширными интересами в атакованной со стороны Делькассе германской военной промышленности (Хенкель был, между прочим, членом наблюдательного совета «Дейче ваффен- унд муниционсфабрикен»), а также его придворными связями. Комментаторы GP и здесь слишком придерживаются принципа quid non in actis, non est in mundo***.

[4] См. GP, 6680, Радолин — ведомству иностранных дел, 3 июня 1905 г.

[5] Что Рувье сам являлся владельцем багдадских ценных бумаг, Эрл пытается доказать в примечании на стр. 175. О сотрудничестве Рувье с Германией см. также известную памятную записку Блока в BD, V, № 147 f. (в виде приложения к письму О'Коннора Грею от 3 июля 1906 г.), в которой упоминается заявление президента «Детт люблик Оттоман» о том, что группы французских финансистов раздражены политикой Делькассе в отношении багдадских ценных бумаг и что в случае падения Делькассе французы снова дадут согласие официально участвовать в Багдадской железной дороге, так как г-н Рувье и французский консорциум решили обеспечить себе долю в этом предприятии.

* Это особенно подчеркивается в превосходной и социологически целенаправленной, но, к сожалению, не напечатанной диссертации Bertha Leaman, French Foreign and Colonial Policy under Radical Socialist Party Control 1898—1905, Chicago 1938.

** В книге A. Combarieu, Sept ans à l'Elisée... (Paris 1932, p. 317—318) дается отрицательный ответ на вопрос, не сам ли Делькассе подстроил эти разоблачения. 6-й том 2-й серии DD содержит появившиеся тем временем французские материалы.

*** Ч. Портер (Charles W. Porter, The Career of Delcassé, Philadelphia 1936, p. 248 f.), основываясь на французских источниках, утверждает, что князь требовал отставки Делькассе и французского посла Биура, а также изменения французской внешней политики в духе континентального союза против Англии. Он говорил будто бы по поручению кайзера. См. также DD, 2-me serie, vol. 6, p. 521 (примечание 2).

ности[1], оказался покинутым не только теми мелкими вкладчиками, на которых он был внешне похож своим невзрачным обликом, с пенсне на носу, но и крупными финансистами, обязанными ему многим. Почти никто не пошевельнул и пальцем при его падении[2]*.

Если таким образом, несмотря на приманки Эдуарда VII и английского правительства, и удавалось избежать войны в Европе. то все же оставался открытым вопрос, насколько Комитет по делам Марокко отступит в случае, если Германия не удовлетворится компенсациями вне Марокко, и особенно

---

[1] Еще нельзя утверждать (написано в 1932 г.), что французское собрание документов, хотя оно по своему характеру приближается к германскому, дает достаточно материала для обоснования, особенно экономического, внешней политики Делькассе **.

При оценке политики Делькассе надо исходить из его деятельности в пользу флота. Газеты атаковали его за предпочтение, которое оказывалось фирме «Шнейдер-Крезо», поставлявшей для флота недоброкачественные материалы. Эти интересы вооружения флота обусловили сначала резко антианглийскую позицию выскочки, который выдвинулся только благодаря тому, что содействовал избранию президентом Феликса Фора, и затем благодаря своим связям с военным министром Кавеньяком, а также реакционером Думером проскочил в министры иностранных дел. По весьма доказательному сообщению в «Нейе фрейе прессе» от 20 ноября 1914 г., морская политика Делькассе представляется очень темным делом. Делькассе, подчеркивается в указанном сообщении, несет ответственность за многочисленные корабельные катастрофы из-за разложения и самовозгорания пороха, которому он отдавал предпочтение, несмотря на бесчисленные испытания в комиссиях и т. д. и на то, что сотни людей были жертвами взрывов. В богатой переменами жизни Делькассе tertium comparationis была, таким образом, связь с темными силами военной промышленности, которая пользовалась его покровительством и для которой он и после своего падения оставался по-прежнему незаменимым флотским политиком (участие в кабинете Бриссона, падение, Иена 1907 г., свержение Клемансо, двадцать два месяца в качестве морского министра — с 22 февраля 1911 г.,— заключение знаменитой русско-французской морской конвенции).

[2] Этим социологическим формулированием проблемы Делькассе я надеюсь разрешить споры между профессором А. Мендельсоном и Г. Давидом в «Виссен унд лебен» от 1 и 20 апреля 1925 г. См. также G. P. Gooch, Delcassé («Контемпорэри ревью» за 1923 г.). Обусловленность падения Делькассе международной политикой вооружений и интересов хорошо подчеркнута в уже упоминавшейся корреспонденции Вейца во «Франкфуртер цейтунг» от 17 сентября 1905 г., где, между прочим, говорится: «Здесь [в Турции.— *Г. Х.*] работают и над марокканским вопросом. Быть может, именно неугомонная деятельность Делькассе на Золотом Роге содействовала тому, что в Берлине решились на энергичное выступление в Танжере».

* Со времени составления этих примечаний о Делькассе появилось много новых материалов, особенно во французском собрании документов, а также многочисленные мемуары и работы, которые позволяют оценить его деятельность более объективно, чем это было возможно раньше. В общем и целом Делькассе принадлежал к кругу сторонников Гамбетты, которые, как пламенные республиканцы и патриоты, считали необходимым защищать Францию от нового 1870 г. и ради этого готовы были прибегнуть к любому средству во внутренней и внешней политике. Очень рано, уже в семидесятых годах, в этих кругах родилась идея франко-русско-английского союза, которая, правда, последующими событиями неоднократно отодвигалась на задний план. Вовлечение в подобный альянс Англии отвечало либерально-республиканским убеждениям этих лиц. Люди буржуазного мировоззрения, они в принципе никогда не боялись связей с крупными колониальными и военными фирмами, если это отвечало их политическим или личным целям.

Как автор возобновления франко-итальянского соглашения (1900), конвенции между Францией и Испанией, союза с Англией и тем самым «Тройственного согласия», Делькассе является одним из виднейших министров иностранных дел в истории Франции. Правда, нельзя представить себе его успех в этих вопросах без предельно стремительного развития Германии и его влияния на Англию и на Эдуарда VII. Лично Делькассе был бескорыстен; в нескольких депешах он подчеркивает, что ему безразлично, с какими фирмами работать в Марокко,— главное, чтобы они были полезны Франции политически. В качестве материала для понимания личности и деятельности Делькассе могут, среди прочих, служить следующие публикации, вышедшие уже после окончания настоящей работы: Hans Hallmann, Delcassés letzter Kampf, «Historische Zeitschrift», 1936; A. Bach, Delcassés Sturz, «Berliner Monatshefte», 1937; W. Kamplade, Delcassé und Deutschland, Diss., Münster 1940; Charles W. Porter, The Career of Delcassé, Philadelphia 1936.

** Французское собрание документов выявило больше материалов этого рода, чем тогда предполагалось; правда, тома, необходимые для оценки деятельности Делькассе в девяностые годы, до сих пор (1950) еще не вышли в свет.

такими скудными с германской точки зрения уступками, как, например, допущение акций Багдадской железной дороги на парижскую биржу — единственным конкретным предложением Рувье[1]. В итоге франко-германские трения продолжались, нисколько не уменьшаясь и после падения Делькассе. С Комитетом по делам Марокко не было сил бороться и у Рувье. Итак, германская политика и теперь еще, в июне — июле 1905 года, стояла перед нерешенной проблемой, распутать которую было тем труднее, что Германия, как это мало-помалу с замешательством и даже досадой и стыдом стали обнаруживать[2], полностью просчиталась в оценке английской позиции.

К этому тяжелому столкновению с Англией, всеми силами стремившейся удержать Францию от сближения с Германией и от образования континентального блока, прибавился сдвиг во внутренней политике Германии, в результате которого Германскую империю, как это часто бывает, без учета ее внешнеполитического положения толкнули на путь, совершенно противоречивший тогдашней внешнеполитической схеме ведомства иностранных дел.

Отказ Германии от политики давления ради предотвращения крушения России. Бьёркский договор

Между тем на Дальнем Востоке за поражением России на суше последовало уничтожение балтийского флота, отплывшего на Восток при столь неблагоприятных обстоятельствах. 27 мая балтийская эскадра под огнем японцев погибла в волнах близ Цусимы. Внешнеполитическое поражение привело царизм и к катастрофе внутриполитической. В земских кругах (земство — это местное самоуправление) стали требовать создания народного представительства на базе всеобщего и тайного избирательного права[3].

Вот почему Германия была вынуждена вмешаться — как в силу своих восточноазиатских интересов, оказавшихся в опасности из-за продвижения японцев, так и учитывая свой экспорт в Россию и тамошние капиталовложения. Не только старая дружба династий Гогенцоллернов и Романовых, но и стремление германского капитализма сохранить старый общественный порядок требовали поддержать Россию в борьбе при заключении мира. Тот же германский капитализм, который ангажировал свое правительство в Танжере, что, видимо, было целесообразно и исполнимо лишь в результате русского поражения, теперь властно потребовал спасения России из когтей как японцев, так и революции, что, очевидно, находилось в явном противоречии с внешнеполитической предпосылкой акции, предпринятой в Марокко. Мы говорим, что это был «тот же капитализм», так как при колоссальном увеличении всеобщего трестирования и картелирования следует рассматривать капитализм этого времени как нечто единое, даже если не всегда силы, осуществлявшие политику на Востоке и в Марокко, как в данном случае, были идентичными[4].

---

[1] Наивность этого предложения, удостоверенного, например, в GP, 6645, Радолин—Бюлову, 1 мая 1905 г., станет совершенно ясной, если вспомнить тот сообщенный уже в предыдущих примечаниях факт, что Рувье был лично заинтересован в этой компенсации.

[2] Классическое доказательство разрушения иллюзий германской политики см. в BD (III, № 98, Лэсселс—Ленсдауну 12 июня 1905 г. о беседе с Гольштейном).

[3] См. М. Н. Покровский, Русская история в самом сжатом очерке, М., 1933, стр. 331—332.

[4] Об этой идентичности говорит, например, деятельность фирм Круппа, Мендельсона, ГАПАГ и Немецкого банка в обоих районах, не считая того, что в данной связи имеют значение поставки германскими заводами оружия и боеприпасов как русским, так и туркам.

Эта новая и уже успевшая сделаться традиционной внешняя политика «маятника» разрушила как бы взрывом изнутри схему внешнеполитического обеспечения безопасности, принятую ведомством иностранных дел*. Приходилось с трудом плестись в хвосте событий. В ведомстве иностранных дел пытались из нужды — сохранить Россию — сделать добродетель и начать «совершенно новую» политику. Ее начало ознаменовалось тем, что кайзер по согласованию с ведомством иностранных дел посоветовал царю заключить мир, пообещав при этом свое посредничество[1], которое облегчалось его хорошими отношениями с американским капитализмом. Американо-германская дружба этого времени является специфичным капиталистически-империалистическим продуктом. До сих пор Америка помогала охранять германские интересы в Восточной Азии от покушений со стороны «нового друга» России, а теперь вынуждена была защищать от японцев одновременно и германский капитализм и Восточную Азию. Поэтому ареной мирных переговоров были избраны Соединенные Штаты Америки. Вскоре русский государственный деятель Витте, неожиданно снова оказавшийся в чести, по дороге в Новый Свет стал вести активные беседы с крупными международными финансистами Европы. Однако германская внешняя политика не удовлетворилась этим посредничеством в заключении мира. Раз уж решили сохранить Россию, то надо было ее и использовать. 24 июля в финских шхерах близ Бьёрке кайзер встретился с напуганным царем и, используя его подавленное состояние и бедственное положение, без труда побудил его к принятию германского проекта договора о союзе, который был выработан еще прошлой осенью в Берлине, но навязать который русским до сих пор не удавалось[2].

Незаметно германская внешняя политика превратилась в свою противоположность. Так как новый союз с Россией обусловливал хорошие отношения с Францией, то Марокко с момента заключения этого союза становилось лишь разменной монетой; ввиду неожиданной позиции Англии и необходимости спасти царизм приходилось поступиться этой монетой в пользу нового плана германо-русско-французского континентального союза, но надо было удерживать ее в руках по крайней мере до окончательного заключения договора[3].

Можно было предвидеть слабые стороны этой политики. Германия прыгнула вслед за тонущим царизмом, потому что при нем был кошелек с немецкими деньгами; когда же насквозь промокший царь, отфыркиваясь, выбрался на сушу, он отказался от обещаний, данных в смертельном страхе, и его перехватили те, кто появился на месте происшествия с теплой одеждой. Другими словами, спасенный царизм, вместо того чтобы, согласно схеме немецкой дипломатии, вовлечь французов в германо-русско-французский тройствен-

---

[1] GP, 6193, Вильгельм II — Николаю II, 3 июня 1905 г.

[2] Об утопченной интермедии в Бьёрке см. главным образом главу CXXVIII GP, Бюлов (op. cit., 2. Bd., S. 136) дает немногим больше своего обычного изложения документов из GP. Эпизод с отставкой из-за кайзеровской «приписки en Europe», расстроившей план Гольштейна—Бюлова, по которому в случае войны Россия должна была вторгнуться в Индию, исторически остался без последствий и по существу значил меньше, чем хотел бы представить Бюлов, по-видимому, стремившийся еще раз принизить кайзера. По всей проблеме см., кроме того, главу 15 книги Ю. Андерсона.

[3] Об этом изменившемся значении, которое Марокко сразу же приобрело в начавшемся в Бьёрке втором акте драмы, см. GP, 6783, Бюлов — ведомству иностранных дел, 31 июля 1908 г., где содержится прямое указание предать забвению марокканский вопрос впредь до завершения новой международной расстановки сил.

* Без этого неожиданного поворота, дипломатическую историю которого см., например, в главе 10 книги Ю. Н. Андерсона, позиция Германии в марокканском вопросе была бы чрезвычайно выгодной. Падение Делькассе означало полный крах французской внешней политики. Как показывает, например, документ № 185 DD (2-me serie, vol. 7), французы начали отступать; такие дипломаты, как П. Камбон, были от этого в панике.

ный союз, в котором, конечно, немцам должна была достаться (по крайней мере таково было желание Вильгельмштрассе) главная роль, с момента заключения летом 1905 года русско-японского мирного договора снова попал в руки французского финансового капитала и тем самым под его господство. В силу своей преимущественно промышленной структуры Германия была менее обеспечена оборотными капиталами, чем Франция; поэтому, как только встал вопрос о том, чтобы снабжать Россию не промышленной продукцией, как это было во время войны, а крупными денежными средствами, необходимыми для подавления русской революции и реорганизации армии, Германия оказалась в хвосте.

За первым актом марокканской трагедии, который закончился падением Делькассе, и за вторым актом, который наряду с заблуждением в отношении позиции Англии ознаменовался попытками Германии спасти царя и облегчить внешнеполитическое положение России, последовал третий акт, начавшийся с того, что колоссальная фигура графа Витте, украшенная лаврами заключенного им в Портсмуте (США) мирного договора с Японией, вновь появилась на сцене и стала вести переговоры с парижскими финансистами. Таким образом, второй раз после марокканского кризиса экономические отношения опрокинули точные расчеты высших дипломатов с Вильгельмштрассе, которые хотели двигать другими, но оказались сдвинуты сами. С тех пор как Витте в сентябре появился в Париже, все развитие марокканского вопроса, можно сказать, стало зависеть от проблемы гигантского займа для России в 2 миллиарда франков[1]*. Но с повторным изменением стратегических предпосылок рухнула и германская тактика[2]. То, что в свое время под впечатлением Бьёрке было отклонено или надменно оставлено без

---

[1] О значении этого займа для международных отношений между наиболее сведущими судьями — Розеном (op. cit., S. 245) и Витте (указ. соч., стр. 218 и след.) — нет разногласий.

[2] Как делец, играющий на повышение курса, когда курс снижается, Германия до тех пор держала в своих руках ценности Марокко, пока они не оказались nonvaleur. Связанные с этим тактические детали могут быть только затронуты мною. После того как Рувье, несмотря на травлю со стороны группы Этьенна и Англии, уладил вопрос о созыве конференции (см. GP, 6776, Радолин — ведомству иностранных дел, 8 июля 1905 г.), весь марокканский вопрос в результате заключения Бьёркского договора отступил на задний план, так как его нельзя было форсировать, не разрушив вызванную необходимостью программу континентального блока; с другой стороны, по той же причине приходилось держать под рукой марокканский вопрос, так сказать, в качестве объекта компенсации. Даже и в этот переходный период марокканский вопрос доставлял дипломатам немало хлопот. С одной стороны, дело заключалось в том, чтобы помочь султану Марокко, у которого снова не было денег, средствами банкирского дома Мендельсона, дабы султан не потерпел — на радость Франции — краха еще до конференции; с другой же стороны, силы сомнительного характера разрывали изнутри тонкое плетение Вильгельмштрассе. К таким силам принадлежали, например, круги, заинтересованные в строительстве мола в Танжере, с помощью которого граф Таттенбах и фон Кюльман, к огорчению Гольштейна, стремились снискать любовь и у бога, и у людей, и у Вильгельма II, и у танжерской фирмы «Боржо и Ройтеман» (GP, 6789, Гольштейн—Радолину, 18 июня 1905 года)**. В общем соответствии с «застоем» в марокканской проблеме Гольштейн пытался сплавить реферат о Марокко юристам ведомства иностранных дел, а затем возложил его на Розена (op. cit., S. 150).

* По Ю. Андерсону (op. cit., p. 299 ff.), Витте после посещения кайзера, ослепленный личным обаянием Вильгельма II, несколько дней колебался, не поддержать ли ему бьёркскую политику. Однако после зрелого размышления он, подобно другим русским сановникам, сделался ее решительным противником. Из DD (2-me serie, vol. 7, № 258) действительно видно, что Витте сначала был сторонником континентального союза.

** Французская публикация содержит многочисленные документы об этом займе и о концессии на постройку мола (см. DD, 2-me serie, vol. 7, № 340—342, 344—346, 348—350, 355, 357, 372). Согласно документу № 347, на эту концессию уже давно была сделана заявка фирмой «Шнейдер-Крезо». Документы доказывают, как сильно стремилась Вильгельмштрассе летом 1905 г. оторвать Францию от Англии посредством уступок финансовым кругам, близким к Рувье. Восстановление сил России после заключения мирного договора с Японией и сопротивление Англии укрепили национализм во Франции и расстроили германскую игру.

внимания — соглашение относительно Марокко или по крайней мере договоренность о реальной компенсации,—было потеряно навсегда. Игра оказалась проигранной, поскольку Англия была крайне заинтересована в том, чтобы расстроить политику, проводившуюся Германией летом, и воспрепятствовать созданию континентального блока à la Бьёрке.

Англия, которую с 1904 года надо окончательно считать противником Германии, в первой фазе событий поддерживала марокканскую политику Делькассе в ее столкновении с Гольштейном, во второй фазе — борьбой против политики соглашения Рувье скрытно поддерживала конфликт и вынудила Гольштейна на крайний шаг в Бьёрке. Она помешала французской капитуляции во время поражения России и вела свою игру до тех пор, пока Германия, окруженная в Альхесирасе, не забилась судорожно в сетях.

В Германии, даже в ведомстве иностранных дел, не могли дольше закрывать глаза на характерные признаки английской антипатии и на внезапную вспышку ненависти в прессе[1]*. С начала лета штормовые сигналы следовали один за другим. В июле, а затем еще раз в октябре французская пресса опубликовала разоблачения Делькассе относительно английских предложений об оказании военной и политической помощи Франции[2]. Эти сомнительные сведения были эффектно прокомментированы в официальных сообщениях о коварстве короля Эдуарда по отношению к своему племяннику[3]. В августе английский флот с пропагандистскими целями появился в Бресте, в ответ

---

[1] О поведении английской прессы см. теперь (1932) статью H. Schoettle, Die Times in der ersten Marokkokrise («Historische Studien», Heft 196, Berlin 1930). Работы, посвященные изучению прессы, вроде упомянутой или же труда Херкенберга, в принципе следует приветствовать, но такое изучение нужно осуществлять в других рамках и в другой форме, а главное — не ограничиваться каким-либо одним органом печати. Сухая регистрация ежедневных передовых статей на политические темы часто является совершенно лишней и никак не отвечает поставленной цели. Важнее, чем регистрация этих ежедневных излияний большей частью одних и тех же лиц на одну и ту же тему, по сути дела обусловленных не политикой, а интересами подписки и деловыми соображениями, был бы, конечно, социологический анализ разбираемой газеты, а также круга ее читателей — задача, которая, как это знает каждый журналист, представляет исключительные трудности, но от которой все же не следует уклоняться при подобных исследованиях. Лично я, рассматривая бесчисленные возможности, которые могли влиять на содержание отдельных передовых статей, пришел к выводу, что газеты, особенно крупные капиталистические органы печати, являются лишь второстепенным источником для выяснения точки зрения той или иной партии и что следует придавать больше значения изучению прессы (в принципиальной важности которого настоящий труд убеждает более чем достаточно) с точки зрения сообщаемых в ней экономических фактов, которые обычно обходятся в дипломатических материалах.

[2] См. GP, 6858, Меттерних — ведомству иностранных дел, 16 июня 1905 г.; GP, 20. Bd., S. 631, Anmerkung. И поныне (1932) между английской и французской версиями предложений существует глубокая пропасть. Даже если согласиться с мнением Монжеля в «Берлинер монатсхефте» за 1928 г. (стр. 978 и след.), что Поль Камбон изложил английские предложения с присущим уроженцам Южной Франции преувеличением (что доказывают поправки Ленсдауна к изложению Камбона), то все же многое остается неясным. Быть может, чтобы поддержать политику Ленсдауна, которая так же мало, как позднее и политика Грея, придерживалась толкования альянса как умеренного союза, представитель армии сделал соответствующие военные предложения? См. об этом также письмо Ленсдауна издателям BD (vol. 3, p. 105 «a», «b») от 17 августа 1922 г. Я считаю вероятным, что, кроме сильно преувеличивающего Камбона, по этому вопросу высказывался французский военный атташе в Лондоне или, быть может, английский военный атташе в Париже. Различные исследователи справедливо указывают на то, что 100 тысяч человек, которые, судя по разоблачению, были подготовлены к высадке в Шлезвиге,— это те самые корпуса, которые фигурировали в англо-бельгийских переговорах и которые английский генеральный штаб предназначал для таких целей**.

[3] См., например, GP, 6867, Меттерних—Бюлову, 22 июля 1905 г.

* О поведении прессы обеих сторон в марокканском конфликте см. уже называвшуюся книгу О. Хэйла. Его очерк вошел в указанный в дополнительных примечаниях более полный и очень содержательный труд того же автора: «Publicity and Diplomacy, with Special Reference to England and Germany 1890—1914», New York and London 1940.

** Несмотря на выход в свет томов DD, содержащих материалы за это время, данный вопрос до сих пор выяснен не полностью.

на что французские военные корабли прибыли в Портсмут. Отсюда их офицерский состав отправился в триумфальную поездку в Лондон, где его чествовали обе палаты парламента. Отказ короля Эдуарда посетить Берлин во время его поездки на воды в Богемию[1] показывает, с какой целью была задумана демонстрация английского флота. Визит английского флота в Свинемюнде и в Данциг при такой общей интерпретации событий был более чем угрожающим намеком на непоколебимое британское господство и в Mare Balticum[2]. Во время сентябрьских дипломатических поражений Германии[3] неприязнь между двумя властелинами стран, разделенных Северным морем, достигла наивысшей точки. Второе разоблачение Делькассе переполнило чашу. Во время визита английского финансиста Бейта в последние дни года выяснилось, что оба народа лишь с трудом избежали войны[4]. Этот финансист подтвердил, что русские и англичане использовали французскую прессу для подстрекательства против Германии. Израсходованная для этой цели Россией сумма составляла 360 тысяч франков. В английских журналах начали выступать русские агенты: «Калхас», «Дипломатикус», «One who knows», «Vates», «Ignotus» и другие. Кайзер пояснил посетителю, притворившемуся удивленным, кто скрывался за этими псевдонимами, и указал на деятельность Веселицкого, Поклевского, Татищева и личного секретаря Делькассе. Интересная беседа показала, что группировки держав хотя и не думали о нападении, но стояли друг против друга с явным недоверием, готовые ежеминутно, по первому сигналу, ринуться в бой.

[1] См. GP, 6870, Меттерних—Бюлову, 14 августа 1905 г., а также S. L e e, Eduard VII. A Biography, London 1925/27, p. 346.

[2] См. L e e, op. cit., p. 350 ff. Германская пресса едко высмеивала эти чрезмерные уверения в дружеских чувствах, тогда как визит британского флота в Данию, которая ввиду своих династических связей с Россией, а также ввиду того, что еще не был забыт понесенный в 1864 г. Данией ущерб, считалась важнейшей опорой будущего альянса, вызвал у датчан бурную радость.

[3] См. R o s e n, op. cit., S. 166 ff. Ведомство иностранных дел, которое, очевидно, не было уверено в том, что его «политика застоя» (Versumpfung) в марокканском вопросе является правильной при изменившемся стратегическом положении, послало Розена в Париж для согласования программы конференции; здесь Витте, возвращавшийся из Америки, сыграл с ним злую шутку, удержав французов от письменного фиксирования отказа от домогательств на всеобщий полицейский мандат в Марокко, что позднее, на конференции, вызвало большие трудности. Германское поражение в этом вопросе, как убедительно показывает Розен (op. cit., S. 195 ff.), частично объясняется обычным отсутствием порядка в Берлине, где подорвали политику Розена и не сообразили, что надо было удержать возвращавшегося через Германию в Россию Витте от слишком откровенной беседы с разговорчивым кайзером, открывшим хитроумному русскому политику Бьёркский договор, что, разумеется, привело Витте в ярость*. Витте понимал, что, если Франция будет захвачена врасплох русско-германским бьёркским союзом, то французские кассы навсегда закроются для русских. Несмотря на это, Витте, как видно из его воспоминаний, всегда был сторонником общего германо-франко-русского соглашения, которое, однако, в противоположность Бьёркскому, должно было бы основываться на равноправных переговорах между всеми тремя странами. Впрочем, рассуждения Витте не кажутся мне существенными; он был прежде всего финансистом и брал деньги там, где их удавалось находить. Как уже указывалось, следует считать, что Витте был одним из создателей и англо-русского союза ради его финансовых последствий, хотя в будущем он почти отказался от этого своего детища из-за связанной с ним угрозы миру.

[4] О визите Бейта в Потсдам см. письмо кайзера Бюлову от 30 декабря 1905 г. (BI, II, № 190 ff.).

* Как признал уже Ю. Андерсон, данное утверждение, основанное на собственном высказывании Витте, в этой форме не выдерживает критики. Как явствует из DD (2-me serie, vol. 7, p. 562, примечание, и там же № 455, Рувье—Бомпару, 26 сентября 1905 г., а также vol. 8, № 19, Бомпар—Рувье, 5 октября 1905 г.), Витте, учитывая, что Германия сослужила ему во время войны хорошую службу и будет служить и дальше, твердо придерживался идеи континентального блока. Однако, считаясь с Францией и ее финансовой силой, он стал поддерживать остальных русских министров, настаивавших на видоизменении Бьёркского договора, о чем он намекал французам (DD, vol. 8, p. 109, 110 «n», 244). Немцы, попавшие в неудобное положение, пытались использовать Витте в интересах своей континентальной политики; Розен во время проезда Витте через Европу пришел к соглашению с Францией по поводу программы конференции, строительства мола и промежуточного займа Марокко.

Марокканский вопрос и строительство флота. Новая атака Флотского союза

Начавшееся весной ухудшение англо-германских отношений лило воду на мельницу германского Флотского союза. Генерал Кейм, его spiritus rector, усмотрел здесь превосходный случай с помощью ловкого маневра с выходом в отставку взять реванш за поражение, нанесенное ему Тирпицем в начале года, и усилить свое влияние. Баварское крыло Флотского союза, выступившее в силу своих связей с баварским Центром и безусловно не без ведома имперского военно-морского ведомства против Кейма и против генерала Менгеса, было поддержано посланной в мае резкой по тону порицающей телеграммой кайзера[1] в адрес руководства союза, но тем не менее потерпело неудачу вследствие внутриполитической агитации и усилившейся внешнеполитической опасности. Пресса тяжелой промышленности пыталась поддержать прежнее руководство[2]. Вюртембергский двор в конце мая демонстративно пригласил правление союза на придворный банкет по случаю съезда Флотского союза[3], а князю Зальму в то же время удалось переубедить кайзера в необходимости изменить свое отношение к руководству союза[4]. Тяжелая промышленность и ее магнаты[5], стоявшие во главе движения, могли записать Штутгартский съезд в свой актив. Лето и визит английского флота в Свинемюнде дали движению новый толчок. Англо-германское братание на банкетах[6] не могло насытить даже «Берлинер тагеблат»[7]. Пресса, выступающая в пользу флота, встретила, однако, английскую вылазку в Балтийское море требованием постройки новых кораблей[8]. Марокканский кризис и Флотский союз обоюдно влияли друг на друга. Осенью вопросы Марокко, флота и восстания в Германской Юго-Западной Африке спутались в едином империалистическом клубке.

Правда, в имперском военно-морском ведомстве, учитывая не только опыт русско-японской войны, но и технический прогресс за границей, считали более необходимым укрупнение типов кораблей и увеличение количества миноносцев, чем замену имевшихся кораблей[9], как этого тре-

---

[1] О ходе событий см. Keim, op. cit., S. 190 ff.

[2] См., например, характерную статью в «Лейпцигер нейесте нахрихтен» от 25 мая 1905 г.

[3] См. «Кёльнише цейтунг» от 27 мая 1905 г., сообщение из Штутгарта от 26 мая 1905 г.

[4] См. K e i m, op. cit., S. 113 ff.

[5] Посредником при улаживании противоречий был князь фон Урах. Штутгартский съезд получил от его величества приветственную телеграмму, что было истолковано как высочайшее одобрение требований Флотского союза, который сверх правительственной программы требовал срочной замены устаревших кораблей («Kölnische Zeitung» v. 28. 5. 1905).

[6] Симптоматичными для этого времени являются слишком обильные, по нашим понятиям, и символические меню этих целенаправленных обедов. В Свинемюнде 28 августа 1905 г. подавались глочестерские омары á la Эдуард VII и роминтенские куры, обложенные виргинскими перепелками.

[7] «Берлинер тагеблат», а также правая «Рейхсботе» считали, что Dominium maris Baltici подвергается угрозе со стороны английского флота («Berliner Tageblatt» v. 29.7.1905).

[8] «Hamburger Nachrichten» v. 29.7.1905.

[9] Записка Денхардта от 31 мая 1905 г. в берлинском Морском архиве. Кстати, и в данном случае в имперском военно-морском ведомстве обдумывали, не умолчать ли в рейхстаге об этом двойном требовании. Принимая во внимание проницательность членов бюджетной комиссии, было решено придерживаться правды и внести это требование как двойное. Все же, чтобы придать ему безобидный вид, было решено вторую часть (своего рода «ягодки»), содержавшую требование укрупнения типов кораблей и увеличения числа миноносцев, а также денежную смету приложить как памятную записку к бюджету. Тем самым профлотские круги хотели прежде всего избежать того, чтобы те части флотского закона, которые уже получили одобрение, не подверглись бы новому обсуждению в результате внесения общих требований, так как могла возникнуть опасность отклоне-

бовал Флотский союз; замена кораблей фактически означала бы увеличение флота, далеко выходившее за рамки строительства шести крейсеров дальнего плавания, требованием которых решено было ограничиться, возможно, не столько из-за реакции за границей, сколько из-за ожидавшегося возражения рейхстага против дополнительных расходов, связанных с укрупнением типов кораблей[1].

Однако политическая оппозиция политике имперского военно-морского ведомства тем меньше ослабевала, что она получила необходимый материал для своей агитации именно в связи с марокканскими проблемами. Уже в феврале Тирпиц — после того как он продемонстрировал свою умеренную внешнюю политику — был вынужден с горечью переносить нападки тяжелой промышленности[2]. В Руре жаловались на недостаточную защиту гер-

---

ния всех ассигнований, в том числе и уже одобренных. С укрупнением типов стоимость росла следующим образом (в млн. марок):

	Раньше	*Теперь*
Линейный корабль . . .	25,0	30,78
Большой крейсер . . .	18,0	24,00
Малый крейсер	5,5	6,38
Дивизион миноносцев .	6,0	8,57

Это создавало дополнительную потребность в 170 миллионов марок; к этому прибавлялись еще 3 миллиона на подводные лодки. Дополнительная потребность в персонале обусловливалась главным образом увеличением числа миноносцев. После того как проект новеллы был передан в имперское казначейство, сообщения о строительстве линейных кораблей главным образом в Англии, Японии и Америке и о введении типа дредноута заставили заняться вопросом, как должны выглядеть линейные корабли без учета проходимости Кильского канала. Желание иметь суда, которые, учитывая размеры Кильского канала, Германия не могла бы копировать, было, без сомнения, одним из мотивов введения дредноута в Англии. Этот тип, как известно, явился выдающимся не только по неслыханной до тех пор цифре тоннажа в 19 тысяч тонн, но, главное, и по оснащению 305-миллиметровыми орудиями. Имперское военно-морское ведомство потребовало, чтобы Германия не отставала от других наций, имеющих линкоры в 18—20 тысяч тонн и большие крейсеры в 14—15 тысяч тонн. Кроме того, оно требовало вооружения, соответствующего тому, какое имели эти иностранные корабли (заключение от 15 сентября 1905 г.). Уже 12 сентября были изготовлены соответствующие проекты. В конце сентября в Роминтене Тирпиц сделал доклад кайзеру, после чего 29 сентября имперскому казначейству было сообщено, что заявка для линейных кораблей должна быть повышена с 27,5 миллиона до 31 миллиона марок. Здесь явно бросается в глаза связь между «неудержимым» техническим прогрессом и прибылью судостроительной промышленности. В имперском казначействе были не особенно обрадованы оборотом дела (ответ имперского казначейства от 23 сентября 1905 г.) и объявили об инспекторской проверке. Имперское казначейство обращало особое внимание на требование слишком большого количества офицеров для миноносцев. В итоге новелла предусматривала постройку пяти крейсеров дальнего плавания, одного резервного крейсера и дополнительное ассигнование 165 миллионов марок до 1915 г. Персонал должен был увеличиться на 126 морских офицеров, 40 морских инженеров, 16 офицеров медицинской службы, 8 казначеев и 5643 унтер-офицера и матроса. Текущие расходы в связи с этим вырастали на 20 миллионов марок в год. Вместо 96 миноносцев было запланировано 144, а на подводные лодки имелось в виду расходовать 5 миллионов марок ежегодно.

[1] Соображения о реакции за границей имперское военно-морское ведомство, как известно, обычно приспосабливало к ведомственным потребностям, а не наоборот. Особенно по документам, опубликованным Тирпицем, можно проследить, в какой большой степени понятие допустимого с внешнеполитической точки зрения меняется по мере роста планов строительства флота. Например, в 1910 г. Тирпиц для укрепления финансовой основы флотской политики хотел в целях продажи устроить у Босфора парад целой германской эскадры.

Весьма наивным планам создания мировой державы, характерным для времен испано-американской войны и пугавшим ведомство иностранных дел, соответствовали в дальнейшем воинственные речи человека из Германской отечественной партии, совершенно незрелого в этом отношении. Причиной сдержанности имперского военно-морского ведомства в этот период были не внешнеполитические, а тактические соображения флотского руководства и ограниченность мощностей предприятий, производивших броневые плиты и орудия.

[2] «Rheinisch-Westfälische Zeitung», 28.2.1905.

манских интересов в Южной Америке, что в данном случае было идентично жалобе на урезывание собственного гешефта. В то время как для агитации в пользу скорейшей замены кораблей была мобилизована даже свободомыслящая пресса[1], промышленность, особенно вестфальская, начала борьбу за независимость Флотского союза от правительства и от имперского военно-морского ведомства[2].

Начиная с весны значительная часть флота, построенного на основании флотского закона, стала подвергаться основательной критике как устарелая[3]. Технический прогресс и заинтересованность военной промышленности в прибылях шли рука об руку и непрерывно стимулировали всеобщую потребность в безопасности, которая, правда, у разных социологических групп проявлялась не с одинаковой интенсивностью. Военная промышленность, связанная различными международными соглашениями, олицетворяла собой все увеличивающееся господство международного объединения принудительных закупок.

Ни одно государство не хотело и не могло экономить на расходах по обеспечению безопасности. Все страны были вынуждены следить за техническим прогрессом в этой области и за большие деньги приобретать результаты изобретений, патентами и секретами которых владели отдельные заинтересованные лица.

К рейнско-вестфальской крупной промышленности, имевшей все основания стабилизировать расцветающую конъюнктуру посредством флотского закона, и к германской экспортной промышленности, требовавшей безопасности на море, в борьбе за увеличение флота присоединились прежде всего германские верфи. Хотя таможенное законодательство рейха во всех смыслах благоприятствовало им (судостроительная промышленность в отношении таможенной политики приравнивалась к заграница), верфи едва выдерживали конкуренцию с заграницей, так как их английские конкуренты были в состоянии извлекать пользу из демпинга германских картелей[4].

---

[1] Известный флотский агитатор Ревентлов писал как в «Берлинер тагеблат», так и — иногда — в «Кёнигсбергер Гартунгше цейтунг» (номер за 7 мая 1904 г.).

[2] См. сообщение «Кёльнише цейтунг» от 19 июня 1905 г. о собрании вестфальской провинциальной организации Флотского союза в Дортмунде. Из речи, произнесенной здесь князем Зальм-Горстмаром, следует, что агитационный фонд союза составлял 37 735 марок «благодаря значительным взносам крупной промышленности». На этом собрании выступил затем генеральный директор Швекендик, который заявил, что Вестфалия желает, чтобы Флотский союз был независим во всех отношениях.

[3] Критику флота см., например, в статьях контр-адмирала Штиге в «Берлинер нейесте нахрихтен» от 21 ноября 1905 г. и Ревентлова в «Теглихе рундшау» от 9 ноября 1905 г. См. далее критику обсими газетами флотской новеллы Тирпица (в номерах от 18 ноября 1905 г.) или, например, выпады антисемитской «Штаатсбюргерцейтунг» от 19 ноября 1905 г. против Тирпица как Роона морского флота, который фактически ничего не делает. «Теглихе рундшау» от 6 декабря 1905 г. и «Лейпцигер тагеблат» от 13 декабря 1905 г. помещают небывалой резкости статьи о флоте. «Альгемейне маринерундшау» в номере от 19 сентября 1905 г. нападала на Тирпица и требовала на 1906 и 1907 гг. ни много ни мало, как замену кораблей класса «Эгир», а также немедленную замену шести старых броненосных крейсеров.

Эти статьи, на которые я опираюсь в тексте, представляют собой, разумеется, лишь небольшую часть гигантской и необозримой флотской агитации. При этом я оговариваюсь, что, разумеется, не всегда вижу непосредственное воздействие интересов тяжелой промышленности на эти статьи; во флотской агитации, как и в агитации за гонку вооружений, речь идет скорее о сотрудничестве комплекса различнейших социальных интересов как по эту, так и по другую сторону границы, причем по причинам, изложенным в тексте, соответственно наиболее развитая промышленность принудительным путем определяет ритм, цель и темп и диктует свои законы другим компонентам этого комплекса.

[4] См. опрос верфей, произведенный графом Ревентловым и опубликованный в «Теглихе рундшау» от 22 декабря 1905 г. Все верфи подтвердили возможность ускорения строительства флота. Однако «Вулкан» и «Блом унд Фосс» указывают на зависимость темпа строительства от поставок броневых плит и орудий. Этот вопрос, как будет показано сейчас в тексте, действительно являлся основным внутренним вопросом развития флота.

Как обычно, союзники этих сил, национал-либеральная молодежь[1] и студенты — сторонники флота[2], стояли на переднем крае общественной борьбы. С ростом заинтересованности Германии в экспорте промышленной продукции и в импорте сырья свободомыслящие также начали поворачиваться лицом к флоту[3]. С развитием империализма в пользу флота стали раздаваться даже голоса социалистов[4].

Тяжелую промышленность как важнейшую часть социального объединения сил, выступавшего за увеличение флота, так же трудно привести к одному знаменателю во флотской политике, как и в других случаях. И во флотской политике различные группы интересов беспощадно сталкивались друг с другом. За строительство флота, кроме экспортной промышленности, чья политическая заинтересованность во флоте непрерывно возрастала вместе с увеличением вывоза, особенно выступали машиностроительная промышленность, которой каждый новый котел приносил новую прибыль, угольный синдикат, обеспечивавший котлы углем, железодобывающая и частично железообрабатывающая промышленность, поставлявшая сырье и детали конструкций, то есть предприятия, которые фактически были заинтересованы в дополнительном строительстве кораблей. Наоборот, поставщикам броневых плит и орудий было бы, собственно, выгоднее, если бы суммы, ассигнованные на увеличение флота, использовались больше для укрупнения типов судов, чем для увеличения количества кораблей. Это-то и явилось причиной весьма странной сдержанности, которую тогда проявила особенно фирма Круппа ко всем планам увеличения флота. Опираясь на расположение двора и на свою монополию в области вооружений, Эссенская фирма могла отказать имперскому военно-морскому ведомству, настаивавшему на снижении цен, даже в самой скромной уступке[5],

[1] 19 декабря 1905 г. национал-либеральный депутат Бракмейстер выступал в Эльберфельде и Ахене перед национал-либеральной молодежью, которая выказала разочарование по поводу правительственного законопроекта. 22 декабря национал-либеральная молодежь потребовала увеличения строительства кораблей по замене.

[2] Генералы фон Либерт и фон Менгес и профессор Адольф Вагнер сделали в залах редакции «Германиа» в Берлине доклады о флоте для Союза немецких студентов. Интересно, что Вагнер выступал за сближение с Францией, чтобы помешать процветанию Англии. Его позиция в известной мере типична для течения, которое характеризуется среди прочих именами Шульце-Геверница, Ратгена, Шмоллера, Зеринга и даже Брентано. Университетским экономистам противостояли протестантское чувство общности и бисмарковская континентально-политическая традиция целого ряда известных историков. Эрих Маркс после одного доклада в Англии на рубеже столетий был заподозрен газетой «Крейццейтунг» в англофильстве, а Герман Онкен за свою подчеркнутую сдержанность во флотской политике подвергся несколькими годами позже нападкам со стороны адмирала фон Алефельда, заинтересованного в развитии судостроительной промышленности. В целом, однако, студенчество было для флотской агитации плодородной почвой. Речи генерала Кейма и профессора Лампрехта в пользу усиления флота были встречены бурными аплодисментами студентов («Kölnische Zeitung» v. 15.12.1905). В Йене студенты впервые за долгие годы проявили единодушие по вопросу о флоте («Kölnische Zeitung» v. 21.2.1906).

[3] Демократический депутат рейхстага Эйкгоф, директор гимназии в промышленной области, воодушевлял своих избирателей в Шмалькальдене («Kölnische Zeitung» v. 28.11.1905) в пользу флота. Руководимое им крыло свободомыслящих выступило за постройку крейсеров дальнего плавания. Против флота выступал в духе сходившего со сцены старого Ойгена Рихтера главным образом его преемник в свободомыслящей народной партии Мюллер-Саган, за что он был отчитан графом Ревентловым в «Берлинер тагеблат», представлявшей международную политику Союза свободомыслящих («Berliner Tageblatt» v. 26.7.1905).

[4] Ревентлов уже мог ссылаться на Рихарда Кальвера как на белую ворону в рядах социал-демократии («Tägliche Rundschau» v. 16.11.1905). Кальвер выступал за флотскую политику, если капиталисты возьмут часть риска на себя («Sozialistische Monatshefte», November 1905).

[5] Здесь я могу сослаться на имеющийся в моем распоряжении отчет о переговорах военно-морского ведомства с фирмой Крупна 20 сентября 1905 г.* Я знаю мало документов, которые столь ярко иллюстрировали бы шаткую позицию учреждения, игра которого по отношению к военному предприятию, опирающемуся на придворное расположение, с самого начала была проиграна. Достигнутое в конце этих переговоров соглашение

однако она сочла себя удовлетворенной официальным проектом, повысившим заказы для флота у Круппа с 20—25 миллионов до 35—40 миллионов марок в год[1]. На явно согласованный с ней[2] запрос имперского военно-морского ведомства, возможно ли сокращение сроков строительства, она ответила, что для этого необходимо расширить крупповские заводы, а это возможно лишь в том случае, если правительство сможет обеспечить возросшую загрузку военной промышленности и в будущем. Следовательно, собственно военная промышленность в тот момент была заинтересована не в увеличении флота, а в регулярном темпе его строительства — позиция, соответствовавшая тактическим соображениям статс-секретаря фон Тирпица, который только повредил бы своим планам преждевременным увеличением флота. Чрезмерная поспешность в строительстве флота означала бы для Круппа и Штумма деловой, для статс-секретаря же — политический риск, которого старались избежать обе стороны.

Итак, Тирпиц настаивал на флотской новелле в своей редакции. С помощью ссылки на укрупнение типов судов Берлин пытался примирить тяжелую промышленность с проектом закона[3], правда, не совсем успешно. Все же, разумеется, с помощью промышленных групп, удовлетворенных имперской морской политикой, удалось достичь того, что официальная организация тяжелой промышленности в вопросе о флоте выказала в те годы бо́льшую сдержанность, чем обычно[4].

означало полное поражение военно-морского ведомства, которое не могло осмелиться пригрозить национализацией военной промышленности или хотя бы передачей заказов конкурентам.

* Отчет был конфискован при домашнем обыске осенью 1932 г. (sic!) германской политической полицией и утерян. Он касался переговоров между военно-морским ведомством и генеральным директором Круппа ландратом Рётгером. Последний подчеркивал, что дирекция фирмы в своей политике цен придерживается линии умершего Фридриха Альфреда Круппа и, управляя имуществом, не получила от его дочери права снижать цены. В ответ имперское военно-морское ведомство указывало, что в торговле принято идти навстречу в ценах, если величина заказа растет. Поскольку Рётгер не уступил, военно-морское ведомство попросило его приложить к документам изложение своей точки зрения, чем и закончилась вся эта история.

[1] Отчет отдела «W» имперского военно-морского ведомства от 11 января 1906 г.

[2] Ответы на этот вопрос содержатся в специальном томе документов имперского военно-морского ведомства. Крупп ответил, что для сокращения сроков строительства флота он должен расширить свои заводы, на что он может пойти лишь в том случае, если можно будет рассчитывать на повышенную загрузку предприятия в будущем.

[3] В архиве «Кёльнише цейтунг» имеется письмо «Эйзенцейтунг» («Специальной и торговой газеты для всей железоделательной, сталелитейной, металлообрабатывающей, машиностроительной и станкостроительной промышленности и т. д.») от 26 марта 1905 г. с исходящей, очевидно, от имперского военно-морского ведомства информацией, из которой явствует, что хотя число требуемых военно-морским ведомством кораблей меньше того, на котором настаивает Флотский союз, однако технические характеристики броненосных крейсеров улучшены и можно ожидать увеличения их водоизмещения и усиления вооружения. «Для промышленности, заинтересованной в кораблестроении,— говорится далее в письме, — такое увеличение имеет большое значение. Эти факторы можно вычислить, если сравнить стоимость постройки линейного корабля класса «Брауншвейг» (13 тысяч тонн) со стоимостью крейсера примерно в 16 тысяч тонн. Так, если для судов первого класса получается 25 миллионов марок, то для последнего можно принять примерно 32 миллиона». Согласно цитированному письму, намечалось также увеличение тоннажа линейных кораблей.

[4] Уже в декабре 1904 г. на съезде Центрального союза германских промышленников председатель Бюк высказался против флотской агитации. Нужно, подчеркнул он, дождаться правительственного законопроекта («Kölnische Zeitung» v. 21. 12. 1904). На общем собрании Союза немецких предпринимателей железоделательной и сталелитейной промышленности 14 ноября 1905 г. в Берлине Бюк также заявил, что союз не откликнулся на различные попытки организовать демонстрацию в пользу флота, не желая будто бы слишком рано расходовать свой порох («Kölnische Zeitung» v. 5. 5. 1906).

Через несколько дней, 11 декабря 1905 г., Центральный союз германских промышленников на заседании под председательством члена палаты господ Вопелиуса принял резолюцию, в которой высказывался в пользу создания сильного флота, в соответствии с этим приветствовал правительственный законопроект о флоте, заявляя, «впрочем, о желательности скорейшей замены материальной части», однако, учитывая действия

*Рейхстаг и новелла о строительстве флота 1906 года**

Тирпиц, даже если бы и хотел, вряд ли был бы в состоянии — уже только из-за рейхстага и партий — немедленно удовлетворить стремление большинства промышленников и к укрупнению типов и к ускорению строительства кораблей по замене. Тотчас же после опубликования в сентябре проекта флотского закона пресса Центра вступила в ожесточенную борьбу с печатью тяжелой промышленности[1], агитировавшей за свои увеличенные требования. Самому правительственному законопроекту эта агитация со стороны промышленности не столько повредила, сколько принесла пользу. По сравнению с пожеланиями Флотского союза он выглядел так скромно, что Центр как руководящая партия выдвинул в парламентской борьбе на первый план главным образом вопросы покрытия расходов. При этом на стороне политического католицизма были консерваторы, которые по традиции также выступали против Флотского союза[2]. Сторонники правительственного законопроекта из империалистического крыла Союза свободомыслящих считали, что равнодушное отношение аграриев к флоту подозрительно[3]. Разумеется, социал-демократы со своим официально-партийным отклонением любых флотских требований[4] шли дальше этой критики со стороны консерваторов и Центра, обусловленной главным образом чисто тактическими соображениями. Большинство социалистов все еще отклоняло флотскую политику, которая как часть империалистической мировой политики нашла свое проявление и в Марокко. Социалистам казалось сомнительным, чтобы рабочие могли получить преимущества от проведения этой мировой политики, однако было ясно, что из-за нее им пришлось бы рисковать собственной шкурой.

правительства, не остановившегося на флотском законопроекте 1898 г., а предпринявшего в 1900 г. и теперь дальнейшие шаги, выражал свою твердую уверенность в том, что в нужный момент правительство захочет сделать все для усиления военно-морских сил. В соответствии с этим союз отказывался от предложений, выходящих за рамки правительственного проекта («Kölnische Zeitung», v. 11. 12. 1905). В этой запутанной формулировке явно проступает попытка примирить друг с другом сталкивавшиеся интересы тяжелой промышленности. Речь Бюка на указанном собрании вполне соответствовала этому сложному положению («... В состоянии ли наши верфи дать больше, чем им предписано законопроектом, председательствующий судить не может, однако он считал бы предел производственной мощности единственной причиной медленных темпов...»). Однако верфи могли строить больше кораблей. Сдерживающим фактором было положение промышленности, производившей броневые плиты. Тирпиц сумел ловко использовать в своих целях этот раскол в промышленности. См. его заметки о беседе с принцем Зальм-Горстмаром и адмиралом Томсоном (господином, в значительной мере лично участвовавшим в наблюдательных советах). (T i r p i t z, Aufbau usw., S. 22.)

[1] «Кёльнише фольксцейтунг» в номере от 20 ноября 1905 г. констатирует недовольство антисемитской «Штаатсбюргерцейтунг» и «Берлинер нейесте нахрихтен» и, наконец, органа крупной промышленности «Рейниш-Вестфелише цейтунг».

[2] «Крейццейтунг» 18 ноября 1905 г. поддержала правительство, затронув, как и Центр, вопрос о покрытии расходов. Орган Союза сельских хозяев в борьбе Флотского союза также стал на сторону правительства («Deutsche Tageszeitung» v. 15 .11. 1905).

[3] Полковник Гедтке в «Берлинер тагеблат» от 12 ноября 1905 г. нападал на лидера консерваторов графа Лимбург-Штирума, который на одном из предвыборных собраний высказался против расширения океанского флота из-за нехватки средств и экипажей кораблей. В связи с этим Гедтке напомнил о выражении «отвратительный флот» и заявил, что трата средств на вооружение сухопутных войск в последние годы не была абсолютно необходимой; германские же эскадры должны быть в состоянии постоять за себя в открытом море. Следовательно, «Берлинер тагеблат», как и Союз свободомыслящих, вновь выступила за флотскую политику правительства. Выступление полковника Гедтке против сухопутных сил, в которых он служил, похоже на использование в ряде случаев оригиналов и упрямцев из морского офицерского корпуса, вроде адмирала Гальстера или капитана Перзиуса, которые, если это было необходимо, критиковали и флотскую политику правительства.

[4] «Форвертс» в ноябре 1905 г. называла флотский законопроект «безудержной провокацией».

* Новелла о строительстве флота, внесенная на утверждение в 1905 г., приобрела силу закона в 1906 г.

Борьба империи против пацифистов. Дебаты в рейхстаге по марокканскому вопросу

В соответствии с этой позицией социал-демократы со времени высадки кайзера в Танжере стали протестовать против германской политики в марокканском вопросе. Эта оппозиция должна была достичь наивысшей точки в предстоявшем в июле докладе Жореса в Берлине. Правительство, которое в то время как раз намеревалось перейти от своей абсолютно антифранцузской позиции первого периода кризиса к вынужденной политике германо-франко-русского блока, но которое тем не менее все еще настаивало на своих претензиях в Марокко в целях получения компенсации, не позволило Жоресу выступить в Берлине[1]. Отвергалась всякая попытка примирения с Францией, пока последняя не пойдет на уступки в Марокко или в мировой политике[2].

Позиции партий во время дебатов по внешней политике были в том (1905) году яснее и проще, чем обычно. Поскольку борьба против Франции в марокканском вопросе при явно враждебной позиции Англии по отношению к Германии означала одновременно и англо-германский конфликт, для общественного мнения речь шла не столько о махинациях держав друг против друга, сколько о том, быть войне или миру. Различия между противниками Англии и противниками Франции, между мировой политикой и континентальной политикой все более стирались,— симптом, в положении Германии отнюдь не безопасный.

Давление ведомства иностранных дел и армии на французскую политику не могло более осуществляться без использования резкого тона в обращении с Англией; круги сторонников флота, которые так часто сталкивались с сухопутными войсками и с Вильгельмштрассе по вопросу об отношениях с Англией, с этого времени могли прямо указывать на то, что враг, па которого они нападали, проявил столь явные доказательства своей враждебности к германской внешней политике, что было бы преступлением предаваться каким-либо иллюзиям по поводу того, какую позицию займет он в будущей войне, и закрывать глаза на требования флотской политики. Все же Вильгельмштрассе не была склонна сразу отказаться от привычных представлений. Напротив, не подлежит сомнению, что еще во время танжерского визита ведомство иностранных дел считало, что в случае давления Германии па Францию Англия не прибегнет к оружию. В этом своем заблуждении ведомство иностранных дел поддерживало или по крайней мере использовало против Франции традиционно союзные с ней силы военной промышленности и сухопутной армии. В ведомстве иностранных дел считали, что после поражения в марокканском вопросе Франция увидит, что она зря пожертвовала своими претензиями в Египте согласно англо-французскому обмену 1904 года.

Когда в ведомстве иностранных дел начали понимать свою ошибку, пресса вернулась к другой тактике, которую собирались применить еще осенью про-

---

[1] См. «Форвертс» от 7 июля 1905 г. (статья «Позор на весь мир») и от 11 июля 1905 г. с интересной приветственной телеграммой Жореса собранию, на котором он собирался выступить. Вот знаменательные слова: «... c'est une tactique usée des classes dirigeantes de chaque pays d'opposer aux socialistes du dedans les socialistes du dehors...» («... это обветшалая тактика правящих классов всех стран сталкивать социал-демократию своих стран с социал-демократией других стран...»—*франц.*). Речь, которую Жорес собирался произнести, напечатана в «Юманите» 9 июля 1905 г. под заголовком «Мир и социализм».

[2] Для позиции Гольштейна, агрессивность которого по отношению к Франции комментаторы из GP перед лицом свидетельства фон дер Ланкена и хорошо обоснованных описаний в BD не смогут теперь (1932), пожалуй, больше отрицать, характерна жалоба на написанную, по-видимому, Гамманом заметку в «Кёльнише цейтунг» от 8 июня 1905 г., в которой о падении Делькассе говорилось следующее: «Единодушное отклонение (а именно французским правительством и всей французской прессой) политики Делькассе открывает наилучшие перспективы для будущего» (архив «Кёльнише цейтунг»).

шлого года во время обострения отношений с Англией: в «Крейццейтунг» была опубликована серия явно инспирированных с официозной стороны статей известного прибалтийца профессора Т. Шимана, в которых отстаивался тезис, что в случае войны с Англией Германия свои убытки от нарушения ее торговли возместит за счет Франции как подлинного виновника[1]. Эта точка зрения, много обсуждавшаяся тогда, была названа «теорией заложника».

Опасность полной международной изоляции, которая следовала из этих газетных статей, была ясно и беспощадно изложена лишь немногими газетами господствующего класса. Бóльшая часть германской прессы, инспирированной бюловским начальником отдела печати Гамманом, восприняла явное поражение в мировой политике с некритическим равнодушием. Из несоциалистических газет лишь немногие осмелились критиковать открыто[2], и жалобы Пангерманского союза обращались не столько против ухудшения общего положения с точки зрения мировой политики, сколько против того, что создавшееся затруднительное положение используется недостаточно[3].

Этот весьма бесцеремонный в своем проявлении и не связанный внешнеполитическими сомнениями империалистический дух характеризовал дебаты конца 1905 года в рейхстаге. В противоположность англофильству левого крыла свободомыслящих он все больше и больше задавал тон и в журналистике. Сам по себе парламент был во внешнеполитических вопросах, как и прежде, под опекой, хотя как раз во время обсуждения вопросов, связанных с Марокко, он проявил повышенный интерес к внешней политике, который возрастал тем больше, чем больше бросалась в глаза изоляция Германии. Тем не менее во время решающих событий еще удалось полностью выключить голос парламента. Рейхсканцлер не последовал предложению Бебеля, сделанному в конце марта, о том, чтобы заняться визитом кайзера в Танжер[4]. Единственное, что парламент и остальная общественность услышали от правительства в этом отношении, было высокопарное заявление в пользу принципа «открытых дверей» и равноправия всех торгующих народов. Рейхстаг был вынужден удовлетвориться этим. Лишь в конце 1905 года, как обычно, в связи с дебатами по бюджету представилась возможность говорить о внешней политике и тем самым — удобный случай обсудить вопрос о Марокко.

Впрочем, дебаты в рейхстаге показали, что марокканский вопрос для политических партий (возможно, в еще большей степени, чем для самого прави-

[1] См. H a m m a n n, Zur Vorgeschichte des Weltkrieges, S. 216 f. Теперь (1932) см. также H a l e, op. cit., p. 144 f. Франция была единодушной в своем отношении к этому «шиманизму», как стали называть «теорию заложника» Гольштейна по имени того, кто наиболее рьяно отстаивал ее в печати. Даже Жорес самым резким образом нападал на эту теорию (см. «Humanité», 23. 6. 1905).

[2] Надо признать, что «Гамбургер нахрихтен» продолжали и в дальнейшем, несмотря ни на что, проводить антианглийский и умышленно форсировавшийся Гербертом Бисмарком курс последнего периода жизни Бисмарка, так что данная газета и тогда совершенно последовательно восставала против германской политики в Марокко, которая начала разрушать континентальную опору антианглийской политики (см., например, «Гамбургер нахрихтен» от 5 мая 1905 г.). Острая антианглийская тенденция этой газеты, наиболее читавшейся в верхних слоях торговой метрополии — Гамбурга, остается интересной проблемой. Газета находилась в хорошем экономическом положении, ее издатель был тесно связан с Бисмарком, чем и объяснялась ее независимая публицистическая позиция. По-видимому, в кругах гамбургских верфей и пароходств не без удовольствия читали нападки на английскую конкуренцию в кораблестроении и судоходстве — в противоположность кругам оптовиков, интересы которых представляли «Гамбургер фремденблат» и «Гамбургер корреспондент».

[3] Не доверяя правительству, пангерманцы даже в начальной стадии событий в Марокко колебались, поддерживать ли им правительственную политику. Г. Класс критиковал правительство за то, что оно вместо превращения Марокко в колонию, как этого требовали пангерманцы, провозгласило там политику «открытых дверей» («Alldeutsche Blätter» v. 1.4. 1905). Издатель «Альдейче блеттер» профессор Замасса уже в следующем номере оценивал положение намного оптимистичнее.

[4] Бюлов в рейхстаге, 29 марта 1905 г.

тельства) являлся лишь предлогом, Архимедовой точкой опоры, куда нужно было приложить рычаг, с помощью которого они могли бы продвигать свои интересы. Во всяком случае, специфически марокканские интересы были лишь частью общей схемы внешнеполитической расстановки интересов. Консерваторы в рейхстаге интересовались вопросами зерна и сахара больше, чем Марокко. Их оратор граф Каниц[1] жаловался на дифференцированное обложение германского экспорта в Южную Африку и на плохое отношение к германским интересам в Канаде, куда ввоз сахара сократился в денежном выражении с 15 до 2,5 миллиона марок. Граф Ревентлов[2] также критиковал торговые отношения с Британской империей и обрушивался на германского посла в Лондоне графа Вольфф-Меттерниха, знатного барина-англофила, который, как и многие другие деятели его типа, был вынужден терпеть уколы со стороны крупного землевладения, военной промышленности, а в итоге также и имперского военно-морского ведомства. Пангермански-консервативный оратор увидел в графе Меттернихе главного носителя «пораженчества», той характерной для истекавшего года пропаганды англо-германского взаимопонимания, о которой будет сказано подробно и которая была поставлена ведомством иностранных дел на службу своим интересам. Другой консервативный лидер, барон фон Рихтгофен-Дамсдорф[3], крупный сахарозаводчик, как и все остальные аграрии настроенный резко против Англии, также подверг резкой критике увлечение Англией и особенно англофильство социал-демократов и сумел с помощью редкого для его круга исторического образования придать обострению экономических противоречий этический смысл путем отказа от англофильских традиций Дальмана и Гнейста.

Если ненависть консерваторов к Англии, проявлявшаяся гораздо сильнее в прессе Союза сельских хозяев, чем в консервативных городских газетах, как правило, была направлена против импорта скота и зерна из Индии и доминионов, то национал-либералы видели в Англии прежде всего промышленного конкурента,— двусмысленное понятие, которое можно было толковать как в оборонительном, так и в наступательном смысле и которое среди сторонников строительства флота чаще понималось и применялось в последнем значении. Не придерживаясь правил внешнеполитического самоограничения, которые явствовали из столь много цитированной книги князя Бисмарка «Мысли и воспоминания», промышленный империализм Германской империи распространялся по всем направлениям, причем в свое оправдание он мог указывать на то, что экономические условия со времени ухода политического Präzeptor Germaniae действительно коренным образом изменились. Так, в качестве представителя новой германской ухарской беззаботности в рейхстаге выступал Эрнст Бассерман — отпрыск известной маннгеймской семьи (из которой происходил и несколько смешной филистер, депутат национального собрания в церкви св. Павла Фридрих Бассерман), член студенческой корпорации, офицер резерва, хороший парень и политик на все руки, адвокат, юрисконсульт некоторых обществ и, наконец, не в последнюю очередь, представитель самого мощного германского кредитного учреждения, питавшего промышленность его родного города капиталом вкладчиков из среднего сословия. Именно перерабатывающая промышленность — одна из главных экспортных отраслей промышленности, — родина которой находилась здесь, на Верхнем Рейне, в Маннгейме и Людвигсгафене, проявляла активность к мировой политике и тот особый интерес к флоту, который воплощался как в Бассермане, так и в его саксонском коллеге (Штреземане. — *Ред.*). Лидер национал-либеральной партии, вызывавший восхищение, в интересах перерабатывающей промышленности часто должен был играть роль

[1] Каниц в рейхстаге, 11 декабря 1905 г.
[2] Ревентлов в рейхстаге, 11 декабря 1905 г.
[3] Барон фон Рихтгофен-Дамсдорф в рейхстаге, 7 декабря 1905 г.

посредника по отношению к тяжелой промышленности[1]. Лидер национал-либералов без уверток выставлял напоказ свои пангерманские убеждения; Англия и ее недовольство Германией, доходившее время от времени до ненависти в связи с германским экономическим прогрессом, казались ему источником всех опасностей, угрожавших Германии. Как явствовало из его выступлений, единственное желание Германии — обеспечить перед лицом ежегодно возрастающего прироста населения возможность занятости последнего на заморских территориях. Эмиграция все более сокращается, и ее будто бы заменила усиленная активизация германской торговли и экспортной промышленности. Германия не в состоянии отказаться ни от этого соревнования, ни от германского флота — его лучшей защиты, необходимой ввиду возросшего значения заморских интересов. «Английские политики, английские морские офицеры и английская пресса демонстрируют глупость,— резко заявил национал-либеральный лидер,— пытаясь запретить нам увеличивать дальше наши мирные вооружения». Размеры германского флота определяет только Германия[2]. (Национал-либералы возгласами «браво» встретили эти излияния своего лидера.) Таков был тон, которым растущий германский высокоразвитый империализм и особенно германская Национал-либеральная партия разговаривали теперь с Англией.

В планах Партии центра как главного противника либералов тяжелая промышленность играла, правда, меньшую роль. Все же в период германского таможенного законодательства было нетрудно примирить прежних социальных оппонентов империалистической политики в лагере этой ведущей католической партии с империалистическим курсом. В конце концов все стало зависеть от охватывавших Центр церковных интересов, которые Тирпиц умышленно поддерживал, к вящему гневу Флотского союза. Поэтому пацифистски звучавшую речь оратора от Партии центра Фритцена[3] во время дебатов о мировой политике нужно расценивать не многим выше, чем попытку использовать большое равнодушие Центра по отношению к имперской финансовой политике. В результате централизации финансового дела последняя могла бы, правда, дать империализму средства, однако в результате некоторого — хотя и не слишком значительного — финансового ослабления отдельных германских государств она затронула бы один из наиболее эффективных видов контроля Центра над всей политикой. Центр, все еще носивший преимущественно аграрный и мелкобуржуазный характер, так же как и консерваторы был заинтересован в том, чтобы по возможности изъять управление финансами из компетенции рейхстага, который обычно при распределении финансовых тягот учитывал интересы городских потребителей и пролетариата в большей мере, чем это отвечало интересам Центра. Еще энергичнее, чем упомянутый оратор Центра, в речи которого, без сомнения, большую роль играли сугубо тактические мотивы, против ухудшения отношений с Англией выступили свободомыслящие. Речи различных ораторов от Союза свободомыслящих явились парламентской параллелью к агитации за взаимопонимание с Англией, которая к концу года приняла широкий размах в Германии и Англии и которую усердно поддерживало ведомство иностранных дел.

---

[1] См. речь Бассермана на съезде Национал-либеральной партии в Дрездене в 1905 г. (отчет в «Кёльнише цейтунг» от 22 мая 1905 г.). Бассерман выступает здесь одновременно в защиту германской политики в Марокко, деятельности Флотского союза и завоевания рынков сбыта для германской промышленности, особенно на Востоке. Таким образом, он является одним из наиболее откровенных носителей политики «маятника», проведение которой в конце концов привело Германию к провалу. Однако при оценке таких людей нельзя забывать, что они должны были решать совсем иные проблемы, чем политики предшествовавших двадцати лет и последнего поколения, и что они были лишь шахматными фигурами в руках иррационально мыслящих и действующих личностей, которые быстро исчезали с внешнеполитической арены.

[2] Бассерман в рейхстаге, 6 декабря 1905 г.

[3] Фритцен в рейхстаге, 6 декабря 1905 г.

В одной из своих длинных речей Готгейн выступил против опасного принципа right or wrong my country. Союз свободомыслящих, озабоченно наблюдавший, как столкновение Германии с Францией ухудшало и англо-германские отношения, отдал должное стремлению Жореса к миру[1]. Депутату от Национал-социального союза Гельмуту фон Герлаху, известному издателю «Вельт ам монтаг», казались особенно подозрительными тесные отношения Германии с Россией, в которых он усматривал противоречие с нападками пангерманцев[2]. Кроме социал-демократов, такие голоса нашли поддержку и у лидера Союза свободомыслящих Карла Шрадера. Немецкий банк, который Шрадер представлял социологически[3], с давних пор стоял за хорошие отношения с Британской империей, империализм которой он помогал финансировать и средства которой старался привлечь на основе взаимности к строительству Багдадской железной дороги. Речь Шрадера может быть понята лишь в свете этой его социологической позиции. В дела Марокко, сказал он, следует вмешиваться так же мало, как и в дела Турции[4]. Вмешательство в дела Марокко означало конфликт как раз с той страной, которая, по мысли Немецкого банка, должна была поддерживать Багдадскую железную дорогу, тогда как вмешательство в дела Турции, конкретно — в армянский вопрос, отдалило бы германский империализм от целей строительства Багдадской железной дороги, в которых Шрадер был очень заинтересован. Цели этого англофильского финансового и торгового капитализма и в дальнейшем совпадали с внешнеполитическими целями социал-демократии. Бебель с гневом констатировал всякое ухудшение англо-германских отношений. Получая информацию по общим внешнеполитическим вопросам не только из Парижа от своего друга Жореса, всегда имевшего самые свежие новости из французских правительственных органов, но и от «мятежных» немецких дипломатов, он указывал в начале года на опасность войны, чем привлек величайшее внимание в рейхстаге. Ведь речь Пааше сделала призрак войны явным для каждого. Лидер социал-демократов характеризовал визит кайзера в Танжер как происшествие уникальное с дипломатической точки зрения. По его словам, методы проведения германской политики насильно объединяют Англию и Францию[5]. Все же эта речь Бебеля, закончившаяся громовыми призывами против флотской агитации и взаимной англо-германской травли, не получила безраздельного одобрения его партии. Внутри социал-демократии уже шевелилось империалистско-ревизионистское крыло, что проявлялось в статьях Рихарда Кальвера в «Социалистише монатсхефте» и особенно в деятельности депутата рейхстага Макса Шиппеля, представлявшего заинтересованных в промышленном экспорте текстильных рабочих города Хемница и, как и Кальвер, исповедовавшего идею «национального социализма» с флотом и колониями[6]. Империализм и соперничество с Англией в конце концов

---

[1] Готгейн в рейхстаге, 15 декабря 1905 г.

[2] Герлах в рейхстаге, 15 декабря 1905 г.

[3] Бывший железнодорожный директор К. Шрадер был членом шестнадцати и председателем четырех наблюдательных советов. Важнейшие с внешнеполитической точки зрения посты он занимал в наблюдательном совете восточных предприятий Немецкого банка, а также в Железнодорожной компании Германской Восточной Африки (данные из «Salings Börsenhandbuch»).

[4] Шрадер в рейхстаге, 11 декабря 1905 г. Здесь видно, как сложен политический анализ парламентских речей; неопосвященный вынужден был бы констатировать, что либерализм (какой либерализм?) выступает против всякого вмешательства за границей в соответствии со старым принципом индивидуальной свободы наций. Теперь невозможно писать историю, не вооружившись предварительно инструментами для вскрытия причинных связей.

[5] Бебель в рейхстаге, 7 декабря 1905 г.

[6] Кальвер и Шиппель постоянно использовались правыми в рейхстаге для борьбы с социал-демократией. См., например, «Антисоциаль-демократише корреспонденц» от 4 сентября 1905 г. Откровенным панъевропейцем показал себя Кальвер в «Социалистише монатсхефте» за сентябрь 1905 г.

обусловливали сближение с Францией — более тесное, чем было приемлемо для руководства Социал-демократической партии, которое, полностью в духе традиций 1848 года, было настроено против России и потому перед лицом франко-русского союза лишь с оговорками могло идти навстречу французам. В этом заключались сложные, почти неразрешимые проблемы. Крайнее левое, антиимпериалистическое крыло Социал-демократической партии, вне рамок профессиональных союзов, и крайнее правое крыло партии, так сказать, подали друг другу руки в осуществлении своих панъевропейских планов. Бóльшая часть партии, пусть даже настроенная менее националистически, чем направление Кальвера — Шиппеля, с развитием империализма скатывалась на все более консервативные позиции. Само партийное руководство все же надеялось, что в результате русской революции будет устранен последний противник, против которого социалисты могли выступать с чистой совестью[1]*.

Для официальной политики имперского руководства не было ничего оскорбительнее упреков в ухудшении отношений с Англией. Раздражительность Бюлова по поводу соответствующих нападок Бебеля обнаруживает слабую сторону германской внешней политики. Попытка канцлера перейти от обороны к наступлению и, используя антирусскую политику 1848 года в современной обстановке, упрекнуть социалистов в разжигании войны против России[2] не смогла, однако, скрыть того, что имперское руководство, по-видимому, воспринимало критику социалистов в принципе как отнюдь не столь уж необоснованную.

Смена правительства в Англии. Продолжение консервативной внешней политики Эдуардом Греем

Действительно, пацифистская пропаганда, свидетельствовавшая о расколе среди английских консерваторов по вопросу о защитных тарифах и о переходе правительственной власти в Англии в руки либералов, не могла сгладить впечатления, что англо-германские отношения стали хуже, чем когда-либо. Новый министр иностранных дел сэр Эдуард Грей, оставивший старых, опытных чиновников министерства иностранных дел на своих местах, еще меньше, чем другие члены кабинета, намеревался менять тот старый, испытанный метод, который называют британской политикой равновесия, несмотря на то, что лично он как человек либеральных убеждений относился весьма скептически к ее заржавевшему механизму. Английская политика при всех правительствах была похожа на маятник, колебавшийся всегда в направлении угрожавшей силы[3]. Однако такое колебание маятника возможно при условии известной дипломатической свободы действий, которую Грей вскоре после вступления на свой пост пытался сохранить по отношению к Франции подобным же образом, как позже, например, Остин Чемберлен в Локарнском договоре; эстетическая и дипломатическая привлекательность этого договора,

[1] См. статью Каутского в «Форвертс» от 16 декабря 1905 г.

[2] Бюлов в рейхстаге, 14 декабря 1905 г.

[3] Классическим документальным свидетельством этой политики является депеша Грея — Берти от 31 января 1906 г., впервые опубликованная в книге Грея (Lord Edward Grey, 25 Jahre Politik, 1892—1916, 2 Bde., München 1926, 1. Bd., S. 181 ff. Об ограничениях этой политики на практике см. S. 61).

* Хорошее освещение поворота вправо в социал-демократии дается в сообщении Биура о партийном съезде в Йенс (DD, 2-me serie, vol. 2, № 6, 29.2. 1905). Посол подчеркивает тот факт, что предложение об осуждении правительственной политики в Марокко и пассивности рейхстага во внешней политике было провалено на съезде подавляющим большинством голосов.

видимо, как раз и состоит в том, что он, несмотря на его точные формулировки, все же позволял маятнику колебаться свободно*.

Решение, которое Грей был вынужден принять вскоре же после вступления на пост, было вызвано просьбой французов защищать их политически, а если понадобится, то и с оружием в руках на предстоящей конференции по марокканскому вопросу, на созыве которой Германия настояла вопреки своим собственным интересам**. В соответствии с традицией английское правительство отказалось сделать заявление в этом духе; однако переговоры, которые одновременно велись генеральными штабами обеих стран между собой и с бельгийским командованием***, показывали явную решимость в случае германского удара по Франции всеми мерами противодействовать военной гегемонии Германии на континенте[1]****.

Итак, образовавшиеся группировки европейских великих держав, несмотря на смену правительства в Англии, стояли друг против друга, вооруженные до зубов. Французский империализм сумел прекрасно использовать растерянность английской политики, которая стремилась ни в коем случае не позволить французам ускользнуть и намеревалась любым способом помешать образованию континентального блока. В итоге на конференции французская политика потащила за собой Англию в огонь и воду.

Помешать тому, чтобы Англия оказалась прикованной к Франции, было недостижимой мечтой германской внешней политики, все еще рассчитывавшей на помощь Англии. Напрасно Гольштейн перед конференцией пытался побудить Англию к тому, чтобы она предостерегла Францию от вступления в Марокко[2]. Англия ответила немцам категорическим отказом. Этой неудачи, постигшей германскую внешнюю политику еще до конференции, не могли скрыть и дружеские письма, которые Эдуард VII писал германскому кайзеру в первые дни конференции. Эти письма соответствовали, пожалуй, не только

[1] Коснуться знаменитых, неоднократно подвергавшихся изучению переговоров между генеральными штабами, на которые новый свет проливает глава XX BD, я, разумеется, могу лишь в той мере, в какой они являются одним из важнейших симптомов, указывающих на серьезность положения. По этому вопросу см. особенно статью Швертфегера «Сердечное согласие», марокканский кризис и англо-бельгийская конвенция 1906 г.» (в журнале «Ди кригсшульдфраге» за 1929 г., стр. 665 и след.); работу C. H e s s e, Die englisch-belgischen Aufmarschpläne gegen Deutschland vor dem Weltkrieg, Wien 1930, S. 547 ff., и, наконец, статьи: А. Б а х, Англо-бельгийская конвенция в свете новых документов; Э. Г о т ш а л ь к, Англо-бельгийская конвенция и международное право в упомянутом журнале за 1930 г. (соответственно стр. 547 и 1108). Здесь на стр. 1127 впервые с немецкой стороны Швертфегером выдвинуто положение, не подвергавшееся затем сомнению ни с какой стороны, что переговоры сами по себе не могли оправдать вторжения немцев в Бельгию. Все же, как подчеркивается в международно-правовом исследовании, можно считать спорным вопрос, совместимы ли подобные односторонние соглашения и переговоры с духом истинного нейтралитета. С другой стороны, военные с полным правом подчеркивали, в каком затруднительном положении находился именно бельгийский генеральный штаб с политической, тактической и человеческой точек зрения. Важнейшим результатом публикации британских документов явилось доказательство того, что Грей знал о переговорах с бельгийским генеральным штабом (BD, III, № 217, генерал Криерсон — полковнику Барнадистону, 16 января 1906 г.).

[2] BD, III, № 240, Лэсселс — Грею, 13 января 1906 г. Англия отказалась без колебаний (BD, vol. 3, p. 243, Грей—Лэсселсу, 15 января 1906 г.).

* Написано в 1932 г.

** К этому замечанию о Германии см. теперь также DD, 2-me serie, vol. 7, № 443, Поль Камбон—Анри Камбону, 20 сентября 1905 г., где констатируется то же самое.

*** Немецкий читатель не должен забывать, что эти переговоры в весьма значительной степени обусловливались военной слабостью западных держав и угрозой осуществления плана Шлиффена, о котором они знали из различных источников. Среди прочего см. DD, 2-me serie, vol. 8, № 314, Жюль Камбон—Рувье, 3 января 1906 г., где на основе свидетельств испанского короля дается весьма мрачная картина военных мероприятий в Берлине.

**** Многочисленные документы и ссылки по этим вопросам в DD (например, 2-me serie, vol. 9, № 5 и p. 6, примечание) показывают, как сильно повлияла на военные переговоры постройка немцами железных дорог на границе Германии с Бельгией.

внутриполитическому подъему, но также и искреннему желанию двоедушного короля не скомпрометировать мировой войной результаты поворота, одинаково благоприятного как в коммерческом, так и политическом отношении — поворота, которому он содействовал[1]*.

Германия и великие державы в Альхесирасе

Созванная для урегулирования марокканского вопроса международная конференция, которая при таком покровительстве начала свою работу в январе 1906 года в небольшом испанском портовом городе Альхесирасе под председательством крупного испанского виноторговца, получившего титул герцога Альмодоварского, очевидно, обязана своим несколько странным местом проведения, название которого она носит, тому обстоятельству, что испанский премьер-министр, занимавший этот пост во время подготовки конференции, был главным акционером общества, владевшего единственным отелем в Альхесирасе, а также тому, что и его преемник извлекал для себя здесь прибыль, являясь юрисконсультом финансовых объединений в этой местности[2].

На конференции очень скоро выяснилось, что французской дипломатии с помощью никогда не иссякающих французских финансовых источников удалось привлечь на свою сторону не только иностранных представителей, но и целые страны. Испания с самого начала протягивала к французам просящую руку, чтобы получить звонкий бакшиш за свою поддержку французских претензий, а Россия в качестве встречного требования за свою политическую поддержку французской и английской позиции выдвинула финансовую просьбу такого масштаба, что французы возмутились[3]**.

---

[1] См. GP, 6961, 6962, Эдуард VII—Вильгельму II, 23 января 1906 г.

[2] См. статью «Альхесирас» Максимилиана Гардена в «Цукунфт» от 3 января 1906 г. Впрочем, мнения относительно желания решающих лиц провести конференцию «подальше от Мадрида», очевидно, были очень различны внутри испанского правительства, о чем свидетельствовала исходившая, вероятно, от его членов и описанная в BD попытка испанцев все же перенести конференцию в Мадрид. Во всяком случае, инициатором выбора Альхесираса в качестве места созыва конференции являются не германский посланник Розен или его правительство, как это можно заключить, читая книгу самого Розена (стр. 157 в сочетании со стр. 170), а, без сомнения, испанский кабинет, который еще до этого выразил согласие с проведением конференции в Альхесирасе.

[3] Об этических проблемах Альхесирасской конференции см. BD, III, № 216, Грей—Берти, 15 января 1906 г. В этом письме говорится: «Я слышал, как у нас в стране партийную политику ругали как низкую и постыдную, однако теперь я лучшего мнения о ней, после того как Морет [испанский премьер-министр.—*Г. Х.*] заявил французам, что он легко сможет поддержать их на конференции, если они пожелают дать денег, чтобы успокоить испанскую оппозицию, и после того, как Россия в качестве платы за поддержку

* Согласно данным DD, осенью 1905 г., как уже указывалось, опасность войны чрезвычайно усилилась. По сообщению Поля Камбона (DD, 2-me serie, vol. 8, № 260, 21 декабря 1905 г.), Эдуард VII совершенно сознательно использовал эту опасность и обозначившееся сближение Германии с Испанией, чтобы сделать либеральный кабинет послушным своей политике. С другой стороны, король старался, чтобы его политика не привела к войне, которая могла бы стать роковой для Антанты, так как Англия не могла бы послать французам больше, чем вызвавшие столько шума 100—120 тысяч человек, к тому же еще недостаточно хорошо вооруженные. Начатая в эти недели Вильгельмштрассе кампания за англо-германское взаимопонимание (см. начало следующей главы), обернувшаяся для Берлина бумерангом, и надежды на либеральную переориентировку английской политики, как правильно заметил уже Андерсон (E. N. Anderson, op. cit., p. 317), ослепили как Бюлова, так и кайзера и помешали осуществлению великого плана наступления Шлиффена, который лишился тогда поста начальника генерального штаба.

** С другой стороны, итальянцы были пойманы на удочку соглашением об Абиссинии, открывавшим перспективу раздела этой очень желанной для них области. По данным DD, этот маневр имел резко антигерманский характер.

Формально речь шла об обсуждении на конференции сравнительно второстепенных технических вопросов, которые уже в течение трех четвертей года беспрерывно обсуждались общественностью и в переписке между Берлином и Парижем. В действительности проблема была важнее. Вопрос заключался в том, удастся ли Германии отнять у французов плату, полученную теми за отказ от своих интересов в Египте, что означало бы подрыв Антанты. Антагонизм интересов, заключавшихся в проблеме отношений Германия — Франция, Франция — Англия и Англия — Германия, и в свою очередь расчлененных, проявился и стал виден в этой борьбе по относительно мелким вопросам. К второстепенным вопросам, за которые взялись в порядке, обратном их значению, относилась среди прочих проблема контрабандной торговли оружием, обсуждение которой здесь, как нередко и в других случаях, может быть прослежено лишь с сардонической улыбкой[1]. Позже Германия хвасталась, что в Альхесирасе она добилась облегчения торговли, даже контрабандной торговли оружием[2]. Однако пока что Франция с помощью военных кораблей препятствовала шерифскому правительству в прекращении контрабандной торговли оружием[3]*. Почти на глазах участников Альхесирасской конференции в середине февраля у Мар Чикар разбился французский пароход «Эдер», принадлежавший французскому предпринимателю Сэ и нагруженный боеприпасами для Рожи (противника султана). Конечно, французы сразу же стали утверждать, что боеприпасы принадлежат Круппу[4]**.

Более существенными, чем эта все же второстепенная проблема, были горячо обсуждавшиеся банковские и полицейские вопросы, по которым Германия терпела неудачу за неудачей, и, возможно, не столько вследствие, правда, все еще весьма неумелой тактики германских представителей[5],

---

Франции требует заем на подходящих для нее условиях. Грязь внешней политики глубже, чем всякая другая, в которой мне приходилось вязнуть до сих пор. Кажется, они смотрят на нее, как на нечто само собой разумеющееся». Прекрасную возможность познакомиться с этикой этой международной политики дают теперь (1932) русские документы, приведенные в «Ди кригсшульдфраге» за 1931 г. (S. 210 ff., 381 ff.).

[1] В переговорах о Марокко нужно различать переговоры о полицейском контроле и о пресечении контрабандного ввоза оружия — две проблемы, связанные лишь косвенно. Проблема контрабандного ввоза оружия в свою очередь делилась на контроль контрабанды с моря на берег и контрабанды через таможни на суше. Контроль за побережьем, согласно желанию противников Германии, должна была взять на себя смешанная франко-испанская эскадра (BD, III, № 176, Камбон—Ленсдауну, 6 сентября 1906 г.). О проблеме контрабанды через таможни см. BD, III, № 190, Лоузер—Ленсдауну, 14 декабря 1905 г. (о беседе с Розеном). В этом документе подчеркивается, что состояние дел в таможнях следовало бы поставить под международный контроль.

[2] Сообщение прусского посланника Гейкинга сенату Гамбурга от 9 февраля 1907 г. (Гамбургский государственный архив). Так сказать, официально разрешенная контрабанда оружия из Гамбурга в Марокко принадлежала к важнейшим германским интересам в этом районе. Однако контрабандой оружия занимались, разумеется, не только немцы. Французы стали проявлять заинтересованность в пресечении контрабанды оружия лишь тогда, когда взяли в свои руки контроль над Марокко; до этого они сами по мере сил занимались контрабандой — и не только для того, чтобы таким образом держать в руках султана, но и в интересах своей любимой военной промышленности.

[3] «Kölnische Zeitung» v. 17 u. 19.2. 1906.

[4] «Kölnische Zeitung» v. 3. 2. 1906.

[5] Пожалуй, неловкими были не столько бросающиеся в глаза ссылки немцев на примирительную (судя по намеку BD, спровоцированную Германским фондом) газетную статью известного французского колониального политика де Ланессана о полицей-

* Инцидент был урегулирован письмом Ревуаля Рувье от 16 февраля 1906 г. (DD, 2-me serie, vol. 9, № 210). Рувье дезавуировал поведение французского военного корабля, действовавшего в духе политики Ревуаля.

** Длительная контрабандная деятельность «Эдера» была для французской дипломатии весьма неприятна (см., например, DD, 2-me serie, vol. 8, № 335, Жюль Камбон—Рувье, 6 января 1906 г., и целый ряд других документов). Франция пыталась прекратить эту деятельность, так как контрабандный провоз оружия ставил под угрозу ее хорошие отношения с Испанией. Рувье 8 января дал указание французскому военно-морскому флоту осматривать французские суда, нет ли на них контрабандных грузов.

сколько скорее в результате своего стратегического положения, ставшего неблагоприятным еще до конференции. Расширение полицейской власти, которую французы потребовали для себя одних или частично также вместе с Испанией, за рамки марокканско-алжирской пограничной охраны, которая была признана за ними еще в ходе предварительных переговоров, означало, что Франция получила монополию на снабжение Марокко оружием и что все без исключения опорные пункты на западном побережье Марокко попали в руки французов. Против этой уступки в Германии, интересы которой были сконцентрированы главным образом в портовом городе Касабланке[1], выдвигались самые резкие возражения.

Флотско-политическая интермедия

В то время как в феврале Германия вступила в ожесточенную борьбу по этим вопросам против соперничающих держав и вряд ли, если не считать союзной Австрии, могла рассчитывать на большее, чем на помощь Соединенных Штатов, у которых, однако, не было охоты обжигать себе пальцы из-за Германии, сторонники Флотского союза сумели использовать напряженность в англо-германских отношениях для давления на кайзера. Очевидно, дружеские письма Эдуарда VII представили кайзеру положение[2] в более благоприятном свете, чем оно было в действительности*. Во время доклада статс-секретаря выяснилось, что Флотский союз сильно обработал также и главу государства. Совсем в духе Флотского союза кайзер потребовал сокращения срока эксплуатации кораблей, то есть ускорения постройки новых кораблей для замены[3]. Для многих консерваторов и аграриев теперь, когда они в качестве компенсации за флот получили новый таможенный тариф, а также повышенные цены на зерно[4], вопрос о флоте стал уже средством политического давления, которое должно было воспрепятствовать Англии оказывать предпочтение аграрным продуктам своих доминионов и помешать ката-

---

ском мандате от 24 января 1905 г. (см. GP, 6968, Бюлов—Шпеку фон Штернбургу, 27 января 1906 г.), сколько грубые попытки неуклюжего графа Таттенбаха повернуть английскую политику через посредство английского представителя сэра Артура Никольсона (BD, III, № 265, Никольсон—Грею, 4 февраля 1906 г.; а также Allan Nevins, Henry White, Thirty Years of American Diplomacy, 1930, p. 272 ff.), в результате чего Германия добилась как раз обратного. Никольсон считал, что задета его честь, и говорил о Таттенбахе в самых сильных выражениях (Nicolson, op. cit., S. 203 ff.).

[1] К сожалению, природа германских интересов в этом прибрежном районе опять не ясна из германской публикации документов. Как и в отношении упоминавшейся выше фирмы «Гесснер унд Иоахимсзон», комментарий издателей ничего не говорит и о роде занятий фирмы Э. Фике, на которую так часто жалуется Пуанкаре в своих мемуарах и которая часто встречается в документах.

[2] Тирпиц в «Aufbau usw.» (S. 25) показывает резко бросающееся в глаза расхождение между оценкой кайзера и действительным политическим положением, серьезность которого мы, после публикаций британского и бельгийского архивов, видимо, можем оценить лучше, чем это удалось сделать тогда в Берлине.

[3] См. Tirpitz, Aufbau usw., S. 24.

[4] Цена тонны пшеницы повысилась с 152 марок в 1900 г. до 180 марок в 1906 г., достигнув затем вершины в 235 марок в 1909 г.; цена тонны ржи поднялась за этот же период со 143 марок соответственно до 161 марки, а затем до 193 марок в 1907 г., после чего, однако, в результате кризиса 1907 г. упала раньше и ниже цены на пшеницу. Все же на этот раз цены на пшеницу и рожь не упали даже приблизительно до наиболее низкого уровня девяностых годов.

* Как указывалось выше, письма Эдуарда имели целью лишь помешать развязыванию войны. Действительная политика Эдуарда, как это теперь видно из DD (например, 2-me serie, vol. 9, № 220, П. Камбон—Рувье, 17 февраля 1906 г.), преследовала цель обеспечить абсолютную неуступчивость по отношению к Германии.

строфе германского экспорта сахара[1]. Следовательно, критика флота лидерами и печатью аграриев в то время объясняется, как и у Центра, главным образом финансово-политическими соображениями. Теперь с флотом примирились, даже соглашались на его расширение, если только не приходилось платить за него. И в 1898 и в 1900 году не столько флот как таковой, сколько таможенные устремления крупного землевладения являлись истинной причиной сдержанного отношения аграриев к флотской программе, которое уже тогда отвечало враждебности аграриев к Англии. Во всяком случае, германский линейный флот становился все более популярным и в рядах консерваторов, хотя они и не придавали ему такого значения, как промышленники, для которых он являлся необходимым средством защиты, способным обеспечить безудержную экспансию германского империализма.

Влияние этих сил и тяжелой промышленности было столь сильным, что рейхсканцлер, привыкший находить общий язык с сильными противниками, открыто выступил за сокращение срока эксплуатации линейных кораблей[2]. В ходе предпринятой в этой связи попытки прозондировать позиции партий Бюлов, очевидно, натолкнулся на такие препятствия, что вскоре после этого снова присоединился к политике имперского военно-морского ведомства. Консерваторы и национал-либералы, которые надеялись на роспуск рейхстага под влиянием Альхесираса и на увеличение флота, обманулись в своих ожиданиях[3].

Заключительные вспышки кризиса на Альхесирасской конференции

Во время этой флотско-политической интермедии в Берлине Альхесирасская конференция переживала первый из тех кризисов, которые в продолжение нескольких месяцев тем более будоражили Европу, что уже

---

[1] О флотской агитации консервативных депутатов и усердных сторонников Союза сельских хозяев см. T i r p i t z, Aufbau usw., S. 24. Следовательно, противоречие между этими высказываниями и приведенными выше голосами аграриев — лишь кажущееся. Впрочем, при анализе официального скептического отношения руководства Консервативной партии к флоту ни в коем случае нельзя не учитывать офицерский корпус армии, который все сильнее жаловался на пренебрежительное отношение к армии по сравнению с любимым детищем кайзера—флотом.

[2] T i r p i t z, Aufbau usw., S. 25. Согласно разоблачению Делькассе, Бюлов сказал Тирпицу, что он может выдвигать такие высокие требования, какие хочет; он может гарантировать их принятие, так как страна находится под впечатлением соответствующих событий.

[3] Согласно Тирпицу («Aufbau usw.», 25 ff.), Бюлов 6 февраля 1906 г. одобрил ускорение строительства кораблей по замене и затем до 12 февраля самоустранился. Такое поведение, вероятно, объяснялось влиянием Гольштейна, который даже в те дни верил в возможность отрыва Англии от Франции и хотел избежать далеко идущего флотского законопроекта. Заявление, представленное Тирпицем и Бюловым кайзеру (T i r p i t z, Aufbau usw., S. 27 ff.), лишь маскирует отступление канцлера под предлогом недоразумения, подсказанным Тирпицем; мне кажется маловероятным, что Бюлов понял желание кайзера ускорить строительство кораблей для замены при первой беседе 6 февраля таким образом, что речь идет лишь об ускорении замены после 1917 г. и что, следовательно, отпадает необходимость в новом законопроекте о налогах. Судя по этому аргументу, Бюлов отдавал себе отчет в том, что тогда, еще до решения Альхесирасской конференции, у него не было непосредственного интереса к созданию империалистического блока. Поскольку Бюлов, очевидно, с самого начала был убежден в этом, то я прихожу к выводу, что он, зондируя настроения партий, удостоверился, что без роспуска рейхстага ему не удастся провести флотский законопроект, составленный в духе Флотского союза. Из тактических соображений он отступил, прикрывшись партиями и ведомством иностранных дел. Впечатление беспринципного оппортунизма, которое производят все эти шахматные ходы, в настоящее время еще больше усилилось после опубликования воспоминаний умершего князя.

в течение многих лет не было никакой международной конференции; так жаждавшая сенсации журналистика, имеющая обыкновение превращать международные конференции в настоящее мучение для общественности, впервые получила здесь возможность действовать в своей новейшей форме*. Именно то обстоятельство, что на конференциии очень мало говорилось о действительно важных вещах, побудило искавших материал репортеров делать из каждой мухи слона. Во второй половине февраля конференция полностью зашла в тупик. Намерение Германии путем уступок в вопросе о международном марокканском банке добиться встречных уступок о полиции, вроде, например, назначения иностранного инспектора полиции в одном из портов на западном побережье, разбилось об ее изоляцию в мировой политике.

Германия попала не только под ураганный огонь французов и англичан, а также русских, которые, нуждаясь во французском миллиардном займе, плясали на конференции по указке и под дудку Франции[1]; Соединенные Штаты, на которые Германия рассчитывала после согласования интересов в Восточной Азии, также наседали на немцев с предложениями о посредничестве, которые те не хотели принимать[2]. Даже итальянцы, сами по себе отошедшие от Тройственного союза со времени торгово-политического соглашения с Францией и ухудшения англо-германских отношений, доказали, что французский финансовый капитал был сильнее, чем клочок бумаги с договорами о Тройственном союзе[3]. В начале марта Германия оказалась в таком положении, что для скудного прикрытия дипломатической неудачи ей оставалось либо воевать, либо бороться за получение фиктивной уступки. Французская пресса всячески затрудняла «sortie honorable», за которые Германии приходилось бороться, как в свое время после волнений в Китае. «Матэн», «Фигаро», «Эко де Пари» и «Тан» наперебой выполняли указания французского Комитета по делам Марокко. В эти дни Франция была тем более уверена в своей победе по главному вопросу — передаче полицейской власти в Марокко исключительно Франции и Испании, что русский царизм, на который Германия еще рассчитывала летом, как раз вступил в Париже в ожесточенную окончательную борьбу с французским финансовым капиталом за условия займа, который должен был спасти царский абсолютизм от Думы[4]. Витте, тогдашний премьер-министр, считался, правда, сторонником франко-русско-германского союза хотя бы в целях создания самой широкой основы для запланированного русского займа. Однако предварительным условием сущест-

[1] О полной зависимости внешней политики России на конференции от острой потребности русских в согласованном в Париже миллиардном займе см., например, высказывание Витте в GP, 7027, письмо Эйленбурга Вильгельму II, 22 февраля 1906 г. Далее см. С. Ю. Витте, указ. соч., т. III, стр. 226 и след.

[2] См. A. Nevins, Thirty years of American Diplomacy, New York 1930, p. 274.

[3] Здесь я могу лишь в немногих словах намекнуть на международную ситуацию и по вопросу о конференции отсылаю к известной книге André Tardieu, La conference d'Algéciras, Paris 1907, еще раз к книге E. N. Anderson, The first Moroccan Crisis 1904—1906, а также к литературе, вышедшей позже, особенно к упомянутой книге Невинса. Здесь я еще раз хочу подчеркнуть, что в этой связи я вынужден ограничиться лишь грубым наброском социологических основ. Я ни в коем случае не претендую на то, чтобы каким-либо разделом своей книги заменить анализ отдельных дипломатических соображений, я хочу набросать лишь социологическую основу, на которой в каждом конкретном случае действовали конкретные политические группы.

[4] Об этой борьбе русских за заем см., например, GP, 7052, Шён — ведомству иностранных дел, 3 марта 1906 г., а также С. Ю. Витте, указ. соч., т. III, стр. 218 и след. К финансовому агенту Витте — ловкому Раффаловичу — после падения графа Витте присоединился в качестве нового министра финансов его прежний сотрудник Коковцов.

* Написано в 1932 г. О. Хэйл в своей книге «Publicity and Diplomacy» (New York and London 1940, p. 276) говорит: «Альхесирасская конференция была первым международным конгрессом, использованным новой журналистикой для обучения или развлечения масс». Следующие затем подробные исследования Хэйла, авторитета в этой области, заслуживают быть прочитанными, так как представляют собой прекрасную иллюстрацию сказанного в тексте.

вования подобного блока всегда было выполнение желаний Франции, являвшейся для русских главным займовым резервуаром*.

Снова французский финансовый капитал оказался более сильным. Попытку немцев вызвать в России финансовый голод[1]** можно было заранее считать неэффективной ввиду избытка французского капитала. Ход финансовых переговоров в марте оказался решающим для конференции. Австрийское предложение о посредничестве, сделанное в это время[2] и имевшее целью добиться по крайней мере в одном из портов западного побережья Марокко назначения инспектора полиции от одной из нейтральных стран, в этих условиях было обречено на провал. При этом речь шла, как все знали, о порте Касабланка, где, как и в других портах западного побережья, фирма «Шнейдер-Крезо» уже получила концессию на строительство гавани. Этим объясняется сопротивление французов всякой уступке и чрезвычайное значение, которое придавалось этим частным вопросам[3]***. Австрийское предложение о посредничестве, само по себе представлявшее уже признание поражения Германии, еще не удовлетворяло французов. Интересы Шнейдера-Крезо требовали того, чтобы Германия была не только побеждена, но и унижена. В то время как даже английский представитель сэр Артур Никольсон, инспирировавший конференцию в духе короля Эдуарда, нашел, что пора кончать жестокую игру[4], француз Ревуаль, знавший от князя Монако о мирном настроении кайзера[5]****, сумел использовать обстановку, чтобы добиться последнего триумфа и полностью пожать плоды для Шнейдера-Крезо. 18 марта Германия уступила и по последнему, решающему пункту[6]*****.

Отставка Гольштейна. Дело Эйленбурга

Такой исход столь сенсационно начатой конференции решил в Берлине судьбу автора идеи конференции. Тайный советник фон Гольштейн, которому

---

[1] См. С. Ю. Витте, указ. соч., т. III, стр. 218 и след.

[2] Об истории посреднического предложения см. GP, Kap. CLIII.

[3] Согласно «Кёльнише цейтунг» от 11 марта 1906 г., представитель султана Марокко сообщил, что султан предоставил Шнейдеру-Крезо концессию на строительство портов в Касабланке и Сафи[1]*****. В вопросе о том, будет ли инспектор полиции, кроме исполнения своих прямых обязанностей, иметь и власть в порту на западном побережье, для Германии речь шла о ее интересах в Касабланке, следует из GP, 7045, Радовиц — ведомству иностранных дел, 26 февраля 1906 г., и GP, 7069, заметка Бюлова от 7 марта 1906 г.

[4] См. Nicolson, op. cit., p. 213.

[5] См. особенно Grey, op. cit, S. 105 ff.

[6] См. Nicolson, op. cit., p. 215.

* Теперь многочисленные подробности см. в DD, документ № 497 (2-me serie, vol. 9, записка Рувье от 20 марта 1906 г. для нового министра финансов Р. Пуанкаре и для нового министра иностранных дел Л. Буржуа). Французские финансовые верхи при подготовке займа кооперировались с банком Мендельсона и его представителем Артуром Фишелем, которые хотели придать займу международный характер. Германское правительство помешало этому участию (DD, 2-me serie, vol. 7, № 618).

** Германское правительство, глубоко рассерженное поведением России на конференции, ответило Витте, как явствует из DD (2-me serie, vol. 9, № 621, Бомпар—Буржуа, 7 апреля 1906 г.), категорическим отказом от участия в займе.

*** По свидетельству ряда французских документов (например, DD, 2-me serie, vol. 9, № 400, Камбон—Рувье, 8 марта 1906 г.), немцы, кроме Касабланки, целились на порт Могадор.

**** См. теперь DD, 2-me serie, vol. 9, № 302, заметка Иозефа Рейнаха.

***** Международное настроение при окончании работы конференции ухудшилось также в результате того, что инструкции русского министра иностранных дел Ламздорфа своему представителю в Альхесирасе были опубликованы в «Тан» (DD, 2-me serie, vol. 9, № 551, Биур — Буржуа, 25 марта 1906 г.). Это был смертельный удар по политике Бьёрке.

****** См. теперь DD, 2-me serie, vol. 9, № 309 и 311, Ревуаль—Рувье, 27 февраля 1906 г.

не удалось задушить постепенно образовавшееся «Тройственное согласие», пока оно не сложилось окончательно, как до, так и во время конференции вступил в еще более резкий конфликт со своими сотрудниками. Очевидно, за счет друзей и коллег, а именно начальника отдела прессы Гаммана, и даже самого имперского канцлера[1], следует отнести сообщения, проникшие тогда в прессу и клеймившие г-на фон Гольштейна, который до этого совершенно избегал огласки, как воинственную фигуру в ведомстве иностранных дел[2]*. В сообщениях соответствовало истине по крайней мере то, что оставление Гольштейна на своем посту не только означало бы усиление внутренних трений на Вильгельмштрассе — к ним в конце концов привыкли, — но, без сомнения, олицетворяло бы продолжение курса, который был направлен против Франции** и поэтому перед лицом англо-французской Антанты мог повести к немедленному фиаско. Гольштейну пришлось убедиться, что Бюлов едва ли, а кайзер ни под каким видом не был склонен доводить дело до военных осложнений с Францией. В Париж регулярно поступала самая достоверная информация о личной позиции кайзера. Гольштейн считал, что знает главный источник этой информации. В последнее время кайзер все больше и больше, сам того не замечая, подпадал под влияние того узкого круга, который вскоре был прозван в публицистике «либенбергской застольной компанией» (по названию замка князя Эйленбурга) и к которому был привлечен также советник французского посольства Леконт, передававший все услышанное сразу же в Париж***. Весьма недвусмысленные сексуальные отношения, будто бы связывавшие участников этого круга друг с другом, а также с другим, далеко не придворным кругом лиц, позволили имперскому канцлеру, передавшему изобличающие материалы издателю «Цукунфт» Максимилиану Гардену, привести к падению хозяина Либенбергского замка; подкапываясь — отнюдь не к неудовольствию Бюлова — под позицию Гольштейна, Эйленбург проявил, однако, силу, внушающую опасение, и в конце концов сделался опасным также для Бюлова. Так начался тот пошлый поход прессы и неприятный судебный процесс, которые фигурируют в chronique scandaleuse вильгельмовского времени как скандальное дело Эйленбурга[3].

Как бы велико или мало ни было влияние либенбергской компании, совершенно ясно, что нежелание кайзера дать отпор Франции в значительной степени объясняет внешнеполитическую неудачу. В результате сложившейся ситуации политический единомышленник Гольштейна, начальник генерального штаба фон Шлиффен, автор плана, уготавливавшего Франции новые Канны путем обхода с фланга через Бельгию, был вынужден преждевременно уйти в отставку[4]. Следовательно, политическая попытка продлить созданное при Бисмарке

---

[1] Часть фразы от слов «и даже» до «канцлера» вставлена дополнительно на основании данных R o g g e, op. cit., S. 14 ff.

[2] Весьма характерной в этой связи наряду с упомянутой Розеном (op. cit., S. 265 f.) статьей Гардена в «Винер нейе фрейе прессе» от 3 апреля 1906 г. является, например, статья в «Берлинер нейесте нахрихтен» от 21 марта 1906 г. Здесь Гольштейн охарактеризован как главный подстрекатель против Франции. Говорили даже, что у него была тайная телефонная линия к кайзеру.

[3] По данным и документам, приведенным в книге Рогге (op. cit.).

[4] См. V o n d e r L a n c k e n , op. cit., 63 f.

* Согласно DD (2-me serie, vol. 9, № 627, Биур — Буржуа, 7 апреля 1906 г.), решающим фактором отставки Гольштейна явилось вступление на пост статс-секретаря фон Чиршки. Французскому представителю в Гамбурге Чиршки во время его работы там был известен как франкофил.

** О неуступчивости Гольштейна по отношению к Франции см. теперь также K ü h l m a n n, Erinnerungen, S. 248 ff. Там же (S. 253 ff.) см. замечания о скандальном деле Эйленбурга.

*** Характерно, что не только Франция, но и граф Витте использовали князя Эйленбурга для того, чтобы склонить кайзера к уступчивости в марокканском вопросе (DD 2-me serie, vol. 9, № 231, Бомпар — Рувье, 20 февраля 1906 г.).

преимущество Германии и в период, когда обстановка изменилась, потерпела провал. Конференция в Альхесирасе продемонстрировала всему миру развал Тройственного союза. Однако тогда оставалось еще скрытым, что и «блистательные услуги секунданта», как кайзер в своей знаменитой телеграмме назвал попытки посредничества Австрии, были оказаны лишь в обмен на компенсации в области мировой политики. За поддержку, оказанную австрийским союзником германским интересам, Германия в ответ оказала содействие и принудила сербов, напрасно рассчитывавших сбыть своих свиней в Венгрию, к покупке пушек фирмы «Шкода» без всякой уступки в той или иной области с австрийской стороны,— военно-промышленный маневр, осуществлением которого занимался сам Франц Иосиф и который вызвал ярость у сербов[1]*. Итак, уже Альхесирас показал, что Германия в своей изоляции была навеки привязана к восточной политике Австрии. Встал вопрос, можно ли будет продолжать эту политику при изменившейся международной ситуации.

*Обсуждение результатов Альхесирасской конференции в рейхстаге***

Кроме того, конференция с такой очевидностью вскрыла факт изоляции Германии***, что на сей раз в противоположность прежним временам не удалось помешать критике в рейхстаге. Парламент отнюдь не разделял оптимизма князя Бюлова, который, ничтоже сумняшеся, утверждал, будто бы результаты Альхесираса одинаково удовлетворительны как для Германии, так и для Франции и полезны для всех культурных народов[2]. Даже консервативный лидер Центра граф Гертлинг[3], чья партия по обыкновению позволяла князю Бюлову действовать на внешнеполитической арене по собственному усмотрению, не смог полностью подавить опасений по поводу итальянской позиции; главное же, он указал на необходимость вновь завязать мирные и дружественные отношения с Англией, враждебность которой перевернула всю внешнюю политику Центра, дружественную по отношению к Австрии. С другой стороны, однако, оратор Центра, очевидно по согласованию с аграрным крылом партии, критиковал любовные домогательства, с помощью которых в Германии пытались использовать внутриполитический поворот в Англии в целях сближения обеих империй. Разумеется, критика правительства Бебелем велась в другом тоне, чем в речи ученого католика; однако и теперь нельзя было не признать сходства во внешнеполитической позиции великого лидера германской социал-демократии с позицией Центра. Например, из всех внешнеполитических планов Германии наиболее ненавистным для Бебеля было сближение с Россией. Критика русской финансовой политики, так

---

[1] См. BD, vol. 5, 5131, Бьюкенен — Грею, 18 апреля 1906 г.

[2] Бюлов в рейхстаге, 5 апреля 1906 г.

[3] Гертлинг в рейхстаге, 5 апреля 1906 г.

* Теперь см. также DD, 2-me serie, vol. 9, № 455, Бенуа — Буржуа, 15 марта 1906 г., и № 601, Буржуа — Пуанкаре, 3 апреля 1906 г.

** В этой связи см. теперь DD, 2-me serie, vol. 9, № 615, Биур — Буржуа, 6 апреля 1906 г.

*** Это в высшей степени характерно также для отношений Германии с Италией. Многочисленные сообщения французского посла в Риме Баррера, представленные в 9-м и 10-м томах 2-й серии DD, показывают растущую враждебность итальянской общественности к Германии. Повинны в таком повороте, кроме всего прочего, были: германский защитный таможенный тариф, толкавший итальянцев в объятия французов; германская флотская политика, разъединявшая Германию и Англию — старую защитницу Италии; растущее тяготение меньшинств в габсбургской монархии к национальному объединению; развитие антиавстрийски настроенной итальянской буржуазии и отход на второй план колониальных трений с Францией.

расхваливавшейся Германией, со стороны правительственного советника Мартина лила воду на его мельницу. Такие принципиальные критические высказывания против русских слышались в германском парламенте все реже и реже. Консерваторы, принципиальное русофильство которых давно ослабело, а иногда даже переходило в свою противоположность, все же в соответствии со своей традицией не были склонны заниматься внешней политикой. По международным проблемам они выступали лишь тогда, когда затрагивались их экономические интересы в таможенных вопросах или в переговорах о торговом договоре, да и тогда консерваторы старались избегать всякой критики внешней политики правительства. От имени национал-либералов Бассерман[1] попытался сказать правительству несколько дружеских слов в связи с падением Делькассе. Меньше всех были довольны исходом Альхесираса пангерманцы, разочаровавшиеся в правительстве[2]. Совершенно непривычная угроза возникновения войны в Европе в некоторых партиях вызвала дискуссию о позиции, которую им следует занять в случае войны. Прежде всего выяснилось, что предотвращение войны социал-демократией маловероятно. Международное социалистическое бюро, обсуждавшее 4 марта в Брюсселе меры по предотвращению войн, приняло весьма общий французский проект резолюции, предоставлявшей бюро решать в каждом отдельном случае вопрос о позиции, если разразится война. В социалистическом «Нейе гезельшафт» некоторые известные социалисты открыто ратовали за оборону страны в случае войны. Они указывали на то, что выигрыш Францией войны имел бы своим результатом оттеснение всех демократических элементов внутри Французской Республики, а в Германии — отход масс от социал-демократического движения, на которое взвалили бы всю вину за поражение[3]. В общем можно было предвидеть, что в случае войны, особенно в стране, географически расположенной так,как Германия, и рабочие сделают все возможное, чтобы защитить свою страну,ее производственную базу, ее источники сырья и ее экспорт от вражеских действий. Угроза такого столкновения неуклонно возрастала вместе с ростом империалистической экспансии.

---

[1] Бассерман в рейхстаге, 4 мая 1906 г.

[2] См. резкую критику правительства в «Альдейче блеттер» от 7 апреля 1906 г.

[3] Карл Лейтнер в «Нейе гезельшафт» за апрель 1906 г. Фридрих Штампфер, известный социал-демократический лидер и редактор «Форвертс», также назвал санкционирование воинской повинности в случае войны моральным долгом социал-демократии, хотя в остальном и подчеркивал необходимость борьбы против войн (см. «Нейе гезельшафт» за апрель 1906 г.).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕГРАДЫ НА ПУТИ К УЛУЧШЕНИЮ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Социологические основы кампании 1905—1906 годов за англо-германское взаимопонимание[1]

В 1906 году больше уже нельзя было отрицать того, что в 1904 еще можно было, пожалуй, рассматривать как печальное недоразумение: англо-германские отношения решительно ухудшились.

А между тем продолжались неоднократные попытки положить предел такому развитию. Широкой либерально-пацифистской пропаганде в вопросах внешней политики, которой английские либералы, не доставляя этим чрезмерной радости Форин офису, сопровождали осенью 1905 года свой поход против консерваторов, соответствовали аналогичные тенденции в Германии. Эти тенденции находили с официозной стороны большую поддержку, ибо для ведомства иностранных дел единственной возможностью отвратить угрозу альхесирасского бедствия являлось привлечение на свою сторону Англии. С социологической точки зрения небезынтересно проанализировать, какие силы направляли это движение. В Англии кампанию против империализма вела «Дейли ньюс», принадлежавшая квакеру Кэдбери, шоколадному фабриканту, заинтересованному в получении из всех частей света дешевого сырья и в импорте сахара, вздорожавшего в результате искусственных мер, принятых низвергнутым консервативным правительством в ходе борьбы против системы экспортных премий. У такого промышленника были, естественно, совершенно иные интересы, чем, например, у крупного судовладельца лорда Инверфорта, которому принадлежала «Дейли кроникл», у нефтяного короля Пирсона, контролировавшего «Дейли экспресс», «Стандард», «Ивнинг стандард» и шесть других изданий[2], или у других органов империалистической большой прессы Сити, представлявших и отстаивавших против Германии всевозможные промышленные и судовладельческие интересы, прежде всего интересы колониальной экспансии британского финансового капитала.

В центре английской миротворческой пропаганды стоял идейный поборник англо-французского альянса Томас Бэрклай, крупный специалист в области международного права и президент британской торговой палаты в Париже. Агитация развертывалась под воздействием этого деятеля и, с другой стороны,— немецкого либерализма*. Еще в феврале 1905 года Бэрклай, выступая в Берлинской торговой палате, высказался в пользу сближения

[1] Ср. содержание этого раздела с интересным донесением французского поверенного в делах в Лондоне Жоффрэя, направленным Рувье 9 ноября 1905 г. (DD, 2-me serie, vol. 8, № 117). В нем подробно изображается проникновение в Сити финансистов, выходцев из Германии.

Этот и следующие разделы ср. также с весьма ценной главой «Советник посольства в Лондоне» в «Воспоминаниях» Кюльмана (Kühlmann, Erinnerungen, S. 281 ff.).

[2] Hale, op. cit., S. 16.

* Подробный обзор деятельности Бэрклая и пропаганды англо-германского взаимопонимания см. в DD, 2-me serie, vol. 8, 5.12.1905. Будучи осознанной попыткой исполь-

Германии и Англии[1]. Теперь, в январе 1906 года, крупные коммерсанты Берлина повторили его акцию, направленную на достижение англо-германского взаимопонимания. Присутствие кое-кого из министров — руководителей трех парламентских органов, заседавших в Берлине, а также иных сановников придало мероприятию официозный характер. Помимо оптовиков и промышленников, вывозивших свою продукцию в Англию[2], в том числе особенно — это необходимо подчеркнуть — владельцев текстильных предприятий, у которых сложилось своего рода разделение труда с английскими текстильными промышленниками[3], вдохновителями акции, были в первую очередь немецкие биржи и банки. На одном из собраний такого рода фактический руководитель «Дисконтогезельшафт» указал на то, что в 1904 году германский экспорт в Англию и ее колонии достиг суммы в 1207 миллионов марок, а германский капитал в одной только Южной Африке составляет 1,2 миллиарда марок, тогда как Англия смогла довести свой экспорт в Германию до 1534 миллионов марок[4].

зовать интересы и идеологию пацифизма в интересах «политики силы», эта кампания сходна с агитацией за англо-французское сближение в начале XX века, а также с применённой позднее Гитлером техникой «пятой колонны». («Один из моих коллег,— писал в Париж П. Камбон,— как-то дал мне повод отметить поразительное сходство фразеологии графа Меттерниха и речей, которые я сам не раз произносил в 1899—1902 гг».)

[1] См., например, корреспонденции в «Кёльнише цейтунг» за 17 февраля и в «Фоссише цейтунг» за 16 февраля 1905 г. Так же как Кобден и Брайт, Бэрклай подчеркнул необходимость третейских судов. С ответными речами выступили представители Берлинской и Плауэнской торговых палат, саксонских промышленников и берлинских коммерсантов. Представлявший прусское министерство торговли тайный советник Вендельштадт заявил, что если бы существовала градация чувства миролюбия, то наверняка можно было бы сказать, что торговый мир стоит на высшей ступени.

[2] Кроме предпринимателей химической промышленности, из числа которых за взаимопонимание с Англией ратовал тайный советник Беттингер из Байер-Леверкузена, побуждаемый к этому деловыми и родственными связями, особенно активно за хорошие отношения с Англией выступала фирма «Ганиель», которая в 1903 г. поставила Англии больше товаров, чем Германии (обзор Саундерса в «Таймс», прорецензированный в «Кёльнише цейтунг» от 10 сентября 1903 г.). В силу этого «Дейче ревю», принадлежавшее участнику концерна Ганиелей Рихарду Флейшеру, также предоставило Томасу Бэрклаю свои страницы. Позднее у Флейшера из-за его англофильских настроений возникли серьезные осложнения с имперским военно-морским ведомством. Фирма Ганиелей продемонстрировала свое стремление к взаимопониманию не только тем, что приняла депутацию английских рабочих; за соглашение с Англией постоянно выступали представители этой фирмы и в дипломатическом аппарате.

Вообще нельзя представлять себе дело так, что вся рурская промышленность целиком была враждебна Англии. Надо различать много оттенков англофобии. Хотя Рур упорно требовал строительства флота и экспансии, там, с другой стороны, с таким же упорством закрывали глаза на возможность войны, которая, в конце концов, не могла не оказать весьма отрицательного влияния и на дела предпринимателей тяжелой промышленности, вывозивших за границу свою продукцию и получавших извне сырье. Это побуждало даже представителей сталелитейной и угольной промышленности выказывать готовность к сотрудничеству и обмену мнениями с английскими коллегами. Надо все же сказать, что заинтересованность германских судовладельцев имела более положительный характер, чем интерес к сохранению мира со стороны упомянутых кругов, которые, хотя и поддерживали собрания, подобные организованному Кёльнской торговой палатой, но были, тем не менее, вынуждены делать много reservations mentales. Смягчить соперничество на море и добиться того, чтобы строительство военного флота, предназначаемого для защиты морской торговли, не привело к войне, стремился не один только Альберт Баллин. Директора компании «Северогерманский Ллойд» тоже явно придерживались миролюбивых устремлений. (См. ответ директора Филиппа Гейнекена на анкету Бэрклая, опубликованный в «Кёльнише цейтунг» от 13 ноября 1905 г., а также заявление президента «Северогерманского Ллойда» и председателя правления Бременской хлопковой биржи Гео Плате, помещенное в «Ллойдцейтунг» от 20 января 1906 г.)

[3] В этом отношении характерно собрание, организованное 17 января 1906 г. Крефельдской торговой палатой, где указывалось на заинтересованность шелкоткацкой промышленности в экспорте в Англию.

[4] Речь представителя дирекции «Дисконтогезельшафт» д-ра Саломонсона на большом собрании, созванном 17 декабря 1905 г. в помещении берлинской биржи по поручению банков и банкиров Берлина. («Kölnische Zeitung» v. 18.12.1905.)* На этом собра-

* См. DD, 2-me serie, vol. 8, № 248, Леконт — Рувье, 18 декабря 1905 г.

За собраниями банковских, торговых и биржевых кругов Берлина последовали подобные же собрания во всей империи[1]. Поскольку под англофильством можно было понимать все что угодно, царило, как часто бывает при подобных обстоятельствах, довольно сильное смятение умов, или мировоззрений, как не преминул бы в подобном случае выразиться немец[2]. В этой ситуации возникли надпартийные организации, в которые объединились группы, заинтересованные во взаимопонимании[3]. Чтобы способствовать

нии выступили, кроме того, представители экспортеров, представители химической промышленности, а также депутаты шарлотенбургского опекунского совета. Наибольший интерес представляет, пожалуй, речь члена рейхстага от Национал-либеральной партии принца Шенайх-Каролата, который с социологической точки зрения представлял собой типичного англофильствующего немецкого магната. Он с воодушевлением заявил, что каждый серьезно мыслящий человек в Германии проникнут убеждением в необходимости хороших отношений с Англией. Воинственные замыслы и шовинизм чужды немецкому народу, продолжал он. Сильный флот нужен нам для того, чтобы защищать торговлю, морское побережье и вывоз за границу и в колонии, но этот флот не должен иметь антианглийского острия. Англию и Германию объединяет общность культуры, в Англии существует Гетевское общество, а в Германии — Шекспировское. (О принце Шенайх-Каролате см. имеющуюся теперь (1932 г.) биографию, написанную Л. Мэннером: L. Männer, Biographie, Berlin 1931, S. 127.) В качестве представителя «Немецкого банка» на том же собрании произнес речь один из лидеров либералов Карл Шрадер. Жена Шрадера была англичанкой и, кстати сказать, близкой подругой императрицы Фридерики. Сам Шрадер был одним из руководителей партии кронпринца. Представляет интерес следующая верная оценка, данная Шрадером: напряженность в Англии в значительной мере объясняется внутренней борьбой по вопросу «свобода торговли или защитительные тарифы». В этом один из поводов к упрекам в адрес Германии. Выступавший от имени университета Фридрих Паульсен был представителем той группы профессоров, которая во враждебности между Англией и Германией усматривала угрозу величайшим ценностям, созданным человечеством. По заверению Паульсена, за этой группой шло тогда значительное большинство. В адрес собрания в помещении биржи, на котором в качестве президента Немецкого съезда коммерсантов председательствовал будущий президент рейхстага Кемнф, поступили приветствия, в частности от Гергарта Гауптмана, Германа Зудермана, Людвига Фульды.

[1] 30 декабря 1905 г. во Франкфурте-на-Майне и Гамбурге состоялись демонстрации торговых палат за мир. 22 января 1906 г. тогдашний либерал, впоследствии социал-демократ Рудольф Брейтшейд произнес в «Объединении за торговый договор» речь, посвященную дружбе с Англией. 14 января 1906 г. в Кёльне, в зале «Гюрцених», состоялось большое собрание, в котором приняли участие 32 торговые палаты Вестфалии. Оно показало, что Рейнская область тоже была заинтересована в нормальных отношениях с Англией, хотя само собой разумелось, что эти отношения не должны мешать строительству флота.

[2] В этом отношении типично собрание, состоявшееся в мюнхенской Старой ратуше под председательством баварского премьер-министра графа Крайльсгейма. На этом собрании наряду с профессором новой филологии Эрнстом Шпиром, пламенным поборником англо-германского взаимопонимания, ставшим позднее, в начале войны, жертвой направленной против него агитации, выступил профессор Вальтер Гец, произнесший речь о бесполезности торговых войн, тогда как имперский советник фон Вюрцбург, будучи председателем баварской организации «Объединение за строительство флота», естественно, больше распространялся насчет высоких чувств англичан, которые, мол, с пониманием отнесутся к другим нациям, занятым постройкой флотов. Депутат от Партии центра священник Шедлер, который в ходе пропагандистской кампании в пользу буров резко выступал в рейхстаге против англичан, отстаивал в соответствии с характером баварского Центра ту мысль, что Германия должна иметь вооруженные силы на суше и на море, но что эти силы не должны быть направлены против Англии. Университетский профессор Гаусгофер* напомнил о Ватерлоо, а один из секретарей христианско-национальных профсоюзов заявил, что больше всего страданий война приносит именно рабочим. Наконец, профессор Л. Квидде приписал заслугу организации движения Лионскому конгрессу пацифистов.

[3] В Комитет германо-английского взаимопонимания, который в 1906 г. выступил с протестом против возможности войны с Англией, опять-таки входил ряд крупных магнатов, имевших в Англии отчасти личные связи, отчасти деловые, в качестве крупных капиталистов и экспортеров. Назовем принца Шенайх-Каролата, принца князя Книпгаузена, принца Эрбаха, князя Хенкель-Доннерсмарка, принца Лейнингена, графа Витцтума, герцога фон Аренберга. Далее, в комитет входили представители химической про-

* По-видимому, речь идет об отце баварского офицера Карла Гаусгофера, впоследствии получившего известность в качестве геополитика, и о деде Альбрехта Гаусгофера — убитого по приказу Гитлера друга Рудольфа Гесса.

взаимопониманию, представители профессиональных и политических организаций взаимно посещали обе страны[1]. Интеллигенция обеих стран обменивалась пространными приветствиями, содержавшими призывы к миру[2].

В Англии движению за взаимопонимание помогало то, что в этой стране руководство духовной и материальной жизнью оказывалось взаимосвязанным чаще, чем в Германии. В частности, из среды английских банкиров вышел ряд не только видных коллекционеров и знатоков искусства, но и филологов и естествоиспытателей; пользовавшийся всеобщим уважением представитель английского движения за взаимопонимание лорд Эвбери был выдающимся физиком. В созданной им организации «Англо-американский объединенный клуб», конечно, занимали видное положение представители немецко-еврейских семейств, которые, ввиду интернациональной позиции еврейства как в области торговли, так и в среде финансовой аристократии, были, наряду с другими, больше всего заинтересованы в тесных связях между обеими странами [3]*.

Все эти миролюбивые устремления весьма отчетливо проявились в речах германского посла в Лондоне графа Меттерниха. Призывая в этих речах к взаимопониманию, он пытался разрешить становившуюся все более трудной задачу поддержания хороших англо-германских отношений и в новых условиях. Будучи типичным англофильствующим немецким grand-seigneur и постоянно отдавая себе отчет в том, что не только в имперском морском ведомстве ждут удобного случая, чтобы нанести ему смертельный удар, но и ведомство иностранных дел оставляет его на занимаемом посту лишь постольку, поскольку не может найти лучшей замены, он произносил на банкетах речи, от начала до конца выдержанные в том духе, первыми провозвест-

мышленности, банков, внешней торговли, интеллигенции. Примечательно также участие крупного экспортера Франца Ганиеля. Руководителем немецкой секции германо-английского комитета дружбы был банкир де Невиль из Франкфурта-на-Майне**.

[1] Еще в декабре 1905 г. в Берлин прибыла английская рабочая делегация. Одновременно стремившиеся к власти английские либералы организовали в лондонском Кэкстон-холле собрание в пользу дружбы с Германией, председателем которого был известный банкир и натуралист лорд Эвбери (Джон Лэббок). В январе 1906 г. граф Гарри Кеслер выступил в качестве представителя немецкой интеллигенции в лондонском Лицейском клубе, а в таком же клубе Берлина профессора Берлинского университета представили собравшимся епископа Лондонского. В мае 1906 г. Британские острова посетили многочисленные депутаты Немецкого съезда городов. 17 мая их приветствовал в Лондоне Уинстон Черчилль. В июне 1906 г. за ними последовали бургомистры и редакторы, в том числе пользовавшиеся широкой известностью, например Поссе («Кёльнише цейтунг»), Дрилль («Франкфуртер цейтунг»), фон Экхардт («Гамбургер фремденблат»), Трефц («Мюнхенер нейесте нахрихтен»), известный пацифист Альфред Г. Фрид и другие. В Германии эти поездки с целью братания подвергались непрестанным нападкам консервативных и центристских кругов, в Англии гармсвортовская пресса оказалась достаточно невежливой, чтобы дуть в ту же дудку. Впрочем, эти визиты показали, как мало знали братскую страну даже в свободомыслящих кругах Германии.

[2] Среди деятелей, подписавших немецкое приветствие, были Вильгельм Боде, Люйо Брентано, Рихард Демель, Роберт Эйкен, Эмиль Фишер, Адольф Фюртвенглер, Адольф Гарнак, Гергарт Гауптман, Пауль Хейзе, Адольф фон Гильдебрандт, Гуго фон Гофмансталь, Энгельберг Гумпердинк, граф Леопольд Калькрейт, Иозеф Иоахим, Макс Клингер, Роберт Кох, Карл Лампрехт, Макс Либерман, Адольф Лихтварк, Вальтер Нернст, Элизабет Ферстер-Ницше, Вернер Зомбарт, Франц фон Штук, Рихард Штраус, Вильгельм Трюбнер, Адольф Вах, Зигфрид Вагнер, Ульрих фон Виламовиц, Вильгельм Вундт («Kölnische Zeitung», 14.1.1906).

[3] Рядом с лордом Робертсом и лордом Эвбери, Лонсдэлемом, другом императора, и другими выдающимися англичанами, например сэром К. Маркхэмом, мы видим здесь и немцев: барона Шредера, барона Дейхмана, барона Перси де Вормса, сэра Феликса Сэмонса, сэра Эдгара Шпейера, Л. Неймана, Альфреда Бейта, Ф. К. Мельхерса, М. Михаэлиса и Александера Сименса.

* Для французской, а также английской дипломатии и короля Эдуарда движение за взаимопонимание, поскольку оно развертывалось в пределах Англии, было бельмом на глазу; с целью противодействовать ему военный писатель полковник Репингтон опубликовал статьи о том, что произошло бы в случае франко-германской войны. («Times», 27.12.1905; DD, 2-me serie, vol. 8, № 300.)

** См. также К ü h l m a n n, Erinnerungen, S. 329 ff.

никами которого были великие английские фритредеры Кобден и Брайт[1]. В подобных случаях он говорил примерно следующее: «Оливер Кромвель сказал, что лучший посол — это воин. Мы придерживаемся мнения, что лучшие послы — это люди, приносящие мир, и с горячей надеждой ждем наступления времени, когда сила права заступит место права силы, когда не будет больше злобы и ожесточения, когда чувства человечности навечно займут подобающее им место, когда падут преграды между народами и останутся лишь те преграды, которые будут возведены между правом и несправедливостью». Германия, говорил он несколько лет спустя[2], не испытывает желания играть роль щуки в пруду с карпами и не чувствует призвания постоянно обнажать меч ... Германия не требует новых земель, она зависит от внешней торговли, завоевательная политика Германии направлена на освоение зарубежных рынков, и ведется она оружием духа. Штык не может принудить к заключению сделки никого, кто не испытывает желания к этому и не имеет денег. Политика мирной торговли хороша тем, что она не является политикой исключительности. «Вообразим, что какому-либо народу удалось на время подавить торговлю и промышленность другого народа. К чему бы это привело? К тому, что победитель не смог бы больше ничего продать поверженному, так как последний был бы лишен покупательной способности, и хороший клиент был бы загублен. Торговое соперничество нельзя представлять себе так, что одному партнеру приходится сидеть на постоянно уменьшающемся в размерах слитке золота и откалывать от него все новые и новые куски, чтобы заплатить за товары, которыми другой заваливает его. Скорее, этот процесс состоит в том, что обе страны обмениваются своими изделиями, и при этом Германия и Англия шлют их друг другу в равной пропорции, из чего и возникает торговый баланс. Чем больше растет обмен, тем богаче становятся обе страны. Нигде возможность нарушения этих отношений не воспринимают с большей озабоченностью, чем в крупных торговых и промышленных центрах, в этом может убедиться каждый, кто соприкасается с ними. Отсюда следует, что, несмотря на соперничество, наиболее заинтересованные круги требуют сохранения, а не уничтожения соперника. В условиях возросшей легкости капиталовложений в зарубежных странах и широкого использования этой возможности нельзя больше говорить о насильственном устранении соперника без того, чтобы нападающий не причинял себе, пожалуй, столь же значительного ущерба».

Истинный характер англо-германских противоречий в период и после 1906 года

В подобных рассуждениях, при помощи которых столь охотно аргументируют представители утилитарных разновидностей пацифистского либерализма и которые нашли свое классическое выражение в известной книге Нормана Энджелла «Великий обман», несомненно, содержалось и содержится зерно истины. Тем самым вопрос о том, как, несмотря на такие тенденции, дело могло дойти до англо-германской войны, становится особенно жгучим для исследователя, который рассматривает экономическое развитие как причину политических столкновений. При этом надо объяснить не только то, как случилось, что эта теория, уходящая своими корнями прежде всего в английский либерализм, не получила всеобщего распространения, но и то,

[1] Речь на ежегодном банкете Объединения Британской торговой палаты в Лондоне («Kölnische Zeitung», v. 11.3.1906).

[2] Речь графа Меттерниха в Лондоне. (Ibid., 28.5.1906.)

как могла вспыхнуть война, несмотря на бесспорную, с экономической точки зрения, истинность таких идей.

Если мы хотим вынести суждение о феномене, обозначаемом словом «империализм» — выражение, которое в силу своего экономического привкуса уже с самого начала показывает, что конкретное экономическое развитие может повести и к другим результатам, чем фритредерская теория,— то нельзя чрезмерно выдвигать на передний план формальные причины столкновений различных стран, как, например, проблему проникновения в Марокко.

Как ни необходимо, с одной стороны, предостеречь от недооценки подобных поводов, возможной из-за того, что в большинстве случаев цифры о торговле в таких районах бывают минимальными (ведь по большей части эти цифры из-за социального влияния отдельных заинтересованных групп, как, скажем, военной промышленности, не дают достаточной картины), так, с другой стороны, следует подчеркнуть, что все эти империалистические столкновения не могли бы получить своего всемирно-исторического значения, если бы у них не было именно всемирно-исторической подоплеки, то есть, говоря конкретно, если бы в них не были затронуты все те национальные и интернациональные интересы, при достижении которых конфликты поднимались на щит. Трезвый, деловито-рационалистический характер всех этих вопросов не должен вести к тому, чтобы общие проблемы внешней политики отдельных стран рассматривались не как нечто целое. От великого методологического достижения, завоеванного философией романтизма в области истории, от методологического преимущества рассмотрения целого нельзя отказываться из-за того, что в изменившиеся времена прежние методы суждения об этом явлении уже недостаточны и должны быть заменены и дополнены номологическим аппаратом социологии и ее производных.

В примечательном, почти демонически великолепном документе, злой гений Форин офиса — «английский Гольштейн» Эйр Кроу подвел итог злополучного 1906 года, когда англо-германское противоречие впервые достигло некоего кульминационного пункта. Попутно Кроу рассматривал заявления кайзера как проявление подлинной германской сущности, в которой, мол, и надо видеть движущую силу, стоящую за всеми политическими высказываниями кайзера, а также за марокканской политикой[1]; он имел в виду брошенное им слово о «будущем, лежащем на море», или «трезубце, который должен быть в наших руках», или же сентенции вроде следующих: «Германия должна унаследовать морское владычество, некогда находившееся в руках Ганзы»; «Ни один вопрос мировой политики нельзя урегулировать без согласия германского кайзера»; «Адмирал Атлантики приветствует Тихоокеанского адмирала»[2]. При всей прочей односторонности это суждение Кроу все же содержит в себе нечто истинное. Идейное состояние, в котором находились перед войной все правящие классы Германии, было таково, что ввиду проблем, над которыми Германии приходится биться сегодня, его действительно можно сделать понятным только при помощи исторического анализа, хотя с тех пор прошло немного времени*.

Выступая перед лицом заграницы, прусские аграрии, вопреки воле и сопротивлению которых Бисмарк создал новую империю и которые лишь неохотно и по принуждению позволили впутать себя в мировую политику, отнюдь не были склонны вспоминать о том, что укрепление их позиций

---

[1] Для этого захватывающего документа (приведен в BD, vol. 3, приложение «A»), и все же мастерского как по стилю, так и по аргументации, характерен, между прочим, и все же правильный анализ подлинных мотивов марокканской политики Гольштейна, изложенный почти теми же словами, которые позднее употребил сам Гольштейн, сообщив о своей деятельности барону фон дер Лапкену.

[2] Преднамеренно цитируется по английскому изданию.

* Написано до событий 1933 г.

в результате проведения Германией мировой политики было для них своего рода нежеланным подарком. Нет необходимости тратить зря время и место, приводя бесчисленные примеры, показывающие, что феодалы, стоявшие во главе армии и, прежде всего, занимавшие в Пруссии руководящие государственные посты, монополизированные ими со времен фон Путткамера, отстаивали свои аграрные и особенно сахаро- и спиртопромышленные интересы, а также свои особые пожелания в военной области; при этом они прибегали к диалектике, создававшей впечатление, будто именно они обеспечили то экономическое развитие, опираясь на которое можно позволить себе подобный тон и в отношении заграницы. Достаточно раскрыть любой отчет о дебатах в Союзе сельских хозяев или речи по бюджетной политике, произнесенные консервативными депутатами в ландтаге, палате господ или рейхстаге, чтобы понять, что имеется в виду. Речь против Англии, произнесенная фон Гейдебрандом во время марокканского конфликта 1911 года, многочисленные, широко известные высказывания Дидриха Гана, фон Ольденбурга-Янушау, Иордана Крехера, фон Креллера и т. д. являются образчиками того, что подразумевал тогда мир под прусским юнкерским духом. Эти грубые и резкие по отношению к заграницe выступления, постоянные напоминания о том, что Бисмарк носил форму кирасира, которую, как известно, великий канцлер надевал лишь изредка, создали внутри страны и вне ее представление об идеальном типе юнкера, преодолеть которое было тем труднее, что правящие остэльбские феодалы выступали внутри страны не только против социализма, но и против тех самых бюргерских капиталистических сил, чей экономический успех служил опорой внешней политики.

Со времени военного конфликта буржуазия в Пруссии была сломлена и полностью приспособилась к правлению господствующих феодалов, тем более что в целях подчинения масс, составляющих современные огромные армии, ей была сделана уступка в виде создания института офицеров резерва, который надо рассматривать в качестве военного эквивалента института студенческих корпораций в области государственного управления.

Хотя из двух крупнейших вероисповеданий католики, естественным образом преобладая над протестантами, противостояли в качестве оппозиции такому развитию, в области внешней политики эта оппозиция не проявлялась как сдерживающий фактор. Скорее традиционное австрофильство Центра и католической церкви требовало — в той мере, в какой Германская империя занимала позиции на Востоке, а значит против России,— поддержки внешней политики тех самых кругов, против которых католицизм вел политическую борьбу. Поскольку же враждебный России курс отвечал, и отнюдь не только со времен Каприви, интересам сухопутной армии, аграриев, а тем самым и тесно связанной с этими кругами протестантской церкви, католическую внешнюю политику данного периода можно, как это ни парадоксально, охарактеризовать как внешнеполитическую поддержку протестантской политики. В этом основном факте ничто не меняется от того, что по причинам, которые должны быть еще рассмотрены, политический католицизм в тот период вступил в конфликт со специфически протестантскими кругами.

Противоречие между аграриями и капитализмом, поднимающимся флотом и сухопутной армией все более стиралось под знаком роста цен на зерно и расцвета картелей и в последние десятилетия Германской империи все больше превращалось просто-напросто в вопрос о распределении финансового бремени. По мере того как мировая политика проводилась все активней, консерваторам приходилось считаться с тем обстоятельством, что пангерманские идеи начали распространяться и в среднем сословии, патроном которого с давних пор чувствовала себя Консервативная партия. Пангерманизм, высокоразвитый капитализм и прусское юнкерство срастались все сильнее. Заграница и немецкое левое крыло возлагали на этот дух и инсти-

рированное им строительство флота ответственность за конфликт с Англией, тогда как немецкое правое крыло, наоборот, усматривало причину противоречия в зависти английских торговцев к процветающему германскому конкуренту.

Если исходить из принципа, согласно которому в подобных случаях оба противника одинаково правы или неправы, а историческое суждение о том или ином предмете можно считать удовлетворительным лишь тогда, когда оно в состоянии охватить противоречивые мнения с точки зрения более высокой категории и растворить их в ней, то все же надо отметить, что невозможно вынести такое суждение, принимая понятие коммерческой зависти, приписываемой англичанам немецкими правыми, в его обыденной форме; получается так, как если бы для массы английского народа и ответственных политических деятелей Англии вопрос сводился к тому, чтобы попросту свалить с ног конкурента, как это пытались сделать, скажем, идиотские газетные статьи «Сатердей ревью», которые так часто приводились в качестве иллюстраций к британской политике[1].

Прежде всего, часто и справедливо указывали на тот факт, что в период, когда Германская империя уже достигла экономического расцвета, но была еще полностью беззащитна с точки зрения морской политики, то есть в период с 1870 года и до конца столетия, англичане совершенно не трогали ее. Позднее же, когда Германия начала наращивать свою военно-морскую мощь, они не считали, что стоит труда устраивать Германии Копенгаген, как этого требовал склонный к грубым мерам английский лорд адмиралтейства Фишер. Выявилось также следующее обстоятельство: борьба вокруг колоний, которых капитализм еще не коснулся, и территорий, принадлежавших Англии, которым в то время угрожала Россия, была важнее, чем борьба против промышленного конкурента как такового, против которого Англия выступила лишь тогда, когда он тоже начал угрожать этим территориям. То, что Великобритания не считала промышленную конкуренцию даже в таких важнейших ключевых отраслях, как стальная и угольная, основанием для войны, доказывается и ее отношением к Соединенным Штатам, флот которых она, согласно примитивным теориям нокаутирования противника, тоже могла бы и должна была бы «копенгагенировать».

Кроме того, в результате общего подъема предвоенных лет английская торговля, несмотря на германскую конкуренцию, а может быть, и благодаря ей, достигла наивысшего расцвета — состояния, которому могло бы только помешать выпадение важного рынка сбыта. В этом смысле, бесспорно, правильно то, что граф Меттерних говорил в упомянутой речи о неверном представлении, будто один из конкурентов сидит на золотом слитке, а другой постоянно откалывает от него куски. В Англии фритредерские воззрения, согласно которым разделение труда между нациями лишь способствует обогащению, стали со времен Кобдена и Брайта общим достоянием, и эти воззрения, поскольку в них содержалось зерно истины, ничего другого не касались в столь большой степени, как англо-германских отношений, которые — в той мере, в какой речь идет о непосредственных взаимоотношениях друг с другом,— все больше принимали форму высокоразвитой специализации и разделения труда. Таким образом, все, что приводит Норман Энджелл в своем «Великом обмане», было, вне всякого сомнения, правильно.

Даже для британского торгового судоходства, которому из всех видов островного предпринимательства конкуренция Германии угрожала, пожалуй, больше всего, война с ее последствиями для торговли и опасностью потопления судов могла бы, как уже сказано, повести лишь к неблагоприятным

[1] Все это очень правильно рассматривается в остроумной, но весьма односторонней и слабо обоснованной экономически и социологически книге Г. Канторовича (H. Kantorowiez, Der Geist der englischen Politik und das Gespenst der Einkreisung Deutschlands, Berlin 1929).

результатам. Тем более что судоходство и не могло ожидать для себя ничего лучшего по сравнению с последними предвоенными годами, когда тоннаж достиг невиданных размеров.

В этом смысле промышленность, как и торговля и судоходство, а также заинтересованные в них финансовые круги, была, без сомнения, настроена против войны, что втайне признавала и тирпицевская школа в Германии[1]. Для импорта и экспорта Англии, этого наиболее чувствительного нервного центра мира, и для продовольственного снабжения Островов любая война означала бы гораздо более тяжкую угрозу, чем в прошлые столетия, когда Англия была еще по преимуществу аграрной страной и когда речь еще могла идти о том, чтобы отнять у противника корабли, деньги и колонии. Германия не обладала колониями, ради которых стоило бы развязывать мировую войну[2]. Конечно, констатацию сэра Томаса Бэрклая, что промышленность Северной Англии настроена, если это только возможно, еще более пацифистски, нежели Сити, следует воспринимать в большой мере cum grano salis. Однако эта констатация все же содержит в себе зерно истины, заключающееся в том, что промышленность, которая в очень широких масштабах экспортировала свою продукцию на континент, была, если это вообще возможно, заинтересована в мире в еще большей степени, чем укоренившийся в Южной Англии финансовый империализм. Причем, как уже упоминалось, это получило своеобразное подтверждение непосредственно после начала войны, когда, по словам министра лорда Морли, сама мысль о том, что Англия могла бы ввязаться в войну в Европе, привела в ужас не только директоров Английского банка и других ведущих хозяев Сити, но и «хлопчатобумажных, стальных и угольных дельцов на английском Севере, в Глазго и т. д.»[3].

Такая позиция, разумеется, не исключала того факта, что флот приносил очень крупные прибыли, особенно железной и стальной промышленности, и что последняя, как ясно показал кризис 1907 года, была заинтересована в военно-морском scares. Надо взглянуть на вещи глазами Бэрклая, нарисовавшего однажды с характерным для английских политических ораторов сарказмом образ военного промышленника, который лично является самым миролюбивым человеком на свете, но нуждается в заказах и прилагает усилия, скажем, к тому, чтобы была изъята та или иная модель винтовки, используемая в настоящее время, или же чтобы существующие сейчас орудия были сняты с вооружения и заменены новыми, где применено какое-либо эпохальное изобретение в области артиллерии, — короче, который постоянно нуждается в модернизации всего легкого и тяжелого вооружения. Военная промышленность выступает в роли непосредственного возбудителя войн прежде всего там, где она, как это имеет место в странах, не охваченных капитализмом, сбывая свою продукцию, исключает тем самым сбыт продукции другой державы. Наоборот, в государстве, которое вооружается наперегонки с другими странами, она хотя и является постоянным источником международной напряженности, не обязательно должна быть его ipso заинтересована по этой причине в войне. Как раз в Англии перед войной военной промышленности предоставлялись такие большие возможности

[1] Уже В. Бекер с полным основанием ссылался на свидетельство интимного друга Тирпица капитан-лейтенанта Виденмана, который, несмотря на свои симпатии к идее строительства флота, пишет в донесении из Лондона от 16 мая 1909 г. (Tirpitz, Aufbau usw., S. 153 f.), что подлинное общественное мнение определяется не морскими интересами, а Сити, последнее же опасается прекращения ввоза продовольствия и сырья и по этой причине, хотя оно и считает германскую конкуренцию обременительной, склонно примириться с меньшим злом, сохраняя мир, тем более, что в условиях мира Германия является очень крупным покупателем. От войны — и это известно — выгадают только tertii gaudentes.

[2] То, что впоследствии германские колонии по большей части растворились в Британской империи, является лишь побочным результатом войны, возникшей по другим причинам.

[3] См. «Berliner Monatshefte» (в дальнейшем цитируется как K-BM), 1929, S. 4

заработка, что она не нуждалась в непосредственном развязывании войны, которая, обусловив прекращение подвоза сырья, в конечном счете неизбежно подвергла бы риску высокие прибыли, получаемые английской военной промышленностью в условиях мира, как и прибыли любой другой отрасли.

Поскольку, таким образом, трудно отстаивать теорию нападения на идущего к расцвету торгового соперника с целью уничтожить его торговлю, то для объяснения причин напряженности придется говорить как о факторе, по самому своему существу необходимо способствовавшему ей,— о строительстве германского флота. Сегодня это тем проще, что ссылка на данный фактор в очень большой мере соответствует опубликованным за последние годы секретным дипломатическим документам Англии, авторы которых не имеют оснований только притворяться, будто они испытывают страх перед расцветающим флотом Германии.

Мы должны, однако, вступив в какой-то мере в противоречие с исторической школой, господствующей ныне (1932 год) также и в немецкой историографии и возлагающей ответственность за разрыв между Германией и Англией на строительство германского флота, подчеркнуть, что проблему создания флота в Германии так же нельзя рассматривать изолированно, как и любую другую проблему мировой истории. По существу вопрос в гораздо меньшей степени сводится к личной забаве кайзера, чем к проявлению империалистических интересов, которые вдохновляли антианглийскую группировку и среди которых кайзеровская любовь к военно-морскому флоту представляет собой лишь одно, хотя и неотъемлемое, звено. Здесь, как и везде, необходим анализ социологических интересов, то есть в данном случае дело в общественной подоплеке строительства германского флота в период высшей стадии капитализма.

При этом анализе необходимо отметить, что наиболее значительные из морских интересов Германии, производным от которых тирпицевская школа и имперское военно-морское ведомство считали строительство флота, в случае войны вовсе нельзя было защитить при помощи морских сил. Поскольку важнейшие заморские рынки сбыта империи — оба англосаксонские индустриальные государства — были именно теми державами, которые скорее всего могли втянуться в морскую войну с Германией, наиболее важная часть экспорта Германии в случае всеобщей морской войны отпадала, по всей видимости, сама собой, независимо от того, был у Германии флот или нет. Поскольку же, далее, у Англии, как уже сказано, не было прямых причин для нападения на Германию, ибо Германия не слишком сильно нарушала интересы Британской империи, постольку строительство флота, по сути дела, означало для Германии обеспечение возможности делать, что ей вздумается, невзирая на эти английские преграды и барьеры. Таким образом, смысл создания германского флота мог состоять лишь в защите морских интересов Германии на тот случай, если бы в результате развития ее континентальной мощи возникли условия, которые должны были бы побудить Англию выступить, опасаясь за свое положение мировой державы и положение империи. Создание германского флота, таким образом, вытекает из задачи охранить и прикрыть с моря континентальный империализм. Речь здесь, следовательно, шла о том, как понимать — используя дипломатическую формулу — «нарушение европейского равновесия», хотя в точности и не было ясно, что под этим подразумевалось.

Но имелись ли в Германии предпосылки такого смещающего равновесия империализма?

В литературе тех лет постоянно приводится ссылка на рост населения, которое с семидесятых годов увеличилось примерно на одну треть—округленно с 40 до 60 миллионов человек. Это возросшее население надо было либо кормить, либо разместить где-то в другом месте. Но в то же время никакая теория германского империализма не могла основываться на перемещении

населения. В области, за которые боролся германский империализм, например в Марокко или на Ближний Восток и Балканы, а также в германские колонии, переселилось лишь крайне незначительное число немцев. Вдобавок на родине уже чувствовалась нехватка рабочих. Сельское население, преимущественно на Востоке Германии, тянулось в город. Не только для удовлетворения запросов крупного землевладения немецкого Востока, но и для покрытия потребности рурской промышленности в дешевых рабочих руках Германия должна была привлекать рабочую силу из менее населенных областей, из Италии и, преимущественно, из Русской Польши, а также Галиции. Крупные переселения народов XIX и XX столетий характеризуются главным образом тем, что из стран, находящихся на более низкой ступени культурного развития, население перемещается в страны, стоящие на более высокой ступени. В соответствии с этим противоречием масса немецких переселенцев, число которых, кстати сказать, к концу XIX века сократилось, направлялась прежде всего в районы, где можно было еще сочетать преимущества капиталистически неосвоенных пространств с возможностью сохранения высокого standard of life. Область немецкой эмиграции — это Соединенные Штаты[1]. В Южную Америку тоже направлялась значительная эмиграция из Германии. Стремление пангерманцев приобрести районы, куда Германия могла бы направить излишки населения, как оно ни характерно для определенных групп, стремившихся непосредственно господствовать, например для инженеров, медиков и учителей, еще не служит обоснованием для империализма.

Проблемой германского империализма являлась не задача пересаживания избыточного населения на другую почву, а его устройство на родине, в отечественной экономике с ее широко развивающейся системой концернов и картелей. Постоянно возрастающая потребность, которую этот трестированный капитализм, взбухающий с ненормальной быстротой, испытывал в рынках сбыта и сырье, в сочетании с постоянно растущей внутренней силой индустриального государства, с его постоянно растущим населением — вот что было причиной ненрекращающегося беспокойства в Европе.

Таким образом, закат бисмарковской внешней политики является, в конечном счете, продуктом изменившихся условий. Если бисмарковская империя в общем и целом не нуждалась с сырье и рынках, то перед вильгельмовской Германией возник вопрос, где найти сырье и где найти рынки сбыта. Рывок Германии на Юго-Восток обеспечивал одновременно рынок сбыта и сырьевую базу. Германия экспортирвала сюда промышленные изделия, в особенности машины, и в то же время приобретала житницу и получала недостающую нефть. Рывок в Марокко должен был дать руду. Целями рывка во Фландрию и Нидерланды, пропаганда которого велась еще до войны, были в одно и то же время сырьевая база Бельгии и превосходный рынок этих государств. То, что произошло позднее, во время войны, явилось лишь продолжением этого курса. Ясский мир гарантировал получение румынской нефти, на которую еще раньше наложили лапу два из немецких «Д-банков»; рывок на Украину до Азовского моря должен был обеспечить захват донецких руд. Приобретение побережья Фландрии и Лонгви — заветное желание германских концернов — должно было обогатить немецкие рудные и угольные месторождения.

Непосредственную пользу от некоторых из этих рывков получали на первых порах — как во время войны, так и в условиях мира — только те промышленники, которые приобрели там права эксплуатации ресурсов, либо концессии. Рывки германской политики — как на войне, так и во время мира — осуществлялись не ради народа в целом, а ради прекрасных глаз тех,

[1] См. прежде всего W. M ö n c k m e i e r, Die deutsche überseeische Auswanderung, Jena 1912, S. 191 ff.

кто был заинтересован в этих рывках. Борьба за Марокко, которую лишь на второй и третьей фазе можно было признать в качестве борьбы за руду, принесла пользу, в первую очередь, рейнским промышленникам, приобретавшим там права, и, пожалуй, в еще большей мере крупным банкам, которые финансировали прорыв в Марокко. Поскольку снабжение империи сырьем пока еще находилось на должном уровне, а при превосходстве английского флота о ввозе из Марокко в случае войны не могло быть речи, в экономическом отношении империалистическая политика с целью обеспечения источников сырья была векселем, выданным на будущее, причем представлялось весьма сомнительным, можно ли будет когда-нибудь предъявить его к оплате. Итак, если с точки зрения широких слоев германский империализм не имел оправдания, то его все же можно понять при сравнении проблем, которые он должен был решить, с проблемами современной Европы. Взглянув на современную экономическую карту*, можно понять, что по сравнению с довоенным временем увеличилось количество таможенных границ, уменьшились в размерах экономические районы и что этому противостоит непропорционально большой рост числа «национальных» отраслей промышленности, особенно там, где имеется сырье. В сравнении с этими условиями довоенный империализм представляется попыткой пресечь такое развитие, во-первых, путем расширения хозяйственных территорий и, во-вторых, посредством монополизации сырья. Милитаристскому учению об экономической автаркии соответствовала аналогичная тенденция в промышленности, толкавшая ее на сторону армии. Мобилизуя военный аппарат, промышленность старалась застраховать себя от зарождения конкурирующих отраслей в сырьевых районах. Таким образом, в конечном счете империализм означал попытку искусственно воспрепятствовать тому всеобщему развитию производительных сил, которое, особенно в последующий период, способствовало приходу к всемирно-историческому абсурду — мировой войне, которая действовала на все государства, как небывалой силы протекционистский тариф.

Как бы то ни было, последствия показали, что сдержать довоенный германский империализм было невозможно, что на страну, находящуюся в неблагоприятном военно-географическом положении, он навлекал великую опасность. Пожалуй главными из основных моментов, толкавших к этой опасности, были неприкрытые притязания на Голландию и Бельгию.

Германское «внедрение» в Голландию и Бельгию

В период, когда марокканский кризис достиг своего кульминационного пункта, наиболее проницательный из представителей Пангерманского союза Рейсман-Гроне, владычествовавший в «Рейниш-Вестфелише цейтунг», требовал, прежде всего, вовлечения Нидерландов в Германский таможенный союз. Правда, наряду с этим, он выступал и за усиление германского флота, но в этом ему хотелось видеть лишь средство борьбы за достижение целей, которые тяжелая индустрия преследовала на континенте. Тем самым тяжелая промышленность, стоявшая за «Рейниш-Вестфелише цейтунг», напрямик отказала в поддержке химерическим планам завоевания господства в заморских странах. Проникновение в страны европейского континента в северо-западном, а также в юго-восточном направлении представлялось ей более реальным и легче осуществимым, чем разного рода авантюры в Южной Америке или на Тихом океане[1].

* Написано в 1932 г.

[1] См. доклад Рейсман-Гроне на съезде Пангерманского союза в Вормсе в середине июня 1905 г., воспроизведенный в «Zwanzig Jahre Alldeutscher Kampf und Arbeit», Leip-

Желание принять Голландию в Германский таможенный союз либо в Среднеевропейское таможенное объединение, а также всемерное поощрение движения фламандцев, которое привело во время войны к известным аннексионистским устремлениям в отношении побережья Фландрии, явились в довольно значительной степени следствием расцвета тяжелой промышленности на Рейне и в Руре. Вообще нельзя представлять себе дело так, будто идея «народной общности», которая много столетий оставалась нетронутой целиной, возникла именно в то время и позднее, поднявшись из воображаемых глубин народной души. О разбросанных там и сям остатках и осколках «народного организма» времен переселения немцев на юго-восток или северо-запад, об островках народности в оторванных частях старой Германской империи, этих avulsa imperii, неизменно вспоминали тогда и постольку, когда и поскольку это соответствовало тем или иным интересам.

Гигантский экономический переворот дал особый, новый и сильный импульс естественному чувству общности с немцами за границей, которое коренилось в немецком народе тем сильнее, чем прочнее он держался за насиженное гнездо: в жителях маленьких городов больше, чем в жителях больших городов, в крестьянине больше, чем в сельскохозяйственном рабочем, в ремесленнике больше, чем в пролетарии, в помещике больше, чем в банкире. Вскоре нельзя уже было различить, что определялось природным чувством, а что — деловыми интересами. Например, выдвижение фламандского вопроса и вопроса о германо-нидерландском таможенном объединении[1] — что само по себе отнюдь не является лишь продуктом «капитализма» — отвечало не только нуждам расцветавшей рейнско-рурской индустрии, но и запросам коренного преобразования процесса промышленного производства, приведшего в начале XX столетия к расцвету промышленности Саара. Помимо стремления получить порт в устье Рейна, соответствующие пожелания рейнско-вестфальской промышленности объясняются тем, что богатый и отличающийся изобилием колониальных владений нидерландский рынок сбыта, который в таможенно-политическом отношении представлял собой заграницу, был речными путями, географически гораздо теснее связан с рейнско-рурской областью, чем рынки собственно немецкого таможенного района. Помимо этого, выдвижение фламандского вопроса как такового, поползновение захватить Антверпен находит свое непосредственное объяснение в развитии саарской и лотарингско-люксембургской промышленности, а опосредствованное — в основательном техническом преобразовании производства тяжелой промышленности данного района. Внедрявшееся в то время промышленное использование газов — отходов доменного процесса, почти внезапно привело к тому, что эти области с их железорудными богатствами принялись создавать, привлекая для этого рурский уголь, собственную

---

zig 1910, S. 267 ff. Толкование Рейсманом понятия нации, под которой он разумел все государства с населением, говорящим на немецком языке, представляет собой параллель к резким нападкам «Рейниш-Вестфелише цейтунг» на слишком вялую политику правительства в восточном вопросе. С возражениями против высказываний Рейсмана на съезде выступил генерал фон Либерт, который, будучи старым приверженцем колониальной политики, естественно, заявил о своем несогласии с подобным ограничением одной лишь континентальной политикой («Zwanzig Jahre...», S. 217 ff.).

[1] Упоминания и намеки, касающиеся этих аннексионистских устремлений, имеются почти во всех пангерманистских работах. По поводу данной проблемы см., например, B o n h a r d, S. 62 ff.; далее, в качестве одного примера из многих можно назвать R u d o l f M a r t i n, Kaiser Wilhelm II und König Eduard VII, Leipzig 1908, S. 88. «На Западе,— пишет Мартин,— присоединение Голландии и Бельгии является для германской таможенной политики потребностью, от которой невозможно уклоняться в течение длительного времени». Книга Мартина — один из самых примечательных образчиков пропаганды, требующей одновременно и нанесения решающего удара по соответствующим политическим интересам англичан и союза с Англией. Рейсман-Гроне, следивший за этим вопросом в 1899 и 1911 гг., издавал в качестве органа, духовно связывающего северный и южный германизм, журнал «Германия».

стальную промышленность[1], которая искала сбыта через антверпенский порт, связанный с нею выгодными бельгийскими транспортными артериями. Вследствие этой промышленной перегруппировки усилилось желание немцев взять в свои руки транспортировку все увеличивающейся продукции, особенно лотарингской и люксембургской, через морские порты. Эта экспансия развивалась год за годом. Уже в 1906 году среди коренных жителей Антверпена насчитывалось 40 тысяч немцев; к тому времени была, по сути дела, достигнута цель, состоявшая в том, чтобы перехватить у англичан импорт на континент[2]*.

В этом и в постоянно растущем морском могуществе Германии, значение которого в целом можно уяснить себе вообще лишь в связи с условиями, созданными в мире империализмом, Англия видела для себя большую угрозу, как прямую, так и косвенную. Обладая побережьем Фландрии, Германия могла, подобно Наполеону I, осуществить континентальную блокаду. Как говорил позднее Грей, при возникновении войны он опасался главным образом германской таможенной политики, так же как и того, что комбинация континентальной и морской мощи на противной стороне может вынудить Англию к уступкам в центрах ее мировой империи, например в Египте. Начальник германского генерального штаба граф Шлиффен с давних пор считал марш через Бельгию неотъемлемым условием для нанесения решающего удара по Франции. Хотя едва ли можно предположить, что существовала непосредственная связь между этими планами и германской экспансией, в случае войны стратегическое наступление могло быть все же поставлено на службу интересам промышленности, и в Англии эта возможность должна была представляться тем более угрожающей, что там благодаря уже одним лишь бестактностям кайзера были информированы о планах германского наступления через Бельгию, пусть даже в других местах об этих планах и не знали[3].

Борьба интересов в вопросе о фламандском побережье, естественно, имела значение для взаимоотношений Англии и Германии во всем мире. В конце концов, решение вопроса, сможет ли Германия обеспечить себе сферу исключительных интересов в районе Багдадской железной дороги и эвентуально осуществить натиск на Египет, зависело от того, удастся ли ей без помех строить флот и приобрести для него опорные пункты на побережье Фландрии. Это, конечно, отнюдь не означает, что ответственное имперское руководство Германии имело план нападения на Бельгию. Но с другой стороны, существо

[1] См. Kurt Wiedenfeld, Ein Jahrhundert rheinischer Montanindustrie (4-й выпуск издававшегося им сборника по вопросам организации современной экономики, Бонн 1916, стр. 98 и сл.): «Когда добились того, что чугун достигал сталелитейного цеха в горячем состоянии, и несколько позднее научились также непосредственно использовать газ, выделяющийся при доменном процессе, для получения электрической энергии, тогда то же количество угля, как и прежде, стало давать значительно большую в процентном отношении выработку. При этом отрицательно сказалось то, что лотарингско-люксембургская руда сравнительно бедна железом и поэтому для производства чугуна требуется больше руды и меньше угля».

[2] См. инструктивный доклад об общем положении Бельгии в BD, III, № 321, 1906 г. Из-за германского проникновения в Бельгию и Голландию в 1906 г. разгорелась яростная борьба между немецкой и английской печатью. Представляет интерес полемика «Альдейче блеттер» от 25 августа 1905 г. (стр. 271 и сл.) против германо-английского журналиста Эллиса Баркера (Эльцбахера). «Альдейче блеттер» упрекает «франкфуртского еврея» Эльцбахера в том, что он рассержен симптомами пангерманской пропаганды за аннексию Голландии, вместо того чтобы их приветствовать. Во Франции возможность сталкивать друг с другом Англию и Голландию использовала в особенности партия сторонников Англии («Alldeutsche Blätter», v. 13.10.1906, S. 334).

[3] См. важную информацию о беседе кайзера с королем Леопольдом бельгийским, содержащуюся у Бюлова (Bülow, op. cit., 2. Bd., S. 74 ff.). Ныне (1932 г.) имеются известные разоблачения, сделанные М. Палеологом, а также В. Ферстером в K-BM, 1932, S. 1053 ff. (Был ли план германского наступления 1904 г. известен французам в результате предательства?)

* См. также DD, 2-me serie, vol. 8, № 291.

империализма и его отвращение к какому-либо контролю сверху обусловливали категорическое стремление всеми силами предохранить себя от возможного развития событий. Всеобщая неустойчивость и международно-правовая анархия повели к возникновению всеобщего недоверия. Любой народ чувствовал себя обеспеченным на случай войны лишь тогда, когда он был готов к самому худшему. Этот типичный для империализма взгляд на вещи с полным основанием рассматривали как одну из важнейших причин войны.

Сущность германской «политики мощи» и Пангерманский союз

Впрочем, пожалуй, лишь немногие видели проблемы в их общей взаимосвязи и сознавали опасность, которую германская промышленная экспансия влекла за собой для других стран, а тем самым опять-таки и для Германии. Скорее, при взгляде на немецкую политическую литературу того времени прежде всего создается такое впечатление, что Германия намеревалась, мобилизуя свою военную и военно-морскую мощь, обеспечить для себя то, что значительное большинство народа считало естественным притязанием на место под солнцем, то есть неоспоримым жизненным правом немцев, и что, следовательно, отнюдь не представлялось проблематичным. Привыкшее старательно распределять все в мире по принадлежности, значительное большинство с почти безграничным доверием предоставляло соответствующим внешнеполитическим инстанциям заниматься вопросами технических деталей.

Для всех и каждого не подлежало ни малейшему сомнению одно: надо, согласно охотно тогда цитировавшемуся девизу «right or wrong my country», отстоять собственные интересы по отношению к какой бы то ни было стране. И нельзя уйти от духа власти и воли к власти при рассмотрении германского империализма. То, что при этом внутри страны и вне ее называли пангерманизмом, было, собственно, только определенным нюансом дискуссии, который, в особенности во время войны, злостно выносился зарубежной пропагандой, особенно нортклиффовской печатью, за пределы социальной группы, первоначально явившейся его носителем, и объявлялся образом мышления социальных элементов, разъединявшихся пангерманизмом; в Германии, напротив, в национальной и интернациональной дискуссии наблюдалась, особенно со стороны левых, исключительно сильная склонность атаками на «пангерманский образ мышления» прикрывать тот факт, что и сами они соглашались с силой и империализмом. При этом левые постоянно ссылались на то, что сам по себе Пангерманский союз был незначителен по численности. Но поскольку в идеях пангерманизма на передний план обнаженно выдвигались вопросы силы, эти идеи захватывали круги вне Пангерманского союза. Всевозможные разновидности теории силы проникают глубоко в левые круги. В том числе и лучшие умы тогдашней Германии задавались мыслью об экономической необходимости утверждения германской экспансии в изменившиеся времена.

Отличие идеологии пангерманцев от идей остальных социальных слоев состояло в чрезмерном среднесословно-антипацифистском заострении романтики, в национализме, который ради обеспечения монопольного положения создавал нюансы не только в отношении других народов, но и внутри собственного народа. Пангерманцы выступали за то, чтобы преимущества, которые приносил и главным образом должен был принести в будущем современный национализм, не распространялись не только на чужие народы, но и на те слои внутри страны, в противоречии с которыми находились носители пангерманских идей.

В целом — в международном масштабе и в жизни народов — расовые и языковые различия воспринимаются в особенности тогда, когда особые шансы связаны с принадлежностью к определенным типам духовного или физического рода. В этом смысле пангерманизм хотел монополизировать понятие «немецкое», особенно противопоставляя его еврейству, добивавшемуся благодаря своему наднациональному характеру и своей заинтересованности в торговле и финансах мирного течения международных отношений, которые пангерманцы стремились при случае разрушить с помощью войны и культ которых старались ограничить, прежде всего, при воспитании молодежи. К тому же в силу своей специфической этики и законодательства прежних времен еврейство, лишенное возможности проявлять активность в практической жизни, и прежде всего в сельском хозяйстве, было частично вынуждено заниматься профессиями, которые пангерманские слои считали своей монополией.

Сами по себе пангерманские идеи, как идеология слоя профессоров, инженеров и врачей, образовывавших в большей, пожалуй, мере, чем сами они о том догадывались, передовой отряд промышленности, восходили к временам, когда немецкая романтика выступала за пан-Германию, за возвращение провинций, отторгнутых от имперского союза националистской Францией, и за восстановление империи. Однако эта новая романтика была лишена христианской основы, без которой старая романтика была бы немыслимой. В свое время Гёррес и Штейн хотели создать империю, которая была бы покровительницей церкви, пришедшей в упадок во время французских революционных бурь, и, готовая утешить всех слабых, притесняемых и нуждающихся, всех, кто стал беспомощной жертвой Французской революции и Бонапарта, протягивала бы свою защищающую руку над avulsa imperii, теперь пангерманцы, напротив, хотели объединить народ против чересчур мирной политики кайзера, который не был антисемитом и охотно общался с представителями финансовой аристократии. Надо было предвидеть, что католическая церковь не сможет поддерживать такую политику и что государственная протестантская церковь также должна будет отказать себе в участии в этой оппозиции кайзеру. Императорская власть и идея народности, финансовый капитал и ремесло, а также в особенности мелкое кустарное производство, государственная церковь и антисемитизм, космополитизм и оседлость стали постепенно отделяться друг от друга, пока еще без того, чтобы при тесной связи между государством и монополистическим капиталом и при победоносно продвигающейся вперед экономической экспансии всерьез начали расшатываться основы общественного строя. Пангерманцы со всей последовательностью перешагнули через романтику средневековья. Не Римская империя и не Германский союз, хроническая слабость которого делала прошлое Германии столь привлекательным в глазах ее соседей, а древние германцы — вот что должно было возникнуть вновь, чтобы служить предметом обожания такого рода романтики. Для пангерманцев борьба Арминия против Рима воплощала одновременно и внутреннюю и внешнюю политику, антироманскую борьбу extraet intra muros. Настроения против государственной церкви проникли даже в те круги, которые отнюдь не без оговорок разделяли расовые теории Хассе, Лера, Фрича или даже экстремистов, подобных Л. Реймеру. Глава Рейнско-Вестфальского угольного синдиката Эмиль Кирдорф тоже проявлял по отношению к церкви резкость и холодность; таким образом, с точки зрения части буржуазии, а также и крупной промышленности протестантство приобрело антиуниверсалистский смысл.

Поскольку речь шла не о церковных вопросах, а об идее силы, посредством которой Германия должна была завоевать свое положение в мире, пангерманцы, помимо своих более близких приверженцев, имели союзников как раз в массе образованных людей. Лишь немногие искренние люди имели мужество сознательно встать на позиции столь часто подвергавшегося напад-

кам империализма и без прикрас отстаивать его как необходимость[1]. Основная масса теоретиков находилась во власти неумного оптимизма силы, который в росте и развитии последней «с уверенностью видел грядущий экономический расцвет, подъем культуры и кое-что еще»[2]. Один из критиков не без основания указывал, что эти приверженцы силы, главным образом из числа университетских профессоров, имели со своим врагом —социализмом— больше общего, чем им, пожалуй, хотелось бы думать[3]. К этим родственным идеям надо причислить также и мнение, согласно которому в результате наращивания силы расцвет культуры наступит сам собой. Если в данном случае вместо понятия силы подставить понятие экономики, то параллель между социалистическим и несоциалистическим взглядом видна совершенно ясно.

Пусть даже значительная масса населения Германии разделяла точку зрения правительства, согласно которой рост вооружений и наращивание силы надо было считать элементом обеспечения мира, поскольку государства, вооружаясь, взаимно увеличивали риск войны и тем самым — миролюбивые устремления. Ведь и эта точка зрения имеет с пангерманскими идеями то общее, что она одобряет силу и соглашается с необходимостью ее наращивания. Принципиально против этих воззрений выступали социалисты, которые, правда, в своем большинстве тоже поддерживали идею обороны отечества, но в то же время отказывались предоставить правительствам средства для этого, так как полагали, что политика правительств направлена на создание конфликтов, которые, не отвечая интересам рабочих, могут повести к всеобщей войне, а эта последняя неизбежно вовлекла бы их в конфликт. Политика партийного руководства, подвергавшаяся, начиная с опасного в военном отношении 1906 года, атакам с обоих флангов партии, не смогла избежать той имманентной проблематики, перед которой неизбежно оказывается рабочий класс, если он не может без существенного ущерба для своих позиций пойти на уступку нескольких пограничных провинций, как это впоследствии смогли сделать большевики[4].

---

[1] Как подчеркивает на стр. 402 Кер, к числу этих немногих правдивых и честных относится стоявший во главе пропаганды Эрнст фон Галле (Леви), который, впрочем, в интеллектуальном отношении был намного выше своего окружения. Макс Вебер также обладал слишком основательным умом, чтобы хотеть или быть в состоянии обманывать себя либо тех, кто его окружал, относительно истинных движущих сил тогдашней Германии. Однако в мире, который был просвещен Ибсеном, но не стал от этого лучше, те, кто противопоставлял происходящему правдолюбие, кто противопоставлял неумолимому ходу вещей свое «несмотря», добивались немногого. Согласно Керу, географа Рихтгофена тоже надо причислить к ряду тех политиков, которые смотрели на проблематику империализма, не приукрашивая факты.

[2] Дословно по Керу (стр. 404). Предпринятые Кером исследования по идеологии довоенного периода принадлежат к лучшим разделам его книги.

[3] K e h r, op. cit., S. 411. Я тем более должен отослать к нему читателя, что из-за недостатка места не могу подробнее останавливаться на этом комплексе, не говоря уже о том, что чувствую себя не в состоянии сделать это лучше, чем Кер.

[4] Советские теоретики настойчиво указывают, что при немарксистском анализе действительности заинтересованность рабочих в существовании империалистической системы экономики также должна считаться имеющей место в той мере, в какой рабочий тоже заинтересован в получении сырья и расширении районов сбыта. Правда, путь войны, который является последней инстанцией империалистической борьбы, отнюдь не соответствовал социологическим интересам рабочих — обстоятельство, которое совершенно так же может быть обосновано и при помощи немарксистских аргументов. Надо, однако, сказать, что, согласно немарксистской теории, обнищание рабочих, особенно рабочих Германии, после войны было не необходимым конечным звеном развития, с самого начала определяемого своей диалектикой, а именно следствием военного поражения, расцвета заморского производства, уничтожения капитала, увеличения числа таможенных границ и т. д. Как бы то ни было, лишь посредством экономического анализа можно объяснить тот необыкновенный факт, что рабочие вели борьбу в гораздо меньшей степени, например против восточно-азиатской или турецкой политики Германии, дававшей работу населению промышленных районов, чем против германской колониальной политики, особенно в период крупных концессионных обществ; и даже позднее, когда колонии должны были

Политика воздержания, которую Германии поневоле пришлось проводить после войны и которую называют также политикой взаимопонимания, потребовала бессознательной перековки исторических обстоятельств, потребовала доказательства того, что довоенная Германия была мирной par excellence. Изменившаяся политическая ситуация немедленно же породила изменившуюся внешнеполитическую идеологию, в силу которой высказывания довоенной немецкой публицистики и политической печати были по возможности сосланы в библиотеки и в рамках развертывающейся теперь дискуссии о виновности стали ограничиваться доказательством того, что перед 1914 годом ответственные государственные руководители Германии войны не хотели. Кое-какие органы, совершив salto mortale, перескочили от самой разнузданной агитации в пользу аннексий к пропаганде невиновности в войне[1]. Но из-за этого исторически и социологически объяснимого факта нельзя заблуждаться на тот счет, что охарактеризованные здесь дух и настроения[2], собственно говоря, невозможно представить себе в отрыве от истории довоенного империализма. Без понимания этих настроений и этого духа в истории остается пробел, делающий невозможным объяснение важнейших явлений, и, в частности, англо-германского отчуждения. Как бы то ни было, мы не получим такого объяснения, если, как это любят делать немецкая республиканская школа и ее историография, будем пытаться все сваливать на строительство флота и на пангерманцев или же если, наоборот, как это делает противная сторона, будем подчеркивать, например, «право» германской политики укрепиться на Босфоре или строить флот и возлагать на противников ответственность за нападение на Германию. Та и другая крайность одинаково уводят в сторону от познания всеобщих исторических взаимосвязей, объективное понимание которых должно в то же время являться для немцев частью процесса самопознания.

Двусмысленность англо-германских отношений

Англо-германскую проблему тоже, как мне представляется, нельзя понять, не принимая во внимание это соображение. Косвенным образом уже было показано, что эта проблема содержит в себе разительное противоречие, не ускользнувшее и от взоров современных представителей всех направлений. «Гамбургер нахрихтен» следующим образом охарактеризовала однажды суть этого противоречия: «В англо-германских отношениях редко можно было наблюдать до такой степени диаметрально противоположные тенденции,

оказаться вовлеченными в капиталистический производственный процесс, здесь наступило заметное притупление сопротивления со стороны социалистов.

[1] Ср., например, известный специальный номер «Зюддейче монатсхефте», посвященный теме «фламандское побережье», с номерами этого же журнала, выпущенными во время и после Версальской конференции.

[2] Здесь (я подчеркиваю это) речь идет о процессе исторического самопознания, который, по моему мнению, не находится в противоречии с интересами самоутверждения Германской империи уже по той причине, что самопознание, как оно ни горько, может послужить только к чести нации, не говоря уже о том, что познание вещей, имевших место двадцать и больше лет тому назад, ни в малейшей степени не может послужить, будь то в хорошую или дурную сторону, модификации мировых сил, действующих против Германии*. Познание никогда не дает себя оттеснять в течение длительного времени посредством чего бы то ни было, в том числе и посредством деятельности известных объединений, деятельность и социальную организацию которых интересно и, по-моему, верно охарактеризовал Герман Канторович (стр. 448 и сл.), хотя в целом я и не могу присоединиться к даваемой им благоприятной оценке английской политики. Расхождение воззрений в частностях представляется достаточно ясным из текста.

* Это примечание было написано в 1932 г. Я придаю значение тому, чтобы оно не было изменено и сегодня (1950 г.).

как именно сейчас. С одной стороны, строят дредноут за дредноутом и хотят увеличить английскую сухопутную армию, и все это ввиду озабоченности по поводу Германии или же германского вторжения... с другой стороны, мы именно сейчас находимся под знаком взаимных визитов, которыми обмениваются германские и английские корпорации и сословия... Стало быть, с одной стороны, боязнь войны и подготовка к войне, с другой стороны, стремление к взаимопониманию, взаимной терпимости и признанию. Примечательное сочетание, слишком ярко иллюстрирующее смятение чувств, во власти которого оказались обе стороны, участвующие в англо-германских отношениях»[1].

Эта двусмысленная идеологическая тенденция соответствовала противоречиям в социальном развитии, о подоплеке которого здесь говорилось. С одной стороны, вместе с прогрессирующим развитием капитализма усиливался процесс разделения труда между Германией и Англией, с другой стороны, под давлением того же развития стали усиленно разрастаться внешнеторговые связи Германии, началось усиленное проникновение в не охваченные капитализмом территории, и обе эти различные тенденции были одновременно необходимы. Они одновременно открывали возможность получения прибылей, и для обеих служил предпосылкой один и тот же процесс развития отечественной экономики, по силе и интенсивности даже превосходивший эти внешнеторговые тенденции. Развитие отечественной экономики опять-таки создавало экономическую основу морского и континентального вооружения, которое, в конечном счете, должно было служить прикрытию внешней торговли.

В этих условиях англо-германские отношения приобретали двойственный, даже чудовищный характер. Романтически-иронический, двойной смысл взаимоотношений этих стран часто воплощался в одних и тех же социальных группах и даже в одних и тех же лицах. Так, частный банкир, являвшийся генеральным консулом Великобритании и пользовавшийся ее полным доверием, владелец фирмы, через посредство которой осуществлялись германское участие в финансировании Британской империи и экспорт английского капитала в Германию, одновременно заседал в наблюдательном совете немецких военно-промышленных фирм и имел все основания рекомендовать англичанам добиваться взаимопонимания с Германией каким угодно путем, только не посредством соглашения о вооружениях[2]. Деловые люди, сотрудничавшие с Англией, тоже могли вкладывать свои прибыли в акции военной промышленности. Угольные и стальные магнаты могли в одно и то же время поставлять свою продукцию и Англии и военному флоту. Но даже если эти вложения или деловые интересы и не оказывали, как таковые, решающего влияния на политическую позицию (например, в случае с упомянутым банкиром, они, как можно заявить со всей определенностью, не влияли на нее непосредственно), кто из представителей этих кругов, которые, будь они даже подчеркнуто англофильскими, в исключительно большой степени зависели от господствующего государства, — кто из них мог что-либо предпринять против берлинского курса на сооружение флота? Наблюдаемые здесь противоположные тенденции особенно проявляются также и в германской промышленности, работавшей на экспорт. С одной стороны, именно эта промышленность была больше всего заинтересована в том, чтобы в борьбе за внешние рынки, например в Турции, или за расширение германских колониальных владений в Африке Германия имела в виде достаточных морских

[1] «Hamburger Nachrichten» v. 25.5.1909.

[2] См. T h i m m e, Auswärtige Politik und Hochfinanz. Aus den Papieren Paul von Schwabachs, «Europäiche Gespräche», 1929, S. 288 ff.*

* Тимме (как позднее Стэли) и некоторые другие авторы используют пацифизм финансовой аристократии, чтобы доказать якобы мирную природу тогдашнего капитализма. Как показано в тексте, эти мирные тенденции даже в среде финансовой аристократии следует воспринимать cum grano salis; нечего и говорить о внешней политике тяжелой промышленности той поры.

вооружений прикрытие против сопротивления со стороны Англии и чтобы в случае континентальной войны английский флот не мог бы с легкостью перекрыть немцам морские пути. С другой стороны, именно для промышленности, как, например, текстильной, работавшей на экспорт, Англия и Америка являлись важными клиентами. Империализм и политику взаимопонимания связывали воедино[1]. В одно и то же время пытались осуществлять две прямо противоположные линии политики.

То же самое развитие, которое как бы сближало Германию и Англию, вместе с тем отдаляло их друг от друга. В то время, как в конечном счете благодаря развитию транспорта, во все более тесное соприкосновение приходили даже те круги, на которые по обе стороны Северного моря возлагали вину за трения, в том числе стальная промышленность и флоты обоих государств — ведь еще непосредственно перед войной имел место визит английских кораблей в Свинемюнде,— нации отдалялись одна от другой все дальше.

Англия и Германия прямо-таки раз — и подружились. Англо-германские отношения в это время имели тенденции взаимнопритягательные и взаимноотталкивающие. Об этом предвоенном периоде можно, пожалуй, сказать, что он был полосой англо-германского противосогласия. Эта раздвоенность находила свое самое сильное, как бы телесное воплощение как раз в тех двух фигурах, на которые в первоначальной лихорадке войны и еще много времени спустя больше всего возлагали вину за англо-германское отчуждение— в короле Эдуарде VII и кайзере Вильгельме II.

В груди короля Эдуарда две души, с грустью писал однажды германский посол в Лондоне[2]. До начала своего правления, а для своего окружения и позднее, король Эдуард был первым джентльменом Европы, настроенным вполне антимилитаристски, штатским по натуре. Он был законодателем мод, он курил лучшие сигары, он любил спорт, имел лошадей, женщин, долги и играл. В общем — противоположность военному. Но эту душу сжигало долго подавляемое честолюбие. Этот человек, тайное тщеславие которого состояло в том, чтобы быть принцем Генри, был обречен ждать до тех пор, пока он не достиг фальстафовского возраста и почти фальстафовского объема. Не будь Фальстаф куда более чувственным, куда более полнокровным характером, чем преувеличенно породистый отпрыск Кобургского дома, можно было бы, пожалуй, сказать, что Эдуард VII начал править, будучи Фальстафом, который хочет быть принцем Генри.

Английскому господствующему классу, сокрушившему Оскара Уайльда за то, что он угрожал традициям и привилегиям этого класса, было тем легче истолковывать образ жизни Эдуарда VII как проявление веселой жизнерадостности, свойственной Merry Old England, что в этом короле он видел наилучшее поощрение своих интересов. Король слишком долго был принцем Уэльским, чтобы теперь, подобно принцу Генри, отречься от своего тогдашнего окружения. Напротив, его правление, скорее, преследовало цель упро-

[1] Для этих двусмысленных настроений, например в текстильной промышленности, весьма характерна корреспонденция из Дрездена, опубликованная во «Франкфуртер цейтунг» 31 января 1906 г.: «В целом политическое подстрекательство встречает здесь мало симпатии. [В Саксонии] отдают себе отчет в том, что в наших интересах поддерживать дружественные отношения с Англией. Саксонские промышленники живо откликнулись на первые же высказывания влиятельных английских кругов против устремлений, направленных на то, чтобы стравить Англию и Германию... У нас придерживаются убеждения, и в особенности это недавно высказало Объединение саксонских промышленников, что в области экономического соревнования обе нации имеют достаточно простора и нет ни малейшей причины для того, чтобы они заняли враждебные позиции друг к другу». Поэтому в Дрездене, промышленном городе, часто посещаемом иностранцами, видывали направленные против политических отравителей колодцев собрания с участием Торговой палаты и даже национал-либералов (!!) и консерваторов (!!), причем профессор Высшей технической школы сделал доклад об англо-германских отношениях, и была единогласно принята резолюция в пользу улучшения отношений между Германией и Англией.

[2] См. GP, 6867, Меттерних — Бюлову, 22 июля 1905 г.

чить благополучие и господство тех, кто окружал его, когда он был принцем Уэльским, и кто так часто выручал его из беды.

Как англо-французская Антанта отвечала, между прочим, интересам дома Ротшильдов, так русско-английские отношения соответствовали буквальным интересам дома Бэрингов, глава которого лорд Ревельсток привел в порядок королевские финансы. Эту честь, он делил с сэром Эрнестом Касселем, так часто выступавшим в качестве посредника между Германией и Англией, и с сообщником Сесила Родса гамбуржцем Альфредом Бейтом*. Но факт таков, что это упрочение положения одновременно и финансовой аристократии и империи таило в себе опасность войны. Господство финансового капитала, предназначенное для того, чтобы служить мирному наслаждению европейской цивилизацией, которому король предавался до самой старости, нельзя было поддерживать без упрочения империи, чьи интересы перекрещивались с германскими. Понятия «война» и «мир» все больше сближались, так что венценосный финансовый капиталист вскоре стал представляться немцам отравителем, шулером, надувавшим немцев**.

Воинственным действиям и мирной видимости соответствовали по другую сторону моря воинственная видимость и мирный нрав. Правда, перед внешним миром Вильгельм II нередко становился в позу Warlord'a, как его заклеймила впоследствии ненависть нортклиффовской прессы. В сегодняшней Германии***, собственно говоря, уже нет нужды доказывать, что это бахвальство было лишь проявлением внутренней неуверенности, которая в известной степени оправдывала французские насмешки над Guilleaume le timide. Особенно во время обоих марокканских кризисов министерству иностранных дел, которое само по себе не является особо воинственной инстанцией, но, разумеется, не всегда вольно было самостоятельно принимать решения, приходилось прямо-таки насильно преодолевать уступчивую позицию верхов, чтобы, учитывая обычно хорошую осведомленность Франции об обстановке в Берлине, снижать впечатление слишком большой слабости. Как бы то ни было, нервная система Вильгельма II была столь неустойчивой, что он то и дело попадал в руки капиталистических, военных или еще каких-нибудь клик. Надежным барометром, показывающим степень их влияния, были соответствующие речи кайзера, редко произносившиеся без подобного влияния. Таким образом, при исследовании германского империализма нужно в еще большей мере, чем при изучении политики зарубежных стран, в каждом отдельном случае исходить из того, под каким социологическим влиянием находилась как раз в данный момент самая верхушка, не упуская при этом из виду, что в некоторых отношениях политика этой верхушки определялась неизменными воззрениями и факторами сильнее, чем можно было заключить из огненных речей кайзера. К этим неизменным линиям в смене явлений относится постоянное нежелание кайзера выступать против Франции — позиция, облекавшаяся в форму некоего рыцарского поведения по отношению к поверженным 1870 года и определявшаяся с их стороны, между прочим,

* Согласно DD (2-me serie, vol. 1, № 100, Камбон — Делькассе, 23 февраля 1901 г.), к этим финансистам надо причислить еще барона Гирша, который ссудил тогдашнему принцу Уэльскому по меньшей мере 15 миллионов франков под поручительство императрицы Фридерики. Во время своего визита в Англию в дни восшествия на престол Эдуарда VII Вильгельм II пытался уладить это дело. Как кажется, поручительство императрицы Фридерики было принято на себя английскими Ротшильдами.

** На основе исторического опыта, минувшего с тех пор периода, и опубликованных тем временем материалов, в том числе соответствующих томов DD и, в частности, книги Зигмунда Мюнца (S i e g m u n d M ü n z, Eduard VII in Marienbad, Wien 1934), сегодня необходимо кое в чем обновить суждение об Эдуарде VII. Учитывая германскую политику строительства флота, английский государственный деятель, даже менее, чем король, связанный интересами империи, не мог проводить чисто пацифистскую политику. Правда, как раньше, так и сейчас представляется сомнительным, было ли делом английского монарха брать на себя руководство в международной борьбе.

*** Написано в 1932 г.

морской политикой, которую следует охарактеризовать как наиболее значительный из неизменных факторов.

Морская политика воспрепятствовала также тому, чтобы позиция кайзера окончательно определилась в пользу Англии, хотя даже во время бурской войны он прямо-таки исходил заверениями в дружбе к Англии. Он пытался убедить Англию в том, что с ним, германским кайзером, можно отлично жить, если только дать ему спокойно строить флот. Противоречием в этой позиции является то, что она представляет собой точное подобие воинственно-мирного противоречия в характере короля Эдуарда. Наблюдая строительство флота и слыша мирные заверения, англичане, в конце концов, так же стали сходить с ума из-за Вильгельма II, как немцы из-за короля Эдуарда.

Временный поворот во внутренней политике. Колониальное восстание в Немецкой Юго-Западной Африке

В период, когда германский империализм оказался в этом сверкающем внешнеполитическом облачении, его носителем и пестуном была не в последнюю очередь также немецкая Партия центра. Голосование за законы о строительстве флота означало со стороны Центра и консерваторов возмещение за обещанные пошлины на зерно. После принятия таможенного тарифа—вознаграждение за дальнейшие уступки империализму, который наталкивался на сопротивление особенно в южногерманском крыле Центра, было бы мыслимо только в области церковной политики или патронажа. Все, кому была известна история политического католицизма в Германии, не могли даже думать, что без подобных «нечистых сделок»[1] можно заручиться со стороны Центра поддержкой политики, в которой Центр по своей природе был заинтересован меньше, чем другие партии. Но всякая мысль об уступках в области церковной, школьной или административной политики не могла не оттолкнуть именно те слои, которые в борьбе о пошлинах сражались на стороне Центра. Отсюда возник обостренный кризис внутриполитического положения, который неизбежно должен был прорваться наружу, стоило лишь империализму предъявить новые требования к немецкому налогоплательщику.

Такой поворот событий не заставил себя долго ждать. То самое развитие капитализма, которое в условиях кризиса 1901 года объединило аграриев и Центр под знаменем зерновой пошлины, повело вскоре после этого к колониальному восстанию, а тем самым к общественным расходам, обусловившим необходимость обращения к Центру с новыми политическими предложениями. Но, учитывая мизерность других возможностей компенсировать далеко идущие предложения, целью которых было мобилизовать правое крыло Центра против южногерманского и юго-западногерманского левого крыла и рейнского Центра Южной, Юго-западной Германии и Рейнской области, следовало ожидать, что они неизбежно вызовут отпор со стороны прежних политических союзников Центра — протестантской церкви и тем самым кайзера как главы протестантов. Вот почему имперское руководство постепенно стало подыскивать новых политических союзников. Именно это составляло более глубокий смысл так называемой повой политики блока

[1] Я рассматриваю в качестве важного прогресса историографии Партии центра (прогресса, который следует приветствовать) то, что историк Центра Бахем теперь (1932 г.) в своем партийно-официозном труде признает себя сторонником expressis verbis — политики «печистых сделок». Что ж, вовсе не обязательно, чтобы и в этическом отношении такая политика, при которой поощряются партийные интересы, стояла ниже, чем иные политические фокусы, так что нет причины отвергать фактически используемую практику.

князя Бюлова; эта политика проявилась внешне лишь осенью 1906 года, но в действительности началась задолго до альхесирасского периода и облегчалась эволюцией левого либерализма, для которой уход старого Ойгена Рихтера имел если и не решающее, то все же символическое значение.

Как уже отмечалось, толчок этому развитию дало кризисное развитие в немецких колониях. Если уже в последние годы пребывания Бисмарка в своей должности колониальная политика, даже частные вопросы этой политики, вышли из-под его непосредственного контроля, то после ухода Бисмарка возникло совершенно невозможное положение, вызванное той деловитой бездеятельностью, при которой, с одной стороны, создавали крупные концессионные общества, особенно в Юго-Западной Африке, а с другой,— боясь непопулярности, не шли на то, чтобы отвоевать у рейхстага достаточные контингенты войск охраны. Последствия этих противоречий в политике не выступали наружу лишь до тех пор, пока концессионные общества занимались обычными земельными спекуляциями, оставляя восточно-африканские земли, как таковые, нетронутыми[1]. Но когда они вследствие экономического кризиса 1901 года и окончания бурской войны перешли к активной колонизации в Германской Юго-Западной Африке[2], наступила ужасная катастрофа. Непосредственным поводом к несчастью послужило предпринятое «Дисконтогезельшафт» строительство железной дороги от побережья к рудникам Отави[3]. Из-за строительства этой дороги племя гереро оказалось оттесненным от своих пастбищ к песчаной пустыне на востоке[4]. Губернатор, которому

[1] Примечательные данные о концессионных обществах приводит Э. Т. Ферстер в «Дер буренфрейнд» и в родственном по духу журнале «Зюдафрика» (1903 г., стр. 151 и сл.). Однако сегодня (1932 г.) еще нет возможности проверить приводимые им подробности, поскольку документы колониального отдела ведомства иностранных дел остаются пока засекреченными. Тем не менее из этих данных можно усмотреть, что в Германской Юго-Западной Африке образовался, как однажды выразился в рейхстаге Бебель, «крысиный хвост» (длинная очередь.— *Ред.*) концессионных компаний, которые находились под прямым и косвенным контролем «Дисконтогезельшафт» и среди которых очень сомнительные дела обделывало в особенности западногерманское колонизационное общество «Зюд» под председательством консула Воозена, главного виновника восстания, вспыхнувшего в свое время в Германской Восточной Африке. Процессы, которые Воозен вел позднее против Ферстера, не смогли разубедить меня в том, что основа обвинений, с которыми выступил Ферстер, была правильной.

[2] В период кризиса во время дебатов в рейхстаге, а также со стороны упоминавшейся ранее фирмы «Артур Коппель» постоянно высказывается пожелание, чтобы кризис был преодолен при помощи колониальной политики. Закрытие победителями-англичанами Трансвааля одновременно толкнуло германский капитал развертывать деятельность в Юго-Западной Африке: так, например, в 1902 г. фирма «Герц» (Немецкий банк) приобрела у Германского колониального общества право на разведку ископаемых («Кёльнише цейтунг», 13 января 1902 г.), тогда как ее собрат — «Дисконтогезельшафт», увидя, что английский денежный рынок теперь закрыт для запланированного этим обществом во время бурской войны строительства железнодорожной линии в Анголу, по этой причине (а не по одним только выдвинутым в качестве прикрытия патриотическим мотивам) приняло решение о постройке дороги к медным рудникам в Отави («Alldeutsche Blätter» v. 4.4.1903).

[3] За постройку дороги выступила «Рейнише-Вестфелише цейтунг» (9 октября 1902 г.). Строительство было предпринято «Дисконтогезельшафт», «Немецким банком» и фирмой «Блёйхредер». Исполнителем работ являлась фирма «Артур Коппель», которая жаловалась правительству на недостаточную загрузку во время кризиса. Впрочем, чтобы сделать дорогу более рентабельной, вскоре попытались прекратить движение на небольшой параллельной дороге, выстроенной на деньги немецких налогоплательщиков («Vossische Zeitung» v. 18 u. 25.5.1904; «Deutsche Tageszeitung», Juni 1904).

[4] См. интересную статью Ферстера в «Дейче тагесцейтунг» за 15 января 1904 г. Как в ней сообщается, из-за строительства дороги в Отави, для которого должно было быть очищено место, по распоряжению губернатора полковника Лейтвейна племя гереро из Окаханджи и Гобабис оттеснялось дальше на восток. Трасса дороги пересекает по диагонали два градуса широты. Согласно договорам, заключенным с колониальной администрацией концессионными обществами, подвергшимися нападкам, особенно Германской колониальной компанией для Юго-Западной Африки, «Саус Уэст Эфрика компани» пресловутого колониального политика Шарлаха 11 октября 1898 г., а также Обществом Отави 15 марта 1901 г., эти общества имели право требовать от правительства землю

надлежало при помощи имевшихся у него ограниченных средств успокоить возникавшие волнения, но который не мог одержать верх над могущественными концессионными компаниями, попытался выйти из положения, издав распоряжение против немецких торговцев, имевших обыкновение склонять гереро к тому, чтобы те делали долги, и отбирать их скот, когда они не могли заплатить. Торговцам по этому распоряжению запрещалось предоставлять туземцам кредит, и к тому же — начиная с очень близкого срока. Этим было достигнуто только одно: то, что торговцы стали пробовать добиться удовлетворения всех своих претензий за короткое время, которое у них еще оставалось[1]. Вместо спада брожения, началось его усиление. Поскольку одновременно волнения в одном из племен на юге повели к отходу небольшого охранного отряда, в Германской Юго-Западной Африке внезапно вспыхнуло известное восстание.

Рейхстаг, который в последнее время занимался преимущественно Германской Восточной Африкой[2], начал теперь уделять внимание обстановке на Юго-Западе в той мере, в какой росло связанное с ней финансовое бремя.

для строительства дороги. Это побудило правительство, стремившееся, с одной стороны, обойти рейхстаг, а с другой — удовлетворить концессионеров, выпустить упомянутое распоряжение, изданное полковником Лейтвейном. В том, что говорит Ферстер, должно быть по меньшей мере зерно истины, поскольку в январе 1904 г. в «Теглихе рундшау» появилась статья, написанная читателем газеты, прожившим четыре года среди гереро, и он подтверждает, что никто не подумал бы, будто гереро способны оказать сопротивление, так как они были совершенно мирными. Сообщение пангерманиста Ферстера подтверждается, впрочем, статьей «Фоссише цейтунг» от 15 февраля 1905 г. Из этой статьи следует, что негры племени гереро не имели права продавать землю, поскольку она считалась коллективной собственностью. Игнорируя этот принцип, немецкая колониальная администрация покупала — либо разрешала покупку земли — у отдельных вождей, например у Самуэля Махареро, в обмен на водку (монополия на продажу которой принадлежала компании Вермана). Согласно распоряжению Лейтвейна от 8 декабря 1903 г., уже подготовленному только что упомянутым распоряжением, в Отимбинге, в восточной части колонии, создавалась резервация, где белые не имели права покупать землю, и это заставило туземцев подумать, что они будут отброшены в песчаную местность, так называемую Омахеке. Г. Шпельмейер (H. Spellmeyer, Deutsche Kolonialpolitik im Reichstag, Stuttgart 1931) не останавливается при упоминании о восстании — как и нигде — на социологических проблемах — метод, который оставляет особенно неудовлетворительное впечатление в работе, посвященной колониальной политике, то есть проблеме, имеющей особую общественно-политическую значимость, не говоря уже о том, что и без того колониальную политику партий нельзя изолировать от всеобщих взаимосвязей.

[1] Относительно махинаций торговцев см. «Кёльнише цейтунг» от 18 марта 1904 г. Желая выгородить концессионные общества, правительственная и биржевая печать возлагала ответственность за восстание на торговцев, они же там по большей части и фермеры («Kölnische Zeitung» v. 29.3.1904, «National Zeitung» v. 23.3 u. 1.4.1904), в то время как правая печать, напротив, приняла сторону торговцев против концессионных обществ и указывала на связь восстания со строительством дороги в Отави. Сам я в своем изложении попытался комбинировать оба эти варианта. Кроме того, в пользу моего взгляда говорит сделанное полковником Лейтвейном по прибытии в Гамбург заявление (воспроизведено в «Кёльнише цейтунг» от 31 декабря 1904 г.), что он был вынужден вести мирную политику, так как рейхстаг не предоставил ему больше войск. Но мирная политика и оказание поддержки концессионным обществам — вещи несовместимые.

[2] Разногласия касались главным образом строительства Восточноафриканской железной дороги, первый участок которой связывал Дар-эс-Салам с Мрогеро. Сименс как директор «Немецкого банка», участвовавшего в строительстве, защищал в рейхстаге проект, причем объявил себя «добровольным» колониальным фанатиком. В то время консерваторы очень скептически относились к колониальной политике (см. речь графа Штольберга в рейхстаге 24 апреля 1901 г.). В 1903 г. против строительства этой дороги выступил и Центр (см. речь Дасбаха в рейхстаге 21 января 1903 г.), чтобы, впрочем, уже вскоре, в 1904 г., когда докладчик консерваторов еще проявлял колониальный скептицизм, переменить фронт в данном вопросе и плечом к плечу со свободными консерваторами и национал-либералами высказаться за строительство (заседание рейхстага 25 апреля 1904 г.). Свободомыслящая народная партия Ойгена Рихтера в ту пору еще боролась против колониальной политики. Это и составляло один из ее особых отличительных признаков по сравнению с Партией свободомыслящих, от имени которой Карл Шрадер выступил за постройку дороги, связывая при этом, как и умерший тем временем Сименс, политическое руководство Партии свободомыслящих с интересами «Немецкого банка», в руководящие органы которого он входил. На этом заседании социалист Ледебур кри-

Непорядки в колониях. Атаки Эрцбергера

До сих пор ощущение, что дискредитация колониальной политики, особенно в Германской Юго-Западной Африке, в эру крупных концессионных компаний находилась в тесной связи с популярной политикой низких колониальных расходов, вело к тому, что в колониальной администрации допускалось процветание элементов, которым в метрополии никогда не позволили бы занимать какую-либо должность. На протяжении ряда лет Бебель оставался в рейхстаге одиноким в своей критике подобных фактов[1]. И вдруг он увидел, что Центр все больше и больше поддерживает его атаки против концессионных компаний и торговцев[2]. Правда, события в Германской Юго-Западной Африке давали простор этой критике[3]. В конце 1905 года социалист Ледебур показывал в рейхстаге приказ командированного в Юго-Западную Африку генерала фон Трота, по мнению которого всех гереро, еще находившихся по эту сторону границ, следовало расстрелять[4]. От Партии центра в тот день вступил в бой молодой парламентарий, швабский депутат Эрцбергер, со знанием дела сразу же решительно избравший для нападения конкретный объект — одно из дорожных строительств в Юго-Западной

тиковал тех капиталистов, которые сами не давали денег на строительство. По его словам, проект был связан с подарком в виде 460 гектаров земли, делаемым строительной компании. Отсутствовавший на заседании Ойген Рихтер вскоре резко и с иронией выступил против Центра, который, как он говорил, вдруг открыл восточноафриканскую немецкую жемчужину — после того как ему, по всей видимости, были сделаны уступки в области основания миссий. Социал-демократ Зюдекум констатировал, что Шрадер однажды выступал в бюджетной комиссии в качестве представителя «Немецкого банка». Свободный консерватор граф Арним высказал предположение, что Центр получил за постройку дороги плату в виде уступок в вопросе о иезуитах; Шпан энергично отрицал это. Но после того как поддержка Центра была обеспечена, игра правительства стала нетрудной. Рейхстаг повысил затребованную сумму с 18,75 до 21 миллиона марок (заседание 14 июня 1904 г.).

[1] Как мне кажется, в тексте в достаточной мере охарактеризованы эти случаи, в которые замешаны такие имена, как Лейст, Велан, принц Проспер Аренберг или как Вистуба, Пеплау и т. д., так что я могу воздержаться от освещения связанных с этим в высшей степени прискорбных подробностей. Тем более что есть опасность, описывая имевшие место жестокости, дать неправильную картину «германского склада ума и характера», тогда как в действительности речь здесь идет о симптомах системы, антиколониальной в своей основе*.

[2] См., например, речь Бебеля в рейхстаге 19 мая 1904 г. Еще интереснее дебаты 30 января 1905 г., во время которых Бебель, основываясь на пангерманских источниках, показал, как путем земельной спекуляции в короткий срок обогатилась, например, Германская колониальная компания для Юго-Западной Африки — детище консула Воозена. Но прежде всего Бебель атаковал фермеров, обращавшихся с гереро, как с неодушевленными предметами. Показательно, что после атаки социалиста Зюдекума на фирму «Артур Коппель» антисемит депутат Латман тоже выступил против этой фирмы и критиковал строительство дороги, причем обратил внимание на то, что в концессионные общества повсюду входят высокопоставленные представители бюрократии, которые то и дело требуют от правительства заключения благоприятных для них договоров. Действительно, советник по делам морской торговли Шеллер заседал, например, в Обществе Отави, принадлежавшем «Дисконтогезельшафт», младший статс-секретарь П. Фишер — в Обществе по сооружению дороги на Отави, в Южноафриканской компании, концессионном обществе «Каока» и т. д. Вне всякого сомнения, эта связь между бюрократией и финансовым миром послужила причиной, в силу которой смогло так долго продержаться старое колониальное управление.

[3] В этом отношении богатый материал давали прежде всего разглагольствования фермеров. См., например, статью фермера фон Шлотгейма в «Дейч-зюдвестафриканише цейтунг», № 51, 1904 г., или разглагольствования одного фермера в «Альдейче блеттер» от 12 марта 1904 г.— высказывания, в которых выдвигалось требование конфискации у племени гереро всей земли и скота. Эта ненависть фермеров, извержения которой я не хочу здесь воспроизводить, обращалась не только против гереро, но часто и против правительства, которому грозили отказом предоставить средства на флот, все равно, мол, он приносит выгоду только крупному капиталу. См. статью Ферстера о пангерманских союзах и агитации в пользу флота в «Альдейче блеттер» от 16 января 1904 г.

[4] Ледебур в рейхстаге, 2 декабря 1905 г.

* Написано до 1933 г.

Африке[1], сделавшееся с этого времени мишенью его знаменитых атак на колониальную политику, посредством которых он в последующие годы поймал рейхстаг на удочку[2].

Юго-западногерманское крыло Центра все больше выдвигалось на авансцену. Молодой центристский демагог, быстро перераставший старых лидеров, сумел искусно доказать общественности, как мало зарабатывает Юго-Западная Германия на поставках в колонии и заказах, связанных с военными походами в протекторат[3]. Сильно затрудняя положение правительства, которое в тот момент, в марте 1906 года, терпело неудачи в Альхесирасе, парламентская оппозиция как раз в это время раскапывала один за другим грязные дела в колониальном управлении. Эрцбергер, торжествуя, предъявил доказательства того, что благодаря щедрому предоставлению колониальной администрацией частной монополии отдельным заинтересованным группам пароходная компания Верманов получает совершенно несоответственные прибыли[4] и что в результате такой практики поощряется берлинский торговый дом, в котором одно из ведущих мест принадлежит известному прусскому министру сельского хозяйства фон Подбельскому[5].

Рейхстаг все больше лихорадило, хотя, как и прежде, либералы, заинтересованные в колониях, брали правительство под защиту[6]. Но если Эрцбергер брался за что-нибудь, он не так-то легко отступал, тем более что колониальные дела оказались в высшей степени благодарной почвой, чтобы дать основательную встряску господствующей системе. Социалистическая и католическая оппозиция чинили правительству все бо́льшие затруднения[7].

---

[1] Эрцбергер в рейхстаге, 2 декабря 1905 г.; его атаки были направлены против дороги от бухты Людерица до Кубуба. Строительство этой железной дороги — в чем Эрцбергер с его безошибочным инстинктом подозревал правительственные интересы — постоянно стояло на первом плане борьбы, что удивительно контрастировало с действительным значением предмета.

[2] Атаку, начатую 2 декабря, Эрцбергер продолжил 14-го, когда во время чтения дополнительного закона о бюджете для протекторатов он с большим знанием дела распространялся о необходимости более высокой оплаты труда туземцев. В этом отношении его поддержал национал-либерал Пааше, что соответствовало интересам промышленности, для которой Восточная Африка имела значение лишь в тех случаях, когда при сбыте промышленных изделий можно было рассчитывать на местное население.

[3] В частности, Эрцбергер заявил в рейхстаге, что из поставок на сумму 9 845 315 марок на промышленную Рейнскую область приходится только 75 тысяч, на Вюртемберг — 142 тысячи и на Баварию — 437 911 марок. В военном снабжении Германской Юго-Западной Африки с марта 1905 по март 1906 г. приходилось, по его словам: на долю Баварии — 1,8 процента, Саксонии — 3,1, Вюртемберга — 2,8, Гамбурга — 22,7 и Любека — 9,2 процента, тогда как Пруссия (60,7 процента) занимала первое место.

[4] Дом Верманов заработал не только на том, что во время постоянных присылок войсковых подкреплений оставался в силе договор о ценах за транспортировку товаров в Свакопмунд, заключенный им с колониальной администрацией и рассчитанный на совершенно другие условия, но и благодаря своей монополии на разгрузку в Свакопмунде.

[5] Нет необходимости останавливаться здесь подробнее на скандальном деле о поставках берлинского торгового дома Типпельскирха, видным пайщиком которого был прусский министр сельского хозяйства. Последний, по утверждению Эрцбергера (речь в рейхстаге 23 июня 1906 г.), заработал примерно 2 миллиона марок, тогда как колониальной администрации пришлось платить цены, на 17—18 процентов более высокие, чем можно было заплатить. Это дело излагалось часто. В частности, оно изложено Морусом в «Дас гельд». Некоторые извиняющие замечания см. также у Бюлова (B ü l o w, op. cit., 2. Bd., S. 253 f.).

[6] Шрадер в рейхстаге, 13 марта 1906 г.

[7] Эти дебаты интересны с точки зрения социологии данного периода, в особенности со стороны связей между бюрократией и плутократией. Так, например, Эрцбергер, выступая 14 декабря 1905 г. в рейхстаге, представил доказательства того, что при постройке железной дороги в Камеруне по настоянию референта Гельфериха одной старой камерунской компании было уплачено за отказ от едва использованных «прав» 120 тысяч марок отступного и 360 тысяч компенсации без серьезного возмещения с ее стороны. Но за этой компанией стоят имена, очень ясно показывающие, какие круги в предвоенные годы использовали к своей выгоде политику Германской империи. В число этих людей входят, например, адвокат Шарлах, князь Гогенлоэ-Эринген, герцог фон Уйест, герцог шлезвиг-голштинский Гюнтер (брат германской императрицы), барон фон Крамер-Клетт, братья Верман,

То, что правительство смогло продержаться в этом положении, одинаково неблагоприятном как с внешнеполитической, так и с внутриполитической точки зрения[1], нельзя понять, не зная об эволюции, которая совершилась в лагере Свободомыслящих.

Свободомыслящие и империализм

Из трех партий, на которые распались либералы после раскола в связи с проектом военного закона 1893 года, ближе всего к правительству издавна стояла Партия свободомыслящих, что без труда объясняется ее социологической позицией. Как уже не раз было показано, Свободомыслящие представляли собой комбинацию из кругов оптовой торговли, находившейся в основном в руках евреев[2], банковских кругов, занимавшихся по преимуществу экспортом финансового капитала и финансированием промышленности по дальнейшей переработке полуфабрикатов, причем туда же присоединялись судостроение и торговля, особенно остзейская и кильская. В столице Свободомыслящие имели сторонников главным образом среди еврейской части интеллигенции.

Вполне естественно, что все эти социальные группы были врагами пошлин на зерно, которые мешали торговым и судовладельческим фирмам в их сделках и ложились бременем на столичных потребителей. Напротив, они поддерживали разрешение социального вопроса путем экспорта людей, товаров или финансового капитала. По этой причине даже такой деятель, как Фридрих Науман, ранее соглашавшийся с существующим порядком, но по причинам социального характера отмежевавшийся от его крайних поборников, вместе со стоявшей за ним национально-социальной группой, в том числе Гельмутом фон Герлахом, пастором Гере и другими, смог без больших

тайный советник Ленц, фон Пошингер, председатель Германского офицерского общества фон Ведель и другие. Тогда-то и началась дуэль между Гельферихом и Эрцбергером, которая, в конце концов, привела к смерти одного из противников. При обсуждении в рейхстаге вопроса о строительстве дороги Гельферих резко выступил против Эрцбергера. В этом его поддержал национал-либерал Землер, игравший, как будет показано ниже, исключительно важную роль в германской колониальной политике. Речь здесь идет по сути дела о системе, которую можно назвать системой легальной коррупции. Следовало бы написать историю плутократии, в которой было бы показано *только* влияние частных фирм на государственное управление. Прототипом дельца, принадлежащего к этой сомнительной двойственной сфере, являлся, например, граф Дуглас, который, будучи приближенным кайзера, неизменно принимал участие в «кильских неделях»; его племянник, носивший то же имя и постоянно участвовавший в такого рода сделках, после войны оказался замешанным в самые скандальные аферы. Выступая 14 июня 1904 г. в рейхстаге, Ледебур разоблачил тот факт, что затребованное строительство железной дороги в Того должно было служить главным образом интересам г-на Дугласа. Принадлежавшее ему Общество по освоению Того заплатило за 45 гектаров земли всего 2795 марок, позднее по этой территории должна была пройти дорога, за что счастливым землевладельцам, естественно, предстояло получить соответствующую компенсацию. Разумеется, с формально-юридической стороны подобные сделки считались безупречными.

[1] Нарастание оппозиции в рейхстаге совпадает с Альхесирасом. Кроме того, у восстания как такового имелась внешнеполитическая оборотная сторона, благодаря чему оно представляется частью больших всемирно-политических взаимосвязей. Как, с одной стороны, прежние друзья буров становятся в дальнейшем защитниками германской политики в Юго-Западной Африке, а немецкая литература, посвященная бурам, сменяется известной книгой Густава Френсена (Gustav Frenssen, Peter Moors Fahrt nach Deutsch-Südwest), так, с другой стороны, всегда считалось, что англичане поддерживают восстание; это вытекало не только из неоднократно установленного факта поставок ими для племени гереро оружия (интересное свидетельство см. в «Гамбургер нахрихтен» от 22 мая и 2 июня 1904 г.), но и из общей всемирно-политической проблематики.

[2] Один из лидеров этого объединения свободомыслящих Г. Рикерт, орган которого «Данцигер цейтунг» отстаивал интересы торговли и судостроения его родного края, был в то же время руководителем Союза по борьбе с антисемитизмом.

затруднений примкнуть к Свободомыслящим, что, впрочем, все же не воспрепятствовало возникновению внутренних трений между этими в основе своей капиталистическими элементами и друзьями рабочих из среды приверженцев Наумана[1]*. Еще более антисоциальными, чем эти слои, были приверженцы Свободомыслящей народной партии Рихтера, которые не могли простить Партии свободомыслящих того, что они общались с людьми, постоянно твердившими слово «социальный»[2]. Чиновники, мелкие крестьяне, служащие, а также прежде всего мелкие промышленники, которые составляли социологическую базу партии Рихтера и интересы которых, по всей видимости, обусловили то, что Рихтер не до конца участвовал в обструкции, устроенной левыми против таможенного тарифа 1902 года, пока еще противились слиянию с объединением свободомыслящих, обсуждавшемуся вновь и вновь, хотя течение в пользу этого и было слабым. Кроме того, Свободомыслящая народная партия пока сопротивлялась тенденции к проведению мировой политики куда более твердо, чем объединение свободомыслящих, выступивших за экспансию уже в силу своей заинтересованности в колониальной политике и в экспорте финансового капитала. В эти годы Свободомыслящая народная партия была чуть ли не главной опорой англофильской пропаганды. Она постоянно боролась против чрезмерно дружественного России курса в Германии и подготовила также почву для сильных прояпонских симпатий во время русско-японской войны[3].

Несмотря на эти различия, в целом имевшие, пожалуй, меньшее место в вопросе о мировой политике, нежели в социальной области, и на страх перед социал-демократией, усиливавшейся особенно в промышленных районах, тактические выборные соображения[4], а также интересы поднимавшегося рядом с Рихтером нового поколения руководителей[5] постепенно толкали свободомыслящую народную партию вправо, к объединению свободомыслящих. Этому способствовали также экономические изменения в Германии и картелирование, все более привязывавшее мелкую промышленность к миро-

---

[1] Позиция Партии свободомыслящих в конце XIX и начале XX века определяется главным образом необходимостью выступить рядом с социал-демократией против защитительных пошлин и тарифа 1902 г. Внутри объединения представители столичной интеллигенции, возглавлявшиеся бывшим синдиком Бременской торговой палаты Т. Бартом и поддерживавшиеся социал-либеральными одиночками, вроде директора Патценгоферовской городской пивоварни Резике, Карла Шрадера и других, лишь с трудом могли отстаивать свою точку зрения против того направления внутри партии, которому оказывали особую поддержку судовладельцы Бремена и Киля и торговцы балтийских городов («Kölnische Zeitung» v. 14.8 u. 12.9. 1903). Как явствует из «Кёльнише цейтунг» от 13 января 1905 г., Партия свободомыслящих уже повернула вправо. Против науманианцев выступила в особенности «Остзеецейтунг» — газета депутата Бремеля; эта тенденция проявилась также в «Кенигсбергер Гартунгше цейтунг» за 20 декабря 1904 г. «Кёльнише цейтунг», торжествуя, констатировала, что Партия свободомыслящих отвернулась от социализма наумановского толка.

[2] По сообщению «Кенигсбергер Гартунгше цейтунг» от 10 февраля 1905 г., Герлах, впоследствии поддержанный Шрадером, критиковал принятое в Висбадене решение Партии свободомыслящих, преследовавшее, как подчеркивал Герлах, главным образом цель расколоть два слившиеся элемента.

[3] См., например, внесенный на съезде Свободомыслящих в 1905 г. д-ром Мюллером-Мейнингеном проект резолюции против происков английской и немецкой шовинистической печати, подвергнутый критике в «Кёльнише цейтунг» от 13 сентября 1905 г. На самом съезде Мюллер резко выступил против восточной ориентации внешней политики. Германию и Англию, говорил он, самым подлым образом натравливают друг на друга («Kölnische Zeitung» v. 24.9.1905). Одновременно сильные атаки были направлены против социальной политики Партии свободомыслящих (Freiedeutsche Presse» v. 24.5.1905).

[4] См., например, статью Теодора Барта в «Национ» от 24 февраля 1906 г., согласно которой руководство всех трех партий, находясь под впечатлением жалких результатов выборов 1903 г., вступило во Франкфурте в контакт с демократическими представителями с целью создать общую Партию свободомыслящих через посредников.

[5] См. B a c h e m, op. cit., 6. Bd., S. 328.

* См. по этому поводу имеющуюся теперь биографию Наумана, написанную Теодором Хейсом.

вому рынку и тем самым толкавшее на путь сближения с ее идеологическими сателлитами — интеллигенцией и служащими.

Третья группа Свободомыслящих — Немецкая народная партия — базировалась в основном на Вюртемберг, промышленность которого все больше принимала черты, соответствующие империалистическому развитию. Франкфуртская биржа и интеллигенция не противились тенденции к поощрению экспорта финансового капитала.

К мировой политике, развернутой с конца прошлого — начала нынешнего века, приобщались, таким образом, новые слои. Тем самым господствующие церковные, бюрократические и колониалистские круги Берлина, которые опасались уступок Центру и, как кажется, обращали в то время внимание кайзера на угрожающую католическую опасность, получили бразды в свои руки. Центр тщетно выступал против правления нового директора департамента колоний принца Гогенлоэ, который, будучи сыном долголетнего председателя Германского колониального общества и человека, имевшего большой пай в Колониальной компании для Юго-Западной Африки[1] олицетворял собой стремление господствующей бюрократии ничего не менять в существующей системе. Бюрократия, круги, имевшие колониальные интересы, и высокопоставленные представители церкви были уверены в высочайшем благоволении и почтительнейше убедили кайзера в необходимости распустить рейхстаг[2].

Изменение колониальной системы. Начало деятельности Дернбурга

Правительство, с весны 1906 года уверенное в поддержке со стороны свободомыслящих, осенью предприняло энергичные действия в колониальном вопросе. Если имелось намерение добиться предоставления средств

[1] См. S a n d e r, op. cit., S. 25. В целом национал-либеральная печать приветствует принца Гогенлоэ, а Центр, напротив, выражает несогласие с ним. Лично о нем см. ныне (1932 г.) также книгу Бюлова (B ü l o w, op. cit., 2. Bd., S. 185 f.). Поддерживая Гогенлоэ, национал-либералы стремились не только удовлетворить тех, кто был непосредственно заинтересован в строительстве железной дороги бухта Людерица — Кубуб, в пользу которого особенно действовал депутат Землер; они стремились также добиться продвижения депутата Пааше на пост заместителя статс-секретаря ведомства колоний, что им, однако, не удалось. Поэтому при решающем чтении законопроекта они голосовали против учреждения в ведомстве колоний должности заместителя статс-секретаря, поскольку Эрни Гогенлоэ без их ставленника Пааше представлял для них гораздо меньшую ценность (см. заседание рейхстага 27 мая 1906 г.).

[2] Интересное, хотя и не всегда вскрывающее истину, исследование относительно предыстории роспуска рейхстага в конце 1906 г. содержится у Бахема (B a c h e m, op. cit., 6. Bd., S. 379 ff.). Согласно полученной мною информации, не может быть и речи о том, что, например, нынешний (1932 г.) генерал фон Деймлинг, который в мае 1906 г., будучи тогда комиссаром бундесрата, отстаивал колониалистские требования, во время личного доклада кайзеру настроил его против Центра. Деймлинг, как кажется, действовал лишь в соответствии с инструкциями правительства, в котором, однако, из-за влияния принца Эрни решающее слово могло принадлежать и Германскому колониальному обществу. Обратившие на себя в то время большое внимание атаки, предпринятые в рейхстаге 28 мая 1906 г. референтом национал-либералов по колониальному вопросу депутатом Землером, объясняются верой в то, что в случае отклонения проекта дороги бухта Людерица — Кубуб кайзер окажет этому поддержку. Фигура принца Эрни представляется мне тем звеном, с помощью которого Германское колониальное общество, в высшей степени заинтересованное в строительстве дороги, оказывало воздействие на самую верхушку. Вне всякого сомнения, верно то, что идея блока возникла еще весной, а не осенью 1906 г. Уже 19 мая 1906 г. «Кёльнише фольксцейтунг» считала, что блок бисмарковских времен (консерваторы, свободные консерваторы, национал-либералы) гальванизирован. Имеют значение также тогдашние разногласия между национал-либералами и Центром по вопросам тактики (см. «Национал-либерале корреспонденц» от 9 июня 1906 г., «Дейче штимме» от 2 июня 1906 г., «Германиа» от 7 июня 1906 г., причем Центр занял позицию против строительства упомянутой дороги и выплаты фермерам компенсации.

на строительство в колониях железных дорог и на освоение колоний, то повсеместно следовало изменить всю систему колониальной администрации, которая, особенно в Камеруне, в результате управления губернатора Путткаммера давала повод к постоянным жалобам. Когда Бюлов поставил во главе колониальной администрации директора «Дармштадского банка» Бернгарда Дернбурга, это означало уступку Свободомыслящим и одновременно свидетельствовало о намерении порвать с прежней системой. Но Центр только при условии получения компенсации был склонен утвердить повышенные расходы на колонии, которые пришлось потребовать Дернбургу. В декабре у нового директора департамента колоний, который из-за своего еврейского происхождения с самого начала оказался на переднем плане дискуссии в большей мере, чем это было ему полезно, возникло острое столкновение с левым крылом Центра; после этого канцлер, усмотрев благоприятную возможность для новых выборов и нанесения удара по Центру, исходатайствовал у кайзера указ о роспуске рейхстага[1]. 13 декабря рейхстаг был распущен, причем это мотивировалось формальными, маловажными причинами. Последовал разрыв. При новых выборах консерваторы и либералы всех оттенков объединились в так называемый бюловский блок.

Нарастание борьбы вокруг Багдадской железной дороги. Германский рывок в Персию

Экономический подъем, послуживший решающей причиной этой политики восходящего империализма и тем самым основой консервативно-либерального блока, вызвал, как это обычно бывает, оскудение на денежном рынке, что затруднило, в частности, постройку Багдадской железной дороги. Строительство самого трудного участка дороги — в горах Тавра — еще не было начато. В Лондоне торжествовали: у немцев, мол, иссякают деньги[2]. К финансовым затруднениям, давившим как на немецких капиталистов, так и на султана[3], прибавилось еще и сопротивление внутри

[1] См. дебаты в рейхстаге 30 ноября и 3 декабря 1906 г. Назначение Дернбурга означает переход в колониях от системы монополистического колониального капитализма к рациональному, промышленному капитализму. Формальной причиной роспуска рейхстага был вопрос о сокращении численности войск охраны. Однако подлинной причиной являлось то, что не имелось возможности пойти навстречу Центру в области распределения должностей, как и в других областях.

[2] См. BD, VI, № 217, сэр Дж. Кларк — Форин офису, 4 августа 1905 г., приложение, где излагаются финансовые вопросы. Как указывается в этом донесении, до сих пор при сооружении сравнительно несложного участка дороги деньги тратились чересчур расточительно, так что их теперь не хватает на строительство дорогостоящего горного участка. Согласно донесению английского посла, выстроенный до сего времени участок обошелся уже в половину всей предварительно рассчитанной стоимости, так что в карманы банкиров и других заинтересованных лиц перешло 800 тысяч фунтов стерлингов. Донесение основано на заявлении Зандера, что до сих пор стоимость одного километра пути составляла в действительности 8 тысяч фунтов, тогда как в официальном счете, предъявленном Багдадской компанией, значилась сумма около 15 700 фунтов. Остальное, говорится в донесении, ушло на накладные расходы, включая выплаты турецким чиновникам. Как заявлял посол фон Маршалл (GP, 8633, донесение Бюлову, 27 мая 1906 г.), он последовательно обходил молчанием эти обвинения, так как причисляет вопрос о Багдадской компании к тем вопросам, относительно которых никогда не надо говорить, а надо действовать. Но поскольку просьбы агентов Багдадской дороги о деньгах оставались тщетными из-за ухудшившейся конъюнктуры в Париже и особенно в Лондоне (BD, VI, № 214, Ленсдаун — О'Коннору, 29 июня 1905 г., а также № 213 — меморан-

[3] Султан рассчитывал при помощи строительства дороги не только укрепить в экономическом и военном отношении свою империю, но и предвосхищал развитие событий в спекулятивном смысле. По сообщению «Шлезише цейтунг» от 22 июля 1905 г., он через посредство своего управления имуществ скупил в Мосульском вилайете большие земельные угодья, что представляет собой спекуляцию на Багдадской дороге!

страны[1]. Английская политика сумела воспользоваться затруднениями немцев. Багдадская железная дорога ставила под угрозу индийский экспорт в долину Евфрата, который считала своей монополией британская семья Линчей[2]. Кроме того, в глазах некоторых англичан она создавала также и военную угрозу Индии и Суэцкому каналу, не говоря уже о том, что в Турции для строительства любой дороги требовались гарантии в виде таможенных тарифов, которые препятствовали экспорту изделий английской текстильной промышленности и связывали турецкие государственные финансы. В своей основе все проблемы, которые возникали в Турции перед политиком-европейцем, были связаны друг с другом; по упомянутым причинам и учитывая пожелания групп, заинтересованных в железной дороге Смирна — Айдина, по заданию которых член палаты общин Гибсон-Боулс с давних пор занимался торпедированием багдадских планов Германии, британская политика в те годы мастерски препятствовала необходимым финансовым уступкам со стороны Турции, попросту доказывая, что Турция решительно ничего не делает для Македонии, интересы которой были ей особенно близки[3].

Но пока строительство Багдадской дороги застопорилось и переговоры о его продолжении не продвигались вперед, германский империализм начал свой прорыв в Персию. Как и в Турции, Германия могла воспользоваться здесь тем обстоятельством, что она появилась на сцене последней и могла слыть освободительницей магометан и шиитов от европейского империализма.

Речь, произнесенная кайзером во время его последней поездки на Восток, соответствовала этому сплетению интересов. И когда в 1905 году в Персидском заливе впервые появились пароходы, совершающие регулярные рейсы на линии Гамбург — Америка, Персия попыталась обратить создавшуюся ситуацию себе на пользу и вступить с Германией в контакт на суше[4].

дум Сэндерсона, 28 июля 1905 г.; № 212, Ленсдаун — Берти, 19 июля 1905 г.), даже Шпейер, свойственник Гвиннера, ничем не мог помочь, и, в особенности поскольку русские оказывали сопротивление в связи с угрозой возникновения на Востоке конкурирующего зернового района (BD, VI, № 222, Грей— Берти, 6 апреля 1906 г.)*, в силу этого довольно скоро снова должно было вмешаться политическое руководство, чтобы «дорога оказалась в стране изобилия».

[1] К критике со стороны социалистов, оппозиция которых империализму, неоднократно проявлявшаяся, например, в «Форвертс» в сентябре 1906 г., была, впрочем, весьма сдержанной из-за враждебного отношения социал-демократии к России, присоединились в первую очередь атаки аграриев против планов создания зернового района в связи с выдвинутым англичанином Уилкоксом проектом орошения долины Евфрата, — атаки, которые, однако, ни в коем случае нельзя ставить на одну доску с намерениями германских багдадских политиков (см. по этому вопросу «Дейче цейтунг» от 6 августа 1905 г.). «Дейче тагесцейтунг» 2 августа 1905 г. резко выступила против директора Гельфериха по поводу его перехода с позиций официального лица на позиции крупного капиталиста.

[2] Группа Линча совершенно открыто грозила Германии войной. (См. GP, 8626, Рихтгофен — Маршаллу, 24 октября 1905 г.)

[3] См. GP, Кар. CLXXXVI, особенно, например, GP, 8653, Маршалл — ведомству иностранных дел, 21 декабря 1906 г.

[4] Обо всех этих обстоятельствах см. GP, Кар. CLXXXX; BD, IV.

* Как указывается в DD (2-me serie, vol. 10), весной 1906 г. немцы предприняли в Париже и Лондоне различные меры, чтобы обеспечить финансирование строительства, но потерпели неудачу из-за противодействия русских. Осенью 1905 г. возникло острое столкновение между правительством Клемансо и французскими финансистами, проявившими интересы к Турции (Берже из «Детт юблик Оттоман») и хотевшими оказать Германии финансовую помощь (DD, 2-me serie, vol. 10, № 361, Пишон — Констану, 15 декабря). Согласно донесению французского посла (Констан—Пишону, № 386, 3 января 1907 г.), французские банки сделали возможным строительство участка Конья — Эргели, получив взамен 30 процентов акций. Еще в 1912 г. эта группа банков составляла, по свидетельству DD (3-me serie, vol. 3), центр германофильства. Как явствует из DD (3-me serie, vol. 4, № 38, Бомпар — Пуанкаре, 3 октября 1912 г.), французские финансисты в 1903 г. спасли багдадское предприятие, отказавшись от своих прав на строительство дороги в Александреттском заливе, а в 1908 г. помогли финансировать участок Бюльгурлу — эль Хелиф, проведя унификацию турецкого государственного долга.

Персия нуждалась в деньгах, и через посредство находившегося у нее на службе таможенного инспектора, бельгийца по национальности, предложила германскому пароходству остров в Персидском заливе и, кроме того, выгодное для Турции исправление границы. Германский посол в Турции фон Маршалл намеревался всем этим воспользоваться для усиления немецких позиций в Турции, а также в интересах ГАПАГ и Немецкого банка[1].

В результате этих переговоров и впрямь было достигнуто секретное соглашение, по которому персидское правительство предоставляло Германской империи концессию на основание банка[2]. Ведомство иностранных дел отдавало себе отчет в том[3], что для Германии возможность обосноваться в Персии зависит не от Персии, а от Англии и России, и немецкие банки, которые должны были путем предоставления кредита подвести под соглашение базу, также имея в виду позицию обеих упомянутых держав, воздерживались от этого. Осведомленные о германских намерениях Англия и Россия начали сближаться друг с другом[4] — и сближаться столь явным образом, что, в конце концов, Вильгельмштрассе ограничилась обещанием направить в Персию в качестве частного советника специалиста по банковскому делу[5]. Русские, однако, узнали об этом плане, который сразу же привел их в сильнейшую ярость[6]*. Неприятно задетая поведением своего соперника, Германия постоянно старалась убедить державы в том, что она занимает в Персии сдержанную позицию. Осенью, во время визита нового русского министра иностранных дел Извольского по случаю его вступления в должность, в Германии сделали хорошую мину при плохой игре, которую вели оба государства, и для успокоения держав даже в какой-то степени пожертвовали посланником в Персии[7], не отказываясь, однако, полностью от своих планов в этой стране[8].

[1] См. BD, IV, № 410, О'Коннор — Грею, 14 июля 1907 г. Вопреки пометке, сделанной третьим помощником статс-секретаря, эта история должна в какой-то мере отвечать действительности. В этой связи см. BD, IV, № 330, Спринг-Райс — Грею, 12 мая 1906 г.; согласно этому донесению, между чиновником Наусом, бельгийцем, управлявшим персидскими таможенными сборами, и германским посланником (интимным другом Маршалла Штемрихом, направлявшимся тогда из Константинополя в Персию) была достигнута договоренность, что Германия должна предоставить Персии заем в 25 миллионов марок, получив за это порт и угольную станцию на Персидском заливе, там, где кончалась Багдадская дорога, а также концессию на открытие филиала банка и т. д. Англию и Россию повсеместно призывали урегулировать свои разногласия на Востоке, пока позиции Германии в Персии не стали слишком сильными. К этому делу относится в особенности документ № 328 (BD, IV, О'Коннор — Грею, 24 апреля 1906 г.). Как мне представляется, между переговорами с Персией и направлением туда Штемриха существует все же связь, причем прежде всего надо учитывать, что Штемрих в свое время был членом экспедиции, наметившей по заданию Немецкого банка трассу Багдадской дороги.

[2] См. GP, 5869—72.

[3] Ibid., 8576, Чиршки — Рихтгофену, 11 сентября 1906 г.

[4] В BD, IV, № 228, О'Коннор — Грею, 24 апреля 1906 г., недвусмысленно указывается на миссию Штемриха в Персии. Англия и Россия, говорится в документе, должны торопиться, чтобы Германия не опередила их.

[5] См. GP, 8675, Чиршки — Рихтгофену, 11 сентября 1906 г.

[6] См. BD, IV, № 344, Никольсон — Грею, 14 сентября 1906 г. В другом донесении (BD, IV, № 345) Никольсон заявляет, что нужно начать действовать до того, как явится обещанный Персии специалист по банковскому делу.

[7] См. BD, № 369, Никольсон — Грею, 7 ноября 1906 г.

[8] Во всяком случае, то, что немецкий банковский специалист, вопреки его заверениям, будто он путешествует только как частное лицо, все же прибыл в Персию и заключил там соглашение, означает попытку в любое время отстаивать германские интересы. Нельзя также забывать, что немецким банковским специалистом был не кто иной, как очень известный и деятельный господин—Герберт Гутман из «Дрезденского банка», основавшего совместно с «Шаафхаузенше банкферейн» и «Национальным банком», руководимым братом Максимилиана Гардена—Виттингом, «Немецкий восточный банк», в качестве

* Сегодня (1950 г.) см. в этой связи DD, 2-me serie, vol. 10, № 217, французский поверенный в делах в Берлине — Буржуа, 24 сентября 1906 г. Согласно этому донесению, Извольский сразу же по получении известия о германском рывке пытался достигнуть с Англией финансового и политического соглашения о Персии. Согласно № 235 (Деско — Буржуа, 15 октября 1906 г.), эта попытка первоначально натолкнулась на отрицательное отношение в реакционных прогерманских кругах царского двора.

Возникновение Тройственного союза

При этих обстоятельствах русско-английские переговоры о союзе, которые сами по себе явились следствием давно имевшихся тенденций (англофильским устремлениям Витте перед войной против Японии соответствовало антиимпериалистическое дружелюбие к России со стороны Грея и Асквита*), вскоре повели к соглашению, столь исключительному по своему характеру, что в данном случае, как, впрочем, и во многих других, официально провозглашенный принцип «открытых дверей» в Персии представляется лицемерием[1]. О лживости тогдашней дипломатии свидетельствуют некоторые документы. Тем не менее в противоположность Англии, которая, обосновавшись в далеком Сейстане, считала себя в безопасности в военном отношении, Россия оставалась заинтересованной во взаимопонимании с Германией, поскольку та часть Персии, которая на основании соглашения должна была отойти в российскую сферу влияния, непосредственно граничила с областью германских интересов в Месопотамии. Вместе с тем обе державы были соседями в Европе.

Таким образом, Россия начала действовать, имея намерение дать согласие на строительство Багдадской железной дороги в обмен на признание немцами русских интересов в Персии[2]; поэтому она отклонила английские попытки соблазнить ее на признание status quo в Персидском заливе и тем самым оказать чрезмерное сопротивление багдадской политике Германии. Но Извольский, который лично, надо думать, был бы полностью согласен с таким оборотом дела, едва ли мог отстаивать его перед общественностью, желавшей приобретения для России портов во всех мыслимых местах.

В целом англо-русское соглашение, которое на исходе лета 1907 года стало, наконец, формальным и попутно охватывало также договоренность относительно Афганистана и Тибета, следует рассматривать как попытку

представителя которого Гутман и предпринял свою миссию. Небезынтересно, что Гарден создавал в «Цукунфт» рекламу «Немецкому восточному банку» («Zukunft» v. 13.1.1907). Германия была тогда хорошо представлена фирмой «Венкхаус унд Ко», агентством линии Гамбург — Америка. В английской палате обшин атаки на правительство в этой связи вел главным образом Гибсон-Боулс (25 апреля 1907 г.). «Немецкий банк» тоже не остался в стороне от прорыва в Персию, что вытекает не только из сочетания интересов и миссии г-на Штемриха, но и из многочисленных сообщений из-за границы, которые, во всяком случае, представляют собой нечто большее, чем простые газетные утки. Так, согласно «Кёльнише цейтунг» от 22 мая 1907 г., «Стандард» отметил, что сообщение о плане создания Багдадского банка можно рассматривать как комбинацию Общества Анатолийской железной дороги и «Немецкого восточного банка». Правда, на следующий день «Кёльнише цейтунг» опровергала это сообщение.

[1] См. BD, IV, № 370, заметки, сделанные Греем в ноябре 1906 г.

[2] Ibid., № 388, Никольсон — Грею, 19 февраля 1907 г.

* Документальный материал, опубликованный после 1933 г., подтвердил, что не только Эдуардом VII, но и особенно французской внешней политикой англо-французская Антанта с самого начала планировалась как тройственное объединение. Уже в конце 1903 г. дело дошло до формальных англо-русских переговоров, которые затем, в феврале 1904 г., были прерваны из-за русско-японской войны, причем, однако, была достигнута договоренность продолжить их по окончании войны. Материал по этом вопросу подобран в уже цитированной диссертации В. Компладе (W. K a m p l a d e, Delcasse und Deutschland, Münster 1940, S. 73). Как показывают многочисленные французские документы (например, DD, 2-me serie, vol. 8, № 65, П. Камбон — Рувье, 10 января 1906 г.), сразу же после войны вопрос всплыл снова. К радости французской дипломатии, Витте, считавшийся в то время противником соглашения, договорился на этот счет с выступавшим за соглашение Ламздорфом. Далее, к большому удовлетворению французов, новый английский министр иностранных дел сэр Эдуард Грей, который в качестве английского либерала всегда был другом русских, в дружественном духе высказался за эту идею (DD, 2-me serie, vol. 9, № 274, Камбон — Рувье, 23 февраля 1906 г.), хотя из-за изменившихся обстоятельств русофильство в Англии теперь едва ли имело в своей основе либерально-пацифистскую окраску. Германский прорыв в Персию весной и летом 1906 г. сыграл на руку тенденциям, до тех пор лишь подспудным, и обусловил проведение окончательных переговоров, успешно завершившихся в 1907 г., невзирая на очень большие трудности, которые были вызваны существованием в Персии современной либерально-англофильской и реакционно-феодально-русофильской партий.

Англии оказать противодействие восточной политике Германии, тогда как русские хотели при помощи этого соглашения открыть себе путь в Константинополь[1]. Однако подспудными причинами соглашения были общая мировая ситуация, отношения контрагентов с Францией, а также англо-германское противоречие в вопросе о флоте. В Германии отдавали себе полный отчет в том, что это русско-английское соглашение представляло собой внешнеполитическое соответствие германскому империализму эры блока и в своей основе базировалось на том же международном экономическом развитии. Б ноябре Бассерман заявил в рейхстаге, что внимание германского народа и германских политических деятелей к внешней политике возросло и сейчас уже едва ли можно из-за недостаточного знания документов воздержаться от суждения по внешнеполитическим вопросам, как это рекомендовали консерваторы. Было уже очевидно, насколько изолирована Германия. Даже такой политик, как Бассерман, приверженец строительства флота, говорил, что надо поостеречься раздражать Англию. Правда, Бюлов, как и обычно, оптимистически отмахнулся от угрожающей внешнеполитической констелляции и объявил, что он нисколько не обеспокоен имеющими место русско-английскими переговорами[2]. В остроумной речи представитель социал-демократии Фольмар охарактеризовал вновь пробудившийся национально-либеральный интерес к внешней политике. Если, сказал он, кто-либо не имеет права обвинять правительство в ухудшении отношений с Англией, если есть партия, из среды которой многие своими письменными и устными выступлениями участвовали во всех враждебных Англии действиях, то это национал-либералы.

Страх перед Гаагской мирной конференцией

Внешнеполитическое положение безнадежно ухудшилось. Голоса тех, кто во время состоявшихся в начале 1907 года дебатов заявлял о надеждах, возлагаемых ими на Вторую Гаагскую конференцию, созванную Россией по инициативе Америки, тоже звучали не очень оптимистически.

Будучи продуктом колониальной политики и агитации Флотского союза, новый рейхстаг, занявшийся проблемой мира, представлял собой неподходящую базу для миротворческой пропаганды[3]. Не только социалисты, но и левые буржуазные группировки, которые сразу же после выборов выступили против агитации Флотского союза и в дружественном тоне высказывались по поводу Гаагской конференции, оказались перед глухой стеной. Большинство немецкого народа видело в выдвигавшейся на передний план идее мира прямое продолжение политики англо-русского сближения, которая еще до конференции была продолжена посредством поездки Эдуарда VII на Средиземное море весной 1907 года. Опасались, что эта политика сразу же будет иметь своим результатом нажим на германскую политику строительства флота.

Между этим германским антипацифизмом и английской мирной пропагандой и в самом деле существовала более тесная связь, нежели это хотели и могли признать немецкие левые круги. В конечном счете и тот и другой

[1] Я не могу останавливаться на проблематике союза в этой связи. См. по этому вопросу, например, выступление Ролова в К-ВМ, 1930, S. 805 ff.

[2] Бюлов в рейхстаге, 14 ноября 1906 г.

[3] Предвыборная агитация вдохновлялась всей буржуазией, промышленной и торговой, и правительствами. Дернбург мог похваляться тем, что выступал в Мюнхене перед принцами, министрами, деятелями искусства, учеными и всей буржуазией («Frankfurter Zeitung» v. 22.1.1907). Левые из лагеря Свободомыслящих все еще находились в оппозиции. Сразу после выборов Людвиг Квидде подверг блок критическому рассмотрению на страницах «Франкфуртер цейтунг».

образ действия имел с точки зрения мировой политики аналогичный смысл. Во всяком случае, пацифизм Англии, так же как в более поздний период строительство английского флота, не в меньшей мере, чем позиция Германии, служил империализму в самом буквальном смысле этого слова. Это не значит, что английские либералы не были глубоко серьезны в своем пацифизме. Английский либерализм стремился сочетать приятное с полезным — защиту империи связать с нажимом на военно-морские ассигнования. Когда впоследствии выяснилось, что эти две цели несовместимы, либеральная Англия высказалась за полезное, отказавшись от приятного, так что английская политика стала одновременно полезной и приятной для внутриполитических противников либералов — для тори и военных промышленников в рядах тори. Практически уже не было возможности различить, что здесь было чистыми интересами обороны и что — империализмом.

Эта констатация не преследует цели реабилитации или обвинения германской политики. Единственной задачей, имеющей научный смысл, остается и здесь показ социологического фундамента тех сил, которые служили основой политических идей. В Германии, как уже сказано, Гаагскую мирную конференцию считали попыткой помешать германской политике экспансии. Кайзера, пережившего зимой 1906/07 года крупные движения в колониях и в вопросе о строительстве флота, было столь же трудно склонить в пользу целей конференции [1*], как, например, и военно-морской флот или как промышленность, боровшуюся за новые поставки, которых можно было ожидать в связи с постройкой кораблей, и за рынки сбыта [2]. Однако не только эти круги, в более узком смысле заинтересованные в военно-морском строительстве, а весь германский империализм в целом противился тому, чтобы его лишили шансов на приобретение могущества, которое сулило сооружение флота.

Таким образом, можно было предвидеть отклонение на конференции вопроса о разоружении. Еще со времени прихода к власти в Англии правительства либералов ведомство иностранных дел распознало английские пожe-

---

[1] Еще в августе 1906 г., во время визита Эдуарда VII в Фридрихсгоф, Вильгельм II изложил германский тезис в отношении конференции: «Я имел случай беседовать с сэром Ф. Лэсселсом о Гаагской конференции, причем он выразил самую горячую надежду на то, что она не состоится [судя по всему, одно из типичных вильгельмовских преувеличений— *Г. Х.*]. Мы были согласны в том, что она может стать источником опаснейшего рода осложнений и трений. Я заявил ему, что мои инструкции моим министрам остались те же, как и на первой конференции: в случае, если в какой-либо форме всплывет вопрос о разоружении, Германия не примет участия, поскольку я, как и мой народ, никогда не потерплю, чтобы чужестранцы предписывали нам что-либо относительно наших военных и военно-морских обстоятельств». В GP, 7820, Пурталес — Вильгельму II, 13 октября 1906 г., в виде примечания на полях к предложению Рузвельта о разоружении следует кайзеровский девиз: «Отклонить ! Каждое государство строит то, что *ему* подходит! Никого другого это не касается!».

[2] О настроениях в Германии в связи со Второй Гаагской мирной конференцией, на которых я не могу здесь особенно останавливаться, см. 5-й том частично изданных Вальтером Шукингом под заглавием «Предыстория мировой войны» (Walter Schücking, Die Vorgeschichte des Weltkrieges, Stuttgart 1929) материалов германской парламентской комиссии по расследованию. Там (стр. 40) приведено высказывание Ганса Дельбрюка, давшего такой ответ на вопрос, почему немецкие историки не обратили своевременно внимания на всемирно-историческое значение Второй Гаагской мирной конференции: «Мы умышленно не сделали этого, ибо мы в Германии были еще молодым народом, имевшим большую будущность и не считавшим, что он может позволить при помощи подобных институций лишить себя будущих возможностей». Это высказывание характерно для общего настроения того периода, вполне понятного социологически. В особенности надо сравнить также второй полутом цитированного труда, где эксперт Герц останавливается на дебатах в рейхстаге, посвященных Гаагской конференции.

* Новый материал о позиции великих держав на конференции и ее подготовке русским юристом — специалистом в области международного права фон Мартенсом содержится в DD, 2-me serie, vol. 10. Особенно ясным становится здесь согласованное с Германией сопротивление Австрии попытке разоружения. О позиции кайзера сообщается в подробной записи советника посольства Леконта от 21 марта 1907 г. (№ 440, приложение).

лания относительно разоружения[1]. Межпарламентские союзы и пацифистские общества публично обсуждали проблему. Начало строительства дредноутов в Англии сделало проблему более жгучей, чем когда-либо. Германский военно-морской атташе уже подсчитал, что в 1910 году Германия будет иметь четырнадцать больших боевых кораблей против шестнадцати-семнадцати английских[2]. Английское либеральное правительство оказалось в тисках между своей программой смягчения финансовых тягот и потребностями обороны страны. В феврале министр иностранных дел правительства либералов объявил германскому послу о намерении Англии обсудить на конференции программу разоружения[3]. Позиция держав, противостоявших Тройственному союзу и являвшихся естественными политическими секундантами Англии, была в этом вопросе с самого начала неодинаковой и не более благоприятной подлинному разоружению, чем германская политика. Россия в этом вопросе имела противоречивые интересы. С одной стороны, она была не прочь, чтобы Германии были предъявлены требования в области разоружения, ибо всякое ограничение вооружений, будь то по географическому принципу или же в зависимости от численности населения, стабилизировало бы огромный перевес русских. Но, с другой стороны, во время войны с Японией Россия лишилась флота, так что радикальное разоружение означало бы для нее постоянный отказ от военно-морской мощи, восстановление которой составляло один из главных пунктов программы южнорусской угольной и железоделательной промышленности. Франция не могла пойти на разоружение по причинам противоположного порядка. Как географические критерии, так и применение принципа пропорциональности вооруженных сил по отношению к численности народонаселения поставили бы Францию в невыгодное положение по сравнению с Германией[4].

Германский империализм считал себя в полной мере под угрозой и в опасности. Флотский союз, пропагандистски подготовивший выборы 1907 года и заплативший за их итоги тяжелым внутренним кризисом, полагал уже, что он напрасно принес себя в жертву. Страх перед тем, что программа строительства германского флота может в результате Гаагской мирной конференции оказаться связанной, побудил к еще более резким, чем когда бы то ни было, атакам на Эдуарда VII, который путешествовал по Средиземному морю. За сообщением о свидании английского и итальянского королей последовали резкая речь главы национал-либералов и с трудом поддающаяся описанию паника в печати и на бирже. «Позавчера,— доносил в Лондон очень осторожный и весьма дружественно расположенный к Германии посол сэр Фрэнк Лэсселс,— Берлин абсолютно и полностью сошел с ума. Английские биржевые бумаги упали на шесть пунктов, и повсюду господствовало мнение, что между Германией и Англией разразится война... Требование подвергнуть вопрос ограничения вооружений обсуждению на Гаагской конференции рассматривается как широко задуманный заговор с целью поставить Германию в неудобное положение»[5]. Но английский посланник в Мюнхене, шовинист чистейшей воды и интимный друг Эдуарда VII, подливал масла в огонь и потирал руки от удовольствия, когда левые немецкие политики набросились на германского посла в Лондоне, который в действительности был одним из немногих видных политических деятелей, не позволивших сбить себя с толку. Ведомство иностранных дел в Берлине находилось в величайшем возбуждении. Иностранные дипломаты заявляли, что здесь зарятся только

---

[1] См. GP, 7770—71, Штумм — Бюлову, 26 мая и 8 июня 1906 г.
[2] Ibid., 7785, заметка военно-морского атташе Керпера от 14 марта 1907 г.
[3] Ibid., 7840, Меттерних — ведомству иностранных дел, 8 февраля 1907 г.
[4] См. GP, 7923, Флотов —Бюлову, Доклад о решительном сопротивлении Франции по вопросу разоружения, 14 августа 1907 г.
[5] Ibid., 7927, Штумм — Бюлову, 20 апреля 1907 г.

на милости кайзера[1]. Как это часто бывает, в данном случае тоже вновь сплелись в один узел различные вопросы. В конечном счете вся апрельская агитация 1907 года была подготовкой к обсуждению в рейхстаге вопросов внешней политики, которому, как отметил консервативный лидер Центра граф Гертлинг, партии придавали теперь гораздо больше значения, чем раньше. Буря несколько улеглась лишь после заявления рейхсканцлера, что Германия ничего не может ожидать для себя от обсуждения вопроса о разоружении[2].

После этих событий идея разоружения должна была подвергнуться на конференции погребению, или, как говорили германские представители, пережить enterrement, причем навряд ли можно сказать, что похороны производились по первому разряду. Считаясь с англичанами, с которыми в те месяцы все теснее сближалась российская политика, министр иностранных дел России Извольский, называвший идею разоружения произведением социалистов, евреев и истеричек[3], отнесся к похоронам с нежным сочувствием. Эта церемония была желанной мишенью для германского делегата на конференции фон Маршалла, сделавшегося в Константинополе прожженным циником. Немного отчетов написано с бо́льшим остроумием и злорадством, а также с большей злостью, чем сделанное им изложение переговоров по разоружению, имевших место на конференции[4].

Труднее было уклониться от принудительного международного арбитража. Позицию Германии, не желавшей подчиняться принудительному арбитражу и тогда, когда его компетенция после изъятия всех жизненно важных и существенных вопросов была ограничена второстепенными пунктами, клеймили в те дни и позднее и использовали для антигерманской пропаганды. Специалисты по международному праву на конференции немецкий профессор Цорн[5] и австрийский профессор Ламмаш[6] тоже выступили против Центральных держав. Причиной позиции Германии и в данном случае являлось стремление великой державы, добиваясь могущества, избежать какого бы то ни было контроля со стороны малых государств, при котором вопросы, самостоятельно решавшиеся крупным государством, были бы превращены в юридические вопросы[7]. Для того чтобы единение части света было осуществлено, не хватало тирана. Европе не хватало Цезаря Борджиа, такого, о каком мечтал для разорванной на куски Италии Никколо Макиавелли. Сила шла впереди права, но не было силы, достаточно крупной, чтобы добиться повсеместного уважения в международных отношениях.

Третий значительный вопрос — право морской добычи — также не продвигался на конференции сколько-нибудь вперед[8]. Здесь столкнулись германское ведомство иностранных дел и имперское военно-морское ведомство. Тирпиц противился отказу от оружия, от которого Германия, по его мнению, прямо-таки полностью зависела в случае блокады англичанами. Англичане оказали Тирпицу услугу, тоже не пожелав отказываться от права морской добычи, так что ведомству иностранных дел и имперскому военно-морскому ведомству не пришлось вступать в борьбу друг с другом.

Таким образом, в важнеших вопросах конференция оказалась банкротом,

---

[1] См. BD, V, № 16, Картрайт — Грею, 23 апреля 1907 г.

[2] Бюлов в рейхстаге, 30 апреля 1907 г. Здесь, как и везде, я ограничиваюсь лишь очень краткой характеристикой германской позиции.

[3] См. GP, 7974, Шён — Бюлову, 25 июля 1907 г.

[4] Этот отчет, опубликованный в GP, 7982, и датированный 14 августа 1907 г., крайне интересно прочесть и историку, не являющемуся специалистом в данной области.

[5] См. Philipp Zorn, Die beiden Haager Friedenskonferenzen, Stuttgart 1920.

[6] См. Marga Lammasch und Hans Sperl, Heinrich Lammasch, Wien — Leipzig 1922.

[7] См. в высшей степени интересное умозаключение в отчете Маршалла от 10 ноября 1907 г. (GP, 7965).

[8] По этому вопросу см. в особенности GP, Кар. CLXXII.

что при сложившейся ситуации означало существенный успех германской внешней политики. Было устранено препятствие на пути рвущегося вперед германского империализма. Впрочем, и за границей вздохнули свободно. «Тан» зло вышучивала Folie pacifiste[1] и вымолвила такую фразу: «Les pacifistes sont des naifs ou des bluffeurs». «Франс милитэр» подвергала осмеянию «plaisanterie du désarmement»[2]. Английская печать, однако, приветствовала конференцию по разоружению, посвящая целые страницы выступлениям против германского флота[3]. Если у этого лагеря все же имелись основания щадить конференцию как таковую, то немецкая пресса не страдала в этом отношении недостатком откровенности; немецкие газеты чествовали конференцию, давая на целые полосы заголовки вроде: «Английский трюк», «Очковтирательство», «Фантазии насчет разоружения», «Лиса проповедует разоружение», «Мирная волынка» и т. д.[4], не говоря уже о военной печати в собственном смысле слова, например о венской «Данцерше армеецейтунг», которая несет подобающую ей долю ответственности за развязывание мировой войны[5]. Из крупных немецких газет только «Кельнише цейтунг» не позволила совлечь себя с дружественного Англии курса, на который она вступила еще при Гольштейне. Ее главный редактор Эрнст Поссе оказал на страницах своей газеты гостеприимство пацифисту Альфреду Фриду[6], из чего, однако, еще не следует, что орган г-на Дюмона отождествлял себя с пацифистской политикой. Подобный образ действий был ему тем более далек, что в то время, в период политики блока и империализма, даже лагерь Свободомыслящих не хотел ослаблять ограничением средств вооружения борьбу за рынки на международной арене. Политический преемник Ойгена Рихтера Мюллер-Саган высказался в правительственном духе против того, чтобы в Гааге затрагивался вопрос о разоружении[7], и рассказывал своим избирателям в Рурской области, что он лично мог убедиться в изменении умонастроений в Англии[8]. Даже левое крыло Свободомыслящих не заходило в своих пожеланиях дальше высказываний, что нужно по крайней мере выслушать английские предложения о разоружении и, во всяком случае, отвергнуть их как неосуществимые[9]. По этой причине пацифистские общества держав Тройственного союза со своей стороны тоже устранили проблему разоружения из дискуссии и заявили, что идея справедливости должна иметь приоритет перед разоружением[10].

---

[1] «Temps» v. 15.3.1907.

[2] «France Militaire» v. 16.3.1907.

[3] В марте против германского флота выступают также «Найнтис сенчури ревью» и, например, «Контемпорери ревью», которые обсуждают вопрос о *потсдамизации* Германии и предостерегают против Германии Бельгию и Нидерланды. Эти предостережения были, как известно, специальностью г-на Эллиса Баркера (Эльцбахера), одного из профессиональных агентов Антанты. Большой интерес для характеристики позиции Англии представляет опрос по проблеме разоружения, произведенный «Нейес Винер тагеблат» (по «Frankfurter Zeitung» v. 23.5.1907). Из 177 видных английских деятелей, которым был предложен вопрос о конференции, 11 высказались за, 16 — категорически против, все остальные высказались скептически или апатично. Дж. Б. Шоу, прибегая к обычным шуткам, увернулся от этой популярной проблемы. Тем не менее несомненно, что, в отличие от крыла Асквита — Грея, левые либералы, стоявшие далеко от правительства, искренне сожалели о провале конференции. Торп, однако, со вздохом облегчения приветствовал ее результаты.

[4] Цитируется по статье Альфреда Г. Фрида в январском номере «Фриденсварте» за январь 1906 г.

[5] Стоит лишь сравнить весьма заурядные статьи в «Данцерше армеецейтунг» от 1 мая 1907 г.

[6] «Kölnische Zeitung» v. 18.9.1906 und 2.4.1907.

[7] Выступление Мюллера-Сагана на собрании Свободомыслящей народной партии 20 апреля 1907 г.

[8] Сообщение «Боннер цейтунг» о речи Мюллера-Сагана в Бармене 29 апреля 1907 г.

[9] «Frankfurter Zeitung» v. 1.5.1907.

[10] В числе участников конгресса пацифистов в Вене были Фрид, Квидде, Берта фон Зутнер, де Нефвиль из Франкфурта и Аргольд; последнего, насколько мне известно, отождествляют с известным дрезденским банкиром.

Агитация за дополнительный закон о флоте

Позиция Германии на конференции, которую и так нелегко было оправдывать, осложнялась еще и тем, что тактическая неумелость германских представителей сопровождалась бестактностями, обычными для народа, в высшей степени неопытного в общении с заграницей[1]. Это поведение впервые сделало миру по-настоящему ясным тот факт, что позиция Германии по отношению к другим державам определяется главным образом агитацией за строительство флота и стоящими за ней экономическими и политическими силами, которые в конце концов перерастали имперское руководство. Сам статс-секретарь фон Тирпиц едва мог в то время удержаться наперекор этим силам, которые постоянно прятались за спину кайзера, что делало почти невозможной единую имперскую политику. В марте 1906 года у главы имперского морского ведомства возникло сильное столкновение с короной[2]. Общественность не отдавала себе ясного отчета в том, что имперское морское ведомство и его столь часто подвергавшийся критике руководитель втайне разрабатывают проекты, не слишком далекие от пожеланий Флотского союза[3].

---

[1] Характерно поведение выдающихся немцев в Америке в те дни*. Карнеги, открывший тогда свой знаменитый институт в Питтсбурге, вслед за этим пригласил присутствовавших на открытии немецких гостей, список которых был составлен правительством, в том числе генерала фон Левенталя, министра Меллера, советника по вопросам строительства Ине, скульптора Шапера и т. д., как и остальных участников, на мирный конгресс в Нью-Йорке, где он председательствовал. Зарубежные гости прибыли, немцы же, напротив, не появились; более того, отставной министр Меллер произнес в Питтсбурге застольную речь: «Я считаю, что лучше использую свое время, оставшись здесь, чем в Нью-Йорке, участвуя в теоретических рассуждениях насчет мира». Одновременно профессор Мюнстерберг выступил в Бостоне с речью в защиту германских вооруженных сил. Это типичные случаи прямо-таки наивной невежливости, которых не следовало бы допускать.

[2] См. T i r p i t z, Aufbau usw., S. 30 f.

[3] Как явствует из неопубликованных материалов имперского военно-морского ведомства, еще в мае 1906 г. Денхардт составил меморандум о дальнейшем развитии флота. Согласно директивам Тирпица, очередной целью объявлялись достижения двадцатилетнего срока замены линейных кораблей и стабилизация темпов, при которых строятся три корабля ежегодно, то есть регулярное продолжение дела, что для имперского военно-морского ведомства и фабрикантов броневых плит было важнее, чем умерить обусловленную конъюнктурой повышенную нервозность людей, стоявших за Флотским союзом. Как видно из меморандума, целью имперского военно-морского ведомства был флот из шестидесяти крупных броненосцев, который имелось в виду создать путем соблюдения таких темпов строительства: по три в год. Из пометок на полях, сделанных Капелле, можно уже сделать вывод и о нарастании темпов: по четыре корабля в год. Тем временем стоимость одного броненосца подскочила до 42 миллионов марок и повысилась еще более, пока шли переговоры. Дополнительную потребность на семилетие исчисляли в 409 миллионов марок. 18 мая 1906 г. Тирпиц принял решение потребовать обязательной замены линейных кораблей после двадцатилетнего срока службы и создания второй резервной крейсерной эскадры в составе пяти больших крейсеров, что для 1911—1917 гг. означало бы на девять крупных кораблей больше, чем планировалось первоначально. К этому должны были прибавиться еще четыре больших корабля как итог повышения темпов строительства. Одновременно предполагалось переоборудовать в боевые корабли большие крейсеры иностранной службы. Ближайшим возможным сроком для дополнительного закона была зима 1908 г., так как последняя сессия старого рейхстага в 1907 г. уже состоялась и на новый рейхстаг было легче оказать давление угрозой роспуска. Кроме того, помимо увеличения числа кораблей, планировалось увеличение типовых габаритов. Хотя, таким образом, уже в апреле 1906 г. дальнейшие планы принимали ощутимую форму, в печати последовало обычное опровержение. «Кёльнише цейтунг» 27 июля 1906 г. утверждала, что, как ей доподлинно известно, в имперском военно-морском ведомстве «отнюдь не работают над проектом нового закона о флоте». Впрочем, в этом ведомстве отдавали себе отчет в том, что дальнейшее развитие германского флота всецело зависит от налоговой политики. В этом направлении всяческие надежды возлагались на большинство, которым располагал в рейхстаге блок. Напротив, там с печалью взирали на развитие внешнеполитических событий и либеральный режим в Англии, который представлялось непозволительным свергнуть путем введения более высоких темпов строительства, поскольку запланированный темп — три корабля ежегодно — уже к 1917 г. повел бы к тому, что соотношение

* Теперь по этому поводу см. DD, 2-me serie, vol. 10, № 463, Жюссеран — Пишону, 17 апреля 1907 г., с соответствующим комментарием.

Тирпиц, которому в его борьбе с ультрашовинизмом отнюдь не были кстати роспуск рейхстага и вся предвыборная шумиха 1906 года[1], в конце концов использовал Флотский союз в качестве борзой, но, с другой стороны, он старался не потерять контакта с Центром, который протолкнул его первый проект закона о флоте, и парламентскую важность которого Тирпиц оценивал правильнее, чем Бюлов, павший в результате борьбы с Центром.

Хотя статс-секретарь имперского морского ведомства и не являлся государственным деятелем в собственном смысле слова, он был первоклассным специалистом в области дипломатии, умевшим хитро и умно использовать различные течения. Генерал Кейм, который вскоре после избрания, в 1907 году, оказался, подобно мавру, загнанным в угол, почуял за спиной Центра, добившегося его падения, оскорбленную ведомственную политику Тирпица[2].

Этот скандал, разыгравшийся во Флотском союзе зимой 1907/08 года и поведший в конце концов к открытому кризису, был большим успехом Центра, который считали прижатым к стене в результате выборов 1907 года. Дипломаты курии сумели ловко разжечь неудовольствие — особенно южногерманских династий — против руководства, поставившего на передний план протестантство. Еще в мае баварская земельная организация Флотского союза потерпела в Кельне поражение из-за того, что кайзер через посредство своего генерал-адъютанта лично укрепил тыл Флотского союза[3]. Отсюда Свободомыслящие вполне правильно заключили, что уже в тот момент планировалось снижение темпов строительства[4]. Противоречия обострились из-за резко подскочившей промышленной конъюнктуры, совпавшей по времени с русско-английским соглашением. Промышленники упрекали баварцев в том, что они ведут дела в пользу Англии[5]. Индустрия, работавшая на экспорт, и фабриканты броневых плит выдвинулись на первый план. Синдик саксонской промышленности Густав Штреземан выступил более резко и своими речами, которые в Баварии были истолкованы как атака против кронпринца Рупрехта, создал внешний повод к развалу Флотского союза. Вестфальская промышленность использовала растущие противоречия в мировой политике для того, чтобы, оказывая непосредственное давление на берлинское правительство, по возможности еще немного продлить конъюнктуру[6].

Как к концу периода конъюнктуры на исходе девяностых годов, так и теперь обострение противоречий между промышленными районами и финансистами Берлина произошло как бы в расширенном масштабе. Этот процесс еще раз дал себя знать к концу следующего периода конъюнктуры, хотя, как об этом будет сказано ниже, общие экономические отношения вступили в совершенно новую стадию, на которой большую, чем прежде, роль играла монополизация внешних сырьевых рынков[7].

с Англией составило бы 1:2 (заметка Капелле от 4 февраля 1907 г.). Выступить уже тогда с законопроектом о стабилизации темпов в рейхстаге оказалось затруднительным, так как темпы снизились лишь в 1913 г., потому что в то время дополнительный закон о стабилизации еще не был актуальным.

[1] См., например, B ü l o w, op. cit., 2. Bd., S. 270 f.

[2] См., K e i m, op. cit., S. 128.

[3] Ibid., S. 126.

[4] См. «Frankfurter Zeitung» v. 18.5. 1907.

[5] Ревентлов в рейхстаге, май 1907 г.

[6] См. BD, № 37, приложение, капитан Дюма — Лэсселсу, 3 октября 1907 г.

[7] Классическим примером взаимосвязи между конъюнктурой и наращиванием вооружений, в особой степени наблюдавшейся в 1908—1909 гг., может служить воспроизведенное у Кера письмо президента Флотского союза князя Зальм-Горстмара от 13 декабря 1901 г., из которого я приведу следующее место: «....в результате того, что строительство кораблей, утвержденных по последнему военно-морскому закону, было бы ускорено настолько, насколько это вообще мыслимо для немецких верфей, многие отрасли промышленности не только получили бы новые заказы, что позволило бы им продержаться на поверхности, но они оказались бы также в состоянии загрузить своих рабочих и вновь принять на работу тех, кто уже уволен. Однако одним из важнейших факторов, о которых следует

Новый визит кайзера в Англию. Дискуссия о Багдадской железной дороге и дополнительный закон о флоте

Еще до того как эти противоречия внутри кругов, ведших агитацию за флот, разрядились, взорвав Флотский союз, внук королевы Виктории и племянник английского короля вновь, к крайнему неудовольствию возобновившейся антианглийской пропаганды, появился по ту сторону Северного моря. Если во время бурской войны Англия с облегчением чествовала германского кайзера как защитника против угрожавшей на Востоке русской опасности, то теперь по ту сторону Канала в визите кайзера видели уже только попытку прикрыть военно-морскую опасность, угрожающую со стороны Германии, и подорвать англо-французский союз.

Таким образом, для империалистической печати визит кайзера пришелся весьма некстати. В «Таймс» очень не ко времени взорвалась бомба, направленная против Бюлова, который после этого и остался на континенте[1]. В этих условиях был уже неуместен далеко идущий политический союз, подобный обусловленному конъюнктурой времен бурской войны. В Виндзоре германские политики ограничились дискуссией о строительстве Багдадской железной дороги, скверное состояние которого было следствием недостатка средств для финансирования предприятия[2]. Если отвлечься от этих частностей, то поездка кайзера приобретает прямо-таки фатальное сходство с событиями прежних времен, особенно с известным визитом 1899 года. Как в 1899 году, так и на этот раз целью посещения кайзером Англии было улучшение сильно омрачившихся взаимоотношений. Как тогда, так и теперь предстояло обнародовать дополнительный закон о строительстве флота, который, как тогда, так и теперь, должен был способствовать стабилизации конъюнктуры, переходящей за свой кульминационный пункт. И совсем как тогда, так и теперь закон о флоте погасил психологическое воздействие визита кайзера. Кайзер еще не покинул Англию, когда новый закон о флоте стал известен общественности. Но если тогда, во время бурской войны, англичане были вынуждены делать хорошую мину при плохой игре, то с тех пор условия основательно изменились. Принцип «нельзя плыть дважды на одной и той же волне» имеет силу и в политике. Правда, ко всему прочему прибавилось то обстоятельство, что и на этот раз закон о флоте был внесен точно в момент перелома высокой конъюнктуры и должен был послужить ее стабилизации, то есть явно носил характер поддержки экономики. Но, с другой стороны, этот кризис обострил те самые трения, из-за которых международная ситуация 1907 года невыгодно для Германии отличалась от ситуации 1900 года.

здесь говорить, было бы то, что в результате заказов на новые военные корабли и вызванного этим оживления торговли и промышленности повысились бы соответствующие биржевые курсы, были спасены многие ценности и наступила бы консолидация рынка». (За стиль несет ответственность князь Зальм.)

[1] См. BD, VI, № 48, и сл., а также «Times», 10.10.1907.

[2] См. GP, 8668—8670; BD, VI, № 62—68. В те годы германский посол на Золотом Роге все время с гордостью подчеркивал, что Багдадскую дорогу можно выстроить и без чужих денег. Действительно, необходимые суммы можно было бы получить и в Германии путем размещения займа. Но, с другой стороны, все предприятие было основано на гарантиях, согласно которым поручиться за успех должны были турки. Чтобы создать такие гарантии в условиях международной зависимости Турции, было необходимо прямое или косвенное содействие иностранных держав, получить которое было, конечно, легче, когда капитал иностранных держав был заинтересован в строительстве. Эта реальная политическая зависимость багдадского предприятия от чужой воли и чужого капитала должна была бы послужить поводом к величайшей экономии, что, однако, диаметрально противоречило исходным финансовым наметкам. Таким образом, хотя в Германии действительно можно было добыть новые средства для строительства дороги, всю багдадскую политику этого времени можно по праву связать с действиями «Немецкого» банка в финансовой области.

Коротко говоря, экономический кризис 1907 года решающим образом обусловил и обострил одновременно напряженность между Англией и Германией, военно-морской scares 1908—1909 годов и восточный кризис этих лет. Конечно, гонка морских вооружений 1907—1908 годов наступила бы и без кризиса, но все же кризисные моменты придали ей соответствующий характер.

Строительство дредноутов

Уже в то время гонка морских вооружений проходит под знаком строительства дредноутов. Английское адмиралтейство хотело обогнать Германию. Лорд Фишер, полагали в Германии, намеревается строить корабли таких размеров, которые для Германии неприменимы, учитывая габариты канала имени кайзера Вильгельма. Это предположение правильно, но, в конечном счете, все развитие определялось прогрессом техники — именно этот прогресс побудил Фишера строить новые корабли, именно он сделал планы Фишера осуществимыми и дал новый импульс пропаганде в пользу сооружения флота. На все страны распространил влияние международный капитал. И даже там, где он не основывался на прямых международных картельных соглашениях[1], его космополитический характер (в отрицательном смысле этого слова) проявлялся в том, что он взаимно понуждал все государства, а также и элементы, не имевшие интересов в военном производстве, к постоянной модернизации вооружений. Это вело к обложению налогами широких масс в пользу военных промышленников. Воздействие военной промышленности было подобно воздействию, скажем, международного хлебного или текстильного картеля, который был бы в состоянии навязывать свои условия потребителям жизненно необходимых продуктов. Кроме крупных военно-промышленных фирм с их конструкторскими бюро и финансистами, силой, которая извлекает из такого развития пользу и господствует над ним, является в первую очередь феодальная знать отдельных стран. Эта сила в равной мере втягивала в круговорот как имевшиеся империалистические тенденции отдельных государств, так и простую потребность неимпериалистических кругов в безопасности.

Но, конечно, проблема военной безопасности как таковая не отпадала тем самым как политический фактор. Формула «военная идея — военная промышленность» абсурдна. Но при данных обстоятельствах удовлетворение этой в некотором роде легитимной потребности в безопасности попадало в зависимость от факторов, которые на частноэкономической основе действовали в пользу отдельных лиц и должны были, имея в виду конкуренцию, обусловливать рекламу сбыта. Только национализация военной промышленности могла послужить защитой против такой тенденции, но тем, кто извлекал из этой промышленности выгоду, удавалось воспрепятствовать ее нацио-

---

[1] Международные картельные соглашения, подвергавшиеся сильным атакам со стороны пацифистов и иной раз, пожалуй, сильно переоценивавшиеся ими, часто представляют собой общества по использованию патентов. С этим нельзя смешивать тот факт, что акции крупных оружейных фирм— «Армстронг», «Виккерс», «Штумм» и др. — находились в руках иностранцев. Не подлежит сомнению, что эти элементы все вместе и часто в качестве партнеров были заинтересованы в наращивании вооружений. Но предпосылкой этого наращивания вооружений служила опять-таки борьба на международной арене, которая, со своей стороны, совершенно немыслима и не может быть понята без учета конкуренции железоделательных и сталепромышленных групп, особенно Франции и Германии. Даже несколько соглашений, заключенных между французскими и германскими военными промышленниками, еще не являются тормозом для тех гигантских сражений, которые давали друг другу в битве за сырье не только военные промышленники в собственном смысле слова, но и вся металлическая промышленность.

нализации. Поскольку в условиях частной экономики реклама подобного рода была равнозначна возбуждению страха, для военной промышленности имело прямо-таки жизненное значение то, что империализм и пресса все больше запугивали народ. Когда же было слишком спокойно, то принимали искусственные меры. Движущей силой всего развития была, однако, прибыль.

Лето 1907 года прошло под знаком этой типичной пропаганды страха. Еще до первого большого полета цеппелина, окончившегося катастрофой у Эхтердингена, немецкие публицисты запускали бумажные воздушные корабли через Канал и, используя Турцию, угрожали Египту и Британской империи[1].

Авторы ультрашовинистических и антианглийских брошюр пытались даже натравить Францию на Англию — довольно-таки тщетное начинание в период, когда даже Англия не позволяла использовать себя против Франции[2]. Тем не менее и французским политикам, занимающимся Марокко, приходила в голову мысль о полюбовном соглашении с восточным соседом, чтобы избавиться от оков Альхесираса. Парламентский лидер заинтересованных французских кругов, сгруппировавшихся вокруг марокканских интересов фирмы «Шнейдер-Крезо», явился к германскому кайзеру, чтобы отвлечь Германию от Марокко, но потерпел фиаско[3]. Поворот в марокканском вопросе совершился лишь в следующем году, когда фирме «Шнейдер-Крезо» удалось достигнуть соглашения с Круппом. Но общее соглашение между Германией и Францией было невозможно из-за Эльзаса и Лотарингии.

Новый германский закон о строительстве флота

Германская пропаганда в пользу морских вооружений достигла своего кульминационного пункта непосредственно после визита кайзера в Лондон, в связи с публикацией нового дополнительного закона о строительстве флота[4].

---

[1] См. из ряда вон выходящую брошюру Р. Мартина (R. M a r t i n, Berlin— Bagdad, das deutsche Weltreich im Zeitalter der Luftschiffahrt 1910—1920, Stuttgart 1907).

[2] В «Eine Mahnung in 12. Stunde. Deutschland und England, von einem Kapitän» выдвигается требование нейтрализации Эльзаса и Лотарингии и союза с Францией.

[3] О визите Этьенна см. BD, V, № 79 (Берти — Грею, 3 февраля 1908 г.), а также GP, 7257 (Вильгельм II — Бюлову, 27 июля 1907 г.). Германское имперское руководство уже тогда было весьма склонно принять идею французов о компенсации, поскольку Марокко потеряло свою ценность как залог. См. T i r p i t z, Aufbau, usw., S. 56 ff. (Бюлов — Тирпицу, 16 января 1908 г.). Здесь Тирпиц требует в качестве возмещения все Французское Конго — признак того, что мысль о компенсации — Конго за Марокко,— которая в результате настояний г-на Тардье уже играла известную роль во французской политике, имела и в Германии сторонников еще прежде, чем в итоге посредничества германского посла обе стороны, заинтересованные в Конго, начали переговоры.

[4] Первый вариант законопроекта был подготовлен имперским военно-морским ведомством 4 апреля 1907 г. и 17 мая того же года передан в имперское казначейство в форме меморандума о военно-морском бюджете и дополнения к закону о флоте. Пока шло ведомственное обсуждение, требования все более возрастали. Уже 5 июля стоимость линкора составляла 47 миллионов марок, тяжелого крейсера — 44 миллиона, легкого крейсера— 8,5 миллиона, флотилии торпедных катеров — 24 миллиона. По подсчету Тирпица, произведенному в сентябре 1907 г., линейный корабль стоил в 2,4 раза, тяжелый крейсер — в 2,9 раза больше, чем в 1898 г. В конце сентября 1907 г. в Роминтене Тирпиц ознакомил кайзера с законом о строительстве флота. Дополнительный закон в его окончательной форме предусматривал обязательную замену кораблей после двадцатилетнего срока службы, из чего следовало, что в период 1908—1911 гг. замене подлежали 20 линкоров. До сих пор, заявил Тирпиц кайзеру , приходилось стабилизировать темпы, при которых ежегодно сходят со стапелей три корабля, теперь же внутреннее и внешнеполитическое положение благоприятствует тому, чтобы в год строились четыре корабля, так что к осени 1913 г. в наличии будет более двойной эскадры кораблей водоизмещением в 20 тысяч тонн. В результате введения двадцатилетнего обязательного срока замены

Внешне этот закон выглядел довольно невинно и предусматривал для больших кораблей обязательный срок замены через двадцать лет службы вместо двадцати пяти. Практически этот закон означал, что теперь в ближайшие годы ряд устарелых судов, построенных в восьмидесятых годах и уже не шедших в счет, заменялся большими современными кораблями. Этот образ действия был, вне всякого сомнения, заимствован из тактики Флотского союза, который, к неудовольствию Тирпица, все больше и больше критиковал имевшиеся корабли, считая их устаревшими. Еще в ноябре 1907 года пангерманцы утверждали, что в строю нет ни одного полноценного линкора[1]. Флотский союз охарактеризовал опубликованный теперь законопроект как весьма скудную уплату части долга[2]. Граф Ревентлов, не понимая тактических соображений, в последний момент побудивших имперское военно-морское ведомство разбить на два отдельных дополнительных закона вопрос о сроке замены кораблей и стабилизацию темпа их строительства, жаловался, что после 1911 года германская военно-морская политика погрязла в болоте. Как бы то ни было, в результате этой тактики имперского военно-морского ведомства в 1911 году должен был последовать новый законопроект, что дало политическим авгурам повод заранее объявить 1911 год кризисным.

Блок, составлявший большинство в рейхстаге, безропотно проглотил закон о строительстве флота. Начиная еще с лета руководство Центра, политически оттесненного в сторону, усматривало здесь возможность вновь приблизиться к правительству. В стремлении вытеснить из руководства партии эрцбергеровское направление старший советник земельного суда Петер Шпан произнес в то время в Рейнбахе, близ Кёльна, речь, в которой совершенно в духе имперского военно-морского ведомства высказался за ускорение строительства кораблей замены[3]. Центр без больших трудностей пропустил законопроект о строительстве флота, тогда как Национал-либеральная партия, как всегда, взяла на себя ведущую роль в вопросах флота. Бассерман, выступив в защиту Флотского союза, высказал пожелание насчет упразднения кораблей

до 1911 г. будут подлежать замене линкор «Ольденбург», шесть кораблей класса «Зигфрид» и четыре корабля класса «Бранденбург». Поскольку к этим кораблям прибавлялись еще четыре, строительство которых предусматривалось дополнительным законом 1906 г., то в период между 1908 и 1911 гг. можно будет перейти к темпу строительства: по четыре в год. По сравнению с суммой, указанной в последнем дополнительном законе, общая стоимость на 1908—1917 гг. была на 943 миллиона марок больше, и, хотя частично указанная разница покрывалась займами, это означало все же добавочную нагрузку в 74 миллиона в год. Поскольку, однако,наращивание было наибольшим вначале, то в период 1908—1911 гг. среднегодовая добавочная потребность составляла 178 миллионов марок. По бюджетно-политическим соображениям при окончательной подготовке закона выражение «дополнительный» было устранено. Рейхсканцлер счел момент подходящим и договорился с имперским военно-морским ведомством о том, что имперское казначейство будет поставлено в известность лишь после того, как кайзер примет решение. Это представляет тем больший интерес, что в тот период казначейство, испытывая нужду в деньгах, в отчаянии искало выход из положения. Имперское казначейство рассчитывало на поддержку своих планов Центром, национал-либералами и консерваторами. Имелось в виду, что требование в 950 миллионов марок будет все же твердым орешком для рейхстага после того, как всего-навсего два года назад была ассигнована такая же сумма. Кроме того, опасались сопротивления со стороны тех, кто с ужасом отвергал гонку морских вооружений, бесконечное завинчивание военно-морского пресса, ссылаясь на то, что по этому законопроекту Германия строила бы в год четыре больших боевых корабля, тогда как Англия строит лишь три, и что таким образом Германия, вместо того чтобы держаться на одном уровне с Англией, стала бы задавать тон. Что касается внешнеполитического воздействия дополнительного закона, то, как сообщал 23 ноября 1907 г. из Лондона Виденман, первым впечатлением, вызванным опубликованием нового закона о флоте, было ощущение неслыханной опасности, угрожающей Англии.

[1] См. «Alldeutsche Blätter» v. 9.11.1907.

[2] См. «Mitteilungen des Deutschen Flottenvereins» v. 19.11.1907.

[3] О речи Шпана см. «Гамбургер корреспондент» от 15 августа 1907 г. По сообщению «Вестфелишер меркур», Шпан указал на угрозу Германии со стороны Эдуарда VII. Вызвав насмешки либералов, Шпан, у которого был дом в Киле, в своей речи все время прибегал к оборотам вроде: «Мы, люди Голштинской земли», «Мы, сыны омытых морем провинций» («Kölnische Zeitung» v. 3.9.1907).

класса «Зигфрид» и «Бранденбург» и, выйдя далеко за рамки правительственного проекта, потребовал тем самым, чтобы имелось тридцать восемь полноценных линейных кораблей. Центристы, как и национал-либералы, откровенно выражали свою радость по поводу того, что кошмар Гаагской конференции отступил от Германии. Буржуазия, голосовавшая за новые вооружения на суше и море, расшаркивалась перед бароном фон Маршаллом, который со своим рутинерским цинизмом благополучно провел эту политику через рифы Гаагской конференции. Социалистам было нетрудно разыграть внешнеполитическое положение против классов, воображавших, будто они контролируют его. Бебель высмеивал буржуазное лицемерие мирной конференции и предостерегающе напоминал довольному блоковому большинству о кольце, смыкавшемся вокруг Германии. Рейхсканцлер привычным манером успокаивал своих последователей. Напряженность в англо-германских отношениях, заявлял он, проистекает из недоразумения. Уже в начале нового года новый законопроект безоговорочно прошел через комиссию, сопровождаемый лишь критическим шепотом демократа Вимера против хозяйничания монополий в судостроении и предостережением Эрцбергера насчет повышения цен на военное снаряжение[1]. Вместе со Штреземаном один из национал-либеральных колониальных политиков, депутат рейхстага Землер из Гамбурга, выступил за Флотский союз. Но именно Штреземан бросил бомбу, взорвавшую Флотский союз; то, что после переизбрания Кейма принц баварский Рупрехт демонстративно вышел из правления Союза, приписывалось не в последнюю очередь агитации Штреземана[2]. За Штреземаном стояли действовавшие против экспортной промышленности сухопутная армия, южногерманские владетельные князья, жаловавшиеся на накопившиеся имперские долги, крупные помещики[3] и берлинский финансовый капитал. Католическим крупным промышленникам Центра разложение Флотского союза принесло изрядную толику добычи. В католической Баварии ни одна рука не поднималась больше за Кейма[4]. Крупные промышленники с затаенным бешенством наблюдали, как было разбито первостепенное средство ее политического могущества. Флотский союз постепенно менял свое лицо; в качестве руководителя корпуса фабрикантов, производивших броневые плиты, и других лиц, заинтересованных в вооружении[5], был посажен кайзеровский адъютант. Хотя преоб-

[1] «Kölnische Zeitung» v. 14.12.1907. При изучении обсуждения в бюджетных комиссиях лучше всего пользоваться прессой, поскольку протоколы, как правило, никуда не годятся.

[2] Как передают, Штреземан сказал в Германском колониальном обществе, что на стороне Кейма симпатии полутора миллиона немцев, и поэтому, его не может задеть, «если кто-то там, в Мюнхене», недоволен его агитацией.

[3] Для аграриев партийная политика по отношению к закону о флоте тоже была связана с проблемой Флотского союза. «Крейццейтунг» резко критиковала Бассермана, выступившего в своей речи, произнесенной в рейхстаге 4 декабря 1907 года, за рамки даже правительственного предложения и добивавшегося того, чтобы немедленно было начато строительство еще семи кораблей замены и чтобы до 1917 г. полностью были сняты с вооружения корабли класса «Виттельсбах». Хотя аграрии были основательно раздражены конкуренцией британских доминионов, они не видели оснований к тому, чтобы по бюджетно-политическим соображениям выходить за пределы требований правительства. В соответствии с этим «Крейццейтунг» 20 декабря 1907 г. с ненавистью набросилась на печать промышленников, а несколько дней спустя стала центром кампании в поддержку принца Рупрехта («Kreuzzeitung» v. 24.12.1907): «...образовалась группа, которая полагает, что национальное чувство и патриотизм арендованы ею, и клеймит как предателей всех, кому не подходят избранные сю формы». Когда дело касалось урезывания земельной ренты, аграрии становились пацифистами чистейшей воды.

[4] См. заседание баварского земельного объединения 29 декабря 1907 г. Владелец книжного магазина пангерманского издательства Леман тщетно пытался перекинуть мост, ведущий к индустриальному Северу.

[5] Небезынтересен социологический состав президиума Флотского союза эры Зальма— Кейма. Наряду с князем Зальмом, зятем князя Плесса, и подобно своему тестю, феодалом — финансовым капиталистом, там находились член наблюдательных советов военно-промышленных фирм адмирал Томсен, тайный советник Буслей, представитель верфи «Шихау» — типичный пример сплетения военно-промышленных и империалистических

разование Флотского союза означало неудачу национал-либералов, оно еще не являлось поражением империализма. Для короны и имперского военно-морского ведомства эта перемена была скорее вопросом авторитета, нежели вопросом принципа; там не хотели допустить, чтобы руководство забрала в свои руки плебейская организация, которая пыталась навязать прусскому Востоку, крупному землевладению и столичному Берлину требования Рейнской области. Развитию флота внутренний кризис во Флотском союзе в первое время принес мало вреда. В январе проект закона о строительстве флота беспрепятственно прошел через парламент. Империалистическое развитие увлекало за собой и менее империалистические круги. От имени своей партии правый демократ Вимер одобрил тирпицевскую идею риска[1]. Если противоречия между Англией и Германией обострялись, то Свободомыслящие должны были быть начеку, чтобы защитить суда и торговлю против опасностей, которых раньше не было.

Рост озабоченности в Англии

Обусловив по обе стороны Северного моря скачок в строительстве дредноутов, «неудержимый прогресс техники» дал мат средствам обороны, так что даже правительствам пришлось изведать страх. Как показывают секретные материалы английского правительства, руководящие чиновники Форин офиса, не имевшие, надо думать, причин прибегать к лицемерию в общении друг с другом, считали, что над Англией вдруг нависла тяжелая угроза. «Все признаки,— отмечал Эйр Кроу,— указывают на то, что энергия германского правительства направлена на подготовку к грядущей борьбе с Англией»[2]. Со страниц печати и из сознания людей больше уже не исчезал призрак высадки немцев — следствие и одновременно причина пропаганды вооружений в обеих странах[3]. Роем поднимаются реминисценции из наполеоновских времен. Печать и наука занимаются знаменитым наполеоновским планом десанта. То, что одним казалось тяжким бременем, представлялось другим столь же смехотворным, как те лодчонки, на которых Наполеон хотел преодолеть Канал. Даже посвященные — и именно они — по-разному оценивали степень опасности высадки. Суждения специалистов по этому вопросу могли бы послужить предметом специального социологического исследования. Пожалуй, испытывая некоторую ревность к создававшейся территориальной армии, которая для оправдания своего существования нуждалась в ссылке на угрозу высадки, английские военно-морские атташе[4] отзывались об этой

интересов — и, наконец, в качестве казначея — крупный берлинский железоторговец Равене, семья которого, связанная как родственными, так и деловыми узами с «Дисконтогезельшафт» Ганземана, контролировала не одно империалистическое предприятие.

[1] Вимер в рейхстаге, 29 января 1908 г.

[2] См. BD, VI, № 181.

[3] Кер (K e h r, S. 355 ff.) первый с присущим ему верным инстинктом в таких вопросах обратил внимание на первоначальный источник немецких идей относительно высадки — брошюру лейтенанта Эдльсгейма (E d l s h e i m, Operationen über See, Berlin 1901). Лишь сегодня (1932 г.) опубликованные с тех пор британские документы делают по-настоящему ясным значение этой брошюры для развития англо-германских отношений. (См. пометку Кроу в BD, VI, № 80, приложение, Дюма — Лэсселсу, 3 февраля 1908 г.*)

[4] См. упомянутое донесение Дюма с весьма многозначительными пометками на полях, сделанными Кроу, антигерманская политика которого не могла снести смягчения англо-германского противоречия. Английское военно-морское ведомство было опять-таки заинтересовано в том, чтобы попытку высадки в Англии можно было отразить одним лишь флотом, без помощи сухопутной армии.

* Теперь по этой теме см. A l f r e d V a g t s, Landing Operations from Antiquity to 1945, Washington, D. C. 1946.

проблеме значительно спокойнее, чем английские военные атташе[1] на континенте. И, наоборот, германские военные атташе[2] в согласии с германским послом в Лондоне выказывали по поводу англо-германского конфликта гораздо меньше страха, чем германские военно-морские атташе[3], которые в интересах своего ведомства самыми яркими красками расписывали опасность столкновения между Германией и Англией.

Как и все проблемы современной истории, англо-германское военно-морское противоречие представляется общественности и части историографов в виде цепи инцидентов, которые постоянно нарастали и вели к натравливанию народов друг на друга. В действительности имеет место обратное. Эти инциденты, начиная от депеши Крюгеру и разногласий по поводу эдинбургской речи Чемберлена, включая гулльский инцидент, речь Ли, письмо кайзера Твидмоуту, дело «Дейли телеграф» и кончая «банкетной» речью Ллойд-Джорджа и речью Черчилля о «роскошном флоте», представляют собой по большей части не что иное, как симптомы развития, осознать основной социальный характер которого современникам мешала печать, а историкам — их социальная позиция. Ведь в этот период высокоразвитого капитализма печать целиком находится в руках трестов, пресекающих всякую мысль о социальном анализе. С другой стороны, с деловой точки зрения печать была вынуждена, совершенно так же, как во времена Меттерниха, щекотать низменные инстинкты обывателей, чтобы дать им компенсацию. Все эти инциденты позволяли ей преподносить читателям дозу интимных сведений относительно высших сфер, сдабривая ее изрядной толикой национализма. Знаменитое письмо кайзера лорду Твидмоуту, вызвавшее весной 1908 года шум и бурю в печати, не имело никакого другого исторического значения, кроме того, что оно еще раз показало миру непостижимость германского властителя. Английский империализм защищался против неуклюжих попыток прикрыть дружественными речами национальную и военно-морскую политическую экспансию.

Освоение германских колоний. Эра Дернбурга

Но о том, чтобы затормозить германскую экспансию, нечего было и думать, тем более что под знаком кризиса в промышленности началась новая империалистическая эра в германских колониях. Действительно, вступление в должность нового статс-секретаря по делам колоний Дернбурга сильно изменило обстановку в колониях. Учитывая расовые моменты и положение дел, новому министру колоний пришлось нелегко[4]. Но он взялся за колониальную проблему с беззаботностью, которую у него привыкли видеть со времени

---

[1] См. тревожное донесение английского военно-морского атташе Лэсселсу от 24 апреля 1908 г. (BD, VI, № 94).

[2] См. GP, 7214, Штумм — ведомству иностранных дел, 14 апреля 1907 г., донесение капитана Остертага.

[3] См. в этой связи, в частности, многочисленные донесения капитана второго ранга Керпера и в особенности капитана третьего ранга Виденмана в собрании документов Тирпица.

[4] Немецкий народ еще ни разу не видел в правительственной верхушке директора банка — еврея. Демократическая печать лансировала жадно подхваченные правыми истории насчет автомобиля, виллы в Груневальде. С самого начала министр попал на передний план в большей мере, чем это было ему полезно. Еще Бюлов расплывался от удовольствия по поводу тщеславия homo novus, который, в сюртуке и с орденской лентой, является в Африку и там копается в поисках алмазов. Левые нападали на нового министра за нелиберальный принцип при распределении должностей, и он был вынужден полностью подчиниться берлинским директивам («Leipziger Neuste Nachrichten» u. «Leipziger Tageblatt», 23.6.1907, «Berliner Tageblatt» v. 29.5.1907).

его деятельности в «Дармштадтском банке», и, таким образом, внес свой вклад в то, чтобы обеспечить капитализму допуск в лучшие гостиные, тем более что, с другой стороны, и правящей феодальной знати столпы капитализма вполне могли пригодиться. Наблюдательные советы новых колониальных предприятий украсились аристократическими именами.

Но капитализация аристократии не находила всеобщего одобрения со стороны консерваторов. Настоящие консерваторы высматривали каждую оплошность, какую только допускала система. В консервативном лагере жадно ухватились за горестные жалобы фермеров района Килиманджаро на то, что в стремлении поощрить Центральную железную дорогу, проходившую от Дар-эс-Салама на запад, пересекая колонию, и выстроенную крупнейшими представителями берлинского финансового мира, новый министр стал проявлять заботу о чернокожих, без подъема которых капиталистическое освоение колонии было невозможным[1].

Правая печать да и национал-социальные противники неограниченной капиталистической системы[2] издевательски критиковали различие в обращении с туземцами Восточной Африки и Германской Юго-Западной Африки[3]. В действительности оба метода следовало привести к капиталистическому общему знаменателю. Если в Восточной Африке капитализм мог действовать только на основе улучшенных рыночных условий, то капиталистическое использование Германской Юго-Западной Африки было мыслимо лишь тогда, когда фермерам, чтобы поднять стоимость огромных земельных владений колонизационных компаний, сулили блестящие возможности. В этом отношении и изменения в эру Дернбурга были меньше, чем могло показаться. Расторжение наиболее отвратительных контрактов на поставки с некоторыми монополистами, например Верманом и Типпельскирхом, лишь прикрывало заботливое отношение, которое продолжали встречать эти фирмы, тесно связанные с обществами, имеющими решающее политическое и финансовое значение. Дернбург провалился на своем посту из-за сенсационного скандала. Когда неожиданно были обнаружены залежи алмазов, Дернбург предоставил чрезмерные привилегии обществам, давно лишившимся своих прав. Но при всем том новый общественный порядок в колониях шагал вперед так быстро, что даже социалисты пришли в замешательство. Идеолог партийного аппарата Карл Каутский счел себя обязанным заранее выступить в «Форвертс» против Бернштейна и попыток соглашательства в отношении колониальной политики[4]. Профсоюзы, которые получали от капиталистического развития наиболее непосредственную выгоду, переметнулись[5]. Социалисты принялись «всерьез» изучать колониальный вопрос. «Колониальные энтузиасты,— заявил,

---

[1] См. «Нейе гезельшафтлихе корреспонденц» от 4 сентября 1907 г. Фермеры не были заинтересованы в Центральной железной дороге и искоса поглядывали на конкурирующую британскую Угандскую дорогу; главным противником Дернбурга в этом вопросе был окружной начальник Сент-Клэра, которого поддерживал будущий преемник Дернбурга в министерстве колоний Линдеквист. Позднее, во время второго марокканского кризиса, сопротивление Линдеквиста финансовому капиталу повело к конфликту с правительством. Консерваторы тотчас же заняли позиции поддержки этих поселенческих интересов («Deutsche Tageszeitung» v. 25.10.1907, 12.11.1907, 24.2.1908). В соответствии с этим г-н фон Ольденбург-Янушау ринулся на общем собрании Союза сельских хозяев в атаку против колониальной политики и в защиту колонистов, пользу которых доказал, мол, еще Карл Великий. Центр критиковал колониальную политику как сверхпротестантскую (речь епископа Геннигхауза на съезде католиков в Вюрцбурге; см. «Germania» v. 29.8.1907). См. также речь Дернбурга в Немецком колониальном обществе, воспроизведенную в «Норддейче альгемейне цейтунг» 7 декабря 1907 г.

[2] Ближайшим противником Дернбурга был национал-социальный империалист Пауль Рорбах, выступавший за поселения.

[3] «Hannoverscher Kurier» v. 12.9.1908.

[4] «Vorwärts», 5. bzw. v. 8.10.1907.

[5] См. интересную статью профсоюзного лидера Отто Гюэ в «Нейе гезельшафт» за май 1907 г. Не следует, писал Гюэ, официально выступать против колониальной политики.

наконец, в 1914 году Густав Носке[1],— пережили много разочарований, но совершенно недопустимо утверждение, будто германские колонии не имеют экономической ценности, — утверждение, высказывавшееся неисчислимое множество раз и в прошлом. Со временем в германских протекторатах будет добываться существенная часть нефти, каучука, а также хлопка, сизаля, какао, копры, табака и других продуктов, в которых потребность промышленности быстро растет».

Совершенно так же, как и либерализм, социал-демократия выступала против такой системы в колониях, которая обеспечивала бы непомерно высокие прибыли лишь немногим могущественным господам. Но возможно, что, если говорить о более длительном времени, то она тоже пошла бы по пути «рационального капитализма» в колониях, поскольку вследствие промышленной экспансии метрополии потребность промышленности в сырье постоянно росла.

Действительно, на протяжении последних семи предвоенных лет «рациональный капитализм» осуществил в колониях перелом. Его наиболее яркими симптомами были сокращение субсидий, предоставляемых метрополией, и увеличение отнюдь не достаточного вывоза из колоний[2]. Из всех отраслей, имевшихся в стране, текстильная промышленность, пожалуй, больше всего стремилась к сырьевой независимости от мирового рынка. Комитеты текстильных промышленников экспериментировали в Западной Африке, особенно в Того[3]. Для этих поборников довоенного германского шовинизма расширение сырьевой базы и военно-морская политика были тесно связаны друг с другом[4]. Большие общеполитические дебаты, состоявшиеся в марте 1908 года, имели всецело империалистическую окраску. Даже Эрцбергер, чьи атаки на колониальную администрацию ранее сплотили блоковое большинство, по всей видимости, искал контакта с министром и одобрил покровительственную политику по отношению к черным[5]. Больше, чем Центр, придирался к Дернбургу депутат Пааше; он был не в состоянии скрыть, как сильно раздражало его то, что от него ускользнул министерский пост[6].

В противоположность тому, что было раньше, теперь и Центр объявлял внешнеполитические дебаты крайне необходимыми. Выступавший от Центра баварский профессор граф Гертлинг приветствовал провал Гаагской конференции. Выдвинув вопрос о разоружении, констатировал он, Германской империи хотели поставить ловушку. Чувство удовлетворения сменилось, по его словам, неуверенностью, которая имела место накануне конференции. Надо с радостью приветствовать неудачу всеобщего договора о мировом арбитраже.

---

[1] См. N o s k e, op. cit., S. 207. Борьбе против сползания пролетариата на путь колониальной политики служила работа Каутского «Социализм и колониальная политика» (K a u t s k y, Sozialismus und Kolonialpolitik, Berlin 1907), первоначально предназначавшаяся для Эссенского партийного съезда 1907 г., который во многих отношениях был поворотным для социал-демократии.

[2] См. диссертацию O. M a y e r, Die Entwicklung der Handelsbeziehungen Deutschlands zu seinen Kolonien, München, 1913. По утверждению автора, за колониями и тогда еще нельзя было признать решающего влияния на снабжение метрополии сырьем. В 1910 г. оба германских района в Западной Африке, дав сырья на сумму 25,2 миллиона марок (из этой суммы 90 процентов приходилось на Камерун), смогли покрыть лишь 0,5 процента общей потребности Германии в сырье. Главным предметом вывоза из районов западного побережья Африки был каучук. Хотя вывоз из Восточной Африки существенно возрос, в 1914 г. он все еще был вдвое ниже, чем вывоз из Западной Африки.

[3] См. «Kölnische Zeitung» v. 15.9.1907. Председателем комитета хлопчатобумажной промышленности был известный промышленник Карл Зупф. В комитет входили промышленники, стоявшие за спиной Штреземана, например Фогель, Хемниц, а также председатель объединения рейнско-вестфальских предпринимателей хлопкопрядильной промышленности.

[4] См. выступление Штреземана в рейхстаге 20 марта 1908 г., а также S t r e s e m a n n, Wirtschaftspolitische Zeitfragen, Dresden 1911, S. 138 ff.

[5] Эрцбергер в рейхстаге, 19 марта 1908 г.

[6] Пааше в рейхстаге, 19 марта 1908 г.

В Марокко, продолжал он, тоже все идет иначе, чем планировалось в Альхесирасе. Единственным поводом к беспокойству служит среднеазиатское соглашение между Англией и Россией. Вступив в странное противоречие с крайне консервативным центристским лидером, который в духе церкви от всего сердца приветствовал в пределах отведенной ему компетенции господство меча, Вассерман пытался защищать пусть даже жалкие результаты Гаагской конференции. Некие угрызения и сомнения все же мучили совесть и моральные устои протестантизма. В самой сути национал-либералы и Центр были заодно. Вассерман от души приветствовал то, что Германия выступила против принудительного арбитража. Впрочем, нервозность по отношению к Англии едва ли стала слабее. Германский империализм, укрепившийся на Золотом Роге, с опасением и страхом смотрел на все более явные попытки англичан разорвать на части отсталую в капиталистическом смысле Турцию, воспользовавшись для этого в качестве рычага македонским вопросом. Если там, где речь шла о защите германской экспансии в Турции, социалисты и империалистические национал-либералы скорее враждебно противостояли друг другу, то в вопросе о союзе с Австрией эти неоднородные по составу партии были вполне едины. То, что благодаря проекту так называемой Санджакской железной дороги Австрия проникала на Балканы, нашло одобрение не только Бассермана, но и Вебеля[1].

Упрочение Тройственного союза. Визиты монархов

Вопрос о Санджакской железной дороге, относящийся к общему комплексу балканской политики, вскрыл весной 1908 года существо международных отношений и переплелся с англо-германской проблемой флота. В связи с отставкой по болезни первого в Англии леволиберального премьера[2] вопрос о флоте вступил в апреле 1908 года в новую стадию. Изменения в правительстве произошли не без влияния военной промышленности. В мае 1908 года новый первый лорд адмиралтейства разрешил построить в следующем году четыре новых дредноута, а если потребуется, то и шесть, что явилось прямым следствием нового германского закона о строительстве флота, который был окончательно принят 6 апреля[3]. Таким образом германская политика строительства флота, под давлением Флотского союза внезапно значительно расширившая свои планы[4], поставила английское либеральное правительство перед неприятным выбором: либо, сохранив прежнюю программу постройки кораблей, создать угрозу безопасности Англии и дать максимально выгодные лозунги силам военной промышленности и консерваторов для их агитации, либо, вступив в связь с этими силами, оттолкнуть собственных сторонников. Если бы консерваторы объединились с политиками, выступавшими за экономию, то ниспровержение правительства стало бы неизбежным. Внутриполитические затруднения английского правительства не могли не повести к трениям с германскими военно-морскими кругами и тем самым к новым осложнениям, к которым Англия готовилась, укрепляя свои связи с Францией и Россией.

---

[1] Вассерман и Бебель в рейхстаге, 23 марта 1908 г.

[2] Сэр Генри Кэмпбелл Бэннермэн.

[3] По поводу этой взаимосвязи см. Uplegger, op. cit., S. 81 ff.

[4] Внезапное предложение национал-либеральными и центристскими парламентариями своих услуг в вопросе закона о строительстве флота, поступившее непосредственно к Тирпицу (Tirpitz, Aufbau usw., S. 46), явилось следствием агитации, проводившейся Флотским союзом, и побудило Тирпица сойти с пути, которого он придерживался до тех пор.

Проводить эту политику по отношению к Франции было тем легче, что в Париже нуждались в английском покрытии франка для защиты продвижения Шнейдера-Крезо в Марокко, продвижения, которое в сильной мере контролировалось как раз находившимся в тот момент у власти правительством Клемансо — Пишона. Визит французского президента в Англию показал внешнему миру франко-английскую интимность. Но по отношению к России в Лондоне еще не считали себя достаточно обеспеченными политическим соглашением 1907 года. Для царской империи предназначалось особое отличие. Повелитель империи, которая на протяжении столетия с враждебностью относилась к торговому капитализму дома Романовых, пожелал посредством встречи монархов сделать политический поворот ясным и для внешнего мира.

Вообще немного найдется лет, которые до такой степени были бы отмечены визитами монархов, как 1907—1908 годы. Эти визиты суть социологические факты. Обилие власти, сосредоточенное в руках повелителей, придавало подобным встречам решающее значение[1]. Но, пожалуй, ни один из указанных государственных визитов не может в этом отношении сравниться с англо-русским свиданием, состоявшимся в Ревеле 9 и 10 июня. Во всяком случае, эта встреча означала важный симптом для возникшей теперь переориентировки интересов. В Германии опасались самого худшего. «Ревельское свидание»[2] было позднее использовано Бюловым для оправдания своей политики во время аннексионистского кризиса конца года. Как бы то ни было, в Ревеле не были непосредственно заключены воинственные соглашения. Свидание скорее было не более чем шахматным ходом с целью политического обеспечения британского королевского частного капитализма, который, ясное дело, выпускал и когти, когда у него отбирали корм и сердили его. Для высших финансовых кругов Лондона Эдуард VII способствовал соглашению о русском займе, который к тому же, как и всегда, должен был дать королевской сокровищнице немалые комиссионные[3]. И действи-

[1] Несмотря на это, отсюда еще нельзя сразу же делать вывод, будто «личности делают историю». В визитах монархов менее интересна психология этих фигур, часто обладавших весьма посредственными умственными данными — ибо можно найти лучшее занятие, нежели трата времени на исследование душевного состояния подобных заурядных людей, — чем, пожалуй, то, как при этом были сбалансированы интересы, представляемые этими людьми и их окружением. По отношению к таким визитам монархов тоже должен быть применен принцип адекватной причинности. Поэтому я свел до минимума изображение свиданий венценосцев, свиданий, учащавшихся пропорционально развитию транспорта, и упоминал о них лишь тогда, когда они служат иллюстрацией к этим интересам первоочередной важности или же — что, однако, случалось редко — когда во время таких свиданий действительно создавалось нечто новое в политике.

[2] О «ревельском свидании» см. BD, V, № 194—195 (Гардинг — Никольсону, 13 апреля 1908 г.), и доклад от 12 июня 1908 г.; GP, Кар. CLXXXIV. Особый интерес представляют GP, 25. Bd., S. 459, примечание; далее, Bülow, op. cit., 2. Bd., S. 235 ff.; Lee, op. cit., S. 586—596; Nicolson, op. cit., S. 291 ff., и барон Michael von Taube, Der großen Katastrophe entgegen, Leipzig 1929, S. 169 ff.

[3] См. Bülow, op. cit., 2. Bd., S. 318, с очень интересным посланием Вильгельма II Бюлову, согласно которому королевские финансисты Кассель и Ревельсток побудили Эдуарда VII (чье состояние находилось, как достоверно известно, под их управлением) предпринять «ревельское свидание», с тем чтобы вести переговоры о займе. Несмотря на вопросительный знак, которым снабжает Бюлов эти кипучие излияния, данное утверждение представляется правильным. См. Taube, op. cit., S. 170, где приводятся сделанные в Имперском совете высказывания, согласно которым Николай II обещал Эдуарду VII «повлиять» на британских финансистов в смысле займа на постройку Амурской железной дороги. Банк лорда Ревельстока действительно представлял собою центр английского финансового русофильства (см. GP, 8533, Штумм — Бюлову, 22 августа 1907 г.). Представителями дома Бэринга в России были сэр Маккензи Уоллес, интимный друг короля, официально представлявший его политику еще в Альхесирасе, а также брат Ревельстока мистер Бэминг. Ближайшим их другом был русский посол в Лондоне граф Бенкендорф, выделявший из сумм, которые должны были пойти в Россию, фонд для английской печати, помещавшийся у Бэринга. Из этого фонда оплачивалась целая армия «первоклассников» из журналов и лондонской прессы — Калхас, Игнотус, One who knows и т.д. Среди прочих у Бэринга часто бывали чех Крамарж, венгр Угрон и русский генерал Кочетов,

тельно, англо-русский альянс имел существенные финансовые последствия в том смысле, как это имели в виду ее основатели[1].

Этот англо-русский пацифизм тем более лежал на поверхности, что со дня потопления у Цусимы русского флота Российская империя нуждалась в морской защите, которую Англия теперь охотно ей обещала. Англичане прямо-таки растроганно взирали на немногочисленные корабли на ревельском рейде, буквально взывавшие о помощи[2]. Английский адмирал Фишер, который, чтобы только у германского имперского руководства не исчез ни один из поводов к недоверию, вместе с генералом Френчем сопровождал английского короля, напрямик заявил русским, ожидавшим от него инициативы в смысле усиления флота, что корабли им, мол, не нужны, что гораздо важнее укрепить западную границу. Может быть, неотесанный «пожиратель немцев» и не подозревал, что такая политика опрокидывала все расчеты немцев не только в военном, но и в экономическом отношении. Во всяком случае, германская промышленность горела желанием сбыть России свои корабли. С другой стороны, этому общему увеличению экспорта с целью преодоления кризиса соответствовало растущее значение Турции. Усиливавшиеся на протяжении ряда лет балканские неурядицы и распри приобретали теперь еще большую актуальность.

Обычно изображают дело так, что Россия из-за провала своей попытки прорваться в Восточную Азию теперь будто бы вновь преследовала свою давнюю цель открытия Проливов. Если бы благодаря развитию южнорусской промышленности не возникла сильная заинтересованность в объявлении шаха подчеркнуто форсированной политике Центральных держав в Дарданеллах, то, пожалуй, можно было бы подумать, что Россия мечтает взять реванш за Мукден и Цусиму. Таким образом, Россия возобновила теперь на Балканах свои попытки восьмидесятых годов, оставшиеся в тот период безуспешными не в последнюю очередь из-за недостаточной поддержки со стороны французов. Тем временем французские капиталовложения в России достигли таких размеров, что французы, желали они того или нет, должны были идти вместе с Россией через огонь и воду.

Игра вокруг Проливов, начавшаяся в Ревеле и определившая если и не самую революцию в Турции, то, во всяком случае, тот момент, когда она произошла, наткнулась на сопротивление австро-венгерской державы, также осуществлявшей экспансию на Балканах, и до самых глубин взбаламутила море грязи и крови, которым отмечен путь современного империа-

---

а также, наконец — last not least, — Веселицкий-Божидарович, духовный глава целой клики; первый советник посольства при Бенкендорфе Поклевский тоже считался доверенным лицом Эдуарда VII и еще в 1905 г. передал по поручению Эдуарда возвращавшемуся из Америки Витте схему англо-русского соглашения, явившуюся прообразом возникшего позднее центральноазиатского альянса. Отцом этого соглашения, как и совершенно однотипной по своей системе англо-французской договоренности, был, вне всякого сомнения, не кто иной, как король.

[1] В тот период, когда английский и русский империализм официально еще противостояли друг другу как враги, эти трансакции производились тайно. Интересные данные на этот счет содержит анонимный документ от февраля 1907 г., переданный начальником генерального штаба фон Мольтке Бюлову (GP, 7212, приложение, датированное 15 февраля 1907 г.) и, несомненно, вышедший из-под пера очень хорошо осведомленного лица. Согласно этому документу, уже в течение года, то есть с начала 1906 г., миллионы и миллионы переправлялись в Россию, и притом незаметно, под прикрытием русских подставных лиц или фирм, из-за войны или волнений в Китае испытывавших недостаток в деньгах и находившихся на грани банкротства. Английские деньги, говорится в документе, вкладывались в рудничные и железнодорожные концессии, а они теперь стремятся прибрать к рукам и торговлю хлебом. Как кажется, интерес представляет именно эта последняя тенденция. Побуждаемая к тому недружественной торговой политикой немцев, Россия, по всей видимости, стремится приобрести новые рынки для своих зерновых излишков. В документе указывается, что этот англо-русский хлебный альянс частично объясняет и изменение позиции Англии в вопросе о Дарданеллах.

[2] См. доклад Гардинга о свидании в BD, V, № 195.

лизма через Балканы. Если в результате внутриполитических перемен — особенно вследствие германской военно-морской политики — Тройственный союз уже до этого изменил свой смысл, то теперь он принял совершенно иной вид. Спрашивается, в чем состоят причины и суть этих изменений и, в частности, какие соображения помешали Германии учесть эти изменения, перестроив свою мировую политику. Здесь также нельзя обойтись без социального анализа. Необходимо выявить социологические основы политики, приковавшей Германию к габсбургской монархии и вместе с последней увлекшей ее в бездну.

Социальное и политическое разложение двуединой монархии

Говорят, и по праву, что распад габсбургской монархии и создание на ее развалинах новых национальных государств было, по существу, проявлением того же процесса, который во многих государствах Европы приводил друг к другу и связывал друг с другом народы одного языка и единой культуры. «Те же основные причины, которые в национально однородных государствах обусловили единство, усугубили неразбериху в среде народностей габсбургской монархии»[1].

Таким образом, распад габсбургской монархии есть результат процесса образования национальностей, который, отнюдь, не будучи тождественным капиталистическому развитию, немыслим, однако, без движущей силы экономической революции в Европе. Как известно, экономическая революция началась раньше, чем развитие национальностей, и, более того, только она и дала толчок этому развитию. Именно взлету национальностей в Австрии предшествует попытка короны приспособить габсбургское государство к изменившемуся экономическому окружению. Забота государства о современной армии, потребность меркантилизма и мануфактурного капитала в сбыте вели к борьбе против светских и церковных латифундий, к попыткам освобождения крестьян и улучшения народного образования. В соответствии с сущностью государства, самоутверждению которого должен был послужить этот поворот, немецкий язык был при этом предусмотрен в качестве языка, на котором ведется преподавание, что находилось в резком противоречии с какой бы то ни было перестройкой государственной реформы в нечто революционное, национальное[2].

Из-за этого состязания цели и средств, которое должно было, в конце концов, повести к национальной распре, а также ввиду необходимости использовать враждебное реформе землевладение и церковь против Французской революции, потерпел неудачу император Иосиф. Но проблема нажима на землевладение путем подъема низших классов продолжала существовать. От того, была ли задача утверждения единства империи разрешима, несмотря на необходимое возвышение низших классов, часто идентичных отдельным нациям, зависело дальнейшее существование монархии, ее центрального аппарата, бюрократии, армии и церкви. При сложившемся положении вещей эти слои составлялись преимущественно из немцев. Поскольку в странах, в которых отсутствовала индустриальная база, развитие мануфактуры и машинной промышленности зависело от центрального

[1] Oscar Jaszi, The Dissolution of the Habsburg Monarchy, Chicago 1929, p. 7.

[2] По этой причине иозефинизм в Австрии был с самого начала обреченной системой. Формирование социальных сил, которые должны были поддержать бюрократический военный государственный аппарат, исключало дальнейшее существование этого аппарата.

аппарата, поднимающийся капитализм был привязан к немецкой сфере. К концу века за домом Ротшильдов, который предоставил в распоряжение Священного союза финансовую добычу, полученную в результате освободительных войн, последовал целый ряд либеральных, тоже еврейских капиталистов, переносивших западноевропейское развитие на почву габсбургской монархии.

Но применение единственно мыслимого паллиативного средства против грозящего развала монархии, а именно предоставление отдельным национальностям государственной автономии, означало бы для этих кругов самоотречение. Вместо применения этого средства обходились старым, испытанным принципом divide et impera. Империя в бездействии ожидала своего падения. Для двуединой монархии «тянуть волынку» имело глубокий смысл. В конце концов, в рамках этой политики венгерское крупное землевладение было привлечено на сторону государства, вначале, правда, с тем, чтобы отомстить за Садову, то есть осуществить экспансию на Западе. Но с момента этого разделения интересов государство было на жизнь и смерть связано с интересами венгерских латифундий. С этих пор пожелания венгров пользовались в габсбургской монархии приоритетом перед всеми другими интересами, и, без сомнения, они относятся к числу глубоких причин будущей большой войны. Политика, осуществлявшаяся венгерскими помещиками, защищавшими свои интересы, повинна в том, что национальный вопрос, то есть, в первую очередь, проблема южных славян, не мог больше рассматриваться в пользу монархии, а только против нее.

Возникшую проблему в Германии не осознавали главным образом потому, что отсутствовала заинтересованность в таком осознании. Немцы, привыкшие рассматривать германскую романтику, как непостижимое чудо, а немецкое национальное движение как ее ни с чем не сравнимое порождение, не замечали, что в других странах возникали схожие движения, тоже служившие двойной цели: ведя борьбу за язык, подобно тому как в XVIII веке Германия вела ее против французского языка господствующих классов, народы, всеми силами добивавшиеся самостоятельности, повсюду стремились утвердить свое место в рамках современного мира. Но с этим повсеместно была связана тенденция международного капитала воспользоваться подобными движениями в своих целях и, опираясь на местные богатства, создать для себя на земном шаре новые привилегированные позиции. Вождем в этой борьбе сама собой сделалась консервативная романтика, вновь откапывавшая в Германии и в славянском мире сокровенную культуру. Славизм открыт учениками Гердера. Словен Ян Копитар, чех Добровский, словак Шафарик учились в немецких университетах[1]. Немцы, однако, смотрели на этот процесс, повсеместно ведший к образованию национальностей, только глазами Австрии. Несмотря на опасность, создававшуюся для габсбургской монархии в результате процесса образования национальностей, Германия была прикована к Австрии и в этом отношении.

Социологические основы германской „верности Нибелунгов“

Возникает вопрос, что лежало в основе этой духовной и политической связи? У пресловутой «верности Нибелунгов» тоже есть своя социологическая база. Как выглядит эта база, какие она вызвала последствия?

[1] См. Herman Wendel, Der Kampf der Südslawen um Freiheit und Einheit, Frankfurt 1925, S. 196.

Бисмарк остановился у границ габсбургской монархии. Германия насытилась. У германской промышленности тоже не было желания поглощать конкурирующее производство, с которым она на протяжении последнего столетия боролась из-за торгово-политического формирования Германии. Но если разваливающийся оплот Римской империи германской нации не принимался в имперский союз, то новую жизнь, которая могла произрасти из руин, требовалось отвести вовне, чтобы она не ставила под угрозу государство германской нации. Поддержка Австрии была предпосылкой уже бисмарковской ближневосточной политики — разумеется, поддержка, а не рабское служение. Это естественное желание гарантировать германское государственное образование путем снятия нагрузки с южной и половины восточной границы получило особое значение в последний период пребывания Бисмарка у власти, когда падение цен на зерно ухудшило русско-германские отношения.

Но в этой своей борьбе Германия нуждалась именно в такой Австро-Венгрии, какой та была. По ряду причин Германия была непосредственно заинтересована в сохранении венгерских латифундий. Дело в том, что поскольку лежавшее в основе германских расчетов австро-русское сотрудничество получало в то время пищу в первую очередь благодаря венгерским аграриям, зерно которых конкурировало с русским, Германия уже в силу этого была самым тесным образом связана с жизненными интересами венгерских феодалов. Сверх того, у отдельных слоев германского населения имелись еще и другие мотивы, побуждавшие их желать сохранения существующих условий. Немецкие аграрии с благодарностью приветствовали политического союзника, который мог оказаться инструментом давления в конкурентной борьбе с русским зерном и которого в любой момент можно было использовать политически против чересчур сильного торгово-политического давления со стороны России. Плечом к плечу с аграриями шли, как это уже не раз было показано, военные, и при этом не только потому, что их ряды формировались из среды крупного феодального землевладения, но и в силу того, что они должны были класть в основу своих профессиональных соображений политическое положение Германии, как оно складывалось в рамках господствующих противоречий. Генеральные штабы постоянно стремятся укрепить ударную силу союзника. Тем самым политические союзы, которые, быть может, замышлялись государственными деятелями лишь в качестве подсобного средства, приобретают нечто длительное и прочное, что противоречит первоначальной цели. Это проявлялось тем сильнее, чем больше технический прогресс укреплял взаимоотношения на базе трудных и дорогостоящих предприятий, как, например, строительства железных дорог и фортификаций. По этой причине союзы в эпоху капитализма очень существенно отличаются от союзов прежних веков, когда союзников непрестанно меняли*. Правда, из-за стабилизации цен на зерно напряженность между господствующими группами Пруссии и России временно ослабла, но если бы вновь вспыхнули торгово-политические противоречия и вместе с ними всплыл вопрос о Проливах, она могла в любой момент обостриться вновь. Вместе с прусскими феодалами за сохранение габсбургской империи ратовала тесно связанная с ними протестантская церковь. Действовали старые традиции герлаховских времен.

В католической Германии австрофильство было, однако, еще сильнее. Для католической церкви продолжение союзнических отношений означало сохранение расчлененного Германского союза и Священной Римской империи германской нации. Прусский меч отсек Австрию от Германии, но не смог одновременно разорвать старые социологические связи. Подобно тому как —

---

* Это соображение относится к периоду, когда железные дороги были главным транспортным средством. В век авиации и танков стабильность союзов представляется скорее вновь ослабевшей.

особенно в родственных областях Немецкой Австрии и Баварии — католическая церковь чувствовала себя единым целым, так и знать обеих стран все еще составляла одно большое семейство. Кениггрец не повел к потере южногерманскими аристократами, находившимися в непосредственной ленной зависимости от Империи, симпатий к благочестивому августейшему дому — защитнику и покровителю прямых имперских ленов Южной Германии. Но австрийская знать пользовалась симпатиями также и в Северной Германии. Если прусский генералитет, особенно позднее, во время войны, не без презрения глядел на безалаберность императорской и королевской армии, то образ жизни, который вели венгерские и австрийские магнаты, был все-таки таким же импозантным и даже еще лучшим — более элегантным и вельможным, чем тот, какой могла себе позволить даже имевшая капиталистические интересы часть прусских крупных помещиков.

Вильгельм II, романтика которого была совершенно немыслима без этой феодальной базы, привлекал австрийских магнатов к своему двору. В Пруссии тоже с ноткой интимности говорили о «Густле Кальноки с его курносеньким носиком», о Руди, о Максле или Эгоне*. При этом подразумевали князя Фюрстенберга, в обширном швабском имении которого отдыхал кайзер, когда рейхстаг слишком уж действовал ему на нервы. Вся эта знать состояла друг с другом в родстве и свойстве; Фюрстенберги, Клевенхюллеры, Шенборн-Бухгеймы и другие представители германской имперской знати образовывали одну большую семью, к которой принадлежал, в частности, и обер-гофмаршал королевства прусского фон Рейшах, женатый на одной из Гогенлоэ-Ратибор. А многочисленные ветви и ответвления дома Гогенлоэ опять-таки уходили в Австрию[1].

Немецких имен было полно не только среди австрийской, но и среди венгерской феодальной знати. К числу крупнейших венгерских магнатов принадлежал один из принцев Кобург-Готских, венгерские поместья которого занимали примерно 847 квадратных километров. Все эти связи вовлекали немецкую аристократию в сферу интересов венгерской знати. Подобным же образом и у католической церкви имелись интересы не только в крупном землевладении в Немецкой Австрии, но и в венгерском крупном землевладении[2]. Крупнейший деятель католической церкви довоенного времени князь и архиепископ Бреславльский кардинал Копп воплощал в своей персоне непосредственную взаимосвязь интересов католической церкви в Германии и Австрии с крупным землевладением обеих стран. Не желая отказываться от возможности присоединить к доходам своей бреславльской епархии сборы и бенефиции моравского соборного капитула, он в качестве главы капитула заседал в троппауском ландтаге[3]. Копп причислял себя к высшей силезской знати, представители которой, например Шафгоч, чувствовали себя в Австрии дома в большей мере, нежели в Германии.

Феодальная знать и католическая церковь действовали в Австро-Венгрии рука об руку, добиваясь проведения политики высоких защитительных тарифов и создавая фронт против тех национальностей, которые должны

---

[1] См. v. B ü l o v, op. cit., 2. Bd., S. 478.

[2] Так, например, римско-католическому епископу Надьварадскому принадлежало 1077 квадратных километров земли, епископу Калочскому — 545, архиепископу Эстергомскому — 551, епископу Веспремскому — 373, эгерскому капитулу — 668 квадратных километров (см. O. J a s z i, op. cit., p. 223).

[3] После смерти Коппа возникли резкие столкновения из-за его состояния. Бывший рабочий телеграфа из Фульды оставил, как говорят, свыше 7 миллионов марок.

* Непередаваемая особенность венского и в меньшей мере баварского диалекта, разительно отличающая его от прусского. *Густл*, *Руди*, *Максл* — употребительная в Австрии (а также в Баварии, но не в Пруссии) уменьшительно-ласкательная форма имен Густав, Рудольф, Макс; *Эгон* — имя, широко распространенное в Австрии, но редкое в Северной Германии. Точно так же форма «курносенький носик» (Stumpfnaserl) невозможна для пруссака.— *Прим. перев.*

были поставлять латифундиям поденщиков и работников. В Австрии при существовавшем положении вещей борьба католической церкви против православия в Сербии была одновременно борьбой крупных землевладельцев против своих рабочих.

Ко всем этим интересам, обусловившим союз Германии не с Австро-Венгрией вообще, а с такой Австро-Венгрией, какой она сформировалась в 1867 году, добавлялись не в последнюю очередь и пожелания германского финансового капитала. Бедная капиталом промышленность Австрии и особенно Венгрии нуждалась во внешней помощи. К еще не развитой империи на Юго-Востоке обратились, как и к «стране неограниченных возможностей», главным образом еврейские частные капиталисты, прибыльному делу которых нанесло ущерб развитие крупных немецких акционерных банков[1]. В подобных обстоятельствах мелкобуржуазный и аграрный антисемитизм как в Австрии, так и в Германии — результат экономического краха семидесятых годов — приобретал в Австрии гораздо большее значение, чем в тогдашней Германской империи. Причем такое развитие получало все время новую пищу из-за наличия низших еврейских слоев, особенно в Галиции.

В Австрии еврейские капиталисты стали главной опорой государства, которое благодаря своему господствующему положению сулило им поощрение также и в среде оппозиционно настроенных национальностей. Поскольку имперский германский капитал — и в немалых количествах[2],— пользуясь этим посредничеством, притекал в Австро-Венгрию, он тоже становился опорой господствовавшего тогда порядка. Таким образом, германский и австрийский финансовый капитал сделался базой черно-желтой монархии, а тем самым и венгерской феодальной знати, которая помогала поддерживать систему и доходы которой опять-таки шли на пользу промышленности, возглавляемой немецкими элементами. Можно было понять и то, что австрийские социалисты поддерживали развитие, обеспечивавшее сферу господства для промышленности, то есть, следовательно, ту область, где они могли свободно находить для себя питательную среду. Распад габсбургского государства затрагивал также и немецко-австрийский пролетариат. В равной мере под давлением поднимавшихся немецких национальностей и господствующих немецких классов социалистическое руководство разрабатывало проекты компромисса, которые ныне (1932 год) представляют ценность разве только для истории. Как бы то ни было, из-за такой позиции австрийской социал-демократии немецкие социалисты тоже оказались заинтересованными в Австрии, существование которой, казалось, давало гарантии против внушавшего страх царизма, а также против нанесения немецким рабочим политического ущерба. Как уже указывалось, Бебель приветствовал капиталистическую экспансию Австрии. Сравнительно сдержанно относились к Австрии определенные пангерманские круги — как по расово-политическим причинам, так и из боязни испортить отношения с Россией, прикрытие тыла со стороны которой было необходимо в борьбе против Англии. Но думать об эффективном сопротивлении политике германо-австрийского союза было невозможно. Ибо та самая тяжелая промышленность, которая строила флот, облюбовала Балканы в качестве рынка сбыта, а австрийское государство было мостом в этот район. По всем этим причинам Германия была вынуждена мириться и с судьбой габсбургской монархии. Уже тогда смутно чувствовали, что́ это означает и что́ предстоит Австрии. Как выразился один остроумный современник[3], «судьба Австрии темна, но достоверна».

---

[1] По поводу этой весьма важной взаимозависимости см. J a s z i, op. cit., p. 170 ff.

[2] Кое-какие сведения о немецких капиталовложениях в Австрии приводятся в воспоминаниях Фюрстенберга, написанных, к сожалению, очень поздно и потому фрагментарных. Больше материала содержится, например, в книге Дьюрича.

[3] Автор слышал это замечание мальчуганом, когда был в охотничьем домике Людвига Гангхофера в Тироле.

Преобладание аграрных интересов ускорило этот марш к пропасти. Под давлением зернового кризиса девяностых годов[1] и немецкого защитительного тарифа 1902 года австро-венгерские аграрии, то есть, собственно говоря, столпы государственного аппарата и в определенном смысле также хозяева промышленности, находившейся преимущественно в немецких руках, начали искусственно тормозить индустриальное развитие[2], которое и без того находилось под сильной угрозой из-за неравномерного распределения полезных ископаемых в «двуединой монархии». Но интересы крупного землевладения, которое проводило политику торможения промышленного развития и располагало почти необъятной властью[3] (Тиса, Эстергази, Карольи, Фестетич и иже с ними), требовали подавления угнетенных национальностей и закрытия внешних границ. Эти две тенденции были несовместимы. Агрессивная политика узких интересов ослабляла ту единственную тенденцию, которая могла бы здесь действовать в течение длительного времени в централистском смысле. С 1907 года торговый баланс стал пассивным, и в будущем государству грозило банкротство. При этих обстоятельствах промышленность оказалась вынужденной прибегнуть к форсированному экспорту, но из-за экономического и технического превосходства других стран вступить на этот путь можно было лишь с трудом и ценой ответных уступок в аграрной области, к которым венгерские аграрии не проявляли склонности. Таким образом, аграрная таможенная политика обострила положение и сделала решение вопроса невозможным. В этой области монархия в конце концов потерпела кораблекрушение. С точки зрения австро-венгерских «куруцов» подавление национальностей имело двойной смысл: с одной стороны, оно позволяло сохранять в невежестве и бесправии покоренное в прежние времена и с тех пор все еще остающееся в зависимости население, составлявшее низы общества; с другой стороны, политика угнетения устраняла конкурентов в области сельского хозяйства, для чего была воздвигнута таможенная стена против Сербии и предпринимались также попытки поста-

---

[1] Это обстоятельство очень важно. Закупорка одного из кровеносных сосудов в теле Европы вызвала тромбы и в других местах. В этой связи интересны высказывания, сделанные в марте 1909 г. президентом Венгерского союза промышленников, известным политэкономом д-ром фон Матлековичем в пештском Обществе Ллойда («Pester Lloyd» v. 8. 3. 1909). Матлекович обрушился на торговую, транспортную и тарифную политику Германии, направленную якобы против Венгрии. В качестве непременного условия импорта в Германию, говорил он, от Венгрии требуют проведения ветеринарно-полицейских мероприятий, главным образом на восточной границе. (Назначение этих мероприятий должно было обезопасить Германию от заражения извне скота, ввозимого из Венгрии.) Начиная с 1880 года Венгрии пришлось отгородиться от Румынии. Результатом была таможенная война между Венгрией и Румынией. Наибольшие трудности создает германская таможенная политика с 1902 года. Она, мол, вынудила Сербию, Болгарию и Румынию утвердить в порядке компенсации пошлины на промышленные товары.

Как ни односторонни эти высказывания (они иллюстрируют пожелания местной венгерской промышленности, раздраженной международными пошлинами на сельскохозяйственные продукты и по возможности перекладывавшей вину на заграницу), тем не менее они в интересном свете показывают общие взаимосвязи.

[2] К величайшему огорчению венгерских магнатов, Австро-Венгрия вплоть до начала XX века была страной, экспортирующей сельскохозяйственную продукцию, так что представлялось невозможным применить обычное паллиативное средство против снижения «Standard of life» феодальных слоев — завинчивание таможенного пресса. Поэтому в обеих частях «двуединой монархии» аграрии мечтали о наступлении того момента, когда она станет страной, импортирующей продукты сельского хозяйства, и в соответствии с этим делали все, чтобы затормозить прогресс агрономической науки и земледелия. В 1910 году крупный помещик граф Гидеон Рохонци всерьез предложил венгерскому парламенту насильственным путем ограничить производство сельскохозяйственной продукции, чтобы сделать возможным проведение таможенной политики. Разумеется, осуществить эту чудовищную идею было нельзя.

[3] Приведем для пояснения еще некоторые данные о латифундиях. До войны 324 крупным помещикам принадлежало 19,3 процента всей земельной площади Венгрии, то есть каждое поместье занимало в среднем 166 квадратных километров. Например, наследственные владения князя Эстергази составляли 2300 квадратных километров!

вить под контроль Хорватию, где при бане графе Кюне Хедервари всячески препятствовали железнодорожному строительству, которое могло бы повести к развитию страны и создать конкуренцию для Венгрии. Хотя в 1848 году южные славяне принадлежали, как известно, к числу наиболее лояльных приверженцев Габсбургов и под предводительством своего бана Елачича спасли монархию, несмотря на это, их прямо-таки насильно сгоняли в одну кучу. И это делалось в то время, когда внутренние и внешние противоречия между католиками и православными, хорватами и сербами далеко еще не улеглись. Противоречие между Австрией и королевством Сербией как таковым тоже в немалой степени было результатом венгерских проделок. Из-за венгерских аграриев потерпела крах политика, благодаря которой ранее удавалось привязывать к венскому дворцу сербскую династию Обреновичей и подвластную ей маленькую страну.

Цареубийцы, торговцы пушками и свиноводы

Насильственное ниспровержение династии Обреновичей показало, что борьба начинается. Впрочем, восшествие на престол короля Петра Карагеоргиевича (из дома «Черного Георгия») означало не только перемену курса, но и поражение австрийской военной промышленности. Военный министр убитого короля имел в виду заказать пушки на заводах «Шкода»[1]; министерство же новой династии через очень короткое время, чтобы избавить Сербию от австрийцев, предпочло фирму «Шнейдер-Крезо». На первых порах вся сила в этой начинающейся борьбе была на стороне Австрии. Россия в это время была отвлечена от Балкан своей восточноазиатской политикой и последовавшей за этим революцией. В 1906 году венской дипломатии удалось, оказав на Белград нажим, воспрепятствовать заключению сербско-болгарского таможенного союза, что дало бы Сербии путь для вывоза своих сельскохозяйственных продуктов, которые венгерские аграрии не хотели допускать в Австро-Венгрию. Вена выказывала готовность пойти на уступки лишь в том случае, если Сербия закажет пушки у Шкоды. Дело в том, что австрийское правительство оказалось по отношению к фирме «Шкода» в чрезвычайно затруднительном положении; вследствие истинно венского мошенничества либо разгильдяйства фирму, как говорят на южнонемецком диалекте, «обставили»* с внутренними заказами на орудия[2]. Чтобы поправить ошибку, военные промышленники прибегли к помощи самого императора Франца Иосифа[3]. Австрия пригрозила Сербии, в случае если сорвутся поставки орудий[4], крайними торгово-политическими репрессиями. Если же Белград купит пушки, то в Вене посмотрят сквозь пальцы даже на цареубий-

---

[1] По сообщению «Франкфуртер цейтунг» от 6 октября 1904 г., военный министр Павлович, погибший во время покушения на Александра и Драгу, хотел заказать орудия в Австрии**.

[2] Об этом побудительном мотиве известных событий, изложенных далее, сообщает О. фон Цвиденек в своей работе «Die handespolitischen Beziehungen Serbiens zu Osterreich—Ungarn», in «Welt Wirtschaftliches Archiv», Bd. 6, 1915, S. 108 f.

[3] См. Fürstenberg, op. cit., S. 368 f, B. Ратенау — Фюрстенбергу, 28 апреля 1905 г.

[4] «Kölnische Zeitung» v. 20.I.1905 u. 13.4.1906.

* В оригинале «aufgesessen».— *Прим. перев.*

** Относительно борьбы оружейных фирм за сербский рынок обширный материал, подтверждающий изложенное выше, содержится в DD.

ство[1]. Венские хитрецы считали Сербию беззащитной, но очень скоро убедились, что на этот раз Сербия, хотя и с мучениями и под аккомпанемент проклятий сербских скотоводов, выскользнула из-под венской опеки, так что австрийская промышленность осталась в проигрыше[2].

Этот случай был очень типичен для европейского империализма. Поскольку Сербия не купила пушек, сербскую свинину не разрешили ввозить в Австрию, так что Вена осталась без мяса[3], зато венгерские аграрии потирали руки. Соглашаться на компромисс, как, пожалуй, ни казалось это привлекательным, Сербия не хотела, поскольку, если бы она и уступила, у нее все равно не было гарантий, что торговые связи, будь они установлены, не натолкнутся в любой момент на обычные препятствия в виде ветеринарно-полицейского контроля, который в подобных случаях имел обыкновение появляться на европейских границах и по команде обнаруживать трихины. В таких обстоятельствах фирма «Шнейдер-Крезо», уже державшая в руках Болгарию, выдвинулась на Балканах на новую позицию, причем финансировалось это, как обычно, посредством займа, который был предоставлен новым осчастливленным контрагентом в Париже и благодаря которому — что, впрочем, тоже было обычным — наполнили свои карманы не только парижские, но и берлинские банковские воротилы[4]. Риск достался, разумеется, на долю публики. В награду французская оружейная фирма получила заказ на 60 полевых и 25 горных батарей[5]. Фирма «Шкода», ради которой так старалась Вена, вышла из этой борьбы с пустыми руками, тем более что, как кажется, за французами стоял эссенский «Нибелунг», и австрийцы жаловались не только на французов, но и на германскую конкуренцию[6].

Военная промышленность и финансовый капитал Франции сделали новый важный шаг вперед[7]. Но поражение фирмы «Шкода» означало ухудшение австро-сербских торговых отношений[8].

---

[1] См. BD, V, № 126, Грей — Гошену, 31 мая 1906 г.; BD V, № 130, Гошен — Грею, 14 апреля 1906 г. Здесь имеется саркастическая пометка на полях: «Мотивом, побуждающим Австро-Венгрию желать урегулирования вопроса о цареубийце, служит, по-видимому, не столько боязнь беспорядков на Балканах, сколько желание способствовать сбыту австрийских орудий». В связи с последующим см. вообще всю главу XXXIV BD.

[2] См. чрезвычайно интересные документы в BD, V, №№ 136—143.

[3] См. BD, V, № 141, Бутби — Грею, 15 ноября 1906 г.

[4] По сообщению «Нейе фрейе прессе» от 16 ноября 1906 г., в крупном займе, предоставленном Сербии на вооружение, принимали участие Берлинское торговое общество в размере 25 процентов и даже — в размерах 20 процентов — австрийский Банк земельного кредита (!!!). Согласно «Кельнише цейтунг» от 24 ноября 1906 г., французский консорциум состоял из Оттоманского банка, «Сосьете финансьер ориенталь», «Сосьете Сюис» и «Банк Бардак». 12 июня 1906 г. сербский министр финансов поставил об этом деле в известность скупщину. В тот же день в Белграде появился ... г-н Этьенн!

[5] Как отмечала 13 ноября 1906 г. «Фоссише цейтунг», сюда, поскольку размеры поставок превосходят потребность, и включены поставки для Черногории. См. также «Neue Freie Presse» v. 14.11.1906 u. 5.10.1906 und «Zeit» v. 23.11.1906.

[6] 15 апреля 1906 г. «Кельнише цейтунг» открыто выступила против Австрии. В статье, появившейся в июле 1906 г. в «Шлезише цейтунг» (архив «Кельнише цейтунг»), со знанием дела показано, насколько вредила интересам германского экспорта в Сербию австро-сербская война из-за пушек. Хотя газета «Берлинер генеральанцейгер» опровергала участие Круппа на основе договоренности со Шнейдером-Крезо («Kölnische Zeitung» v. 30.6.1906), оно все же отвечало практике, обычной в подобных случаях. Из письма Ратенау Фюрстенбергу следует, что Германия не была осведомлена о сербском соглашении с Крезо. Тем не менее остается под вопросом, не привлек ли Крезо Круппа, как в то время неоднократно утверждалось в печати.

[7] Впрочем, если договоренность между Круппом и Шнейдером действительно имела место, ее можно расценивать лишь как событие частного порядка. По сути дела необходимо указать, что перед войной военная промышленность различных стран была охвачена междоусобной борьбой за многочисленные рынки. Так, в марте 1907 г. в болгарском парламенте наблюдается активное «демократическое» движение за Круппа против Крезо («Vossische Zeitung» v. 18.8.1907). В мае 1908 г. близкому родственнику и другу французского министра иностранных дел в кабинете Клемансо морскому офицеру Пишону пришлось покинуть свой пост в Болгарии, где он в соответствии с франко-болгарским соглаше-

Санджакская железная дорога

Эти усиливавшиеся торгово-политические осложнения между Австрией и Сербией являются, в частности, непосредственным мотивом австрийского проекта прокладки железной дороги через узкую полоску земли, которой на Берлинском конгрессе отделили Сербию от Черногории, чтобы сохранить для австрийцев свободный путь в Салоники. Она и получила название санджака (округа) Новый Базар. Появление проекта этого строительного предприятия, при обсуждении которого впервые можно было увидеть, что после перерыва, вызванного русским продвижением в Азию, вновь начала усиливаться естественная напряженность, существовавшая между Австрией и Россией из-за балканской проблемы, объясняется следующими причинами. Австрия боялась помех вывозу своей промышленной продукции на Балканы в случае усиления венгерско-сербского конфликта и была заинтересована в строительстве железнодорожной линии, которая позволила бы ей осуществлять экспорт, минуя сербские границы[1]. Необходимость строительства дороги могла, таким образом, считаться тем более настоятельной, что торгово-политическое и финансово-политическое единство «двуединой монархии» зиждилось всецело на свободной воле венгров и могло в любое время оказаться взорванным, что неизбежно и до последней крайности обострило бы конфликт с Сербией. В железной дороге была заинтересована не только австрийская, но и венгерская половина империи; публично объявляя венгерским делегациям о политике строительства дороги, новый австрийский министр иностранных дел барон Эренталь мог быть уверен в том, что его речь будет встречена аплодисментами со стороны тех, кто намеревался, получая боснийские нефтепродукты, одновременно транспортировать через санджак венгерский очищенный спирт и скот[2].

Все темные силы, которые в конце концов развязали мировую войну, были уже тут как тут, особенно итальянский империализм. Со времени окончания итало-французской торговой войны Италия все больше подпадала под влияние французского финансового капитала. Однако уже тайный итало-французский договор 1900 года, порожденный этими взаимоотношениями, означал в меньшей степени отпадение от Тройственного союза, чем, пожалуй, перестраховку, подобную той, о какой Бисмарк договорился в свое время с Россией. Ведь участие в Тройственном союзе не обязывало Италию нападать на Францию, и, заключая этот договор, она обеспечивала себя от нападения со стороны Франции. Однако последовавшее затем ухудшение англо-германских отношений в результате строительства германского флота в серьезной мере настроило итальянскую политику против Тройственного союза. Опасность разрыва с прежними союзниками возникла лишь теперь, когда

нием контролировал заказы на корабли Франции. Болгары сделали то же открытие, какое вскоре сделал и французский парод, что поставленные Крезо материалы (французская канонерка и три торпедных катера) совершенно недоброкачественны. («Kölnische Zeitung» v. 2.5.1908.)

[8] После первой фазы, падающей на 1905 г., таможенная война обеих стран длилась с 6 июля 1906 по январь 1908 г. Через очень непродолжительное время возникли новые трудности. 20 августа 1908 г., то есть за полтора месяца до кризиса, вызванного аннексией Боснии и Герцеговины, борьба разгорелась снова.

[1] Об этой интересной взаимосвязи сообщается по «Ориент корреспондент» от 21 февраля 1908 г. (см. также «National Zeitung» v. 31.1.1908). Приведенный в тексте мотив, которым руководствовалась Австрия, подчеркивается во «Франкфуртер цейтунг» от 14 февраля 1908 г., которая особенно указывает на события, происходившие во время последней таможенной войны, когда Сербия парировала издевательства со стороны австрийского ветеринарно-полицейского контроля, введя сербский «сахарный досмотр» (!!!).

[2] См. «Neue Freie Presse» v. 28.2.1908. Впрочем, торговая политика аграриев отнюдь не встречала одобрения в венгерских промышленных кругах, которые, так же как и австрийская промышленность, зависели от сбыта в Сербию.

интересы прежних союзников столкнулись и на Балканах. Италия, которая могла утвердиться в отдаленных странах и частях света лишь благодаря труду своего пролетариата, искала на Балканах недостающую ей сырьевую базу и рынок сбыта для своей промышленности. «Брак» с Черногорией свидетельствовал о желании итальянцев получить входную дверь для империализма и приобрести опорный пункт для флота, чтобы иметь возможность запереть mare nostro. В связи с этим итальянский империализм уже на протяжении ряда лет оказывал поддержку строительству сквозной железной дороги, которая, начинаясь у Адриатики, доходила бы до Черного моря. Этот-то проект, собственно, и имел своим следствием австрийские планы железнодорожного строительства[1]. Ведь с того момента, как автаркия Сербии была бы обеспечена получением желанного выхода к мировым морским путям и был бы обеспечен обмен скота и зерна на промышленные изделия, опасность таможенно-политического сопротивления Сербии возрастала для Австрии в непреодолимой степени, не говоря уже о том, что наличие опорной базы Антанты на Адриатике поставило бы под контроль противников «двуединой монархии» всю ее средиземноморскую торговлю. Как уже упоминалось, в борьбе против австрийского проекта Санджакской железной дороги, при помощи которого имелось в виду затормозить такой ход событий, Италия была не одинока. Этот план раздражал также и русских[2], ибо являлся попыткой вывести балканских славян из-под русского влияния и ворваться в бастион, предназначенный обеспечить Проливы против Запада. Но этим не ограничивалось число противников. Политика англо-русского альянса и собственные непосредственные интересы побуждали и Англию к оппозиции действиям графа Эренталя. Англия хотела принятия программы реформ для Македонии. Убийства и разбой на Балканах должны прекратиться, европейцы должны иметь возможность спокойно разъезжать и торговать в долине Струмы и на берегах Вардара. Хотя постройка Санджакской дороги — недостающего связующего участка между Салониками и европейской железнодорожной сетью — скорее, пожалуй, способствовала бы такой политике, но это было бы достигнуто ценой отказа от административной и финансовой реформы в Македонии, реформы, вокруг которой так долго велась борьба и которую англичане принимали очень близко к сердцу. На Даунинг-стрит подозревали, что в обмен на санджакскую железнодорожную концессию Турция выторговала у Австрии отказ от дальнейшего поощрения этих планов, до тех пор поддерживавшихся Англией; русская политика тоже усиливала английские подозрения[3].

Русские сразу же взяли под свое крылышко встречный проект постройки сквозной дороги, вызвав тем большую радость Оттоманского банка и парижской финансовой аристократии, которая хотела подзаработать на этом деле[4]. Австрийцы старались уклониться от этого неприятного проекта. К чему, в конце концов, было вести с Сербией прекраснейшую таможенную войну, если сквозная дорога позволяла Сербии вечно оказывать сопротивление; к чему было строить Санджакскую дорогу, если ее перерезала франко-русско-итало-сербская сфера интересов, находившаяся под благожелательным верховным наблюдением Англии? Австрия пыталась увернуться. Барон Эренталь, этот хитроумный и лукавый отпрыск семьи военных поставщиков, которого опытная рука наследника престола эрцгерцога Франца Фердинанда

---

[1] В связи с этими проблемами, которые здесь преднамеренно не излагаются, так как не имеют большого значения с социологической точки зрения, см., например: G. Brecht in K-BM, 1928, S. 166 ff; «Italiens dreibundpolitik», 1870—1890, München 1928; M. Klaar in «Europäische Gespräche», 1930, S. 425 ff.

[2] См. различные отклики русской печати, воспроизведенные в BD, I, № 227, Никольсон — Грею, 30 января 1908 г.

[3] См., между прочим, BD, V, № 233, Никольсон — Грею, 2 февраля 1908 г.

[4] По поводу вопроса в целом см. GP, Кар. 187, а также BD, XLIX.

извлекла из кругов высшей австрийской аристократии и пересадила на Балльплац, пытался дать делу поворот, благоприятный для планов своего высокого покровителя. Барон, известный как непреклонный приверженец абсолютизма, намеревался посредством решения южнославянского вопроса в габсбургско-монархистском духе объявить шах венгерским магнатам. Этим планам содействовало высшее духовенство, настраивавшее соответствующим образом супругу Франца Фердинанда, и начальник генерального штаба фон Конрад. Все эти круги не хотели, чтобы у Сербии был собственный порт, и считали, что если уж сербская транспортная сеть должна доходить до Адриатики, то по крайней мере пусть она пролегает через Боснию[1]. Здесь теснейшим образом связаны индустриальный процесс и проблема национальностей. Прежде всего решающей проблемой является вопрос о славянах, находящихся под турецким господством,— Rajah Османской империи. Империалистический рывок Австрии в санджак — это крупное событие весны 1908 года — повлек за собой выдвижение турецкого вопроса.

Социальный распад Турции. Балканский очаг войны

С социологической точки зрения турецкая проблема представляется, пожалуй, более сложной, нежели проблема Австрии. В то же время нельзя отрицать, что в обоих этих комплексах имеется известное сходство: как здесь, так и там над отдельными племенами, оформившимися в нацию, господствовали наднациональные государственные образования. Однако если в Австрии эта организация нашла свое выражение в четком милитаристском аппарате и бюрократическом централизме, то в Турции все было децентрализовано: налоги взимались местными вилайетами и санджаками; во главе каждого из них стоял вали, который, подобно китайскому мандарину, выжимал из провинций последние соки (способы взимания налогов были его личным делом). Не удивительно, что при таком положении дел султаны испытывали постоянные финансовые затруднения. Этим обусловливались всевозможные махинации европейских финансистов, где конкуренция открывала широкий простор подкупу и взяточничеству.

В ту пору здесь творились самые диковинные дела. Так, например, в Константинополе военно-морской министр Гассан-паша владел целым районом города и самыми роскошными гаремами, в то время как корабли, именовавшиеся турецким флотом, гнили в стоячей воде у причалов за мостом. Никто ни разу не видел турецкое судно под парами, если не считать свидетелей трех взрывов судовых котлов. Именно после этого, в 1897 году, Турция отказалась от активного участия в войне против Греции. На деньги, полученные из Эссена, военный министр разжирел настолько, что стал самым тучным человеком во всей империи[2]. От его несравненного по своей пышности дворца было рукой подать до Илдис-киоска, где обитал падишах,— грозный Абдул Хамид, поставивший западную цивилизацию на службу своим восточным методам. Подлый палач армянского народа и самый недоверчивый из правителей, он повелевал целой армией шпионов и наемных убийц. Вместе с тем Абдул Хамид был на редкость хитрым спекулянтом, чьи манипуляции капиталами привели к неведомому дотоле усовершенствованию всего правительственного аппарата, сугубо «ориентального» по своей природе. Всем

[1] См. GP, 8735, Шён — Бюлову, 4 марта 1908 г.

[2] См. великолепный отчет Гарри Г. Лэмба о жизни придворных чиновников в BD, V, № 26.

этим грязным аферам покровительствовали послы Германии и Франции. Последняя инвестировала в Турции капиталы в объеме 5 миллиардов франков. Подкупая сановников и добиваясь в обмен на это одной льготы за другой, европейский империализм насаждал в этом загнивающем государстве «христианскую любовь к ближнему». Здесь вряд ли можно было встретить хотя бы одного честного человека. Одним из самых бесстыдных трутней был Селим Малькаме. Ведая полезными ископаемыми Турции, он рассматривал их как свою личную собственность. Германский посол фон Маршалл просватал за его обеих дочерей двух весьма высокородных немецких женихов[1].

Фон Маршалл выступал против местных сановников, например против начальника полиции Фехима-паши, которого остерегались все. В данном случае вмешательство германского посла было вызвано тем, что происки этого вельможи ставили под угрозу жизнь престолонаследника, которую нужно было сохранить. Впрочем, и после революции 1908 года, когда к власти пришли младотурки, положение в стране не улучшилось.

Махмуд Шевкет, видный германофил и «военный спаситель» младотурок, прикарманивал все, что только мог, а знаменитый Энвер-бей буквально разбух от взяток. Два миллиарда марок из фондов немецких военных займов, экономически обескровивших Германию, уплыли в Турцию. Большая часть этих денег попала в карманы наиболее высокопоставленных турецких вельмож, чьи требования были настолько непомерны, что даже привыкшие ко всему немецкие военные промышленники и те впали в отчаяние[2]. Служебный долг германского посла фон Маршалла вынуждал его поддерживать такое положение вещей. Постепенно из него выработался весьма остроумный циник, и не случайно впоследствии именно его сочли самым подходящим представителем Германии на Мирной конференции. Присланный им из Гааги доклад ни в чем не уступает его же донесениям о способах решения македонской проблемы. Имея большой практический опыт, Маршалл отлично видел глубокие корни английской политики, неизменно противодействовавшей ему; он понимал, что, несмотря на всю свою лицемерную «мораль», политика эта ничуть не лучше политики других держав.

В 1908 году македонский узел политической борьбы грозил превратиться в очаг общеевропейской войны. Казалось, вся Европа будет вовлечена в борьбу за Македонию. Неустойчивость положения на Балканах и нескончаемая резня, происходившая там, побуждали Европу к интервенции. Причины этой вечной резни носили и здесь социальный характер. «Стержнем» македонского вопроса были жестокие средневековые законы о землевладении и труде, отдававшие девять десятых жителей под власть кучки турецких беев. Масса сельских жителей, кроме тех, кто принадлежал к господствующей верхушке, была низведена до положения арендаторов-рабов. Даже вольные крестьяне и те страдали от общей неустойчивости правопорядка и острой нехватки денег, ибо ссудный процент доходил до 100—180; что же касается арендаторов македонских помещиков, то они влачили самое жалкое существование. Денежное выражение годового дохода целого семейства никогда не превышало пятисот марок, из которых сборщик налогов изымал дань натурой на семьдесят марок, полевой смотритель бея, этот своеобразный маленький паша,— на тридцать марок, а сам помещик — на двести марок.

Таким образом, засыпав семена для следующего посева, крестьянин мог жить только впроголодь. В последние годы рóботы на полях и в лесах

---

[1] Этот факт и впоследствии был поводом для резких комментариев в печати. См. «Zeit» v. 28.8.1928.

[2] В этой связи можно напомнить о страшных результатах, к которым привел процесс над армянином, убившим министра Талаата. Сведения о двух миллиардах марок, использованных для подкупа, и о махинациях военных промышленников заимствованы из неопубликованных донесений военного атташе фон Лоссова; донесения эти написаны в период первой мировой войны и хранятся в военно-морском архиве.

беев исчезли лишь в тех местах, где действовали банды, которые как следует задавали жару христианским раджам[1].

Сербия, вытесненная Австрией из района Адриатики, интересовалась землями этих раджей как плацдармом для нанесения удара по Салоникам. Ей пришлось столкнуться с Болгарией, из года в год посылавшей свои банды в родственную Македонию и также стремившейся выйти к Эгейскому морю. С юга же в этот район прорвались греки, готовые захватить вместе с Салониками и долину реки Вардар, чтобы протянуть руку австрийским торговцам[2]. Продвижение русских в Восточную Азию надолго парализовало активность России в этих вопросах; соглашение с Австрией 1897 года, за которым в дальнейшем последовал так называемый мюрцштегский альянс обеих великих держав, показало, что Россия не намерена отказаться от своих давних планов, хотя пока что она и не очень торопилась с их осуществлением. Однако совместные выступления обеих великих держав в вопросе о реформе, явившейся непосредственным результатом упомянутого Балканского союза, были крайне неприятны для Турции. Но на фоне главных социальных и клерикальных причин всей этой борьбы усилия нескольких соперничающих друг с другом европейских офицеров контролировать то, что называлось жандармерией, не могли дать существенных результатов. Попытки провести в мятежных провинциях финансовую реформу оказались, пожалуй, еще менее успешными, ибо тут скрещивались интересы весьма могущественных европейских кругов. Наконец, судебная реформа, задуманная как средство полного искоренения османизма на Балканах, потерпела полнейший крах, вызвав ироническую критику со стороны германского посла и его французского коллеги — этих стражей европейского финансового капитала. Нельзя отказать Маршаллу в правоте: половинчатость действительно хуже бездействия. Положение все более обострялось. Дипломаты изучали обстановку в Македонии по числу ежемесячных убийств, сообщения о которых просматривались так же внимательно, как таблицы валютных котировок[3].

Особенно ретивыми в вопросах реформ показали себя англичане. Английский финансовый капитал прочно обосновался в Софии, а английская внешняя торговля (по экспорту в Турцию Англия превосходила все остальные страны) могла процветать лишь при условии, что ее эмиссары, целые и невредимые, могли бы возвращаться в Салоники и Лондон с туго набитыми карманами. Но именно эти британские экспортные интересы и осложнили решение всего вопроса. Реформы стоят денег, и для того чтобы раздобыть их, туркам пришлось ввести импортные пошлины, что опять-таки вредило английскому экспорту. Англия реагировала на это крайне болезненно. Лондонская желтая пресса буквально вскипала от злобы при одной только мысли, что подобные пошлинные обложения могут содействовать и другим целям, например строительству железных дорог немецкими капиталистами. Продажные турки, разумеется, предпочитали получать комиссионные от этих

---

[1] См. W e n d e l, op. cit., S. 542. Исключительной заслугой Венделя я считаю то, что в своей книге он впервые и со всей прямотой раскрыл особый характер этой борьбы и показал основы, на которых зиждились самостоятельные культуры на Балканах. Правда, он явно перегибает палку в обратную сторону, называя белым все то, что прежде считалось черным. Впрочем, это объясняется самой природой подобных переоценок. Во всяком случае, tout comprendre не обязательно должно означать tout pardonner.

[2] Македонский вопрос требовал сам по себе особого изучения. Здесь смешались самые разношерстные остатки старинных племен. См., например, V i c t o r B e r a r d, La Turquie et l'Hellenisme, Paris 1904, а также C. N i c o l o i d e s, Die neueste Phase der mazedonischen Frage, Wien 1925. Что касается диссертации Шахта (Horand Horsa S c h a c h t, Halle 1930), то, будучи весьма убогой как в идейном, так и в стилистическом отношении, она даже в отдаленной мере не может способствовать пониманию социального характера этого вопроса.

[3] В связи со всеми этими вопросами, помимо GP, 22. Bd., Кар. 161—164, см. также отлично написанные отчеты в BD, I, vol. 5, Hallband. Дипломаты всегда добросовестно сообщали средние цифры убийств.

капиталистических предприятий и не хотели расходовать деньги на поддержку реформистских устремлений англичан, подрывая свое же собственное господство. Все это преграждало путь английскому империализму. Предприниматели Ланкашира и центральных графств Англии окончательно потеряли покой: ведь Турция все еще не была «свободной и реформированной». Один английский знаток этого вопроса писал:

«Держава, чьи коммерческие стремления ограничиваются интересами высшего капитала — отдачей денег взаймы и приобретением концессий, может найти определенную выгоду в поддержке султана и илдисской клики. Единственно существенное для нас обстоятельство заключается в том, чтобы турецкое население процветало; однако оно не может процветать, пока не станет свободным»[1].

Но в Англии относились с величайшей подозрительностью ко всему, что мешало этому «освобождению» Турции, с которым связывались надежды на установление на Балканах режима национальной терпимости и нового порядка. Дело дошло до того, что Балканский комитет братьев Бакстон выступил против австрийского проекта о санджаках, усмотрев в нем отказ Австрии от ее реформистских стремлений[2].

Турецкая революция. Кризис германского империализма

Впрочем, Санджакская железная дорога было лишь одним из многих проектов, с помощью которых европейские государства пытались преодолеть кризисное состояние своей экономики за счет Турции[3].

Страна стонала под бременем, ставшим более тяжким, чем когда-либо[4]. В низах усилилась оппозиция турецкому господству; вместе с тем, опять-таки под влиянием кризиса, множились политические опасности, вызванные активизацией русской политики в дарданелльском вопросе. Турецкая буржуазия, в особенности в Салониках, опасалась, что великие державы ничего не оставят ей, если она сама не реформирует свою империю. Сообщение о встрече в Ревеле говорило об одном: нельзя больше терять ни минуты. Турецкую революцию Европа восприняла с неописуемым удивлением. Оже-

---

[1] Брэйлсфорд — в «Цейт» за 22 августа 1908 г. Шахт, цитирующий известную книгу Брэйлсфорда, не имеет никакого представления обо всех этих взаимосвязях. Его утверждение, будто антитурецкая политика Англии определялась нежеланием англичан допустить превращение Турции в центр кристаллизации мусульманства, поскольку это, мол, нанесло бы ущерб Индии (см. S c h a c h t, op. cit., S. 38 f), представляется нам не более чем банальной, бездумной фразой. Как известно, Англия самым деятельным образом поддерживала турецкое национальное движение 1908 г., ибо его руководители, в отличие от своих предшественников, пускали в Турцию английских поставщиков.

[2] См. «Zeit» v. 19.2.1908.

[3] В 1907—1908 гг. в Турции строилось не менее девяти железнодорожных линий общей протяженностью 32 тысячи километров. (Сообщение константинопольского корреспондента «Франкфуртер цейтунг» от 21 ноября 1908 г.)

[4] См. материалы о Турции, в особенности BD, V, p. 57 ff. (турецкое правительство), p. 81 ff. (турецкие финансы) и p. 40 (события в Константинополе). В 1908 г. турецкие финансы находились в весьма плачевном состоянии: всеобщий кризис привел к падению доходов от таможенных сборов. Однако Париж, на который Турция возлагала все свои надежды, был готов прийти ей на помощь только в обмен на концессии в Гераклее. Особенно резко сельскохозяйственный кризис ощущался в Адрианополе. Весь Балканский полуостров превратился в арену борьбы между турецкими, болгарскими и греческими крестьянами. Как видно из материалов BD, V, № 173 (Грей — Гошену, 13 декабря 1907 г.), положение в Македонии стало острее, чем когда-либо раньше. В октябре число убийств возросло до 285.

сточение младотурецкого офицерского корпуса, за которым шпионили унтер-офицеры падишаха, исключало возможность какого бы то ни было сопротивления со стороны султана. Этот серьезный переворот произошел почти бескровно[1]. Англичане были в полном восторге, тогда как германская политика потерпела тяжелое поражение. Вся немецкая пресса немедленно обрушилась на Маршалла за то, что тот не сумел «предотвратить крах вверенного ему здания»[2]. Охваченные радостью, в Стамбул устремились английские капиталисты. Всюду и везде им мерещились концессии и заказы. И в то время как Маршалл изо всех сил старался хоть как-нибудь спасти положение и оживить прогерманские настроения в среде младотурецкого офицерского корпуса, у Золотого Рога германской политике был нанесен новый удар, который привел матерого дипломата в неописуемое смятение. 5 октября Болгария изумила весь мир, провозгласив свою независимость от Турции. В тот же день Австро-Венгрия объявила об аннексии двух провинций — Боснии и Герцеговины, которыми еще со времени Берлинского конгресса управляла по мандату.

Германия в итоге ревельской встречи оказалась в весьма затруднительном положении, ибо политика союзнической Австрии противоречила традиционной германо-турецкой дружбе. И так же как ревельская встреча заслуживает большего внимания, нежели другие взаимные визиты монархов, так и поездка русского министра иностранных дел Извольского, состоявшаяся вслед за встречей в Ревеле, представляется существеннее многих иных министерских вояжей. Как в том, так и в другом случае русская политика всецело определялась вопросом о Проливах. Стремление России выйти к Проливам носило весьма конкретный характер и не имело ничего общего ни с желанием поддержать попавших в беду балканских славян, ни с тем мистическим славизмом, который слишком уж часто использовался для маскировки вполне определенных целей русской политики. Напротив, русский министр иностранных дел был вполне готов пожертвовать интересами южных славян. Для идейных панславистов его политика была подобна удару хлыста. Тенденция ее сводилась к тому, что в обмен на разрешение сделать шаг вперед в направлении Константинополя Россия признает аннексию Австрией Боснии и Герцеговины; при этом австрийцы должны были решить, следует ли этим оккупированным провинциям, формально турецким, но населенным славянами, избрать своих представителей в турецкий парламент.

Необходимость двигаться на Константинополь диктовалась непрерывно усиливающейся концентрацией производства зерна на юге России, что явилось следствием развития южнорусской промышленности. После кризиса 1900 года эта промышленность так и не сумела восстановить полностью свои ресурсы. Выступая в Думе, депутат Струве, представлявший крупную буржуазию, говорил о странах, окаймляющих Черное море, как о сфере сбыта продукции донецкой промышленности[3]. Южнорусские промышленники прожужжали министрам все уши, испрашивая правительственные заказы. Их выслушивали весьма благосклонно, поскольку царская администрация кишела чиновниками, заинтересованными в этом вопросе. После гибели русского флота под Цусимой было решено совместить приятное с полезным и передать южнорусским промышленникам заказы на строительство нового флота[4]. Правда, в этой связи возникало весьма существенное требование,

[1] См. интересные донесения посланника в Бухаресте фон Кидерлена, замещавшего Маршалла, который находился в отпуске (GP, 191, BD, Кар. XXXIX).

[2] В частности, печать публиковала нападки на Маршалла со стороны графа Пфейля.

[3] См. W e n d e l, op. cit., S. 598.

[4] Во всяком случае, следует сказать, что возврат к вопросу о Дарданеллах был обусловлен именно этой промышленной проблемой (см., GP, 22. Bd., S. 80, Anm. 3). Вслед за этим, 16 марта 1907 года, Вильгельм II ознакомил Бюлова с извлечением из донесения петербургского военно-морского атташе Хинтце, который сообщал, что русский

а именно, чтобы статьи старых договоров не преграждали более путь через Проливы русским военным кораблям, строящимся в Николаеве. Впрочем, промышленность, о которой идет речь, была русской лишь по названию. Уже тогда финансовый контроль над этими предприятиями осуществлялся из Парижа. Когда впоследствии, в 1906—1907 годах, эти планы реализовались, строительство судов велось английской фирмой «Виккерс», контролируемой знаменитым и всемогущим сэром Базилем Захаровым. Еще в Ревеле Извольский затронул вопрос о Проливах. Однако намеки, сделанные ему по этому поводу, он истолковал более положительно, чем следовало. Для Англии вся эта проблема оказалась довольно острой и щекотливой. Англичане ни в коем случае не хотели допустить такого ее решения, какое мыслили себе русские государственные деятели: Черное море, превращенное во внутреннее русское озеро, и Проливы, открытые только для русских кораблей! Да ведь это сделало бы русский флот совершенно неуязвимым даже для Великобритании!

*Бухлауское „недоразумение". Боснийский кризис**

Как бы то ни было, но Извольский в приподнятом настроении отправился в Карлсбад, прошел там курс водолечения и затем был приглашен австрийским посланником в Петербурге графом Берхтольдом в замок Бухлау, где обсудил с Эренталем наиболее щекотливые проблемы, связанные с аннексией и Константинополем. Целые сонмы историков ломали себе голову — о чем же велись переговоры в Бухлау в сентябре 1908 года? Достоверно известно лишь то, что лживый и прожженный коллега Извольского основательно обвел последнего вокруг пальца. Еще не окончив своей поездки по Европе, Извольский с ужасом узнал, что аннексия совершилась, между тем как он предполагал, что Австрия ограничится оглашением своего плана и представит его на рассмотрение конгресса великих держав[1]. Австрийский министр иностранных дел, судя по всему, сознательно лгал не только русскому, но и итальянскому министрам и, уж конечно, своему немецкому союзнику. Английский посол заявил Эренталю прямо в лицо, что правда —

флот должен покинуть Ревель и перебазироваться на Черное море, где в качестве базстоянок были намечены порты Николаев и Севастополь. Для этого, говорилось в донесении, необходимо открыть Проливы. В Николаеве находились государственные верфи, которые, однако, размещали свои заказы на частных предприятиях и, кроме того, финансировались и французскими капиталистами. Речь идет о капиталах Путилова, впоследствии перешедших под контроль Захарова.

[1] Благодаря публикации австрийского сборника документов (Österreich — Ungarns Aussenpolitik, herausgegeben von Bittner, Uebersberger und anderen, Wien 1930) теперь представляется возможным подвести черту под полемикой о событиях в Бухлау. Если, например, сравнить сообщение в GP, 8935, Шён — Бюлову, 26 сентября 1908 г., которое до сих пор (1932 г.) считалось основным источником изучения этого вопроса, с документами ÖA, 518 и 579, Берхтольд — Эренталю, 24 октября и 14 ноября 1908 г., то становится вполне очевидным, что в процитированном сообщении Шёна о его разговоре с Извольским подчеркивается единодушие, достигнутое относительно представления плана об аннексии. Таким образом, акцент в этом сообщении Шёна, судя по всему, сделан именно на слове «план». Австрийцы намеренно скрыли от Извольского этот важный момент, что явствует также и из самой формы сообщения Шёна.

* В связи с этим и следующими разделами см. Bernadotte E. Schmitt, The Annexation of Bosnia 1908—1909, Cambridge (Mass.) 1937, а также Montchilo Ninchitch, La Crise Bosniaque 1908—1909 et Les Grandes Puissances, 2 Bd., Paris 1937.

не его стихия*. Поведение австрийского министра иностранных дел было отнюдь не менее обидным, чем продиктованные обстоятельствами холодность и пренебрежительность, с которыми европейские дипломаты третировали Извольского, имевшего все основания быть недовольным Эренталем. Казалось, в международных отношениях начисто позабыты всякие приличия. Так получилось, что самый искусный из русских министров иностранных дел, которого нельзя считать германофобом** уже хотя бы потому, что он надеялся получить выгодное назначение на должность посла в Берлине под влиянием старых как мир трюков кабинетной дипломатии, переметнулся во вражеский стан. Вскоре после этого австрийский посол в Петербурге, близкий друг Эренталя, охарактеризовал Извольского как совершенно разбитого человека[1]. Этот славянин, который в данном случае так и не сумел распознать чисто германскую по стилю дипломатию Балльплац со свойственным ей вероломством, вынашивал тысячу планов мести. Вопрос об отношении к Извольскому неизменно ставит исследователей причин боснийского кризиса перед первой великой загадкой. Вторая загадка — это мотивы, побудившие Германию сохранить своему союзнику прямо-таки «верность Нибелунгов», вопреки всем его коварным методам. Однако мировую войну вызвали не происки Извольского, но главные и решающие интересы России. Русская дипломатия была не более чем инструментом для реализации этих интересов. Точно так же позиция Германии не явилась результатом свободного волеизъявления, но предопределялась вполне конкретными интересами.

В итоге кризиса, вызванного аннексией, Германия оказалась между двух или даже трех огней. Ее прежняя традиционная политика требовала хороших отношений с Россией. После подписания торгового договора 1904 года, когда на долгий период наметились хорошие перспективы, подобная политика была для Германии еще выгоднее, чем для России. Правда, немцы восприняли англо-русское соглашение с досадой, а ревельскую встречу даже со страхом, но ведь в сущности ни в том, ни в другом случае никакого сговора против Германии не было. Таким образом, немецкая политика оказывалась наиболее разумной в тех случаях, когда она исходила из английского принципа to take the best of it.

Хорошие отношения с Россией, как и прежде, обеспечивали стратегическое прикрытие с тыла, а вместе с тем и возможность сбыта промышленной продукции. Именно в это время, в пору, когда свирепствовал кризис, вопрос о сбыте стоял особенно остро. Поддержание традиционных отношений между царским и кайзеровским дворами также содействовало взаимовыгодному развитию промышленности, в которую по мере развития капитализма и Гогенцоллерны и Романовы вкладывали все больше капиталов. Имеются документы, весьма наглядно иллюстрирующие эти взаимосвязи. В мае представитель одной из крупнейших германских судостроительных верфей обратился непосредственно к кайзеру с просьбой побудить русского царя сдать его фирме заказ на постройку судов. Эта просьба встретила самую горячую поддержку кайзеровского кабинета.

---

[1] Нельзя не привести соответствующее место из ÖA, Берхтольд — Эренталю, 6 ноября 1908 г.: «Казалось, что Извольский надломлен физически и морально, что задет его главный жизненный нерв. Он говорил тоном человека, мрачно покорившегося судьбе... Он весь ушел в себя. Глаза, лишенные блеска, смотрели в пустоту. Весь его облик вызывал глубокое сострадание. Мне казалось, что передо мной несчастный герой драмы о человеческой судьбе, герой, чей ужасный рок представляет собой не свободное самоопределение характера, а неотвратимое вмешательство слепых сил судьбы в его жизнь».

* Шмитт (Schmitt, Annexation, S. 19) приходит к выводу, что вопрос о содержании переговоров в Бухлау остается спорным. Этот автор предполагает, что суть недоразумения состояла главным образом в ошибочном предположении Извольского, будто его партнеры дадут ему больше времени для основательной подготовки всего вопроса.

** В настоящее время это подтверждается материалами DD; см., например, 2-me serie, vol. 16, Поль Камбон — Пишону, 24 ноября 1906 г.: «...несмотря на все свои заявления и любезности, г-н Извольский выказывает прогерманские тенденции...»

Но те же интересы германского экспорта, которые диктовали необходимость укрепления связей с Россией, требовали одновременно и хороших отношений с Турцией. Это было важно в особенности для сбыта военной продукции. Однако когда аннексия совершилась, Турция была как громом поражена. Германский посол в Турции выглядел почти столь же жалко, как и Извольский, третируемый Эренталем[1].

Казалось, что в результате мер, принятых Австрией в отношении территории, которая формально была еще турецкой, влияние Германии у Золотого Рога сведено к нулю. В то время как рейхсканцлер блаженствовал на пляже Нордернея, а статс-секретарь фон Шён стрелял горных козлов под Берхтесгаденом, сам Вильгельм II, охотившийся в лесах Восточной Пруссии, и тот пришел в негодование по поводу действий Австрии и их влияния на германо-турецкие отношения. И все-таки немецкие политики не могли бросить своего союзника на произвол судьбы; это обусловливалось не только тесной связью с Австрией, но и общим международным положением. В противном случае Германия не только лишилась бы своей единственной политической опоры, но и утратила бы естественный мост, связывавший ее с Турцией, где было так много немецких капиталовложений. Дружба с царским режимом, который из года в год выклянчивал у французов займы, была плохой гарантией безопасности германских восточных границ. Все социологическое развитие последних двадцати лет не позволяло руководству германской империи действовать согласно свободно выбранному решению, исключало какие бы то ни было изменения в политическом курсе[2].

Тем временем Извольский, к своему ужасу, вынужден был убедиться в Париже, а затем и в Лондоне, что англичан никак невозможно склонить к желательному для него решению вопроса о Проливах. Министр оказался в положении того глупого крестьянина, который отдал коня, прежде чем получил деньги. Вот почему Извольский, оказавшись в Берлине, не смог ничего добиться[3]. Для того чтобы не возвращаться с пустыми руками в Петербург, откуда на него сыпались упреки как в частном, так и в официальном порядке и где ему угрожали ненависть и презрение всей буржуазии, Извольский пытался сделать что-нибудь хотя бы для сербов, в высшей

---

[1] См. ÖA, 212, Паллавичини — Эренталю, 9 октября 1908 г.

[2] Свое утверждение я противопоставляю выводам книги Франкенберга (F r a n k e n b e r g, Österreichs Spiel mit dem Kriege, das Verhängnis deutscher Nibelungentreue, Dresden 1928). Эта книга в еще большей мере, нежели его блестящая работа о Перестраховочном договоре, представляется скорее защитительной речью, а не историческим трудом. Даже самые тонкие политические формулировки остаются бездоказательными, если они не вытекают из глубоких социологических исследований. Однако сторонники так называемого историко-политического метода, результатом которого и являются книги подобного рода, ничтоже сумняшеся, попросту игнорируют социологический момент. Только этим и объясняется возможность следующего утверждения: «Если между Германией и Россией возникли финансовые и торговые затруднения, сказавшиеся и на дипломатических отношениях, то было ли причиной тому всемирно-политическое соперничество? Ничего похожего!» (F r a n k e n b e r g, op. cit., S. 12.) Создается впечатление, что автор никогда ничего не слыхал о яростной борьбе русской промышленности против германского импорта, о соперничестве аграриев и в особенности о борьбе французского и германского финансового капитала.

[3] Весьма правдоподобная интерпретация бухлауских переговоров, данная Никольсоном, в настоящее время может быть прокомментирована в свете документов, опубликованных в Австрии. Действительно, в Париже и Лондоне Извольский питал еще какую-то слабую надежду на то, что после завершения аннексии ему все же удастся добиться хоть каких-то результатов в вопросе о Проливах. Но после своего разговора с Греем (BD, V, № 358, Грей — Никольсону, 2 октября 1908 г.; BD, V, № 377, а также меморандум Грея от 14 октября 1908 г.) он окончательно убедился, что с Проливами ничего не получается. Англичане не могли позволить, чтобы русские, контролировавшие Черное море, получили в придачу еще и Дарданеллы — эти ворота для экспансии, через которые они в любое время могли проникнуть обратно в свое прибежище, причем их противники, если только они не хотели вступать в конфликт с Турцией, были лишены всякой возможности вмешаться.

степени обозленных полным крахом своих «славянских грез». Он надеялся, что ему по меньшей мере удастся исхлопотать для них доступ к Адриатическому морю, столь давно ими вожделенный[1]. Этот узкий коридор к открытому морю был. правда, весьма слабой компенсацией за потерю Боснии — ничем не заменимого ядра всех южнославянских областей. Но вершители австро-венгерской таможенной политики не пошли даже на эту жалкую подачку маленькому государству.

В связи с сербо-русскими планами тесное австро-германское сотрудничество стало еще более важным. Германия оказалась вынужденной пойти на множество уступок. Австрийские публицисты, касаясь нападок английской политики на «двуединую монархию», вызванных посягательством на целостность новой Турции, иронически объясняли эти нападки недовольством Англии немецкой военно-морской политикой. При общем напряженном положении нельзя было реагировать на вещи подобного рода. И то, что мировая война не разразилась уже тогда, объясняется не только недостаточной вооруженностью России, но в значительной мере и позицией Франции. Германия, давным-давно стремившаяся выбраться из Марокко, не уронив своего достоинства, под давлением боснийского кризиса предоставила концерну «Шнейдер-Крезо» хозяйничать в Марокко еще более безраздельно, чем до того[2]. Давно уже был подготовлен пакт между Круппом и Крезо. Этот пакт должен был поставить всю остальную тяжелую промышленность Германии в положение полной изоляции и оппозиции правительству.

Поскольку австрийская политика аннексии не затрагивала собственно французских интересов, а Франция, как и Германия, была заинтересована в охране своих инвестиций в Турции, Париж ни в чем не поддержал и не ободрил русских. Ниже будет показано, что в 1914 году ситуация изменилась: возник спор не только между Круппом и Крезо, но и между всей германской сталелитейной промышленностью, с одной стороны, и донецкой промышленностью, равно как и эльзас-лотарингской,— с другой. В то же время влияние французского финансового капитала распространилось настолько, что удар по Сербии ставил под прямую угрозу и французский финансовый рынок.

В 1908—1909 годах позиция Франции придала Германии смелости. Бюлов чувствовал себя непоколебимо сильным. Австро-венгерская дипломатия также расценивала позицию Франции как «весьма разумную»[3].

В начале ноября кайзер отправился в Австрию, чтобы встретиться с эрцгерцогом-престолонаследником в Эккартзау и с Францем Иосифом — в Вене. Тесный союз между кайзером и эрцгерцогом являлся, если угодно, выражением надгосударственных аристократических отношений, связывавших Германию с Австрией. Франц Фердинанд, по собственному признанию, руководил всей аннексионистской политикой. Таким образом, Германия была как бы прикована ко всему, что одобрял Бельведер. Правда, аннексия самой Сербии там не замышлялась. Эрцгерцог, который только и думал о своем восшествии на престол, предполагал опираться на могущественную католическую церковь, всецело владевшую душой его супруги;* его захватнические притязания ограничивались Боснией и Герцеговиной, рассматриваемых как части католического южнославянского блока, призванного обеспечивать с юга безопасность «двуединой монархии»; в таком государстве православная Сербия явилась бы нежелательным тормозом и средоточием центробежных сил, не говоря уже о том, что как австрийские, так

---

[1] См. GP, 9064—65 u. 9072, записи Бюлова от 28 октября 1908 г.
[2] См. GP, 9078, запись Шёна от 28 октября 1908 г.
[3] См. GP, 9080, Чиршки — Бюлову, 29 октября 1908 г.

* См. также интересную характеристику Франца Фердинанда в книге графа Сфорца (Carle Sforza, Gestalten und Gestalter des Heutigen Europa, Berlin 1931, S. 41 ff.).

и венгерские крупные землевладельцы не желали включать Сербию в свой таможенный союз. Барон Эренталь, послушное орудие в руках Франца Фердинанда, заявил, что сербам, собственно говоря, не место в австрийском государстве. Но поскольку интересы венгерских землевладельцев, австрийской промышленности и политикостратегической безопасности монархии требовали экономического и политического сковывания сербского государства, то компенсация Сербии за ее национальные утраты не представлялась возможной*. Поэтому Франц Фердинанд и не стал вмешиваться в действия начальника генерального штаба Конрада фон Гетцендорфа, который хотел «проучить» сербов.

Можно ли было в подобных условиях сохранить длительный мир? Это зависело от способности Германии защитить австро-венгерское государство от тех международных последствий, которые влекла за собой его классовая и церковная политика. Канцлеру Бюлову вряд ли было нужно уверять своих австрийских партнеров в готовности Германии идти с Австрией в огонь и воду. Социологическая связь между обоими государствами и их совместная противопоставленность непрерывно укреплявшемуся франко-русскому союзу все больше отдаляли Германию от политики обуздания Австрии, то есть той политики, которую в условиях восьмидесятых и девяностых годов мог проводить Бисмарк. В свое время все были бы в какой-то мере озадачены, если бы Бисмарк вдруг заявил, будто он и не думает сердиться на венский кабинет за то, что тот поставил Германию перед fait accompli, более того, будто он, говоря откровенно, даже благодарен ему за это[1]. Но с тех пор Германия оказалась настолько изолированной в области внешней политики, Австрия и собственные обязательства на Востоке настолько приковали Германию к Балканам, крылатое словцо о костях померанского гренадера настолько утратило свое значение, что в сущности одни только социал-демократы критиковали эту сторону германской внешней политики.

«Немецкий народ,— заявил социалист Зингер в рейхстаге[2],— вовсе не желает, чтобы из-за политики господина Эренталя разгорелась мировая война. Поэтому рейхсканцлер, если он является истинным сторонником союза с Австрией, должен стремиться убедить ее в необходимости мира, чтобы она не могла рассчитывать на помощь Германии, если совершившаяся аннексия приведет к военным действиям. А ведь похоже, что именно к этому и идет дело. Политика Бюлова почти всегда приводила к поражениям, когда он начинал вмешиваться в международные дела. Но у рейхсканцлера благородная душа, и пусть он утешается по поводу собственных политических поражений мыслью об успехах, которых добились бы другие правительства в области политики».

---

[1] Бюлов в рейхстаге, 7 декабря 1908 г.

Этими словами Бюлов, конечно, хотел сказать, что Германия — в случае если бы она была своевременно извещена об этом — попала бы в весьма затруднительное положение перед своим австрийским союзником и дружественной Турцией; с другой стороны, метод, предложенный Эренталем, давал Германии возможность притвориться невинным агнцем, что, конечно, едва ли могло удовлетворить великую державу.

[2] Зингер в рейхстаге, 11 декабря 1908 г.

* Как Шмитт (S c h m i t t, Annexation, S. 181 ff.), так и Ништч (2 Bd., S. 252) подчеркивают значительное и даже роковое влияние австро-венгерского дипломата графа Форгача, который, будучи крупным венгерским помещиком, всячески препятствовал тому, чтобы австрийское министерство иностранных дел пошло на торгово-политические уступки Сербии в виде компенсации за аннексию. Эта тема великолепно исследована в работе Шульца (M a u r i c e S c h u l t z, La politique economique d Aerenthal envers la Serbie, «Revue d Histoire de la Guerre Mondiale», 1935, p. 325 ff. u. 1936, p. 23 ff.). Автор приходит к выводу, что Эренталь, хотя он и был орудием в руках автаркического и антивенгерски настроенного престолонаследника, благодаря своему браку и общественно-политическому положению поневоле оказал венграм большую услугу. По словам Шульца, в кругу лиц, окружавших министра, встречаются имена Эстергази, Сапари и Канья.

Это было резко, но справедливо. Третий последователь Бисмарка не имел себе равных в умении затушевывать красивыми словами грозовые сполохи англо-французского альянса, итальянские события и опасность англо-русского сближения.

Идея поддержки Австрии, но отнюдь не австрийской политики, встречала одобрение даже в прогрессивных демократических кругах[1]. Безнадежно запутанная внутриполитическая обстановка в Германии мешала образованию единой внешнеполитической оппозиции. Эта обстановка давала правительству свободу рук, более того, она в высшей степени благоприятствовала продолжению старой внешней политики, которая велась по принципу, получившему название «политики маятника». И вот именно теперь, когда необходимость создания Центральными державами щита против России, как никогда прежде, требовала мягкого обращения с британским империализмом, ведущая партия блока, чьи представители в университетах твердили своим слушателям о первостепенном значении внешней политики, начала вести себя в Европе, точно слон в фарфоровой лавке. Рурские промышленники, жадно тянувшиеся к сусской руде, именно в этот момент раздули незначительный инцидент в Касабланке до события всемирно-политического значения, выступив тем самым против русско-французского союза, в то время как Бассерман, руководитель Национально-либеральной партии и глава бюловского блока в рейхстаге, выступил с такой резкостью против военно-морской политики Англии, что можно было подумать, будто Германия живет с Россией в полном согласии и ладу[2]. Таким образом, если партия блока вела войну в направлении, неугодном правительству, глава которого впервые начал зондировать внутриполитическую почву, намереваясь достигнуть военно-морского соглашения с Англией[3], то Центр, ставший в оппозицию, напротив, пытался побудить канцлера действовать на Юго-Востоке гораздо активнее, нежели это предусматривалось его первоначальной программой. Эрцбергер выступал почти как доверенное лицо венского двора[4]. У него был тонкий нюх, и он знал, что Вена желает создания германо-французского союза, с тем чтобы по возможности спокойно ориентироваться на своего германского союзника. «Дух Бибераха» соответствовал стремлениям верхнесилезских аристократов, которые представляли другое крыло Центра и считали, что германо-австрийская политика на Востоке все еще недостаточно активна.

Немецкие политики Центра упрекали правительство в том, что, дав согласие на повышение турками таможенных тарифов, оно нанесло ущерб австрийским торговым интересам. Германия надеялась таким образом постепенно вернуть себе симпатии молодой Турции в интересах своих банков, железных дорог и военной промышленности[5]. Те же, кто поддерживал немецкую политику в отношении Турции, считали, что Германия делает в этом направлении слишком мало. Еще Бассерман, руководитель промышленной партии, решительно высказывался в пользу целостности Турции, а депутат рейхстага от Мюнхена Мюллер-Мейнинген самым резким образом

---

[1] К. Хаусман в рейхстаге, 10 декабря 1908 г. Хаусман также называет Бюлова виртуозом, умеющим выдавать вынужденные поступки чуть ли не за добродетель. Впрочем, велеречивые заявления Бюлова о возрастании английского влияния в Турции или об англо-русском союзе были настолько смехотворны, что потребовалось все мастерство Гамановского пресс-бюро — этой «фабрики оптимизма на Вильгельмштрассе», чтобы предупредить полное разоблачение высокопоставленных имперских чиновников.

[2] См. Бассерман в рейхстаге, 15 декабря 1908 г.

[3] См. GP, 10235, Бюлов — Тирпицу, 30 ноября 1908 г., а также всю главу 220.

[4] См. выступление Эрцбергера в рейхстаге 11 декабря 1908 г.

[5] См. резкие выступления Эрцбергера в «Рейхспост» за 1 января 1909 г., а также в «Кельнише цейтунг» за 12 января 1909 г. по поводу кампании, поднятой «Нейе фрейе прессе». По тому же вопросу см. GP, 9259, Эренталь — Седьени, 7 января 1909 г.

критиковал австрийскую политику за то, что она наносила вред германским интересам в Турции[1].

Австрия осуществила аннексию двух провинций, формально все еще считавшихся турецкими. Для Германии это было крайне невыгодно: ее рынок сбыта оказался под угрозой в момент, когда германская военная промышленность нуждалась в нем более, чем когда-либо[2]. Наиболее влиятельный проводник германской империалистической политики на Востоке генерал Кольмар фон дер Гольц пытался посредничать между австрийцами и турками, выступая с публицистическими статьями. Была лишь одна возможность сохранить немецкие позиции в Турции: надо было дать Константинополю денежную компенсацию в таком размере, чтобы окончательно выбить почву из-под ног заправил английской военной промышленности*. Однако возможность австро-турецкого примирения осложнялась тем, что в этом вопросе Австрии приходилось бороться не только с Турцией, но и с Сербией, Россией и в особенности с Англией. Ее единственным потенциальным союзником в этой борьбе была Болгария, но последняя, выступив с декларацией о своей независимости, вызвала недовольство турок, с которыми австрийцы искали соглашения. Из этого видно, насколько сложным оказался кризис, вызванный аннексией. Историографы не решаются усложнять и без того запутанную общую ситуацию упоминанием о том, что Болгария, руководимая кобургским правителем, известным своим коварством и продажностью, вела в балканском вопросе двойную и даже тройную игру. Так, например, провозгласив себя независимой, Болгария объявила своей собственностью болгарский участок константинопольской железной дороги. Это опять-таки поставило в затруднительное положение Немецкий банк, чьи планы в Малой Азии основывались на предпосылке полного господства над железной дорогой Вена — Константинополь, которую он уже давно контролировал.

Однако при рассмотрении всех этих вопросов можно удовлетвориться анализом самых важных и крупных интересов, которые в конечном итоге предопределяли решение вопросов второстепенных. Судьбы Болгарии, Сербии и Турции решались не в Софии, Белграде и Константинополе, а в Вене, Берлине и Петербурге. Центральные державы пытались науськивать Болгарию на Сербию[3]; это вызвало резкое недовольство в Лондоне, где в свете общего положения дел укрепление Болгарии рассматривалось как подрыв и расшатывание едва завоеванных английских позиций в Турции[4]. В конце концов эти попытки провалились: в один из последних дней января русскому министру иностранных дел пришла в голову гениальная мысль — отказаться от стародавних русских претензий к Турции, жаждавшей получить компенсацию от Болгарии. Подбросив туркам эту кость, Петербург аннулировал их претензии к болгарам, что в дальнейшем ставило Болгарию под непосредственный контроль франко-русского союза. Подобный контроль устраивал парижскую финансовую олигархию и дом «Шнейдер-Крезо»[5].

Хотя это и явилось чувствительным ударом по внешней политике Центральных держав, но те немецкие круги, которые имели существенные

---

[1] См. выступление Мюллер-Мейнингена в «Цейт» за 10 января 1909 г.

[2] Генерал фон Штавенхаген ратовал в газете «Таг» (16 октября 1906 г.) за более эффективное укрепление Константинополя.

[3] См., между прочим, GP, 9290 и 9295, Бюлов — Чиршки, 30 ноября и 12 декабря 1908 г. Во втором документе содержится известный совет Австрии не скупиться на обещания за сербский счет. См. далее GP, 9298, 28.12.1908, и, наконец, в высшей степени характерный абзац в ÖA, 752, Седьени — Эренталю, 16 декабря 1908 г.

[4] По поводу австрийского выступления в этом вопросе см. ÖA, 835, 879, 882 и 917, Эренталь — Турну, 3, 11, 12 и 22 января 1909 г.

[5] О том, как была получена соответствующая информация, см. BD, V, № 542, Никольсон — Грею, 30 января 1909 г. и далее.

* По вопросу о компенсации Турции см. Schmitt. Annexation, S. 100 ff., u. Ninchitch, 2. Bd., S. 85 ff.

интересы в Турции, были вполне довольны. Была устранена грозная опасность, нависшая над Турцией. Правда, из-за всего этого заметно упал престиж Центральных держав. Теперь, после отпадения Болгарии, Австрия не располагала уже никакими средствами для борьбы с турками и англичанами, успешно начавшими проводить бойкот австрийских товаров. В феврале австрийское и турецкое министерства иностранных дел достигли договоренности, что в значительной мере следует приписать нажиму германо-австрийской промышленности, грозившей свергнуть столь влиятельного австрийского министра иностранных дел с его поста. В феврале между Веной и Константинополем было достигнуто соответствующее соглашение. Главная проблема боснийского кризиса, а именно преодоление сербо-черногорского и в особенности русского сопротивления австрийской политике на Балканах, осталась нерешенной до конца кризиса. Это не было случайностью. Поскольку турецкий вопрос продолжал оставаться открытым, Австрии следовало опасаться переброски военных грузов западных держав через Турцию и Сербию[1]. Решение этой проблемы и наступление весны определили поворот в политике австрийского МИД, решившего не препятствовать более стремлению венских милитаристов нанести удар по Белграду. Перед Эренталем встала дилемма: либо проявить гибкость и покорность, либо быть сломленным.

В этот чрезвычайно важный момент Германия, предоставившая австрийцам carte blanche, вполне сознательно дала Австрии возможность взять себя на буксир[2]. Но надо помнить, что в 1909 году эта политика основывалась на точной информации о финансовой и военной неспособности русских ввязаться в серьезную войну, тогда как в 1914 году, в условиях изменившейся экономической, политической и военной обстановки, любая попытка снова ворошить сербский вопрос была сопряжена с непосредственным риском развязать мировую войну. Есть тут и другие различия. Если отношение руководителей германского министерства иностранных дел к кризису 1914 года свидетельствует о совершенно поразительном отсутствии дальновидности и политических талантов, то кризис, вызванный аннексией 1909 года, закончился решительным актом, и каким бы импровизированным и агрессивным этот акт ни казался со стороны, все же он был верно рассчитан. Направив в Петербург ноту ультимативного характера[3], Германия, наконец, отвела от себя опасность[4] и основательно насолила австрийцам, уже собиравшимся

---

[1] О значении этого подвоза боеприпасов для международной политики см. GP, 9273, Чиршки — министерству иностранных дел, 14 марта 1909 г.

[2] В связи с этим, помимо весьма характерного письма Бюлова Эренталю от 30 октября 1908 г. (GP, 9079), см. также его цитированную уже речь в рейхстаге, в которой он выразил благодарность Эренталю за то, что в свое время Германия не была извещена об аннексии. Что же касается предоставления Австрии полномочий, то здесь весьма существенно то, что подчеркивает Г. Каннер, а именно договоренность между начальниками германского и австрийского генеральных штабов, достигнутая с ведома кайзера и рейхсканцлера. Нельзя, правда, отрицать, что таким образом Германия с военной точки зрения до некоторой степени связала себя с австрийской политикой по отношению к Сербии. Но, разумеется, истинные причины мировой войны не сводятся к тем или иным произвольно толкуемым дипломатическим или военным соглашениям, а обусловливаются конкретными интересами, которые господствовали к моменту катастрофы*.

[3] См. GP, 9480, Бюлов — Чиршки, 18 марта 1909 г. (проект Кидерлена).

[4] О возникновении «ультиматума», посланного в Петербург, см. GP, Кар. CCIV, в частности 9460, Бюлов — Пурталесу, 21 марта 1909 г., а также Ernst Jaeckh, Von Kiderlen — Wächter, der Staatsmann und Mensch, 2. Bd., Stuttgart 1925, S. 26, запись от 20 и 29 марта 1909 г.**

* Шмитт (Schmitt, op. cit., S. 95) подчеркивает важность письма начальника германского генерального штаба фон Мольтке своему австрийскому коллеге фон Конраду и склоняется к той же интерпретации фактов, что и Каннер.

** Шмитт (Schmitt, op. cit., S. 196) приводит и комментирует данные о литературе и пространных спорах, посвященных этому ультиматуму, его природе и правовой обоснованности.

было выступить против Сербии. Эта нота была написана фон Кидерленом, который в качестве германского посланника в Бухаресте оставался очень долго в тени. Теперь его отозвали в Берлин в помощь Бюлову, и он своей политикой скрасил умирающему Гольштейну последние минуты его жизни.

И все же политические и психологические проблемы, связанные с аннексией, представляются в целом и по своему общему значению менее существенными, чем вопрос о том, почему этот кризис продолжался так долго. Последнее можно уяснить себе только с позиций социологии[1].

Боснийский кризис и военная промышленность

Как и перед всей мировой экономикой, перед европейской военной промышленностью также стояла задача преодолеть экономический кризис тех лет. Само собой разумеется, что легче всего этого можно было достигнуть путем усиления и обострения военной опасности. При этом интересы военной промышленности различных стран сплошь и рядом вступали в резкое противоречие с их общенациональными интересами. Так, например, французские финансовые магнаты на Востоке буквально трепетали от страха перед последствиями возможного политического потрясения, которое, однако, пошло бы на пользу концерну «Шнейдер-Крезо», ибо укрепило бы его позиции. Экспорт военных материалов на Балканы, осуществлявшийся западными державами через Салоники, привел к бесконечной затяжке кризиса. После переворота турецкое правительство оказалось всецело в руках Англии и послушно выполняло указания фирмы «Виккерс» и сэра Бэзила Захарова. В этих условиях Австрии приходилось вести с Турцией ожесточенную борьбу за право провоза оружия и боеприпасов в Сербию[2]. Среди поставок, перебрасывавшихся в Сербию через Турцию, немалое место занимал динамит. Это объясняется весьма просто: сербы относились с настороженностью к Уайтхэду — английскому посланнику в Белграде не только потому, что тот провел свою молодость в Австрии, но и потому, что он был совладельцем известной фиумской верфи, производившей торпедные катера[3]; Уайтхэд сумел быстро завоевать себе симпатии Белграда, выступив негласным инициатором плана вывоза сербских сельскохозяйственных продуктов в Египет и на Мальту в обмен на поставки оружия[4]. В состав этих английских поставок, разумеется, входили военные материалы, в частности динамит, и в своих письмах посланник всячески старался затушевать, как все это пагубно отражается на европейской политике[5]. Но стоило ли придираться к английскому динамиту, когда фиумская верфь торпедных катеров Уайтхэда была филиалом одноименного

[1] Само собой разумеется, что я указываю лишь на некоторые основные черты кризиса, поскольку здесь, как и в остальных местах моей работы, речь идет не об описании политических процессов, а только об упоминании отдельных политических взаимосвязей с целью их социологического истолкования. Поэтому для досконального изучения вопроса необходимо читать не только текст, но и соответствующие документы, смысл которых, возможно, станет яснее в свете анализа социологических факторов.

[2] См. ÖA, 1154, 1184, 1201, 1218, Паллавичини — Эренталю, 9, 11, 13,15 марта 1909 г., а также ÖA, 1183 и 1192, Эренталь — Паллавичини, 11 и 12 марта 1909 г. Из этих документов явствует, насколько Камиль-паша, издавна действовавший по указке Англии, заботился о делах английской военной промышленности.

[3] См. Lehmann-Russbüldt, Die blutige Internationale der Rüstungsindustrie, Hamburg, S. 70.

[4] См. ÖA, 877, Форгач— Эренталю, 10 января 1909 г.

[5] См. BD, V, № 588, Уайтхэд — Грею, 19 февраля 1909 г.

предприятия в Веймуте[1], контролируемая не только Виккерсом, но и его конкурентом Армстронгом, поскольку председателем наблюдательного совета последней фирмы был не кто иной, как сэр Эндрью Нобель, мировой король динамита. Что же касается влияния треста Нобеля на прессу и экономику Англии, а также других стран, то об этом едва ли надо говорить. Вокруг Нобеля, который не только имел титул барона, но был также кавалером ордена Бани и португальского ордена Иисуса Христа, группировались: лорд Рендел, закадычный друг старика Гладстона и тесть его сына, также связанного с Армстронгом, лорд Кленконнер, зять нового английского премьер-министра Асквита, и многие другие, не говоря уже о широких владетельных кругах, зависевших от Виккерса и Армстронга. Кроме того, нобелевский трест был абсолютно международным объединением. Даже во время мировой войны владельцы треста по обе стороны Ла Манша договаривались обо всем самым мирным образом[2]. Англо-французские военные поставки Сербии (французское правительство находилось тогда полностью в руках концерна «Шнейдер-Крезо») — вот ключ к пониманию многих вещей, в особенности причин, которые побудили австро-английскую прессу развернуть кампанию, явившуюся как бы пощечиной всем традициям «чистой внешней политики»[3], свойственной Европе. Все-таки Сербия была не более чем вспомогательным театром военных действий. Поражение образовавшегося англо-франко-русского союза и в особенности сербского царизма оказалось для Англии тем более неприятным, что теперь — и опять-таки под давлением экономического кризиса — резко усилилась борьба в районе Северного моря, на этом главном театре войны. А ведь, вступая в союз с Россией, Англия преследовала одну главную цель — облегчить свое положение именно на этом театре[4]. Одновременно с боснийским кризисом соперничество между английским и германским флотами достигло своей кульминационной точки.

„Военная паника" 1909 года

Английская военная промышленность, безраздельно принадлежавшая трестам и пустившая глубокие корни в английской экономике[5], вследствие экономического кризиса вынуждена была добиваться расширения заказов

[1] Впрочем, надо заметить, что наблюдательный совет этого предприятия был весьма своеобразным по своему составу. В числе главных акционеров, помимо сербофила Уайтхэда, был также антисербски настроенный австрийский дипломат граф Гойос, некий граф Плессен, один французский адмирал и... княгиня Герберт Бисмарк (урожденная Гойос, она была внучкой основателя верфи Уайтхэда).

[2] См. O. L e h m a n n, op. cit., S. 71.

[3] Правда, англичане маскировали эту подлинную причину и лицемерно утверждали, что выступают против самовольного изменения договора Австрией лишь потому, что усмотрели в этом безнравственный акт. Грею следовало бы писать свои мемуары несколько более осторожно (немецкое издание: G r e y, Erinnerungen, S. 173). Социальное лицо семейства Греев слишком хорошо известно. Брат Грея был замешан в финансовых операциях пресловутого Сесила Родса, а некий граф Грей был членом наблюдательного совета у Армстронга.

[4] Наиболее ясное представление об этом и о горестных чувствах, испытанных английскими империалистами после поражения России, можно получить, ознакомившись с BD, V, № 764, Никольсон — Грею, 24 марта 1909 г.

[5] Главные фирмы английской военной промышленности «Армстронг» и «Виккерс» связаны между собой множеством нитей. Так, например, они совместно направляли директоров и членов наблюдательных советов в предприятие «Кэмэл, Лэйрд энд компани», которое в свою очередь было теснейшим образом связано с фирмой «Джон Браун энд компани». И все же обе эти производственные группы выступали за границей как конкуренты. В социальном отношении значение подобных фирм огромно. В числе членов наблюдательного совета фирмы «Армстронг» был наряду с бывшим губернатором Канады графом Греем также бывший секретарь по делам колоний Литтлдом, либеральный член палаты

на строительство военных кораблей. С этой целью в Англии была вызвана самая настоящая паника, чему с радостью содействовали влиятельные директора фирм, наблюдательные советы, а также пресса, контролируемая концернами.

С 1907 года европейский барометр показывал «пасмурно». Когда Английский банк установил учетный процент, равный семи, то это было воспринято как признак надвигающейся бури[1]. В 1908 году в Англии было построено только 907 регистровых тонн против 1739 в предыдущем году. Дивиденды Армстронга и Виккерса сократились на одну треть. Фирмы «Бэрдмор» и «Кэмэл — Лэйрд» работали с дефицитом. Кэмэл (стальные плиты), его партнер Муллинер (пушки) и Лэйрд (судостроение), стремясь успешно противостоять тресту «Виккерс», руководимому сэром Бэзилом Захаровым, объединились с Армстронгом и Бэрдмором и совместно основали предприятие «Ковентри — Ордонэнс уоркс» для производства корабельных орудий и орудийных башен, на которых со времени появления дредноутов можно было хорошо заработать. С 1906 года адмиралтейство относилось к группе Кэмэла, точно к пасынку, и тресту, пользовавшемуся в Англии большим влиянием, нужно было любой ценой добиться преодоления кризиса. Между акционерами и правительством Асквита установились отличные отношения. Поэтому не удивительно, что 3 марта 1909 года, когда кабинет, состоявший из отборных либералов, собрался для обсуждения состояния английских вооружений, в качестве эксперта по производству корабельных орудий и орудийных башен в Германии был приглашен не кто иной, как Муллинер, директор компании «Кэмэл — Лэйрд». В результате кабинет принял неожиданное решение: сделать все, чтобы Англия нагнала в этом отношении немцев[2]. Когда вопрос дебатировался в палате общин, на помощь либеральному кабинету пришел Сэмюэл Робертс, консервативный депутат от Шеффилда, выступивший перед парламентом с явно лживым заявлением, будто Германия в состоянии выпускать по одному линкору в год, а Крупп, дескать, может ежегодно производить орудия для десяти таких кораблей. И этот достопочтенный джентльмен имел, подобно эксперту Муллинеру, «побочную профессию»: он был не только директором Шеффилдского банка, но и директором «Кэмэл — Лэйрд» и держателем главного пакета акций «Ковентри уоркс».

Вот почему в марте 1909 года, когда боснийский кризис достиг апогея, консервативная оппозиция скандировала прямо в лицо оробевшему кабинету:

лордов Эберконвей был председателем наблюдательного совета фирмы «Джон Браун», а в состав членов совета входили два видных офицера. Старший сын упомянутого лорда был директором судоверфи «Палмер», в наблюдательный совет которой в числе прочих входил и либеральный член палаты лордов Пирри, занимавший одновременно пост директора известной верфи «Гарланд энд Вольфф». В составе наблюдательного совета заводов «Ковентри уоркс», являвшихся переходным звеном к фирме «Кэмэл — Лэйрд» и вызвавших крупную «военную панику» 1909 г., был лорд Бальфур, связанный также с фирмой «Бэрдмор»— известной верфью, контролируемой концерном «Виккерс». Таким образом, мы видим еще один «мостик» между группой Виккерс, Армстронг и двумя другими конкурентами, которые в 1909 г. казались, по крайней мере внешне, враждебными друг другу. Большое количество сведений о не менее существенных связях подобного же порядка приводит Перис (George Perris, The War Traders, London 1913, p. 21 f.).

[1] В связи с этим и последующим см. Uppleggeг, op. cit., p. 106 ff. Однако я хочу заметить, что картина «военной паники» 1909 г., изображенная этим автором, была почти полностью обрисована современниками; в качестве примера можно назвать хотя бы Perris, op. cit., p. 27. Хорошо ориентируется в этом вопросе и Ньюболд, а Морус в своей книге «Mann im Dunkeen» рассказывает о манипуляциях Муллинера, директора военных заводов.

[2] См. Uppleggeг, op. cit., p. 108. Впоследствии общественность ознакомилась с достаточно откровенными высказываниями Муллинера; изложение его выступления можно найти в книге Периса (Perris, op. cit., p. 29).

«We won't wait, we wont eight!»* Довольно слабое правительство Асквита, пытаясь хоть как-нибудь отстоять свои «принципы», согласилось лишь условно на строительство половины числа линкоров, которых требовали консерваторы. Главным аргументом сторонников усиления флота было то, что имперское военно-морское ведомство в Германии также попыталось вывести германскую военную промышленность из кризиса и с этой целью досрочно разместило заказы на постройку двух новых линкоров! В действительности вся эта «военная паника»[1] в Англии была вызвана главным образом провалом англо-германских переговоров о военно-морских силах.

Провал англо-германских переговоров о военно-морских силах

В 1908 году, так же как до и после Гаагской конференции, Англия снова предприняла попытку договориться с Германией по вопросу о военно-морских силах. Рейхсканцлер граф Бюлов сумел воспользоваться возникшей в конце XIX века международной напряженностью в Азии и Южной Африке для выполнения поставленной перед ним задачи по осуществлению германской программы строительства военно-морского флота, не нанеся при этом значительного ущерба традиционным благоприятным отношениям между Англией и Германией. Но при всем своем «розовом оптимизме» он в конце концов все же не смог не заметить, что общая ситуация изменилась. Уже с осени 1908 года боснийский кризис вынудил его начать борьбу с военно-морским ведомством в интересах сохранения германо-английских отношений. Но, как и прежде, социологический блок заинтересованных групп, объединявший адмиралтейство с Вильгельмом II во главе и военную промышленность, включая верфи, оказался сильнее министерства иностранных дел. Примирение обоюдных интересов было тем менее вероятным, что не только любимая верфь кайзера «Блом унд Фосс», но и шихауская верфь тайного советника Цизе с нетерпением ожидали заказов. Интересы этих данцигских промышленников и их рабочих уже издавна (еще со времен покойного Риккерта) были излюбленным аргументом при дебатах о военно-морском флоте. Если учесть все это, то уже не стоит чрезмерно вдаваться в подробности вопросов технического и дипломатического порядка, считавшихся главным стержнем проблемы вооружений. Ведь по существу история любой эпохи вновь и вновь подтверждает, что социологические основы международной политики вооружений не могут быть поколеблены никакими формулами политического взаимопонимания. Поэтому военно-морские переговоры с Англией проходили на том же фоне, что и в начале столетия.

В 1907 году Вильгельм II встречается с английским послом, с английским министром иностранных дел и даже с английским королем в Вильгельмсхее, а в августе 1908 года — в Кронберге (Таунус). Крайзер, присев на биллиардный стол, сурово выговаривает английскому министру иностранных дел. Он жалуется на прессу английских военных промышленников, на недоверие англичан. Разумеется, ни одна держава не имеет права указывать Германии. Но у Германии самые мирные намерения: ни один немец и не помышляет о том, чтобы причинить Англии какой-нибудь вред.

---

[1] У меня нет возможности входить в детали, в частности анализировать выступления Маккенна, Асквита и Бальфура в палате общин.

* Рифмованная шутка: «Мы не хотим ждать, нам нужны восемь линкоров» (*англ.*).— *Прим. перев.*

На это англичане отвечают, что не могут же они сидеть сложа руки и спокойно наблюдать, как карлик вырастает в великана. Что касается немецких официальных заявлений, в которых широко используется пацифистский образ мышления бисмарковской эпохи, то Форин офис относится к ним с гневом и презрением, усматривая в них попытку замаскировать опасность, связанную со строительством новых кораблей. «Слова, слова, слова»,— пишет английский министр иностранных дел, имея в виду все эти пространные декларации.

Такое положение сохраняется по обе стороны Ла Манша в течение целого года. Что только ни происходило: вскоре после смерти Эдуарда VII леволиберальный министр финансов Ллойд Джордж, стремясь обеспечить британскому империализму возможность, ограничивая судостроение, спокойно пользоваться своими рентами, встретился в Берлине с агентом газеты «Франкфуртер цейтунг» Августом Штейном, который из «посла Зоннемана при прусском дворе»* превратился в рупор Вильгельмштрассе, излагая ее точку зрения на страницах своей газеты; кайзер с присущей ему бестактностью пытался успокоить англичан, что привело в ноябре 1908 года к скандальному выступлению «Дейли телеграф» и к падению графа Бюлова; германские дипломаты, напуганные боснийским кризисом, «прощупывали» адмирала Тирпица, пытаясь выяснить, одобряет ли он заключение с Англией соглашения о вооружениях; финансовый магнат на английском троне собственной персоной явился к берлинским отцам города и явно искал их расположения; это не помешало ему час спустя натравить своего коронованного племянника на «антимонархического» Бюлова; гибнущий канцлер, чувствуя, что идет ко дну, в последнюю минуту сделал отчаянную попытку изменить курс военно-морской политики. Все эти события не привели по-существу ни к каким изменениям. Социологический блок, решавший вопросы строительства военно-морского флота по обе стороны Ла Манша, оказался незыблемым[1]. Тот или иной характер германо-английских отношений и позиция прессы никогда не могли быть результатом случайности, но неизменно являлись следствием социально-политической обстановки. Германо-английские отношения складывались плохо и омрачались различными инцидентами, если предстояло, например, принятие нового закона о строительстве военных кораблей, либо соответствующей поправки или дополнения, как это случилось на рубеже столетий, а также в 1905—1906 годах и позже, в 1907 году, когда речь Бассермана по поводу гаэтанской встречи вызвала в Германии так называемую «флотскую панику», или, наконец, в 1911 году, когда адмирал фон Тирпиц захотел воспользоваться марокканским кризисом для стабилизации темпов гонки вооружений Тройственного союза. Что же касается прессы, то ее тон, напротив, становился спокойнее, как только подобные законы проходили через парламент. Тогда пресса старалась быть возможно более вежливой по отношению к сопернику, чтобы тем самым способствовать дальнейшему развертыванию флота. Понятно, что эта закономерность варьировалась и нарушалась под влиянием других социально-политических факторов, например боснийского кризиса или переговоров о Багдаде.

---

[1] Что касается германо-английских переговоров о флоте, протоколы которых составляют несколько томов, изданных обеими сторонами, то здесь я не могу останавливаться на них, как, впрочем, и на иных политических деталях. С точки зрения социологии эти тома дают немного. Раз навсегда отсылаю читателя к уже цитированной мною книге У. Беккера, в которой, правда, не использованы примечательные высказывания Бюлова, равно как и работы Эпледжера.

Кроме того, должен указать также на соответствующие тома GP и на 6-й том BD. В своей книге я ограничиваюсь лишь приблизительным очерком о ситуации. Следует ожидать, что кто-нибудь еще даст точную политическую оценку этим событиям.

* В этом определении, данном Августу Штейну его современниками, содержится намек на многообразные психологические отношения радикально-демократического владельца «Франкфуртер цейтунг» к кайзеровскому правительству.

Кризис бюловского блока

Весной 1909 года для Германии наступил период, когда вновь нужно было заигрывать с Англией, чтобы смягчить ее после поражения и примирить с усиливающимся строительством германского флота. По команде Вильгельмштрассе немецкие газеты стали осыпать Англию любезностями — тактика, смысл которой был отлично понят англичанами[1]. В подобной же атмосфере проходили и мартовские дебаты в рейхстаге, хотя для них характерно и другое. В это время рейхстаг был уже не таким, как прежде. Новый девиз Вильгельмштрассе совпал с этапом, когда отдельные партии переживали существенные внутренние изменения. Причины этого кризиса были весьма просты. Имперские финансы, давно уже находившиеся в незавидном состоянии, расстроились в связи с экономическим кризисом настолько, что потребовались немедленные энергичные меры[2]. Но, как это бывало уже не раз, и в данном случае произошел раскол политической коалиции, причем в тот самый момент, когда надо было действовать. Буржуазия и массы городского населения, поддерживавшие блок, добивались укрепления империалистического центрального аппарата с тем, конечно, условием, чтобы им самим не был нанесен какой-либо ущерб. Необходимость считаться с интересами служащих и чиновников вынудила партии, пользующиеся влиянием в городах, а вместе с ними и Национал-либеральную партию, преодолевшую известный страх перед своими крестьянскими и рабочими избирателями[3], попытаться ввести наряду с косвенными налогами новое и притом значительное обложение по наследованию имущества в качестве прямого налога.

Все землевладельцы воспротивились этому плану. Крестьянам и прежде всего крупным помещикам уже рисовалось, как в случае многократного деления наследства у них не останется ни кола, ни двора; промышленникам мерещилось, что на их предприятия явятся сборщики налогов и растащат все оборудование по частям[4]. Партии центра было легче успокоить примыкавших к ней крестьян и помещиков. Что же касается Национал-либеральной партии и прогрессистов, то они были в более трудном положении перед массами городских избирателей. Когда же политический католицизм счел возможным подбросить владельцам винокуренных заводов, расположенных на востоке страны, довольно солидную подачку[5], союз между Центром и аграриями был окончательно заключен.

Влияние этого внутриполитического поворота, приведшего к падению канцлера, проявилось уже в ходе дебатов по внешней политике в марте 1909 года. Лидер консерваторов граф Каниц выступил в «Крейццейтунг» против империалистической линии князя Бюлова в области строительства военно-морских сил и международной политики. Консерваторы уже давно считали, что флот оттеснил армию на задний план. Еще 17 марта один из консервативных депутатов заявил в бюджетной комиссии, что строительства в данном году двух линкоров вполне достаточно. Таким образом, консер-

---

[1] См. BD, VI, № 157 bzw. 158, Гошен — Грею, 19 и 23 марта 1909 г.

[2] Повод к внутриполитическим переменам совершенно явственным образом напоминает обстоятельства, побудившие провести «карательные выборы» в 1887 г. Отсылаю читателя к уже указанной мною общей литературе и к книге Theodor Eschenburg, Das Kaiserreich am Scheideweg, Bassermann, Bülow und der Block, Berlin 1929.

[3] См. Eschenburg, op. cit., S. 195.

[4] Промышленники, руководимые депутатом Фурманом, сопротивлялись введению налога на наследование; впоследствии по причинам тактического порядка партия решила обойти этот вопрос.

[5] Размеры так называемого «подарка» владельцам винокуренных заводов устанавливались в соответствии с желаниями аграриев. Речь идет о потребительском налоге на спирто-водочные изделия, который, как известно, не распространялся на определенную группу фабрикантов. Таким образом получалась дифференциальная рента.

ваторы явно хотели показать англичанам, что затруднения Бюлова приводят к позитивной политике разоружения. В свою очередь Партия центра, которая прежде в обмен на соответствующие уступки была готова голосовать за строительство любого нового крейсера, теперь стала ратовать за строительство подводного флота, делавшего излишними дорогостоящие линкоры и крейсеры. Казалось, что в связи с образующимся черно-голубым блоком наступает новая эра Каприви. Достижение взаимопонимания с Англией, которому содействовала пассивная поддержка финансового капитала, самоустранившегося в политическом отношении, подчеркивание значения сухопутной армии — все это могло привести к таким комбинациям обстоятельств, какие случались в эпоху Каприви. Но теперь уже нельзя было запугать силы, появившиеся в период канцлерства Каприви и полностью преобразовавшие империю. Не важно, что в немецкой политике в иные времена упор делался на политику «маятника».

Германия всегда вела внешнюю политику, в которой принципы этой политики учитывались. При этом проводилась такая внутренняя политика, которая никогда не позволяла твердо избрать тот или другой внешнеполитический курс. С марта 1909 года, когда уже вырисовывалась новая комбинация, а законопроект о налогах на водочные изделия был принят и другими партиями, Бюлов, этот «скользкий угорь», делал все возможное, чтобы приспособиться к новой обстановке, и если в конечном итоге это ему не удалось, то дело здесь было отнюдь не в характере его внешней политики.

Более того, в марте он сумел добиться довольно существенного внешнеполитического успеха, который в известном смысле можно назвать «сухопутной победой» над англичанами. Во время боснийского кризиса Германия, подписав в феврале 1909 года договор с Францией, еще шире распахнула перед последней ворота в Марокко. Представители французского финансового капитала со своей стороны вовсе не хотели содействовать распаду Турции. Так возникла парадоксальная ситуация, при которой немецкие военные промышленники и французский финансовый капитал оказались объединенными общими интересами на Востоке.

Позже, перед мировой войной, положение стало иным: в результате изменившейся международной обстановки французские капиталисты нацелились на вывоз капитала в балканские государства, возникшие на месте бывшей Турецкой империи. С другой стороны, был ликвидирован марокканский конфликт. Поэтому Германии уже не было нужды идти на уступки Франции. Ко всему этому прибавился промышленный бум, в ходе которого соседи Германии, более мощные в финансовом отношении, подорвали ее позиции на внешних рынках.

Развитие германской тяжелой промышленности и ее внешнеполитическое значение. Взлет Тиссена и Стиннеса

Экономическим хребтом развития могущества Германии, обеспечившим ее политические успехи в 1909 году, было развитие тяжелой промышленности. Капиталы для нее поставлялись крупными банками, чья функция концентрации имеющихся средств и направления их в промышленность была особенно важна для Германии, у которой не было богатого колониального наследства. Все это, как уже отмечалось, способствовало развитию наблюдавшейся в Германии естественной тенденции к концентрации.

Концентрация промышленности стимулировалась перед войной еще и тем, что уже был разработан способ подачи чугуна в томасовские установки

без последующего подогрева. Была также разработана технология использования доменных газов для работы всех сталеплавильных агрегатов[1]. Кроме того, колошниковые газы доменных печей служили энергетическим источником, который обеспечивал возможность комплексного объединения многочисленных других производств и позволял сводить воедино металлургические заводы и угольные шахты. Это было делом весьма рентабельным как с точки зрения себестоимости продукции, так и ее качества.

Когда в 1903 году был восстановлен Угольный синдикат, на ведущих предприятиях тяжелой промышленности пришлось установить порядок, при котором смешанным предприятиям разрешалось удовлетворять свои потребности в угле без контроля синдиката. Это давало новый толчок к концентрации, что в свою очередь имело обратное воздействие на крупные банки и акционеров, а следовательно, укрепляло могущество заправил тяжелой индустрии.

По мере того как на подобных, только что возникших, но «чистых» гигантских предприятиях, например на «Гарпенер бергбау АГ», за которой стоял «Шааффхаузенше банкферейн», или «Гиберния», опекаемая «Берлинер хандельсгезельшафт», или «Гельзенкирхнер бергверкс-АГ», снабжаемая капиталами «Дисконтогезельшафт», начали вырастать вертикальные комбинации, власть промышленных магнатов стала безграничной. Впрочем, в вертикальных комбинациях не было недостатка и прежде. В числе старейших, заседавших в Угольном синдикате, был, например, Крупп. Производя 874 тысячи тонн стали, он одновременно контролировал угледобычу в размере 2,4 миллиона тонн. Или другой пример: Ганиель, чьи шахты давали 8,7 миллиона тонн угля, контролировал выпуск 586 тысяч тонн стали, производимой предприятиями, входящими в «Объединение сталеплавильных заводов»[2]. Однако новые, едва лишь образовавшиеся объединения заслонили собою все. Важную роль в этом отношении играли поднимающиеся промышленные капитаны, которые выступали либо как держатели контрольных пакетов, либо как председатели наблюдательных советов крупных акционерных предприятий. Отныне эти новые капитаны стали командовать германской экономикой. Правда, крупнейший из них, Август Тиссен, умел постоянно и весьма искусно уклоняться от непосредственного контроля со стороны акционеров[3], но уже в его методах мы видим много нового в срав-

---

[1] См. K. W i e d e n f e l d, Entwicklung der rheinisch—westfälischen Grossindustrie, in: Moderne Typen der Wirtschaftsgestaltung, Bonn 1915.

[2] См. C. G o l d s c h m i d t, Über die Konzentration im deutschen Kohlenbergbau, in: Volkswirtschaftliche Abhandlungen der badischen Hochschulen, Heft 5, Kalrsruhe 1912, S. 103 ff.

[3] См. F e l i x P i n n e r, Deutsche Wirtschaftsführer, Charlottenburg 1924, S. 72 ff. «На общих собраниях акционеров главного общества Тиссена ни один из посторонних держателей акций не имел права голоса. Тиссен не желал, чтобы кто-либо не вовремя изымал средства из предприятия. Он крепко держал в руках акционерные капиталы своих заводов. В большинстве случаев эти капиталы были небольшими (например, такое огромное предприятие, как «Хагендинген», располагало номинальным капиталом всего в один миллион марок); и все же Тиссен никогда не отказывался от использования посторонних кредитов или капиталов. Хотя доходы от его предприятий неизменно употреблялись на финансирование новых объектов, все же огромная экспансия всей системы и большой объем строительных работ не могли осуществляться за счет одних только внутренних финансовых ресурсов. Тиссен выходил из положения с помощью облигаций и ипотечных кредитов, главным же образом благодаря системе общественного кредитования, которая по своей хитроумной организации и высокой доходности ни в чем не уступала самым сильным акционерным системам той эпохи. Щупальца этой кредитной системы распространялись не только на кассы крупных банков. Тиссен ухитрялся также привлекать деньги богатых частных капиталистов, средства финансовых и экономических организаций всякого рода, вплоть до фондов и состояний, принадлежащих католической церкви или управляемых ею. Последнее было возможно благодаря его тесным связям с Партией центра и католицизмом».

нении с прежней практикой. Его соперник, Гуго Стиннес, обогнавший Тиссена лишь во время войны, довел новую систему до полного совершенства[1].

Основной предпосылкой для взлета этих двух крупных руководителей промышленности явилось, как мы уже указывали, восстановление Угольного синдиката; борьба за первенство разгорелась между ними с особой силой в 1904—1905 годах[2]. Оба они были в равной мере заинтересованы в Лотарингии; оба воплощали новую промышленную тенденцию Германии — тяготение рурского угля к лотарингской руде. Без учета этой тенденции невозможно понять дальнейшее развитие эльзас-лотарингской проблемы, этот тяжелый конфликт, разгоревшийся между Францией и Германией перед мировой войной. Мало имен действовало на французов так устрашающе и вызывало такую ненависть, как имя Августа Тиссена[3]. Особенно зависел от лотарингской руды завод-гигат в Гагенлингене. Стиннес также владел многочисленными рудниками в Лотарингии, Люксембурге и Франции. Однако с ведущими концернами тяжелой промышленности, протягивавшими свои длинные руки к лотарингской руде и к богатствам Франции, были связаны владельцы банков и крупных заводов — отчасти как коллеги промышленных капитанов по разного рода наблюдательным советам, отчасти как их компаньоны по совместным предприятиям[4].

Но крупные промышленники на Рейне и в Руре поддерживали через те же банки теснейшие связи с предприятиями военной промышленности, которые не относились к их собственным концернам[5], не говоря уже о том, что первой скрипкой в угольном синдикате, на котором строились все вертикальные тресты, был Эмиль Кирдорф, олицетворявший собой теснейшую связь между тяжелой и военной промышленностью[6]. Таким образом, тяжелая промышленность с самого начала была неразрывно связана с военной промышленностью даже и тогда, когда обе эти отрасли не представляли собой единого целого. Это слияние произошло лишь во время войны, когда воз-

[1] Поразительно большое количество предприятий, которые Стиннес контролировал еще до войны, видно из перечня, приводимого у Гольдшмидта (стр. 69 и далее) по данным «Рейниш—Вестфелише цейтунг». Из десяти угольных шахт можно назвать следующие: «Данненбаум», «Адольф фон Ганземан», «Каролус Магнус», «Матт. Стиннес»; из числа семи металлургических предприятий — огромный завод в Диффердингене, сталелитейные предприятия в Санкт-Ингберте и «Дортмундер хюттенверк унион»; из обществ по торговле углем, помимо ряда оптовых германских фирм, следует указать и на соответствующие торговые предприятия в Нью-Йорке, Касле, Глазго, Гулле, Кардифе, Милане, Генуе, Триесте, Париже, Руане, Брюсселе, Петербурге, Риге и т. д.

[2] См. Pinner, op. cit., S. 28.

[3] См. Louis Bruneau, L'Allemagne en France, Paris 1914.

[4] Так, например, в «ИГ Гельзенкирхен-Аахенер ферейн — Шалькер грубен- унд хюттенферейн» (последнее предприятие принадлежало Тиссену) вместе с Тиссеном и Стиннесом заседали члены правления «Немецкого банка», «Дисконтогезельшафт», Дрезденского банка, «Шааффхаузенше банкферейн». В 1912 году девять концернов контролировали 66,9 процента угледобычи в Рурском районе и 68 процентов продукции Объединения сталелитейных предприятий (Goldschmidt, op. cit., S. 69).

[5] Так, например, Макс Шинкель, известный представитель «Дисконтогезельшафт» в Гамбурге и одновременно руководитель «Северогерманского банка» заседает в «Дейче ваффен- унд муниционсфабрикен» в «Гельзенкирхенер АГ», в «Кенигс- унд Лаурахютте»; я не говорю уже о «короле наблюдательных советов» Луисе Гагене из Кельна, который занимал посты почти во всех наблюдательных советах тяжелой промышленности и, кроме того, в предприятиях нобелевского треста и «Дейче ваффен- унд муниционсфабрикен». Из председателей крупных банков, объединявших тяжелую и военную промышленность, можно, пожалуй, назвать еще Ойгена Гутмана, одновременно заседавшего в фирме «Людвиг Лёве» и в «Дейче ваффен- унд муниционсфабрикен». В состав наблюдательного совета последней фирмы входили, кроме того, еще и известный банкир Аргольд, глава фирмы «Блёйхрёдер», Пауль фон Швабах, тайный советник Лент из «Дисконтогезельшафт» и другие. Мы привели лишь несколько из множества примеров.

[6] Эмиль Кирдорф наряду с «Гельзенкирхенер бергверкс-АГ» руководил также Угольным синдикатом, «Дисконтогезельшафт» и «Северогерманским банком», пороховыми заводами в Кельн-Ротвейлере, «Дейче ваффен- унд муниционсфабрикен», несколькими небольшими предприятиями по производству взрывчатых материалов, «Шааффхаузенше банкферейн», Объединением сталелитейных заводов и т. д.

никла собственно военная промышленность, например концерны Тиссена или Стиннеса[1].

Кроме того, рост вооружений усиливал перспективу национального контроля источников сырья, что должно было стимулировать более интенсивное накопление капиталов внутри страны. Вскоре все перестали понимать, вооружается ли Германия, чтобы завоевать запасы сырья, или же она завоевывает запасы сырья, чтобы вооружаться. Что же касается немецкой прессы, то еще задолго до образования концерна Гугенберга она верой и правдой служила всем этим интересам, причем в гораздо большей степени, чем об этом могли догадываться оппозиционные партии.

*Борьба за марокканскую руду: Маннесман, Крупп и Шнейдер-Крезо**

Важнейшим сырьем для такого форсированного развития промышленности была железная руда. Из одной только Франции Германия ввозила следующие количества железной руды (в тоннах):

1905 г.	*1911 г.*	*1912 г.*
280 233	2 122 860	2 691 982

За тот же период импорт этого сырья из французского Алжира возрос с 47 565 до 415 851 тонны. Это помогает одновременно разобраться в дальнейшем развитии марокканской проблемы. Марокко, с которым Германия, вообще говоря, поддерживала весьма незначительные торговые связи, теперь, в связи с возросшей ролью его сырьевых ресурсов, становилось объектом все больших притязаний. Не только прекрасная природа, но и руда побудили промышленника Рейнгольда Маннесмана из Ремшейда отправиться к концу 1906 года в свадебное путешествие не куда-нибудь, а именно в горные районы Марокко. Обычно результатом свадебной поездки является не усиление добычи руды, а нечто другое. Ремшейдские предприниматели сами по себе не принадлежали к кругам крупных промышленников. Им удалось заручиться поддержкой партии прогрессистов, депутаты которой сопровождали их вплоть до приемных ведомства иностранных дел. От имени германской тяжелой промышленности они повели атаку на отечественных монополистов. Этим поспешила воспользоваться французская фирма «Шнейдер-Крезо» на конференции в Альхесирасе.

После конференции это французское объединение военной промышленности сумело неплохо обосноваться в Марокко вопреки сопротивлению компании Круппа, которая была главным противником «Шнейдер-Крезо»

---

[1] Что касается преобразования последнего концерна, см. поучительное замечание у Пинера (P i n n e r, op. cit., S. 31). Но и до этой перестройки, которая в конечном итоге привела к тому, что во время войны весь народ, при посредстве Института оказания услуг отечеству, был принудительным образом поставлен на службу тяжелой промышленности, предприниматели были косвенно заинтересованы в развитии флота как поставщики угля, котлов, машин, рельсов, арматуры, осветительных устройств и т. д. Список поставщиков флота, хранившийся в имперском военно-морском ведомстве, составлял объемистую папку.

* По вопросу о дальнейшем развитии марокканской проблемы после Альхесираса, в частности о деле Маннесмана, см. S t a l e y, Кар. 7 (эта глава основана на статье того же автора, опубликованной в журнале «Экономическая политика» за февраль 1932 г.). Далее стоит ознакомиться с первыми главами умной и всеобъемлющей книги г-жи Берлоу (I m a C h r i s t i n a B a r l o w, The Agadir Crisis, Chapel Hill, North Carolina 1940). Правда, автор не раскрыл в ней эпизод с Чуди (p. 108).

в период марокканского кризиса 1905 года[1]. В Марокко, равно как и на Балканах, этот французский трест обладал, благодаря помощи, оказываемой ему всей социальной структурой Франции, как бы естественным превосходством[2]. В союзе с французской финансовой олигархией, черпавшей деньги из бездонных финансовых источников народа-рантье, можно было достигнуть почти всего. А какого-нибудь жалкого представителя марокканского правительства, прибывшего по немецкой указке в Париж, надев на себя весь свой «багаж» — семь костюмов, можно было без труда вывести из игры, тем самым сведя на нет важнейшее преимущество, завоеванное Германией в Альхесирасе ценой большой напряженной борьбы[3]. Руководящая фигура в концерне Шнейдера — Робер Пино, который, создав так называемый «Комитэ де форж», сумел слить воедино интересы Шнейдера с интересами лотарингской фирмы де Вендель, добился того, что его основная фирма заняла к тому времени господствующее положение во всей Франции. Вокруг «Комитэ де форж» сгруппировались другие тресты, представлявшие металлургическую, железорудную, судостроительную и военную промышленность. Так возникла «Юнион дез эндюстри металлюржик э миньер». Этот синдикат определял французскую таможенную политику и благодаря так называемой «шахтельзистем» (особой системы взимания налогов с картелей и концернов, обеспечившей концерну «Шнейдер-Крезо» ведущее положение внутри самого треста-синдиката) контролировал бесчисленное множество других предприятий, находившихся за пределами этого относительно узкого круга. Таким образом, начиная с XX века сами слова «Le Creusot», обозначавшие всю эту группу по названию основной фирмы и основного предприятия старинного рода промышленников Шнейдеров, который уже во времена Луи Филиппа олицетворял собой связь военной промышленности и политических интересов, следует понимать в переносном и широком смысле.

---

[1] Весь ход конференции привел к дипломатическому поражению Германии. Немалым уроном для нее явилась также смерть весьма влиятельного представителя фирмы Круппа — Роттенбурга. Преемником Роттенбурга на посту главного инженера при марокканском султане и фирме Круппа должен был стать немецкий майор фон Чуди. (GP, 7286, Розен — ведомству иностранных дел, 23 октября 1906 г. Кроме того, см. Das deutsche Weißbuch: Aktenstücke über Marokko, September 1906, April 1908, S. 93 ff.) Чуди, впоследствии сделавший много для развития германского воздухоплавания, взял на себя дело организации марокканской армии, но из тактических соображений (так, по крайней мере, это было воспринято за границей) отказался от поста в компании Круппа*. Его немедленное производство в чин майора рассматривалось как выражение желания Германии полностью сохранить за собой те права, которые удалось завоевать в Альхесирасе. Концерн Крезо тут же нанес контрудар, назначив фон Чуди своим уполномоченным (в соответствии с альхесирасскими решениями, он должен был подготовить «горный закон» о передаче подрядов на горнорудные работы). Разгорелась ожесточенная «германо-французская борьба» (GP, 7314, Радолин — Бюлову, 8 марта 1907 г.; GP, 7316, Чиршки — Радолину, 15 марта 1907 г.; GP, 7319, Шён — Бюлову, 29 марта 1907 г.; GP, 21. Bd., S. 641, примечание, а также Das deutsche Weißbuch, S. 89 ff.) за этого инженера, оказавшегося полностью в руках Крезо (о последнем обстоятельстве приходится опять-таки догадываться из других литературных источников, а именно из «Beantwortung der amtlichen Denkschrift-Aktenstücke über deutsche Bergwerksinteressen in Marokko», März 1910, S. 24).

[2] См. GP, 7314, Радолин — Бюлову, 8 марта 1907 г., где речь идет о том, что французский министр иностранных дел Пишон жалуется на выпады Круппа против Крезо, который, опираясь на помощь французского капитала, одержал в Болгарии легкую победу над своими конкурентами. Болгария находилась тогда всецело в руках французской военной промышленности. Болгарский царь Фердинанд умел отлично использовать противоречия между французской и германской военной промышленностью. В недавно опубликованном (1932 г.) сборнике парламентских выступлений Поля Фора имеется фотография болгарского царя, осматривающего в сопровождении г-на Шнейдера заводы «Крезо». Непосредственно перед мировой войной болгарский кабинет предстал в полном составе перед судом, так как все министры брали взятки от французского треста по производству оружия.

[3] По этому поводу см. GP, 7278—7285.

* См. DD, 2-e serie, vol. 10, № 436, Пишон — Леконту, 14 марта 1907 г.

Любимой вотчиной этой фирмы было военно-морское министерство, которое благодаря своей структуре размещало среди промышленников самые «жирные» заказы. В последних недостатка не было. Об этом заботились многие люди, близкие к концерну, в том числе два брата Клемансо. Благодаря непосредственной связи с Эйнаром, председателем Французского банка и многолетним руководителем «Лионского кредита» фирма «Крезо» могла контролировать одновременно и «От бэнк» и парламентскую фракцию партии прогрессистов.

Зятем Эйнара в то время был многолетний генерал-губернатор Алжира Жоннар. Отстаивая интересы Шнейдера, он вступил в конфликт с правительством и впоследствии, представляя в палате Северный угольный район, продолжал оказывать определенное воздействие на колониальную политику. Концерну удавалось держать палату под своим влиянием, и если он не всегда ухитрялся проводить своих представителей в парламент, как это было с кандидатом от Дюнкерка, являвшимся также председателем «Комитэ де форж», то он все же предоставлял депутатам и сенаторам посты в наблюдательных советах и иные преимущества. Таким образом удалось ввести в синдикат военных материалов — крупнейший из пяти образований, входивших в «Юнион дэз эндюстри»,— одного из братьев Клемансо. Синдиком «Комитэ де форж», этого «сердца» всей системы «Юнион дэз эндюстри», оказался второй брат «Тигра» [имеется в виду Клемансо. — *Ред.*]. Через депутата от Орана и вице-председателя палаты Этьенна группа осуществляла непосредственный контроль над колониальной политикой в Алжире[1]. Друг Клемансо министр иностранных дел Стефан Пишон, считавшийся с интересами финансового капитала, относился к этой группе с несколько большей холодностью, чем премьер. Но и у него было немало подобных связей. Его близкий родственник и однофамилец по поручению французской тяжелой промышленности контролировал болгарское судоходство. Правда, некоторое время спустя болгары, недовольные качеством французских военных поставок, отказались от его услуг.

Влияние «Комитэ де форж» сказывалось отнюдь не только на правых депутатах. Бесстыдное ренегатство социалиста Мильерана представляется гораздо менее загадочным, если принять во внимание, что этот ловкий оратор и парламентарий был попутно адвокатом «Крезо»[2]. Естественно, что влияние этой группы проявилось также и в дипломатической области. Вильгельм II с явной досадой упрекал братьев Камбон в том[3], что при мадридском дворе им удалось вытеснить Германию как поставщика пушек[4]. Утвердиться в Испании было вовсе не простым делом, ибо богатства испанских грандов как в самой Испании, так и в Испанском Марокко сводились

---

[1] В связи с этим см., между прочим, Albrecht Wirth, Die Entscheidung über Marokko, S. 37 f. (в дальнейшем цитируется как A. Wirth, Entscheidung), а также книгу того же автора «Unsere äussere Politik», S. 30 ff. Характерно, что не только левые, но и правые, к всегерманскому крылу которых принадлежал Вирт, разбираются в социологическом смысле событий гораздо лучше, нежели партии среднего сословия. Классовая критика всегда обостряет зрение независимо от того, исходит ли она от рабочих, еврейской интеллигенции или от представителей среднего сословия. Куда поучительнее читать такого исследователя, как Вирт, представителя Пангерманского союза, чем иные исторические работы академического толка. Между прочим, данные, приводимые Виртом, полностью совпадают с фактами, почерпнутыми мною из других источников (его работа написана до 1933 г., когда экстремистский пангерманизм еще не возвел ложь в «принцип морали»).

[2] См. Mannesmann-Denkschrift, S. 25.

[3] См. пометку на полях, сделанную Вильгельмом II в GP, 7241, Бюлов—Вильгельму II, 31 декабря 1906 г.

[4] Однако после войны Поль Камбон, представитель Франции в Лондоне, стал директором «Банк де Пари э де Пэи-Ба» — крупнейшего банка Франции, выражавшего самые крупные французские интересы в области нефтяной промышленности (по данным Reinhard, op. cit., S. 123).

в весьма существенной мере к рудным залежам, до которых германское индустриальное государство было большим охотником. Испанские гранды и немецкие владельцы рудников в Марокко действовали в духе полного взаимопонимания[1]. Что же касается политических интересов англо-французской Антанты, то, поскольку эти интересы нельзя было компенсировать поставками испанской руды в Англию, нуждавшуюся в этом виде сырья, в данных обстоятельствах приходилось вывозить в Испанию французские капиталы или добиваться участия в прибылях тех военных предприятий, которые Антанта построила в Испании. Правда, при этом не удалось полностью нейтрализовать политическое сопротивление Испании попыткам Антанты монополизировать экономику Марокко. Испанцы постоянно боялись, что победа Антанты приведет к потере такого хорошего покупателя, как Германия, и помешает сбыту природных ископаемых.

План немецкого отступления из Марокко. Противодействие группы Маннесмана

Немецкая дипломатия довольно скоро устала от необходимости доигрывать партию, которая неминуемо должна была привести к проигрышу. Германское индустриальное государство отличалось хроническим денежным дефицитом; это сказывалось с особой остротой в периоды кризисов, когда приходилось делать ставку на краткосрочные французские кредиты и на германо-французское сотрудничество, в особенности на Востоке. При таком положении дел германская финансовая олигархия осаждала министерство иностранных дел нескончаемыми просьбами отказаться от обломков немецких позиций в Марокко; отстаивание этих позиций ставило под угрозу добрые отношения с Англией, которые немецким финансистам представлялись совершенно необходимыми[2]. Финансовые воротилы имели на Вильгельмштрассе добрых старых друзей, которые охотно шли навстречу этим пожеланиям.

Не оставался к ним глухим и Вильгельм II, которого монакский князь уже много лет склонял к идее осуществления германо-французского альянса. Германо-французское соглашение уменьшило бы бремя, сопряженное со строительством германского военно-морского флота, и облегчило бы положение Германии на Средиземном море. Изменение английской политики на рубеже столетий в значительной мере преследовало цель воспрепятствовать возможному вторжению Германии в район Средиземного моря. В тесной связи с этой политикой перестраховки, которая гарантировала Испании в обмен на «политическое обеспечение» Гибралтара охрану ее торговли, побережья и островов, проводилась также и политика защиты интересов финансовых и военно-промышленных кругов. После посещения королем

---

[1] См. A. W i r t h, Entscheidung, S. 39 f. В этой связи Вирт упоминает герцога фон Альмодовара, председателя Альхесирасской конференции, и герцога фон Товара и его брата графа Романонеса, который, как известно, был во время войны главой германофильской партии в Испании.

[2] По поводу марокканской политики германских банков см. GP, 7333, Лангверт фон Зиммерн — Бюлову, 19 июня 1907 г., а также GP, 7334, тот же — тому же, 25 апреля 1907 г., где Лангверт, германский поверенный в делах в Марокко, не в пример статс-секретарю фон Мольбергу, без обиняков жалуется на империалистические позиции, занятые германскими инструкторами фон Чуди и Вольффом, за спиной которых (вопреки всем опровержениям), по-видимому, стоял Крупп. Важные донесения Лангверта о планах германских банков, рассчитанных на ослабление напряжения между Германией и Францией, прибыли в Берлин в те самые дни, когда парламентский и «деловой» главарь

Эдуардом Картахены в прессе появились сообщения об английских займах Испании. Вскоре концерн «Виккерс» прочно обосновался в этой стране[1].

Однако немецкому отступлению из Марокко, к которому вынуждала эта угрожающая обстановка, помешали крупные французские промышленники. Не дождавшись какой-либо немецкой инициативы, они стали бесцеремонно хозяйничать в Марокко и, наконец, спровоцировали обстрел Касабланки, главного опорного пункта Германии[2]. Это привело к немецкой контракции, вызвавшей молчаливое сочувствие военно-морского ведомства и открытое одобрение германских промышленников, имевших свои интересы в Марокко. Что же касается внутригерманских противников французского колониального шовинизма, то указанные действия Франции были для них в высшей степени благоприятны. Они потирали себе руки от удовольствия, наблюдая за резкими проявлениями франко-марокканской ненависти, и финансировали брата марокканского султана, который, к вящему огорчению французского Комитета по Марокко, в течение всего 1908 года стремился укрепить свою власть над всем этим районом.

И в этом году марокканская политика и проблема строительства военно-морского флота вновь оказались неразрывно связанными. Англичане, разочаровавшись неподатливостью Германии в вопросе о военно-морских вооружениях, поспешили воспользоваться затруднениями фирмы «Крезо» в Марокко и французского Комитета по делам Марокко: английская печать принялась травить консула Фасселя. Последний, будучи родственником одного из виднейших немецких коммерсантов в Касабланке, стал неугоден французам еще при обсуждении вопроса о компенсации в связи с французской бомбардировкой. По поручению германского правительства Фассель отправился в Фец к новому султану. Давно уже получая оружие от гамбургских фирм, этот султан повсеместно считался креатурой не только немецких дельцов в Марокко, но и всего германского империализма[3]. Основная часть немецких промышленников, обработанная группой Маннесмана, считала, что цель уже близка, и возлагала на поездку Фасселя большие надежды.

Стремление дорваться до марокканской руды само по себе не было чем-то новым. В свое время в этом смысле отличился изворотливый гусарский генерал фон Подбельский, бывший во времена Типпельскирха прусским министром сельского хозяйства. Будучи статс-секретарем имперского почтового ведомства, он не только занимался контрабандной переброской артиллерии в Африку, но и разведывал рудные залежи в горах Рифа[4]. У Подбельского был отличный нюх, и кайзер ценил в нем это качество.

французской колониальной клики Этьенн старался склонить Вильгельма II к мысли о заключении германо-французского соглашения о Марокко (см. GP, 7257, 7258, Вильгельм II — Бюлову, 26 июня 1907 г. См. также GP, 7263, Бюлов—Вильгельму II, 30 июня 1907 г., где дано описание визита Этьенна в Берлин). Впрочем, подчеркнуто «политический метод», примененный при издании GP, предоставляет снисходительному читателю и в данном случае угадать самому, о каких именно банках идет речь. Из сообщения «Нейе политише корреспонденц» за 24 марта 1908 г. о сторонниках германо-французского соглашения, к которым относился бывший директор Рейхсбанка Кох, а также коммерческие советники Штейнталь и Данненбаум, можно вполне предположить, что и тут речь идет о «Немецком банке»*.

[1] Относительно этих сообщений см. Schultheß (1907), S. 243.

[2] Об обстреле Касабланки см. GP, Кар. CLXXXIX, BD, Кар. 51.

[3] См. BD, VII, № 93, Лассель — Грею, 6 мая 1908 г. (о разговоре с Жюлем Камбоном). Факт контрабандного ввоза немецкого оружия неоспоримо явствует из документов Гамбургского государственного архива. Однако из тех же документов видно, что германское правительство делало все, чтобы с помощью начальника гамбургской полиции пресечь деятельность контрабандных «фирм», пользовавшихся услугами Ольденбургско-Португальского морского пароходства. Однако подчас торговцы оружием и их покровители оказывались могущественнее ведомства иностранных дел.

[4] См. Albrecht Wirth, Der Kampf um Marokko, München 1925, S. 105.

* О перипетиях этой кампании см. DD, 2-me serie, vol. 2 et 10, № 474, Жюль Камбон—Пишону, 22 апреля 1907 г

Но еще гораздо раньше, в 1893 году, какой-то немецкий коммерческий советник самолично отправился в Алжир, рыскал в рифских горах, стремясь обнаружить руду, и наделал немало шуму. Несколько позже, на рубеже столетий, на этом поприще подвизались и другие весьма энергичные пионеры, например марбургский профессор Теобальд Фишер, сотрудник К. Петерса граф Пфейль, будущий главный представитель немецких деловых кругов в Марокко Пауль Мор, лейтенант фон Карнап. Все они побывали в Марокко[1]. Вскоре на арене появилась и главная сила — германская тяжелая промышленность: в 1904 году Крупп и промышленники Гельзенкирхена отрядили в Марокко свои экспедиции[2].

После конференции в Альхесирасе Рейнгольд Маннесман, отправившись в свое пресловутое свадебное путешествие, во время которого он искал рудные залежи, добился с помощью германского посланника того, что султан официально подтвердил его приоритет на обнаруженные месторождения[3]. Восстание марокканцев против французского империализма явилось для фирмы Маннесмана истинным даром небес. Новый султан, получив от фирмы незначительные финансовые средства, в виде «ответного подношения» издал для ее частного пользования особый «горный закон». Чем все это пахло, можно было учуять за целую версту, даже если ветер дул в спину[4]. Впрочем, это не помешало всей юридической науке Европы (за хорошее

---

[1] См. A. Wirth, Entscheidung, S. 13.

[2] См. A. Wirth, Entscheidung. S. 13., далее Mannesmansche Denkschrift, Кар. IV. Из последнего источника видно, что было бы ошибочным считать, будто в закулисной игре, вызвавшей первый марокканский кризис, участвовала вся германская тяжелая промышленность в целом. Напротив, в тот период германское правительство пыталось поощрять отечественную промышленность к экспансии в Марокко в целях противодействия марокканскому соглашению Англии и Франции. Это не исключает того, что немцы, раздосадованные действиями французов против отдельных германских предприятий, в частности против Круппа, действительно вызвали первый кризис и в 1905 г. перешли к «великому наступлению». Крупп интересовался в то время не столько рудой, сколько весьма прибыльным делом продажи оружия.

[3] По поводу спорных формулировок, содержащихся в султанском документе, см. Rosen, op. cit., S. 294 ff. Но надо иметь в виду, что в этом вопросе Розен абсолютно пристрастен.

[4] По этому вопросу в Гамбургском архиве имеются, между прочим, два донесения германского консула Фасселя из Танжера и Феца соответственно от 11 августа и 10 октября 1908 года. Выдержки из последнего документа воспроизведены в официальном меморандуме «Denkschrift über Bergwerksinteressen» (Drucksachen des deutschen Reichstages, 12. Legislaturperiode, 2. Session, № 189, Anlage 21). Во втором из этих донесений сообщается, что султан Мулай Хафид еще во время переговоров с представителем концерна «Маннесман» распорядился запросить германского консула о размерах состояния братьев Маннесман: султан приказал узнать у Фасселя, на какую сумму чаевых (*батель*) может рассчитывать он, султан! На это Фассель ему ответил: «Перед городскими вратами Касабланки сидит нищий, который обращается к прохожим со словами: «Да хранит вас бог от несправедливых притязаний [от бателя]». Султан, однако, не внял этому доброму совету и для начала взял у Маннесманов чек на 20 тысяч франков (сумма сама по себе нищенская и в высшей степени показательная для бедственного положения султана) и ряд подарков. Кроме того, ему обещали оказать дружескую помощь некоему Бен Ассусу, которого султан командировал в Германию за закупками (вот уж действительно ценное обещание!). Ссылаясь на крайне наивный по своей откровенности рассказ Бен Ассуса, Фассель сообщал, что оформление документации велось настолько безалаберно, что первоначально предполагалось датировать документ (то есть пресловутый «горный закон», о котором впоследствии горячо спорил целый легион юридических светил Европы) задним числом; впоследствии было решено не делать этого. Консул, человек явно волевой, резко выступил против «частного законодательства» представителя Маннесманов. «...Даже если учесть,— говорится в донесении Фасселя,— что в этой стране ни один прямой угол не равен 90 градусам и ни один документ не может всерьез считаться аутентичным, все же этот договор сконструирован как-то особенно плохо».

Вот на чем, следовательно, основывались германские права, о которых в течение целого года было столько разговоров во всей прессе промышленников и в парламентских залах.

вознаграждение, разумеется) приводить глубокомысленные доказательства в пользу правовой обоснованности претензий группы Маннесмана[1].

Берлинское ведомство иностранных дел все же отнюдь не было заинтересовано в том, чтобы ввязываться в войну из-за сырьевого дефицита промышленности Рейнско-Вестфальской области (кстати говоря, эта проблема была сильно раздута прессой). Ведомство стремилось добиться в данном вопросе соглашения с французами. Это стремление подкреплялось еще одним соображением: в тот период концерн Круппа, оказывавший огромное влияние на немецкую политику в Марокко, шел на сближение со своим соперником — концерном «Шнейдер-Крезо». В октябре 1908 года при участии обоих концернов образовался германо-французский синдикат «Юньон де мин Марокэн», в котором немцы, располагая 21 процентом капиталов, были в меньшинстве. Но, помимо Круппа, с немецкой стороны в синдикате участвовал еще и такой могущественный совладелец, как Август Тиссен. Чтобы обеспечить себя со всех сторон, Тиссен привлек в синдикат также и акционерное общество «Гельзенкирхнер бергверке»[2].

Остальные группы германской тяжелой промышленности оказались изолированными. Им угрожало полное вытеснение из Марокко. Это и было причиной большого шума, поднявшегося осенью 1908 года по обе стороны Вогезов в связи с одним инцидентом в Касабланке, который сам по себе представляется довольно незначительным. Правящие круги рейха, которые еще в конце августа, повинуясь явному давлению со стороны промышленников и сторонников расширения военно-морского флота[3], решились выступить в поддержку Мулая Хафида, теперь, то есть в сентябре 1908 года, убедившись в ожесточенном сопротивлении Лондона, где были очень недовольны провалом переговоров по военно-морскому вопросу[4], начали было идти на попятный[5]. И тогда-то все злые духи по обе стороны Вогезов снова пришли в движение.

---

[1] См. R o s e n, op. cit., S. 296. В связи с этим Розен сравнивает европейских специалистов по международному праву с трактирщиками, у которых за приличную мзду можно получить все, что душе угодно. Автор не без оснований подчеркивает, что «эксперты», судя по всему, не имели ни малейшего представления о вопросах, по которым они «авторитетно» высказывались. Невозможно давать верную оценку социологическим явлениям при помощи юридических экспертиз, производимых представителями другого мира.

[2] О связи между германо-французским соглашением о Марокко 1909 года и образованием синдикатов см. «Националь-либерале корреспонденц» за 9 февраля 1909 г., где сообщается о создании 29 января 1909 г. германо-французского синдиката в Танжере. Однако подготовка к созданию синдиката началась, судя по известному меморандуму братьев Маннесман, еще осенью. Эту подготовку следует рассматривать как непосредственную основу германо-французского соглашения. Закулисные экономические причины внешней политики редко выступают на поверхность с такой отчетливостью, как в данном случае. И опять-таки весьма редко обнаруживалось с такой очевидностью, насколько документация GP нуждается в социально-экономическом обосновании. То, что помимо официального соглашения, подписанного 9 февраля 1909 г. между промышленниками, велись попутные переговоры, явствует из «Österreich-Ungarns Außenpolitik» (далее цитируется как ÖA), 998, Седьени — Эренталю, 9 февраля 1909 г.

[3] См. примечания Кроу под BD, VII, № 95, S. 101, Уайт (и Бунзен) — Грею, 31 августа и 7 сентября 1908 г. Здесь высказываются очень неприятные предположения, в известном смысле подкрепляющие позицию, которую в то время занимала германская пресса. Причиной поворота, бесспорно, явился визит германского посланника в Танжере Розена в Нордерней, где находился Бюлов. Об этом сообщил Пишон английскому послу (BD, VII, № 98, Берти — Грею, 3 сентября 1908 г.). Впечатление от этого визита было усилено комментариями немецких газет.

[4] Этот момент был воспринят немецкой прессой совершенно правильно. См., например, BD, VII, № 112, Картрайт — Грею. 18 сентября 1908 г., где воспроизводятся отклики немецких газет, в частности газеты «Швабишер меркур».

[5] Отступательный маневр начался в связи с донесением Вильгельма фон Штумма от 8 сентября 1908 г. (GP, 8428), о чем свидетельствуют извлечения из письма Бюлова Гаману, цитируемые в GP, 24. Bd., S. 404. Предположения Кроу (в его примечании под BD, VII, № 98, Берти — Грею, 3 сентября 1908 г.), что Гольштейн подстрекал находившегося в Нордернее Бюлова против Франции, равно как и его исполненные ненависти

В Касабланке французы избили чиновников немецкого консульства, полагавших, что, заботясь о дезертирах из французского Иностранного легиона, они оказывают услугу своей родине и опекаемому ею Мулаю Хафиду*. Подробности этих инцидентов сами по себе несущественны[1]. Но взятые по отдельности и соответственным образом поданные, они явились удачным поводом, чтобы затруднить уход Германии из Северной Африки; между тем это становилось для нее все более необходимым, поскольку боснийский кризис усилил напряжение в международных отношениях. Французы сумели весьма искусно воспользоваться данным кризисом для усиления своих позиций; русским этот удобный случай был также в высшей степени на руку: разжечь пожар на юго-востоке Европы значило умилостивить Париж, недовольный политикой России в отношении Сербии[2]. Отстаивать идею немецкого отступления перед оппозицией представлялось все более сложным делом, поскольку внутриполитические противники канцлера и кайзера получили благодаря сенсационной афере, затеянной «Дейли телеграф», еще не виданные доселе возможности для своей агитации.

Инцидент с газетой «Дейли телеграф»

Различные переговоры кайзера, сопровождавшиеся бестактностями и долго занимавшие мировое общественное мнение, сами по себе преследовали цель улучшения германо-английских отношений. Высокопоставленный англичанин, опубликовав этот материал в «Дейли телеграф», считал, что тем самым он помогает германо-английскому взаимопониманию. Для прессы крупных промышленников и аграриев все это явилось желанным поводом выступить с заявлением о невозможности достижения межгосударственной договоренности. Особенно рьяно обрушилась на кайзера «Рейниш-Вестфелише цейтунг», в то время как консервативная «Дейче цейтунг» утверждала, что в появлении этого интервью повинен Межпарламентский союз[3]. Весьма немногочисленные попытки оправдать интервью кайзера исходили от той группы газет, которая стояла за переговоры с Англией; так, Август Штейн

хитросплетения (BD, VII, № 126) опровергаются не только материалами GP, но и публикациями барона фон дер Ланкена, согласно которым Гольштейн в конце концов одобрил германо-французское сближение и полностью осознал тактические ошибки, допущенные им в 1905—1906 гг.

[1] Все же важно отметить, что германская миссия в Марокко была связана с кругами, которые открыто саботировали германскую политику отступления и еще несколько лет назад охотно вовлекли бы Германию в войну с Францией. С другой стороны, в отличие от L o u i s M a u r i c e (то есть Maurice Bompard), чья книга «La politique Marocaine de l'Allemagne», Paris 1916, содержит богатый материал об этих махинациях, мне хотелось бы рассматривать марокканскую политику Германии скорее как функцию международного политического положения, нежели как следствие происков указанных местных кругов. Названная французская книга отличается большой однобокостью: автор совершенно игнорирует тот факт, что Германия на протяжении долгих лет вынуждена была мириться с систематическими нарушениями Альхесирасского соглашения французской стороной.

[2] О подробностях этих дипломатических перипетий, на которых в данном случае, как и в остальных, останавливаться не могу, см. BD, VII Кар. II, а также GP, Кар. CLXXX.

[3] См. «Rheinisch Westfälische Zeitung» bzw. «Deutsche Zeitung» v. 30. 10. 1908. Однако рурские промышленники в то время уже имели союзника в лице германского кронпринца, чей феодальный и вместе с тем спортивный образ жизни полностью соответствовал вкусам высших кругов германского империализма. По поводу этого эпизода см. B ü l o w, op. cit., 2. Bd., S. 410 ff., а также напечатанное там же ответное письмо канцлера. Здесь мы видим повторение процессов бисмарковского периода, хотя и на другой основе.

* Об инциденте в Касабланке см. B a r l o w, op. cit., S. 62 ff.

выступил со словами поддержки в адрес монарха[1]. Однако политические промахи его величества облегчили противникам трона их игру. Ноябрьские тучи и штормы затмили горизонт и помешали общественному мнению разобраться в сущности боснийского кризиса. Рейхстаг и вся пресса осыпали ведомство иностранных дел едкими насмешками, подчеркивая, что только царящей в нем дезорганизацией можно объяснить опубликование интервью в «Дейли телеграф», хотя кайзер вполне корректно распорядился запросить князя Бюлова о целесообразности подобной публикации[2]. Вассерману не осталось ничего другого, как взять под защиту пробурские настроения Национал-либеральной партии, противопоставляя их высказываниям кайзера. Тем самым было доказано, и уже не в первый раз[3], насколько изменилось отношение руководства рейха к Англии за годы, прошедшие после истории с крюгеровской депешей. Таким образом, национал-либералы и даже консерваторы, выступая против кайзера, руководствовались причинами, противоположными соображениям левых, главная цель которых заключалась в дискредитации всей системы. Мы наблюдаем неоднократное пересечение тактических линий правых и левых. В то время как правые, пользуясь аргументацией левых, упрекали кайзера в подрыве отношений с другими народами, левые, требуя повышения ответственности министров, мотивировали это только лишь общими соображениями о «государственной ответственности». Рассуждения такого рода можно было услышать, как правило, только в консервативных кругах. В политическом отношении вся эта громкая афера привела лишь к тому, что отдалила канцлера от кайзера и подготовила почву для махинаций клики, которая совместно с канцлером стремилась к свержению сторонников «либеральной эры» и к созданию нового правительства из представителей Центра и консерваторов.

В целом, однако, все это ни к чему не привело. Партии, имевшие большинство в рейхстаге, не испытывали ни малейшего желания поддержать социал-демократические законопроекты о забастовках или об усилении ответственности министров, так как опасались подрыва милитаристского государственного аппарата кайзера, в котором Германия, идя по пути империалистического развития, нуждалась более чем когда-либо.

Правда, в первый день дебатов социал-демократы, боясь испортить дело, вели себя весьма сдержанно. От них выступил один из их дипломати-

---

[1] «Дейче цейтунг» в номере от 31 октября 1908 г., выступая как защитница интервью, нападает на «Франкфуртер цейтунг» (чей берлинский корреспондент Август Штейн инспирировался Бюловым), «Кёльнише цейтунг», «Магдебургер цейтунг» и т. д. Но, вообще говоря, все выступления в защиту интервью были так или иначе подготовлены Гаманом.

[2] Само собой разумеется, что я не могу разбирать здесь детали этого частного эпизода. Из литературных источников можно было бы, например, назвать Ziekursch, op. cit., 3. Bd., а также Th. Eschenburg, op. cit., S. 131 ff.; Bachem, op. cit., 7. Bd., S. 17 ff. и, наконец, вышедшую недавно книгу «Front wider Bülow», München 1931. Во всех этих работах многие ученые и старые дипломаты полемизируют с Бюловым. Читая этих критиков и противников Бюлова, мне не хочется верить им на слово, будто Бюлов действительно полностью ознакомился с текстом интервью и что, следовательно, в своих мемуарах он сознательно пошел на ложное изображение событий. Более веским представляется то, что было доказано Эшенбургом, а именно, что Бюлов отказался от своего первоначального намерения отстранить кайзера от решения этого вопроса, как только стало ясно, куда дует ветер в рейхстаге и какова позиция правых партий. Это было, несомненно, коварным предательством, которое в конечном итоге стоило Бюлову его поста. Все эти детали представляются существенными лишь для биографии канцлера и для вопроса об истории его падения.

[3] Даже в полемике того периода, в особенности в выступлениях правительственного советника Р. Мартина и некоторых подлинно виновных чиновников ведомства иностранных дел, неизменно и не без оснований указывается на то, что большинство подробностей интервью уже раньше было опубликовано в различных журналах, например в английском «Стрэнд-мэгезин» и в «Дейче ревью». (По этому поводу см. GP, Kap. CLXXVIII, S. 178 .BD, kap. XLIII, Abs. III, и в особенности GP, 24. Bd., S. 170 A.)

ческих ораторов, берлинский адвокат Вольфганг Гейне[1], известный своей правой ориентацией. Его устами социал-демократы вносили в рейхстаг запросы о сооружении казармы в Алленштейне или о строительстве какой-нибудь уборной; но они не ставили на повестку дня вопрос о войне и мире. Партии блока сохраняли свою либеральную лояльность. Даже наиболее левые представители блока, например священник Науман, ограничивались тем, что горестно оплакивали утраченный идеал демократического монархизма[2].

Без создания подлинно ответственного имперского министерства или проведения коренной реформы в империи ничего измениться не могло. Так называемая юридическая ответственность канцлера, о которой тогда столько шумели, или тезис о возможности подать на канцлера в суд, оставались не более чем фикцией.

С чисто внешней стороны спокойствие было восстановлено, едва кайзер и канцлер обменялись несколькими словами. Но с пропагандистской точки зрения ноябрьские события можно было использовать и дальше. Отношение отдельных классов населения к трону стало более четким, чем прежде. Важно и то, что промышленники осознали, насколько кайзеровская политика может спутать их карты. Нигде династические отношения с троном не осуждались так резко, как на Рейне и в Руре. Давно уже стало модным поругивать эту гогенцоллерновскую политику семейственности, хотя в общем было не ясно, что именно следует подразумевать под ней. Правые уже издавна не могли терпеть те династические связи со двором, которые помогали преодолевать противоречия, выгодные для промышленников.

Карикатуристы ряда журналов, даже таких, которые считались либеральными, пытались вбить клин между кайзером и его английским дядей[3]; левые же, напротив, усматривали игру династических интересов в тех случаях, когда где-либо возникала опасность военного пожара. Остается фактом, что моменты династического порядка — в частности бракосочетания с представителями греческого и румынского дворов — довольно сильно влияли на внешнюю политику Германии вплоть до первой мировой войны. (Правда, надо отметить, что в первом случае немалую роль сыграли поставки Греции торпедных катеров, а во втором — заинтересованность «Немецкого банка» в румынских нефтепромыслах.)

Промышленные и династические интересы могли, конечно, совпадать. Но когда они сталкивались, борьба доходила, можно сказать, до поножовщины. В этом смысле исторически важным этапом представляется упомянутый инцидент с «Дейли телеграф». Он характеризует расхождения между тяжелой промышленностью и троном, за «душу» которого берлинскому финансовому капиталу пришлось немало повоевать. В ходе этой борьбы, в начале 1909 года, берлинским капиталистам удалось добиться значительного успеха. Боснийский кризис вынуждал руководство рейха во что бы то ни стало договориться с Францией относительно Марокко. Граф Эренталь с неослабным вниманием следил за германо-французскими переговорами. Германия должна была сохранить свободу рук, чтобы быть в состоянии нанести удар по русским. Под давлением Эренталя к концу 1908 года удалось уладить вопрос об инциденте в Касабланке. Вскоре после этого германское министерство иностранных дел приступило к непосредствен-

---

[1] Гейне в рейхстаге, 12 января 1909 г.

[2] Науман, там же, 3 декабря 1908 г.

[3] Стоит вспомнить хотя бы «Кладдердатч» и «Симплициссимус». Понятно, что оба этих журнала, особенно последний, стоят выше всяких подозрений в смысле их зависимости от тяжелой промышленности. Социологической основой «Симплициссимуса» была баварская либеральная интеллигенция. Его издатель А. Ланген сильно тяготел к Парижу. Контакты Лангена с антиимпериалистическими французскими кругами отнюдь не исключали его острых выступлений против франко-британского альянса.

ным переговорам с Парижем относительно общей разрядки напряженности. Руководство рейха продолжало двигаться по пути, на который оно вступило еще до «интермеццо» с Мулай Хафидом[1].

*Германо-французское соглашение о Марокко**

Германо-французское соглашение, в крайней спешке составленное 8—9 февраля 1909 года с явной целью произвести впечатление на Эдуарда VII, только что прибывшего с визитом в Берлин, представляло собой набор ничего не говорящих формулировок[2] (правда, вытекавших из давно назревших положений). То была своего рода «дипломатическая крыша» над рядом соглашений промышленного характера, действовавших параллельно. Без них вся «разрядка» 1909 года была бы вообще немыслимой[3].

В целом Германия оставалась в накладе, что было понятно в свете сложившейся тогда международной политической ситуации. Французы соблюдали это соглашение не слишком строго, не выполняли ряда данных ими обещаний. Впоследствии это и привело к тому, что разразился второй крупный марокканский кризис. Уже летом 1909 года Мюлон, директор фирмы Крупна, заявил, что отныне вся крупповская торговля оружием с Марокко полностью нарушена и что Крезо удержал марокканского «министра иностранных дел» от поездки в Эссен с целью размещения заказов на артиллерийские орудия[4].

---

[1] О германо-французских переговорах см. GP, Кар. CLXXXII und Von der Lancken, op. cit., S. 83 ff.

[2] Текст напечатан в GP, 8490.

[3] Относительно этих экономических соглашений см., например, GP, 8478, записи Эркерта от 8 января 1909 г., послесловие от 5 апреля 1909 г. в GP, 8499, Шён—Розену, 25 февраля 1909 г., также делаются намеки на некоторые «известные Вашему Превосходительству случаи» германо-французского сотрудничества по освоению Марокко. Но, как уже сказано, из-за особого метода, примененного при издании GP, во всех этих вопросах нам приходится теряться в догадках и, с точки зрения социологической, как бы бродить в потемках. По-видимому, достигнутая договоренность (см. GP, 8491, Камбон—Шёну, 9 февраля 1909 г., 2-й абзац) послужила лейтмотивом для заключения политического соглашения по экономическим вопросам, причем пункт об экономическом участии Германии (в духе GP, 8478, записи Эркерта от 8 января 1909 г., 2-е предложение) следует истолковать в том смысле, что Германии предоставляется долевое участие в объеме 30 процентов. Что касается чисто деловой стороны вопроса, то речь идет, очевидно, в первую очередь об «Union des mines», далее о железнодорожном соглашении, о котором Кайо пишет в «Ревю де виван», 1930, № 9 (немецкий перевод — в K-BM, 1931, S. 324), а также в своей книге об Агадире; речь шла как будто бы и о железнодорожных магистралях Танжер—Фец и Рабат—Касабланка (см. GP, 10481, Розен—Бетману, 6 ноября 1909 г.). Некоторые сведения о германо-французском соглашении можно почерпнуть не только из GP, 29. Bd., S. 7 Anm., но также из приложения к BD, VII, № 148 (меморандум корреспондента «Таймс» Саундерса); там говорится о том, как В. Лэнгли, Чарлз Гардинг и Эдуард Грей, касаясь вопроса о системе дренажных сооружений в Танжере и Ларраше, указывают, что сближение в Марокко начало принимать характер торга за контракт на поставку оружия. Видимо, Крупп и Крезо договорились не только о разработке рудных ископаемых, но также и о снабжении Марокко оружием (судя по всему, эта договоренность не была особенно выгодной для Круппа; см. следующее примечание). Но, помимо всего этого, была, бесспорно, достигнута договоренность между германским Колониальным обществом Южного Камеруна и французским обществом «Нгоко-Сангха». Именно этот момент стал впоследствии столь важным и значительным. Соответствующие переговоры начались не в 1910 г., как об этом пишет фон Ланкен, но еще в 1909 г., о чем свидетельствуют разные вполне достоверные признаки и работа Кайо (Caillaux, Agadir). Этим же объясняется и особый интерес к продолжению переговоров, проявленный г-ном Андрэ Тардье (см. Von der Lancken, op. cit., S. 80 ff.). Правда, нам кажется, что фон Ланкен узнал о личных махинациях г-на Тардье несколько позднее, причем полученная им информация была, по-видимому, неполной.

[4] См. GP, 10460, фон дер Ланкен—Эркерту, 12 июня 1909 г. Правда, Пишон оспаривал обоснованность этих жалоб.

* По этому поводу см. Ima Christina Barlow, op. cit., Кар. 4.

Если, таким образом, промышленные круги понесли урон, то, с другой стороны, марокканское соглашение явилось победой торгового и финансового капитала, победой, которую он предвидел. Ведь разрядка марокканского кризиса привела к улучшению отношений со всем западным миром. Символическим признаком этого следует считать визит Эдуарда VII в Берлин сразу же после опубликования текста договора. Ведомство иностранных дел дало откровенную отповедь агрессивным устремлениям промышленников. С этих пор в борьбе с ведомством иностранных дел промышленность получала один удар за другим. Лишь в 1913 году, добившись принятия законопроекта об обороне от враждебных сил, они одержали первую решающую победу. В ходе мировой войны этот успех был закреплен: влияние трона было полностью нейтрализовано. В конце концов все это окончилось полным крахом гогенцоллерновского режима.

Отклики печати вполне соответствовали социально-политической ситуации. Еще в январе «Рейниш-Вестфелише цейтунг» выступала с предупреждениями против заключения соглашения с Францией[1]. «Теглихе рундшау» считала главным виновником германского поверенного в делах в Танжере Лангверта фон Зиммерна[2]. Марокканская пресса неистовствовала[3]. Газете «Альдейче блеттер» будущее рисовалось в самых мрачных тонах[4]. Консерваторы, враждебные промышленности, и левые были довольны[5]. Гаусман, руководитель швабских демократов, был в восторге[6]. Французская промышленность торжествовала, а французские социалисты, как впоследствии, после Локарно, и весь международный социализм, выступили против международных картелей тяжелой промышленности[7].

Были возобновлены робкие попытки добиться германо-французского сближения, попытки, которые в предыдущем году, несмотря на многообещающее начало, под воздействием перипетий колониальной политики[8] вызвали резкий инцидент в Сорбонне[9]. За сближение между обеими странами в то время выступили Германо-Французское общество и Центральный комитет по германо-французскому сближению, где председательствовал фон Мантейфель, председатель верхней палаты Пруссии, а вице-председателем был англофоб Герман Пааше[10]. В конце апреля 1909 года в кайзеровском зале верхней палаты выступил империалистический посредник и претендент

[1] Цитируется по «Vossische Zeitung» v. 24.1. 1909.
[2] «Täglische Rundschau» v. 16.2. 1909.
[3] «Deutsche Marokkokorrespondenz» v. 11.11. 1909.
[4] «Alldeutsche Blätter» v. 29.1. bzw. 19.2. 1909.
[5] «Kreuzzeitung», «Germania», «Berliner Tageblatt», «Vossische Zeitung» v. 9. bzw. 10.2. 1909.
[6] «Internationale Tagespost» v. 8.3. 1909.
[7] Здесь я имею в виду не столько ту позицию, которую заняли французские социалисты в связи с соглашением, сколько общую борьбу против международной картелизации, например в «Сосьете д'этюд де л'Уэнца»; характерно, что этому обществу протежировал г-н Жонар. Сведения об этом были опубликованы в «Кёльнише цейтунг» от 1 июля 1908 года; специально останавливаются на них S. L a u n a y S. S e n n a c, Les Relations Internationales des Industries de Guerre, Paris 1932, p. 28.
[8] Так, например, в конце декабря 1907 г. бывший губернатор Германской Восточной Африки граф Гетцен, выступив с докладом в Париже, ответил на соответствующий французский визит.
[9] В мае французское правительство запретило профессору Андлеру читать лекции, поскольку он совершил с французскими студентами поездку в Германию. В наше время (1932 г.) такого рода вещи происходят все чаще, но тогда они еще считались невозможными.
[10] В состав Германо-Французского общества входили генеральный директор фирмы «Северогерманский Ллойд» Виганд, банковский директор Штейнталь, коммерческий советник Данненбаум, фабрикант зубной пасты «Одоль» А. Лингнер, два генерала с широкими международными связями, представители прессы, возглавляемые Т. Вольффом и Августом Штейном. В состав Центрального комитета по германо-французскому сближению входили в числе прочих граф Гуттен-Чапски, член верхней палаты Пруссии (знаменитый гонщик), генерал-лейтенант фон Шуберт (следует указать на широкий интернациональный состав руководимого им концерна Штумма), прогрессивные депутаты Альберт Трегер и Нейман-Гофер.

на пост французского министра иностранных дел барон д'Этурнель де Констан. Проблема германо-французского сближения обсуждалась уже в почти салонном духе; начали задаваться вопросы, к чему, собственно, европейским государствам воевать друг с другом, вместо того чтобы образовать общий картель, направленный против цветных народов? Подобные искусно сформулированные мысли вполне соответствовали идеям ведущего германо-австрийского пацифиста Альфреда Г. Фрида, между тем как основные силы пацифистов в Центральной Европе, поскольку они не зависели от финансового капитала и его прессы, а следовательно, вели себя двусмысленно, предпочитали ориентироваться не на обычный империалистический пацифизм, но на тот его вариант, который был разработан Кобденом — Брайтом. То был резко антиимпериалистический и утилитарный пацифизм, превозносивший свободу торговли.

Сопротивление аграриев налоговой реформе. Падение Бюлова

Для того чтобы разобраться в общем развитии политики, надо знать, что экономический подъем после кризиса 1907—1908 годов укрепил не только промышленность, но также банки и внешнюю торговлю. Экспорт капитала в тот период рос поистине огромными темпами[1]. Довоенный империализм на всех парах стремится к своей кульминации. В прямой пропорции к развитию промышленного капитала и внешней торговле растет монополизированный финансовый капитал и экспорт финансового капитала, причем рост этот необычайно велик. Это относится главным образом к тому немецкому финансовому предприятию, которое с давних пор посвятило себя в первую очередь финансированию германской внешней торговли и экспорту финансового капитала, а именно к «Немецкому банку». Но попутно усилились и те круги в ведомстве иностранных дел, которые уже издавна были связаны с высшими финансовыми воротилами.

Возвращение имперской политики на консервативный путь — результат уже упомянутой борьбы за имперскую финансовую реформу — не препятствовало этому развитию уже хотя бы потому, что его единственно ощутимым внешнеполитическим последствием было закрепление германской политики в несколько более определенном пробританском направлении. Консервативные круги боялись введения прямых налогов, а тем самым и расходов на большой флот. Поэтому поворот в политике в 1909 году можно, несомненно, рассматривать как ослабление флота. Руководитель отдела пропаганды военно-морских сил Эрнст фон Галле был переведен в имперское казначейство. Назначение этого способного человека на новый пост оживило надежды военно-морского ведомства на осуществление финансовой реформы, в частности на принятие законопроекта о взимании прямого имперского налога, необходимость которого была текстуально оговорена в первых законах о создании военно-морских сил. Но все эти мечты

[1] См. W. L e n i n, «Imperialismus etc.», Wien—Berlin 1926, S. 57. По данным Ленина, за границей было инвестировано (в млрд. фр. франков):

	Англия	*Франция*	*Германия*
1902 г.	62	27—37	12,5
1914 г.	35—40*	60	44

* Автор ошибается. В. И. Ленин приводит цифру в 35—40 миллиардов французских франков для характеристики объема английских капиталовложений за границей в 1914 г. См. В. И. Л е н и н, Полное собрание сочинений, Изд. 4, М., Госполитиздат, стр. 230.— *Прим. ред.*

рухнули, когда весной 1909 года консерваторам удалось добиться устранения фон Галле из-за его еврейского происхождения. Падение Галле оказалось дурным предзнаменованием для судьбы самого Бюлова[1]. По «чистому» империализму эпохи блока был нанесен сокрушительный удар[2].

Надо было как-то покрыть дефицит имперской казны[3]. В этом отношении Центр поддержал консерваторов: был отменен налог на наследование, который дал бы примерно одну пятую часть требуемого полумиллиарда марок, а в виде компенсации за это был введен налог на биржевые сделки, то есть налоговое бремя легло на плечи капиталистов. В знак протеста против новой налоговой системы биржа и промышленность объединились в Ганзейский союз. Конечно, Центр и консерваторы имели все основания гордиться своей в высшей степени искусной финансово-политической стратегией[4].

[1] О нападках на фон Галле (Леви) см. «Дейче тагесцейтунг» за 5 октября и «Кёльнише цейтунг» за 29 июня 1909 г. Галле происходил из богатой гамбургской семьи и был женат на генеральской дочери. Аграрии и антисемиты называли круг лиц, которых Галле сгруппировал вокруг себя в имперском финансовом ведомстве, «магаллой» (этот термин был тогда популярен в связи с дебатами по марокканскому вопросу). Галле лишь ненадолго пережил свое падение. Насколько военно-морское ведомство было заинтересовано в проведении имперской реформы, предложенной фон Галле, явствует, между прочим, из работы бывшего статс-секретаря ведомства финансов фон Штенгеля, опубликованной в ноябрьском номере «Дейче ревью». Автор рассматривает вопрос о пресловутом 6-м параграфе закона о флоте 1900 г., который запрещал покрывать дополнительные расходы на флот путем повышения или расширения косвенных налогов, ограничивавших массовое потребление.

[2] Если проследить взаимосвязь между налоговой реформой и империалистической политикой, то сторонников прямого налогообложения, происходивших из буржуазных кругов, следует рассматривать как людей, способствовавших империализму. За исключением аграрной части населения, все остальные его слои, даже социалисты, эти содержанки индустрии, составляли в известном смысле единство. Разумеется, это надо понимать cum grano salis, ибо социалисты мечтали о введении прямых налогов вовсе не по тем причинам, по которым они помогали подъему империализма. Наиболее естественным образом вопрос о прямых налогах и вопросы империалистической внешней политики слились в сознании национал-либералов. В ходе борьбы за имперскую финансовую реформу в числе прочих в пользу закона о налоге на наследство выступил и Адольф Вагнер, но ему устроили ф рменную обструкцию (1909 г.). В среде собственно империалистического крыла офицерского корпуса, которое впоследствии примкнуло к Военному ферейну, также были сторонники введения налога на наследование, и это несмотря на феодальное происхождение офицерской касты. «Кёльнише цейтунг» за 22 января 1909 г. приводит в связи с этим цитату из статьи генерал-лейтенанта фон Альтена, опубликованной в «Крейццейтунг». Если я не ошибаюсь, Альтен был представителем капиталистического крыла в военных кругах; он был связан родственными узами с герцогом Девонширским, самым богатым человеком Англии. Другие руководители Военного фере на Кейм и Менгес происходили из буржуазной среды. Внешнеполитическое значение имперской финансовой реформы проявилось весьма ясно в ходе агитационной кампании организации «Национал-либеральная молодежь». Возглавляемая Германом Фишером из Кёльна (теперь, в 1932 г., он депутат рейхстага от штаатспартей и член 64 наблюдательных советов), эта организация еще в 1906 г. выступала за расширение флота и проведение имперской финансовой реформы («Kölnische Zeitung» v. 23.1.1906). Социологические признаки борющихся партий выявились с особенной отчетливостью на характере расколов, вызванных проблемой реформы. После решающего голосования в рейхстаге Консервативная партия пережила настоящий кризис. Против крупно-помещичьей фракционистской политики Гейдебранда и Шверин-Левитца восстали все городские элементы, включая мелких буржуа из Анклама, саксонских консерваторов и прежде всего консерваторов берлинских предместий. В Панкове адвокатом Бредереком было организовано особое консервативное объединение. И наоборот, в Национал-либеральной партии феодализированные капиталисты, например крупный владелец кожевенных заводов в Вормсе барон фон Гейль и прочие аграрии, в частности граф Ориола, самый яростный среди национал-либералов сторонник расширения флота, оказались за бортом.

[3] По данным «Дейче фольксвиртшафтлихе корреспонденц» за 19 июля 1907 г., в 1885 г. имперская задолженность составляла лишь 0,55 миллиарда марок; в 1895 г. она возросла до 2,2, к 1907 г. равнялась уже 4,15 миллиарда марок, а в 1909 г. к этой сумме прибавился еще один миллиард.

[4] Результаты финансовой реформы нельзя рассматривать через призму либералов; заинтересованные в благополучии империи и ее единстве, они явились основными поставщиками всех полемических работ по этому вопросу. (Противоположная точка зрения представлена, например, у Бахема (B a c h e m, op. cit., 7. Bd., S. 60 ff.)

Сохраняя цифровые наметки прежних финансовых планов, эта стратегия как бы заметала следы всего случившегося. Но все же здесь сказался старый консервативный принцип: предоставить рейхстагу, демократическому в своей основе, лишь решение вопроса о косвенных налогах. Что же касается прямых налогов, то эта проблема была отнесена к компетенции отдельных немецких государств, которым тем самым давалась гарантия против жесткого налогообложения собственников. Во всяком случае, это относится к Пруссии, а в известной мере и к южногерманским государствам (землям). Было более чем ясно, что трехклассовый парламент в Берлине, эта клика, правившая Пруссией, не станет ущемлять себя самой жесткой системой налогообложения. Однако последствия этой политики оказались куда более тяжелыми, чем принято считать. *В итоге налоговой катастрофы 1909 года Империя лишилась возможности, а главное прецедента, изыскать в случае войны обильные налоговые источники.* Конечным следствием этих фактов были военные займы, а потом и инфляция.

24 июня 1909 года законопроект о налогообложении при наследовании был отвергнут во втором чтении. Вместе с ним (хотя и не из-за него) пал канцлер. На протяжении всей зимы довольно разношерстная клика недовольных дипломатов и аристократов центристского толка занималась только тем, что еще больше расширяла пропасть, возникшую в ноябре между кайзером и канцлером[1]. Таким образом результаты ноябрьского инцидента оказались противоположными тем, которых добивался Бюлов. Вместо того чтобы поколебать власть короны, канцлерство само себе подрезало крылья. Это было тем более серьезно, что Вильгельм II после всего этого чувствовал себя психологически униженным и растерянным. В данных условиях сильный канцлер нужен был вдвойне. Поэтому можно было предвидеть, что рядом с новым имперским руководителем Теодором фон Бетман-Гольвегом, который был не чем иным, как послушным орудием в руках своего хозяина, вскоре должны были вступить в действие силы, которые до сих пор не поддавались никакому контролю. Будущее крушение кайзера было вызвано не в последнюю очередь этим парадоксальным положением. Среди тех, кто в этих условиях обрел гораздо большую власть, нежели это вытекало из их государственно-правового статуса, был победитель «имперской финансовой битвы» и «некоронованный король Пруссии» Эрнст фон Гейдебранд унд дер Лаза. Первым же актом нового канцлера явилась капитуляция перед этими силами. 10 июля Бетман заявил в рейхстаге, что готов изменить имперскую финансовую политику, а лидер консерваторов, маленький однорукий человечек с лицом испанского гранда, вышел на трибуну и под громовой хохот всех депутатов подверг реалистической и уничтожающей критике антисоциальные принципы аграриев[2].

Социологический характер правительства Бетман-Гольвега

Если смена правительства привела к обострению внутренних противоречий, то в области внешнеполитической она вызвала известную разрядку. Применительно к Англии выяснилось, что аграрии, несмотря на неблагожелательное отношение к заморскому импорту и английскому парламента-

[1] Согласно мемуарам Бюлова, к этой клике принадлежали в первую очередь граф Ганс Опперсдорф, церемониймейстер Ойген Редер, барон фон Экардштейн и бывший правительственный советник Р. Мартин. Бюлов не упоминает представителей Центра графов фон Шпее и фон Прашма, которые также были активны в этом отношении.

[2] Гейдебранд в рейхстаге, 10 июля 1909 г.

ризму стали более резко выступать против увеличения военно-морского флота. От нового рейхсканцлера, отпрыска старинного патрицианского рода франкфуртских банкиров, приобретших крупные землевладения в Пруссии, все ожидали весьма предупредительного отношения к Англии. Новое, консервативно настроенное правительство не чинило препятствий бюрократическим, финансовым и торгово-политическим связям ведомства иностранных дел, не мешало скрытым проявлениям его англофильской позиции. Однако этому правительству не удалось устранить главный камень преткновения между Англией и Германией, а именно проблему строительства военно-морских сил. Этими делами кайзер занимался лично, и никаких шуток он тут не допускал. То была область, в которой вопреки всем противоречиям наблюдалось гармоничное взаимодействие личных склонностей монарха, интересов адмиралтейства и промышленности.

В свете такого положения дел нетрудно было составить социологический гороскоп правительства Бетмана. Было ясно, что на фоне общего империалистического развития его англофильский финансовый пацифизм окажется несостоятельным как с внутренне-, так и с внешнеполитической точки зрения. Традиционная политика «маятника» не изменилась и теперь. Напротив, по мере возрастающей экспансии она стала еще более явственной, хотя упор делался уже на другое. И подобно тому как Бюлов, проводя наращивание военно-морской мощи, одновременно вынужден был заботиться о безопасности Багдадской железной дороги, так и Бетман, проводя «багдадскую политику», не мог не заниматься вместе с тем и укреплением военно-морских сил.

Впрочем, попытки Бетмана достигнуть взаимопонимания с Англией в историческом аспекте представляются продолжением той политики, с помощью которой Бюлов в последние три четверти года своего правления намеревался приспособиться к изменившимся обстоятельствам во внешнем мире и внутри страны. Начиная с первых попыток достигнуть взаимопонимания, то есть с поздней осени 1908 года, канцлер, быстро терявший позиции, стремился в меру своих сил сдерживать кайзеровскую военно-морскую политику. Это было очень трудно, ибо заинтересованные в этом круги непрерывно лили воду на мельницу военно-морского ведомства. Однако этому ведомству поневоле пришлось изменить тактику, как только ситуация стала иной. Если в прежние годы Тирпиц, исходя из тактических соображений и учитывая интересы фирм, поставлявших броневые плиты, стремился несколько притормозить рост военно-морских сил, то теперь, перед лицом растущих внутренних и внешних противоречий, он должен был бороться за их развертывание. Этот адмирал, снискавший себе славу чрезмерно осмотрительного человека, постепенно превратился в мишень, по которой били все противники флота как внутри Германии, так и вне ее. В конце концов, загнанный в так называемый «общегерманский лагерь», Тирпиц примкнул к Отечественной партии. Что касается кайзера, то он находился в руках адмиралтейства и промышленности, объединенных общими интересами. Никогда Вильгельм II не согласился бы на ограничение программы военно-морского строительства с целью облегчить взаимопонимание с Англией. В довольно резких примечаниях на полях он выразил свое несогласие с попытками подобного рода[1]. Но даже если бы он и колебался, то лживая кампания

[1] Позицию кайзера я хорошо понял не только на основании исключительно богатого материала, содержащегося в опубликованных документах (см., например, пометки на полях донесений Меттерниха от 12, 16 и 23 марта 1909 г. у Тирпица: T i r p i t z, Aufbau usw., S. 131 ff., 134 ff., 136 ff. и т. д.), но также и многочисленных неопубликованных пометок кайзера, которые он сделал на полях представленных ему газетных вырезок. В настоящее время (1932 г.) эти материалы хранятся в архиве военно-морского ведомства. Концепция кайзера явствует также из ряда неопубликованных писем. Я полагаю, что вряд ли стоит публиковать новые горы документов по этому поводу. Это все равно, что носить воду к реке.

травли Германии, поднятая английской военной промышленностью, и разгул британского шовинизма оказались бы вполне достаточными, чтобы борьба между Тирпицем и Бетманом за «душу» кайзера завершилась в пользу военно-морского ведомства. Для достижения германо-английского соглашения пришлось бы пойти на огромное сокращение военно-морского строительства. Только это могло умиротворить рьяную группировку британских шовинистов типа Никольсона, Кроу, английского посла в Париже, лорда адмиралтейства Фишера и всех представителей английской военной промышленности[1].

Новые попытки достигнуть соглашения по военно-морским вопросам между Германией и Англией

Социологической основой для достижения соглашения общественным слоем, в котором трения между Англией и Германией вызывали наибольшие опасения, было, естественно, англо-германское еврейство. Не только крупные торговые дельцы почувствовали угрозу. Даже руководитель ГАПАГ Альберт Баллин с ужасом осознал, что германский военный флот, который еще во времена бурской войны благоприятствовал деятельности его судоходной компании, ныне превратился в настоящую угрозу немецкому мореплаванию. Как ни парадоксально, но это было именно так. Германский флот, призванный прикрывать континентальный империализм, до сих пор как бы уравновешивался непрерывно растущими вооружениями Англии. И если этому соперничеству не было видно конца, то можно было вполне предвидеть конец состояния мира между Англией и Германией. Вальтер Ратенау оценивал напряженность между обеими странами примерно так же, как и Баллин. Ратенау считал, что Англия озабочена двумя сложными проблемами: экономической и колониальной. Он говорил, что новые, экономически дифференцированные отрасли промышленности, то есть машиностроение, химическая промышленность, электропромышленность, основывались на технике и организации, то есть на энергии и способностях технического и коммерческого персонала. Англия по-прежнему сохраняла превосходство в старых отраслях промышленности, которые выпускали предметы розничного потребления, но в области крупной индустрии, которая на основе разделения труда выпускала средства производства, поставляемые для промышленности потребительских товаров, Англия отстала от Германии. Ко всему этому добавлялся страх перед немецким империализмом, перед немецкой агрессией. Ратенау, первая фигура в концерне АЭГ, снабжавшем флот электрооборудованием[2], был менее активным сторонником разоружения, нежели Баллин. Однако ухудшение германо-английских отношений причиняло и ему немало хлопот. Его аргументация была, бесспорно, правильной. И хотя опасение перед непосредственной промышленной конкуренцией никогда не могло бы привести к военному столкновению между Англией и Германией, то есть не могло бы оправдать «коммерческую войну», сознание своей торговой несостоятельности все же побуждало островную державу уделять все большее внимание развитию своих военно-морских сил.

[1] Различные попытки достигнуть соглашения осенью 1908, летом и осенью 1909, летом 1910, весной 1911 гг. в социологическом отношении настолько похожи одна на другую, что едва ли есть смысл вникать в их подробности, даже если для них нашлось бы место. По этому вопросу я отсылаю читателя к периоду начала переговоров: GP, Кар. CCXXI und CCXXII, далее Tirpitz, Aufbau usw., S. 147 ff., BD, Кар. XLIV, Bülow, op. cit., 2. Bd., S. 424 f. и к описанию событий, которое еще до опубликования мемуаров Бюлова дал Бекер: Becker, op. cit., S. 379 ff.

[2] О точке зрения Ратенау см. Bülow, op. cit., 2. Bd., S. 427 ff.

Альберт Баллин, который совместно с английским придворным казначеем сэром Эрнестом Касселем, уроженцем Бонна, подготовил зимний визит короля Англии в 1908/09 году, теперь пытался в содружестве со своим английским партнером содействовать решению проблемы разоружения[1]. Обеспокоенный этим, а также донесениями лондонского посла, Бюлов незадолго до своей отставки созвал совещание, где с исключительной резкостью выявились противоречия, которые во время своего правления он ухитрялся кое-как сглаживать, а именно соперничество между ведомством иностранных дел и военно-морским ведомством. Отныне обе стороны стали враждебны друг другу. Меттерних и Тирпиц столкнулись как противники. В этой борьбе сторонники континентальной политики, естественно, ориентировались на сухопутную армию. Начальник генерального штаба фон Мольтке высказался против обострения отношений с Англией, ибо оно могло осложнить руководство армией. Правда, никто не обмолвился о том, что разработанный генеральным штабом план марша через Бельгию уже сам по себе должен привести к германо-английской войне. Ведомство иностранных дел, бесспорно, знало обо всем этом, но вело страусовую политику. Получилось так, что все ведомства действовали не согласованно, а каждое само по себе. Тирпиц и не помышлял о том, чтобы поднять авторитет ведомства иностранных дел за счет престижа собственного ведомства. Он отказался сформулировать конкретное предложение по разоружению. Атмосфера накалялась и обострялась, и когда старый капитан покинул корабль, над горизонтом нависли грозные тучи.

Новый канцлер не отличался опытностью во внешнеполитических делах. Злые языки приписывали ему заявление, что внешняя политика, дескать, весьма важная вещь и что, желая руководить ею лично, он теперь возьмется усердно ее изучать[2]. Естественно, что он стремился продолжать курс на взаимопонимание с Англией, который последнее время осуществлял Бюлов. Дипломаты рассказывали о следующем комическом инциденте: когда осенью английский посол в Берлине, приглашенный для переговоров по военно-морским проблемам, явился на Вильгельмштрассе, он с изумлением увидел, что рядом с канцлером сидит статс-секретарь, готовый запротоколировать все, что будет сказано. Очевидно, Бетман полагал, что и до сих пор все обошлось бы без неприятных недоразумений, будь все зафиксировано черным по белому на бумаге. В общем, торжествовал канцелярский стиль.

При таком положении дел с самого начала канцлерства Бетмана фактическое руководство внешней политикой само по себе перешло из рук неискушенного статс-секретаря фон Шёна в руки наиболее выдающегося специалиста Вильгельмштрассе, посланника в Бухаресте фон Кидерлен-Вехтера. Еще будучи клевретом занятого сверх всякой меры Бюлова, он сумел с чисто швабской грубоватостью добиться разрешения боснийского кризиса, что предопределило попытки сближения с Англией. Это первоначальное зондирование почвы вызвало ожесточенное сопротивление Форин офиса, мгновенно учуявшего суть немецкого маневра: путем кажущихся уступок вызволить Германию из неудобного положения и добиться выхода Англии из Тройственного союза[3].

В тот период, да и позже, попытки добиться взаимопонимания с Англией осложнялись морской политикой наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда, который под сильным нажимом дома Ротшильдов, владевших рудниками в Витковице, и преодолевая сопротивление строптивых парламентов, создал для австрийского государства современный

[1] См. Huldermann, op. cit., S. 208 ff., а также Bülow, op. cit., 2. Bd., S. 427 ff.

[2] См. Jäckh, op. cit., 2. Bd., S. 33.

[3] См. BD, VII, Гошен — Грею, 16 апреля 1909 г., с характерными примечаниями Кроу и других

для той эпохи флот, призванный соперничать с итальянцами на Адриатике. Форин офис не без раздражения рассматривал австрийские планы вооружений как дополнение к германскому военно-морскому строительству[1]. Итак, Бетман получил в наследие от Бюлова не только чиновничий аппарат, но и внешнеполитические проблемы, которые Бюлов хотел, но не сумел разрешить. Так же как в последний период бюловского правления и на первых порах канцлерства Бетмана, когда он едва начал постигать азы дипломатии и только приступил к переговорам с англичанами, роль ментора, как уже указывалось, играл фон Кидерлен-Вехтер[2]. Этот твердолобый шваб был последний из того самого трио, которое в начале девяностых годов высмеивал сатирический журнал «Кладдердатч», изображая его участников как собутыльников, любяших устриц, женщин и макароны; теперь он пытался возродить внешнеполитическую традицию первого десятилетия после падения Бисмарка. Это был период, когда нить к России уже была оборвана, но Англию все же еще нельзя было считать возможным противником. Подобно Гольштейну, который был слишком слаб, чтобы отстоять свою политическую линию от влияния империалистического развития, Кидерлен, огорченный своим провалом, ушел с арены и увлек за собой второго участника трио, князя Эйленбурга. Последний из этой тройки также не сумел восстановить то, что было утрачено. Правда, внешнеполитические традиции упомянутого послебисмарковского десятилетия проявлялись еще и теперь. В качестве последней значительной фигуры того времени можно назвать посла в Турции фон Маршалла, который проводил политику обеспечения тыла путем политического союза с Англией. Но возникли новые силы, стремившиеся изменить этот курс.

Ведомство иностранных дел вновь пыталось привлечь на свою сторону общественное мнение и посредников из Англии и Франции. Но это оказалось столь же мало успешным, как и в 1905 году. Английский рабочий лидер Рамсэй Макдональд, чьи внешнеполитические высказывания удостаивались порой оценки «хорошо» из уст самого кайзера, располагал все же слишком небольшими силами, чтобы в союзе с немецкими социалистами добиться улучшения отношений[3]. Общественным мнением управляли не рабочие, а пресса, которую по обе стороны Ла-Манша инспирировали промышленники. Перед участниками переговоров воздвигались непреодолимые трудности. Даунинг-стрит не мог удовлетвориться одним лишь регулированием темпов строительства отдельных германских военных кораблей — это не могло бы воспрепятствовать полному осуществлению программы военного кораблестроения, предусмотренной законом. Англичане спрашивали, как же в этих условиях можно сократить расходы на развертывание флота. А пойти на политическое соглашение, не достигнув предварительно соглашения относительно военно-морского строительства, английские империалисты считали невозможным. Выйти из антанты с Францией и Россией, не разрешив военно-морского вопроса, означало бы отдать коня, не договорившись заранее о приемлемой продажной цене[4]. Оба союзника Англии,

[1] О внешнеполитическом значении австрийских планов морского строительства см. BD, VI, № 157, Гошен — Грею, 17 апреля 1909 г., где приведены интересные отклики печати.

[2] См. GP, 28. Bd., S. 239 ff.

[3] О том, как статс-секретарь фон Бетман-Гольвег приветствовал в Берлине Макдональда и Гендерсона в последние дни пребывания Бюлова на посту канцлера см. «Kölnische Zeitung» v. 7.6. 1909.

[4] См., в частности, BD, VI, S. 200, Гошен — Грею, 15 октября 1909 г. Тот же — тому же, далее: BD, VI, S. 204 с сообщением о беседе Бетмана с Гошеном 4 ноября 1909 г. Я указываю именно эти документы как особенно характерные, выделяя из их огромного материала, содержащегося в BD, Кар. XLIV, XLVII, а также в GP, Кар. CXXII—CXXV; дело не только в том, что отсутствие места не позволяет мне останавливаться на подробностях, но и в том, что они не существенны для *социологического* анализа, который единственно важен в моей работе. В социологическом плане все эти факты восходят к одним и тем же причинам. Почти под всеми важными британскими документами можно прочи-

в особенности царская Россия, которую ужасала перспектива германо-английской договоренности относительно Багдадской железной дороги, в случае заключения соглашения о военно-морском строительстве между Англией и Германией, по всей видимости, потеряли бы окончательно всякое самообладание. Поэтому Форин офис, надо полагать, держал эти переговоры в секрете, что, впрочем, не исключает того, что главные интриганы из числа английских дипломатов, стоявшие на еще более правых позициях, чем Грей, возможно, занимались сбором информации частным образом. Во всяком случае, английский посол в Петербурге сэр Артур Никольсон, империалист до мозга костей, не склонный ни к малейшим уступкам, прослышал что-то об этом деле и, не теряя ни мгновения, сделал весьма многозначительный намек руководителям русской внешней политики! Внезапно петербургский журнал «Новое время»[1] выступил с соответствующими репликами. Просочилось кое-что и в немецкую прессу. Так, например, «Крейццейтунг», явно проинформированная ведомством иностранных дел, выступила со статьей, преследовавшей двойную цель: с одной стороны, показать кругам, враждебным введению новых налогов и реализации программы военно-морского строительства, что новый курс правительства не должен вызывать у них опасений, а с другой — вызвать тревогу среди той части консерваторов, которая была против переговоров[2].

В то время как германский посол в Лондоне граф Вольфф-Меттерних, выступая в торговых палатах Глазго и Лондона, пытался подготовить почву для достижения соглашения, пацифистская пресса по обе стороны Ла-Манша подхватила пробный шар, брошенный «Крейццейтунг»[3]. Этот новый маневр поддержали крупные коммерсанты и пароходные компании. Помимо германского посла, на торжественном обеде в Лондонской торговой палате выступили также депутат рейхстага и крупный промышленник Кемпф и директор судоходного общества «Северогерманский Ллойд» Ф. Гейнекен. В числе избранных слушателей были высшие представители германо-английского финансового мира и дипломатии[4]. Германский статс-секретарь по делам колоний Бернгард Дёрнбург, чья колониальная политика всецело опиралась на германо-английский финансовый капитал, находился в это время в Лондоне и с большим успехом вербовал себе единомышленников. Круги, заинтересованные в строительстве флота, перешли к активной обороне. Неофициальный представитель военно-морского ведомства, совладелец верфей и вице-адмирал в отставке фон Алефельд резко выступил на страницах «Дейче ревю» против суматохи, поднятой вокруг германо-английских переговоров, в особенности против лидера английского движения за соглашение с Германией лорда Эвбэри[5]. Если бы даже и не было фактических, так сказать, деловых затруднений, германо-английские переговоры неминуемо зашли бы в тупик из-за все усиливавшегося беспокойного тона прессы.

тать злобные примечания Кроу и Гардинджа. Кроу воспринимает все германские предложения почти как оскорбление. Ему трудно принимать их всерьез, он находит их смехотворными. И действительно, если встать на точку зрения британского империализма, то уступки такого рода, как отсрочка строительства нескольких военных кораблей, являются, конечно, совершенно недостаточными для того, чтобы добиться международного политического сдвига в масштабах, желательных для Германии.

[1] По поводу этих намеков см. GP, 10366, Меттерних — Бетману, 18 ноября 1909 г.

[2] См. статью в «Крейццейтунг» за 5 ноября 1909 г., очевидно, полученную редакцией из хорошо информированных кругов. Эта статья сразу же привлекла к себе внимание дипломатов.

[3] См., например, «Дейли ньюс» за 8 ноября 1909 г. со ссылками на статью в «Крейццейтунг».

[4] См. «Kölnische Zeitung» v. 24.11.1909. В этой связи газета называет имена Тэрпера, сэра Шустера, барона Ротшильда, барона Шредера, графа Берхема, фон Ганиель-Геймгаузена, фон Кюльмана и других.

[5] См. «Deutsche Revue», Dezember 1909. В германо-английском комитете дружбы в качестве вице-председателей заседали лорды Брэсси, Киннард, Лонсдэйл, Монтуэлл, Шэнмор, Максуэлл, Кеннеуэй, Саутуорк и другие.

В конце декабря, когда Англия, вступив в избирательную борьбу, прервала переговоры, Бетман и его статс-секретарь Шён под нажимом пангерманистов со своей стороны также несколько отступили в вопросе о военно-морском флоте[1].

В сущности, именно так проходили все германо-английские переговоры о строительстве военно-морского флота. Вновь и вновь английская политика подтверждала то, что Грей примерно в следующих словах сформулировал поздней осенью 1909 года[2]: Англия желала бы достигнуть с Германией соглашения, надеясь, что ограничение германской программы позволит осуществить и ограничение расходов на строительство британского флота. Но в случае реализации германской программы развертывания военно-морских сил эта цель оказывалась недостижимой. И когда летом 1910 года, через шесть месяцев после окончания избирательной борьбы в Англии, переговоры были возобновлены, то они закончились неудачей отнюдь не из-за внешних причин (осенью в Англии снова должны были состояться выборы), но из-за существенных трудностей, вставших на пути переговоров. Когда закончилась предвыборная борьба, была предпринята попытка снова начать переговоры. Но на этот раз, в период марокканского кризиса 1911 года, они окончательно зашли в тупик.

Попытка достигнуть германо-английского соглашения о Багдадской железной дороге

Между тем трасса Багдадской железной дороги стала столь протяженной, что [новое.—*Ред.*] правительство, чьим принципам проект дороги отвечал куда больше, нежели князю Бюлову, почувствовало необходимость начать с Англией переговоры об этой железнодорожной магистрали независимо от успеха или неуспеха переговоров о военно-морских силах. Если предшествующему кабинету было трудно уклониться от багдадской проблемы, то именно правительство Бетмана никак не могло уйти от нее. Дело в том, что личное влияние совладельцев дороги возрастало пропорционально общему капиталистическому развитию и усилению значения этого предприятия. Ряд членов наблюдательного совета «Немецкого банка», например тайный советник Бюзинг или бывший директор Роланд-Люке, заседали в рейхстаге, разумеется, как члены Национал-либеральной партии. Другой член наблюдательного совета крупный промышленник фон Эйнерн возглавлял национал-либеральную фракцию в прусском ландтаге, некоторые члены наблюдательного совета, такие, как генеральный директор по земельным вопросам Каш и начальник канцелярии Бюлова фон Лебель, поддерживали непосредственную связь с соответствующими учреждениями. После ухода Георга фон Сименса главой всего багдадского предприятия стал помощник Артура фон Гвиннера Карл Гельферих, который перекочевал из «Немецкого банка» на высокий административный пост, а затем вернулся обратно.

Продолжение строительства дороги было делом не простым. Прокладка путей через горы Тавра настолько исчерпала финансовые резервы железнодорожной компании[3], что пришлось пополнить их за счет средств, отпущенных на строительство сравнительно легкого участка в Месопотамии в сторону Персидского залива. Однако при этом возникли трения с англичанами, которым хотелось воспользоваться турецким финансовым дефицитом не только для того, чтобы заполучить в свои руки последний участок маги-

[1] См. BD, VI, № 208, Гошен — Грею, 29 декабря 1909 г.
[2] См. примечание к BD, VI, № 209, Гошен — Грею, 31 декабря 1909 г.
[3] См. GP, 9976, Гвиннер—Циммерману, 20 ноября 1909 г.

страли от Багдада до Персидского залива, но и для установления контроля за судоходством на Тигре; вместе с тем они стремились обеспечить английскому капиталу право проведения всех оросительных работ в бассейне Тигра и Евфрата[1].

В этом вопросе Англия не была склонна ни к каким уступкам, тем более, что Багдадская железная дорога не только вела к возникновению стратегической угрозы Индии и Персии, но могла быть в известной мере использована торгово-политическими конкурентами Индии, вывозившей свои товары вверх по Евфрату до Багдада. С другой стороны, повышение Турцией таможенных тарифов с целью финансирования Багдадской железной дороги противоречило интересам английских экспортеров, которые в противоположность немецким торговым кругам, тесно связанным с военной промышленностью, заботились отнюдь не о развитии турецких государственных финансов, а о создании новых рынков сбыта! Ко всему этому прибавлялось и то, что английские империалисты, поощряемые в вопросе о Багдадской железной дороге индийским правительством, которое в лице так называемой «Линчкомпани» владело большинством акций тактически важной судоходной линии на Евфрате, заручились также поддержкой Франции и помогали одной французской группе, наметившей построить железную дорогу от Средиземного моря через территорию Сирии до Багдада. Эта группа выступила с совершенно фантастическим утверждением, будто в результате ирригационных работ, проводимых англичанином Уилкоксом в Месопотамии, нижнее течение Евфрата станет несудоходным, в связи с чем возникнет необходимость изыскивать новый путь в Багдад.

За попытками достигнуть германо-английского соглашения в багдадском вопросе стояли те же социальные элементы, которые влияли и на переговоры о строительстве военно-морских сил. В декабре 1909 года состоялась встреча финансового поверенного Эдуарда VII сэра Эрнеста Касселя с директором «Немецкого банка». Общество Багдадской железной дороги, первоначально заинтересованное в финансировании всего предприятия и доведении магистрали до Персидского залива, было вполне готово поручить английскому империализму сооружение части дороги вдоль залива в обмен на получение известной части доходов от грузооборота на этом участке. Эти средства намечалось использовать для финансирования собственно Багдадской дороги. Со стороны пангерманцев на «Немецкий банк» сыпались упреки в том, что он интересуется одними только деньгами. Из сказанного видно, что эти упреки были в известной мере оправданы. Говорили, что финансовый капитал относится с полным безразличием к судьбе Германии как таковой. Поэтому ведомство иностранных дел, поддержанное германским послом, не стало сразу вмешиваться в это дело. Зимой оно окончательно подпало под влияние промышленников, выступавших против любых далеко идущих уступок. Непрерывная кампания в прессе, продолжавшаяся всю зиму, а затем и дебаты в рейхстаге по марокканскому вопросу (март

[1] Что касается состояния багдадской проблемы в тот период, см., кроме GP, Кар. CCXVI, также и BD, Кар. XLVI. Метод, к которому прибегли англичане для блокирования багдадского предприятия, в техническом отношении не так прост. По существу Англия не имела возможности сколько-нибудь значительно помешать строительству Багдадской дороги, концессия на которую была предоставлена давным-давно. Кроме того, начиная с весны 1908 г. уже существовали необходимые финансовые гарантии для прокладки ее важнейшего участка через Тавр — от Булгурлу до Хелифа. Таким образом, англичане могли прибегать только к мерам, относящимся к другим сферам деятельности. Они надеялись помешать завершению строительства уже существовавшей линии, равно как и ее продолжению до Багдада и дальше (одновременные работы на обеих магистралях представлялись важными по финансовым соображениям, о которых я говорю в тексте), запретив Турции использовать доходы от повышения таможенных сборов (финансовое положение Турции вынуждало ее увеличивать таможенные тарифы) на строительство Багдадской дороги. Поэтому перед «Немецким банком» встала проблема: как завершить строительство магистрали, не прибегая к этим финансовым источникам.

1910 года) настолько напугали правительство, что весной оно не только полностью отказалось от своего плана ведения переговоров о военно-морских силах, но также побудило «Немецкий банк» все глубже проникать в Персию и, наконец, заявило англичанам, что участок Багдадской дороги вдоль Персидского залива может быть предоставлен им только при условии заключения с Германией политического соглашения.

Форин офис панически боялся всего, что могло бы быть истолковано его союзником как предательство, и если еще осенью Англия не пошла на заключение политического соглашения в обмен на предложенные Германией уступки в области военно-морских сил, то тем меньше она была склонна подписать подобное соглашение ради этой незначительной «багдадской подачки». Таким образом, как в багдадском, так и в военно-морском вопросах имперское правительство, находясь под влиянием промышленников и зная, как сильно они воздействовали на кайзера, вынуждено было ограничиться предложениями, которые не только не произвели никакого впечатления в Лондоне, но из-за своей незначительности были там восприняты прямо-таки как издевательство над английским народом и недооценка английского общественного мнения[1]. Если на конференции в Альхесирасе британская дипломатия почувствовала себя глубоко оскорбленной «непристойными», говоря словами Бисмарка, предложениями Германии о союзе и ее манерой зондировать почву, то теперь англичанам казалось, что их попросту принимают за дураков. Возмущенный Кроу говорил по этому поводу с пеной у рта: «Если бы британское правительство намеревалось выдать Германии Францию, то, по всей вероятности, оно потребовало бы за это неслыханную цену. Но требовать от нас оставить своего союзника на произвол судьбы, да еще сверх того выдвигать кабальные условия относительно Багдадской дороги и Персии, значит замышлять план, для характеристики которого действительно нелегко найти подходящие эпитеты[2].

Итак, вместо того чтобы принять немецкое предложение о Багдадской железной дороге и тем самым спустить с цепи своих сторожевых псов — Францию и Россию, Форин офис предпочел натравить их на немецкую приманку. Переговоры застопорились, и у русских словно гора свалилась с плеч. Французов же задобрили поддержкой конкурентного проекта железной дороги от Средиземного моря через Сирию в Багдад. Как писали дипломаты, французский проект финансировался представителями еврейских кругов стран Ближнего Востока, банком «Бардак» и г-ном Андрэ Тардье из газеты «Тан»[3]. Перспектива создания этой дороги возбуждала смутные надежды на то, что Англия сможет ввозить в Месопотамию хлопчатобумажные ткани и, таким образом, вытеснит индийский текстиль, столетиями приплывавший сюда вверх по Евфрату[4].

---

[1] Постоянные указания Бетмана на давление общественного мнения и агитацию в рейхстаге были чем-то бо́льшим, нежели обычными риторическими приемами, и англичане чувствовали это. См. BD, VI, № 344, Гошен — Грею, 11 апреля 1910 г.

[2] См. примечание Кроу в BD, VI, № 344, Гошен — Грею, 11 апреля 1910 г., приложение.

[3] См., между прочим, BD, VI, № 341, Лоутер—Грею, 4 апреля 1910 г., приложение; далее: GP, 27. Bd., S. 626, примечание, и GP, 100004—11. В группу Тардье входили Оттоманский банк и банкирский дом «Бардак». За границей ее представлял некто Орштейн, натурализованный англичанин. К числу главных деятелей группы принадлежал также пресловутый «восточно-фантастический» г-н Маймон, впоследствии оказавшийся вовлеченным в нашумевшую скандальную аферу.

[4] Что касается английских интересов в Месопотамии, см. BD, VI, № 352, Грей—Лоутеру, 20 апреля 1910 г., где, между прочим, говорится: «Коммерческое положение Великобритании в месопотамской дельте исключительно во всех отношениях; с момента основания первых английских фортов в Басре, более полувека назад, это положение непрерывно укреплялось... В Басре давно уже находится британский консул, на которого возложены заботы об успешном ходе британской торговли; вплоть до последнего времени около 96 процентов судов, заходящих в порт, были английскими. Короче говоря, природа коммерческих интересов в настоящее время такова, что торговый оборот Багдада и Басры,

И вот в эту старую сферу английских интересов с грохотом и лязгом ворвались багдадские локомотивы, питаемые немецким финансовым капиталом, но ведомые младотурецким национализмом. Младотурки надеялись, что строительство дороги укрепит Турцию. Очень скоро им, однако, пришлось осознать, что англо-турецкая дружба охладевает, как только англичанам приходится идти на жертвы, вместо того чтобы вырывать все новые и новые уступки.

Германская и международная военная промышленность в борьбе за Турцию

Состояние национального вопроса в то время давало любому врагу или же сомнительному другу Турции отличнейший повод поживиться за счет «больного». Поэтому процесс присоединения Турции к Центральным державам, временно прервавшийся в 1908 году, постепенно сам по себе возобновился. Эта тенденция ускорилась с апреля 1909 года, когда потерпел крах контрреволюционный путч свергнутого султана Абдула Хамида. За этой контрреволюционной вылазкой стояли англичане[1], что, конечно, не могло содействовать улучшению англо-турецких отношений. К тому же военная промышленность Запада, действуя порой наперекор политическим интересам своих же стран[2], старалась использовать в эгоистических целях противоречия на Балканах (вопрос о Крите и т. д.), науськивая, например, греков на Турцию[3]. Турки жаловались, и успокоить их было не так-то легко. Греки давно уже мечтали о Крите, но Германия отнюдь не собиралась вступать в войну на стороне Турции. Кроме того, германский кайзер вел по отношению к Румынии, а также в греко-критском вопросе политику, определяемую родственно-династическими связями. Правда, эта политика

который в 1913 г. составил 2 миллиона 500 тысяч долларов, находится преимущественно в руках британских и индийских коммерсантов. Кроме того, ежегодное паломничество британских и индийских подданных к шиитским святыням Кербелы и Неджефа ежегодно увеличивается» и т. д. Это положение английской торговли фактически привело к рах britannica, на которой Англия и обосновывала свои права.

[1] См. GP, 9600, Маршалл—Бюлову, 3 июня 1909 г.

[2] О старом противоречии, проявившемся в особенности в области вооружений и финансовой политики, см., помимо общих замечаний в настоящей работе, также и GP, 9626, Маршалл — ведомству иностранных дел, 30 мая 1909 г., откуда видно, что французский посол Констанс выступил против политики своей страны, которая в то время продавала грекам пушки. Вообще в лице Констанса мы видим типичного сторонника французского финансового капитала. Этим и объясняется его благожелательное отношение к Германии, у которой на Ближнем Востоке были интересы, сходные с французскими. Нажим, оказанный Констансом на Турцию с целью добиться льгот для Шнейдера (1905 г.), был осуществлен по прямому указанию Делькассе. По своему характеру Констанс был республиканцем. Анри Рошфор назвал его в газете «Энтрансижан» преступником, утверждая, что именно он «устранил» генерала Буланже, любимца армии, клерикалов и военных промышленников.

[3] См. GP, 9639, Вангенгейм—Бюлову, 23 апреля 1909 г., откуда видно, что Клемансо обещал грекам давно желанный ими остров Крит при условии, если они будут заказывать пушки у фирмы «Шнейдер-Крезо», где компаньонами были братья г-на Клемансо. Однако вооружением греческого флота занимался английский капитал. Английский король вооружений сэр Базиль Захаров, чье могущество все больше возрастало, как известно, был теснейшим образом связан с греком Венизелосом. Крейсер «Георгиос-Аверов» (спущен со стапеля в марте 1910 г.) был построен в Ливорно на верфях, всецело зависевших от английского капитала. Вооружение корабля было поставлено фирмой «Армстронг». Что же касается торпедных катеров, то большая их часть поставлялась непосредственно из Англии. Тесные взаимоотношения Греции с династией Гогенцоллернов проявились, в частности, в том, что штеттинской верфи «Вулкан» также была дана возможность построить грекам несколько торпедных катеров. К началу войны эта верфь работала над выполнением другого греческого заказа — линкора «Саламис».

побуждала греков отказаться от Крита, но вместе с тем она же подкрепляла их политику вооружений[1].

Однако, несмотря на все эти преграды, отношения между Германией и Турцией уладились сами собой. Младотурецкое движение опиралось в значительной мере на офицерский корпус, в особенности на кадетов (*мектебли*), за которыми подозрительный Абдул Хамид установил слежку, поручив ее унтер-офицерам (*алайли*). Почти все высшие военные чины Турции в то или иное время побывали на прусской службе и своей подготовкой были обязаны Германии[2]. На Босфоре считали вопросом чести снова пригласить в Турцию бывшего реорганизатора турецкой армии генерала фон дер Гольца. Кольмар фон дер Гольц, чрезвычайно яркий тип — полуученый, полувоенный, полунемец, полутурок, полуаристократ, полудемократ, полуштабист, полуразведчик, слишком образованный, чтобы быть шовинистом, но слишком военный, чтобы не быть им,— отправился в Турцию (разумеется, с согласия германского правительства). Младотурки, его ученики, сопровождали его везде и повсюду. И вот опять, как во времена графа Вальдерзее, чисто военные интересы подготовки армии союзника переплелись с общими интересами германского империализма в Турции и особыми интересами германской военной промышленности[3]. Но так как, по мнению самого генерала, ценность военного потенциала турок для Германии оставалась пока что в высшей степени сомнительной[4], то из этого вытекало, что речь шла не столько о стратегических расчетах, сколько о получении крупных военных заказов. Вот к чему, собственно, и свелась суть этой миссии, как, впрочем, и ряда предшествующих. Генералу удалось побудить Турцию почти удвоить свои армейские корпуса и значительно увеличить их личный состав[5]; таким образом, экономическая сторона вопроса оказалась для Германии едва ли не важнее военного аспекта. Соответствующие заказы Турции со стороны германской военной промышленности не заставили себя ждать[6].

Но именно потому, что в военном отношении Турцию еще нельзя было принимать всерьез, подобные маневры были вдвойне опасны, ибо они могли привести к международным осложнениям. Помимо того, что великие державы снабжали оружием сухопутную армию Турции, они соперничали также в области ее морских вооружений. Эта проблема была не менее чревата тяжелыми последствиями.

Даже в крупных государствах степень вооруженности определяется вовсе не тем, что, например, какой-нибудь государственный деятель или генерал, проведя несколько бессонных ночей в чисто абстрактных рассуждениях о теоретически правильном уровне вооружений, самолично устанавливает масштабы армии и флота. Добившись одобрения парламента, он сует в карманы кипу заказов и отправляется в конторы фабрикантов. Те робко и униженно, подавленные и почти отчаявшиеся, ждут не дождутся,— не перепадут ли им хотя бы жалкие крохи из рога изобилия Фортуны. Но уж если говорить о маленьких, в особенности об экзотических государ-

[1] См. GP, Кар. CCVIII, CCIX, а также — особенно — характерное замечание Вильгельма II в GP, 9699, Маршалл — ведомству иностранных дел, 11 мая 1910 г.

[2] «Kölnische Zeitung», v. 15.8.1908.

[3] Относительно миссии фон дер Гольца см. GP, Кар. CXII A.

[4] См. GP, 9789, Маршалл—Бетману, 5 января 1910 г.

[5] Об увеличении количества войск см. «Kölnische Zeitung» v. 4.8.1910.

[6] О поставках Турции военных материалов см., например, «Кёльнише цейтунг» за 28 октября 1909 г., сообщавшую о получении Круппом заказа на девяносто полевых пушек с откатными стволами. Что касается поставок боеприпасов, то соответствующий заказ сумел получить Армстронг. По данным «Кёльнише цейтунг» за 11 августа 1911 г., Оберндорф добился того, что винтовки «Мартини», состоявшие на вооружении турецкой армии, были заменены винтовками «Маузер». Другие отрасли промышленности также наживались на этих поставках. В частности, автомобильный завод «Гаггенау» поставлял автомашины («Kölnische Zeitnung» v. 27.8.1910).

ствах с глубоко укоренившимися традициями, то подобные представления там просто невозможны. Какой-нибудь крупный европейский трест, вроде «Виккерс», «Крупп», «Шкода» или «Шнейдер», обладает куда большим влиянием, чем ничтожный министр такого государства. Более того, на Балканах эти министры недоуменно разводили руками, не вполне понимая, каких же от них ждут заказов. Объемом последних определялся размер бакшиша. Находились, конечно, хитрые лисицы, вроде черногорского короля Никиты или болгарского царя (высокородность тут не играла никакой роли), которые наживали на этом целые состояния. Что же касается Турции, то здесь подкуп был почти легализован. Но именно из-за этого все получилось как раз наоборот: поставки оружия не диктовались интересами обороны, а, напротив, сами эти поставки пробудили интерес к вопросам обороны. С момента, когда Греция заказала свои первые крейсеры, начался дьявольский круговорот. Рост вооружений Греции обострил ее желание обладать Критом. Пресса, щедро финансируемая из иностранных источников, только подливала масла в огонь. Но вооружение Греции в свою очередь провоцировало и Турцию к наращиванию военной мощи. Фабриканты, нажившиеся на поставках Греции, «деликатно» предлагали свои услуги и туркам. Реорганизация турецкой армии и флота, подгоняемая алчностью европейской военной промышленности, грозила привести к перекрытию Проливов, жизненно важных для русской экономики. Для России это было бы равносильно дилемме — быть или не быть. Наибольшая часть русского зернового экспорта, от которого зависело существование всей Российской империи, поступала из районов, расположенных к северу от Черного моря, и направлялась через Босфор и Дарданеллы. Надо ли удивляться, что те же самые воротилы военной промышленности предложили свои услуги и русскому великану, якобы для того, чтобы «спасти его от удушения». Вслед за вооружением турецкого флота последовало расширение и реконструкция русских портов на Черном море. Вплоть до самой войны на северном побережье Черного моря, в Одессе и Николаеве, не смолкал шум и грохот строительства.

Для поправки дел британской промышленности Англия поручила адмиралу Гэмблу надзор над турецким флотом или, иными словами, возложила на него задачу подбить турок на размещение военных заказов, которые, разумеется, должны были быть переданы Англии[1]. Казалось, что дружба англичан с молодой Турцией начинает приносить плоды. Но уже в начале 1910 года положение адмирала пошатнулось. В начале февраля пресса сообщила, что он не находит общего языка с новым военно-морским министром, а через несколько дней стало известно, что Турция — о ужас! — заказала данцигской фирме «Шихау» четыре торпедных катера[2]. Таким образом, германская военная промышленность начала включаться в этот дьявольский круговорот вооружения[3].

Германия уже надеялась сбыть Турции строящийся тяжелый крейсер, первоначально предназначавшийся для германских военно-морских сил. Немцы не смущались связанными с этим неприятностями и рассчитывали

---

[1] В связи с этим см. главным образом GP, Кар. CCXII B.

[2] Сведения, содержащиеся в германских документах, следует дополнить сообщениями «Кёльнише цейтунг» от 28 января, 8 и 13 февраля и т. д. Согласно этой информации, истинная причина разногласий между Гэмблом и новым военно-морским министром заключалась отнюдь не в «младотурецких грешках», с которыми было связано темное прошлое Гэмбла, но в турецких заказах на строительство кораблей германским верфям.

[3] В этой связи см., в частности, GP, 9808 и. 9810 (записи Шёна от 29 марта и 1 апреля 1910 г.). После падения Гэмбла «пробил час» германской тяжелой промышленности. По этому поводу см. главным образом GP, 9812 (запись Штемриха от 2 июля 1910 г.)

заставить Турцию заказать в Германии еще ряд военных кораблей[1]. Однако победа осталась за английским фунтом. Англия сумела навязать Турции нового британского адмирала, в связи с чем поставки немецких военных кораблей, вполне осуществимые технически, оказались практически почти невозможными[2]. Все-таки было не слишком удобно показывать английскому морскому волку новейшие чудеса германского судостроения. Наряду с этими событиями происходила интермедия династического порядка. В мае 1910 года Вильгельм II отправился в Лондон на похороны короля Эдуарда VII. Там он встретил короля эллинов, который так умело «обработал» его, что кайзер почувствовал себя обязанным сделать что-нибудь для «родственной по крови» греческой династии, дабы предотвратить, хотя бы на данный момент, чрезмерное усиление Турции[3]. Так кровные связи скрестились с поставками кораблей. В этом исключительном случае неудачи германской военной промышленности оказались кайзеру на руку.

Все это полностью расходилось с желаниями ведомства иностранных дел, представлявшего интересы германского «багдадского империализма» и пытавшегося тем самым «заставить рассердиться русских»[4] (эта невероятно наивная фраза могла возникнуть только в ведомстве, действующем в старинном бисмарковском духе). Поэтому когда турецкий генеральный штаб стал снова проявлять настойчивость[5], ведомство иностранных дел решило взять быка за рога и порекомендовало кайзеру[6] быть возможно более предупредительным по отношению к туркам. Трудно было ожидать, что у Германии появится еще один такой удобный момент. Следовало ковать железо, пока оно было горячо, и использовать то счастливое обстоятельство, что во главе турецкой армии стоял такой влиятельный человек, как Махмуд Шевкет-паша, который, хотя и брал не меньшие взятки, чем остальные турки[7], но отличался энергией, был надежным другом Германии и в особенности ее военных промышленников. Недаром же, прослужив в течение десяти лет у Маузера на Неккаре, он научился говорить по-немецки с характерным швабским произношением. Влияние такого человека и его стремление к наживе, казалось, были залогом того, что если Германия проявит «любезность» и вызволит Турцию из беды, предоставив ей несколько готовых кораблей для защиты от Греции, то она не только застрахует свой рынок сбыта в военном отношении, но одновременно обеспечит своей военной промышленности дополнительные заказы. А если бы вдруг турки оказались непонятливыми, что ж, тогда на них можно было бы деликатно поднажать. После того как Германия договорилась с Турцией о поставке двух устаревших кораблей класса «Бранденбург», немцы при калькуляции стоимости этих судов попытались оказать на заказчика некоторое давление, чтобы гарантировать себе возможность новых турецких заказов в будущем[8].

---

[1] Еще до того как было принято окончательное решение о назначении нового турецкого адмирала, чья национальность была по техническим причинам существенна для продажи германского корабля (см. текст ниже), Тирпиц, учитывая возможность заказа Турцией кораблей английским верфям, отказался от продажи (записи фон Мюллера от 26 марта 1910 г. Документы военно-морского ведомства), однако вновь подчинился желанию кайзера (GP, 9808—9810).

[2] См. GP, 9815, Маршалл — ведомству иностранных дел, 6 июня 1910 г.

[3] См. пометки Вильгельма II на полях в GP, 9815, Маршалл — ведомству иностранных дел, 6 июня 1910 г.

[4] См. GP, 9819, запись Гризингера, 23 июня 1910 г.

[5] См. GP, 9817, донесение фон Штремпеля, 9 июня 1910 г., а также GP, 9818 ff.

[6] Документы военно-морского ведомства.

[7] По сообщению «Цукунфт» от 21 июня 1913 г., стр. 380 и след., Махмуд был обвинен в том, что активно содействовал растранжириванию состояния Абдул Хамида, которое составляло 47 миллионов турецких фунтов; кроме того, он путем шантажа получил от свергнутого с трона султана чек на 4 миллиона франков.

[8] Материал излагается в соответствии с документами военно-морского ведомства, которому кайзер в конце июля, когда продажа уже была подготовлена ведомством иностранных дел, поручил завершить «оставшиеся технические формальности».

В случае если бы турки не дали твердого обещания размещать заказы на немецких военных заводах, Тирпиц заклинал кайзера, чтобы тот не сбавлял цену, мотивируя это тем, что рейхстаг, мол, ни за что такую низкую цену не утвердит. А если, дескать, турки пообещают дать германским промышленникам новые заказы[1], то тогда можно пойти на известные уступки. Почти в тот же самый момент, когда кайзер выразил свое согласие с подобной тактикой[2], он получил от своего посольства из Константинополя донесение, из которого явствовало, что любая затяжка чревата опасностью полного провала всей сделки. Поэтому Вильгельм решился рекомендовать военно-морскому ведомству незамедлительно подписать соглашение[3]. Эта история все-таки имела важные последствия. Теперь Германия включилась политически в гонку вооружений на Босфоре. Но любое усиление турецкого флота вынуждало русских проявлять соответствующие заботы и о своем флоте[4]. При этом инициатива усиления турецкого флота меньше всего должна была исходить от Германии, находившейся под стратегическим давлением со стороны России. Следуя заветам Бисмарка, немцы должны были всеми средствами маскировать и утаивать от русских свои позиции на Босфоре.

Русские считали, что укрепление турецкого флота не только ставит под угрозу фланг русских войск в случае их возможного похода через Малую Азию на Константинополь, этот ключ к Турецкой империи; они даже начали опасаться турецкого удара по Батуму. Поэтому русское адмиралтейство немедленно поставило вопрос о строительстве четырех кораблей в Севастополе[5]. Однако наличие русских дредноутов на Черном море оправдывалось лишь наполовину, если эти корабли не могли проходить через Проливы. Состояние русских финансов вряд ли допускало такую роскошь, как создание двух флотов — и на Черном море, и на Балтийском. Таким образом русский марш в сторону Константинополя становился все более вероятным, причем речь шла не столько об акте обычной империалистической агрессии, сколько о действительно необходимой мере для обеспечения интересов русской экономики. Любое укрепление Проливов турецкими сухопутными или морскими силами невольно влекло за собой усиление военных приготовлений России. Это позволяло тем же фабрикантам, которые наживались на поставках Турции, снабжать своей продукцией и Россию и, тем самым, все больше форсировать гонку вооружений. Благодаря этому русская политика по отношению к Проливам все больше принимала обычный империалистический характер. Из этого замкнутого адского круга европейской гонки вооружений, где дело шло не только о том, чтобы внушить государствам страх друг перед другом, но и свернуть шею одной из великих держав, никакого выхода не было.

Германские интересы в Турции, как было сказано, отчасти совпадали с интересами, вызвавшими всю эту ситуацию. Они оказались настолько значительными, что Германия уже не могла попросту бросить Турцию на произвол судьбы, подставив ее под контрудар России. Не удивительно, что именно в это время, то есть в 1910 году, непрерывно прощупывались возможности военных соглашений, а дипломаты выясняли шансы на вовлечение Турции в Тройственный союз.

Английские военные промышленники, стремясь к политическому обеспечению своих интересов в Турции, использовали ненависть, питаемую

[1] Судя по многочисленным документам по этому вопросу, речь идет о Круппе и верфи «Блом унд Фосс».

[2] Мюллер—Тирпицу, 31 июля 1910 г. (Документы военно-морского ведомства.)

[3] Мюллер—Тирпицу, 1 августа 1910 г. (Документы военно-морского ведомства.)

[4] О непосредственном воздействии турецких планов вооружений на русскую политику см. B. von Siebert, Graf Benkendorfs diplomatischer Schriftwechsel, 2 Aufl., Berlin 1928, I, S. 287 ff., 298 f., 302 ff.

[5] См. секретное донесение русского военно-морского атташе Зиберта, I, стр. 308 и далее.

к Германии Россией и остальными членами Антанты. После продажи немецких линкоров английская пресса с возмущением стала задавать вопрос: какая же польза в том, что английский адмирал реорганизует турецкий флот, если, несмотря на это, Турция покупает корабли у Германии. Стало известно, что попытки турок получить в Лондоне заем потерпели крах, что также обусловливалось покупкой кораблей у Германии[1]. Связанное с этим вмешательство Форин офиса, воспротивившегося намерению сэра Эрнеста Касселя и основанного им банка «Нэшнл бэнк оф Тэрки» предоставить Турции аванс[2], соответствовало интересам английских военных фирм.

В итоге, как мы видим, выявился единый франко-британский фронт, который в свете явной заинтересованности России в ослаблении германских позиций действовал в известном смысле (хотя и не стопроцентно) и в интересах России. Борьба Англии против турецких финансов явилась лишь фрагментом великой экономической битвы, которую начали французы, а особенно Оттоманский банк и его директор Ревуаль, издавна связанный с домом Крезо. Цель этой борьбы, так же как и в 1905 году, заключалась в том, чтобы, оказав финансовый нажим на Турцию, заставить ее не только размещать свои военные заказы на предприятиях «Крезо»[3], но и поставить всю ее национальную экономику в полную зависимость от Франции. Мощное французское наступление повергло немецкого посла в Турции в панический страх. Во весь голос стал он взывать к немецкому капиталу, который, как и всегда в подобных случаях, оказался более неуклюжим, неповоротливым и инертным, чем капитал французский. В конце октября дела приняли в высшей степени критический оборот. Андрэ Тардье, бывший главным руководителем строительства упомянутой французской железнодорожной линии через Сирию в Багдад и особенно горячо желавший скорейшего успеха французского финансового наступления, полагал, что цель уже достигнута. Ловко задуманное предложение о посредничестве, якобы призванное облегчить положение Турции, в действительности было рассчитано на полный подрыв финансовой базы Багдадской железной дороги[4] и на обеспечение успеха проекта Бардак — Тардье — Орнштейн.

Социология германского империализма в Турции

Однако интересы германского капитала в Турции были уже настолько крупными, что Германия не могла безучастно примириться с таким поражением. Высшие финансовые круги Центральных держав объединились, чтобы нанести решающий контрудар и отвести французскую угрозу. В конце октября Гельферих собственной персоной прибыл в Константинополь, где с помощью этих финансистов добился удовлетворения турецких притязаний на заем и благоприятного поворота в вопросе о Багдадской дороге. Германо-австрийский консорциум, возглавляемый всеми ведущими банками, дал туркам необходимые деньги[5]. В то же самое время турки, основываясь на договоре, ранее заключенном с «Немецким банком» и соответственно интерпретируя этот

[1] «Hamburger Nachrichten» v. 12.8. 1910.
[2] См. Schulthess, 1910, S. 611.
[3] См. GP, 10051, Маршалл — ведомству иностранных дел, 17 октября 1910 г.
[4] См. GP, 10057, Маршалл — ведомству иностранных дел, 28 октября 1910 г.
[5] Заем в 7 миллионов с оптацией банков на дополнительные 4 миллиона турецких фунтов был эмиттирован при курсе в 81,5 и 4 процента годовых. Путем дисконтирования эмиссии, которую предполагалось осуществить лишь следующей весной, а также благодаря разнице между превышенным курсом и эмиссионным курсом, заем, как и комиссионные суммы, несмотря на первоначальные опасения банков, оказался все же прибыльным делом.

договор, обеспечили возможность завершения строительства Багдадской железной дороги на условиях, при которых отпадал вопрос о привлечении блокируемых англичанами избыточных доходов за счет предусмотренного увеличения таможенных тарифов. Все это было оговорено весьма искусно и предотвращало дальнейшие махинации Антанты в отношении Багдадской дороги[1]. Таким образом, финансы Тройственного союза были выведены из игры. Германский империализм впервые показал, что финансово-политическая борьба с его противниками стала ему по плечу.

Все события этих лет постепенно привели к заметному изменению структуры германского империализма. Около 1900 года против англичан выступали только сторонники военно-морского строительства, представители тяжелой промышленности, экспортеры, колониальные политики и среднее сословие. В ту пору германский «багдадский империализм» строил свою политику на хороших отношениях с Англией. Но постепенно положение изменилось. Теперь крупные банки были связаны тысячами нитей с тяжелой индустрией, а следовательно, и с военной промышленностью. Это привело к заинтересованности в новых источниках сырья, к производству оружия и строительству военных кораблей. Что касается Багдадской дороги, которую ее основатель Георг фон Сименс намеревался построить на английские деньги, то теперь она могла быть завершена лишь при условии преодоления сопротивления Англии. Понятно, что высшие финансовые тузы меньше всего хотели войны с Британской империей, но все же вопрос о войне стал муссироваться и в этих кругах. Время от времени с воинственными заявлениями выступали люди типа Баллина или Швабаха. Все явственнее в германо-английских отношениях проступали два противоречивых начала: и «друг с другом» и «друг против друга». Банки продолжали вести дела с Англией, однако не отступали от своих империалистических целей.

В этих условиях возникла особая сфера интересов, представляемая немецкими и еврейскими торгово-промышленными и культурными кругами, неразрывно связанными с общеимпериалистическими интересами Германии. Отношение к этим кругам было различным: некоторые пангерманцы поносили их, аграрии и аристократия открыто выступали против них. Пангерманцам не нравилось, что капиталы этих кругов не были «чисто немецкими»[2], аристократам претила их социальная природа[3], а аграрии враждовали

---

[1] Подробности этой истории таковы.

В обмен на свой заем французы потребовали предоставить им фактический контроль над всеми турецкими государственными доходами. По инициативе Вильгельма II к 31 октября немцы приготовили для турок необходимую сумму. Вслед за этим турецкий министр финансов Джавид, побывав 25 октября в германском посольстве (см. GP, 10054 u. 10056, Маршалл — ведомству иностранных дел, оба донесения от 25 октября 1910 г.), сразу же ухитрился устранить все трудности, связанные со строительством участка Хелиф—Багдад. При этом Турция убедила Германию отказаться от дополнительных таможенных сборов, поскольку les excédents des revenues concédées (излишки, отданные под залог Багдадской железной дороге, из той части государственных доходов Турции, которая была отдана под залог европейскому капиталу) возросли настолько, что необходимость в дополнительных доходах за счет повышения таможенных тарифов действительно отпала. Кроме того, Турция заявила о своей готовности отнести в пользу Багдадской дороги излишки, предусмотренные гарантийными обязательствами в связи с эксплуатацией более старых анатолийских железных дорог. Это было достигнуто путем соответствующей интерпретации существующих договоров. При помощи этого маневра англичане были лишены возможности выступить против повышения таможенных тарифов.

[2] Освещение взглядов пангерманцев в вопросе о Багдадской дороге см., например, в «Кёльнише цейтунг» за 5 октября 1907 г. «Гамбургер нахрихтен», верная русофильской традиции времен Бисмарка, как правило, также боролась против «идентификации интересов Германской империи с интересами Немецкого банка» («Hamburger Nachrichten» v. 2.6. 1908).

[3] О яростных нападках дворянства на эту сферу, считавшуюся буржуазной, см. GP 60249. Вильгельм II — Бюлову, 12 октября 1905 г.

с ними, опасаясь того, что в Малой Азии могут возникнуть новые крупные житницы[1].

Во главе Багдадского предприятия стоял Артур фон Гвиннер, отпрыск известной франкфуртской семьи, с которой был дружен Шопенгауэр, и зять коммерческого советника Бейта фон Шпейера. Вместе с О. Браунфельсом из банкирского дома «Якоб С. Г. Штерн» фон Шпейер был совладельцем строительной фирмы «Филипп Гольцман», строившей багдадскую трассу. Заинтересованность еврейских кругов в экономическом наступлении Германии на Востоке объясняется не только моментами чисто финансового характера. Пауль Натан объездил Палестину, стремясь создать там для германского еврейства особую сферу влияния. Что касается научных ориенталистских обществ и ориенталистики вообще, то и здесь евреи занимали ведущее положение. Барон Макс фон Оппенгейм привез на родину ценнейшие свидетельства хеттской культуры, найденные им во время археологических раскопок на Востоке*. Немецкое ориенталистское общество в свою очередь обрело сильного покровителя в лице берлинского мецената Джемса Симона. Члены этого общества часто собирались на его вилле в Тиргартене. Так переплетались научные и финансовые интересы. В Немецком комитете Малой Азии «Национальный банк Германии» был представлен Виттингом, братом Максимилиана Гардена.

Но сколь ни была велика роль подобных банкиров и военных промышленников в развитии ориенталистских устремлений германского империализма, в глазах широких масс она отступала на второй план, освобождая место немецким пионерам, осваивавшим Восток. Речь идет о немецких офицерах, чья деятельность в Турции казалась им романтичной. Помимо Кольмара фон дер Гольца, можно назвать генерала фон Имгофа, фон Диттфурта и многих других. Были тут и инженеры — строители железных дорог. Например, Мейснер-паша, построивший дорогу в Геджасе, фон Капп, проложивший магистраль из Аммана в Алеппо, и советник строительства Макензен — строитель Багдадской дороги. Были тут и другие специалисты по строительству железных дорог, создававшие соединительные трассы между главными магистралями, благодаря чему общая сеть континентальных железных дорог становилась все более переплетенной и густой. Были тут и врачи, например знаменитый доктор Ридер-паша, исследователи и ориенталисты Эд. Майер, Фр. Делицша, маститый Эрман, фон Лушан и т. д., пропагандисты научного толка, например Гуго Гроте, романисты вроде писательниц Бэлоу и Маркардсен-Кампгевенер, наконец, журналисты: корреспондент «Франкфуртер цейтунг» Пауль Вейц, всецело преданный Маршаллу, Пауль Рорбах, то и дело курсировавший между Берлином и Багдадом, не говоря уже об Эрнсте Екке, друге Кидерлена и многолетнем издателе «Неккарцейтунг». Екк был весьма оптимистическим сторонником политики «маятника», другом Тирпица и очень любил Восток, чем, по-видимому, и объясняется то, что в конце концов он отправил в Германию целый вагон младотурок[2]. Но ведь и «багдадский империализм» рядился под «сказочный Восток». Всю эту пеструю толпу замыкала группа фантастов, возглавляемая Рудольфом Мартином, по мнению которого рельсы багдадской железной дороги были призваны окончательно расчленить Британскую империю на составные части.

---

[1] Именно поэтому и «Дейче тагесцейтунг» непрерывно выступала против строительства Багдадской железной дороги («Deutsche Tageszeitung» v. 11.3. 1907 u. 4.5. 1911).

[2] В этом вопросе Екк сотрудничал с издателем журнала «Тюркише иллюстрирте цейтунг» Ахмедом Сезан-беем («Kölnische Zeitung» v. 16.6. 1911).

* Антанта видела в Оппенгейме опасного и притом главного агента германского империализма; см., например, DD, 2-me serie, vol. 10, N 51, Камбон — Буржуа, 11 мая 1906 г.

Прямо-таки магнетическая притягательность Востока возрастала с каждым днем. Немцы уже «мобилизовали» свои латифундии, чтобы превратить их в империалистические дифференциальные ренты. С большим шумом начал утверждать свои позиции на Востоке княжеский концерн Гогенлоэ и Фюрстенбергов. С 1908 года эти магнаты контролировали Палестинский банк и Левантскую судоходную линию. К ней впоследствии добавился и морской путь в Северную Африку («Атласлиние»), соперничавший с «Северогерманским Ллойдом». Впрочем, «Атласлиние», возглавляемая зятем Густава Штреземана, неким Клеефельдом, прекратила свое существование из-за внутренних организационных неполадок. Гораздо важнее подобных экспериментов был технический прогресс германского капитализма в целом. Электростанции, газовые заводы, угольные шахты, морские причалы, ткацкие и иные фабрики, трамваи и т. д. придавали Константинополю и другим городам Востока все более западный облик. За подобные преобразования Восток платил Западу вполне определенные проценты. Участвуя во всех этих мероприятиях, Германия вместе с другими западными державами все больше вползала в страны Востока.

Последняя попытка достижения германо-русского взаимопонимания. Потсдамское соглашение 1910 года

Однако все эти успехи, достигнутые в борьбе с Англией, и прежде всего финансово-политическая победа 1910 года, с точки зрения внешнеполитической, неминуемо повисли бы в воздухе, не будь налицо постоянного улучшения германо-русских отношений, которые были органической предпосылкой всех этих преобразований еще в самом их начале. Правда, Россия не так-то легко могла забыть тяжелое поражение, нанесенное ей во время боснийского кризиса в 1909 году. Встретившись в том же году с итальянским королем в Ракониджи, царь договорился с ним, что, в случае выступления Италии против турецкого Триполи, Проливы будут контролироваться Россией. Это явилось документальным доказательством того, что «хоть храбрец и отступил на шаг назад», он все же, как и Пруссия после Ольмюца, «глаз с цели не спускал». Но, с другой стороны, русские, не завершившие программу своих вооружений, пока что не торопились. Идея болгаро-румыно-турецкого союза на Балканах, выдвинутая русской дипломатией, свидетельствовала о том, что в это время Россия помышляла скорее об обороне, нежели о наступлении.

Вопрос о том, окажется ли Германия к моменту начала этого наступления противником, был не вполне ясен. Так или иначе, Петербург не мог пройти мимо того, что Германия по-прежнему оставалась его важнейшим покупателем. Еще в 1912 году германскому экспорту в Россию, составлявшему 679,8 миллиона марок (7,6 процента общего экспорта Германии), противостоял импорт в Германию русских товаров стоимостью 1527,9 миллиона марок (14,3 процента общего импорта Германии), причем русские поставляли немцам преимущественно сельскохозяйственные продукты. Правда, впоследствии объем русского экспорта в Германию уменьшился, что привело незадолго до начала мировой войны к острому торгово-политическому конфликту. Но пока что Россия продолжала в значительной мере зависеть от Германии и в финансовом отношении. Парижский резервуар оказался слишком мал. Еще в 1911 году один немецкий дипломат не без оснований назвал Берлин главным рынком для русских капиталов[1].

[1] См. GP, 11753, Люксбург — Бетману, 9 мая 1911 г.

Эти хорошие немецко-русские отношения, подкрепляемые традиционной дружбой монархов, еще в 1910 году стимулировались особым характером политических сдвигов в Азии. Россия была прикована как к Китаю, так и к Персии. По этой причине подчас ослаблялось давление на германскую восточную границу, подобно тому как это было и в девяностых годах, что, впрочем, не сдерживало развития событий на юге Германии и на Балканах.

Англо-русское соглашение 1907 года не только не урегулировало персидский вопрос, но, напротив, обострило его. Очень скоро европейский социализм отметил вспышки революционного движения как в Персии, так и в Китае — странах, которые, обороняясь от наступающего капитализма, подняли знамя национальной борьбы. Владимир Ульянов-Ленин, который, как некогда Карл Маркс, с радостью отмечал всякий симптом революционного движения, независимо от того, под каким флагом оно развивалось, уже в 1908 году мог с удовлетворением констатировать, что контрреволюционная коалиция великих держав с Россией во главе начала опасаться азиатской демократии. Ленин усматривал связь между победой персидской революции, усилением борьбы индийского народа за независимость и китайским движением[1].

Англо-русский государственный синдикат, державший в своих руках Персию, постепенно развалился: в 1909 году шах, которому покровительствовал царизм, был изгнан из страны. Англия, как это нередко случалось с ней и в прошлом столетии, очутилась в неприятном положении: поддерживая в иностранном государстве «конституционное движение», она вместе с тем преследовала в нем свои корыстные цели. Интересам русских текстильных фабрикантов, нуждавшихся в персидском рынке сбыта, с английской стороны противостояло активное желание обеспечить сбыт индийской мануфактуры, равно как и общие финансовые интересы барона Рейтера и группы Зелигмана, которым принадлежало Рейтеровское агентство. Русофильская политика Форин офиса зашла в тупик.

Во время балканских кризисов 1907—1909 годов Германия была озабочена в первую очередь тем, чтобы утвердиться в Турции и строить Багдадскую железную дорогу. В результате политика Германии в отношении Персии скорее активизировалась, нежели ослабла. Дело в том, что усиление германской экспансии на Востоке давало возможность немецкой дипломатии ценой отказа от Персии добиться от русских весьма существенных контруслуг[2].

---

[1] Из статьи, опубликованной в «Пролетарии», октябрь 1908 г. (цитировано по «Интернационале прессекорреспонденц», 1932, № 33).

[2] Усиливавшаяся активность немецкой дипломатии в вопросе о Персии и попытки этой дипломатии воспротивиться возросшему влиянию Франции на персидские дела совпадают с дискуссией о Марокко не только по времени. Активность дипломатии, пожалуй, связана и по существу с парламентской критикой деятельности ведомства иностранных дел. По этому вопросу см., например, GP, 10105, Шён—Пурталесу, 29 марта 1910 г. и его записи в GP, 10105, 8 апреля 1910 г. (В этой связи см. также данные в BD, VI, № 371, де Салис—Грею, 24 мая 1910 г., в особенности замечания о том, насколько германская политика того периода находилась под влиянием промышленников.) Немецкий банк командировал в Персию своего эмиссара, поручив ему изучить вопрос о возможности строительства железных дорог в этой стране (GP, 10108, Пурталес—Бетману, 14 апреля 1910 г.). Видимо, и сам кайзер, потрясенный дискуссией о Марокко, подпал тогда под влияние заинтересованных кругов — ведь не случайно он внезапно начал ратовать за активные действия в персидском вопросе. (См. разноречивые пометки на полях в GP, 10110, Квадт — Бетману, 28 апреля 1910 г. Там же см. определение официальной политики ведомства иностранных дел. См. далее весьма раздражительные по тону замечания на полях, сделанные Вильгельмом II в GP, 10113, Шён—Вильгельму II, 7 мая 1910 г.) Но, как и всегда, настроение Вильгельма II могло день ото дня меняться. Из Лондона, куда кайзер поехал на похороны Эдуарда VII, он направил ведомству иностранных дел (под явным влиянием англичан) указание воздержаться от активных мероприятий в Персии. Ведомство иностранных дел последовало этому повелению с тем большей охотой, что оно полностью соответствовало его собственной позиции. (GP, 10125, Бетман — Вильгельму II, 21 мая 1910 г.)

Этот «размен» облегчался растущим напряжением в Азии, которое вынуждало Россию в еще большей мере добиваться безопасности своих западных границ. Осенью 1910 года Германии удалось договориться с русским министром иностранных дел, сопровождавшим царя в Берлин и Потсдам, о том, что русские не будут мешать Немецкому банку «идти на Багдад». Кроме того, русские обещали продлить ветку Багдадской дороги, ведущую к персидской границе, до Тегерана. Этим повышалась рентабельность всей малоазиатской железнодорожной сети, созданной Немецким банком. В то время финансирование собственно Багдадской железной дороги было сопряжено с весьма значительными трудностями. Поэтому едва ли можно утверждать, что Немецкий банк пошел на большую жертву, если ценой отказа от строительства железной дороги в Персии он обеспечил себе такие большие преимущества. Таким образом, в ходе переговоров между германским и русским ведомствами иностранных дел было решено, что Северная Персия будет сферой интересов России*. Немцы попытались пойти дальше и заключить нечто вроде политического пакта о ненападении[1], однако русские союзники уклонились от этого предложения[2].

Но если дипломатические успехи и не оказались столь крупными, как того желали на Вильгельмштрассе, то все же, к вящему недовольству Лондона, военная промышленность позаботилась о том, чтобы ускорить сдвиг политических сил на международной арене. Англичане непрерывно жаловались на то, что корабли под французским флагом доставляют в порты Маскат и Джибути большое количество оружия, направляемого персидским противникам Англии. На эти жалобы последовал дружественный и составленный в любезных выражениях ответ Кэ д'Орсэ, в котором говорилось, что, учитывая могущество людей, контролирующих эти поставки, и их связи с «колониальной группой», то есть с самой влиятельной группировкой парламента, французское правительство в данном случае вмешаться не может[3]. Да и почему, собственно, союзники должны были быть лучше своих же соотечественников: ведь во главе этих контрабандных поставок оружия опять-таки стояли английские предприятия и прежде всего знаменитые заводы Бирмингема. Не случайно индийское правительство считало, что ему угрожает английское оружие[4]. Когда весной 1911 года у французской дипломатии хватило наглости потребовать у англичан согласия на продление французского контроля за контрабандным ввозом оружия в Марокко, терпению Форин офиса пришел конец. На фоне того, что происходит в Персии, мрачно заметил Кроу, эти требования французов нельзя назвать иначе, как бесстыдными[5].

Не удивительно, что при таких методах политической борьбы персидский вопрос становился все более важным, особенно в 1911 году. Нацио-

---

[1] Строго говоря, речь шла только о соответственном воздействии на обоих союзников, чьи возможные агрессивные намерения хотелось обуздать заранее; в этом были заинтересованы оба эвентуальных контрагента по пакту. (GP, кар. CCXVIII u. CCXIX.)

[2] Во Франции и в Англии Потсдамское соглашение произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Французский министр иностранных дел Пишон подвергся весьма резким нападкам. Что касается настроений англичан, см. N i l s o n, op. cit., p. 358 ff. Все же Никольсон пытался отыскать в этих соглашениях и хорошую сторону.

[3] «Kölnische Zeitung», v. 7.1. 1911.

[4] Ibid., 19.2. 1911.

[5] См. BD, VII, № 284, примечание Кроу на французском меморандуме от 22 мая 1911 г.

* В последующие годы Немецкий банк, к большому огорчению Кэ д'Орсэ, пытался использовать свое соглашение с русскими относительно Багдадской железной дороги как своего рода «моральный фактор» для освоения парижского финансового рынка. См., например, DD, 3-me serie, vol. 3, № 426, министерские записи от 18 сентября 1912 г. По данным DD, 3-me serie, vol. 4, p. 68 f., русские выступали против этого плана; они хотели воспользоваться преимуществами, которые давало им Потсдамское соглашение, но не намеревались укреплять позиции Багдадской железной дороги.

нальные революции в Азии и по сей день в большой мере поддерживаются поставками европейского оружия*. В этом отношении ситуация в Персии в известной мере сходна с обстановкой в Китае, где в том же 1910 году возник весьма острый кризис.

Политика Германии в китайском вопросе

Позиция великих держав в Китае и Южной Америке в общем свидетельствует о том, что империалисты способны договариваться друг с другом, если действия одной державы не угрожают основам могущества другой. В Китае, как и в Южной Америке, где немцы не угрожали Англии в военном отношении, обе державы действовали рука об руку. Больше того, Англия приветствовала Германию как фактор равновесия по отношению к третьим державам. Ведь усиление германо-английского соперничества само по себе отнюдь не исключало трений, происходивших между Англией и третьими державами, а именно с Соединенными Штатами и в особенности с Россией.

Как и прежде, германская политика в Китае направлялась «Дисконтогезельшафт» через посредство «Немецко-Азиатского банка». В 1910 году в Китае действовал германо-англо-франко-американский синдикат. Уже хотя бы по составу партнеров можно заключить, что американский империализм, который до тех пор не принимался здесь в расчет, начал заметно активизироваться.

Именно в 1910 году можно было наблюдать особенное оживление американского экспансионизма. Проект строительства железной дороги из Цицикара в Айгунь, разрезавшей маньчжурский участок русской Транссибирской дороги пополам, свидетельствовал о наивной бесцеремонности американских предпринимателей. Не считаясь с тем, что Маньчжурия была «сферой освоения» Японии, американцы тем самым как бы насильно сблизили двух давнишних врагов — Россию и Японию[1]. Таким образом нарушилась традиционная английская политика равновесия на Дальнем Востоке.

За американским проектом строительства дороги стояли могущественные английские интересы[2], что, однако, не способствовало укреплению русско-английских отношений. Вообще Россия относилась к Китаю совсем иначе, нежели западные индустриальные державы. Если Запад и Соединенные Штаты стремились поддержать Китай займами, которые стимулировали бы промышленный экспорт из Старого и Нового Света, то Россия, руководствуясь своими интересами в Маньчжурии, помышляла об ослаблении Китая. Не удивительно поэтому, что члены Тройственного согласия, окончательно сложившегося в Ревеле, действовали в Китае один против другого. Не только англо-русские, но и франко-русские отношения на Дальнем Востоке были довольно напряженными. Вряд ли кто-нибудь критиковал русскую политику в этом районе резче, чем те французы, которые финансировали Китай[3]. Ко времени потсдамских переговоров между Германией

[1] См. GP, Кар. CCL, CCLI.

[2] GP, 32. Bd., S. 176 Anm. Здесь Фрейд, известный в финансовом мире деятель, назван человеком, стоявшим за кулисами американского проекта строительства железной дороги.

[3] См. GP, 11754, Люксбург — Бетману, 29 мая 1911 г. В дипломатической переписке Извольского мы находим немало доказательств соперничества между торговым капиталом царской России и французским финансовым капиталом на Дальнем Востоке.

* Что касается данного вопроса, по которому автор в свое время располагал значительными материалами (ныне утраченными), то Франклин Д. Рузвельт создал в первые годы своего президентства комиссию сената США для проверки деятельности военной промышленности. Эта комиссия, в которой председательствовал сенатор Джеральд П. Най, собрала потрясающие доказательства.

и Россией в конце 1910 года все это было для последней особенно неприятно. Американское наступление и активная деятельность Японии, которую можно было лишь до поры до времени рассматривать как союзника, и, наконец, подчиненное своим особым законам внутреннее развитие Китая, где хозяйничали также и немецкие военные промышленники[1], вынуждали Россию к повышенной бдительности. Через несколько дней после потсдамских переговоров русский кабинет обсуждал вопрос об увеличении вооруженных сил России на Дальнем Востоке[2].

Английские уступки в вопросе о военно-морских силах

Вся эта общая конъюнктура служила поддержкой германской внешней политике; однако она ослабляла английский империализм, переживавший тогда тяжелый внутренний кризис из-за противоречий между ирландскими и внутрианглийскими финансовыми проблемами. Выступления рабочих, ирландцев и сторонников беспошлинной торговли пугали не только палату лордов и Форин офис, но и капитализировавшихся феодалов, не исключая и королевской семьи. Не удивительно, что в этих условиях английский премьер-министр Асквит, выступив 14 июля 1910 года публично и приоткрыв завесу над неудачно закончившимися тайными переговорами с Германией, пытался оправдать бездеятельность правительства в военно-морском вопросе. Понятно и то, что при возобновившихся после этого двусторонних переговорах по этому вопросу английское правительство вело себя несколько более скромно, чем обычно. Таким образом, английский кабинет в отличие от прежней своей позиции уже не рассматривал смягчение немецкого закона о строительстве военно-морского флота как обязательную предпосылку для германо-английского соглашения. Однако он настаивал на обязательстве Германии не выходить за рамки программы, предусмотренной этим законом, видя в этом conditio sine qua non для соглашения о взаимном обмене информацией относительно уровня военно-морских сил[3]. Вот почему английское правительство не слишком обрадовалось тому, что британское адмиралтейство по собственной инициативе начало переговоры с германским имперским военно-морским ведомством, в ходе которых обе стороны ограничились обсуждением упомянутого вопроса об обмене информацией, не связывая это с требованиями политического характера[4]. Германское ведомство иностранных дел, искавшее на этой основе соглашения с англичанами, также с явным недовольством взирало на переговоры экспертов[5], ставшие воможными только после ухода антигермански настроенного лорда адмиралтейства сэра Джона Фишера. Эти переговоры не знаменовали собой существенного улучшения отношений между обеими странами, к чему стремились Бетман и английские либералы. Вместо неприкрытой враждебности периода взаимного запугивания и блефа, достигшего в конце концов своей цели и ныне не подлежавшего повторению[6], наступила

[1] См. Siebert, op. cit., I, S. 402 ff. В конце 1910 г. военный министр славился своей германофильской позицией, что нельзя не рассматривать как успех германской военной промышленности.

[2] Ibid., S. 392 ff.

[3] См. BD, VI, № 387, Грей — Гошену, 29 июля 1910 г., а также GP, 10401, английский меморандум с пометками на полях.

[4] См. примечания в BD, VI, № 398, Гошен — Грею, 7 октября 1910 г. Приложение.

[5] См. Tirpitz, Aufbau usw., S. 181 ff.

[6] Ibid., заметки о разговоре с английским военно-морским инженером Уотсоном: «Политикам нет больше смысла давать неверные сведения о военно-морском флоте, ибо «маленькие морячки» теперь уже утратили всякую власть».

пора внешне дружеского общения между обоими адмиралтействами. Это объяснялось отчасти тем, что новый командующий английским флотом Вильсон был человеком более открытого характера, нежели его предшественник, а отчасти и тем, что наметившаяся тактическая задача выработки каких-то критериев для развития вооружений обеих стран могла быть легче решена «морскими волками», отличающимися большей прямотой и откровенностью. Кроме того, в этих условиях представители обоих адмиралтейств могли по своему усмотрению обойти все те побочные моменты, с которыми министерства иностранных дел связывали морскую проблему на любых международных переговорах об ограничении вооружений или о политических соглашениях. Но ответ германского ведомства иностранных дел озадачил английскую дипломатию еще больше, чем действия руководителей обоих флотов. Германия почувствовала со стороны Англии угрозу своему развитию в международном плане. Еще в то время, когда Англия выступила против продажи Турции германских броненосцев, Вильгельм II письменно заявил о своей решимости непрерывно расширять германский флот[1]. Однако английские действия в вопросе о займах Турции и строительстве Багдадской дороги навели германское ведомство иностранных дел на неудачную в тактическом отношении идею предпослать своим требованиям о контруступках Англии (в обмен на смягчение немецкой позиции в вопросе о флоте) пространный меморандум, полный ответных обвинений[2]. Когда в довершение ко всему кайзер заявил, что программа строительства флота будет проведена без всяких ограничений[3], Форин офис заметил, что ни о каких уступках Германии говорить не приходится. Поскольку в Англии снова предстояли выборы, Форин офис уже не в первый раз воспользовался этим тактическим предлогом, чтобы прекратить переговоры. Англичане радовались, что им удалось избежать «ловушки разоружения», в которую они могли попасться в результате действий Германии и своих же отечественных либералов. Форин офис старался быть предельно осторожным. Империалисты Англии, которые в отличие от своих немецких коллег пользовались полной поддержкой английской дипломатии, считали, что упомянутые переговоры могут сорвать их игру. Ведь существовала опасность того, что если переговоры о военно-морских силах не приведут к решающим результатам, то они потеряют всякий смысл, ибо по истечении согласованных сроков германский флот увеличится вдвое. С другой стороны, политический урон, который Англия понесет в итоге этих переговоров в глазах своих друзей, мог бы оказаться вообще непоправимым. Такова по крайней мере была хитроумная логика Кроу, а его аргументация при всей своей слабости оказалась идейно-политической ширмой для тех кругов, которые, будучи весьма слабо заинтересованы в положительном исходе германо-английских переговоров, стремились в гораздо большей мере к обеспечению интересов Британской империи. Во всяком случае это заботило их больше, нежели радикальных либералов в парламенте и лейбористов[4].

---

[1] Фон Мюллер — Тирпицу, приблизительно 25 июля 1910 г. (Документы архива военно-морского ведомства.)

[2] См. текст меморандума в GP, 10416 u. 10417.

[3] См. BD, VI, № 403, Гошен — Грею, 16 октября 1910 г.

[4] Отношение британского правительства к германскому меморандуму и к пространным формулировкам Бетмана особенно ясно проявилось в ответном меморандуме Кроу от 11 октября 1910 г. (BD, VI, № 404). Британский посол в Берлине, от которого всецело зависел ход переговоров, хотя он и был немцем по происхождению — посол родился в семье известного лейпцигского издателя Гошена,— в данном случае выступил с резко антигерманских позиций; он составил своеобразный бухгалтерский баланс, чтобы показать Форин офису всю невыгодность немецкого предложения (BD, VI, № 405, Гошен — Грею, 22 октября 1910 г.).

С другой стороны, германские политики выступали с бесплодными контробвинениями и спровоцировали, таким образом, весьма постыдный для них инцидент [среди обвинений, которые канцлер выдвигал не только устно (BD, VI, № 400, Гошен — Грею, 12 октября 1910 г.), но которые впоследствии были даже продиктованы германским статс-секретарем

Германо-английские отношения резко ухудшились. Давно уже Германия, а не Россия или Франция выступала в роли пугала, периодически разжигая военный психоз, и теперь Форин офис заботился уже не о подлинном разоружении, лояльное проведение которого все равно не поддавалось никакому контролю, а о том, чтобы обвинить Германию во всех смертных грехах и дать отпор в английском парламенте группе левых радикалов.

Английские военные промышленники, которых Форин офис не без оснований подозревал в содействии развитию германского флота[1], получили теперь полную свободу рук. После английских выборов зимой 1910/11 года на Даунинг-стрит сознательно отказались от достижения общего соглашения, решив добиваться лишь договоренности о взаимном обмене информацией, что, как уже было показано, отвечало интересам обеих сторон. Такая договоренность вряд ли имела что-нибудь общее с достижением общего соглашения, напротив, она служила скорее делу войны, а не мира[2]. Левые радикалы в парламенте нагоняли страх на Форин офис[3], разоблачая мизерность достигнутых итогов. Однако их нападки было нетрудно отбить, ибо весной 1911 года германское адмиралтейство и немецкие военные промышленники поспешили на помощь британским империалистам и Форин офису. Прекращение дальнейших вооружений было для этих групп совершенно неприемлемым. И без того в 1911 году масштабы германского военно-морского строительства сократились с четырех крупных боевых кораблей в год до двух. Германское адмиралтейство всячески старалось вернуться к прежнему статусу. Английским либералам, которые, подобно немецким левым, уже долгие годы предвкушали этот момент, пришлось основательно разочароваться. В мае 1911 года Бетман заявил, что отныне об ограничении вооружений не может быть и речи[4].

К новому осложнению вопроса о флотах прибавился еще один острый германо-французский конфликт — из-за Марокко. По мере роста и развития империализма в Германии, как и в других странах, проявились внутренние противоречия. И в Германии империализм столкнулся со своим внутриполитическим противником.

Тирпиц против Бетмана

Первоначально даже национал-либералы не считали целесообразным открыто атаковать проанглийский курс Бетман-Гольвега. Ведь и немецкие партии давно уже усвоили пацифистскую фразеологию, которой они, правда,

---

секретарю британского посольства (приложение к BD, VI, № 420), были оскорбительные для Англии выпады]. Все это вынудило Германию пойти на жалкий отходный маневр (BD, VI, № 419, Гошен — Грею, 5 декабря 1910 г.); хотя аутентичность всех этих высказываний была вне всяких сомнений (см. также данные о поведении канцлера вопреки предупреждению Гошена, BD, VI, № 417, Гошен — Грею, 2 декабря 1910 г.), Кроу считал, что вопрос о разоружении Германия ставит несерьезно и требует за него слишком высокую политическую цену. Поэтому он всячески старался разоблачить Германию, пользуясь планом разоружения (или ограничения вооружений), разработанным британским адмиралтейством.

[1] См. BD, VI, № 386, Гошен — Грею, 29 июля 1910 г., BD, V, № 430, Гошен — Грею, 3 марта 1911 г.

[2] По вопросу о сознательном отделении проблемы обмена информацией от остальных проблем см. BD, VI, № 418, британское адмиралтейство — британскому министерству иностранных дел; далее BD, VI, № 424, Anlage 2; и, наконец, BD, VI, № 425, Грей — Гошену, 16 декабря 1910 г. и т. д.

[3] Боязнь Форин офиса перед левыми явствует с исключительной убедительностью из BD, VI, № 440, Никольсон — Гардинджу, 2 марта 1910 г.

[4] См. GP, 10442, меморандум Бетмана, 9 мая 1910 г. О реакции англичан см. BD, VI, № 462 от того же числа.

придавали не тот смысл, что англичане, а скорее противоположный. В Англии пацифизм нередко использовался для маскировки ее положения в мире, тогда как в Германии к нему иной раз прибегали для того, чтобы камуфлировать военно-промышленный подъем. Все зависит от того, что понимать под пацифизмом. Так, например, даже такой отъявленный шовинист, как Густав Штреземан, совершенно сознательно ставивший перед немецким флотом серьезную задачу — открыть для Германии мировой рынок и обеспечить германскому империализму прикрытие с моря[1], выступая в рейхстаге, демонстративно подчеркивал свои дружеские чувства к Англии[2]. И это понятно. Перерабатывающая промышленность Саксонии, которую он представлял, не могла обойтись без англо-саксонских государств; они выступали как поставщики сырья и были для нее рынком сбыта. Таким образом, целью Штреземана был совместный раздел колониальной добычи между Германией и Англией. Лидер Национал-либеральной партии Бассерман также высказывался в рейхстаге за германо-английское сближение[3]. Оно казалось ему особенно желательным для того, чтобы путем двустороннего нажима на Бельгию открыть для Германии ворота Конго. Что же касается германской тяжелой промышленности, то, как уже говорилось, она была противником Англии лишь в тех случаях, когда Англия начинала угрожать ее поставкам оружия и мешала германскому влиянию на международные дела. Еще в так называемый «день Агадира», 1 июля 1911 года, магнаты германской металлургической и сталелитейной промышленности заседали в Лондоне под председательством богатейшего англичанина герцога Девонширского. И все же национальному англофильству противостояли иные факторы, множество всяческих «но» и «если». Бассерман в той же речи, в которой он делал реверансы Англии, выступил против графа Вернсторфа, германского посла в Вашингтоне, за то, что тот во всеуслышание позволял себе критиковать деятельность Пангерманского союза. Сам Бассерман был пангерманцем; пангерманцами были также Штреземан, Кирдорф, Гугенберг, бургомистр Любека Нейман и многие другие, в особенности члены так называемой Имперской партии («Рейхспартей»). Остается неоспоримой истиной, что Пангерманский союз объединял в первую очередь теоретиков профессорского типа, представителей среднего сословия, мечтавших о теплых местечках, инженеров, юристов и медиков. Однако нельзя было забывать при этом о промышленных воротилах, стоявших за кулисами.

Чем дальше развивалось строительство военно-морского флота, тем больше тяготел к Пангерманскому союзу человек, против которого этот союз несколькими годами раньше вел самую ожесточенную борьбу. Речь идет об Альфреде фон Тирпице. В начале осуществления программы создания военного флота этот адмирал относился вполне благожелательно к пацифистской позиции ведомства иностранных дел по отношению к Англии. Такая, позиция помогала ему маскировать свои цели. Теперь же, когда продолжавшийся рост флота больше не устраивал ведомство и его руководителей, Тирпиц невольно оказался в оппозиции. Его намерениям мешали еще во время создания правящего черно-голубого блока. Политика Бетмана раздражала его тем сильнее, чем больше канцлер под влиянием развития опасных тенденций во Франции, России и на Балканах вынужден был проводить континентальный оборонительный курс с ориентацией на Англию и чем больше

---

[1] О речи Штреземана в Изерлоне см. «Кёльнише цейтунг» от 7 октября 1910 г. Постепенный переход Штреземана к пацифизму, как известно, произошел во времена Веймарской республики.

[2] Штреземан в рейхстаге, 15 марта 1910 г.

[3] Бассерман, там же, 9 декабря 1909 г. Очевидно, на Бассермана уже тогда влияли те самые силы, которые впоследствии обусловили политику фон Кидерлена в вопросе о Конго.

Вильгельмштрассе стремилась поддержать традиционные отношения с Англией, установившиеся еще в эпоху Бисмарка.

Так постепенно все ведомство на Лейпцигерплац стало перестраиваться на борьбу с ведомством иностранных дел, пока, наконец, во время мировой войны оно не оказалось полностью в распоряжении Отечественной партии. Военно-морские атташе, в особенности те, что служили в Лондоне, выступали как естественные противники послов, то есть своих начальников. Все громче жаловался граф Вольф-Меттерних на «травлю по указке» со стороны подчиненного ему работника из военно-морских кругов[1]. Кайзер, который в этой борьбе, как правило, был на стороне военно-морского ведомства, защищал морских атташе от нападок со стороны ведомства иностранных дел. Дилетантские методы руководства верховного правителя, которому, согласно имперской конституции, не противостоял облеченный полномочиями канцлер, создавали условия для полнейшей анархии и позволяли отдельным органам власти действовать в интересах различных течений немецкой политической жизни, и в первую очередь политики «маятника». Это не могло не сказываться на и без того нечеткой внешней политике. Статс-секретарь военно-морского ведомства отличался тонкостью ума и хитростью, но в вопросах внешней политики вел себя чересчур прямолинейно. Ставя интересы своего ведомства превыше всего, он, к сожалению, все же не обладал ни достаточным чувством ответственности, ни проницательностью, чтобы либо добиться поста канцлера и в этом качестве взять на себя руководство внешней политикой, либо отказаться от продолжения строительства флота, которое мешало ведомству иностранных дел проводить свою традиционную политическую линию. Третьего пути в решении этого вопроса не было. Правда, в своих мемуарах Тирпиц неоднократно подчеркивал, что при известных условиях он пошел бы на достижение договоренности с Англией. Однако то, что он имел в виду, а именно растянуть строительство некоторых немецких кораблей на более длительный срок или же добиться стабилизации соотношения военно-морских сил — скажем, примерно два немецких корабля на три английских,— не могло поколебать англичан. Единственное, что могло склонить их к уступчивости в эту критическую стадию увеличения флотов, было бы снижение или ограничение вооружений. А этого военно-морское ведомство не могло, да и не хотело им предлагать.

Такая в основе своей неуступчивая политика, проводившаяся осенью 1910 года, была в значительной степени обусловлена сложившейся внешнеполитической обстановкой, и в частности позицией России. У нового союзника Англии как в Китае, так и в Персии начались сильные трения со своими друзьями. Внешнеполитическое положение Германии стало менее напряженным. Солнце еще раз засияло над горизонтом. Но его лучи осветили Европу, чреватую множеством опасностей. Экономический подъем после 1908 года привел к усиленной погоне за сырьевыми ресурсами, форсировал эльзас-лотарингский вопрос, обострил до крайности вопрос о Проливах, ускорил империалистические устремления, форсировал распад Турции и оживил национальное движение среди балканских народов. Русская политика вынуждена была считаться с этим движением, тем более что Центральные державы Европы подбирались к Проливам, стремясь проникнуть и дальше.

Таким образом, будущее сулило множество грозных опасностей. Прелюдией к катастрофе явился второй марокканский кризис 1911 года. Впрочем, этот кризис подготовлялся еще в 1910 году, когда внешне все казалось спокойным и развитие шло якобы мирной стезей.

---

[1] См. GP, 11328 bzw. 11336, Меттерних — Бетману, 10 декабря 1911 г. и 12 февраля 1912 г.

ГЛАВА ПЯТАЯ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914—1918 ГОДОВ

Сроки военно-морского строительства и договорные сроки

Внимательный наблюдатель, исходя даже из чисто внешних, так сказать, документальных данных, мог еще заранее точно предсказать, что в 1911 году разразится политический кризис огромной силы. Дело в том, что именно в 1911 году истекал пятилетний срок полицейского управления французов в Марокко, срок, предусмотренный подписанными в Альхесирасе документами. В том же году число крупных боевых кораблей, ежегодно закладывавшихся Германией в соответствии с ее программой расширения флота, было сокращено с четырех до двух.

Можно было поставить сто очков против одного, что в момент, когда настанет конец французскому господству в Марокко, Франция скорее пойдет на развязывание нового мирового кризиса, чем откажется от своих позиций в этой стране. Было также ясно и то, что Германия не станет ни с того ни с сего строить ежегодно по два корабля вместо четырех, хотя это и предусматривалось законом о морском строительстве. Вот почему было нетрудно предсказать, что это обстоятельство не могло привести к улучшению германо-английских отношений, даже с учетом нового марокканского кризиса.

Тот же, кто был знаком не только с официально опубликованными материалами, но и имел доступ к секретным архивам Италии, мог бы предсказать и два других события. Итало-французский секретный договор 1900 года предусматривал, что в обмен за установление французского контроля над Марокко Италия получает право оккупации Триполи. Если учесть, что во время пребывания русского царя в Раккониджи (1909 год) Извольский также подписал с итальянцами тайное соглашение, то становится очевидным, что это должно было автоматически вызвать наступление России на Проливы.

Разумеется, взаимодействие всех этих факторов зависело от политических и социально-экономических условий. Однако обстановка свидетельствовала о назревавшем взрыве в германо-французских отношениях. Что же касается заключенного 8—9 февраля 1909 года германо-французского соглашения, призванного предотвратить подобный взрыв, то оно скорее стимулировало последний.

*Ожесточенная борьба промышленников против достижения германо-французской договоренности о Марокко**

Уже само подписание упомянутого соглашения вызвало недовольство германских кругов, заинтересованных в сырье для металлургической промышленности. Маннесманы, опасаясь того, что им теперь придется распла-

* В связи с этим и следующими разделами, посвященными возникновению второго марокканского кризиса, см. H. E. E n t h o v e n, Von Tanger tot Agadir, Utrecht 1929,—

чиваться за все, подняли шум в прессе, финансируемой тяжелой промышленностью. Шумели они тем сильнее, чем больше их позициям, весьма сомнительным в юридическом отношении, угрожали политические обстоятельства.

На поддержку Вильгельмштрассе им, конечно, рассчитывать не приходилось. Ведомство иностранных дел не могло оказать Маннесманам действенную помощь в их борьбе с концерном «Крезо». Как и прежде, этому мешало то обстоятельство, что в свое время Вильгельмштрассе, стремясь оградить германскую промышленность от иностранной конкуренции, добивалась принятия дипломатическим корпусом в Танжере решения, согласно которому законодательство по горнорудному делу в Марокко могло утверждаться только с согласия европейских держав. Отсюда и получилось это довольно парадоксальное положение, ибо Маннесманы настаивали на своих правах, основываясь на «горном законе», который им удалось тайно и за спиной других держав вымолить у султана, нуждавшегося в деньгах.

Возник следующий вопрос: связывает ли слово бывшего султана, обязавшегося разрабатывать законодательство по горному делу только совместно с державами, также и его преемника. Этот вопрос был одной из главных причин бесконечных юридических споров, которые, по справедливому утверждению германского ведомства иностранных дел, велись экспертами фирмы «Маннесман» нередко на основе неполноценной информации[1], что, однако, не помешало всей промышленности поднять вокруг этой истории страшный шум.

Помимо прессы, Маннесманов поддерживали также влиятельные группы в рейхстаге, и прежде всего, разумеется, национал-либералы. В конце 1909 года Вассерман воспользовался дебатами по бюджетным вопросам и в конце своей внешнеполитической речи не преминул замолвить словечко за Маннесманов[2]. В марте 1910 года Штреземан прославлял их в рейхстаге как «пионеров германского духа»[3], в то время как его коллега по фракции, специалист по колониальным проблемам Арнинг, даже сослался на статью в «Нейе цейт» как на формальное обоснование прав Маннесманов[4].

В этой борьбе национал-либералы нашли себе союзников в рядах Партии свободомыслящих, решивших противопоставить Маннесманов как «средних»

достоверную и авторитетную работу, с которой автор в свое время не сумел познакомиться. Из более новых исследований см., помимо соответствующих глав у Онкена, Wahl, Gooch, Renouvin и Albertini, M o h a m e d O m a r e l-H a j o u i, Histoire Diplomatique du Moroc 1900—1912, Paris 1937, а также U. U s b o r n e, The Conquest of Marocco, London 1936. Но наиболее существенна уже цитировавшаяся книга I. C. B a r l o w. События, изложенные нами в данном разделе, освещены в 4-й главе (p. 68 ff.) книги Бэрлоу под заголовком «Quarrelsome Partners».

[1] Статс-секретарь фон Шён в рейхстаге, 10 декабря 1909 г. Не лишне напомнить имена людей, которые выступали в поддержку Маннесманов; невозможно понять, как это ни один из них не сумел разгадать абсолютно очевидный социологический смысл вопроса, и уже совершенно непостижимо, почему все они не отказались защищать дело, являвшееся откровенным издевательством над самой идеей права. В пользу Маннесмана выступили следующие эксперты: Эдуард Клюне, Шарль Лион-Кан, Рауль Руссе, Гвидо Фузинато, Сигисмунд Море, Эд. Дато, Артур Коэн (Лондон), Дж. Уэстлэйк, Филипп Цорн, И. Колер, Леопольд фон Бар, Генрих Ламмарш, Юл. Гатшек.

Лишь немногие специалисты по международному праву, например В. Каль («Nationalzeitung» v. 3.3.1910) и Г. Веберг, высказались за необходимость защищать этические нормы и в области политики. Разумеется, что в плане этическом концерн «Шнейдер-Крезо» вполне мог вступить в единоборство со своими противниками: ведь в конце концов речь шла о власти, а не о морали. Но лицемерие, проявленное в тот период юристами, вызывает еще и по сей день неприятное ощущение.

[2] Бассерман в рейхстаге, 9 декабря 1909 г.

[3] Штреземан, там же, 15 марта 1910 г.

[4] Арнинг, там же, 16 марта 1910 г.

промышленников правящему черно-голубому блоку и Вильгельмштрассе. Во время дискуссии в 1909 году лидер демократов Вимер высказался против пересмотра германских горных концессий державами, подписавшими соглашение в Альхесирасе[1]. И все же Партия свободомыслящих не была единодушна ни в данном вопросе, ни в вопросе о бюджете. Швабский адвокат Конрад Гаусман, один из самых горячих сторонников германо-французского сближения, восхвалял политику правительства за то, что она помогла Маннесманам в их отступлении[2]. Между прочим, не все правые, так же как и не все свободомыслящие, относились к Маннесманам доброжелательно. Правда, такой человек, как Либерман фон Зонненберг[3], который был не консерватором старого пошиба, а скорее предшественником будущего национал-социализма, с жаром защищал их. Во время бюджетной дискуссии в 1909 году официальный представитель консерваторов барон фон Рихтгофен ругал правительство за «слишком безликую» политику в Марокко[4]. Однако в марте 1910 года один из консерваторов[5] заявил в бюджетной комиссии, что в этом вопросе существуют разногласия не только между партиями, но и внутри них и что попытка братьев Маннесман оказать влияние на бюджетную комиссию вызывает возражение и заставляет считать их действия неподобающими. Еще более твердо выступил в поддержку правительства оратор Центра граф Гертлинг[6].

Политический католицизм отнюдь не желал идти с крупными промышленниками сквозь огонь и воду, но, как подчеркивают историки — специалисты по делам Центра, здесь, как, впрочем, и везде, нельзя было обнаружить единой внешнеполитической линии.

Центр в свое время голосовал за строительство военно-морского флота, а впоследствии, в 1913 году, одобрил военный законопроект, то есть вел себя и так и этак, что можно объяснить чисто внутриполитическими причинами. Линия Центра была такова: всякий раз идти правительству навстречу только при условии соответствующих политических уступок католической церкви.

Казалось, что этот доведенный до крайних пределов церковно-политический оппортунизм ставил под угрозу международное положение Германии. Но это впечатление вскоре рассеялось, ибо везде, где германская внешняя политика отстаивала актуальные интересы Центра, ее, эту политику, старались истолковывать в духе христианской религии, хотя, разумеется, и с оговорками, касающимися естественного и классового разделения общества, а также существовавшей системы обороны. Католическая церковь распространяла свое влияние на многоступенчатый сословный организм, который нельзя было насильственно расчленять, а надлежало бережно сохранять и культивировать. Но так как интересы одной части этого организма, как, например, дома Тиссена, носили империалистический характер, то перед лицом тех опасностей, которые могли проистекать из этого, Центр оказался более или менее бессильным. Впрочем, в 1909 году дом Тиссена примыкал скорее к сторонникам мира без аннексий и контрибуций. Тиссеновское горнорудное предприятие «Дейчер кайзер» входило в состав той промышленной группы, создание которой явилось одной из предпосылок заключения в 1909 году германо-французского соглашения о Марокко. Этот факт в значительной мере объясняет то, что Центр одобрил это соглашение и проводившуюся в то время политику взаимопонимания. Но такая пози-

---

[1] Вимер, в рейхстаге, 9 декабря 1909 г.
[2] Гаусман, там же, 14 марта 1910 г.
[3] Либерман, там же, 11 декабря 1909 г.
[4] Барон фон Рихтгофен, там же, 9 декабря 1909 г.
[5] Материалы бюджетной комиссии, 11 марта 1910 г.
[6] Граф фон Гертлинг в рейхстаге, 9 декабря 1909 г.

ция не была принципиальной, ибо в дальнейшем и Центр и концерн Тиссена активно поддерживали германскую политику вооружений перед мировой войной. Депутат Эрцбергер, один из наиболее активных поборников военного законопроекта 1913 года, был, как известно, доверенным лицом Тиссена, а впоследствии, уже во время мировой войны, выступал по поручению Тиссена за аннексию рудного бассейна Бриэ — Лонгви.

Политика правительства Бетмана, в которое в качестве статс-секретаря вошел Шён, отпрыск семьи вормсских владельцев кожевенных предприятий, одобрялась даже социалистами, — им нравилась сдержанность кабинета в марокканском вопросе. Германское и французское правительства, писала «Форвертс», очутившиеся между двумя враждующими кликами, могли сделать единственно разумный шаг, передав вопрос на рассмотрение третейскому суду[1].

С поддержкой политики правительства в рейхстаге выступал и Шейдеман. Вырисовывалась коалиция, располагавшая богатыми тактическими возможностями в борьбе против сильной правой оппозиции. Социалист Шейдеман не без иронии цитировал высказывание «Теглихе рундшау», «что ведомство иностранных дел — опаснейший враг Германской империи»[2]. Социалистам было важно путем решения вопроса о Марокко устранить главную причину германо-английских трений. Вторым социал-демократическим оратором в этих прениях был Давид, видный специалист по аграрному вопросу. Он резко критиковал политику военно-морских вооружений и ссылался на сокращение английского военно-морского бюджета 1906 года[3]. Правда, при подобной тактике приходилось игнорировать «панику» 1909 года. Что касается престижа правительства, то он резко упал. В связи с борьбой за избирательные права в Пруссии — борьбой, в которой победили, конечно, консерваторы, — нередко случалось, что даже пресса правящих партий выступала против правительства. Братьям Маннесман удалось заручиться поддержкой не только оппозиционной правой, но и лидеров левой партии. Поддерживали их также и судовладельцы. Вот почему в этом вопросе и «Дейче тагесцейтунг»[4] и Альберт Баллин из Гамбурга выступали заодно. Гамбургскую пароходную компанию соблазняла перспектива перевозки руды[5]. Ставленник Баллина Зигфрид Хекшер выступал в поддержку Маннесманов в рейхстаге и в печати. Было использовано также и влияние Гамбургской торговой палаты, хотя она и выступила с заявлением, что в данном случае собственно гамбургские экономические интересы ни при чем[6]. Маннесманов поддерживал не только Хекшер, но и прогрессивный депутат Эйкгофф, представитель города Ремшейда — родины Маннесманов[7]. В официальном заявлении Баллин намеренно указал, что ремшейдскую группу поддерживают двадцать видных промышленников. Произошло объединение представителей перерабатывающей и тяжелой промышленности[8]. Даже такой внушавший страх человек, как тайный советник Эмиль Кирдорф, который вообще говоря не очень-то мирволил перерабатывающей промышленности и из предосторожности включил контролируемую им «Гельзенкирхенер бергверкс-АГ» вместе с тиссеновским предприятием «Дейчер кайзер» в «Юнион де мин марокэн», руководимую Крезо и враждебную Маннесманам, — даже Кирдорф

---

[1] «Vorwärts» v. 15.12.1909.
[2] Шейдеман в рейхстаге, 15 марта 1910 г.
[3] Давид, там же, 16 марта 1910 г.
[4] В «Дейче тагесцейтунг» за 9 марта 1910 г. была опубликована характерная статья в пользу Маннесманов и против шнейдеровского Стального треста.
[5] «Гамбургер фремденблатт» в номере за 21 декабря 1909 г. поместила соответствующее прошение Баллина рейхсканцлеру.
[6] Прошение Гамбургской торговой палаты на имя рейхсканцлера от 4 декабря 1909 г. Гамбургский государственный архив.
[7] «Die Gegenwart» v. 18.12.1909.
[8] «Nationalliberale Korrespondenz» v. 14.10.1910.

и тот встал на сторону последних[1]; отныне «древние германцы обосновались на обоих берегах Рейна». И металлургия и угольный синдикат в равной мере алкали руды.

Берлинское пресс-бюро Маннесманов на Гиндерзинштрассе, 14, имея таких покровителей и прибегая к услугам видных публицистов, ставших его агентами, теперь заработало вовсю[2].

Ведомство иностранных дел подверглось таким нападкам, каких в Германии давно уже не помнили. Статс-секретарь фон Шён, которого Кидерлен в своей частной корреспонденции иронически называл «кожаным сапогом», подвергся едким насмешкам и на страницах «Национальцейтунг» как monsieur le baron de Schoen — газета воспроизвела его титул на визитных карточках, которыми он пользовался в Париже[3]. В своих выпадах пресса промышленников, и прежде всего «Рейниш-Вестфелише цейтунг», не щадила самого кайзера, не говоря уже о фирме Крупна. Соперничавшие с ней противники подозревали, что в марокканском вопросе она будет выступать обособленно[4]. При существовавшей юридической структуре рейхстага, да и самого рейха в целом, дебаты по марокканскому вопросу, которые велись в 1909—1910 годах, не могли бы привести к практическому успеху, даже если Маннесманы и добились бы большинства. В действительности эти дебаты завершились принятием весьма платонического предложения фон Гампа, которое гласило, что рейхстаг ожидает от правительства поддержки интересов промышленности. Впоследствии Маннесманам пришлось покориться арбитражному решению, которое, впрочем, сохраняло за ними немалые нрава. Но так или иначе эти дебаты ослабили позицию правительства, которая и без того осложнялась тем, что концерн «Шнейдер-Крезо» препятствовал осуществлению проектов германо-французского сотрудничества и лояльному выполнению соглашения 1909 года.

С 1909 года Германия изменила свою тактику в Марокко. Если в Альхесирасе немцы призывали на помощь весь мир, добиваясь политики открытых дверей в Марокко, то теперь они встретились с французами, помышляя только о том, чтобы подавить их, а также нейтрализовать влияние остальных стран — если и не de jure, to de facto. Германии казалось, что она вот-вот прихлопнет несколько мух одним ударом. Путем финансирования марокканского султана (разумеется, французскими деньгами) предполагалось не только оказать услугу немецким кредиторам Марокко, чьи интересы в этой стране были весьма значительны, но также и создать необходимые фонды для проведения в Марокко различных работ, отчасти уже начатых, отчасти только запроектированных[5]. Для проведения этих работ с соответствующим долевым участием в них был образован особый синдикат «Сосьете марокэн»*. В нем при посредстве франкфуртской строительной фирмы «Филипп Гольц-

---

[1] В «Дейче тагесцейтунг» за 12 марта 1910 г. напечатано письмо Кирдорфа Рейнгардту Маннесману, в котором говорится: «Будучи немцем, я воспринял бы это как тягостное, прямо-таки позорное поражение, если ведомство иностранных дел со всей решительностью не станет бороться за предоставление вам обещанных марокканских ссуд».

[2] Одним из тех, кто больше всего ратовал за интересы Маннесманов, был известный публицист и пангерманец д-р А. В. Вирт (см., например, «Deutsche Zeitung» v. 3.3.1910).

[3] «National Zeitung» v. 31.12.1909.

[4] «Rheinish Westfälische Zeitung» v. 24. 12. 1909. В связи с упоминанием о национальном «смешении» маннесмановского марокканского синдиката и «Юнион де мин» (в последней Крупп будто бы имел долю в 80 миллионов, а Тиссен 40 миллионов) говорится следующее: «Французы сделали очень умный шахматный ход, вовлекая в сферу своих интересов это предприятие, широко представленное повсюду. Именно оно пользуется большими симпатиями в самых влиятельных немецких кругах, и французы надеются, что эти симпатии могут соответственным образом повлиять на позицию ведомства иностранных дел. Французы полагают, что они не ошиблись в этом своем расчете».

[5] См. André Tardieu, Le Mystere d'Agadir, Paris 1912, p. 31.

* Здесь речь идет, по-видимому, о преобразовании старого одноименного общества, находившегося под контролем Крезо и известного в прошлом как фирма «Гаутч».

ман», контролируемой главным образом «Немецким банком», были представлены фирмы, более тесно связанные с ведомством иностранных дел, нежели концерн Маннесманов. И все же, несмотря на это, новое общество оказывалось несостоятельным, когда речь шла не о планах на будущее или проектах вроде прокладки трамвайных линий в Танжере, а о крупных конкретных делах, как, например, о строительстве железных дорог. Так вопреки всем соглашениям французы согласились предоставить этому смешанному германо-французскому обществу строительство лишь небольшого участка магистрали Оран — Фец. Основную часть трассы должна была соорудить французская военная администрация. Понятно, что это означало передачу всей магистрали в распоряжение заправил французской металлургии[1].

Чем яснее становилось, что французы никогда больше не уйдут из Марокко, а, напротив, в один прекрасный день двинутся на Фец, чтобы захватить в свои руки всю страну, тем больше фон Кидерлен, заменивший еще в середине 1910 года фон Шёна (неоднократно подвергавшегося нападкам) на посту статс-секретаря, настаивал на удовлетворении требований немецких колониальных политиков[2]. Содержание сопроводительных писем, которыми обе страны обменялись после подписания соглашений 1909 года, было не вполне ясно. Дошло до того, что накануне агадирского инцидента стороны дискутировали о такой «проблеме», как возможность назначения немцев на посты начальников станций планируемых марокканских железных дорог и о тому подобных мелочах. Отстранение «Сосьете марокэн» от строительства железных дорог и ее несостоятельность в иных областях, где от нее ждали известной активности, явились признаком того, что тот же дом Крезо, который в качестве строительного подрядчика мог сказать свое веское слово[3], предъявив претензии на марокканскую руду, в течение всего 1910 года так и не сумел договориться с германскими промышленниками. Германские сталепромышленники, опираясь на военную мощь все растущего населения германского индустриального государства, чувствовали такое огромное превосходство над Францией и ее «народом-рантье» и «застойным», то есть нерастущим населением, что вопреки вполне отчетливым пожеланиям кайзера, сорвали достижение соглашения с французами в области промышленности.

Вильгельм II в роли пацифиста

Поведение кайзера Вильгельма II применительно к марокканскому вопросу отнюдь не соответствует общепринятому мнению об этом War Lord, которое установилось о нем в Англии, в особенности в последующий период. В вопросе о Марокко кайзер пытался с самого начала придерживаться одной и той же политической линии и стремился к достижению договоренности. Однако его окружению удалось, более чем когда-либо, направить его на совершенно противоположный путь.

Именно Марокко представлялось ему — и отнюдь не без оснований — областью, где он может предложить Франции нечто вполне осязаемое и, таким образом, обеспечить себе тыл в связи с осуществлением военно-

---

[1] См. Andre Tardieu, le Mystere d, Agadir, Paris 1912, p. 174 ff.

[2] Ibid., op. cit., p. 80 ff.

[3] Что касается контроля Крезо над «Сосьете марокэн», см. также T a r d i e u, op. cit., p. 60 ff., где приводятся данные о соотношении сил партнеров по национальному признаку. Таким образом, фирма Шнейдера могла в любую минуту приостановить деятельность этого общества, то есть отказаться финансировать его в случаях, когда она сама была заинтересована в проведении тех или иных работ.

морского строительства, что непрерывно обостряло его конфликт с Англией. Германо-французское соглашение 1909 года кайзер, как это ни смешно, рассматривал как свой личный успех. Жюль Камбон был награжден орденом Красного Орла. В следующем году пацифист Альфред Г. Фрид охарактеризовал кайзера как пацифиста и друга Франции[1]. При этом он ссылался на свидетельство крупного американского промышленника Эндрю Карнеги, который вознамерился умиротворить человечество с помощью стали (как некогда Альфред Нобель пытался сделать это при посредстве динамита) и видел в кайзере своего единомышленника. Все это были, конечно, гиперболы, порожденные способностью кайзера, подобно Протею, принимать самые различные образы; однако была тут и доля правды. Кайзер действительно обладал известной претензией на то, чтобы прослыть защитником мира, чем пытались воспользоваться пацифисты. Правда, под словом «мир» он подразумевал нечто совсем иное, чем они. По мнению кайзера, его положение давало ему право делать все, что вздумается,— ведь намерения монарха были вполне похвальны. Но власть его была куда меньшей, а непоследовательность гораздо большей, чем это могло казаться людям малопосвященным. Германская дипломатия, хотя и не без труда, все же ухитрялась срывать различные мирные пассажи кайзера, как, например, неоднократно возникавший план встречи с президентом Французской Республики, за что особенно ратовал князь Монако. Однако в 1910 году обстоятельства сложились так, что кайзеру, наконец, удалось встретиться с одним из ведущих государственных деятелей Франции. В Лондоне, куда кайзер прибыл на похороны Эдуарда VII, он встретил французского министра иностранных дел Пишона и лично заверил последнего в том, насколько велико его, кайзера, желание как-нибудь уладить проблему Маннесманов. Монарх добавил, что для ведения переговоров по этому вопросу в Париж вскоре прибудет его друг Вальтер Ратенау.

Кайзеровский двор, бесспорно, участвовал в деятельности военной промышленности, хотя в подавляющем большинстве случаев это держалось в секрете. Но в первую очередь в кайзере надо видеть крупнейшего представителя земельных феодалов и финансового капитала. Поэтому взаимосвязь между кайзером и финансово-торговым капиталом, зачастую контролируемом евреями, а также берлинской электропромышленностью, представляется в высшей степени интересной с социологической точки зрения. В конце мая 1910 года в Париже было подписано соглашение между Вальтером Ратенау, выступавшим по поручению концерна Маннесманов, и представителями фирмы Крезо, уполномоченными компанией «Юнион де мин»[2]. Однако Маннесманы отказались ратифицировать этот документ, и Ратенау пришлось уйти в отставку[3].

*Попытки Вильгельмштрассе добиться взаимопонимания. Афера «Нгоко-Сангха»**

Ведомству иностранных дел становилось все тяжелее бороться с немецкими промышленниками. Руководители ведомства хотели утаить провал попыток добиться германо-французского сближения; с другой стороны,

[1] A l f r e d H. F r i e d, Der Kaiser und der Weltfrieden, Berlin 1910.

[2] T a r d i e u, op. cit., p. 49 ff.

[3] В этой связи см. также J ä c k h, op. cit., 2. Bd., S. 119 ff., письмо Циммермана Кидерлену, 31 июля 1910 г.

* Подробное описание аферы «Нгоко-Сангха» у Бэрлоу (B a r l o w, op. cit., p. 112 ff.) основано, между прочим, на соответствующем разделе краткого популярного издания настоящей работы, выпущенного в свет в 1935 г.

они стремились прослыть друзьями Франции. Вот почему на Вильгельмштрассе хватались за любую возможность, особенно если представлялся случай действовать в интересах кругов, которые в социологическом плане были близки этому ведомству. В этом смысле, наряду с иными спекулянтами и прожектёрами, удачным партнером казался весьма известный Андрэ Тардье, личность, которую, вообще говоря, едва ли можно было заподозрить в германофильстве. Проектировавшиеся немецко-французские комбинации предполагалось осуществить путем развития этих связей. Этот в высшей степени своеобразный проект представляется не только забавным, но и очень важным как в социологическом, так и в историческом смысле.

До сих пор г-ну Тардье довольно ловко удавалось приковать свою ладью к кораблю французского империализма: там, где пировали великие мира сего, кое-что перепадало и этому маленькому господину, который под псевдонимом «Жорж Вилье» писал наиболее важные внешнеполитические статьи в «Тан» — самой значительной по своему влиянию французской газете. Если ему ничего не перепадало, он приходил в ярость. Осенью 1910 года, когда речь шла о нанесении удара по политике германского империализма на Востоке, Тардье, к глубочайшему своему сожалению, остался с носом. Ему так и не удалось добиться замены плана германской Багдадской дороги весьма хитро задуманным конкурирующим проектом. Однако г-н Тардье не растерялся: ежели правительство не желает набивать карманы г-на Тардье, значит долой такое правительство. Тем более, что оно уже однажды навлекло на себя гнев сего господина. Не слишком ли оно немощно? Разве немцам не удалось, horrible dictu, заставить собственного союзника действовать в интересах Германии? Разве не заключили они с ней соглашение в ноябре 1910 года? Тайное соглашение между Германией и Россией? Этот документ необходимо раздобыть любой ценой! Такой случай никогда больше не представится. Если нападки на г-на Пишона со страниц «Тан» не привели ни к чему, то теперь ему можно нанести смертельный удар! А как достать этот документ? Пустяки! Разве, собственно говоря, на Кэ д'Орсэ нет молодых чиновников, чье скудное жалованье не позволяет им наслаждаться ночной жизнью Парижа? Короче говоря, 3 января 1911 года текст германо-русского договора неожиданно появляетя в газете «Ивнинг таймс». Черным по белому. Жаль только, что впоследствии все всплывает на поверхность и что дружок Тардье Мэмон, который обстряпал всю эту историю с молодыми дипломатами, приговаривается к двум годам тюрьмы[1].

Но были еще и другие темные делишки, которыми внешнеполитический редактор «Тан», обычно изображаемый в юмористических журналах в образе акулы в пенсне, в прошлом enfant terrible Кэ д'Орсэ, занимался с не меньшим воодушевлением. Тут можно вспомнить, как он волочился за сестрой Пирпонта Моргана или за первыми парижскими красавицами, что дало Анри Рошфору повод к весьма едким комментариям. За Тардье закрепилась репутация одного из самых продажных парижских журналистов, что в свое время подтвердил высокопоставленный чиновник Форин офиса[2]. Заработать

[1] Намек на аферу Мэмона мы встречаем еще в GP, 27, S. 925 Anm. О том, как кончилась эта афера, см. Schulthess, 1911, S. 417; вопрос о соучастии Тардье освещен в материалах, опубликованных в солидной прессе, например в «Vossische Zeitung». v. 4. 15.4.1911; «Kölnische Zeitung» 7.10.1911, «Tägliche Rundschau» 21.8.1911. Таковы лишь некоторые примеры. Дело Мэмона обошло всю европейскую прессу. В этой связи см. злобную статью в «Тан» за 7 января 1911 г., направленную против французской политики на Ближнем Востоке, политики, не давшей ничего за целых десять лет. Представляется бесспорным, что падение Пишона в феврале 1911 г. вызвано именно этими нападками Тардье. См. далее статью М. Гардена о Делькассе в «Цукунфт» за 18 марта 1911 г.

[2] См. ÖA, 979, Менсдорф — Эренталю, 9 февраля 1909 г. Менсдорф приводит следующее высказывание постоянного заместителя министра иностранных дел сэра Чарлза Гардинга: «Господина Тардье можно подкупить так же, как и большинство его парижских коллег. Более того, возможно, он один из тех, кто легче всего поддается воздействию при помощи звонкой монеты».

такую репутацию было, разумеется, не легким делом. Но ведь в конце концов «Тан» не была какой-нибудь захолустной газетенкой. Когда Тардье умолял, просил, заклинал, короче говоря, пускал в ход все средства (а надо сказать, что никто не умел так убедительно жонглировать фразами, как автор передовых статей «Тан», в прошлом воспитанник Эколь нормаль сюперьер), то к нему прислушивались и читатели и парламентские деятели, за исключением тех, кому предварительно как следует позолотили ручку[1]. До чего хорошо бывало какому-нибудь предприятию, если Тардье осыпал его похвалами! Вспомним хотя бы это невинное общество по производству каучука — «Нгоко-Сангха», совладельцами которого совершенно случайно оказались сам г-н Тардье и его замечательный дядюшка Метэйер[2]. Правда, этот дядюшка был опустившимся парижским гулякой, который знавал только готовые изделия из каучука. Однако те, кто имел хороших политических друзей, могли по-прежнему сорить деньгами под крышами Парижа[3] и получить выгодное дельце в колониях, например небольшую концессию, из которой при наличии соответствующих политических связей и при содействии прессы можно было кое-что сделать. На примере «Нгоко-Сангха» видно, что такого рода связей, как уже сказано, было более чем достаточно. И разве существенно, что все это общество, вместе взятое, не стоило ломаного гроша! Просто утверждали, что злобный германский враг столько-то раз хищнически перешел через неохраняемую границу из Камеруна во Французское Конго, где не оставил ни единого каучуконосного дерева, на котором могли бы повеситься несчастные акционеры общества «Нгоко-Сангха». Следовательно, общество вправе претендовать на солидную компенсацию. Правда, министр Милье-Лакруа не поверил этому. У него даже хватило смелости публично заявить, что ни с правовой, ни с фактической точки зрения этому обществу не причитается ни единого сантима[4].

Но что, в сущности, значил французский «кабинет-однодневка» в сравнении с человеком, за спиной которого стояли двести депутатов парламента и вся пресса[5]. Прошло не очень много времени, и удалось сколотить более послушный кабинет, который, прибегнув к весьма странной арбитражной процедуре[6] (сам г-н Тардье оказался в числе арбитров), ассигновал обществу «Нгоко-Сангха» около 2,4 миллиона франков. Хотя эта сумма и ничтожна с точки зрения международной политики, она все же достаточно велика, чтобы влиять в течение нескольких лет, и притом весьма заметным образом, на взаимоотношения между двумя большими странами.

Именно для того чтобы расположить правительство в свою пользу, Тардье разработал весьма хитроумный план: позвать на помощь тех самых злых немцев, которые своим вторжением во Французский Камерун якобы нанесли ему такой тяжелый урон*. А что если договориться с немцами о Камеруне и предупредить возможность подобных пограничных инци-

---

[1] То обстоятельство, что и в данной афере применялся обычный подкуп, явствует из намеков Кайо в его книге об Агадире, S . 59.

[2] О характере Метэйера см. M. V i o l l e t t e, La Ngoko — Sangha, Paris 1914, p. 78, где приводятся выдержки из шантажистских высказываний в адрес министра Мильс-Лакруа. М. Виолет был парламентским оратором по этим делам, поэтому в его книге приведены материалы экспертиз и освещается ход дебатов.

[3] См. C a i l l a u x, op. cit., p. 57.

[4] Ibid., p. 60. Впоследствии мнение министра было подтверждено докладчиком в палате М. Виолетом, будущим губернатором Индокитая. Виолет оценивает убыток, который общество могло понести теоретически, в 153 тысячи франков, но никак не в 2,5 миллиона, к выплате которых кабинет дал себя в конце концов склонить.

[5] См. V i o l l e t t e, op. cit., p. 78.

[6] См. C a i l l a u x, op. cit., p. 63.

* По данным DD, 2-me serie, vol. 10, № 668, Бомпар — Пишону, 19 апреля 1907, Тардье, выступавший в «Тан» под псевдонимом Жорж Вилье, уже тогда носился с идеей создания германо-французского колониального соглашения. По-видимому, соответствующий план подвергался неоднократным переработкам.

дентов в будущем? В результате сопротивления французской тяжелой промышленности установлению широкого германо-французского сотрудничества экономические обещания, которые Франция дала Германии по договору 1909 года, оставались только на бумаге. В этих условиях стоило попытаться убедить французское правительство хоть немного пойти навстречу Германии в африканских делах. Тогда, под горячую руку, оно, авось, согласится выдать компенсацию обществу «Нгоко-Сангха»[1]. Во всяком случае, с момента, когда вместо этого общества образовался международный консорциум, вопрос о компенсации обществу стал в известной мере международной проблемой. Отказ в выдаче соответствующей компенсации мог бы теперь повлечь за собой осложнения международного порядка.

Итак, сначала нужно было найти немцев, подходящих для осуществления этого плана. Осенью 1908 года г-н Тардье стал неожиданно и притом живейшим образом выступать за германо-французское сближение[2]. Он также содействовал подготовке германо-французского соглашения 1909 года. Прошло немного времени, и вот он уже стал подбираться со своими сугубо личными планами к советнику германского посольства в Париже, который, по-видимому, ничего не подозревал. В одном из донесений германский дипломат сообщал:

«В один прекрасный весенний день 1909 года во время автомобильной поездки в Сен-Жерменский лес г-н Тардье предложил мне посетить вместе с ним г-на Метэйе, его дальнего родственника и весьма симпатичного человека, владевшего в Сен-Жерменском лесу поместьем, расположенным в живописной местности, где хорошо охотиться на уток. Мой спутник сказал, что г-н Метэйе был бы очень рад пострелять вместе с нами водоплавающую птицу. Мы встретились с этим интересным господином, прожившим большую часть своей жизни во Французском Конго[3], и очень приятно провели у него послеобеденное время. На обратном пути Тардье сказал мне: «Наш визит к моему дяде [обратите внимание на то, что «дальний родственник» оказался дядей] навел меня на одну мысль». Далее Тардье рассказал, что г-н Метэйе заинтересован в каучуковой концессии в районе Нгоко-Сангха, расположенном на севере Конго, и часто жаловался на то, что агенты германского Общества Южного Камеруна переходили границу и грабили плантации, находившиеся на территории, подконтрольной французам. В связи с этим Общество «Нгоко-Сангха» обвинило французское правительство в плохой охране границы и потребовало компенсации за нанесенный ущерб. Французскому правительству все это крайне неприятно. Не лучше ли положить конец подобным делам — ведь они только омрачают отношения между обеими нашими странами? Как же это лучше всего сделать? По мнению Тардье, здесь необходимо сотрудничество между французскими и германскими колониальными обществами, а не бесплодные распри между ними. При этом он безоговорочно признал, что французская колонизация намного отстала от немецкой. Она должна поучиться у последней, особенно в том, что касается санитарии и гигиены в тропиках, обращению с туземцами, их трудовому воспитанию, а следовательно, и повышению производительности их труда. В этом тропическом районе сама природа как бы возлагает на обе страны обязательство объединить немецкий дух предпринимательства и французский капитал. «К чему же, — заключил свою речь этот волк в овечьей шкуре, — дарить друг другу чучела крокодилов, наби-

[1] Эти события оказались решающими как для группы Тардье, так и для правительства. См. Viollette, op. cit., p. 104, письмо министра колоний Труйо и министра иностранных дел Пишона, 5 февраля 1910 г. а также Tardieu, op. cit., p. 310 ff., письмо Труйо Обществу «Нгоко-Сангха», 3 июня 1910 г.

[2] См. Lanckcn, op. cit., S. 80 ff.

[3] В чем Кайо весьма сомневается.

тые соломой, вместо того чтобы чистосердечно договориться о совместном выполнении такой полезной работы?»[1]

Несмотря на то что по этому вопросу имеется довольно обширная литература, немецкий дипломат, который только теперь (1930 г.), то есть двадцать лет спустя, изложил свой разговор с Тардье, как он описан выше, в тот весенний день вряд ли подозревал или в лучшем случае лишь смутно догадывался[2], с кем он говорит и чьи интересы представляет его собеседник.

Немецкие партнеры Тардье. Проект Конголезской железной дороги

Таким образом, германо-французские отношения стали в известной мере зависеть от того, как решится судьба спекулятивных махинаций Тардье во французском парламенте. Провал планов Тардье был чреват опасностями в том отношении, что теперь на сцене появились довольно могущественные силы, действовавшие от имени Германии.

Было вполне понятно, что имперское колониальное ведомство, все еще возглавлявшееся крупным капиталистом Дернбургом, приветствовало этот план, тем более что оно не располагало точной информацией о его сомнительности. Колониальную политику Дернбурга можно было назвать как угодно, только не шовинистической. Дернбурговские методы привлечения финансового капитала внутри колоний вызвали немало нареканий и в конечном счете привели к его отставке[3]. Однако в области внешнеполитической Дернбург

---

[1] См. L a n c k e n, op. cit., S. 90 ff. Указанная им дата (1910 г.), бесспорно, неправильна. Это происходило в 1909 г., ибо план создания консорциума в 1910 г. был уже окончательно осуществлен.

C a i l l a u x, op. cit., p. 61, а также T a r d i e u, op. cit., p. 288 ff. приводят одну и ту же дату первого разговора Ланкена и Пишона о плане консорциума — 15 мая 1909 г.; V i o l l e t t e (p. 100 ff.) приводит множество документов, из которых видно, что переговоры велись в 1909 г. А то, что самая идея германо-французского сотрудничества в Конго более стара, нежели непосредственные дипломатические переговоры между Ланкеном и Пишоном, видно, между прочим, из книги Кайо (C a i l l a u x, op. cit., p. 61 ff.), который исходным периодом называет январь 1909 г. Тем большее впечатление производит воспроизведенный в тексте разговор между Тардье и Ланкеном.

[2] То, что Ланкен имел известное представление об этих вещах, можно заключить из содержания его записей (S. 80). Но он все же был обязан удержать германское правительство от какого бы то ни было сотрудничества с этой в высшей степени бесхарактерной личностью. Розен, например, оценивал Тардье куда точнее*.

[3] Вмешательство Дернбурга в вопрос о добыче алмазов в Юго-Западной Африке привлекло к себе широкое внимание и вызвало немало споров. Страсти разгорелись с особенной силой вокруг изданного 16 января 1909 г. постановления о принудительной регламентации продажи алмазов и создании алмазной монополии. Хотя финансовая олигархия сыграла здесь значительную роль, все же рынок был предохранен от демпинговых цен. Меньшее сопротивление вызвало то, что 22 сентября 1908 г. Дернбург объявил поисковые районы запретной зоной; ведение работ разрешалось лишь Германской колониальной компании для Юго-Западной Африки. В результате длительной бездеятельности этого общества его права, вытекавшие из договора, заключенного с рейхом за полгода до того, автоматически утратили силу. Логическим следствием такой политики Дернбурга явилась тяжба с этой компанией, которую та блестяще выиграла. Антикапиталистические круги слева и справа упрекали Дернбурга, что всеми этими мерами, которые сами по себе были не так уж нужны, он взял под защиту могущественных магнатов, стоявших за кулисами данной компании, и тем самым нанес ущерб интересам общественности. И действительно, за этой компанией стояли господа, которых в плане социологическом игнорировать было никак невозможно. Из выступления профессора Арндта в рейхстаге 3 февраля 1910 г. видно, что в числе прочих владельцев приисков и рудников в Юго-Западной Африке были и граф

* На VIII Международном конгрессе историков в Цюрихе (1939 г.) барон фон дер Ланкен заявил автору, что он в свое время отлично понял все и сознательно сыграл на интересах Тардье.

был озабочен устранением всех препятствий, всех воинственных выпадов, мешавших развитию финансового капитала.

Руководители официальной колониальной политики Германии особенно стремились заручиться поддержкой английского колониального и финансового капитала и тем самым обеспечить свой тыл. В Лондоне Дернбурга принимали как желанного гостя, а теперь он выступал с поддержкой проекта, выдвинутого Францией[1]. Проект этот защищал, руководствуясь капиталистической точкой зрения, и статс-секретарь — капиталист. Пожалуй, именно это обстоятельство вызвало в описываемое время (1910 г.) недовольство референта фон Линдеквиста, который после африканской поездки Дернбурга стал врагом последнего. Наконец в 1911 году фон Линдеквист ушел в отставку в связи с немецкими планами в Конго.

Немецкая группа, проводившая переговоры с Тардье под надзором колониального ведомства, возглавлялась гамбургским адвокатом Землером, членом Национал-либеральной партии и вице-президентом рейхстага. Будучи зятем гамбургского бургомистра, Землер пользовался немалым влиянием, хотя в деловом отношении его репутация была отнюдь не безупречной[2]. И все же французы не без оснований считали его personnage considérable. Во всяком случае, германская дипломатия заверяла Землера, что за его спиной стоит весь Гамбург. Если учесть широкие связи Землера, то это заявление было в известном смысле правильным. Общество Южного Камеруна, которое, как и все подобные предприятия, располагало небольшим капиталом[3], возникло благодаря союзу владельца верфей Вермана и «Дисконтогезельшафт». Последняя уже давно финансировала верфи Вермана и время от времени назначала в наблюдательный совет своего видного представителя Макса Шинкеля, империалиста высокого пошиба, которого за неизменные победы на Кильских регатах кайзер шутливо называл «M.S». Другим, менее активным совладельцем общества был Шолто Дуглас, тоже видный участник Кильских регат и личный друг кайзера. Он возглав-

---

Тиле-Винклер и герцог Аренберг. Впрочем, даже сами члены Германской колониальной компании считали, что их права весьма сомнительны. (См. соответствующий материал в «Кёльнише цейтунг», 29 января 1910 г.) В течение двадцати лет эта компания не выплачивала вообще никаких дивидендов. Однако в результате колониальной политики рейха и после восстания в Юго-Западной Африке, явившегося весьма прибыльным «гешефтом» для колонизаторов, удалось выплатить 25 процентов. В 1910 г. дивиденды возросли до 64 процентов, причем акции, котировавшиеся в конце декабря 1908 г. в 400 процентов, поднялись к 29 мая 1909 г. до 1050 процентов, а 31 июля 1909 г. достигли непродолжительного высшего показателя в 2000 процентов («Neue Hamburger Börsenhalle» v. 3.9.1909). Политика Дернбурга давала правым хороший предлог, чтобы разделаться с кругами крупнейших колонизаторов. Нападки колониального политика д-ра Арнинга на Дернбурга (см. «Nationalliberale Blätter» v. 14.2.1910) были поддержаны соответствующими критическими выступлениями «Дейче тагесцейтунг» (см., например, номер за 27 апреля 1910 г.). Дернбурга окончательно доконала активно враждебная деятельность смещенного в свое время Маттиаса Эрцбергера, выступавшего в союзе с консерваторами и весьма недружелюбно настроенной кликой членов наблюдательных советов, которой, по-видимому, руководил барон фон Линдеквист («Rheinisch Westfälische Zeitung» v. 17.6.1910). Отставка Дернбурга огорчила не только Свободомыслящих, но и промышленников. (См. статьи Штреземана о Дернбурге в «Магдебургер цейтунг» за 11 июня 1910 г. и в «Гильдбургхаузенер дорфцейтунг» за 12 июня 1910 г.)

Подробный разбор всего «алмазного вопроса» дан в работе Paul Rorbach, Dernburg und die Südwestafrikaner, Berlin 1911. Рорбах выступает с позиций «национально-социальных» сторонников политики переселения немцев в колонии.

[1] См. Tardieu, op. cit., p. 303 u. 306.

[2] О прежней деятельности Землера, когда он, будучи адвокатом, выступал в весьма неподходящей для него роли опекуна беззащитных и неопытных сирот, мне удалось собрать довольно значительный по объему газетный материал. С другой стороны, старые фронтовые друзья Землера характеризуют его как отличного человека, имеющего немалые заслуги. Представляется, что в данном случае, так же как и при оценке консула Возена, например, следует делать различие между отдельными личными привлекательными свойствами человека и его деловыми, социологически обусловленными качествами.

[3] Капитал составлял 2 миллиона марок.

лял целую клику людей, которые, подобно ему, жили где-то на грани между политикой и экономикой. Кто-то из них после войны оказался замешанным в одной из самых скандальных спекуляций[1]. Теми же благами, что и Дуглас, пользовался гамбургский адвокат и представитель треста Нобеля Юлиус Шарлах, и каждому, кто знаком с атмосферой, царившей в то время в Гамбурге, понятно, что все это значило.

Надо, впрочем, сказать, что половина членов наблюдательного совета была назначена бельгийскими банками и дельцами, имевшими свои интересы в Конго, например генералом Тиссом, который, еще не имея этого чина, построил бельгийскую железную дорогу в Конго на средства, предоставленные «Дисконтогезельшафт».

В остальном создается впечатление, что вся эта группа заблаговременно установила отношения с Немецким банком[2]. Этот банк, «наступавший» из Германской Восточной Африки на Центральную Африку и только что завершивший строительство железной дороги в Танганьику, был явно заинтересован в установлении немецкого контроля над магистралью, пересекающей всю Африку. Стремясь присвоить и себе часть награбленного в 1911 году, к Немецкому банку впоследствии присоединились гамбургский банкирский дом Варбурга, фирма «Верман» и ГАПАГ. Именно в вопросе о Марокко Варбург действовал в контакте с ведомством иностранных дел. То, что Варбург, как и Баллин, в конце концов одобрил немецкие уступки в Марокко и Конго, несомненно, не было случайностью.

Во всяком случае, речь шла здесь в первую очередь об интересах судоходных компаний и представителей финансового капитала, к которым ведомство иностранных дел всегда благоволило больше, чем к тяжелой промышленности! Из всего этого становится понятным, что ведомство иностранных дел приветствовало предложение Тардье, которое как будто обеспечивало Германии столь желанный для нее доступ к Конго[3]. Первоначально этот план принял форму французского законопроекта об образовании германо-французского консорциума «Нгоко-Сангха», причем предусматривалось, что французское правительство должно подарить новому обществу много раз оспаривавшуюся сумму компенсации в качестве «приданого». В этом своем первоначальном виде законопроект был провален прогерманской, но явно антиколониальной левой, а также и крайней правой группировкой французского парламента[4]. Вскоре, однако, этот план снова всплыл на поверхность, на сей раз уже в виде проекта совместной постройки железной дороги Каме-

---

[1] См. Salings Börsenjahrbuch für 1912, S. u. Gesellschaft Südkamerun.

[2] Во всяком случае сразу же после ликвидации марокканского кризиса представители Немецкого банка появляются, наряду с деятелями Общества Южного Камеруна, в наблюдательных советах компаний, приступивших к эксплуатации новых объектов, которые немцы приобрели в Африке в 1911 г. (См. v. d. Heydts Kolonialhandbuch, Jg. 1914, S. 359, о Камерунском пароходном обществе, а также S. 303 ff.— о «Сосьете коммерсьель Бельго-Алльманд дю Конго».)

[3] По данным «Кёльнише цейтунг» за 17 марта 1894 г., в районе Нгоко—Сангха немцам пришлось отступить перед французами. Одним из главных инициаторов экспансии в этом районе уже тогда был профессор Марио Пассардже. (См. «Kölnische Zeitung» 26.6.1894.)

[4] То обстоятельство, что борьбу против этого проекта возглавили Социалистическая партия Жореса, в принципе настроенная дружественно по отношению к Германии, а также левая, готовая к сотрудничеству, было, конечно, само по себе иронией судьбы, но нельзя игнорировать конкретные факты, обусловившие все это. Представлялось крайне опасным приковать всю проблему достижения взаимопонимания с Германией к утлому суденышку г-на Тардье. Эти соображения вынуждали французских левых, выступавших против махинаций Тардье, действовать рука об руку с правыми. Известную роль в формировании отрицательного отношения к проекту Тардье сыграла также пропаганда, направленная против «ужасов Конго», которую годами вел англичанин Э. Д. Морел. В ходе парламентских дебатов, состоявшихся в конце марта 1911 г., в качестве официального докладчика выступил М. Виолет, будущий губернатор Индокитая. Когда дискуссия окончилась, Пишон от имени правительства заявил, что он отказывается поддержать план создания консорциума.

рун — Конго. К преимуществам первого варианта прибавлялось еще и весьма доходное дело, связанное с финансированием строительства указанной магистрали. В те годы строительство железной дороги в Конго было тем важнее, что в верховьях реки Конго были обнаружены значительные рудные залежи, на которые жадно набросился европейский капитал, в особенности «Дисконтогезельшафт[1]*. Бельгийские предприниматели уже намеревались «срезать» всю излучину реки Конго и проникнуть на юго-восток, в Катангу. Немецкий банк со своей стороны стремился ускорить строительство так называемой Центральной железной дороги, ведущей с востока к озеру Танганьика. Никому не хотелось оказаться последним в этом кроссе через Центральную Африку. Но над проектом железной дороги Камерун—Конго словно нависло проклятие не в меру буйной предпринимательской алчности Тардье. Заинтересованные в этом проекте гамбургские круги, опираясь на поддержку агрессивной немецкой дипломатии[2], настойчиво требовали утверждения проекта Францией. Это, конечно, не могло исправить положение дел. Новый план предусматривал (правда, в завуалированной форме) предоставление трехпроцентной германо-французской государственной гарантии на строительство железной дороги, пересекающей владения общества «Нгоко-Сангха». Таким образом, план этот выполнял те же функции, что и ранее провалившийся проект[3], а именно выдачу г-ну Тардье и К°, а также их немецким контрагентам компенсации за убытки, которые немецкие участники этого «кумпанства» якобы причинили своим французским партнерам[4].

Жозеф Кайо — враг Тардье

Жозеф Кайо был в то время министром финансов. Человек с изящными манерами, выходец из влиятельных финансовых кругов, он стоял во главе радикальных групп. К проекту строительства железной дороги Камерун — Конго в том виде, в каком его разработала германо-французская группа предпринимателей, он относился так же отрицательно[5], как и к прежнему плану, который он как лидер радикалов провалил**. Французский посол в Берлине Жюль Камбон, по-видимому, сразу же разгадал двойственный характер этих проектов, за что Тардье впоследствии поносил его как виновника ухудшения отношений между Германией и Францией[6].

---

[1] См. выступление Эмиля Циммермана в «Рейхсботе» за 21 января 1911 г., а также Либерта в «Пост» за 18 февраля 1911 г. «Дисконтогезельшафт» контролировало «Сосьете эндюстриэлль э миньер дю Катанга».

[2] См. T a r d i e u, op. cit., p. 352; C a i l l a u x, op. cit., p. 76 f. u. 80. Ланкен (S. 94 f.), правда, ничего не говорит об этих угрозах, но и он подтверждает немецкую инициативу в этом вопросе.

[3] У Кайо (C a i l l a u x, op. cit., p. 80) приведена схема трассы этой железной дороги. Нельзя не заметить, как изощренно автор раскрывает социологический смысл этого предприятия.

[4] Решение проблемы о компенсации представлялось г г. Тардье и Метэйеру тем более безотлагательным, что на основании обещаний бывшего министра колоний Метэйеру удалось учесть комиссионные в размере 400 тысяч франков. (См. V i o l l e t t e, op. cit., л. 48.)

[5] Так буквально сказано у Кайо (C a i l l a u x, S. 81).

[6] Данные об этом можно найти в GP, 10676, Ланкен — Зиммерну, 26 июля 1911 г.

* Непосредственно перед войной германской финансовой олигархии действительно удалось завладеть железной дорогой, соединявшей бухту Лобиту (Португальская Ангола) с Катангой. DD, 3-me serie, vol. 8, № 509, сообщение Ж. Камбона от 20 ноября 1913 г.

** Беседуя с автором этой книги в 1934 г., г-н Кайо подчеркнул, что он был сторонником сближения с Германией, но отнюдь не в целях обогащения Тардье. См. также J. C a i l l a u x, Mes Memoires, vol. II (Mes Audaces—Agadir, 1910 bis 1912).

Второй проект также был провален. Против него выступили представители левой; хотя они и были настроены дружественно к Германии, но их не устраивала сама форма данного проекта. Его провалу содействовали также махинации англичан и русских[1] и традиционная ненависть к Германии французской правой[2]. Но при всем этом надо иметь в виду и то, что сама Германия, настаивая на принятии плана Тардье, поставила себя в двусмысленное положение[3].

Проекты Тардье и Землера, охраняемые разными более или менее сомнительными и почтенными личностями в Париже, Гамбурге и Берлине, оказались причиной того, что в разгар знойного лета 1911 года весь мир оказался страшно взбудоражен. В течение целого полугодия всем казалось, что вот-вот разразится война. Многие усматривали в этом кару божью за французские действия в Феце весной того же года. Не стоит ссылаться на то, что эпигон Бисмарка фон Кидерлен-Вехтер, который сам принимал деятельное участие в обсуждении этих проектов на Вильгельмштрассе[4], однажды со свойственной ему безапелляционностью назвал их «пустяками», которые, мол, больше не заслуживают внимания[5]. Не стоит также думать, будто он, подобно покойному Гольштейну, связывал все это с далеко идущими планами международной политики. Не только подробные высказывания статс-секретаря, ставшие известными лишь совсем недавно[6], но и вся его неутомимая борьба за территории, на которые Тардье обратил внимание немцев, свидетельствуют о том, что упомянутое выступление Кидерлена было всего лишь блефом. Это была попытка завоевать для немецкого финансового капитала, по традиции опекаемого ведомством иностранных дел и в данном случае представленного Землером, железную дорогу, пересекающую Африку[7].

---

[1] Ланкен (L a n c k e n, op. cit., S. 95) высказывает предположения о причинах, обусловивших поведение англичан в вопросе о марокканских железных дорогах и о Конго. Комментируя дебаты на эту тему во французском сенате, «Фоссише цейтунг» в номере от 10 января 1912 г. намекает на влияние русских.

[2] Впоследствии правое крыло парламента поставило этот вопрос во всех подробностях перед парламентом. См., в частности, речи Женуврие и Годэн де Виллена во французском сенате 5 и 6 февраля 1912 г. По данным последнего оратора, отклонению обоих проектов содействовал Мессими, министр колоний, в дальнейшем военный министр. Учитывая традиционные связи французского военного министерства с русской внешней политикой, можно предположить, что и здесь не обошлось без влияния русских. Впрочем, не следует забывать, что ко времени этих сенатских дебатов сам Тардье, разочарованный действиями правительства, выступал против него и что, наконец, представители того же правого крыла нападали на правительство за то, что оно чуть было не проявило уступчивости в этом деле. См., например, заявления клерикального деятеля Пиу (о нем см. в немецком издании P o i n c a r é, Erinnerungen, Dresden, 1. Bd., 1928, S. 67), который прежде высказывался в пользу этого проекта совсем в духе Тардье. (Пиу во французском парламенте, 5 апреля 1911 г.)

[3] Если говорить иносказательно, то получилось примерно следующее: невеста (французское общество) недовольна тем, что ее жених (германское общество) еще в девичестве якобы надругался над нею. В качестве приданого она несет ему озлобленность и различные претензии, высосанные из пальца. Теперь эта миленькая парочка хочет сделать отца невесты (Германию) своим сообщником, с тем чтобы он востребовал с папаши невесты (Франции) компенсацию в наказание за то, что во время несовершеннолетия своей дочери он не сумел защитить ее от грубости будущего жениха.

[4] См. C a i l l a u x op. cit., p. 74 ff.

[5] См. GP, 10574, Циммерман — Кидерлену, 25 июля 1911 г.

[6] См. L a n c k e n, op. cit., S. 96.

[7] Уже тогда в компетентных кругах главной движущей силой, определявшей марокканскую политику ведомства иностранных дел, считали интересы тех деловых кругов, которые хотели построить трансафриканскую железную дорогу. См., например, в «Гамбургер нахрихтен» от 30 сентября 1911 г. статью «За кулисами Агадира». Эта статья опирается в основном на достоверную информацию. В «Нейе гамбургер цейтунг» от 7 сентября 1911 г. директор Германских обществ по освоению Того с нескрываемым недовольством высказывается о бесцельном проекте строительства трансафриканской железной дороги, которая полностью подорвала бы грузовые перевозки по африканским рекам, в частности по Конго. Этот наблюдатель считает также, что данный проект и является истинной основой всей политики Кидерлена. В довершение всего сам Кидерлен впоследствии заявил, что

а также, если удастся обеспечить германской промышленности, поддерживающей Маннесманов, часть Южного Марокко[1]. Но после неудачного исхода первой марокканской авантюры никому в Германии не могло прийти в голову начать из чисто тактических соображений военные действия в Марокко.

Характер второго марокканского кризиса

И все же между марокканским кризисом 1905—1906 годов и кризисом 1911 года имеется прямо-таки роковое сходство. И в том и в другом случае немцы проявляют долготерпение к действиям Франции, оба раза Германия до поры до времени молчит, как сфинкс[2]. Она ударяет кулаком по столу (в 1905 году Вильгельм II прибывает в Танжер, в 1911 году «Пантера» появляется на рейде Агадира), оба раза весь мир содрогается от страха, оба раза ведомство иностранных дел допускает просчет в оценке политики Англии, и оба раза Англия, ввязавшись в эту политическую борьбу и руководя ею, вместе с тем берется укрепить позицию довольно сговорчивого французского кабинета, с тем чтобы как тогда, так и сейчас в конечном итоге изолировать Германию. Как в первом, так и во втором случае подобное вмешательство Англии объясняется не в последнюю очередь тем, что Россия, занятая своими делами в Азии — сначала войной с Японией, а затем проблемами Китая и Персии, — уже была не в состоянии выполнять свою всемирно-политическую задачу как союзник Франции. Как тогда, так и теперь ведомству иностранных дел в конце концов удалось добиться, чтобы германский кайзер оказался, вопреки своей воле, замешанным в эту авантюру. И в 1906 и в 1911 годах авантюра закончилась принятием давно уже подготовлявшихся законопроектов о строительстве военно-морского флота и ухудшением германо-английских отношений. Бесспорно, что причиной второго марокканского кризиса явились французское продвижение и французские провокации. Резкая реакция на них представлялась опасной, ибо в связи с неблагоприятным ходом германо-английских переговоров о строительстве флотов, имевших место весной, приходилось рассчитывать на сопротивление Англии.

Исходя из соглашения 1909 года, Франция намеревалась создать в Марокко германо-французскую экономическую монополию и вместе с тем

две статьи его друга Екка в «Неккарцейтунг» и в «Хильфе», посвященные так называемому «мосту Кидерлена» из Камеруна в Восточную Африку, следует рассматривать как ключ к пониманию всей его политики. За этими проектами стояли, конечно, те же самые заинтересованные лица, к которым примкнул и Тардье. После Агадира все они вместе с Тардье остались у разбитого корыта.

Все подробности и взаимосвязи этого дела станут известными полностью, по-видимому, лишь тогда, когда будет открыт доступ к документам имперского колониального ведомства. К сожалению, теперь (1932 г.) это представляется столь же нереальным, как и публикация экономической документации ведомства иностранных дел. Со временем оба этих архива покажут, кто именно был главным слугой германского империализма.

[1] Организовав «прыжок «Пантеры» в Агадир, Кидерлен хотел в известном смысле убить одним выстрелом двух зайцев. Об этом с полным основанием говорит Ф. Гартунг в своем весьма точном исследовании, посвященном второму марокканскому кризису, Fritz Hartung, Die Marokko-Krise der Jahres, 1911; in: Einzelschriften zur Politik und Geschichte, Heft 19, Berlin 1927, S. 19. Материалы, опубликованные впоследствии (главным образом воспоминания Ланкена, а также BD, vol. 7), дополняют работу Гартунга, но почти совершенно не опровергают его выводов. Поэтому я отсылаю читателя, интересующегося различными политическими и дипломатическими деталями, в которые я, как обычно, не вхожу, именно к указанной книге*.

[2] Правда, известное официальное указание Бюлова германским дипломатам о том, чтобы они «играли в сфинкса», было дано лишь в 1905 г., после «удара кулаком по столу», однако следует заметить, что уже с 1904 г. германская политика придерживалась этой линии.

* Эта работа ускользнула от внимания г-жи Бэрлоу.

удержать в своих руках контроль над политическим аппаратом в стране. Англичане сорвали этот французский план. В глазах английского империализма сближение между Германией и Францией казалось в высшей степени опасным. Поэтому англичане, опасаясь за целостность своей империи и боясь германского военно-морского флота, отклонили французское предложение, чтобы Англия вступила в «Сосьете марокэн». Это помешало выполнению ряда работ по гражданским сооружениям и железнодорожному строительству, которые по немецким планам должны были быть осуществлены этим обществом, — ведь Германия владела 30 процентами его акций[1].

Из-за этого сопротивления Франция не могла предложить немцам ни малейшей компенсации за продвижение французских войск в сторону Феца, как было намечено программой франко-марокканской колониальной партии на 1911 год*. Мотивировать подобное перемещение войск ссылкой на внутренние волнения марокканского населения было делом нетрудным, и если бы этих волнений вообще не было, то их пришлось бы просто выдумать. Объективные наблюдатели не ставили ни в грош все версии о «внутренних беспорядках»[2]. Правительство обязано было плясать под дудку дельцов — только и всего[3]. 17 апреля началось продвижение французских войск в глубь Марокко.

Берлин отмалчивался. Английское правительство, подзадориваемое Веной, где в свете балканских проблем больше всего боялись осложнений в Марокко, пессимистически сравнивало создавшуюся ситуацию с тем, что было в период Альхесираса[4]. В ту пору Германия разыгрывала из себя сфинкса, то есть существо, которое задает всему миру загадки, но в конце концов само проваливается в пропасть. Напряженный и озабоченный взор Форин офиса был обращен прежде всего на Испанию, которая, заключив в 1904 году тайный договор с Францией, связала себя с Антантой, а впоследствии была подкуплена мнимыми уступками, дарованными ей в Альхесирасе. Однако германо-французское соглашение 1909 года отдавало Испанию на милость французам. Поэтому теперь следовало опасаться, что в борьбе за руду, которая принадлежала ее влиятельным грандам, заключившим союз с Маннесманами[5], Испания бросится в объятия Германии[6].

На Даунинг-стрит все это нарастание международной напряженности воспринималось с большим недовольством, ибо там было известно, насколько Франция рассчитывает на помощь англичан. Исходя из интересов Британской империи, англичане ни в коем случае не хотели оставить французов одинокими, лицом к лицу с Германией. Правда, внутриполитическое положение Англии заставляло национальную плуто-аристократию, контролировавшую Форин офис, быть весьма и весьма осторожной. Поэтому офи-

---

[1] В связи с этим см. характерные примечания Кроу, Лэнгли, Никольсона и Грея в BD, VII, № 192, французская нота, 14 марта, а также H a r t u n g, op. cit., S. 9.

[2] Соответствующие доказательства (H a r t u n g, op. cit., S. 12) дополняются, например, высказываниями в близкой правительству газете «Пти паризьен». Так, в номере за 25 мая 1911 г. газета простодушно признается, что если бы французы двинулись вперед, они не встретили бы решительно никакого сопротивления, и это было бы равносильно краху всей «марокканской легенды».

[3] Относящаяся к этому статья Кайо приведена в немецком переводе, в K-BM, 1931, S. 325. Из статьи явствует, что в кабинете возникли резкие разногласия по поводу целесообразности похода на Фец. О давлении дельцов, заинтересованных в Марокко, на кабинет см., между прочим, GP, 10550, 10551, 10555, Шён—ведомству иностранных дел и Бетману 3, 4 и 7 мая 1911 г.

[4] См. BD, VII, № 214, Картрайт — Грею, 22 апреля 1911 г.

[5] Герцог фон Товар был широко известен в Германии. В Мюнхене он стал кавалером Ордена св. Георгия.

[6] См. BD, VII, Кар. LI, 5 u. 6. Abschnitt, а также Кар. LII, где в последней главе приводятся интересные донесения Бунзена из Мадрида.

* О подготовке похода на Фец и сопутствующих этому обстоятельствах см. B a r l o w, op. cit., Кар. 7 u. 8.

циально английское правительство (к явной досаде французов)[1] действовало в соответствии с девизом: «О не срами меня, прелестное дитя, не шли мне свой привет под сенью лип». Втайне же оно признавалось: «Я сделала уж столько для тебя, и сделать что-нибудь еще почти что невозможно»[2]. Легкомысленный Бюлов, склонный к эвфемизмам, расценивал беспомощность Германии перед ее австрийским союзником как «верность Нибелунгов». То же самое мы наблюдаем в поведении Англии по отношению к ее французскому союзнику. Во всяком случае, когда начался французский поход на Фец — столицу суверенного марокканского государства, Кроу предложил Франции снабжать ее оружием. Ничто другое ему в голову не пришло. Следует подчеркнуть, что в этом и состоит отличие описываемой обстановки от ситуации 1906 года, когда бряцание оружием началось лишь после того, как немцы «стукнули кулаком по столу».

В начале мая положение стало еще более напряженным. Люди, умевшие смотреть в корень вещей, понимали, что многие инциденты тревожного свойства предвещают бурю. Англо-французский финансовый капитал стал нажимать на все рычаги, с тем чтобы Австро-Венгрия, которая, судя по всему, шла навстречу экономическому развалу и финансовому краху, встала и в политическом отношении на сторону Антанты[3].

Такие попытки продолжались и в последующие годы, особенно весной 1914 года. Возможно, что они оказались бы успешными, если бы не разразилась мировая война. Одновременно английская дипломатия вела отчаянную борьбу с Испанией, сопротивлявшейся французской политике в Марокко[4]. Хотя английские дипломаты и считали, что со стороны Испании было бы «в высшей степени мудрым» занять позицию спокойного выжидания, все же в начале июня терпению испанцев пришел конец: испанские войска высадились на марокканском побережье и заняли Алькасар.

Германия по-прежнему хранила молчание. Правда, ее дипломаты невнятно бормотали, что если, мол, французы слишком долго засидятся в Феце, то «что-то случится». На что же намекали немцы? Этого не мог разгадать даже французский посол в Берлине Жюль Камбон, лучший скакун во всей дипломатической конюшне Франции. На Даунинг-стрит с ужасом ожидали момента, когда Германия вновь грохнет кулаком по столу.

И в Париже приближение грозы ощущалось вполне отчетливо и вызывало немалые опасения. Внешнеполитические затруднения омрачали перспективы ведущих левых политиков, роль которых в то время возрастала. Самая умная голова французского кабинета, министр финансов Жозеф Кайо, финансист, пацифист и типичный аутсайдер, чья борьба против финансовой олигархии и тяжелой промышленности привела его в конце июля на пост премьера*, еще в мае, договорившись с немецкими дипломатами, направил одного из ведущих дельцов, заинтересованных в Конго, в Берлин для ведения переговоров. Однако встречи этого агента с группой Землера не дали ничего, кроме выработки уже упомянутого плана строительства железной дороги Камерун — Конго. Несмотря на сильный нажим, оказываемый на Кайо французскими деловыми кругами, а также соответствующими немецкими кругами, поддержанными германской дипломатией[5], министр, руководствуясь внутриполитическими соображениями, счел необходимым отклонить этот план[6].

[1] См. BD, VII, № 205, Берти — Грею, 9 апреля 1911 г.

[2] См. BD, VII, № 217, Берти — Грею, 13 апреля 1911 г., с важным примечанием Кроу.

[3] См. BD, VII, № 237, 264, 265. Картрайт — Грею, 1 и 13 мая 1911 г., и Картрайт — Никольсону, 11 мая 1911 г.

[4] См. BD, VII, kap. LVII.

[5] См. T a r d i e u, op. cit., p. 352 ff.

[6] См. C a i l l a u x, op. cit., p. 81 f.

* Бэрлоу (B a r l o w, op. cit., p. 210) приводит сведения о карьере Кайо.

Удар оказался для немецкой дипломатии тем более чувствительным, что статс-секретарь фон Кидерлен, стремившийся снискать себе не только у ведущих финансистов, но и среди промышленников славу новоявленного Бисмарка, еще в апреле не поскупился на обещания пангерманистам[1] и вновь поднял вопрос о порте Могадор[2]. Таким образом, согласие французов на строительство железной дороги Камерун — Конго Кидерлен рассматривал лишь как предпосылку к соглашению о Марокко, предусматривающему соответствующие концессии для германской промышленности. Между тем французский министр иностранных дел Крюппи, как это видно из его заявления в июне[3], считал, что эвентуальное согласие Франции на этот проект — кстати, подвергавшийся весьма резкой критике в совете министров, — должно как бы компенсировать Германию за установление французского протектората над Марокко[4].

«Агадир»

Перед немецкой дипломатией разверзлась пропасть: внезапно обнаружилось, как сильно Германия отошла от Франции. Дипломатия Германии не заметила при этом лишь того, насколько она сама испортила все дело, связавшись с жульническими железнодорожными прожектами Тардье, которые представлялись неприемлемыми даже вполне дружелюбно настроенному Кайо. Положительное решение по данному проекту, возможно, предотвратило бы необходимость принудительных мер, с которыми Кидерлен носился еще с начала мая[5]. Но проект провалился, и это лишь ускорило кризис. Поведение французов показало статс-секретарю, что теперь он, пожалуй, отдалился от цели еще больше, чем мог сам предположить. Рассерженный, он стал отзываться об этом плане как о чепухе, хотя сам же участвовал в его разработке. «Французы, — заявил он одному из своих подчиненных[6],— вторично прячутся в кусты. Сперва Общество «Нгоко-Сангха», а теперь железная дорога в Конго. Они пользуются тем, что я пошел на уступки, а сами не желают выполнять свои посулы. Теперь нам не остается ничего иного, как в третий раз попробовать добиться мирного решения марокканского вопроса. А для этого надо сначала как следует ударить кулаком по столу».

Еще в мае группа Тардье сумела весьма искусно склонить кайзера к идее «обмена» Марокко на Конго. Это было сделано при посредстве придворного банкира Людвига Дельбрюка*, члена наблюдательного совета

---

[1] См. Hartung, op. cit., S. 7 ff. Кроме того, особенно интересна недавно (1932—1933 гг.) вышедшая работа Heinrich Class, Wider den Strom, Leipzig 1933, S. 202 ff.

[2] См. Hartung, op. cit., S. 17 f., BD, VII, № 239, 240, 251, Раттиган — Грею, 1 мая 1911 г., Никольсон — Гошену, 1 мая, и Гошен — Грею, 5 мая 1911 г.**

[3] См. GP, 10573, Гошен — ведомству иностранных дел, 15 июня 1911 г.

[4] Это разногласие представляется мне решающим. Если учесть провал всех остальных экономических переговоров, то именно оно должно рассматриваться как главная причина агадирских событий.

[5] См. меморандум Кидерлена от 3 мая 1911 г. (GP, 10549), детально проанализированный в книге Hartung, op. cit., S. 16 ff.

[6] См. Lancken, op. cit., S. 96.

* О том, что кайзера удалось склонить в пользу конголезского плана, говорит также Barlow, op. cit., S. 261. В 1934 г. Жозеф Кайо говорил автору, что в парижских дипломатических кругах барон фон дер Ланкен, ратовавший за этот план, считался доверенным лицом Вильгельма II.

** Позже Кидерлен сделал все, чтобы отрицать эти обещания; он даже попытался заставить французов соответственно «отретушировать» их Белую книгу об агадирском кризисе (DD, 3-me serie, vol. 1, № 493, Ж. Камбон — Пуанкаре, 20 января 1912 г.).

фирмы Круппа, относившейся положительно к перспективе соглашения о Марокко. Теперь же Вильгельм II, вопреки всему этому, позволил Кидерлену убедить себя санкционировать отправку военных кораблей к западным берегам Марокко. И вот 1 июля небольшая немецкая канонерка «Пантера» бросила якорь на рейде порта Агадир, на юго-западном берегу Марокко. Агадир, согласно Альхесирасскому соглашению, считался закрытым для всех стран[1]. Рейд «Пантеры» вызвал всеобщее смятение. Особенно всполошился французский посол Жюль Камбон, который весьма недоверчиво относился к немецким планам и еще в конце июня помчался вслед за Кидерленом в Бад-Киссинген. При этом он твердо полагал, что выступает как инициатор германо-французского «компенсационного соглашения».

В рядах пангерманцев царило полное ликование. Казалось, что наконец-то завоеван вожделенный порт на западномарокканском побережье, что можно объявить шах британскому флоту, базировавшемуся на Гибралтар, и надежно охранять германские морские коммуникации в Южную Америку. Выбор Агадира казался удачным еще и потому, что он как бы обеспечивал безопасность германского Южного Марокко с его рудниками. «Ура! Вот это подвиг!» — таким широковещательным заголовком приветствовала газета «Рейниш-Вестфелише цейтунг» смелый «прыжок «Пантеры». «Теперь,— писала газета[2],— на рейде Агадира стоит германский военный корабль. Французы еще могут договориться с нами о разделе Марокко. Если же они этого не захотят, то «Пантера» может сыграть роль небезызвестной «эмской депеши». Заправилы тяжелой промышленности, по чьей указке все это писалось, и не подозревали, что финансовый капитал использует их лишь как того самого мавра, которому надлежит сделать свое дело и уйти[3]. Кидерлен рассказывал, как он пытался убедить одного национал-либерального депутата рейхстага в том, что Германия отнюдь не намерена

---

[1] См. GP, 10639, Ениш — Бетману, 13 августа 1911 г., а также GP, 29. Bd., S. 152. примечание.

Как и везде, автор интересуется здесь не дипломатическими подробностями этих событий, а их внутриполитической подоплекой.

Действия в Агадире мотивировались обычной в подобных случаях оговоркой о защите соответствующих интересов. Однако в этом районе не было никаких «подопечных» Германии, на которых кто-нибудь напал; не было там буквально ни единого немца, которому бы что-либо угрожало. Сперва ведомству иностранных дел пришлось забросить туда одного немца, приказав ему «почувствовать себя в опасности». К сожалению, этот немец (представитель гамбургской фирмы «Варбург») прибыл на место через целых три дня после прибытия корабля, призванного «охранять его безопасность» (R o s e n, op. cit., S. 339). Дипломатические авгуры, в том числе и немецкие, улыбались, когда заходил разговор о немецких интересах (см., в частности, BD, VII, № 518, Гошен — Грею, 25 августа 1911 г., о переговорах на Вильгельмштрассе), что, однако, не исключало того факта, что Кидерлен вначале нагородил порядочно чепухи (см. BD, VII, № 373, Гошен — Грею. 12 июля 1911 г.).

[2] См. «Rheinisch Westfälische Zeitung» v. 2.7.1911.

[3] Нежелание развязать мировую войну из-за одного только Марокко было понятно, однако заигрывание с пангерманцами было тем более опасным, что оно порождало ложные надежды. Германские интересы и притязания в районе Суса были довольно значительными (кстати, вопреки утверждениям дипломатов, в политическом отношении этим интересам ничто не угрожало). В начале XX века фирма «Маркс» приступила к скупке земель. В альхесирасский период небольшая группа представителей колониального общества заглядывалась на Агадир, но, как утверждают, натолкнулась на сопротивление Соединенных Штатов, отстаивавших безопасность морских коммуникаций в Южную Америку. Затем в качестве главной заинтересованной стороны появились Маннесманы, приступившие к разведке руд главным образом в северо-западном Сусе и в районе Драа. Они представляли соответствующие заявки Абдул Азизу и Мулай Хафиду. Помимо Маннесманов и фирмы «Маркс и К°», также занимавшейся горнорудными разработками, имелось еще и другое общество — «Атласгезельшафт», финансировавшееся Робертом Варшауэром из относительно «Берлинского банка»; в деятельности этой компании была заинтересована также фирма «Варбург». Что касается так называемых «интересов Маннесманов», то речь шла отнюдь не только о рудных разработках, но и об экспорте капитала. (Все эти конкретные данные заимствованы частично из работы A. W i r t h, Der Kampf um Marokko, S. 93 ff.)

задержаться в Агадире надолго, однако «эта скотина» никак не хотел ему поверить[1].

На деле немецкой дипломатии было бы в высшей степени приятно, если бы она смогла оказать услугу не только финансовому капиталу, но и промышленности[2]. Поэтому Кидерлен еще до агадирского инцидента назвал проект железной дороги в Конго чепухой; по той же причине теперь, после Агадира, он потребовал такой огромной компенсации за Конго[3], что Камбон от испуга едва удержался на ногах. Французский посол тут же заявил, что переговоры на данную тему совершенно бесцельны. Таким образом, если бы Франция отклонила эти непомерные требования (а именно этого и следовало ожидать), то у германских промышленников все еще оставалась возможность сохранить свои позиции в Марокко. Что же касается колониального и финансового капитала, имевшего своих людей в ведомстве иностранных дел, то его интересовала преимущественно[4] проблема Конго и налаживание хороших отношений с Францией и Англией. Промышленников же привлекал район Суса. Традиционная внутриполитическая борьба возобновилась, причем на сей раз в более острой форме. По старой привычке монарх встал на сторону ведомства иностранных дел. Однако намеченное этим ведомством решение конголезской проблемы требовало предварительного оказания давления на Францию в вопросе о Южном Марокко; в противом случае ведомство иностранных дел навлекло бы на себя надолго немилость промышленных и военно-морских кругов. Вот почему Вильгельмштрассе пришлось начать борьбу не только с анлийским правительством, но и с кайзером. Лондон не жалел сил, чтобы путем нажима на Германию предотвратить образование германо-французского континентального альянса и не допустить распада союза, заключенного в 1904 году[5]. Форин офис и не думал отступить хотя бы на пядь перед Испанией или Германией и требовал отправки кораблей в Агадир[6], на что английский кабинет, состоявший из либералов, руководствуясь интересами всеобщего мира и считаясь с волей своих избирателей, все же не пошел[7]. С этого момента между обеими этими инстанциями началась яростная борьба за руководство внешней политикой, борьба, в кото-

---

[1] См. J ä c k h, op. cit., 2. Bd., S. 123.

[2] В ходе дипломатических переговоров оценка материальных интересов в Агадире непрерывно колебалась. Несомненно, что этот момент подчеркивался с особенной силой во время подготовительного периода (апрель), когда Кидерлен вел переговоры с лидером Пангерманского союза д-ром Классом, а также в период английского вмешательства.

Английские дипломаты считали вероятным, что в угоду промышленникам Германия хочет закрепиться в Агадире и что по той же причине она так энергично претендует на свои права в Конго. (См., например, примечание Кроу в BD, VII, № 392, Берти — Грею, 18 июля, и BD, VII, № 395, Никольсон — Гошену, 18 июля 1911 г.: «Считаю, что французы и не думают уступить этим требованиям (как и требованиям относительно всего Конго); дело, несомненно, сведется к тому, что немцы прочно обоснуются в Агадире».) Как бы критически ни оценивать концепцию Кроу, мне кажется, что в этих мыслях заключены здравые суждения.

[3] См. H a r t u n g, op. cit., S. 32, беседы Кидерлена с Камбоном, 9 и 15 июля 1911 г.

[4] Преимущественно, но отнюдь не исключительно. См. данные, которые приводит R o s e n, op. cit., S. 339, об отношениях между ведомством иностранных дел и марокканскими предприятиями банкирского дома Варбурга. То был колониальный империализм in optima forma, что подтвердилось как на берегах Конго, так и в этом случае. «Марокканский энтузиазм» Баллина частично как раз и объясняется действиями банка Варбурга. Розен считает эти интересы незначительными, но я не могу согласиться с ним: ведь не могло же ведомство иностранных дел намеренно содействовать развитию в этом районе таких интересов, которые только осложняли проведение пресловутой «политики отказа». Поэтому определяющим фактором была, бесспорно, чисто материальная заинтересованность, хотя ведомство иностранных дел и банкирский дом Варбурга, разумеется, никогда не допустили бы развязывания войны ради этих интересов. В представлении Макса Варбурга война с Англией была бы настоящим ужасом.

[5] См. BD, VII, kap. LIV.

[6] См. BD, VII, № 354, Никольсон — Грею, 4 июля 1911 г.

[7] См. литературу, указанную в BD, VII, S. 539.

рой обе стороны шли на всевозможные интриги. Правда, в Англии эта борьба была по своему характеру противоположна аналогичной борьбе в Германии. Германская юнкерская каста и тайные советники на Вильгельмштрассе не проявляли такого чисто империалистического интереса к международной политике, как те классы английского общества, чьи непосредственные представители контролировали деятельность Форин офиса[1].

*Английское вмешательство**

Озлобленные дипломаты на Даунинг-стрит взвалили всю вину за агадирский инцидент на английских пацифистов, упрекая их в том, что они явно поощряли Вильгельма во время его последнего визита в Англию, в мае 1911 года. Казалось, что уже третий визит кайзера в Англию приносит ей беду[2].

Новый постоянный заместитель министра иностранных дел, сэр Артур Никольсон (он был назначен на эту должность в октябре 1910 года) радовался агадирскому инциденту, ибо последний открывал новые возможности ведения переговоров с Германией[3]. Английский министр иностранных дел Грей, будучи зависимым от парламента, оказался, пожалуй, еще более уступчив, чем старые кадровые дипломаты, которые буквально на каждом шагу воздвигали препятствия на пути к устойчивому миру[4]. В палате общин консерваторы немедленно подняли вопрос о Марокко[5]. Они действовали в контакте с Даунинг-стрит, где Эйр Кроу, преисполненный ненависти к английскому пацифизму, так же как и Никольсон, открыто смотрел в лицо военной угрозе[6]. Но, по-видимому, он был вполне убежден, что в решающий момент сумеет увлечь за собой своего слабого господина и повелителя, чьи умеренные инструкции, посылаемые в Париж и обусловленные внутриполитическими соображениями, могли безнаказанно игнорироваться английскими дипломатами[7].

Как и в 1905 году, позиции парижской дипломатии были снова усилены дипломатами с Даунинг-стрит[8], которые с нескрываемым раздражением наблюдали, как вновь назревает германо-французское колониальное соглашение времен Жюля Ферри[9]. Когда до Лондона дошли сведения о первоначальных требованиях немцев, руководители Форин офиса буквально лишились дара речи[10]. Казалось, угроза поражения Франции предвещает и одно-

---

[1] В связи с этим см. примечание Кроу в BD, VII, № 532, Салис — Грею, 4 июля 1911 г.

[2] См. BD, VII, № 359, Никольсон — Гардингу, 5 мая 1911 г. Эти разоблачения неопровержимо доказывают (если подобные доказательства еще могли понадобиться), сколь яростным империалистом был Никольсон. Теперь, когда о Никольсоне собран такой обильный материал, очень хотелось бы, чтобы появилась новая его биография. Будущий ее автор должен быть более объективен, нежели сын Никольсона — Гарольд, хотя нельзя отрицать его чисто англосаксонскую откровенность и высокую литературную одаренность.

[3] Nicolson, Harold, Die Verschwörung der Diplomaten, aus: sir Arthur Nicolsons Zelen (deutsch), Frankfurt 1930.

[4] См., например, BD, VII, № 363, Грей — Берти, 6 июля 1911 г.

[5] См. запрос Бальфура в палате общин, 6 июля 1911 г.

[6] См. примечание Кроу в BD, VII, № 369, Берти — Грею, 11 июля 1911 г.

[7] На этот единственный в своем роде случай, который явствует, между прочим, из BD, VII, № 369, 370, 363, по праву указывает также Hermann Lutz, «Der Weg zur Freiheit» 12. Jg. 1932, № 4 u. 5.

[8] См. BD, VII, № 372, Берти — Грею, 12 июля 1911 г.

[9] См. примечание Кроу в BD, VII, № 383, Гошен — Грею, 14 июля 1911 г.

[10] См. BD, VII, № 392, Берти — Грею, 18 июля 1911 г.

* В связи с этим разделом см. Barlow, op. cit., Кар. XI («The Mansion House Speech»).

временное поражение Англии, а английские пацифисты, стоявшие за спиной радикального крыла в парламенте и не считавшие закрепление германских позиций в Западном Марокко столь уж страшным обстоятельством, расценивались Форин офисом как могильщики Британской империи[1].

Вот почему министр иностранных дел облегченно вздохнул[2], когда 21 июля лидер радикального крыла кабинета, еще сравнительно молодой и энергичный министр финансов Ллойд Джордж, выступая с обычной речью перед банкирами в Мэншн-хаузе, в угоду Форин офису, во всеуслышание сделал предупреждение Германии. Это в сущности не слишком резкое заявление[3] приобрело определенный смысл лишь после соответствующей его интерпретации в официозной и в особенности консервативной печати, что лишило Германию возможности попросту игнорировать данный факт, как это мыслилось заранее[4]. Речь Ллойд Джорджа дала Форин офису с благодарностью отмеченную возможность парировать немецкий удар и предотвратить разрыв франко-британского альянса, хотя подобный разрыв, учитывая сдерживающее влияние радикальных парламентариев на английскую внешнюю политику и их настоятельные попытки добиться от Франции уступок в Западном Марокко, казался почти неизбежным[5].

Таким образом, через несколько дней немецкая пресса пришла к выводу, что создавшаяся обстановка не может не вызвать возмущения немцев. Ярость обуяла не только газеты Пангерманского союза. К ним присоединились и многие голоса в левой печати, считавшей, что над Германией нависла угроза[6]. Лишь деятели военно-морских сил потирали руки: сама судьба дала им случай настаивать на принятии законопроекта о строительстве новых кораблей, который обеспечил бы прежний уровень загрузки верфей заказами[7].

С другой стороны, принятие такого закона и сохранение позиций в Западном Марокко, вопреки явному недовольству Англии, означало полный

[1] Эту дискуссию можно проследить в некоторых ее моментах и в BD, VII, № 397, Грей — Берти, 19 июля 1911 г.

[2] См. G r e y, op. cit., vol. 2, p. 217 f.

[3] Лично Ллойд Джордж, по всей вероятности, имел лишь одно намерение: путем своевременного вмешательства не дать вспыхнуть войне, которая была бы особенно неприятна радикалам; эта мысль сама по себе вполне разумна — по крайней мере, она дала другой стороне возможность вовремя сориентироваться. Позже, перед тем как разразилась мировая война, такие шаги в нужной степени, к сожалению, не были предприняты. См. в этой связи GP, 24, S. 206, примечание о полученной кайзером информации относительно намерений английского министра финансов. К этому материалу следует отнестись с осторожностью, как и ко всему, что попадало ведомству иностранных дел через кайзера, из третьих рук. Сомнительно также следующее: действительно ли Ллойд Джордж в данном случае хотел сказать правду своим немецким интерпеллянтам. Текст речи воспроизведен, например, в BD, VII, № 412.

[4] См. BD, VII, № 408, Берти — Грею, 21 июля 1911 г.

[5] См. H a r t u n g, op. cit., S. 38.

[6] См. обзор в BD, VII, № 428, Гошен — Грею, 27 июля 1911 г. Правда, заявления для печати, которые делались английскими дипломатами, как это доказал Г. Лутц (H. L u t z, Eyre Crowe, Stuttgart 1931, S. 51 ff.), не всегда надежны. Но все же Гошен освещает вопрос лучше, нежели Картрайт, которого критикует Лутц.

Правильным является указание Гошена, что за активизацию в Марокко особенно ратовала «Франкфуртер цейтунг», что, возможно, объяснялось интересами франкфуртских деловых кругов. (Банкирский дом «Якоб С. Г. Штерн» принимал участие в проведении марокканской политики, пользуясь для этого посредничеством фирмы «Ф. Гольцман» (см. «Zukunft» v. 12.8.1911). С другой стороны, так называемая бульварная пресса в Берлине особенно избегала всего, что могло привести к конфликту с Западом, особенно с Англией. Теодор Вольфф и «Берлинер тагеблат» неизменно выступали за поддержание хороших отношений между Англией и Германией. Так, например, когда в феврале 1909 г. король Эдуард VII прибыл с визитом в Берлин, «Берлинер тагеблат» приветствовала приезд английского монарха, выступив с разоблачениями германо-английских переговоров на рубеже столетий. Этот шахматный ход, основывавшийся, по-видимому, на информации, представленной Эккардштейном, был рассчитан на компрометацию всякой англофобской политики.

[7] См. T i r p i t z, Aufbau usw., S. 200.

отход от курса Бетман-Гольвега. Поэтому во внутригерманских «боевых порядках» весьма быстро произошла перегруппировка сил. Ведомство иностранных дел не сумело справиться с духами, которых оно же вызвало. «Воробышек» (Кидерлен) оказался со всей агадирской историей в таком же тупике, как некогда его коллега Гольштейн («любитель устриц») в связи с визитом в Танжер. Во Франции, как и в Англии, считали, что Германии остается, пожалуй, лишь одно — борьба. Английские империалисты злорадно предвкушали, как они одним ударом избавятся от всех своих внешне- и внутриполитических забот[1]. Без всякого труда им удалось убедить с виду деловитого, холодного и формального, но в сущности весьма неделового и слабого министра иностранных дел Грея в том, что германский флот, сопровождавший тогда кайзера в его поездке в Норвегию, может нанести молниеносный удар по Англии. Грей тотчас же распорядился привести английские корабли в боевую готовность. И хотя он лично, бесспорно, рассматривал эту меру как чисто оборонительную, подстрекатели из его окружения могли в любую минуту использовать ее как предлог для нападения на Германию, если бы в ходе политических осложнений подобное нападение оказалось желательным[2]. В момент «английского предупреждения Германии» начальник британского генерального штаба находился в Париже, где договорился со своими парижскими коллегами обо всех подробностях стратегического и транспортно-технического порядка[3].

Однако те, кто за рубежом спекулировал на возможном немецком нападении, совершенно неверно оценивали социологическую позицию германского ведомства иностранных дел, которое никоим образом не могло пойти на разрыв с Англией. Статс-секретарь Кидерлен покрылся холодной испариной, когда убедился, в какой страшный тупик он зашел[4]. Как его некогда массивная фигура давным-давно была подточена вином, женщинами и сигарами, так и в его политике не оставалось уже почти ничего от традиций Бисмарка. (Заметим в скобках, что Бисмарк даже в такое необыкновенно знойное лето ни за что не прервал бы переговоров только ради того, чтобы поселиться во французском отеле с супругой русского дипломата.) Сколько Кидерлен не оправдывался, он не мог избежать упреков в неверной оценке степени враждебности англичан[5]. Кроме того, «новый Бисмарк» в полную противоположность Железному Канцлеру явно зависел как от собственных настроений, так и от влияния общественного мнения. Его первая реакция на английскую угрозу была совершенно правильной: он не только обратился к англичанам с весьма энергичным предупреждением, но и попытался достиг-

---

[1] Чтобы составить себе правильное представление о наступательном духе Англии по отношению к Германии, достаточно просмотреть хотя бы несколько консервативных газет того периода. Что же касается позиции Форин офиса, то по крайней мере Кроу и Никольсон сожалели бы о возникновении войны в 1911 г. так же мало, как и в 1914 г.

[2] О соответствующих взаимосвязях см. BD, Кар. LIX. Как известно, различие между нападением и обороной является весьма зыбким. В отдельных случаях можно разобраться в вопросах, прибегая к анализу социологических интересов. У старых чиновников Форин офиса Никольсона и Кроу эти интересы были иными, чем у Грея и Ллойд Джорджа. В сущности говоря, здесь интересы Британской империи вступили в конфликт с объединенными интересами либеральных торгово-финансовых кругов и кабинета либералов.

[3] См. BD, VII, № 640, сообщение о беседе Вильсона и Дюбейла, 20 июля 1911 г.

[4] Как пишет Ланкен (L a n c k e n, op. cit., S. 101), английское выступление произвело на Кидерлена «огромнейшее впечатление». Екк (J ä c k h, 2. Bd., S. 135) сообщает, что 23 июля Кидерлен встревожился настолько, что даже не мог уснуть. Описание внешности Кидерлена я прочел в сообщении Клюгмана от 1 декабря 1908 г., хранящемся в Гамбургском государственном архиве.

[5] Применительно к Кидерлену это доказано у Гартунга (H a r t u n g, S. 19) в отношении Циммермана и Кидерлена (op. cit., S. 35 f.). По сведениям, приводимым в BD, VII, у англичан сложилось аналогичное представление.

нуть тайного соглашения с Кайо[1]. Но затем под влиянием промышленников, поднявших шум за его спиной, а также под впечатлением тонко продуманной речи британского премьера Асквита[2] он дал увлечь себя в противоположном направлении. Таким образом, после драматического объяснения с Камбоном, объяснения, приведшего Европу на грань войны[3], Кидерлен вопреки явно благоприятным обстоятельствам вновь оборвал нить к Парижу, натянутую с таким трудом[4].

Правда, во Франции и в лагере немецкой демократической левой надеялись на то, что, вернувшись с Севера, кайзер сумеет охладить пыл канцлера и статс-секретаря, которые 29 июля должны были нанести ему визит в Свинемюнде. И действительно, после встречи с монархом Кидерлен взял в отношении Франции куда более умеренный тон[5]. В ответ на это все противники соглашения по обе стороны Вогезов, преисполнившись мрачных опасений, без промедлений пустили в ход все, что только могли, лишь бы сорвать возможность какой бы то ни было договоренности. В Германии общественное мнение стало выступать как против компромиссов в Марокко, так и против попытки Кидерлена отдать французам Того в обмен на уступку ими всего Конго[6]. Во Франции же министр иностранных дел де Сельв, противник Кайо, ставшего премьером в «день Агадира», заручился в кабинете прочной поддержкой тех, кто считал Тройственный союз главным стержнем французской внешней политики.

Закулисные причины разжигания вражды между народами

Империалисты обеих стран работали рука об руку. Если в Париже глава кабинета Морис Эрбет и чиновники Кэ д'Орсэ, эти профессиональные опекуны любого так называемого французского министра иностранных дел, самыми изощренными методами противодействовали игре Ж. Кайо[7], известного в качестве сторонника соглашений, то в Германии все антиправительственные элементы, действуя методично и весьма эффективно, вцепились в портупею кайзера. Максимилиан Гарден, этот агастеровский Мефистофель

---

[1] Утверждение Гартунга (Hartung, S. 43), будто Кайо был инициатором переговоров (хотя сам Кайо отрицал это), лишено всякого основания в свете информации, приведенной Ланкеном (L a n c k e n, op. cit., S. 161).

[2] Я имею в виду речь, произнесенную 27 июля 1911 г. О ее содержании см. в GP, 10635, Меттерних — ведомству иностранных дел, 27 июля 1911 г.

[3] См. GP, 29. Bd., S. 306, примечание, а также H a r t u n g, op. cit., S. 41.

[4] См. L a n c k e n, op. cit., S. 103 ff , о беседе с Кидерленом 29 июля 1911 г.

[5] См. BD, VII, №457, Гошен — Грею, 4 июля 1911 г.

[6] Против отказа от Того особенно активно выступал статс-секретарь имперского ведомства колоний фон Линдеквист; он отрицательно относился к финансово-капиталистическим маневрам германской политики в Конго, а также учитывал характер этой территории—единственной германской колонии, приносившей прибыли. Понятно, что за спиной Линдеквиста стояли дельцы (главным образом гамбургские), заинтересованные в Того. О Линдеквисте см. «Hamburger Nachrichten» v. 4.11.1911. О положении в Того см., например, «Neue Hamburger Zeitung» und «Hamburger Korrespondenz» v. 2.8.1911, а также «Hamburger Fremdenblatt», v. 3.8.1911.

[7] В августе за кулисами большой политики тут и там разыгрывались форменные детективные истории. Министр иностранных дел Франции расшифровывал с помощью секретных агентов немецкие кодированные депеши, стремясь разгадать, какую игру с немцами ведет за его спиной французский премьер. С другой стороны, германский статс-секретарь фон Кидерлен обменивался целым рядом писем с русской красавицей, которую он — turpe senilis amor — встретил в конце августа во Франции; письма эти вскоре попали в руки французского министерства иностранных дел; они содержали настолько поразительные откровения не только любовного, но и политического характера, что даже по сей день (1932 г.) историки, хорошо знающие свое дело, продолжают спор, идет ли здесь речь о дипломатическом эксгибиционизме или же об эротической дипломатии.

германского империализма, со свойственной ему любовью к необычным выражениям, в своем журнале «Цукунфт» назвал кайзера «Вильгельм робкий» (Guillaume timide)[1], а баварский граф Конрад Прейзинг, который в качестве «национального аутсайдера» исполнял в тогдашней Партии центра примерно такую же роль, какую впоследствии играл г-н фон Папен*, рядясь в мантию «встревоженного патриота», цитировал стихи 1848 года: «Здесь, Гогенцоллерн, настал конец истории твоей славы; тут пал король, но пал он не в бою». К этим нападкам добавилось совершенно разнузданное выступление газеты «Пост», ранее контролировавшейся бароном фон Штуммом и Свободно-консервативной партией, а потом перешедшей в руки рурских промышленников[2]. Кроме того, в защиту интересов промышленников выступили также «Рейниш-Вестфелише цейтунг» и «Теглихе рундшау»[3]. Тяжелая промышленность выдвинула лозунг: «Западное Марокко должно быть немецким!»[4] В борьбе за осуществление этого девиза с промышленниками сотрудничало германское колониальное общество, отнюдь не намеревавшееся расстаться с такой колонией, как Того[5]. Не без оснований британский посол осведомлял свое правительство о подобных публичных выступлениях, в особенности о неистовых писаниях Гардена в журнале «Цукунфт», так же аккуратно, как принято передавать ноты великих держав[6]. Донесения посла о дейст-

---

[1] См., помимо известной статьи в «Цукунфт» от 5 июля, также «Цукунфт» от 28 июля 1911 г., где Гарден патетически восклицает: «Пусть все Марокко станет немецким, чтобы вдоль морских путей в Египет и Индию стояли германские орудия, чтобы на алжирской границе стояли германские войска! Вот цель, достойная больших усилий!»

[2] По заявлению лидеров свободных консерваторов, которых эта статья привела в ужас («Kreuzzeitung» v. 22.8.1911), газета «Пост» была в тот период куплена рейнско-вестфальскими магнатами сталелитейной промышленности. В этой статье «Пост» писала о «мгновении непередаваемого позора», о «новом Ольмюце» и упрекала кайзера в потворствовании иностранным государствам в ущерб германским интересам.

[3] В то время рейнско-вестфальская тяжелая промышленность находилась в состоянии серьезного конфликта с Ганзейским союзом, который отказался выступить против социалистов. (См. полемику между крупповским директором Ретгером, который был председателем Центрального союза германских промышленников, и лидером Ганзейского союза банкиром Рисером в «Kreuzzeitung» v. 14, 15, 20 u. 22.6.1911.) В «день Агадира» Кирдорф и другие промышленники вышли из Ганзейского союза. В августе представители тяжелой промышленности сблизились с консерваторами.

Кроме собственно тяжелой промышленности, шедшей в вопросе о Марокко «напролом», немалую активность в этом отношении проявлял и Центральный союз германских промышленников (см. «Kreuzzeitung» v. 28.8. 1911.). У представителей Центра также имелись свои промышленные интересы в Рурской области. По данным «Рейниш-Вестфелише цейтунг» от 25 июля 1911 г., депутат прусского ландтага Бартшер произнес 24 июля 1911 г. в Изерлоне речь, высказавшись за то, чтобы Германия проводила в Марокко политику колонизации и аннексии. Фракции всех партий в прусском «трехклассовом парламенте» (исключая консерваторов), разумеется, стояли на значительно более правых позициях, чем сами эти партии. По всей стране сновали агенты промышленников и выразители интересов среднего сословия. Особенно ярым защитником интересов Маннесманов показал себя А. Вирт, которого Пангерманский союз снарядил в турне по стране.

[4] Так называлась известная брошюра д-ра Класса, которая, как известно, была передана ведомству иностранных дел. Совершенно бесспорно, что референты ведомства иностранных дел Гейльбронн и в особенности Циммерман разжигали идею захвата немцами Западного Марокко вплоть до «прыжка «Пантеры». Только вмешательство англичан уничтожило надежду на то, что Германия сможет без войны прибрать к рукам этот район.

[5] Из гамбургских газет, настаивавших на активных действиях в Того, одна только «Гамбургер нахрихтен» высказывалась сравнительно сдержанно против политики имперского правительства; эту позицию газеты объясняют влиянием Землера, постоянного сторонника того-камерунского обмена, иными словами, сторонника политики Вильгельмштрассе. Как известно, Зеемлер был связан с Гамбургским муниципалитетом («патрициатом»), контролировавшим «Гамбургер нахрихтен». Время от времени эта газета выступала с резкими выпадами против Англии, демонстрируя тем самым последовательность своей исконной политической линии.

[6] См. BD, VII, № 467, Гослен — Грею, 8 августа 1911 г.

* Это написано в 1932 г., когда еще не была известна та роковая роль, которую Папен сыграл впоследствии.

виях кайзера в течение августа свидетельствуют о том, что стрелы, пущенные Пангерманским союзом, угодили прямо в цель[1]. При таких обстоятельствах германо-французские переговоры не сдвинулись с места и в августе. Германский статс-секретарь отправился в конце месяца в отпуск, в связи с чем переговоры были прерваны. В Париже это расценили как попытку немцев выиграть время и выяснить, каким окажется внешнеполитический резонанс внутренних затруднений, испытываемых Англией[2].

Если любвеобильный статс-секретарь действительно руководствовался такими глубокими соображениями, то он основательно заблуждался: когда в начале сентября дипломаты встретились вновь, в Англии все уже уладилось, а ситуация, несмотря на оптимистические, как обычно, комментарии Вильгельмштрассе, стала еще более запутанной, чем когда-либо раньше.

В эти дни газета «Винер нейе фрейе прессе» выступила со статьей, полной антигерманских выпадов. Ее приписывали английскому послу в Вене Картрайту, и естественно, что она отнюдь не способствовала разрядке напряженности. Судя по всему, германская дипломатия ловко воспользовалась[3] этой статьей таинственного происхождения для нанесения сильного контрудара, сыграв как на борьбе газет великих держав (главный редактор «Нейе фрейе прессе» состоял в родстве с Клемансо), так и на гораздо более опасных политических интригах, предметом которых был финансовый дефицит Австрии[4]. Пресса германского Центра, задетая за живое высказываниями, приписанными Картрайту, с ожесточением обрушилась на ведущую «еврейскую газету»[5]. В этих своих нападках немецкие газеты были поддержаны венской клерикальной печатью.

Теперь известны официальные документы, из которых явствует, что Картрайт был способен на любое подстрекательство. В Германии явно не любили этого очень богатого, независимого, задиристого и честолюбивого дипломата, личного друга Эдуарда VII. Понятно, что упомянутое интервью, даже если оно и не аутентично[6], давало весьма обильную пищу для продолжения полемики по вопросу о Марокко. При возобновлении германо-французских переговоров с первых чисел сентября пропагандисты из Пангерманского союза пустились во все тяжкие, лишь бы достигнуть цели[7],

---

[1] См. BD, № 476, Гошен — Грею, 10 августа 1911 г., и № 483, Гошен — Никольсону, 18 августа 1911 г.

[2] См. BD, VII, № 488, Берти — Грею, 21 августа 1911 г.

[3] См. данные о позиции германских послов, приводимые в BD, VII, Anhang V.

[4] Тогда немецкая дипломатия еще не знала, каковы масштабы интриг западных держав в Вене.

[5] См., между прочим, «Германиа» за 30 августа 1911 г., а также антисемитскую статью там же, в номере за 15 сентября 1911 г., явно инспирированную из Вены.

[6] По данным BD, VII, Anhang V, это интервью не может считаться аутентичным. Ответственной за весьма своеобразную форму его опубликования была редакция венской газеты «Винер нейе фрейе прессе».

[7] Пангерманский союз проводил по всей стране собрания, на которых обсуждался вопрос о Марокко. Правда, отчеты об этих собраниях еще вовсе не являлись подтверждением подлинных настроений населения. Так, вопреки утверждениям прессы, боровшейся за «германское Марокко» (см., например, «Гамбургер фремденблатт» за 18 августа 1911 г.), Южная Германия была против марокканской авантюры и осложнений, сопряженных с ней; это видно из весьма трезвых донесений английского поверенного в делах в Мюнхене (см. Bd. II passim). На собраниях Пангерманского союза — самое бурное из них состоялось в Плауэне (см. «Vossische Zeitung» v. 24.8.1911) — в качестве главного оратора часто выступал А. Вирт. Эта агитация достигла своей кульминационной точки на объединительном съезде Пангерманского союза в Дюссельдорфе (8—10 сентября 1911 г.). На нем генерал фон Либерт решительно высказался за то, чтобы Германия осуществила политику силы. С речью о Марокко выступил также д-р Класс. Он потребовал ускорить строительство флота. Не обошлось и без Максимилиана Гардена. С белой гарденией в петлице, кокетничая перед своими поклонниками «сверхинформированностью» политического сноба, он как бы воплощал собой dernier cri германской международной политики. В Берлине депутаты рейхстага фон Белендорф, Латман, а также граф дю Мулен-Эккардт выступили на двух заседаниях с резкими антиправительственными речами.

то есть заполучить Западное Марокко. 27 августа в Гамбурге кайзер совсем в духе Тирпица возвестил о своем намерении снова усилить военно-морской флот[1].

Эта весть вызвала неописуемое ликование. И действительно, Тирпиц тут же приступил к переговорам с ведомством иностранных дел относительно нового законопроекта[2]. Руководство ведомства было в ужасе, считая, что страна оказалась на грани войны с Англией. Катастрофу, к которой привел Германию политический курс Бетман-Гольвега, уже едва ли можно было предотвратить.

Пангерманскому союзу, видимо, все-таки посчастливилось «прорваться» к трону, использовав для этого военно-морское ведомство. Внешняя политика Кидерлена привела к ослаблению внутриполитических позиций ведомства иностранных дел. У Тирпица были основания оправдывать свои действия ссылками на внешнеполитические неудачи, постигшие ведомство иностранных дел[3].

При этих обстоятельствах было не так уж существенно, что Кайо, учитывая нежелание России бороться за Марокко[4], сумел заставить Кэ д'Орсэ выступить с предложением территориальных уступок в Конго в обмен на отказ Германии от Марокко. Подобным же образом либеральный английский кабинет одержал победу над Форин офисом, что еще более охладило воинственный пыл французов[5]. И если даже Жюль Камбон, французский посол в Берлине, считал парижские предложения недостаточными для ведения переговоров[6], то германское ведомство иностранных дел попросту отклонило их. Вместо них был составлен «примерный список» пожеланий, причем не был забыт ни один из тех пунктов, которые еще до агадирского инцидента составляли альфу и омегу немецких стремлений. Здесь мы встречаем требование о создании смешанных арбитражных судов, равно как и претензию на участие немецкого капитала в общественных работах — строительство железных дорог в Марокко[7] и т. д. Не были забыты и пресловутые немецкие начальники станций на марокканских железных дорогах[8]. В отношении области Суса, где хозяйничали Маннесманы, было предусмотрено установление немецкого контроля на 70 процентов капиталовложений по строительству и эксплуатации железных дорог.

---

[1] См. Schulthess, 1911, S. 144.

[2] См. Tirpitz, Aufbau usw., S. 209. Формальный повод к выпаду Тирпица подало Марокко, истинной же его причиной были интересы германской промышленности.

[3] См. Tirpitz, Aufbau usw., S. 209. Гартунг обходит вопрос о влиянии этой борьбы вокруг проблем флота на кризис, возникший в начале сентября.

[4] См. BD, VII, Кар. LVII. В высшей степени странный демарш России в Париже и ратификацию так называемого Потсдамского договора с Германией я рассматриваю как шахматный ход, сделанный Россией в рамках ее политики в Восточной Азии и в вопросе о Проливах. Будучи сторонником соглашения с Германией, Кайо выступал как человек, враждебный не только Форин офису, где он встречал ожесточенный отпор, но и действиям русского империализма в Восточной Азии. Кайо был одной из главных фигур, заинтересованных в участии Франции в так называемом «синдикате четырех», который противодействовал русской политике в Восточной Азии. (См. Friedrich Stieve, ed., Der diplomatische Schriftwechsel Iswolskis, 4 Bde., Berlin, 1924, I, S. 126 ff.). Как мне кажется, в русском демарше сказалось также и желание скомпрометировать этот кабинет в глазах общественности и вызвать его падение. Что же касается политики русских в отношении Проливов, то и здесь Кайо мог им помешать, поскольку он выступал за сотрудничество с Германией и на Ближнем Востоке. Финансовое наступление на Германию, которое он предпринял, было рассчитано не в последнюю очередь на то, чтобы склонить Германию к такому финансовому сотрудничеству.

[5] См. Hartung, op. cit., S. 52 f.

[6] См. BD, VII, № 526, Гошен — Грею, 1 сентября 1911 г.

[7] См. статьи 7а и 9 германских контрпредложений в GP, 10735, приложение.

[8] См. статью 15 того же меморандума.

*Наступление французского финансового капитала**

Именно в эту пору возвышающемуся германскому империализму был нанесен удар в самое уязвимое место. Активность Германии в Марокко объясняется в значительной степени подъемом немецкой промышленности, начавшемся в 1909 году. Однако естественным следствием этого подъема явилось истощение финансов, что во Франции с ее более благоприятной социальной структурой ощущалось менее остро. Первые зарницы, предвещавшие грозу, вспыхнули еще в августе 1911 года: немецкие банки были готовы разорить своих вкладчиков[1]. В конце месяца тучи сгустились, перспектива досрочного финансирования расходов по сбору урожая при общем денежном дефиците привела к лихорадочному колебанию курсов на бирже. В начале сентября грянул гром: Франция сразу изъяла свои краткосрочные вклады: по одним данным, 200, по другим — даже 400 миллионов фунтов стерлингов. В понедельник 4 сентября перед биржами скопились толпы людей, стремившихся продать свои акции, а в последующие дни мелкие держатели форменным образом штурмовали банки в провинции: в городах Штетин, Мец, Кенигсберг. Даже в таких маленьких провинциальных городах, как Фридрихсхаген, происходила осада сберегательных касс[2]. Владельцы крупных банков, величественно скрестив руки, с гордым пренебрежением взирали на разорение мелких вкладчиков и на полное банкротство двух провинциальных банков. При этом крупные банки, разумеется, не преминули разместить прусские облигации на еще не использованном американском рынке[3]. Учитывая наступивший кризис, такая выгодная сделка напрашивалась сама собой. Финансовая олигархия хотела показать правительству, чем оно рискует, решаясь нарушить течение биржевых дел в угоду Маннесманам. Никто и пальцем не шевельнул, чтобы защитить орды гибнущих мелких спекулянтов, пока заместитель статс-секретаря в ведомстве иностранных дел не явился к г-ну Карлу Фюрстенбергу и не упросил его сменить гнев на милость[4]. Если ведомство иностранных дел до сих пор еще

[1] См. интересный меморандум сэра Фрэнсиса Оппенгеймера в BD, VII, Anhang I.

[2] См. соответствующее описание у Гартунга (H a r t u n g, op. cit., S. 56).

[3] По данным Фюрстенберга (F ü r s t e n b e r g, S. 529), в тот период берлинская «Хандельсгезельшафт» перевела в США при посредничестве одного частного американского банка прусские государственные векселя на сумму 80 миллионов долларов; то была первая сделка подобного рода между Германией и Новым Светом.

Соответствующие соображения отлично информированного сэра Ф. Оппенгеймера (BD, VII, S. 1313) подтверждаются Фюрстенбергом (F ü r s t e n b e r g, S. 314), где напечатано письмо Фюрстенберга Баллину от 20 сентября 1911 г.

[4] Комментаторы GP (16. Bd., S. 379, Anmerkung) касаются вопроса о том, насколько эта биржевая история повлияла на политическое отступление Кидерлена в сентябре 1911 г. По-моему, в данном случае, как и во многих других, речь идет о «сплаве» различных социальных интересов одинакового направления; я имею в виду, во-первых, антипромышленный феодализм двора, который в конечном счете отнюдь не желал ввязываться в войну ради Маннесманов, и, во-вторых, интересы берлинской финансовой олигархии. И все же между этими двумя группами интересов имеются важнейшие моменты «преходящего» характера. Дело не только в том, что накопленную земельную ренту начали инвестировать в финансово-капиталистической форме, и это обусловливало ее зависимость от биржи; существеннее то, что высшая берлинская бюрократия была связана с торговым и финансовым капиталом метрополии куда теснее, нежели с рурской тяжелой промышленностью. Эти связи выражались отчасти в капиталовложениях, в родственных и иных частных отношениях; я уже не говорю о важнейшей проблеме получения денежных средств через государственный аппарат и об отдельных ведомственных интересах. Кайо совершенно недвусмысленно заявил, что, проведя все эти финансовые мероприятия, инициатором которых он себя открыто признает (см. также K-BM, 1931, S. 335), он вызвал колебания в политическом курсе Германии. Вряд ли можно, следуя примеру комментаторов GP, отделаться от этого заявления, ссылаясь на формулу: Quod non in actis, non est in mundo. Упомянутое замечание Фюрстенберга свидетельствует о том, что ведомство иностранных дел в известной мере считалось с мнением биржи.

* Что касается этого раздела, то теперь о нем можно прочесть у Бэрлоу (B a r l o w, op. cit., p. 351 ff.).

решалось ставить на карту мир в Европе, лишь бы досадить своим внутренним империалистическим противникам, то теперь эта охота у него отпала.

Серьезность положения стала еще более очевидной после того, как по инициативе Делькассе был проведен смотр французскому флоту. Немцы сделали то же самое у себя. Французы выразили явное недовольство немецкими контрпредложениями. В результате 8 сентября немецкие биржи пережили второй «черный день». Германии пришлось значительно умерить свои требования[1]. Не случайно вслед за этими биржевыми маневрами Франция выдвинула предложение о совместном германо-французском финансовом сотрудничестве. Французы при этом рассчитывали, что создадутся предпосылки, которые заставят Германию уйти из Марокко.

Множество причин властно диктовало необходимость выбора между войной и миром. Австрия не оказала своему немецкому союзнику дипломатической поддержки в Париже. Подобное поведение австрийцев именно в те дни отнюдь не свидетельствовало об их готовности к активной поддержке Германии[2], если президент Соединенных Штатов, опасаясь, как бы финансовый кризис не перекинулся через океан, не преминул предложить свои добрые услуги.

В такой обстановке Германия, теснимая извне и изнутри, конечно, не могла рассчитывать на осуществление хотя бы одной из тех ее претензий, которые были неугодны французской тяжелой промышленности. Переговоры о Марокко продолжались в быстром темпе и в начале октября закончились тем, что немцы пошли на значительные уступки. Эти уступки свелись прежде всего к отказу от участия в управлении и строительстве марокканских железных дорог, монопольному контролю над которыми французская тяжелая промышленность придавала особенно большое значение. Впрочем, и Англия стремилась отстранить немцев от этого дела. Все же немецкому правительству удалось добиться некоторых существенных уступок в интересах той самой промышленной группы, которая, собственно, и была главной виновницей наступившего кризиса. Проект соглашения гарантировал немецким горнорудным предприятиям беспрепятственную деятельность и давал им право строить железнодорожные ветки, соединявшие их как с основными марокканскими магистралями, так и с портами. Более того, немцы получали доступ к порту Агадир. Все эти преимущества были дополнены неожиданно высоким размером долевого участия Маннесманов и деятельности «Юнион де мин». Концерн Маннесмана сумел добиться этого путем частных переговоров, в ходе которых ему активно помогала германская дипломатия[3]. Не удивительно, что братья Маннесман, которые еще в октябре снарядили крупную экспедицию в Южное Марокко и фактически полностью завладели областью Суса[4], в конце концов вынуждены были заявить о своей признательности правительству[5]*.

---

[1] «National Zeitung» v. 9.9.1911.

[2] См. BD, VII, № 542, Картрайт — Грею, 10 сентября 1911 г., а также BD, VII, № 548, Картрайт — Никольсону, 14 сентября 1911 г.

[3] См. BD, № 544, приложение.

[4] См. BD, VII, № 719, Форин офис — министерству торговли, 27 ноября 1911 г.

[5] См. Schulthess, 1911, S. 165.

* Маннесманы досаждали французам и в дальнейшем. Это видно из беседы французского посла в Мадриде с испанским королем (11 апреля 1913 г.). Король горько жаловался на Маннесманов, чинивших всяческие препятствия отгрузке марокканской руды во Францию. По сведениям издателя DD, сотрудничество между Маннесманами и «Юнион де мин», о котором говорилось выше, оказалось недолговечным.

Само имперское правительство считало, что заключением агадирского соглашения Германия отнюдь не исчерпала своей миссии в Марокко. В приложении к DD (3-me serie, vol. 6.) опубликована подборка документов, из которых явствует, что в 1912—1913 гг. разыгрался довольно острый франко-германский конфликт, вызванный тем, что немцы оказывали поддержку руководителю марокканского повстанческого движения Геллули.

В чрезвычайно важном вопросе о марокканских железных дорогах немцы не могли добиться осуществления всех своих намерений уже хотя бы потому, что Англия изо всех сил сопротивлялась каждому новому проекту германо-французской железнодорожной монополии в стиле «Сосьете марокэн»[1].

Но даже если Германия и не добилась всего, чего хотела, в ряде вопросов Франция все же пошла на уступки. Поэтому теперь, после парафирования соглашения о Марокко, французы считали себя вправе соответственно урезать первоначально предложенную ими компенсацию за Конго. Теперь Франция уже не считала нужным позволять немцам наступать широким фронтом от Камеруна до Конго. Ценой больших усилий немецкие дипломаты добились, чтобы Германии было позволено протянуть хотя бы два узеньких щупальца к великой африканской реке. Все представители внутригерманской оппозиции — как правой, так и левой — в полном недоумении задавались одним и тем же вопросом: что же, собственно, понадобилось Германии в этих заболоченных районах к юго-востоку от Камеруна, где свирепствует малярия и хозяйничает муха цеце? Даже сегодня (1932 год) немецкие историки не могут взять в толк, в чем же был смысл этих двух полосок земли шириной в несколько километров, этих пресловутых щупальцев, выходивших к берегу Конго[2]. Но достаточно посмотреть на карту, и загадка решена. То, что Германия завоевала здесь в борьбе против половины мира, и было как раз районом слияния рек Нгоко и Сангха, несущих свои воды в Конго. И как бы узки ни были эти щупальца, они все же были достаточно широкими для прокладки железной дороги, запроектированной Землером и его компанией.

*Месть Тардье. Взлет Пуанкаре**

И только один человек не получил своей доли от всех этих сделок — многоопытный мосье Андрэ Тардье. А ведь его «заслуги» во всей агадирской истории были так велики! Он, конечно, надеялся, что теперь-то уж, наконец, получит долгожданную компенсацию. Недаром же после «дня Агадира» он писал в «Тан», что настало время «компенсировать Германию», приняв конголезско-камерунский проект[3]. Но выжать из собственного правительства такую компенсацию, пользуясь старым методом, то есть опираясь на германскую дипломатию, да еще к тому же принявшую образ канонерки «Пантера», было уже невозможно. Если бы французы пошли на уступки в Южном Марокко, то этот весьма прибыльный для Тардье план получения субсидий, пожалуй, смог бы осуществиться. Теперь же Кидерлен требовал от французского правительства, чтобы оно предоставило немцам самую что ни на есть реальную территорию на берегах Конго, а не какие-то денежные суммы, и когда Камбон явился в ведомство иностранных дел с требованиями о компенсации французских компаний в Конго[4], Кидерлен рассмеялся ему в лицо.

---

[1] См. примечание в BD, VII, № 538, Гошен — Грею, 8 сентября 1911 г.

[2] См. Hartung, op. cit., S. 62.

[3] См. Viollette, op. cit., p. 99.

[4] По данным «Гамбургер нахрихтен» за 21 октября 1911 г., французские концессионные общества рассчитывали в 1911 г. на получение денежной компенсации от Германии. Однако Кидерлен заявил Камбону, что ему не удастся провести такое мероприятие через рейхстаг. Газета сообщала также о провале французских попыток выплатить колониальным обществам компенсацию, выдавая ее за эквивалент французских инвестиций в колониях. Этим, по мнению газеты, и объяснялось то, что французская колониальная партия неожи-

* См. Georges Michon, La Préparation à la Guerre, Paris 1935, p. 75 ff.

Вот этим-то Германия и навлекла на себя немилость мосье Тардье. Вскоре выяснилось, что именно это означало. Внезапное нежелание французских колониальных кругов идти на какие бы то ни было уступки в Конго объяснялось не столько горькими слезами графини Брацца, проливаемыми по поводу выдачи территории, открытой ее супругом, сколько позицией конголезских компаний, не получивших компенсации, на которую они претендовали[1]. Орган мосье Тардье весьма ловко разжигал внутреннее недовольство кабинетом Кайо, который стал крайне неугодным и английскому империализму. Уже началось сближение между Клемансо, ожесточеннейшим врагом Кайо, и бесславной памяти военно-морским министром Делькассе, не устававшим интриговать против премьера внутри кабинета. В начале января от кабинета Кайо остались одни осколки. Новое правительство возглавил Пуанкаре. Не отделалась ли бы Германия более дешевой ценой, ублаготворив кредиторов Метэйера?

Отказавшись компенсировать убытки конголезских компаний, Кидерлен ссылался на рейхстаг. И действительно, тогда были все основания серьезно считаться с точкой зрения партий и с общественным мнением, ибо марокканский кризис вывел общество из иллюзорного ощущения покоя, навеянного Потсдамским договором[2].

данно начала сопротивляться идее соглашения в целом. «Гамбургер нахрихтен» (см. также номер за 22 октября 1911 г.) так детально разбирает все вопросы, связанные с компенсацией и французскими обществами, что мне приходится заподозрить г-на Землера в том, что он и был главным вдохновителем «камерунской» политики этой газеты. Во всяком случае «Гамбургер нахрихтен» определенно отличается от остальной гамбургской прессы дружелюбным отношением к политике правительства.

Один французский историк довольно удачно охарактеризовал следующими словами этот окончательный результат аферы «Нгоко-Сангха»: «Проект железной дороги, отвергнутый кабинетом Мони, будет осуществлен Германией, но на немецкой территории». (Цитировано по H a r t u n g, op. cit., S. 68.) И действительно, вскоре и германские общества начали заниматься железнодорожным строительством. На заседании Германского колониального общества 5 июня 1912 г. представители Гамбурга выступили с соответствующими предложениями. После доклада старого специалиста по Конго Марио Пассардже была создана комиссия для изучения этого вопроса. На заседании рейхстага 28 марта 1913 г. депутат от Партии свободомыслящих Брабанд горячо отстаивал идею строительства соответствующих железных дорог. Его поддержал Герман Пааше. Правда, эльзасец Вейль заявил, что магистраль, которую намечается проложить до Нионга в Камеруне, может интересовать только общество г-на Землера и г-на Тардье. И действительно, в дальнейшем «Тан» также выступала за то, чтобы французская политика в области железнодорожного строительства в бассейне Конго проводилась по договоренности с владельцами немецких восточно-западных линий в Африке («Тан», 1 сентября 1913 г.). Однако до осуществления этих проектов под немецкой гегемонией дело не дошло. Это, возможно, объясняется не в последнюю очередь беспокойным поведением местного населения, которое, по данным «Фоссише цейтунг» за 12 октября 1913 г., разрушило фактории общества «Нгоко-Сангха». (Должен ли был г-н Тардье требовать в этих условиях компенсации от германского правительства? Или же его общество было вправе претендовать на возмещение убытков французским правительством? Или, быть может, речь шла о страховом жульничестве?) В конце концов притязания французской группы на компенсацию были удовлетворены при подписании Версальского договора.

[1] По данным «Нейе гамбургер цейтунг» за 20 октября 1911 г., Беренже выступил в «Аксьон франсез» с предупреждением о том, что вся шумиха вокруг Конго поднята французскими колониальными обществами, которые стремятся получить высокую компенсацию за убытки. Одно из этих обществ постановило на заседании правления ассигновать 200 тысяч франков на одну только пропаганду своих интересов в печати. Последствия этого не заставили себя долго ждать. Газеты «Голуа», «Эклер», «Либерте», «Эко де Пари» сразу же стали защищать интересы конголезских обществ. Соответствующий резонанс можно было почувствовать даже на съезде Радикальной партии в Ниме («Kölnische Zeitung» v. 11.10. 1911).

Впрочем, сопротивление французов в вопросе о Конго определялось, конечно, не только всей этой агитацией. Можно не сомневаться, что некоторые из старческих откровений, с которыми Кидерлен обращался к баронессе Иониной (C a i l l a u x, op. cit., p. 353), письмо Кидерлена от 12 октября 1911 г., укрепили позицию склонного к весьма большим уступкам французского правительства и его премьера (C a i l l a u x, op. cit., p. 229).

[2] См. также BD, VII, № 602, Корбетт — Грею, 24 октября 1911 г.

Рейхстаг и марокканское соглашение. Кризис доверия

В 1911 году за Россию вступились даже консервативные депутаты рейхстага. Совершенно очаровательно выразился о встрече монархов в Потсдаме граф Каниц. Он заявил, что Германию и Россию связывают не только экономические и торговые интересы[1], — нет, обе стороны, видите-ли, тяготеют друг к другу также и благодаря общности их монархических институтов. Правда, в этом месте он был прерван возмущенными выкриками, раздавшимися на скамьях левой.

Во время этих дебатов депутаты чувствовали себя как бы перенесенными в обстановку XIX века—словно ожили традиции борьбы народов против Священного союза. Консервативная политика по отношению к России, характерная для времен Бисмарка и Каприви, когда немцы, прибегая к всевозможным финансовым и торгово-политическим мерам, стремились приостановить поставки в Германию русского зерна и мяса, теперь несколько изменилась. Немецкие аграрии утихомирились. Вследствие промышленного бума цены на зерно во всем мире настолько стабилизировались, что с русскими можно было успешно конкурировать даже на их собственной территории, по крайней мере в торговле рожью[2]. С другой стороны Германия, переживавшая промышленный подъем, приобрела в течение XIX века большое значение как рынок сбыта русского зерна (значение этого рынка для России постепенно стало больше, чем рынки всей Британской империи). Теперь вследствие протекционистских тарифов германский рынок стал понемногу отходить на задний план. Это вынуждало Россию все больше оживлять свою торговлю с негерманскими государствами; следовательно, еще больше возрос интерес России к Дарданеллам, если это вообще было возможно.

Однако здесь Россия сталкивалась со все возрастающими препятствиями, вызываемыми не в последнюю очередь империалистическим по своему характеру внутренним развитием Германии — развитием настолько противоречивым, что трудно было разобраться в ситуации. В ходе тех же дебатов, в рейхстаге, когда граф Каниц ломал копья, восхваляя Россию, руководитель Центра Шпан начал петь дифирамбы Турции, ратуя за предоставление ей немецких займов и за овладение Багдадской железной дорогой[3]. Одновременно социал-демократы выступили за расширение финансово-капиталистической экспансии на Востоке. Их главный оратор Шейдеман[4] высказался не только как друг движения в пользу реформ в Китае, но и против русского продвижения в Китае, наносившего ущерб германской промышленности. Он весьма откровенно высказал свои симпатии строительству и Багдадской железной дороги, подчеркнув культурное значение этого мероприятия. Он уже видел, как по ее рельсам катятся сотни тысяч тонн зерна, призванного накормить жителей крупных немецких городов. Такие речи доказывают, что даже социал-демократия, хотя она и делала свои обычные оговорки относительно вооружений и классовой политики, проводимой господствующими кругами, и выступала против антианглийской империалистической агитации, все-таки принимала участие в империалистическом развитии Германии, по крайней мере тем, что заботилась о рынках сбыта и ввозе сырья. Однако в мире, где все страны захлопывали свои двери перед соседями, было весьма трудно проводить подобную политику, не принимая

---

[1] Граф Каниц в рейхстаге, 30 марта 1911 г.
[2] М. Н. Покровский, Русская история с древнейших времен.
[3] Шпан в рейхстаге, 30 марта 1911 г.
[4] Шейдеман, там же, 30 марта 1911 г.

участие во всеобщей гонке вооружений. Правда, в том, что касалось критики вооружений, вся социал-демократия выступала единым фронтом. Как раз в этот период Штюклен обнародовал ставший знаменитым документ германских военных промышленников[1]. Что же касается «позитивных целей», то, как явствует из материалов эссенского партийного съезда 1907 года, здесь столкнулись явно различные в социологическом отношении группы. Партийному руководству и профсоюзному большинству противостояло руководимое Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург радикальное крыло, за спиной которого стоял изголодавшийся пролетариат и неорганизованная часть рабочих. Стародавняя неприязнь немецкой социал-демократии к России незаметно переросла в империализм, хотя официально это все еще маскировалось революционными фразами, как, например, в вопросе о Финляндии[2].

Между Германией и Россией по-прежнему зияла глубокая пропасть. Один английский дипломат доносил своему правительству[3], что, заключив Потсдамское соглашение, Германия поставила себе задачу подорвать Тройственный союз. Однако этой цели она не достигла; более того, она, пожалуй, еще больше отдалилась от нее, когда решилась отправить «Пантеру» в Агадир, что, по мнению упомянутого дипломата, явилось второй попыткой того же порядка. Тем более велико было разочарование и в тех кругах, которые скрепя сердце готовы были примириться с не очень выгодными для Германии результатами марокканского соглашения. Марокканской политикой были недовольны не только непосредственно заинтересованные лица, не получившие ничего, не только колонизаторы[4], мечтавшие о заселении африканских земель немцами, не только военщина, видевшая опасность роста количества цветного населения, подконтрольного Франции[5]. Политику эту начали критиковать и непосредственные участники ее проведения, в особенности представители левого крыла, которым совсем не нравилось ухудшение отношений с Англией.

Что же касается промышленников, то, удовлетворенные непосредственными результатами соглашения, они только подливали масла в огонь. Их интересовали заказы, связанные с постройкой новых кораблей.

---

[1] Насколько мне известно, Штюклен, выступая 23 февраля 1911 г. в рейхстаге, впервые огласил документ концерна «Дейче ваффен- унд муниционсфабрикен», впоследствии неоднократно воспроизводившийся в пацифистской литературе. Документ этот относится к 1907 г. и подписан Козегартеном (а не Розенгартеном, как ошибочно указывалось в некоторых перепечатках) и фон Гонтардом. Из текста явствует, что в период, когда в Германии велись переговоры о предоставлении заказа этому предприятию на партию пулеметов, в парижской «Фигаро» должна была появиться заметка о том, что Франция заказала вдвое больше пулеметов, чем Германия. В подлинности этого документа едва ли приходится сомневаться, однако в свое время он не дал практически ощутимых результатов — парижская пресса не воспользовалась им должным образом.

[2] В 1910 году проводилась агитационная кампания против порабощения Финляндии. Кампанию возглавлял Рудольф Ойкен. К ужасу руссофилов, в особенности редакторов «Гамбургер нахрихтен» (см. номер за 28 января 1910 г.), это движение нашло себе приверженцев в самом рейхстаге, в частности среди прогрессивных и социал-демократических депутатов (см. хемницскую «Альгемейне цейтунг» за 12 мая 1910 г.). В Берлине, на Бабельсбергерштрассе было организовано специальное финское корреспондентское бюро, поставлявшее материалы для этой агитации.

[3] См. BD, VII, № 602, Корбетт — Грею, 24 октября 1911 г.

[4] Группа Землера и стоявшие за ней круги, явно заинтересованные в проведении «позитивной» политики в Марокко и Конго, составляли в кругах германских колониальных политиков все же меньшинство. Во всяком случае Германское колониальное общество отвергло идею соглашения, поскольку ничего реально ощутимого оно ему не сулило.

[5] Эту точку зрения особенно рьяно отстаивали генералы Кейм и фон Либерт, руководители Военного ферейна, наспех сколоченного осенью в связи с марокканскими делами. Особенно усердно выступал против «черной опасности» фон Либерт («Гамбургер эхо», 1 августа 1911 года). Впрочем, его позиция в марокканском вопросе была отчасти обусловлена тем, что в прошлом он был губернатором Германской Восточной Африки. Поэтому он поддерживал правительственную политику в вопросе о компенсациях.

Новые планы увеличения флота и противодействие канцлера через армию

В конце сентября Тирпиц активизировал свою борьбу против рейхсканцлера. Для того чтобы оправдать дальнейший рост морских вооружений, он хотел открыто предложить англичанам в качестве основы для соглашения соотношение сил 2 : 3 по крупным боевым кораблям[1]. Пойди англичане на это, Германия могла бы построить еще много новых линкоров и крейсеров, ибо указанное соотношение было еще далеко не достигнуто. Но имелись основания рассчитывать на отклонение Англией подобного предложения, ибо оно означало дальнейшее усиление мощи Германии без какой бы то ни было компенсации с ее стороны. Поэтому оставалось лишь одно: продолжать гонку вооружений не на жизнь, а на смерть. Канцлер, заранее уверенный в поддержке кайзера, мог с тем большей легкостью провести свой план, что он, отдыхавший тогда в Роминтенском лесу, никак не мог противодействовать всему этому; недвусмысленные документы, подписанные кайзером в конце сентября[2], показывали канцлеру, что в данный момент хозяином положения было военно-морское ведомство. За молнией, вспыхнувшей над Восточной Пруссией, последовал гром в прессе. После того как Тирпиц одержал победу на Востоке, в газетах, по-видимому не случайно, появилась неуклюжая фальшивка, искажавшая речь английского военно-морского министра Маккенна.

Одно контролируемое соответствующими кругами агентство печати, которое, судя по всему, не брезговало ничем, лишь бы сгустить атмосферу по указке свыше, выдало антигерманский комментарий борзописцев из парижской газетки «Эко де Пари» за часть речи английского министра[3]. После того как эта фальшивка провалилась, появилась полагающаяся в подобных случаях поправка. Однако газеты, успевшие напечатать свои комментарии по этому поводу, уже не хотели встать на путь правдивого освещения вопроса[4]. Здесь мы сталкиваемся с идеальным видом применения того метода, который тогда назывался «безответственным отравлением колодцев». Этот метод довольно часто практикуется в так называемых цивилизованных странах. Англичанам пришлось предположить, что существует специальная фабрика для производства всей этой лжи[5]. Британский поверенный в делах в Мюнхене выступил с заявлением, будто некие темные силы, прибегая к ложным сообщениям о высказываниях английских официальных лиц, стремятся посеять рознь между Францией и Германией[6]. Особенно охотно на подобные провокации шли газеты, принадлежавшие акционерам. Всякий раз они выступали в качестве рупора тех из них, кто в данный момент держал в своих руках контрольный пакет. Один вполне добросовестный англичанин считал образцом подлинно безответственной газеты английскую «Дейли мейл», а ее немецким эквивалентом — «Мюнхенер нейесте нахрихтен». К этому он добавлял, что хотя образованные читатели и не принимают обе эти газеты всерьез, все же последние приносят огромный вред, ибо все еще есть очень много людей, считающих сущей правдой все, что напечатано черным по белому[7].

Таковы были внутренние и внешние обстоятельства, заставившие канцлера Бетмана, который пока еще не мог опереться на левую, броситься

[1] См. Tirpitz, Aufbau usw., 213 ff.
[2] Ibid.
[3] См. BD, VII, № 655, Гошен — Грею, 29 сентября 1911 г. и следующие за этим документы.
[4] По этому поводу Гошен горько жаловался канцлеру. (См. BD, VII, № 661.)
[5] См. BD, VII, № 658, Грей — Гравиллю, 13 октября 1911 г.
[6] Ibid., № 583, Корбетт — Грею, 8 октября 1911 г.
[7] Ibid., № 602, Корбетт — Грею, 24 октября 1911 г.

в объятия феодалов. В борьбе с Тирпицем он сумел использовать классовые интересы аграриев, всегда сочувствовавших флоту лишь до тех пор, пока он не требовал никаких расходов. Уже 9 сентября статс-секретарь Вермут говорил своим коллегам из военно-морского ведомства, что единственный способ финансировать строительство флота заключается во взимании смертельно ненавидимого всеми консерваторами налога на наследство с супругов и детей[1]. Депутат Центра Маттиас Эрцбергер провел по поручению военно-морского ведомства зондирование почвы в кругах своей партии[2]. Выяснилось, что правому крылу Центра по ночам снятся кошмары: он видит феодалов, у которых не осталось ни кола ни двора — сборщики налогов лишили их всего. Граф Гертлинг, покровитель своих друзей-помещиков, заявил, что, являясь решительным противником введения налога на наследование, он в этом вопросе колебаться не может. В действительности имперские финансы к этому времени весьма значительно укрепились[3], поэтому стало ясно, что бюджетные опасения канцлера были не более чем тактическим приемом в борьбе с военно-морским ведомством. То есть речь идет о формальном объявлении междуведомственной войны, причем с тактической точки зрения Бетман с самого начала очутился в крайне невыгодном положении.

Идя на поводу у консерваторов, канцлер не слишком энергично выступал против этого налога. Поэтому Тирпиц имел полную возможность широко популяризировать свои идеи. Vincere, si nequeo, superos Acheronta movebo. (Мне надо одержать победу! Если же это будет невозможно, я перейду Ахеронт. — *Ред.*) Национал-либералы уже были готовы по первому же сигналу военно-морского ведомства выступить на предстоящих выборах в рейхстаг одновременно за расширение военно-морского флота и за введение налога на наследование, то есть выступить за промышленников и против аграриев[4]. Канцлер, конечно, сопротивлялся этому, но он был совершенно изолирован. Давление сверху и снизу было достаточно велико, чтобы Бетман в обмен на отказ кайзера от своей угрозы вмешаться во внешнюю политику согласился хотя бы в принципе одобрить ненавистный ему законопроект об увеличении флота[5]. Но несмотря на то, что такой компромисс представлялся в конце концов возможным, борьба между ведомствами продолжалась полным ходом. Если статс-секратарь, стремясь достигнуть своих целей, приводил в движение все силы неба и ада, то канцлер в свою очередь пытался изгнать черта с помощью дьявола. В конце сентября казначейство, явно опасаясь успеха военно-морского ведомства в Роминтене, по собственной инициативе обратилось к военному министру с просьбой представить смету расходов на случай возможного увеличения армии[6]. Но в октябре канцлер без обиняков заявил военному министру, что намерен свернуть шею сторонникам военно-морского законопроекта увеличением ассигнований на армию[7].

Таким образом, для «обуздания» флота было решено раздуть армию. Этот замысел был чреват опасностями социального порядка, грозившими существованию режима. То, что армия на протяжение целых десяти лет оста-

[1] См. Tirpitz, Aufbau usw., S. 226.

[2] См. сообщение Эрцбергера от 18 октября 1911 г. Архив военно-морского ведомства.

[3] См. Tirpitz, Aufbau usw., S. 227.

[4] В архиве военно-морского ведомства хранится запись Дэнхардта об одной его беседе со статс-секретарем Ваншаффе. В записи имеется, в частности, следующий абзац: «Тактика Бассермана: объединить вопросы о флоте и о налоге на наследование, предпринять активные действия в пользу расширения флота, спровоцировать отрицательное отношение консерваторов и Центра к налогу на наследование, а тем самым и к законопроекту о флоте. Национал-либералы хотели это использовать в своей борьбе против консерваторов. Сам по себе флот был для Бассермана совершенно безразличен — просто предвыборные махинации».

[5] См. Tirpitz, Aufbau usw., S. 226.

[6] См. Kriegsrüstung, I, S. 119.

[7] См. Kriegsrüstung, I, S. 119 f., und Tirpitz, Aufbau usw., S. 226 ff.

валась в тени, также имело свои социологические причины[1]. Именно в эти дни, когда имперское правительство металось между Сциллой и Харибдой, руководитель внешнеполитического ведомства, преисполненный недобрых предчувствий, писал своей русской подруге[2]: «Есть у нас много консерваторов, которые считают войну одинаково выгодной как для внутренней, так и для внешней политики. Я придерживаюсь противоположного мнения и поэтому выступаю против войны, хотя с чисто военной точки зрения верю в наши шансы. В современной войне надо апеллировать ко всем силам народа. Когда же война закончится победоносно, то все рабочие и другие люди, которые принимали в ней участие и проливали свою кровь, так же как и высшие классы, по праву смогут сказать: «Почему же нас, вместе с вами дравшихся за отечество, хотят лишить политического равноправия?» Мужчина, который в свои двадцать лет должен идти на поле боя и сражаться, достоин быть избирателем. Войны 1866 и 1870 годов демократизировали нас, дали нам рейхстаг и всеобщее избирательное право, а в случае новой войны это развитие будет продолжаться. Вот чего я опасаюсь. Думаю, что после такой войны мы получим демократию. Но вслух этого говорить нельзя, иначе тебя закидают камнями. Превосходство и привилегированность дворянства и старых высших классов по праву были основаны на том факте, что они одни занимались военным ремеслом и поэтому могли претендовать на уважение остальных классов и на особое положение в обществе. Введение всеобщей воинской повинности было самой демократичной мерой, какую себе только можно представить. (Знаю, что в этом пункте я стою на несколько еретических позициях.) Но этот институт несколько подорвал основы привилегий дворянства. Таково мое убеждение, твердое, как скала, и поэтому я не желаю новой войны, как бы хороши ни были наши перспективы».

Однако с точки зрения правящих классов эти глубокомысленные рассуждения были осуждением политики, которую в эти дни начал проводить рейхсканцлер. Если бы теперь в целях провала законопроект об увеличении военно-морского флота правительство начало развертывать резервы сухопутной армии и тем самым ослабило крестьянские контингенты рекрутов (городское население считалось политически неблагонадежным), то одновременно была бы поставлена под угрозу и без того слабая феодальная верхушка. В таком случае этот процесс должен был неминуемо прогрессировать, поскольку в связи с ответными мобилизационными мероприятиями иностранных держав можно было ожидать целой серии подобных рекрутских наборов[3]. Военный министр фон Геринген сразу же оценил всю опасность складывающегося положения. Поделившись своими соображениями с братом, начальником штаба адмиралтейства[4], он на протяжение нескольких недель с ожесточением выступал против навязываемого ему увеличения армии. Лишь после того как его собственные подчиненные, в особенности офицеры генерального штаба, мыслившие скорее масштабами цифр, нежели классов, перешли в лагерь сторонников увеличения армии и впервые после двух десятилетий отказались от принципа «качество вместо количества» в пользу принципа «полное использование всех, годных к военной службе», лишь после того как Тирпицу, наконец, удалось убедить кайзера включить в государственный бюджет на 1912 год ассигнования на строительство флота[5], военный министр не без колебаний отошел от концепции стабильных контингентов сухопутных сил и потребовал увеличения армии. При этом он привел

---

[1] Этому вопросу посвящена статья Эккарда Кера в «Гезельшафт», № V, 1932 г.— «Классовая борьба и политика вооружений в кайзеровской Германии».

[2] См. C a i l l a u x, op. cit., p. 353 ff. Письмо Кидерлена г-же Иониной, 12 октября 1911 г.

[3] См. K e h r, Klassenkämpfe, S. 404.

[4] См. T i r p i t z, Aufbau usw., S. 266.

[5] Ibid.

аргумент, который более чем ясно раскрыл истинную причину этого требования: он заявил, что осуществление законопроекта о флоте, бесспорно, явится поводом для войны, ибо Англия не потерпит превосходства Германии в области вооружений. Но в подобной войне судьба трона Гогенцоллернов и всей Германии будет зависеть не от военных действий на морях, а от победы или поражения германской сухопутной армии[1].

Кайзеру указывали на то, что его трон в опасности. Это и побудило его сманеврировать и занять правильную позицию. После этого имперскому статс-секретарю по финансам действительно удалось добиться сокращения требований военно-морского ведомства. Однако до полного отклонения его претензий, о чем горячо мечтали и канцлер и казначейство, дело не дошло. Военный министр, настаивавший на увеличении армии только потому, что иначе он бы просто не мог продолжать оказывать сопротивление Бетману и статс-секретарю по финансам Вермуту, был явно заинтересован в том, чтобы закон о каком-то увеличении флота все же был принят. В этом случае увеличение расходов на военно-морские силы заставило бы его уменьшить свои требования относительно развертывания армии.

Рейхсканцлера, который через голову военного министра добивался увеличения армии, поддерживала группа высших военно-технических специалистов, преимущественно буржуазного происхождения, служивших в военном ведомстве и в генеральном штабе. За этой группой стоял генерал Кейм, также выходец из буржуазных кругов, который явился вдохновителем агитации в пользу обороны, на общих социологических причинах которой еще следует остановиться. Понятно, что руководящие круги империи не могли не понимать, что такая его политика вела к усилению напряжения на европейском континенте. И все же руководящему штабу, некогда возглавлявшемуся Бисмарком, и в тайниках которого Гольштейн в свое время разрабатывал свои зловещие планы против Франции, политика усиления континентальной напряженности могла казаться менее опасной, нежели столкновение с Англией.

С другой стороны, военно-морское ведомство, стремясь во что бы то ни стало обосновать свои требования, во всеуслышание заявляло о предстоящей войне с Англией. Преамбула законопроекта, который окончательно отредактировали 18 октября, была совершенно недвусмысленно направлена против Англии и предусматривала строительство трех крупных кораблей в год[2]. Германский военно-морской атташе в Лондоне, единомышленник Тирпица, воздействовал на кайзера драматическими сообщениями о настроениях англичан[3]. Против этих сообщений решительно возражал германский посол в Лондоне[4]. Пресса по обе стороны Ла-Манша приступила к взаимному обстрелу из орудий самого крупного калибра. И Вильгельмштрассе и Даунинг-стрит осыпали друг друга резкими упреками[5]. Немецкие газеты, близкие к военно-морским кругам, беспощадно обрушивались на англий-

[1] Отчасти дословно по Керу: K e h r, Klassenkämpfe, S. 410 ff.

[2] В проекте (хранится в Архиве военно-морского ведомства) говорится, что в свете опыта, накопленного в течение лета, идея риска представляется уже несостоятельной; напротив, флот надо делать до такой степени сильным, чтобы можно было наверняка рассчитывать на его способность эффективно сопротивляться в случае столкновения с более могущественным противником. В связи с этими соображениями проект предусматривал строительство трех крупных кораблей в год.

[3] См. T i r p i t z, Aufbau usw., S. 231 ff., донесения Виденмана от 28 октября 1911 г.

[4] См. T i r p i t z, Aufbau usw., S. 235, донесение Меттерниха от 1 ноября 1911 г. Меттерних указывал, что летом в Англии не намечалось никакой мобилизации флота и что новый военно-морской министр Черчилль отнюдь не является бессовестным демагогом. Поэтому, мол, законопроект о расширении флота представляется совершенно неуместным. Вызванное этим возбуждение кайзера отразилось в его пометках на полях: «Невероятно!», «Трусишка!» и т. д.

[5] См. BD, VII, № 559—661.

ское адмиралтейство, тогда как «Таймс» выступала с весьма интересными военно-критическими статьями[1], в которых указывалось на некоторые недостатки в германских сухопутных вооружениях. Таким образом, «Таймс» в известной мере играла на руку рейхсканцлеру, стремившемуся путем усовершенствования сухопутных сил отвлечь Германию от ее морского строительства и тем самым предотвратить военное столкновение с англичанами.

Заключительная дискуссия по марокканскому вопросу в рейхстаге

При этих обстоятельствах дебаты о Марокко, начавшиеся через несколько дней в рейхстаге, были лишь своего рода интермедией в великой междуведомственной борьбе, которая должна была продлиться до весны 1912 года. Рейхстаг не был ни компетентен, ни правомочен аннулировать соглашения о Марокко, и поэтому в ходе этой дискуссии речь шла не столько о Марокко, сколько о будущем политическом курсе. Само собой разумеется, что депутаты в своих выступлениях не могли игнорировать предстоявшие в близком будущем выборы. Внешняя политика должна была служить приманкой для избирателей.

Позиция имперского правительства в ходе этих дебатов была тем более трудной, что незадолго до них статс-секретарь имперского колониального ведомства фон Линдеквист с негодованием отказался от своего поста. Это было широко использовано оппозицией справа и слева. Уход Линдеквиста следовало рассматривать как протест против обоих соглашений о Марокко и Конго, опубликованных имперским правительством в день его отставки. Резкая критика этих соглашений в печати[2] явилась лишь прелюдией к обсуждению вопроса в рейхстаге. Здесь поднялся невообразимый сумбур. В предвидении выборов Центр и консерваторы, образовавшие черно-голубой блок в поддержку Бетмана, выступали против правительства почти с той же резкостью, что и либералы и даже национал-либеральная оппозиция. 9 октября, в первый день дебатов, Бетман выглядел весьма жалко. Большинство рейхстага расценивало его действия как несостоятельные. Даже граф Гертлинг, представитель Центра, попытался расположить к себе демонов империализма, осуждая в сильных выражениях английскую провокацию. Одновременно он подчеркнул разобщенность немецкой печати. По словам Гертлинга, не менее трех информационных органов — пресс-бюро ведомства иностранных дел, военно-морского и колониального ведомства — занимались интригами[3] и враждовали друг с другом. В этой речи досталось, конечно, и пацифистам. «Дело не только в том, — говорил Гертлинг, — что стремления к миру не достигают того успеха, к которому честно стремятся их инициаторы; мне думается, что и в прежние времена мы слишком много говорили о нашем миролюбии». Однако куда резче, чем оратор Центра, которому в связи с церковно-политическими раздорами внутри этой партии приходилось в немалой степени считаться с настроениями ее левого крыла, против правительства выступил представитель консерваторов. Применяя чрезвычайно умелую партийную тактику, г-н фон Гейдебранд, этот «некоронованный король Пруссии», оказался главным выразителем резко антианглийских настроений. По всей видимости, он хотел доказать представителям среднего сословия

[1] Я имею в виду известные статьи Репингтона в «Таймс», правильно понятые в военно-морском ведомстве. (T i r p i t z, Aufbau usw., S. 234 ff., донесение Виденмана от 30 октября 1911 г. и донесение Меттерниха от 1 ноября 1911 г.)

[2] О позиции прессы см. BD, VII, № 664, Гошен — Грею, 6 ноября 1911 г.

[3] Гертлинг в рейхстаге, 9 ноября 1911 г.

и «колониальным политикам» своей партии, а также аристократам из Пангерманского союза, что «мягкость» Бетмана по отношению к Англии не имеет ничего общего с политикой его партии. К тому же речь, обращенная против Англии, могла быть воспринята и в самых высших кругах как совет опереться на консерваторов при дальнейшей разработке законопроекта об увеличении флота, как рекомендация отказаться от ненавистного налога на наследование, от весьма неудобного увеличения сухопутных сил и от слишком тесного сотрудничества с немецким военным ферейном. Злобно и ожесточенно обрушился консервативный лидер на англичан. Коснувшись выступления Ллойд Джорджа, он заметил: «Немецкий народ не потерпит подобных застольных речей»[1]. Безжалостно атакованное своими врагами и покинутое друзьями имперское правительство имело в ходе всех этих дебатов лишь одну единственную поддержку — социал-демократов. Август Бебель, выступивший вслед за Гейдебрандом, заявил, что если правительство поступает разумно, то и социал-демократы могут иной раз стать на его сторону[2]. Особенно резко обрушился седовласый вождь социал-демократов на прессу тяжелой промышленности, которая выступала за аннексию Суса и против имперского правительства. Он разоблачил «Рейниш-Вестфелише цейтунг», «Ди пост» и «Эвангелише кирхенцейтунг», которые, повторяя одно и то же: «Везде ждут ответа на вопрос: когда мы выступим в поход?» — встали на одну платформу с «Армееблатт», только и мечтавшей о начале крупных военных действий. Как мощное звучание фанфар, пророчеством о надвигающейся международной катастрофе закончил Бебель последнюю в своей жизни большую речь, посвященную внешней политике.

Поддержка правительства социал-демократами давала национал-либералам, временно находившимся в оппозиции, двойное основание ополчиться против правительства. Бассерман атаковал канцлера самым безжалостным образом. Он заявил, что никогда еще немецкий народ не был так решительно готов к войне, как летом предыдущего года, что общественность ввели в заблуждение, а Вильгельмштрассе сплоховала. Речь закончилась выпадами против внешнеполитических противников Германии. Эти выпады были столь же резки, как и у Гейдебранда. Понятно, что если лидер национал-либералов выступал с подобными словами, то это неминуемо использовалось для пропаганды законопроекта о военно-морском флоте. И действительно, промышленники, имевшие свои интересы в Марокко, не без оснований радовались результатам этих дебатов[3].

Наибольшее разочарование постигло сторонников политики колониальных поселений, то есть представителей среднего сословия. На второй день дебатов депутат Латман выступил с исключительно резкой критикой соглашений. Он потребовал создания сильной германской армии и флота, введения экономической автаркии и ограничения функций биржи. Депутат Брун от Немецкой партии реформ, представлявший аналогичные социальные слои и в некоторых отношениях предвосхищавший национал-социализм, заявил, что ведомство иностранных дел первоначально ставило своей задачей добиться

[1] Гейдебранд в рейхстаге, 9 ноября 1911 г.

[2] Бебель, там же, 9 ноября 1911 г.

[3] См. «Гамбургер нахрихтен» за 6 ноября 1911 г., где цитируется статья из «Фоссише цейтунг», согласно которой наиболее влиятельный из братьев Маннесманов признал, что имперское правительство всемерно защищает интересы немецких горнопромышленников. Г-н Маннесман заявил, говорится далее в этой статье, что он очень доволен благожелательным отношением, которое встретил со стороны правительства. Если эти переговоры (то есть переговоры между обеими группами дельцов) будут доведены до конца, что может случиться сегодня или завтра, то тогда он сможет составить себе определенное мнение на этот счет. И действительно, переговоры оказались весьма успешными.

Не удивительно, что и Стиннес высказался о марокканском соглашении вполне одобрительно («Кёльнише цейтунг», 8 ноября 1911 г.). Продолжение агитационной кампании в «Рейниш-Вестфелише цейтунг» объяснялось, вероятно, главным образом намеченным планом военно-морских вооружений.

аннексии некоторых районов Марокко. Все эти группировки не скрывали своего разочарования по поводу того, что и тяжелая промышленность, которая так долго поддерживала политику по вопросу о Марокко, теперь стала бездеятельной в этом отношении. Однако эти депутаты и связанные с ними избиратели оказались изолированными со всеми своими жалобами и сетованиями.

Подобного рода нападки на правительство побудили представителей Партии свободомыслящих встать в какой-то степени на его защиту, что, собственно, соответствовало их обычной политике компромиссов. Депутат Вимер на второй день дебатов выступил против шовинистов из Пангерманского союза, обвинив их в том, что они на протяжении всего лета стремились оказывать давление на ведомство иностранных дел. Затем лидер прогрессистов коснулся вопроса о кронпринце, который в первый день дебатов сидел в ложе кайзера и весьма красноречивыми жестами выказывал свое отношение к нападкам на правительство. Когда Винер заявил, что кронпринц стоит во главе некоей немецкой партии, выступающей за войну, с одной из правых скамей раздался возглас: «И слава богу!» Депутат Крет, директор спирто-водочного объединения, которое рассчитывало на крупные барыши в случае принятия законопроекта о вооружениях, дал полную волю своим чувствам. Таким образом, правые остались непримиримыми; при этих обстоятельствах правительство радовалось даже самой незначительной поддержке. Помимо депутата Хассмана от левого крыла Германской прогрессистской партии, на помощь правительству пришел бывший губернатор Восточной Африки «вольный консерватор» полковник фон Либерт. При своей личной заинтересованности в создании трансконтинентальной африканской железной дороги он не мог выступить против соглашения о Конго, хотя и не одобрял идею освоения Марокко и военную политику, проводимую там Францией[1]. Участники дебатов неоднократно и резко критиковали действия иностранных правительств, что побудило рейхсканцлера на второй день дебатов выступить еще раз. Уже тогда рейхстаг являл собой картину, столь часто наблюдавшуюся впоследствии, во время войны. Впервые канцлер выступал в рейхстаге как истинно страстный оратор. Проходя равнодушно мимо нападок слева, он с ожесточением отбивался от атак справа, которые он, будучи сам консерватором, воспринимал крайне болезненно. С гневом отметал он выпады Гейдебранда против Англии. Громким и раздраженным голосом канцлер заявил, что здесь действуют силы, связанные не столько с Марокко, сколько с предстоящими выборами. Бурные аплодисменты левой и общее волнение всего рейхстага возвещали приближение новой эпохи[2].

Мировая политика и законопроект об увеличении военно-морского флота

Но как бы ни старался канцлер, как бы ни извивался, точно раздавленный червяк, он все же не мог совладать с силами, обступавшими его со всех сторон. Правительство Бетмана возбудило к себе всеобщую ненависть, и военно-морское ведомство воспользовалось этим для перехода в контрнаступление. В начале года Флотский союз развернул свою кампанию[3].

[1] Либерт в рейхстаге, 10 ноября 1911 г.

[2] Бетман, там же, 10 ноября 1911 г.

[3] Уже 28 мая 1911 г. на съезде Флотского союза в Нюрнберге его председатель гросс-адмирал Кестер потребовал изменения действующего закона о строительстве флота, имея в виду, что, начиная с 1912 г. на воду должен был спускаться дополнительно один крейсер.

Демократическая пресса выступила против Флотского союза, обнаружив страх перед возможным ухудшением отношений с Англией. (См., например, «Фоссише цейтунг» за

В конце августа кайзер произнес речь, из которой немцы узнали, что именно намечается в области военно-морской политики[1]. В сентябре пресса промышленников открыла огонь из тяжелых орудий. В то время как информационный отдел военно-морского ведомства и Флотский союз[2], поддержанные средствами тяжелой промышленности[3], открыли ураганный огонь по позициям ведомства иностранных дел, лейбгвардия пошла на штурм. В решающие дни военно-морской атташе в Лондоне посылал один за другим меткие выстрелы в ряды врагов[4]. Напрасно ответственный руководитель посольства

---

30 мая 1911 г.) Опасения высказывались также и на страницах консервативной прессы. «Крейццейтунг» в номере от 3 июня 1911 г. заявила, что в свете военно-политических задач, связанных с увеличением армии, вопрос о «флотском законопроекте» надлежит «исследовать самым тщательным образом». Как обычно, газета ставила вопрос о финансах. После событий 1907 г. и включения в состав президиума Флотского союза гроссадмирала эта организация стала полуофициальной. В «Фоссише цейтунг» за 30 мая 1911 г. выражено сожаление по поводу того, что на съезде присутствовали баварский принц и представитель военно-морского ведомства.

[1] 27 сентября кайзер произнес речь в Гамбурге. Уже в начале сентября в печати появились обычные в таких случаях опровержения, однако посвященные усматривали в них лишь подтверждение истинного положения дел.

[2] То, что Флотский союз еще в 1907 г. «откололся от военно-морского ведомства», утверждает также и Конрад Гаусман, выступивший против Тирпица в «Мерц» за 5 апреля 1912 г.

[3] См. выше основанные на хорошей информации сообщения в «Die Französsichen Dokumente über die Ursachen des Weltkrieges» (в дальнейшем цитируется как FD), 3, Seric I, № 226, де Беркгейм — де Сельвсу, 26 ноября 1911 г. По указанным данным, вся эта агитационная кампания инспирировалась директорами верфей и сталелитейных обществ. См. также BD, IV, № 430, Гошен — Грею, 3 февраля 1911 г., где говорится, что Крупп и Флотский союз настаивают на принятии законопроекта из-за угрозы сокращения объема работ при строительстве всего только двух кораблей в год. Особенное значение придавалось занятости персонала верфей. Говорилось, что в финансовом отношении все эти планы вполне выполнимы.

См. далее донесение Уотсона от 27 сентября 1911 г. (BD, VI, № 476, Anlage), содержащее чрезвычайно характерные подробности. Согласно этому документу, в конце сентября кайзер беседовал около сорока пяти минут с чилийским посланником, обращая его внимание на высокий уровень германского кораблестроения; кайзер, в частности, заметил, что новейший чилийский корабль «Минас Гераэс», поставленный Англией, может быть в кратчайший срок потоплен современными германскими кораблями. Это заявление кайзера было прямым следствием неспособности соответствующих германских учреждений добиться передачи чилийского заказа германскому судостроению.

«Это собеседование,— продолжает английский военно-морской атташе,— говорит не только о большом интересе Его Величества к работе верфей, строящих военные корабли, но является также доказательством того, что Его Величество и соответствующие чиновники весьма озабочены вопросом о достаточной загрузке этих верфей. Указанное событие подтверждает мои прежние сообщения о том, что в период 1912—1917 гг. Германия должна либо поддерживать свою судостроительную программу на уровне прежних лет, а не ограничивать ее, как это предусматривалось во время обсуждения флотского законопроекта, либо же добиваться получения иностранных заказов, дабы предотвратить подрыв своей судостроительной промышленности в предстоящие годы. В соответствии с законом о двадцатилетнем сроке службы одного крейсера, Германия сможет лишь начиная с 1917 г. приступить к ежегодному строительству трех дополнительных кораблей взамен вышедших из строя; так, постепенно, она должна будет заменить все свои 58 крейсеров.

До сих пор Германия, по-видимому, не получала достаточного количества иностранных заказов для загрузки шести частных верфей, которые в течение последних лет делили с двумя государственными верфями заказы на строительство четырех броненосцев в год. Если же ныне действующий закон останется в силе, то до 1918 г. всем этим верфям придется удовлетвориться строительством только двух кораблей в год.

Не подлежит никакому сомнению, что эти итоги вызывают большие опасения как в отношении дальнейшей программы строительства броненосцев, которой в связи с обострившейся ныне конкуренцией грозит огромная опасность, так и с точки зрения положения рабочих (вопрос, приобретающий особенно важное значение из-за приближающихся выборов). Понятно, что такое положение вещей дает в руки сторонников развертывания строительства военно-морского флота весьма крупные козыри».

[4] См. донесения этого атташе, капитана II ранга Виденмана от 28 и 30 октября, 18, 19, 20 и 22 ноября, приводимые Тирпицем. (T i r p i t z, Aufbau usw., S. 231 ff., S. 246 ff.) Граф Меттерних (см. GP, 11328, письмо к Бетману от 10 декабря 1911 г.) характеризовал эти донесения как намеренно инспирированную травлю и требовал отозвания Виденмана.

посол граф Вольфф-Меттерних призывал канцлера на помощь[1]. Вильгельм II буквально осыпал гневными проклятиями[2] этого дипломата, у которого хватило смелости правдиво доносить своему правительству о том, как англичане критикуют германского кронпринца. Нападки на ведомство иностранных дел стали настолько угрожающими, что статс-секретарь фон Кидерлен, стремясь хоть как-нибудь постоять за себя, счел уместным выступить на заседании бюджетной комиссии рейхстага 17 ноября и рассказать о том, как энергично он реагировал на речь Ллойд Джорджа, произнесенную летом[3]. Разумеется, это разоблачение так же мало способствовало улучшению общего положения, как и dinner speech, с которой выступил три дня спустя английский депутат консерватор капитан Фабер. Указывая на различные неполадки, якобы помешавшие английскому флоту выступить летом, когда политическое напряжение достигло своей кульминации, этот оратор явно пытался оживить шовинистические чувства своих соотечественников[4].

При таких обстоятельствах Бетман решил пустить в ход свой последний резерв. Следуя его указаниям, статс-секретарь Вермут, изощряясь в сверхофициальной аргументации, старался доказать, что в случае принятия законопроекта о военно-морских силах придется вновь вернуться к вопросу о введении налога на наследование[5]. В свое время Вермут был имперским комиссаром на всемирных выставках в Сиднее и Чикаго и работал также в ведомстве внутренних дел. Все это дало ему возможность установить тесные контакты с торговым и финансовым миром капиталистического Запада[6]. Он был сознательным противником политики, которая могла бы привести к еще большему усилению напряжения в отношениях с Англией. Раздосадованный Тирпиц заявил, что теперь, мол, даже князья, на которых разговоры о налогах на наследование действуют как красная тряпка на быка, и те стали активными противниками законопроекта о расширении флота. Одновременно с Вермутом канцлер решил использовать и армию[7], находившуюся свыше десяти лет в тени. Следует, между прочим, отметить, что к этому времени ряд военных писателей, и в их числе обойденные офицеры-моряки, обучившиеся искусству агитации у своего бывшего начальника, стали выступать в защиту армии[8].

Тем временем начали действовать и в Англии. Новый «морской лорд» Черчилль, которого германский военно-морской атташе в Лондоне не замедлил соответственно охарактеризовать в своих донесениях домой[9], в речи 9 ноября указал на зависимость британской программы строительства флота от решения судьбы германского законопроекта об увеличении военно-морских сил[10]. В конце ноября в английском парламенте с речью о марок-

[1] См. донесения Меттерниха, GP, 11316, 1 ноября и 10656, 18 ноября 1911 г.

[2] См. пометки на полях, сделанные Вильгельмом II на страницах GP, 11316, Меттерних — Бетману, 1 ноября 1911 г.

[3] См. BD, VII, № 697, Гошен — Грею, 19 ноября 1911 г.

[4] Ibid., № 711, Грей — Гошену, 23 ноября 1911 г., а также GP, 28, S. 261—263, примечание.

[5] См. GP, 11324, Вермут — Тирпицу, 28 ноября 1911 г.

[6] См. A. W e r m u t h, Ein Beamtenleben, Berlin 1922 г.

[7] См. T i r p i t z, Aufbau usw., S. 265 f.

[8] И напротив, недовольные армейские офицеры, как, например, известный полковник Гэдтке, выступали в поддержку флота.

Из числа военно-морских офицеров против агитации Флотского Союза выступал не только вице-адмирал Штиг, но и вице-адмирал Гоффман (см., например, «Фоссише цейтунг» за 22 октября 1911 г.). В этом смысле военно-морское ведомство больше всего боялось капитан-лейтенанта в отставке Персиуса.

[9] См. GP, 11317, донесение Виденмана, 28 октября 1911 г.

[10] См. GP, 11317, Виденман — Тирпицу, 10 ноября 1911 г. Издатели GP располагали лишь копией этого документа, а мне удалось ознакомиться с ним в оригинале. И здесь я прочел обычные кайзеровские пометки на полях: «Чушь», «Закон будет» [то есть закон об увеличении английского флота], «Это не страшно». В конце кайзер пытается подбодрить самого себя и пишет: «Значит, он [Черчилль] уже свыкся с мыслью о возможном принятии нового законопроекта».

канской проблеме выступил английский статс-секретарь по иностранным делам Грей. Острота военно-морской проблемы и недавние разоблачения Кидерлена в бюджетной комиссии побудили Грея так сильно сгустить краски, что даже примиренчески настроенная часть прессы по обе стороны Ла-Манша вынуждена была признать плохое состояние германо-английских отношений[1].

Закулисные причины действий Италии в Триполи

В конце сентября вся международная обстановка определялась фактом нападения Италии на турецкое владение Триполи. В Германии твердо считали, что Англия использует это в своих интересах. Возбуждение немецкой прессы усилилось. Дело в том, что и в Италии образовались крупнейшие состояния. Они сосредоточились в руках военных промышленников и весьма немногочисленной прослойки парламентариев, ловко эксплуатировавших государственный аппарат. Оккупация Триполи явилась, по существу, следствием потребности найти применение этим капиталам и за пределами Италии*. Это была явная ирония судьбы: ведь именно немецкий капитал явился в значительной мере причиной затруднений, приведших к войне. Именно немецкие и швейцарские инвестиции питали итальянскую промышленность[2]**. Эти-то силы премьер Италии Джолитти и решил поставить на службу внешнеполитическим притязаниям клерикального «Банко ди Рома», который хотел путем войны хоть как-нибудь поправить дела своих обанкротившихся предприятий по ту сторону Средиземного

---

[1] Подробный обзор откликов немецкой прессы на речь Грея содержится в BD, VII, № 723, Гошен — Грею, 29 ноября 1911 г.

[2] См. L. M. Hartmann, Hundert Jahre italienische Geschichte, München 1916, S. 203 ff., а также Karl Lamprecht, Deutsche Geschichte der jungsten Vergangenheit und Gegenwart, Berlin 1913, 2. Bd., S. 466 ff.

В этой работе, между прочим, говорится следующее:

«Известно, что Италия давно уже оплодотворяется швейцарскими капиталами, точнее, капиталами немецко-швейцарского происхождения. Но со времени завершения строительства железнодорожной линии через Сен-Готтард к ним прибавились южногерманские, баденские, вюртембергские и баварские капиталы, а затем и инвестиции капиталистов Средней и Северной Германии, главным образом берлинской финансовой олигархии. Отчасти они были помещены в порядке санации в итальянские банки; кроме того, они нашли себе применение в генуэзской торговле, которая, поскольку она финансировалась немцами, ограничивалась преимущественно такими товарами, как вино, зерно, нефть и искусственные удобрения. Эти капиталы также вкладывались в строительство филиалов германских промышленных предприятий в Ломбардии и Пьемонте. Дело в том, что из-за повышения таможенных тарифов проникновение германской продукции в Италию, в особенности ткацких изделий, существенно затруднилось. Немецкие капиталы вкладывались также в электростанции, сетью которых германская промышленность покрыла весь полуостров. Следует упомянуть еще и сахарные заводы в Ломбардии и Венеции. Кроме того, необходимо отметить, что крупные немецкие судоходные линии оказались очень сильными конкурентами итальянских пароходств, в частности, маршруты пароходов компании «Северогерманский Ллойд» в Соединенные Штаты, на Дальний Восток и в Австралию, заходивших в Геную и Неаполь, или даже маршруты, начинавшиеся в Неаполе или Генуе. Немцы обслуживали и каботажные линии внутри Неаполитанского залива. Существовали также линии общества ГАПАГ между Неаполем и Нью-Йорком, и судоходные линии «Космос» между Генуей и тихоокеанскими портами.

* Поводом, но отнюдь не существенной причиной этой оккупации явилась старая договоренность Италии и Франции от 1900 г. Проблема перенаселенности Италии тогда еще не играла такой огромной роли в политике итальянского империализма, как после 1918 г.

** О проникновении Германии в итальянскую экономику см. DD, 3-me serie, vol. 10, № 92, донесение французского военного атташе из Рима, 9 апреля 1914 г. Это весьма важный документ.

моря[1]. Действия итальянского премьера говорят о полном отказе от собственных политических традиций, равно как и о политическом использовании тактики французов в Марокко. Клерикальной структурой «Банко ди Рома» объясняется и то, что Ватикан благословил эти военные действия. Для того чтобы вдохновить весь народ на эту авантюру, правящие круги страны, не жалея сил, сумели напустить целые тучи пыли в глаза итальянцам. Они заявили, что чужеземные капиталисты зарятся на серные залежи, якобы имеющиеся в Триполи, а эксплуатация этих мнимых залежей поставит под угрозу сбыт сицилийской серы, являющейся, как известно, источником существования для всей Сицилии*.

Активизировавшийся итальянский империализм давно уже нагонял страх и ужас на австрийцев. Империалистический выход на Балканы, совершенный по «закону противолежащего побережья», этого «естественного» пространства для итальянской экспансии, представлял собой явную угрозу для Австрии: перекрыв Отрантский пролив, итальянцы могли бы одним ударом блокировать всю триестинскую торговлю. Подобные конфликты были тем более опасны, что Италия в довершение ко всему стремилась сыграть на внутреннем разложении Австро-Венгрии и приступила к освобождению южных тирольцев и триестинских ирредентистов. Австрийские империалисты во главе с начальником генерального штаба Конрадом фон Гетцендорфом и славянофильски настроенным эрцгерцогом-престолонаследником были бы отнюдь не прочь наброситься на своего союзника в связи со вспыхнувшей итало-турецкой войной[2]. То обстоятельство, что война не приняла такого оборота, следовало приписать заслугам министра Эренталя, жаждавшего мира и иностранных кредитов. Посол Франции Крозье считал, что в обмен на французский заем в один миллиард франков Эренталь готов подписать с Кэ д'Орсэ австро-французский договор о перестраховке по общепринятой схеме и тем самым продать своего немецкого союзника[3]. Разумеется,

---

[1] Сведения о клерикальной структуре «Банко ди Рома» я почерпнул в «Гамбургер корреспонденц» за 23 сентября 1911 г. См. также GP, 10813 u. 10815, Ягов — Бетману, 1 марта и 13 июня 1911 г. В первом письме содержится следующее меткое замечание: «Было бы странно, если бы клерикальные предприниматели вздумали вести Италию на помочах».

[2] Против Италии было с особенной силой направлено создание австрийского флота. В сентябре 1911 г. эрцгерцог прибыл в Киль на регаты. Его визит явился толчком к дальнейшему увеличению австрийского флота. Англия рассматривала эти шаги Австрии как укрепление военно-морской мощи Германии и стала действовать вместе с ее противниками. Инцидент с Картрайтом следует именно в этой связи. Газета «Нейе фрейе прессе», напечатавшая знаменитое интервью, выступила тем самым против прессы, контролируемой престолонаследником. Строительство флота, проводимое по инициативе престолонаследника, было, между прочим, на руку австрийским Ротшильдам: они ссудили правительство деньгами, необходимыми для постройки двух дредноутов. Сделали они это тем более охотно, что участвовали в прибылях верфи «Стабилименто текнико триестино», которой был сдан заказ, и получали комиссионные. Кроме того, они отхватили изрядный куш, будучи главными акционерами Витковицких сталелитейных заводов. Если учесть высокие таможенные тарифы, которые действовали тогда в Австрии, то станет ясным, что подобные сделки являлись исключительно выгодными.

[3] См., в частности, FD, 3, Serie I, № 168, Крозье — де Сельвсу, 20 ноября 1911 г., с сенсационным приложением об интересах Франции в Австрии.

* Подробные данные о деятельности «Банко ди Рома» содержатся в интересной работе William C. Askew, Europe and Italy's Acquisition of Lybia 1911—1912, Duke University, N. Carolina 1942. См. также Staley, op. cit., p. 62—70. Стэли полагает, что этот банк, находившийся под контролем итальянских чиновников, служил в большей мере политическим, нежели экономическим интересам. Автор не замечает того, что в данном случае государство выступало как спаситель и наследник интересов обанкротившихся предприятий и что эти «политические интересы» в свою очередь определялись экономическими факторами, например потребностью вкладывать капиталы, а также перенаселенностью страны. Правда, острота последней в те времена частично умерялась уходом части населения на сезонные работы.

что Картрайт, английский коллега Крозье, приветствовал бы подобный вариант от всей души[1].

Германский посол в Австрии Чиршки, верный слуга Вильгельма II, оборонялся против всего этого с неуклюжестью и топорностью, неизменно отличавшими этого дипломата в его борьбе с искушенными макиавеллистами. Таким образом, в Вене немцы почувствовали такое же сопротивление англичан, как и в Константинополе, где английская дипломатия, к явному огорчению Маршалла, пыталась воспользоваться триполитанской войной для подрыва господствовавшего в Турции германофильского режима. Еще на рубеже столетий Англия не возражала против проникновения немцев в Турцию. Теперь же действия англичан в этой стране стали источником опаснейшей угрозы для германского империализма. «Подспудная борьба, — докладывал германский посол[2], — стала после триполитанской истории настолько острой, как никогда прежде».

Средства, с помощью которых можно было обороняться от этого наступления, были, к несчастью для Германии, в высшей степени обоюдоострыми. Укрепление сил турецкого правительства, которые Англия непрерывно подтачивала на протяжении трех лет, усиливало одновременно и прочность турецких позиций у Проливов. Этот фактор должен был сблизить англичан и русских, чья взаимная борьба за Персию, где англичан, кроме всего, привлекала еще и нефть, стала именно теперь, то есть осенью 1911 года, такой ожесточенной, как никогда[3]. Германское ведомство иностранных дел, которое с 17 ноября (дата пресловутых разоблачений Кидерлена) пребывало в состоянии острейшего конфликта с британским империализмом, все же не намеревалось оказывать давление на русских. Русские же, опасаясь неблагоприятных последствий триполитанской войны для экспорта из Южной России, заявили в Берлине (как раз в этот самый момент, 18 ноября) о желании добиться открытия Проливов для прохода русских кораблей[4]. Кидерлен был не прочь удовлетворить просьбу русских. Французские дипломаты уже стали поговаривать, будто Германия хочет исключить Италию из Тройственного союза и заменить ее Россией[5]. Казалось, что Германия кончает со своей вечной политикой «маятника» и твердо становится на сторону России. Посол фон Маршалл, «этот германский слон, рычащий у Золотого Рога»[6], считал, что ставка «ориентального» империализма Германии бита, и уже предвидел день, когда русские дредноуты, проходя через Проливы, потерпят «случайную аварию», рассекут Турцию в военном и экономическом отношении на две части и уничтожат все «ориентальные» позиции Германии[7].

Но здесь-то как раз и обнаружилось, насколько реальные интересы, лежавшие в основе этой политики «маятника», исключали возможность действительного изменения политического курса Германии. Могло ли такое учреждение, как ведомство иностранных дел, которое много лет опекало Багдадскую железную дорогу, всерьез подумать о том, чтобы предать «ориентальные» интересы Германии ради внешнеполитического обеспечения тыла

[1] См. BD, VII, Картрайт — Никольсону, 23 ноября 1911 г.

[2] См. GP, 10 893, Маршалл — ведомству иностранных дел, 17 октября 1911 г.

[3] См. Karl Hoffmann, Ölpolitik und angelsächsischer Imperialismus, Berlin 1927, S. 34. Вскоре после этого, в ноябре 1911 г., Англо-Персидская нефтяная компания (Anglo-Persian Oil), известная своими связями с английским империализмом (семейство Сэмюэлс), приступила к нефтедобыче в Северной Персии. При этом она воспользовалась попытками осуществить реформы со стороны американского агента Моргана Шустера, который появился в Персии, насколько мне известно, по поручению фирмы «Кун, Леб энд компани» и ее руководителя Якоба Шиффа. С этой группой были связаны «Нэшнл сити бэнк», «Ферст нэшнл бэнк» и «Дж. П. Морган энд компани», которые одновременно стремились вредить русским в Китае (см. «Новое время» за 28 марта 1913 г.).

[4] См. GP, 10 973, Кидерлен — Чиршки, 19 ноября 1911 г.

[5] См. FD, 3, Serie I, № 127, Крозье — де Сельвсу, 27 ноября 1911 г.

[6] Это выражение принадлежит Гарольду Никольсону.

[7] См. GP, Кар. 236.

военно-морского ведомства и его начальника, проводившего антианглийскую политику, которая во всем противоречила линии Вильгельмштрассе. Таким образом, временное сближение Германии с Россией было не чем иным, как ловким тактическим приемом, рассчитанным на то, чтобы мечты русских о Проливах разбились, но уже не из-за германского, а из-за англо-французского противодействия[1]. Германский посол фон Маршалл, растерявшийся поначалу и подавший прошение об отставке, теперь, успокоившись, взял его обратно, а директора и акционеры Немецкого банка могли по-прежнему спать спокойно.

Итак, если сближение с Россией оказалось чистейшей воды иллюзией, то тем более было важно не терять последних контактов с Англией. Здесь немецким политикам, как и год назад, вновь удалось воспользоваться соперничеством между английскими и русскими империалистами, которые в своем давнем споре за Персию и Китай попеременно стремились заручиться поддержкой идущего в гору германского империализма. В эти месяцы империалистическая оппозиция в Англии, возглавляемая «строителем империи» лордом Керзоном, боясь русских успехов в Персии, усилила традиционную для либеральных радикалов критику внешнеполитического курса правительства. Критика эта стала настолько ожесточенной, что Грей, отчасти заботясь о защите Индии против России, отчасти стремясь успокоить прогермански настроенных пацифистов, постепенно оказался вынужденным пойти на уступки Германии[2].

Планы финансовой олигархии в отношении Африки

Германский посол граф Меттерних уже сообщал о том, что крупные английские империалисты консервативного толка стали ломать себе голову, как бы обеспечить немцам первое место под солнцем[3]. С другой стороны, французские дипломаты с опаской и недовольством наблюдали за подъемом волны пацифизма в Англии. Как на рубеже 1905—1906 годов, так и теперь, в последние месяцы 1911 и в начале следующего года, эта волна перекатывалась по всей стране, причем вдохновителями ее были те же люди, что и прежде[4].

Как в конце девяностых годов, так и теперь могущественные финансовые круги стремились использовать «конъюнктуру взаимопонимания». Поэтому на поверхность неожиданно всплыли деятели, хорошо известные по прошлому. Как тогда, так и теперь Португалия переживала внутреннюю сумятицу и финансовые затруднения. Поэтому германский посол в Лондоне граф Меттерних выступил перед ведомством иностранных дел с весьма интересными предложениями, финансово-политический макиавеллизм которых показывает истинную финансово-капиталистическую природу меттерниховского

---

[1] В данном случае такой метод оказался действительно успешным. См. GP, 30. Bd., S. 33 f., примечание; подтверждение этому мы находим и в наши дни (1932 г.): см. FD, 3, Serie I, № 383, Маттон — Мессими, 22 декабря 1911 г.

[2] Интересное описание настроений англичан мы находим, между прочим, в FD, 3, Serie I, № 272, Камбон — де Сельвсу, 2 декабря 1911 г.

[3] См. GP, 11339, Меттерних — Бетману, 9 декабря 1911 г.

[4] Весьма характерным в этом смысле является FD, 3, Serie I, № 629, Камбон — Пуанкаре, 7 февраля 1912 г., где приводятся данные о лордах Эвбери и Уирдэйле, Томасе Барклае, сэре Джоне Бруннере и других (последний, будучи «калийным королем», принадлежал к химической группе Альфреда Монда. Монд также был немцем — уроженцем Маннгейма). Силы, проводившие эту агитационную кампанию, получили могучее подкрепление в лице сэра Фрэнка Лэсселса, бывшего посла в Берлине, которому пришлось отступить под напором империалистических сил в Форин офисе.

фритредерства[1]. Он предложил вернуться к старому плану, а именно путем финансового давления на Лиссабон добиться раздела португальских колоний между Германией и Англией. Этот феодальный и вместе с тем финансово-капиталистический империализм высшего пошиба, разумеется, не стал бы считаться с настроениями португальских республиканцев, цареубийц и атеистов. Предусматривалось, что Англия получит Мозамбик, Германия же — Португальскую Анголу и права на Бельгийское Конго. Это второе условие отчетливо показывало, откуда дует ветер. Оно свидетельствовало также о том, что этот план вряд ли родился в голове посла. Все эти скупые формулировки — приобретение Бельгийского Конго и строительство железной дороги из Камеруна в Восточную Африку[2] — были не чем иным, как последовательным осуществлением марокканско-конголезской политики, которую Германия проводила в течение лета. В те же дни директор Гельферих и Немецкий банк занялись практической оценкой этого замысла. Никак нельзя считать случайностью тот факт, что в качестве наиболее рьяного защитника этого колониального плана выступил д-р Рихард фон Кюльман, германский поверенный в делах в Лондоне, который, будучи сыном известного директора Анатолийских железных дорог, был связан с высшими финансовыми кругами, так сказать, наследственными узами[3].

В остальном при помощи новых германо-английских переговоров немцы хотели одним выстрелом убить двух зайцев. Проекту строительства железной дороги из Германского Камеруна в Конго сопутствовал и другой проект, а именно план сооружения магистрали от Тигровой бухты в Португальской Анголе в район Катанги. Эта линия должна была помочь освоению Центральной Африки[4]. Видимо, здесь речь идет о новом издании планов железнодорожного строительства, которые «Дисконтогезельшафт» разрабатывало еще во времена англо-бурской войны. Имелось в виду сочетать приятное с полезным. Аннексия Анголы позволяла «Дисконтогезельшафт» вновь черпать рабочую силу, резервы которой заметно иссякли в связи с войной в Германской Юго-Восточной Африке; одновременно устанавливалась непо-

---

[1] См. GP, 11339, Меттерних — Бетману, 9 декабря 1911 г.

[2] См. GP, 11345, Кюльман — Бетману, 8 января 1912 г.

[3] В этой связи см. также Tirpitz, Aufbau usw., S. 192, откуда явствует, что Кюльман был осведомлен о проекте Землера — Тардье, по-видимому, еще 28 марта 1911 г. Соответствующие переговоры велись между Берлином и Парижем, из чего можно заключить, что Кюльман получил информацию из неофициальных источников. Все же не исключено, что при помощи лондонского посольства велся зондаж в кругах английских дельцов, заинтересованных в строительстве Трансафриканской железной дороги. К сожалению, в опубликованной немцами документации содержится явно недостаточная информация экономического порядка. Поэтому я говорю о заинтересованности Немецкого банка в трансафриканском железнодорожном проекте только по некоторым признакам (его участие в деятельности обществ, эксплуатировавших бассейн Конго, и финансирование предприятий в Германской Восточной Африке). Точные документальные данные о закулисном участии немцев в разработке проекта Землера — Тардье станут известны лишь после опубликования экономических разделов германских архивов, которые теперь (1932) снова оказались, к сожалению, под прочным замком. Пока не доказано противоположное, я предполагаю совместную заинтересованность Немецкого банка и «Дисконтогезельшафт» в реализации трансафриканского проекта. Что касается «Дисконтогезельшафт», то его заинтересованность в этом деле уже сейчас может быть подтверждена документами. Впоследствии, уже во время войны, деятели Пангерманского союза свергли Кюльмана, поскольку он занимал австрофильскую позицию и «отстаивал еврейские банковские интересы». (См. Otto Bonhard, Geschichte des Alldeutschen Verbands, Leipzig 1920, S. 42.)*.

[4] По этому поводу см. FD, 3, Serie I, № 591 и FD, 3, Serie II, № 59, Жюль Камбон — Пуанкаре, 3 февраля 1912 г., 3 и 18 февраля 1912 года, а также FD, II, № 19, Клобуковский — Пуанкаре, 12 марта 1912 г.

* Тем временем вышли в свет последние тома DD, подтверждающие все эти комбинации. Правда, в книге Кюльмана («Erinnerungen», S. 340) говорится, что первоначально этот план был предложен британским дипломатом сэром Уильямом Тайреллом. Но англичане, разумеется, отлично понимали, почему с такого рода замыслами надлежит обратиться именно к Кюльману.

средственная связь между районами залегания полезных ископаемых в Катанге, которыми «Дисконтогезельшафт» частично овладело, и Тигровой бухтой, где это общество обосновалось уже более десяти лет назад. Кроме того, от Катанги было совсем близко до озера Танганьика; таким образом обеспечивалась связь с трассой, которую Немецкий банк провел сюда от побережья. Следовательно, две крупнейшие финансовые корпорации в Германии — Немецкий банк и «Дисконтогезельшафт» — были в равной мере заинтересованы в осуществлении этих двух крупных колониальных проектов. Все это дало бы Германии огромную выгоду, и без согласия англичан дело бы не обошлось. В виде компенсации намечалось одобрение Германией аннексии англичанами Мозамбика, принадлежавшего Португалии. Но и в этом случае немцы не остались бы в накладе, ибо те же финансовые круги Германии были, так же как и англичане, заинтересованы в эксплуатации золотых приисков в бывшем Трансваале. В то же время Германия намеревалась установить свой контроль над Центральной Африкой.

Грандиозность масштабов этих проектов не оставляла сомнений в том, что осуществление их может оказаться по плечу только финансовой олигархии. Она одна могла дать ответ на вопрос, который задал кайзер, едва проведав об этом. Он спросил: «Кто же возьмет на себя освоение и управление всего этого, откуда возьмутся деньги?»[1] В Германии ничуть не беспокоились о том, какое впечатление произведут эти замыслы на нейтральные страны. Руководящие деятели в Лиссабоне и Брюсселе порядком перепугались. Здесь отлично понимали, что финансовая олигархия великих держав намерена поживиться за счет Португалии и Бельгии. Казалось, что ради достижения этих целей крупные немецкие банки были готовы на значительные уступки; в случае осуществления намеченных планов англичанам предполагалось отдать даже политический контроль над Катангой. «Дисконтогезельшафт» удовлетворилось бы финансовым участием в эксплуатации катангских рудников. И все же вопрос не сдвигался с мертвой точки — противники были слишком сильны. Французская дипломатия, давно уже привыкшая спекулировать на англо-германской борьбе вокруг Конго, бдительно следила за всем происходящим. Германо-английское сотрудничество отнюдь не входило в планы Пуанкаре, который в самом начале 1912 года стал премьер-министром. В этой ситуации французская политика препятствования англо-германскому сближению встретила поддержку не в ком ином, как в самом германском кайзере, который оказался всецело во власти деятелей военно-морского ведомства. И если немецкие финансисты рассчитывали на то, что высочайшая инстанция поддержит их проекты, то они глубоко заблуждались. Землер и Тардье в свое время не без оснований рассчитывали на монарха. Зная о его франкофильстве, они надеялись, что он, подобно милостивому солнышку, пригреет их[2]. Однако это солнышко спряталось за тучи в тот самый момент, когда интересы крупных банков потребовали сближения уже не с Францией, но с Англией. Ловко обработанный военно-морским ведомством, Вильгельм II повел себя в этом случае совсем по-иному. Таким образом над сотрудниками германского посольства в Лондоне раз-

---

[1] См. GP, 11345, Кюльман — Бетману, 8 января 1912 г., примечание кайзера на полях.

[2] То, что кайзер был осведомлен о проекте этих джентльменов, как будто бы видно из записи Берхтольда о разговоре с Вильгельмом II 23 марта 1912 г. (ÖA, S. 394). По словам Берхтольда, Вильгельм заявил, что он с самого начала расценивал переговоры о Марокко как чисто деловое начинание. Далее говорится, что в Париже шла борьба между двумя банковскими консорциумами, из которых один был заинтересован в Марокко, другой — в Конго. Оба консорциума заигрывали с правительством. Во всей этой истории вопрос о «чести» Германии отнюдь не фигурировал.

разилась страшная гроза[1]. Ставленник Тирпица капитан II ранга Виденман, который уже в течение нескольких месяцев нападал на политику германского посольства в Лондоне, мог теперь торжествовать. И все же имперское военно-морское ведомство не оказалось хозяином положения: слишком сильны были социальные силы, противодействовавшие ему по обе стороны Северного моря. Как и прежде, в первых рядах вновь оказались еврейские финансисты и крупные коммерсанты[2]; впитанная ими с молоком матери ненависть к царизму переплеталась со страхом перед возможным нарушением международных торговых и кредитных отношений.

Миссия Холдена и ее провал

В итоге эти круги настаивали на политическом закреплении изменения взглядов, обозначившегося на рубеже 1905—1906 годов. Не случайно предварительные переговоры о новом политическом сближении между Германией и Англией велись сэром Эрнестом Касселем, финансистом его величества короля Эдуарда VII, почившего в бозе, и Альбертом Баллином, крупным гамбургским судовладельцем[3]. По совету Баллина[4] Эрнест Кассель попытался выяснить готовность английского правительства вести переговоры с Германией. В январе 1912 года Кассель прибыл в Берлин, чтобы сообщить о предстоявшем приезде в Германию одного английского министра и подготовить этот визит*.

Берлин находился тогда под знаком законопроекта об увеличении военно-морского флота. Военно-морское ведомство на протяжении месяцев руками и ногами отбивалось от нападок ведомства иностранных дел. Тирпиц, засевший на Лейпцигерштрассе, руководил государством в государстве. В лице военно-морского атташе в Лондоне капитана II ранга Виденмана адмирал располагал человеком, который, пользуясь высочайшей поддержкой, мог с легкостью сводить на нет позиции посла своей же страны и в тесном сотрудничестве с «хозяином» военно-морского ведомства умел отлично путать все внешнеполитические планы ведомства иностранных дел. В частности, он сознательно стремился лишить английских пацифистов каких бы то ни было иллюзий относительно возможности примирения с Германией, ибо подобное примирение означало бы ограничение строительства флота[5]. На протяжении всех этих месяцев германская дипломатия тщетно пыталась избавиться от этого крайне неудобного моряка; уверенный в благорасположении к себе кайзера, Виденман мог делать все что хотел.

Все же к февралю Тирпицу, ожесточенно боровшемуся за свою военно-морскую программу, пришлось смириться с тем, что вопрос о постройке

---

[1] См. пометки кайзера на полях в GP, 11345, Кюльман — Бетману, 8 июля 1912 г., а также GP, 11346, заметки Вильгельма II, предназначенные для германского посла в Лондоне, 11 января 1912 г.

[2] См. также FD, 3, Serie I, № 272, Камбон — де Сельвсу, 2 декабря 1911 г.

[3] О предыстории и истории миссии Холдена см. материалы, помещенные в BD, VI, № 1103, а также опубликованные недавно (1932) FD и, наконец, записи Августа Баха в K-BM, 1931, S. 462 ff.

[4] Из различных материалов, помещенных в BD, VI, видно, что оба правительства оспаривали приоритет инициативы, приведшей к поездке Холдена. Мне кажется, что издатели GP правы, утверждая, что это предложение исходило от Баллина. И все же нам не известны те неофициальные каналы, через которые на Баллина могло быть оказано воздействие. Можно предположить, что Баллин имел неофициальное поручение, которое впоследствии пришлось отрицать, дабы соблюсти приличия и не компрометировать графа Меттерниха.

[5] См. Tirpitz, Aufbau usw., S. 262 ff.

* По поводу подготовки миссии Холдена см. Kühlmann, Erinnerungen, S.347.

трех из шести кораблей, предусмотренных законом о строительстве флота, был решен отрицательно. Но с тем большей энергией настаивал он на сооружении первых трех судов: в сочетании с имевшимися пятью крупными боевыми кораблями новые три единицы образовали бы третью действующую эскадру. Тогда с обеих сдвоенных эскадр флота была бы снята задача обучения моряков-новобранцев в зимнее время[1]. Внешне представительство программы Тирпица, как и на рубеже столетий, взял на себя Флотский союз, чей прежний руководитель генерал Кейм, враждовавший с Тирпицем, именно в эту пору начал весьма активно выступать в поддержку «конкурента» — Военного ферейна. Поэтому во всех мероприятиях и выступлениях германского Флотского союза вновь явственно зазвучал голос его бывшего господина и повелителя. 8 февраля 1912 года гроссадмирал Кестер, новый руководитель Флотского союза, выступил в Лейпциге с речью, в которой поддерживал идею создания третьей эскадры. Это выступление можно было рассматривать как своеобразное «добро пожаловать», адресованное английскому военному министру Холдену, прибывшему в итоге зондажа сэра Э. Касселя именно в это утро в Берлин.

Громогласные выступления полуофициальных деятелей германского флота мгновенно вызвали отклик с английской стороны. В день своего приезда Холден был принят только канцлером. Назавтра, 9 февраля, в тот самый час, когда Холден, Тирпиц и кайзер сидели во дворце за послеобеденным кофе и оживленно обсуждали вопрос о «флотском законопроекте», английский военно-морской министр Уинстон Черчилль выступал с известной речью, в которой охарактеризовал германский флот как излишество и объявил, что в случае принятия рейхстагом намеченного законопроекта Англия займется дополнительными морскими вооружениями.

И снова случилось так, что социальные силы, привыкшие к довольно грубым формам обмена мнениями и приветствиями, оказались сильнее трех личностей, встретившихся в берлинском дворце, по-человечески сблизившихся и ложно полагавших, что они понимают друг друга. Империалисты той и другой страны как бы перебрасывались мячом. Сопротивление Тирпица любому существенному сокращению намеченного законопроекта (согласие на небольшое снижение темпов строительства судов было бессмысленно[2]) решающим образом облегчило позицию тех деятелей Форин офиса, которые крайне

[1] Связанные с этим технические вопросы (весьма существенные с точки зрения специалистов) выдвигались Тирпицем на передний план только для того, чтобы замаскировать свою истинную цель: продолжать гонку морских вооружений с Англией. Это явствует из документов (T i r p i t z, Aufbau usw., S. 218), где Тирпиц разъясняет рейхсканцлеру, что он не может отстаивать свой законопроект в рейхстаге, основываясь на технических мотивах, ибо они представляются второстепенными.

[2] Как явствует из заметок лорда Холдена (BD, VI, № 506, II), во время своей беседы с кайзером он стремился умерить германские требования относительно расширения флота. Однако он достиг весьма мизерных результатов (незначительное продление сроков строительства трех кораблей). Само собой разумеется, Холден заявил кайзеру, что он доложит своему правительству о минимальных условиях, на которые согласна Германия. Он добавил, что лично готов всемерно содействовать достижению взаимопонимания. Кайзер со свойственным ему как сангвинику наивным романтизмом принял все это как результат своего личного влияния и решил, что победа уже одержана. Сообщение рейхсканцлеру о разговоре с Холденом (GP, 11359, Вильгельм II — Бетману, 9 февраля 1912 г.) напоминает «veni, vidi, vici» сообщения из Бьёрке.

Как и в случае с этим сообщением, так и теперь сработал психологический фактор. Произошло это в тот самый момент, когда, так сказать, мистический успех кайзера был сведен на нет дипломатическими возражениями другой стороны. Вместо «молниеносной победы» начались кропотливые переговоры, заметно осложнившиеся в связи с распрями между ведомством иностранных дел и военно-морским ведомством. Здесь-то и пригодились бы Вильгельму II высокие умственные качества. Но неврастеническая натура кайзера не отвечала этой задаче даже в отдаленной степени. Руководители военно-морского ведомства весьма искусно использовали заранее предвиденный ими психический коллапс Вильгельма. На все лады они твердили монарху, как в Лондоне саботируются «соглашения», достигнутые между ним и Холденом (см., между прочим, T i r p i t z, Aufbau usw., S. 292 ff.).

неохотно и лишь под сильнейшим внутри- и внешнеполитическим давлением[1] дали своему посланцу полномочия достигнуть договоренности. Еще год назад Бетман, предаваясь самым смелым мечтам, не отваживался даже помыслить о чем-либо подобном[2]. В Берлине противнику отнюдь не старались облегчить отступление. Напротив, его атаковали[3] и тем самым вынуждали к самообороне. И вот неожиданная случайность — внезапно проявившаяся готовность России пойти на уступки в Персии[4] — принесла успех. То, что Германия потеряла за одну минуту, она никогда уже не смогла обрести вновь. Тирпиц считал, что отныне англичане, присмирев, станут ручными. Но ничего похожего не случилось: англичане оставались твердыми и безмолвными. В конце концов, когда в марте Германия всевозможными способами продемонстрировала свою отрицательную позицию в вопросе о флоте, Англия, вняв робким заклинаниям из Парижа[5], придала своему политическому соглашению с немцами такой расплывчатый характер, что рейхсканцлер счел ненужным пойти даже на те небольшие уступки, которые он посулил Холдену[6].

Этим успехом Тирпиц был обязан в первую очередь капитану II ранга Виденману. Если бы не дипломатическое искусство последнего, германо-английское соглашение, возможно, было бы все же достигнуто — разумеется, при условии отказа от законопроекта о строительстве флота. Германский посол в Лондоне, которому так и не удалось добиться своевременного удаления этого опасного человека из английской столицы, щедро подслащивал пилюлю, но не мог предотвратить того, чтобы кайзер, совершенно беспомощный духовно, постепенно не сдался под градом донесений, сыпавшихся на него из Лондона[7]. Робкая попытка канцлера добиться у кайзера

---

[1] См. в числе прочих материалов примечание Кроу на меморандуме Холдена (BD, VI, № 506; BD, VI, № 504, Гошен — Никольсону, 10 февраля 1912 г., а главное — BD, VI, № 509, Берти — Никольсону, 11 февраля 1912 г.), где миссия Холдена охарактеризована как «глупый шаг», который, видимо, должен был порадовать радикалов, стремившихся ниспровергнуть Грея. Оба этих частных письма позволяют судить и о настроении адресата, чья политика и без того достаточно известна.

[2] В ходе прежних переговоров британская дипломатия была, как известно, готова заключить соглашение лишь с целью ослабления действовавшего в Германии закона о строительстве флота. Теперь же она могла удовлетвориться существующим положением, лишь бы не был принят новый законопроект (см. документы, которыми был снабжен Кассель: GP, 11347, указания Бетмана от 29 января 1912 г., Приложение I).

[3] О постепенном изменении основы переговоров см. тонкий анализ меморандума Холдена, сделанный Кроу, BD, VI, № 506. Вот фраза, выражающая сущность его оценки всего вопроса: «Это куда более плохая сделка, чем любая другая из многочисленных сделок, ценою которых нас уже так часто уговаривали купить немецкую дружбу» (BD, № 529, меморандум Меттерниха от 6 марта 1912 г. Anm.).

[4] Этот момент вполне обоснованно подчеркивается издателями GP, 31. Bd., S. 131, Anm. Процитированное там сообщение Бенкендорфа Сазонову от 10 марта 1914 г. (в новом издании — стр. 302), равно как и другое сообщение от 18 февраля (в новом издании — стр. 312), где совершенно открыто говорится, что после состоявшегося русско-английского соглашения британские интересы в Персии полностью удовлетворены, представляются в высшей степени доказательными.

[5] Речь идет об известных опасениях Франции, что Англия может внять давнишней просьбе Вильгельмштрассе и на случай войны пообещает Германии «благожелательный нейтралитет». Эта формула представлялась Форин офису не менее отвратительной, чем самим французам; и все же, пойди Тирпиц на еще большие уступки, это осложнило бы положение английских империалистов в их же правительстве.

[6] См. GP, 11406, Бетман — Меттерниху, 18 марта 1912 г.

[7] Донесения Виденмана представляются подлинными шедеврами искусства использовать любые высказывания англичан для доказательства необходимости расширять германский флот. Если английская пресса бушевала, то Виденман заявлял: «Эта бессмысленная ненависть заставляет нас строить дальше». Если она утихала (GP, 11327, 9 декабря 1911 г.), он писал: «Англия не желает раздражать Германию, чтобы та не продолжала строительство своего флота». Если английский министр выступал с предложением об обмене информацией о флотах, Виденман тут же доносил, что Англия хочет добиться выгод за счет Германии (см. GP, 11334, Anm. I). Если Англия предлагала уступки в колониях,

защиты ведомства иностранных дел от атак военно-морского ведомства или хотя бы наложения небольшого монаршего взыскания на Виденмана[1] лишний раз подтвердила полное бессилие ведомства иностранных дел, зависевшего от инстанции, сумевшей узаконить политику «маятника». Попытка статс-секретаря фон Кидерлена убедить деятелей военно-морского флота отказаться от флотского законопроекта во имя внешнеполитических соображений[2] при данных обстоятельствах была заранее обречена на полный провал. Когда в связи с визитом Холдена Лондон прислал письмо, содержавшее критику законопроекта о флоте, Тирпиц так искусно разыграл гнев и возмущение, что даже канцлер и тот заколебался[3]. В конце концов фон Кидерлен, это «длинное недоразумение» с Вильгельмштрассе, чувствуя, как почва уходит у него из-под ног, подал заявление об отставке. Тирпиц, уже торжествовавший было полную победу, испугался, как бы в последнюю минуту не остаться на бобах. Он решил прибегнуть к тому же оружию: к отставке — этой ultimo ratio ministrorum. Тут вмешались высшие власти — надо было спасать промышленность и флот. Карета, влекомая взмыленными лошадьми, примчала к подъезду имперской канцелярии самое супругу кайзера. Она прибыла сюда, дабы самолично подвигнуть утопающего канцлера на борьбу с Англией[4]. В ответ на это «злой гений флота» галантно поцеловал ей руку «от имени Германии»[5].

Правда, оглашение законопроекта все оттягивалось, поскольку англичане еще не дали ответа на предложение немцев вновь рассмотреть всю совокупность военно-технических и политических вопросов с первоначальных позиций. Однако представителям военно-морского флота уже не было надобности продолжать свою агитацию, надрывая глотки до хрипоты. Возобновившееся англо-русское сближение в Азии уже к середине февраля заставило умолкнуть те империалистические круги, которые выступали против британского кабинета в связи с его позицией в персидском вопросе. Надо заметить, что их махинации явились одной из причин поездки Холдена в Германию. С другой стороны, грандиозная пропаганда, развернутая военно-морским ведомством в немецкой печати, например в «Лейпцигер иллюстрирте», «Дейче ревью», «Гренцботе» и т. д.[6], подкрепленная соответствующими донесениями английских дипломатов в Германии[7], лишила английский кабинет последних остатков иллюзий, что Германия даст Англии возможность снизить расходы на флот в угоду радикальным сторонни-

---

военно-морской атташе резюмировал: «Англичане хотят вывернуться». Если Англия угрожала усилить собственные вооружения в случае принятия Германией законопроекта о строительстве флота, это характеризовалось как блеф (GP, 11334, Anm. II). Когда Холден просил в Берлине отказаться от этого законопроекта, Виденман и Тирпиц мгновенно выработали контрформулу, означавшую дальнейшее вооружение (см. GP, 11335), и т. д. Нужно постоянно помнить, что формула Тирпица предусматривала два корабля к трем в пользу Германии. В то время вряд ли можно было допустить, что английское правительство согласится на подобное вооружение Германии, да еще в придачу пойдет на заключение политического соглашения.

[1] См. Tirpitz, Aufbau usw., S. 294 f.

[2] Ibid., S. 290 f.

[3] Ibid., S. 314 f. Я не могу останавливаться здесь на деталях этой борьбы. Как известно, кайзер потребовал ответить довольно резким контрмеморандумом, призванным дезавуировать миссию Холдена. Понятно, что это должно было привести к множеству трудностей для ведомства иностранных дел. Дело дошло до того, что кайзер, всецело находившийся в руках военно-морского ведомства, отдал германскому посольству в Лондоне прямое приказание немедленно вручить меморандум и опубликовать законопроекты о вооружении. Вслед за этим автоматически последовало заявление канцлера об отставке.

[4] См. Tirpitz, Aufbau usw., S. 324.

[5] Ibid., S. 295.

[6] Ibid., S. 296.

[7] См. BD, VI, № 527, Грэнвиль — Грею, 29 февраля 1912 г. и BD, VI, № 528, Актон — Кроу, 2 марта 1912 г. (во втором документе содержатся в высшей степени характерные замечания).

кам правительства. Следовательно, было еще меньше смысла, чем раньше, согласиться на желаемую Германией формулу нейтралитета и, таким образом, ущемить русских и французских союзников Англии. После того как английский ответ получил весьма красноречивое подтверждение в речи морского министра Черчилля, в которой он обосновал свой бюджет (18 марта 1912 г.), Германия опубликовала наконец свои законопроекты об армии и флоте (22 марта). Последний большой внешнеполитический торг между Германией и Англией закончился провалом[1].

Новый рейхстаг и двойная программа вооружений 1912 года

Казалось, состав нового рейхстага, избранного 12 января 1912 года под знаком кризиса в Марокко, давал возможность покрыть ассигнования на армию и флот совершенно в духе статс-секретаря Вермута благодаря новой формулировке закона о налоге на наследство, отклоненного в 1909 году. Ведь в новом рейхстаге 110 социал-демократов и 90 либералов обоих направлений, противостоявшие 70 консерваторам и 93 клерикалам, составляли решающее левое большинство, чего и следовало ожидать после того, как развалилась консервативно-либеральная предвыборная коалиция, существовавшая во времена избирательного блока этих партий.

Правда, теоретически существовавшее левое большинство могло быть на практике действенным только в том случае, если бы оно проявило намерение проголосовать также и за военно-морскую программу. Однако этого нельзя было ожидать. Национал-либералы со своими сорока пятью мандатами решили исход голосования. Если бы они, как следовало предполагать, пожертвовали налогом на наследство ради осуществления военно-морской программы, то мертворожденным ребенком оказался бы план Бетмана — Вермута, направленный на то, чтобы задушить флотский законопроект с помощью угрозы ввести налог на наследство. В связи с таким поворотом дел пошатнулось положение Вермута, жесткая финансовая политика которого соответствовала антиаграрным и проанглийским интересам немецкого финансового и торгового капитала. В конце концов Вермут в марте подал в отставку и вскоре был за свою антифеодальную финансовую политику вознагражден избранием на пост обер-бургомистра Берлина[2].

Поскольку Национал-либеральная партия знала о соблазнительных требованиях строительства броненосцев, трудно было ожидать, что она вызовет кризис кабинета из-за налога на наследство, тем более что как раз

---

[1] Здесь я намеренно обхожу колониальный вопрос, поскольку он представляется второстепенным с точки зрения разбираемой мною главной проблемы. С социологической точки зрения существенно то, что заинтересованные группы, которые добивались создания «германской колониальной полосы» в Африке, разумеется, не оставались бездеятельными и во время кризиса. То, что Кюльман, невзирая на все противоречия, все же удержался на своем посту в Лондоне, объясняется, по всей вероятности, поддержкой заинтересованных кругов, стоявших за его спиной. Все газеты той поры буквально кишели различными «трансафриканскими» проектами. Пангерманцы, которые в 1911 г. всячески поносили эти проекты, мешавшие проведению той марокканской политики, какую отстаивали они сами и братья Маннесманы, теперь стали постепенно менять свою позицию. Д-р Ф. Хэнш, референт Пангерманского союза по колониальным делам, поставил ведомству иностранных дел соответствующие условия (см., между прочим, «Альдейче блеттер» от 2 марта 1912 г.). Пангерманские круги выступали главным образом против осуществления английского проекта прокладки железной дороги из Капштадта в Каир. Возможность строительства такой дороги рассматривалась английскими империалистами как предварительное условие намеченного сотрудничества с Германией.

[2] См. W e r m u t h, op. cit., S. 311 ff. u. 317 ff.

в течение этих месяцев крыло партии, связанное с тяжелой промышленностью, прижало к стенке младолибералов, главных сторонников налога на наследство в рядах этой партии[1]. Благодаря этому Бетман снова обрел бóльшую свободу действий; отказ от всяких помыслов о налоге на наследство дал канцлеру возможность привлечь на сторону правительства, кроме Центра, также и аграриев, которые не только по соображениям налогового характера, но и из страха перед возможной потерей власти относились с опаской к проекту основательного увеличения армии с его уравнительными, нивелирующими и поэтому демократизирующими последствиями для армии. Не меньшие опасения внушал этот законопроект и правительству, которое уже было не в состоянии избавиться от злых духов, вызванных им на помощь против маринизма.

Бетман и консерваторы выступили единым фронтом против нового Военного ферейна[2]: как раз в это время (28 января) генерал Кейм, старый специалист по агитации в пользу вооружений, организовал в Берлине первое большое собрание этого союза, который отнюдь не был первоисточником современного демагогического империализма, но тем не менее явился его видимым внешним воплощением[3].

Как ни враждебно относился именно канцлер к новой организации и ее планам, все же в конечном счете сухопутные вооружения были ближе его сердцу, чем военно-морская программа. В связи с общим обострением империалистических противоречий на западной и восточной границе, на Балканах и на Востоке проекты, выдвинутые армией, представляли в большей мере финансовую, чем политическую проблему. И консерваторы должны были наконец сказать себе, что с увеличением численности армии на 29 тысяч человек еще не достигнута возможная граница для ее увеличения и демократического разжижения. Подобное мероприятие трудно было отклонить такой партии, которая совместно со своим капиталистическо-феодальным ответвлением — Имперской партией — контролировала все руководящие гражданские и военные посты в империи и Пруссии.

Таким образом, судьба двойного военного законопроекта (в апреле в рейхстаг поступила и флотская и армейская программы) теперь зависела только от того, как удастся решить вопрос о покрытии расходов после падения статс-секретаря Вермута и крушения его финансового проекта, который провалился в Союзном совете 14 марта[4]. Однако можно было обойтись без ненавистного для армии и флота статс-секретаря казначейства с тем большей легкостью, что независимо от ожидавшегося превышения доходов над расходами в бюджете для покрытия расходов по военным законопроектам было подготовлено действительно изящное, ловко состряпаное решение[5], которое правящим классам ничего не стоило и, сверх того, выглядело привлекательно. Аграрии внезапно отказались от давно уже вызывавшей нападки льготы для производства спиртных изделий.

Благодаря этому ловкому шахматному ходу всякая парламентская оппозиция против военного законопроекта — если ее вообще следовало опасаться — была задушена в зародыше, поскольку подарок аграриям,

---

[1] Schulthess, 1912, S. 92 f.

[2] См. Keim, op. cit., S. 177 f.

[3] У Кера (Kehr, Klassenkämpfe) Военный ферейн остается несколько подчеркнуто на втором плане. Военные законопроекты 1911—1913 гг. были в конечном счете не только плодом ведомственной политики генерального штаба, но одновременно плодом агитации за его пределами. Эта агитация в свою очередь имела существенные социологические и экономические причины, и ее вдохновители имели возможность лично влиять на генеральный штаб. Военно-стратегические проблемы, которые должен был разрешить генеральный штаб, находились в еще более тесной связи с основами внутренней политики и с проблемами внешней политики, чем это вытекает из статьи Кера.

[4] См. Wermuth, op. cit., S. 313, а также Schulthess, 1912, S. 79, 88 u. 96 f.

[5] «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» v. 15.3.1912.

а именно освобождение от налога на спиртные изделия в пределах определенного количества производимой водки, являлось в течение десятилетий излюбленным объектом нападок левых партий в ходе их борьбы против привилегий прусского феодального государства! Парламентское левое крыло могло сразу разгадать, что отказ аграриев от подачки вовсе не являлся жертвой с их стороны, ибо теперь, после картелирования винокуренного промысла, возмущавший всех подарок государства аграриям расценивался ими самими не как полученная льгота, а скорее как премия тем, кто не вошел в картель[1]. Все же парламентская оппозиция была почти лишена возможности разъяснить своим избирателям, что отмену знаменитой специальной премии аграриям теперь надо рассматривать как дар данайцев, предназначенный для того, чтобы, создав финансовые возможности для усиленной подготовки войны, тем самым обречь народ на гибель. Оказавшись перед альтернативой: либо volens nolens «получить в подарок» военные законопроекты, либо их оплатить, оппозиция просто-напросто капитулировала.

В результате был полностью предопределен исход прений по военным законопроектам, первое чтение которых рейхстаг начал в апреле. К тому же империалистические противоречия достигли той специфической степени напряженности, которая характерна для всего периода с конца 1911 и до 1914 года и даже для тех месяцев, когда были менее заметны обычно бросающиеся в глаза черты международной напряженности.

При этих обстоятельствах другие партии не поддержали вовремя социалистов в рейхстаге. Создание сухопутной армии, направленной против Франции и, во всяком случае, против России, не вызвало в буржуазном лагере никакого сопротивления. Если буржуазное крыло осмеливалось выступать с критикой, то она касалась характера германо-английских отношений. Ведомство иностранных дел явно стремилось продолжать на парламентской арене битву из-за законопроекта о флоте, проигранную ведомством на главном поле военных действий. Во всяком случае, резкая журналистская

---

[1] Рассматриваемая как подарок, особая льгота и без того потеряла для прусских аграриев свое прежнее значение, поскольку количество спирта, которое они выгоняли, во много раз превысило свободный от налогового обложения контингент. Согласно сообщению «Кёльнише цейтунг» от 17 марта 1912 г., консервативный депутат рейхстага Крет, директор управления по производству спирта в Объединении немецких фабрикантов спиртных напитков, заявил 23 февраля 1912 г., что остэльбские винокуры легко перенесли бы отмену «подачки». Повышенная цена при реализации продукции (она должна была бы учесть отмененную премию) явилась бы для них компенсацией за неизбежное сокращение потребления.

Центральное управление по производству спирта (согласно соображениям фон Гетца Брифса в статье за подписью H. St. в журнале ««Спиритус индустри») было заинтересовано в сокращении производства и в изъятии винокурен из сельскохозяйственного производственного процесса. Центральное управление и крупные винокуренные предприятия, участвовавшие в этой политике, выступали также против всяких мероприятий, насаждавших производство вне картельного соглашения; тем самым они выступали и против приспособленного к сложившимся условиям возобновления подачки (Брифс, стр. 719); более того, они были совершенно согласны с отменой подачки и в этом случае не приносили никакой жертвы. Политика центрального управления по производству спирта, направленная на сокращение продукции, всемерно поддерживалась государством.

В связи с этим все проблемы обращались в свою противоположность; см., например, характерную статью в «Норддейче альгемейне цейтунг» от 19 марта 1912 г.: «...в течение десятилетия так называемая подачка неизбежно служила поводом, чтобы заклеймить «алчность аграриев», удовлетворяемую за счет других налогоплательщиков... Теперь правительство намерено предложить отмену подачки. Тотчас же изменилась ситуация. Теперь отмена потеряла всякую цену, подачка превратилась в защиту потребителя». Поэтому во время дискуссий в рейхстаге рейхсканцлер был вынужден упрашивать левое крыло, чтобы оно по-прежнему отрицательно отнеслось к подачке, что вызвало веселое оживление среди правых депутатов.

Главным заинтересованным лицом в имперской политике по вопросам винокурения был наряду с депутатом Кретом г-н Людвиг Каценеленбоген, который нажился на посту председателя наблюдательного совета Управления по производству спирта.

атака против имперского морского ведомства, предпринятая швабским демократом Конрадом Хаусманом еще в начале апреля 1912 года, до прений в рейхстаге, была, по общему мнению, делом видных швабов на Вильгельмштрассе[1]. Поэтому исключительную резкость речи Хаусмана по поводу военных законопроектов[2] (и соответствующую атаку Мюллер-Мейнингена[3]) следует, пожалуй, объяснить тем, что ими была получена информация из официальных источников.

Защищаясь от нападений левого крыла демократов и социал-демократов, оратор которых, Гуго Гаазе, выступил против создания третьей эскадры, но не менее резко и против сухопутных вооружений[4], Тирпиц имел возможность опираться не только на национал-либералов, их лидера Бассермана[5] и маленькую группу Имперской партии[6], но, кроме того, и на Центр, который заранее обеспечил себе заметный успех благодаря характеру финансового покрытия и крушению проекта налога на наследство[7]. Маттиас Эрцбергер, выступая в своей боевой речи как сторонник вооружений, поддержал лидера национал-либералов Бассермана, который в речи по поводу бюджета заявил: чем меньше рейхстаг будет говорить о вопросах разоружения, тем лучше[8]. Переход Эрцбергера на позиции восторженного сторонника вооружений стал заметен еще в 1911 году и вызвал тем большее удивление, что тогда еще не было известно, что Эрцбергер попал в руки Тиссена[9]. Политическое лицо ораторов, которых Центр выдвинул для выступления в прениях по вопросам вооружений (Эрцбергер и Петер Шпан), служило порукой тому, что законопроект о флоте будет беспрепятственно принят. Петера Шпана можно было и без того считать преемником Франца Либерса в вопросах флота. А Эрцбергер уже давно поддерживал начинания имперского морского ведомства. Что касается мелкой буржуазии и рабочих, примыкавших к Центру, то, поскольку использование доходов по бюджету на военные программы лишало их надежды на снижение существующих

[1] См. журнал «Мерц» от апреля 1912 г. Главный редактор «Кёльнише цейтунг» Поссе заметил по этому поводу: «В общем и целом совершенно верно».

Статья Хаусмана содержала весьма подробные данные о деятельности имперского военно-морского ведомства и ссылалась, между прочим, на мартовский номер журнала «Юбералле», который открыл ураганный огонь против Англии и поместил на шестнадцати страницах объявления верфей Шихау и Круппа! Против статьи Хаусмана в числе других выступили «Пост» (9 апреля) и «Гамбургер фремденблат» (11 апреля). При этом «Гамбургер фремденблат» цитировала «Теглихе рундшау», которая утверждала, что инициатором нападения был Кидерлен.

[2] Хаусман в рейхстаге, 24 апреля 1912 г.

[3] Мюллер-Мейнинген, там же, 22 апреля 1912 г.

[4] Гаазе, там же, 22 апреля 1912 г.

[5] Бассерман в рейхстаге, 22 апреля 1912 г.

[6] От имени Имперской партии выступал 22 апреля депутат барон фон Гамп-Массауен (Гамп, представитель чиновной бюрократии из дворянского сословия, зять Фридриха Байер-Леверкузена, крупного акционера химических предприятий в Эльберфельде, вложившего также большие капиталы в спиртовую промышленность). Следовательно, Гамп был особо заинтересован в разработке военного законопроекта. Он считался самым богатым человеком в Западной Пруссии.

[7] Провалу налога на наследство особенно рад был баварский Центр, который всегда охотно оказывал поддержку прусским аграриям в их борьбе против имперского налога на недвижимое имущество. Баварский министр-президент граф Хертлинг мог рассматривать падение Вермута как свой личный успех, между тем как баварские либералы выражали недовольство.

[8] Эрцбергер в рейхстаге, 24 апреля 1912 г.

[9] Согласно показаниям Августа Тиссена на процессе Эрцбергера против Гельфериха, можно считать, что начало сотрудничества между Эрцбергером и Тиссеном надо отнести примерно к 1908—1909 гг. В 1911 г. сотрудничество уже должно было быть весьма активным. Его проявления носили как отрицательный (Центр теперь зачастую выступал за «свободную конкуренцию» в военной промышленности), так и положительный характер. Как известно, Эрцбергер позднее вошел в состав наблюдательного совета предприятий Тиссена и весьма последовательно «обрабатывал» своих коллег, пропагандируя аннексию Лонгви и Бриё.

косвенных налогов, их пытались утешить тем, что приняли платоническую резолюцию рейхстага относительно введения в будущем налога на имущество. Во втором чтении, в мае, военные законопроекты вызвали некоторую критику — в основном у одних только социалистов. Давно миновали времена, когда антиимпериалистическая оппозиция аграриев проявлялась в иной форме, кроме как в отдельных заверениях «Крейццейтунг», что будут отклонены все претензии, идущие дальше требований правительства[1], или в подчеркнуто сдержанной позиции фракции консерваторов во время прений. Рейхстаг почти без сопротивления оформил все те законопроекты, которые хотя и не породили существовавшую с осени 1911 года напряженность, но по меньшей мере усилили ее[2]. То же самое можно сказать и о германском Военном ферейне, который играл роль подлинного выразителя идей германского империализма и милитаризма и на деле являлся воплощением этого нового политического организма.

Пропаганда неограниченного осуществления всеобщей воинской повинности восприняла все идеи девяностых годов, которые временно были отброшены из-за связанных с ними социальных опасностей. Обострение трений и обусловленная ими агитация за массовую армию ставили под угрозу не только «национальную надежность» войск, но и прежнюю монополию прусского дворянства на занятие офицерских должностей[3].

Увлеченный проблемой создания современного аппарата массовой войны и находившийся под влиянием буржуазных элементов — таких, как полковник Людендорф, творец следующего крупного военного законопроекта[4], — генеральный штаб не был склонен считаться с социальной проблематикой, но военное министерство, тесно связанное в парламентской и общественной жизни с консерваторами, сохраняло по отношению к Военному ферейну столь же сдержанную позицию, как и Консервативная партия. Впрочем, в первом воззвании Военного ферейна[5] отсутствуют не только видные имена из старого консервативного лагеря, но и обычные известные имена представителей тяжелой промышленности. По-видимому, промышленники, являвшиеся закулисными покровителями Кейма во времена Флотского союза, не последовали за ним, когда он «дезертировал» из флотского лагеря в лагерь чистых милитаристов; по крайней мере они не сделали этого до тех пор, пока законопроект о флоте 1912 года не был окончательно принят. Таким образом, в период обострения империалистических противоречий на долю Национал-либеральной партии выпала в первую очередь задача внешнеполитической обороны. Эта партия ввела в Военный ферейн заместителя председателя партии депутата Пааше и выступала совершенно так

---

[1] Упомянуто в речи Гуго Гаазе в рейхстаге 22 апреля 1912 г.

[2] Издержки в связи с военными законопроектами составили с 1912 по 1917 г. 230 миллионов марок в обычном бюджете и 650 миллионов сверхбюджетных расходов.

Программа увеличения армии предусматривала:

1) быстрейшее проведение закона от 1911 г. о призыве на действительную службу в армию;

2) дополнение закона об армейском контингенте мирного времени путем формирования двух новых корпусов с использованием уже имевшихся в наличии двух отдельных дивизий, дислоцированных на востоке и на западе (таким образом, в данном случае нужны были только два новых штаба корпуса и два штаба дивизии);

3) учреждение 7-й армейской инспекции с целью формирования третьих батальонов в еще не укомплектованных пехотных полках;

4) формирование полевой артиллерии, необходимой для новых дивизий, а также саперных и обозных батальонов для новых корпусов;

5) формирование нового прусского кавалерийского полка;

6) создание пулеметной роты для каждого пехотного полка.

С военной точки зрения речь в данном случае шла, по существу, о самом главном; радикальной перестройки армии пока воздержались.

[3] K e h r, Klassenkämpfe, S. 405.

[4] Ibid.

[5] См. K e i m, op. cit., S. 174 ff.

же, как Военный ферейн, за полное осуществление всеобщей воинской повинности[1]; но с полным восторгом был принят второй крупный законопроект этого года, который как в материальном отношении, так и в отношении численности открыл значительно большие перспективы, чем первый[2].

Как бы то ни было, известно, что особенно трудно разгадать политику промышленных концернов[3]. В те годы движение в пользу армии не только отражало вновь обнаружившиеся германо-французские экономические и империалистические противоречия, но еще более их обострило. Даже вполне беспристрастный французский военный атташе Пелле, признававший обоснованность заботы Германии о своей военной защите на континенте, в конце концов не мог отказаться от того, чтобы потребовать дальнейших французских вооружений[4]* в ответ на увеличение германской армии

Германская двойная программа вооружений, особенно в части, касающейся флота, фактически дала толчок вооружениям и строительству флота, находившемуся в функциональной зависимости от этой программы[5]; тем не менее увеличение германской армии, хотя и вызвало соответствующую встречную тенденцию во Франции, первоначально все же не повело там к увеличению численности армии.

Социологический характер эры Пуанкаре

С 15 января 1912 года во Франции находился у власти третий «большой кабинет министров» Третьей республики — camaraderie самых крупных фигур палаты депутатов, желавших быть en vue в качестве возмож-

[1] Бассерман в рейхстаге, 23 апреля 1912 г.

[2] Первоначально новая гвардия Кейма состояла главным образом из генералов, чиновников и профессоров.

[3] Из этого не следует, что их надо оценивать по схеме: quid non in actis, non est in mundo. Теперь вернее обратное! Во всяком случае, косвенные указания свидетельствуют о том, что поворот промышленности в пользу Военного ферейна начался довольно рано. Так, уже в марте 1912 г. газеты индустриального центра Дюссельдорфа рассылали своим читателям в собственной бандероли формуляры Военного ферейна (FD, 3, Serie II, S. 161, Пиньо — Пуанкаре, 5 марта 1912 г.).

[4] Впрочем, можно заметить, что как раз армейские и морские офицеры, представлявшие усиленно соперничавшие между собою страны, относились друг к другу с особенно подчеркнутой любезностью. Ведь каждое увеличение армии или флота в одной стране неизбежно усиливало давление в пользу их увеличения в другой стране. Подобные соображения образуют «социологический фундамент» для сердечных отношений, например между Тирпицем и командующим английским флотом Вильсоном; доклады Пелле проникнуты тем же духом (FD, 3, Serie I, S. 351). Пелле в письме Мессами от 16 декабря 1911 г. распознал континентальные черты, свойственные новому военному духу. «Здравый смысл народа,— говорит он,— в этом случае подтверждает правду. Поражение на море не представляет опасности для Германии, а вторжение уничтожило бы ее».

См. далее, какие выводы, полезные для французской политики вооружений, сделал Пелле в FD, II, App. 1 и 2, и особенно FD, 3, Serie II, S. 285, Пелле — Мильерану: «Германия сильнее и вооружена лучше. Надо добиться обратного соотношения».

В исторических работах представляется целесообразным игнорировать вопрос о «достаточном» и «недостаточном» уровне вооружений — ведь для этого нет объективной меры. Надо только в каждом случае установить, какой народ или какая часть населения считала, что ей угрожает опасность, кто зарабатывал на вооружениях и, наконец, как дополняли друг друга интересы обеих групп. Таким образом, в этой работе по ходу изложения речь идет исключительно о проблеме: какие слои населения в отдельных случаях составляли социологическую основу различной политики в вопросах вооружений и различных теорий по вопросам вооружений?

[5] См. Winston Churchill, Die Weltkrisis 1911—1914, Leipzig 1924, 1. Bd., S. 79 ff., 89 ff.

* Позднейшие доклады Пелле составлены в более резком тоне, например в DD, 3-me serie, vol. 3, № 45, 26.5.1912. Прием, оказанный немецкой общественностью сочинениям генерала фон Бернгарда, заставил Пелле задуматься.

ных кандидатов на президентский пост, который вскоре должен был освободиться. Руководителем правительства был представитель французского империализма, «человек сильной руки» Раймон Пуанкаре. Опубликование германского двойного законопроекта о вооружениях было для французского правительства подобного состава — как ни парадоксально это звучит — в целом скорее приятным событием, ибо освобождало Францию от опасений, что между Германией и Англией будет согласована формула нейтралитета, которая лишила бы Францию возможности получить английскую вооруженную поддержку, если бы Франция начала наступление через Бельгию в соответствии с планом начальника генерального штаба Жоффра[1]*.

Германская программа вооружений была весьма желанным событием и для вдохновителей нового наступательного духа, дававшего себя знать при соответствующих дипломатических переговорах с успехом насаждаемого во французской армии Александром Мильераном, военным министром при Пуанкаре. Ничто так сильно не облегчало империализму выполнение своих задач в какой-либо стране, как значительные вооружения в соседнем государстве. Таким образом, летом 1912 года правительство Пуанкаре неутомимо шагало вперед. Крушение миссии Холдена укрепило Антанту. Франко-английское военно-морское соглашение являлось обязательной предпосылкой для усиления английского линейного флота в Балтийском море, подготовленного Уинстоном Черчиллем тотчас же после того, как не удалось договориться с Германией. Если бы Англия вывела свой военный флот из Средиземного моря, тогда защиту английских позиций в Средиземном море от Гибралтара до Суэца против обеих держав из Тройственного союза само собой пришлось бы взять на себя французам, которые в свою очередь опять же зависели бы от помощи Англии для прикрытия их северного побережья от германского флота. Правда, в результате позиции парламента английская дипломатия была лишена возможности зафиксировать нечто подобное в письменном соглашении, тем не менее дипломатия Пуанкаре наконец «вырвала» — не хочется отказаться от такого дипломатического выражения — у английского министра иностранных дел знаменитое письмо от 22 ноября 1912 года, которое теоретически оставило Англии свободу рук, а фактически связало ее с Францией**, ибо самое пацифистское правительство Англии ни при каких обстоятельствах не могло мириться с тем, чтобы на французском северном побережье, теперь оставшемся без защиты французского флота, в случае войны господствовала Германия — ее армия или флот[2].

Раз уж наметился такой поворот, то в известной мере само собой разумелось, что Франция взяла на себя и защиту русских против форсирования Проливов Австрией или Италией и должна была создать военно-морскую угрозу на их левом фланге в случае мировой войны. Это было закреплено в особой русско-французской морской конвенции, которую Пуанкаре снова пытался дополнить, когда во время своего посещения России в августе 1912 года поднял вопрос о русско-английских морских переговорах. Последовательно проводя эту дружественную в отношении России политику, Кэ д'Орсэ пожертвовало даже послом в Петербурге Жоржем Луи, чье упорное сопротивление русской политике в вопросе о Проливах и в Восточной Азии, как-никак, вполне соответствовало интересам

---

[1] Подробнее об этом см. B a c h, Frankreich und die Verletzung der belgischen Neutralität в K-BM, 1931, S. 462 ff.

[2] В отношении дипломатических и военных деталей я основываюсь на книге S i d n e y B. F a y, The Origins of the World War, New York 1929, 1. Bd., p. 317 ff.

* См. также S. W u l l u s-R u d i g e r, La Belgique et l'équilibre européen, Paris 1935.

** Это подтверждается DD; см., например, интересный доклад П. Камбона — Пуанкаре в DD, 3-me serie, vol. 4, № 301, 31.10.1912.

французской финансовой аристократии в Турции и Китае[1]*. Видимо, поэтому Пуанкаре, остерегаясь парламентских закулисных покровителей своей жертвы, окончательно решился сменить посла в Петербурге только после своего избрания на пост президента республики[2].

Все эти дипломатические маневры, благодаря которым после 1912 года Франция, Англия и Россия все сильнее наступали на позиции Центральных держав[3], сопровождались начиная с последних недель марокканского кризиса все громче звучавшей военной музыкой intra muros et extra. Вновь введенные в парижском гарнизоне парадные военные сборы создавали подходящий аккомпанемент грому пушек, который не прекращался в течение всего 1912 года.

Парады в Венсенне стали теперь чуть ли не более интересными, чем скачки в Лоншан. Жужжание самолетов, этого нового, четвертого оружия французов (ради его усиления тогда по всей Франции громыхали кружками для сбора пожертвований), служило для боязливого буржуа подтверждением, что на страже его покоя стоит опекаемая государством промышленность[4].

---

[1] Подлинной причиной ненависти чиновников [у автора — русское слово «чиновник».— *Ред.*] и Сазонова к Луи было, несомненно, сопротивление, оказанное им русским попыткам в интересах Русско-Азиатского банка, тесно связанного с крупным промышленником Путиловым, взорвать так называемый «концерн четырех держав» по китайским делам (см. об этом GP, Кар. CCLV und CCLVIII, а также E. J u d e t, Georges Louis, Paris 1925, p. 85 and 95 ff.). Эти более глубокие причины агитации против Луи, конечно, не снимаются ссылкой на то, что русская секретная служба неправильно расшифровала депеши, отправленные Жоржем Луи в Париж. В своей борьбе на Кэ д'Орсэ Ж. Луи располагал поддержкой Ф. Бертело (S t i e v e, Iswolski und der Weltkrieg, Berlin 1924, S. 122 ff.), подлинного основателя китайского «консорциума четырех». Бартело, видимо, и в финансовом смысле был заинтересован в деятельности консорциума, и его политика полностью соответствовала интересам французской группы, входившей в консорциум (Banque de l'Indo-Chine et Comptoir Nationale d'Escompte). По-видимому, и Жозеф Кайо принадлежал к этой финансовой группе.

С другой стороны, Русско-Азиатский банк — таран, направленный против консорциума,— являлся руководящим империалистическим частным предприятием высшей бюрократии Петербурга. Представитель этого банка в Китае фон Гойер приходился двоюродным братом начальнику российской кредитной канцелярии Давыдову (GP, 11909, Хаксхаузен — Бетману, 18 июня 1912), который осенью того же года был послан российским комитетом министров в Париж, чтобы по указанию Извольского и в сотрудничестве с Пуанкаре подкупить французскую прессу в пользу русских интересов (S t i e v e, II, S. 324 ff.). В те годы Извольский действовал в вопросах китайской политики как прямой агент этого предприятия, связанного через директора Путилова и со Шнейдером-Крезо; спустя короткое время, в период балканских войн, этот банк проник и в Турцию, причем расчистить ему дорогу в этом направлении должен был Извольский, поощряемый итальянским золотом, которым наполнял его карманы итальянский посланник в Париже. Именно эта турецкая политика Извольского наносила ущерб интересам французских финансовых консорциумов, на поддержку которых, вероятно, и мог рассчитывать Ж. Луи в начале своей борьбы против Пуанкаре, Извольского, Сазонова и Титони.

[2] Тактика Жюде при его нападках на Пуанкаре по делу Луи весьма характерна для бесплодных приемов в общепринятой полемике по вопросу об ответственности за войну. Вместо того чтобы сосредоточить внимание на анализе социологических основ дела, фактически только и представляющих интерес, Жюде, считая эти социологические моменты настолько само собой разумеющимися, что они в его глазах не являлись «событием», направил всю свою критику против внешних приемов в поведении и тактике, а в этой области Жюде по меньшей мере не может сравниться с Пуанкаре. См. изложение дела в «Воспоминаниях» Пуанкаре (немецкое издание —1. Bd., S. 240 ff.).

[3] Приводимые здесь данные об укреплении Антанты имеют по необходимости совершенно фрагментарный характер, ибо исследование вопроса об «ответственности за войну» не является моей задачей. В данном случае для меня дело заключается в том, чтобы воспроизвести отдельные симптомы напряженности, более глубокие причины которой имеют подлинно существенное значение.

[4] Réveil National 1912 г. уже не раз было описано. См. в этой связи хотя бы J o a c h i m K ü h n, Der Nationalismus im Leben der Dritten Republik, Berlin 1920, S. 58 ff., глава 146 с ссылкой на некоторые литературные источники.

* Документальные материалы по делу Жоржа Луи имеются в DD, 3-me serie, vol. 3, например № 138, циркуляр Пуанкаре, в котором содержатся данные об экономической подоплеке дела.

При рассмотрении связи между этим подъемом военных настроений — Réveil National 1911—1912 годов — и его экономическими предпосылками само собой обнаруживаются более глубокие причины этого движения и германо-французского кризиса тех лет, при анализе которого с самого начала надо иметь в виду, что производство оружия всех видов является все же лишь одной, хотя и важной стороной общего процесса промышленного развития.

Этот общий процесс промышленного развития протекал в Германии и во Франции по-разному, и это различие вместе с различием, обусловленным другими социологическими фактами, являлось причиной франко-германских противоречий, которые не прекращались в течение всего периода новой истории[1].

В целом существовало большое различие между социологической структурой Франции и Германии, поэтому германская аннексия Эльзас-Лотарингии не породила эти естественные противоречия, а лишь усилила их. С другой стороны, как раз вследствие существования этих противоречий эльзас-лотарингская проблема приобрела специфические черты проблемы неразрешимой.

Победа Германии в 1870 году принесла Франции не только внешнеполитические, но и экономические тяготы. Торгово-политические постановления Франкфуртского мира привели к тому, что побежденная страна оказалась под гнетом германского индустриального государства. Вызванный этим национализм французской промышленности противодействовал имевшимся возможностям к преодолению германо-французских противоречий путем установления связей между французским финансовым капиталом и германской индустрией. С тех пор как англичанам удалось помешать осуществлению наполеоновского плана объединения континента под единым руководством, развитие промышленного капитализма на континенте привело не к централизации и объединению, а к разделению. Вместо того чтобы объединиться, капитал в различных странах стал хозяином государственного аппарата, а разрешение противоречий он искал на поле битв.

Если перед войной 1870 года французская крупная промышленность в союзе с Наполеоном III протянула из Лотарингии руку к немецкому углю в Сааре, то перед мировой войной, наоборот, крупная промышленность Германии пустила в ход германский государственный аппарат, чтобы обеспечить за собой лотарингскую руду. При таких напряженных отношениях, само собой разумеется, нельзя было и думать о размещении германских ценностей в Париже, а это было бы самым действенным средством для установления связей между обеими странами. Даже космополитическая французская финансовая аристократия, готовая на любую сделку, которая приносит прибыль, была скована своими связями с государственным аппаратом и своей заинтересованностью в колониях и могла только тайно предоставлять наследственному врагу денежные суммы, в анонимной форме — краткосрочные кредиты через Швейцарию и Голландию, причем финансистам необходимо было помнить о том, как важно считаться с настроениями в стране. Средний француз — мелкий буржуа с сильными собственническими инстинктами, зачастую более шовинистически настроенный, чем правящие классы других стран, — никогда не согласился бы на то, чтобы дове-

---

[1] Конечно, эти различия не могут служить объяснением различий в языке, расе, религии и культуре, и само собой разумеется, что различия между нациями и борьба наций имеют место на всем земном шаре при совершенно различных обстоятельствах и социологических условиях. Хотя эти общие формы проявления борьбы между нациями дают возможность сформулировать некоторые социологические правила, тем не менее почти в каждом отдельном случае эта борьба имеет свое собственное лицо, которое определяется именно индивидуальными условиями.

рить свои сбережения именно наследственному врагу, который в случае войны мог бы их прикарманить.

Такое положение благоприятствовало политике царизма, который после изгнания русских с берлинского рынка в конце восьмидесятых годов пытался не только вторгнуться во французскую финансовую сферу, но даже монополизировать ее. Систематическое воздействие России на французскую прессу в интересах размещения царских займов одновременно шло на пользу и французской индустрии, ибо между обрабатывающей промышленностью Франции и германскими предприятиями продолжалась самая ожесточенная борьба. Поэтому промышленные круги Франции, исходя из своих потребностей в вооружении и сырье, должны были препятствовать всякому сближению с Германией. Центром особой вражды к Германии был Париж, где находилась самая прославленная в мире промышленность по производству предметов роскоши, являвшаяся поставщиком заграничных рынков, и, следовательно, поставщиком избранных кругов Антанты наряду с элегантными и враждебно относившимися к Германии парижскими предместьями, где царили аристократия и клерикализм.

Но если сближение с Германией оказалось невозможным, то некоторые существенные черты, присущие Франции, в силу которых она могла бы дополнять Германию, теперь обернулись против нее. Прежде всего, несмотря на промышленную революцию, Франция в основном осталась крестьянской страной, сохранила тот отпечаток, который наложила на нее Французская революция и освобождение крестьян. При таких обстоятельствах французская промышленность, работавшая на внутренний рынок, получила сравнительно слабое развитие[1]; с другой стороны, католицизму с его по существу антикапиталистической, аграрной этикой удалось, несмотря на Французскую революцию и официозный радикализм в вопросах религии, утвердиться и в таких кругах, которые официально не хотят ничего знать о господе боге.

Атакуемый франкмасонством католицизм превратился в сильнейшего союзника групп, свергнутых в 1789 году. Этот преимущественно крестьянский характер населения Франции был, как известно, причиной того, что в XIX веке и в начале XX столетия рост населения во Франции почти приостановился. Западноевропейский крестьянин со своей прогрессирующей цивилизацией желал в отличие от крестьян Восточной Европы дать возможность своим потомкам закрепить высокий standard of life[2], свойственный Западной Европе.

Тот факт, что во Франции не было прироста населения, явился источником серьезных забот для французской промышленности, ибо ощутительно сужался рынок сбыта и уменьшались резервы рабочей силы. Этот фактор имел также решающее влияние на проблемы обороны Франции, тем более что у ее германского соседа с его расцветающей промышленностью и плодовитым пролетариатом население из года в год увеличивалось на 800 тысяч человек. Таким образом, социологическая структура обеих стран неизбежно порождала все большую напряженность в их взаимоотношениях.

---

[1] См. в том числе Ungern-Sternberg, Grundzüge der französischen Volkswirtschaft 1913 bis 1927, 2 Auflage 1927, S. 17 ff.

В этой книге хорошо подмечены основы французской общественной структуры; мне представляется правильным указание на специфическую антииндустриальную этику, однако автор оставляет открытым важный вопрос, в какой мере эта этика, несомненно способствующая сохранению нынешнего французского крестьянства, является плодом тех особых условий, в которых может жить французский крестьянин в отличие от крестьян Восточной Европы.

[2] Весьма показательно, что во времена усиленной индустриализации после войны, то есть преимущественно в период восстановления северных французских областей, снова усилился и рост населения Франции.

Германская промышленная экспансия во Францию

Всеобщий промышленный подъем в XX столетии был особенно заметен в Германии, и не случайно последний гигантский подъем перед войной обозначился в момент значительного ухудшения германо-французских отношений в конце 1911 года[1]. Этот экономический подъем неустанно создавал для растущего милитаризма средства, которыми он никак не мог бы располагать во времена депрессии[2], одновременно этот подъем вызвал усиленный спрос на сырье и тем самым повел к усиленному проникновению германской тяжелой промышленности в обе Лотарингии[3]. Во Франции с испугом констатировали, что отечественные рудные богатства оказались во власти германских концернов, таких, как концерн Тиссена, «Гельзенкирхенер бергверкс-АГ», «Феникс бергбау», «Хердер ферейн», «Хаспе», «Хёш», «Крупп» и «Братья Рёхлинг»[4]. Уже в 1907 году 28,6 процента разведанных месторождений вокруг Бриё находилось в руках немцев[5].

Непосредственно перед войной в Нормандии около восемнадцати отведенных для эксплуатации участков площадью 7300 гектаров и около половины имевшихся там рудных месторождений находились под немецким контролем. Август Тиссен, «хозяин замка в Ландсберге», постепенно стал во Франции легендарной фигурой. Впрочем, не следует думать, что это вторжение германской тяжелой промышленности во Францию вызывало у французской тяжелой индустрии одни лишь враждебные чувства. Французская металлургия во Французской Лотарингии, нуждавшаяся в рурском угле, как в хлебе насущном, особенно хорошо знала, что Франция и Германия созданы, собственно, для того, чтобы друг друга экономически дополнять, да и Август Тиссен в мирных условиях охотнее всего эксплуатировал бы

---

[1] Об этом см. Arthur Feiler, Die Konjunkturperiode, 1907—1913, Frankfurt a. M. 1914, S. 91.

[2] См. Kehr, Klassenkämpfe, S. 402 f.

[3] Для оценки промышленного подъема могут служить следующие цифры.

Добыча каменного угля в Германии возросла со 143 миллионов тонн в 1907 г. до 191 миллиона в 1913 г., следовательно, округленно, на одну треть. За это же время добыча бурого угля поднялась с 62,5 миллиона тонн до 87 миллионов, следовательно, на две пятых. Добыча чугуна выросла в Германии с 13 миллионов тонн в 1907 г. до 19,3 миллиона в 1913 г.

Урожайность за этот период также необычайно выросла. Производство пшеницы поднялось с 3,48 до 4,66 миллиона тонн, ржи — с 9,76 до 12,22 миллиона. Поступление от грузооборота составили в 1908 г. 1716 миллионов марок, а в 1913 г.—2252 миллиона.

Новые крупные банки Берлина располагали в 1907 г. вкладами до 3,5 миллиарда марок, а в конце 1913 г.— до 5,5 миллиарда (цитируется почти текстуально по книге A. Feiler, op. cit., S. 171).

[4] Ungern-Sternberg, op. cit., S. 21.

[5] В Валлерой Рёхлинги проникли в «Сосьете дез Асьери де Лонгви»; в Ярни и Сенси проникли «Феникс», Хаспе и Хёш. В Марвиле засел «Омец-Фриде» (Петер Клёкнер), в Мутье — компания «Дейче-Люксембургише бергверкс-АГ» (Стиннес), в Конфлансе — Штумм-Диллинген, а в Серрувиль — «Дейче-Люкс».

Во всех этих случаях участие германских концернов выражалось во вложении капитала, но уже существовали обширные районы, которые стали непосредственной германской собственностью. Так, «Феникс бергбау» совместно с «Хердер ферейном», Хаспе и Хёшем обосновались в Нормандии, например в Сен-Андре, Мальто, Бульи, между тем как Тиссен, к примеру, владел 2155 гектарами в Лотарингии — в Жуавиле, Батии, Булинье. Акционерная компания «Гельзенкирхенер бергверкс-АГ» владела огромными рудными месторождениями около 2 тысяч гектаров, а в Лотарингии — вокруг пунктов Сен-Пьермонт, Сексей, Отлей, Сен-Жан, Сен-Барб, Крюнс и Вийерюп. Впрочем, германская промышленность не могла проникнуть в департамент Мерт и Мозель, который крепко держала в своих руках французская тяжелая индустрия (см. Bruneau, op. cit., p. 78. Из работы Брюно взяты и другие данные, приведенные в этом примечании). Представитель этого департамента Лебрен являлся одним из столпов кабинета Пуанкаре.

Из числа вновь открытых рудных месторождений в Нормандии Тиссен контролировал больше одной шестой. Принадлежавшие ему важнейшие концессии были расположены в районе Перьер, Сумон и Диэлетт (25 километров от Шербурга).

свои рудные месторождения во Франции[1]. Но, с другой стороны, вследствие своей заинтересованности в вооружениях как французская, так и германская тяжелая индустрия являлись сильнейшими подстрекателями национализма в обеих странах. Пока оставались в силе германо-французские противоречия, даже «мирная» экспансия во Францию таила как для германской, так и для французской индустрии серьезные опасности, которым обе стороны могли противопоставить лишь укрепление своей военной силы. Следовательно, и в этом случае создавался порочный круг! Ведь существовало не только германо-английское, но и германо-французское, как, впрочем, и германо-русское, «друг против друга — совместно друг с другом».

Кроме опасений, что Германия наложит руку на французскую руду, Франция, и особенно французская обрабатывающая промышленность, испытывала страх перед конкуренцией германской индустрии как таковой: ведь германская промышленность могла развертывать свое производство на базе большого резервуара рабочей силы и использовать высокую покупательную способность внутреннего рынка для образования картелей. Во Франции не было равноценных организаций, которые противостояли бы германским картелям. К ужасу французов, компания «Гельзенкирхен» уже крепко обосновалась в Арденнах, в Обрив и Вильерюп[2], а доменные печи Тиссена уже дымили близ Кайен в Нормандии. Огромное предприятие «О фурно э Асьери де Кайен» обнаружило и в финансовом и в промышленном отношении свое громадное превосходство над аналогичными французскими предприятиями, такими, как металлургические предприятия в Лонгви, в Мишевиле или известное предприятие по производству вооружений «Асьери де ля марин э д'Омекур». Нельзя было избежать наводнения Франции изделиями германского машиностроения[3].

---

[1] См., например, рассуждения B r u n e a u (op. cit., p. 16): [Les maîtres des forges Lorrains] «declarent que pour eux... la question de la pénetration allemande ne peut se poser et que pour eux le fait même de tenter d'en mesurer l'étendue ne saurait que leur être au plus d'un point nuisible». Франция и Германия зависят друг от друга, Франция не может существовать без немецкого угля.

С другой стороны, см. высказывания А. Тиссена у J u l e s H u r c t, In Deutschland, Berlin, 1907, 1. Bd., S. 244: французские предприятия во Французской Лотарингии служат доказательством того, как полезно было бы, если бы между Германией и Францией установились вполне дружественные отношения. «Они [то есть французы] имеют в Лотарингии необычайно много железа, но у них нет угля, в то время как мы располагаем излишком угля, но не имеем железа. Поэтому совершенно необходимо, чтобы обе наши страны находились не только в мирных, но и в дружественных отношениях!»

[2] B r u n e a u, op. cit., p. 119.

[3] Ibid., p. 178 ff. «Оборудование почти всех французских фабрик и заводов и всех горнорудных предприятий, доменных печей, машиностроительных заводов, текстильных фабрик, швейных предприятий, предприятий бумажной промышленности, химической промышленности, мельниц и т. п.— это оборудование в значительной части поступало из-за границы, и притом в последние предвоенные годы во все большем количестве из Германии (U n g e r n-S t e r n b e r g, op. cit., S. 23). Например, известным электротехническим фирмам удалось найти сбыт для динамомашин и моторов различного размера для электростанций и шахт. Компрессоры, локомотивы, работающие на сжатом воздухе, большие вагранки, установки для промывки угля в шахтах в Анзене, Ленце, Лиевене и других пунктах, поступали во все увеличивающемся количестве из Германии. Немецкий уголь и кокс направлялись главным образом в департамент Мерт и Мозель, железоделательные и стальные заводы в Бриё и Лонгви получали из Германии вентиляторы, краны, моторы, оборудование для мартенов, прокатные станы, грузоподъемники для домен и т. п. Предприятия в департаменте Норд и Па-де-Кале за последние годы, предшествовавшие войне, также стали солидными покупателями германских изделий, предназначенных для оборудования предприятий. В 1912 и 1913 гг. Германия поставила во Францию всевозможных машин, округленно, в тридцать пять раз больше, чем Франция в Германию. В 1912 г. вывоз из Франции в Германию составил 2 миллиона марок, а ввоз из Германии — 69,9 миллиона марок. Все крупнейшие германские химические фабрики имели отделения во Франции. Как выразился однажды Лушер, «Франция обменивала свою руду на локомотивы».

Из памфлетов, с помощью которых французский национализм боролся против германского индустриального вторжения, можно назвать, например, работу L é o n

Перед французской промышленностью стояла двойная задача: надо было противодействовать германскому проникновению к источникам сырья и бороться с опасным в военном отношении подрывом французской обрабатывающей промышленности. Конечно, этими проблемами определялся и характер германской внутренней политики. Вся дикая фантастика пангерманских планов аннексии, непосредственно предшествовавшая началу войны, была бы просто немыслимой без предыдущего германского экономического вторжения во Францию. Однако это германское давление на Францию и Французскую Лотарингию было для Франции тем более неприятным, что и французская тяжелая промышленность, подобно германской, перенесла центр тяжести своей деятельности с угля на железную руду, следовательно, из Ле-Крезо во Французскую Лотарингию и Нормандию[1]. Таким образом, непрерывное усиление германской мощи за последние предвоенные годы угрожало главным центрам важнейших отраслей французской промышленности. Стратегически эти центры были расположены так неблагоприятно, как только можно себе представить. Лонгви и Бриё могли уже через несколько часов после объявления войны Германией оказаться в руках последней[2]. Вполне понятно, что пограничные департаменты и промышленные круги стремились к тому, чтобы отвоевать Лотарингию, и не успокоились, пока Мец не оказался снова в руках французов. Мец в руках Франции — это означало установление французского контроля над крупнейшим в Европе железорудным бассейном, и наоборот, Верден, оказавшийся в руках немцев, дал бы Германии возможность экономического господства над континентом. Таким образом, французская промышленность рассчитывала обеспечить себя источниками руды с помощью гонки вооружений. А с точки зрения Крезо, вооружения представляли ту выгоду, что облегчали укрепление позиций его концерна, которые находились под угрозой в связи с перемещением основных производственных центров[3]. В предвоенные годы этот ведущий военно-промышленный концерн употребил чрезвычайные усилия, чтобы с помощью «Комитэ де форж» поставить французские правительства под свой контроль. «Ревей насьональ» в 1911—1912 годах явился отчасти результатом этих усилий; его отличительной внешней чертой была кампания в пользу французского воздушного флота, сопровождавшаяся обычной коррупцией[4].

Конечно, во Франции, и особенно в упомянутых нами кругах, вдвойне радовались тому, что в обетованной стране по ту сторону Вогезов, у французов, видимо, появился союзник: в Эльзас-Лотарингии началось брожение.

Daudet, L'Espionage Juif—Allemand en France. Доде, известный французский националист, был, насколько мне известно, представителем Шнейдера-Крезо в Будапеште.

[1] См. A. Raffalovich, Le marché financier; Année économique et financière XXII, 1912/13, Paris 1913, p. 302... Le Creusot est de plus en plus concurrencé par les grandes usines de l'Est et du Nord pour la fabrication des produits communs et il a dû se spécialiser de plus en plus dans les produits des usines à ce point de vue ses perspectives de développement sont beaucoup moindres des sociétés rivales».

[2] Во время мировой войны эти районы и в самом деле оказались в руках Германии. Позднее французские социалисты в палате депутатов решительно обвиняли французских промышленников в том, что они заставили французское военное командование при всех атаках щадить эти индустриальные центры, чтобы сохранить в неприкосновенности собственность промышленников; в результате было оставлено без внимания то обстоятельство что, отобрав у немцев Лонгви и Бриё, французы лишили бы их важнейшей сырьевой базы (см. речь депутата Барта во французской палате депутатов 25 января 1919 г.).

[3] Пора настоящего кризиса наступила для Крезо лишь во время войны, когда лотарингский железорудный бассейн попал в руки немцев и Франция была вынуждена прибегнуть в качестве единственного выхода к эксплуатации предприятий, находившихся в неоккупированных районах.

[4] См. в этой связи высказывания Пенлеве во французской палате 18 июля 1913 г. изложенные в «Фоссише цейтунг» 19 июля того же года.

Пенлеве предложил дать парламентской комиссии поручение установить контроль над расходами на армию, чтобы помешать злоупотреблениям, какие наблюдались, например, при закупке лошадей, самолетов, приобретении участков для аэродромов и казарм.

Оппозиция в Эльзас-Лотарингии

Движение, которое в течение семи лет, предшествовавших войне, давало себя знать в имперских владениях (Эльзас-Лотарингии), если его рассматривать в целом, представляло собою полную аналогию с пробуждением ирредентизма в тогдашней Австрии. Местное население, сохранившее свою самобытность, ясно отдает себе отчет в том, что постепенно ухудшается внешнеполитическое положение той власти, которая управляет страной. Оживляются надежды населения на самостоятельность, на автономию, растет недовольство, питаемое поддержкой братьев по ту сторону границы. Более болезненно, чем прежде, воспринимается вмешательство пришлой администрации, в частности, германской таможенной политики, которая тормозила развитие основной отрасли Эльзаса, текстильной промышленности в Мюльхаузене. Если здесь, в Эльзасе, капиталистическое развитие, пожалуй, было ограничено воздействием прусско-немецкого государственного аппарата, то в Лотарингии, во все большей степени превращавшейся в часть рейнско-рурской области, процесс капиталистического развития, наоборот, явился не всегда популярным союзником государственного аппарата, и поэтому многие из возникших социальных и религиозных антипатий были направлены здесь одновременно против старо-Германии, которая начала эксплуатировать богатые месторождения ископаемых в завоеванных провинциях[1].

Понятно, что в этих условиях процветали местные эльзасские партии и эльзас-лотарингский центр во главе с Риклином и депутатом Веттерле и что введенная в 1911 году конституция, призванная наверстать упущенное, не могла одним ударом за короткий срок, предшествовавший мировой войне, устранить недовольство местного населения. Тем не менее было бы неправильно считать довоенную Эльзас-Лотарингию целиком настроенной профранцузски. В промышленных районах особенно рабочие умели ценить те преимущества, которые несет с собой принадлежность к огромному экономическому району Германской империи, а католицизм, влияние которого охватывало четыре пятых территории этих провинций, учитывал, что его положение в Германии во времена Бетман-Гольвега было не столь уж плохим, чтобы стоило менять Германию на светскую республику по ту сторону Вогезов. До войны эльзас-лотарингское движение было не сепаратизмом, а лишь местным партикуляризмом, впрочем, чрезвычайно усилившимся под влиянием исторических традиций и оборонявшимся против пруссачества, которое объединило эльзасские сады и лотарингские рудники в единый укрепленный район, где прусская военщина устраивала учения, направленные против той страны, с которой Эльзас в течение двухсот лет делил горе и радость.

Экономическое укрепление русско-французского союза

Как бы то ни было, при создавшемся международном политическом положении французская буржуазия, особенно в пограничных провинциях, постоянно возвращалась к воспоминаниям о потерянных территориях, и это было столь же естественно, как и усиление собственных вооружений Франции и укрепление отношений Франции с ее союзником на востоке.

---

[1] О настроениях в имперских провинциях см. хотя бы у Яффе (F r i t z J a f f é, Zwischen Deutschland und Frankreich: Zur elsässischen Entwicklung, Stuttgart 1931, S. 335.).

Усилению этого союза способствовали не только миллионы, которые из года в год перекачивались из Франции в кассы царского министра финансов. Русско-французский союз весьма основательно укрепляли также частные капиталовложения французских банков и отдельных лиц. При этом французскому финансовому капиталу было весьма удобно, что в период высокой конъюнктуры, начиная примерно с 1910 года, когда поднялся интерес к усиленным инвестициям, сама Германия переживала беспримерный экономический подъем и была занята своими делами. Во всяком случае, Антанта сумела за последние предвоенные годы одолеть Германию на рынке русских займов[1]. К началу большой войны контролируемая из-за границы часть русского банковского капитала распределялась так: во французских руках находилось примерно 53,2 процента, в английских — 10,4, во владении немецких банков — 36,4 процента. Следовательно, отношение к германскому капиталу было как 63,6 к 36,4[2]. Кроме непосредственного контроля над важнейшими русскими банками, который вел к французскому контролю над теми предприятиями, в которых принимали участие эти финансовые институты, для международных отношений имело важное значение то, что французские банки непосредственно финансировали русскую и преимущественно южнорусскую промышленность. Три парижских банка, прозванные в России парижским банковским трио — «Банк де Пари э де Пэи-Ба», «Сосьете женераль», собственный банк Шнейдера-Крезо, и «Банк дел унион паризьен»,— крепко держали в своих руках южнорусскую промышленность[3].

С помощью контроля над Русско-Азиатским банком и Петербургским Частным коммерческим банком «Сосьете женераль» и «Унион паризьен» в первую очередь овладели русскими верфями, расположенными у Балтийского моря, и известным предприятием в Николаеве, у Черного моря. Перед войной в капитале, вложенном в русское судостроение, германская доля, главным образом банка «Дисконтогезельшафт», составляла 23 процента, а французская — 77 процентов. Необычайно большой была французская заинтересованность в южнорусской угольной промышленности.

[1] По данным М. Н. Покровского (стр. 536), при основании русских банков в 1907—1908 гг. из общего количества выпущенных акций 81,5 процента было размещено в Германии и только 18,5 — во Франции. С 1910 по 1912 г. при подобной же эмиссии ценных бумаг германская доля составила 38,8 процента, французская — 56,8, а доля английского капитала, впервые принявшего участие в этом деле, равнялась 4,4 процента.

[2] Эти и последующие данные о финансировании банков и предприятий в самой России предоставил в мое распоряжение д-р Михаил Бухштаб, в прошлом деятель русской сталелитейной промышленности.

[3] Это трио контролировало, в частности, металлургический и сталелитейный завод в Брянске с капиталом в 41 миллион рублей, металлургические и сталелитейные заводы в Дружковке с 7,5 миллиона рублей капитала, предприятия в Юрьевке (Донецкий бассейн) с капиталом в 22 миллиона рублей, металлургические заводы в Суле с 7 миллионами рублей и в Таганроге с 21 миллионом капитала, наконец, южнорусские заводы с капиталом в 15 миллионов рублей, компанию в Кривом Роге с 5 миллионами капитала и Русское страховое общество с 14,5 миллиона капитала. Некоторые из капиталовложений осуществлялись совместно с «Сосьете женераль Бельж». Вообще бельгийский капитал играл значительную роль в Южной России. В целом в 1914 г. из 16 металлургических заводов в Южной России 13 с акционерным капиталом в 170,5 миллиона рублей принадлежали франко-бельгийской банковской группе. Производство чугуна в южнорусской группе составляло 66,8 процента его производства во всей России. Большинство сталелитейных предприятий владело собственными железными рудниками и угольными шахтами, причем после 1908 г. стала давать себя знать сильная тенденция к вертикальным связям, хотя договор о формальном создании треста, проект которого был составлен 8 марта 1908 г. в Брюсселе, не был реализован из-за сопротивления потребителей и правительства. Но де-факто южнорусский трест существовал и действовал. Германский капитал в Южной России отступил на второй план. В то же время он закрепил за собой ведущую роль в русской Польше, где металлургические предприятия находились преимущественно под контролем Немецкого банка. В целом участие французского и английского капитала в русской металлургии в первой половине 1914 г. может быть оценено в 79,3 процента против 10,5 процента германского участия.

Уже в девяностых годах XIX столетия франко-бельгийский капитал обосновался в Донецком бассейне. Перед мировой войной французские и бельгийские банки прямо или косвенно держали в своих руках 95 процентов всего акционерного капитала, в той части, которая находилась под международным контролем,— а это было почти всеобщим явлением (около 80 процентов всего капитала). 56,5 процента всей продукции Донецкого бассейна добывалось только на предприятиях, принадлежавших «Банк де Пэи-Ба», «Сосьете женераль» и «Контуар насьональ д'эсконт».

Впрочем, и германский капитал наложил руку на угольную промышленность. Это относится прежде всего к шахтам в русской Польше[1]. Однако самые ожесточенные германо-французские экономические бои происходили из-за русских железных дорог. Русско-Азиатский банк под руководством военного промышленника Путилова и Санкт-Петербургский частный банк под руководством Давыдова[2] боролись с Санкт-Петербургским международным банком, который находился под управлением Вышнеградского и состоял в тесной связи с германо-русским консорциумом. В эмиссии русских железнодорожных ценных бумаг в Париже приняли участие «Банк де Пари э де Пэи-Ба», «Сосьете женераль», «Лионский кредит», «Контуар насьональ д'эсконт». Таким образом, знаменитое требование Пуанкаре, чтобы русские построили вторые пути на железных дорогах близ германской границы, одновременно соответствовало желаниям этих мощных банковских групп. Искусственно создавая спрос на финансирование русских железных дорог, эти банки стремились вытеснить отсюда германскую конкуренцию, используя при этом то обстоятельство, что при высокой конъюнктуре внутри страны международное финансирование было сопряжено для Германии с трудностями.

Политические проблемы, упомянутые выше, финансовые операции и непосредственно с ними связанное финансирование российского государства — все это вместе взятое повело к тому, что интересы французских финансовых магнатов, а вместе с ними французских рантье во многих отношениях были направлены против Германии. Мы не станем останавливаться на том, что контролируемая Францией металлургия Донецкого бассейна должна была вести ожесточенную борьбу против германского ввоза и против контролируемых Германией «русских промышленных предприятий» в русской Польше. Независимо от всего этого французские банки уже потому были непосредственно заинтересованы в русской политике вооружений, что она укрепляла политические позиции французского империализма и облегчала политику в Вогезах, а сверх того открывала возможность получения заказов южнорусской промышленностью, а это в свою очередь имело ту привлекательную сторону, что тем самым в России увеличивался спрос на капиталы, на чем можно было прекрасно заработать, хотя и за счет мира в Европе. К тому же трения с Германией являлись основанием для русских морских вооружений, которые также опирались на южнорусскую промышленность и создавали угрозу Проливам, в которых засела Германия. С политикой России по вопросу о Проливах были связаны не только русские, но самым непосредственным образом и французские интересы. Многие французские банки и рантье нетерпеливо ждали, когда в результате принятия морской программы адмирала Григоровича Россия даст заказы донецкой промышленности и связанным с нею верфям в Николаеве. Последними управлял

[1] В 1913—1914 гг. германские инвестиции составляли там около 12 миллионов рублей из общего капитала в 29 миллионов рублей. Следовательно, и здесь непосредственно перед войной главенствовала Антанта.

[2] Характерным, например, является следующий эпизод: к 1911 г. Юго-Восточная железная дорога принадлежала Международному банку, акционеры которого располагали 57 процентами капитала. Однако уже в следующем году германская группа потеряла свою решающую позицию: предприятие возглавил консорциум Антанты, которому к 1913 г. принадлежало 100 процентов всего капитала.

совместно с г-ном Давыдовым французский парламентарий Думер* в качестве представителя «Сосьете женераль», а техническое руководство ими находилось в руках английской фирмы «Виккерс». Для определенных нерусских кругов Проливы как таковые приобрели «жизненное значение» вследствие заинтересованности этих кругов в экспорте южнорусского угля. Еще более были заинтересованы в Проливах Нобель и Ротшильд, экспортировавшие керосин, не говоря уже о том, что реализация и той доли русского экспорта, которую можно было считать чисто русской, а именно экспорта зерна, происходила при участии французов, поскольку вся южнорусская торговля зерном была сосредоточена в руках мощной фирмы Дрейфуса в Марселе[1]. Но и независимо от этих соображений почти вся Франция была заинтересована в том, чтобы русский колосс и особенно экономика Южной России не лишились окна в мир в результате вражеского контроля над Проливами.

Пуанкаре координирует интересы финансового и промышленного капитала

Однако активная русско-французская политика на Балканах сталкивалась с интересами французских капиталистов в Турции, причем это были частично те самые банковские институты, которые перекачали в Россию французское золото.

Это было не единственное противоречие: интересы различных групп французского ссудного капитала частично не совпадали, не говоря уже о том, что интересы французской промышленности, особенно военной, нередко оказывались в противоречии с общими интересами финансовых кругов. Так, например, в Китае «Контуар насьональ» и Индокитайский банк шагали плечом к плечу с Германией («Дисконтогезельшафт»), с Англией (Гонконгская и Шанхайская корпорации) и с Соединенными Штатами Америки (Морган плюс «Кун, Леб энд компани» под эгидой Джека Х. Шиффа) и совместно использовали бедственное положение, в котором оказался Китай в начале 1910 года, после происшедшей там революции. Эти группы столкнулись с Русско-Азиатским банком, который в действительности был вовсе не русским, а французским[2], так что в конце 1911 года на Кэ д'Орсэ — где Филипп Бертело обеспечивал интересы французских финансовых магнатов в Китае — выражали возмущение и жаловались по поводу «неблагодарности» Русско-Азиатского банка: ведь он был в конечном счете представителем интересов французского финансового капитала[3].

---

[1] Этот факт мне сообщил г-н А. Налбандов, в прошлом русский помещик.

[2] Русско-Азиатский банк, который был основан лишь в 1910 г., на 10 процентов контролировался следующими банками: «Банк де Пари э де Пэи-Ба», «Сосьете женераль» и «Хотингер Фрер». Кроме того, к французской группе принадлежали:

Санкт-Петербургский частный банк;
Московский частный коммерческий банк;
Азово-Донской коммерческий банк;
Сибирский торговый банк;
Киевский частный коммерческий банк;
«Унион банк»;
Русско-Французский коммерческий банк;
«Лионский кредит»;
Купеческий банк в Ростове-на-Дону;
Купеческий банк в Лодзи.

[3] См. FD, 3, Serie I, № 448, де Сельвс—Жоржу Луи, 9 января 1912 г.

* Речь идет о Думерге, ставшем позднее президентом Франции и убитом в 1932 г.

Французский премьер после 1912 года Раймонд Пуанкаре был самым подходящим человеком, чтобы устранить описанные противоречия и одновременно способствовать деятельности французской военной промышленности на Дальнем Востоке[1], на Балканах, в России и в Турции[2]. Программа, с которой его «большой кабинет» выступил перед парламентом 13 января 1912 года, откровенно ставила своей задачей «сочетать финансовую силу Франции, ее столь важную опору, с военной и военно-морской силой, как двух дополняющих друг друга близнецов»[3].

Естественно, что такая программа полностью соответствовала интересам французской тяжелой промышленности как главного вдохновителя французского империализма и франко-русского союза. Правительство Пуанкаре усилило контроль тяжелой промышленности над государством. Правда, нелепо предполагать, что г-н Пуанкаре, представлявший в Парижском гражданском суде в качестве адвоката интересы лотарингской группы «Комитэ де форж»[4], соглашался и за проводимую им политику получать от клиентов вознаграждение звонкой монетой[5]. Вряд ли есть надобность в заверениях даже критически настроенных французов, чтобы убедиться в том, что Пуанкаре был personallement honnête. В известном смысле Пуанкаре даже является воплощением понятия буржуазной добропорядочности. Он никогда не взял и цента, если он ему не причитался. Однако, с другой стороны, нельзя предполагать, что как государственный деятель он игнорировал те мощные

---

[1] Французская военная промышленность в то время имела на Дальнем Востоке большие шансы на успех. Ее германский конкурент снабжал в Китае сначала императорский режим, а затем, во время революции,— Юань Ши-кая как представителя «спокойствия и порядка», что вызвало со стороны Китая угрозу бойкотировать немецкие товары. Германские позиции были подорваны и в связи с тем, что так называемый «синдикат четырех» своей хищнической финансовой политикой выкачал из Китая его последние ресурсы (GP, 11915, Хаксхаузен — Бетману, 23 февраля 1912 г.), однако германские фирмы не решались предоставлять займы революционному Китаю, и в результате иностранная конкуренция усиливалась (GP, 11781, Хаксхаузен — Бетману, 8 декабря 1911 г.).

[2] Французская военная промышленность, конечно, имела связи со всеми влиятельными в России банками. «Банк де л'унион паризьен» был связан с фирмой Крезо, «Лионский кредит» — с «Асьери де ле марин д'омекур», «Контуар насьональ д'эсконт» — с морскими верфями «Шантье де медитарене». Конечно, французские банки в России заботились о том, чтобы при передаче заказов за границу по возможности учитывались интересы французской промышленности. Кроме того, техническая организация так называемой русской военной промышленности обеспечивалась фирмой Крезо, которая была и непосредственно заинтересована в работе южнорусской промышленности (Крезо принадлежали заводы в Мариуполе. Но и в этом отношении| бывали исключения: «Сосьете женераль» и примыкавшая к ней большая группа имела более тесные связи с Виккерсом, чем с Крезо, что ясно обнаружилось перед войной, когда разыгрался шумный скандал вокруг Путилова.

[3] См. также M. C l a u s, Das politische Frankreich vor dem Kriege, Karlsruhe 1928, S. 41 ff.

[4] Соответствующие данные у M. C l a u s (S. 27) подтверждаются биографом Пуанкаре (S. H u d d l e s t o n, Poincaré, London 1924); на стр. 38 его книги говорится: «... The suggestion is that his policy has been influenced by personal interest... That he served his clients well when he was at the Bar and that these clients included some of the greatest industrial and commercial companies in France, is a fact. It is also a fact that the Comité des Forges possesses great political power in France. But of all the politicans with whom I am acquianted in France, M. Poincaré is indoubtedly the most honest...»

Это обычная манера опровергать утверждения, которых ни один серьезный критик не высказывал.

И Иоахим Кюн говорит о Пуанкаре: «На протяжении всей своей парламентской карьеры он никогда не переставал быть активным защитником интересов крупной буржуазии, из которой вышел сам. Пуанкаре обязан своей карьерой лотарингским промышленникам, и, видимо, он поддерживал также отношения с металлургическими предприятиями в Коммерси. Впрочем, для человека его типа это было только accidens substantia, неотъемлемой чертой, вытекающей из его натуры.

[5] Такое мнение — это надо подчеркнуть — относится только лично к Пуанкаре. Слишком часто французские политики проявляли способность искусно сочетать личные коммерческие дела с политикой. К тому же с формально юридической стороны разрешено многое такое, чего ни в коем случае нельзя одобрить с общественной точки зрения.

интересы влиятельной группы, юридическую правомерность которых защищал. Тяжелая промышленность, которая была его политической опорой, и в дальнейшем видела в Пуанкаре по меньшей мере свое доверенное лицо. Следовательно, и он и руководители тяжелой индустрии, бесспорно, одинаково понимали, что́ является благом для Франции. Друзья и враги, одни с шумной похвалой, а другие с решительным осуждением, но отнюдь не с меньшим уважением, усмотрели движущую силу политики Пуанкаре в идеологии Мориса Барреса, Шарля Морраса и лотарингского духовенства, короче говоря, лотарингского национализма, а последний, во всяком случае, мог скорее приблизиться к своей цели, если находился в союзе с теми силами, влиятельными группами и интересами, которые особенно преобладали именно в лотарингском избирательном округе Пуанкаре и среди его ближайшего окружения. В этой среде с понятием национализма было связано не только желание вернуть потерянные провинции, но и непосредственная заинтересованность в поставках вооружений во Франциии и за границей, равно как стремление к ничем не ограниченному господству над колониями — источниками сырья и рынками сбыта. Таким образом, государственным аппаратом овладела такая прослойка, которая понимала под французскими интересами нечто совершенно иное, нежели французские мелкие буржуа или рабочие. Во всяком случае, Жорес, находясь в Елисейском дворце, вел бы совершенно иную политику, чем Пуанкаре, который, идя на серьезный риск войны, втянул Францию в дела стран Балканского полуострова.

Политическая оппозиция со всей резкостью критиковала социальный характер правления Пуанкаре. Один из критиков[1], характеризуя систему правления, отмечал, что у власти стоит военная промышленность; она контролирует все государственные дела с помощью того самого круга людей, который во время первого кризиса в Марокко в 1905—1906 году, не спрашивая парламент и в такой момент, когда Германия уже отступала, ухитрился уплатить Крезо за поставки последовательно 30 миллионов франков, затем 110 и, наконец, еще 31 829 миллионов, хотя это предприятие сверх всего еще запросило более высокие цены, чем другие поставщики. Тогда, в 1905 году, за предоставление льгот и денег Крезо несли ответственность пять человек: военный министр Этьенн, министр Пуанкаре, председатель бюджетной комиссии Кошери, главный докладчик бюджетной комиссии палаты депутатов Пьер Боден и докладчик по финансовым вопросам Клоц. В 1913 году Этьенн снова был военным министром, его коллега Пьер Боден — морским министром, Клоц — министром внутренних дел, Кошери — председателем Национального банка, а Пуанкаре — президентом республики...

Действительно, социологические принципы правящей клики, окружавшей Пуанкаре, представляют величайший интерес. Не только он сам в своем продвижении на посты министра и президента республики опирался на поддержку тяжелой промышленности, на академиков и клерикалов, которые, как известно, находятся во Франции в тесной взаимосвязи, но и его camaraderie, пришедшая к власти вместе с ним, была со всеми этими силами в самой непосредственной связи. Первый военный министр при Пуанкаре Александр Мильеран был, подобно Пуанкаре, адвокатом фирмы «Шнейдер-Крезо»[2]. Кроме того, заняв пост президента, Пуанкаре передал свою крупнокапиталистическую клиентуру именно г-ну Вивиани, своему единомышленнику ко времени начала войны[3]. Преемником Мильерана в качестве военного министра, добившимся принятия парламентом закона о трехлетнем сроке военной службы, был Этьенн, главный проводник марокканской политики фирмы

[1] См. F. D e l a i s i, Le Patriotisme des plaques Blindées (Krupp, Schneider et Cie), Paris 1913, p. 28 ff.
[2] D e l a i s i, op. cit., op. 26 ff.
[3] G. L o u i s, op. cit., p. 179.

«Шнейдер-Крезо». В начале пребывания Пуанкаре на посту президента министром иностранных дел был Жоннар. Занимая пост генерал-губернатора Алжира и борясь за интересы Крезо, Жоннар вступил в конфликт с центральной властью во Франции. Влияние Жоннара определялось тем, что он был зятем крупнейшего финансиста Эйнара и шурином директора «Асьери де Сен-Этьен»; третьим сильным человеком в первом кабинете Пуанкаре был Делькассе, который и в качестве министра иностранных дел и в качестве морского министра в свою очередь защищал интересы французской тяжелой промышленности. Преемником Делькассе в Петербурге стал впоследствии ближайший сотрудник Пуанкаре Палеолог, который теперь (в 1932 году) возглавляет «Банк де л'унион паризьен» — собственный банк фирмы «Шнейдер-Крезо»[1].

Отметим напоследок, что докладчик «Закона о трех годах» Пьер Боден был председателем Франко-Американского банка и одновременно председателем Французского Флотского союза, тесно связанного с французской тяжелой промышленностью[2]. Первым официальным шагом Пуанкаре в качестве министра иностранных дел было выступление против Италии, которая захватила французские суда «Мануба» и «Карфаген» по подозрению в перевозке военной контрабанды и в совершении других действий, противоречащих нейтралитету в войне Италии с Турцией. Совершенно как когда-то Бюлов в деле бундесрата, Пуанкаре как искусный адвокат сумел сделать так, что формально его противник оказался неправ, и с тех пор никто не смел контролировать поставки французской военной промышленности в Турцию. Но гораздо более важной сферой операций французской тяжелой промышленности была Россия.

Знаменитая поездка Пуанкаре в Россию в 1912 году привела к двоякому успеху: позиции французского империализма были укреплены благодаря соответствующим советам, которые Пуанкаре дал России, а для французской промышленности открылось новое поле деятельности. Во всяком случае, контролируемые Францией южнорусские предприятия расширили свой сбыт. Проницательные критики поняли, что предоставление займа на строительство русских железных дорог по направлению к границе[3] не только пошло на пользу французским банкам, но благодаря этому средства из русского государственного бюджета могли быть использованы на вооружения, особенно на осуществление программы военно-морского строительства[4]. Во всяком случае, Пуанкаре в течение всей своей жизни оставался доверенным лицом французской тяжелой промышленности, которая стремилась не только к безопасности Франции, но и к завоеванию рынков сбыта во всем мире — в России, Марокко, на Балканах, а все это усиливало трения с Германией. Важнейшее дело Пуанкаре после войны — занятие Рура было совершено под прямым нажимом «Комитэ де форж»; уполномоченным Пуанкаре на посту посла в Берлине был в те дни Шарль Лоран, который ныне (1932 год) является представителем Шнейдера в правлении «Комитэ де форж»[5].

Впрочем, задачу, которую Пуанкаре сам перед собой поставил — примирение противоречивых интересов тяжелой промышленности и крупных банков, представлявших собой еще более мощную силу,— эту задачу порой было очень трудно разрешить. Поддержка России — например, в борьбе за Проливы — влекла за собой ту опасность, что в случае крушения Турции оказались бы под угрозой существенные французские интересы.

---

[1] Bourse et Republique — Louis Launay, Vaucresson № 379, 27.7.1932.

[2] D e l a i s i, op. cit., p. 226.

[3] Пуанкаре, как известно, отрицает, что он вел в Петербурге переговоры о займе, но требование строительства железных дорог влекло за собой предоставление займа.

[4] D e l a i s i, Le patriotisme des plaques Blindées (l'Affaire Poutiloff), Paris 1914.

[5] Согласно сообщению, по-видимому, хорошо осведомленного французского корреспондента в «Зюддейче зоннтагспост» от 21 июня 1932 г.

*Начало балканских войн**

Однако больше нельзя было откладывать общее решение этой задачи, этой антиномии, ибо уже невозможно было задержать распад Турции. С тех пор как в Раккониджи была достигнута договоренность, итальянцев ничуть не беспокоило, что Турция, которую они штурмовали, то и дело поправляла свои дела с помощью европейского капитала и что одновременно она, подобно плотине, приостановила русский напор на Дарданеллы. Западноевропейский капитализм мог, опасаясь за судьбу своих капиталовложений, вопить сколько ему угодно, присоединяя свой голос к голосам Центральных держав, непосредственно заинтересованных в Турции. Но это не могло заставить итальянские пушки замолчать и не могло повернуть назад русскую волну, которая еще более неукротимо катилась через турецкие развалины, после того как была на некоторый период приостановлена в связи с закрытием Проливов во время войны.

Как известно, русские использовали в качестве тарана против Турции балканские государства, а эти последние, как только прозвучали первые выстрелы в Триполи, пришли в такое неистовство, что русской дипломатии пришлось употребить весьма большие усилия, чтобы набросить лассо им на шею. Знаменитый сербско-болгарский тайный договор, воспреемниками которого были русские посланники в Софии и Белграде Неклюдов и Гартвиг, появился на свет 13 марта (29 февраля) 1912 года после почти шестимесячных подготовительных боев[1]. Этот договор был, вероятно, в меньшей степени плодом «расчетливой дипломатии», а в большей — вспомогательным средством, которое должно было служить «русскому феодальному милитаризму»[2] для того, чтобы избежать альтернативы между простым laissez-faire[3] и сознательным разжиганием европейской войны[4]; тем не менее можно было все же предвидеть, что в конце концов балканские государства вырвутся из сетей своих укротителей.

---

[1] Наиболее существенные подробности о предыстории балканского союза раскрывают, по данным книги G u é c h o v, «L'Alliance Balquanique», русские документы, переведенные с оригиналов, первоначально опубликованных в «Красном архиве» в К-ВМ, 1929, S. 699, 779, 899; далее К-ВМ, 1930, S. 459, 500; см. также стр. 964, 1070, 1184. По этому вопросу см. также S t i e v e-M o n t g e l a s, Russland und der Weltkonflikt, Berlin 1927, S. 43 ff.; F a y, op. cit., 1. Bd., S. 429 ff.

Сербско-болгарский договор, как известно, был не только оборонительным, но и наступательным союзом. На случай если бы союзники не договорились относительно времени нападения, договор передавал решение вопроса на усмотрение русских: им была предоставлена функция третейского судьи в случае возникновения в будущем спора при определении новой границы **.

[2] Эта меткая социологическая формула принадлежит М. Н. Покровскому.

[3] Политика laissez-faire означала бы вероятный провал нападения балканских государств и, возможно, вторжение Австрии.

[4] Вся тактика Сазонова была направлена на то, чтобы сделать невозможным иностранный контроль над Проливами. Из-за торгово-политических соображений и из страха перед восстаниями внутри страны царизм, конечно, предпочел бы достигнуть этой цели без кровопролития. Эта политика предполагала возможность «мировой войны» лишь в том случае, если бы цели нельзя было достигнуть без всеобщей войны.

* О балканских войнах вообще см. гарвардское исследование (E r n s t C h r i s t i a n H e l m r e i c h, The Diplomacy of the Balkan Wars, 1912—1913, Cambridge (Mass.) 1938). Книга содержит подробное описание событий в дипломатическо-политической сфере, но, конечно, не уделяет внимания социологическим основам. Из-за этого, а также в результате того, что автор явно оказывает предпочтение габсбургской империи, остается неосвещенным классовый характер и непостоянство тогдашней австрийской политики, и общая картина извращена не в пользу Антанты.

См. далее W. M. G e w e h r, The Rise of Nationalism in the Balkans, 1800—1930, New York 1931; A l b e r t L o n d r e s, Terror in the Balkans, London 1935; W e r n e r S c h r ö d e r, England, Europa und der Orient в книге «Beiträge zur Geschichte der nachbismarkischen Zeit», № 43, Stuttgart 1938.

** См. далее H e l m r e i c h, Кар. 1.

Если бы однажды балканские государства двинулись на Константинополь, а Центральные державы попытались восстановить статус-кво путем вторжения в Сербию, Россия этого не допустила бы не только из-за позиции панславян, но и в силу всей структуры русского общественного строя и экономических интересов России. В политическом контроле над торговыми путями через Проливы были заинтересованы все землевладельцы и все те, кто богател на производстве зерна, — следовательно, крестьяне и землевладельцы и самый крупный из них — царствующий дом Романовых[1], а также торговый капитал, который наживался за счет аккумуляции земельной ренты и функция которого заключалась в том, чтобы обменивать огромные массы зерна на промышленные изделия Западной Европы. Стремление церкви водрузить крест на мечети Айя-София не в последнюю очередь объяснялось потребностями церкви как крупного землевладельца.

В этом пункте «вся Россия была единодушна», в этом вопросе и торгово-капиталистическая Россия была полностью согласна с промышленно-буржуазной Россией, управлявшей банками и фабриками и получавшей прибыли от производства оружия, с помощью которого надо было охранять торговые пути[2]. Вследствие экономической слабости внутреннего рынка как такового главным источником прибылей русской промышленности являлись поставки государству и внешние рынки. Этим объясняется, с одной стороны, глубокая преданность царизму немногочисленной крупной буржуазии (ее представители стояли на коленях перед любовницами великих князей, добиваясь поставок для армии)[3], а с другой — растущий интерес буржуазии к Персии, постепенная оккупация которой не только должна была служить расширению территориальных владений России[4], но и создать одновременно новые рынки сбыта для русской индустрии[5].

Хотя стремление к экспансии в Азии, особенно текстильной промышленности, вело в первую очередь к столкновению с английскими интересами, и притом в особенности с интересами британских нефтяных концернов[6], тем не менее в конечном счете пришлось воевать с Центральными державами, а не с Англией. Такой ход событий был обусловлен не только проблемой Проливов, имевшей в конце концов решающее значение для всего народного хозяйства, а главным образом французской финансовой политикой, которая совершенно сознательно отвлекала внимание русских от Востока к Западу. Если русские чиновники хотели набить карманы благодаря комиссионным

---

[1] Речь идет обо всем доме Романовых, а не только о царе, который имел обыкновение передавать значительную часть своих владений своим родственникам и представителям боковых линий царствующей фамилии.

[2] Из доказательств М. Н. Покровского (стр. 539 и 550) вытекает своеобразное распределение внешнеполитических интересов, своего рода qui pro quo; миролюбивый по своему характеру торговый капитал, который не терпел международных помех, был в связи с вопросом о Проливах по необходимости заинтересован в военной экспансии. Наоборот, промышленность, прежде всего южнорусская, вероятно не проявлявшая большого непосредственного интереса к проблеме Проливов, была зато особенно заинтересована в сухопутных и морских вооружениях, которые были следствием постановки вопроса о Проливах.

[3] См. Georges Louis, op. cit., p. 65.

[4] См. превосходное введение М. Н. Покровского к официальному русскому изданию документации: «Международные отношения в эпоху империализма». Немецкое издание: O. Hoetzsch, op. cit., Berlin 1931, f. 1. Bd.

[5] О своеобразном положении русского народного хозяйства перед войной см. М. Н. Покровский, История России, стр. 519 и далее. Там же замечания по поводу завоевания персидского рынка.

[6] О социологических основах британской нефтяной политики перед войной, а также о том, как военные интересы, связанные с умиротворением Индии, постоянно приходили в столкновение с русской экспансией, содержатся сведения в уже цитированном труде K. Hoffmann, Ölpolitik. Британская нефтяная политика направлялась в первую очередь лондонским семейством Сэмюэлей, которое было заинтересовано в «Бирма ойл корпорейшн» и соответственно в Англо-Персидской нефтяной компании.

по займам[1], они должны были дать промышленности заказы на строительство железных дорог и крепостей на Западе и там же дислоцировать свои войска[2]. Таким образом, враждебную Германии русскую внешнюю политику определяли деньги, уплаченные за вооружения, деньги, коррумпировавшие все русское придворное общество и высшие круги генералитета и чиновничества[3]. Их представители получали места в наблюдательных советах[4], им предлагались наличные деньги, а они в свою очередь открывали русскую казну, чтобы подкупать французскую прессу в интересах французской индустрии[5].

---

[1] В погоне за комиссионными не составляли исключения ни высшие круги общества, ни виднейшие политики. Вернее, они в первую очередь стремились получить комиссионные. Это подтверждается, например, язвительными замечаниями Витте по поводу стремления его бывшего помощника Коковцова получить комиссионные по русскому займу 1909 г.

[2] Как известно, строительство стратегических дорог по направлению к западной границе было одним из главных требований Пуанкаре во время визита в Петербург летом 1912 г. В этом отношении существовал полный параллелизм между интересами французского генерального штаба, интересами обороны Франции и французской военной промышленности. В течение последующих лет французы неизменно настаивали на строительстве стратегических дорог в направлении к западной границе России. Особым средством давления в этом смысле была инспекционная поездка представителей французского генерального штаба по России в 1913 г. Русские были готовы строить эти дороги лишь в тех пределах, в каких совпадали стратегические интересы и интересы торговой политики. Об этом см. F. S t i e v e, op. cit., S. 167 ff.

[3] Действительные условия не вмещаются в рамки какого бы то ни было описания. См. все же в качестве примера бесчисленные документы — хотя бы у Th. S c h i e m a n n, Deutschland und die Grosse Politik, 4. Bd., 1914 (Die letzten Etappen zum Weltkrieg, Berlin 1915), S. 39 f.; сообщение парижской газеты «Эклер» о знаменитой афере Путилова (1914), где цитируется письмо одного французского генерала о коррупции. В нем, между прочим, говорится: Россия—это автократия, ограниченная представительными учреждениями, где господствует тайный режим продажности (Régime occulte de vénalité), и притом во всей нации сверху донизу, так что можно говорить об «эре чаевых» pots de vin. Следует вспомнить русскую поговорку: «рыба гниет с головы».

[4] Согласно C. G r a f M o y, Was mir Minister Witte erzählte, в K-BM, 1930, S. 828, Витте, между прочим, заметил, что его преемник Коковцов сделал большую ошибку, разрешив высшим чиновникам министерства финансов входить в состав наблюдательных советов крупных банков. В результате процветали только эти финансовые институты, но отнюдь не государственные финансы.

[5] См., например, «Hinter den Kulissen des französischen Journalismus, von einem Pariser Chefredacteur», немецкое издание — Берлин 1925 г. Эта книга приписывается «американцу» Хартману, который ныне (1932 г.) играет известную роль в афере Гильбо; хотя книга содержит много неверных сведений, все же целый ряд приведенных в ней данных заслуживает внимания. Во всяком случае, глава V основана на аутентичном русском материале, первоначально опубликованном в «Юманите». См., например, на стр. 92 список русских ежемесячных платежей французским газетам (в тысячах франков):

Номер чека	33730	«Фигаро»	5,0
	33722	«Пти журналь»	4,0
	33736	«Пти паризьен»	3,0
	33742	«Журналь»	4,0
	33758	«Тан»	3,0
	33746	«Эко де Пари»	3,0
	33743	«Оторите»	2,0
	33754	«Радикаль»	1,5
	33748	«Птит репюблик»	1,5
	33726	«Деба»	1,5
	33759	«Раппель»	1,5
	33733	«Лантерн»	1,5
	33725	«Голуа»	1,5
	33735	«Либр пароль»	1,5
	33701	«Аксьон»	1,5
	33706	«Либерте»	1,0
	33714	«Энтрансижан»	1,0
	33715	«Орор»	1,0
	33754	«Марсейэз»	1,0
	33725	«XIX сьекль»	1,0
	33738	«Пресс э Патри»	0,5
	33734	«Жиль Блаз»	0,5
	33752	«Солей»	0,5
	33718	«Нувель пресс»	0,5
	33716	«Пти бле»	0,5
	33747	«Сьекль»	0,25
			43,75

Все же русская зависимость от Франции в балканском вопросе была на первых порах столь велика, что министр иностранных дел Сазонов не решался по собственному усмотрению пустить в ход «машину войны», как назвал Пуанкаре Балканский договор от 13 марта[1]. Поскольку, кроме того, Сербия была в значительно меньшей степени заинтересована в выступлении против Турции, чем в приобретении Боснии и Герцеговины, то русской военной партии и ее руководителю посланнику фон Гартвигу было нелегко достигнуть в Белграде своей цели[2]. Все же, кроме настроений в Болгарии, для фон Гартвига было в высшей степени благоприятным то обстоятельство, что армией соседней Черногории командовала русская военная миссия, а также то, что сам господарь, наиболее удачливый тесть и самый коррумпированный государь в Европе, сгорал от желания быть достойным репутации «единственного друга России» и получить возможность дирижировать увертюрой к драме. Господаря поддерживал в этом намерении его русский зять великий князь Николай Николаевич[3], позднее верховный главнокомандующий русской армией, сыгравший большую роль при возникновении балканской войны, а затем и мировой войны. Его темпераментная супруга-черногорка, артистическая натура, как и ее отец, усиленно подстрекала к войне как перед началом балканской войны, так и позднее, накануне мировой войны[4]. Через несколько дней после объявления войны золото сразу потекло рекой из Петербурга в бездонные карманы господаря, и в Берлине это правильно оценили как признак того, что военная партия пробила брешь в политике русского правительства[5].

В течение 1912 года шаткость позиций Турции в Европе стала ясна даже австрийскому правительству, и оно решило подвергнуть своевременной операции «больного человека на Босфоре», чтобы спасти его от угрозы смерти. Добиваясь реформ в духе пожеланий балканских государств, австрийский министр иностранных дел граф Берхтольд пытался таким путем выбить у русских почву из-под ног. Посол Германии в Турции барон фон Вангенгейм, как ранее его предшественник барон Маршалл, горько жаловался на то, что подобные манипуляции Вены[6] подрывают позиции германского империализма на Ближнем Востоке. В столице, в Берлине, где вещи оценивались спокойно — sub specie mundi, тоже испытывали недовольство по поводу своевольных методов Вены[7]. Таким образом, и эта попытка Вены разрешить мировые

Впрочем, перечисленные выше суммы еще не столь велики для характеристики положения, существующего в парижской прессе. Коррупция парижской печати превосходит все мыслимые пределы и представления. Сказанное, однако, не означает, что немецкой печати можно выдать свидетельство о честности. Покупается ли газета путем чеков время от времени выдаваемых редактору или дела вершит большинство анонимных акционеров — это в конце концов только вопрос формы.

[1] Обзор литературы об отношении Пуанкаре к Балканскому союзу см. F a y, op. cit., 1. Bd., S. 433.

[2] FD, 3, Serie III, откуда взяты эти данные, был при написании данной книги известен только по выдержкам в «Кёльнише цейтунг» от 7 и 27 августа 1931 г.

[3] Согласно GP, 12156, фон Эккардт сообщил в МИД 21 апреля 1912 г., что черногорский наследный принц был послан к своему шурину со специальной миссией.

[4] 23 сентября 1912 г., следовательно, при посещении Парижа ее братом, великая княгиня Анастасия, жена великого князя Николая, совершила поездку к лотарингской границе, где она, вызвав восхищение развращенной газетной черни Парижа, весьма выразительным жестом послала привет немецкой Эльзас-Лотарингии. См. GP, 31. Bd. S. 549, Anmerkungen, Schulthess, 1913, S. 382. Поджигательские выходки черногорок (сестра Анастасии также была замужем за великим князем) заполняют не одну страницу в документации. Роль Анастасии в мировой войне известна из описания Палеолога. В целом роль Николая Николаевича, мужа Анастасии, воинственного супруга, находившегося под башмаком жены, освещена еще недостаточно.

[5] См. GP, 31. Bd., S. 105, Anmerkungen.

[6] Ibid., 12119, Вангенгейм — Бетману, 24 августа 1912 г.

[7] GP, 12124, Кидерлен — Бетману, 30 августа 1912 г. О германской критике подобных методов см. также ÖA, 3838, Флотов — Берхтольду, 24 сентября 1912 г. Политические подробности о «Германской политике во время балканской войны 1912—1913 гг.»

проблемы мало к чему привела, разве что доказала, что косный личный состав, на который опиралась классовая дипломатия на Балл-плац, неспособен был в тяжелые времена справиться со своими задачами и был гораздо хуже осведомлен об угрожающей опасности[1], нежели профессиональная дипломатия Антанты[2]; но, с другой стороны, венский маневр все же способствовал дипломатической договоренности между державами. То, что Вена выступила с предложением европейского сотрудничества, спасло русскую дипломатию от необходимости сделать выбор: либо бросить балканское государство на произвол судьбы, либо вести войну без участия Франции. Во время упомянутого визита французского министра иностранных дел Пуанкаре в Петербург в августе 1912 года, столь богатого событиями, Пуанкаре недвусмысленно дал понять, что договор, заключенный под русским покровительством,— это «военный договор»* и России не следует думать, что ей удастся втянуть своего французского союзника в подобные балканские авантюры[3]. После этого заявления Пуанкаре высших чиновников охватил смертельный страх, как бы Австрия не напала на перешедшие в наступление балканские государства до того, как русские будут уверены в получении поддержки Франции, когда они вступят в конфликт с Берхтольдом[4]. У Сазонова отлегло от сердца,

---

содержит диссертация Х. Михаэлиса (op. cit.). В этой работе еще отсутствует появившийся позднее австрийско-венгерский материал. Меня лично интересует исключительно социологическая интерпретация вопроса.

[1] Австро-венгерская дипломатия (ÖA, 3571, 3601) располагала совершенно жалкой информацией, чему способствовали государственные деятели балканских стран, беззастенчиво лгавшие (ÖA, 3589 u 3703).

Все это в конце концов до такой степени убаюкало Берхтольда, внушив ему чувство уверенности, что он еще 30 сентября считал совершенно исключенным, чтобы балканские государства объявили мобилизацию** (Heinrich Kanner, Kaiserliche Katastrophenpolitik, Leipzig 1922, S. 90).

Эти замечания относительно Берхтольда не дают, впрочем, никакого основания утверждать, будто германское имперское руководство и германская внешняя политика отличались особыми достоинствами. Когда германский рейхсканцлер в сентябре 1912 г. прибыл к Берхтольду в Бухлау, у австрийца сложилось «впечатление, что тот оказался перед такой проблемой [то есть балканской], о решении которой он еще не составил себе определенного мнения!» «Независимо от этого,— заявляет Берхтольд и по поводу других бесед с руководящим германским государственным деятелем,— я не уверен в том, что последний во время своего пребывания на посту канцлера овладел профессией дипломата» (ÖA, 3771, Памятная записка Берхтольда, примерно 9 сентября 1912 г.).

[2] В настоящее время (1932—1933 гг.) еще не опубликованы британские документы о балканской войне. Каннер (Kanner, S. 95, сообщает, что и [крайне империалистический] британский посланник в Софии Генри Бакс-Айронсайд уже в марте был хорошо осведомлен об этом ***. Во всяком случае, предположения, высказываемые по поводу этих интриг совершенно безобидным австрийским посланником в Софии, производят лишь комическое впечатление.

[3] Вообще вся эта политика высших русских сфер в тот период становится понятной, только если не давать высказываниям Пуанкаре в Петербурге враждебного толкования — в таком смысле, будто он хотел сказать русским примерно следующее: «На Балканах я вам помочь не могу, но поверните дело так, чтобы из этого получилось нападение Германии, тогда я приму участие!» (Так примерно пишет Stieve в «Russland und der Weltkonflikt», S. 55. Против этого, несомненно с полным правом, возражает Пуанкаре в своих «Воспоминаниях» т. I, стр. 339 и далее.)

[4] Весьма хорошо показывают настроения в Петербурге документы ÖA, 3867, Силаши — Берхтольду, 28 сентября 1912 г.: «Один только страх наполняет душу высоких чиновников, страх перед нарушением статус-кво, которое поставило бы их в чрезвычайно затруднительное положение. Давно миновало время, когда русская дипломатия предполагала использовать турецко-итальянский конфликт для побочных целей, когда она полагала, что можно благодаря этому конфликту добиться решения проблемы Проливов и создания Балканского союза. Вернее будет сказать, что все превратилось в свою противо-

* DD, 3-me serie, vol. 3, № 264, записка Пуанкаре от 13 августа 1912 г. Этот существенный эпизод показывает, в какой мере русские держали тогда в руках своего французского заимодавца. Франции такая политика была совсем не по душе, однако Пуанкаре был не таким человеком, чтобы менять взятый курс.

** Это тем более удивительно, что союз балканских государств вовсе не был тайной, о чем свидетельствует DD, 3-me serie, vol. 2, № 83, 87.

*** Это теперь подтверждает BD, IX, № 544, 555, 558, 559.

когда австрийская дипломатия в своем неведении сделала предложение о посредничестве. Его чувства разделял русский премьер Коковцов, который в течение десяти лет нес ответственность за то, чтобы не иссякал источник французского золота.

Таким образом, русская дипломатия с радостью приняла протянутую руку Австрии. «Европа» вновь была едина. Однако совместные дипломатические представления, сделанные руководящими державами при дворах балканских государств, не спасли положения, как не подействовало оказанное на Константинополь давление в пользу реформы, с чего начала русская и австрийская дипломатия*. Поощряемые великим князем, возглавлявшим русскую армию, и русской буржуазией, используя покровительство посланника Гартвига в Белграде** и получив боеприпасы и снаряжение от «Шнейдер-Крезо»[1], Черногория, Сербия, Болгария и Греция в октябре 1912 года выступили против Турции. Впрочем, Черногория начала эту войну на неделю раньше, чем ее союзники. Король Никита не мог отказать себе в том, чтобы внезапным маневром вызвать падение курсов на европейских биржах и с помощью венской банкирской конторы и своего агента Розенберга сыграть на парижской бирже на повышение и положить в карман военную прибыль — несколько миллионов[2].

К удивлению всего мира, исход первой балканской войны определился в течение нескольких дней. Как в свое время под Йеной и Ауэрштадтом, теперь под Куманово и Люлебургазом столкнулись друг с другом не две армии, а два общественных строя: с одной стороны, несмотря на все младотурецкое влияние, по-прежнему феодально-абсолютистская азиатская Османская империя, пожинавшая плоды прошлых актов насилия и завоеваний, а с другой — демократические крестьянские государства Балкан в качестве освободителей своих угнетенных соплеменников[3]. Еще не наступил октябрь, как сербы овладели Ускюбом, греки — Салониками; черногорцы контролировали политические, экономические и стратегические линии связи с Эгейским архипелагом и санджак Новый Базар, в то время как болгары мощными ударами отбросили врага на узкую линию обороны под Чаталджой, непосредственно к западу от Константинополя. Уже 2 ноября Турция запросила перемирия. Словно в результате землетрясения, целиком исчез тот фундамент, на котором европейская дипломатия в течение десятилетий строила свое здание. Перед потрясенными Центральными державами внезапно разверзлась пропасть.

положность. Решение вопроса о Дарданеллах невозможно из-за собственных друзей, а балканские клиенты способны... создать такое положение, при котором проблема Дарданелл может быть поставлена в порядок дня в самой неприятной форме». Таким образом, как сообщается дальше в цитированном документе, русский «пацифист от финансов» Коковцов вступил в конфликт с руководителем правых партий в Думе Гучковым, который позднее при помощи мартовского восстания [имеется в виду Февральская революция.— *Ред.*] взял под защиту интересы сравнительно тонкой буржуазной прослойки, заинтересованной в вооружениях, — в противовес торговому капиталу Романовых.

[1] При этом снова столкнулись диаметрально противоположные интересы французской военной промышленности и финансовой аристократии. Для военной промышленности было крайне невыгодно, что Турция в начале октября затруднила транспортировку оружия через Марсель (ÖA, 3859 u. 3863, Паллавичини — Берхтольду, 27 и 28 сентября 1912 г.), того оружия, с помощью которого Сербия угрожала взорвать одновременно и Турцию и интересы финансовой аристократии.

[2] ÖA, 4340, Шён — Берхтольду, 9 ноября 1912 г.

[3] Цит. буквально по книге W e n d e l, Südslawen, S. 622.

* Сазонов до самого конца успокаивал себя тем, что держит в руках балканские государства и что можно избежать войны. Это видно из DD, 3-me serie, vol. 4, № 37, П. Камбон — Пуанкаре, 3 октября 1912 г. Чувство, что Россия бросает их на произвол судьбы, по описанию французского представителя в Софии, подстегивало балканские государства к действию.

** Снова подтверждено в DD, 3-me serie, vol. 4, № 106, Деско — Пуанкаре, 9 октября 1912 г. и № 228, Деско — Пуанкаре, 23 октября того же года.

Германия, Австро-Венгрия и первая балканская война

Как интересы германского империализма, так и интересы австро-венгерской военной монархии были в сильнейшей степени связаны с Ближним Востоком. Однако это были различные интересы. Если деятели двуединой монархии были прежде всего озабочены сохранением связи с Салониками и Эгейским архипелагом[1], то германский империализм был обеспокоен судьбой своих капиталовложений, особенно Багдадской железной дороги, которая уже значительно пострадала от беспорядков в Турции. Кроме того, германский империализм боялся, что немецкая военная промышленность лишится важной монополии снабжать Турцию товарами и пушками, а эта монополия, к восторгу французских империалистов, оказалась под серьезной угрозой в результате победы союзников и французской артиллерии[2].

Первоочередной задачей балканской политики Германии было сохранение Турции, в то время как австрийская политика стремилась прежде всего устранить все препятствия на пути к Эгейскому архипелагу и не допустить введения покровительственных таможенных пошлин балканскими странами. В августе и сентябре в результате австрийских попыток сохранить господствующее положение на Балканах, в случае необходимости — даже за счет Турции, — возникли серьезные осложнения в германо-австрийских отношениях. Однако уже в октябре создалось обратное положение: отношения были осложнены вследствие согласия Германии на франко-русские предложения о локализации угрожающего конфликта. Ведь этот германский шаг свидетельствовал о фатальном пренебрежении к установленным с незапамятных времен заповедям австро-венгерской дипломатии, запрещавшим всякое столкновение интересов и изменение соотношения сил на Балканах[3].

Снова правительство Германской империи должно было поставить перед собой вопрос, следует ли пожертвовать добрыми отношениями с Россией, которые удалось установить в 1910 году в Потсдаме и вновь укрепить во время русско-германской встречи монархов (лето 1912 года), следует ли ими пожертвовать ради интересов габсбургской военной монархии, пришедшей в неистовство по поводу успехов Сербии и требовавшей от Германии оказания вассальных услуг в борьбе против сербских планов в Адриатике. Хотя статс-секретарь фон Кидерлен (на него в Вене возлагали всю полноту ответствен-

---

[1] Продвижение балканских государств означало для Австрии создание угрозы ее экспорту, который не столь прямо по железнодорожным путям, а больше косвенно, морским путем, через Салоники, направлялся на Балканский полуостров. Значение Салоник и балканской торговли видно из следующих цифр (в фунтах стерлингов):

Ввоз в Салоникский порт	*1910 г.*	*1911 г.*
Австро-Венгрия	900 000	975 200
Бельгия	126 660	140 000
Бразилия	76 000	96 800
Болгария	105 400	110 000
Франция	373 892	350 000
Германия	530 578	492 363
Греция	41 280	55 000

(Цитировано по «Handbook prepared under the direction of the Historical Section of the Foreign Office», Heft. № 21, Macedonia.) Главными предметами вывоза Австрии были текстиль, шерсть и изделия из железа.

[2] См. GP, 12303 u. 12331, Шён — Бетману, 26 октября и 2 ноября 1912 г., а также Schulthess, 1912, S. 557.

[3] Масштаб этого конфликта сегодня особенно ясно виден из следующих документов: Памятная записка Сапари от 7 октября 1912 г. (ÖA, 3996), Берхтольд — Кидерлену, 8 октября 1912 г. Об этом см. также GP, 12213 u. 12231; Кидерлен — Чиршки, 3 и 5 октября 1912 г., и, наконец, GP, 12229, Чиршки — в МИД, 4 октября 1912 г. и т. д.

ности за напряженность в австро-германских отношениях) и не имел никакой охоты немедленно делать уступки державе, политика которой входила в противоречие с германским империализмом как по мировым проблемам, так и на Балканах[1], тем не менее можно ли было всерьез идти на разрыв с государством, которое не только явилось, несмотря на все свои ошибки, мостом к сфере германских интересов на Ближнем Востоке, но, сверх того, как раз теперь становилось все популярнее в Германии?

Военная паника в Германии и Австрии

Дело в том, что бои на Балканах вызвали в Германии огромную панику по внешнеполитическим вопросам не только на бирже, но во всех слоях буржуазии, так что даже недавние противники австрийской империи, можно сказать, целыми толпами собирались под черно-желтым флагом, видя в нем спасительное знамя в борьбе против натиска «славянской волны». Так, например, Пангерманский союз до этого видел в альянсе Германии с Австрией и в противоречиях с Россией прежде всего помеху для своей политики, принципиально враждебной Англии, и усердно обращал внимание на больные места двуединой монархии. Теперь, после колебаний, длившихся некоторое время, пангерманцы окончательно отказались от борьбы против Австрии. Прекратились жалобы на коррупцию при выборах в Венгрии, на притеснение немцев в странах, подчиненных короне св. Стефана[2]. Внезапно в пангерманских газетах появились защитники наследника престола эрцгерцога Франца Фердинанда, которого совсем недавно атаковали из-за клерикальной и прочешской политики его супруги[3]. На съезде руководителей местных организаций Пангерманского союза в Брауншвейге великогерманское крыло, возглавляемое советником юстиции Классом из Майнца, одержало полную победу[4].

Конечно, дело не обошлось без борьбы. Газета «Рейниш-Вестфелише цейтунг» была, естественно, удручена тем, что вследствие ухудшения отношений с Россией экспансия тяжелой промышленности на Запад и строительство германского флота лишились своего внешнеполитического прикрытия[5],

---

[1] Австрийские и германские интересы скрещивались не только в Золотом Роге, но и в Сербии, которая являлась важным потребителем германского экспорта и немецкой военной продукции, между тем как Австрия лишила себя этих возможностей из-за своей аграрной политики.

[2] См. «Alldeutsche Blätter» v. 26.10.1912, S. 380 f.

Довольно забавно, что в ту пору крайнее пангерманское крыло выступало совместно с «Scotus viator», то есть с д-ром Сеттон Уотсоном; он произвел расследование положения в Венгрии и выступил с критикой политических методов, применявшихся в двуединой монархии. Он и в дальнейшем выступал с такой критикой в качестве друга югославов, без того, конечно, чтобы по-прежнему встречать такое же сочувствие со стороны Пангерманского союза, когда тот переменил фронт и полностью поддержал австрийскую и германскую политику подготовки мировой войны.

[3] См. «Alldeutsche Blätter» v. 13.4.1912, S. 125 f.

Эта анонимная статья, правда, была опубликована до балканской войны, и притом автором ее был доверенный человек Франца Фердинанда полковник д-р Бардольф, шурин деятеля Пангерманского союза Самаса; тем не менее статья служит хорошей иллюстрацией той политики, которая окончательно возобладала в Пангерманском союзе после начала балканской войны.

Ядовитый ответ в «Альдейче блеттер» от 13 мая 1912 г., S. 171 f., соответствует политике, которая до того задавала тон в Пангерманском союзе.

[4] «Alldeutsche Blätter» v. 7.12.1912, S. 134 ff. Книга «Против течения» советника юстиции Класса появилась после составления этого раздела, однако она не может существенно изменить общее представление о Классе как о политическом деятеле.

[5] См. очень интересную работу Dr. Theodor Reissmann-Grone, Der Erdenkrieg und die Alldeutschen, Mühlheim/Ruhr etwa 1920, S. 45 ff. u. 59 ff.

а германский экспорт в Россию из-за Австрии оказался под угрозой; другие северогерманские сторонники Пангерманского союза также с ужасом обнаружили, куда ведет роковой ход событий[1].

Это «малогерманское», если можно так выразиться, направление внутри Пангерманского союза причиняло большие неприятности руководству союза, которое облекало старые великогерманские идеи в империалистическую форму «Срединной Европы» и, таким образом, часто мало чем отличалось от Фридриха Наумана. Все это было тем более неприятно руководству Пангерманского союза, что при своей антизападной ориентации оно не могло серьезно противодействовать тому, чтобы паника в связи с балканской войной была использована в целях проведения в жизнь «основательной военной программы», чего добивался Военный ферейн[2]. Таким образом, противники законченного пруссачества добились преобладающего положения в Пангерманском союзе, которым с 1907 года руководил советник юстиции Класс из Майнца (Гессен). В Пруссии с горечью наблюдали за тем, как явственно усиливается австрийское влияние на Пангерманский союз и как дает себя знать курс, намеченный по ту сторону Майна. Уже управляющий делами союза, скрытый приверженец черно-желтого флага, выпустив под псевдонимом брошюру «Берлин—Багдад», перебросил мост к немецкому финансовому капиталу, который наряду с немецким партикуляризмом и католицизмом являлся третьим австрофильским бастионом внутри Германии[3].

Подобно Пангерманскому союзу, и все другие политические партии стали базой для германской политики «маятника». Уже тот факт, что в состав этих партий входили разнородные экономические группы, предопределял возникновение различных внешнеполитических направлений, как, например, в Национал-либеральной партии, где наряду с влиянием враждебной Англии тяжелой промышленности ясно чувствовалось влияние англофильского Немецкого банка и его политики в отношении Юго-Востока; но независимо от этих причин самая раздробленность Германии на отдельные земли накладывала на ее внешнюю политику тот отпечаток, который и определял политику «маятника».

Если партии исторически были связаны с землями, расположенными южнее Майна, они и после основания империи сохранили в прежней силе и свою старинную ненависть к пруссачеству и старые великогерманские идеи. Центр сочетал великогерманские тенденции с твердой поддержкой строительства флота ad majorem dei gloriam. Таким образом, Центр превратился в партию политики «маятника». В то же время к южногерманскому крылу Социал-демократической партии, связанному с мелким крестьянством и мелкими ремесленниками, принадлежало большинство противников России в рядах Социал-демократический партии, в которой давали себя знать и другие внешнеполитические взгляды, о чем свидетельствует течение Кальвера—Шиппеля. В рядах национал-либерализма можно было обнаружить также раскол по территориальному признаку. Глава Национал-либеральной партии Эрнст Бассерман выступал за строительство Багдадской железной дороги и в пользу Австрии не только потому, что учитывал интересы финансового капитала, связанного с партией, хотя национал-либеральные деятели тяжелой промышленности не без удовольствия поддразнивали Бассермана, называя его

---

[1] См., например, доводы против Багдадской железной дороги, изложенные Ф. Генчем в «Альдейче блеттер» за 30 ноября 1912 г., стр. 424 и далее, а также отдельные высказывания северогерманских представителей на съезде Пангерманского союза в Брауншвейге. («Alldeutsche Blätter» v. 7.12.1912, S. 437 ff.)

[2] Reissmann-Grone, op. cit., S. 65 ff., естественно, от всего сердца выражает сочувствие военной программе.

[3] K. von Winterstetten (K. Ritter), op. cit. Berlin-Bagdad 1913. См. об этом Reissmann-Grone, op. cit., S. 63 ff.

«зятем Ландебургов»[1]; Бассерманом руководило и старинное недоверие к Пруссии, свойственное германскому либерализму, сердцу которого осталась близка идея союза с Австрией, несмотря на создание Бисмарком империи.

Внутри Консервативной партии в Пруссии за этот период в свою очередь произошли коренные изменения в вопросе об отношении к России. Существовавшая со времен совместной борьбы против революции политическая традиция дружбы с Россией в девяностых годах еще тормозила углубление экономических противоречий и их отражение в идеологии. Теперь же, когда крупное землевладение благодаря повышению пошлин и росту цен на мировом рынке снова переживало полное благополучие, наоборот, как раз экономическое положение препятствовало тому, чтобы наступление России на Проливы и против Австрии послужило основанием для оформления военно-политических выводов в виде огромного законопроекта о вооружениях, который, конечно, угрожал классовым позициям аграриев. Таким образом и в консервативном лагере царила половинчатость, нерешительность, бессильная политика «маятника».

Социологическая природа движения, возглавляемого Военным ферейном

В общем можно сказать, что в связи с войной на Балканах во всех партиях оказались под угрозой существенные интересы. Таким образом, была всесторонне подготовлена почва для деятельности нового Военного ферейна.

Такое положение не могло бы сложиться без постоянного влияния капиталистических элементов и если бы не было трений между ними и другими державами. Однако на основании данных о численности населения и его распределении по профессиям, а также учитывая описанный выше характер отдельных партий, можно сделать вывод, что основная масса, составлявшая армию империализма и примыкавшая к движению Военного ферейна, пополнялась не из специфических капиталистических кругов, а из широких слоев населения. Подлинным резервом для вербовки в армию империализма являлась не крупная буржуазия, сыновья которой не нуждались в крикливой агитации; они чувствовали себя уверенно, зная, что благодаря принадлежности к высшему сословию обладают монополией на занятие руководящих постов в юстиции и администрации, а также в ведущих промышленных и торговых предприятиях. Поэтому эти буржуазные круги ограничивались денежными пожертвованиями на патриотические цели. Главным рассадником империалистических настроений была средняя и мелкая буржуазия наряду с кругами, проявлявшими непосредственную специфическую заинтересованность в экспансии, а также врачи и техники, стремившиеся в тропики. Экономический подъем после основания империи спас среднюю и мелкую буржуазию от опасностей, с которыми ей пришлось бороться до и после 1848 года. В дальнейшем индустриальное развитие Германии, создав потребность в торговых посредниках, коммивояжерах, открыло этим слоям населения возможность улучшить свое материальное положение без получения дорогостоящего университетского образования. Наряду с сложившимся типом, так сказать, «зарубежного немца», который был известен со времен кризисных сороковых и семидесятых годов, наряду с навсегда осевшими зарубежными немцами, например в США или Южной Америке, по мере экономического развития

[1] В вопросе о Багдадской железной дороге личные финансово-капиталистические связи уже потому не имели никакого значения для Бассермана, что семейство Ландебург и он сам были связаны не с Немецким банком, а с его конкурентом — банком «Дисконтогезельшафт».

Германии появился новый тип — торговый агент. Он пробивал себе дорогу, не брезгуя никакими средствами, а в докладах, посылаемых им на родину, он не делал различия между торговой конкуренцией и торговой войной. Вместе с тем за границей, где этот тип особенно выделялся, он досадным образом послужил поводом для рокового представления, будто определение «немецкий» совпадает с понятием «мелкобуржуазный» и даже «филистерский».

Из этих рядов среднего сословия и растущих масс пролетариата должны были рекрутироваться кадры для пополнения гигантских армий, создания которых после 1912 года все энергичнее требовал и Военный ферейн и современные стратеги массовой войны. Во время последней фазы марокканского кризиса, в октябре 1911 года, виднейший теоретический противник Клаузевица генерал Теодор фон Бернгарди закончил свою книгу «Германия и будущая война». Это стилистически выдающееся и увлекательное произведение расчистило дорогу для Военного ферейна. Какая огромная армия нужна была Германии, если была верна главная мысль Бернгарди: «Такому государству, как Германия, находящемуся в окружении врагов и обреченному на гибель, если она будет считать оборону наиболее сильной формой ведения войны, такому государству надлежит понять, что нападение всегда и безусловно превосходит оборону, и к нему обязательно должен прибегнуть тот, кто численно слабее противника!»

Эта стратегия быстрого подавления противника, которая должна была использовать средства массовой войны, исходила, таким образом, из факта существования германского индустриального государства, его демографических особенностей. Однако такая стратегия обусловливала необходимость военной защиты германских индустриальных центров на Рейне и в Руре и захвата территории, необходимой для развертывания современной гигантской армии, вторжения в Бельгию и северную Францию, а это в свою очередь автоматически вело к войне с Англией, к стратегии войны на истощение и, следовательно, к срыву именно того основного плана, на котором было все построено.

Но гораздо большее значение, нежели эти теоретические соображения, имел вопрос о социологических предпосылках, в силу которых могло взять верх определенное представление о формах ведения войны. В этом отношении лучшие шансы были у теоретиков массовой войны, несмотря на противоречия, к которым приводили их идеи. Они умели с исключительной ловкостью вовлекать в кампанию за военную программу все недовольные элементы в стране и армии. Вскоре консерваторы стали горько жаловаться на то, что агитация Кейма взбунтовала офицерский корпус. Действительно, политика Кейма предусматривала значительное продвижение по службе офицеров младшего и среднего командного состава в пехоте, среди которых царило недовольство узкой феодальной верхушкой офицерского корпуса и плохими условиями продвижения по службе[1]. В этой борьбе в качестве соратника Военного ферейна выступил генеральный штаб. Решающие фигуры в генеральном штабе — офицеры оперативного отдела полковник Людендорф и полковник Таппен, свободные от феодальных предрассудков, нуждались в современной массовой армии, в «вооружении народа» как в материальной основе для своих комбинаций. Между генеральным штабом и Военным ферейном, вероятно,

[1] См. уже сказанное по этому поводу, например, капитаном Редером в «Нейе милитерише блеттер» 5 января 1912 г. Автор подчеркивает, что в Пруссии и Вюртемберге сложились невыносимые условия для продвижения по службе: кадровый офицер в тридцать шесть лет становится капитаном, в сорок семь — майором, в пятьдесят четыре — подполковником, в пятьдесят семь — полковником. Необходимо, говорит автор, затребовать средства, чтобы учредить достаточное количество высших должностей в офицерском корпусе в пехоте — полковников и генералов. В кавалерии одна должность полковника приходится на пять ротмистров, в полевой артиллерии — на семь капитанов, в приданной пехоте артиллерии — на восемь, а в пехоте — одна должность полковника на тринадцать-пятнадцать капитанов.

с самого начала существовали тесные связи, во всяком случае, программа, которую Людендорф осенью 1912 года представил военному министру, полностью отвечала тем требованиям, которые с весны 1912 года вбивали в головы немцев отставные генералы, группировавшиеся вокруг Кейма.

Полное осуществление всеобщей воинской повинности, увеличение численности всех родов оружия армии мирного времени, формирование трех батальонов во всех пехотных полках, обучение резервов, офицерских и унтерофицерских кадров для подготовки резервов, кавалерийских дивизий,— все эти положения внушались массам на ряде собраний, в ряде статей еще раньше, чем начальник оперативного отдела взялся за перо, чтобы изложить свою большую военную программу[1].

С начала 1912 года печать, связанная с промышленностью и поддерживавшая Военный ферейн, заговорила о зарождении нового германского духа. Чем более вероятной становилась предстоящая война, тем более усиленно ей приписывали роль культуртрегера, раздатчика благ всем желающим. Отныне надлежало заменить Nouveau Esprit, ультрашовинистической французской реакции противопоставить «старогерманский дух»[2]. Тогда же впервые было провозглашено учение, согласно которому только война может спасти немецкую культуру от западной цивилизации. Создавалась такая обстановка, как если бы германизм в смутном предчувствии того, что под колесами века пара и электричества погибнет его расцветшая культура, стремится убить самого капиталистического дьявола, именуемого цивилизацией, идя войной против тех стран, откуда он явился. Однако эту войну они готовились вести с помощью оружия, которое научил их изготовлять этот же самый дьявол. Теперь уже нельзя было вновь закрыть ящик Пандоры[3].

С весны 1912 года Военный ферейн сознательно проповедовал наступательную войну и волю к войне. «С волей к войне,— заявил Кейм,— должно быть связано решение вести беспощадное наступление, ибо только наступление обеспечивает победу. Поэтому нельзя признать отрадным фактом то, что в Германии — и официально и в парламенте — всегда принято говорить об обороне с нашей стороны, ради которой и надо вооружаться. Нет, Германия должна вооружаться для нападения, совершенно так же, как в 1870 году, и соответственно мы должны быть сильно вооружены, чтобы точно так же, как в 1870 году, располагая значительно превосходящей военной силой, быть в состоянии, если понадобится, претворить волю к войне в военные действия»[4].

Конечно, существует, по сути дела, различие между наступлением армии после того как война уже началась, и стремлением создать для этого соответствующие возможности дипломатическими средствами. Однако с самого начала было ясно, что военные власти при их преобладающем влиянии были в состоянии поставить на службу своим воинственным замыслам и ведомство иностранных дел, даже несмотря на его нежелание. Подобно Кейму и, насколько это было возможно, в еще более резкой форме разглагольствовали все генералы Военного ферейна — фон Врохем, фон Роден, фон Либерт, фон Литцманн, фон Герсдорф и другие.

Впрочем, в решающем месте, «в высочайшей инстанции», они сначала не могли добиться ни быстрого, ни значительного успеха. Ответ кайзера на приветственную телеграмму первого общего собрания Военного ферейна был кратким, и в нем сквозило раздражение[5]. Кайзер явно был разгневан в связи

---

[1] См., например, отчет в «Кёльнише цейтунг» от 24 марта 1912 г. о собраниях Военного ферейна в Берлине, в Тиргартенхофе, или отчет в газете «Пост» о первом общем собрании ферейна в Берлине 12 мая 1912 г.

[2] В номерах за 2, 3, 4 декабря 1912 г.

[3] См., между прочим, «Берлинер нейесте нахрихтен» от 22 декабря 1912 г.— «Война как фактор культуры, как создатель и хранитель государств».

[4] Кейм в газете «Таг», 16 октября 1912 г.

[5] Отчет в газете «Кёльнише цейтунг» от 16 октября 1912 г.

с тем, что Военный ферейн раскритиковал по всем статьям весенний законопроект об увеличении армии как совершенно неудовлетворительный[1]. Ответ кронпринца был составлен в совершенно другом, значительно более дружелюбном тоне. Однако события, происшедшие летом, усилили позиции Военного ферейна и в отношении приближенных кайзера. Столетний юбилей фирмы Круппа превратился в мощную военную демонстрацию. 7 и 8 августа в Эссене собрались заправилы германского империализма. Кайзер, как обычно, лично прибыл на виллу «Хюгель». Миллионы, истраченные отнюдь не только на премии рабочим, но и на субсидии государственным учреждениям, свидетельствовали о том, сколько эта фирма заработала на поставках казне[2]. Тем временем изменилось политическое положение. В начале октября Военному ферейну удалось с помощью кронпринца пробить брешь в стене, окружавшей его величество[3]. Переданная таким путем кайзеру австрийская брошюра о концентрированной политике вооружений[4] усилила впечатление, произведенное в эти дни тем, что Черногория уже 13 октября объявила войну Турции. К величайшему неудовольствию своего военно-феодального окружения, кайзер потребовал, совершенно в духе Военного ферейна[5], всестороннего увеличения армии, в особенности ускоренного формирования пулеметных частей, создание которых было намечено законом только на осень следующего года[6]. Все же военное министерство твердо решило не допустить того, чтобы под влиянием воинственных воплей intra muros et extra министерство оказалось вынужденным вести политику, в результате которой прусское феодальное государство было бы принесено в жертву капиталистическому империализму. Военный министр фон Херинген категорически заявил, что после принятия весеннего законопроекта новые ускоренные вооружения не только не нужны, но и неосуществимы, тем более что последняя программа была разработана в полном согласии с генеральным штабом и в ней учтено обострение международного положения. И начальник генерального штаба фон Мольтке особо подчеркнул, что состояние русских вооружений не дает никакого основания для беспокойства[7]. Партия сторонников вооружений в генеральном штабе и Военный ферейн в тесном сотрудничестве[8] пустили в ход все рычаги, чтобы

---

[1] Об этой критике см. также «Берлинер нейесте нахрихтен» от 23 апреля 1912 г.

[2] «Kölnische Zeitung» v. 8.8.1912.

[3] Г. Класс в своих воспоминаниях «Против течения» («Wider den Strom») пытается в общем свести по возможности к минимуму отношения между престолом и частными объединениями, то есть Пангерманским союзом и Военным ферейном. Это, конечно, не исключает того, что другие представители Военного ферейна, особенно многочисленные генералы в запасе или в отставке, а также иные активные члены ферейна непрерывно выступали частным образом при дворе в интересах Военного ферейна. Для этого можно было бы подобрать обширные доказательства на основании более детального изучения литературы того времени и более подробно, чем это удалось сделать в рамках данного труда. Надо думать, что еще появятся какие-либо мемуары, освещающие эти вопросы.

[4] См. GP, 12262, Ениш — Кидерлену, 11 декабря 1912 г.

[5] Об этом требовании Военного ферейна см. хотя бы сообщение «Кёльнише фолькс-цейтунг» от 19 декабря 1912 г. о кёльнской речи генерал-лейтенанта фон Врохема. Он требовал, чтобы пулеметные роты, на которые уже ассигнованы средства, были сформированы тотчас же, а не через год, то есть 19 октября 1913 года.

[6] В этой связи следует отметить, что генерал-адъютант при кайзере генерал фон Гонтард приходился братом тому самому директору «Дейче ваффен- унд муницонсфабрикен» Паулю фон Гонтарду, о котором после опубликования его знаменитой телеграммы в Париж уже тогда стало известно, что он не останавливается ни перед чем в борьбе за государственные заказы. Предприятия «Дейче ваффен» являлись главным поставщиком пулеметов.

[7] См. по обоим вопросам «Kriegsrüstung», I, S. 154 f.

[8] Класс отрицает, что существовало сотрудничество; см., однако, противоположные данные, например «Рейниш-Вестфелише цейтунг» от 12 марта 1913 г.: «...правительство выдвигает от своего имени [теперь] ...все те требования, которые Военный ферейн в контакте с генеральным штабом в течение месяцев решительно защищал перед общественностью. Короче говоря, теперь получит осуществление все, буквально все, чего в течение месяцев требовал Военный ферейн».

сломить феодально-консервативное сопротивление. Когда стало известно, что 13 октября кайзер в Хубертусштоке высказался за увеличение вооружений, начальник оперативного отдела генерального штаба полковник Людендорф сумел побудить впечатлительного и слабохарактерного начальника генерального штаба фон Мольтке к тому, чтобы тот дезавуировал самого себя и свое заявление, сделанное накануне. Фон Мольтке в письме военному министру потребовал ощутительного увеличения армии[1]. В эти же дни Военный ферейн завоевал важную позицию: в середине октября по ходу борьбы со строго феодальным консерватизмом руководство Военного ферейна захватило контроль над газетой «Крейццейтунг», и притом с помощью еврейского капитала[2]. Это событие не является особенно удивительным, если учесть заинтересованность финансового капитала как в вооружениях, так и в укреплении военной силы государства для защиты его капиталовложений внутри и вне страны и если — last not least — принять во внимание многочисленные родственные связи между нуждавшейся в деньгах аристократией и интернациональным финансовым капиталом. Тем не менее есть ирония истории в том, что евреи, слывшие интернационально-пацифистским элементом, защищали через Военный ферейн и «Крейццейтунг» военные «интересы» армии против ожесточенного сопротивления консерваторов — признанных милитаристов. Уже в это время видные консерваторы энергично выступали против усиленных империалистических тенденций и новой военной политики[3].

Конечно, возможно, что генеральный штаб фактически просто включил в свою военную программу от декабря 1912 г. все те требования Военного ферейна, которые пресса провозглашала изо дня в день. Он мог сделать это без того, чтобы предварительно торжественно доложить Кейму об изменении военной политики. Это создавало видимость самостоятельных действий. Практически, впрочем, безразлично, существовал ли определенный сговор между Военным ферейном и генеральным штабом или они действовали в противоположных направлениях, но добивались осуществления общей цели.

[1] Ср. «Kriegsrüstung», I, S. 157 с «Kriegsrüstung», I, S. 154 f. По существу вопроса: K e h r, Klassenkämpfe, etwa S. 411 f. В военном министерстве не могли найти объяснения как для самого факта, так и для причин полного поворота в позиции генерального штаба в течение одних суток; письмо штаба просто оставили без внимания.

[2] «Кёльнише цейтунг» от 22 октября 1912 г. приводит сообщение «Теглихе рундшау» о том, что газета «Крейццейтунг» только что перешла в руки так называемого концерна Буксенштейна.

Значение этого события было подвергнуто в антисемитской «Штаатсбюргерцейтунг» от 22 февраля 1913 г. резкой критике и анализу. Газета указывала, что легационсрат в отставке д-р фон Шверин-Оберштейнбах, зять банкира Мендельсона, в первую очередь направляет деятельность коммерции советника Буксенштейна, концерну которого принадлежало издательство «Дейчер ферлаг», и в том числе газеты «Дейче цейтунг», «Берлинер нейесте нахрихтен» и «Дейче варте». Шверин, ставший членом наблюдательного совета «Крейццейтунг», одновременно являлся владельцем телеграфного агентства «Гирш», материалы которого публиковала «Крейццейтунг». Шверин, сообщала все та же газета, находится в дружбе с генеральным секретарем Консервативной партии Бруно Шредером, который выступал в просемитском духе и уволил шесть редакторов из газеты «Крейццейтунг» (д-р фон Шверин в беседе подтвердил, что сведения о контроле над «Крейццейтунг» являются правильными).

Д-р фон Шверин заседал также в узком (из шестнадцати членов) комитете Военного ферейна, точно так же как и Буксенштейн, который был одновременно казначеем ферейна. Буксенштейн являлся типичным деятелем эпохи расцвета империализма и, кроме того, фаворитом на парусно-гребных регатах в Киле.

[3] См. нападки г-на фон Грефе-Гольдеби на Кейма в газете «Таг» от 8 февраля 1912 г. Гольдеби выступает против разжигания недовольства в офицерском корпусе: «Кто использовал это обычное разжигание недовольства в своих эгоистических партийных целях? Те партии, которые во время избирательной кампании с помощью безответственного издевательства над финансовой реформой восстановили друг против друга буржуазные партии. После того как они потерпели полное фиаско со своими мрачными предсказаниями относительно успеха финансовой реформы, им теперь очень хочется другим способом подорвать бюджет, чтобы, таким образом, введенному в заблуждение народу все же казалось, что они правы, когда предсказывают необходимость новых налогов и т. п.»

Социологическая природа балканского национализма

Однако самый мощный толчок деятельности Военного ферейна дала буря, разыгравшаяся на Балканах. То, что там происходило, уже нельзя было назвать иначе, как войной: там враги наносили друг другу смертельные удары, убивали и грабили, разбойничали, предавали, бесчестили, душили и закалывали, можно сказать, не оставляя на жертвах живого места[1]. Там, где народы жили в дикой мешанине, рядом друг с другом, как, например, на раскаленной почве Македонии, где перемешались между собой болгары-христиане и болгары-магометане (помаки), албанцы, турки, греки, сербы, цинцары (испанские евреи) и т. п.,— в таких районах западноевропейская «национальная идея» действовала, как яд, как раздача водки и сивухи в сумасшедшем доме, тем более что население и без того уже непрерывно получало оружие и боеприпасы от различных торговцев и торгашей. Не зная деятельности этих торговцев и торгашей, иными словами, европейских государств и их эмиссаров, просто невозможно понять события на Балканах. Зарождающаяся в балканских государствах интеллигенция черпала из Европы не только свою идеологию. Экспорт капиталов, товаров и особенно оружия из Западной Европы[2] как раз и создал экономическую основу для образования «национального» капитала и зарождения «национальной» буржуазии, которая была заинтересована в возникновении и создании национальных экономических областей и в пропаганде национальных идей. Однако с того момента, как началась национальная революция, борьба, происходившая в школе и церкви, борьба в районах, где были расселены балканские народности, приняла более ожесточенный характер, стала проблемой «национального» существования.

Одновременно по мере экономического развития крупных соседних государств, особенно России и Австро-Венгрии, выросло значение балканских сфер влияния для экономики этих государств, для самого их существования и, следовательно, для международной политики. Только этим двусторонним процессом — эволюцией на самих Балканах и внутренним развитием крупных держав — можно объяснить, почему отныне такое выдающееся значение приобрели не только балканские национальные и расовые проблемы, но даже маленькие города и захолустные пункты на Балканах, о которых накануне не знал ни один образованный человек в Европе, ни даже дипломаты.

Но тем самым в невыносимой степени усилились международные трудности и неурядицы. Каждый мелкий интриган на Балканах, каждый грязный убийца в самом темном закоулке какого-либо неизвестного захолустья держал теперь в своих руках судьбы европейского мира. Такой джентльмен был желанной находкой для европейских империалистов: они с его помощью наносили удары в спину своим конкурентам. Какие фигуры и на сцене и за кулисами, какая грязь — intra muros et extra!

Возьмем, например, Никиту Черногорского. Это, вероятно, самый ловкий монарх, когда-либо владевший бараньими стадами на Балканах, тесть двух русских великих князей, а также короля Сербии и короля Италии (когда король выбирал себе невесту из Черногории, дело не обошлось без политических мотивов)[3]. Никита Черногорский — получатель субсидий от всех великих

---

[1] См. об этой обстановке у Эрнста Екка («Deutschland im Orient nach dem Balkankrieg», München 1913). Это сочинение, правда, имеет односторонний, протурецкий характер, однако приведенные в нем данные можно проверить и дополнить посредством «Carnegie Endowment for International Peace: Report of the International Comission to Enquire in to the Causes and Conduct of the Balkan Wars».

[2] Не было ни чудом, ни случайностью, что, почти как правило, основатели малых национальных государств являлись и являются самыми богатыми людьми своей страны, особенно когда эти государства находились или находятся под покровительством финансового капитала.

[3] См. Francesco Crispi, Memoiren, 1912, запись 5.12.1896.

держав и спекулянт крупного масштаба на всех европейских биржах, где он зарабатывал миллионы, с исключительной изощренностью используя имевшиеся у него возможности воздействовать на политическую погоду как в начале войны, так и при заключении мира[1]. По хитрости и ненависти к Сербии с Никитой мог сравниться разве только Фердинанд Болгарский, самый коварный из всех балканских монархов, вызывавший подлинный страх у европейской дипломатии. Он был тесно связан со Шнейдером-Крезо, что, однако, не помешало ему, меняя взгляды и связи, перейти в конце концов на сторону немцев, которые наполнили его карманы золотом[2], чем раньше безуспешно занималась Антанта. Большинство балканских монархов походило на тот канделябр с двумя ручками, с которым сравнил короля Черногории генерал фон Конрад в беседе с престарелым императором Францем Иосифом, имея в виду, что черногорец, алчущий денег, протягивал просительно руки одновременно и к России и к Австрии. Сербский король Петр был ничуть не лучше, чем болгарский царь из дома Кобургов; он находился всецело в зависимости от офицерской шайки убийц, которая когда-то умертвила его предшественника из рода Обреновичей и на этом правовом основании не только наполняла свои карманы за счет страны[3], прикрываясь национальным флагом, но еще и объединилась в особый клуб убийц — «Черная рука» («Чрна рука»)[4] и была организатором самых кровавых преступлений из всех тех, которыми столь богата история этого времени[5]. Наследник сербского престола, в дальнейшем единственный (1932) король Югославии, после участия в ряде компрометирующих его совместных планов и предприятий в конце концов был вынужден предать эту компанию и оставить ее на произвол судьбы, однако его возвращение в состав этой группы было только вопросом времени[6].

Каков хозяин, таков и слуга. В 1914 году перед судом предстал прежний кабинет министров Болгарии почти в полном составе: министры, подобно офицерам армии, брали взятки у Шнейдера-Крезо[7]. В Сербии предоставление в обычном порядке заказов Шнейдеру-Крезо обеспечивал лично не кто иной, как основатель Югославии сербский премьер-министр Пашич[8]. На этих опе-

---

[1] Никита, как и Фердинанд Болгарский и Леопольд Бельгийский, заслужил право иметь своего биографа — Густава Миэрса. Сведения о Никите имеются в ÖA, 4539, Гисл — Берхтольду, 21 ноября 1912 г., далее, GP, 13276, доклад военного атташе графа Кагенека от 4 мая 1913 г. Биржевые финансовые операции черногорца претили даже его королевским коллегам (GP, 13340, Ягов — Чиршки, 28 мая 1913 г.).

[2] Уже в 1930 г. кабинету Брюнинга пришлось выдержать резкие нападки за то, что он продолжал выплачивать германские субсидии болгарскому царю. Архивы «Франкфуртер цейтунг» и «Кёльнише цейтунг» содержат забавный материал по этому делу, уже не относящемуся к нашей теме.

[3] Об этом важные сведения содержатся в ÖA, 3552, доклад Геллинека от 5 июня 1912 г.

[4] «Carnegie Endowment International Comission Report», p. 169.

[5] Литература о «Черной руке» весьма точно процитирована у Roderich Goos, Das österreichische Problem im Jahre 1914, а также в т. 10 серии 1 трудов германской парламентской комиссии по расследованию предыстории мировой войны, Берлин, 1930, стр. 181 и далее. Только один шаг отделяет отчаянного разбойника, который не знает, на какие средства ему жить в мирное время, от героя, кровавое ремесло которого разрешено ему законом, даже предписано. Не удивительно, если и интеллектуальные идеалисты стали под начало руководителя этой банды полковника Драгутина Дмитриевича. Это, однако, не исключает того, что цели данной организации были весьма конкретными: борьба «Черной руки» против премьер-министра Пашича и радикальной партии была борьбой между «героями» и дельцами за государственную кормушку.

[6] См., кроме указанной выше литературы, также ÖA, 3246, Угрон — Эренталю, 25 января 1912 г., и ÖA, 3590, записи сербского начальника отделения Стефановича от 27 июня 1912 г.

[7] Отчет о судебном процессе в «Фоссише цейтунг» от 20 февраля 1914 г.

[8] По сообщению «Фоссише цейтунг» от 12 января 1910 г. о прениях в сербской палате, младорадикал Проданович энергично атаковал премьер-министра Пашича за то, что тот при заключении сделки о государственных поставках официально поручил выступать от своего имени председателю парламента (!) Стояновичу — белградскому агенту фирмы Крезо.

рациях в ущерб обществу он бесстыдно нажил большое состояние[1]. Вряд ли надо упоминать о том, что описанным болгарским и сербским условиям соответствовали аналогичные порядки в Турции. Правда, в Турции понятие коррупции играло иную роль, чем на «цивилизованном» Западе, но тем не менее именно эта квазилегализация чаевых (агенты европейских оружейных предприятий вместо «бакшиш» говорили «фердинанд») превратилась в большую опасность, поскольку концерны, платившие деньги, выступали от имени Европы и поскольку от поставок и сделок такого рода зависело политическое спокойствие в этой части света. Чаевые превратились здесь в политическое оружие; его применял, подобно своим конкурентам, и Немецкий банк, финансировавший в парламенте младотурок[2]. Европейский империализм был вынужден volens nolens для поддержания своего существования выть по-волчьи вместе с балканскими волками[3].

Европейская политика, мнившая себя движущей силой на Балканах, сама слишком часто находилась под их влиянием, а ее побуждения и методы отличались от балканской практики лишь по степени коррумпированности. Например, даже непосредственные начальники и коллеги русского посла в Париже Извольского лишь пожимали плечами по поводу его продажности[4]. Однако открытый подкуп представлял собой относительно устарелую и к тому же глупую и неуклюжую попытку подчинить государственные интересы частным. Распространенные теперь методы стали гораздо более действенными, более утонченными и менее доступными для нападок. Во Франции, например, считалось хорошим тоном, что политика служила одновременно и государственным и частным интересам. Самые важные государственные планы и посты всегда переплетались с частными делами. Так, например, французский посол в Вене Крозье, пытавшийся в конце 1911 года посредством гигантской финансовой операции взорвать Тройственный союз, принадлежал к высшей финансовой аристократии Вены и Парижа; особые связи были у него с «Сосьете женераль». Годом позже он был избран в состав наблюдательного совета этого банка, который в силу тесных связей с банкирскими кругами Вены[5], естественно, был сильнейшим образом заинтересован в задуманных операциях. Крозье предпринял попытку — правда, не удавшуюся — использовать сильную политическую позицию для проведения особо значимого политического и финансового маневра. Весной 1914 года его план попытался довести до конца председатель французской палаты депутатов Поль Думер, также действовавший в интересах «Сосьете женераль». У него при этом была только одна забота: как бы согласовать с австрийскими интересами огромные капиталовложения банка «Сосьете женераль» в России, которые он в свою очередь обеспечил притоком австрийских капиталов, причем все это предполагалось про-

---

[1] См. предыдущее примечание, а также ÖA, 3590, памятная записка сербского начальника отделения Стефановича от 27 июня 1912 г., ÖA, 3621, приложение, два полицейских доклада из Землина от 23 июня 1912 г.

[2] Политические и этические последствия этих порядков получили широкое освещение на происходившем после войны в Берлине процессе против армянина — убийцы бывшего турецкого министра внутренних дел Талаата; процесс закончился оправдательным приговором. Отвратительные дела, вскрытые на процессе, и разоблачение довоенных условий в Константинополе привели суд к логическому выводу, что в данном случае виновен не убийца, а убитый.

[3] Производит почти символическое впечатление то обстоятельство, что единственным совместным европейским достижением, реализованным на Балканах, было создание Албанского государства. Премудрая дипломатия назначила правителем этой страны самого жалкого представителя выродившейся системы вассальной зависимости от германского императора. Как бы в отместку, Албания была представлена на коронации одним из самых мерзких на Балканах убийц и мошенников — Эссад-пашой из Валоны.

[4] P o i n c a r é, Erinnerungen, 1. Bd., p. 346, 2. Bd., p. 59; G. L o u i s, op. cit., p. 107 ff.

[5] В Вене «Сосьете женераль» был связан с австрийским «Боденкредитбанк» и через него — с парижским «Банк де Пари». См. S t i e v e, op. cit., IV, S. 119.

делать за счет третьего, а именно за счет Германии[1]. Впрочем, деятельность этих сил оказывала тлетворное влияние не только на политику балканских государств и России, где они стимулировали коррупцию, но и, наоборот, коррупция на Балканах оказывала влияние на «добропорядочный» Запад. Французское правительство все время следило за влиянием турецких денег на французскую прессу, а о г-не Тардье было известно, что он только для разнообразия однажды продался сербам[2]. Но все это не идет ни в какое сравнение с тем, какое опустошающее действие производил русский рубль под благожелательным наблюдением Пуанкаре и российского правительства[3].

Достаточно хорошо известно, в какой мере русские планы на Балканах, являвшиеся причиной военной горячки, были связаны с интересами личного характера[4]. При этом с политической и военной точек зрения особое значение имеет закулисная сторона проекта железной дороги от Черного моря или Дуная до Адриатического моря. Такая дорога, по замыслу, должна была образовать стратегический и торгово-политический фундамент славянского бастиона западнее Проливов, о чем Россия издавна мечтала. В осуществлении проекта были заинтересованы важные финансовые группы Антанты и два русских великих князя[5]. Это была точная аналогия обстоятельств и причин русской политики в Болгарии в восьмидесятых годах. Теперь, как и тогда, русская политика натолкнулась на барьер, на препятствия, созданные железнодорожными интересами Немецкого банка, который в свое время стоял за кулисами антирусской политики Австрии «Винер банкферейн». В своей борьбе против новых проектов железнодорожной политики, обеспечивающей прорыв России к Адриатическому побережью, Немецкий банк пустил в ход некоторые оговорки против конкуренции, содержавшиеся в старых договорах о строительстве железных дорог со времен блаженной памяти «турецкого оленя»; его сделки по существу являлись причиной всех немецких бед на Ближнем Востоке[6].

Если от русской политики в отношении Проливов выигрывал преимущественно — но далеко не только — капитал Антанты, связанный с военной промышленностью,— Путилов, Крезо и Виккерс — Захаров,— то, с другой стороны, турецкие и балканские операции Немецкого банка увеличивали шансы сбыта на Босфоре продукции фирмы Крупна, причем, конечно, и в этом случае дело не обходилось без бакшиша. Крупп покупал деятелей админи-

---

[1] GP, 15131, Чиршки — Бетману, 2 января 1914 г.— один из самых интересных документов в немецком собрании документации. См. D e l a i s i, Poutiloff, S. 19 ff.

[2] GP, 12338, Чиршки — Бетману, 11 ноября 1912 г.

[3] Когда это было подтверждено множеством доказательств благодаря известным разоблачениям «Юманите» и опубликованию дипломатической переписки Извольского, Пуанкаре также вынужден был признать, что подобная тактика действительно проводилась. Конечно, он старался по возможности преуменьшить ее значение. См. об этом P o i n c a r e, Erinnerungen, 2. Bd., S. 57 ff. Можно поверить Пуанкаре на слово, что он «охотно умолчал бы о тех жалобах», которые в этой связи счел нужным высказать относительно формы докладов Извольского. В самом деле, это повело к разоблачению всей системы, действовавшей в то время.

[4] Необходимо дать на немецком языке основанное на русских материалах точное описание этого переплетения интересов.

[5] По крайней мере если можно верить данным И. Галтье—Буасснера и Рене Лефевра в журнале «Крапуйо» за май 1923 г., стр. 98. Весьма сложная история дунайско-адриатического проекта заслуживает социологической монографии. По-видимому, в центре всех переговоров находился Табурно, белградский корреспондент газеты «Новое время», который и в ОА иногда упоминается как предприниматель и личный друг Пашича (!). В Италии с этими планами был связан финансист Стрингер. Что касается Франции, то соответствующие проекты возникали в кругах, близких к Французскому банку и прежде всего к Оттоманскому банку. Конечно, содержание этих различных проектов не совпадало, они даже частично противоречили друг другу.

[6] См. GP, 11502, памятная записка Гельфериха от 6 июня 1911 г.; 11504, Микель — Бетману от 14 июля 1911 г., равно как 11505, Микель — МИДу, 17 июля 1911 г.

страции, а финансовые магнаты подкупали в парламенте младотурок[1]. Вместе с тем период балканских войн был и для австрийской военной промышленности временем высокой конъюнктуры. Предприятие фирмы «Шкода», в 1906 году находившееся еще в тяжелом положении, явно расцвело за время балканских войн. Это явилось приятным сюрпризом для тех, кто финансировал это предприятие: австрийского «Кредитанштальт», «Винер банкферейн» и «Бемише эскомпт-банк»[2]. Впрочем, военные предприятия Тройственного союза направляли свои поставки не только армиям Центральных держав; во время крайнего обострения кризиса, в ноябре 1912 года, когда ежечасно могла разразиться война между Тройственным союзом, с одной стороны, и Сербией и Антантой — с другой, в Сербию и Болгарию текли рекой боеприпасы из расположенных в Дюссельдорфе фабрик предприятия «Рейнише металлваффенфабрик, Эрхардт и К°»[3]. Австрийское правительство не без основания похвалялось перед державами, что во время балканской войны, несмотря на создавшееся сильное напряжение, оно все же разрешало вывоз боеприпасов в Сербию[4]. В 1911 году немцам удалось добиться ухода в отставку сербского военного министра, который осмелился указать на связь, существующую между энергичным давлением, оказанным германским посланником фон Райхенау с целью передать заказы фирме «Рейнметалл» («Эрхардт и К°»), и тем фактом, что в наблюдательном совете фирмы Эрхардта заседал некий генерал фон Райхенау[5]. С тех пор Германия занимала прочное положение в Сербии; последний договор о поставках между фирмой Эрхардта и Сербией был заключен 18 июля 1914 года.

Как обычно, и в ту пору во всех государствах нашлись недовольные, которые объявили, что вооружение их собственной страны является недостаточным. Позднее, перед мировой войной, тесно связанный с «Комитэ де форж» французский сенатор Юмбер, к величайшему удивлению всего мира, беспощадно раскритиковал состояние вооружений французской армии. Точно также в 1911 году австрийский военный министр генерал фон Ауфенберг подверг такой же решительной критике состояние австрийской артиллерии[6].

---

[1] Все же суммы, о которых шла речь, до войны были совсем небольшими по сравнению с позднейшими операциями периода мировой войны, когда в конце концов над Крупном одержала победу фирма «Шкода», ее агентом был шурин Энвер-бея. Совершенно неслыханные подробности этих дел содержались в оказавшемся в моем распоряжении секретном докладе германского военного атташе в Константинополе генерала фон Лоссова от 11 января 1918 г. При этом речь идет сплошь о тех самых лицах, которые стояли у власти в Турции в течение последних предвоенных лет. Во время войны турецкие посольства в Вене и Берлине были главными центрами коррупции.

[2] По материалам архива «Байерише ферейнбанк», Мюнхен. Впрочем, пацифисты в свое время уделили много внимания военной промышленности; Берта фон Зуттнер, например, перепечатала в журнале «Фриденсварте» за 1913 г., S. 124 ff., из «Винер меркур» финансовый отчет предприятий «Шкода», из которого видно, что только реорганизация австрийского военного флота — создание новых и более крупных броненосцев — повела к оздоровлению предприятия. Во время балканской войны «Шкода» поставляла оружие и Турции.

[3] «Vossische Zeitung» v. 15.11.1912.

[4] См., например, ÖA, 4317, циркуляр Берхтольда от 8 ноября 1912 г., и 4318, Берхтольд — Седьени, от 8 ноября того же года.

[5] О падении сербского министра — данные полковника Гойковича, см. «Фоссише цейтунг» от 27 февраля 1911 г.

[6] С исторической точки зрения не играет никакой роли, была ли эта критика технически обоснованна или нет; в данном случае имеет значение только одно: какие силы направляли определенную политику. Согласно различным сообщениям «Фоссише цейтунг» от ноября 1911 г., венские газеты связывали критическое выступление генерала фон Ауфенберга с биржевыми маневрами некой особы, связанной с одним из австрийских артиллерийских заводов. По техническим причинам я был лишен возможности проверить эти сообщения. Но в данном случае я считаю более правдоподобным обратное: пушечные фабриканты использовали в своих целях критику генерала по поводу действительно весьма большого отставания австрийской армии.

Конечно, такие речи лили воду на мельницу металлургической промышленности, которая благодаря высоким защитительным пошлинам зарабатывала от поставок в самой Австрии больше, чем в других странах. В феврале следующего года австрийская металлургия была вынуждена вести ожесточенную борьбу с австрийским министром торговли фон Шустером, причем было доказано, что, например, док для военного флота, поставленный из Германии, стоит на 664 тысячи крон меньше, чем изготовленный на австрийских верфях[1]. По-видимому, австрийская промышленность стремилась посредством сухопутных и морских вооружений компенсировать себя за ущерб, вызванный тем, что императорско-королевские правительства затрудняли вывоз и вели такую классовую аграрную политику, которая обостряла уже существовавшие противоречия с Сербией и, собственно, была их подлинной причиной.

Борьба Сербии против Австро-Венгрии была, по сути дела, как указывалось, одним из многочисленных выражений стремления к свободе крестьянского населения, боровшегося за свои права[2] против мощного государственного и надгосударственного аппарата. Но, как сказано выше, эта борьба стала неизбежной тогда, когда классовая политика австрийских и особенно венгерских магнатов привела к политическому и экономическому порабощению славянства в пределах Австро-Венгерской империи и областей, аннексированных в 1908 году, и когда, сверх того, эта политика сделала жизнь южных славян невыносимой и за пределами монархии[3].

Поджигательская деятельность Австро-Венгрии

Германия, которая, используя австро-сербский конфликт, создала в Сербии рынок для своей индустрии, и особенно для военной промышленности, и сохранила с Белградом неплохие отношения, испытала, однако, на себе в огромном масштабе действие закона исторической диалектики, в силу которого за деяния отцов расплачиваются потомки во втором и третьем поколении. Столь неудобные для Германии австро-сербские трения в конечном счете были обусловлены немецким аграрным законодательством конца прошлого века, которое повело к тому, что Австро-Венгрия задыхалась от обилия сельскохозяйственных продуктов и была вынуждена экономически отгородиться от внешнего мира[4]. Строго аграрная торговая политика Австро-Венгрии по

---

[1] «Vossische Zeitung» v. 12.12.1913.

[2] Это и есть самое существенное. В рамках данной книги нет возможности подробно останавливаться на этом вопросе. См. цитированные ниже материалы и книгу E. Anrich, Die jugoslawische Frage und die Julikrise 1914, Stuttgart 1931.

[3] В отношении югославской проблемы я снова отсылаю читателя к 10-му тому 1-й серии трудов германской парламентской комиссии по расследованию предыстории мировой войны: там, по-своему классически, изложены обе версии — политика Габсбургов и политика югославов; первая — австрийским дипломатом д-ром Р. Гоосом, вторая — крупным социал-демократическим историком Германом Венделем. Вероятно, объективный наблюдатель придет к выводу, что и та и другая версии по-своему верны и не исключены. В конечном счете все зависит от того, решать положительно или отрицательно вопрос о праве на существование такого государственного образования, как Австро-Венгерская империя, но это уже не историческая, а социальная и политическая проблема.

Описание югославской борьбы за объединение не относится к теме этой книги. Даже абсолютно австрофильские экономисты из лагеря Центральных держав должны были признать, и как раз во время мировой войны, что австро-венгерская экономическая политика причиняла сербам большой вред. См. Von Zwiedineck-Sydenhorst, Die handelspolitischen Beziehungen Serbiens zu Oesterreich-Ungarn. Weltwirtschaftliches Archiv, 6. Bd., особенно S. 119 f., где в объективной форме, на основе интересных статистических данных доказывается, что Сербия не могла в других странах сбыть тот скот, для которого доступ на европейский рынок был закрыт.

[4] См. весьма меткие замечания: Wendel, Gutachten, S. 319

отношению к Сербии еще более обострилась после ближневосточного кризиса и после ухода Эренталя. Если уж барон фон Эренталь, супруг урожденной графини Седьени, был скован венгерскими феодальными узами, то теперь внешней политикой двуединой монархии руководил человек, который с самого начала, несмотря на свою немецкую фамилию, чувствовал себя дома именно по ту, а не по эту сторону Лейты. Граф Леопольд Берхтольд был тем человеком, на долю которого выпала неприятная задача — заботиться не только о своих лошадях, модных костюмах и шикарных женщинах, но еще и о внешней политике многоплеменной империи с семьюдесятьюмиллионным населением. Причем он хорошо сознавал, что сербскую проблему можно было бы разрешить или по крайней мере лишить ее зловещего характера, если «с божьей помощью закупить свиней и сливы» у сербских крестьян. Но разве такая проницательность могла побудить крупного помещика из Пушты сделать надлежащие практические выводы! Правой рукой Берхтольда и его закадычным приятелем был другой венгерский магнат, бывший посланник в Белграде граф Форгач. Это он во время ближневосточного кризиса 1909 года в силу своего преступного легкомыслия снабдил австрийскую дипломатию пресловутым фальшивым документом, с помощью которого Балл-плац должен был разжечь военный пожар на Балканах*. В те дни благодаря энергичному вмешательству будущего германского статс-секретаря фон Кидерлена, вызванного на помощь Бюлову в Берлин из Бухареста, где он занимал пост посланника, удалось еще раз затоптать тлеющий огонь. В результате взрыв подготовленной бомбы — опубликование в печати фальшивки, которое уже нельзя было предотвратить,— не привел ни к чему иному, кроме как к непоправимой компрометации Балл-плац, к так называемому делу Фридьюнга[1]**. Но пока у кормила правления находились те силы и люди, которые действовали в описываемый период, не могло, конечно, существовать никакой гарантии, что не будут опять применены такие же методы, как только накопится новый взрывчатый материал.

А взрывчатого материала было действительно предостаточно. Победы балканских союзников в течение нескольких недель привели к тому, что в руках Черногории оказался санджак Новый Базар и тем самым пути, издавна связывавшие стратегически и экономически Австро-Венгрию с Салониками.

Таким образом, был уничтожен созданный дипломатией барьер между Сербией и Черногорией, между тем как в это же время к юго-востоку от санджака сербы прорвались через Албанию к побережью Адриатики. В Вене потеряли голову. Черно-желтая пресса бушевала. Казалось, что отрезан торговый путь к Эгейскому морю, а сила Сербии настолько выросла, что угрожала спокойствию и в тех провинциях монархии, которые были беспардонно отданы под власть феодально-аграрного меньшинства***.

Правда, в результате высокой стоимости строительства железной дороги через горный хребет к побережью не следовало с точки зрения австро-венгерских экономических интересов слишком трагически оценивать тот факт,

---

[1] О подоплеке дела Фридьюнга см. K a p p e r, op. cit., S. 63 ff.

В качестве дополнения могут служить многочисленные относящиеся к этому делу документы в ÖA, которые ярко разоблачают жалкое состояние дипломатии на Балканах, так глубоко погрязшей в жульничестве.

* Еще более одиозной фигурой был начальник отдела печати у Берхтольда фон Канья, о деятельности которого много материала содержат доклады французского посла в Вене Дюмена (DD, 3-me serie, vol. 5 et 6, например, № 601, от 23 мая 1913 г.).

** Об этом см. M o u r i c e S c h u l t z, L'affaire Fridjung, в «Revue d'Histoire de la Guerre Mondiale», 1935, p. 109 ff.

*** Об австрийских военных настроениях теперь имеется богатый материал, содержащийся в докладах французского посла в Вене Дюмена (DD, 3-me serie, vol. 5, № 71, 15.12.1912), а также в докладах посланника Деско в Белграде (например, № 88 от 18 декабря 1912 г.).

что Сербия прорвалась к Адриатике. Поэтому Берхтольд без особых колебаний согласился на предоставление Сербии чисто экономического выхода к Адриатическому морю[1]. Однако если эти тонкие расчеты Вены и были верны, все же было очевидно, что давняя напряженность в отношениях между Веной и Белградом сохранит свою силу и в будущем. Не удивительно, что Вена всеми силами противодействовала плану создания на побережье Адриатики сербского порта, который, как расписывали венские газеты, мог бы служить базой для будущего сербско-русского флота[2].

Австро-венгерская дипломатия применила довольно своеобразные приемы в борьбе против неприятного для нее проекта: хранители наследства Меттерниха внезапно открыли в своем сердце симпатии к угнетенной национальности и дали отпор продвигавшимся сербам, выступая от имени албанцев, чье жизненное благополучие оказалось под угрозой. Австрия и Италия мгновенно присвоили албанским скотоводческим племенам звание нации, чтобы таким путем не допустить ненавистных сербских конкурентов к средиземноморскому побережью*.

Но необходимость прибегнуть именно к такому выходу из положения, пожалуй, наилучшим образом свидетельствует о том, что огромный успех балканских государств и крушение Турции означали сильнейшее поражение Австро-Венгрии и Германии. Лишь когда Центральная Европа, с трудом очнувшись от сна, протерла глаза, она обнаружила, каковы последствия ночного землетрясения. Если Вена потеряла в лице Турции своего важнейшего союзника в борьбе против славянства, то Берлину пришлось стать свидетелем того, как был превращен в развалины важнейший бастион нового германского финансового империализма. Статс-секретарь фон Кидерлен первый собрался с духом. Если не удалось с помощью Турции, может быть, удастся с помощью Болгарии? Нельзя ли оружие, которое русский феодальный милитаризм обнажил против Центральных держав, повернуть в последний момент против того, кто снял меч со стены? Однако тут обнаружилось, что этот меч за время борьбы уже основательно зазубрился. Болгарское наступление исчерпало себя непосредственно у самого Константинополя на «линии Чаталджи», и замечательный план Кидерлена — в последний момент пустить русских в Константинополь в обмен на их отказ от дальнейшей поддержки югославов[3],— этот план в последний момент провалился. Но поскольку русским не удалось получить контроль над Проливами как награду за победоносное политическое наступление, то стало еще труднее удержать продвигающийся панславизм от неограниченной поддержки югославов.

Австро-русские отношения, бывшие недавно, в октябре, совсем хорошими, теперь с каждым днем все более ухудшались. В решающие дни октября русская дипломатия, поддержанная Парижем и Лондоном, всячески заигрывала с австрийцами, чтобы предохранить своих сражающихся балканских союзников от удара в спину[4], а теперь она должна была оказать поддержку

---

[1] См., например, ÖA, 4317, циркулярная телеграмма Берхтольда от 8 ноября 1912 г., а также Берхтольд — Седьени, 8 ноября 1912 г.

[2] См., в частности, ÖA, 4257, Берхтольд — Турну, 3 ноября 1912 г. Дипломатические подробности, касающиеся вопроса о сербском порте, описаны у R. G i e s c h e, Ein serbischer Zugang zum Meer usw., Stuttgart 1932.

[3] См. GP, 12327, программа Кидерлена от 5 ноября 1912 г.

[4] Это особенно подчеркнуто в собрании документов — «Boghitschewitsch, Die auswärtige Politik Serbiens 1903—1914», 3 Bde., Berlin 1928—1931, III, S. 147 f.

* Русские тогда заявили (как явствует из DD, 3-me serie, vol. 4, Жорж Луи — Пуанкаре, 20 ноября 1912 г.), что у населения Албании, насчитывающего около миллиона и разделенного на три группы по религиозному признаку, нет никаких предпосылок для формирования нации. Это было преувеличением. Еще во время балканской войны семидесятых годов албанцы боролись за сохранение своей народности; однако в том, что они достигли национального единства и собственной государственности, решающую роль сыграла позиция, занятая Центральными державами в 1912—1913 гг.

таким громадным завоеваниям и претензиям, какие за несколько недель до этого ни один человек в Европе не считал возможными. Теперь уже нельзя было думать, что Вена будет спокойно выжидать. Австрийские военные[1], феодалы[2] и промышленники со стыдом и ужасом обнаружили, что имперско-королевская дипломатия, баюкая себя надеждами на аллаха, Гольца и Круппа, основательно просчиталась и упустила драгоценную возможность нанести с помощью армии удар в спину борющимся балканским государствам и ликвидировать страшное бедствие, которое уже подрывало самый фундамент общества[3]. Балл-плац стыдится своей слабости, сообщал в Берлин германский посол.

Используя различные неконтролируемые пути, воинственные общественные группы порой захватывали кормило государственного правления; дипломатические переговоры с Болгарией как соперницей Сербии, поездка начальника генерального штаба Конрада к румынскому королю, переговоры с Черногорией, личный зондаж у германского кайзера через наследника престола эрцгерцога Франца Фердинанда, наконец, дело австро-венгерского консула Прохазки, чей окровавленный труп, разорванный на части балканскими убийцами, газеты ежедневно преподносили венцам к завтраку, хотя доказано, что ни один волос не пострадал на голове этого чиновника,— ко всему этому приложили искусную руку корыстные поджигатели войны из армейских, финансовых и военно-промышленных кругов; они, как куклу, тянули колеблющегося Берхтольда[4] в разные стороны, между тем как армия сосредоточивалась у границы[5]. Уже 29 ноября миссиям в Петербурге и Софии были посланы указания на случай предстоящего начала войны[6].

Движущие силы русской политики

Конечно, и другая сторона не дремала. Панславистская, промышленная и южнорусская аграрная печать неустанно добивалась предоставления Проливов, требовала борьбы и войны против Австро-Венгрии[7].

Во главе русского феодального милитаризма стоял не царь, а великий князь, грубоватый Николай Николаевич, который в качестве шурина наследного принца Черногории и сербского короля сколачивал фронт против Австрии. Его важнейшим орудием был российский посланник в Белграде Николай фон

---

[1] См. Feldmarschall Conrad, Aus meiner Dienstzeit, 5. Bd., Wien, 1921—1925, 2. Bd., passim.

[2] См., в частности, GP, 12402, Чиршки — Бетману, 18 ноября 1912 г.

[3] О настроении в Вене см. GP, 12402; Чиршки — Бетману, 18 ноября 1912 г.; Kanner, op. cit., S. 110 f.; von Szilassy, Der Untergang der Donaumonarchie, Berlin 1921, S. 222 f., или также von Auffenberg-Komarow, Österreichs Höhe und Niedergang, München 1921, S. 203, и, наконец, Conrad, op. cit., 2. Bd. Конечно, из австрийских документов нельзя усмотреть, что австрийская дипломатия слепо рассчитывала на победу Турции, но это видно изо всей тогдашней инспирированной печати. Таким образом, умеренность, проявленная Балл-плацем на известных конференциях в конце октября, являлась главным образом плодом переоценки Турции и проявлением неподготовленности самой Австрии.

[4] О олабохарактерности Берхтольда см. Scilassy, op. cit., S. 223 ff. Не названным по имени вдохновителем противостоящей военной партии в министерстве был, очевидно, судя по документам, начальник секции граф Ф. Сапари.

[5] О вооружениях см., в частности, Auffenberg, op. cit., S. 211 ff., а также Conrad, op. cit., 2. Bd.

[6] См. ÖA, 4710, указания, посланные в Петербург 22 ноября 1912 г.

[7] См. об этом, кроме ÖA, 4 u. 5. Bd., GP, 33 и. 34. Bd., а также многочисленные хорошо информированные, хотя и односторонние статьи Шимана в «Крейццейтунг», содержащие большой материал. Но вообще еще нет всеобъемлющего общего исследования воинственных происков русской печати, как и ее интриг в других странах.

Гартвиг, с женой которого великий князь находился в связи[1]. Правда, мелкий деспот в Цетинье, одержимый страхом перед возможностью падения его династии, ненавидел, как чуму, своего сербского зятя короля Петра. Однако в решающие периоды благодаря огромной энергии российского представителя в Белграде и русским деньгам удавалось объединять противоречивые интересы. Основатель Югославии сербский министр иностранных дел Пашич также покорно выполнял политические приказы всемогущего Николая Гендриховича, а равно и указания по вопросам экономики, исходившие от французских военных промышленников.

Если самая примитивная жестокость и пренебрежение ко всяким дипломатическо-политическим правилам были на Балканах обычными явлениями, если там требовалась безоглядная, мистическая преданность, на которую способно славянство, когда оно поклоняется иконе, то в Москве панславизм прибегал к противоположным методам, когда нужно было повлиять на царя всея Руси, от которого зависело окончательное решение вопросов войны и мира. История падения Романовых — это одна из величайших монархических трагедий мировой истории. Кровопролитие, виселица, кинжал, яд, болезнь, безумие и смерть, галльские деньги и галльская болезнь — все это свирепствовало в династии Петра Великого. Шуты, лекари, шулера, фокусники, алхимики, святоши, чудотворцы, прихлебатели, поэты и проститутки различных рангов составляли окружение батюшки-царя, за которого ежедневно молилась, испрашивая ему божье благословение, коленопреклоненная нищета стомиллионной империи. Последний царь скорее чувствовал, нежели знал, какой высокий, непреодолимый социальный барьер отделяет его от этих миллионов голодающих людей. Для того чтобы разорвать это кольцо, он должен был бы иметь соответствующий разум и необходимую энергию. Эти качества у него отсутствовали. Вместо этого он, как это бывает со слабыми людьми, проявлял коварное вероломство. Тем не менее он испытывал желание говорить с народом, не только называться батюшкой-царем, но и быть им. Тут-то партия великого князя и преподносила царю камень вместо хлеба. В его дом ввели некоего Распутника[2], это значит — развратника. Он был гордостью и украшением тайной секты, которая, подобно кружку восточнопрусского дворянства в тридцатых годах прошлого столетия, предавалась в плотской форме мистической любви к богу. Брат Григорий, к которому тянулись похотливые женщины из придворного общества, не был просто обыкновенным мошенником, как и Христос и Магомет не были просто impostores, какими со времен норманского Фридриха хотел изобразить их рационализм. Кто, подобно западноевропейскому рационалисту, видит в Григории Распутине лишь своеобразный тип святого, тот не понимает ни славянства, ни мистики и религии всех времен, тому остаются чуждыми глубочайшие источники, придающие смысл, содержание и силу человеческой жизни и мышлению. История Григория Распутина, Николая Романова, царицы Александры Федоровны и маленького Алексея была, по крайней мере к концу, борьбой славянства против западноевропейской цивилизации и одновременно последней попыткой древних исторических сил противопоставить плохо осведомленному царю царя хорошо осведомленного и тем самым предотвратить великую катастрофу, в результате которой все то, что было свято для старой России, пало жертвой самого радикального истолкования западноевропейских идей.

[1] О Гартвиге см. K-BM, 1928, S. 745 ff., дополнительное замечание румынского короля в беседе с Конрадом (C o n r a d, op. cit., 2. Bd., S. 357). По-видимому, и этот выдающийся «русский патриот» в своих действиях руководствовался вескими личными мотивами*.

[2] Так у автора.— *Прим. ред.*

* Согласно DD (3-me serie, vol. 4, № 490, Жорж Луи — Пуанкаре, 18 ноября 1912 г.), весьма злостные интриги Гартвига и его высказывания против Австрии следует считать одной из существенных причин военных приготовлений Австрии в те дни; австрийские жалобы на Гартвига были обоснованны.

Это не исключает, что Распутин первоначально был представлен ко двору теми, против кого он потом вел ожесточенную борьбу; как раз в критические недели ноября и декабря 1912 года он играл на руку отвратительным черногорским принцессам и партии великого князя[1], которые стимулировали военную политику на Балканах, по глупости предполагая, что они спасают подлинное славянство. Эти круги были тесно связаны с силами капитализма, которые технически оснащали и вооружали русский милитаризм и по принципу «рука руку моет» в свою очередь подводили капиталистический фундамент под «панславизм», следовательно, поддерживали великих князей и генералов, дававших заказы на военные поставки, или крупных чиновников, заседавших в наблюдательных советах предприятий, поставлявших вооружение*; не нужно забывать и свиту всей этой компании — многочисленных судей, адвокатов, редакторов, «газетных негров», вплоть до последнего посыльного, ремесленников, писцов, нотариусов, врачей и профессоров. Если позднее большевизм и коммунизм оказался не чем иным, как наследником цивилизации капитализма и анархической аграрной политики, то великие князья и панславизм, тесно связанные с государственным капитализмом и капиталистической военной промышленностью, сами вырыли себе могилу: таков уж высший закон, вечная диалектика мировой истории.

Военная бутафория, шумное музыкальное сопровождение этой русской драмы, непрестанные воинственные вопли русской прессы в тот и последующий периоды оценивались и воспринимались большинством немецких публицистов и газет как истинная причина будущей мировой войны. Подобно тому как в прошлом балтиец Унгерн Штернберг, так и в эти годы балтиец профессор Теодор Шиман возглавил газетную кампанию в Германии, отзывавшуюся раскатистым эхом на каждый удар грома на Востоке. Эти голоса не умолкли после окончания мировой войны; выступления в печати немецко-балтийских ученых (веймарского периода) и вышедших в отставку германских военных, направленные против Советской России, являлись, с чисто социологической точки зрения, продолжением мировой войны, но другими средствами. Правда, возникновение и ход мировой войны во многом подтвердили предостережения и доводы публицистов антирусского направления. Могло показаться, что июль 1914 года был уроком для Германии за то, что она не прислушалась к этим голосам, и особенно к громкому предупредительному сигналу, прозвучавшему в марте 1914 года в известной статье петербургского корреспондента «Кёльнише цейтунг» д-ра Ульриха «Германия и Россия».

Однако такой анализ, хотя бы он и содержал много верного, не должен вводить в заблуждение насчет того, что в основе русской политики и ее брянцания оружием лежало стремление к определенным целям. Правильный анализ русской политики не мог и не может обязательно привести к выводу, будто германской политике нужно было с абсолютной необходимостью противодействовать осуществлению этих целей.

Никакая, даже самая меткая, критика целей и методов довоенной России не освобождает от необходимости объяснить восточную политику Германии и австро-сербскую национальную политику, исходя из заложенных в них закономерностей.

Для объяснения проблем германской политики принципиально нельзя ограничиться освещением политических интриг, жульнических проделок

---

[1] О влиянии Распутина в воинственном духе (GP, 12415), о превращении его в народного святого и прорицателя см. Maurice Paléologue, Am Zarenhof während des Weltkrieges, München 1925, 1. Bd., S. 395 ff.

* Господство великих князей, несмотря на их подчеркнутый милитаризм, в действительности имело разлагающее влияние на русскую военную машину и ослабило ее; это особенно сильно чувствовали союзники России (см., например, DD, 2-me serie, vol. 10, № 294, военный доклад из России, 20 ноября 1905 г.).

и коррупции на Балканах[1], хотя разложение, вероятно, было глубже, чем мы предполагаем и когда-либо узнаем[2]. И если все же сербские или другие национальные стремления могли быть удовлетворены только за счет территории двуединой монархии, тем не менее остается открытым вопрос, почему Австро-Венгрия в течение ряда лет вела внутри страны по отношению к хорватам и словенам, а вовне — по отношению к сербам такую социальную и торговую политику, которая после долгого периода полного спокойствия вновь вызвала возбуждение в Сербии, пробудила и питала национальную пропаганду, последствий которой двуединая монархия в 1912 году, конечно, уже не могла избежать.

Причины неизменной германской «верности Нибелунгов»

В своей борьбе австро-германская монархия располагала в Германии союзниками в кругах финансовой аристократии среди тех, кто участвовал в осуществлении империалистической политики на Востоке — в генеральном штабе и прежде всего в католицизме. С точки зрения немецких католиков и особенно клерикальных церковных кругов, если бы преданный католицизму императорский дом потерпел поражение в борьбе против нового, православного Пьемонта, это было бы равносильно новому 1866 году.

Положение католической церкви в предвоенной Европе в результате капиталистического развития этой части света осложнилось с двух точек зрения. С одной стороны, в условиях капитализма и для католической церкви рабочий вопрос стал злободневным; с другой — при капитализме развернулась борьба между отдельными великими державами, с которыми вселенская церковь средневековья была по традиции связана. Тесная связь католической церкви с социальными выразителями национализма в различных странах, особенно во Франции и Австрии, должны были, собственно, поставить католицизм во главе движения за мир. Однако уже миновали те времена, когда католическое население в отдельных крупных государствах должно было подчиниться приказам из Рима, даже когда они ему были не по душе. Поэтому в отдельных странах католицизм приспосабливался к существующим социальным и политическим условиям. Во Франции он шествовал рука об руку с реставрированным феодализмом, тяжелой промышленностью, националистической интеллигенцией и молодежью из числа крупной буржуазии. Наоборот, на Рейне и в Южной Германии католицизм опирался на население, которое в первую очередь пострадало бы от военного вторжения французов и поэтому энергично проводило и поддерживало политику вооружений 1912 и 1913 годов. По тем же соображениям оно выступало против сербов, в которых немцы видели не только врагов Австрии, но одновременно и пособников франко-русской Антанты. В результате католическая пресса Германии

---

[1] По этому поводу Герман Вендель, несомненно, сказал слишком мало в своей книге о южных славянах: в ней не хватает описания и характеристики тех зверств, которые были типичны для внутренней и внешней политики на Балканах. Несмотря на этот недостаток, книга Венделя знаменует большой прогресс, дает основу для написания подлинной истории Балкан.

[2] В этой связи показателен Богичевич, поведение и облик которого уже в достаточной мере охарактеризованы Венделем (G u t a c h t e n, op. cit., S. 321 ff.). Нельзя считать надежным свидетелем озлобленного ренегата, который способен выражать сожаление по поводу того, что вражеский генеральный штаб не расправился с его отечеством раньше и более основательно (B o g h i t s c h e w i t s c h, op. cit., III, S. 159 ff.). Богичевич вообще ничего не говорит о всей австрийской военной пропаганде; он оправдывает (стр. 175) даже аферу Прохазки, характер которой разоблачили не только бывшие австро-венгерские дипломаты, такие, как Силаши, но и шовинисты, такие, как генерал фон Ауфенберг. Даже граф Берхтольд признал ее подлинный характер в беседе с германским послом.

оказывала неограниченную поддержку австрийской политике. Вместе с тем, к неудовольствию германских сторонников большого флота, которые должны были делать ставку на поддержку России, «католическая Германия» все время поговаривала о прогулке в Константинополь[1].

Правда, ответственный руководитель германской политики статс-секретарь Кидерлен слишком долго находился в русской атмосфере при штутгартском дворе и поэтому не был склонен слепо идти вслед за австрийцами навстречу гибели. Направление его политики было ясно отмечено двумя вехами: ликвидация первого балканского кризиса в результате германо-русской встречи в Потсдаме и следующее свидание императоров летом 1912 года в Балтийском порте. Однако задача заключалась в том, чтобы одновременно сохранить мир между великими державами и укрепить германские позиции на Ближнем Востоке, а равно сохранить союз с Австрией и даже в условиях обостренного кризиса возобновить Тройственный союз. Такая задача содержала столь много внутренних противоречий, что ее нельзя было разрешить без частичной сдачи прежних позиций, особенно без сильного обострения германо-русских отношений. Германский империализм волей-неволей всецело поддерживал некоторое время австрийскую политику на Балканах, однако подошел на этом пути так близко к краю пропасти, что в те дни, когда Берхтольд уже давал своему петербургскому посольству технические указания на случай войны, Германия была вынуждена образумить своего союзника, сделав резкое заявление в «Норддейче альгемейне цейтунг».

Первоначально германский кайзер под влиянием военно-морских кругов и, вероятно, считаясь с позицией своих коронованных родственников в Греции и Румынии, был готов вести fair play с Сербией как естественным союзником обоих этих государств; к тому же такая политика учитывала заинтересованность германского капитализма в сербском рынке сбыта и в румынских нефтяных источниках. Однако к концу ноября кайзер оказался всецело в руках генерального штаба и Военного ферейна. Под их влиянием он наговорил самые невероятные вещи австрийскому эрцгерцогу — наследнику престола, когда тот пожелал лично убедиться, что Австрия получит поддержку своего союзника при задуманной расправе с Сербией. После этого Кидерлен, опубликовав свою статью в прессе, окатил Вену «холодным душем», пожалуй, в большей мере предназначенным для его царственного господина, чем для австрийского наследника престола, который никак не мог объяснить себе поразительное противоречие между впечатлениями, полученными им в Германии, и выступлением Кидерлена[2]. Впрочем, сам австрийский престолонаследник не был поджигателем войны Kat exochen, каким его долго и часто считали. В такие периоды в силу своего непостоянного характера он, подобно своему другу германскому кайзеру, чаще действовал под давлением со стороны, нежели сам оказывал давление; если в отдельных случаях удавалось достигнуть того, что он считал жизненно важным для монархии, наследник престола воздерживался от дальнейших шагов, озабоченный сохранением в целости своего наследства, между тем как партия начальника генерального штаба Конрада, мечтавшая о войне ради войны, испытывала в таких случаях своеобразное огорчение и даже мрачное отчаяние[3]. Тем не менее в решающие недели ноября

[1] См. П. Гармс в «Берлинер тагеблатт», 2 ноября 1912 г. Гармс в этой связи выступает против влияния германского клерикализма на правительство.

[2] Обычная версия о встрече в Спринге (GP, 3. Bd, S. 374, Anm.) теперь (1932 г.) уже потеряла силу после опубликования австрийской документации ÖA, 4459, Седьени—Берхтольду, 22 ноября, и 4571, телеграфное сообщение эрцгерцога-наследника от 22 ноября. Приводимые в этих документах высказывания точно — иногда дословно— совпадают с пометками императора на документах начиная с середины ноября, особенно в GP, 12375, 12402, 12404 (!) и записи кайзера от 21 ноября (GP, 12405).

[3] См. чрезвычайно интересное донесение графа Кагенека в GP, 13216, 4 мая 1913 г. О том же сообщил граф Клумеску (Leopold Chlumecky, Erzherzog Franz Ferdinand, Wien 1929, S. 137). Это относится и к осени 1912 г.

и декабря, например, наследник престола был настроен воинственнее, чем престарелый император Франц Иосиф, который возражал не только против войны, но даже против увеличения вооружений, чего неустанно требовали престолонаследник и особенно генеральный штаб[1]. Уже во время своего пребывания у Вильгельма II в Спринге наследник австрийского престола думал, что добился своей цели: в этот самый день была достигнута договоренность по военным вопросам между германским и австрийским генеральными штабами[2]. Военные были близки к тому, чтобы вовлечь в войну ведомства иностранных дел, сопротивлявшиеся этим планам.

Частичное отступление России. Лондонские конференции

В период этого кризиса Париж и Лондон пришли на помощь дипломатии Центральных держав. Ни британский империализм, у которого было достаточно много внутриполитических забот, ни французский финансовый капитал — главный кредитор ослабевшей Турции, крайне обеспокоенные воинственным шумом и паникой на бирже[3],— никто из них не хотел оказаться вовлеченным в войну из-за сербского порта на Адриатическом море. Заявления обеих западных держав в Петербурге были в этом отношении столь ясны[4], финансовые затруднения царизма столь велики и, наконец, итоги балканской политики России столь значительны, что российское министерство иностранных дел проявило 23 ноября готовность сговориться[5]. Знаменитая заметка Кидерлена в «Норддейче альгемейне цейтунг», направленная против Австрии, была опубликована лишь после того, как появились несомненные предзнаменования успеха. До этого даже германский статс-секретарь все же оказывал поддержку австрийской именитой знати[6].

---

[1] C h l u m e c k y, op. cit., S. 136 ff.

[2] GP, 33. Bd, S. 372, Anm.

[3] Характеристика позиции и интересов французского империализма осенью 1912 г. подтверждается различными источниками, публикациями документов и описаниями событий, равно как и тем фактом, что интересы французского финансового капитала на Балканах, особенно в Турции, требовали сохранения мира. Для характеристики французской политики особенно важен первый том воспоминаний Пуанкаре. Об этом см. G e r t z u d' N i c k e l, Die Balkankrise 1912 und die Verschwörung der Entente gegen Deutschland, Dissertation Köln 1931, где дано подробное исследование позиции «Фигаро», «Журналь де деба», «Матэн» и «Тан». Безусловно, надо признать оправданной попытку осветить политику французского правительства, исходя из политики этих газет, поскольку они находились в тесной связи с Кэ д'Орсэ, хотя эти газеты, прежде всего «Тан», были подкуплены Россией и получали, особенно осенью 1912 г., такие большие взятки, что в дальнейшем министерство иностранных дел часто вынуждено было жаловаться на то, что эти газеты резко уклоняются от курса. Однако совсем ошибочно было бы считать, что излияния газет, действовавших по поручению определенных всесильных и политически решающих группировок, выражали «общественное мнение» Франции того времени. В Германии в этот период (1932 г.) были бы не очень довольны, если бы кто-нибудь объявил политику «Мюнхенер нейесте нахрихтен», «Френкише курир», «Берлинер локальанцейгер» или, например, «Гамбургер фремденблатт» голосом германского народа, вместо того чтобы указать, что эти газеты выражают мнение группы Ганиеля, г-на Гугенберга и т. п.

[4] Доказательства см. в GP., 33. Bd., S. 394, Anm.

[5] GP, 12425, Пурталес — Бетману, 23 ноября 1912 г.

[6] GP, 12397, Кидерлен — Чиршки, 19 ноября 1912 г.

* Как доказывают многочисленные документы (DD, 3-me serie, vol. 4.), балканский конфликт был чрезвычайно неприятен для Пуанкаре; при этом, несмотря на ошибки, допущенные Сазоновым, Пуанкаре старался поддержать его политику как относительно разумную и тем самым сохранить «Тройственное согласие». Это было необыкновенно трудно, потому что давнишние традиционные интересы обеих западных держав на Ближнем Востоке расходились с интересами «Тройственного согласия» (см., например, DD, 3-me serie, vol. 4, № 184, П. Камбон.— Пуанкаре, 16 октября 1912 года). Первоначально Пуанкаре был очень виноват перед Англией, потому что не открыл Грею тайну балканского договора, о котором Сазонов поставил его в известность.

Тем не менее успех, которого достигла Центральная Европа, поднявшая шум вокруг вооружений и угрожавшая войной, был более чем сомнительным. Правда, между Сербией и морем возвели барьер и создали импровизированное Албанское государственное образование, благодаря чему удалось вновь спаять Тройственный союз, расползавшийся по швам, и снова привлечь Италию, для которой получение Сербией выхода к Адриатическому морю было так же нежелательно, как и для австрийцев. Однако такие успехи престижного характера скорее обострили, нежели ослабили основные противоречия в Европе. Это было тем более серьезно, что Сербское государство, за чей счет заключили сделку, в действительности добилось такого большого политико-стратегического успеха, что могло легко преодолеть последствия небольшой тактической неудачи в своей борьбе с колоссом на глиняных ногах*. Половинчатость и жалкий характер найденных решений и примененные при этом грубо насильственные методы — все это привело к тому, что военный угар не исчез в Европе и тогда, когда в декабре одновременно с заседавшей в Лондоне мирной конференцией балканских государств там же собрались послы великих держав на заседание своего рода европейского ареопага для обеспечения всеобщего мира**.

Хотя немцам и французам удалось взять под уздцы австрийского и русского коней, все же никто не мог сказать, когда кони вновь закусят удила. Нельзя было считать хорошим предзнаменованием то, что тогдашнюю мирную политику Пуанкаре одобряли не только социалисты. Для социалистов мотивы политики Пуанкаре имели второстепенное значение — лишь бы она обеспечивала мир. Но то обстоятельство, что французский национализм в целом поддерживал, как и прежде, Пуанкаре, свидетельствовало больше, чем что-либо другое, об эпизодическом характере тогдашнего направления французской политики[1]. Заранее можно было предвидеть опасность, связанную с тем, что французский капитал своими претензиями и предложениями по адресу победоносных балканских народов как наследников турецкого господства в Европе создаст «проблему государств-наследников» и тем самым финансовую зависимость, которая до крайности обострит противоречия в Европе.

Во всяком случае, можно было установить, что к концу ноября 1912 года Германия достигла, по крайней мере внешне, так называемых дипломатических успехов. Тем сильнее всполошились Петербург, Париж и Лондон, когда рейхсканцлер через несколько дней после секретных программных заявлений статс-секретаря в бундесрате[2] произнес в рейхстаге весьма энергичную речь и бряцал немецким оружием. Причины этой удивительной вылазки как раз в тот момент, когда Германия, несомненно, добилась успеха, можно было лишь подозревать, но нельзя было точно определить, поскольку не было известно, что под давлением Военного ферейна, стратегов из генерального штаба и кайзера, бывшего орудием в их руках, канцлер со второй половины ноября добивался от упорствовавшего военного министра осуществления военной программы[3], а тот, как раз в день произнесения канцлером своей речи издал приказ подсчитать, во сколько обойдется запланированная военная программа!

[1] См. об этом многочисленные донесения Шёна и австрийского посла в Париже за указанный период.

[2] Jäckh, op. cit., 2. Bd., S. 193 ff.

[3] Hans Herzfeld, Die deutsche Rüstungspolitik vor dem Weltkrieg, Bonn 1923, S. 56.

* Это подкреплялось еще и тем, что панславянские круги в Петербурге обещали сербам в будущем поддержку против Австро-Венгрии (DD, 3-me serie, vol. 4, № 287, Деско — Пуанкаре о чрезвычайно злостной травле и кампании российского посланника в Белграде Н. Гартвига).

** Созыв конференции великих держав, предложенный Греем 22 ноября, явился результатом недостаточной подготовленности к войне «Тройственного согласия» и Тройственного союза и дипломатических конфликтов внутри этих союзов. Это особенно ясно видно из DD. По всему этому разделу см. также Helmreich, Кар. VI, The Line-up of Europe.

Германская политика на Балканах и рейхстаг

Широкой публике и рейхстагу оставались неизвестны подробности всей этой борьбы и закулисная сторона дискуссии Берлин—Вена, поэтому в речи Бетмана меньше всего видели то, чем она являлась,— попытку замазать и подбелить трещины в Тройственном союзе и таким образом реставрировать его. Речь канцлера была понята, как призыв к такой политике, которую, по крайней мере в те недели, на Вильгельмштрассе отвергали. Попытки Бетмана и Кидерлена реабилитировать таким путем вялое правительственное руководство, прибегнув к помощи военной партии — Кейм, Литцман, Людендорф, Мольтке, Вильгельм II,— естественно, привели в рейхстаге к соответствующим результатам. Национал-либералы, которые до сих пор вздыхали и жаловались по поводу политики Бетмана, теперь были просто вне себя от национального энтузиазма, а Центр, как всегда, когда речь шла об Австрии, старался опередить правительство. Обе партии, которые в первую очередь защищали германскую морскую программу, теперь рьяно выступили за континентальную политику силы и вооружений. Речь Бассермана по поводу бюджета была сплошным гимном политике «маятника». Эта речь явилась последующим оправданием потерпевшей поражение антирусской политики Германии на Ближнем Востоке, оправданием со стороны партии, которая энергичнее всех других партий требовала проведения военно-морской политики и поэтому, собственно говоря, бесспорно нуждалась в союзе с Россией[1].

Гимну лидера Национал-либеральной партии в честь германского империализма на Ближнем Востоке и в честь Багдадской железной дороги подпевал и лидер Центра Петер Шпан, хотя он руководствовался побочными тактическими соображениями. Центр считал важным, чтобы путь на Ближний Восток оставался открытым не ради интересов Немецкого банка, а ради интересов стран и народов, расположенных по пути в Багдад. Поэтому речь Шпана включала вслед за малоазиатской увертюрой мощный гимн в честь благочестивой монархии в Вене и ее политики, с которой Германия должна себя связать до конца. Эти прения в рейхстаге имеют громадное значение с точки зрения предыстории мировой войны. Шпан и Центр создали тогда со всей определенностью и точностью именно такую роковую ситуацию, предполагающую применение союзного договора с Австрией, какая сложилась в 1914 году, и ответили утвердительно на вопрос, должна ли Германия выполнять в этом случае свои союзные обязательства. Отвечая социал-демократическому оратору, во вступительной речи решительно предупреждавшему против предоставления Германией Австрии неограниченных полномочий, Шпан сказал:

«Если г-н депутат Ледебур утверждает... что мы отдаем себя в руки Австрии без того, чтобы иметь возможность проверить, должны ли мы вмешаться или воздержаться от вмешательства, то теперь этот вопрос вообще уже не приходится решать. Он разрешен в договоре о Тройственном союзе, который был заключен Бисмарком или соответственно под его руководством. В тот момент, когда Россия пришла бы на помощь Сербии, которую Австрия вынудила бы к обороне, в тот момент, следовательно, когда произошло бы нападение России, безразлично, по каким причинам (?), мы были бы обязаны выступить на стороне Австрии, исходя из собственных интересов, а также потому, что был бы налицо casus foederis» («Возражения среди социал-демократов»)[2].

Легко заметить, что в одной этой многозначительной фразе с величайшей точностью изложена та исключительно пагубная юридическая теория, то совершенно противоречащее взглядам Бисмарка расширенное толкование союза с Австрией*, которое позднее хотя и не было «причиной» вступления,

[1] Бассерман в рейхстаге, 2 декабря 1912 г.
[2] Шпан в рейхстаге, 2 декабря 1912 г.
* В оригинале, видимо ошибочно, «русский союз».— *Прим. ред.*

Германии в мировую войну, но, если употребить марксистское выражение, явилось идеологической надстройкой, послужившей обоснованием для вмешательства Германии. Интересы, на которые опиралась эта юридическая надстройка, в 1912 году были — во всяком случае, у Центра — точь-в-точь те же самые, что и позднее, в 1914 году.

Таким образом, с того времени, как начались конфликты на континенте, Центр также стал волей-неволей главной опорой германского империализма, правда, в несколько старинном романтическо-клерикальном духе. Эта политика парламентского центра вызывала оппозицию не только со стороны социалистов, которые решительно атаковали венгерских аграриев, австрийскую торговую политику и албанские ошибки Тройственного союза[1]. Консерваторы старого пошиба тоже с недовольством следовали за безудержной империалистической политикой и за призывами к созданию массовых армий, тем более что на этот раз в отличие от конца прошлого столетия преобладавшие среди консерваторов аграрные интересы уже не предопределяли вражду к России. Граф Каниц, выступавший в рейхстаге от имени консерваторов, как и социал-демократы, не видел никакой беды в создании сербского торгового порта на Адриатическом побережье. Он энергично выступал против предоставления неограниченных полномочий Австрии и против германской экспансии на Ближнем Востоке и, наконец, в конце своей речи старался оживить старую, дружественную России традицию германской внешней политики[2]. Это поколение консерваторов, правда уже постепенно вымирающее, все еще относилось подозрительно к политике, которая предпочитала массовые армии привилегированной армии, крупный линейный флот — береговой охране, империалистическую экспансию — пошлине на зерно, активную политику на Босфоре — антипанславизму. Правда, подобные речи консерваторов не встречали одобрения ни со стороны национал-либералов, ни со стороны Центра, ни даже со стороны Прогрессистской партии, от имени которой на следующий день взял слово швабский лидер партии фон Пайер и, идя за южногерманским крылом этой смешанной партии, выступил в защиту германских интересов на Ближнем Востоке. Зато к точке зрения социал-демократов консерваторы в некоторых отношениях настолько приблизились, что социал-демократический оратор Эдуард Давид, выступавший в этих прениях во вторую очередь, воспользовался возможностью, чтобы ясно и с подчеркнутой симпатией отметить совпадение взглядов консерваторов с мнением социалистов по вопросу о нежелательности предоставления неограниченных полномочий Австрии[3]. Феодальное дворянство старого пошиба вовсе не являлось приверженцем империалистической войны à tout prix. В консервативном лагере разжигать военные настроения стал буржуазный лидер саксонского ландбунда Эртель, прозванный «Эртель с кнутом»,— он бойко наносил удары по всем организациям, выступавшим за мир[4].

Дипломатическая напряженность в конце 1912 года. Смерть Кидерлена

Этот неистовый барабанный бой и бряцание оружием в рейхстаге явились прелюдией к одному событию, происшедшему за кулисами. 5 декабря был — в последний раз — возобновлен Тройственный союз. Несколькими днями ранее, в критические недели конца ноября, был закреплен в договор-

[1] Ледебур в рейхстаге, 2 декабря 1912 г.
[2] Граф Каниц, там же, 2 декабря 1912 г.
[3] Давид, там же, 3 декабря 1912 г.
[4] Эртель, там же, 3 декабря 1912 г.

ном порядке и сговор противной стороны — «Тройственное согласие». 22 и 23 ноября Грей и Поль Камбон обменялись знаменитыми письмами, которые в случае возникновения опасности войны формально оставляли Англии свободу действий, а в действительности связали ее с Францией. В это же время и русская политика по вопросу о Проливах достигла успеха не только на Балканах, но и в Париже. Осенью 1912 года русский посол в Париже Извольский начал при активном содействии Пуанкаре свой пресловутый поход, целью которого было с помощью подкупа побудить всю парижскую печать, несмотря на опасения высших финансовых кругов, перейти на сторону балканских союзников[1].

Таким образом, лондонские переговоры, к которым приступили в начале декабря после заключения перемирия между Турцией и балканскими союзниками, происходили при самых неблагоприятных предзнаменованиях. Дело пахло кровью, во всем мире раздавались воинственные клики, и одиноко звучал лишь голос международного пролетариата, представители которого 24—25 ноября собрались в Базельском соборе на свой мировой конгресс, причем настоятель собора приветствовал их «с теплой симпатией» как «собрание, проникнутое христианским духом»[2]. Но чего могли добиться Жорес, Виктор Адлер, Кейр Гарди, Гуго Гаазе, Трельстра, Клара Цеткин, Заказов*, Вайян, Гройлих и Бебель, если даже Лихновский, Поль Камбон, Эдуард Грей и граф Менсдорф-Поули-Дитрихштейн, уполномоченные великих держав, при всех своих мирных намерениях не могли заставить замолчать Виккерса, Захарова[3], Армстронга, Черчилля, Гартвига, Путилова[4], Крезо, Людендорфа, Шкоду[5], Штейра[6] и фон Конради! В то самое время, когда подготовлялась конференция в Лондоне, продолжалось в ускоренном темпе вооружение балканских государств и особенно Австрии[7]; через четыре дня после первой встречи послов Людендорф вручил рейхсканцлеру и возмущенному военному министру свою знаменитую большую программу вооружений[8]. 1912 год закончился, как и начался, резкими разногласиями. 28 декабря германский посол в Вене, действуя по официальному поручению, вновь потребовал у австрийцев объяснений по поводу их неясной и своевольной политики. Но спустя два дня скончался человек, который дал послу соответствующую инструкцию: от кровоизлияния внезапно умер статс-секретарь фон Кидерлен в Штутгарте. Тройственный союз, ослабленный внутренними разногласиями и лишенный кормчего, поплыл по воле ветра.

---

[1] S t i e v e, op. cit., II, S. 315 ff. u. 324 ff.

[2] Протоколы социалистического конгресса в Базеле, стр. 52—54.

[3] О поставках Виккерса — Захарова русскому правительству см. GP, 12411, Пурталес — Бетману, 19 ноября 1912 г. (относительно поставки трехсот пушек).

[4] Из годового отчета «Банк де л'юнион паризьен» за 1913 г. (Generalversammlung, 2.5.1914. В дальнейшем цитируется как GV): «C'est avec la collaboration technique des Etablissments Schneider et Co... que nous avons en 1912 etabli et commencé a mettre en oeuvre un programme general dans le but de parteuper aux commandes importantes de materiels pour l'armée et la marine, que passe le gouvernement russe».

Группа приняла участие в увеличении капитала Российского общества по производству боеприпасов и оружия и балтийской верфи.

[5] Шкода поставлял в основном тяжелые 300-миллиметровые орудия, которые заказал военный министр фон Ауфенберг вопреки решению Совета министров. В 1913 г. дивиденды фирмы «Шкода» выросли на 14 процентов.

[6] Штейр информировал, что уже в начале кризиса его предприятия приобрели новых заказчиков (отчет Штейра, октябрь 1912 г.). Впрочем, и в этом случае на вооружениях противоположных сторон наживались одни и те же люди. Австрийский «Боденкредитбанк», в наблюдательный совет которого входили представители Шкоды и Штейра, находился полностью под контролем французского «Банк де Пари э де Пэи-Ба». «Сосьете женераль», вложивший большие капиталы во французские и русские вооружения, направил своего президента барона Эли д'Уасселя в наблюдательный совет банка «Винер банкферейн», который выпестовал предприятия Шкоды, и т. п.

[7] См. GP, 34. Bd., S. 29, Anm.

[8] «Kriegsrüstung», I, S. 172 ff.

* Так в оригинале.— *Прим. ред.*

Возобновление военной пропаганды

Социологический анализ исторического развития никогда не станет и не должен игнорировать значения отдельных личностей. Более того, при изучении их деятельности, так же как и при освещении любого значительного явления действительности, этот метод может лишь обнаружить свое преимущество и жизненность по сравнению с другими методами исследования. Несомненно, что возможности, открывающиеся для продвижения выдающихся личностей, находятся в зависимости от господствующей системы отбора, а она в свою очередь обусловлена социальными условиями. В этом отношении при системе правления, существовавшей в Германии, дело обстояло очень плохо. В лице статс-секретаря фон Кидерлена с арены сошла последняя фигура из той когорты, которую создал для себя революционер Бисмарк, по праву гордившийся тем, что он пришел на свой пост не из «ослиного племени», а благодаря революционным временам, которые взорвали господствовавший принцип отбора. В конечном счете социальная система была причиной того, что рядом со столь незначительной фигурой, как Бетман, такой нуль, как г-н фон Ягов, мог подвизаться на посту статс-секретаря по иностранным делам*.

Смена рулевого в Берлине произошла при самых дурных предзнаменованиях. Новогодние обзоры в прессе предвещали бурю. Редакции, осведомленные о планах Военного ферейна, правильно предвидя будущее, подготовляли читателей к близкому светопреставлению. Связанная с тяжелой промышленностью газета «Пост» объявила в день нового года устами монаха-прорицателя из монастыря Лейнин, что вслед за годом огня и годом потопа наступает год крови[1]. Энергия генерала Кейма развязала языки национал-либеральных и консервативных газет. По мере усиления империалистических противоречий, увеличения численности населения Германии, роста среднего сословия, находящегося под угрозой пролетаризации, война как явление общественной жизни перестала быть только «продолжением политики другими средствами» и стала самоцелью. Агенты Военного ферейна, занимавшиеся агитацией среди юношества, называли войну «самым возвышенным и самым святым делом», «царством божьим для молодой Германии»[2]. Газета «Теглихе рундшау» писала в конце 1912 года[3]:

«Только война дает народу здоровье... Горе всему человечеству, если оно когда-нибудь поверит, что может обойтись без этого великого благодетеля, этого единственного хранителя и судьи всесторонних способностей как отдельной личности, так и всего народа»**.

---

[1] «Post», 1.1.1913.

[2] О. фон Готтберг в «Юнгдейчланд пост», № 4, 25 января 1913 г.

[3] «Tägliche Rundschau» v. 12.12.1912.

* После смерти Кидерлена французский посол Жюль Камбон проницательно высказывался в письме к Пуанкаре (DD, 3-me serie, vol. 5, № 172): «Par malheur pour elle, l'Allemagne manque etrangement d'hommes. La mort même de M. Kiderlen lui enlève un champion qui sur ce point (возможность для Австрии впрягать немцев в свою колесницу) avait des vuestrès nettes et qui ne craignait pas de déplaire Vienne. On peut se demander si le nouveau venue aura la main assez bonne pour en imposer à l'Autrische à qui le rôle de brillant second... est insupportable». Камбон, по крайней мере вначале, был лучшего мнения о фон Ягове, чем автор этой книги; он называет Ягова fort aimable, trés intelligent и видит в нем ученика Бюлова и Макиавелли с чертами шекспировского Яго. Посол Франции в Риме, где Ягов сделал свою карьеру, давал ему такую же оценку (№ 205, донесение от 10 января 1913 г.); все же он подчеркивал, что Ягов односторонне связан в своих действиях и не очень активен. Вскоре Камбон стал пересматривать свое благоприятное мнение о Ягове.

** Французским наблюдателям казалось, что агитация Военного ферейна является в большей мере выражением немецкого воинственного духа, чем симптомом намерений правящих кругов. Они особенно боялись пропаганды аннексий (DD, 3-me serie, vol. 5, донесение военного атташе из Берлина, 5 декабря 1912 г.).

Сразу можно определить, что вдохновителем этих статей был отдел печати Военного ферейна, членом которого состоял ответственный редактор «Теглихе рундшау» Генрих Ринплер, точно так же как владелец и издатель «Берлинер нейесте нахрихтен» Бюксенштейн; его газета тоже распространяла в эти дни учение о войне как факторе культуры[1]. Организации военного направления были тесно переплетены между собой; руководители Военного ферейна генерал Кейм и генерал фон Либерт уже ряд лет играли ведущую роль в Пангерманском союзе. Военный ферейн и его органы подхватывали официальную пангерманскую идеологию и использовали ее для обоснования новой военной программы[2].

Расширение сферы влияния германской экономики на Францию должно было получить политическое подкрепление благодаря продвижению в том же направлении немецкого среднего сословия, жаждавшего мест поселения и постов. Брошюры видных пангерманцев требовали для немцев части старой Западной Франции, Лотарингию, Бургундию, Западную Швейцарию и заодно — для стоявшей за спиной Пангерманского союза германской промышленности — французскую руду[3]. В течение ряда лет Пангерманский союз оставался в тени и тщетно старался организовать среднее сословие, положение которого в германском индустриальном государстве было более затруднительным, чем во Франции с ее крепкой крестьянской культурой и пенсиями по старости. Теперь, когда в прямом взаимодействии с общим развитием империализма возник Военный ферейн, у Пангерманского союза внезапно оказался в распоряжении инструмент, на котором он мог играть. Впрочем, цели обеих организаций ни в коем случае не совпадали полностью. Если пангерманцы как политики, стремящиеся к переселению немцев, считали, что война нужна человечеству, то генералы в отставке — Кейм, Либерт, Литцман, фон Врохем, фон Альтен и другие — нуждались в людских ресурсах ради ведения войны. В Пангерманском союзе имелось и промышленное крыло, но оно в противоположность жаждущему экспансии среднему сословию решительно атаковало бурную политику «маятника» и ничего так не боялось, как разрыва с Россией, к которому должна была привести политика переселения немцев, проповедуемая пангерманским лидером гессенским адвокатом Классом; впрочем, русская промышленность с величайшим рвением поддерживала военную программу, которая в конечном счете была направлена не только против Франции, но и против России.

В начале 1913 года, когда ожили воспоминания о событиях, происходивших сто лет назад, все эти группировки бурно преуспевали, используя благоприятную для них внешнеполитическую обстановку. Тучи собрались над всей Европой. Балканские союзники требовали от турок сдачи всех еще сохранившихся крепостей: Скутари, Янины, Адрианополя. Турки, твердо уповая на разногласия европейских держав, ответили, как древняя Греция персидскому царю: «Приди и возьми». 5 января, в день назначения нового

---

[1] «Berliner Neueste Nachrichten» v. 23.4., 27.9. und speziell vom 24.12.1912.

[2] Об этом см. также воспоминания фон Класса «Wieder den Strom», в которых, по моим данным, впервые было подтверждено, что Пангерманский союз фактически являлся отцом Военного ферейна и только из тактических соображений оставался на втором плане. Социологически это интересно и вполне естественно. Подобно тому как сегодня (1932) существует социологическая грань между национал-социалистами и крупнокапиталистическим правительством Папена, так и в те времена не все круги, проявлявшие «воинский дух», были склонны безоговорочно отождествлять себя с политикой среднего сословия и пангерманцев по вопросам расселения немцев.

[3] См. особенно Reg.-Rat Kurt von Stranz, Jhr wollt Elsass und Lothringen — wir wollen ganz Lothringen und mehr! (1912) Значительная часть обширного немецкого материала, который здесь не может быть приведен за недостатком места, собрана в книге O. Nippold, Der deutsche Chauvinismus в публикациях: «Verband für internationale Verständigung», Heft 9, а также M. Hobohm und P. Rohrbach, Chavinismus und Weltkrieg, 1910.

статс-секретаря фон Ягова, кайзер, весь декабрь находившийся под сильнейшим давлением сторонников вооружений, дал согласие на проведение новой военной программы[1]. Но на следующий день потерпела крах лондонская Мирная конференция балканских государств, а еще через два дня орган тяжелой промышленности газета «Пост», главный рупор Военного ферейна, опубликовала сообщение о намеченной военной программе. Канцлер быстро и активно поддержал обширный план увеличения армии, потому что, точь-в-точь как и в предыдущем году, хотел таким путем сорвать новые планы увеличения флота, ради которых Пангерманский союз по всей стране производил сборы и вербовал сторонников. Но начальник генерального штаба удовлетворился и этой быстро достигнутой победой. Была начата кампания против военного министра фон Херингена, который вычеркнул из программы генерального штаба требование трех новых армейских корпусов и выступал против притязаний генерального штаба на увеличение численности армии на 300 тысяч человек[2]. По методам, с помощью которых велся подкоп под военного министра и атака против него, легко обнаружить причастность к этому делу испытанного пособника в ведомственных боях генерала Кейма[3]. Борьба вокруг вопроса о трех корпусах бушевала со всей силой вплоть до конца января, когда военный министр, применив своего рода внезапную атаку, закончил спор и разбил своих противников из генерального штаба.

Эта борьба, как и все довоенные конфликты, получила после войны свое продолжение в полемике между литературными сторонниками отдельных ведомств и органов. Правда, для исторического исследования подобное единоборство представляет интерес скорее в силу своего симптоматического значения, чем по своему содержанию. Объем вооружений, необходимых данной стране, как показали именно эти споры, не может быть точно установлен современниками, а зависит всегда от социальных и ведомственных потребностей специалистов, не говоря уже о том, что самые «достаточные» вооружения обычно оказываются превзойденными и должны быть превзойдены в результате соответствующих мероприятий других государств. С точки зрения исторического исследования речь идет лишь о том, какой объем вооружений был желателен отдельным социальным прослойкам и политическим

---

[1] «Kriegsrüstung», I, S. 177.

[2] См. об этих требованиях генерального штаба «Kriegsrüstung», I, S. 172 ff. Референт военного министерства генерал Вандль противопоставил проекту Людендорфа свой собственный план, в который включил все к тому времени не выполненные материальные требования генерального штаба. Позднее Вандля атаковали в рейхстаге в связи с тем, что его брат занимал пост доверенного лица — синдикуса у Круппа. На переговорах между военным министром и генеральным штабом 2 января 1913 г. («Kriegsrüstung», I, S. 177 ff.) Вандль уступил по всем пунктам, особо поддерживая требование Людендорфа в области техники. Военный министр энергично противился требованиям увеличить численность армии и количество корпусов.

[3] Разглашение секретов в «Пост» от 8 января 1913 г. можно объяснить, во всяком случае, только тайными планами сторонников вооружений в генеральном штабе. Странное и совершенно неправдоподобное утверждение Класса, будто Пангерманский союз только после войны узнал об этой политике генерального штаба и Людендорфа, в лучшем случае относится лично к Классу, который, будучи в Майнце, возможно, находился несколько в стороне от центра событий. Споры о вооружениях были широко известны (см. многочисленные доказательства у Герцфельда, а также речь в рейхстаге о военной программе Мюллер-Мейнингена). Конечно, не случайно, что личное обращение Кейма к Херингену за информацией (К е i m, S. 180) совпало по времени с подачей Людендорфом большой докладной записки, в которой детально описана военная программа, разработанная весной. Впрочем, то, что Военный ферейн надо рассматривать как истинного инициатора военной программы, подтверждают, кроме Кейма и Либерта, газеты «Рейниш-Вестфелише цейтунг» и «Пост», а также сам Класс. Но это, как уже было отмечено, не исключает того, что генеральный штаб проявлял вовне известную тактическую сдержанность в отношении Военного ферейна, не говоря уже о том, что вопрос о сотрудничестве на совещаниях и т. п. имеет второстепенное значение, поскольку обе организации, несомненно, стремились к одной и той же цели.

группировкам и какие причины вели к различной политике в вопросе о вооружениях. Решение вопроса о том, какие мероприятия можно или нужно было осуществить, история всегда оставляет на усмотрение политика[1].

Особые маневры германских организаций в Турции. Продолжение первой балканской войны

В эти дни — так же как это произошло у военных из-за новой программы — в гражданском ведомстве тоже «подчиненная»[2] инстанция выступила против высшей инстанции. Борьбе военного министра с генеральным штабом соответствует спор между ведомством иностранных дел и посольством в Турции из-за германской политики в Турции. Берлинские военные круги воспринимали поражение турок как позор для германской армии, как новое основание для недовольства Бетманом. Германский военный атташе в Турции находился в постоянном общении с младотурками; русские газеты утверждали, что младотурецкая военная революция, которая в конце января под руководством Энвер-бея противостояла победоносным балканским государствам и великим державам, была инсценирована генералом Кольмаром фон дер Гольцем, германским посольством и германским правительством. Германия, утверждали русские, хочет таким путем тайно сорвать выполнение требований великих держав к туркам о выдаче балканским союзникам еще не сдавшихся турецких крепостей — Адрианополя, Янины и Скутари[3]. В этом усматривали саботаж мирной политики конференции послов, которая в те дни продолжала заседать в Лондоне, несмотря на срыв лондонских мирных переговоров между балканскими государствами.

Такое толкование германской политики, конечно, заходило слишком далеко. В действительности неудача великих держав при мирных переговорах создала весьма серьезные трудности в осуществлении планов, вынашиваемых на Вильгельмштрассе, так как канал, по которому было столь удобно направить «славянскую волну», оказался закрытым, а посему отпадал столь желанный повод для англо-русских трений. Все же германский империализм на Ближнем Востоке тем временем стал таким существенным фактором, что он в силу присущих ему закономерностей мог войти в столкновение с политикой имперского правительства. Два суровых выговора, которые еще в начале ноября сделал Берлин послу в Турции и военному атташе за их дружественную по отношению к туркам политику[4], не имели ощутительных результатов; Вангенгейм не переставал изображать из себя нового Маршалла или Гартвига[5], в чем ему оказывал посильную поддержку г-н фон Штремпель, издавна являвшийся на Босфоре военным доверенным лицом германской тяжелой промышленности. Личность шедшего к власти лидера младотурок генерала Махмуда Шевкет-паши заранее служила порукой тому, что германские офицеры будут работать военными инструкторами и что германская военная

---

[1] Игнорирование этой стороны является важнейшей ошибкой, допущенной в сверхполемическом сочинении Ганса Герцфельда, выводы которого являются более чем спорными, даже учитывая его собственную манеру мыслить. Для недоставших трех армейских корпусов (как вынужден признать сам Герцфельд) тотчас же была создана замена с помощью мобилизации дивизии запаса.

[2] Впрочем, спорно, являлся ли генеральный штаб подчиненной инстанцией по отношению к военному министру.

[3] О выступлениях русских газет см. Schiemann, op. cit., S. 39, 1913; по существу см. GP, 34. Bd., Kap. CCLVII.

[4] См. GP, 12364, Вангенгейм — Кидерлену, 7 ноября 1912 г., пометки Вильгельма II, и GP, 12379, Вильгельм II — Кидерлену, 15 ноября 1912 г.

[5] См. OA, 5440, 5576, 5692, Паллавичини — Берхтольду, 18 и 28 января, а также 6 февраля 1913 г.

промышленность получит заказ. Сговор, достигнутый в те дни, привел позднее благодаря ревностным усилиям фон Штремпеля к посылке на Босфор миссии генерала Лимана фон Сандерса и к русско-германскому кризису осенью 1913 года[1]. Однако совсем своеобразной была роль, которую в те дни, соревнуясь с германской военщиной и военной промышленностью, играл Немецкий банк; при посредничестве германского посольства, которое в те годы являлось всецело агентом Немецкого банка[2], он обещал туркам, исчерпавшим все свои финансовые средства, дать деньги, необходимые для дальнейшего ведения войны, если банку будет предоставлена давно желанная концессия на строительство метро в Стамбуле.

В дальнейшем, учитывая направление имперской политики, в англофильском курсе которой и сам Немецкий банк был в конце концов заинтересован, банк согласился обусловить выплату обещанных денег заключением мира между Турцией и балканскими государствами[3]; впрочем, совершая в январе переворот, турки с такой твердой уверенностью рассчитывали на получение денег из подвалов на Мауэрштрассе*, что тотчас же после переворота утвердили проект строительства метро в Стамбуле, в связи с которым г-н фон Гвиннер и его окружение были склонны предоставить заем.

Таким образом, нельзя отрицать, что революционный переворот неуступчивых младотурок и возобновление балканской войны в начале февраля были спровоцированы частными операциями германских финансистов, чьим добровольным агентом был германский посол. Правда, вследствие закрытия Берлином кредитов он не мог сдержать обещание, данное туркам, почему и попал в весьма затруднительное положение[4].

Таким образом, позиция Берлина на Ближнем Востоке была довольно двусмысленной. Не менее двусмысленной, однако, была и французская политика, направленная если и не на консервацию Турции, то, во всяком случае, на сохранение европейских прав и привилегий в Турции, но одновременно Франция, прокламируя желательность уже практически неосуществимого статус-кво и позднее предлагая державам сделать общее заявление о незаинтересованности в балканских делах, сумела удержать Центральные державы от попыток своевременно свести счеты с русской политикой на Балканах[5].

В конечном счете при переговорах о разрешении финансовых вопросов и платежных обязательствах бывших турецких областей Франция подготовила окончательный переход балканских государств в лагерь Антанты[6]. Итогом всей этой политики, сопровождавшейся с конца 1912 года страшным шумом, которым французская печать расплачивалась за полученные ею чеки российского императорского казначейства[7], явилось избрание 17 января 1913 года прежнего премьер-министра Пуанкаре на пост президента Французской Республики.

---

[1] См. GP, 38. Bd., S. 143 ff., Anm.

[2] Иногда сообщения Немецкого банка попадаются среди документов в виде государственных депеш.

[3] См. ÖA, 5566, Паллавичини—Берхтольду, 3 февраля 1913 г.

[4] См. особенно последнее из перечисленных выше донесений Паллавичини Берхтольду.

[5] Материалы, характеризующие французскую поддержку русской политики на Балканах в тот период, собраны в «Boghitsbewitsch», op. cit., III, S. 158 ff. Однако я не желал бы солидаризироваться с его описанием событий (см., например, истолкование им политики Центральных держав).

[6] См. GP, 15169, Вангенгейм — Бетману, 1 ноября 1912 г.; GP, 15170, он же —ведомству иностранных дел, 14 января 1913 г.; GP, 15173, Циммерман — Шёну, 18 января 1913 г.

[7] См. GP, 12491, Шён — Бетману, 12 декабря 1912 г., и примечание издателя. Об этом же — уже цитированная диссертация Г. Никкель.

* На Мауэрштрассе, в Берлине, находился Немецкий банк.— *Прим. ред.*

Новая военная активность Австро-Венгрии

Если балканские кризисы способствовали усилению французского национализма, то они повели и к тому, что в Австрии с каждым днем все сильнее сказывались воинственные настроения. Наследник престола, правда, в середине декабря несколько отступил от политики, направлявшейся из Шенбрунна, но поджигатели войны из его окружения, такие, как пресловутый барон Хлумецкий[1] и прежде всего начальник генерального штаба Конрад, не успокаивались ни на минуту. В рождественские дни, когда русские проявляли миролюбие, когда вопрос о сербском порте был в принципе разрешен и началась Лондонская конференция, Конрад фон Гетцендорф яростно боролся против всякой возможности сокращения австрийских вооружений[2]. В этом вопросе у политиков на Балл-плац руки были связаны. Даже посланник Берхтольда в Сербии горько жаловался на происки австро-венгерской военщины на границе. Прожекторы из Землина, освещавшие ночью улицы Белграда, символизировали беспомощную ненависть, бушевавшую по ту сторону черно-желтых пограничных столбов[3]. «Здесь спрашивают себя,— сообщал с раздражением австрийский посланник,— и особенно настойчиво это делает иностранная дипломатия, что все это, собственно, означает? Не хотим ли мы любой ценой спровоцировать конфликт?» На этот вопрос никто не мог дать определенного ответа и на Балл-плац. Как в опьянении, шатаясь, брело это правительство вдоль края пропасти, всецело полагаясь на то, что послушный союзник снова подоспеет вовремя и удержит от падения. Это правительство не имело охоты радикально менять курс, как предложил однажды охваченный страхом посланник в Белграде[4] и чего неустанно требовал посол в России. У этого правительства не хватало смелости и на то, чтобы решиться на войну без обеспеченной поддержки со стороны Германии. И вот оно «держало ружье на прицеле» в расчете на то, что, может быть, счастливый случай подарит ему чудесную находку, именуемую casus foederis[5]. Тем временем все чаще

---

[1] В своих воспоминаниях о Франце Фердинанде Хлумецкий предусмотрительно затушевал свою политическую деятельность в это время. См., однако, GP, 12494, Чиршки — Бетману, 13 декабря 1912 г.

[2] См. GP, 12584, донесение графа Кагенека от 28 декабря 1912 г. Такая линия поведения Конрада была обусловлена не соображениями обороны, а являлась выводом из его сознательной политики подготовки войны. В своих мемуарах Конрад признает это с солдатским мужеством и последовательностью, чем выгодно отличается почти от всех других авторов воспоминаний о том времени.

[3] См. ÖA, 4930, Угрон — Хойосу, 15 декабря 1912 г.

[4] См. ÖA, 4732, Угрон — Хойосу, 1 декабря 1912 г.

[5] После опубликования собрания австрийских документов (ÖA) были с разных сторон предприняты попытки, используя эти документы, спасти репутацию Берхтольда*. Референт по вопросам ответственности за войну в германском ведомстве иностранных дел К. Швенденман (K-BM, 1930, S. 203) исследовал австрийскую документацию, пытаясь установить «самое реальное, что, быть может, существует в политике, а именно владение территорией и приобретение территории (!!)», и таким путем, конечно, пришел к результатам, весьма благоприятным для двуединой монархии. Такое искусственное выделение одной проблемы является, конечно, совершенно произвольным; дело заключается во всей совокупности социологического комплекса. Впрочем, следует упомянуть, что изданные до сих пор документы подтвердили тот уже давно известный специалистам факт, что все документы, которые публикуются, неизменно подчеркивают полнейшее миролюбие политики своей страны, если только не ущемлены ее «жизненные интересы». Исследование вопроса об ответственности за войну обычно заканчивается констатацией того, что существовала угроза «жизненным интересам», между тем как подлинная историческая проблема лишь возникает в связи с вопросом, каковы были причины и природа этих «жизненных интересов». В зависимости от характера этих интересов и международного положения самая внешне миролюбивая линия поведения, зафиксированная в документах, может означать подготовку к войне. Достаточно вспомнить, например, некоторые уловки Наполеона III или французский трюк с десятикилометровой зоной в начале войны. Как правило,

* К этим «спасательным операциям» принадлежит и опубликованная в 1938 г. и уже цитированная нами книга американца Э. С. Хелмрейха.

раздавались грозные раскаты грома. Те круги, которые можно назвать «клиентурой монархии»,— высшее чиновничество, офицерский корпус, банки, высшее духовенство, оптовая торговля и промышленность, аграрии и крестьяне, нуждавшиеся в рынках,— с ужасом обнаружили, что встают на ноги славянские народы, эксплуатация которых была одной из важных предпосылок существования австро-венгерского государства[1]. Уже и без того из-за аграрной политики австро-венгерских магнатов и в результате войн на Балканах положение австрийской промышленности настолько ухудшилось, что у нее не оставалось иного выхода, кроме ориентации на армию и военные потребности. Однако это означало лишь мнимый расцвет и предопределяло проведение таких мероприятий, которые больше вредили народному хозяйству, чем способствовали его развитию[2]. То, чего не удалось осуществить осенью в связи с проблемой сербского спора и аферой Прохазки, теперь предполагали реализовать в результате борьбы с Сербией из-за Албании. «Военный министр,— сообщал германский военный атташе из Вены,— возлагает свою последнюю надежду на то, что при урегулировании вопроса об албанской границе сербы займут непримиримую позицию и это даст монархии повод сломить сербское сопротивление силой оружия»[3]. Эти слова следует хорошо помнить, чтобы понять происходивший одновременно со второй балканской войной спор между европейскими великими державами из-за нескольких

в документах ничего не говорится о характере этих жизненных интересов, ибо они не возникают благодаря документам, а документы из них исходят как из чего-то уже существующего, поэтому общий тон документации и трафаретная потребность сочинителя бумаг соблюсти преемственность исторической линии маскируют те, как правило, весьма бурные внутренние бои, позднейшим отражением которых эти документы являются. Таким образом, перед всяким, кто ограничивается изучением документов, возникает лживая картина неизменного, к одной цели стремящегося развития, которое в конце концов 28 июня 1914 г. увенчалось войной, просто-напросто «реализованной, так сказать, в соответствии с документами» (буквальное выражение Швенденмана, стр. 255). К счастью, из сообщений не только хорошо информированных журналистов (Каннер), но и ближайших сотрудников Берхтольда (Силаши) мы фактически хорошо осведомлены о курсе, проводившемся на Балл-плац, и можем в известной степени дать оценку жалкому политическому руководству в Вене, особенно слабости Берхтольда, который — это надо признать — был настроен скорее консервативно, нежели аннексионистски. Поэтому даже в октябре 1912 г., вероятно больше вследствие растерянности, чем из принципа, он не прибег к интервенции на Балканах, а в целом вел политику зигзагов. В ноябре (вопрос о порте) он под давлением военной партии чуть не вызвал взрыв, потом, в декабре, оглядываясь на Лондон и политику великих держав, привел к легкой разрядке ситуации, но в январе и начале февраля (Дибра, Дьяково) опять оказался на грани войны, после чего из-за вмешательства монархов произошла разрядка, не помешавшая, впрочем, тому, что в середине марта под давлением военной партии снова чуть не разразилась мировая война. Так шло дело и дальше: Черногория — Скутари, вторая балканская война, октябрьский ультиматум Сербии и, наконец, мировая война — вот четыре внезапных отклонения от «мирной и последовательной политики» меньше чем за год. Так что не следует разрабатывать вопросы истории только по документам (кстати, надо отметить, что не следует также впадать в иную ошибку, слишком мало оттеняя некоторые фразы и — как это делает Швенденман — вовсе оставляя их без внимания (например, ноябрь 1912 г.). Ни в коем случае не следует также приспособлять постановку вопроса к критериям исследования ответственности за войну: они не раскрывают тайны, а замазывают вину.

Мы можем чистить, до блеска тереть.
Но бесплодными были и будем впредь.

[1] Freiherr von Musulin, Das Haus am Ballplatz, Wien 1928, S. 234.

[2] Весьма характерно донесение Кагенека (GP, 12736, 22.1.1913):«... Парк самолетов будет увеличен на сорок две машины. Как мне сообщил директор заводов «Винер-Нойштедтер Даймлер верке», только командование армии заказало этой фирме грузовики и моторы для самолетов на общую сумму в 3,5 миллиона крон. Эти поставки представляют недостаточный эквивалент ощутительных потерь от уменьшения числа частных заказов в связи с паникой на рынке».

[3] См. GP, 2736, донесение фон Кагенека, 22 января 1913 г.

захолустных албанских селений, о которых до того не слышал ни один человек в Европе и которые ныне (1932) снова совершенно забыты.

По вопросу о том, надлежит ли Дибру или Дьяково присоединить к Албании или к Сербии, шла дипломатическая война — и политическая позиционная война на Балканах; дрались венская военная партия и русский феодальный милитаризм. Русский торговый капитал, направлявший свой экспорт главным образом через Проливы, нуждался для своей защиты в феодальном милитаризме и тем самым в военной промышленности, в продукции которой была заинтересована та самая тончайшая прослойка буржуазии и особенно те самые великие князья, в чьи карманы попадали и прибыли торгового капитала. Таким образом, в княжеской душе боролись меж собой два противоположных начала: милитаризм угрожал разрушить то, что создал торговый капитал.

В этих военных и торговых махинациях неизменно принимал участие карликовый монарх из «Черных Гор». Черногорский властелин финансировал свою казну и свои войны с помощью русских денег, которые ему доставляли его дочери, нашедшие мужей при царском дворе. Но эти же дочери черногорского короля способствовали тому, что насквозь разложившийся русский феодальный милитаризм все больше погрязал в грехах, пока в 1917 году не разразилась гроза и всех этих жирных грешников не поглотила преисподняя.

Но с 1913 по 1914 год влияние этих кругов достигло зенита. Их желание имело силу приказа для министра иностранных дел[1]; весь мир потерял покой только потому, что двуединая монархия возражала против передачи разбойнику из Цетинье крепости в горах — Скутари, одного из последних бастионов турецкого господства, которую черногорец осаждал много месяцев.

Наименьшую воинственность проявляли, как это часто бывает, те, кто мог больше всего потерять. Эрцгерцог Франц Фердинанд после бурных воинственных дней, как правило, приходил в себя, соображая, что он персонально, в отличие, например, от военного министра, оказался бы в неплохом положении в случае перестройки двуединой монархии на федералистских основах с учетом славянского элемента*. В конце концов зимой 1913 года Франц Фердинанд, к величайшему огорчению генерального штаба и военного министра фон Кробатина, добился посылки к русскому двору специальной императорской миссии[2] и того, чтобы Австрия проявила готовность пойти навстречу русскому пожеланию о сокращении австрийских вооружений[3]; энергично сопротивлявшемуся начальнику генерального штаба и военному министру Франц Фердинанд просто-напросто приказал передать, что «он не желает отбирать у Сербии ни одной сливы, ни одной овцы, ему это и не приходит в голову»[4].

Эта начинающаяся австро-русская разрядка означала успех германского канцлера и начальника генерального штаба, которые предупреждали австрийцев против произвола в отношении Сербии[5]; это означало и успех германского кайзера, который в то время еще хотел пощадить Сербию — естественный

---

[1] См. GP, 12387, Пурталес — Бетману, 1 декабря 1913 г.
[2] См. GP, 12905, донесение фон Кагенека, 26 марта 1913 г.
[3] Conrad, op. cit., II, S. 126 u. 155 f.
[4] Ibid., S. 126.
[5] GP, 12818, Бетман — Берхтольду, 10 февраля; GP, 12824, Anlage, Мольтке — Конраду, 10 февраля 1913 г. О германском кайзере см. Conrad, op. cit., 3. Bd., S. 167.

* По данным DD, хорошо информированные дипломаты Антанты, например французский посланник в Софии де Панафье, считали, что идея престолонаследника о тройственной структуре монархии могла иметь большой успех (2 B, 3. Serie, 4. Bd., № 289, 30.10.1912). По их мнению, препятствием для проведения такой политики было венгерское крупное землевладение.

бастион, служивший его греческим и румынским родственникам прикрытием против болгарского стремления к экспансии[1]. Но вместе с тем общая угроза войны в Европе не исчезла, хотя на юго-востоке гроза и затихла.

Несмотря на австро-русские обещания разоружиться, не было никаких признаков прояснения. Оказавшись в конфликте с Австрией, балканские государства одновременно продолжали борьбу против Турции. К концу зимы 1912/13 года вновь обострилась борьба из-за спорных турецких пунктов — Янины, Адрианополя и Скутари. Эта борьба не перестала быть опасностью первостепенного значения и тогда, когда в начале марта Янина оказалась в руках греков, а в конце марта Адрианополь перешел в руки Болгарии. Все силы, имевшиеся в Восточных Балканах, и все пушки, имевшиеся в наличии на юге России, были использованы для усиления позиций, занятых перед Скутари хитрым, ничтожным противником и шантажистом из Черногории, дочери которого в это время решали при российском дворе вопросы войны и мира, подобно Лизистрате, но в обратном смысле[2]. Вся эта клика пришла в крайнее бешенство по поводу того, что Австрия не намерена была допустить захват Скутари Черногорией. Дело шло уже к тому, чтобы главный уполномоченный этой клики Николай Гартвиг стал in persona преемником Сазонова.

Как во времена Бисмарка и Буланже, так и теперь тяжкий кризис на Ближнем Востоке сопровождался германо-французским соперничеством в вооружениях. Несмотря на временное совпадение тактики обеих стран по балканским вопросам и особенно в отношении Турции, все же, начиная с января, германо-французские отношения становились все напряженнее в связи с политикой усиленных вооружений. Глубокую сложность и зловещую многозначительность взаимоотношений двух передовых культурных народов ярко освещает тот факт, что известие о новой германской программе вооружений было с нескрываемой радостью воспринято Пуанкаре, Извольским и деятелем стальной промышленности Жоннаром, занимавшим пост министра иностранных дел в «президентском кабинете», всецело зависевшем от тяжелой промышленности и финансовой верхушки[3]. Вооружение Германии издавна соответствовало планам французского империализма и способствовало осуществлению его проектов*, даже если не все его представители, подобно французскому дипломату графу фон Вальднеру или другому французскому графу — де Бобе, были непосредственно причастны к деятельности важнейшего предприятия германской военной промышленности — концерна Штумма[4].

---

[1] Кайзер сам заявил (ÖA, 6127, Седьени — Берхтольду, 16 марта 1913 г.), что династические соображения лежали в основе известных его дружественных Сербии и враждебных Болгарии критических замечаний, которые можно обнаружить в дипломатических документах того времени (см., например, пометки на документах GP, 12934, а также ÖA, 5609 u. 6127). После того как в результате второй балканской войны часть территории Болгарии отошла к Греции и Румынии, упомянутые соображения кайзера частично потеряли силу, но не отпали. Эта политика потерпела окончательное крушение лишь в результате перехода Румынии в лагерь Антанты, так что кайзер в конце концов — но все еще contre coeur — согласился перед самым началом войны на австрийское предложение связаться с Болгарией.

[2] О влиянии черногорок на царский двор говорят многие германо-австрийские документы. См., например, ÖA, 5697, Турн — Берхтольду, 6 февраля 1913 г.; GP, 12787 u. 12419, Пурталес — Бетману, 1 и 28 февраля 1913 г.

[3] Доказательства — GP, 15627, Шён — Бетману, 22 февраля 1913 г.; особого внимания заслуживает примечание издателя.

[4] См. Lehmann-Russbuldt, op. cit., S. 70 ff. Эти данные почерпнуты из знаменитой речи Либкнехта в рейхстаге о политике вооружений (18 апреля 1913 г.) и дополнительных сообщений Либкнехта от мая 1914 г. Автор проверил эти сведения.

* Естественно, что правильно и обратное; например, избрание Пуанкаре президентом было в Германии, согласно донесению Камбона (DD, 3-me serie, vol. 5, 12.1.1913), принято весьма дружелюбно даже правой печатью.

Германская военная программа 1913 года. Вклад в вооружение

Теперь партия президента и тяжелой индустрии получила возможность использовать тот панический страх, которым были объяты французские рантье в связи с превосходством Германии[1] в количестве населения, и дать выход этим настроениям в таких законопроектах и программах, о которых нельзя было и думать до увеличения контингента германской армии[2].

Таким образом, французский империализм поймал на слове германский империализм in puncto вооружения. На первом же из многочисленных в том году празднеств по поводу юбилея освободительной войны кайзер объявил о новой германской программе вооружений. Не истекло и двух недель после этого заявления кайзера, как было оглашено французское заявление о новых вооружениях. Однако германская печать утверждала нечто прямо противоположное подлинным фактам, когда она, подобно произведшей сенсацию статье в «Кёльнише цейтунг», сходной с знаменитым газетным барабанным боем 1875 и 1887 годов — «Не предстоит ли война» и «На острие ножа»,— называла французского соседа «нарушителем спокойствия», угрожающим миру в Европе[3]*.

За этим сигналом последовала бурная атака по всему фронту, раздался звук труб и литавр, барабанный бой в газетах «Пост»[4], «Теглихе рундшау», «Гамбургер нахрихтен»[5], в лейпцигских, мюнхенских и берлинских «Нейсте нахрихтен»; в «Гамбургер нейе цейтунг», «Националь цейтунг», «Таг», «Дейче тагесцейтунг» и «Германиа»; в «Рейниш-Вестфелише цейтунг», вплоть до «Дейче монтагсцейтунг» и берлинского «Роланда»; они заглушили шум за кулисами и причитания[6] берлинской оппозиционной печати. Эта печать, связанная слишком тесными узами с капиталистическими интересами, не могла обходиться без того орудия государственной власти, благодаря которому капитализм превратился в империализм со всеми присущими ему чертами**.

В тех случаях, когда страх перед войной не оказывал нужного действия и когда нельзя было апеллировать к заинтересованности в военных поставках, газеты расписывали, какую добычу можно захватить с помощью вооружений. Газета «Рейхсботе», являвшаяся официозным органом протестантской церкви и, по общему мнению, часто инспирировавшаяся свыше, писала: «В случае победы над Францией можно с уверенностью ожидать присоединения некоторых территориальных отрезков, хотя бы по стратегическим соображениям. Равным образом можно предсказать, что на Францию будет возложена обязанность скупить имущество и принять всех жителей этих

---

[1] Эта ситуация, которая типична не только для довоенного времени, хорошо описана в ÖA, 5990, Чесен — Берхтольду, 1 марта 1913 г.

[2] См. GP, 39. Bd., S. 153 ff., примечания. Жорж Мишон: La preparation a la guerre (la loi de trois ans), Paris 1935, доказывает, что французская программа была давно подготовлена. Книга Мишона содержит интересный материал о социологических предпосылках французской ремилитаризации, но недооценивает роль давления со стороны Германии.

[3] «Kölnische Zeitung» v. 10.3.1913.

[4] Например, 25 апреля.

[5] Например, 8 марта и 10 мая.

[6] См., например, «Фоссише цейтунг» от 13 апреля и «Берлинер тагеблатт» от 16 апреля.

* Французская дипломатия придерживалась правильного взгляда, что военная программа по существу обусловлена событиями 1911 г., то есть диспропорцией между германским военным потенциалом и положением Германии в мире, слабости которого немцы стыдились (DD, 3-me serie, vol. 5, № 526, 527, донесение Ж. Камбона от 6 марта 1913 г.). Наблюдения за настроениями в Берлине сделали Ж. Камбона активным сторонником трехгодичного срока военной службы.

** Соображения относительно германской военной агитации см. в DD, 3-me serie, vol. 6, № 10 et 11, военные донесения из Берлина от 17 марта 1913 г.

местностей, которые не пожелают стать германскими гражданами на основании своего исторического германского происхождения»[1]. Независимо от того, соответствовали ли эти разглагольствования «газеты пасторов» помышлениям царя небесного или только их земного государя и главы церкви, эти речи в сочетании с хором прочей империалистической печати делали свое дело, так как создавали настроение, способствовавшее тому, чтобы приносились исключительные финансовые жертвы, которых требовала военная программа. Это было, правда, нелегким делом, хотя соответствующая агитация и могла тогда, в 1913 году, использовать возможности, которые открывались благодаря напоминаниям о войне коалиции против Франции в 1813 году.

Однако самые вдохновенные речи на празднествах памяти Арндта, Неттельбека, Шарнхорста или Блюхера не могли ввести в заблуждение: огромные финансовые жертвы для покрытия чрезвычайных нужд государства, мотивированные славными воспоминаниями, в действительности вовсе не были плодом свободного и мужественного решения, а просто-напросто вынужденной необходимостью, результатом весьма неблагоприятного внутриполитического и финансового положения. Дело в том, что размещение займа для покрытия расходов по военной программе было невозможно из-за постоянной напряженности денежного рынка в германском индустриальном государстве, а также в связи с тем, что рейхстаг, где социал-демократы пользовались большим влиянием, в лучшем случае постановил бы для уплаты процентов по такому займу ввести общеимперские прямые налоги, а это было неприемлемо для правящих классов Пруссии и для правительства. В результате, очевидно, не оставалось иного средства, кроме как прибегнуть к единовременному обложению имущества. Таким образом, в принципе заранее решили, что необходимо принести жертву ради покрытия чрезвычайных нужд государства. Это приветствовали представители тяжелой промышленности[2], ибо жертвы, которые они должны были принести, с избытком компенсировались доходами от получаемых ими поставок. Кроме того, как уже сказано, тяжелая индустрия была крайне заинтересована в континентальной экспансии по пангерманской схеме. Зато представители собственно финансового и торгового капитала почти лишились языка, когда был оглашен план финансового покрытия расходов на вооружения[3]. Этим кругам такая военная программа сулила одни лишь тяготы, а от ее влияния на армию и на экономику они не ждали для себя никакой непосредственной пользы. Пацифизм всегда чаще обнаруживается в левобуржуазном лагере, чем в рядах социал-демократии, которая в отличие от низших чиновников, торгового капитала, учителей и столичной интеллигенции была более непосредственно и тесно связана с процессом промышленного производства, борьбой за сырье и рынки сбыта. В конце концов, и тонкая пацифистская прослойка буржуазии независимо от ее политической слабости и смешанного состава была слишком тесно связана с делами германского империализма в целом, чтобы оказывать ему энергичное сопротивление. Поэтому причитания прогрессивной печати касались главным образом финансового бремени. В этом отношении консервативная

---

[1] «Reichsbote» v. 14.3.1913.

[2] Газета «Пост» от 8 марта 1913 г. опубликовала результаты опроса, произведенного «Рейниш-Вестфелише цейтунг» по поводу отношения тяжелой промышленности к военной программе. Десять виднейших деятелей промышленности высказались о ней весьма одобрительно.

[3] «Фоссише цейтунг» (см. номера от 3, 11 и 29 марта) все время скорбела по поводу борьбы правительства против мобильного капитала, жаловалась на отсутствие налога на имущество и несправедливый характер подоходного налога. См. в этой связи также статью Готхейна от 31 марта и 1 апреля. Лидер демократов Вимер («Берлинер тагеблатт», 29 марта) равным образом выражал сожаление по поводу отсутствия постоянного налога на имперскую собственность. А фон Гвиннер требовал обложения имений «мертвой руки».

печать не отставала от левобуржуазных газет; «Крейццейтунг»[1] убедительно доказывала, что аграрный и промышленный капитал не могут быть привлечены к кредитованию вооружений, а «Консервативе корреспонденц» выставила условие, что налог на наследство ни в коем случае не должен служить средством покрытия текущих расходов в том году, когда будет сделан чрезвычайный взнос на вооружения[2]. Консерваторы и либералы, феодализм и капитализм были, следовательно, едины в жалобах на бремя вооружений, но, пытаясь избавиться от него, предлагали меры прямо противоположного характера. Во всех слоях, чья жизнь строилась на заработной плате и, во всяком случае, на регулярных денежных поступлениях, а не на владении имуществом, следовательно, не только в среде рабочего класса и чиновничества, но особенно среди кругов, связанных с оптовой торговлей, страховым делом, биржей и банками, снова с необычайной силой углублялся клин в сторону старого требования о введении общеимперского налога на имущество. Зачинщиками в этой борьбе были люди с высокими доходами: например, директор банка Вебер из Среднегерманского земельного кредитного банка[3] или Роланд Люке, директор Немецкого банка[4]. Следует также упомянуть о синдикусе Ганзейского союза Клеефельде, который был доверенным лицом князей Гогенлоэ, а также о его зяте Густаве Штреземане, вершителе дел обрабатывающей промышленности. Эти группы подвергали правительство резкой критике, поскольку они из страха перед консерваторами не решались ввести общеимперский поимущественный налог для покрытия военных расходов. Аграрии, со своей стороны объединившись с Центром, тотчас же предприняли контрнаступление и быстро обнаружили, что правительство, очевидно считаясь с интересами финансовой аристократии и высшего чиновничества при определении взноса на оборону, учло даже имущества небольшого размера и вовсе не учло какие-либо денежные доходы. Речь по поводу бюджета, произнесенная депутатом Центра Шпеком 10 апреля, свидетельствовала, что аграрии отнюдь не были одиноки в своей критике in puncto налога на наследство и поимущественный налог*.

Эта дискуссия в рейхстаге о программе вооружений, начавшаяся в апреле 1913 года, сопровождалась во внешней политике самым бурным воинственным аккомпанементом.

Австрийская военная политика в конце зимы 1912/13 года. Инцидент в связи со Скутари

С осени 1912 года главнейшая цель Австрии заключалась в том, чтобы натравить друг на друга балканских союзников и таким способом изолировать Сербию и Черногорию. Вена обещала в качестве компенсации за некоторые территориальные уступки, которых от нее добивались румыны, предоставить Салоники, являвшиеся предметом всеобщих вожделений[5]. Если бы это обещание было осуществлено, то это повело бы ко второй балканской войне или к мировой войне. Венская политика вновь вызвала в Германии

[1] «Kreuzzeitung» v. 4.3.1913.
[2] «Konservative Korrespondenz» v. 5.3.1913.
[3] «Deutsche Tageszeitung» v. 22.4.1913.
[4] «Kölnische Zeitung» v. 6.6. 1913.
[5] См. ÖA, 6020, Тарновский — Берхтольду, 4 марта 1913 г.

* Многочисленные сообщения о военной программе 1913 г., о позиции общественного мнения и рейхстага, а также об ее финансовых деталях (в частности, «взнос на оборону» в размере одного миллиарда марок) содержатся в DD, 3-me serie, vol. 6, индекс Ж. Камбона.

сильнейшее волнение кайзера и немецкой дипломатии, поскольку как румынские и греческие родственные связи кайзера, так и заинтересованность Немецкого банка и «Дисконтогезельшафт» в румынской нефти, а также заинтересованность приобретавшей все большее значение дюссельдорфской «Рейниш металенваренфабрик» (Эрхардт) в поставках Сербии[1] — все эти интересы были направлены против Болгарии, снабжавшейся французским капиталом.

Но случилось нечто гораздо худшее. Руководимая Конрадом фон Гетцендорфом венская военная клика, состоявшая из крупных военных и высших чиновников, деятелей военной промышленности и черно-желтой мелкой буржуазии, пустила в ход в течение этих недель все рычаги, чтобы компенсировать неудачу, постигшую ее в связи с австро-русским соглашением о разоружении. История марта и апреля 1913 года дает неисчерпаемый материал для изучения искусства создавать «поводы» для войны и раздувать тлеющий огонь. Сербы высадили вспомогательный корпус для поддержки черногорцев под Скутари (1 марта) — вот и причина для войны[2]. Сазонов опубликовал заявление, одобренное, правда, лишь австро-венгерским послом, но не Балл-плац, о взаимоотношениях обеих стран (6 марта) — вот и затевается острый конфликт[3]. Произошла драка между черногорским лейтенантом и австрийским капитаном (13 марта) — значит, есть повод для войны[4]. В опекаемой Австрией стране — Албании — убит францисканский патер, а группа албанцев насильственно обращена черногорцами в свою веру — опять повод для войны[5], и на этот раз великолепный, просто небывалый повод, который дал возможность привлечь под знамена благочестивой династии в Вене весь католический мир, колеблющийся Бельведер[6] и вместе с ним, конечно, его вдохновителя, монсеньера Бениньи в Ватикане, интегрализм по ту и по эту сторону Альп, по ту и по эту сторону Рейна. Это был такой превосходный повод для войны, что теперь оказалось возможным пожертвовать другим поводом: Австрия отказалась в пользу Сербии от своей прежней поддержки албанских притязаний на небольшое разбойничье гнездо Дьяково[7], чтобы добиться единодушного соглашения Европы на передачу Албании Скутари, где маленький черногорский король все еще осаждал турецко-албанский гарнизон — последний остаток господства Османов на Балканах. Нет сомнений, что европейские государственные деятели, отдавшие теперь Скутари Албании, а Дьяково Сербии, желали этим укрепить мир. Но императорско-королевская дипломатия была хитрее своих партнеров: как только австрийские дипломаты спрятали в карман бумажку о передаче Скутари Албании, они сразу стали угрожать войной Черногории[8]. Итогом было сле-

---

[1] См. GP, 12937, Чиршки — Бетману, пометки Вильгельма II, 5 марта 1913 г.

[2] См. Conrad, op. cit., 3. Bd., S. 169 f. Берхтольд, по этим данным, был всецело на стороне военной партии. Престолонаследник позднее велел указать Конраду, чтобы тот перестал подстрекать его министра иностранных дел.

[3] См. ÖA, 5985, 5994, 6017. В этой связи см. Szilassy, op. cit., S. 236 ff.

[4] Так называемая афера Шкода (Conrad, op. cit., 3. Bd., S 171 ff.).

[5] См. ÖA, 6097, циркулярная телеграмма Берхтольда, 11 марта 1913 г.

[6] О влиянии преследований католиков в Сербии см. Conrad, op. cit., 3. Bd., S. 176 ff.; о тактической позиции престолонаследника — ibid., S. 178.

[7] Тактический смысл отказа от Дьяково, связанного лишь с дипломатической подготовкой решительного выступления сначала против Черногории, но тем самым и против Сербии (о связи обоих вопросов см. Conrad, op. cit., 3. Bd., S. 174 ff.), ныне (1932) ясно устанавливается текстом распоряжения Берхтольда (ÖA, 6230, 2.3.1913). Поводом для войны должны были послужить интересы католицизма.

[8] При этом Берхтольд намеренно связал в единый запутанный узел два различных ультиматума — от 20 и 21 марта — по католическим проблемам и по вопросу о прекращении обстрела Скутари. У русского правительства не было возражений против австрийского выступления по вопросам религии (ÖA, 6248, Турн — Берхтольду, 21 марта). Однако молниеносное использование изменившейся после отказа от Дьяково (20 марта) дипломатической ситуации, выразившееся в австрийском ультимативном требовании

дующее: русский министр иностранных дел Сазонов, сумевший проявить похвальное мужество и вырвать у панславистов во главе с черногорскими мегерами отказ от Скутари, оказался в положении оскандалившегося европейца, которого обвели вокруг пальца[1]*. Можно себе представить, каково было настроение в Петербурге и в России после этих событий[2]. Счастье еще, что русский министр иностранных дел не потерял мужества и не сложил оружия. А Черногорский господарь, считая, что известия из России и Сербии весьма укрепляют его позицию, делал вид, что стал еще менее уступчивым после австрийского ультиматума, и продолжал обстреливать Скутари, словно не существовало никакого решения великих держав передать этот пункт албанцам, словно Лондон и конференция послов находились на Луне**.

Так сложилось то глубоко унизительное положение, при котором судовая артиллерия великих держав была ряд недель нацелена на маленькое государство пастухов, вызывая этим только насмешки в европейских юмористических журналах.

Для состояния и оценки европейской идеи в тот период весьма характерно, что интервенция в Цетинье, на которую державы наконец решились, в сущности, явилась единственным моментом в довоенное время, когда — правда, тоже лишь внешне — было продемонстрировано нечто похожее на единодушный «европейский концерт».

Дураки и шуты придают игре скорее зловещий, нежели веселый характер. Как черногорец заставлял бесполезно проливать кровь под Скутари из-за пункта, где вся Европа водрузила свои флаги, так буквально в те же дни по ходу последних боев из-за турецкой крепости Адрианополь тысячи обманутых людей были принесены в жертву ради дела, исход которого был заранее предрешен.

Судьба Адрианополя была решена в связи с царившим там голодом: Державы уже были готовы выступить посредниками в конфликте, поддержав Болгарию, однако французская военщина и военная промышленность в качестве покровителей болгар нуждались в победе[3]. Когда болгары взяли штурмом крепость, «весь Петербург» несколько дней сходил с ума. Но министр иностранных дел и посланник Болгарии, когда его чествовала ликующая толпа в Думе, скромно приписал заслугу другим. «Не только Болгария,— восторженно воскликнул посланник,— одержала победу: победило все славянство. Да здравствует славянство во главе со святой Русью!»[4]

к Черногории (ÖA, 6259, 22.3) освободить плацдарм под Скутари, и последовавшая непосредственно за этим активизация в Австрии застали Россию технически в такой же мере врасплох, как в свое время аннексия Боснии и т. п. после свидания в Бухлау. Донесения австрийского посла о первом впечатлении, произведенном австрийским ультиматумом на Сазонова (ÖA, 6192 u. 6193, Турн — Берхтольду, 24 марта 1913 г.), представляет собой полную параллель к донесениям о том, какое впечатление произвела на Извольского аннексия 1908 г.

[1] См. S z i l a s s y, op. cit., S. 246 ff.

[2] См., например, GP, 13036, Пурталес — Бетману, 27 марта 1913 г.

[3] См. GP, 13056, Вангенгейм — Бетману, 29 марта 1912 г.***

[4] См. GP, 13036, Пурталес — Бетману, 27 марта 1913 г.

* См. DD, 3-me serie, vol. 6, № 66, Делькассе — Пишону, 25 марта 1913 г.

** Согласно DD (3-me serie, vol. 6, № 138, Поль Камбон — Пишону, 31 марта) в этом деле выступал в качестве подстрекателя русский посланник фон Гартвиг, который побуждал сербов поддержать действия господаря под Скутари. См. также H e l m r e i c h, Кар. 14, Montenergo versus Europe.

*** Согласно DD (3-me serie, vol. 6, № 91, де Панафье — Пишону, 28 марта 1913 г.), взятие Адрианополя явилось неожиданностью для болгарской и французской дипломатии и было связано со стремлением болгарской военщины оказать влияние на лондонские решения; соответственно изложенная нами выше версия, основанная на информации Вангенгейма, не может быть принята полностью.

Германо-французские инциденты. Военная программа в рейхстаге

В Германии также был в ходу лозунг о борьбе «германцев» против «славян», хотя этот лозунг и был неуместен в устах великой державы, единственным союзником которой была наполовину славянская двуединая монархия. Тем не менее Центр и рейхсканцлер превосходно использовали этот лозунг для обоснования военной программы. Но в устах Центра этот лозунг, пожалуй, звучал подобно позвякиванью кружек для сбора пожертвований в пользу миноритов в Албании, благочестивых хозяев военного завода в Хагендингене или в пользу патеров в католических миссиях в Германской Восточной Африке. Между тем когда этот лозунг провозглашал рейхсканцлер, то за этим уже слышался пронзительный звук фанфар, напоминавший о тех днях, когда один из его предшественников, полагаясь, подобно Бетману, на то, что Англия послужит прикрытием для флангов, мотивировал новую военную программу ссылкой на боевой клич некоторых русских, утверждавших, что путь в Константинополь лежит через Берлин. Пацифисты нашли, что речь канцлера местами буквально совпадала с обычными разглагольствованиями генерала Кейма[1]. Впрочем, пушечный гром в парламенте уже почти не был нужен. В течение всего периода, когда шло обсуждение военных программ, на Востоке одна за другой вспыхивали молнии; но и на Западе стали сгущаться тучи. Совершенно своевременно, 3 апреля 1914 года, за четыре дня до начала прений в рейхстаге по поводу программы вооружений, непослушный дирижабль «Цеппелин», когда ему после четырехчасовых блужданий над территорией Франции окончательно не удалось ускользнуть через границу[2]*, совершил вынужденную посадку в Люневиле, в пограничном районе, население которого и без того очень нервничало и было охвачено тревогой из-за продолжительного бряцания оружием. Этот инцидент немало способствовал усилению взаимного недовольства, необходимого авторам военной программы. Для французского правительства это интермеццо было совсем некстати, и оно быстро освободило дирижабль. Тем не менее газеты германского Военного ферейна и крайние шовинистические французские газеты получили желанный для них горячий материал.

Люневильский инцидент, так же как события, происшедшие через десять дней в Нанси, принадлежат к числу типичных империалистических инцидентов, которые, подобно делу бундесрата в 1900 году, зачастую служили интересам агитации в пользу вооружений. Гроза и буря, разразившиеся в германской печати в тот самый момент, когда стало известно, что дирижабль уже находится над территорией Германии, не только заглушили выражения благодарности, которую Германия должна была высказать французскому правительству в связи с его корректным поведением. Этот шум заглушил и голоса тех, кто выступил в парламенте против военной программы.

Их было, правда, немного. По существу вопроса царило полное единодушие; военная программа была настолько популярна в рейхстаге, напряженность на Западе и Юго-Востоке настолько сильна, что большинство речей первоклассных ораторов имело чисто академический характер. Они, в соот-

---

[1] См. O. Nippold, Meine Erlebnisse in Deutschland vor dem Weltkrieg, Berlin 1918, S. 29.

[2] Документацию об инциденте в Люневиле см. в GP, кар. CCXCIV, а также имеющееся там примечание издателя.

* Французский военный атташе в Берлине считал, что поведение дирижабля было преднамеренным, и, следовательно, он допускает возможность гипотезы о военной разведке или продуманной провокации в интересах военной программы (DD, 3-me serie, vol. 6, № 329, 23.4.1913). Моральная позиция Франции была в этом инциденте более сильной, чем в последующем происшествии в Нанси, когда нервозность пограничного населения получила ощутимое выражение.

ветствии с планом дебатов, предоставили последующим ораторам обсуждение финансовых проблем. Атака социалистов на законопроект была поручена в первую очередь Гуго Гаазе. Через различные каналы просочилось достаточно много сведений о происходивших за кулисами политических боях по военным проблемам, поэтому было нетрудно понять, какая политика и какие силы образовали фундамент для требований об увеличении армии[1], и распознать эти силы под маской объективной необходимости, за которой обычно прячется всякая политическая деятельность. Оратор Свободомыслящих Мюллер-Мейнинген также приподнял завесу, показав события, происходящие за сценой, и связал отставку генерал-инспектора транспорта фон Линкера с оппозицией и интригами генерального штаба и Военного ферейна против военного министра. Однако речь Мюллер-Мейнингена не содержала определенных политических требований, что свидетельствовало о преимущественно финансово-политическом характере его критики[2]. От имени Центра лидер партии Петер Шпан повторил снова, причем буквально в тех же словах, свою обычную присказку при первом чтении: «Какова будет моя окончательная позиция в отношении законопроекта, я сейчас не могу сказать»[3]. Затем Шпан пролепетал что-то об опасном международном положении и о перегибе в вопросе о всеобщей воинской повинности, о бремени, возложенном на сельское хозяйство, и т.д. и т. п., после этого он сел на место и смущенно молчал, когда через день баварский депутат Центра, и притом самый настоящий генерал в отставке, беспощадно атаковал Военный ферейн, миллионные затраты на мишуру для феодального правящего аппарата, критиковал привилегию годичной службы в кавалерии, равно как и создание излишних офицерских и генеральских должностей[4]. Тем самым оказалась под угрозой провала вся трудная работа фракции и была обесценена произнесенная накануне внешнеполитическая речь Эрцбергера, которая уже открывала возможность голосования за законопроект. Баварское, крестьянское крыло Центра, у которого в борьбе за среднее и мелкое крестьянство к югу от Дуная были опасные соперники в лице баварского Крестьянского союза и баварской социал-демократии,— это крыло теперь взбунтовалось. За антимилитаристской речью генерала последовала — 10 апреля — вылазка лидера баварского Центра Шпека[5], который подверг критике проект покрытия военных расходов и указал на совершенно недостаточное обложение денежных доходов, а это обстоятельство действительно больше, чем что-либо другое, свидетельствовало о тесной связи, существовавшей между высшей бюрократией, разработавшей проект покрытия военных расходов, и финансовым и торговым капиталом, особо характерной чертой которого являются высокие денежные доходы.

Аграрные слои и среднее сословие в Германии по-прежнему боялись всякого прямого поимущественного налога, в частности любой разновидности налога на наследство, а имперское правительство как раз и пыталось протащить контрабандой такой налог; учитывая настроение аграриев, оно стыдливо замаскировало этот налог, назвав его законом о приращении имущества. Либералы, особенно их левое крыло, требовали от правительства большей решительности в проектах налогообложения. Привычные внешнеполитические ноты в речи Бассермана, произнесенной им в первый день дискуссии в рейхстаге, его бойкие призывы поддержать германский империализм лишь с трудом маскировали сильнейшие финансовые разногласия среди сторонников вооружений, и притом в самой либеральной фракции[6].

[1] Гаазе в рейхстаге, 17 апреля 1913 г.
[2] Мюллер-Мейнинген, там же, 8 апреля 1913 г.
[3] Шпан в рейхстаге, 7 апреля 1913 г.
[4] Хойслер, там же, 9 апреля 1913 г.
[5] Шпек, там же, 10 апреля 1913 г.
[6] Бассерман, там же, 7 апреля 1913 г.

Чтобы не сесть на такую мель, национал-либеральный оратор по вопросам финансового покрытия Пааше занялся проблемой обложения налогами князей и государей отдельных земель. Когда речь шла о финансовых тузах, отважные мужи не отступали и перед княжеским престолом, к тому же все это можно было очень мило преподнести избирателям, особенно пока еще было очень далеко до практического решения вопроса.

Карл Либкнехт против военной промышленности

Однако в этот момент почва под ногами заколебалась: 18 апреля в рейхстаге социалистический депутат Карл Либкнехт в своем прославленном выступлении атаковал германскую и международную военную промышленность[1], сделав при этом разоблачения такого серьезного характера, что они могли нанести основательный ущерб усердию сторонников военной программы, независимо от внешнеполитических помех, возникших в эти дни: инциденты в Люневиле и Нанси и неожиданная капитуляция Скутари.

Сообщения, сделанные Либкнехтом, служили доказательством того, что методы коррупции в интересах военной промышленности не ограничиваются Востоком. Либкнехт в своей речи привел доказательства того, что фирма Круппа с помощью систематического подкупа добывала сведения о ценах в области военной промышленности. Хотя это открытие и ошеломило широкие круги, оно, как и большинство подобных разоблачений, основанных на нескромных признаниях недовольных служащих, касалось только отдельных сторон поставленной в целом проблемы. Обнаружившаяся в этом случае продажность мелких армейских чиновников, несомненно, была выгодна предприятию, являвшемуся таким монопольным поставщиком государства, как фирма Круппа; такая фирма должна была всегда иметь возможность доказать парламенту или другим непосвященным инстанциям разумность своих цен, сумев вовремя опередить конкурентов. Тем не менее это был малозначительный вопрос по сравнению со всем комплексом проблем, возникших в политике и экономике в связи с бесконтрольным производством оружия и частной торговлей оружием. Можно было предвидеть, что на неприятные вопросы ответа не последует и что печать Военного ферейна постарается свести к минимуму значение всего этого дела о подкупе, дела «Брандта и его соучастников» или так называемого процесса Крупна, хотя никак нельзя было отрицать причастность к делу руководящих директоров из Эссена в качестве лиц, дававших взятки. Альфред Гугенберг, бывший до сих пор тайным финансовым советником, которого фирма Круппа переманила к себе, как и многих других государственных чиновников и высших офицеров, дав ему звание генерального директора, тотчас же заявил в «Кёльнише цейтунг», что «только второстепенные лица замешаны в этом деле», а «центральные инстанции к нему непричастны»[2]. Тем самым прессе Военного ферейна была дана команда. Все это дело исчезло со страниц газет в течение нескольких дней. Впрочем, отделаться от рейхстага было не так легко, как от газет заинтересованных кругов. Однако когда наконец после долгих колебаний в рейхстаге была создана парламентская комиссия для расследования вопросов, касающихся вооружений, то по иронии судьбы в эту комиссию вошли спекулянт земельными участками из Бреслау и друг кайзера Альберт Баллин, деятель химической промышленности и директор машиностроительной фабрики в Аугсбурге, поставлявшей моторы военному флоту и связанной через

[1] Либкнехт в рейхстаге, 18 апреля 1913 г.
[2] См. «Friedenswarte», 1913, S. 165 ff.

концерн Дизеля с Круппом[1]. Зато в состав комиссии не вошел Либкнехт. Его включению в состав комиссии воспрепятствовал под никчемным предлогом[2] представитель правительства Дельбрюк[3]. Лишенный возможности практически участвовать в этой работе, Либкнехт занялся теоретическим расследованием деятельности военной промышленности и весной 1914 года вновь выступил в рейхстаге с речью о международных разветвленных связях и интересах военной индустрии и ее тесных связях с высшим офицерством и чиновничеством. Либкнехт представил безупречный материал, способный выдержать любую проверку, однако в рейхстаге, заседавшем за два месяца до начала войны, существовали малоподходящие социологические предпосылки для восприятия подобных сведений или для того, чтобы делать из них практические выводы.

Но и то, что Либкнехт говорил о военной промышленности уже в апреле 1913 года, было само по себе совершенно правильным. Так, например, в Дортмунде существовал так называемый «мариненферштендигунгеконцерн» под компетентным руководством бывшего директора фирмы «Дортмундер унион» и акционерной компании «Дейч — Люксембург-бергверк». Этот концерн распространил свою деятельность на всю немецкую тяжелую промышленность, стремясь установить единые обязательные цены и обобрать военно-морское ведомство, которое, финансируя необъятную агитацию Флотского союза, стремилось как раз к тому, чтобы усилить и развивать эту же тяжелую промышленность[4]. Флотский союз насчитывал тогда 322 тысячи членов, располагая капиталом почти в полмиллиона марок и таким же высоким ежегодным доходом; журнал союза имел тираж в 360 тысяч экземпляров, следовательно, больший, чем почти все значительные газеты. Союз рассылал бесплатно многие тысячи экземпляров информационных материалов, организовывал экскурсии учителей и школьников к побережью Северного моря. Благодаря такому размаху своей деятельности, шумихе, поднятой в обществе, и не в последнюю очередь благодаря своему общественному престижу Флотский союз представлял для монополий такой рекламный аппарат, каким не располагал ни один другой концерн в мире[5]. Широкие массы населения не могли проанализировать эти социальные процессы и сделать из них соответствующие выводы: у них не было определенно выраженных социальных интересов, а ведь именно это является первейшей предпосылкой для восприятия и понимания научных сведений социального и социологического характера. «Эти люди не чуют, что дьявол близко, даже когда он ухватил их за шиворот».

Слабость движения за мир в Германии

В тот период действительно не было достаточных социологических предпосылок, чтобы понимание этих фактов получило широкое распространение. Даже партию, к которой принадлежал Либкнехт, а именно социал-демократию, никогда нельзя было назвать пацифистской, а после Эссенского съезда ее можно было в крайнем случае считать антимилитаристской, да и то с оговоркой. Не только у мелких крестьян, мелкой буржуазии и ремесленников, следовательно, преимущественно у южногерманского крыла рабочей пар-

[1] Носке в рейхстаге, 12 декабря 1913 г.

[2] Носке, там же, 12 декабря 1913 г.

[3] Статс-секретарь Дельбрюк был близким родственником Круппа, а также приближенного к кайзеру главы фирмы «Дельбрюк, Шиклер и К°».

[4] Об этом концерне и его директоре Гутхейле см. Südekum in «Friedenswarte», 1913, S. 163 ff.

[5] О Флотском союзе в этот период см., в частности, Persium in der «Friedenswarte», 1913, S. 407 ff.

тии, недовольство империализмом определялось исключительно соображениями налоговой политики и антифеодальными настроениями. В Северной Германии «красному» Лейпцигу с его обрабатывающей промышленностью, работавшей на внутренний рынок, противостояла не только приморская полоса, где рабочие судоверфей были заинтересованы в империализме, но и в центре немецкого индустриального государства — в рейнско-рурском районе — существовали значительные отрасли, где вооружения и милитаризм обеспечивали занятость, не говоря уже о промышленности, работавшей на экспорт, или о Саарской области, для которой вопрос о защите границ был чрезвычайно жгучим*.

Безоговорочный антимилитаризм находил поддержку, кроме Социал-демократической партии, только у численно небольшой группы буржуазных пацифистов, которые к тому же, как обычно в Германии, были не вполне единодушны в отношении целей и методов. Наряду с учрежденным в 1892 году Альфредом Фридом Германским обществом мира в 1910 году было создано Общество международного сотрудничества. Программа общества была сформулирована так гибко, что в его состав могли войти и специалисты по международному праву демократического направления, как, например, Вальтер Шюкинг, и консервативные теоретики, такие, как Филипп Цорн, и сверх того можно было привлечь к участию в нем даже такого сторонника «политики мощи», как социолог Макс Вебер, и даже такого убежденного пангерманца, как Карл Лампрехт, чей антиномистический универсализм как раз и был характерен для двойственной позиции всего этого объединения.

Конечно, трудно было ожидать, чтобы это блестящее собрание генералов без армии могло сделать что-либо политически ощутимое и определенное для дела мира, тем более что при всей идейной пестроте состава этого общества его члены были отделены от обычного пацифизма строго соблюдавшейся социологической границей, всегда пролегавшей между профессорской средой и прочей интеллигенцией. Когда в 1912 году два французских оратора на конгрессе в Гейдельберге затронули вопрос об Эльзас-Лотарингии, то профессор Лампрехт заявил, что нельзя даже в теоретической форме обсуждать на международном собрании эту чисто национальную проблему[1]. То обстоятельство, что даже друзья мира не смели высказываться по такому вопросу, свидетельствует лучше, чем все другое, о степени напряженности национальных противоречий того времени. Верно, что в эти годы и с точки зрения французских левых эльзас-лотарингская проблема имела первостепенное значение, в связи с чем они перед своими немецкими друзьями ставили вопрос о каких-либо уступках в этой области совершенно в такой же форме, как это делал когда-то Наполеон III, выпрашивая у Бисмарка кусочек Саара, кусочек Бельгии, кусочек Рейна или кусочек Люксембурга. Но на этом основании не следует делать вывод, что всю политику Франции того времени можно свести к одному знаменателю: реваншу за 1870 год или намерению отвоевать обратно Эльзас-Лотарингию. Ведь напряженность в отношениях между Германией и Францией не ослабела и после ликвидации эльзас-лотарингской проблемы в 1919 году. Если в течение последних трех лет, предшествовавших мировой войне, во Франции с большей силой, чем прежде, выдвигалось требование о возврате имперских провинций, то это было результатом общего усиления империалистических противоречий, пробудивших и среди французских левых, крестьян, рантье и чиновников желание лучше обеспечить безопасность (securité) по отношению к Германии.

---

[1] См. «Friedenswarte», 1912, S. 384.

* Хорошим исследованием усиления империалистических настроений в рядах социал-демократии перед началом войны является работа Camille Bloch, Les socialistes allemands pendant la crise de juillet, Reone d'Histoire de la Guerre Mondiale, 1935, S. 305 ff.

Как бы то ни было, это желание было неразрывно связано со старинным стремлением к созданию более или менее устойчивого буферного государства и с симпатией к населению отторгнутых от Франции территорий. Как это случилось в 1912 году в Гейдельберге, так и теперь из-за Эльзас-Лотарингии произошел — впрочем, довольно незначительный — инцидент и на германо-французском конгрессе депутатов парламента, приглашенных в Берн некоторыми членами Швейцарского национального совета в мае 1913 года, во время чрезвычайного обострения германо-французских отношений по вопросу о вооружениях[1]*. Несколько депутатов из Французской радикальной партии выразили протест в связи с тем, что политическая резолюция конгресса не рекомендовала какое-либо окончательное решение вопроса об Эльзас-Лотарингии, а вместо этого ограничилась сочувственным одобрением того призыва к миру и германо-французскому согласию, с которым, ища выхода из затруднений, выступил недавно созданный парламент имперских провинций, зажатых «между Францией и Германией»[2].

С другой стороны, именно разработка этого весьма умеренного и мирного постановления при участии прибывших на конгресс в большом числе французских депутатов свидетельствовала о стремлении к миру французских республиканских партий, к которым принадлежали эти депутаты, в особенности Социалистической и Социал-радикальной партий, как раз тех, которые годом позже, в начале войны, составляли большинство во французской палате депутатов. Во всяком случае, нет ничего более бессмысленного, чем утверждение, что «французский народ» «начал» «мировую войну» «из-за Эльзас-Лотарингии»; впрочем, это относится к большинству объяснений возникновения войны, явившихся продуктом поспешного прожевывания проблемы.

Стремление народных масс Франции к миру

Не было буквально никаких социологических предпосылок того, чтобы в 1914 году избиратели, на которых опиралось большинство французского парламента, чтобы большинство населения Франции — рантье, крестьяне, рабочие, мелкая буржуазия, мелкие чиновники и т.п.— оказывало поддержку зачинщикам войны, разумеется, вопрос встал совершенно иначе, когда возникла необходимость активно участвовать в войне уже после того, как она началась[3]. Но сказанное не исключает ни уже описанного нами чувства страха перед растущим германским индустриальным государством, ни того, что и французские левые круги испытывали симпатии к Эльзас-Лотарингии, все это не опровергает и факта существования активного шовинистического французского империализма, рассадником которого были «Комитэ де форж», французский клерикализм и французские правые. Все эти силы, оказавшись под давлением растущего левого большинства в парламенте, все теснее сплачивались вокруг президента республики Раймона Пуанкаре, деятельность которого в Петербурге в июле 1914 года дала, наконец, возможность фран-

---

[1] См., например, GP, 15707, граф Эйнзидель — Бетману, 14 мая 1913 г.

[2] Название превосходной книги Ф. Яффе об Эльзас-Лотарингии, 1931 г.

[3] Для оценки настроений во Франции нужно наряду с выступлениями парижской поджигательской прессы привлечь и голоса левых, становившихся все сильнее. См., например, статью Альбера Тома «Французский шовинизм» в журнале «Мёру» от 24 мая 1913 г., где будущий директор Международного бюро труда в свойственной ему неповторимо живой форме описывает сложившуюся тогда ситуацию.

* См. также сообщение об этой конференции в DD, 3-me serie, vol. 6, № 538, Бо (французский посол в Берне) — Пишону, 13 мая 1913 г.

цузскому империализму нанести удар по империализму германскому и отвоевать Эльзас-Лотарингию[1].

Германская сторона отнюдь не создавала трудностей для достижения целей, преследуемых империалистическими силами и их пропагандой во Франции. На конгресс в Берн прибыло из Германии не более сорока депутатов, и то их явилось больше, чем можно было ожидать. К тому же все немецкие депутаты, за исключением разве Конрада Хаусмана и еще нескольких лиц, принадлежали к тем социалистам, антимилитаризм которых был, можно сказать, само собой разумеющимся, между тем как среди ста восьмидесяти пяти французских депутатов социалисты чистой пробы вряд ли составляли одну четверть[2]. Вообще тот факт, что на такой конгресс отправились из Германии несоциалистические депутаты, считался тогда чем-то необыкновенным. «Если бы вообще в Париже было известно,— уверяли французы на конгрессе,— что из Германии приедет сорок участников и даже буржуазные деятели, то прибыло бы не сто восемьдесят пять, а триста французов». Осторожный намек германского посла в Париже, что не следует допускать, чтобы Германия, просто-напросто игнорируя конференции, оказалась в невыгодном положении по сравнению с Францией[3], имел в Берлине результаты, обратные тем, которых добивался посол. В связи с неосторожным упоминанием в донесении посла о возможности обсуждения на конференции вопросов разоружения кайзер, явно находившийся в раздраженном состоянии, сделал на полях пометку: «Чушь! Я на это не пойду»[4], после чего германский посланник в Берне, видимо, вопреки своему желанию[5] скрылся на все время конференции[6].

Правда, ведомство иностранных дел в своей постоянной борьбе против военных и военно-морских властей, а также против высоких таможенных пошлин охотно пользовалось услугами левых и, например, довольно одобрительно отнеслось к созданию Общества международного сотрудничества[7]. Однако от подлинного пацифизма официозная дипломатия была отрезана огромной пропастью, через которую никак нельзя было перебросить мост даже с помощью таких далеко идущих уступок, которые имел в виду хотя бы Альфред Х. Фрид, соглашавшийся для начала исключить только борьбу внутри белой расы и, следовательно, предполагавший сделать кое-какие технические исправления в империализме как таковом. Среди немецкой буржуазии и даже среди социал-демократии не было никакой базы и для чисто морального пацифизма, возглавлявшегося г-жой фон Зуттнер, которая под влиянием своей женственной натуры выступала перед миром с наивной критикой в духе староанглийских диссидентов и квакеров.

Международные отношения не способствовали пацифистской деятельности. Вслед за инцидентом в Нанси в середине и в конце апреля, а также в начале мая достиг своей высшей точки кризис в связи со Скутари, когда маленький шут из Цетинье держал в своих руках судьбы мира в Европе. Но не успел затихнуть шум вокруг Черногории и Албании, как возникла угроза европейской войны вследствие напряженности в отношениях между разбухшим после войны болгарским государством и всеми его соседями.

---

[1] По моему мнению, под большим вопросом находится утверждение, что «лично Пуанкаре, безусловно, стремился к войне». Впрочем, я нахожу, что его метод сохранения мира — такого, который он сам в своем знаменитом застольном тосте в Петербурге назвал миром, соответствующим чести и достоинству,— этот метод сопровождался столькими империалистическими оговорками, что он должен был привести скорее к войне, чем к миру.

[2] Хаусман в журнале «Мёру» от 24 марта 1913 г.

[3] См. GP, 15703, Шён — Бетману, 5 мая 1913 г.

[4] Пометки кайзера на полях упомянутого донесения.

[5] См. GP, 15702, Ромберг — ведомству иностранных дел, 6 мая 1913 г.

[6] См. GP, 15704—05.

[7] См. N i p p o l d, op. cit., S. 25.

Все эти трения давали неисчерпаемый материал прессе, ратовавшей за вооружения. Инцидент в Нанси был, можно сказать, плодом ее деятельности. Во всяком случае, в нормальной обстановке удалось бы быстро уладить дипломатическим путем франко-германскую драку в варьете или в зале ожидания на вокзале[1]. Но так как именно в этот момент наступил критический этап в обсуждении военной программы в рейхстаге, пресса использовала такой симптом напряженности, как эти происшествия, чтобы вызвать еще большую враждебность. Когда в Берлине знали об этом деле не больше, чем было сказано в первых сообщениях агентства Вольфа и газет, статс-секретарь фон Ягов уже выступил в рейхстаге с выпадами против шовинистических интриг французов, но еще громче прозвучало эхо в самом рейхстаге[2*]. Поведение прессы, находившейся в руках военной промышленности, окончательно раскрыло «социологическую подоплеку» этой агитации и всей кампании в пользу усиления вооружений Германии[3].

Высшая точка кризиса в связи со Скутари. Подстрекательство к войне в России

Естественно, что все эти инциденты и поднимающаяся волна германских вооружений в свою очередь отражались на международном положении: в апреле один кризис следовал за другим. Австрийская тактика в марте — плод непрестанных вылазок венских промышленных кругов, клерикалов, черно-желтых и военной партии — настолько осложнила позиции российского правительства по отношению к панславянскому национализму, что оно никак не могло решиться предпринять какие-либо шаги, чтобы обеспечить выполнение решения конференции великих держав, согласно которому осажденный Черногорией город Скутари должен был в соответствии с желанием Тройственного союза остаться во владении новообразованного албанского государства. Черногория ведь была не чем иным, как ничтожным экспонентом русского феодального милитаризма, частью славянского барьера, который должен был в интересах России преградить Центральным державам путь через Проливы.

Крупная буржуазия, богатые помещики, офицерский корпус и печать — все они неистовствовали в России[4], на улицах слышались возгласы: «Скутари — черногорцам!», «Святой крест на Айя-Софию!», «Освобождение русских братьев из-под австро-венгерского ига — священная задача России». Такими были лозунги на блестящих собраниях, где сливки петербургского общества сводили счеты с политикой министра иностранных дел. Не приходится говорить о том спектакле, который ежедневно разыгрывала петербургская правая печать во главе с «Новым временем». Эта газета в деле

---

[1] Аналогичный случай произошел в период франко-германского сближения по вопросу о Марокко. Кровавое столкновение на франко-германской границе в Камеруне в соответствии с определенным пожеланием ведомства иностранных дел было урегулировано в столь секретном порядке, что ни одна газета в Европе вообще ничего об этом не сообщила (по материалам «Кёльнише цейтунг»).

[2] См. GP, 39. Bd., S. 296 ff., Anm., P o i n c a r e, op. cit., vol. 2; BD, p. 118 f.

[3] См.,например, за те дни «Пост», «Дейче цейтунг», «Берлинер нейесте нахрихтен», «Дейче тагесцейтунг», «Дрезденер нейесте нахрихтен». С критикой по этому поводу выступил фон Герлах в «Вельт ам монтаг», 21 апреля 1913 г.

[4] См. ÖA, 6595 u. 6596, Турн—Берхтольду, 30 марта 1913 г.

* О тогдашних инцидентах обильный материал имеется в DD, 3-me serie, vol. 6. Ягов пытался в беседе с Ж. Камбоном (16 апреля) оправдать свои резкие выпады в рейхстаге против Франции в связи с инцидентом в Нанси тем, что таким образом он якобы предотвратил более широкую атаку на Францию в рейхстаге.

разжигания шовинизма боролась за пальму первенства с «Теглихе рундшау», «Пост», «Нейе фрейе прессе», «Данцерше армеецейтунг», «Тан», «Матэн» и даже «Энтрансижан».

В результате была просто парализована европейская внешняя политика, как ее принято было называть. Решение великих держав передать Скутари албанцам оставалось на бумаге, поскольку державы опасались применять силу к черногорцу, который, не обращая никакого внимания на европейские решения, продолжал осаждать город, причем он рассчитывал на то, что обо всем остальном позаботятся в Белграде посланник фон Гартвиг, а в Петербурге — русский зять короля и дядя царя*.

В начале апреля обострение достигло крайней степени; австрийские суда грозили выйти из состава европейской эскадры, трубы которой дымили перед «черными горами», откуда с усмешкой наблюдали за картиной бессилия держав — l'impuissance des puissances. Чем больше государств отправляло туда для прогулки свои корабли, тем менее опасным становилось положение Черногории, ибо было весьма сомнительно, чтобы дымящие у этих берегов броненосцы класса «Эдгар Кине» оставались бы безразличными наблюдателями, если бы австрийские суда из международной эскадры пустили бы в ход свои пушки против Черногорского порта Антивари, который по существу был русским опорным пунктом. По поведению парижской и петербургской печати можно было ясно понять, что французские империалисты и их русские союзники только и ждут такого повода, чтобы напасть на Центральные державы[1]. Между тем британский империализм официально, казалось, выступал как посредник между двумя группировками держав, но в действительности его жалкие маневры, направленные на оттяжку решительных шагов, и его страх перед необходимостью провести в жизнь решение, принятое Европой в отношении Черногории, свидетельствовали о том, что и во время этого кризиса Англия была рабом своих союзников. До тех пор пока можно было сочетать политику Антанты с сохранением всеобщего мира, на Даунинг-стрит охотно соединяли политически полезное с приятным. Однако после второго марокканского кризиса и различных предупреждений серьезного характера — хотя бы того, которое Холден направил по германскому адресу осенью 1912 года[2],— вряд ли могло существовать какое-либо сомнение относительно того, что в случае возникновения противоречий между соблюдением всеобщего мира и сохранением того, что английские империалисты считали интересами своей безопасности, они ни на мгновение не станут колебаться в выборе и решительно выступят против Тройственного союза и против сохранения мира.

Угроза распада Тройственного союза

В те дни мировая война могла вспыхнуть не только из-за Скутари, но и в результате конфликта между Болгарией и всеми ее соседями или вследствие противоречия между Австрией и Италией. После того как в Италии расцвела собственная промышленность и был построен большой флот, она все сильнее домогалась западного побережья Балканского полуострова. Как по соображениям государственной политики, так и по династическим

---

[1] См. GP, 15612, Лихновский — Бетману, 3 декабря 1912 г.

[2] Правильно понято Менсдорфом. См. ÖA, 6567, Менсдорф — Берхтольду, 11 апреля 1913 г.

* Французская дипломатия относилась к черногорцу более доброжелательно. Посланник в Цетинье Тайан видел в нем (DD, 3-me serie, vol. 6, p. 197, 4.4.1913) жертву австрийской политики, которая, базируясь на Каттару, сделала из Албании австро-венгерскую крепость.

соображениям Рим столь энергично противился наступательным действиям дунайской монархии против Черногории, что к концу апреля Тройственный союз, давно ставший простым клочком бумаги, находился под угрозой открытого и полного распада. Все эти проблемы были увязаны в один запутанный узел. Если необходимость считаться с Тройственным союзом и с Антантой побудила австрийскую дипломатию к некоторой осторожности на Адриатическом побережье, то войну с Сербией, которой неустанно требовал неистовый генералитет[1], австрийская дипломатия старалась развязать, беспрерывно разжигая в Софии болгарский шовинизм и подстрекая его к измене прежним союзникам[2]. С помощью такой политики, проникнутой ненавистью к Сербии и дружественной к Болгарии, политики, проводившейся в интересах правящего класса венгерских крупных землевладельцев и черно-желтого государственного аппарата, Берхтольд ухитрился добиться того, что его страна сразу оказалась в конфликте со всеми державами, имевшими влияние на Балканах. Берхтольд стремился согласовать новую антисербскую и дружественную к Болгарии политику с прежней дружественной к Румынии политикой Тройственного союза, предполагая для достижения этой цели передать Румынии солидный кусок болгарской территории, которой она добивалась в качестве награды за ее нейтралитет во время войны, между тем как Болгария получила бы компенсацию в другом месте. Этот план Берхтольда был направлен на то, чтобы обмануть все нации, имевшие отношение к этому делу. Политика Берхтольда встретила ожесточенное сопротивление всей Антанты, которая охотно оставила бы румыно-болгарский пограничный спор неразрешенным и не хотела допустить проникновение Болгарии в Константинополь, Салоники или в сферу сербских интересов в Македонии. Планами Берхтольда были возмущены и сами румыны, которые полагали, что вправе рассчитывать на безоговорочную поддержку их требований. Ко всему прочему Берхтольд еще вызвал недовольство и германского кайзера, который встал на сторону своих родственников в Бухаресте и Афинах и слышать не хотел о болгарских притязаниях на Салоники. Впрочем, это живейшее внимание кайзера к интересам его родственников отнюдь не было обусловлено только родственно-династическими мотивами. Сначала кайзер подверг опале свою сестру, греческую королеву Софию, за то, что она при вступлении в брак перешла в греко-католическую церковь, но затем в марте он послал ей приветственную телеграмму по поводу коронации, приведя этим в отчаяние германские круги, связанные с Турцией. Германский посол в Турции не без оснований объяснял эту телеграмму кайзера его намерением командировать германских военных инструкторов в Пирей для замены ими французской офицерской миссии генерала Эйду[3]. Если бы на площадях античных городов прозвучал германский парадный марш, то в Грецию могла бы вернуться и фирма Круппа, которая, как в прошлом Фемистокл и Алкид, путем своеобразного остракизма была изгнана из Афин, и притом как раз в 1907 году, когда в Париже у власти находился Клемансо, брат которого случайно являлся сотрудником «Шнейдер-Крезо».

---

[1] Конрад (C o n r a d, op. cit., 3. Bd., S. 11) указывает на основной мотив своей деятельности в своих мемуарах: присоединение Сербии к дунайской монархии мирным путем или посредством войны в подходящий момент. Иными словами: «не хочешь быть ты моим братом, тебе я череп раскрою». Знатоку методов Конрада нет надобности показывать в деталях стремление Конрада к войне. К этому можно еще добавить многочисленные свидетельства из GP (см. хотя бы 13225, Чиршки — Ягову, 27 апреля и 13234, донесение Кагенека от 28 апреля и т. п.).

[2] В качестве документального доказательства можно привести всю переписку с Софией (ÖA, 6. Bd.). Чтобы не вызвать недоверия со стороны болгарских министров, австро-венгерский посланник первоначально остерегался говорить определенно о войне против Сербии (ÖA, Тарновский —Берхтольду, 18 апреля 1913 г.). Это была тактическая осторожность, которой, однако, потом перестали придавать значение.

[3] См. ÖA, 6232, Паллавичини — Берхтольду, 27 марта 1913 г.

*Никита и великие державы**

Эти перспективы усиливали симпатии немецкого кайзера к его афинским родственникам, с которыми он вплоть до первого дня войны вел переговоры о поставке подводных лодок[1], между тем как его антипатия в отношении Болгарии была в немалой степени вызвана раздражением по поводу того, что Крупна постигло в Софии полное фиаско. Австрийская дипломатия была об этом хорошо осведомлена и поэтому через своего посланника рекомендовала болгарам проявить большую внимательность в этой области, чтобы таким образом повлиять на настроение кайзера[2]. Зрелище для богов: австрийский посланник и болгарский министр усаживаются за один стол и советуются, как доставить удовольствие германскому кайзеру! Король болгарский, запрошенный по этому поводу, размышляет, наморщив лоб; захваченные у турок крупповские пушки, полагает он, были бы в данном случае малоподходящим подарком! Предложить кайзеру шефство над каким-либо полком болгарской армии тоже сейчас не вполне удобно; дело нелегкое... Эврика! Что, если дать небольшой заказ германской военной промышленности?[3]

Действительно, Круппу был дан шестимиллионный заказ на гранаты[4]. Однако с помощью такой безделицы трудно задобрить Берлин; там немногого можно добиться, пока Крезо сохраняет в Болгарии сильные позиции; таким образом, Тройственный союз, по-прежнему раздираемый внутренними противоречиями, в конце апреля вступил в пору внешнеполитического кризиса, принявшего одновременно и чрезвычайно угрожающую и нелепо двусмысленную форму. На этот раз пала крепость Скутари, конечно, в результате предательства, как это было принято на Балканах. Албанский комендант турецкого города, убийца своего предшественника, выторговал у короля Никиты согласие на свободный выход из крепости войск с оружием, после чего захватил албанский престол и, воссев на нем, великодушно, «от имени Албании», «отказался» в пользу Никиты от крепости Скутари. Между тем как раз к этому времени Тройственный союз после многомесячной дипломатической борьбы с Антантой добился решения отобрать Скутари у черногорцев и передать его Албании. В результате, когда гениальному паяцу из Цетинье пришлось закончить свои гастроли на европейской сцене, он совершил изумительно грациозное политическое сальто-мортале**. Как только положение стало серьезным и на авансцену вышли представители Центральных держав, играя своими столь осмеянными моноклями, подкручивая усы и демонстрируя сабли и пушки, паяц из Цетинье сделал могучий прыжок в партер и прошелся с шапкой в руках. Европейские монархи, наблюдавшие из ложи и не любившие шуток на свой счет[5], были чрезвычайно недовольны, видя, что их преуспевающий маленький коллега при уходе со сцены получил вознаграждение золотом не только в результате значительного повышения курса бумаг на европейских биржах***, но и в виде крупной компенсации наличными деньгами, которые ему были преподнесены конференцией послов уже после окончания действия****. Однако перед паде-

[1] По документам из архива имперского военно-морского ведомства.

[2] См. ÖA, 6652, Берхтольд — Тарновскому, 16 апреля 1913 г.

[3] См. ÖA, 6713 u. 6816, Тарновский — Берхтольду, 22 и 28 апреля 1913 г.

[4] См. ÖA, Ibid., 6849, Тарновский — Берхтольду, 7 мая 1913 г.

[5] См. GP, 13340, Ягов — Чиршки, 28 мая 1913 г., том 7 документа рекомендуется прочесть каждому, кого «большая политика» еще не лишила чувства юмора.

* См. об этом H e l m r e i c h, Кар. 14 («Черногория против Европы»).

** По свидетельству DD (3-me serie, vol. 6, № 482, памятная записка Палеолога от 4 мая 1913 г.), этот ловкий ход был подсказан русским консулом в Скутари. Неожиданные шаги русской дипломатии приводили Францию в отчаянье.

*** Поучительные детали см. в DD, 3-me serie, vol. 6, № 503, Думен — Пашичу, 5 мая 1913 г.

**** По данным DD, 3-me serie, vol. 6, начиная с апреля велись переговоры о компенсации; то, что она была необходима и фактически выплачена, по мнению добропорядоч-

нием занавеса разыгралась еще одна, заключительная сцена: генерал Конрад, уже схвативший было за подол свою желанную даму-войну, в отчаянии от постигшей его неудачи упал в объятия немецкого улана[1].

Вся Европа хохотала и поэтому утратила понимание того, что этот кризис имел чрезвычайно зловещий характер и в действительности был самым худшим из всех кризисов, пережитых Европой за период с 1911 по 1914 год*. Теперь стало ясно, что шовинизм в странах Антанты достиг такой степени, когда правительства оказались не в состоянии держать слово, данное Центральным державам.

О Тройственном союзе уже не приходилось говорить, поскольку Италия непрерывно боролась против самоуправства Австрии в отношении Цетинье. При этих обстоятельствах в Австрии, в немецких правящих кругах, распространилось чувство сдержанного гнева, которое было направлено даже прямо против кайзера, между тем как в Германии англофильски настроенные политики, например статс-секретарь Ягов, ломали руки от огорчения по поводу политики сэра Эдуарда Грея. Действительно, его более чем двусмысленная тактика в течение этих недель представляла достойную прелюдию к английской политике в июле 1914 года, когда Грей также считал, что покровительство союзникам как политической опоре британского империализма в борьбе против Германии дело более важное, чем сохранение всеобщего мира.

Если, несмотря на все эти противоречия, мировая война разыгралась лишь в 1914 году**, то это объясняется — наряду с неподготовленностью России — тем, что, хотя и был поднят большой шум по поводу Скутари, эта крепость все же имела для России меньшее значение, нежели вступление австрийцев в Сербию. Кроме того, Вильгельмштрассе не было склонно, и притом по весьма веским основаниям, дать свободу действий Австрии. Характер балканского кризиса усилил в Берлине ощущение приближающейся опасности, так что и кайзер стал изрекать мысли о борьбе славян и германцев[2].

Но пока сила Болгарии оставалась несломленной, необходимость считаться с румынскими и греческими родственниками кайзера, ободряемыми его ежегодным посещением Корфу, по-прежнему мешала тому, чтобы берлинская политика окончательно взяла курс на поддержку Болгарии и тем самым против сербов и русских, для чего до поры до времени не было и серьезного военного повода. Правда, теперь снова, как и осенью 1912 года, сдерживающее влияние германской политики на Австрию[3] было ослаблено тем шумом, который был поднят, чтобы протащить через парламент немецкую программу вооружений.

ного и сдержанного французского министра иностранных дел Пишона (№ 379, письмо Дульсе в Петербург, 25 апреля), свидетельствовало о банкротстве «европейского концерта» и являлось весьма неприятным признаком того, по каким опасным путям двигалась политика русских, включая и доброжелательного Сазонова, в результате черногорского влияния при царском дворе.

[1] См. великолепное описание германским военным атташе в Вене, уланом, того, какое впечатление произвели на начальника австрийского генерального штаба сообщения об уступчивости короля Никиты (GP, 13276, донесение Кагенека от 4 мая 1913 г.).

[2] См. пометку кайзера в GP, 13282, Пурталес — Бетману, 6 мая 1913 г.

[3] В качестве отдельных примеров этих противоречий см. GP, 13291, Берхтольд — Седьени, 2 марта 1913 г. Об этом же см. GP, 13292, записи Ягова от 11 мая 1913 года,

* П. Камбон в донесении Пишону от 2 мая (DD, 3-me serie, vol. 6, № 466) называет ситуацию «чрезвычайно неустойчивой».

** По донесениям Ж. Камбпела и французского военного атташе в Берлине (DD, 3-me serie, vol. 6, № 503 et 510, 6.5.1913), война была уже у порога. Кронпринц возглавлял военную партию, к которой Ягов был готов присоединиться. Только кайзер и канцлер были настроены миролюбиво.

Борьба вокруг военной программы и вклад в оборону. Роль Эрцбергера

Тем временем достигла своей высшей точки борьба вокруг военной программы и особенно покрытия расходов на вооружения. Как в прошлые годы, так и теперь консервативные аграрии, Центр, крестьяне и среднее сословие, равно как и правительства отдельных земель, руками и ногами отбивались от прямого общеимперского налога, проект которого выдвинули левые партии в рейхстаге. Энергичные банковские директора из левого крыла Национал-либеральной партии усердно разрабатывали проекты налога на наследство; правое крыло рейхстага противопоставило этим проектам основательно разработанный проект подоходного налога. Это была такая налоговая реформа, к которой высшее чиновничество, подготовлявшее налоговые законопроекты, подходило с большой нерешительностью, ибо оно, как правило, строило свое благосостояние на денежных доходах, а не на владении имуществом. Постоянное урезывание доходов не входило и в намерения правых, ибо правящие классы остерегались лишить обложение на оборону характера единовременного взноса и этим расчистить путь для прямого общеимперского налога, в какой бы форме его ни проектировали. Однако правые не хотели, чтобы при установлении единовременных отчислений получатели денежных доходов имели преимущество перед владельцами недвижимого имущества. Наоборот, они хотели по возможности крепче ударить последних по карману[1].

Но этим правые и Центр еще не избегли опасности введения общеимперского поимущественного налога для покрытия текущих расходов, связанных с законопроектом. Обе партии робко пытались оттянуть обсуждение военного законопроекта до того времени, пока не будет достигнуто соглашение по вопросу о финансовом покрытии; однако 28 мая объединенные левые силы в рейхстаге, от Бассермана до Бебеля, показали правым свою силу, и рейхстаг принял решение обсуждать законопроект о вооружениях раньше, чем вопрос о покрытии расходов[2]. Центр и консерваторы оказались перед фактом вопиющего поражения по финансовым вопросам. Если Центр хотел выбраться из ямы, ему нужно было протянуть руку за помощью тем, кто его туда бросил, и пытаться сговориться с объединенным левым крылом[3]. В этом случае Партии центра пошло на пользу то, что депутаты — сторонники Бассермана, как обычно, не осмелились оставаться в рядах левых до тех пор, пока не будет достигнута окончательная победа над правыми в финансовом вопросе. Дело в том, что левое крыло национал-либералов решительно требовало для покрытия текущих расходов введения значительного общеимперского поимущественного налога, особенно налога на наследство; между тем к осуществлению этих проектов враждебно относились не только консерваторы и большинство избирателей Партии центра, но и тяжелая промышленность, поддерживавшая правое крыло Национал-либеральной партии[4].

---

[1] К удовольствию правых, комиссия рейхстага постановила при исчислении суммы взноса на оборону капитализировать чистый доход путем его умножения на определенный множитель; тогда разгорелись ожесточенные бои между правыми и левыми относительно величины этой цифры. См. об этом Herzfeld, op. cit., S. 111. О критике со стороны консерваторов см., в частности, «Konservative Korrespondenz», цитировано в «Кёльнише цейтунг» от 20 июня 1913 г.

[2] «Kölnische Zeitung» v. 28.5.1913. Herzfeld, op. cit., S. 109.

[3] Эти события в парламенте совершенно правильно освещены у Херцфельда (Herzfeld, op. cit., S. 111 ff.).

[4] Одиннадцатого июля, когда борьба достигла высшей точки, Центральное объединение германских промышленников на собрании, состоявшемся в отеле «Адлон» под председательством бывшего директора фирмы «Крупп» Ретгера, «выразило мнение, что резкое разграничение в распределении налогов между империей и союзными государствами,

С другой стороны, связанное преимущественно с финансовым капиталом, левое крыло национал-либералов жаловалось на слишком высокое обложение доходов при определении непосредственных ассигнований на оборону[1]. Тем самым и был намечен путь к компромиссу. Когда рейхстаг в июне приступил ко второму чтению военного законопроекта, за кулисами происходили переговоры между Центром, и особенно Эрцбергером, считавшим в качестве лидера левого крыла Центра, что пришло его время, с одной стороны, и Бассерманом и обертрибуналратом Шиффером — с другой. Центр бросил финансовому капиталу мелкую подачку[2], а национал-либералы и с ними по необходимости все левое крыло в свою очередь спокойно отнеслись к тому, что возбуждавший злобу налог на наследство проследовал своим путем не открыто, в роскошном наряде, а замаскированный в рамках налога на приращение имущества, причем еще позаботились о нераспространении налога на наследование детьми и супругами.

Матиас Эрцбергер из Буттенхаузена, придумавший вместе с Бассерманом это хитрое решение, был, как сказано, героем дня. Редко кому удавалось одним ударом пришлепнуть столько мух, как это в данном случае удалось ему.

Освобождая детей и жен от уплаты налога на приращение имущества, Эрцбергер выступил в духе католической социальной этики как защитник вдов и сирот от притязания финансового ведомства. Но одновременно, добившись самого установления налога на приращение имущества как первого общеимперского налога, он доставил этим удовольствие католическим рабочим массам, влияние которых все более усиливалось. Вместе с консерваторами он, с одной стороны, разбил наголову своих противников из правого крыла и Центра, а с другой — поддержал все те мероприятия, проведения которых для защиты против Франции, России и Сербии желали массы избирателей Центра на Рейне и вообще католическая церковь. Когда же Эрцбергер выступал вместе с Карлом Либкнехтом против фирмы «Фридрих Крупп» (акционерная компания в Эссене), то в этом случае он не только шел навстречу желаниям левого крыла, но и доставил удовольствие Августу Тиссену, самому неистовому конкуренту Круппа, о котором говорили, что он косвенно, через Эрцбергера и социалистов, дал Либкнехту материал для его обвинений по адресу Крупна. Тиссен немедленно опроверг эти утверждения[3], но уже самое появление такого слуха характерно для ситуации, сложившейся в этот период усиленных вооружений, ситуации, из которой Тиссен — тогда уже несомненно закулисный покровитель Эрцбергера — извлек большие выгоды.

Благодаря своему хитрому ходу Эрцбергер как парламентарий оказался на первом плане. Партия центра присоединилась к левым, которые рука об руку с Центром в рейхстаге нанесли аграриям поражение при заключительном голосовании законопроектов о финансовом покрытии. Впервые на решение

установленное как принцип первым имперским канцлером князем Бисмарком, безусловно необходимо и в дальнейшем по финансово-политическим и государственно-правовым причинам, и поэтому в силу сущности империи, условий ее возникновения и развития ей надлежит в первую очередь покрывать свои финансовые нужды с помощью пошлин и обложения предметов потребления и предметов роскоши, между тем как союзным государствам передаются прямые налоги как налоговый источник, находящийся в их исключительном распоряжении». Аргументы консерваторов ненамного отличались от вышеизложенных.

[1] В этом случае доход капитализировался бы посредством прогрессивно увеличивающегося множителя, а результат принимался бы за основу для исчисления взноса на оборону.

[2] При этом Центр отказался от идеи о применении множителя при обложении доходов («Кёльнише цейтунг» от 25 июля 1913 г.), равно как и от проекта взимания гербового сбора при выдаче чеков («Франкфуртер цейтунг» от 17 июня 1913 г., «Кёльнише цейтунг» от 25 июня 1913 г.) и согласился на урезывание некоторых других налогов на оборот (Schulthess, 1913, S. 281).

[3] «Kölnische Zeitung» v. 15.5.1913.

вопроса о покрытии германских военных расходов оказали влияние социалистические идеи. Немецкая социал-демократия рука об руку с либералами и Центром голосовала за законопроект о финансовом покрытии. Крайнее крыло фракции было этим чрезвычайно возмущено, но большинство фракции решительно продолжало придерживаться этого курса, который в конце концов привел к одобрению военных кредитов и вслед за тем к распаду германской социал-демократии. Таким образом, уже тогда обнаружилась тенденция, которая позднее привела к так называемой комбинации Бетмана, а еще позже приняла форму «веймарской коалиции» из Центра, левых либералов и социал-демократов.

После происходивших в середине июня долгих прений, в значительной мере игравших показную роль, 30 июня рейхстаг принял наконец военный законопроект в целом, включая и образование трех кавалерийских полков, что составляло часть компромисса между партиями. За самый военный законопроект снова голосовало правое большинство, за ассигнования на оборону — весь рейхстаг, кроме фракции поляков и эльзасцев. Поимущественный налог, служивший только для покрытия текущих расходов, поддержали, как сказано, Центр и левое крыло, между тем как консерваторы, хотя и в безнадежном меньшинстве боролись против этого проекта*.

Вторая балканская война

Почти в тот самый час, когда рейхстаг принял свои решения, на Балканах снова загремели пушки. Правда, с конца мая между Турцией и балканскими союзниками царил мир. Однако не прошло и месяца, как победоносные нации, как того и следовало ожидать, затеяли драку. Поскольку великие державы в угоду австрийцам лишили Сербию ее лучшей награды — выхода к Адриатическому морю, она надеялась теперь с помощью Греции вырвать у Болгарии кость, которую та как раз обгладывала. Но Болгария, подкармливаемая военной промышленностью Антанты и подстрекаемая Веной против Сербии[1], не имела никакого желания потерять хоть малейший кусок своей добычи.

В течение суток создалась в высшей степени нелепая международная ситуация: не только венская дипломатия, ко всему на свете подходившая с точки зрения своих противоречий с Сербией, пыталась всеми средствами спасти Болгарию от неудачи, но и русская политика оказала поддержку царю Фердинанду. Российская дипломатия хотела предотвратить распад большого балканского блока, который должен был оказывать давление одновременно и на Центральные державы и на Турцию в интересах южнорусского экспорта зерна и русской политики в отношении Проливов.

При создавшемся своеобразном положении, когда позиции двух противников — Австрии и России — в известной мере сблизились по вопросу

---

[1] Высказываемые от случая к случаю комментаторами из GP сомнения относительно поджигательской деятельности австро-венгерской дипломатии теперь, после опубликования австрийской документации (т. 7), окончательно опровергнуты.

* О военном законопроекте см., как и ранее, донесения из DD, включая, примерно 3-ю серию, т. 7, № 292, донесение военного атташе из Берлина, 5 июля 1913 г., равно как и психологически поучительное донесение № 423 от 19 июля 1913 г. Французы расценивали законопроект как капитуляцию правительства перед пангерманцами и как ясное доказательство стремления Берлина к войне. Особенно интересен доклад Камбона от 8 июля (№ 317), в котором он на основании своих наблюдений и выступлений прессы заявляет, что возросшая военная сила Германии будет использована ею для «политики мощи» и давления ради завоеваний за океаном, а это сделает Германию уязвимой с точки зрения военно-морской стратегии.

о сохранении Болгарии, чрезмерно хитрый представитель рода Кобургов на Болгарском престоле полагал, что он может испытать судьбу. Несмотря на то, что австрийцы настойчиво рекомендовали раньше договориться с румынами, которые в качестве награды за новое соблюдение нейтралитета требовали новых территориальных уступок от Болгарии, царь Фердинанд приказал в ночь с 29 на 30 июня коварно атаковать своих вчерашних союзников — Сербию и Грецию[1]*.

Однако Болгария не получила русской помощи, хотя именно ради нее царь Фердинанд, несмотря на серьезность положения, оставлял у власти кабинет министров, который хотя и пришелся по душе парижской финансовой аристократии, Шнейдеру-Крезо, а также русским и ими оплачивался[2], но вызывал ненависть в Болгарии. Не получил болгарский царь и военной помощи от австрийцев, на которую мог возлагать надежды. Окруженные со всех сторон, болгары через несколько недель вынуждены были просить пощады. Можно было, собственно, предвидеть, что русские не пойдут против Сербии, даже когда речь шла о защите славянских братьев. С другой стороны, несмотря на унизительное пренебрежение, с которым болгары отнеслись к австрийскому посланнику и его советам договориться с румынами, Австрия в конце концов все же была готова вмешаться и начать войну против Сербии[3], если бы Германия решительно не воспротивилась осуществлению этих планов.

После смерти Кидерлена германской внешней политикой больше, чем когда-либо, руководил лично кайзер, но это говорит лишь о том, что с этого времени императорские претензии встречали еще меньше сопротивления, чем раньше. Однако это вовсе не значит, что германская внешняя политика стала более самостоятельной и освободилась от бесконтрольного влияния военного и военно-морского ведомства, а также военной промышленности. И личная линия кайзера, германский политический курс в отношении Греции отчасти объясняются именно указанными влияниями, а с другой стороны, конечно, родовыми связями международных феодальных династий, которые, правда, в эту эпоху часто оказывались взорванными силами капиталистической и империалистической экспансии, но в других случаях все же получали поддержку от аналогичных династических сил.

В политике на Балканах по-прежнему сталкивались диаметрально противоположные интересы — динамические и империалистические интересы династии Гогенцоллернов и австро-венгерская государственная и клас-

---

[1] То, что приказ о нападении на Сербию исходил непосредственно от царя, было разоблачено уже в ноябре 1913 г. во «Франкфуртер цейтунг» (Schulthess, 1913, S. 756 ff.). Нападение же на греков, как утверждал царь, произошло по приказу болгарского премьер-министра Данева против воли царя. Однако царь лгал так много, что и эти его утверждения не внушают доверия (см., в частности, GP, 35. Bd., u. ÖA, 7. Bd.).

[2] О финансовой зависимости болгарского кабинета и, вероятно, паря Фердинанда от Франции см., в частности, GP, 13012, Ягов — Берхтольду, 23 марта 1913 г. Далее см. презрительные замечания болгарского царя по адресу его собственных министров и генералов, купленных русскими (ÖA, 7860, Тарновский — Берхтольду, 19 июля 1913 г.). Бесстыдное предательство своих недавних сотрудников полностью соответствует и другим чертам, которые приписывала царю Фердинанду европейская дипломатия и которые обнаруживаются при ознакомлении с документами; лживая болтливость, двуличие, лицемерие, внутренняя бесхарактерность, страшная трусливость и продажность — таковы качества этого монарха, который ныне (1932 г.) позволяет себе принять позу знатока искусств и мецената, которому и теперь (1932 г.) германская республика выплачивает солидную пенсию за его участие в мировой войне на стороне Германии.

[3] О натравливании Болгарии см. ÖA, 7486, Берхтольд — Турну, 24 июня и т. д. То обстоятельство, что Австрия, несмотря на пренебрежительное отношение болгар к австрийским просьбам договориться с румынами, все же была готова помочь Болгарии вооруженным вмешательством, видно из GP, 13483, Циммерман — Тройтлеру, 4 июля 1913 г.

* По вопросу об ответственности см. DD, 3-me serie, vol. 7, № 471, военное донесение из Софии от 25 июля 1913 г.; в сведенном виде H e l m r e i c h, op. cit., S. 362 ff.

совая политика. Почти в те же самые дни, когда Берхтольд со всей силой добивался заключения альянса между Тройственным союзом и Болгарией, а именно в конце июня 1913 года, в Берлине велись переговоры с врагами Болгарии — греками об их присоединении к Тройственному союзу[1]. И даже начало открытой войны не вызвало изменения германской позиции; требование графа Берхтольда о совместной поддержке Болгарии против Сербии[2], врученное германскому кайзеру ровно за год до аналогичного запроса в июле 1914 года, было отвергнуто Вильгельмом II с гневом и презрением[3]. Когда же, наконец, и притом через несколько дней, поверженная Болгария истекала кровью, конфликт между Веной и Берлином достиг такой остроты, что о нем даже стало известно общественности, которая с величайшим удивлением наблюдала за «враждой Нибелунгов»[4].

В пестрой смене и кажущейся неупорядоченности всех этих международно-политических стечений обстоятельств, особенно в балканской политике 1912—1913 годов, можно, однако, как всегда, определить значение решающих постоянных влияний, проследить за основными интересами руководящих держав и социальных групп.

Например, если во время бухарестских мирных переговоров между Болгарией и ее противниками в августе 1913 года старинные соперники, Австро-Венгрия и Россия, мирно и дружно сотрудничали на пользу Болгарии, то в действительности каждая из держав неизменно преследовала свою прежнюю цель. Австрия старалась сохранить Болгарию как своего прирожденного союзника против Сербии, между тем как Россия стремилась не допустить, чтобы слабость истекающей кровью Болгарии повела к усилению стратегических позиций Греции или Турции и тем самым был затруднен контроль над Проливами. Полную аналогию этому приему представляет другая иллюстрация постоянства в кажущейся смене — политика союзников обеих держав: Франции и Германской империи. Они также некоторое время идут на Балканах рука об руку, хотя Франция, например, именно в этот момент оформляла в парламенте трехлетний срок военной службы. В действительности оба симптома прекрасно дополняют друг друга и кажущееся единство раскрывается именно как империализм в высшем его проявлении, когда каждая из держав, содействуя приобретению Грецией части болгарской добычи, пыталась опередить другую державу в захвате позиций при афинском дворе.

С марта в Афинах правил шурин Вильгельма II. Французский контроль над греческой армией, заказы для Шнейдера-Крезо, важная французская морская база на пути в Сирию и к Проливам — все это оказалось под угрозой: позиции Франции в Афинах могли перейти в немецкие руки. Новый греческий король умел использовать свои связи. По его поручению греческая королева телеграфно запросила своего брата, главу дома Гогенцоллернов, не может ли он замолвить словечко у румынского Гогенцоллерна, председательствовавшего на Балканской мирной конференции в Бухаресте, чтобы грекам достался спорный кусок добычи — порт Кавала в Эгейском море. После этого германский кайзер телеграфировал в Бухарест: «Не можешь ли ты что-нибудь сделать в отношении Кавала? Я бы отнесся с сочувствием к этому делу. Сердечный привет»[5]*. В конечном счете, к досаде России и Австрии, Кавала все же попал в руки греков. Плата за услуги последовала незамедлительно. Через

---

[1] См. GP, Кар. CCLXXIII.
[2] См. GP, 13483, Циммерман — Тройтлеру, 4 июля 1913 г.
[3] Тройтлер — ведомству иностранных дел, 4 июля 1913 г.
[4] Речь идет об известном обмене телеграммами между кайзером и королем Румынии (GP, 13732—13734).
[5] Телеграмма в GP, 13696, граф Квадт — ведомству иностранных дел, 31 июля 1913 г.
* Об этом же теперь имеются многочисленные документы в DD, 3-me serie, vol. 7.

два месяца греческий король прибыл в Берлин. Воинственные речи прозвучали на весь мир. Но когда тотчас же после этого, как бы в знак извинения, король нанес визит в Париж (Греция, как и все балканские государства, нуждалась в деньгах), он был там принят холодно. Заинтересованные французские круги дали понять через прессу, что нельзя допустить, чтобы французские деньги использовались для раздачи в Германии заказов греческой армии и флота[1].

Начало непосредственной эволюции к мировой войне

Если учесть в целом масштабы германского империализма, который, опираясь на армию и флот, сумел протянуть свои щупальца во всех направлениях, промышленность которого господствовала в Швейцарии, Испании и Северной Италии,— греческий эпизод на грани 1913—1914 годов покажется не очень существенным. Однако его значение относится больше к чисто политической области. Этот эпизод свидетельствует о том исключительно важном факте, что уже за десять месяцев до мировой войны руководящие деятели 1914 года — Вильгельм II, Бетман и Ягов — в согласии с германскими капиталистическими и промышленными интересами на Балканах меньше всего желали этой войны, то есть войны в союзе с Болгарией против Сербии, которую стремилась вызвать австро-венгерская государственная и классовая политика.

Кайзер назвал венскую политику абсолютно и полностью безумной[2] и в конце концов в середине августа разослал всем германским заграничным представительствам собственноручно составленную инструкцию, в которой вопреки всем дипломатическим традициям резко критиковал австрийского союзника и особенно его ошибочную политику в отношении Сербии и в заключение выражал надежду на падение графа Берхтольда[3].

Таким образом, обнаруживается, что именно в период между летом и осенью 1913-го и началом июля 1914 года, перед самым началом мировой войны, развитие событий приняло острый характер. Этим объясняется совершенно поразительная и, можно сказать, противоречащая традиции германская политика. Действительно, обусловившие лояльную в отношении Сербии германскую политику 1913 года династическо-империалистические связи прусской короны за несколько месяцев до войны становились все слабее и слабее, главным образом из-за внутриполитического развития в Румынии. Тем временем непрерывно усиливались империалистические противоречия между Германией и Россией. Параллельно с ослаблением семейной политики Гогенцоллернов наметилось временное укрепление отношений Германии с Италией, которая, соперничая с Францией и борясь с Грецией из-за южной Албании и Эгейских островов, больше, чем прежде, стремилась сблизиться со своими партнерами по Тройственному союзу, сохраняя в то же время в силе свои притязания на Южный Тироль. Наряду с этим Германия в течение указанного периода предприняла ряд попыток привлечь Турцию к участию в своих внешнеполитических комбинациях[4] и, резко выступая против вмешательства России, содействовала возвращению Турции крепости

[1] О европейской поездке румынского короля см., в частности, Stieve, op. cit., III, S. 287 ff.

[2] Пометки кайзера в GP, 13475, Чиршки — ведомству иностранных дел, 1 июля 1913 г., а также 13740, Пурталес — Бетману, 7 августа 1913 г.

[3] См. GP, 13781, Вильгельм II — ведомству иностранных дел, 16 августа 1913 г.

[4] См. содержащиеся в GP, Кар. CCLXXVII донесения Вангенгейма Бетману.

Адрианополь, отошедшей весной к Болгарии[1]*. Тем самым германская политика снова создала благоприятную обстановку для германского империализма на Ближнем Востоке и для младотурецкого шовинизма и вызвала то последнее большое обострение в германо-русских отношениях, на почве которого главным образом и возникла мировая война в результате вмешательства ультраимпериалистических и капиталистических сил на обеих сторонах.

Германия и Англия под знаком безудержного военно-морского строительства

По мере того как отношения с Россией становились все более напряженными, было, разумеется, особенно важно установить по возможности хорошие отношения с Англией. Фактически во время балканского кризиса вся германская политика, а в известном смысле даже военная политика 1913 года, все еще в большой степени нуждалась как в своей предпосылке в мирных германо-английских отношениях. Германское ведомство иностранных дел и после своего поражения в борьбе против Тирпица зимой 1911/12 года, как обычно, продолжало прилагать усилия, направленные к тому, чтобы обеспечить фланги Германии со стороны Англии. Германо-английские переговоры относительно португальских колоний продолжались, несмотря на то, что весной 1912 года общая ситуация омрачилась. Та кампания в пользу германо-английского сближения, которую время от времени вел Людвиг Штейн в журнале «Норд унд Зюд», не в последнюю очередь объяснялась влиянием отдела печати ведомства иностранных дел[2].

Англо-германское сотрудничество в Китае и во время балканского пожара, преподнесенное в соответственно приукрашенном виде не в качестве эпизода, а в виде чего-то имеющего общеполитическое значение, также способствовало тому, что кампания за англо-германское сближение велась в разъяснительно-снисходительных тонах, как это делал в своем журнале Людвиг Штейн. Он являлся типичным представителем финансового капитала, смыкающегося с государством, и был объектом сильных нападок со стороны антисемитов[3]. Пангерманцы и социалисты не имели доступа в журнал Штейна. Однако в целом большие связи, которыми располагал журнал, дали возможность организовать самый интересный германо-английский обмен мнениями, какой когда-либо наблюдался до мировой войны. В нем участвовали немецкие и английские пацифисты рядом с империалистами, либералы вместе с консерваторами, юристы наряду с промышленниками, купцы — с профессорами; таким образом, высказались не только лорд Уирдэйл, сэр Томас Барклай, Норман Анджел, А. де Ротшильд, сэр Эдгар Шпейер, Гарри фон Беттингер, сэр Альфред Монд, но и Артур Джеймс Бальфур, Бонар-Лоу, Г. Л. Гарвин, адмирал Алефельд, Гуго Стиннес, Август Тиссен, граф Каниц и многие другие.

---

[1] О новом повороте германской политики в Турции см. GP (Кар. CCLXXVII u. CCLXXVIII), а также ÖA, 7. Bd., где имеется богатый материал; особенно характерно, например, ÖA, 8531, Паллавичини — Берхтольду, 2 сентября 1913 г.

[2] Людвиг Штейн был своего рода официозным лицом. Статьи в пользу соглашения в журнале «Норд унд Зюд», опубликованные в 1912 г., были изданы отдельно в качестве специального номера журнала, посвященного германо-английскому сближению.

[3] См. статью «Л. Штейн» в справочнике Кюршнера, так называемую «Semi-Kürschner», где Штейна особенно сильно атаковали в связи с определенными финансовыми операциями.

* Благодаря дипломатическим ухищрениям германская позиция была неясна стороннему наблюдателю (DD, 3-me serie, vol. 7, № 494, донесение из Константинополя, 29 июля 1913 г.).

Можно было предполагать, что круги, заинтересованные в крупном международном товарообмене, особенно еврейские финансовые магнаты, желали способствовать улучшению германо-английских отношений. Естественно, что во взаимных экономических связях они усматривали стимул, а не препятствие для дружественных политических отношений, и это касалось таких лиц, как барон Ротшильд, Эдгар Шпейер или Артур Гвиннер, либо таких подлинно типичных агентов довоенного развитого империализма, как Сеидрют, племянник занзибарского султана, или фон Линч, бывший представитель интересов Немецкого банка в Персии, а позднее агент английской пароходной компании на Евфрате. Однако на первый взгляд поражает то обстоятельство, что и тяжелая промышленность обеих стран поддержала эту компанию, и что такие представители британской крупной индустрии, как Бальфур, не упоминали о германской конкуренции, и что Август Тиссен и Гуго Стиннес приветствовали хорошие германо-английские отношения[1]. Немецкая железоделательная и стальная промышленность, победоносно вторгшаяся в Великобританию со своими полуфабрикатами и готовыми изделиями, имела все основания опасаться ухудшения германо-английских отношений, а если предстояла закладка новых военных кораблей, то взнос в кассу Флотского союза обеспечивал подходящее настроение без того, чтобы возникала необходимость испытывать счастье в войне. Конечно, англичане, особенно английские промышленники, понимали, что, как правильно сформулировал Гуго Стиннес, «даже в случае неудачной войны ни одна из этих двух стран с их одаренным народом и богатыми ископаемыми не останется на долгое время в стороне от промышленной конкуренции»[2]. Однако англичане все же должны были опасаться, что по мере дальнейшего продвижения германской индустрии, этого источника германской мощи, германский флот также совершенно автоматически потеряет ту чисто оборонительную функцию, которую ему приписывали Тиссен и Стиннес наряду с Тирпицем. Немецкий еврей, крупный промышленник сэр Альфред Монд, игравший роль посредника со стороны германской химической промышленности и представлявший в английском парламенте округ Свенси (Южный Уэльс), откуда его фирма экспортировала — особенно в Северную Германию— антрацит, брикеты, различные металлы, в частности цинк, мог, конечно, подробно расписывать преимущества германо-английского товарообмена. Германский статс-секретарь в отставке Вермут мог, подобно всем сторонникам соглашения, указать на то, что германский вывоз в Англию составлял ежегодно один миллиард марок, а английский экспорт в Германию — 700—800 миллионов. Немецкий экономист мог, наконец, в обстоятельной статье подчеркнуть, что Англия попрежнему располагает громадным преимуществом перед Германией не только в мореходстве и мировой торговле, но и в промышленном экспорте и даже в экспорте железа и стали, причем в этой области разрыв в объеме экспорта, существовавший между Англией и Германией, вырос с 2,3 миллиона в начале века до 9,3 миллиона в 1911 году[3]. Однако все эти доводы не могли избавить британских политиков от забот о прочности Британской империи и британского государства на морях, от чего зависела судьба островного государства. В ответ на все экономические аргументы пацифистов по обе стороны Северного моря два хладнокровно мыслящих человека — Бальфур и Гарвин, племянник лорда Солсбери, крупный промышленник из Шеффилда и талантливый издатель консервативного юнионистского еженедельника «Обсервер»,— выдвигали на первый план, спокойно, упорно и непреклонно, то соображение, что германская мощь уже в силу самого своего существования представляет угрозу, против которой империя должна быть вооружена; они указы-

[1] См. все приведенные данные в журнале «Норд унд Зюд» за июль — сентябрь 1912 г.
[2] Стиннес в «Норд унд Зюд» за июль 1912 г., стр. 51.
[3] Цепфль в «Норд унд Зюд» за июль 1912 г., стр. 96.

вали, что перед лицом этого imperialisme tentaculaire все пацифистские проблемы этой эпохи, собственно говоря, сводятся к одному основному вопросу: каким образом можно создать для Германии большую колониальную империю, без того чтобы уже этим поставить под угрозу мир в Европе и прежде всего международное равновесие, являющееся основной политической предпосылкой существования британского империализма[1].

Гарвин имел в виду уступки в Африке, которые пыталось выторговать для Немецкого банка германское ведомство иностранных дел, но в действительности уже предложенная им формулировка проблемы свидетельствовала о ее принципиальной неразрешимости, чего он, впрочем, и сам опасался. Ответы Вассермана, Вальтера Ратенау и вице-адмирала Алефельда, или, если пользоваться социологическими понятиями, высказывания Национал-либеральной партии, финансового капитала и военной промышленности, еврейской крупной буржуазии, электротехнической и судостроительной промышленности, морского флота и Флотского союза не оставляли никаких сомнений относительно того, что германский империализм намерен либо играть первую скрипку, либо не участвовать в «концерте великих держав».

Британский империализм и не испытывал страха перед германской экономической конкуренцией в такой примитивной форме, в какой германское военно-морское ведомство зачастую себе представляло проявления британской зависти к успехам германской торговли. И все же он опасался, что экономическое развитие Германии будет иметь такое непосредственное влияние на политику и на соотношение сил, которое ему грозит крушением. Это был тот ход мыслей, в котором однажды опрометчиво признался Бальфур, сказавший американскому посланнику Уайту: «Если мы своевременно не нападем на Германию, тогда она построит слишком много кораблей и захватит всю нашу торговлю»[2]. В отношении этой внешнеполитической проблемы различие между обеими большими английскими партиями имело лишь относительный характер. Неистовые внутренние бои либерального английского промышленного государства с немногими крупными землевладельцами, державшими в своих руках земельные угодья Англии и Ирландии, не должны были вводить в заблуждение относительно того, что современное индустриальное государство было не меньше, чем тори, заинтересовано в сохранении господства на морях.

Поэтому было само собой понятно, что в ответ на новый германский военно-морской законопроект 1912 года лорд адмиралтейства Черчилль предъявил летом того же года колоссальные контртребования. 22 июля 1912 года британское правительство, прямо ссылаясь на германскую программу, потребовало в палате общин ассигнований на 33 английских линейных корабля вместо 28, как это первоначально предполагалось[3]. Одновременно влияние военно-морского строительства было подкреплено усилением британских стратегических позиций в Северном море и морским соглашением с Францией, а это в свою очередь укрепило политически франко-английский альянс[4]. «Каждая заклепка,— отмечает Черчилль в своих воспоминаниях,— которую Тирпиц загонял в свои корабли, скрепляла все больше и больше общественное мнение широких кругов могучего британского народа всех воз-

[1] Гарвин в «Норд унд Зюд» за июль 1912 г., стр. 69.

[2] См. Allan Nevins, Henry White, Thirty Years of American Diplomacy, New York, 1930, p. 257 f.

[3] Schulthess, 1912, S. 348. Донесение германского военно-морского атташе в Лондоне Виденмана об обсуждении этого вопроса (GP, 11578). Впрочем, это донесение скрывает причинную связь, чтобы, таким образом, прийти к удивительному выводу, будто не вопреки, а благодаря германской военно-морской программе с тех пор улучшилась перспектива сохранения мира.

[4] Посредством усиленного строительства флота Германия не укрепила свои позиции по отношению к Англии, ибо Британская империя пока еще располагала достаточными вспомогательными средствами, чтобы побить германскую карту.

растов и во всех частях империи. Удары молотка, звучавшие в Киле и Вильгельмсхафене, спаяли воедино союз народов, оказавших Германии сопротивление и в конце концов нанесших ей поражение»[1]. Тем не менее машине вооружений, переведенной на высшую скорость в производстве оружия, угрожала опасность довольно быстрого перегрева и остановки. Уже через полугодие, зимой 1912/13 года, английские верфи были перегружены[2]. Бюджет военно-морского строительства был крайне перенапряжен[3]. В этот момент, казалось бы, открылась возможность германо-британского морского соглашения. С самого начала балканских войн обе стороны были более чем когда-либо заинтересованы в сотрудничестве. 7 февраля 1913 года в бюджетной комиссии германского рейхстага Центр и социалисты запросили статс-секретаря имперского военно-морского ведомства, готов ли он согласиться на соотношение английских и германских линейных кораблей на основе 16 : 10, как это предложил Черчилль годом ранее. Тирпиц с большой ловкостью уклонился от прямого ответа на поставленный вопрос; он принимает английское предложение, но, «простоты ради», с незначительным изменением: не строительство десяти германских кораблей должно противостоять шестнадцати английским, а строительство пяти германских эскадр должно соответствовать восьми английским эскадрам. Эта невинная поправка означала не что иное, как то, что вся германская программа морского строительства была бы доведена до конца, как предусмотрено, и было бы сорвано намерение англичан по внутриполитическим и техническим причинам замедлить темпы военно-морского строительства в обеих странах*. Уже много лет спустя, составляя свои мемуары, статс-секретарь с удовлетворением потирал руки, вспоминая, как он тогда удачно вышел из положения и получил поддержку комиссии, от которой, как он с удовольствием отмечает, можно было ждать понимания такой политики[4]**.

Но, таким образом, имперское военно-морское ведомство выиграло только битву, но не всю кампанию. В конце марта 1913 года Черчилль, сделав предложение о приостановке на один год строительства флота, вновь попытался вынудить имперское военно-морское ведомство ясно высказаться по вопросам вооружений[5]. Германский кайзер тотчас же пришел в сильнейшее волнение[6]. Некоторые немецкие газеты открыли шумную кампанию, а большинство их лишь высмеяло это предложение, так что германскому морскому атташе уже почти не нужно было трудиться, чтобы разорвать в клочки проект Черчилля. Теперь и ведомству иностранных дел было запрещено подвергать сомнению германский закон о военно-морском строительстве. Германский посол в Лондоне князь Лихновский знал, что он не должен вообще упоминать о проблеме военно-морского строительства. Его внешне блестящее положение, о сохранении которого он тщательно заботился, было прежде обусловлено тем, что посол обычно старался обеспечить хорошие отношения между Англией и Германией в области железнодорожного строительства и колониальной политики, чем он не причинял ущерба герман-

---

[1] См. Churchill, op. cit., vol. 1, p. 96.
[2] См. GP, 15468, Лихновский — Бетману, 27 марта 1913 г.
[3] См. GP, 15572, донесение Мюллера от 6 февраля 1913 г.
[4] Tirpitz, Aufbau usw., S. 380, u. GP, 39. Bd., S. 10 f., Anm.
[5] GP, Кар. CCXCII.
[6] См. пометку кайзера в GP, 15568, Лихновский — Бетману, 27 марта 1913 г.

* Тем не менее перспективы германо-английского морского соглашения, судя по DD (3-me serie, vol. 5, № 397, донесение атташе из Лондона), вызвало, как всегда, сильное волнение французов, они опасались, как бы ограничение в строительстве флота не повело к усилению германской активности на континенте.

** Однако в глубине души Тирпиц тогда не испытывал большого удовольствия; чувствуя, что военно-морская политика ведет к разрыву с Англией, он пытался перед войной добиться германо-французского соглашения (DD, 3-me serie, vol. 9, № III, 19 января 1914 г.).

скому военно-морскому ведомству, с которым — в отличие от своего предшественника — лично поддерживал превосходные отношения[1]. На этот раз дипломатия употребила все усилия, чтобы удушить английское предложение.

После смерти Кидерлена уже не осталось никого, кто был бы в состоянии оказать какое-либо сопротивление кайзеру. Впрочем, подлинной причиной отклонения проекта о приостановке строительства флота была забота о германской военной промышленности, которая рассчитывала на твердое соблюдение программы военно-морского строительства, предусмотренной законом, что всячески подчеркивалось. Правда, Тирпиц не хотел это выкладывать именно англичанам[2]. Однако в бюджетной комиссии рейхстага в феврале 1914 года он заявил без обиняков, что планы германских судостроительных предприятий и угроза увольнения рабочих препятствуют принятию английского предложения, снова повторенного в октябре 1913 года[3], ибо в этом случае германские верфи остались бы без работы, в то время как иностранные верфи были перегружены заказами. Могло казаться, что политика германского правительства — это лишь продолжение другими средствами деятельности заправил военной промышленности.

Нефть для флота

Таким образом, уже не приходилось и думать об уменьшении германского и английского флота. Тогда Англия, поскольку она не могла надолго закрепить свое количественное превосходство, попыталась, по совету прежнего лорда адмиралтейства Фишера, обеспечить свое качественное превосходство. Появилось пять гигантских чудовищ — линейные корабли с неслыханным вооружением: восемью 38,5-сантиметровыми пушками и водоизмещением в 28 тысяч тонн, с небывалой для такого тоннажа скоростью в 25 узлов. Но, чтобы достигнуть такой скорости, надо было перевести английский флот на нефтяное топливо, а это в свою очередь повело к далеко идущим международным операциям. Применение нефти в качестве топлива было не только технической, но и экономической проблемой крупнейшего масштаба. Одним из вдохновителей этой идеи был тогдашний организатор, «загонщик» фракции либералов в палате общин владелец Элайбенка, позднее ставший известным как лорд Мэррей оф Элайбенк, член палаты лордов, совладелец нефтяной фирмы «Пирсон», интересы которой он представлял в Мексике, где Пирсон в качестве владельца предприятий «Мексикен игл» вел своего рода приватную войну с американским трестом «Стандард ойл»[4]. Таким образом, здесь, как и всюду, интересы торгового капитала совпадали с интересами военного флота, стремившегося к стратегическому и техническому превосходству. Главным вдохновителем всего дела в адмиралтействе был второй лорд адмиралтейства адмирал Джеллико. Англо-Персидская нефтяная компания, в которой были объединены промышленные интересы австралийца д'Арси и канадца лорда Стречкона, стала своего рода официальным учреждением британского правительства, которое его всеми силами поддерживало, чтобы одновременно и пойти навстречу капиталистам, возглавлявшим эту компанию, и обеспечить британский военный флот источниками сырья. Но для этой цели английское правительство нуждалось в сотрудничестве с Немецким банком, который совместно с нидерландской ком-

[1] См. Tirpitz, Aufbau usw., S. 384.
[2] Инструкции морскому атташе в Лондоне (Tirpitz, Aufbau usw., S. 396).
[3] См. GP, 39. Bd., S. 74 f., Anm.
[4] «Kölnische Zeitung» v. 20.6.1913. См. также Alfred Vagts, Mexiko, Europa und Amerika (=Politische Wissenschaft, Heft 6), Berlin 1928, S. 194 ff.

панией «Конинклике шелл» владел месопотамскими нефтяными источниками, а теперь от контроля над ними зависело мировое господство Великобритании. Создалась и в самом деле весьма странная ситуация: строительство английского флота, направленное против Германии, побуждает английское правительство обратиться за поддержкой к немцам, в помощи которых оно при этом нуждается не только непосредственно в Месопотамии, но и косвенно в своей внешней политике из-за необходимости оказать давление на собственного союзника, на Россию, ибо ее постоянные вылазки в Персии создали возрастающую угрозу для тамошней нефтяной концессии Англо-Персидской нефтяной компании[1].

Гротескный характер всей этой операции с нефтью подчеркивался еще и тем обстоятельством, что компания «Конинклике шелл», против которой велась борьба, была представлена видными английскими деятелями, а именно сэром Эрнестом Касселем и лондонцем Семюэлем, которых английское правительство, очевидно, считало либо недостаточно влиятельными, либо недостаточно надежными, либо и то и другое вместе[2]. Сражение на нефтяном театре военных действий завершилось, наконец, 19 марта 1914 года вступлением Англо-Персидской нефтяной компании в консорциум, образованный всеми другими группами,— в Турецкую нефтяную компанию[3]*. Сотрудничество в вопросах нефти образует одну из составных частей, даже, вероятно, важнейшую предпосылку всего англо-германского соглашения о Багдаде. Таким образом, кажущаяся разрядка, предшествовавшая мировой войне, также несла в себе зерно будущего конфликта.

Соглашение о Багдаде и португальских колониях

Соглашение о Багдаде отвечало, впрочем, не только интересам британского империализма, который должен был укрепить свою позицию в Кувейте против надвигающихся из Багдада германских локомотивов, но и интересам германского империализма, который до балканских войн держался заносчиво, а теперь вынужден был вступить в переговоры, поскольку крушение Турции подорвало финансовую базу строительства Багдадской железной дороги. Парижская финансовая конференция, которая должна была принять решение о доле финансовых обязательств европейской Турции, падающей на каждую из стран-наследниц**, естественно, не могла прийти

---

[1] Об этом см. GP, 17723, Вангенгейм — ведомству иностранных дел, 19 марта 1913 г.; GP, 14762 и особенно 14764, Лихновский — Бетману, 2 июня, соответственно 16 июля 1913 г.

[2] Здесь все имело международный характер: Кассель финансировал одинаково и турецкий флот и англичан и в конце концов продал «Нэшнл бэнк оф Тэрки» русским, которые слили его с «Бэнк оф Салоники» и превратили в русский экономический опорный пункт.

[3] См. Karl Hoffmann Ölpolitik, S. 69.

* О всем комплексе см. также Kühlmann, Errinerungen, S. 370 ff. По данным Кюльмана, первым председателем нефтяного консорциума был голландский нефтяной магнат сэр Генри Детердинг, вторым председателем — д-р фон Штаус из Немецкого банка (позднее — закулисный кредитор Гитлера).

** Весьма обильный материал по этим вопросам содержится в DD. Одна из инструкций Жоннара Делькассе от 18 марта 1913 г. (DD, 3-me serie, vol. 6, № 20) оценивает обязательства государств-наследников в 600 миллионов золотых франков. К весьма малому удовольствию Германии и других держав, связавших свои интересы с турецкими финансами, государства-наследники пытались своим обязательствам противопоставить требования о возмещении военных убытков, в чем их поддерживала Россия. При окончательном соглашении с Францией относительно Багдадской железной дороги Германия обеспечила покрытие возможных убытков в этой области, оставив за собой еще сохранившиеся доходы турецкой государственной казны (DD, 3-me serie, vol. 8, № 257, Anhang).

к определенному результату, пока великие державы не договорились между собой относительно их собственных претензий и взаимных обязательств, равно как относительно оставшейся части Турции. Но, поскольку права и обязанности этих держав были идентичны претензиям и обязательствам руководящих банковских институтов, то в соответствии с мерой участия каждой из держав в турецких делах политическое руководство в отдельных странах во все большей степени переходило в руки экономических лидеров и директоров банков. Директор Гельферих беспокоил руководящих деятелей ведомства иностранных дел даже в дни рождественского праздника[1]: он отдает свои приказы, «ибо так или иначе надо сдвинуть дело с мертвой точки», и ведомство иностранных дел повинуется. В собрании документов имперского правительства целые тома касаются — прямо или косвенно — операции Немецкого банка.

В этой грандиозной заключительной борьбе, решавшей судьбы государства, тактика всех участников претерпела глубокие изменения.

Ранее крупнейшие кровососы, такие, как Немецкий и Оттоманский банки, были прежде всего озабочены тем, чтобы поддержать жизнь Турции, стремясь выжать из нее средства для строительства железных дорог. Теперь же, когда строительство многих железных дорог было близко к завершению, а Турция, исчерпав все силы, лежала, поверженная наземь, все участники борьбы старались в первую очередь урвать для себя кусок от тела «больного человека»*, хотя это, естественно, не мешало им требовать от него солидной платы за лекарства, с помощью которых ему якобы можно было продлить жизнь. В мае 1913 года между германским и английским правительствами начались новые переговоры относительно их интересов в Турции. Следовательно, две державы расплачивались друг с другом за счет третьего государства, а это, конечно, никак не облегчало решение вопросов, и без того технически очень сложных. Исходя хотя бы из соображений, связанных с соперничеством с Россией, Англия была готова пойти далеко навстречу Германии**.

Однако эта английская готовность к компромиссу с самого начала, как и в 1903 году, была затруднена энергичной агитацией британских судовладельцев на Евфрате и Тигре; в качестве компенсации за то, что Багдадская железная дорога будет доведена до Басры, они требовали для себя монополии на судоходство по обеим рекам выше Кувейта. Заинтересованные в этих вопросах немецкие круги — Альберт Баллин и пароходная компания ГАПАГ — с недовольством наблюдали за тем, как из их рук ускользает

---

[1] См. GP, 14974, Гельферих — Циммерману, 25 декабря 1913 г.; GP, 14962, Гельферих — Циммерману, 14 декабря 1913 г.

* Из германо-английского и германо-французского соглашений о Багдадской железной дороге почти само собой вытекало создание резко разграниченных сфер влияния (DD, 3-me serie, vol. 8, № 81, Бомпар — Пишону, 25 августа 1913 г.). Франция, кроме того, опасалась распространения итальянской сферы влияния на Сирию.

Об этой проблеме в целом см. обстоятельное исследование Harry N. Howard, The Partition of Turkea, a diplomatic history 1913—23, University of Oklahoma 1931.

** Руководящими деятелями среди элементов, сотрудничавших с Германией, были сэр Эрнест Кассель, который тогда создал «Нэшнл бэнк оф Тэрки» и считал себя финансовым опекуном Турции при ее расчетах с кредиторами, и сэр Адам Блок, английский представитель в «Детт пюблик Оттоман». Эти лица отбивали у французских финансовых кругов их давнишние привилегии, и французы их называли «настоящим бичом божьим для Антанты» (DD, 3-me serie, vol. 5, № 541, Бомпар—Жоннару, 8 марта 1913 г.). DD также содержит материал, освещающий германо-английские переговоры; в беседах с французскими дипломатами англичане высказывались очень резко о деятелях Багдадской железной дороги; см., например, в том же томе № 543, де Флерио — Пишону, 14 мая 1913 г.; см. далее № 550, французский меморандум от 16 мая 1913 г., в котором подчеркивается невозможность покончить с Багдадской железной дорогой с помощью финансовых средств; № 573, Бомпар — Пишону, 20 мая 1913 г. со сведениями о влиянии Касселя, а также № 574, донесение Бомпара от 20 мая 1913 г. с рекомендацией добиться германо-французского соглашения по багдадскому вопросу.

крупный куш, но им в конечном счете удалось добиться только второстепенного немецкого участия в обществе речного пароходства, которое предполагалось учредить под номинальным турецким правлением при преимущественном английском участии. Эти вопросы судоходства, вопрос о расширении Шатт-эль-Араб, то есть нижнего течения двух слившихся рек, расширение пристаней в Багдаде и Басре, проблемы конкуренции, вопрос о работах по орошению и особенно переговоры по нефтяным проблемам, в ходе которых вновь встали вопросы о конкурирующих железных дорогах,— все эти обстоятельства повели к тому, что принятие решения о германо-английском соглашении относительно Багдадской железной дороги затянулось вплоть до середины лета 1914 года.

К тому времени, когда это решение созрело, уже давным-давно ждал подписания другой англо-германский договор по колониальным вопросам. Одновременно с переговорами относительно Багдада продолжались переговоры о португальских колониях. Идея английских империалистов о необходимости создать отводной канал для активности германского империализма дала возможность Форин офису выйти за пределы уступок, которые в начале века Бальфур предложил графу Гатцфельду. По сравнению с первым соглашением теперь была значительно расширена сфера интересов, отводимая Германской империи[1]*. Макиавеллистские комбинации, с помощью которых англичане предполагали утихомирить неистовствовавшую державу, были ими в первом договоре — можно сказать, намеренно — сконструированы неудачно, и договор оказался безуспешным; но теперь, в 1913—1914 годах, когда Англия была явно заинтересована в том, чтобы отвлечь силы Германии в Африку, договор был в некоторых отношениях улучшен[2], и Немецкий банк уже рассчитывал на то, что соглашение в скором времени вступит в действие[3]; впрочем, германское ведомство иностранных дел и теперь еще делало постоянные попытки — не имевшие успеха — внести в договор исправления[4]**.

---

[1] В обмен за малозначительные уступки, особенно на Замбези и в Восточной Африке, Германия получала в Западной Африке сферу влияния, которая непосредственно примыкала к Германской Юго-Западной Африке и простиралась до Конго (GP, 14689, Розен—Бетману, 9 ноября 1913 г.).

[2] Так по крайней мере думал Грей (GP, 14672, Лихновский — ведомству иностранных дел, 7 июля 1913 г.).

[3] Финансовая группа, которая, судя, например, по GP, 14675, Ягов — Лихновскому, и по другим документам, поддерживала во время дипломатических переговоров постоянную связь с английским предпринимателем Вильямсом, представляла, по полученным мною частным сообщениям, в первую очередь Немецкий банк.

[4] См. об этом интересном проявлении макиавеллизма GP, 37. Bd., S. 47, Anm., окончательный текст S. 78 ff. Особенно важна статья 8. Обо всем деле см. Зольф — Ягову, 23 мая 1913 г.

* В то время германские колониальные круги, судя по DD, 3-me serie, vol. 8, № 41, Клобуковский — Пишону, 17 октября 1913 г., по-видимому, серьезно надеялись путем давления на Бельгию без кровопролития наложить руку на Конго, а это в сочетании с германо-английским договором повело бы к осуществлению германской мечты о создании пересекающей всю Африку сферы влияния под черно-бело-красным флагом.

** Материал об этих планах, оставшихся на бумаге, содержится в DD, 3-me serie, vol. 8 et 9; французам вся эта затея очень мало нравилась: они опасались, как бы их не вытеснили из Конго. Согласно № 35, 9. Bd. (П. Камбон — Думергу, 8 января 1914 г.), в связи с этим вопросом дело дошло чуть ли не до конфликта внутри «Тройственного согласия». Французы считали, что союзники их обманули; они пытались заинтересовать Португалию своими экономическими предложениями, чтобы удержать ее от передачи своих колоний Германии. Подобно Португалии, и Бельгия трепетала в страхе перед принимавшими все более бурный характер германскими колониальными претензиями.

Правда, грандиозные планы германских финансистов в Африке, опиравшиеся на железнодорожные проекты 1911 года, возможно, привели бы на длительное время к империалистическому сообществу европейских великих держав. Такова была основная идея нового германского статс-секретаря д-ра Зольфа, о которой много данных содержится в DD, 3-me serie, vol. 10. В течение месяцев, предшествовавших началу войны, германские колониальные планы занимали центральное место в международной дискуссии. В Бельгии определенная группа открыто агитировала за передачу Конго Германской империи. Сог-

Германская дипломатия должна была учитывать опыт, полученный ею в конце XIX века, когда Англия, не удовлетворившись провалом своего плана создания западни во время бурской войны, тайно, за спиной Германии, заключила с Португалией так называемую Виндзорскую конвенцию. Империалисты с Вильгельмштрассе еще и потому должны были быть настороже, что Грей, считаясь со своими старыми клиентами на Тахо и с английским парламентом, не хотел оглашать новое соглашение с Германией без одновременного опубликования Виндзорской конвенции[1]. Но в конце концов и тут был найден выход: на Вильгельмштрассе решили договор об африканских делах опубликовать одновременно с Багдадским соглашением, чтобы таким путем ослабить германскую критику договоров[2]. Однако дело до опубликования не дошло. Когда Даунинг-стрит прислал князю Лихновскому прекрасно оформленное Багдадское соглашение, напечатанное на бумаге с золотым обрезом, уже наступило 1 августа 1914 года.

Острая противоречивость, глубочайшая двусмысленность — таковы черты того явления, которое мы в этой книге назвали англо-германским столкновением-сближением, превратившимся под конец в какой-то гигантский гротеск и шутовство. Спокойствие последних месяцев перед войной было затишьем перед бурей. Несмотря на то что машина вооружений работала полным ходом, германское военно-морское ведомство истолковывало хладнокровие английской прессы, связанной с флотом, как английскую пассивность перед фактом строительства германского флота[3]. В действительности же это было лишь признаком того, что парламент давно одобрил все вообще технически возможные формы увеличения флота и уже больше не было надобности в Navy Scare[4]. Вместе с тем германо-английское соглашение о Багдаде и Африке, на котором германское ведомство иностранных дел строило свою мировую политику, не только преследовало побочную тактическую цель — обеспечение британского, а в случае нужды и германского военного флота нефтяным горючим[5], но, кроме того, в соответствии с нефтяными интересами Англии еще усиливало германо-русские противоречия, которые и привели к катастрофе раньше, чем германо-английское сближение могло приобрести практическое значение.

Кайзер становится орудием поджигателей войны. Инцидент в Цаберне

Это новое и самое опасное проявление напряженности в германо-русских отношениях созрело в такое время, когда в Европе наступило кажущееся затишье. Стремясь изжить скрытые, постоянно возникающие разногласия

ласно DD, 3-me serie, vol. 10, № 312, Дэшнер—Думергу, 30 мая 1914 г., в это дело включались все ведущие германские банки, гамбургские пароходные компании, а также Крупп. Вовне главную роль играл банкирский дом Варбурга.

[1] Об ожесточенной борьбе по вопросу об одновременном опубликовании Виндзорского соглашения, угрожавшего сорвать все дело, см. GP, 14684, bis 14711.

[2] См. GP, 14712, Тур — Ягову, 8 июля 1914 г.

[3] См. Tirpitz, Aufbau usw., S. 341; Churchill, op. cit., vol. 1, p. 96.

[4] См. Churchill, op. cit., vol. 1, p. 95 ff.

[5] См. GP, 14888, Немецкий банк — ведомству иностранных дел, 20 мая 1914 г. Согласно этому договору, прибыль от снабжения нефтью обоих враждующих между собой военных флотов (для Германии этот вопрос пока еще не был «жгучим») должны были мирно и по-братски поделить между собой финансовые магнаты обеих сторон — мсье д'Ареи, лорд Стречкона, Семюэлс, Пирсон, Кадмен или также Детердинг и г-да Гвиннер, Гельферих, Штаус и, соответственно, их акционеры и члены наблюдательных советов. Впрочем, не было оговорено, что произойдет с Мосулом в случае войны.

в лагере Тройственного союза, австрийские генералы и германский генералитет постарались в интересах армии укрепить свое сотрудничество и усилить давление на монархов и правительство[1].

Маневры в Силезии в сентябре 1913 года создали благоприятную возможность, а замок Зальцбрунн князя Плесса явился подходящим местом для попыток основательно воздействовать на германского кайзера, который своей семейной политикой поставил Тройственный союз под угрозу взрыва[2]. Когда месяцем позднее те же лица вновь собрались вместе в связи с торжеством по поводу столетия Лейпцигской битвы народов, можно было обнаружить в поведении Вильгельма II следы той военно-политической обработки, которой он подвергся в Зальцбрунне[3]*, а еще через несколько дней австрийские и венгерские магнаты, приглашенные эрцгерцогом-престолонаследником на прием в честь кайзера в богемский замок Конопишт, могли убедиться, что кайзер хорошо усвоил поговорку, которой генерал Конрад руководствовался в борьбе против сербской угрозы:

Не хочешь ты моим стать братом,
Тебе я череп раскрою[4].

Подобные речи, как и все высказывания Вильгельма II, были не случайным явлением, а результатом изменившихся условий, следствием громадного усиления международного империализма, а это вело — особенно в таком индустриальном государстве, как Германия,— к непрерывному росту власти военных над гражданскими органами. Германский милитаризм не был плодом фантазии, а социологической необходимостью[5]; он явился следствием разрыва между результатами внешней политики, проводившейся последние годы ведомством иностранных дел, с одной стороны, и постоянным ростом экономической силы и численности населения германского индустриального государства — с другой.

В своем стремлении к сильной политике и сильным жестам этот империалистическо-демократический милитаризм снизу лишь способствовал увеличению мощи тонкой прослойки, господствовавшей в стране; это высшее сословие, считая свои позиции пока еще прочными, при всякой возможности давало чувствовать свою власть даже буржуазным классам, преданным милитаризму.

В этом заключаются социологические предпосылки цаберского дела, которое было не только политическим инцидентом в пограничной местности, но прежде всего германским внутриполитическим событием. Это знаменитое дело, вызванное серией столкновений в маленьком гарнизоне между прусской военщиной и эльзасским гражданским населением, обнаружило политическое бессилие германской буржуазии, постоянно нуждавшейся в феодальном милитаризме как внутри страны против массы населения,

---

[1] Весьма характерно обращение Мольтке к Конраду: C o n r a d, 3. Bd., S. 429 ff.

[2] См. C o n r a d, op. cit., 3. Bd., S. 431 ff.

[3] Ibid., S. 479 ff.; ÖA, 8861, запись Берхтольда от 18 октября 1913 г.

[4] Большое значение имеет ÖA, 8934, запись Берхтольда от 28 октября 1913 г. о длительной беседе с Вильгельмом II, а также ÖA, 8951, Седьени — Берхтольду, 4 ноября 1913 г. Эти документы наконец раскрывают столь долго скрывавшуюся истину о беседах в Конопиште.

[5] См. в этой связи также оценку, данную в книге H. L u t z, Die europäische Politik in der Julikrise 1914 (во II томе трудов парламентской комиссии по изучению причин войны, Берлин, 1930), S. 206 ff., где собран некоторый материал по этим вопросам.

* См. также DD, 3-me serie, vol. 8, № 517, Ж. Камбон — Пишону, 22 ноября 1913 г. о наблюдениях барона Бейена.

так и во внешней политике. Многие критики событий в Цаберне атаковали лейтенанта фон Форстнера и полковника фон Ройтера не как представителей армии, а в гораздо большей мере как носителей феодального духа, который стеснял и ограничивал буржуазный милитаристский империализм и по вине которого возникли трудности в деятельности пангерманцев в Эльзас-Лотарингии[1]*.

После того как Бухарестский мир между Болгарией и ее противниками лишил почвы опасную для Тройственного союза династическую приватную политику кайзера, в его окружении укрепились позиции представителей армии и официозной идеологии союза с Австро-Венгрией.

В дни юбилейных торжеств в память Битвы народов кайзер и ведомство иностранных дел поддержали австрийский ультиматум[2], который заставил сербов очистить албанскую территорию и должен был дать генералу фон Конраду повод и возможность сокрушить Сербию[3], а когда Сербия уступила, Вильгельм II все еще продолжал в Конопиште и Вене играть перед Францем Фердинандом и графом Берхтольдом роль ангела-хранителя дунайской монархии. В конце концов он покинул Вену, произнеся страшные слова, что для него закон все исходящее от венского министерства иностранных дел[4].

Это и в самом деле звучало в достаточной мере угрожающе. И действительно, именно слухи о переговорах в Конопиште явились толчком для подготовки убийства того высокопоставленного лица, гостем которого был германский кайзер[5]; но хотя австро-сербский конфликт и был неразрешим, он мог привести к мировой войне только в том случае, если и Германия и Россия придут на помощь обеим странам. Для этого у России пока не было оснований.

Отступление Сербии после австро-венгерского осеннего ультиматума, наоборот, ясно показало, что руководители внешней политики России до тех пор не будут считать войну необходимой, пока Центральные державы не вторгнутся непосредственно в сферу российских интересов; но и правители Германской империи во главе с кайзером считали, что отношения с Россией ни в коем случае не находятся под угрозой, и до поры до времени не верили в возможность войны с Россией[6].

---

[1] В жалобе на то, что армейский феодализм причиняет вред германскому империализму, заключается глубокий смысл речи национал-либерального депутата фон Калькера в рейхстаге от 3 декабря 1913 г. К этому же относятся и постоянные жалобы национал-либералов, особенно Бассермана, на привилегированное положение феодального сословия в офицерском корпусе. Об этом деле в данное время (1932) см. E. Schenk, Der Fall Labern, Stuttgart, 1927. Как и Шенк, я считаю «Инцидент в Цаберне» с всемирно-исторической точки зрения малозначительным событием, но он чрезвычайно важен для политической характеристики эпохи. Более подробное освещение здесь, к сожалению, невозможно из-за недостатка места.

[2] См. GP, 14162, Циммерман — Веделю, 16 октября 1913 г., а также Conrad, op. cit., 3. Bd., S. 469 f.

[3] Conrad, op. cit., 3. Bd., S. 456 ff., 464 ff.

[4] См. исключительно важные документы в ÖA, 8934 u. 8951.

[5] Уже Ф. Визнер в своей статье «Вина сербского правительства в сараевском убийстве» (K-BM, 1928, S. 321 ff.) указывал на то, что под переговорами в Конопиште, явившимися, как доказано, причиной подготовки планов покушения уже просто по хронологическим соображениям, может подразумеваться только встреча осенью 1913 г., а не беседа летом 1914 г. Я считаю этот вывод теперь совершенно бесспорным в свете важных данных, которые тем временем стали известны благодаря опубликованию австрийской документации.

[6] Ясно высказано в ÖA, записи Берхтольда о разговоре с Вильгельмом II, 28 октября 1932 г.

* Ряд сообщений о Цаберне имеется в DD, 3-me serie, vol. 8; Франция сознательно проявляла сдержанность в этом деле, чтобы не мешать полному развитию внутренних противоречий в Германии.

*Значение германо-турецкой сделки по вопросам вооружений в возникновении мировой войны. Миссия Лимана фон Сандерса**

Однако с этого момента в отношениях между обеими соседними великими державами стали все сильнее сказываться те зловещие черты, которые в конце концов непосредственно привели к мировой войне. Но, подобно многим другим событиям того времени, и это обострение отношений, вызвавшее в ноябре и декабре 1913 года на обеих сторонах первый сильный взрыв национальных страстей, было связано с предшествовавшей ему длительной тайной закулисной борьбой.

Укрепление позиции младотурок в результате младотурецкой революции в январе 1913 года, как и следовало ожидать, вполне соответствовало интересам как германской военщины на берегах Босфора, так и германской военной промышленности[1]. Снова в Турцию могла прибыть германская военная миссия, и в связи с этим, как обычно, Крупп должен был получить заказ на пушки[2]. Военный атташе майор фон Штремпель, посредничавший при осуществлении этой комбинации, имел непосредственные связи с верхами через своего брата, занимавшего пост советника-докладчика в гражданском кабинете кайзера.

В течение ряда лет майор фон Штремпель накопил большой опыт в проведении часто очень сложных операций с вооружениями на берегах Босфора. С другой стороны, лидер младотурок великий визирь и генералиссимус Махмуд Шевкет-паша, в течение ряда лет энергично продвигавший вопрос о присылке германской военной миссии, равным образом заслужил репутацию друга Германии, в особенности доверенного лица германской военной промышленности**. Впрочем, на этот раз операция должна была быть исключительно выгодной, но и исключительно опасной: в Константинополе на берегах Проливов предполагалось установить новые артиллерийские орудия[3] и возвести новые укрепления. Кроме того, в отличие от тех времен, когда на Босфоре правил Кольмар фон дер Гольц, теперь дело не ограничивалось пребыванием одного дельного генерала: в Турцию должна была прибыть целая группа хорошо подготовленных немецких офицеров. Подысканием подходящего руководителя этой миссии занялся начальник германских инженерно-саперных войск и укреплений, в чье ведение были переданы вопросы, связанные с вооружением и промышленностью. В то же время кайзер обеспечивал успех этой операции вовне. В течение ряда лет он приобрел опыт и навыки в подобных делах. До того времени дружба с Турцией себя всегда окупала. Лишь в 1910 году продажа этой стране старых военных кораблей сопровождалась интереснейшими финансовыми комбинациями, а, например, в конце 1905 года султан за неучастие Германии в международной морской демонстрации у Крита уплатил заказом германской военной промышленности на сумму в 60 миллионов франков[4]. И на этот раз, по-видимому, обстоятельства сложились удачно. Германо-турецкие совместные

---

[1] По-видимому, эти силы даже подстрекали младотурок к революции.

[2] См. GP, 15436, Тройтлер — ведомству иностранных дел, 2 апреля 1913 г.

[3] См. GP, 15436, Тройтлер — ведомству иностранных дел, 2 апреля 1913 г.

[4] См. Victor Berard, La France et Guillaume II, Paris 1907, p. 179; Joes Guyot, Les causes et les consequences de la guerre, Paris 1915, p. 228. Впредь, до того как будет доказано обратное, я признаю достоверными все описанные этими авторами факты, которые полностью соответствуют характеру многих документально подтвержденных операций с вооружением.

* Этот раздел был впервые опубликован в «Ревю д'истуар де ля герр мондиаль» за январь 1935 г.

** К большому огорчению Вильгельмштрассе, Махмуд был убит 11 июня, следовательно, еще до прибытия миссии.

планы вооружений оказались бы под угрозой, если бы они вызвали возражения русского царя. Но когда царь вместе с другими государями прибыл в мае 1913 года в Берлин на семейное торжество, то шумно обвиненный в коварстве болгарин еще находился вблизи от Проливов и угрожал им, в связи с чем Николай II, заботясь о морских перевозках русского зерна, безоговорочно согласился с доводами германского кайзера в пользу возведения германских укреплений в Стамбуле[1]*.

Однако вскоре тучи заволокли горизонт. Летом 1913 года побежденная Болгария лежала, поверженная наземь, и с этого момента ни один человек не мог утверждать, что Германия должна укреплять Константинополь, чтобы помешать вступлению Фердинанда Кобургского в Айя-Софию. Даже германский посол, который сам поднял вопрос о посылке германской военной миссии[2], впал теперь в мрачное настроение[3]. Уже миссию фон дер Гольца русские терпели скрепя сердце. Впрочем, тогда они не могли портить отношения с Германией из-за напряженности в русско-английских отношениях, но с тех пор конфликт с Англией потерял свою остроту и внутри страны сила России значительно укрепилась.

Правда, морально Антанта имела мало оснований жаловаться на действия германского милитаризма в Турции. В период ожесточенной борьбы из-за германской военной миссии английский конкурент в области вооружений компания «Армстронг энд Виккерс» в полном согласии с Турцией подписала договоры о строительстве мастерских и доков и тем самым на годы вперед захватила в свои руки заказы турецкого морского ведомства[4]**. Действовавший за кулисами сэр Базиль Захаров появился на арене. Таинственная сила, которой он обладал, была так велика, что русские были вынуждены волей-неволей сдержать свое недовольство по поводу увеличения турецкой военной мощи и по поводу того, что были созданы тактические трудности для их выступления против германской военной миссии. Как могли русские что-либо предпринять против человека, который одновременно ковал русские вооружения на суше и на море[5].

Французские аппетиты были удовлетворены в гораздо меньшей степени, чем аппетиты английской индустрии. «Французы,— сообщал военный атташе фон Штремпель уже перед самым прибытием германской миссии, — возлагали большие надежды на то, что им удастся вытеснить нас у Золотого Рога, и сверх того Шнейдер-Крезо подозревает, что его предали»[6]. Действительно, речь шла об огромной ставке с точки зрения французской военной промышленности, и предстояло возвести новые укрепления на всей линии обороны к западу от Константинополя — так называемой «линии Чаталджи»,— предполагалось установить на Босфоре пушки и вновь снабдить орудиями всю полевую артиллерию Турецкой империи после потерь, понесенных ею в балканской войне. Таким образом, речь шла об одной из тех

---

[1] См. ÖA, 8934, запись Берхтольда от 28 октября 1913 г.

[2] См. о последующем: GP, кар. ССХС. Мемуары Лимана (von Liman, Fünf Jahre Türkei, Berlin 1920) весьма скудного содержания. Работа его адъютанта Ц. Мюльмана (C. Mühlmann, Deutschland und die Türkei, 1913—14, Berlin 1929) имеет чисто академический характер; Мюльман также рассматривает вещи с чисто военной стороны и затем пытается дополнить изложение на основании документов. Существенный материал содержат в особенности австрийские документы и труды Конрада.

[3] См. ÖA, 9054, Паллавичини — Берхтольду, 5 декабря 1913 г.

[4] См. об этом, в частности, ÖA, 9070, Паллавичини — Берхтольду, 8 декабря 1913 г.

[5] См. Morus R. Lewinsohn, Der Mann im Dunkel, Berlin 1929.

[6] См. GP, 15449, фон Штремпель — ведомству иностранных дел, 18 ноября 1913 г.

* Согласно DD (3-me serie, vol. 9, № 20, Делькассе — Думергу, 4 января 1914 г.), царь при этом предполагал, что новая миссия будет иметь такой же внешне незаметный характер, как и инспекционная деятельность генерала фон дер Гольца.

** Из освещения событий в DD (3-me serie, vol. 8) видно, что эти обстоятельства весьма затруднили дипломатические шаги Антанты в Константинополе, тем более что Россия еще желала направить своих офицеров для инспекционной деятельности в турецкой Армении.

операций по новому строительству на Балканах, которые в 1913—1914 годах являлись важнейшим рычагом империалистической политики обеих группировок великих держав. Это было доходное дело. Крупп продал на Босфоре полевые орудия на сумму 155 — 165 тысяч марок, между тем как их себестоимость составляла не более 14 тысяч марок[1].

Но когда в середине декабря 1913 года на Проливы прибыла германская военная миссия во главе с германским генералом Лиманом фон Сандерсом, противная сторона уже нанесла сильный встречный удар и добилась назначения турка на пост инспектора армии в Стамбуле (Константинополь). В результате германский генерал, который должен был лично командовать первым турецким армейским корпусом, получил сразу на свою шею начальника, и, кроме того, из его ведения были изъяты укрепления столицы[2]. Таким образом, германскому генералу инженерных войск Веберу, которого Лиман привез с собой, пока что нечего было делать, по меньшей мере на Босфоре. С тем большей силой неистовствовала Антанта — этот частичный успех не мог ее удовлетворить ни с военной точки зрения, ни с точки зрения политики в вопросе о вооружениях.

Противоречия между интересами держав были совершенно очевидными. «Если бы Франция участвовала в поставках,— сказал туркам французский военный атташе,— тогда германская военная миссия была бы терпима»[3]. Но об этом нельзя было и думать. Париж волновался*, а Петербург неустанно стремился втолковать германскому правительству, какое значение имеют для России дальнобойные орудия на Босфоре[4]. Напрасно германский рейхсканцлер, испытывавший большое неудобство из-за своевольной политики военных, старался успокоить русских. Одна злосчастная ошибка, допущенная режиссурой на Вильгельмштрассе — осенью при проезде Сазонова через Берлин от него скрыли план посылки миссии**,— вызвала недовольство и умеренной части русских министров[5]. Феодальный милитаризм, стоявший за их спиной, считал несовместимым со своим существованием учреждение германского военного командования на Босфоре[6]***. Трудно было избегнуть крупного столкновения. «Проливы в руках сильного государства — это значит полное подчинение всего экономического развития юга России этому государству»,— писал Сазонов царю 8 декабря[7]. 13 декабря Тройственный союз выступил на Босфоре против прибытия германской военной миссии. Уверенный в защите со стороны Германии, великий визирь резко и решительно отверг возможность всякого компромисса[8]. Теперь уже не оставалось никакого выхода. Германское железнодорожное строительство, германская

[1] По сообщению бывшего представителя Круппа в Константинополе. Правда, эти данные относятся к 1910 г., когда Крупп все еще сбывал в Турции старое оружие, между тем как он уже давно снабжал большинство государств орудиями с безоткатным лафетом.

[2] См. ÖA, 9069, I u. II, военные донесения из Константинополя, 8 декабря 1913 г.

[3] См. GP, 15401, Вангенгейм — ведомству иностранных дел, 3 декабря 1913 г.

[4] См. GP, 15447, Люциус — ведомству иностранных дел, 11 ноября 1913 г.

[5] См. GP, 15440, запись Бетмана от 18 ноября 1913 г.

[6] См. S t i e v e, op. cit., III, S. 377.

[7] Докладная записка министра иностранных дел Сазонова от 23 ноября 1913 г. («Красный архив», 1924, т. 6, стр. 7. — *Прим. ред.*).

[8] См. GP, 15481, Циммерман— Вильгельму II, 15 декабря 1913 г.

* Опубликованные теперь французские документы того времени свидетельствуют о том, что Париж старался в этом деле держаться как можно сдержаннее, что соответствовало традициям сотрудничества на Босфоре французского и немецкого капитала. Однако такая политика была неосуществима из-за интересов Крезо и необходимости считаться с Россией.

** См. об этом DD, 3-me serie, vol. 8, № 379, Манвиль — Пишону, 24 ноября 1913 г.

*** См. особенно донесение Ж. Камбона (DD, 3-me serie, vol. 8, № 506, 20 ноября 1913 г.) о беседах Коковцова с Бетманом и кайзером. Оба они, по-видимому, не умели предвидеть, какое важное политическое значение будет иметь придуманный военными и промышленниками план посылки миссии. См. об этом описание, данное самим Коковцовым в «Ревю д'истуар де ля герр мондиаль» за апрель 1935 г., стр. 91 и далее.

военная политика, русский экспорт зерна, английские и германские сделки на поставку оружия, турецкая коррупция, французский капитал, вложенный в вооружения,— все это было увязано в один запутанный узел. Германский кайзер воскликнул: «Речь идет о нашем достоинстве и положении в мире, против которых ведется травля со всех сторон. Следовательно — голову выше, рука на мече»[1]. Окружение Германии, казалось, было завершено. Англия приняла участие во вмешательстве, опасаясь вызвать недовольство своих союзников. Когда же германская дипломатия заводила речь об английском адмирале Лимпусе и позиции, захваченной фирмой «Армстронг энд Виккерс», то ответ гласил: «Это, брат, совсем другое дело!»[2]

В отличие от лета 1914 года Германия к началу этого года еще не имела оснований идти на риск войны с Россией. Поэтому германская дипломатия снова в самый последний момент нашла такой выход из положения, который лишал проблему престижного характера, обусловленного тем, что борьба, как в 1870 году, происходила вокруг кандидатуры, предложенной Гогенцоллерном, о чем уже много говорили. Но, с другой стороны, найденный выход означал отказ от решения важных проблем и не исключал возникновения новых конфликтов по этим вопросам. Германский посол фон Вангенгейм должен был оказать сильное давление на генерала Лимана и младотурок, чтобы побудить их, при условии продвижения германского генерала на пост инспектора армии, отказаться в пользу Антанты от причины конфликта — непосредственного подчинения германскому командованию армейского корпуса в Константинополе[3]. Эта кажущаяся уступчивость, правда, предотвратила немедленное наступление мировой войны, но, по существу, не удовлетворила ни русских, ни особенно французов. Русские всю первую половину 1914 года собирались с силами, чтобы оказать более сильное давление на германские позиции в Константинополе, а для Франции назначение немца на пост инспектора армии означало окончательное устранение Шнейдера-Крезо от участия в строительстве укреплений на Босфоре. Следовательно, компромисс, достигнутый в начале января, вскоре повел к обострению борьбы французского империализма против германской военной миссии. То, чего нельзя было достигнуть политическими средствами, теперь пытались добиться путем финансового давления.

В начале февраля 1914 года в газете «Эко де Пари» появилась поджигательская статья против якобы существующего плана предоставления Круппом Турции двухсотмиллионного займа[4]*. Вскоре после этого великий визирь горько жаловался германскому посланнику на то, что Париж наихудшим образом использует финансовые затруднения Турции, оставшейся без средств в результате балканских войн[5] **. «С помощью искусно придерживаемой приманки в виде займа,— писал тогда германский посол в Константинополе,— Франция стремится если не вовсе уничтожить германскую конкурен-

[1] Пометка кайзера в GP, 15483, Пурталес — Бетману, 13 декабря 1913 г.

[2] См. Achmed Dschemal Pascha, Erinnerungen eines türkischen Staatsmannes, 2. Aufl., München 1922, S. 73.

[3] О трудной борьбе германской дипломатии против обоих этих факторов (германских военных и младотурок.— *Ред.*) см. GP, 19493, Вангенгейм — Ягову, 17 декабря 1913 г.

[4] «Echo de Paris», 5.2.1914.

[5] См. GP, 37. Bd., S. 596, Anm.

* Основанием для атаки в печати, по-видимому, явилось соответствующее сообщение французского поверенного в делах в Турции Боппа от 3 февраля 1914 г. (DD, 3-me serie, vol. 9, № 138, Anm. 2). Но и Германия принимала свои меры на случай успеха турецких попыток получить заем в Париже. По сообщению Делькассе от 23 января (DD, 3-me serie, vol. 9, № 138), Германия тогда предложила туркам продать им линейные крейсеры «Гебен» и «Мольтке», с тем чтобы покупка финансировалась за счет французского займа. Продажа военных кораблей была излюбленной идеей майора фон Штремпеля, инициатора миссии Лимана. Осуществление плана продажи судов вскоре после начала войны повело к вступлению Турции в мировую войну.

** Об этом см. также DD, 3-me serie, vol. 8, № 516, Пишон — П. К. Камбону, 22 ноября 1913 г., и особенно 9. Bd., № 152, поверенный в делах в Константинополе — Думергу,

цию, то, во всяком случае, вытеснить ее на долгое время. Прежде всего опасность угрожает старинным позициям Круппа. Может случиться, что Шнейдер-Крезо отнимет у него значительную часть поставок для турецкой армии, то есть всю ее потребность в материальной части для полевой артиллерии. Совершенно очевидно также, что тем самым французская сторона теперь намерена нанести удар по престижу нашей военной миссии».

Капитал Антанты начал жестокую борьбу против германской военной промышленности и по вопросу о береговой артиллерии на Босфоре. Командующий турецкой армией Энвер-бей хотел поручить поставки англичанам, ссылаясь в качестве обоснования на то, что германская военная миссия, следуя приказам кайзера, стремится в духе семейной политики Гогенцоллернов укрепить Турцию не против русских, а скорее против Болгарии[1] и для поддержки Румынии и Греции. К концу марта немцам это дело основательно надоело, и они серьезно подумывали об отозвании военной миссии в случае, если турки дадут заказы Крезо[2]. Как всегда, когда давало себя знать изобилие капиталов во Франции, германский империализм оказывался более слабой стороной. Ободряющие сообщения германского посла в Константинополе, что атака против Круппа отбита[3], оказались преждевременными. Турецкий министр финансов Джавид (Давид)-бей, представитель интересов еврейской финансовой буржуазии из Салоник, направлял Турцию всецело в сторону Франции. При этих обстоятельствах и после оформления в Париже займа для Турции позиции Круппа на Босфоре оставались под угрозой. Еще в июле 1914 года, следовательно, непосредственно в канун войны, Крупп и Крезо боролись за господство у Золотого Рога[4].

Российский феодальный империализм боролся против миссии Лимана фон Сандерса еще активней, чем французский финансовый империализм, политика которого все же на значительных этапах шла параллельно политике германского империализма, когда дело касалось финансовых сделок и планов железнодорожного строительства в Турции*. Но чем большее удовольствие получал германский генерал от изменения своего положения, которое, несмотря на внешнюю уступчивость, все же означало укрепление его позиций[5], тем большее раздражение испытывала Россия. Но и в России все это дело интересовало отнюдь не весь народ, который по-прежнему привычно и преданно выполнял свою работу; оно касалось только интересов немногих крупных землевладельцев, попов, видных промышленников и высших военных, которые господствовали в государстве. Опираясь на них, как и в предыдущем году, великий князь Николай надеялся стать первым человеком в государстве, а может быть, даже царем[6]. Наиболее определенно в пользу германских предложений по военным вопросам высказывался премьер-министр Коковцов, который в течение многих лет опекал русские

25 января 1914 г. По этим данным, фактический прогресс, достигнутый представительством Крезо и французской фирмой «Норман», сильно тревожил майора фон Штремпеля. Идея продажи «Гебена», видимо, была выдвинута с целью парировать французское финансовое давление на Турцию. Турки крайне нуждались в деньгах, поэтому подобные предложения их не удовлетворяли, они продолжали вести переговоры в Париже, и это создало для немцев трудности в области вооружений, которые освещены в книге. В DD (3-me serie, vol. 10, № 51, Думерг — Бомпару, 1 апреля 1914 г.) сформулированы французские пожелания в этой области, в № 62 Ломпар двумя днями позднее доносит о том, как усиленно действует в этом направлении французский военный атташе, однако препятствия возникали из-за крупной задолженности турок Круппу.

[1] См. C o n r a d, op. cit., 3. Bd., S. 568 ff.

[2] См., ÖA, 9505, донесение из Константинополя, 23 апреля 1914 г.

[3] Вангенгейм — ведомству иностранных дел, 15 марта 1914 г.

[4] См. GP, 15041, Вангенгейм — ведомству иностранных дел, 18 июля 1914 г.

[5] См. GP, 15524, Муциус — Бетману, 20 января 1914 г.

[6] См. также GP, 15520, Пурталес — Бетману, 10 января 1914 г., и особенно T a u-be, op. cit., S. 298 ff. В дальнейшем мы будем еще чаще называть только отдельные доку-

* О концессиях в Турции, которых Франция тогда добивалась, см. DD, 3-me serie, vol. 7, № 119, запись министерства от 14 июня 1913 г.

финансы. Но Коковцов находился накануне падения, а внешняя политика гибкого министра иностранных дел Сазонова уже отражала влияние правящей военной клики, зимой пришедшей в России к власти и всеми силами старавшейся устранить миссию Лимана.

Уже знаменитое специальное совещание высших русских властей от 13 января 1914 года было посвящено вопросу о разгроме миссии Лимана и германских ключевых позиций на Проливах[1], а через десять дней после падения Коковцова второе совещание урегулировало вопросы, касающиеся деталей[2]. Если в январе хотя бы в результате формальных немецких уступок снова удалось избегнуть войны, все же главной и высшей целью русского феодального империализма по-прежнему оставалось сохранение контроля над Проливами — если нужно, даже в борьбе против великой державы. Поэтому и в дальнейшем российское министерство иностранных дел ни на мгновение не упускало из виду германскую военную миссию. Уже после внешнего урегулирования инцидента русский министр иностранных дел дал ясно понять, что не считает проблему по существу разрешенной[3], а весной он с большой силой и убедительностью заверял одного немецкого собеседника: «Шестьдесят четыре (или пятьдесят четыре) прусских офицера в Турции! Вы знаете, как мы заинтересованы в Босфоре — какое это для нас чувствительное место. Вся Южная Россия зависит от него, и вот вы высаживаете прусский гарнизон у нас под носом!»[4] Миссия Лимана, как сообщали единодушно все частные и официальные наблюдатели, положила начало ухудшению официозных германо-русских отношений[5].

«Чепуха»,— заметил по этому поводу Вильгельм II.

Германское наступление и русская политика в вопросе о Проливах

Может показаться странным, но есть разумное зерно в утверждении, что внутреннее развитие России должно было привести к усилению ее контроля над Проливами, независимо от того, укрепилась Германия в Стамбуле или нет; однако этим, конечно, не сказано, что дело дошло бы до европейской войны и в том случае, если бы Германия не протянула руки к Проливам[6].

Центральный социологический мотив русской политики в отношении Проливов и внешнюю политику России сам министр иностранных дел России С. Д. Сазонов в своем знаменитом докладе Николаю II от 23 ноября 1913 года сформулировал в следующих классических словах:

«Согласно объяснительной записке министра финансов к проекту государственной росписи доходов и расходов на 1914 год, торговый баланс Рос-

менты вместо несчетного числа документов и авторов, которых можно и нужно было бы цитировать. В конце концов, истина не становится истинней благодаря частым ссылкам на документы.

[1] Протокол воспроизведен у Штиве (S t i e v e, Iswolski und Weltkrieg, S. 234 ff.).

[2] Ibid., S. 247 ff.

[3] См. GP, 15525, Пурталес — Бетману, 3 января 1914 г.

[4] См. GP., 1531, Люциус — Бетману, 11 апреля 1914 г. и приложение.

[5] Ibid.; далее см. приложение и 15532, Вальдхаузен — Бетману, 16 апреля 1914 г.

[6] В известном смысле я согласен с Робертом И. Кернером, который в своем исследовании о миссии Лимана фон Сандерса («Slawonic Review», 6. Jg. 1927, S. 12 ff., 344 ff., 543 ff., so wie 7. Jg. 1928, S. 90 ff. u. 110 ff.) видит главную причину войны в турецкой политике Вильгельма II и его военного окружения; о военной промышленности Кернер ничего не говорит. Совокупностью всех германских атак, можно сказать, была навязана правительству России его политика в вопросе о Проливах и его дипломатическая линия*.

* Нельзя признать убедительными аргументы, с помощью которых эти взгляды опровергает Ганс Херцфельд в своем исследовании о миссии Лимана фон Сандерса (K-BM, September — October, 1933); он ссылается на то, что вражда между Лиманом и Энвербеем и дружественная в отношении Франции позиция некоторых турецких министров мешала немцам, но ведь враги немцев в Турции не получили преобладания.

сии в 1912 г. был на 100 миллионов менее в сравнении с средним активным сальдо за предыдущие три года. Причиной этого м-во признает недостаточно удовлетворительную реализацию урожая; затруднение в вывозе хлеба, помимо стихийных причин, произошло вследствие временного закрытия Дарданелл для торговых судов всех наций. В связи с этим весной последовало также повышение государственным банком учета по $^1/_2$ процента для трехмесячных векселей. Таким образом, временное закрытие проливов отразилось на всей экономической жизни страны, лишний раз подчеркивая все первостепенное для нас значение этого вопроса.

Если теперь осложнения Турции отражаются многомиллионными потерями для России, хотя нам удавалось добиваться сокращения времени закрытия Проливов до сравнительно незначительных пределов, то что же будет, когда вместо Турции Проливами будет обладать государство, способное оказать сопротивление требованиям России?»*

Постоянное увеличение русского экспорта зерна еще до резкого сокращения в период балканских войн было все же результатом не только падения спроса на мировых рынках[1], но прежде всего индустриализации Южной России и русских железных дорог. С другой стороны, именно строительство железных дорог являлось существенно необходимым стимулом для южнорусской промышленности, которая вследствие своего примитивного характера и низкой квалификации ее рабочих ограничивалась главным образом производством шпал и рельсов[2], и не случайно промышленность постиг долголетний тяжелый кризис, когда после окончания строительства Транссибирской железной дороги застопорилось обычное предоставление огромных правительственных заказов...

Социологические основы русской политики экспансии

Существование южнорусской металлургической промышленности всецело зависело от государственных заказов для железных дорог. Однако получения государственных заказов на подвижной состав или на готовый строительный материал можно было снова ожидать лишь после того, как удалось бы вытеснить из железнодорожных компаний представителей немецких финансовых кругов и начать поставки для строительства тех стратегических железных дорог, сооружения которых требовал от российского правительства усилившийся международный империализм. Французский финансовый империализм, который до войны в основном контролировал южнорусскую тяжелую промышленность, в это время не только вел борьбу против германского участия в русских железнодорожных обществах, но даже размещение новых русских займов в Париже ставил в зависимость от строительства русских стратегических железных дорог и значительного увеличения армии. Таким образом, французский империализм соединял приятное с полезным; весьма показательно, что для подготовки подобного рода сделки французское правительство послало в Петербург не дипломата, а председателя объединения маклеров парижской биржи, господина де Вернейля, который и продиктовал рус-

[1] См. весьма интересные высказывания английского полковника Репингтона о значении русского экспорта пшеницы, а тем самым и вопроса о Дарданеллах для Англии (см. «Die Internationalen Beziehungen im Zeitalter des Imperialismus, Dokumente aus den russischen Archiven in deutscher Übersetzung» [в дальнейшем цитируется как IB], I, 1, № 4, отчет военного атташе из Англии, 14 января 1914 г.). Во всяком случае, суждение Репингтона затуманено тактическими соображениями.

[2] M. Saweljeff, Die Eisenindustrie in Südrußland, Diss., Leipzig, 1911, S. 36, 46, 49, 53, 69 f., 109 ff.

* Царь был такого же мнения. См. DD, 3-me serie, vol. 9, № 189, Делькассе — Думергу, 29 января 1914 г. («Красный архив», 1924, т. 6, стр. 71. — *Прим. ред.*)

ским условия французского правительства[1]*. Правда, скрывавшийся за кулисами французский посол Делькассе сначала как следует подготовил эту миссию и соответственно подчеркнул ее значение**. Знаменательно, что Делькассе, воинственный деятель периода 1905 года и крайний империалист, был в 1913 году послан в Петербург именно господином Жоннаром, представителем Шнейдера-Крезо во время первого марокканского кризиса; но инициатива в отношении посылки Делькассе, несомненно, принадлежала Пуанкаре, доверенному лицу «Комитэ де форж». Наверно, не остался в стороне от подготовки этой миссии и Александр Извольский, сноб, видимо надеявшийся с помощью великосветского национализма, опираясь на партию великого князя, снова занять кресло, с которого Эренталь его сбросил в Бухлау. Французский генеральный штаб, тяжелая промышленность, финансовая аристократия, русские феодалы, русский генеральный штаб и высшие чиновники — все они действовали единодушно. Финансовые операции шли на пользу политике, политика — на пользу финансовым операциям.

Политика защиты российских интересов в Проливах содействовала не только косвенно, но и прямо заключению крупной франко-русской финансовой сделки. Французский финансовый капитал, парижские банки создали свою сферу влияния на севере Малой Азии, а тем самым они открыли для южнорусской промышленности, которая находилась под контролем буквально тех же французских финансовых группировок[2], возможность строительства портов и портовых сооружений на южном побережье Черного моря, где можно было выгружать рельсы и шпалы, предназначенные для строительства железных дорог, по концессиям, добытым у Порты в результате давления из Парижа и уплаты бакшиша Джавид-бею[3]. И здесь дело не обошлось без трений с германским империализмом. Немцы получили компенсацию за терпимость, проявленную ими к проникновению Франции и России в Северную Анатолию; они выторговали оформленное в соглашении от 15 февраля 1914 года полное согласие французов на дальнейшее строительство Багдадской железной дороги[4]***; кроме того, французы должны были примириться с тем,

---

[1] S t i e v e, Iswolski und der Weltkrieg, S. 167.

[2] Я имею в виду в первую очередь банк «Унион паризьен», который через свою дочернюю организацию — Оттоманский банк — финансировал строительные предприятия «Режи националь» (государственной монополии) в Турции и графа Витали и одновременно входил в состав так называемого парижского банковского трио, осуществлявшего контроль над южнорусской промышленностью; и кроме того, «Унион паризьен» через Франко-Сербский банк держал в своих руках сербское железнодорожное строительство и поставки вооружений.

[3] GP, Кар. CCLXXXVI; S t i e v e, op. cit., III, в ряде мест, например S. 229.

[4] Соглашение в GP, 14496.

* Согласно ряду документов в DD, 3-me serie, vol. 7, посылка Вернейля, о которой Кэ д'Орсэ был только поверхностно осведомлен, в первую очередь преследовала цель превратить русские займы в своего рода постоянное мероприятие и распределить кредиты между соответствующими железнодорожными компаниями. Общее протяжение вновь запланированных железных дорог составляло, согласно донесению Делькассе от 10 января 1914 г. (DD, 3-me serie, vol. 9, № 46), свыше 16 тысяч *км*, из них 5320 *км* имели стратегическое значение.

** На основании DD и в этом случае можно дать Делькассе более определенную характеристику, чем прежде. То, что для французской тяжелой промышленности было в первую очередь коммерческой сделкой, являлось для Делькассе, ученика Гамбетты, главным образом средством одолеть Германию. В DD, 3-me serie, vol. 7, № 578, доклад Пишону 8 августа 1913 г., он жалуется на то, что встречает плохое понимание своих целей у промышленников, например представителей предприятий Сен-Шамона, которые через него раздобыли огромные заказы, а затем, обманув российское правительство в отношении сроков поставок, причинили ему ущерб.

*** Обширный материал о разграничении обоюдных сфер влияния имеется в GP, например 3. Serie, 6. Bd., № 305, Бомпар—Пишону, 14 апреля 1913 г. К решающему повороту привело донесение П. Камбона — Пишону, 22 мая 1913 г. (№ 542), с данными о германо-английских переговорах относительно Багдадской железной дороги, тогда французы решили пойти на соглашение с Германией. К этому их понуждала необходимость, а не их собственное желание; Бомпар считал (7. Bd., № 5), что 30-процентное участие французов

что Гуго Стиннес уже занялся добычей угля в Гераклее на берегу Черного моря.

Однако не менее важными, чем финансовое, промышленное и политическое проникновение на южное побережье Черного моря, были сделки, связанные со снабжением армии и флота, постоянное усиление которых должно было служить политическим обеспечением для всего наступления в целом. Но люди, наблюдавшие за ходом событий в Петербурге и Москве, оценивая последнюю принятую непосредственно перед мировой войной гигантскую программу вооружений России, придавали наибольшее значение не первоначальным побудительным причинам — империалистической политике в отношении Проливов,— а чисто военно-промышленной стороне этой программы, причем эта сторона программы столь сильно бросалась в глаза, что в конце концов заинтересованность в поставках стала рассматриваться как единственный источник вооружений, а тем самым и германского беспокойства и самой мировой войны[1].

Из-за этих гигантских сделок и поставок происходила драка между концернами военной промышленности всей Западной Европы, особенно, конечно, Антанты; ее концерны не только снабжали Россию извне, но контролировали также немногие мнимо русские предприятия и таким образом закрепили за странами Западной Европы монополию поставок для русской армии, а это, согласно, правда, пристрастному мнению тогдашнего русского военного министра Сухомлинова, препятствовало созданию достаточно сильной национальной военной промышленности и тем самым обусловило русскую катастрофу 1915 года[2], которая, несомненно, была вызвана в первую очередь недостатком боеприпасов[3].

Впрочем, военная индустрия, препятствовавшая развитию национальной русской промышленности в целом, имела, как уже отмечено, смешанный международный характер[4]. В то время Россия была огромной колониальной империей всего европейского капитала, и особенно капитала, вложенного в производство вооружений. Западный и немецкий капиталы в полном согласии доставляли средства, способствовавшие развитию южнорусской тяжелой промышленности, русских вооружений и огромному увеличению опасности войны в международном масштабе.

в Багдадской железной дороге означало бы ущерб для французских национальных интересов, поскольку Франция за это заплатила бы отказом от права на железнодорожное строительство в Сирии и потерей французскими рантье капиталовложений на сумму 130 миллионов франков. Поэтому в своих переговорах с Гельфферихом, о которых сообщают многие документы 8-го тома, французы были непреклонны в отказе допустить к обращению на парижской бирже облигации компании Багдадской железной дороги.

В конце августа (согласно 8. Bd., № 87, приложения) в Берлине было достигнуто соглашение, которое предусматривало: обратную покупку Немецким банком находившихся во французском владении акций Багдадской железной дороги, разграничение сфер влияния, усиленное железнодорожное строительство всеми заинтересованными странами, новое распределение турецких государственных доходов и соглашение относительно организации финансов и о тарифах. В конце сентября (см. № 237) пришли к соглашению и частные заинтересованные группы (группа Нойфлиц—Бардак во Франции и Немецкий банк). Французский министр финансов считал, что соглашение угрожает дальнейшей устойчивости турецких финансов и не считается с прочими французскими интересами. Ввиду политического характера многих из этих вопросов пришлось это соглашение дополнить официальной договоренностью между обеими странами.

[1] См., например, статью корреспондента «Кёльнише цейтунг» в России д-ра Ульриха, написанную под свежим впечатлением мировой катастрофы; эту статью впервые воспроизвел полностью Anton Lux, Der Kriegsschrecken des Frühjahrs 1914 in der europäischen Presse, Berlin 1929, S. 245 ff.

[2] А. В. Сухомлинов, Воспоминания, на немецком языке, 1924 г., S. 362 ff., 458 u. 468.

[3] Покровский, цит. соч., стр. 542.

[4] По данным газеты «Тан», приведенным в книге Schiemann, Die letzten Etappen zum Weltkrieg, Berlin, 1915, S. 39, в течение зимних месяцев 1913 г. вплоть до начала февраля Россия разместила заказы в Германии на 69 миллионов рублей, в Англии — на 67 миллионов и во Франции — на 57 миллионов рублей.

Дело Путилова. Подготовка России к войне как международное финансовое предприятие

27 января 1914 года, в день рождения кайзера, известный орган французской тяжелой промышленности «Эко де Пари» опубликовал сообщение о том, что Крупп намерен купить предприятия Путилова, на которых применялись методы производства, которые составляли секрет фирмы «Шнейдера-Крезо»[1].

Мир был изумлен. Неужели Франция пожелает или будет вынуждена выдать свои производственные секреты Германии, неужели, с другой стороны, Крупп станет способствовать увеличению вооружений самого опасного противника Германии? Величайшее возмущение во Франции; она как раз собиралась предоставить новый заем России. Pauvre France! Эта areana rei publicas, 77-миллиметровая пушка Крезо, депорт, безоткатные лафеты — всему этому грозило попасть в немецкие руки! Широкие массы публики, конечно, не знают, что пушки с безоткатными лафетами уже давно поставляются участнику Тройственного союза, Италии[2], не знают и того, что на Путиловском заводе, который якобы может и не должен попасть в немецкие руки, уже в течение ряда лет мирно сотрудничают директора Круппа и Шнейдера и что из числа 32 директоров 21 директор, а из общего числа рабочих и монтажеров 60 процентов принадлежат к немецкой национальности[3]. Лишь немногие критики понимали, что весь этот шум по поводу угрозы приобретения Круппом Путиловского завода был инсценирован самим «Шнейдером-Крезо»[4], и притом лишь с той целью, чтобы сохранить в своих руках и в руках своего собственного банка «Унион паризьен» контроль над Путиловым, ибо угрожала опасность, что этот контроль у фирмы «Крезо» отберет банк «Сосьете женераль»[5], который в союзе с английской фирмой «Виккерс» сделал Путилову предложение финансировать его предприятие[6]*.

---

[1] D e l a i s i, Poutiloff, p. 3.

[2] D e l a i s i, Poutiloff, p. 7, цитаты из «Тан».

[3] D e l a i s i, Poutiloff, p. 10, цитаты из «Матэн», 8 февраля 1914 г., стр. 11, ссылка на «Франкфуртер цейтунг», «Кёльнише цейтунг» и «Таймс».

[4] По данным журнала «Хроник дер меншгейт», выпуск 107/108 (1932), стр. 467, уже в 1932 году за кулисами женевской международной конференции по разоружению наряду с пресловутым агентом по делам вооружений Ширером, просидевшим год в тюрьме из-за своих успешных интриг против морской конференции 1927 года, шнырял также тот самый Вийе (он же Сикарр), который в январе 1914 года через «Эко де Пари» пустил в оборот лживую информацию Шнейдера.

[5] Предположения Делези, высказанные в 1914 году, полностью подтверждаются теми документами, которые позднее были опубликованы; так, например, выясняется, согласно S t i e v e, op. cit., IV, S. 41, и далее Сазонов — Извольскому, 30 января 1914 г., что фактически Путилову предложение было сделано не Круппом, а Санкт-Петербургским частным банком, за которым стояли «Банк де Пари», а также «Сосьете женераль».

[6] Это видно не только из D e l a i s i, op. cit., но и из S c h i e m a n n, op. cit., S. 32.

* В DD первым документом из относящихся к делу Путилова является телеграмма Пишона — Делькассе (3-я серия, 6-й том, № 664 от 30 мая 1913 г.), в которой Пишон просит поддерживать Крезо в соперничестве с Виккерсом в вопросе о вооружении России. Дальнейший материал имеется в IX томе, № 168, Думерг — Делькассе, 27 января 1914 г.; особенно интересен № 176, Делькассе — Думергу, 28 января 1914 г., с горькой жалобой на Крезо, который лениво восседает на своей монополии в области вооружений и мешает другим, более активным фирмам снабжать Россию. («J'ai bien peur qu' au food le Creusot nedesire rien faire et qu'il compte sur nous pour empecher que d'autres fassent quelque chose. C'est trop»). См. также заключительный отчет французского морского атташе по этому делу, 9-й том, № 251, 9 февраля 1914 г., равно как и занятное донесение поверенного в делах Дульсе, № 263, 10 февраля 1914 г.

Из всех этих описаний вытекает, что непопулярный в России Дармштадтский банк, якобы связанный с Круппом, обратился к Санкт-Петербургскому частному банку (частично находящемуся под контролем «Сосьете женераль»), который представлял интересы Виккерса, с предложением купить предприятия Путилова, а Крезо это использовал для возбуждения общественного мнения во Франции и России и финансового шантажа. Фран-

Таков был повсеместно излюбленный трюк, заключавшийся в том, что деятельность политически или экономически неудобного конкурента клеймилась как махинация враждебной страны, следовательно, на этот раз Круппа и Германии; в данном случае этот трюк возымел особо сильное действие, ибо банк «Сосьете женераль», занятый тогда размещением русского 500-миллионного займа, должен был любой ценой приостановить скандальную дискуссию в прессе[1]; с другой стороны, этот прием был в данном случае, пожалуй, менее уместен, чем когда-либо, если учесть международные связи самой фирмы «Шнейдер». Путиловский завод и русский Невский судостроительный завод, куда «Шнейдер-Крезо» вложил большие капиталы, были построены австрийским военным заводом «Шкода» в Пильзене[2], за которым стояли австрийские крупные банки, также контролировавшиеся французами, пока Крупп в 1913 году не захватил в свои руки преобладающее влияние на предприятия «Шкода»[3]; все эти документально точно подтвержденные комбинации усилили, впрочем, уже существовавшие немецкие позиции, особенно на Невском судостроительном заводе, который находился под техническим руководством фирмы «Блом унд Фосс» из Гамбурга[4]. Кроме того, Германия поставляла русским, конечно, не только материалы для судостроения; верфь «Блом унд Фосс», принадлежавшая Крушу верфь «Германия» в Киле, верфь «Шихну» в Эльбинге и фирма «Вулкан», конкурируя с французской тяжелой промышленностью, поставляли и непосредственно суда для русского флота, а это, естественно, сказывалось на состоянии вооружений в собственной стране[5]*.

Само собой разумеется, это не исключало того, что германские и французские концерны, часто в одном месте дружно сотрудничавшие, в других местах и других странах продолжали бороться друг против друга, так что, несмотря на частичное сотрудничество, всеобщая конкуренция между ними, по существу, никогда не ослабевала. Во всяком случае, один из французских критиков справедливо иронизировал по поводу того, что именно Шнейдер, при его связях с германской фирмой «Блом унд Фосс» и с швейцарским банкирским домом Готтингер и другими в путиловском деле разыгрывал из себя чисто национальную организацию, в отличие от группы «Виккерс» — «Сосьете женераль»[6].

Впрочем, если «Шнейдеру-Крезо» и на этот раз удалось добиться известного успеха**, то его достижения представляли собой в некотором роде компенсацию за то, что его сопернику Виккерсу вместе с «Сосьете женераль»

цузский морской атташе считал выдвижение на первый план Круппа сознательной махинацией путиловских директоров, нуждавшихся в деньгах. В остальном DD полностью подтверждают факт немецкого участия в работе предприятий Путилова и во всем деле вооружения России.

[1] И это утверждение Делези сегодня (1932) блестяще подтверждается у S t i e v e, op. cit., IV, S. 38 ff., письмо или соответствующая телеграмма Извольского Сазонову от 29 января 1914 г.

[2] Правильность этих сведений, приведенных в книге D e l a i s i, Poutiloff, p. 19, легко подтверждается с помощью годового отчета фирмы «Шкода» за 1913 год.

[3] «Франкфуртер цейтунг», 14 января 1914 г., об этом же Носке в рейхстаге, 12 февраля 1914 г.

[4] D e l a i s i, Poutiloff, p. 11.

[5] Замечания, сделанные по этому поводу Носке в рейхстаге 19 февраля 1914 г., можно легко проверить с помощью книги W e y e r, Taschenbuch der Kriegsflotten, 1914, статья «Россия». См. также многочисленные данные, приведенные Либкнехтом в рейхстаге 11 мая 1914 г.

[6] D e l a i s i, Poutiloff, p. 25.

* Изложенная выше ситуация подтверждается в DD, 3-me serie, Bd. 8, № 443, записка Пишона от 6 ноября 1913 г., из которой видно, что в связи со строительством русского военного флота германская промышленность получила заказы на 69,5 миллиона рублей, а французская— на сумму 55 миллионов рублей.

** Согласно DD, 3-me serie, vol. 9, № 198, запись от 31 января 1914 г., русское правительство воздействовало в том направлении, чтобы Путилов в финансовом отношении оставался в руках французов («Унион паризьен»).

за последние годы удалось получить концессию на сооружение нового, в высшей степени значительного предприятия по производству вооружения, причем при выборе месторасположения новых заводов была проявлена большая дальновидность с экономическо-географической точки зрения; это был Царицын на Волге[1].

Конечно, английская военная промышленность получила разрешение на строительство таких громадных сооружений только с помощью огромных денежных затрат, наполнивших карманы высших чинов русского офицерского корпуса[2]; глава фирмы «Виккерс» сэр Базиль Захаров обладал достаточным опытом в применении этого средства; Виккерс и Крезо содержали в Петербурге специальную агентуру для подкупа, место, где встречались представители делового мира и руководители государственных учреждений, и где — как это констатировал в русской Думе депутат от правых партий — генералы, находившиеся на действительной службе, можно сказать, официально, как на рынке, предлагали свои услуги за высокую плату и за участие в будущих прибылях[3]. Крезо получил как бы в постоянную аренду великого князя Сергея Михайловича, генерального инспектора всей артиллерии[4]; между тем Виккерс не только связался с генералами, решавшими вопрос о Царицыне, но особое внимание уделил флоту; занимавший пост военно-морского министра адмирал Григорович получил взятку за передачу Виккерсу гигантских заказов на строительство флота[5*]. Впрочем, и в этом случае Виккерс выступал в союзе с «Сосьете женераль», которая совместно с австро-венгерским «Эстеррейхише лендербанк» финансировала угольные шахты, снабжавшие углем российский флот.

«Сосьете женераль» вместе с одним левантийским банком захватила в свои руки финансовый контроль над верфями в Николаеве на Черном море, где уже управляли бельгийцы. Начальником верфей в Николаеве был назначен Поль Думер, французский парламентарий, известный своим умением свергать министерства, а техническое руководство принадлежало Виккерсу. Учитывая взрывную силу подобного международного предприятия, не приходится удивляться тому, что доверенное лицо этой группировки в правительстве военноморской министр Григорович играл роль подстрекателя, стараясь склонить своих коллег к агрессивной политике в отношении Проливов[6]; под нажимом этого министра к трем уже строившимся на черноморских верфях дредноутам был добавлен четвертый[7], помимо двух бронированных крейсеров, равно как миноносцев и подводных лодок. Из дополни-

---

[1] D e l a i s i, Poutiloff, p. 24. Весь этот комплекс вопросов, по существу, давно известен; он получил также подробное освещение в удачной монографии Моруса (Левинсона) о сэре Захарове (M o r u s [Lewinsohn], Der Mann im Dunkeln, S. 122 ff.); тем не менее обо всех этих вещах нельзя найти ни слова (за исключением, конечно, советской литературы) ни в «научных» исследованиях причин войны, ни в толстых томах журнала «Die Kriegsschuldfrage». Ведь и научное познание нуждается в соответствующей социальной почве.

[2] Коррупцию в царицынском деле характеризует S c h i e m a n n, op. cit., S. 39 f., на основании современной французской литературы.

[3] Доказано по ходу прений в Думе, 5 апреля 1913 г., См. D e l a i s i, Poutiloff, p. 22.

[4] См. G e o r g e s L o u i s, p. 60 f. и p. 65, а также S u c h o m l i n o w, p. 328 f., p. 468 ff., Сухомлинов все же из лояльности явно многого не договаривает. При передаче заказов на вооружения в качестве посредника выступала содержанка великого князя.

[5] См., в частности, ÖA, 9488, Отто Чернин — Берхтольду, 18 марта 1914 г.

[6] См. ÖA, 9488, Отто Чернин — Берхтольду, 18 марта 1914 г.

[7] Из этих кораблей линейный корабль в 22 800 тонн «Екатерина II» уже находился в постройке на упомянутых здесь фабриках и заводах в Николаеве; 1 ноября 1903 г. там же был заложен бронированный крейсер «Адмирал Лазарев», и я полагаю, что четвертый дредноут, которого требовал старательный адмирал Григорович на знаменитом совещании (JB, 1, № 295), также должен был быть заказан этой же верфи.

* Многочисленные свидетельства о борьбе Виккерса и Крезо за участие в вооружении России имеются в DD (vol. 9, 3-me serie).

тельных кредитов в 7 миллионов 200 тысяч рублей, которые российский совет министров ассигновал сверх официальной программы строительства флота[1], согласно которой было предусмотрено истратить в 1914 году 220,3 миллиона марок[2], несомненно, часть получил российский военно-морской министр, другая часть в свою очередь попала в карманы международных концернов, а именно германо-франко-англо-австрийского концерна «Уайтхид». Капитал почти всех национальностей был в финансовом отношении заинтересован в русском наступлении на Проливы, возможность которого как раз и приблизилась непосредственным образом благодаря ревностной деятельности военно-морского министра и его помощника капитана Немича из русского адмиралтейства[3].

Торгово-политическое наступление России; германское контрнаступление

Подобно сухопутным и морским вооружениям и торговая политика России находилась под контролем тех сил, которые стояли за южнорусской тяжелой промышленностью, поставлявшей материалы для морских вооружений. Уже в течение нескольких лет в России велась, особенно русским крупным землевладением, публицистическая и агитационная подготовка к тому, чтобы при предстоящем в 1917 году возобновлении торгового договора с Германией исправить ту ошибку, которую Германия заставила сделать своего партнера, находившегося в стесненном положении во время последних германо-русских торговых переговоров в 1904 году. Незадолго до начала Балканских войн съезд русских помещиков в Киеве резко выступил против германской таможенной политики, и нельзя считать случайностью, что представитель интересов русского крупного землевладения министр земледелия Кривошеин* был одним из вдохновителей интриг, жертвой которых стал наконец в феврале 1914 года умеренный премьер-министр Коковцов. Против действовавшего торгового договора, естественно, выступали, кроме экспортеров зерна, и представители интересов южнорусской индустрии. При тех своеобразных отношениях собственности, которые сложились в угольном и железорудном бассейне Южной России, французские крупные капиталисты проявляли особо сильный интерес к промышленной политике России. Поэтому министр Коковцов, постоянный агент по получению французских займов, слыл решительным сторонником запретительных таможенных пошлин[4], каким был Витте в девяностых годах[5]. Когда-то в Германии Микель обратился и к промышленности и к сельскому хозяйству с призывом повести совместную борьбу вне и внутри страны — вторая часть была проглочена по ходу агитации. Точно так же теперь в России экономист профессор Гольдштейн агитировал за автаркию России[6]; когда началась Балканская война, торгово-промышлен-

[1] См. ÖA, 9488, Отто Чернин — Берхтольду, 4 марта 1914 г.

[2] W e y e r, op. cit., S. 516.

[3] См., кроме JB в ряде мест, также общий обзор у G. F r a n z, Die Meerengenfrage in der Vorkriegspolitik Russlands, «Deutsche Rundschau», 1927, S. 142 ff.

[4] См. «Кёльнише цейтунг», 26 мая 1912 г., «Шлезише цейтунг», 23 июля 1912 г., «Кёльнише цейтунг», 7 апреля и 10 июля 1913 г.

[5] Нужно различать многие периоды в жизни Витте; надо также при оценке всех его высказываний учитывать его неискренность, скрывавшуюся за его грубыми манерами. Цитируемые в GP, Bd. 39, S. 880 f., высказывания Витте целиком обусловлены тактическими потребностями момента. Перед войной у Витте были серьезные шансы снова прийти к власти.

[6] См. K l e i n, Die südrussische Eisenindustrie, Düsseldorf, 1920, S. 5; «Кёльнише цейтунг», 6 марта 1914 г.

* О знаменательной и роковой роли этого человека см. DD, 3-me serie, vol. 9, № 453, донесение из Петербурга от 13 марта 1914 г.

ным группам, поддерживавшим профессора, уже удалось побудить премьер-министра — это был еще Коковцов — приостановить подготовку торгового договора в русских ведомствах и привлечь к этому делу заинтересованные круги, неистово выступавшие против германо-русского торгового договора.

Начиная с зимы ввиду большого значения германо-русских торговых отношений для обеих стран (Россия в 1913 году заняла второе место в германском импорте и третье место в вывозе[1]) нависла угроза необычайного взрыва. Один австрийский дипломат, хороший наблюдатель, писал: «Русские аграрии желали бы на выгодных условиях продавать свои продукты в Германии, а меркантилисты стремятся с помощью высоких пошлин не допустить германские товары в Россию, вот они и объединились, чтобы шантажировать Германию»[2]. По мнению этого наблюдателя, противоестественная коалиция меркантилистов и аграриев, устранившая Коковцова, была направлена против Германии, которую хотели вплоть до начала предстоящих переговоров о торговом договоре держать в изоляции, а затем ограбить. Подобная торговая политика действительно нуждалась для достижения своих целей в военном превосходстве. Таким образом, русская политика вооружений, направленная к тому, чтобы не допустить Центральные державы на Дарданеллы, политика, начало которой было положено в 1912 году на переговорах между русским и французским генеральными штабами[3] и которая стала реальной и возможной в результате происходивших в 1913 году переговоров Вернейль — Делькассе — Коковцов и дальнейших военных переговоров,— эта политика имела, следовательно, очень важное побочное торгово-политическое значение. Нужно было оказать торгово-политическое давление на Германию, и вместе с тем — в предвидении окончательной борьбы в 1916—1917 годах из-за нового торгового договора, срок которого знаменательным образом совпадал с намеченным сроком окончания новой русской программы вооружений,— надо было воспрепятствовать тому, чтобы Германия со своими крупповскими пушками и офицерами на Босфоре не закрыла путь русскому экспорту зерна и не задушила русского великана.

В феврале 1914 года упомянутый австрийский дипломат, тогда занявший свой пост, застал германское посольство «в большом волнении», ибо русский министр иностранных дел Сазонов на секретном заседании комиссии Думы признал, что германо-русская экономическая борьба в области торговой политики, возможно, потребует применения силы[4]*. Германский военный наблюдатель в Петербурге и особенно представитель торгово-политических интересов — генеральное консульство мобилизовали прессу; правда, кон-

---

[1] Германия импортировала: ячмень, древесину, пшеницу, яйца, масло, отруби, лен, нефть, домашнюю птицу, рожь; она вывозила главным образом машины, промышленные изделия, наряду с этим и кожи и, благодаря поощрительным премиям, рожь.

[2] ÖA, 9427, Сапари — Берхтольду, 28 февраля 1914 г.

[3] Stieve, Iswolski und der Weltkrieg, S. 78 ff.

[4] См. ÖA, 9417, Сапари — Берхтольду, 23 февраля 1914 г., а также GP, Bd. 39, S. 541, примечание. В Думе, конечно, говорили, что в этом случае Германия начнет войну. Официальное русское опровержение, пожалуй, не имеет значения.

* По данным, содержащимся в многочисленных документах DD, vol. 10, 3-me serie, в течение этих месяцев царь, ожидавший нового столкновения с Германией, вел переговоры о союзе с Англией. Англичане одобрили идею русско-английской морской конвенции и поставили русских в известность относительно договоренности между французским и английским генеральными штабами на случай войны. Их готовность договориться по этим вопросам превзошла самые смелые ожидания Поля Камбона. В политической области англичане, как обычно, не были готовы заключить союз, но соглашались на обмен письмами между правительствами, по аналогии с обменом письмами между Грейем и Камбоном.

Тогда общественное мнение постоянно ставило вопрос, в состоянии ли Россия вести войну так, чтобы она не породила революции. Палеолог в интересном докладе Думергу (DD, vol. 10, 3-me serie, № 267 от 21 мая 1914 г.) отвечал утвердительно на этот вопрос. Одновременно он сообщал, что положение Сазонова (известного своей относительной умеренностью) пошатнулось вследствие атак справа. В качестве возможного преемника Сазонова Палеолог назвал графа Витте.

сульство в качестве естественного проводника германских империалистических целей находилось в напряженных отношениях с официальной дипломатией, этой твердыней международного монархического феодализма[1]. 2 марта, после предварительной германо-русской газетной полемики, в «Кёльнише цейтунг» появилась та известная и нашумевшая статья петербургского корреспондента газеты, которая осветила во всей широте империалистические противоречия между Россией и Германией и послужила поводом для серии газетных статей. Как это было уже во время Балканских войн, и теперь Военный ферейн и католицизм снова выступили рука об руку против России; «Пост» настойчиво рекомендовала начать в скором времени наступательную войну против Антанты[2], а газета «Германиа» предрекала войну с Россией с такой же определенностью, как лунное затмение[3].

За пределами Германии эта кампания в печати расценивалась как подготовка новой военной программы, как махинации военной промышленности и особенно как прелюдия к близкой торговой войне. В действительности оба вопроса тесно связаны между собой. Экономическая и торговая политика правящих крупных землевладельцев на обеих сторонах обусловливала увеличение армии, но вместе с тем увеличение армии обусловливало эту торговую политику. Все шире становился в Германии фронт противников России. Финансовый капитал был озабочен судьбой своих капиталовложений на Балканах и в Турции, торговый капитал опасался ущерба для товарообмена, еврейские круги боялись дальнейших ограничений в занятиях ремеслами, «Франкфуртер цейтунг» высказывала своеобразные жалобы по поводу увольнения крупповских монтажеров и служащих на Путиловском заводе и на русских государственных верфях; эта же газета сетовала по поводу русских выпадов против германской военной промышленности[4], а Теодор Вольф давал возможность высказаться в «Берлинер тагеблат» немецким дипломатам, чьи воинственные жесты он сам считал несовместимыми с традиционной позицией газеты[5], между тем как военщина в шуме, доносившемся из России, различала прежде всего воинственные тона, побуждавшие германского военного атташе в Петербурге посылать мрачные донесения. В 1914 году нападки на Россию исходили со всех сторон и в первую очередь поддерживались, как и в прошлом, балтийцами и пангерманским дворянством; с критикой России выступали балтийские немцы Теодор Шиман, Пауль Рорбах и граф Ревентлов, которому раздражение аграрной «Дейче тагесцейтунг» по поводу угрожающей таможенной политики России позволяло дать выход ярости шлезвиг-голштинского барона против Дании и России одновременно[6].

Перед лицом всей этой социальной, католической, финансово-капиталистической, аграрной и военной массовой ненависти к царской империи русская партия в Германии и ведомство иностранных дел находились в тем более трудном положении, что Россия постоянно наносила своим немецким друзьям удары в спину. Какую пользу могли принести усилия отдела печати на Вильгельмштрассе, направленные к тому, чтобы с помощью таких доверен-

---

[1] Согласно весьма ценным констатациям A. Y u x, S. 18 и S. 47. Книга Yux содержит данные обо всех деталях событий. Отражавшая взгляды русского министра иностранных дел газета «Речь», видимо, правильно определила, что начатая в Германии шумная кампания служила торгово-политическим интересам германского империализма. См. Y u x, S. 70. См. также Y u x, S. 114 ff., оценку которому дала парижская пресса.

[2] См. воспроизведенную у Y u x, S. 37, статью от 24 февраля 1913 г., которая приходит к такому выводу: задача германской политики заключается не в том, чтобы по возможности сохранить мир, а в том, чтобы готовиться умело и энергично к неизбежной войне и повести ее при наиболее благоприятных условиях.

[3] Y u x, S. 59.

[4] Y u x, S. 221 f.

[5] Y u x, S. 128 f.

[6] Y u x, S. 85 f.

ных лиц, как Август Штерн, несколько приглушить шум, поднятый в германской прессе, какие плоды могла принести внешнеполитическая дворцовая революция в редакции «Крейццейтунг», происшедшая не без участия проникшего туда мендельсоновского капитала и приведшая к тому, что на смену балтийцу Шиману пришел профессор Берлинского университета Отто Гетч, который серьезно и настойчиво ссылался на третью главу «Мыслей и воспоминаний» Бисмарка и на традиционную германо-русскую дружбу[1]. Какую пользу, наконец, могла принести одинокая борьба «Рейниш-Вестфелише цейтунг» и ее шефа Райсмана-Гроне[2], как, впрочем, и «Гамбургер нахрихтен», выступавших за продолжение бисмарковской внешней политики и за покровительство германскому промышленному экспорту в Россию. Какое значение могло все это иметь, если в России после резких газетных статей, лансированных лично военным министром[3], Дума собралась на секретное заседание и ассигновала на дальнейшее вооружение еще несколько сот миллионов рублей сверх уже имевшихся в распоряжении 500 миллионов рублей[4].

Донесения германского военного атташе из России становились все более пессимистичными[5]. Все яснее и очевиднее становилось, что военная база германского империализма по сравнению с его противниками была либо слишком сильна, либо слишком слаба: слишком сильна, чтобы можно было сохранить хорошие отношения с Францией, но и слишком слаба, если принять во внимание, что, стремясь противостоять Германии, Франция превратилась в самовоспламеняющееся государство с трехлетним сроком военной службы, что Франция все тесней связывалась с Россией и все больше была вынуждена крепко держаться за своих союзников. Если даже не принимать во внимание чудовищное осложнение, могущее возникнуть в случае английского вмешательства, германский империализм был обречен на поражение, будучи вынужден противостоять комбинированной мощи Франции и гигантской Российской империи, которая в противоположность германскому индустриальному государству с его феодально-монополистической верхушкой и недостатком рабочей силы могла постоянно черпать пополнение из богатого людского резервуара.

С того времени, как Россия приступила к систематическому обучению все новых войсковых частей — летом 1914 года под знаменами русской «армии мирного времени» уже находилось 1,8 миллиона человек,— соотношение сил между Германией и ее противниками все более менялось не в пользу Германии[6]. Это бесспорное, прямо-таки автоматическое развитие международных отношений представляло самую серьезную угрозу для всеобщего мира, если Германия не решилась бы в последнюю минуту сдать свои промышленные и военные позиции на Проливах и отказаться от притязаний на звание мировой державы. «Всякое ожидание,— сказал начальник германского генерального штаба в мае 1914 года,— означает уменьшение наших шансов на успех; мы не можем соперничать с Россией в отношении людских ресурсов»[7].

---

[1] Yux, S. 193, 196 ff.

[2] См. Yux, S. 137 f. Мужество Райсмана-Гроне до войны и в начале ее навсегда останется образцом честной публицистики.

[3] См. GP, Bd. 39, S. 554, примечание.

[4] Так я истолковываю вместе с Герцфельдом факты, изложенные в GP, Bd. 39, S. 564, примечание.

[5] См. GP, Кар. CCIC.

[6] Kriegsrüstung I., S. 205; там подсчитано, что сухопутные вооруженные силы в странах Европы насчитывали под своими знаменами в 1914 году: на стороне Центральных держав (без Италии) 1204 миллиона человек, на стороне Антанты — 2504 миллиона человек, и это соотношение должно было измениться не в пользу Центральных держав и дойти до 1,31 : 2,90 миллиона человек.

[7] Conrad, III, S. 670.

Рейхстаг и внешняя политика накануне войны

Конечно, на настроении германского рейхстага отражалось также постоянное увеличение численности русской армии мирного времени, которое генеральный штаб 5 февраля определил в 300 тысяч человек[1].

Все же и парламент и правительство тогда держались того мнения, что растущее давление на восточной границе Германии компенсировалось очевидным улучшением отношений с Англией. После полного провала попыток соглашения по вопросам военно-морского строительства опасения военной промышленности потеряли свое значение. Строительные программы обеих сторон просто-напросто проводились в жизнь, и даже Бассерман, выступая в рейхстаге, нашел любезные слова по адресу Англии[2]. Развивающееся строительство железных дорог в германских колониях, грандиозные сооружения, например железная дорога к озеру Танганьика в Восточной Африке, законченная непосредственно перед войной, багдадское соглашение, договор о португальских колониях — все это побуждало и германский высокоразвитый империализм в большей мере стремиться к сближению с господствующей морской державой. Колониалистский угар уже охватил и социал-демократию; тогда в ее колониальной программе на смену чисто отрицательной позиции прежних лет уже пришло требование социальных реформ. В ходе прений 7 марта 1914 года социал-демократ Диттман, выступая еще в духе старых партийных традиций, не оставил камня на камне от нерентабельной колониальной политики. Тремя днями позже Густав Носке атаковал фирму «Филипп Хольцман», строившую Танганьикскую железную дорогу[3]. Вскоре Людвиг Квессель, выступавший еще в 1912 году на съезде социал-демократов в пользу приобретения заморских рынков сбыта, теперь и в рейхстаге официально высказался сочувственно о колониальной политике[4]. Внешнеполитические прения в середине мая 1914 года проходили под знаком оптимизма в вопросах колониальной и мировой политики, поскольку Англия, видимо, решила наконец уступить подобающую часть добычи континентальному младшему партнеру. Вопреки всем традициям Бассерман в качестве докладчика снова высказался весьма оптимистически относительно германо-английских отношений[5], а национал-либеральный депутат, принц Шенайх-Каролат, находившийся долгое время в тени из-за своего аристократического англофильства и пацифистских убеждений сановного аристократа, теперь с трибуны рейхстага выступил в духе Комитета англо-германского сближения, членом которого он состоял[6]. Однако и эта светлая полоса отношений была омрачена тенью приближающейся войны. После того как докладчик Бассерман отметил (в противовес улучшению отношений с Англией) рост напряженности в германо-русских отношениях, статс-секретарь Ягов произнес длинную речь, которая должна была явиться энергичным предостережением по адресу России и предупреждением русской печати. Значение этой речи позднее было подчеркнуто в выступлении лидера Центра Петера Шпана. Особенный гнев Шпана вызвал молодой социал-демократ Герман Вендель, который язвительно издевался над попытками Тройственного союза посадить на албанский трон немецкого принца Вида и, осмелившись противопоставить союзу династий священный союз народов, закончил свою речь возгласом: «Vive la France!»[7]

---

[1] Herzfeld, S. 128.
[2] Бассерман в рейхстаге, 4 декабря 1913 г.
[3] Носке в рейхстаге, 10 марта 1914 г.
[4] Квессель в рейхстаге, 20 марта 1914 г.
[5] Бассерман в рейхстаге, 4 мая 1914 г.
[6] Принц Шенайх в рейхстаге, 14 мая 1914 г.
[7] Вендель в рейхстаге, 14 мая 1914 г.

Внутриполитические трудности президента Пуанкаре

Поводом для возгласа в честь Франции явилось то, что внутриполитическое развитие во Французской республике неизменно шло к полевению; это надо рассматривать как реакцию на бремя, возложенное на народ трехлетним сроком военной службы. Уже само обсуждение вопроса о введении трехлетнего срока военной службы повело к волнениям среди затронутых этим проектом солдат, к chouanerie des refractaires в мае 1913 года. Принятие этого закона летом 1913 года было воспринято как тяжелое бремя, в связи с чем исход выборов 1914 года ознаменовался полным успехом левых[1]. Президент республики и его партия оказывались все больше загнанными в правый угол. Но с тем большим упорством продолжал президент свою борьбу. И после избрания Пуанкаре президентом и после прихода к власти ряда левых правительств министерство иностранных дел оставалось подлинным владением Пуанкаре. Назначение на пост министра иностранных дел сначала Думерга[2], а позднее Вивиани[3] представляло собой уступку левых русофильским традициям во внешней политике, а преемником Делькассе на посту французского посла в России стал Морис Палеолог, человек, близкий Пуанкаре.

В период внутриполитического полевения еще энергичнее прежнего и по возможности шире применялось традиционное и излюбленное оружие французского финансового империализма — искусное размещение иностранных займов. Впрочем, применение этого средства было не таким уж легким и простым делом. Правда, используя так называемую Cote, официальное разрешение на котировку иностранных ценных бумаг на парижской бирже, министры иностранных дел и через них президент имели возможность воздействовать в интересах внешней политики на крупные банки и регулировать их деятельность. Однако они не имели власти ни для того, чтобы препятствовать финансовому капиталу оказывать частную поддержку займам любой страны или участвовать в предоставлении этим странам займов иностранными государствами, ни для того, чтобы заставить отечественный финансовый капитал предоставлять займы дружественным странам, если эта операция была не по душе финансовой верхушке. Представители Пуанкаре на Кэ д'Орсэ — первоначально Палеолог и Маржери — в отчаянии ломали руки из-за космополитизма и недостатка патриотизма у финансовых магнатов[4]; ведь, например, осенью 1913 года, когда Пуанкаре хотел дать заем Румынии, они передали эту операцию Берлину[5], а с другой стороны, например, в Восточной Азии дали французские деньги китайцам, которые, полагаясь на давнее сотрудничество Гонконг-Шанхайской корпорации, Немецко-Азиатского банка и Индокитайского банка, неизменно давали отпор русским друзьям Пуанкаре[6]. Программа Пуанкаре заключалась в примирении интересов финансового капитала и мощи военной промышленности и армии, но осуществление этой программы являлось весьма сложным делом, и провести

---

[1] Крайне поучительный анализ социологической структуры Франции после введения трехлетней военной службы и непосредственно перед началом войны дан Гастоном Моком в «Friedenswarte», 1914, S. 164 ff. Это исследование дополняют интересные доклады Шена из Парижа, GP, Kap. CCXCIV.

[2] GP, 15662, Радовиц — Бетману, 10 декабря 1913 г.

[3] GP, 15675, Шен — Бетману, 15 июня 1914 г.

[4] Иллюстрацией является, в частности, тот факт, что весной 1913 года, когда кабинет Пуанкаре, считаясь с Россией и учитывая возможность получения заказов на артиллерийские орудия, поддерживал притязания Болгарии на возмещение военных убытков, парижская финансовая верхушка вместо Болгарии поддерживала Турцию, куда были вложены ее деньги (GP, 15211, запись Циммермана 13 мая 1913 г.).

[5] Stieve, III, S. 302 ff., Севастопуло — Сазонову, 6 октября 1913 г.

[6] См. также JB, I, 1, № 230, Сазонов — Извольскому, 11 февраля 1914 г.

ее в жизнь было тем трудней, что и французская военная промышленность, когда она, например, снабжала Турцию, прямо сталкивалась с антитурецкой политикой России[1].

Пушечные фабриканты, финансовый капитал и внешняя политика Франции на Балканах непосредственно перед началом войны

Правда, такого рода коллизии в общем являлись исключением; в целом политика президента шла навстречу интересам пушечных фабрикантов, поскольку эта политика, непосредственно опираясь на союз с Россией, стремилась поддержать и осуществить притязания французского империализма. Вероятно, более неприятным, чем франко-турецкие финансовые связи, было для русских, и тем самым косвенно для партии президента, то обстоятельство, что Австрия по традиции являлась рынком для капиталовложений французского финансового капитала. Парижские и венские банки издавна находились в тесной взаимозависимости. Чем в большей мере австро-венгерские финансы приходили в упадок вследствие проводимой монархией таможенной и аграрной политики, тем в большей степени двуединая монархия оказывалась в зависимости от французского финансового капитала.

К 1914 году венскую финансовую политику главным образом направлял господин фон Адлер, наполовину француз, один из руководителей парижского банка «Сосьете женераль»*. Большинство акций «Сосьете женераль» находилось в руках гигантского предприятия «Банк де Пари э де Пэи-Ба»[2], венский филиал которого, «Альгемейне эстеррейхише боденкредитанштальт», руководимый директором банка Зигхартом, старался открыть двуединой монархии доступ во французский рынок капиталов[3]**. В Берлине[4], как и в Петербурге[5], с раздражением наблюдали за этим англо-французским конгломератом капиталистических интересов, да и в Париже возникали сильные сомнения, совместима ли такая финансово-капиталистическая деятельность с традиционной французской внешней политикой. Французское министерство иностранных дел поставило условием привлечение русских к участию в подготовляемых сделках, когда понадобилась дипломатическая поддержка грандиозного финансового проекта «Сосьете женераль», проекта интернацио-

[1] См. об этом, например, JB, I, 1, № 114, Извольский — Сазонову, 27 января 1914 г. Известен вопрос, поставленный Пуанкаре Извольскому: «Когда же вы, наконец, прекратите свое сопротивление турецким займам?» (S t i e v e, op. cit., IV, S. 39 f., Извольский — Сазонову, 29 января 1914 г.). Замечания Думерга об использовании денег на мирные цели, носят, конечно, академический характер. Если бы Турция получила эти деньги в свое распоряжение, другие средства освободились бы для турецких закупок у Крезо, чего усиленно добивался Думерг в качестве министра иностранных дел.

[2] D e l a i s i, op. cit., p. 19.

[3] S t i e v e, IV, S. 119 f., Раффалович — Сазонову, 27 мая 1914 г.

[4] См. GP, Bd. 37, S. 734, примечание.

[5] См. S t i e v e, op. cit., III, S. 370 f., Извольский — Сазонову, 6 декабря 1913 г. и IV, S. 119 f., Раффалович — Сазонову, 27 мая 1914 г.

* Согласно DD, 3-me serie, vol. 5, № 221, Дюмен Пуанкаре 15 мая 1913 г., приложение, «Сосьете женераль» сознательно вела политику, направленную к ликвидации ее капиталовложений в России, с тем чтобы перейти к финансированию Австрии и принять участие в финансировании балканских железных дорог, которыми Германия перестала интересоваться ввиду ее финансовых обязательств в отношении Турции (см. также донесение Думена, № 381, от 12 февраля 1913 г.).

** Австро-венгерский министр финансов Залесский был в восторге от открывающихся возможностей (DD, 3-me serie, vol. 8, письмо Думеру от 14 сентября 1913 г.). См. об этом также Р у д о л ь ф З и г х а р т, Последние десятилетия великой державы, Берлин, 1933 (R u d o l f S i e g h a r t, Die letzten Jahrzehnte einer Großmacht, Berlin 1933).

нализации местной железнодорожной сети на Балканах, которую после ее секвестра победоносными балканскими союзниками первоначальный владелец и наследник «турецкого оленя», Немецкий банк, продал австрийской финансовой верхушке[1].

Впрочем, этот большой финансовый план, каким прекрасным он ни представлялся[2*], не был осуществлен; Французский банк, основанный банком «Унион паризьен»[3], следовательно, связанный, вероятно, и с фирмой Шнейдера, стремившийся к своего рода монопольному положению в Сербии, постарался восстановить Белград против этого финансового проекта[4**], при этом для внешнего мира на первый план выдвигались обычные национальные мотивы[5], между тем как в действительности дело заключалось в борьбе одной французской банковской группы против другой и в борьбе фирмы «Крезо» против австрийской стальной промышленности и военной индустрии, рассчитывавшей занять преобладающее положение в Сербии в результате успеха планов интернационализации балканских железных дорог и победы «Сосьете женераль»[6]. Вплоть до самого начала войны австрийские предприниматели и их закулисные покровители вели с сербским правительством и стоявшей позади него французской промышленностью переговоры о размежевании их интересов [7].

Таким образом, французская военная промышленность до самого конца удерживала свои позиции в Сербии[8]; интересы французской военной индустрии, интересы французского ссудного капитала****, притекавшего в Белград через Франко-Сербский банк, и, наконец, союз Франции с Россией — таковы

---

[1] GP, Bd. 37, S. 719 f., примечание.

[2] См. ликование по этому поводу Поля Думера в GP, 15131, Чиршский — Бетману, 2 января 1914 г.

[3] S t i e v e, op. cit., IV, S. 119 f., Раффалович — Сазонову, 27 мая 1914 г.

[4] JB, I, 1, № 229, Извольский — Сазонову, 27 февраля 1914 г.

[5] GP, 15136, Чиршский — Бетману, 26 января 1914 г.

[6] См. в качестве дополнения материала, содержащегося в GP, Кар. CCLXXXVII, приложение, особенно данные JB, I, I и S t i e v e, III и IV, а также «Фоссише цейтунг» 17 апреля 1914 г. Важным является JB, I, I, № 417, Гартвиг — Сазонову, 10 марта 1914 г. Впрочем, кажется, Австрия выдвинула перед Сербией свои требования промышленного характера только после того, как Германия и Италия выразили свое недовольство существованием австро-французской Антанты на Балканах. Точнее трудно что-либо сказать до полного опубликования русских и французских документов***.

[7] См. GP, 15147—15149; далее S t i e v e, III, S. 101 f., Извольский — Сазонову, 5 мая 1914 г.

[8] Показательно сообщение парижского корреспондента «Фоссише цейтунг» от 1 декабря 1913 г., согласно которому боеприпасы, заказанные у Эрхардта сербами, предназначались только для отобранных у турок ружей немецкого производства, между тем как все другие потребности, и в частности в артиллерии, по-прежнему покрывались у Крезо.

* Подробности в DD, 3-me serie, vol. 8, № 558 и № 646, доклады миссии в Белграде от 30 ноября и 18 декабря 1913 г., а также № 651, донесение Думена из Вены, 19 декабря 1913 г.

** Согласно DD (3-me serie, vol. 9, № 85), донесение Думена из Вены 19 декабря 1913 г., сербы и французы предполагали, что за интригами против плана интернационализации скрывается Немецкий банк. Оба толкования не исключают одно другое; немецкие и французские банки и деятели военной промышленности нередко в Сербии кооперировались в борьбе против Австрии и ее промышленности. По-видимому, Немецкий банк сожалел о том, что ранее проявил незаинтересованность, ибо возвращение туркам Адрианополя обусловило новую оценку значения ближневосточных железных дорог (см. также № 139, приложение). Этот поворот в позиции банка произошел под влиянием германского правительства (№ 143, GP, Кар. CCLXXXVII).

*** Об этом имеется материал в DD, 3-me serie, начиная с 8-го тома, № 370, справка министерства от 22 октября 1913 г., см. также № 648, справка от 18 декабря 1913 г.

**** В DD за этот период нет ничего, свидетельствующего о внутрифранцузской конкуренции. Решающим для провала планов интернационализации на Балканах было, очевидно, германское сопротивление. Тем не менее, как уже сказано, полагаю, что интересы французской военной промышленности также явились одной из причин провала. За ними стояли и русские, которые опасались, что при осуществлении плана интернационализации Австрия займет преимущественное положение.

были три основные силы, на которые перед войной опирался французский империализм как в Сербии, так и повсюду на Балканах[1]. Вместе с тем благодаря Балканским войнам и поддержке французского капитала сербский шовинизм и национализм усилились до такой степени, что вскоре Франция уже больше не могла удовлетворить спрос на оружие. Когда сербский премьер-министр Пашич в феврале 1914 года нанес свой известный визит в Петербург, он, между прочим, выпросил у русских ружья[2]. Наконец, весной 1914 года, вероятно, не в последнюю очередь вследствие перегрузки французских военных заводов*, в Сербию было переброшено 200 тысяч ружей из «Дейче ваффен унд муниционс фабрикен» и из австрийских оружейных фабрик в Штирии[3]. Таким образом, немецкие оружейные заводы, французский финансовый капитал — 12 января 1914 года Сербия получила в Париже кредит в 250 миллионов франков[4]**— и сербский национализм оказывали поддержку друг другу; социологически они образовали единый комплекс интересов. Вследствие усиления позиций Сербии до самой войны длился экономический конфликт между Сербией и Австро-Венгрией; но более того, постоянно росла возможность того, что южные славяне полностью разгромят двуединую монархию. По свидетельству российского генерального консула в Сербии Гартвига, после посещения царя в Петербурге Пашич вернулся в Белград «пьяный от радости»[5]. Царь заверил его: «Для сербов мы все сделаем»[6]. Усиливающееся государство действовало во всех направлениях и внушало Вене страх переговорами с Черногорией об объединении, которые должны были наконец открыть Сербии долгожданный выход к Адриатическому морю[7]***. Однако, с другой стороны, Сербия, как раз вследствие своей внутренней незрелости, оказалась в состоянии тяжелого внутреннего кризиса. Вплоть до самого начала мировой войны правительство Пашича с балканской хитростью и ожесточенностью боролось против офицерского корпуса и его старинной тайной организации «Черной руки», которая хотела отобрать у гражданских органов власть над вновь приобретенными областями[8]****.

---

[1] Согласно F a y (том I, стр. 40 и далее), французские капиталовложения на Балканах с 1902 по 1914 год выросли с 920 миллионов франков до 3,13 миллиарда франков; Фей справедливо видит в этом главную причину дружественного отношения Франции к Сербии. По ÖA, 8870, Шторк — Берхтольду, 19 октября 1913 г., только в конце 1913 г. новые капиталовложения в Сербии составили один миллиард франков.

[2] B o g h i t s c h e w i t s c h, I, S. 114 ff., Пашич — Петру Сербскому, 2 февраля 1914 г.

[3] Либкнехт в рейхстаге, 11 мая 1914 г. Тогда это известие появилось в ряде газет.

[4] S t i e v e, IV, Извольский — Сазонову, 4 января 1914 г.

[5] JB I, 1, № 314, Гартвиг — Сазонову, 24 февраля 1914 г.

[6] B o g h i t s c h e w i t s c h, I, S. 414, Пашич — Петру Сербскому, 2 февраля 1914 г.

[7] Доказательства собраны у R. G o o s, Gutachten, S. 158 ff. Обширный новый материал содержится в JB, 1, 4. Материал имеется также в DD, 3-me serie, vol. 10, например, № 286.

[8] Эта в высшей степени ожесточенная борьба могла прежде служить доказательством того, что правительство Пашича не было причастно к убийству в Сараево, организованному «Черной рукой». Но, как теперь стало известно, правительство Пашича все же имело сведения о подготовке покушения и не предупредило Вену или сделало это в недо-

* Подтверждается в DD, 3-me serie, vol. 9, № 152, Деско — Думеру, 25 января 1914 г.

** Подробности содержатся в DD, 3-me serie, Bd. 9, № 28, Думерг — миссии в Белграде, 7 января 1914 г.; французский военный атташе в Белграде 7 марта (№ 411) усиленно жалуется на то, что, несмотря на предоставление французского займа, Крупп все же получает заказы на вооружения.

*** Материал имеется также в DD, 3-me serie, vol. 10; см., например, документ № 286.

**** DD, 3-me serie, vol. 10 содержит новый материал об этой внутрисербской борьбе, существенной для непосредственной предыстории первой мировой войны См., например, № 331, Деско— Думергу, 4 июня 1914 г.; сербский офицерский корпус относился к французским финансовым и промышленным кругам чуть ли не с еще большим ожесточением, чем к австрийцам.

Одновременно с волнениями в Сербии происходило восстание в Албании, где теперь затеяли между собой драку оба партнера Германии по Тройственному союзу. Создание Албании сблизило оба государства, но лишь в том смысле, что они не уступили один другому ни одной пяди земли на восточном побережье Адриатики, теперь же в результате распада Албании Тройственный союз снова стал неустойчив*. Уже до начала войны рассыпались в прах все надежды на воскрешение союза, который еще в 1913 году был подкреплен новым военным сговором.

Как уже сказано, подобное враждебное Тройственному союзу развитие событий на Балканах перед мировой войной было не простой случайностью, а прямым следствием деятельности Антанты, и особенно французского финансового капитала, который, используя заботливую опеку Кэ д'Орсэ, как обычно, сочетал приятное с полезным, то есть стремился сочетать политическое наступление с приносящими прибыль финансовыми операциями и капиталовложениями, равно как с получением заказов на пушки. Идеально типическими примерами подобных комбинаций буквально пестрит французская политика перед мировой войной.

Так, например, хотя греческий премьер-министр, изворотливый критянин Венизелос, временно продемонстрировал дружбу с Германией, принесшую Греции прекрасные плоды летом 1913 года[1], он все же в конце концов в январе 1914 года заключил в Париже соглашение о займе в 500 миллионов франков, и тотчас же вслед за этим почти автоматически Франция получила заказы для строительства железной дороги Ларисса — Пирей, а фирма «Крезо» получила военные заказы, ранее предназначенные для Крупна**. Германский кайзер и без того после Цабернского дела и борьбы из-за Лимана относился с сильным раздражением к Франции, а теперь Париж вырвал у кайзера лучшие из тех плодов, которые он надеялся собрать с помощью своей проэллинской политики в 1913 году.

Антанта и Турция

Несмотря на изобилие капиталов во Франции, не так уж легко было провести в жизнь французскую финансовую политику. Например, в Салониках и в Стамбуле французский финансовый империализм столкнулся со своим союзником — русскими; через Русско-Азиатский банк, принадлежавший к числу крупнейших финансовых организаций на Балканах, русские старались получить в свои руки Салоникский банк[2]. Видимо, французский финан-

статочно ясной форме. На Балканах иные правила игры, нежели у нас в Европе. Мы, правда, все еще недостаточно осведомлены об этом деле, но Пашич занял такую двусмысленную позицию в отношении публикаций сербских и европейских политиков и историков, что даже друзья Сербии были озадачены (W e n d e l, Gutachten, S. 366); в свете этих обстоятельств мне не представляется невозможным, что правительству Пашича, скажем, не было неприятно то, что его враги — Франц-Фердинанд и «Черная рука» причинят друг другу зло. Как бы то ни было, в конечном счете это в большей мере проблема политико-моральная и биографическая, чем историческая.

[1] IB, I, 1, 125, Извольский — Сазонову, 28 января 1914 г.

[2] По поводу этой интересной, но сложной комбинации см. особенно JB, I, 1, № 14, Извольский — Сазонову, 15 января 1914 г., и I, 1, № 2, справка российской кредитной канцелярии 29 июня 1914 г., а также № 22, Верстрете — Раффаловичу, 29 июня 1914 г.

* Из-за недостатка места нет возможности осветить албанскую проблему, имеющую второстепенное значение для возникновения мировой войны; обильный материал имеется в последних томах DD, 3-me serie. За внешне опереточной внутриалбанской борьбой скрывались зловещие международные бои.

** См. относящиеся к этому документы DD, начиная с vol. 8, 3-me serie, № 326, Пулплике — Пишону, 15 октября 1913 г. Особенно поучителен документ № 37, т. 9 (справка министерства без даты). В Греции работала французская военная миссия под началом генерала Эйду.

совый империализм опасался своих собственных отпрысков. Та самая «Сосьете женераль», которая основала Русско-Азиатский банк под управлением крупного промышленника Путилова[1], теперь по собственной воле или под давлением[2] отказывалась передать целиком контролируемый ею Салоникский банк подчиненной группе. Когда разразилась мировая война, все еще оставалось неопределенным, в какой форме русским можно и разрешается осуществлять экономическую деятельность в Константинополе. Таким образом, участие русских банков в турецких финансовых делах было не всегда удобно для французской финансовой верхушки. С другой стороны, французское участие в финансовом восстановлении обессиленной Турции встретило терпимое отношение со стороны России только после того, как были получены французские обещания ни в чем не поддерживать турецкую политику реванша[3] и соблюдать условие, в силу которого при общем соглашении об урегулировании франко-турецких проблем, являвшемся предпосылкой для запланированного парижского займа Турции в 800 миллионов франков, будут обеспечены и русские коммерческие, а прежде всего стратегические интересы в Северной Анатолии и Армении. В остальном французская внешняя политика — как и прежде, направляемая президентом, — конечно, пустила в ход все рычаги, чтобы, используя эти переговоры, перетянуть Турцию в лагерь Антанты. Турецкий министр финансов Джавид-бей, заключивший в Париже сделку о предоставлении займа на сумму 800 миллионов франков и не посетивший Берлин, несмотря на настойчивые германские приглашения*, был встречен в Стамбуле как герой[4]. Это производило почти символическое впечатление: сразу же после возвращения Джавид-бея в Константинополе началась оживленная проантантовская пропаганда в области культуры[5]. Не прошло и месяца после заключения договора о займе, как турецкие министры уже отправились на другой берег Черного моря с визитом к царю в его крымский замок Ливадию. Вероятно, Турция тогда целиком и полностью перешла бы в распоряжение Антанты, если бы не военные проблемы, страх Турции перед Грецией и перед деятельностью греков на островах и в Малой Азии; кроме того, у России возникали опасения в связи с турецкими морскими вооружениями, которые были по существу направлены против Греции, но все же могли представлять опасность и для русского господства на Черном море.

Незадолго перед войной дипломаты нейтральных держав полагали, что господство Тройственного союза в Турции находится под серьезной

---

[1] Русско-Азиатский банк (по «Vossische Zeitung», 11.I. 1910) был образован в результате слияния Северного банка с Русско-Китайским банком Путилова. Акционерный капитал составил 35 миллионов рублей; главными акционерами были «Сосьете женераль» и ее владелец «Банк де Пари э де Пэи-Ба», и, кроме того, братья Хоттингер.

[2] Согласно JB, I, 1 (S. 16 f., примечание), французское правительство (в июле 1913 года) «запретило» «Сосьете женераль» продать банк; однако, согласно JB, I, 4 (Верстрете — Раффаловичу, 29 июня 1914 г.), «Сосьете женераль» сама была повинна в крушении этой комбинации, так что, вероятно, ссылка на французское правительство имела тактический характер. Впрочем, все эти интересные комбинации с продажей и покупкой, следовавшие одна за другой в разнообразных вариантах, были столь сложными, что порой русские директора банков сами заявляли, что характер этих операций им не ясен. Из DD видно, что «Сосьете женераль» хотела вовсе отойти от русских дел, чем, возможно, и объясняются эти противоречия.

[3] Stieve, III, S. 343, Извольский — Сазонову, 18 ноября 1913 г.

[4] «Фоссише цейтунг» от 19 апреля 1914 г.

[5] «Фоссише цейтунг» от 8 мая 1914 г. и, например, ÖA, 9665, Паллавичини — Берхтольду 13 мая 1914 г.

* Джавид (Давид)-бей, давнишний друг Антанты, по данным DD, 3-me serie, vol. 7, с лета 1913 г. находился в контакте с Францией по вопросу о финансовой поддержке побежденной Турции. Как указано выше, французы использовали эти переговоры для того, чтобы вынудить предоставление турецких заказов «Шнейдеру-Крезо»; DD, 3-me serie, vol. 8, № 172, справка (де Маржери) от 20 сентября 1913 г. содержит длинный перечень дальнейших уступок, вырванных Францией при этих обстоятельствах.

угрозой[1]*, если не полностью потеряно[2]. Весьма показательно, что турецкое военное командование, когда оно после начала войны все же заключило в глубокой тайне союз с Германией, не решилось посвятить в это дело своих коллег и особенно Джавид-бея[3], который буквально в эти же дни еще ориентировался на Антанту и открыто бунтовал против деятельности Немецкого банка и передачи заказов Круппу[4].

Антанта и Румыния

В Румынии Антанта нашла, пожалуй, еще более благоприятную почву для империалистического наступления против Центральных держав. Отход Румынии от Тройственного союза был, по существу, следствием того же политического развития, которое привело к расхождению между Австрией и Сербией. Та самая политика венгерских помещиков, которая способствовала созданию «сербской проблемы»[5], помешала тому, чтобы миллионы венгерских румын стали приверженцами двуединой монархии. Между тем по другую сторону Карпат возникла либеральная торговая буржуазия и интеллигенция, которые неизменно проявляли растущий интерес к судьбе своих братьев по ту сторону границы[6]. Чем затруднительнее становилось положение монархии, тем шире распространялось это движение. Франц-Фердинанд, понимавший, что венгерские магнаты являются могильщиками черно-желтой монархии, был бессилен в своих попытках повлиять на ход событий, и в таком же положении был австрийский посланник в Бухаресте граф Оттокар Чернин, который в последнюю минуту был послан в Румынию, чтобы спасти положение, но его отчаянные просьбы и заклинания, адресованные венской дипломатии, уже не могли предотвратить несчастье.

Таким образом, для франко-русской пропаганды, развернувшейся в Румынии с большой силой зимой 1913/14 года**, почва была подготовлена во всех смыслах не только благодаря французским культурным традициям бухарестской интеллигенции, но и в связи с характером политических и экономических интересов основных слоев населения. Правда, французские финансовые круги встретились с некоторыми трудностями***, так как Немецкий банк и «Дисконтогезельшафт», заинтересованные в румынских источниках нефти и в фирме «Стеана Романа», в конце концов все же не хотели допустить, чтобы Париж у них отнял опеку над займами Румынии[7]. Однако пока Германия находилась в союзе с Австро-Венгрией, она не располагала никакой возможностью противодействовать усиливающейся профранцузской агита-

[1] Об отношениях между Германией и Турцией в начале войны см., например, Bernadotte Schmitt, The Coming of the War, 2 vol., New York, 1930, p. 432 и далее.

[2] ÖA 9664, Паллавичини — Берхтольду, 13 мая 1914 г.

[3] См. Achmed Dschemal Pascha, S. 116 f.

[4] GP, 15032—15044; особенно интересен документ 15041, Вангенгейм — Бетману, 18 июля 1914 г.

[5] Об этом говорят многие потрясающие доклады графа Оттокара Чернина в ÖA, Bd. 7 u. 8.

[6] Очень дельные наблюдения содержатся в ÖA, 7505, Фюрстенберг — Берхтольду, 26 июня 1913 г.

[7] См. GP, 39. Bd., S. 448, примечание.

* Французский поверенный в делах в Петербурге считал в марте, что предстоит заключение русско-турецкого союза; напротив, французскому послу в Константинополе Бомпару (как явствует из DD, 3-me serie, vol. 10, № 135 от 21 апреля 1914 г.) эта мысль казалась слишком оптимистической.

** Обширный материал в DD, 3-me serie, vol. 1, начиная с № 15, Блондель — Думергу, 5 января 1914 г.

*** О начале французского финансового наступления в Румынии см. DD, 3-me serie, vol. 8, № 138, справка министерства от 11 сентября 1913 г.

ции, которая использовала растущие противоречия между Румынией и Венгрией и угождала вкусам столичной интеллигенции, посылая своих культурных эмиссаров[1]. Как обычно, «Шнейдер-Крезо» использовал агитацию франкофилов для генерального наступления против Круппа и германской промышленности[2], которая до этого времени сумела с помощью занимавшего румынский трон опытного дельца из рода Гогенцоллернов[3] закрепить за собой монополию по снабжению этой страны[4].

Наряду с осложнением отношений между Бухарестом и Тройственным союзом проблема господства над Проливами приобрела для Румынии как страны, экспортирующей зерно, такое же значение, как для России; почти за две недели до покушения в Сараево, когда царь Николай на рейде Констанцы приветствовал румынского короля, вопрос о защите вывоза обеих стран составлял важнейший пункт беседы[5]*. В эти месяцы стала особенно близкой опасность осложнений в районе Проливов, ибо вследствие закрытия Проливов для военных кораблей фирма «Виккерс» могла в Черном море оказать русским только техническую помощь, и как раз в это же время она собиралась поставить Турции два новых дредноута — «Султан Осман» и «Решаджибей»; между тем Турция угрожала, что она свое создающееся таким образом военное превосходство использует в войне против Греции, которая по мосту из Эгейских островов вторглась в турецкую Малую Азию**. Такой ход событий, всецело зависевший от усмотрения английской военной промышленности, должен был при всех обстоятельствах привести к мировой войне. Если бы в результате осложнений на Балканах снова был закрыт выход через Проливы для русского экспорта, достигшего 1,5 миллиарда франков, то, заявил Сазонов еще в мае, он уже не был бы в состоянии, как в прошлом, противостоять общественному мнению России[6].

Следовательно, русско-румынская встреча в Констанце и договоренность, направленная против закрытия Проливов, имела весьма серьезный, весьма злободневный характер. В отчаянии граф Чернин сообщал в министерство иностранных дел о потере решающего сражения. За шесть дней до Сараево он докладывал: «На наших глазах среди белого дня, открыто и определенно, с абсолютной очевидностью, с бесстыдной наглостью шаг за шагом создается окружение монархии***. Под русско-французским покровительством сколачивается новый балканский союз, и его сегодня еще как будто сложное содержание и назначение вскоре раскроется во всей своей поразительной простоте, как союз против монархии. А мы стоим тут же со скрещенными руками и с интересом наблюдаем за ходом наступления»[7].

---

[1] См. GP, 14818, Вальдхаузен — Бетману, 8 апреля 1914 г.

[2] См. «Кёльнише цейтунг» от 28 февраля 1914 г. По сообщению агентства Вольф от 3 февраля 1914 г., известная речь Либкнехта против Круппа была анонимно разослана румынским политикам и верхушке офицерского корпуса; по всей вероятности, это был маневр французских конкурентов Круппа.

[3] Согласно ÖA, 7505, Фюрстенберг — Берхтольду, 26 июня 1913 г., король был одним из крупнейших землевладельцев и промышленников своей страны, и торгово-промышленная буржуазия считала его членом своего сословия.

[4] На это жаловался Кэ д'Орсэ, GP, 15797, Вальдбург — Бетману, 19 октября 1913 г.

[5] См. GP, 15832, Вальдхаузен — ведомству иностранных дел, 16 июня 1914 г., см. также GP, 39, Bd., S. 521, примечание.

[6] См. ÖA, 9655, Сапари — Берхтольду, 8 мая 1914 г.

[7] ÖA, 9902, Оттокар Чернин — Берхтольду, 22 июня 1914 г.

* Инициатива дипломатического сближения исходила от Румынии; см. DD, 3-me serie, vol. 10, № 134, Палеолог — Думергу, 21 апреля 1914 г. Согласно № 409, Бомпар — Вивиани, 19 июня 1914 г., после встречи в Констанце Россия и Румыния направили Турции ноту протеста против возможного закрытия Проливов.

** О греко-турецких трениях, которые до июльского кризиса были в центре внимания международной дискуссии, имеется обширный материал в DD, 3-me serie, vol. 10.

*** Имеется в виду Австро-Венгрия.— *Прим. ред.*

Большая битва за Болгарию

В этих словах Чернина звучала достаточно сильная тревога. Действительно, намечалось создание нового балканского блока. Однако для его завершения не хватало центрального звена — королевства Болгарии.

В 1913—1914 годах между обеими группировками европейских держав из-за этой страны велась борьба, в которой были пущены в ход все хитрые уловки балканских народов, все интриганство европейской дипломатии и все искусные финансовые приемы, какие только были в распоряжении крупных финансовых воротил и военной промышленности, когда они, исходя из потребностей политики, принимались за дело и должны были выкачать полагающиеся им комиссионные суммы и прибыли из объекта, предоставленного им политикой для обработки*.

После тяжелого поражения, нанесенного ей бывшими союзниками летом 1913 года, Болгария пыталась сблизиться с Центральными державами. Отрицательное отношение к подобным попыткам противоречило бы традициям Вены. Если даже после постигшей ее катастрофы Болгария как союзник ценилась гораздо ниже, чем прежде, и, хотя, как и раньше, Вена предложила болгарам предварительно договориться с Румынией, которую она все еще надеялась удержать в лагере Тройственного союза[1], то все же Австрия не хотела вызывать озлобление прирожденного союзника против Сербии и толкнуть его в лагерь Антанты, прилагавшей усилия для создания нового балканского союза. Поэтому когда осенью 1913 года появились обычные предвестники бури в виде проекта французского займа, Баллплац заинтересовался возможностью размещения болгарского займа в Вене и в Берлине, иными словами, возможностью покупки Болгарии Тройственным союзом. Поздней осенью 1913 года французские крупные банки, обремененные просьбами о размещении займов, и французское правительство, осведомленное о реваншистских намерениях Болгарии, сразу отвергли попытки Болгарии получить помощь на французском рынке капиталов[2].

Тем временем австрийская политика стала оказывать все более сильное давление на Берлин, стараясь там разместить болгарский заем[3]. Болгария должна была не только стать постоянной величиной в политических расчетах Тройственного союза, но и превратиться в настоящую империалистическую вотчину для финансовых магнатов Центральных держав и их экспортной промышленности. Когда же германское министерство иностранных дел не проявило достаточной склонности поддержать идею займа, потому что прусский министр торговли Зидов и министр финансов Ленце, озабоченные судьбой прусских государственных займов, категорически запрещали размещение в Германии каких-либо иностранных займов, австро-венгерская дипломатия не остановилась перед тем, чтобы вопреки германскому ведомству иностранных дел непосредственно вовлечь в эту операцию немецкую тяжелую промышленность, ссылаясь на значение болгарского рынка сбыта с точки зрения собственных интересов тяжелой индустрии[4]. Притом ничто не характеризует лучше эпоху, как то обстоятельство, что австрийская дипломатия пыта-

---

[1] ÖA, 8969, запись Берхтольда о беседе с королем Фердинандом, 8 ноября 1913 г.

[2] Текст приведенного у Stieve, III, S. 353, письма Извольского Сазонову, от 25 ноября 1913 г. не исключает того, что такие попытки действительно имели место; это, между прочим, вытекает и из весьма важного немецкого официозного освещения всей проблемы в целом, опубликованного в «Кёльнише цейтунг», 16, 17, 18, 21 и 22 июля 1914 г. Удивительно, что немецкая публикация документов оставила без внимания этот вопрос.

[3] ÖA, 9422, Берхтольд — Седьени, 27 февраля 1914 г.

[4] ÖA, 9428, Седьени — Берхтольду, 1 марта 1914 г.

* Для следующего раздела надо, кроме цитируемого материала, использовать соответствующие документы DD, 3-me serie, vol. 10, начиная с № 136, де Панафье — Думергу, 21 апреля 1914 г.

лась воспользоваться в этом деле услугами германского морского ведомства, которое, по мнению компетентных кругов, очевидно, считалось объединенной агентурой германской тяжелой промышленности[1].

Вероятно, этот австрийский ход не так уж был неприятен германскому ведомству иностранных дел, которое, учитывая ухудшение международного положения, стало лучше относиться к Болгарии. Во всяком случае, оно предприняло шаги для того, чтобы все это дело оказалось более приемлемым для внушавших страх могущественных финансовых деятелей господствующего союзного государства[2]. Германское ведомство иностранных дел могло рассчитывать на итальянский рынок капиталов, но, кроме него, оно прощупало отношение к этому проекту американских, английских и голландских кругов, прибегнув для этой цели к помощи банкирского дома Варбург в Гамбурге[3].

Однако одновременно на берлинском рынке выступил на первый план банк «Дисконтогезельшафт», который уже давно вел переговоры как о строительстве железной дороги к побережью Эгейского моря, так и об аналогичных проектах в виде компенсации за предоставление займа Блгарии[4]*. Таким образом, в конечном счете стала возможной реализация предложения венской дипломатии о привлечении к этой операции промышленности Центральных держав, ибо когда германская индустрия бывала заинтересована в какомлибо деле, то находились и деньги для его осуществления. Правда, с другой стороны, привлечение к этому делу германских промышленников с их далеко идущими планами вело к усилению международной напряженности. Параллельно с нажимом Центральных держав увеличивалось и давление со стороны Антанты. Как только стало известно о финансовых переговорах Болгарии с Центральными державами, тотчас же франко-русская дипломатия под руководством ловкого российского представителя Савинского — этого второго Каульбарса или Соболева — пустила в ход все рычаги, чтобы посредством финансовых уступок приковать к Антанте болгар, угрожавших ускользнуть в лагерь Тройственного союза**. Со времени своего прибытия в Софию деятельный русский дипломат значительно преуспел. Энергично проводился подкуп политической оппозиции против кабинета Радославова, дружественно относившегося к Тройственному союзу и жаждавшего реванша. Лидеры болгарских социалистов, видимо хорошо умевшие с выгодой для себя использовать капитализм, и лидеры старой русской партии в парламенте получали от 30 тысяч до 60 тысяч франков[5]. Газеты также были подкуплены. Все это, правда, пустяки по сравнению с теми суммами, в которых нуждалась Болгария для своего восстановления после Балканских войн. Как всегда, Россия не располагала достаточными средствами для дальнейшего кредитования. Однако и классическая страна финансовых сделок, связанных с экономическим восстановлением разоренных стран, Французская республика, была перенасыщена займами, и поэтому до поры до времени ее правительство не могло по вопросу о Болгарии сделать больше, чем запретить своим банкам заключать столь излюбленные сделки с наследственным врагом — Германией, или косвенно поддерживать внешнюю политику Центральных держав посредством участия в подготовлявшемся болгарском займе[6]. Но подобными средствами нельзя было приостановить наступление Центральных держав в Болгарии. Тщетно политический директор в Кэ д'Орсэ Маржери, ближайший

[1] ÖA, 9428, Седьени — Берхтольду, 1 марта 1914 г.
[2] ÖA, 5917 и 5918, Тарновский — Берхтольду, 25 марта 1914 г.
[3] ÖA, 9442, Седьени — Берхтольду, 4 марта 1914 г.
[4] «Кёльнише цейтунг» от 16 июля 1914 г.
[5] См. ÖA, 9326, Тарновский — Берхтольду, 9 февраля 1914 г.
[6] S t i e v e, IV, S. 94, Извольский — Сазонову, 29 апреля 1914 г.

* О деятельности «Дисконтогезельшафт» см. также DD, 3-me serie, vol. 10, № 245. Дар — Думергу, 18 мая 1914 г.

** Согласно DD Дар — Думергу, № 246, 2-я телеграмма от 16 мая 1914 г., германский план застиг Савинского врасплох.

сотрудник Пуанкаре, пытался выколачивать для Болгарии деньги из парижских банков[1]. «Банк де Пари э де Пэи-Ба», «Креди Лионе», «Сосьете женераль», «Комптуар насьональ д'эсконт» — все они закрыли свои двери. Вероятно, немцы, и прежде всего австрийцы, имевшие значительное влияние в этих банках, посмеивались втихомолку. В поисках выхода Маржери сделал попытку связаться «с другими финансовыми группами», с теми группами, которые «поддерживают связь с «Крезо» (и с «Режи женераль») и заинтересованы в строительстве железных дорог в Болгарии». Но и банк «Унион паризьен», который, очевидно, имелся в виду[2], имел одновременно базу в Вене и на Балканах и, к недовольству русских, отнюдь не отличался враждебностью к Австрии[3]. Кроме того, наступил финансовый кризис. Французские банки действительно испытывали затруднения[4]. С другой стороны, в силу своего международного характера подобный финансовый кризис в сочетании с мероприятиями Кэ д'Орсэ, направленными против германского займа Болгарии, создал препятствия и для политики Центральных держав. Вместе с тем весьма тягостными оказались те условия, которые, используя крайне трудное положение Болгарии, поставили банки «Дисконтогезельшафт» и вслед за ним «Дрезденский банк», С. Блейхрёдера, Банк торговли и промышленности, «Национальный банк Германии», «Шаафхаузенше банкферейн», а также вся австрийская финансовая верхушка; в результате в начале июня переговоры зашли в тупик[5]. Банки требовали, чтобы строительство железных дорог, угольные шахты, табачная монополия были подчинены иностранному контролю, вся страна должна была быть передана в распоряжение банков и промышленности Центральных держав[6]. Вена была в отчаянии. Париж снова воспрянул духом. В конце июня на арене появилась французская финансовая группа*, которая выразила готовность предоставить Болгарии без всяких условий заем в 200 миллионов франков[7]. В этот момент в Вене,— поскольку не только в Болгарии, но и повсюду положение было на острие ножа,— возник план: повести дипломатическое наступление на Румынию, чтобы заставить ее занять ясную позицию и тем самым вынудить Болгарию примкнуть к Центральным державам. Баллплац надеялся, что немцы поддержат эту программу[8].

Сараево и его последствия

Так обстояло дело и так вплоть до последнего момента развертывалась борьба между империалистами, не принимая открытой формы, когда 28 июня выстрелы в Сараево, жертвой которых был эрцгерцог-престолонаследник и его супруга, нарушили летний покой.

---

[1] S t i e v e, IV, S. 116 u. 117, Извольский — Сазонову, 22 и 23 мая 1914 г.

[2] «Унион паризьен» был, как известно, банком фирмы «Шнейдер» и находился также в прямой связи с «Режи женераль».

[3] S t i e v e, IV, S. 119 f. Памятная записка Раффаловича, 27 мая 1914 г.

[4] S t i e v e, IV, S. 127 f., Извольский — Сазонову, 22 и 23 мая 1914 г.

[5] ÖA, 9832, Берхтольд — Седьени, 8 июня 1914 г.

[6] Тяжкие требования центральноевропейского империализма достаточно ясно видны из статей «Кёльнише цейтунг», упомянутых на стр. 648.

[7] См. S t i e v e, IV, S. 136, Извольский — Сазонову, 19 июня 1914 г., равно как p. 138, Савинский — Извольскому, 29 июня 1914 г.

[8] Памятная записка Мачеко от 24 июня (ÖA, 9918) первоначально была не больше чем изложением идей графа Тиссы (см. о ее происхождении хотя бы у F a y, 2 Bd., S. 188 ff.); когда же ее направили в Константцу, а во время обострения отношений с Антантой представили в Берлин, эта записка приобрела более воинственный характер, нежели Тисса первоначально имел в виду.

* Согласно DD, 3-me serie, vol. 10 u. vol. 2, № 492, Вивиани — де Пантефье, 10 июля 1914 г.: эту группу возглавлял банк Перье.

Убийство стало поводом, но не было причиной мировой войны[1]. Решение «рассчитаться» с Сербией возникло в Вене стихийно, сразу после происшедших событий[2], раньше, чем стало известно что-либо определенное о скрытых причинах катастрофы. Подробности организации покушения тайным обществом «Черная рука» стали известны лишь почти через десятилетие, когда в результате работы по изучению вопроса об ответственности за войну эти данные были извлечены на белый свет из пепла и руин после великого пожара[3]. Однако, если бы даже имелись еще более достоверные и еще более полные сведения о покушении, все равно и в данном случае, как всегда, их истолкование зависело от исходных социологическо-политических предпосылок[4].

Социальную базу для военной агитации составляли — если говорить только об Австрии — буквально те же самые слои населения, которые в предыдущие годы непрерывно требовали войны с Сербией и под влиянием изменившейся ситуации постепенно были охвачены безграничным озлоблением и ненавистью.

Речь идет о тех прослойках, которые один австрийский дипломат, как уже упомянуто, назвал «клиентурой монархии», следовательно, о всех тех элементах, которые, как он выразился на императорско-королевском дипломатическом языке, «были заинтересованы в монархии» — «на основе принесенной ими присяги»; речь идет о высшем чиновничестве, офицерском корпусе, высшем духовенстве, промышленных и финансовых кругах, а также обо всех тех, кто занимался ремеслом и промыслом, о купце и сельском хозяине, желавшем иметь рынок для своих продуктов, и, наконец, last, not least, о дворянстве[5]. Известия о выстреле югославов в Сараеве, о том, что нити от покушения, тогда, правда, еще недостаточно вскрытые, ведут в Сербию,— всего этого было вполне достаточно, чтобы во всех

---

[1] Я не стремлюсь в этой связи установить «ответственность за войну» отдельных дипломатов, чем главным образом занимается так называемое исследование «ответственности за войну»; поэтому я не только по соображениям места, но и по деловым соображениям не стану приводить даже ничтожную долю огромной соответствующей литературы. Здесь, как и всюду, речь идет о том, чтобы дать (в общих чертах) социологический анализ важнейших политических фактов, которые могут быть довольно точно установлены, несмотря на все разногласия относительно политической и моральной оценки руководящих дипломатов и правительств. Немногие ссылки на источники служат исключительно в качестве доказательства правильности моих утверждений; каждое сформулированное мною положение означает ео ipso отрицание противоположных взглядов, без затраты места в примечаниях с целью массового избиения моих коллег по профессии.

[2] О настроении в Вене после покушения см., например, Musulin, S. 214. Этому настроению поддался и Берхтольд, как вынужден был констатировать граф Тисса уже 30 (!) июня (Fraknoi, Die ungarische Regierung und die Entstehung des Weltkrieges, S. 14), и, по описанию фон Конрада (Conrad, 4 Bd., S. 33 f.), Берхтольд, несмотря на сомнения тактического характера, проявлял обычную воинственность, что было заметно постороннему глазу. Так, сэр Эдуард Грей этого опасался с самого начала (см. JB, 4, № 146, Бенкендорф — Сазонову, 9 июля 1914 г.).

[3] См. об этом, например, в K-BM, 1928, S. 319.

[4] Анализ этой борьбы интересов не должен пострадать и вследствие стремления любой ценой выявить людей, желавших мировой войны. Не следует даже империалистическим дипломатам и правительствам безоговорочно приписывать желание partout идти на крайний риск. Они действуют скорей как взломщики, которые рады, если удалось совершить кражу без того, чтобы дело дошло до перестрелки с полицией. Впрочем, они и перед этим не остановятся. Когда же их поймают и окажется, что среди полицейских есть убитые, то вряд ли судья их будет судить по обвинению в предумышленном убийстве, требующем заранее обдуманного намерения. Их осудят лишь за простое убийство. Вопрос об ответственности за войну отдельных лиц — это политическая, а отнюдь не научная проблема; ответ на этот вопрос определяется теми же самыми социальными интересами, которые явились причиной войны. Это, впрочем, уже стало избитой истиной. В принципе перед научным исследованием в данном случае стоит такая же проблема, какая возникнет при анализе любых других моментов исторического процесса.

[5] Musulin, S. 234.

этих кругах, особенно в столице, в еще большей степени вызвать те самые настроения, которые там царили уже много месяцев в прошлые годы*.

Однако какие бы в Вене ни создавались планы, для их осуществления нужна была, и с государственноправовой и с политической точки зрения, поддержка Венгрии. Настроение в Венгрии не было однородным. Венгерские дворяне на Баллплац, позднее пользовавшиеся столь дурной славой «военные графы» Хойо, Макчио и особенно Форгач, старались толкнуть пугливую дипломатию и ее мягкотелого шефа на военные авантюры[1]. Между тем неоспоримый властитель Венгрии, выдающийся человек среди магнатов граф Стефан Тисса не имел никакой охоты мстить за смерть своего опасного и ненавистного политического противника[2]. Мстить — это значило мстить народу, к которому, правда, в Венгрии относились с еще большей ненавистью, чем по другую сторону Лейты, но политическое и экономическое порабощение которого в конце концов больше соответствовало интересам австрийского капитализма, работавшего на экспорт, и черно-желтых чиновников и военных, враждебно относившихся к национальным меньшинствам, нежели интересам венгерского крупного землевладения. Для этого землевладения задуманное генералом фон Конрадом «поглощение» Сербии означало бы лишь то, что в состав двуединой монархии был бы принят конкурент и появился бы политически взрывчатый материал[3]. Только когда благодаря политике Германии сложилось необыкновенно благоприятное положение для решающей борьбы с Сербией и когда императорско-королевский совет министров определенно постановил — единственный случай в истории! — не присоединять к монархии никаких участков территории противника, на которого готовилось нападение, — только тогда Тисса перешел на сторону военной партии[4]**.

Если не учитывать таких самостоятельно мысливших деятелей, то картина настроений господствующих классов в Дунайской монархии после покушения была настолько однородной, военные настроения в стране были столь сильны, что этим легко может быть объяснена та политика, которую проводили на Баллплац. Когда речь идет о Центральных державах, то единственная историческая проблема, требующая разрешения, это вопрос о том, почему Германия в противоположность своей позиции во время Балканских войн на этот раз скорей подстрекала Дунайскую монархию, нежели ее сдерживала.

---

[1] См., например, F a y, 2 Bd., S. 198.

[2] См. поразительное высказывание Тиссы по поводу смерти Франца-Фердинанда, приведенное у W e n d e l, S. 646: «Господь бог этого желал, и мы за все должны быть благодарны господу богу».

[3] См. об этом также у W e n d e l, S. 640.

[4] Тщательный анализ политической эволюции Тиссы содержится в книге F a y, S. 188 ff. u. S. 224 ff. Данная Каннерсом характеристика Тиссы (S. 233 ff.) как лукавого царедворца мне представляется весьма плоской.

* Согласно сообщениям французского посланника в Белграде Деско (DD, 3-me serie, vol. 10), эти настроения стихийно повели к установлению суровой антисербской диктатуры, особенно в Боснии. Как видно из переданных посланником выступлений сербских газет, в этом деле между собой соревновались триалистически настроенные «Франкоци» (сторонники депутата Франка-Аграм) и еврейские журналисты в Вене и Будапеште. Далее, в DD (например, № 514 в том же томе) воспроизведены сообщения о падении курсов на венской бирже, причем знаменательно, что оно началось в тот самый день, когда Германия обещала венскому правительству свою поддержку против Сербии. См. также A l b e r t i n i, 2 Bd., S. 125 ff.

** Французская дипломатия отметила (по DD, 3-me serie, vol. 10, № 463, д'Апшье де Манжэн — Вивиани, 30 июня 1914 г.), что существовало известное сходство между Францем-Фердинандом, отцом прославянского триализма, и столь ненавистным ему сильным человеком — Тиссой, который пытался примирить венгров своего сословия с соседними и угнетенными национальностями. См. также A l b e r t i n i, Bd. 2, S. 130 ff., S. 171 ff.

Характер и причины германской вражды к России в канун войны

С момента цаберпской аферы, явившейся символом заката Германской империи в связи с обострившимся внешнеполитическим положением, военщина все крепче держала кайзера в руках[1]. Его крайнее непостоянство в молодом возрасте, приводившее в отчаяние дипломатию периода Гольштейна, сменилось перед войной упрямой ожесточенностью, которая политически, пожалуй, была еще опаснее. При медленной смене настроений кайзера лица, пользовавшиеся временным влиянием на императорскую особу, могли рассчитывать, что это влияние окажется более длительным и постоянным, нежели прежде*.

Зимой 1913/14 года кайзер гораздо сильнее, чем когда-либо, чувствовал свое превосходство над дипломатами. Проникнутые беспокойством доклады его генерального штаба вызывали у него приступы настоящей ярости: «Я как военный,— записал он в марте 1914 года,— на основании всех имеющихся у меня сведений не испытываю ни малейшего сомнения в том, что Россия систематически готовит против нас войну, и я соответственно направляю свою политику»[2]. Незадолго до этого он отметил: «Русско-прусские отношения раз навсегда мертвы. Мы стали врагами»[3].

Вслед за кайзером и германская дипломатия в конечном счете все более подпадала под влияние если не армии, то доводов военного характера. С растущим беспокойством Бетман и Ягов наблюдали за вооружениями Российской империи. С тех пор как весной 1914 года в Париже шумно чествовали английского короля и королеву, неизменно поступали сведения об укреплении Антанты и о русско-английском морском соглашении. Русский колосс не только явно вооружался, но, видимо, приобретал и все большее политическое влияние. Когда вскоре после Сараево германский посол в Лондоне князь Лихновский проезжал через Берлин, он обнаружил, что ведомство иностранных дел крайне озабочено русскими вооружениями и состоянием торговых переговоров с Россией[4]. Противодействие войне с Россией явственно ослабло.

Никто в Германии и не думал об отказе от германских позиций на Проливах; если же Германия не желала принести в жертву Австрию и Проливы, то война была в конце концов неизбежна. Католицизм и почти всю Южную Германию того периода уже с давних пор можно было считать более или менее открытыми врагами России; это относится и к аграриям, по крайней мере после новых русских угроз торговой войной. Но и те группы немецкого финансового капитала, которые не сталкивались прямо с российским империализмом на Ближнем Востоке, а также немецкая экспортная промышленность чувствовали, что с некоторых пор русские теснят их все сильнее. Диспропорция между экономическим и политическим удельным весом центральноевропейского империализма непрестанно увеличивалась.

[1] Проницательный Ж. Камбон сразу определил, что цаберпская афера является переломным моментом (S t i e v e, op. cit., III, S. 308, Извольский—Сазонову, 4 декабря 1913 г.).

[2] Пометка кайзера в GP, 15844, Пурталес — Бетману, 11 апреля 1914 г.

[3] Пометка кайзера в GP, 15841, Пурталес — Бетману, 25 февраля 1914 г.

[4] F ü r s t L i c h n o w s k y, Meine Londoner Mission, в листовках организации «Bund Neues Vaterland», Berlin 1919, S. 27.

* О психологической эволюции Вильгельма II в месяцы, предшествовавшие началу войны, много материала содержит DD, 3-me serie, особенно vol. 10; поучительным, в частности, является доклад Клобуковского Вивиани от 24 июня 1914 г. о наблюдениях бельгийцев над кайзером: «Guillaume II... traverse en moment et par intermittence une crise de neurasthenie...» В докладе говорится, что советчики толкают к войне миролюбивого от природы кайзера, используя его ревность в связи с растущим влиянием кронпринца как главы военной партии и побуждая монарха принимать рискованные решения, за которые он не в состоянии отвечать.

Настроение в Германии становилось все более озлобленным и раздраженным*. Нет дыма без огня: если немецкая печать постоянно обсуждала вопрос, является ли Германия воинственной страной[1], если высшие офицеры в официальных выступлениях предсказывали, что война наступит в 1914 году[2], то все это были признаки опасного повышения давления в котле. Уже давно улетучились все традиции дружбы с Россией, оставшиеся от бисмарковских времен; за несколько недель до выстрела в Сараево в журнале «Прейссише ярбюхер» появилась статья русского профессора Митрофанова, который анализировал характер экономического и политического стремления к Проливам русского феодального империализма и с редким прямодушием осмелился сказать, что в связи с позицией, занятой Германией по ближневосточному вопросу, путь России в Константинополь ведет через Берлин[3]. Отвечая Митрофанову, университетский профессор, знаменитый историк Ганс Дельбрюк сделал вид, что никогда и в руках не держал третью главу «Мыслей и воспоминаний» Бисмарка; он рассуждал так, словно основные законы политического мышления теряют силу, когда подает сигнал кайзер, свистят багдадские локомотивы, курится ладан и звучит торжественный марш Радецкого. Крупнокапиталистическая публицистика была далека от того, чтобы, опираясь на социологическое понимание русской политики, признать ее относительную обоснованность, а из этого в свою очередь сделать вывод о необходимости изменить германский политический курс в отношении России. Вместо этого крупнокапиталистические публицисты старались с помощью балтийских наставников использовать эту тему, чтобы убедить самих себя в обоснованности германской ближневосточной политики и доказать необходимость иметь дьявола для изгнания черта, для чего и малевали черта самыми страшными красками на фоне детальной картины ада. Этим занимался, например, еженедельник «Великая Германия», который издавался Эрнстом Екком, заслуженным специалистом по рекламированию германской политики на Ближнем Востоке. Название журнала уже само по себе свидетельствовало о том, как сильна была склонность к уступкам романтически-пангерманской мировой политике среди кругов, близко стоявших к ведомству иностранных дел еще во времена Кидерлена; в этом журнале анализировал и атаковал российский империализм Пауль Рорбах[4], который после выхода его книги «Немецкая идея в мире» мог выступать в качестве своего рода официозного идеолога германского империализма.

В этот период, кроме балтийских немцев, таких, например, как Рорбах, в конфликт были втянуты и германцы по ту сторону Балтийского моря. В Швеции, являвшейся базой снабжения рудой германской тяжелой индустрии, где возникали опасения по поводу возможных последствий германского поражения и, конечно, давал себя знать еще больший страх перед политическими последствиями русской победы, Свед Гедин повел энергичную империалистическую агитацию[5]. С самого начала масштабы империалистической борьбы были таковы, что она распространилась на все области мировой политики. Экономические связи, которые завязал за океаном наступающий

---

[1] См. Nippold, op. cit., S. 35.

[2] Ibid., S. 32. Труд Ниппольда неприятен немецким исследователям, занимавшимся вопросами об ответственности за войну, и поэтому ему уделяют мало внимания. Его работа действительно содержит многочисленные ошибки; однако автор, консервативный ученый и знаток международного права, являвшийся как председатель Общества международного сотрудничества доверенным лицом наиболее влиятельной интеллигенции того времени, заслуживает серьезного отношения, и нельзя игнорировать его мнение.

[3] Митрофанов и Дельбрюк в «Прейссише ярбюхер» за июнь 1914 г.

[4] «Das Grössere Deutschland, 5. u. 19.4. sowie 10.5.1914.

[5] См., например, IB, I, 1, № 343, Розен — Сазонову, 2 февраля 1914 г., и 1, 4. № 306 и № 308, Неклюдов — Сазонову, 8 июля 1914 г.

* В этой связи большой интерес представляют доклады Ж. Камбона и французского военного атташе Серре в первой половине 1914 г. (DD, 3-me serie, vol. 9); эти доклады регистрируют растущую идеологическую готовность Германии к войне.

германский капитализм, он в свою очередь использовал для того, чтобы повлиять на исход борьбы за Дарданеллы. Российский посол в Токио горько жаловался, что германское телеграфное агентство, газета «Джапан дейли геральд», германская «Джапан пост», подстрекаемые германской дипломатией, выступают против России[1].

Несомненно, что в Петербурге все чаще считалось признаком хорошего тона проявлять ненависть к немцам, а в Берлине — к русским. Германский империализм, деятельность которого распространялась на все моря и материки, считал, что имеет право расширять свои мастерские и родной немецкий дом, располагаясь, где ему вздумается, даже если он лишает соседей света и воздуха. Крики русских по поводу закрытия Проливов воспринимались как дерзость или упрямство. Возможность применения русскими репрессий против экспорта германской тяжелой промышленности и германской торговли способствовала возникновению подобия антирусской партии именно среди буржуазных элементов в ведомстве иностранных дел, отвергавших — быть может, еще решительнее, чем их феодальные коллеги, — мысль об отказе от промышленного и империалистического наступления в Малой Азии. Немецкий католический публицист д-р Виктор Науман, считавшийся полуофициозным лицом, непосредственно после Сараево всеми силами подстрекавший Баллплац к войне против Сербии, ссылался при этом совершенно определенно на настроения ведомства иностранных дел, где в согласии с некоторыми военными и морскими кругами считали, что даже превентивная война против России не вполне исключена.

Этот поворот в настроениях Вильгельмштрассе Науман связывал частично с сообщениями бывшего германского консула в Москве, который враждовал с русскими, будучи проводником германской торговой политики, а в это время уже занимал пост советника-докладчика. Науман тогда уверял в Вене, что под впечатлением информации бывшего консула в Москве руководитель политического отдела ведомства иностранных дел Вильгельм фон Штумм склонился к мысли о войне с Россией[2]. Между тем рейнско-вестфальская тяжелая промышленность тогда относилась к Англии более враждебно, чем к России, и ее руководящие печатные органы — «Рейниш-Вестфелише цейтунг» и «Пост» — в политическом согласии с находившимся в Шульс-Тараспе статс-секретарем фон Тирпицем до последней минуты противились войне из-за Австрии[3]. Наоборот, саарская промышленность при ее незащищенной позиции, судя по настроениям г-на фон Штумма, принадлежавшего к этой группировке в качестве главного акционера металлургического предприятия «Дилингер»[4], считала, что мирное разрешение возникших конфликтов вскоре станет невозможным. Это мнение разделял весь немецкий католицизм, а также демократические и финансово-капиталистические круги, особенно в Южной Германии, которые, правда, включились в кампанию лишь к концу месяца, после того как Сербии был предъявлен австрийский ультиматум. Как в прошлом константинопольский корреспондент «Франкфуртер цейтунг» Пауль Вайц представлял в публицистике ближневосточный германский империализм эры Маршалла[5], так теперь венский агент этого органа

---

[1] См. IB, I, 1, № 351, Малевский — Сазонову, 22 февраля 1914 г.

[2] См. ÖA, 9966, запись графа Хойоса, 1 июля 1914 г. В согласии с Лютцем (L u t z, Gutachten, S. 492 f.), я не вижу причин сомневаться в правильности этой записи. Тогда в Берлине распространялись и другие воинственные заявления, сделанные фон Штуммом в феодальном Унион-клубе. Позднее Штумм опроверг их в К-ВМ по форме, но не по содержанию.

[3] См. R e i s s m a n n - G r o n e, op. cit., S. 80 ff.

[4] R. M a r t i n, Jahrbuch der Millionäre im Königreich Preussen, статья Вильгельма фон Штумма. В приводимых данных Мартин опирается на официальный материал об акционерных обществах.

[5] См., например, N i p p o l d, op. cit., S. 15.

биржи и оптовой торговли поспешно отправился из германского посольства в Вене на Балльплац, чтобы подстрекать Австрию к войне[1].

Рывок к войне

При таких обстоятельствах ничуть не удивительно, что и в Германии получила признание официальная австрийская идеология, согласно которой сохранность империи можно обеспечить только с помощью войны против Сербии. Учитывая урок, полученный во время балканских войн, приведших к разногласиям с Германией, дипломатия австро-венгерской монархии обратилась в Берлин за поддержкой и послала туда одного из своих дипломатов с приуроченной к моменту памятной запиской от 24 июня и собственноручным посланием императора. Вильгельм II ответил, как в ноябре 1913 года, что в борьбе против Сербии он поддержит австрийцев, даже если бы дело дошло до войны с Россией[2]. Примчавшийся вслед за этим из своего имения канцлер, поддержанный буржуазными элементами в ведомстве иностранных дел[3], предоставил австрийцам знаменитые неограниченные полномочия[4], благодаря которым война Австрии с Сербией стала неизбежной, а война Центральных держав с Россией возможной и даже вероятной[5]. Убежденные в том, что решающее столкновение с Россией непременно наступит, и не желая в последнюю минуту его избегать ценой сдачи своих позиций на Ближнем Востоке, германские империалисты решили не выжидать до тех

[1] См. ÖA, 10038, доклад о беседе с корреспондентом «Франкфуртер цейтунг» Гансом («Ганц») от 4 июля 1914 г. Ганс заявил, что был принят германским послом и тот настойчиво, несколько раз повторил (очевидно, с той целью, чтобы он, Ганс, передал его высказывания ведомству иностранных дел), что Германия поддержит австро-венгерскую монархию до конца, любой ценой, что бы она ни решила предпринять против Сербии. Чем раньше Австрия выступит, тем лучше... Даже если германская пресса, сегодня целиком настроенная против Сербии, вновь будет призывать к миру, это не должно вводить в заблуждение Вену. Кайзер и империя, безусловно, останутся на стороне Австро-Венгрии. Откровеннее одна великая держава не могла бы говорить с другой державой... Чиршки, большой сноб, правда, всегда старательно выполнявший поручения, был в почете у высшей аристократии Вены, а это в свою очередь льстило самолюбию Вильгельма II как покровителя его «верной Мимилэ». Видимо, этот интриган в соответствии со своим служебным долгом официально как во время Балканских войн, так и теперь старался поначалу успокоить Балльплац, но тайно подстрекал австрийцев (см. также L u t z, Gutachten, S. 47 ff.); во всяком случае, Чиршки явно почувствовал облегчение, когда Берлин, или кайзер, позволил ему занять позицию, при которой он мог уже открыто высказать свое личное мнение.

[2] См. ÖA, 10058, Седьени — Берхтольду, 5 июля 1914 г. Этот эпизод, конечно, подробно описан в исследованиях об ответственности за войну, например у Шмитта, Файя, Фишера, Каннера и т. п.

[3] Согласно частной информации одного исследователя, Циммерман, весьма враждебно относившийся к России, даже приписывал себе главную заслугу в том, что события приняли такой оборот.

[4] Литература по этому вопросу имеется, в частности, у Люца (L u t z, op. cit., S. 33).

[5] Люц (L u t z, op. cit., S. 31 f., Anm.) пытается с помощью ряда данных доказать, что на Вильгельмштрассе никто не верил в возможность активного вмешательства России. Но все эти доказательства не дают объективной картины по той причине, что за 1914 г. приводятся исключительно высказывания германских дипломатов в беседах с иностранцами, которым уже по тактическим соображениям нельзя было сказать, что нужно считаться с возможностью вмешательства России в результате выступления Австрии против Сербии. Из цитируемого самим Люцем письма Бетмана Берхтольду от 10 февраля 1913 г. (GF, 12818) особенно ясно видно, что Бетман прекрасно понимал, что означает для мировой политики в целом война Австрии против Сербии, а важное сообщение Седьени от 12 июля 1914 г. подтверждает, что и в этот момент германские политики столь же хорошо понимали смысл происходящего. Тем не менее возможно, что некоторые дипломаты, и особенно Бетман, втайне надеялись, что Россия, может быть, все-таки не при всех обстоятельствах проявит готовность участвовать в мировой войне. Во всяком случае, со стороны германских политиков это была более чем опасная игра.

пор, пока Австрийская империя, это единственное и последнее оружие Германии против России, будет изъедена ржавчиной, а русская сабля, напротив, будет окончательно отточена. Решения, принятые 5 и 6 июля 1914 года, означали попытку совершить насильственную внешнеполитическую революцию на всем пространстве от Берлина до Багдада, не считаясь с тем, что мир может превратиться в развалины[1].

Пока на Вильгельмштрассе с величайшим нетерпением ждали, когда же наконец Австро-Бенгрия выступит в поход против Сербии[2], на Балканах были осуществлены важные предпосылки для германо-австрийской акции, выработанной в ночь с 5-го на 6-е июля и предусматривавшей присоединение Болгарии к Центральным державам, чему Германия так долго препятствовала. Против Сараево российский посланник в Софии пустил в ход самые крайние средства, чтобы как-нибудь все же добиться передачи болгарского займа Антанте.. Состязаясь с Центральными державами, беззастенчивый русский дипломат посулил болгарам золотые горы, если они с божьей помощью заключат в Париже сделку о займе и закажут там большое количество военного снаряжения. На случай неудачи посланник уже договорился с оппозицией. Когда наконец 12 июля пришло известие, что в Берлине заключена сделка о займе*, русский посол словно обезумел: самое меньшее, чего он требовал, это чтобы в Париже тотчас же был наложен арест на часть сумм, принадлежавших Болгарии, поскольку она задолжала деньги французам[3]. Во время переговоров о займе София жила под знаком революции; 15 июля, когда в Собрании обсуждался вопрос о займе, по городу циркулировали патрули; между тем в парламенте происходила дикая свалка с беснующейся оппозицией; премьер-министр Радославов вынужден был защищаться с револьвером в руках, пока наконец друзья не вытащили его из толпы[4]. При несмолкающем шуме было объявлено, что заем «принят», и 17 июля царь Фердинанд подписал договор[5].

Таким образом, раньше чем был отправлен подготовленный за кулисами австро-венгерский ультиматум Сербии и за пять дней до того, как президент Пуанкаре вместе с министром иностранных дел Вивиани нанес свой знаменитый визит в Петербург — визит, правда, уже давно подготавливавшийся, но при сложившихся обстоятельствах получивший особое значение,— Центральные державы добились большого успеха в открытом финансовом сражении с Антантой и вырвали среднее звено из цепи укреплений противника на Балканах. Бедь в создавшихся условиях не подлежало сомнению, что болгарский заем имел не только экономическое, но в первую очередь политическое значение; и действительно, непосредственно после заключения финансовой сделки австрийская дипломатия выступила с проектом политического союза[6].

Между тем провал финансовой сделки все же не был подходящим и удачным поводом для войны: ведь Антанта не могла призывать свои народы к оружию на том основании, что банкирский дом Перье лишился комиссионного вознаграждения по запроектированному французскому займу для Болгарии. В общем, за последние годы международное положение настолько

---

[1] См. ÖA, 10076, Седьени — Берхтольду, 6 июля 1914 г.

[2] См. ÖA. 10127, Седьени — Берхтольду, 8 июля 1914 г.

[3] См. IB, I, 4, № 189, Савинский — Сазонову, 12 марта 1914 г.

[4] См., в частности, яркое описание в IB, I, 4, № 298, Савинский — Сазонову, 20 июля 1914 г.

[5] См. Schulthess, 1914, S. 901.

[6] См. также IB, I, 4, № 310/11, Савинский — Сазонову, 21 июля 1914 г.

* О переговорах Болгарии с берлинскими финансовыми кругами имеется материал и в DD, 3-me serie, vol. 10, например № 486, 492, 517 ff. Надо подчеркнуть большое значение германского согласия на австрийскую программу действий на Ближнем Востоке выходившую далеко за рамки сербской проблемы. См. также A l b e r t i n i, op. cit., vol. 3, p. 551 ff.

сильно изменилось не в пользу Центральных держав, что русско-французский империализм твердо решил нигде не отступать ни на шаг, не допуская даже малейшего сужения своей позиции в целом. Таким образом, когда Пуанкаре вместе с Вивиани прибыл в Петербург, он был непоколебимо убежден, что огромная предварительная политическая работа принесла свои плоды. (Поэтому он дал своему послу и закадычному другу Морису Палеологу инструкции уговорить русских и призывать их держаться «твердо» перед лицом надвигающейся бури[1].) В результате Сазонов на сей раз, в отличие от прошлых лет, смог занять такую позицию в отношении Центральных держав, при которой он был избавлен от новых упреков в слабости со стороны правящих кругов России и партии великого князя. С того момента как в Петербурге закончилась военно-феодально-империалистическая церемония, связанная с французским государственным визитом, события развивались безостановочно. Петербург был подготовлен, но и Центральные державы были настороже, готовясь к прыжку; через час после того, как линейный корабль «Франция», имея на борту президента Пуанкаре и его «министерский мундир» — Вивиани, отчалил от русских берегов, австро-венгерская дипломатия вручила сербам угрожающую ноту с требованием дать ответ в течение сорока восьми часов. Это и был знаменитый ультиматум.

С отчаянной быстротой гигантские чудовища двигались друг другу навстречу. Сербский вопрос повел к испытанию сил империализма, борющихся между собой. Австрийский ультиматум требовал согласия на вмешательство в полномочия верховной власти в Сербии, нарушения сербского суверенитета. Российское правительство заранее и со всей твердостью отвергло эти покушения. Следовательно, в дипломатической плоскости дело, собственно, заключалось в краткой, но энергичной борьбе за сохранение Сербии как государства. В ходе всех перепетий этой борьбы российская дипломатия стремилась всевозможнейшими средствами защитить сербский суверенитет. Когда Австро-Венгрия объявила войну Сербии, Россия убедилась, что ей не удастся добиться своих дипломатических целей мирными средствами, и с этого момента повела дело к войне[2].

Многочисленные обвинения по адресу русской политики, в сущности, основаны на том, что Сазонов вступил на этот путь и что он ради урегулирования вопросов, которые, с точки зрения некоторых лиц, имели второстепенное значение по сравнению с совокупностью больших европейских проблем, приложил руку к тому, чтобы зажечь пожар в Европе*. С моральной точки зрения эту политику, безусловно, можно оценивать по-разному, но ее, как и всякое историческое событие, можно понять только в общей политической и социологической связи.

Для России положение сложилось более благоприятно, чем когда-либо раньше: не только Франция неизменно предлагала ей свою поддержку**,

[1] Существенным доказательством служит и сегодня (1932) книга Палеолога (P a l é o l o g u e, op. cit., vol. 2, p. 10); записи от 22 июля (стр. 22) и 26 июля (стр. 27) свидетельствуют, как точно выполнял посол упомянутые требования Пуанкаре***.

[2] См. L u t z, Gutachten, S. 265.

* Автор лично не может, конечно, согласиться с мнением, что в данном случае речь шла о второстепенных вопросах. После того как Сербия пошла так далеко, что приняла оскорбительно сформулированный австрийский ультиматум вплоть до второстепенных пунктов, Сазонову с точки зрения международно-правовой этики трудно было поступать иначе, чем он поступил.

** Все, что в этой связи может быть сказано против французской политики, собрано у A l b e r t i n i, op. cit., vol. 3, p. 138 ff.

*** Тем не менее нельзя говорить о намерении Франции вызвать мировую войну. Инструкции Пуанкаре Палеологу вряд ли выходили за пределы стремления избегнуть дипломатического поражения в результате ослабления «Тройственного согласия»; документы (DD, 3-me serie, vol. 11) свидетельствуют об удивлении и растерянности Парижа в связи с трюком Центральных держав, вручивших Сербии ультиматум в тот момент, когда Пуанкаре и Вивиани совершали поездку по морю. О пребывании Пуанкаре в Петербурге см. также A l b e r t i n i, op. cit., vol. 2, p. 197 ff.

но и сэр Эдуард Грей, стремясь сгладить трения в Азии между Россией и Англией, проявлял большую предупредительность в Петербурге, сделал там весьма опасные заявления и в противоположность периоду 1912—1913 годов оказывал давление почти и исключительно на Центральные державы, а не на Россию. В такой момент российский министр иностранных дел имел меньше оснований, чем когда-либо, идя на уступки Центральным державам, портить свои отношения с партией великого князя и со всем русским феодальным милитаризмом, который благодаря русским вооружениям приобретал все большую силу и сверг бы всякого министра иностранных дел, посмевшего в этих условиях оставить Сербию на произвол судьбы. Таким образом, российская дипломатия непреклонно настаивала на сохранении суверенитета Сербии, хотя она, возможно, и надеялась, в сущности, что Австро-Венгрия проявит уступчивость, между тем как сливки петербургского феодального милитаризма опасались уступчивости противника в такой же мере, в какой Вена опасалась дипломатической капитуляции Сербии; военная партия при царском дворе в Петербурге сумела добиться того, что за несколько часов до истечения срока ультиматума была послана в Белград телеграмма, подстрекавшая сербов отвергнуть австрийские условия[1]. Российский феодальный милитаризм, по существу больше занятый Азией и особенно Персией, где он как раз вступил в спор с Англо-Персидской нефтяной компанией, перешел в наступление против Центральных держав из-за Проливов. Так человек, занятый работой у себя в саду, оставляет ее, чтобы удалить неприятного посетителя, стоящего у входа в дом.

Такое развитие событий в конце концов можно было предвидеть, но политика Вены в те дни всячески провоцировала эти рискованные события. Вплоть до 27 июля Берлин всемерно защищал и стимулировал эту венскую политику. С момента предъявления ультиматума эти правительства могли рассчитывать на моральную поддержку народных масс, особенно католицизма и демократии[2]. Понятно, что массы ничего не знали о закулисных переговорах. Но, с другой стороны, решительная позиция масс служила опорой для правительств. Все предложения о посредничестве, которые Эдуард Грей передавал по телеграфу через Канал, разбивались о непреклонную решимость центральноевропейского империализма не потерпеть иностранного вмешательства в его попытки путем подавления Сербии улучшить свои позиции по отношению к «Тройственному согласию». Когда же под впечатлением все более определенных сообщений о том, что Англия ни в коем случае не останется нейтральной, Берлин наконец захотел остановить игру, чтобы не проиграть всю партию, на другой стороне, в России, уже была объявлена

---

[1] См. важные констатации Вегерера в К-ВМ, 1930. Закулисные пружины этого шага в Белграде в деталях не ясны, в целом же речь идет, несомненно, о влиянии русской партии великого князя.

[2] Рейсман (Рейсман — Гроне, стр. 83 и далее) цитирует ряд типичных высказываний прессы в обоих лагерях. Так, «Эссенер фольксцейтунг» писала: «Мы еще надеемся, что удастся избежать мировой войны, но нужно констатировать, что и перед такой возможностью народ не отступит. Если уж дело должно дойти до пробы сил между группировками держав, то момент настолько благоприятен, что у нас нет никаких оснований, чтобы трусливо уклоняться... Надо ковать железо, пока оно горячо». «Кёльнише фольксцейтунг» уже 1 июля назвала двойное убийство в Сараево националистическим преступлением против германцев, а «Тремония» в тот же день требовала, чтобы в случае возможного столкновения с Сербией и Россией Германия при всех обстоятельствах поддержала Австрию. «Аугсбургер постцейтунг» утверждала, что на благо человечества будет наконец произведена операция. «Эссенер фольксцейтунг» писала 26 июля: «Австрия идет на все. Бояться не приходится. Итак, вперед». Достаточно хорошо известно, что и демократическая печать после ультиматума решительно призывала к войне против Сербии и выступала единым фронтом против России; Рейсман (R e i s s m a n, op. cit., S. 86) указывает на тот интересный факт, что газеты финансового капитала в конце концов атаковали «пацифистскую» коалицию социал-демократов и тех газет тяжелой промышленности, которые выступали против войны с Россией.

частичная мобилизация против Австрии, а этого в свою очередь было достаточно, чтобы германский генеральный штаб зашел так далеко, что совершенно самовольно и за спиной руководителей германской дипломатии предложил Вене объявить всеобщую мобилизацию. Это обстоятельство в сочетании с абсолютно непримиримой политикой Вены привело бы к всеобщей мобилизации в России и к мировой войне[1], даже если бы российский генералитет и русская дипломатия, обеспокоенные возможностью германского нападения на русские армии, двинутые по направлению к Австрии, сами не вырвали у царя приказ о всеобщей мобилизации.

Но война как таковая начинается не в результате политических и стратегических мероприятий, проведенных за последние сорок восемь часов, и наоборот, она может возникнуть на почве подобных проблем милитаристской техники только в том случае, если за этими проблемами стоят социальные и политические силы, интересы которых скрещиваются. С этой точки зрения можно говорить лишь о разнице в степени между событиями, приводящими к войне, и прочими событиями политической жизни, еще оставляющими возможность компромисса между противоречивыми интересами.

Поскольку интересы обороны и империализма неразрывно связаны между собой, причем законная потребность наций в обороне используется для своих целей теми кругами, которые стремятся организовать империалистическое наступление (а они-то обычно и управляют государством), то в подобные исторические моменты среди широких слоев империалистических наций создается представление, будто они борются лишь ради обороны. Поэтому с того момента, как империалистические трения уже привели к войне, на ходе событий сказалась потребность отдельных народов в защите своей страны. Тогда и получилось так, что все нации в конечном счете вступили в войну с твердым убеждением, что они защищают свое отечество. «Если мы в Германии хотим вести войну, полностью используя все наши национальные силы,— сказал Бисмарк,— то это должна быть народная война, это должна быть война, ведущаяся с энтузиазмом, как в 1870 году, когда на нас подло напали»[2]. Однако почти нигде правящие классы не подумали о том, во что может превратиться такая народная война, такое массовое восстание ради обороны, в результате происшедшей за это время эволюции.

В условиях тесного переплетения международных экономических связей даже победоносная война означает всеобщее обнищание. С экономической точки зрения войну по ее последствиям можно уподобить введению высоких покровительственных пошлин в отдельных государствах, что приводит к гипертрофированному расцвету индустрии держав — участниц войны, да и других стран, но и к глубокой дезорганизации мирового капиталистического порядка в целом. Однако совершенно невозможно учесть последствия, которые несет за собой поражение, особенно таким странам, как Германская империя, иными словами, такой стране, которая заинтересована в промышленном экспорте сильнее, чем какая-либо другая держава на континенте, и, нуждаясь в гораздо большей степени, чем всякое другое государство, в расширении своей империалистической позиции, тем самым должна вдвойне болезненно ощущать сужение своего прежнего жизненного пространства.

Возможность подобной катастрофы возросла в огромной мере в результате империалистической политики «маятника». Внешнеполитическая констелляция 1914 года и участие Англии в войне, которое на Вильгельмштрассе чудовищным образом не предусмотрели, несмотря на Альхесирас, Марокко и неприязнь последних десяти лет,— все это было обусловлено внутринемецким капиталистическим, империалистическим развитием в течение десяти-

[1] См. Lutz, Gutachten, S. 232 f., 236 f., 246 f.
[2] Бисмарк в рейхстаге, 6 февраля 1888 г.

летий. Широким массам еще казалось, что они ведут оборонительную войну, но тем временем сменился фундамент, на котором строилась старая идеология обороны. Империализм распространился во всех направлениях, все чаще принося в жертву общее благополучие интересам маленькой, но всесильной группы. Однако именно это обстоятельство и подготовило перелом. Уже давно колосс стоял на глиняных ногах. Не только безудержная политика «маятника», но и постоянное обращение за поддержкой ко всему обществу должно было в один прекрасный день привести к неизбежной расплате. Вильгельминизм уже не был в состоянии избавиться от духов, которых сам вызвал. После того как народные силы были развязаны, они уже больше не позволили снова связать себя. Так дело дошло до того, что одновременно оправдались два великих пророчества, с которыми два политических антипода гогенцоллерновской эры — Отто фон Бисмарк и Август Бебель, каждый на определенном этапе своей жизни,— выступили перед германским рейхстагом.

Князь Бисмарк в рейхстаге, 6 апреля 1878 года:

«Войну, в которую мы вступили бы не по воле народа, такую войну можно вести, если в конечном счете приказом правительства она будет признана необходимой и будет объявлена. Ее можно вести даже с большим мужеством и, вероятно, победоносно, после того как войска введены в бой и пролита кровь. Однако по своей природе подобная война не может вызвать такой подъем и такой пыл, какой вызвала бы война, если бы на нас напали. Тогда вся Германия от Мемеля до Боденского озера взорвется, как пороховая бочка, и ощетинится штыками, и никакой враг не осмелится поравняться с этим furor teutonicus, который себя проявит в случае нападения».

Август Бебель в рейхстаге, 9 ноября 1911 года:

«Может случиться и так, как случилось в отношениях между Японией и Россией. В один прекрасный день одна из сторон скажет: так дальше дело не пойдет. Она может также сказать; стоп, если мы еще будем выжидать, тогда нам будет худо, тогда мы будем более слабыми, вместо того чтобы стать более сильными. Тогда настанет катастрофа. Вот тогда во всей Европе забьют тревогу, и по этому сигналу цвет нации в различных странах, от 16 до 18 миллионов мужчин, вооруженные самыми совершенными орудиями убийства, как враги, двинутся в поход друг против друга.

Однако, по моему убеждению, за этим громким боевым сигналом последует громкий скандал. (*Смех.*) ...Да, конечно, вы уже однажды смеялись по этому поводу, но скандал будет, он только отсрочен. (*Оживление.*) Это случится не по нашей вине, а по вашей собственной... Вы доводите положение до крайности... Вы сейчас близки к тому, чтобы похоронить свой собственный государственный и общественный строй... Каков будет результат? За этой войной последует массовое банкротство, массовая нищета, массовая безработица, великий голод. (*Возражения на скамьях правых депутатов.*) Вы это оспариваете? (*Возглас справа*: «После каждой войны становится лучше!»)»

БИБЛИОГРАФИЯ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ, ПРИЛОЖЕННЫЙ АВТОРОМ

(Как уже указывалось на стр. 32, вся подготовленная автором библиография была утеряна. Приведенный ниже перечень цитированной в книге литературы служит главным образом для того, чтобы облегчить читателю наведение справок.)

Achmed Dschemal Pascha. Erinnerungen eines türkischen Staatsmannes. München 1922.
Albers P. Reichstag und Außenpolitik 1871—1879. Berlin 1927.
Albertini Luigi. Le Origini della Guerra Mondiale. 3 Bde. Mailand 1943.
Anderson Eugene N. The first Moroccan Crisis 1904—06. New York 1908.
Anderson Pauline. The Background of Anti-English Feeling in Germany 1890 to 1902. Washington 1939.
Anonym. Les Causes occultes de la question bulgare. Paris 1887.
Anonym. Die Diskontogesellschaft 1851 bis 1901. Berlin 1901.
Anonym. Hinter den Kulissen des französischen Journalismus. Berlin 1925.
Anrich E. Die Jugoslavische Frage und die Julikrise 1914. Stuttgart 1931.
Ashley M. P. Financial and Commercial Policy under the Cromwellian Empire. Oxford 1934.
Askew William C. Europe and Italy's Annexation of Libya 1911—12. Duke University 1942.
Aster Ernst von. Die Französische Revolution in der Entwicklung ihrer politischen Ideen. Leipzig 1926.
Auffenberg-Komarow von. Oesterreichs Höhe und Niedergang. München 1921.

Bachem Karl. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der deutschen Zentrumspartei 1815—1914. 9 Bde. Köln 1932.
Barlow Ima Christina. The Agadir Crisis. Chapel Hill [N. Carolina] 1940.
Basdarow G. Die Mazedonische Frage. Wien 1925.
Beard Charles A. The economic interpretation of the American Constitution. New York 1913.
Becker Otto. Das französisch-russische Bündnis. Berlin 1925.
Becker Willy. Fürst Bülow und England. Greifswald 1929.
Beer George L. British Colonial Policy 1754—1765. New York 1933.
Bein Alex. F. Hammacher. Berlin 1932.
Bell Herbert C. F. Lord Palmerston. 2 Bde. London 1936.
Bérard Victor. La Turquie et l'Hellenisme. Paris 1904.
Bérard Victor. La France et Guillaume II. Paris 1907.
Berdrow Wilhelm. Alfred Krupp. 2 Bde. Berlin 1927.
Bergengrün Alexander. David Hansemann. Berlin 1901.
Bernhard Ludwig. Das polnische Gemeinwesen im preußischen Staat. Berlin 1907.
Bernstein Eduard. Sozialismus und Demokratie in der englischen Revolution. London 1930.
Bethcke Ernst. Politische Generäle, Kreise und Krisen um Bismarck. Berlin 1930.
Bismarck Otto von. Gedanken und Erinnerungen. 2 (später 3) Bde. Stuttgart 1898.
Bixler Raymond. Anglo-German Imperialism in South Africa 1880—1900. Columbus (Ohio) 1932.
Blaisdell Donald Christy. European financial Control in the Ottoman Empire. New York 1929.
Bloch Camille. Les socialistes allemands pendant la crise juillet. In: «Revue d'Histoire de la Guerre Mondiale» 1935.
Blunt W. Scawen. Secret History of the English Occupation of Egypt. London 1923.
Bodelsen C. A. Studies in Mid-Victorian Imperialism. Kopenhagen 1924.

Boghitschewitsch Dr. M. Die auswärtige Politik Serbiens 1903—1914. Berlin 1928 bis 1931.
Boissonade P. Colbert. Paris 1932.
Bonhard Otto. Geschichte des Alldeutschen Verbands. Leipzig 1920.
Borries Kurt. Preußen im Krimkrieg 1853 bis 1856. Stuttgart 1930.
Botha Ph. E. De Staatkundige Ontwikkeling van Suidafrikaanse Republik onder Krüger en Leyds, Transvaal 1844 bis 1899. Amsterdam 1926.
Bouniatian Mentor. Outlines of the economic history of England. London 1907.
Brandenburg Erich. Von Bismarck zum Weltkrieg. Leipzig 1924 (2. Aufl. 1939).
Brecht G. Italiens Dreibundpolitik 1870 bis 1890. Minden 1928.
Brentano Lujo. Geschichte der wirtschaftlichen Entwicklung Englands. 3 Bde. Jena 1927.
Brinkmann Carl. Englische Geschichte 1815—1914. Berlin 1924.
Brosch Moritz. Geschichte von England, in Heeren-Uckert, Geschichte des Europäischen Staatensystems, Bd. 6—9. Gotha 1890—95.
Brousse P. und Turot H. Consulat et Empire, Histoire socialiste 1789—1900. Hrsg. von J. Jaurés. Paris o. J. 4. Bd.
Bruneau Louis. L'Allemagne en France. Paris 1914.
Buckle F. W. by Ward-Gooch: The Cambridge History of British Foreign Policy. London 1922 ff.
Bülow Bernhard v. Denkwürdigkeiten. Berlin 1930—31.

Cambridge History, The, of the British Empire. 1929 ff.
Carnegie Endowment for International Peace: Report of the International Commission to enquire into the Causes and the Conduct of the Balkan Wars. New York 1913.
Caroll E. Malcolm. French Public Opinion and Foreign Affairs 1870—1914. New York 1931.
Cassel Gustav. Theoretische Sozialökonomie 1923.
Chlumecky Leopold Graf. Erzherzog Franz Ferdinand. Wien 1929.
Churchill Winston. Die Weltkrisis 1911 bis 1914 (deutsch). Leipzig 1924.
Clapham J. H. An Economic History of Modern Britain 1881—1914. Cambridge 1938.
Class Heinrich. Marokko verloren? München 1904.
Class Heinrich. Wider den Strom. Leipzig 1933.
Claus M. Das politische Frankreich vor dem Kriege. Karlsruhe 1928.
Combarieux A. Sept ans á l'Elysée. Paris 1932.
Conrad v. Hötzendorff Franz, Generalfeldmarschall, Aus meiner Dienstzeit. 5 Bde. Wien 1921—1925.
Corti Conte E. C. Alexander Battenberg, sein Kampf mit dem Zaren und Bismarck. Wien 1930.
Crispi Francesco. Memoiren, deutsch 1912.
Cunow Heinrich. Die Marxsche Geschichts-, Gesellschafts- und Staatstheorie. 2 Bde. Berlin 1921.
Cunow Heinrich. Allgemeine Wirtschaftsgeschichte. 4 Bde. Berlin 1926 ff.

Dalwigk zu Lichtenfels Reinhard von. Tagebücher 1860—1871, herausgegeben von Schüssler 1921.
Darmstädter Paul. Die Vereinigten Staaten von Amerika. Leipzig 1909.
Dehn Paul. Deutschland und die Orientbahn. München 1883.
Delaisi Francis. Le Patriotisme des Plaques Blindées (Krupp, Schneider & Co.). Paris 1913.
Delaisi Francis. Le Patriotisme des Plaques Blindées (L'Affaire Poutiloff). Paris 1914.
Demangeon Albert. Das Britische Weltreich. Berlin 1926.
Destler Chester M. Some Observations on Contemporary Theory. In: «American Historical Review», April 1950, p. 603 ff.
Deutsch, Harold C. The Genesis of Napoleonic Imperialism. Cambridge, Mass. 1938.
Diouritsch Georges. L'Expansion des Banques Allemandes á L'Etranger. Paris 1908.
Documents diplomatiques francais. Paris 1929 ff.
Dokumente, Britische amtliche, über den Ursprung des Weltkriegs 1898—1904, im Auftrage des Britischen Auswärtigen Amts hrsg. v. G. P. Gooch und Harold Temperley. Deutsche Ausgabe von H. Lutz. Bd. 1, 2, 11 Berlin: Deutsche Verlagsgesellsch. für Politik; die übrigen Stuttgart: Deutsche Verlagsanstalt.

Dokumente, Die französischen, über die Ursachen des Weltkrieges (1911—1914). Hrsg. von der «Kommission f. Veröffentlichung d. Dokumente zur Entstehungsgeschichte des Kriegs 1914 bis 1918». Deutsche Ausgabe, übers. u. hrsg. von Artur Rosenberg. Berlin: Hobbing (1930) ff.

Earle Edward M. Turkey, the Great Powers, and the Bagdad Railway. New York 1923.
Eckardstein Hermann Freiherr von. Lebenserinnerungen und politische Denkwürdigkeiten. 3 Bde. Leipzig 1919.
Eckardt Julius v. Berlin, Wien, Rom. Leipzig 1892.
Edwards W. H. Englische Expansion und deutsche Entfaltung als Faktoren im Welthandel. Jena 1916.
Eisner Kurt. Das Ende des Reichs. Deutschland und Preußen im Zeitalter der Großen Revolution. Berlin 1907.
Enthoven H. E. Van Tanger tot Agadir. Utrecht 1929.
Erdmannsdörffer Bernhard. Deutsche Geschichte 1648—1740. Berlin 1893.
Eschenburg Theodor. Das Kaiserreich am Scheideweg: Bassermann, Bülow und der Block. Berlin 1929.
Esslen Josef Bergfried. Die Politik des auswärtigen Handels. Stuttgart 1925.
Eyck Erich. Bismarck, Leben und Werk, 3 Bde. Zürich 1941—44.
Eyck Erich. Das Persönliche Regiment Wilhelms II. Politische Geschichte des Deutschen Kaiserreichs 1890—1914. Zürich 1948.

Fay Sidney B. The Origins of the World War. 2 Bde. New York 1929.
Feder Ernst. Bismarcks großes Spiel (Die Aufzeichnungen L. Bambergers). Berlin 1932.
Feder Ernst. Holsteins Börsenbriefe, Politik und Börsenspekulation unter dem Kaiserreich. Berlin 1925.
Feiler Arthur. Die Konjunkturperiode 1907—13. Frankfurt 1914.
Feis Herbert. Europe, the World's Banker. New Haven 1930.
Fischer Eugen. Holsteins großes Nein. Berlin 1925.
Fisher Lord John. Memoires. London 1919.
Fournière Eugène. Le régne de Louis-Philippe in Bd. 8 der Histoire Socialiste. Hrsg. von Jean Jaurés.
Fraknói Vilmos. Die ungarische Regierung und die Entstehung des Weltkrieges. Wien 1919.
Francke Otto. Deutschland und England in Ostasien. Hamburg 1914.
Francke Otto. Die Großmächte in Ostasien. Braunschweig 1923.
Frank Walter. Hofprediger Stöcker und die christliche soziale Bewegung. Berlin 1928.
Frankenberg Richard. Die Nichterneuerung des Rückversicherungsvertrags. Berlin 1927.
Fried Alfred. Handbuch der Friedensbewegung. Berlin 1911.
Fried Alfred. Der Kaiser und der Weltfrieden. Berlin 1910.
Fuchs C. F. Die Handelspolitik Englands und seiner Kolonien. Leipzig 1893.
Fürstenberg Hans. Die Lebensgeschichte eines deutschen Bankiers. Berlin 1930.

Garvin G. L. Life of J. Chamberlain, 3 Bde. London 1932—34.
Gérard Auguste. (französ. Botschafter), Ma Mission en Chine. Paris 1918.
Gerloff Wilhelm. Finanz- und Handelspolitik des Deutschen Reichs. Jena 1913.
Gewehr W. M. The Rise of Nationalism in the Balkans. New York 1931.
Giesche R. Ein serbischer Zugang zum Meer. Stuttgart 1932.
Glagau O. Der Börsen- und Gründungsschwindel in Deutschland. Leipzig 1877.
Goetz Walter. Briefe Wilhelms II. an den Zaren 1894—1914. Berlin 1920.
Goldschmidt C. Über die Konzentration im deutschen Kohlenbergbau, in: «Volkswirtschaftl. Abhandlungen der badischen Hochschulen», Heft 5. Karlsruhe 1912.
Goldschmidt H. Das Reich und Preußen im Kampf um die Führung. Berlin 1931.
Goldstein G. Die Entwicklung der deutschen Roheisenindustrie seit 1879. Halle 1908.
Goltz Colmar von der, Generalfeldmarschall. Denkwürdigkeiten. Berlin 1929.
Gooch George P. Before the War, Studies in Diplomacy, 2 Bde. London 1938.
Goss, Roderich. Gutachten. Das österreichische Problem bis zur Kriegserklärung Österreich-

Ungarns an Serbien, 28. Juli 1914. (Das Werk des Untersuchungsausschusses der Verfassunggebenden Nationalversammlung und des Deutschen Reichstages 1919—1930. Reihe I, Bd. 10) Berlin 1930.

Gorze Pierre G. G. de la. Napoléon III et sa politique. Paris 1933.

Greger A. Die Montanindustrie in Elsaß-Lothringen usw. (Diss). München 1909.

Grey, Sir Edward. 25 Jahre Politik, 1892 bis 1916, 2 Bde., deutsch. München 1926.

Groos K. Naturgesetze und historische Gesetze. Tübingen 1926.

Große Politik, Die, der Europäischen Kabinette, s. Politik, Die große.

Grote Gerhart. Untersuchungen zur deutschen Kolonialpolitik um die Jahrhundertwende («Hist. Studien» Nr. 363). Berlin 1940.

Grüning Irene. Die russische öffentliche Meinung und ihre Stellung zu den Großmächten 1874—94. Charlottenburg 1927.

Guérard Albert. Napoleon III. Cambridge Mass. 1948.

Guttmann Bernhard. England im Zeitalter der bürgerlichen Reform. Stuttgart 1923.

Guyot Ives. Les causes et les conséquences de la guerre. Paris 1915.

Hagen Max von. Bismarcks Kolonialpolitik. Stuttgart 1923.

Hajoui, Omar el. Histoire Diplomatique du Maroc 1900—1912. Paris 1937.

Hale Oron James. Germany and the Diplomacy Revolution. Philadelphia 1931.

Hale Oron James. Publicity and Diplomacy, with special reference to England and Germany 1890—1914. New York 1940.

Hale Richard W. Democratic France. New York 1941.

Halévy Daniel. La République des Comités. Paris 1934.

Halévy Elie. Hastoire du Peuple Anglais au 19-e siécle. Paris 1923.

Haller Johannes. England und Deutschland um die Jahrhundertwende. Leipzig 1929.

Haller Johannes. in: Front wider Bülow, hrsg. von Thimme. München 1931.

Hallgarten (George) Wolfgang. Studien über die deutsche Polenfrendschaft in der Periode der Märzrevolution. München 1928.

Hallmann Hans. Der Weg zum Deutschen Schlachtflottenbau. Stuttgart 1933.

Hammann Otto. Zur Vorgeschichte des Weltkrieges. Erinnerungen aus den Jahren 1897—1906. Berlin 1918.

Hammann Otto. Der neue Kurs. Berlin 1918.

Hansen Josef. Gustav v. Mevissen, ein rheinisches Lebensbild 1815—1899. 2 Bde. Berlin 1906.

Harper L. A. The English Navigation Laws. New York 1939.

Harris David. A Diplomatic History of the Balkan Crisis 1875—1878. Stanford Calif. 1936.

Hartmann Ludo Moritz. Hundert Jahre italienische Geschichte. München 1916.

Hartung Fritz. Die Marokkokrise des Jahres 1911. Berlin 1927.

Hasenclever Adolf. Geschichte Ägyptens im 19. Jahrhundert. Halle 1917.

Hauser Henri. Les Méthodes Allemandes d'Expansion Economique. Paris 1915.

Hedenström A. von. Geschichte Rußlands 1878—1918. Stuttgart 1922.

Hefter H. Die Kreuzzeitungspartei und die Kartellpolitik Bismarcks. 1927.

Helfferich Karl. Das Geld im Russisch-Japanischen Krieg. Leipzig 1903.

Helfferich Karl. Die deutsche Türkenpolitik. Berlin 1921.

Helfferich Karl. Georg v. Siemens, ein Lebensbild. 2 Bde. Berlin 1923.

Helmreich Ernst Christian. The Diplomacy of the Balkan Wars. Cambridge, Mass. 1938.

Herrmann Wolfgang. Dreibund, Zweibund, England 1890—94, Stuttgart 1929.

Hertz G. B. (Hurst). British Imperialism in the 18-th Century. London 1908, I. Kap.

Hertz B. Das Hamburger Seehandlungshaus J. C. Godeffroy und Sohn 1866 bis 1879. Hamburg 1922.

Herzfeld Hans. Die deutsche Rüstungspolitik vor dem Weltkrieg. Bonn 1923.

Hesse C. Die englisch-belgischen Aufmarschpläne gegen Deutschland vor dem Weltkrieg. Wien 1930.

Heuß Theodor. Friedrich Naumann, der Mann, die Zeit, das Werk. Stuttgart 1937.

Heyderhoff Julius und Wentzcke Paul. Deutscher Liberalismus im Zeitalter Bismarcks. 2 Bde. Bonn 1925.

Hilferding Rudolf. Das Finanzkapital. 2 Bde. Wilna 1909.
Hintze Hedwig. Staatseinheit und Föderaliasmus im alten Frankreich und der Revolution. Berlin 1928.
Hobohm M. und Rohrbach P. Chauvinismus und Weltkrieg. 1910.
Hoffmann Karl. Ölpolitik und angelsächsischer Imperialismus. Berlin 1927.
Hoffman Ross S. J. Great Britain and the German Trade Rivalry. Philadelphia 1933.
Hohenlohe-Schillingsfürst Chlodwig Fürst zu. Denkwürdigkeiten, 3. Bd., hrsg. von K. A. v. Müller. Stuttgart 1931.
Holborn Hajo. Deutschland und die Türkei 1878/1890, in: Einzelschriften zur Politik und Geschichte, Bd. 13, 1926.
Howard Harry N. The Partition of Turkey, a diplomatic history 1913—1923. University of Oklahoma 1931.
Huddleston Sisley. Poincaré, a biographical Portrait. London 1924.
Hübner E. Die deutsche Eisenindustrie. Leipzig 1913.
Huene-Hoyningen Heinrich Frhr v. Untersuchungen zur Geschichte d. deutsche-nglischen Bündnisproblems 1898—1901. Breslau 1939.
Huldermann Bernhard. Albert Ballin. London 1922.
Huret Jules. In Deutschland (deutsch). Berlin 1907.

Ibbeken Rudolf. Das außenpolitische Problem: Staat und Wirtschaft in der deutschen Reichspolitik 1886—1914. Schleswig 1928.
Innes Arthur D. The Maritime and Colonial Expansion of England under the Stuarts 1603—1714. London 1932.
Internationalen Beziehungen, Die, im Zeitalter des Imperialismus. Dokumente aus den Archiven der Zarischen und der Provisorischen Regierung. Deutsche Ausgabe, hrsg. von O. Hoetzsch. Berlin: Hobbing 1931 ff.
Irmer Arthur J. Die Eroberung von Kiautschau 1894—98. Köln 1930.

Jäckh Ernst. Deutschland im Orient nach dem Balkankrieg. München 1913.
Jäckh Ernst. Kiderlen-Wächter, der Staatsmann und Mensch. 2 Bde. Stuttgart 1924.
Jaffé Edgar. Das englische Bankwesen. Leipzig 1910.
Jaffé Fritz. Zwischen Deutschland und Frankreich: Zur elsässischen Entwicklung. Stuttgart—Berlin 1931.
Japikse Nicolaas. Europa und Bismarcks Friedenspolitik. Stuttgart 1927.
Jaszi Oskar. The Dissolution of the Habsburg Monarchy. Chicago 1929.
Jaurès Jean [*ed*], Histoire Socialiste 1798 á 1900.
Jeidels O. Das Verhältnis der Großbanken zur Industrie. Leipzig 1905.
Jenks Hamilton. The Migration of British Capital to 1875. London 1927.
Jordan Erich. Die Entstehung der Konservativen Partei und die preußischen Agrarverhältnisse. München — Leipz. 1914.
Joseph P. H. Foreign Diplomacy in China 1894—1900. London 1928.
Judet Erneste. Georges Louis. Paris 1925.
Jutzi W. Die deutsche Montanindustrie auf dem Wege zum Trust. Jena 1906.
Jux Anton. Der Kriegsschrecken des Frühjahrs 1914 in der europaischen Presse. Berlin 1929.

Kanner Heinrich. Kaiserliche Katastrophenpolitik. Leipzig 1922.
Kantorowicz Hermann. Der Geist der englischen Politik und das Gespenst der Einkreisung Deutschlands. Berlin 1929.
Kautsky Karl. Die materialistische Geschichtsauffassung. Stuttgart 1927.
Kautsky Karl. Krieg und Demokratie. Stuttgart 1932.
Kautsky Karl. Sozialismus und Kolonialpolitik. Berlin 1907.
Kehr Eckart. Zur Genesis des königlich preußischen Reserveoffiziers, in: «Die Gesellschaft», 5. Jahrg. 1928, S. 402 ff.
Kehr Eckart. Schlachtflottenbau und Parteipolitik 1894—1901. Berlin 1930.
Kehr Eckart. Klassenkämpfe und Rüstungspolitik im kaiserlichen Deutschland, in: «Die Gesellschaft» 1932, Heft V.

Keim August, Generalleutnant, Erlebtes und Erstrebtes. Hannover 1925.
Kerner Robert. The Mission of Liman v. Sanders, in: «Stavonic Review», 6. Jahrg. (1927), S. 12 ff., 344 ff., 543 ff., sowie 7. Jahrg. (1928), S. 90 ff. u. 110 ff.
Knaplund Paul. Gladstone and British Imperial Policy. London 1927.
Knorr Klaus E. British Colonial Theories 1510—1850. Toronto 1944.
Koch Paul. Sammlung Meereskunde, Heft 6, S. 12 f.
Koerlin Kurt. Zur Vorgeschichte des russisch-französischen Bündnisses 1879 bis 1890. Halle 1926.
Krakewski Edouard. La Naissance de la III-e République. Paris 1932.
Kriegsrüstung. Siehe: Der Weltkrieg.
Kühlmann Richard von. Erinnerungen. Heidelberg 1948.
Kühn Joachim. Der Nationalismus im Leben der dritten Republik. Berlin 1920.
Kurtze Bruno. Die deutsche ostafrikanische Gesellschaft. Jena 1913.

Lammasch Marga und Sperl Hans. Heinrich Lammasch. Wien — Leipzig 1922.
Lamprecht Karl. Deutsche Geschichte der jüngsten Vergangenheit und Gegenwart. Berlin 1913.
Lancken-Wackernitz, Frh. Oskar von der. Meine 30 Dienstjahre 1888 bis 1918. Berlin 1931.
Langer William L. European Alliances and Alignements. New York 1931.
Langer William L. The Diplomacy of Imperialism. 2 Bde. New York 1935.
Launay L. und Sennac J. Les Relations Internationales des Industries de Guerre. Paris 1932.
Lavisse Erneste [ed.]. Histoire de la France Contemporaine.
Leaman Bertha. French Foreign and Colonial Policy under Radical-Socialist Party Control 1898—1905. Chicago 1938.
Lederer Emil. Grundzüge der ökonomischen Theorie. Tübingen 1922.
Lederer Emil, in: «Grundriß der Sozialökonomik», IV, S. 408.
Lee Sydney. Edward VII. A Biography. London 1925—27.
Lehmann-Russbüldt Otto. Die blutige Internationale der Rüstungsindustrie. Hamburg 1929.
Lenin Nikolai Ulianow. Der Imperialismus als jüngste Etappe des Kapitalismus. Berlin 1926.
Leusser Hermann. Ein Jahrzehnt Deutsch—Amerikanischer Politik, 1897 bis 1907. München — Berlin 1928.
Levasseur Erneste. Histoire du Commerce de la France. 2. Bd. Paris 1912.
Levy Hermann. Monopole — Kartelle — Trusts. Jena 1909.
Lichnowsky Karl Max Fürst. Meine Londoner Mission 1912—14, in: «Flugschriften des Bundes Neues Vaterland». Berlin 1919.
Liebert Eduard von. Aus einem bewegten Leben. München 1925.
Liman von Sanders Otto. Fünf Jahre Türkei. Berlin 1920.
Londres Albert. Terror in the Balkans. London 1935.
Löwenstein Karl. Zur Soziologie der parlamentarischen Repräsentation in England, in: «Erinnerungsgabe für Max Weber». München 1923.
Lowell Reginald. The Struggle for South Africa 1875—1899. New York 1934.
Lucius von Ballhausen. Bismarckerinnerungen. Stuttgart — Berlin 1920.
Lutz Hermann. Eyre Crowe. Stuttgart 1931.
Lutz Hermann. Gutachten. Die europäische Politik in der Julikrise 1914, im Bd. II d. Werkes d. parlamentar. Untersuchungsausschusses. Reihe I, 11. Berlin 1930.

Männer Ludwig. Deutschlands Wirtschaft und Liberalismus. Berlin 1928.
Männer Lüdwig. Prinz Schönaich—Carolath (Biographie). Berlin 1931.
Mannheim Karl. Die Gegenwartsaufgabe der Soziologie (Vortrag). Tübingen 1932.
Marcks Erich. Bismarck 1915.
Martin Rudolf. Jahrbuch der Millionäre im Königreich Preußen.
Martin Rudolf. Berlin — Bagdad, das deutsche Weltreich im Zeitalter der Luftschiffahrt 1910—1930. Stuttgart 1907.
Martin Rudolf. Kaiser Wilhelm II. und König Edward VII. Leipzig 1908.
Martin Rudolf. Deutsche Machthaber. Leipzig 1910.
Marx Karl und Engels Friedrich, Historisch-Kritische Gesamtausgabe. Berlin 1931.
Marx Karl. Die Klassenkämpfe in Frankreich 1848—50. Offenbach a. M. 1948.

Mathiez Albert. La Révolution Francaise. 2 Bde. Paris 1922—27.
Maurice Louis-Bompard Maurice, La politique marocaine de l'Allemagne. Paris 1916.
Mayer Gustav. Die Trennung der politischen von der bürgerlichen Demokratie, in: «Grünbergs Archiv», 2. Bd. S. 3.
Mayer O. Die Entwicklung der Handelsbeziehungen Deutschlands zu seinen Kolonien (Diss.). München 1913.
Meczenszeffi Grete. Die deutsch-englischen Bündnisverhandlungen 1898 bis 1901. Vierteljahrsschrift f. Politik und Geschichte 1929, S. 175.
Mehring Franz. Geschichte der Deutschen Sozialdemokratie. 4 Bde. Bremen 1877.
Meinecke Friedrich. Weltbürgertum und Nationalstaat. Berlin 1911.
Meinecke Friedrich. Geschichte des deutsch-englischen Bündnisproblems 1890—1901. München 1927.
Menne Bernhard. Krupp, Deutschlands Kanonenkönige. Zürich 1937.
Meredith A. Outlines of the economic history of England. London 1907.
Meyer Arnold Oskar. Bismarcks Kampf mit Österreich am Bundestag zu Frankfurt 1851—1859. Berlin 1927.
Meyer Rudolf. Politische Gründer und die Korruption in Deutschland. Leipzig 1877.
Michon Georges. L'Alliance franco-russe. Paris 1927.
Michon Georges. La Prèparation de la Guerre (La Loi de 3 ans). Paris 1935.
Mitchell C. B. The Bismarckian Policy of Conciliytion with France 1875—85. Philadelphia 1935.
Mönckmeier W. Die deutsche überseeische Auswanderung. Jena 1912.
Monts Graf Anton. Erinnerungen. Berlin 1932.
Moon Parker Th. Imperialism and World Politics. New York 1936.
Morus (R. Lewinsohn). Der Mann im Dunkeln. Berlin 1929.
Mühlmann Carl. Deutschland und die Türkei. Berlin 1920.
Münch Hermann. Adolf von Hansemann. München 1932.
Murken Erich. Die großen transatlantischen Linien-Reederei-Verbände. Jena 1922.
Musulin Freiherr von. Das Haus am Ballplatz. Wien 1928.

Nevins Allen. Henry White, Thirty years of American Diplomacy. New York 1930.
Newbold Walton. War trust exposed. London 1910.
Newbold Walton. How Asquith helped the armour ring. London 1909.
Nicoloides C. Die neueste Phase der mazedonischen Frage. Berlin 1903.
Nicolson Harold. Die Verschwörung der Diplomaten, aus: Sir Arthur Nicolsons Leben (deutsch). Frankfurt 1930.
Ninchitch Momchilo. La Crise Bosniaque 1908—1909 et Les Grandes Puissances. Paris. 1937.
Nippold Otto. Der deutsche Chauvinismus. In: «Veröffentlichungen des Verbandes für internationale Verständigung», Heft 9, 1910.
Nippold Otto. Meine Erlebnisse in Deutschland vor dem Weltkrieg. Berlin 1918.
Nol Baron E. B. de. L'Alliance franco-russe. Paris 1936.
Noske Gustav. Kolonialpolitik und Sozialdemokratie. Stuttgart 1914.

Oncken Hermann. Rudolf von Bennigsen. 2 Bde. Stuttgart — Leipzig 1910.
Oncken Hermann. Lassalle. Berlin 1920.
Oncken Hermann. Die Rheinpolitik Napoleons III. 3 Bde. Berlin — Leipzig 1926.
Oncken Hermann. Großherzog Friedrich I. von Baden und die deutsche Politik von 1854 bis 1871. 2 Bde. Stuttgart — Berlin 1927.
Oncken Wilhelm. Das Zeitalter Friedrichs des Großen. Berlin 1881.
Oppenheimer Franz. Richtlinien der neueren deutschen Soziologie (Vortrag). Jena 1928.
Österreich-Ungarns Außenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914, bearb. von Ludwig Bittner und Hans Übersberger. Wien u. Leipzig: Österr. Bundesverlag 1930 ff.

Pagenstecher Arnold. Lebenserinnerungen. Leipzig 1913.
Paléologue Maurice. Am Zarenhof während des Weltkrieges. München 1925.

Palm F. C. England and Napoleon III. Durham N. C. 1948.
Perris George. The War traders. London 1913.
Peters Karl. Wie Deutsch-Ostafrika entstand. Voigtländers Quellenbücherei.
Peters Karl. Lebenserinnerungen. Hamburg 1918.
Peters Karl. Afrikanische Köpfe. Berlin 1915.
Pfeil Joachim Graf. Warum brauchen wir Marokko? 1904.
Pinner Felix. Deutsche Wirtschaftsführer. Charlottenburg 1924.
Pinon Rêné. La France et l'Allemagne 1870—1913. Paris 1913.
Plenge Johann. Gründung und Geschichte des Crédit Mobilier. Tübingen 1903.
Poincaré Raymond. Erinnerungen (Deutsche Ausg.) 2 Bde. Dresden 1928.
Pokrowski Moritz. Geschichte Rußlands von seiner Entstehung bis zur neuesten Zeit. Leipzig 1929.
Politik, Die Große, der europäischen Kabinette 1871—1914, hrsg. v. Johannes Lepsius, Albrecht Mendelssohn-Barholdy, Friedrich Thimme. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft f. Politik 1922 ff.
Ponsonby Sir Frederic. Briefe der Kaiserin Friedrich. Berlin 1929.
Porter Charles W. The Career of Delcassé. Philadelphia 1936.
Prowaseck Hilde. Der Gedanke einer Kontinentalliga gegen England. Diss. Leipzig 1928.

Radowitz Joseph Maria von. Aufzeichnungen und Erinnerungen, 2 Bde. 1925.
Raffalovich Arthur. Le Marché Financier; Année économique etc. 22. Bd. Paris 1913.
Ragey, Louis. La Question du Chemin de Fer de Bagdad. Paris 1935.
Ranke Leopold von. Englische Geschichte, 3. Aufl. Leipzig 1877—79.
Ranke Leopold von. Französische Geschichte. 3. Aufl. Stuttgart 1877—78.
Raphael (Mrs) Lois A. C. The Cape-to-Cairo Dream, a Study in British Imperialism. New York 1936.
Rapp A. Die Württemberger und die nationale Frage. Stuttgart 1910.
Rathgen Karl. Die Kündigung des englischen Handelsvertrags und ihre Gefahr für die Zukunft. Leipzig 1897.
Réclus Maurice. L'Avénement de la 3 éme République. Paris 1930.
Reinhard Ernst. Die Imperialistische Politik im Fernen Osten. Bern 1926.
Reismann Grone Dr. Theodor. Der Erdenkrieg und die Alldeutschen. Mühlheim/Ruhr 1920.
Renouvin Pierre. La Crise Européenne et la Grande Guerre. Paris 1934.
Rheindorf Kurt. England und der Deutsch-Französische Krieg 1870/71. Bonn — Leipzig 1923.
Rjasanoff. Gesammelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels 1852 bis 1862. Stuttgart 1917.
Richter Werner. Frankreich von Gambetta zu Clemenceau. Zürich 1947.
Rickert Heinrich. Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. 3. u. 4. Aufl. Tübingen 1921.
Riesser Jacob. Die deutschen Großbanken und ihre Konzentration. Jena 1910.
Ritter Gerhard. Die preußischen Konservativen in der Krisis von 1866. Heidelberger Diss. 1912.
Ritter Gerhard. Die preußischen Konservativen und Bismarcks deutsche Politik 1858—71. Heidelberg 1913.
Ritter Gerhard. Die Legende von der verschmähten englischen Freundschaft 1898—1901. Freiburg 1929.
Röpke F. Von Gambetta bis Clemenceau. Stuttgart 1922, S. 46.
Rogge Hellmuth. Bismarcks Kolonialpolitik als außenpolitisches Problem, in: «Historische Vierteljahrsschrift», 21. Bd. (1922/23).
Rogge Hellmuth [*ed.*]. Holstein, F., Lebensbekenntnis in Briefen an eine Frau. Berlin 1932.
Rohrbach Paul. Dernburg und die Südwestafrikaner. Berlin 1911.
Roloff G. Die Bündnisverhandlungen zwischen Deutschland und England 1898—1901. «Berliner Monatshefte» 1929.
Rose John Holland. William Pitt and national revival. London 1911.

Rosen Friedrich. Aus einem diplomatischen Wanderleben. Berlin 1931.
Rosenberg Hans. Political and Social Consequences of the great Depression 1873—1896. In: «Economic History Review» 1943.
Rothfels Hans. Bismarcks englische Bündnispolitik. Stuttgart 1924.
Rothstein Theodor and Tingfu D. Tsiang. Labor and Empire, in: «Studies in history, economics and public law». New York 1923.
Russel Earl. Memorials and Correspondence of Charles James Fox. London 1853—57.
Ruville Albert von. William Pitt. 1. Bd. Stuttgart — Berlin 1905.

Solomon Felix. Der britische Imperialismus. Leipzig — Berlin 1916.
Salz Arlhur. Das Wesen des Imperialismus. Leipzig 1931.
Sandberger D. Die Ministerkandidatur Bennigsens. Berlin 1929.
Sander Ludwig. Die Geschichte der deutschen Kolonialgesellschäft für Deutschsüdwestafrika, 2 Bde. Berlin 1912.
Sawelieff M. Die Eisenindustrie in Südrußland (Diss.). Leipzig 1911.
Schacht Horand Horsa. Die mazedonische Frage um die Jahrhundertwende. Hall 1930.
Schenk E. Der Fall Zabern. Stuttgart 1927.
Schiele Wolfgang. Mit den Deutschen im Burenkrieg. 1901.
Schiemann Theodor. Deutschland und die große Politik. Berlin 1915.
Schmitt Bernadotte. The Annexation of Bosnia 1908—09. Cambridge, Mass. 1937.
Schmitt Bernadotte. The Coming of the War, 2 Bde. New York 1930.
Schneider Oswald. Bismarcks Finanzund Wirtschaftspolitik. München 1912.
Schoen Wilhelm E. Freiherr von. Front wider Bülow. München 1931.
Schoeningh Franz Josef. im «Hochland». April 1932.
Schoettle H. Die Times in der ersten Marokkokrise. In: «Historische Studien», Heft 196. Berlin 1930.
Schroeder Werner. England, Europa und der Orient (-«Beitr. z. Gesch. d. nachbismarckschen Zeit u. d. Weltkr.» Nr. 43). Stuttgart 1938.
Schultz Maurice. La politique économique d'Aerenthal envers la Serbie. In: «Revue d'Histoire de la Guerre Mondiale» 1935, S. 325 ff. und 1936, S. 23 ff.
Schumpeter Josef. Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung. München 1926.
Schüssler Wilhelm. Bismarcks Kampf um Süddeutschland. Berlin 1929.
Schwarze Fritz. Das deutsch-englische Abkommen über die portugiesischen Kolonien vom 30. 8. 1898. Göttingen 1931.
Schweinitz von, General. Denkwürdigkeiten. Berlin 1927.
Sell Manfred. Das deutsch-englische Abkommen von 1890. Berlin — Bonn 1926.
Shapiro J. Salwyn. Liberalism and the Challenge of Fascism, New York 1949.
Siebert B. von [ed.]. Graf Benckendorffs diplomatischer Schriftwechsel. 2. Auf., Berlin 1928.
Siegfried André. Das heutige Frankreich, sein Charakter, seine Politik, seine Parteien. Stuttgart 1931.
Sieghart Rudolf. Die letzten Jahrzehnte einer Großmacht. Berlin 1933.
Sombart Werner. Der moderne Kapitalismus. 5 Bde. München 1916 ff.
Sombart Werner. Die deutsche Volkswirschaft im 19. Jahrhundert. Berlin 1921.
Sontag Raymond J. European Diplomatic History 1871—1932. London 1933.
Sontag Raymond J. Germany and England 1848-94. New York 1938.
Spellmeyer H. Deutsche Kolonialpolitik im Reichstag. Stuttgart 1931.
Staley Eugene. War and the Private Investor. New York 1935.
Statistical abstract for the United Kingdom. London 1910.
Steinemann F. von. Rußlands Politik im Fernen Osten und der Staatssekretär Besobrasov. Leipzig 1931.
Stern Alfred. Geschichte Europas 1815 bis 1871. 10 Bde. Stuttgart—Berlin 1924 ff.
Sternberg Fritz. Der Imperialismus. Berlin 1926.
Sternberg Graf. Meine Erlebnisse im Burenkrieg. Berlin 1901.
Stieve Friedrich [ed.]. Der diplomatische Schriftwechsel Iswolskis (deutsche Übersetzung). 4 Bde. Berlin 1924.
Stieve Friedrich. Iswolski und der Weltkrieg. Berlin 1924.

Stieve Friedrich und Graf Montgelas. Rußland und der Weltkonflikt. Berlin 1927.
Strantz Kurt von. Ihr wollt Elsaß und Lothringen — wir wollen ganz Lothringen und mehr!' 1912.
Stresemann Gustav. Wirtschaftspolitische Zeitfragen. Dresden 1911.
Suchomlinow A. W. Erinnerungen (deutsch) 1924.
Sumner H. B. Russia and the Balkans 1870—1880. Oxford 1937.
Suter Ernst. Die handelspolitische Kooperation des deutschen Reichs und der Donaumonarchie 1890—1894. Diss. Marburg 1930.
Szilassi von. Der Untergang der Donaumonarchie. Berlin 1921.

Tardieu André. La conférence d'Algéciras. Paris 1907.
Taube Michael Freiherr von. Der großen Katastrophe entgegen. Leipzig 1929.
Thielemann Dr. Tagebuchblätter eines deutschen Arztes. München 1908.
Thimme Friedrich. Bismarck und Kardorff, in: «Deutsche Revue», Okt.-Nov.-Dez. 1916
Tirpitz Alfred von. Erinnerungen. Leipzig 1919.
Tirpitz Alfred von. Der Aufbau der deutschen Weltmacht. Berlin 1924.
Troß A. Der Aufbau der Eisen-Konzerne Deutschlands. Berlin 1923.
Tugan Baranovsky Mikhail Iv. von. Studien zur Theorie und Geschichte der Handelskrisen in England. Jena 1901.

Uplegger Fritz. Die englische Flottenpolitik von 1904—1909. Stuttgart 1924.
Usborne C. U. The Conquest of Morocco. London 1936.

Vagts Alfred. Mexiko, Europa und Amerika (-«Politische Wissenschaft», Heft 6). Berlin 1928.
Vagts Alfred. Der chinesisch-japanische Krieg 1894/95. In: «Europäische Gespräche», Jg. 1931, Z. 234 ff und 285 ff.
Vagts Alfred. Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik. 2 Bde. New York 1935.
Vagts Alfred. Landing operations from antiquity to 1945. Washington D. C. 1946.
Valentin Veit. Geschichte der deutschen Revolution 1848/49. 2 Bde. Berlin 1930.
Verney et Dambmann. Les Puissances étrangéres dans le Levant et en Palestines. Paris 1900.
Viebig Kurt. Die Entstehung der freikonservativen und Reichspartei. (Diss.).
Viereck Peter. Metapolitics. New York 1941.
Villemain Abel Francois. Souvenirs contemporains d'histoire et de littérature. Paris 1854.
Viollette M. La Ngoko Sangha. Paris 1914.
Vohsen Ernst. Zum deutsch-englischen Vertrag. Berlin 1890.
Von einem Deutschen. Otto von Diest-Daber. Berlin 1901.

Wahl Adalbert. Vorgeschichte der franz. Revolution. 2 Bde. Berlin 1901—07.
Wahl Adalbert. Geschichte der franz. Revolution. Leipzig 1920.
Wahl Adalbert. Vom Bismarck der 70 er Lahre. Tübingen 1920.
Wahl Adalbert. Deutsche Geschichte von der Reichsgründung bis zum Ausbruch des Weltkriegs. 4 Bde. Stuttgart 1929 bis 1936.
Waldersee Graf Alfred. Briefwechsel, hrsg. von Meister. Stuttgart 1928.
Waldersee Graf Alfred. Denkwürdigkeiten. Stuttgart 1922.
Waltershausen (Sartorius) von. Das volkswirtschaftliche System der Kapitalsanlagen im Ausland. Berlin 1907.
Waltershausen (Sartorius) von. Deutsche Wirtschaftsgeschichte 1815—1914. Jena 1923.
Wawrzinek Kurt. Die Entwicklung der deutschen Antisemitenparteien. Berlin 1927.
Weber Max. Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen 1922.
Weber Max. Über die Agrarverhältnisse im Altertum, aus: Gesammelte Aufsätze zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Tübingen 1924.
Weber Max. Wirtschaftsgeschichte. München u. Leipzig 1924.
Webster Z. K. The Foreign Policy of Castlereagh 1815—1822. London 1922.
Weil Bruno. Der Prozeß des Hauptmanns Dreyfus. Berlin 1930.

Der Weltkrieg. 1914—1918, bearbeitet im Reichsarchiv.] Kriegsrüstung und Kriegswirtschaft. 2 Bde. Berlin 1930.
Wendel Hermann. Der Kampf der Südslawen um Freiheit und Einheit. Frankfurt 1925.
Werheimer Oskar von. Napoleon III. Berlin 1928.
Wermuth Adolf. Ein Beamtenleben. Berlin 1922.
Werner Lothar. Der Alldeutsche Verband 1890—1918, Historische Studien Heft 218, Berlin 1935.
Wertheimer Mildred S. The Pangerman League (Columbia University Studies CXII). New York 1924.
Wiedenfeld Kurt. Entwicklung der Rheinisch-Westfälischen Großindustrie, in: «Moderne Typen der Wirtschaftsgestaltung». Bonn 1915.
Wilhelm Theodor. Die englische Verfassung und der vormärzliche Liberalismus. Stuttgart 1918.
Williams Basil. Cecil Rhodes. London 1921.
Williamson J. A. A short history of British Expansion. London 1922.
Wilson Charles. De L'influence des capitaux anglais sur l'industrie européenne depuis la Révolution de 1688 jusqu'en 1846. Bruxelles 1847.
Winkler Henry R. J. Chamberlain and the Jameson Raid. In: «Americ. Historical Review» 1949.
Winslow E. M. The Pattern of Imperialism; a Study of the Theories of Power. New York 1948.
Winterstetten K. von (Pseudonym für K. Ritter), Berlin—Bagdad 1913.
Wirth Albrecht. Die Entscheidung über Marokko. Stuttgart 1911.
Wirth Albrecht. Unsere äußere Politik 1912 (Monographien zur Zeitgeschichte. H. 2).
Wirth Albrecht. Der Kampf um Marokko. München 1925.
Witte Sergius. Erinnerungen. Berlin 1920.
Wittfogel Karl August. Die Wissenschaft der bürgerlichen Gesellschaft. Berlin 1922.
Wittschewsky Valentin. Rußland Handels-, Zoll- und Industriepolitik. Berlin 1905.
Wolf John Baptist. The Diplomatic History of the Bagdad Railroad. University of Minnesota 1933.
Wolfstieg A. Die Anfänge der freikonservativen Partei. Berlin 1908.
Woodward E. L. Great Britain and the German Navy. Oxford 1935.
Wullus-Rudiger J. La Belgique et l'équilibre européen. Paris 1935.

Zechlin Egmont. Staatsstreichpläne Bismarcks und Wilhelms II. 1894. Stuttgart — Berlin 1929.
Zechlin Egmont. Bismarck und die Grundsteinlegung der deutschen Großmacht. Stuttgart 1930.
Ziekursch Johannes. Politische Geschichte des neuen deutschen Kaiserreichs. 3 Bde. Frankfurt 1925.
Zimmermann A. Die Kolonialpolitik Großbritanniens. Berlin 1898.
Zöllner A. Die Entwicklung der deutschen Eisenindustrie und ihrer Kartelle. Leipzig 1907.
Zorn Philipp. Die beiden Haager Friedenskonferenzen. Stuttgart 1920.
Zühlke H. Die Rolle des Fernen Osten] in den politischen Beziehungen der Mächte 1895—1905. Berlin 1929.
Zwiedineck O. von. Die handelspolitischen Beziehungen Serbiens zu Österreich—Ungarn (in: «Weltwirtsch. Archiv», 6. Bd. 1915).

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ

За то время, пока набиралась эта книга, появилась работа *Walter Görlitz.* Der Deutsche Generalstab, Geschichte und Gestalt 1657—1945, Frankfurt a. M. 1950. В трех из одиннадцати глав книги Гёрлица излагается интересная и лаконичная история развития прусского генерального штаба за период, освещенный в настоящем труде. Представляет интерес описание интриг Вальдерзее в борьбе за свое положение и его связей со всякого рода

сомнительными доверенными лицами, а также освещение обстоятельств его падения, деятельности Шлиффена и Мольтке младшего.

Книга *William D. Langers.* The Diplomacy of Imperialism появилась в 1950 году в новом издании с дополнительным библиографическим приложением, которое отражает работы, опубликованные после 1953 года.

В этом приложении анализируется ряд исследований, которые трудно было использовать отчасти вследствие военных событий, отчасти же из-за незнания языка, на котором они написаны.

Следует назвать еще следующие работы:

A. Banze, Die deutsch-englische Wirtschaftsentwicklung 1897—1907, Berlin 1935.

A. R. Clery. La politique douanière le l'Allemagne, Paris 1935.

Herbert E. Breuning. Die Großen Mächte und Marokko 1898—1904, Berlin 1934 (в Библиотеке конгресса ее нет).

Chan Feng-chen. The Diplomatic Relations between China and Germany since 1898, Shanghai 1937.

Otto E. Schüddekopf. Die Stützpunktpolitik des Deutschen Reiches 1870—1914, Berlin 1941.

Otto E. Schüddekopf. Die britische Marinepolitik 1880—1918, Hamburg 1938.

Фундаментальная работа *А. С. Ерусалимского*, Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века, Москва 1948, оказалась в распоряжении автора только после сдачи в печать настоящей книги. Насколько позволяют мне мое знание русского языка и краткий просмотр книги, я вправе сказать, что речь идет о весьма значительном труде. Сконцентрировав в своем объемистом труде внимание на периоде, охватывающем конец века, русский автор излагает многие события, например греко-турецкую войну 1897 года, более обстоятельно, чем настоящая книга; при описании дальневосточных конфликтов А. С. Ерусалимский использовал среди других и русские архивные материалы.

Тома 8—10 первой серии французской публикации документов (*DD*) во время просмотра книги в 1950 году не были доступны в Библиотеке конгресса. Они охватывают 1890—1893 годы, когда оформился русско-французский союз. Самая существенная часть документов, касающихся этих событий, была опубликована уже в 1919 году. По богатому дополнительному материалу еще яснее прежнего можно судить о решающей роли начальника русского генерального штаба Обручева, национализм которого, впрочем, был направлен больше против Австрии, чем против Германии.

Эти материалы также свидетельствуют о том, что германская политика толкала царя и министра иностранных дел Гирса против их воли в объятия военной партии. К числу интереснейших документов, опубликованных в этих томах, принадлежат доклады Баррера из Мюнхена и Эрбета из Берлина о личной политике молодого кайзера. В то время как Баррер видит в Вильгельме II патологического неврастеника, который ввергнет мир в войну, Эрбет подчеркивает, что Баррер переоценивает влияние кайзера на политику Германской империи, так как Вильгельм II не отличается тем рвением в работе, которое необходимо, чтобы действительно устранить бюрократию. Из этих томов видно также, какое неблагоприятное влияние оказал Вильгельм II на характер германо-турецких отношений. Равным образом этот материал дает представление о неудаче французских попыток уже в этот начальный период получить решающее влияние на Багдадскую железную дорогу. Вмешательство Блейхредера освещено во многих документах. Другой интересный документ (т. 10, № 201) свидетельствует о том, что английская группа Беринга в лице ее представителя лорда Кромера уже в начале девяностых годов хотела добиться отказа Парижа от его интересов в Египте в обмен на поддержку Франции в Марокко.

БИБЛИОГРАФИЯ ОСНОВНЫХ РАБОТ ПО ИСТОРИИ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА (ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ), ОПУБЛИКОВАННЫХ В СССР С 1917 ПО 1961 ГОД*

Ленин В. И. Фридрих Энгельс. Осень 1895 года. Соч., т. 2, с. 1—13.

Ленин В. И. Воинствующий милитаризм и антимилитаристическая тактика социал-демократии. Соч., т. 15, с. 168—178.

Ленин В. И. Мирная демонстрация английских и немецких рабочих. Соч., т. 15, с. 187—190.

Ленин В. И. События на Балканах и в Персии. Соч., т. 15, с. 198—208.

Ленин В. И. Конец войны Италии с Турцией. Соч., т. 18, с. 309—310.

Ленин В. И. Балканские народы и европейская дипломатия. Соч., т. 18, с. 320—321.

Ленин В. И. О лисе и курятнике. Соч., т. 18, с. 322—323.

Ленин В. И. Новая глава всемирной истории. Соч., т. 18, с. 340—341.

Ленин В. И. Социальное значение сербо-болгарских побед. Соч., т. 18, с. 368—370.

Ленин В. И. Балканская война и буржуазный шовинизм. Соч., т. 19, с. 19—20.

Ленин В. И. Новейшие данные о партиях в Германии. Соч., т. 19, с. 238—241.

Ленин В. И. Август Бебель. Соч., т. 19, с. 263—268.

Ленин В. И. Война и российская социал-демократия. Соч., т. 21, с. 9—18.

Ленин В. И. О лозунге Соединенных Штатов Европы. Соч., т. 21, с. 308—311.

Ленин В. И. О германском и не германском шовинизме. Соч., т. 22, с. 170—172.

Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. Соч., т. 22, с. 173—290.

Ленин В. И. Империализм и раскол социализма. Соч., т. 23, с. 94—109.

Ленин В. И. Война и революция. Соч., т. 24, с. 362—385.

Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Соч., т. 31, с. 1—97.

Ленин В. И. Письмо Инессе Арманд от 19 января 1917 г. Соч., т. 35, с. 218—220.

Ленин В. И. Международная политика буржуазии. Соч., т. 36, с. 190—191.

Ленин В. И. Германская социал-демократия и вооружения. Соч., т. 36, с. 204—205.

Ленин В. И. Организация масс немецкими католиками. Соч., т. 36, с. 206—208.

Ленин В. И. Реферат на тему «Пролетариат и война» 1(14) октября 1914 г. Газетный отчет. Соч., т. 36, с. 259—264.

Ленин В. И. Тетради по империализму.

Аветян А. С. Германский империализм на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны. (Дипломатический конфликт по делу воен. миссии Л. фон Сандерса.) Изв. АН Арм. ССР, Обществ. науки, 1958, № 6, с. 13—26.

Аветян А. С. К вопросу о роли миссии Лимана фон Сандерса в политике германского империализма на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны. Уч. зап. Ерев. гос. пед. ин-та, 1957, т. VIII, с. 43—66.

Айзин Б. А. Борьба Карла Либкнехта против милитаризма в начале XX в. (1903—1907 гг. В кн.: «Империализм и борьба рабочего класса». М., 1960, с. 208—234.

Айзин Б. А. Подъем рабочего движения в Германии в начале XX века (1903—1906). М., 1954, 398 с.

Айзин Б. А. Стачка горняков Рура в марте 1912 года. В кн.: «Из истории Германии нового и новейшего времени». М., 1959, с. 108—161.

---

* Составила Н. Я. Крайнева.

Алафузов В. А. Доктрины германского флота. М., 1956, 191 с.

Англо-германское сближение в 1898 г. Предисл. Л. Телешевой. «Кр. архив», 1933, т. 1 (56) с. 65—79.

Арш Г. Британская дипломатия и миссия Лимана фон Сандерса. О роли английского империализма в подготовке первой мировой войны. «Вестн. ЛГУ», 1949, № 11, с. 112—125.

Белов Е. А. Агрессивная политика империалистических держав в Китае в период революции 1911—1913 годов. «Сов. востоковед.», 1957, № 2, с. 65—77.

Беркович А. Б. Германский империализм и революция 1905—1907 гг. в Прибалтике. Уч. зап. ЛГУ, 1947, сер. ист. наук, вып. 15, с. 110—133.

Бершадская О. Подъем рабочего движения в Германии в начале XX века (стачки текстильщиков Криммитшау, горняков Рура и электриков Берлина). «Вопр. ист.», 1948, № 7, с. 84—89.

Бовыкин В. И. Русско-французские противоречия на Балканах и Ближнем Востоке накануне первой мировой войны. «Ист. зап.», 1957, № 59, с. 84—124.

Боев Ю. А. Критический очерк источников и литературы о балканской политике западных держав накануне первой мировой войны. Наук. зап. ін-та іст. АН УРСР, Киев, 1957, т. 9, с. 328—346. (На укр. яз.)

Боев Ю. А. Младотурецкая революция и политика великих держав. «Укр. іст. жур.», 1958, № 5, с. 122—136. (На укр. яз.)

Боев Ю. А. Политика Франции на Балканах накануне первой империалистической войны (1912—1913 гг.). Киев, 1959, 205 с.

Бондаревский Г. Л. Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1888—1903). Ташкент, 1955, 319 с.

Бондаревский Г. Л. Борьба империалистов за господство над Персидским заливом на рубеже XIX и XX вв. Тр. Среднеаз. гос. ун-та, нов. сер., вып. LXVIII, востоковед. науки, кн. 9, 1955, с. 127—156.

Брюний В. Г. Антимилитаристское движение в Германии накануне первой мировой империалистической войны (1913 г.). Уч. зап. ЛГУ, 1955, сер. ист. наук, вып. 23, с. 92—111.

Брюнин В. Г. Дискуссия о массовой политической стачке в германской социал-демократии накануне первой мировой войны. Уч. зап. ЛГУ, 1950, сер. ист. наук, вып. 17, с. 40—76.

Варга Е. Экономические кризисы 1848—1935, т. I. Сравнительные материалы по истории кризисов в важнейших капиталистических странах. М., 1937, XXII, 808 с.

Вильгельм II о русско-японской войне и революции 1905 г. Подг. А. А. Сергеев. «Кр. архив», 1925, № 2(9), с. 56—65.

Виргинский В. Багдадская железная дорога (Берлин — Босфор, Багдад). «Ист. жур.», 1939, № 5, с. 81—90.

Вишняков-Вишневецкий К. А. Революционная борьба германского пролетариата в 1905 году. Уч. зап. ЛГУ, 1958, сер. ист. наук, вып. 28, с. 168—190.

Галкин И. С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1905—1912 гг. М., 1960, 266 с.

Гапонов П. М. Антивоенные выступления германского рабочего класса в 1912—1914 гг. Тр. Воронеж. гос. ун-та, 1958, т. 51. Сб. раб. ист.-филол. фак-та, вып. 1, с. 49—61.

Гапонов П. М. Антимилитаристские выступления Карла Либкнехта накануне первой мировой войны. «Вопр. ист.», 1957, № 2, с. 32—45.

Гапонов П. М. Карл Либкнехт о роли монополий в милитаризации Германии. Тр. Воронеж. гос. ун-та, 1957, т. 47, ист.-филол. фак-т, с. 3—33.

Генин И. А. Экономическое проникновение Германии в Турцию. Тр. Моск. ин-та востоковед., 1947, сб. 5, с. 85—101.

Глушков Г. А. Цаберпский конфликт 1913 года в Германии. Уч. зап. Киров. гос. пед. ин-та, 1958, вып. 17, т. I, ист.-филол. фак-т, с. 21—58.

Гольдштейн И. и *Левина Р.* Германский империализм. Под общ. ред. и с предисл. Е. Варга, М., 1947, VIII, 478 с.

Гуральский А. Из истории пангерманизма. «Ист. журн.», 1945, кн. 5, с. 22—33.

Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г. Предисл. А. Попова. «Кр. архив», 1925, т. 1(8), с. 3—48; т. 2(9), с. 3—31.

Доклады б. министра ин. дел С. Д. Сазонова Николаю Романову. 1910—1912 гг. «Кр. архив», 1923, т. 3, с. 5—28.

Ерусалимский А. С. Англо-германские противоречия накануне мировой войны 1914—1918 гг. «Большевик», 1938, № 15, с. 18—30.

Ерусалимский А. С. Бисмарк как дипломат. М., 1940, 51 с.

Ерусалимский А. С. Борьба держав за Балканы и Проливы в конце XIX века. (Германская дипломатия и антирусская политика Австро-Венгрии и Англии на Балканах). «Вопр. ист.», 1947, № 9, с. 83—104.

Ерусалимский А. С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М., 1951, 604 с.

Ерусалимский А. С. Военная тревога 1875 г. Уч. зап. ин-та ист. РАНИОН, 1928, т. 6, с. 146—184.

Ерусалимский А. С. Германо-американские отношения в конце XIX века. «Мир. хоз. и мир. полит.», 1926, № 10—11, с. 110—131.

Ерусалимский А. С. Германский империализм и возникновение англо-бурской войны в 1899 г. В кн.: «Из истории обществ. движений и междунар. отношений». М., 1957, с. 561—589.

Ерусалимский А. С. Германский империализм и возникновение войны 1914—1918 гг. «Большевик», 1937, № 15, с. 41—53.

Ерусалимский А. С. Империалистические группировки и дипломатическая подготовка мировой войны. «Мир. хоз. и мир. полит.», 1934, № 6, с. 15—40.

Ерусалимский А. С. Итало-германские отношения в конце XIX века. Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос., 1947, т. IV, № 3, с. 257—274.

Ерусалимский А. С. Проблемы внешней политики Бисмарка в послевоенной германской историографии. «Ист. марксист», 1929, № 12, с. 214—237.

Ерусалимский А. С. Проникновение германских монополий в Китай на рубеже XIX и XX веков. «Вопр. ист.», 1960, № 9, с. 66—89.

Ерусалимский А. С. Трансваальский кризис 1896 г. и германские планы «континентальной лиги». Из истории англо-германского соперничества. В кн.: «Труды по новой и новейшей истории», М.—Л., 1948, т. I, с. 22—59.

Ефимов Г. В. Германский империализм в Китае (1894—1902). Уч. зап. Тихоокеан. ин-та, М.—Л., 1947., т. I, с. 51—84.

Ефимов Г. В. Германский империализм и антиимпериалистическое восстание 1900-1901 гг. в Китае. Тр. Юбил. науч. сессии ЛГУ, 1948, с. 264—275.

Ефимов Г. В. Первые шаги германского империализма в Китае. Уч. зап. ЛГУ, 1943, серия гуманист. наук, № 87, с. 67—91.

Жабокрицкий В. А. Дипломатия империалистической Германии в связи с возникновением балканской войны 1912 г. Наук. Зап. Київ, Держ. ун-та. 1949, т. VIII, вып. 1 (ист. сб. № 2), с. 161—180.

Жабокрицкий В. А. Из истории возникновения Балканской войны 1912 г. Наук. зап. ін-та іст. АН УРСР, Киев, 1952, т. 4, с. 82—105.

Заграничное путешествие М. Н. Муравьева в 1897 г. Предисл. Ф. Кельина. «Кр. архив», 1931, № 4—5 (47—48), с. 71—89.

Зайончковский А. М. Вокруг аннексии Боснии и Герцеговины. «Кр. архив», 1925, т. 3(10), с. 41—53.

Зайончковский А. М. Подготовка России к мировой войне в международном отношении. [Л.], 1926, 401 с.

Записка Ф. Ф. Мартенса «Европа и Китай». Предисл. А. Ивина. «Кр. архив», 1927, № 1(20), с. 175—185.

Захват Германией Киао-Чао в 1897 г. Предисл. Ф. А. Ротштейна. «Кр. архив», 1938, т. 2(87), с. 19—68.

Зильберг А. Я. Из истории борьбы германского пролетариата (классовые бои 1910 года). Уч. зап. Коми гос. пед. ин-та, Сыктывкар, 1959, вып. 7, с. 41—68.

История дипломатии. т. II. Дипломатия в новое время (1872—1919 гг.). Составители: Хвостов В. И. и Минц И. И. Под ред. В. П. Потемкина. М.—Л., 1945, VII, 423 с.

Истягин Л. Г. Экспансия германского империализма в Турцию и русско-германские противоречия по армянскому вопросу (1912—1914 гг.). В кн.: «Из истории агрессивной внешней политики германского империализма». М., 1959, с. 3—53.

К вопросу о подготовке мировой войны. (Из документов русской военно-политической разведки 1913—1914 гг.) Предисл. Е. Адамова. «Кр. архив», 1934, № 3 (64), с. 85—129.

К истории возникновения мировой войны. Тройственное соглашение и Германия после Агадира. Предисл. Е. Адамова. Подг. Ф. Кельин. «Кр. архив», 1929, № 3(34), с. 166—183.

К истории Пангерманского союза. Вводн. ст. А. С. Ерусалимского. Подг. С. Левина. «Кр. архив», 1939, № 1(92), с. 215—223.

К истории Потсдамского соглашения 1911 г. Предисл. А. Ерусалимского. «Кр. архив», 1933, т. 3(58), с. 46—57.

Ключников Ю. и Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. I. От Французской революции до империалистической войны. М., 1925, 441 с.

Королев Н. В. Англо-французская Антанта 1904 года и ее влияние на Тройственный союз. Уч. зап. Бельцк. гос. пед. ин-та, Кишинев, 1958, вып. 3, с. 55—84.

Коротаевский Г. П. и Пегушев А. М. Труды историков ГДР о колониальной политике империалистической Германии. «Пробл. востоковед.», 1960, № 3, с. 215—223.

Кублашвили И. И. Германская военная экспансия в Турции и царская Россия. Миссия германского генерала Лимана фон Сандерса в Турции. Тр. Кутаисск. гос. пед. ин-та, 1959, т. 20, с. 1—53.

Кублашвили И. И. К вопросу о подготовке боснийского кризиса 1908—1909 гг. Тр. Кутаисск. гос. пед. ин-та, 1956, т. 15, с. 147—172.

Ламздорф В. Н. Дневник (1886—1890). Под ред. и с предисл. Ф. А. Ротштейна. Пер. с франц. (М.—Л.), 1926, X, 396 с.

Ламздорф В. Н. Дневник (1891—1892). Под ред. и с предисл. Ф. А. Ротштейна. Пер. с франц. М.—Л., 1934, XVI, 408 с.

[Ламздорф В. Н.] Дневник В. Н. Ламздорфа (1894—1895). Предисл. Ф. А. Ротштейна. Пер. с франц. «Кр. архив», 1931, т. 3 (46), с. 3—37.

Ларин А. Е. К вопросу о позициях и политике германского империализма в Китае в 1900—1901 гг. Уч. зап. Дальневост. ун-та, Владивосток, 1957, вып. I, с. 47—59.

Левина Р. и Гольдштейн И. Апологетика военного государства в германской идеологии. «Мир. хоз. и мир. полит.», 1945, № 5, с. 54—66.

Лещинский Л. М. Банкротство военной идеологии германских империалистов. М., 1951, 344 с.

Лившиц С. Г. Борьба держав в Китае и английский империализм (1900—1901). В кн.: «Империализм и борьба рабочего класса». М., 1960, с. 121—142.

Магазинер С. И. Балканские войны 1912—1913 годов. «Ист. журн.», 1941, № 6, с. 70—77.

Магазинер С. И. Балканские войны 1912—1913 гг. и агрессивные устремления Германии. Наук. зап. Одес. держ. пед. ін-та, 1957, вин. іст.-філол.; т. 17, с. 27—48. (На укр. яз.)

Малафеев К. А. Борьба германского рабочего класса против милитаризма накануне первой мировой войны и германская социал-демократия. Уч. зап. Смолен. гос. пед. ин-та, 1957, вып. 4, ч. 2, с. 19—32.

Малафеев К. А. Германский рабочий класс и германская социал-демократия накануне и во время развязывания первой мировой войны. Уч. зап. Смолен. гос. пед. ин-та, 1957, вып. 5, с. 170—200.

Манфред А. З. Внешняя политика Франции 1871—1891 годов. М., 1952, 588 с.

Марков В. и Ратман Л. Проникновение германских монополий в Египет. В кн.: «Империализм и борьба рабочего класса». М., 1960, с. 163—182.

Машкин М. Н. Современная историография германской колониальной политики XIX в. В кн.: «Империализм и борьба рабочего класса». М., 1960, с. 470—505.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1878—1917. Сер. II, 1900—1913, т. 18—20. М., 1938/40.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1878—1917. Сер. III, 1914—1917, т. 1—5, М.—Л., 1931—1934.

Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949 гг.), изд. 2. Под общ. ред. Е. М. Жукова. М., 1956, 783 с.

Мельников Ф. Г. Выборы в германский рейхстаг в 1912 году. Уч. зап. Лен. гос. пед. ин-та им. Герцена, 1959, т. 188, ист.-филол. фак-т, с. 295—332.

Микульский К. Концерн Круппа. М., 1959, 128 с.

Михалевский Б. Н. О рабочей аристократии в Германии накануне первой мировой войны. «Вопр. ист.», 1955, № 1, с. 102—110.

Могилевич А. А. и Айрапетян М. Э. На путях к мировой войне 1914—1918 гг. [Л.], 1940, 293 с.

Молок А. И. Германская интервенция против Парижской Коммуны 1871 г. Л., 1939, 198 с.

Морозов Г. П. Франко-германский кризис конца апреля 1887 г. (инцидент Шнебеле) и позиция России. Науч. докл. высш. школы. Ист. науки., 1961, № 1, с. 132—145.

Нарочницкая Л. И. Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX века за объединение Германии «сверху». М., 1959, 287 с.

Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке (1860—1895). М., 1956, 899 с.

Нетесин Ю. К истории проникновения германского капитала в экономику России (по материалам Акц. общ. бр. Фельзер и К° в Риге). Изв. АН Латв. ССР, 1960, № 4, с. 33—45.

Новая история колониальных и зависимых стран. Под ред. С. Н. Ростовского [и др.], т. I, М., 1940, 784 с.

Нотович Ф. О. Империалистические противоречия накануне первой мировой войны. «Ист. зап.», 1947, т. 23, с. 185—250.

Нотович Ф. О. К вопросу о зачинщиках мировой войны. (К 24-летию первой мировой империалистической войны 1914—1918 гг.). «Ист. марксист», 1938, № 4, с. 20—35.

Нотович Ф. О. Фашистская историография о «виновниках» мировой войны. В кн.: «Против фашистской фальсификации истории». М., 1939, с. 280—409.

Оруджев М. Г. Из истории турецко-германских отношений после младотурецкой революции 1909—1914 гг. Уч. зап. Азерб. гос. ун-та, Баку, 1960, № 4, с. 117—127.

Оруджев М. Г. Из истории экспансии германского империализма в Турции (конец XIX и начало XX в.). Уч. зап. Азерб. гос. ун-та, 1958, № 4, с. 65—76.

Остяльцева А. Ф. К вопросу о влиянии русско-японской войны и революции 1905 года на перегруппировку европейских держав. Уч. зап. Сарат. ун-та, 1956, т. 55, с. 246.

Острецова М. Л. Бьёркский договор 1905 г. (К вопросу о влиянии русско-японской войны и революции 1905 г. на развитие русско-германских отношений.) Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. Потемкина, 1958, т. 83, каф. ист. нов. врем., вып. 4, с. 65—124.

Острецова М. Л. Русско-германский торговый договор 1904 г. Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. Потемкина, 1959, т. 93, каф. ист. нов. врем., вып. 5, с. 137—216.

Павлович М. П. Борьба за Азию и Африку. Л., 1925, 257 с.

Павлович М. П. Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего (к вопросу о причинах мировой войны), изд. 2, доп. ч. 1—2, М., 1918—1919.

Первая Балканская война. Предисл. А. Л. Попова. «Кр. архив», 1926, т. 2(15), с. 1—29; т. 3 (16), с. 3—24.

Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914 гг. М.—Пг., 1923, VIII, 198 с.

Петрушов А. Аграрные отношения в Германии (по данным с/х переписей 1882—1939 гг.). М., 1945, 216 с.

Петряев К. Д. Очерки по истории Германии начала XX в. (1900—1914 гг.). Одесса, 1959, 355 с.

Письма О. Бисмарка А. М. Горчакову. Предисл. А. Ерусалимского. «Кр. архив», 1933, т. 6(61), с. 3—25.

Письмо А. П. Моренгейма о французской политике на Ближнем Востоке (1896). Предисл. В. Хвостова. «Кр. архив», 1932, № 3(52), с. 197—203.

Покровский М. Н. Империалистическая война. Сб. ст. 1915—1927 гг. М., 1934, 448 с.

Полетика Н. П. Возникновение мировой войны. М.—Л., 1935, 727 с.

Полетика Н. П. Особенности международных отношений в эпоху формирования империализма. Уч. зап. Белорус. гос. ун-та, Минск, 1955, вып. 23, сер. ист., с. 3—16.

Полетика Н. П. Проблема создания континентального блока во внешней политике Германии в период первого марокканского кризиса (1904—1905). Уч. зап. Белорус. гос. ун-та, Минск, 1956, вып. 30, сер. ист., с. 162—177.

Распутнис Б. И. Борьба империалистических держав за Балканы в первом десятилетии XX века. Доповіді та повідомления, Львів ун-та, 1949, вып. 2, сер. ист., с. 55—59. (На укр. яз.)

Рейснер И. М. Англо-русская конвенция 1907 г. и раздел Афганистана. (По метериалам секретного архива бывшего МИД.) «Кр. архив», 1925, т. 3(10), с. 54—66.

Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895—1907. Изд. 2, М.—Л., 1955, 695 с.

Россия и Алжесирасская конференция. Предисл. А. Ерусалимского. «Кр. архив», 1930, т. 4—5 (41—42), с. 3—61.

Роштейн Ф. А. Из истории прусско-германской империи. М.—Л., 1948, 240 с.

Роштейн Ф. А. Международные отношения в конце XIX века. М.—Л., 1960, 705 с.

Роштейн Ф. А. Начало германской колониальной политики. «Воен. ист. журн.», 1939, № 1, с. 79—94.

Роштейн Ф. А. Формирование германского империализма. Изв. АН СССР, сер. ист. и филос., 1946, т. III, № 5, с. 411—424.

Рубинштейн Е. И. Политика германского империализма в западных польских землях в конце XIX—начале XX века. М., 1953, 256 с.

Рубинштейн Е. И. Политика колонизации западных польских земель вильгельмовской Германией (1900—1914 гг.). Уч. зап. ин-та славяновед., 1952, т. 5, с. 151—205.

Русско-германские отношения. Предисл. М. Н. Покровского. Подг. Ф. В. Кельин. «Кр. архив», 1922, т. I, с. 1—208.

Русско-германский договор 1905 г., заключенный в Бьёрке. Подг. и примеч. С. А. Пашуканис. «Кр. архив», 1924, № 5, с. 5—49.

Силин А. С. Германская военная миссия фон дер Гольца в Турции в 1882—1895 гг. (Из истории проникновения Германии в Турцию в конце XIX в.). Уч. зап. по новой и новейшей истории, 1956, вып. II, с. 318—398.

Сказкин С. Д. Конец австро-русско-германского союза. Исследование по истории русско-германских и русско-австрийских отношений в связи с восточным вопросом в 80-е годы XIX столетия, т. I, 1879—1884. М., 1928, XI—356 с.

Смирнова Т. П. Стачечная борьба и борьба за всеобщее избирательное право в Германии в период русской революции 1905—1907 гг. Уч. зап. Лен. гос. пед. ин-та имени А. И. Герцена, 1955, т. 102, ист. фак-т, с. 241—272.

Соловьев Ю. Я. 25 лет моей дипломатической службы (1893—1917), М.—Л., 1928, 301 с.

Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма 1871—1919. М.—Л., 1928, 511 с. То же. Сочинения, т. 5, М., 1958, с. 21—508.

Тарле Е. В. Русско-германские отношения и отставка Бисмарка. В кн.: «Сб. ст., посвящ. С. Ф. Платонову». СПб., 1922, с. 419—424.

[Татищев С. С.] Донесения из Берлина С. С. Татищева В. К. Плеве в 1904 г. «Кр. архив», 1926, т. 4 (17), с. 186—192.

Трахтенберг И. Денежные кризисы (1821—1938). М., 1939, 894 с. (Мировые экономические кризисы. 1848—1935, т. 3.)

Трухнов Г. М. Второй этап первой Балканской войны и германская политика в феврале—марте 1913 г. Уч. зап. Белорус. гос. ун-та, Минск, 1956, вып. 30, сер. ист., с. 178.

Трухнов Г. М. Германская политика провокаций в начале первой Балканской войны. Уч. зап. Белорус. гос. ун-та, Минск, 1950, вып. 10, сер. ист., с. 115—155.

Трухнов Г. М. Политика германо-австрийского империализма на Балканах в период второй Балканской войны (июль 1913 г.). Уч. зап. Белорус. гос. ун-та, Минск, 1955, вып. 23, сер. ист., с. 69—89.

Трухнов Г. М. Провокационная политика Германии на Лондонской конференции послов по балканскому вопросу (декабрь 1912—январь 1913 г.). Уч. зап. Белорус. гос. ун-та, Минск, 1953, вып. 16, сер. ист., с. 253—284.

Турок В. М. Колониальная политика Второго Интернационала накануне империалистической войны 1914—1918 гг. «Пробл. востоковед », 1959, № 3, с. 42—57.

Утеник В. Балканские войны 1912—1913 гг. и политика империалистических держав. «Препод. ист. в школе», 1950, № 3, с. 28—45.

Файнгар И. М. Очерк развития германского монополистического капитала. М., 1958.

Франко-германский кризис 1875 г. Предисл. А. Ерусалимского. Подг. М. Бессмертная. «Кр. архив», 1938, т. 6(91), с. 106—149.

Хвостов В. М. Ближневосточный кризис 1895—97 гг. «Ист. марксист», 1929, т. 13, с. 19—54.

Хвостов В. М. Кризис внешней политики Бисмарка. «Ист. марксист», 1934, т. 5(39), с. 33—55.

Хвостов В. М. Проблема захвата Босфора в 90-х годах XIX века. «Ист. марксист», 1930, т. 20, с. 100—129.

Хвостов В. М. Россия и германская агрессия в дни европейского кризиса 1887 г. Ист. зап., 1946, т. 18, с. 201—254.

Хейфец Я. И. К истории колониальной политики германского империализма в 70—80-х годах XIX века. Уч. зап. Кабард. Нальчик, 1955, вып. 7, с. 107—124.

Чистяков В. В. Роза Люксембург о тактике германского пролетариата (1898—1907 гг.). В кн.: «Империализм и борьба рабочего класса». М., 1960, с. 235—257.

Чураков М. В. Агрессия Германии в Марокко. Уч. зап. ЛГУ, 1947 (обл. 1948), сер. ист. наук, вып. 15, с. 216—238.

Штейнберг Е. Германский империализм на Ближнем Востоке накануне мировой войны 1914—1918 годов. «Ист. журн.», 1943, кн. 1(113), с. 46—50.

П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. Предисл. В. М. Хвостова. «Кр. архив», 1933, т. 4(59), с. 82—109.

Эйсымонт В. С. Борьба вокруг колониального вопроса и рост шовинизма в Германии накануне ее первых колониальных захватов. Уч. зап. Омского гос. пед. ин-та, 1957, вып. 8, сер. ист.-филол., с. 103—171.

БИБЛИОГРАФИЯ КНИГ И СТАТЕЙ ПО ИСТОРИИ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА (ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ), ВЫШЕДШИХ ЗА РУБЕЖОМ ПОСЛЕ 1951 ГОДА*

Albertini L. The origins of the war of 1914. (3 vol.) Vol. 1. London 1952. XXVIII, 612 p.

Albrecht-Carrie R. A diplomatic history of Europe since Congress of Vienna. New York 1958, 786 p.

Alpert P. Twentieth century economic history of Europe. New York 1951. XIV, 466 p.

Anderson E. N. The social and political conflict in Prussia 1858—1864. Lincoln 1954. X, 445 p.

Die Auswirkungen der ersten russischen Revolution von 1905 bis 1907 auf Deutschland. Berlin 1954. LXXVI, 335 S.

Aydelotte W. O. Wollte Bismarck Kolonien? In: «Deutschland und Europa». Düsseldorf 1951, S. 41—68.

Backeberg H. S. W. De Betrekkingen tussen de Suid-Afrikaanse Republiek en Duitsland tot na de Jameson-Inval (1852—1896). «Archives Yearb. South Afr. Hist.», 1949, v. 1, s. 1—302.

Baldocci P. L'Italia e la prima crisi marocchina. «Riv. Stud. pol. int.», 1957, an. 24, p. 243—270.

Bardoux J. Bismarck a-t-il pu incorporer l'Angleterre dans la Triple alliance et réaliser l'isolément total de la France? «R. travaux Acad. sci. mor. polit.», 1953, t. 2, p. 38—53.

Bardoux J. La défaite de Bismarck. L'expansion coloniale et l'alliance russe. [Paris 1953], 358 p.

Bardoux J. Les origines du malheur européen: l'aide anglo-française à la domination prussienne. Paris 1948, 509 p.

Bardoux J. Quand Bismarck dominait l'Europe. [Paris 1953], 324 p.

Bartel W. Die Linken in der deutschen Sozialdemokratie im Kampf gegen Militarismus und Krieg. Berlin 1958, 640 S. (Перевод: *Бартель В.* Левые в германской социал-демократии в борьбе против милитаризма и войны. М., 1959, 700 с.).

Bartel H. Zur Politik und zum Kampf der deutschen Sozialdemokratie gegen die Bismarcksche Sozialreformpolitik und gegen den Rechtsopportunismus in den Jahren 1881—84. «Z. Geschichtswiss.», 1958, Jg. 6, H. 5, S. 1089—1107.

Baumgardt R. Bismarck. Licht und Schatten eines Genies. München 1951, 360 S.

Baumont M. L'essor industriel et l'imperialisme colonial (1878—1904). Paris 1937, 610 p. (Peuples et civilisations).

Beazley R. Bismarck's peace policies 1871—90. «Quart. R.», London 1954, v. 292, p. 98—112.

Bechtel H. Wirtschaftsgeschichte Deutschlands im 19. und 20. Jahrhundert. München 1956, 488 S.

Becker O. Bismarcks Kampf um die Eingliederung der Hansestädte in die Zolleiheit. In: «Städtenwesen und Bürgertum als geschichtliche Kräfte». Lübeck 1953, S. 227—242.

Becker P. Bismarcks Ringen um Deutschland Gestaltung. Heidelberg 1958, 963 S.

Beike H. Die deutsche Arbeiterbewegung und der Krieg von 1870—1871. Berlin 1957, 108 S.

---

* Составила Н. Я. Крайнева.

В список включены также некоторые работы, опубликованные до 1951 г., но не вошедшие в библиографию, приложенную к труду Хальгартена.

Benns F. L. Europäische Geschichte seit 1870. Bd. 1. 1870—1919. Fürstenfeldbruck 1952, 435 S.

Bergsträsser L. Geschichte der politischen Parteien in Deutschland. 7. Aufl. München 1952, 337 S.

Bismarck O.F.v. Bismarck und der Staat. Ausgewählte Dokumente. (2. Aufl.) Stuttgart 1954, XLVIII, 400 S.

Bismarck O. v. Briefe. Göttingen 1955, 456 S.

Bloch Ch. Les relations entre la France et la Grande-Bretagne, 1871—1878. Paris 1955, 288 p.

Boffy M. C. Les socialistes français et la question des rapports franco-allemands de 1904 à 1909. Diss. Paris 1954.

Bondi G. Deutschlands Aussenhandel 1815—1870. Berlin 1958, V, 156 S.

Booms H. Die deutsch-konservative Partei. Preußischer Charakter. Reichsauffassung. Nationalbegriff. Düsseldorf 1954, 136 S.

Bopp K. R. Die Tätigkeit der Reichsbank von 1876 bis 1914. 1.2. «Weltwirtschaftl. Arch.», 1954, Bd. 72, S. 34—59, 179—224.

Born K. S. Staat und Sozialpolitik seit Bismarcks Sturz. Ein Beitrag zur Geschichte der innenpolitischen Entwicklung des deutschen Reiches 1890—1914. Wiesbaden 1957, 256 S.

Bornhardt A. Das Janusgesicht der deutschen Sozialdemokratie. Stuttgart 1953, 219 S.

Bourgin G. Une entente franco-allemande. Bismarck, Thiers, Jules Favre et la répression de la Commune de Paris (mai 1871). «Int. R. soc. Hist.», 1956, v. 1, p. 41—53.

Bronsart von Schellendorff P. Geheimes Kriegstagebuch 1780—1871. Bonn 1954, 448 S.

Bruce M. The shapping of the modern world, 1870—1939. Vol. 1. Ends and beginnings. World to 1914. London 1958, 980 p.

Brünner E. R. J. De Bagdadspoorweg. Bijdrage tot de kennis omtrent het optreden der mogendheden in Turkije 1888—1908. Groningen 1956, XII, 468 s.

Brunschwig H. Bismarck et la diplomatie de l'empire. «R. Hist.», 1959, t. 222, fasc. 2, p. 311—330.

Brunschwig H. Mythes et réalités de l'impérialisme colonial français 1871—1914. Paris 1960, 205 p.

Buchheim K. Geschichte der christlichen Parteien in Deutschland. München 1953, 446 S.

Bühler J. Vom Bismarck-Reich zum geteilten Deutschland. Deutsche Geschichte seit 1871. Berlin 1960, 1027 S.

Büttner K. Die Anfänge der deutschen Kolonialpolitik in Ostafrika. Berlin 1959, VII, 156 S.

Bussmann W. Das Zeitalter Bismarcks. Konstanz 1957, 282 S.

Caillé J. Charles Jagerschmidt, chargé d'affaires de France au Maroc (1820—1894). Paris 1951, 313 p.

Cailler C. A. La politique balkannique de l'Italie entre 1875—1914. Fribourg 1951, IV, 249 p.

Campoamor J. M. La actitud de España ante la cuestión de Marruecos (1900—1904). Madrid 1951, IX, 515 p.

Carlgren W. M. Iswolsky und Aehrenthal vor der bosnischen Anneksionskrise. Russische und österreichisch-ungarische Balkanpolitik 1906—1908. Diss. Uppsala 1955, XII, 334 S.

Carrias E. Le danger allemand (1866—1945). Paris 1952, 264 p.

Carroll E. M. Germany and the Great powers 1866—1914. A study in public opinion and foreign policy. New York 1938, XV, 852 p.

Chamberlain J. A political memoir. 1880—1892. London 1953, 340 p.

Cieślak T. Bismarkowska ustawa, antysocjalistyczna z 21 pázdziernika 1878 ч. Studium historyczno-prawne. Torún 1952, 174 s.

Cole G. D. H. The second international, 1889—1914. A history of socialist thought. Vol. 1—3. New York 1953—1956, XI, 346; XI, 482; 1043 p.

Corrigan H. S. W. British, French and German interests in Asiatic Turkey. 1881—1914. Diss. London 1954.

Cowan L. G. France and the Saar, 1680—1948. New York—London 1950, 247 p.

Dehio L. Deutschland und die Weltpolitik in 20. Jahrhundert. Wien 1955, 155 S.

Deruga A. Historia imperializmu niemieckiego. Skrypt wykładów. Cz. 1. Warszawa 1950, 205 s.

Deuerlein E. Der Bundesratsausschuss für die auswärtigen Angelegenheiten. 1870—1918. Regensburg 1955, 346 S.

Deutschland—Frankreich. Ludwigsburger Beiträge zum Problem der deutsch-französischen Beziehungen. Stuttgart 1954, 378 S.

Dexter B. Lord Grey and the problem of an alliance. «Foreign Aff.», 1951—52, vol. 30, p. 298—309.

Dittrich Z. R. De opkomst van het moderne Duitsland. T. 1. 1800—1862. T. 2. 1862—1870. Groningen 1956, X, 393; 351 s.

Djordjević D. Kako su velike sile saznale za sklapanje Balkanskog Saveza 1912 godine. «Ist. Glasn.», 1954, t. 4, s. 127—143.

Djordjević D. Izlazak Srbije na Jadransko More in Konferencija ambasadora u Londonu 1912. Beograd 1956, 160 s.

Dokumente der deutschen Politik und Geschichte von 1848 bis zur Gegenwart. Ein Quellenwerk. Hrsg. J. Hohlfeld. Bd. 1. 1848—1890. Bd. 2. 1890—1918. Berlin s. a.

Dorpalen A. The German conservatives and the parliamentarization of Imperial Germany. «J. cent. europ. Aff.», 1951, v. 11, N 2, p. 184—199.

Drachkovitch M. M. Les socialismes français et allemand et le problème de la guerre. 1870—1914. Genève 1953, XI, 385 p.

Droz J. Histoire diplomatique de 1648 à 1919. Paris 1952, 626 p.

Egerton H. E. A short history of British colonial policy, 1606—1909. 12th ed. London 1950, XIII, 516 p.

Eildermann W. Wie die deutschen Linken gegen Militarismus und Krieg kämpften. «Einheit», 1958, H. 5, S. 759—768.

Engelberg E. Revolutionäre Politik und Rote Feldpost 1878—1890. Berlin 1959, 291 S.

Eyck E. Bismarck und das Deutsche Reich. Stuttgart 1955, 416 S.

Eyck E. Holstein und Bismarck. «Deutsch. Rdsch.», 1955, Jg. 81, S. 1031—1039.

Franzel E. 1870—1950. Geschichte unserer Zeit. 2 Aufl. München 1952, 496 S.

Frauendienst W. Deutsche Weltpolitik. Zur Problematik des wilhelminischen Reichs. «Welt als Gesch.», 1959, H. 1, S. 1—40.

Fricke D. Der Aufschwung der Massenkämpfe der deutschen Arbeiterklasse unter dem Einfluss der russischen Revolution von 1905. «Z. Geschichtswiss.», 1957, Jg. 5, S. 770—790.

Fricke D. Der Reichsverband gegen die Sozialdemokratie von seiner Gründung bis zu den Reichstagswahlen von 1907. «Z. Geschichtswiss.», 1959, Jg. 7, H. 2, S. 237—281.

Fricke D. Zur Militarisierung des deutschen Geisteslebens im Wilhelminischen Kaiserreich. Der Fall Leo Arous. «Z. Geschichtswiss.», 1960, Jg. 8, N 5, S. 1069—1107.

Galos A. Z dziejów walk z ruchem robotniczym w Niemczech w ostatnich latach XIX wieku. «Sobótka», 1952, r. 7, s. 179—216.

Gemkow H. Aus dem Kampf deutscher und französischer Sozialisten gegen Militarismus und Kriegsprovokationen in den Jahren 1886/1887. «Beitr. Gesch. deutsch. Arbeiterbeweg.», 1961, Jg. 3, N 1, S. 34—49.

Giglio C. La politica Africana dell! Inghilterra nel 19 secolo. Padova 1950, VIII, 508 p.

Göhring M. Bismarcks Erben 1890—1945; Deutschlands Weg von Wilhelm II bis Adolf Hitler. Wiesbaden 1958, 386 S.

Gollwitzer H. Esquisse d'une histoire générale des idées politiques au XIX-e siècle et plus particulièrement du nationalisme et de l'impérialisme. «Cah. Hist. mond.», 1957, v. 4, N 1, p. 83—120.

Gosses F. The management of British foreign policy before the First world war. Especially during the period 1880—1914. London 1948, 172 p.

Goudswaard J. M. Some aspects of the end of Britain's «splendid isolation» 1898—1904. Rotterdam 1952, 123 p.

Graig G. Die preussisch-deutsche Armee, 1640—1945. Aus dem Englischen übersetzt. Düsseldorf 1960, 576 S.

Grenville J. A. S. Goluchowski, Salisbury and the Mediterranean agreements, 1845—1897. «Slav. east. europ. R.», 1958, v. 36, N 87, p. 340—370.

Grant A. J. and Temperley H. Europe in the nineteenth and twentieth centuries (1789—1950). 6 ed. London 1952, XXII—603 p.

Groot E. de. Great Britain and Germany in Zanzibar: consul Holmwood's papers, 1886—1887. «J. mod. Hist.», 1953, v. 25, p. 120—138.

Hallgarten G. W. F. Fritz von Holsteins Geheimnis. Neues Licht auf die Lebensgeschichte des «Grauen Eminenz». «Hist. Z.», 1954, Bd. 177, S. 75—83.

Hallgarten G. W. F. Heinrich von Treitschke, the role of the «outsider» in German political though. «History», 1951, v. 36, p. 227—243.

Hamerow T. S. Restoration, revolution, reaction. Economics and politics in Germany. 1815—1871. Princeton 1958, IX, 347 p.

Hartung F. Bismarck und Graf Harry Arnim. «Hist. Z.», 1951, Bd. 171, S. 47—75.

Hartung F. Deutsche Geschichte 1871—1919. 6 neubearb. Aufl. Stuttgart 1952, 448 S.

Haselmayr F. Diplomatische Geschichte des Zweiten Reichs von 1871—1918. Die Ära des Friedenskanzlers 1871—1890. Buch 1—3. München 1955—1957. 188; 161; 302 S.

Hauser H. et a. Du libéralisme à l'imperialisme (1860—1870). 2-e éd. Paris 1952, 677 p. (Peuples et civilisations).

Hauser O. Deutschland und der englisch-russische Gegensatz 1900—1914. Göttingen 1958, VIII, 288 S.

Haussherr H. Wirtschaftsgeschichte der Neuzeit. Weimar 1954, XV, 543 S.

Heidegger H. Die deutsche Sozialdemokratie und der nationale Staat. 1870—1920. Berlin—Frankfurt a/M. 1956, 401 S.

Heidorn G. Die Agression des deutschen Imperialismus gegen China um die Jahrhundertwende. «Wiss. Z. Univ. Rostock, Ges.- u. sprachwiss. Reihe», 1956, Jg. 5, S. 259—267.

Heidorn G. Bemerkungen zur ersten Flottenrüstung und Flottenpropaganda des deutschen Imperialismus. «Wiss. Z. Univ. Rostock, Ges.- u. sprachwiss. Reihe», 1957—58, Jg. 7, H. 1, S. 5—15.

Heidorn G. Der deutsche Imperialismus und die 2. Haager Konferenz im Jahre 1907. «Wiss. Z. Univ. Rostock, Ges.- u. sprachwiss. Reihe», 1955, Jg. 4, S. 223—237.

Heidorn G. Monopole, Presse, Krieg. Die Rolle der Presse bei der Vorbereitung des 1. Weltkrieges. Berlin 1960, 362 S.

Heidorn G. Zur politischen Situation am Vorabend des ersten Weltkrieges. «Wiss. Z. Univ. Rostock, Ges.- u. sprachwiss. Reihe», 1957, Jg. 6, S. 123—140.

Hellfaier K. A. Die deutsche Sozial-Demokratie während des Sozialistengesetzes 1878—1890. Ein Beitrag zur Geschichte ihrer illegalen Organisations- und Agitationsformen. Berlin 1958, 276 S.

Henderson W. O. The state and the industrial revolution in Prussia 1740—1870. Liverpool 1958, XXIII, 232 p.

Herzfeld H. Die moderne Welt. 1789—1945. Bd. 1. Die Epoche der bürgerlichen Nationalstaaten. 1789—1890. Bd. 2. Weltmächte und Weltkriege. Die Geschichte unserer Epoche. 1890—1945. Berlin 1950—1952, 254; VIII, 392 S.

Hintrager O. Südwestafrika in der deutschen Zeit. München 1955, 261 S.

Hobsbawm E. J. La politica inglese nel XX secolo. «Societa», 1958, N 1, p. 101—118.

Holm T. Värnplikten 150 är. Från franska revolutionen till Förenta nationerna. Stockholm 1951, 301 s.

Holstein F. v. Die geheimen Papiere Friedrich von Holsteins (Werke). (4 Bde) Bd. 1. Erinnerungen und politische Denkwürdigkeiten. Bd. 2. Tagebuchblätter. Göttingen — Berlin — Frankfurt a/M. 1956—1957, LXVII, 214; XX, 442 S.

Holstein F. v. The Holstein papers: the memoirs, diaries and correspondence, 1837—1909. (v. 1—4) Vol. I. Memoirs and political observations. Vol. II. Diaries. New York — London 1955—1957, XXVII, 216; XIX, 404 p.

Hubatsch W. Der Admiralstab und die obersten Marinebehörden in Deutschland, 1848—1945. Frankfurt a/M. 1958. 269 S.

Hubatsch W. Die Ära Tirpitz. Studien zur deutschen Marinepolitik 1890—1918. Göttingen — Berlin — Frankfurt 1955, 139 S.

Huber E. R. Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789. Bd. 1—2. Stuttgart 1957—1960, 820; 935 S

Hünerwadel W. Allgemeine Geschichte vom Wiener Kongreß bis zum Ausbruch des Weltkrieges 2. 1871—1914. 2. Das Zeitalter Bismarcks. Das imperialist. Zeitalter. Aarau 1952, 292 S.

Hurewitz J. C. Diplomacy in the Nea and Middle East. Vol. 1. A documentary record: 1535—1914. Princeton 1956, 291 p.

Jacobson G. Bismarck. Stockholm 1942, 364 S.

Jantke C. Der vierte Stand. Die gestaltenden Kräfte der deutschen Arbeiterbewegung im 19. Jahrhundert. Freiburg 1955, VII—237 S.

Jefferson M. M. Lord Salisbury and the Eastern question, 1890—1898. «Slav. east europ. R.», 1960, v. 39, N 92, p. 44—60.

Jeismann K. E. Das Problem des Präventivkrieges im europäischen Staatensystem mit besonderem Blick auf die Bismarckzeit. Freiburg. i. B.— München 1957, VII, 200 S.

Joll J. The second International 1889—1914. London 1955, 213 p.

Kamerun unter deutscher Kolonialherrschaft. Studien. Hrsg. von. Dr. H. Stoecker. Bd. 1. Berlin 1960, 288 S.

Kamiński A. J. Niektóre produkty walki z socjalizmem w Niemczech w dobie wczesnego imperializmu. «Przegl. zach»., 1954, r. 10, N 2, s. 120—161.

Klaß G. v. Die drei Ringe. Lebensgeschichte eines Industrieunternehmens. Tübingen — Stuttgart 1953, 478 S.

Klein F. Das Heranreifen einer politischen Krise in Deutschland am Vorabend des 1. Weltkrieges. «Z. Geschichtswiss.», 1955, Jg. 3, S. 593—619.

Klein F. Über die Verfälschung des historischen Wahrheit in der Aktenpublikation «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914». «Z. Geschichtswiss.», 1959, Jg. 7, H. 2, S. 318—330.

Klein F. Zur China-Politik des deutschen Imperialismus im Jahre 1900. «Z. Geschichtswiss.», 1960, Jg. 8, H. 4, S. 817—843.

Klemperer K. v. Germany's new conservatism: its history and dilemma in the twentieth century. Princeton 1957, XXVI, 250 p.

Kluke P. Bismarck und Salisbury. Ein diplomatisches Duell. «Hist. Z.», 1953, Bd. 175, S. 285—306.

Koehl R. L. Colonialism inside Germany. 1886—1918. «J. mod. hist.», 1953, v. 25, p. 255—272.

König E. Die deutsche Sozialdemokratie und die aufkommenden Wirtschaftsmonopole. Berlin 1958, 282 S.

Kramer H. Die Grossmächte und die Weltpolitik 1789—1945. Innsbruck — Wien — München 1951, 864 S.

Kruck A. Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1890—1939. Wiesbaden 1954, VI, 258 S.

Krupp und die Hohenzollern. Aus der Korrespondenz der Familie Krupp. Berlin 1956, 162 S.

Kuczynski J. Der Ausbruch des ersten Weltkrieges und die deutsche Sozialdemokratie. Chronik und Analyse. Berlin 1957, XI, 252 S.

Kuczynski J. und Wittkowski G. Die deutsch-russische Beziehungen in den letzten 150 Jahren. Berlin 1947, 125 S.

Kuczynski J. Die Geschichte der Lage der Arbeiter in Deutschland von 1789 bis in die Gegenwart. 6 Aufl. Bd. I, T. 1, 1789—1870, T. 2, 1871—1932. Berlin 1954. 343; 353 S. (Перевод: *Кучинский Ю.* История условий труда в Германии. М. 1949, пер. с 5-го нем. изд. 1947 г.)

Kuczynski J. Studien zur Geschichte des deutschen Imperialismus. 2 Aufl. Bd. 1, Berlin 1952, 398 S.

Kuczynski J. Studien zur Geschichte des Kapitalismus. Berlin 1957, 246 S.

Kürenberg J. v. War alles falsch? Das Leben Kaiser Wilhelms II. (2 Aufl.) Bonn 1951, 471 S.

Lambi I. M. The agrarian-industrial front in Bismarckian politics. 1873—1879. «J. cent. europ. Aff.», 1961, v. 20, N 4, p. 378—396.

Langer W. L. The diplomacy of imperialism 1890—1902. 2 ed. New York 1951, XXIII, 797, XXII p.

Le Breton J. M. R. Britain, France and Germany and the Maroccan question march 1905 — january 1906. Diss. Oxford, 1953.

Lethow-Vorbeck P. E. Mein Leben. Biberach a/d. Riss 1957, 288 S.
Lewinson G. The Russo-German reinsurance treaty 1887—1890. Diss. London 1953.
Liebknecht K. Gesammelte Reden und Schriften. Bd. I—III. Berlin 1960.
Liebmann M. L'héritage de Lassalle dans le socialisme de l'Allemagne impériale. «R. Inst. sociol.», 1958, N 3, p. 517—556.
Liebmann M. Réformisme et conservatisme dans la politique social de Bismarck. «R. Inst. sociol.», 1959, N 4, p. 573—607.
Lindau R. Arbeiterklasse und SPD-Führung beim Ausbruch des ersten Weltkrieges. Kritik einer unmarxistischen Darstellung in einem Buch von Jürgen Kuczynski. «Einheit», 1958, H. 3, S. 381—396.
Lipson E. Europe in the 19th century; 1815—1914. 8th ed. London 1948, 298 p.
Lobanow-Rostovsky A. Russia and Europe, 1825—1878. «Ann Arbor», 1954, 330 p.
Lohmeyer H. Die Politik des Zweiten Reichs 1870—1918. Bd. I—II. Berlin 1939, 555; 578 S.
Lorents Y. Första katastrofen. Stormakterna och världspolitiken 1900—1918. Stockholm 1952, VIII, 640 s.
Loth H. Die Gründung von Deutsch-Ostafrika und die christliche Mission. «Wiss. Z. Karl-Marx Univ. Ges.- u. sprachwiss. Reihe», 1958—59, H. 2, S. 341—348.
Lütge F. Deutsche Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Berlin 1952, XIV, 433 S.
Łukaszewski J. Imperialism niemiecki a Turcja. «Przegl. zach.», 1954, r. 10, N 1, s. 393—405.
Łukaszewski J. Imperializm niemiecki a Turcja 1912—1913. «Roczn. hist.», 1955—1956, r. 22, s. 127—167.
Luxemburg R. Ausgewählte Reden und Schriften. Bd. 1—2. Berlin 1955.
Rosa Luxemburg im Kampf gegen den deutschen Militarismus, Prozeßberichte und Materialen aus den Jahren 1913 bis 1915. Berlin 1960, 264 S.
Maehl W. The triumph of nationalism in the German socialist party on the eve of the first world war. «J. mod. hist.», 1952, v. 24, p. 15—41.
Mann G. Deutsche Geschichte des neunzehnten und zwanzigsten Jahrhunderts. Frankfurt a/M. 1959. 989 S.
Marchat H. La conférence d'Algésiras: nos ambassadeurs et nos amis. «R. Hist. diplom.», 1959, an. 73, N 2, p. 97—128.
Martin B. G. German-Persian diplomatic relations. 1873—1912. 's. Gravenhage 1959. 237 p.
May A. J. The Habsburg monarchy 1867—1914. Cambridge 1951. X, 532 p.
Medlicott W. N. Bismarck, Gladstone and the concert of Europe. London 1956, 368 p.
Meisner H. O. Militärattachés und Militärbevollmächtigte in Preussen und im Deutschen Reich. Ein Beitrag zur Geschichte der Militärdiplomatie. Berlin 1957, 87 S.
Meisner H. O. Der Reichskanzler Caprivi. Eine biographisches Skizze. «Z. ges. Staatswiss.», 1955, Bd. 111, S. 669—752.
Meusel A. Beiträge zur Geschichte des deutschen Imperialismus von 1890 bis 1914. T. 1. Berlin 1951, 56 S.
Meyer H. C. German economic relations with southeastern Europe, 1870—1914. «Am. hist.R.», 1951, v. 57, N 1, p. 77—90.
Meyer H. C. Mittelrueopa in German thougth and action. 1815—1945. 's. Gravenhage — London 1955, XV, 378 s.
Moerlen I. et Bechelen L. La lutte qe da jeunesse estudiantine alsacienne et lorraine contre l'emprise allemande de 1871 à 1918. Strasbourg — Cronenbourg 1957, 68 p.
Mommsen W. Deutschland und Europa, 1850—1933. Frankfurt a/M. 1944, 254 S.
Mommsen W. Geschichte des Abendlandes von der französischen Revolution bis zur Gegenwart. 1789—1945. München 1951, 628 S.
Mommsen W. Max Weber und die deutsche Politik 1890—1920. Inaug. Diss. Tübingen 1959, XIII, 442 S.
Mommsen W. Stein, Ranke, Bismarck. Ein Beitrag zur politischen und sozialen Bewegung des 19. Jahrhunderts. München 1954, 303 S.
Morsey R. Die oberste Reichsverwaltung unter Bismarck, 1867—1890. Münster 1957, 352 S.

Mosse W. E. The European powers and the German question, 1848—1871, with special reference to England and Russia. Cambridge 1958, 409 p.

Mühlen N. The incredible Krupps. The rise, fall and comeback of Germany's industrial family. New York 1959. XI, 308 p.

Müller F. F. Deutschland—Zanzibar—Ostafrika. Studien zur Geschichte einer deutschen Kolonialeroberung 1884—1890. Berlin 1959, 580 S.

Muralt L. Bismarcks Verantwortlichkeit. Göttingen — Berlin — Frankfurt 1955, 234 S.

Nabiel E. O specyfice rozwoju imperializmu niemieckiego. Warszawa 1959, 398 s.

New Cambridge Modern History, v. 12. Ere of violence, 1898—1945. London 1960, XX, 602 p.

Nichols J. A. Germany after Bismarck; the Caprivi era, 1890—1894. Cambridge 1958, 404 p.

Norden A. Lehren deutscher Geschichte zur politischen Rolle des Finanzkapitalist und der Junker. 4 Aufl. Berlin 1950, 303 S. (Перевод: *Норден А.* Уроки германской истории. К вопросу о политической роли финансового капитала и юнкерства. Пер. с 3-го нем. изд. М., 1948. 293 с.)

Novotny A. Österreich-Ungarn und die Türkei zur Zeit des Berliner Kongresses bis zum Abschluss der Konvention vom 21. April 1879. «Mitt. österr. Staatsarch.», 1957, Bd. 10, S. 341—356.

Novotny A. Quellen und Studien zur Geschichte des Berliner Kongresses. Bd. 1. Österreich, die Türkei und das Balkanproblem im Jahre des Berliner Kongresses. Graz — Köln 1957, 376 S.

O'Boyle L. Liberal political leadership in Germany, 1867—1884. «J. mod. Hist.», 1956, v. 28 N 4, p. 338—352.

Ostwald P. So fing es an. Die diplomatische Vorgeschichte des 1. Weltkrieges. Baden-Baden 1957, 404, 54 S.

Pajewski J. Podłoże gospodarczo-społeczne niemieckich planów strategicznych przed pierwszą wojną światowa. «Przegl. zach»., 1952, r. 8, N 2, s. 590—610.

Pajewski J. Wewnętrzne sporzeczności imperializmu niemieckiego na tle polityki Rzeszy wobec Rosji. «Przegl. zach.», 1954, r. 10, N 1, s. 406—429.

Pajewski J. Ze studiów nad stosunkiem imperialismu niemieckiego do Rosji w latach 1904—1905. «Roczn. hist.», 1953—1954 (1956), r. 21, s. 175—193.

Paléologue M. Three critical years. New York 1957, 312 p.

Parker W. N. Entrepreneurship, industrial organization and economic growth. A German example. «J. econ. Hist.», 1954, v. 14, p. 380—400.

Pelanze O. Bismarck and German nationalism. «Am. hist. R.», 1955, v. 60, N 3, p. 548—566.

Pelanze O. Bismarck's Realpolitik. «R. polit.», 1958, v. 20, N 4, p. 492—514.

Petzold J. Zu den Kriegszielen der deutschen Monopolkapitalisten im ersten Weltkrieg (Dokumentation). «Z. Geschichtswiss»., 1960, Jg. 8, H. 6, S. 1396—1415.

Pinson K. S. Modern Germany. Its history and civilization. New York 1954, XV, 637 p.

Pönicke H. Heinrich August Meissner-Pascha und der Bau der Hedschas- und Bagdadbahn. «Welt als Gesch.», 1956, Jg. 16, S. 196—210.

Pollard S. British and world shipbuilding, 1890—1914. «J. econ. hist.», 1957, v. 17, N 3, p. 426—445.

Pollock J. K. and Thomas H. Germany in power and eclipse. The background of German development. New York 1952, VIII, 661 p.

Ponteil F. Histoire générale contemporaine du milieu du XVIII-e siècle à la deuxième guerre mondiale. Paris 1951, 568 p.

Preradovich N. v. Die Führungsschichten in Österreich und Preussen (1804—1918). Wiesbaden 1955, 240 S.

Puntila L. A. Bismarck in Ranskan-politiikka. Helsinki 1952, 376 s.

Raab A. Die Politik Deutschlands im Nahen Orient von 1878 bis 1908. Wein 1936, IV, 167 S.

Ragionieri E. Socialdemocratici tedeschi e socialisti italiani (1878—1888). «Studi stor.», 1959—60, an. 1, N 1, p. 62—136.

Ramos Oliviera A. Historia social y política de Alemania 1800—1950. Mexico City 1952, 322 p.

Rassow P. Schlieffen und Holstein. «Hist. Z.», 1952, Bd. 173, S. 297—313.

Rassow P. Die Stellung Deutschlands im Kreise der Grossen Mächte 1887—1890. Mainz 1959, 57 S.

Rathenau W. Ein preussischer Europäer. Briefe. Berlin 1955, 467 S.

Redlich J. Schicksalsjahre. Österreichs 1908—1919. Das politische Tagebuch J. Redlichs. Bd. 1. 1908—1914. Garz 1953, XIX, 295 S.

Rein G. A. Die Revolution in der Politik Bismarcks. Göttingen—Berlin—Frankfurt a/M. 1957, 360 S.

Renouvin P. Le XIX-e siècle. 1. De 1815 à 1871. 2. De 1871 à 1914. Paris 1954—1955, 421; 401 p. (Histoire des relations internationales).

Renouvin P. L'Empire allemand au temps de Bismarck. Paris 1950, 240 p.

Renouvin P. L'Empire allemand de 1890 à 1918. Paris 1951, 315 p.

Rich N. Holstein and the Arnim affair. «J. mod. Hist.», 1956, v. 28, N 1, p. 35—54.

Ris O. F. Das Verhältnis der deutschen Presse zur offiziellen deutschen Politik während der ersten Marokkokriese 1904—1906. Köln 1950, 256 S.

Ritter G. Die Arbeiterbewegung in Wilhelminisches Reich. Berlin 1959, 252 S.

Ritter G. Le «plan Schlieffen» de l'Etat-Major allemand de 1914. Considérations sur sa critique militaire et politique. «R. Hist. mod. et contemp.», 1960, t. 7, p. 215—231.

Ritter G. Der Schlieffenplan. Kritik eines Mythos. München 1956, 200 S.

Ritter G. Staatskunst und Kriegshandwerk. Das Problem des «Militarismus» in Deutschland. Bd. 1. Altpreussische Tradition (1640—1890). Bd. 2. Die Hauptmächte Europas und das Wilhelminische Reich (1890—1914). München 1954—1960, 407; 393 S.

Römmer K. England und die auropäischen Mächte im Jahre 1887. Diss. Bern 1957, 153 p.

Rogge H. Friedrich von Holstein, Max Eyth und die Tau-Schleppschiffahrt. «Blätter deutsch. Land.-gesch.», 1952, Jg. 89, S. 169—246.

Rogge H. Holstein und Harden; politisch-publizistisches Zusammenspiel zweier Aussenseiter des Wilhelminischen Reichs. München 1954, 499 S.

Rogge H. Holstein und Hohenlohe. Neue Beiträge zu Friedrich von Holsteins Tätigkeit als Mitarbeiter Bismarcks und als Ratgeber Hohenlohes. Nach Briefen und Aufzeichnungen aus dem Nachlass des Fürsten Chlodwig zu Hohenlohe — Schillingsfürst 1874—1894. Stuttgart 1957, 452 S.

Rohrbach P. Um des Teufels Handschrift. 2 Menschenalter erlebert Weltgeschichte. Hamburg 1953, 518 S.

Rolinet de Clery A. La politique douanière de l'Allemagne depuis l'avènement de Caprivi jusqu'à nos jours (1890—1925). Paris 1935, 404 p.

Rutkowski E. R. Die Bündnisverhandlungen zwischen der Türkei, Österreich-Ungarn und Deutschland 1881—1882. «Mitt. österr. Staatsarch.», 1957, Bd. 10, S. 357—386.

Saile W. Hermann Wagener und sein Verhältnis zu Bismarck. Tübingen 1958, 167 S.

Saitschick R. Bismarck und das Schicksal des deutschen Volkes. Basel — München 1949, 198 S.

Salis J. R. Weltgeschichte der neuesten Zeit. 2 Aulf. Bd. 1. Die historischen Grundlagen des 20. Jahrhunderts 1871—1904. Bd. 2. Der Aufstieg Amerikas. Das Erwachen Asiens. Die Krise Europas. Der 1. Weltkrieg. Zürich 1955, XX, 738; XVI, 766 S.

Schieder T. Bismarck und Europa. Ein Beitrag zum Bismarck-Problem.—In: «Deutschland und Europa». Düsseldorf 1951, S. 15—40.

Schlieffen A. Briefe. Göttingen 1958, 327 S.

Schnabel F. Bismarck und die klassische Diplomatie. «Außenpolitik», 1952, Jg. 3, S. 635—642.

Schorske C. E. German social democracy, 1905—1917: the development of the great schism. London — Cambridge 1955, XIII, 358 p.

Schraepler E. Quellen zur Geschichte der sozialen Frage in Deutschland. Bd. 2. Göttingen 1957, 246 S.

Schreiner A. Zur Geschichte der deutschen Außenpolitik 1871—1945. Bd. 1. Berlin 1952, 463 S.

Schröder E. Krupp. Geschichte einer Unternehmerfamilie. Göttingen 1957, 82 S.

Schüddekopf O. E. Die deutsche Flottenpolitik von 1890—1914 und ihr Einfluß auf die deutsch-englischen Beziehungen. «Int. Jb. Gesch. unterr.», 1951, Bd. 1, S. 160—167.

Schüddekopf O. E. Die deutsche Innenpolitik im letzten Jahrhundert und der konservative

Gedanke. Die Zusammenhänge zwischen Aussenpolitik, innerer Staatsführung und Parteiengeschichte, dargestellet an die Geschichte der konservativen Partei von 1807 bis 1918. Braunschweig 1951, 132 S.

Schüssler W. Die Daily-Telegraph-Affaire. Fürst Bülow, Kaiser Wilhelm und die Krise des Zweiten Reiches 1908. Hamburg — Göttingen 1952, 126 S.

Schüssler W. Deutschland zwischen Russland und England. Leipzig 1940, 173 S.

Schüssler W. Noch einmal: Bismarck und die Nationen. «Nouv. Clio», 1949—1950, an 1/2, p. 432—455.

Schüssler W. Österreich und der Südosten in der deutschen Geschichte. «Ostdeutsch. Wissenschaft», 1956, Bd. 2, S. 201—226.

Schulz G. Die deutsche Sozialdemokratie und die Idee des internationalen Ausgleichs. In: «Aus Geschichte und Politik». Düsseldorf 1954, S. 89—116.

Schwerin von Krosigk L. Die grosse Zeit des Feuers. Der Weg der deutschen Industrie. Bd. 2. Tübingen 1958, 700 S.

Schanahan W. O. Liberalism and foreign affairs: (Friedrich) Naumann and the prewar German view. «R. polit.», 1959, v. 21, N 1, p. 188—223.

Sitki B. Das Bagdadbahn-Problem 1890—1903. Diss. Freiburg 1935.

Skidmore Th. E. Survey of unpublished surces on the central government and politics of the German empire, 1871—1918. «Am. hist. R.», 1960, v. 65, N 4, rp. 848—859.

Sluimers L.E.L. Die Brits-Russische entente van 31 Augustus 1907 gezien als verwezenlijking van Bismarcks «Cauchemar des coalitions». Amsterdam 1957, 137 s.

Snell J. L. German socialists in the last imperial Reichstag, 1912—1918. «Bull. int. Inst. soc. Hist.», 1952, v. 7, p. 196—205.

Snell J. L. Imperial Germany's tragic era, 1888—1918: threshold to democracy of foreground of nazism? «J. cent. europ. Aff.», 1959, v. 19, N 1, p. 57—75.

Somervell D. C. British politics since 1900. London 1950, 270 p.

Steglich W. Beitrag zur Problematik des Bündnisses zwischen Junkern und Bourgeoisie in Deutschland 1870 bis 1880. «Wiss. Z. Humboldt-Univ. Berlin. Ges.- und sprachwiss. Reihe», 1959—1960, Jg 9., H. 3, S. 323—340.

Stenkewitz K. Gegen Bajonett und Dividende. Die politische Krise in Deutschland am Vorabend des ersten Weltkrieges. Berlin 1960, 320 S.

Stern L. Die Auswirkungen der ersten russischen Revolution von 1905—1907 auf Deutschland. Bd. 1—2. Berlin 1954—1956, LXXVI, 335; LXIII, 350 S.

Stern L. Die deutsche Sozialdemokratie und die russische Revolution 1905 bis 1907. «Wiss. Ann.», 1957, Jg. 6. S. 577—592.

Stern L. Der Kampf der deutschen Sozialdemokratie in der Zeit des Sozialistengesetzes 1878—1890. Die Tätigkeit der Reichs-Commission. Bd. 1—2. Berlin 1956, LVIII, 560; 561—1096 S.

Stoecker H. Deutschland und China im 19. Jahrhundert. Berlin, 1958. 307 S.

Stoecker H. Der Eintritt Preussens und Deutschlands in die Reihe der China bevorrechteten Mächte. «Z. Geschichtswiss.», 1957, Jg. 5, S. 249—263.

Stoecker H. Zur Politik Bismarcks in der englisch-russischen Krise von 1885. «Z. Geschichtswiss.», 1956, Jg. 4, S. 1187—1202.

Taylor A.J.P. Bismarck. The man and the statesman. New York 1955, 286 p.

Taylor A.J.P. British policy in Marocco, 1886—1902. «Eng. hist. R.», 1951, vol. 66, p. 342—374.

Taylor A.J.P. La conférence d'Algésiras. «R. hist.», 1952, t. 208, p. 236—254.

Taylor A.J.P. Rumours of wars. London 1952, VIII, 262 p.

Taylor A.J.P. The struggle for mastery in Europe, 1848—1918. Oxford 1954, XXXVI, 638 p. Перевод: *Тэйлор А. Дж. П.* Борьба за господство в Европе, 1848—1918. М., 1958. 643 с.)

Thaden E. C. Charykov and russian foreign policy at Constantinople in 1911. «J. cent. europ. Aff.», 1956, v. 14, N 1, p. 25—44.

Theodor G. Friedrich Naumann oder der Prophet des Profits. Ein biographischer Beitrag zur Geschichte des frühen deutschen Imperialismus. Berlin 1957, 278 S.

Thimme A. Hans Delbrück als Kritiker der Wilhelminischen Epoche. Düsseldorf 1955, 166 S.

Terlinden Ch. Impérialisme et équilibre. La politique internationale depuis la renaissance jusqu'â la fin de la seconde guerre mondiale. Bruxelles 1952, 564 p.

Teske H. Colmar von der Goltz. Göttingen 1957, 88 S.

Treue W. Deutsche Parteiprogramme 1861—1956. 2 Aulf. Göttingen 1956, 371 S.

Trzeciakowski L. Konflikt Wilhelm II — Bismarck a niemieckie klasy posiadające. «Przeg. zach.», 1960, N 4, s. 214—227.

Vagts A. M. M. Warburg und C°. Ein Bankhaus in der deutschen Weltpolitik 1905—1933. «Viertelj.-schr. Soz.- u. Wirtschaftsgesch.», 1958, Bd. 45, H. 3, S. 289—388.

Vallotton H. Bismarck et Hitler. Paris 1954, 370 p.

Van Abbé D. The Germans in South Africa. «Austral. Quart.», 1956, v. 28, N 3, p. 69—79.

Van der Esch P. La deuxième internationale, 1889—1923. Paris 1957, X, 186 p.

Varain H. J. Freie Gewerkschaften Sozialdemokratie und Staat. Die Politik der Generalkommission unter der Führung Carl Legiens (1890—1920). Düsseldorf 1956, 193 S.

Vermeil E. L'Allemagne contemporaine, sociale, politique et culturelle, 1890—1950. Vol. 1. Le règne de Guillaume II, 1890—1918. Paris 1952, 384 p.

Vettes W. G. The German social democrats and the Eastern question 1848-1900. «Am. slav. east europ. R.», 1958, v. 17, N 1, p. 86—100.

Vogel W. Birmarcks Arbeiterversicherung. Ihre Entstehung im Kräftespiel der Zeit. Braunschweig 1951, 192 S.

Vossler O. Bismarcks Ethos. «Hist. Z.», 1951, Bd. 171, S. 263—292.

Walters E. Aehrenthal's attempt in 1907 to re-group the European Powers. «Slavonic R.», 1951, vol. 30, p. 213—251.

Walters E. Unpublished documents. Austro-Russian relations under Goluchowski 1895—1906. «Slav. east europ. R.», 1953, v. 31, p. 503—527, v. 32, p. 187—214, 496—498.

Weltmachtstreben und Flottenbau. Witten—Ruhr 1956, 237 S.

Winckler M. B. Bismarcks Rumänienpolitik und die europäische Großmächte 1878/79. «Jbb. Gesch. Osteuropas», 1954, Bd. 2, S. 53—88.

Windell G.C. The Catholics and Germany unity, 1866—1871. London 1955, 324 p.

Wittram R. Bismarck und Gorcakow im Mai 1875. Göttingen [1955]! 244 S.

Wittram R. Bismarcks Russlandpolitik nach der Reichsgründung. «Hist. Z.», 1958, Bd. 186, H. 2, S. 261—284.

Wohlgemuth H. Deutschland und die deutsche Arbeiterbewegung von der Jahrhundertwende bis zum Novemberrevolution. Berlin 1960, 164 S.

Zaghi C. La spartizione dell' Africa (1876—1918). «Nuova antol.», 1958, fasc. 1888, p. 531—548.

Zarnow G. Die Geburt der Weltkriege. Düsseldorf 1957, XVI, 221 S.

Zechlin E. Bismarck und die Grundlegung der deutschen Grossmacht. 2 Aufl. Stuttgart 1960, 652 S.

Zetkin C. Ausgewählte Reden und Schriften. Bd. III. Berlin 1960, 640 S.

Ziebura G. Die deutsche Frage in der offentlichen Meinung Frankreichs von 1911—1914. Berlin 1955, 223 S.

Zmarzlik H. G. Bethmann Hollweg als Reichskanzler 1909—1914. Studien zu Möglichkeiten und Grenzen seiner innerpolitischen Machtstellung. Düsseldorf 1957, 160 S.

Zsigmond L. Versuche des deutschen Imperialismus, seine Machtpositionen nach Ost- und Südosteuropa hinüberzuretten. Budapest 1958, 61 S.

ОГЛАВЛЕНИЕ

А. Ерусалимский. Георг Хальгартен и его исследование внешней политики германского империализма (Вступительная статья) 1

Предисловие 1933 года 31

Глава первая. **Социологические основы внешней политики Бисмарка** . . .

Характер внешней политики Бисмарка—35. Внутриполитические основы внешней политики Бисмарка после образования империи — 36. Миллиардная благодать, грюндерство и внешняя политика — 39. Культуркампф и внешняя политика — 41. Военные законопроекты эпохи грюндерства. «Военная тревога» — 44. Социологические основы германо-русского отчуждения—46. Внешнеполитическая позиция немецких партий во время Восточного кризиса — 50. Экономический кризис и торгово-политический поворот —52. Кризис и распад германского либерализма. Роль Микеля — 57. Либеральная левая — 59. Аграрии и Центр — 60. Поворот во внутренней и внешней политике. Победа Людвига Виндтхорста — 62. Германо-австрийский союз и позиция партий — 63. Внешняя политика Бисмарка и партии в начале колониальной эпохи — 66. Социологические основы колониальной политики Бисмарка — 68. Колониальная политика и партии — 74. Постепенное возникновение империалистических слоев общества — 76. Социологические основы обострения противоречий между Германией и Россией— 78. Железнодорожное строительство и болгарский кризис — 80. Потрясение основ внешней политики Бисмарка под воздействием экономического кризиса — 84. Прусско-германская политика в польском вопросе —86. Пошлины на зерно и валютная агитация — 87. Начало борьбы Бисмарка против русских ценностей — 89. Аграрный кризис как основа септенатских выборов —90. Преувеличение опасности войны как фактор внутренней политики Бисмарка. Буланжистский кризис и септенатские выборы — 93. Стремление Бисмарка застраховаться от последствий своей собственной политики травли. Германо-русский секретный договор — 96. Успех антирусских течений в Германии. Экономическая борьба и запрет закладов—96. Другие факторы напряженности на Востоке. Новый болгарский кризис — 98. Повышенное давление изнутри. Предстоящая смена монарха — 100. Социологический и внешнеполитический характер режима девяноста девяти дней — 101. Личность и окружение Вильгельма II — 105. Подрыв позиций Бисмарка врагами России — военными и аграриями — 106.

Глава вторая. **Внутренняя и внешняя политика по принципу «маятника»**

Социально-экономические предпосылки мировой политики — 113. Гольштейн, Маршалл, Каприви и дальнейшее усиление русофобства в Германии — 119. Внутриполитические основы курса Каприви — 125. Торговые договоры Каприви и политические партии — 127. Возобновление экономической борьбы с Россией — 129. Падение курсов на бирже и экономические

затруднения России. Попытки русско-французского сближения —130. Немецкие аграрии и военщина толкают русских в объятия Франции —132. Экономический кризис и торговая политика Каприви —135. Военный законопроект Каприви 1890 года и рейхстаг —137. Военный законопроект Каприви 1893 года и его политическое и социологическое значение —139. Организация военной пропаганды в прессе. Растущая оппозиция военному законопроекту —142. Провал военного законопроекта в рейхстаге. Новые выборы —148. Таможенная война с Россией как результат сохранения аграриями ключевых позиций. Закрепление франко-русского союза — 149. Причины прекращения таможенной войны. Русско-германский торговый договор и отмена запрета закладов —151. Осложнение англо-германских отношений, вызванное деятельностью Карла Петерса и немецких колониальных политиков —153. Продолжение англо-германского колониального согласия при Каприви. Гельголандский договор —157. Гельголандский договор и немецкая общественность. Рождение Пангерманского союза —159. Экспансия Сесила Родса в Южной Африке —161. Экономическая и финансовая политика буров. Столкновение с Родсом —163. Начало германского вмешательства в бурский вопрос —165. Усиление гласного и тайного влияния Германии. Первая депеша кайзера Крюгеру —166. Усиление англо-германских трений в мировой политике —169. Свержение канцлера-англофила Каприви. Рейхсканцлерство князя Гогенлоэ —171. Кайзер и зарождение морской политики. Социологические основы интереса к флоту —172. Ведомство иностранных дел и мировая политика —174. Набег Джемсона и депеша Крюгеру —177. Оппозиция имперского правительства и рейхстага кайзеровской флотской программе. Опасность государственного переворота —178. Напряженные аграрные отношения с Британской империей и Соединенными Штатами Америки —180. Сахар отравляет международные отношения —182. «Дело Петерса» —183. Флотские дебаты 1896 года. Начало поворота во взглядах либералов —185. Наступление японского империализма на Китай —186. Более глубокие причины участия Германии в протесте против Симоносеки —188. Побежденный Китай в сетях французских финансистов и русских —191. Разочарование немцев в Ли Хун-чжане. План осуществления аннексий —192. Новое сближение с Англией. Перелом в Азии и Южной Африке—195. Негодование кайзера по поводу недостаточных заказов буров у Круппа —195. Финансовый крах в Южной Африке. Воздействие финансовой верхушки на изменение политики по отношению к бурам —197. Осложнения в сближении с Англией из-за промышленной экспансии —199. Расторжение англо-германского торгового договора —200. Угроза подрыва германской внешней политики посредством союза крупного землевладения с тяжелой промышленностью —203. Иоганнес Микель как поборник политики «сплочения», то есть союза между крупными промышленниками и юнкерами —204. Опасность кайзеровского государственного переворота в пользу политики «сплочения» и строительства флота —205. Провал флотской агитации во время дебатов в рейхстаге в 1897 году. Усиление опасности государственного переворота —207. Победа приверженцев политики «сплочения» и сторонников увеличения флота. Назначение Бернгарда фон Бюлова статс-секретарем ведомства иностранных дел —209. Бюлов и ухудшение отношений между Германией и Англией —211. Склонение рейхстага к принятию первого флотского закона. Усиление политики «сплочения»—212. Социологический характер движения в пользу флота —213. Приобретение Германией Цзяочжоу; его последствия для мировой политики и реакция в рейхстаге —215. Социологическая обусловленность попыток заключения англо-германского союза в 1898 году —218. Флотская и мировая политика 1898 года. Возвращение династии Бисмарка? —221. Неожиданное изменение взглядов по бурскому вопросу и его социологические причины —223. Финансовый капитал и внешняя политика в Восточной Азии —226. Социальная и экономическая подоплека германской политики по отношению

к Турции до 1900 года— 228. Сущность и причины растущей неприязни в отношениях между Германией и Англией. Самоанский вопрос —231. Военная промышленность и закон о строительстве флота —234. Визит кайзера в Англию и немецкая общественность —238. Социологическая подоплека англо-бурской войны —240. Англо-бурская война и немецкая общественность. Новый отказ от предложений Чемберлена —242. Имперское руководство, англо-бурская война и великие державы —245. «Боксерское восстание» в Китае и германская внешняя политика —248. Германская политика по отношению к Китаю и рейхстаг. Продолжение вражды с Англией —251. Социологический характер последних попыток заключения англо-германского союза. Причины их провала —254. Экономический кризис и покровительственный тариф —261. Победа сторонников Дрейфуса во Франции и временное ослабление русско-французского альянса —265.

Глава третья. **Внутриполитические основы внешнеполитического поворота**

Финансовая прелюдия к будущей англо-русской Антанте —269. Растущее трестирование германской экономики как фактор обострения англо-германского антагонизма —272. Англо-германская борьба за тоннаж —276. Подлинная сущность англо-германского антагонизма —277. Венесуэльская афера —278. Социологические предпосылки будущего «Тройственного согласия» —279. Англо-французское соглашение 1904 года о Марокко. Роль финансовых верхов —282. Более глубокие причины русско-японской войны —283. Вильгельм II, немецкая общественность и русско-японская война —284. Немецкие финансовые круги и русско-японская война —285. Немецкие промышленники и аграрии во время русско-японской войны— 287. Русско-германский торговый договор. Военные поставки —288. Германская политика по отношению к России и рейхстаг —291. Имперское правительство на службе ГАПАГ —293. Возобновление агитации в пользу флота —295. Постепенное изменение идеи «риска». Флотский энтузиазм национал-либералов —298. Планы имперского военно-морского ведомства. Разочарование энтузиастов флота—299. Продолжение внешней политики «маятника». Эволюция в вопросе о Багдадской железной дороге —302. Военно-промышленная прелюдия к марокканскому конфликту —304. Возникновение марокканского вопроса —307. Первые дебаты по марокканскому вопросу в рейхстаге —310. Природа германских интересов в Марокко. Франко-испанская конвенция—311. Жалоба Круппа на происки Франции. Высадка Вильгельма II в Танжере — 314. Природа французских интересов в Марокко. Англо-французское сопротивление —319. Отказ Германии от политики давления ради предотвращения крушения России. Бьёркский договор —324. Марокканский вопрос и строительство флота. Новая атака Флотского союза —329. Рейхстаг и новелла о строительстве флота 1906 года —334. Борьба империи против пацифистов. Дебаты в рейхстаге по марокканскому вопросу —335. Смена правительства в Англии. Продолжение] консервативной внешней политики Эдуардом Греем —340. Германия и великие державы в Альхесирасе —342. Флотско-политическая интермедия —344. Заключительные вспышки кризиса на Альхесирасской конференции—345. Отставка Гольштейна. Дело Эйленбурга— 347. Обсуждение результатов Альхесирасской конференции в рейхстаге —349.

Глава четвертая. **Внутриполитические преграды на пути к улучшению внешнеполитического положения**

Социологические основы кампании 1905—1906 годов за англо-германское взаимопонимание —351. Истинный характер англо-германских противоречий в период и после 1906 года —355. Германское «внедрение» в Голландию и Бельгию —362. Сущность германской «политики мощи» и Пангерман-

ский союз —365. Двусмысленность англо-германских отношений —368. Временный поворот во внутренней политике. Колониальное восстание в Немецкой Юго-Западной Африке —372. Непорядки в колониях. Атаки Эрцбергера —375. Свободомыслящие и империализм —377. Изменение колониальной системы. Начало деятельности Дернбурга —379. Нарастание борьбы вокруг Багдадской железной дороги. Германский рывок в Персию —380. Возникновение Тройственного союза —383. Страх перед Гаагской мирной конференцией —384. Агитация за дополнительный закон о флоте —389. Новый визит кайзера в Англию. Дискуссия о Багдадской железной дороге и дополнительный закон о флоте —391. Строительство дредноутов —392. Новый германский закон о строительстве флота —393. Рост озабоченности в Англии — 396. Освоение германских колоний. Эра Дернбурга —397. Упрочение Тройственного союза. Визиты монархов —400. Социальное и политическое разложение двуединой монархии —403. Социологические основы германской «верности Нибелунгов» —404. Цареубийцы, торговцы пушками и свиноводы —409. Санджакская железная дорога —411. Социальный распад Турции. Балканский очаг войны —413. Турецкая революция. Кризис германского империализма —416. Бухлауское «недоразумение». Боснийский кризис —418. Боснийский кризис и военная промышленность —426. «Военная паника» 1909 года —427. Провал англо-германских переговоров о военно-морских силах —429. Кризис бюловского блока —431. Развитие германской тяжелой промышленности и ее внешнеполитическое значение. Взлет Тиссена и Стиннеса —432. Борьба за марокканскую руду: Маннесман, Крупп и Шнейдер — Крезо —435. План немецкого отступления из Марокко. Противодействие группы Маннесмана —438. Инцидент с газетой «Дейли телеграф»—442. Германо-французское соглашение о Марокко —445. Сопротивление аграриев налоговой реформе. Падение Бюлова —447. Социологический характер правительства Бетман-Гольвега —449. Новые попытки достигнуть соглашения по военно-морским вопросам между Германией и Англией —451. Попытка достигнуть германо-английского соглашения о Багдадской железной дороге — 455. Германская и международная военная промышленность в борьбе за Турцию —458. Социология германского империализма в Турции —463. Последняя попытка достижения германо-русского взаимопонимания. Потсдамское соглашение 1910 года —466. Политика Германии в китайском вопросе —469. Английские уступки в вопросе о военно-морских силах — 470. Тирпиц против Бетмана —472.

Глава пятая. **Социологические предпосылки мировой войны 1914—1918 годов**

Сроки военно-морского строительства и договорные сроки —475. Ожесточенная борьба промышленников против достижения германо-французской договоренности о Марокко —475. Вильгельм II в роли пацифиста —480. Попытки Вильгельмштрассе добиться взаимопонимания. Афера «Нгоко-Сангха» —481. Немецкие партнеры Тардье. Проект Конголезской железной дороги —485. Жозеф Кайо — враг Тардье —488. Характер второго марокканского кризиса —490. «Агадир» —493. Английское вмешательство —496. Закулисные причины разжигания вражды между народами —499. Наступление французского финансового капитала —503. Месть Тардье. Взлет Пуанкаре — 505. Рейхстаг и марокканское соглашение. Кризис доверия —507. Новые планы увеличения флота и противодействие канцлера через армию —509. Заключительная дискуссия по марокканскому вопросу в рейхстаге —513. Мировая политика и законопроект об увеличении военно-морского флота — 515. Закулисные причины действий Италии в Триполи —518. Планы финансовой олигархии в отношении Африки —521. Миссия Холдена и ее провал — 524. Новый рейхстаг и двойная программа вооружений 1912 года —528.

Социологический характер эры Пуанкаре — 533. Германская промышленная экспансия во Францию — 538. Оппозиция в Эльзас-Лотарингии — 541. Экономическое укрепление русско-французского союза — 541. Пуанкаре координирует интересы финансового и промышленного капитала — 544. Начало балканских войн — 548. Германия, Австро-Венгрия и первая балканская война — 554. Военная паника в Германии и Австрии — 555. Социологическая природа движения, возглавляемого Военным ферейном — 557. Социологическая природа балканского национализма — 562. Поджигательская деятельность Австро-Венгрии — 567. Движущие силы русской политики — 570. Причины неизменной германской «верности Нибелунгов» — 573. Частичное отступление России. Лондонские конференции — 575. Германская политика на Балканах и рейхстаг — 577. Дипломатическая напряженность в конце 1912 года. Смерть Кидерлена — 578. Возобновление военной пропаганды — 580. Особые маневры германских организаций в Турции. Продолжение первой балканской войны — 583. Новая военная активность Австро-Венгрии — 585. Германская военная программа 1913 года. Вклад в вооружение — 589. Австрийская военная политика в конце зимы 1912/13 года. Инцидент в связи со Скутари — 591. Германо-французские инциденты. Военная программа в рейхстаге — 594. Карл Либкнехт против военной промышленности — 596. Слабость движения за мир в Германии — 597. Стремление народных масс Франции к миру — 599. Высшая точка кризиса в связи со Скутари. Подстрекательство к войне в России — 601. Угроза распада Тройственного союза — 602. Никита и великие державы — 604. Борьба вокруг военной программы и вклад в оборону. Роль Эрцбергера — 606. Вторая балканская война — 608. Начало непосредственной эволюции к мировой войне — 611. Германия и Англия под знаком безудержного военно-морского строительства — 612. Нефть для флота — 616. Соглашение о Багдаде и о португальских колониях — 617. Кайзер становится орудием поджигателей войны. Инцидент в Цаберне — 620. Значение германо-турецкой сделки по вопросам вооружений в возникновении мировой войны. Миссия Лимана фон Сандерса — 623. Германское наступление и русская политика в вопросе о Проливах — 628. Социологические основы русской политики экспансии — 629. Дело Путилова. Подготовка России к войне как международное финансовое предприятие — 632. Торгово-политическое наступление России; германское контрнаступление — 635. Рейхстаг и внешняя политика накануне войны — 639. Внутриполитические трудности президента Пуанкаре — 640. Пушечные фабриканты, финансовый капитал и внешняя политика Франции на Балканах непосредственно перед началом войны — 641. Антанта и Турция — 644. Антанта и Румыния — 646. Большая битва за Болгарию — 648. Сараево и его последствия — 650. Характер и причины германской вражды к России в канун войны — 653. Рывок к войне — 656.

Библиография

Список литературы, приложенный автором 662

Библиография основных работ по истории германского империализма (до первой мировой войны), опубликованный в СССР с 1917 по 1961 год 674

Библиография книг и статей по истории германского империализма (до первой мировой войны), вышедших после 1951 года 681

Георг Хальгартен

ИМПЕРИАЛИЗМ ДО 1914 ГОДА

Редакторы *Н. А. Захарченко*
и *З. С. Шейнис*
Переплет художника *К. П. Сиротова*
Художественный редактор
Б. И. Астафьев
Технический редактор *М. А. Белева*

Сдано в производство 25/V 1961 г.
Подписано к печати 15/XII 1961 г.
Бумага 70×108¹/₁₆=21,8 бум. л.
59,6 печ. л. Уч.-изд. л. 67,5
Изд. № 7/4961. Цена 4 р. 30 к.
Заказ 1041

*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, 1-й Рижский пер., 2

*

Московская типография № 5
Мосгорсовнархоза
Москва, Трехпрудный пер., д. 9